

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

ТОМЪ XXXVI

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ ХХХVI

1889

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1889

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

АПРѢЛЬ. 1889.

СОДЕРЖАНІЕ.

~~~~~  
**АПРѢЛЬ, 1889 г.**  
 ~~~~~

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышъ. (Историческій романъ). Гл. XVI—XX. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса	5
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. VIII. (Продолженіе).	34
III. Потревоженные тѣни. (Изъ одной семейной хроники). Актриса. Гл. VI—XVII. (Окончаніе). С. Н. Терпигорева	56
IV. За кулисами стараго театра. VII. Театральная школа въ Петербургѣ. VIII. Театральный Арстидъ. (Продолженіе). Е. Н. Оночинина	92
V. Годъ на Новой Землѣ. М. С. Робуша	117
VI. Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ. И. Ф. Федорова	152
VII. Фельетонный беллетристъ. (По поводу полнаго собранія сочиненій И. И. Панаева). С. С. Трубочева	160
Иллюстрація: Портретъ И. И. Панаева .	
VIII. Исторія сооруженія памятника Ломоносову въ Архангельскѣ. Н. Е. Ермилова	174
Иллюстрація: Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ.	
IX. Общественная жизнь въ Англіи въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Статья П. В. Р. Зотова	190
Иллюстрація: Почтовая карета 1804.—Почтовая фура.—Членъ клуба Four-in-hand 1809 года.—Лондонскіе перевозчики.—Масляный уличный фонарь 1805 года.—Дѣйствіе газоваго освѣщенія.—Продавица салата.—«Горячіе пироги! сладкіе пироги!»—Продажа толченого кирпича.—«Кому мышеловокъ?!».—«Гуси! жирные гуси!»—Почтальонъ.—Жанъ де-Ври.—Эксцентрическіе туалеты (карриатура 1806 года). Моды 1803 года.—Моды 1810 года.—Чтеніе моднаго романа.—Костюмы «невидимокъ».—Бракъ въ Грента-Гринъ.	
X. Критика и бібліографія: Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. Ровинскій . Спб. 1886—1889. С. Ш. — Н. П. Лихачевъ . Разрядные дѣяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1889. П. Н. Полевого .—Жизнь и труды М. П. Ногодина . Николая Варсукова. Книга вторая. Спб. 1889. Б. Г—снаго .—Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Монографіи и критическія статьи А. П. Пятковского . Въ двухъ частяхъ. Второе дополненное изданіе. Спб. 1888. С. Тр. — Д. Л. Мордовцевъ . Историческія пропілеи. 2 тома. Спб. 1889. Б. Г—снаго .— Ф. И. Булгаковъ . Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго —двадцатипятилѣтіе его художественной дѣятельности. Изданіе Ф. И. Булгакова и А. П. Коломина . Спб. 1889. З. —Русскимъ ли правительствомъ узаконено иноземное идолопоклонническое ламство въ православной Россіи. Е. Воронца . Харьковъ. 1889. По поводу ожидаемыхъ церковно-государственныхъ преобразованій въ Сибири. Его же. Москва. 1887. Ламскій вопросъ. Его же. Москва. 1888. Существенная историческая справка по ламскому вопросу. Его же. Спб. 1888. С. — Н. П. Кондаковъ . О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Съ 4-мя таблицами. Спб. 1888. Е. Г. —Виленскій Свято-Духовъ монастырь. Историческое описаніе съ тремя рисунками. Составлено Флегонтомъ Смирновымъ . Вильна. 1888. М. Г—цнаго	211
XI. Заграничныя историческія новости.	234
XII. Смѣсь: Двадцатипятилѣтіе Педагогическаго музея.—Годовое собраніе Русскаго Автропическаго Общества.—Новгородскіе курганы.—Отчетъ о дѣятельности Общества улучшенія народнаго труда, по 1 мая 1888 года.—Конкурсъ на составленіе исторіи Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи.—Некрологи: С. К. Смирнова , Ф. А. Рейбота , А. И. Стронина , С. Г. Мей , Р. Э. Траутфеттера , В. Я. Коссинскаго , В. А. Кремпина	243
XIII. Замѣтки и поправки: I. Къ «Воспоминаніямъ» А. Я. Головачевой . М. Гамазова .—II. Къ «Воспоминаніямъ» В. А. Милютина . Д. Гурьева .—III. Къ портрету С. Н. Шешковскаго	255

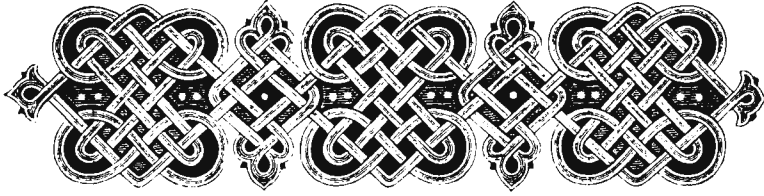
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **С. И. Шешковскаго**. 2) Мазаниелло. Историческій романъ **Адольфа Главера**. (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. VII и VIII (съ четырьмя рисунками въ текстѣ). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» **А. С. Суворина**.

СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШЕШКОВСКІЙ.

Съ миниатюры, принадлежащей г. Митусову.

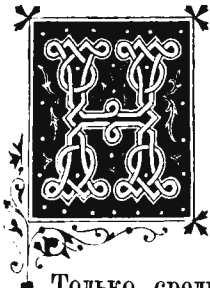
ДОЗЪ. ЦЕНЗ. СПЕ., 23 ФЕВРАЛЯ 1889 Г

АРАКЧЕЕВСКИЙ ПОДКИДЫШЬ.¹⁾

Исторический романъ.

XVI.

А ВАСИЛЬЕВСКОМЪ Островѣ въ домѣ барона Нейшильда бывало всегда, по обыкновенію, тихо. Баронъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у себя и работалъ, читалъ или писалъ свое огромное сочиненіе: «О сродствѣ звуковъ и красокъ».

Красавица-баронесса точно также сидѣла въ своихъ горницахъ, читала Шиллера, рисовала, или же, большею частію, вышивала въ пальцахъ.

Только среди дня отецъ съ дочерью выѣзжали сдѣлать кое-какіе визиты, или просто покататься, но это бывало не всякій день.

Гостей у нихъ почти не бывало, за исключеніемъ двухъ или трехъ земляковъ. Остальныхъ людей, полузнакомыхъ, разныхъ столичныхъ сановниковъ, съ которыми баронъ былъ въ сношеніяхъ вслѣдствіе своей принадлежности къ придворному вѣдомству, онъ вообще никогда не принималъ. Каждый день въ передней появлялось много карточекъ, такъ какъ ни для кого баронъ не бросалъ своей работы.

За послѣднее время, къ этой всегдашней тишинѣ въ домѣ прибавилась какая-то мрачность, угрюмость. Въ жизни Нейдшильдовъ, очевидно, произошло что-то новое, что нарушило ихъ прежнее, мирное существованіе.

Часто баронъ бросалъ книгу и задумывался, вздыхалъ, или, бросивъ свое писаніе, начиналъ бродить по своему кабинету, какъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 521.

бы озабоченно обдумывая что-то, совершенно чуждое его работѣ и далеко не радостное, не поддающееся разрѣшенію.

Иногда онъ, побродивъ, проходилъ въ комнату къ дочери, садился около нея, молча помогаль ей вышивать по канвѣ, или говорилъ съ ней о столичныхъ слухахъ, шутилъ и смѣялся. Но посторонній наблюдатель тотчасъ замѣтилъ бы, что, болтая о всякихъ пустякахъ, и отецъ, и дочь, дѣлаютъ это съ невиннымъ умысломъ, будто сами себя обманываютъ, ибо въ дѣйствительности оба думаютъ о совершенно иномъ и далеко не веселомъ... Въ шутиливомъ голосѣ барона была натяжка, дѣланность, ложь.

Ева не смѣялась, а только улыбалась и, если не совѣмъ грустной улыбкой, то все-таки не такой, какъ бывало прежде. Она предпочитала молчаніе этой болтовнѣ.

Замѣтная переменѣна въ домѣ произошла съ тѣхъ поръ, что, однажды утромъ, дальній родственникъ ихъ, уланъ, Фонъ-Энзе, явился къ барону съ вѣстями и объясненіемъ. Онъ пріѣхалъ встревоженный и взволнованный съ замѣтно-измѣнившимся лицомъ. Онъ только что узналъ о сватовствѣ Шумскаго и о согласіи не только барона, но и самой Евы. Хотя все его товарищи считали его давно женихомъ красавицы-баронессы, хотя онъ самъ тоже считалъ себя вправѣ надѣяться и вѣрилъ, что у Евы есть что-то къ нему; однако, ни разу ни съ дѣвушкой ни съ отцемъ ея не обмолвился ни единымъ словомъ о своихъ надеждахъ и намѣреніяхъ, слѣдовательно теперь при извѣстїи, что Шумскій сватался и принять, онъ не могъ считать своихъ правъ нарушенными. Тѣмъ не менѣе, конечно, онъ былъ страшно пораженъ неожиданнымъ ударомъ. Онъ раскаявался, что ранѣе не разоблачилъ всѣхъ тайныхъ и гадкихъ ухищреній петербургскаго «блазня», являвшагося въ домъ барона подъ именемъ живописца Андреева. Еще недавно, узнавъ отъ бѣжавшей къ нему Пашуты на какое ужасное дѣло рѣшается Шумскій, приставивъ къ баронессѣ свою няньку, Фонъ-Энзе не рѣшился изъ чувства деликатности раскрыть глаза барону. Ему, казалось, совершенно достаточнымъ явиться ночью въ каретѣ къ воротамъ дома и помѣшать злодѣю проникнуть въ домъ. Вдобавокъ Фонъ-Энзе допустилъ бы скорѣй возможность немедленнаго свѣтопреставленія, нежели мысль, что Ева можетъ, хотя бы отчасти, заинтересоваться Шумскимъ. Полюбить же ей его—non sens!

И вдругъ громовая, внезапная вѣсть изъ дома барона. Шумскій посватался, а Ева приняла предложеніе! Разумѣется, Фонъ-Энзе мгновенно поскакалъ къ Нейдшильдамъ. Тотчасъ же передалъ онъ барону все, что было извѣстно нѣкоторымъ лицамъ въ Петербургѣ. Молва ходила давно, что Аракчеевъ обмануть своей сожительницей и ошибочно считаетъ Шумскаго своимъ сыномъ. Разумѣется, большинство относилось къ этому слуху недоувѣрчиво, но съ радостью повторяло его изъ ненависти къ обоямъ.

У графа-временщика и у «блзня» насчитывалось слишкомъ много враговъ и всякій понималъ отлично, что нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, еслибы подобную клевету сочинили на нихъ по злобѣ. Навѣрное, однако, никто не могъ знать ничего. Всякій благоразумный человѣкъ думалъ тоже, что и Квашнинъ: «кому же лучше знать, какъ не самому графу Аракчееву?»

Разумѣется, на основаніи одной петербургской молвы Фонъ-Энзе никогда бы не рѣшился теперь броситься сообщать барону нѣчто похожее на клевету, да еще, вдобавокъ, на молодого человѣка, который уже посватался и уже принять имъ. Если онъ рѣшился, то исключительно на основаніи словъ Пашуты, которая, въ свою очередь, узнала все отъ родной матери Шумскаго.

Отправляясь къ барону, Фонъ-Энзе зналъ, что онъ не въ положеніи погибающаго, хватающагося за соломенку. Онъ зналъ, что извѣстіе, которое онъ привезетъ барону, сразу измѣнитъ все, ибо тотъ никогда не согласится на бракъ дочери съ человѣкомъ мужицкаго происхожденія, да еще съ подкидышемъ.)

Впечатлѣніе, произведенное на барона разсказомъ улана, было потрясающее. Нейдшильдъ такъ растерялся, что, быть можетъ, цѣлую недѣлю не рѣшилъ бы, что предпринять. Фонъ-Энзе, конечно, убѣдилъ его не терять ни секунды, отказать немедленно Шумскому и взять назадъ свое слово, прежде чѣмъ тотъ успѣетъ кому-либо повѣдать о своемъ сватовствѣ. При этомъ Фонъ-Энзе старательно разъяснилъ Нейдшильдъ, что на все это приключеніе должно смотрѣть серьезно. Оно болѣе чѣмъ непріятно или досадно. Нѣтъ сомнѣнія, что все случившееся крайне печально, ибо произведетъ со-блазнъ въ обществѣ.

— Поправить дѣло возможно, хотя и мудрено, конечно, — объяснилъ Фонъ-Энзе. — Весь Петербургъ узнаетъ одновременно о двухъ удивительныхъ вещахъ: что Шумскій не сынъ, а подкидышъ графа Аракчеева, и въ то же время тотъ же безродный *enfant trouvé*, объявленный почти женихъ баронессы Нейдшильдъ. Поэтому было бы спасеньемъ и счастьемъ, если бы баронесса теперь же оказалась и была объявлена въ столицѣ невѣстой совершенно другого лица, а Шумскій чрезъ то поставленъ лжецомъ.

— Какимъ образомъ? — воскликнулъ баронъ. — Я даже не понимаю какъ это сдѣлать!

— Очень просто, — отозвался Фонъ-Энзе. — Я удивляюсь баронъ, что вы не догадываетесь.

И, начавъ издалека, офицеръ сказалъ цѣлую рѣчь, въ которой съ искреннимъ чувствомъ, взволнованнымъ голосомъ, передалъ барону, что онъ давнымъ давно любитъ Еву, одно время даже мечталъ, что пользуется ея взаимностью и согласіе баронессы на бракъ съ Шумскимъ его поразило вдвойнѣ.

Фонъ-Энзе заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что онъ будетъ счастли-

вѣйшій человекъ, если баронъ согласится на его бракъ съ Евой. Тогда онъ явится законнымъ защитникомъ дѣвушки и ея отца отъ всякаго нападенія, какъ по отношенію къ дерзкому, способному на все блазню, такъ вообще по отношенію ко всѣмъ злымъ языкамъ и клеветникамъ въ обществѣ.

Нейдшильдъ, который давнымъ давно подумывалъ о возможности этого брака и самъ привыкъ считать улана претендентомъ на руку дочери, теперь не былъ нисколько удивленъ. Онъ радостно прослезился, протянулъ руку Фонъ-Энзе и выговорилъ:

— Я не только согласенъ, но счастливъ. Въ особенности въ такую трудную минуту,—наивно прибавилъ баронъ.—Да, вы будете защитникомъ и дочери, и моимъ. Но, что скажетъ Ева?

— Я не сомнѣваюсь ни минуты, баронъ, въ согласіи баронессы. Быть можетъ, теперь, тотчасъ же, она захочетъ подумать, не выскажется, но со временемъ, я глубоко увѣренъ, что она забудетъ и думать объ этомъ негодяѣ. Я, признаюсь, не понимаю, какимъ образомъ она могла ему дать свое согласіе. Теперь говорить ей нѣтъ нужды. Успѣемъ. Главное, вамъ надо тотчасъ же объясниться съ Шумскимъ и отказать ему наотрѣзъ.

— Но это ужасно!—выговорилъ баронъ, хватаясь руками за голову, какъ еслибы его посылали прямо въ клѣтку какого-нибудь звѣря.

Фонъ-Энзе долго убѣждалъ барона дѣйствовать рѣшительно, но не добился ничего. Нейдшильдъ далъ ему право не скрывать, что онъ принимаетъ его предложеніе, надѣясь на согласіе дочери и считаетъ его почти женихомъ. Но отказать Шумскому—баронъ просто боялся.

— Пусть до него дойдетъ стороной, что вы, а не онъ, настоящій претендентъ! — предложилъ онъ.

Фонъ-Энзе напрасно доказывалъ, что это рѣшеніе вопроса самое неудобное. Баронъ стоялъ на своемъ. Однако, на другой день Фонъ-Энзе уже успѣвшій умышленно разблаговѣститъ на весь городъ о своей женитьбѣ, снова явился къ Нейдшильду и убѣдилъ его по крайней мѣрѣ написать письмо Шумскому. Баронъ сразу охотно согласился и съ видимымъ увлеченіемъ писалъ, исправлялъ и переписывалъ набѣло свое витѣватое посланіе. Когда оно было окончено, запечатано и послано на квартиру Шумскаго, а затѣмъ вернувшійся лакей заявилъ, что письмо доставлено въ собственныя руки, Фонъ-Энзе вздохнулъ свободно и разстался съ барономъ, считая все дѣло окончательнымъ рѣшеннымъ въ свою пользу.

По отъѣздѣ улана, баронъ, совершенно смущенный, отправился къ дочери и нашель ее въ хлопотахъ. У нея была знакомая ему женщина-торговка, а на всей мебели лежали разныя матеріи, преимущественно бѣлыя. Только на нѣкоторыхъ видѣлся едва замѣтный блѣдный и мелкій рисунокъ.

Баронесса съ дѣтства обрѣченная по обычаю, или вѣрнѣе посвященная бѣлому, «*voüée au blanc*», лишь изрѣдка рѣшалась шить платья, на которыхъ допускался маленькій едва замѣтный рисунокъ. Теперь она выбирала матеріи для подвѣчнаго платья и для свадебныхъ визитовъ.

Баронъ, войдя къ дочери, былъ озадаченъ веселымъ и счастливымъ лицомъ ея. Никогда Ева не была такъ красива, никогда лицо ея не сіяло такимъ счастьемъ и восторгомъ. Баронъ постоялъ, поглядѣлъ на всѣ разложенныя матеріи, и выпелъ вонъ, не сказавъ ни слова.

Какъ же въ такую минуту рѣшиться сказать дочери, что она не невѣста, болѣе того, что она, якобы, уже невѣста другого человека. Нейдшильдъ выпелъ тотчасъ изъ дому прогуляться немного, чѣмъ не мало удивилъ своихъ людей, такъ какъ былъ ненавистникъ прогулокъ пѣшкомъ. Ему нужно было движеніе на воздухѣ, такъ какъ онъ былъ слишкомъ взволнованъ. Къ тому же онъ боялся, что Ева, не ждавшая Шумскаго наканунѣ, будетъ неминуемо ждать сегодня, закидаетъ его вопросами и замѣтитъ въ немъ перемѣну и смущеніе. Надо было оттянуть время.

Вечеромъ, разумѣется, Ева прождавшая весь день съ минуты на минуту пріѣзда жениха, начала беспокоиться и волноваться, стала озабоченно спрашивать отца и добиваться его мнѣнія о томъ, почему нѣтъ жениха. Она высказывала опасеніе, не случилось ли съ нимъ что-нибудь особенное, ужасное.

И баронъ рѣшился заговорить. За цѣлый день онъ заготовилъ, по крайней мѣрѣ, десять разныхъ вступительныхъ рѣчей, чтобы не сразу поразить дочь. Но когда пришлось начинать одну изъ этихъ рѣчей, Нейдшильдъ взялъ дочь за руку, привлекъ къ себѣ, поцѣловалъ и, прослезившись, выговорилъ смаху:

— Ева! Ты не можешь быть его женою.

Дѣвушка не отвѣтила ничего, бровью не двинула, даже какъ будто и не удивилась. Приняла ли она слова отца за пустую болтовню, не имѣющую ни значенія, ни какихъ-либо послѣдствій, или же молодая дѣвушка была окончательно не способна на порывы.

Баронъ сталъ быстро говорить, сыпать словами, доказывая невозможность брака съ Шумскимъ. Ева сидѣла спокойно, глядѣла отцу въ лицо и была настолько невозмутимо-внимательна, какъ, если бы дѣло шло о чемъ-либо постороннемъ, для нея лишь отчасти любопытномъ. И только послѣ многихъ убѣжденій отца, она выговорила:

— Какъ же все это? Я даже не могу понять. Почему же все это стало невозможно?

Баронъ снова болѣе связно и толково повторилъ тѣ же доводы, основанные на аристократическомъ принципѣ: *mesalliance — demi-roture*.

Когда онъ кончилъ, Ева понурилась, задумалась, но оставалась все-таки спокойна, только красивые глаза ея смотрѣли, если не тревожно, не грустно, то болѣе упорно, болѣе твердо, а губы крѣпко сомкнулись. И она долго молчала.

— Но не все ли равно, — вымолвила она наконецъ, — кто онъ? Сынъ графа Аракчеева, не прямой, не законный, не носящій его имя, или воспитанникъ его, приемышь. Вѣдь это все равно.

И весь разговоръ, происшедшій послѣ этого между отцомъ и дочерью, былъ очень странный. Все, что говорила Ева было просто, правдиво, глубоко обдуманно и логично. Баронъ мысленно соглашался съ дочерью, и горячо противорѣчилъ ей. Онъ самъ внутренно давно убѣдился, что совершенно безразлично, кто Шумскій: побочный сынъ временщика отъ экономки, или мальчикъ взятый въ домъ и воспитанный какъ родной сынъ, при отсутствіи законныхъ дѣтей. И такъ какъ онъ не носилъ никогда фамиліи графа Аракчеева, то теперь его не лишаютъ этого имени. Онъ какъ былъ, такъ и остался Шумскимъ, только теперь его положеніе воспитанника всеильнаго графа, пожалуй, много лучше, съ нравственной точки зрѣнія. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ и остается—личный дворянинъ, артиллерійскій офицеръ и флигель-адъютантъ государя.

Кончилось тѣмъ, что Ева снова замолчала и какъ бы согласилась на всѣ убѣжденія отца, а баронъ, якобы убѣдившій дочь, сидѣлъ совершенно убѣжденный логичностью ея возраженій.

XVII.

Въ продолженіе двухъ дней Нейдшильдъ много разъ собирался сказать дочери про свое посланіе къ Шумскому съ отказомъ, но не рѣшился. Ева была нѣсколько озабочена, но спокойна. Очевидно, она была все еще далека отъ мысли, что все окончательно порвано съ Шумскимъ и продолжала наивно ожидать его появленія въ домѣ. Баронъ смущался, трусилъ и не зналъ что дѣлать. Его тайныя мысли о томъ, что Фонъ-Энзе уже успѣлъ посвататься, а онъ успѣлъ уже принять его предложеніе, теперь пугали его самого и казались часто сновидѣніемъ или безсмыслицей. По счастью уланъ тоже не являлся.

На третій день, не видя Шумскаго, баронесса начала, видимо, волноваться и, очевидно, теперь только догадывалась, что въ объясненіи съ ней отца было нѣчто недосказанное. Отецъ что-то скрывалъ отъ нея. И теперь, чѣмъ болѣе баронъ старался избѣжать послѣдняго рѣшительнаго объясненія, тѣмъ болѣе Ева ожидала его. Вечеромъ, уже собираясь проститься съ отцомъ, чтобы идти спать, дѣвушка рѣшилась и, кротко глядя отцу въ глаза, спросила:

— Какъ же вы намѣрены поступить относительно всего этого? Вы знаете, рѣшили все, но скрываете отъ меня...

— Что?—отозвался баронъ наивно.

— Все касающееся до моего замужества. Я не вижу Шумскаго... Баронъ потушился и покраснѣлъ, какъ школьникъ, пойманный въ шалости. Онъ отвелъ глаза и проговорилъ едва слышно:

— Я уже давно... тогда же... написалъ г. Шумскому письмо, въ которомъ говорю, что ты не можешь быть его женой.

Наступило молчаніе.

Ева не отвѣтила ничего, а Нейдшильдъ боялся поднять глаза, боялся увидѣть впечатлѣніе, какое произвели его слова на дочь.

— Напрасно,—произнесла наконецъ Ева, чуть слышно.— Это будетъ очень мудрено...

Баронъ взглянулъ на дочь и увидѣлъ, что лицо ея нѣсколько измѣнилось: стало темнѣе, серьезнѣе. Глаза смотрѣли не такъ кротко, какъ всегда. Они раскрылись немножко шире и взглядъ былъ тверже.

У другой женщины, а не у баронессы, подобное выраженіе лица означало бы легкую досаду отъ маленькой неприятности, но на лицѣ Евы вѣчно ясномъ и невозмутимо-спокойномъ, такое выраженіе значило уже очень много.

— Я сознаюсь, что сожалѣю теперь, что сдѣлалъ это, не переговоривъ съ тобой,—вымолвилъ баронъ виноватымъ голосомъ.

— Это будетъ очень мудрено,—повторила Ева, какъ бы сама себя, но болѣе глухимъ голосомъ.

— Что будетъ мудрено? Разрывъ съ нимъ?

— Да, очень мудрено,—однозвучно и задумчиво снова повторила она.

— Почему же? Я просто не приму его, если онъ пріѣдетъ объясняться. Я далъ ему слово... Правда... Но это не резонъ. Мы не знали того, что знаемъ теперь. Мы были введены въ заблужденіе. Мы правы, когда отказываемъ теперь. И все кончится просто...

— Я говорю—мудрено... совсѣмъ другое. Мнѣ будетъ мудрено.

— Объяснись! Я не понимаю,—удивился баронъ.

— Что же я объясню? Мнѣ нечего объяснять. Я не знаю, но мнѣ кажется, что мнѣ будетъ очень мудрено забыть...

— Что? Что забыть? Шумскаго забыть?!

— Не знаю...

— Ты боишься, что его не сможешь забыть! Не будешь въ состояніи выйти замужъ за другого? Современемъ? Не такъ ли?

— Не знаю.

— Ты не хочешь сказать правду твоему отцу?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я правду говорю. Я не знаю... Мнѣ, кажется, что все это будетъ очень и очень мудрено. Такъ я и говорю.

И Ева приблизилась къ отцу, наклонилась, поцѣловала его и, затѣмъ, тихой, обычной походкой ушла къ себѣ.

Баронъ поволновался около получаса у себя въ комнатахъ, но

затѣмъ легъ спать и скоро сладко заснулъ. Ева долго не смыкала глазъ и цѣлую половину ночи ворочилась въ постели, изрѣдка повторяя мысленно и даже шопотомъ: «не знаю».

На другой же день, послѣ полудня, явился Фонъ-Энзе, довольный и счастливый. Онъ былъ убѣжденъ, что баронъ уже успѣлъ переговорить съ дочерью, и ожидалъ, что тотчасъ же самъ объяснится съ ней. По этому онъ былъ очень удивленъ, когда узналъ отъ барона, что тотъ еще не говорилъ дочери ни слова о его сватовствѣ, такъ какъ долго не рѣшался заговорить объ отказѣ Шумскому.

Фонъ-Энзе, человекъкъ безспорно умный, относился, однако, ко всему наивнѣйшимъ образомъ, такъ какъ совершенно не допускалъ мысли, что Ева можетъ любить Шумскаго. Для Фонъ-Энзе порядочность была почти кумиромъ. Онъ ставилъ эту порядочность или джентельменство въ жизни и въ общественныхъ отношеніяхъ выше всего; наравнѣ съ честью и нравственностью. По этому ему и казалось, что блазень, кутила, предводитель буйной и пьяной шайки офицеровъ, можетъ быть только страшень и даже гадокъ всякой молодой дѣвушкѣ. А тѣмъ паче долженъ быть гадокъ Шумскій такой дѣвушкѣ, какъ Ева, невинной какъ младенецъ, чистой помыслами и душой, страдательно относящейся къ малѣйшему неосторожному слову, нѣчто въ родѣ цвѣтка—Sensitive.

Очевидно, Фонъ-Энзе своимъ нѣмецки-формальнымъ, порядливымъ умомъ не могъ вѣрять въ замысловатыя и необъяснимыя противорѣчія сплошь и рядомъ руководящія человѣческимъ существованіемъ. Едва только баронъ объяснилъ улану, что онъ не рѣшился передать дочери о его сватовствѣ, какъ Фонъ-Энзе предложилъ тотчасъ же сдѣлать это самъ.

Нейдшильдъ даже обрадовался.

— И всего лучше,—сказалъ онъ.—Да, переговорите съ ней и объяснитесь сами.

Черезъ четверть часа всѣ трое были уже вмѣстѣ въ гостиной и послѣ двухъ, трехъ словъ привѣтствій, Фонъ-Энзе, нѣсколько смущаясь, но отчасти официальнымъ тономъ, объявилъ баронессѣ, что онъ предлагаетъ ей руку и сердце, такъ какъ давно любитъ ее и сожалѣетъ теперь, что не рѣшался сдѣлать предложеніе раньше предложенія Шумскаго.

Въ эту минуту на лицѣ Евы появилось то же самое выраженіе, необычное у нея. Упорство и твердость, или сухость взгляда красивыхъ глазъ и будто обидчиво-сжатые губы. Она опустила глаза тотчасъ же и, не отвѣтивъ ни слова, будто ждала...

Послѣ мгновенной паузы баронъ нашелся вынужденнымъ заговорить, такъ какъ лицо улана потемнѣло и становилось все угрюмѣе съ каждой секундой.

— Ты не отвѣчаешь, Ева?—спросилъ баронъ.

— Я васъ попрошу отвѣтить за меня, — тихо произнесла дѣвушка серьезно и безъ смущенія.

— Что это значитъ, баронесса? — проговорилъ Фонтъ-Энзе глухимъ голосомъ.

— Я не могу отвѣчать вамъ... Я не знаю... Пускай отецъ мой рѣшитъ все и отвѣтитъ за меня.

— Но это невозможно! — воскликнулъ баронъ. — Стало быть самыя вы не знаете, не хотите, не можете. Отвѣчай прямо? Г. Фонтъ-Энзе пойметъ, извинитъ, проститъ. Все-таки это намъ большая честь. Отвѣчай!

— Я не знаю. Мнѣ кажется, что такъ нельзя. Все это такъ никогда не бываетъ. Если я еще вчера, сутки назадъ, считала себя принадлежащей на всю жизнь одному человѣку, то какъ же теперь черезъ сутки, я скажу другому. Все это очень странно...

— Да, правда, — произнесъ баронъ, глубоко вздохнувъ. — Правда. Мы поступаемъ ребячески.

И обернувшись къ Фонтъ-Энзе, онъ горячо, краснорѣчиво и очень разумно объяснилъ, что надо обождать съ рѣшеніемъ подобнаго вопроса.

Фонтъ-Энзе, сидя, склонился передъ Евой и выговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Я готовъ ждать, сколько угодно. Я буду счастливъ теперь, если не услышу отъ баронессы прямого отказа. А ждать я готовъ, сколько она пожелаетъ. Я не могу опасаться такого соперника, какъ г. Шумскій. Баронесса могла по невѣдѣнію на время увлечься этимъ человѣкомъ, но когда она узнаетъ, что это за человѣкъ, на что онъ способенъ, какія позорныя и безчестныя намѣренія были у него, прежде чѣмъ онъ сдѣлалъ свое предложеніе, то, конечно, баронесса будетъ только презирать его.

Ева подняла строгіе глаза на улана и выговорила тихо:

— Мнѣ нечего узнавать. Я все знаю.

— Вы не знаете, — воскликнулъ Фонтъ-Энзе, — что Папута, а за тѣмъ другая женщина — нянька г. Шумскаго — были лица подосланныя къ вамъ ради невѣроятнаго замысла.

— Знаю, — проговорила Ева, чуть слышно и снова опуская глаза. Наступило молчаніе.

— И это не помѣшало вамъ, — началъ было Фонтъ-Энзе, но запнулся. — Вы не презираете его? Онъ не гадокъ вамъ?

— Нѣтъ. Человѣкъ, который сильно любитъ, отчасти теряетъ разсудокъ и поэтому не отвѣтственъ вполне за свои поступки! — просто произнесла Ева. — Любовь все извиняетъ.

— Все! — изумляясь, протянулъ Фонтъ-Энзе. — Даже подлость, злодѣйство?

— Все.

— Я такой любви, баронесса, не допускаю и не понимаю!..

— Вѣроятно, потому что вы еще никогда, никого не любили,— отозвалась Ева утвердительно, какъ еслибы заявляла объ известномъ неопровержимомъ фактѣ.

— Простите, я сейчасъ говорилъ и повторяю, что я васъ давно люблю и готовъ для васъ на все на свѣтѣ. Готовъ, какъ говорится, идти на смерть, но сдѣлать что-либо подлое, поступить безчестно, я не смогу, если бы даже на это получилъ ваше приказаніе.

— Потому что безчестье хуже смерти? Тяжелѣе...

— Да.

— Ну вотъ видите. А г. Шумскій и на это рѣшился, потому что страсть затемняетъ разумъ.

Фонъ-Энзе слегка разинулъ ротъ и не зналъ, что отвѣчать. Наступило мгновенное молчаніе.

— Стало быть, вы думаете, что Шумскій любитъ васъ больше, чѣмъ я.

— Вы говорите, онъ шелъ на злодѣйство. Надо думать, что за подобное судятъ, наказываютъ, ссылаютъ, офицера разжалываютъ въ солдаты, не такъ ли? А Шумскій этого не испугался! Весь Петербургъ назвалъ бы его, какъ вы, безчестнымъ человѣкомъ. Онъ былъ бы опозоренъ и потерялъ бы все: положеніе, карьеру, все, все, не такъ ли? А онъ шелъ на это.

Ева замолчала и сухо—спокойнымъ взоромъ глядѣла на отца и на улана, какъ бы ожидая возраженія, но они оба сидѣли предъ ней изумленные и не отвѣчали ни слова.

— Такъ, стало быть, вы любите этого человѣка!—съ ужасомъ выговорилъ Фонъ-Энзе.

Ева подняла руку съ колѣнъ, какъ бы останавливая улана и быстро прибавила:

— Нѣтъ, не знаю. Я этого не сказала, вы сказали, что готовы пожертвовать мнѣ жизнью, но не честью. Я отвѣчала только, что Шумскій готовъ былъ пожертвовать всѣмъ.

— Но у него нѣтъ чести, поймите. У него нѣтъ понятія о чести. Онъ въ полномъ смыслѣ слова негодяй! Простите меня, баронесса. Да. Онъ негодяй и презрѣнный...

— Трусъ,—прибавила Ева.

Фонъ-Энзе, слегка озадаченный, пристально взглянулъ въ лицо Евы. Ему показалась, почудилась легкая усмѣшка на губахъ ея.

— Нѣтъ, я не сказалъ «трусъ» и не скажу. Вамъ, вѣроятно, известно нѣчто, что вы бросаете мнѣ упрекомъ. Вы, можетъ быть, намекаете, что я трусъ, такъ какъ нѣсколько разъ отказывался драться съ Шумскимъ. Но моя честь не позволяетъ мнѣ становиться подъ выстрѣлъ такого человѣка, какъ онъ. Скажите, неужели вы думаете, что я боялся поединка съ нимъ?

— Я не знаю, что васъ останавливало, но, во всякомъ случаѣ,

очень рада, что поединка этого не состоялось. Очень рада, что его не будетъ, такъ какъ это можетъ окончиться несчастливо.

— Мнѣ кажется,—заговорилъ снова послѣ паузы Фонъ-Энзе,—что я своимъ поведеніемъ не доказалъ ни чѣмъ малодушія, или трусости. Я первый смѣло бросилъ въ лицо этому человѣку его темное происхожденіе. Отъ меня перваго узналъ Шумскій, что онъ простой подброшенный Аракчееву крестьянскій мальчишка.

— Это съ вашей стороны... было жестоко,—промолвила Ева.

— Да, правда. Сознаюсь...

— А виновать ли онъ въ прошломъ. Его ли вина, если онъ былъ проданъ родными.

— Конечно, нѣтъ, но было съ моей стороны отплатой за то, что онъ умышлялъ противъ васъ.

— Вы меня защищали?

— Да.

— По какому праву?

— Баронесса!..—воскликнулъ Фонъ-Энзе укоризненно.—По праву человѣка, который давно любитъ васъ.

— Я бы не желала, чтобы чья-либо любовь ко мнѣ становилась причиной злыхъ и жестокихъ поступковъ. Тотъ, кто укралъ изъ нашей квартиры портретъ мой, рисованный г. Шумскимъ, тоже написалъ мнѣ, что онъ не простой воръ, а поступаетъ такъ вслѣдствіе безумной любви ко мнѣ.

Фонъ-Энзе опустилъ глаза и выговорилъ глухо:

— Вы догадались, баронесса. Портретъ этотъ былъ украденъ по моему наущенію и онъ былъ у меня, но теперь его нѣтъ. Г. Шумскій, какъ мужикъ, или дикій, ворвался ко мнѣ въ квартиру въ мое отсутствіе, разбилъ въ дребезги раму и стекло, вырѣзалъ и унесъ его...

— Вотъ видите ли,—вдругъ веселѣе и улыбаясь произнесла Ева.— Два вора, но совершенно на разные лады. Одинъ укралъ тихо, осторожно, чужими руками, не рискуя собой, а другой—рѣзко, грубо, самъ. И я думаю, что во всемъ вы будете дѣйствовать также, а г. Шумскій тоже также.

Фонъ-Энзе обернулся къ барону, который все время сидѣлъ, какъ опущенный въ воду, молча переводя глаза съ дочери на улана и съ него на дочь, будто не понимая ни слова изъ ихъ бесѣды.

— Я вижу ясно, баронъ, что случилось нѣчто, чего трудно, невозможно было ожидать, нѣчто, чему я никогда бы не повѣрилъ. Если бы мнѣ даже мой отецъ, или моя мать сказали это, люди въ каждое слово которыхъ я вѣрю всей душой, и то я не повѣрилъ бы. Но теперь я вижу, слышу и не могу сомнѣваться ни на одно мгновеніе. Хотя это все ужасно, но это такъ. Баронесса привязалась сердцемъ къ этому человѣку. Она ослѣплена и много надо

времени, много надо усилій, чтобы раскрыть ей глаза на этого человека. Много пройдет времени, прежде чѣмъ баронесса повѣритъ, что такое господинъ Шумскій для всего Петербурга, для всѣхъ честныхъ людей.

— Я это знаю,—отозвалась Ева.—Я это слышала отовсюду, отъ всѣхъ. А если бы я и не слышала этого, то вы здѣсь сейчасъ назвали его негодяемъ. А я не имѣю поводовъ вамъ не вѣрить.

— И вы все-таки любите его?

— Я не сказала этого.

— Но это выходитъ само собой. Это видно изъ всего.

— Нельзя видѣть,—кратко и спокойно произнесла Ева.—Нельзя постороннему видѣть въ моемъ сердцѣ то, чего я сама не вижу. Я знаю навѣрное и ни на мгновение не сомнѣваюсь, что г. Шумскій любитъ меня до самозабвенія, до забвенія всего. Я вижу и понимаю, что я для него все. Но люблю ли я его? Повторяю—я не знаю!..

XVIII.

Послѣ своего объясненія съ графомъ, Шумскій пробылъ въ Грузинѣ только три дня, такъ какъ рѣшился тотчасъ же уступить во всемъ, исключительно ради Евы.

Конечно, въ тотъ же вечеръ, послѣ страннаго объясненія съ Аракчеевымъ, онъ послалъ за матерью, чтобы узнать отъ нея самой, чтѣ побудило ее перемѣнить образъ дѣйствій. Къ удивленію Шумскаго, Авдотья прислала сказать, что хвораетъ и не можетъ быть.

Шумскій взбѣсился, понявъ, что Авдотья дѣйствуетъ по приказанію Минкиной. Снова закипѣла въ немъ злоба и ненависть. Онъ тотчасъ же поднялся и отправился самъ на ту половину дома, гдѣ была комната Авдотьи. Онъ нашелъ мать, конечно, совершенно здоровой и сидящей за самоваромъ. Она оторопѣла при видѣ его, вскочила съ мѣста, замахала отчаянно руками.

— Уходи, уходи,—заплетала она испугано.—Зачѣмъ пришелъ? Не приказано мнѣ съ тобой ни о чемъ бесѣдовать, не приказано видаться.

— Ладно, садись,—отозвался Шумскій, сѣлъ у стола и, заставивъ оторопѣвшую женщину тоже усѣсться, выговорилъ нетерпѣливо:

— Тебѣ, матушка, хоть колъ на головѣ теши! Чтѣ я тебѣ ни говорилъ, все какъ объ стѣну горохъ. Я на тебя не сердить. Ты не можешь иначе дѣйствовать. Скажи мнѣ только, какимъ образомъ вышло, что ты отказалась и отперлась отъ всего?

Авдотья прослезилась тотчасъ же и, утирая глаза свернутымъ въ комочекъ платкомъ, объяснила сбивчиво, безъ связки, что Мин-

кина ее замучила, «затрепала», убѣждая всячески заявить графу, что она нагала все Шумскому въ Петербургѣ, подь страхомъ его угрозы застрѣлить ее. И она, наконецъ, согласилась отпереться.

Затѣмъ Авдотья тихо, шопотомъ рассказала, озираясь и постоянно взглядывая на дверь, что послѣ этого самъ графъ ее вызывалъ къ себѣ и въ короткихъ словахъ объяснилъ ей, какъ онъ смотритъ на все это дѣло.

— Все какъ-то само собой вышло,—прибавила женщина.—Я отъ страху ничего ему не сказывала, онъ все самъ говорилъ и все спрашивалъ: такъ ли? А я, еле живая, поддакивала. И наконецъ того онъ мнѣ и говоритъ:—«Спасибо тебѣ, Авдотья за всю твою правду сущую. Ты человѣкъ правдивый, богобоязный. И я не забуду этого». Ну, я отъ него, какъ изъ угара, на дворъ—выкатилась!

Шумскій, слушая мать, ухмылялся ядовито, потомъ качнулъ головой и поднялся порывисто съ мѣста. Походивъ, онъ вымолвилъ:

— Ну, матушка, пускай будетъ по ихнему до поры до времени.

— Вотъ это ладно, золотой мой,—обрадовалась Авдотья.—Что проку себя губить. Все опять по старому и пойдетъ.

— Да, по старому! Но не на долго. Будетъ на моей улицѣ праздникъ!

Когда на утро Шумскій велѣлъ доложить о себѣ графу, тотъ приказалъ ему явиться въ сумерки и снова продержалъ передъ дверями около двухъ часовъ.

На этотъ разъ однако со стороны Аракчеева не было ни притихости, ни издѣвательства. У него было нѣсколько военныхъ изъ Новгорода и изъ Петербурга съ докладами.

Принявъ старшихъ офицеровъ и болѣе крупныхъ чиновниковъ, Аракчеевъ позвалъ къ себѣ молодого человѣка. На этотъ разъ онъ не посадилъ его и, не глядя на него, сидѣлъ, уткнувшись въ бумагу лицомъ.

— Надумался?—выговорилъ онъ сухо.—Ну, сказывай коротко, что мнѣ съ тобой дѣлать?..

Шумскій, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и съ ненавистью мѣривъ глазами его фигуру, заговорилъ тихо, но твердо. Слова его говорили одно, а голосъ совершенно другое. Онъ чувствовалъ это. Аракчеевъ также почувствовалъ. Оттѣнокъ голоса молодого человѣка говорилъ ясно, что онъ лжетъ, рисуетъ своей ложью и презираетъ причины и людей, заставляющихъ его лгать.

— Я размышлялъ и согласился,—говорилъ Шумскій.—Я меньше, чѣмъ кто-либо могу знать, чей я сынъ. Коль скоро женщина, которая объяснила мнѣ все, отказывается отъ своихъ словъ, то и я долженъ переменить образъ мыслей. Я прошу васъ извинить меня за причиненное безпокойство, но вмѣстѣ съ тѣмъ у меня есть до васъ важная просьба. Есть одно дѣло, о которомъ я вамъ уже го-

вориль. Если оно устроится, я буду счастливъ на всю жизнь. Я, можетъ быть, стану другимъ человѣкомъ...

При послѣднихъ словахъ голосъ Шумскаго измѣнился и изъ лживаго сталъ искреннимъ.

— Если устроится то, о чемъ я давно уже мечтаю, я буду самый счастливый человѣкъ, а въ этомъ вы, конечно, можете помочь, хотя бы нѣсколькими словами. Если это дѣло не устроится, то мнѣ тогда, говорю по совѣсти, будетъ все равно, что со мной не случись. Тогда мнѣ и Сибирь, и солдатство не страшны, тогда я своимъ поведеніемъ самъ заслужу быть въ солдатахъ.

Аракчеевъ, молчавшій и не поднимавшій лица отъ бумагъ, поднялъ голову, къ Шумскому и взглянулъ на него вопросительно.

Въ первый разъ въ эту минуту Шумскій увидѣлъ и замѣтилъ перемѣну въ лицѣ Аракчеева.

«Эге! Даромъ-то не обошлось! — подумалъ онъ. — Самъ-то ты видно повѣрилъ, что двадцать лѣтъ нахально надували тебя!..»

Но помимо легкой перемѣны въ лицѣ графа, Шумскій увидѣлъ и почувствовалъ, что Аракчеевъ смотритъ на него совершенно инымъ взглядомъ, въ которомъ были и ненависть, и презрѣніе.

«Я знаю теперъ, говорилъ его взглядъ, что ты мнѣ совершенно чужой человѣкъ, крестьянскій мальчишка и подкидышъ. Ты мнѣ тѣмъ ненавистнѣе, что самъ раскрылъ мнѣ глаза на подлое поведеніе женщины мной любимой».

И покуда Аракчеевъ стеклянными глазами упирался въ Шумскаго, этотъ многое, какъ въ книгѣ, читалъ на его лицѣ и читалъ, казалось ему, безошибочно.

Послѣ небольшой паузы Аракчеевъ выговорилъ рѣзко:

— Какое дѣло? сказывай!

— Я уже говорилъ вамъ въ Петербургѣ, что хотѣлъ бы жениться на баронессѣ Нейдшильдъ...

— Отличное дѣло! По крайности перестанешь пьянствовать и праздно шататься.

— Я долженъ доложить вамъ, что объяснялся съ барономъ не официально, такъ какъ еще не имѣлъ вашего разрѣшенія, а такъ въ разговорѣ намекалъ. Баронъ принялъ мое предложеніе, подѣ условіемъ вашего согласія, конечно...

— Я согласенъ.

— Но затѣмъ,—продолжалъ Шумскій,—когда Фонъ-Энзе распустилъ по всему Петербургу извѣстіе о томъ, что я не сынъ вашъ, когда это дошло до барона Нейдшильда, онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ, на основаніи этого извѣстія, наотрѣзъ отказываетъ мнѣ. Если вамъ угодно, я представлю это письмо.

— Мерзавцы!—тихо, но рѣзко и озлобяясь, произнесъ Аракчеевъ.

— Вотъ я и не знаю какъ теперъ быть? Теперъ все рухнуло. Баронъ повѣрилъ такъ же, какъ и я, во все и помимо васъ, ко-

нечно, никто не можетъ убѣдить его въ противномъ. Если вы не пожелаете вступить сами въ это дѣло, то, конечно, ничего не будетъ и баронъ выдастъ дочь насильно замужъ за улана Фонъ-Энзе.

— Ну, это мы увидимъ!—выговорилъ съ угрозой Аракчеевъ.— Черезъ нѣсколько дней я вернусь въ Петербургъ и примусь за этого стараго дурака по своему.

— Стало бытъ, я могу надѣяться на ваше заступленіе?

— Веди себя благоприлично и все устроится, а теперь нечего тебѣ сидѣть въ Грузинѣ. Выѣзжай сегодня же въ столицу, перевидай всѣхъ своихъ знакомыхъ и пріятелей и путныхъ и безпутныхъ, коихъ у тебя навѣрное много больше и всѣмъ имъ самъ рассказывай, какую про меня и про тебя мерзость сочинили. Не жди, чтобы тебя спрашивали. Только виноватые ждутъ опроса. Самъ заговаривай! Чести улана подлымъ вралемъ и клеветникомъ. Я, знаешь, противъ всякихъ соблазновъ и буйства, противъ поединковъ, но, если бы ты могъ за дѣло взяться горячо и, заступившись за честь Настасьи Федоровны, проломилъ бы голову этому фонъ-барону... то хорошо бы сдѣлалъ.

— Спасибо за разрѣшеніе,—выговорилъ Шумскій, невольно улыбаясь.—Я уже три раза вызывалъ Фонъ-Энзе на поединокъ, но онъ отверглся. Теперь я надумаю что-нибудь такое, что онъ не отвертится.

— Прямо говори всякому,—продолжалъ Аракчеевъ, видимо занятый какой-то мыслью,—говори: за честь родной матери заступаюсь. Ну, собирайся! На утро же можешь выѣхать, а я дня черезъ три, четыре буду тоже.

Шумскій поклонился и хотѣлъ двинуться.

— Денегъ нужно?—пробурчалъ Аракчеевъ, уже снова глядя въ бумаги.

Шумскій молчалъ.

— Слышалъ?..

— Слышалъ-съ,—тихо отозвался Шумскій.

— Ну?!..

— Нѣтъ-съ.

— Что же? Много еще есть? Старыхъ осталось?

— Да-съ,—вымолвилъ Шумскій и по голосу его ребенокъ догадался бы, что онъ лжетъ.

— Что же это? Артаченье опять? Вѣдь у тебя, поди, ни копѣйки нѣтъ? Только долги.

Шумскій молчалъ.

Какой-то внутренній голосъ говорилъ ему, что онъ уже достаточно много допустилъ сдѣлокъ съ своей совѣстью за эти три дня. Этотъ голосъ какъ бы запрещалъ ему согласиться взять денегъ. Давно ли онъ думалъ, что ему нужно, ворочаясь въ Петербургъ,

жить на одномъ жалованіи офицера, а теперь снова начинается то же самое.

Между тѣмъ, Аракчеевъ взялъ листъ бумаги, перо, и писалъ поперекъ листа крупнымъ почеркомъ. Затѣмъ онъ росписался, расчеркнулся и, обсыпавъ листъ пескомъ, протянулъ съ нимъ руку къ Шумскому.

Этотъ взялъ листъ и, глянувъ на него, увидѣлъ распоряженіе въ вотчинную контору о выдачѣ ему тысячи рублей ассигнаціями.

Взявъ бумагу, Шумскій понурился, подавилъ вздохъ, какъ если бы съ нимъ сдѣлали нѣчто обидное, что отомстить онъ не въ состояніи. Онъ зналъ, что долженъ тотчасъ же поблагодарить графа и поцѣловать у него руку, какъ дѣлывалъ прежде, но чувствовалъ, что не можетъ даже произнести слова: спасибо.

— Ступай! Мнѣ некогда, — выговорилъ Аракчеевъ, какъ бы желая самъ прекратить неловкое положеніе.

Ворочаясь къ себѣ, Шумскій вдругъ вспомнилъ нѣчто, удивительное и сразу остановился среди какой-то комнаты.

— А къ ней не послалъ? — прошепталъ онъ вслухъ. — Къ ней прощенія просить не послалъ! Стало быть понимаетъ, что я все-таки не на всякую гадость способенъ. Онъ понялъ, что на это я бы не согласился. Да, не знаю, пошелъ ли бы я просить прощенія у уважаемой и достойной Настасьи Ѳедоровны. Даже для Евы не знаю пошелъ ли бы... И онъ понялъ это. Стало быть, умнѣть началъ нашъ графъ.

На утро часовъ въ восемь дорожный экипажъ съ ямскими лошадьми уже стоялъ у подъѣзда. Люди таскали вещи, а Шванскій, упорно за все свое пребываніе не казавшійся никому на глаза, снова появился на свѣтъ Божій, весело двигался и командовалъ людьми.

Фигура и лицо его были далеко не тѣ, что по пріѣздѣ. Это былъ снова прежній Шванскій — молодецъ на всѣ руки. Даже люди, исполнявшіе его приказанія, замѣтили перемѣну и кто-то изъ нихъ выразился:

— Ожилъ нашъ Иванъ Андреичъ! Знать все къ благополучію потрафилось.

Дѣйствительно, если было теперь вполне счастливое существо въ Грузинѣ, плакавшее отъ радости, то это была Авдотья Лукьяновна, но у нея радость и счастье выразились тихо и даже боязливо. Послѣ же нея самый счастливый человѣкъ, ожившій, быстро ходившій, громко говорившій, чуть не прыгавшій отъ радости, былъ Шванскій. Онъ ликовалъ за патрона, но и за себя самого.

За часъ предъ тѣмъ Шумскій, увидѣвшій своего Лепорелло, неловно озлился на него, какъ бы устыдился своего поведенія.

— Чему радуешься, дура, — вымолвилъ онъ грубо.

— Какъ же не радоваться, Михаилъ Андреевичъ? Помилуйте!

Съума спячу отъ радости. Цѣлый годъ буду отъ зари до зари радоваться.

— Ну, нѣтъ, сударь мой, коли хочешь радоваться, такъ радуйся поскорѣй. Поспѣши! Года я тебѣ на это не дамъ.

— Какъ же такъ?—опѣшилъ Шваньскій.

— Такъ. Радуйся скорѣй! Придется тебѣ опять печалиться.

— Ну, вотъ, Богъ милостивъ, не будетъ этого,—отозвался Шваньскій, принимая слова патрона за пустую угрозу.

Уже готовый къ отъѣзду, Шумскій съ шляпой въ рукахъ, даже нацѣпивъ саблю и надѣвъ перчатку на лѣвую руку, вдругъ собрался отправиться къ Минкиной.

«Подобаеть мнѣ ее лицезрѣть или мордозрѣть,—пошутилъ онъ, злобно усмѣхаясь.—Сдѣлаю уступочку дуболому, а сударынѣ-барынѣ вѣжливость. Лжесыновнїй долгъ мой предъ отъѣздомъ явиться къ ея сіятельству Аракчеевской графинѣ, у коей братецъ есть любимый, коему званье не графчикъ, а графинчикъ!»

Войдя въ первую горницу Минкиной, нѣчто въ родѣ гостиной, Шумскій послалъ горничную сказать, что пришелъ проститься. Настасья Ѳедоровна тотчасъ же вышла къ нему навстрѣчу, но, сдѣлавъ нѣскольго шаговъ, остановилась.

Предъ ней стоялъ нахально улыбающійся офицеръ. Это былъ гость, явившійся издѣваться. Едва только женщина вошла въ комнату, какъ Шумскій шаркнулъ ногой, звякнулъ шпорами и, баловнически, наклонилъ голову на сторону.

Во всей его фигурѣ была неприличная любезность хлыща, будто приглашающаго сомнительную даму на танцы. Довести издѣвательство и глумленіе далѣе, было невозможно. Даже Минкина почувяла какіе офицеры и съ какими женщинами такъ ведутъ себя.

— Честь имѣю, фрейленъ, представиться и откланяться,—проговорилъ Шумскій пѣвуче.—Ѣду въ Санктпетербургъ. Не будетъ ли какихъ порученій? Осчастливьте!

Минкина слегка перемѣнилась въ лицѣ, глаза ея загорѣлись гнѣвомъ:

— Провались ты на первомъ мосту! Издохни на полдорогѣ!—проговорила она глухо, и повернувшись спиной, пошла изъ комнаты.

— *Après vous, madame!*—предупредительно и снова шаркая ножкой, поспѣшилъ вымолвить Шумскій ей вслѣдъ.

Выйдя изъ комнаты, онъ прибавилъ однако:

— И за какимъ чортомъ я все это творю? Вѣдь это еще хуже. Уѣхалъ бы прямо, не прощаясь! Шелъ сюда, мысля уступочку графу сдѣлать, а вмѣсто того надъ канальей потѣшился. Точно, будто, кто-то властвуетъ надо мной. Охъ, Настасья Ѳедоровна ужъ какъ же я тебя люблю! Какъ я тебя люблю, одинъ Богъ видитъ!

Когда все было готово, Шумскій послалъ доложить графу, что онъ ѣдетъ. Вернувшійся лакей объявилъ, что графъ «желаютъ счастливаго пути, принять не могутъ, не время».

Шумскій спустился по лѣстницѣ въ швейцарскую, затѣмъ сошелъ съ подѣзда и, подойдя къ экипажу, уже занесъ ногу, но остановился.

«А мать?» мелькнуло въ головѣ.

Онъ забылъ проститься съ Авдотьей Лукьяновной.

«Да и она тоже... подумалось Шумскому съ досадой. Провалилась куда-то. Могла бы придти!...»

Онъ простоялъ нѣсколько мгновений въ нерѣшительности, а затѣмъ досадливымъ движеніемъ сразу влѣзъ въ экипажъ. Шванскій быстро вскочилъ вслѣдъ за нимъ. Столпившаяся кругомъ дворня кланялась со всякаго рода пожеланіями.

— Съ Богомъ!—выговорилъ Шванскій ямщику.

Лошади тронулись, а Шумскій размѣялся и выговорилъ:

— Отсюда,—съ Богомъ, конечно. Вотъ сюда съ Нимъ ни кому не дорога!

XIX.

На этотъ разъ переѣздъ Шумскаго изъ Грүзина въ Петербургъ не былъ простымъ путешествіемъ. Онъ не ѣхалъ, а скакалъ, летѣлъ, сломя голову.

Шванскій, отъ природы замѣчательный трусъ, сидѣлъ все время, какъ въ воду опущенный. Онъ ожидалъ каждую минуту, что экипажъ очутится гдѣ-нибудь въ оврагѣ, или въ канавѣ кверху колесами. Сидя рядомъ, Шумскій и его Лепорелло не говорили ни слова между собой. Только изрѣдка, когда они неслись черезчуръ шибко, Шванскій, не стерпя страха, заговаривалъ:

— Пожалуй, Михаилъ Андреевичъ, какъ разъ колеса разсыпятся?—заявлялъ онъ вдругъ тихимъ какъ бы ласковымъ голосомъ.

— Ну, и разсыпятся,—отзывался Шумскій равнодушно.

— Михаилъ Андреевичъ!—внезапно, черезъ часъ, или два, тревожно произносилъ Шванскій.—Если теперь на всемъ скаку да упади пристяжная, то прямо подъ экипажъ. А мы на нее и на бокъ. Что тогда будетъ?

— Скверно будетъ! Отстань!—однозвучно отзывался Шумскій.

На всѣхъ станціяхъ при перемѣнѣ лошадей Шванскій, расплачиваясь на дворѣ, тайно наказывалъ новому ямщику ѣхать осторожно. Но Шумскій при отѣздѣ приказывалъ гнать. Экипажъ снова летѣлъ вихремъ и Шванскій, снова сидя на чеку и не держава, вдругъ прерывалъ молчаніе.

— Ужъ вотъ, если, Михаилъ Андреевичъ, помилуй Богъ, шкворень выскочетъ... Все въ дребезги! И отъ насъ даже ничего не останется!

— Отъ меня останется, — совершенно серьезно отзывался Шумскій.

И весь день Иванъ Андреевичъ замиралъ отъ боязни и ждалъ ночи, надѣясь, что когда совсѣмъ стемнѣетъ, Шумскій не будетъ гнать. Выѣзжая съ одной станціи уже часовъ въ семь вечера, Шумскій снова крикнулъ новому ямщику:

— Валяй во весь духъ! Цѣлковый на чай!

— Михайлъ Андреевичъ! — отчаянно возразилъ Шванскій. — Помилуйте! Ни зги не видать!

— А какого тутъ чорта видѣть? Какую тебѣ згу надо? — отозвался Шумскій.

И всю ночь, не смотря на полную тьму отъ облачнаго неба, они ѣхали все-таки крупной рысью и вскачь.

Шумскій почти всю ночь не спалъ отъ томительныхъ думъ и изрѣдка вздыхалъ. Онъ думалъ и передумывалъ одно и то же. Мысль, что онъ уступилъ Аракчееву изъ-за баронессы, или вѣрнѣе, вслѣдствіе своего объясненія съ Папучей, не выходила у него изъ головы. Не скажи Папуча, что Ева любитъ его, конечно, онъ теперь ворочался бы въ Петербургъ совершенно въ иныхъ условіяхъ.

— Уступилъ! Спасовалъ! Что дѣлать? Отвоюю и возьму Еву, тогда только держись графъ Алексѣй Андреевичъ! А покуда я пасъ.

Зачѣмъ скакалъ Шумскій, онъ самъ не зналъ. Особеннаго спѣху не было. Прежде онъ боялся, что вдругъ узнаетъ о свадьбѣ Евы съ уланомъ, теперь онъ вѣрилъ тому, что сказала ему Папуча. А она сказала прямо: «не пойдетъ она за него!» Тѣмъ не менѣе, Шумскому хотѣлось быть какъ можно скорѣй въ Петербургъ.

Теперь, думая о томъ, что дѣлать по приѣздѣ, Шумскій рѣшилъ, что прежде всего нужно драться съ Фонъ-Энзе. Положеніе ихъ обоюдное было буквально то же, что и мѣсяць назадъ. Но какъ заставить Фонъ-Энзе драться? Какъ прежде, такъ и теперь Шумскій не могъ ничего придумать.

«Застрѣлить, что ли, его?—думалъ онъ.—Теперь я имѣю разрѣшеніе этого идола—проломить башку улану за клевету. Ну, а я, вмѣсто пролома, сдѣлаю прострѣлъ! Небось заступится, выгородитъ!»

Но, обдумывая подобный поступокъ, Шумскій, когда-то уже покушавшійся на жизнь улана, теперь не находилъ въ себѣ силы рѣшиться на простое убійство.

Тогда онъ рѣшился на это, будучи въ какомъ-то туманѣ, или опьяненіи отъ злобы. Теперь онъ сознавался себѣ, что не сможетъ снова взять пистолетъ и стрѣлять въ беззащитнаго врага.

«Какъ же быть? Что дѣлать?» — сотни разъ мысленно повторялъ Шумскій и глубоко вздыхалъ.

Какъ-то на разсвѣтѣ, покуда перепрягали лошадей, Шумскій вдругъ вздохнулъ съ такимъ страданіемъ внутреннимъ, что Шваньскій не выдержалъ.

— О чемъ вы тужите такъ, Михаилъ Андреевичъ? Все слава Богу.

— А, ну тебя, дура!—отозвался Шумскій нетерпѣливо.

— Вѣстимо, слава Богу! Я вотъ просто ожилъ, когда увидаль, что все дѣло обернулось пустяками. Оказалось все сочинительствомъ Авдотьи Лукьяновны.

— Скажи еще разъ такое же и я тебя выкину изъ экипажа какъ кулѣкъ среди дороги!—вскрикнулъ Шумскій.—Понялъ? Да и на глаза не пущу, когда придешь пѣшкомъ домой. Сочинительство? Нѣтъ, я, слава Богу, отъ женщины родился, а не отъ псы!..

И съ этой минуты они промолчали почти вплоть до Петербурга. Раза два, или три, Шваньскій принимался было заговаривать объ пустякахъ, но Шумскій только отзывался тихо и кратко: «молчи».

Когда дорожный экипажъ былъ уже въ Большой Морской и остановился предъ подъѣздомъ квартиры, тамъ оказалась мертвая тишина. Даже ставни были всѣ заперты. Шваньскій, выпедшій впередъ, едва достучался въ ворота.

Дворникъ дома отворилъ ворота, ахнулъ при видѣ экипажа и заявилъ, что въ домъ войти нельзя, такъ какъ въ немъ никого нѣту. Изъ трехъ людей, которые были оставлены при квартирѣ, не было ни одного. Всѣ они, по словамъ дворника, пропадали отъ зари до зари.

— А Марѳуша!—воскликнулъ Шваньскій.

— Онѣ-то завсегда сидятъ, но теперь вышли, должно быть, въ лавочку.

Шумскій, собиравшійся войти къ себѣ черезъ подъѣздъ съ улицы, вошелъ во дворъ и уже приказалъ ломать дверь въ сѣни, но въ эту минуту появилась Марѳуша, запыхавшись и бѣгомъ.

Шумскій, увидя дѣвушку, присмотрѣлся къ ней какимъ-то страннымъ взоромъ. И сама она, и Шваньскій, ждали гнѣва и брани, но баринъ ласково улыбнулся и выговорилъ:

— Ай да Марѳуша! Ай да хозяйка! Шатаешься по кварталу, кутишь! Что же теперь женихъ-то твой скажетъ. Ну, вдругъ откажется!

Марѳуша покраснѣлась, боязливо приглядываясь къ обоимъ. Она тотчасъ же отворила дверь ключомъ, вынутымъ изъ кармана, и впустила барина. Но въ ту минуту, когда онъ входилъ въ растворенную дверь, онъ вдругъ обнялъ дѣвушку, поцѣловалъ въ щеку и вымолвилъ шутя:

— А откажется, наплевать! Другого получше найдемъ.

Шваньскій при видѣ внезапно происшедшаго растопырилъ руками и испуганно удивился, но затѣмъ лицо его тотчасъ же

прояснилось. Онъ размѣялся и, входя вслѣдъ за Мареушей, вымолвилъ тихо, ей на ухо.

— Вотъ такъ поздоровался! Поди — разкуси! Не то къ добру, не то къ худу... Кажется, уже я съ нимъ, живя, наудивлялся до сыта, а вотъ опять удивилъ!

Мареуша, повидимому, очень довольная ласковой шуткой барина, принялась весело хлопотать, и черезъ полчаса Шумскій уже пилъ чай у себя въ спальнѣ. Два лакея будто почували прибытіе барина и явились тоже. Одинъ изъ нихъ былъ тотчасъ же посланъ къ Квашнину просить его немедленно пріѣхать.

Едва только Шумскій принялся за чай, какъ Мареуша явилась съ докладомъ о томъ, что было на квартирѣ за отсутствіе барина. Все, что она докладывала, было такъ мало интересно, что Шумскій почти не слушалъ, а глядѣлъ на дѣвушку и думалъ то же, что всегда приходило ему на умъ при видѣ Мареуши:

«Удивительное сходство!»—повторялъ онъ мысленно и, наконецъ, произнесъ это вслухъ.

Дѣвушка, не получая никакого отвѣта на свой докладъ, все-таки продолжала:

— А еще былъ у насъ, Михаилъ Андреевичъ, уланъ...

— Какой уланъ?...— оживился Шумскій. — Когда?!. Ахъ, ты, глупая! Болтаешь всякіе пустяки, а этого не сказываешь!

— Я по порядку, Михаилъ Андреевичъ! — смѣло отозвалась Мареуша. — По порядку, какъ что было. А уланъ былъ дня тому два, либо три.

— Какой уланъ? Каковъ собой?

Мареуша описала внѣшность улана и Шумскій ясно узналъ, по ея описанію, пріятеля Фонъ-Энзе—Мартенса. Но на всѣ вопросы Шумскаго Мареуша не могла отвѣчать ничего. Уланъ былъ, спросилъ: «дома ли господинъ Шумскій» и, узнавъ, что онъ въ Грузинѣ, тотчасъ уѣхалъ.

Шумскій былъ озадаченъ. Появленіе Мартенса у него на квартирѣ имѣло огромное значеніе. Важнѣе этой вѣсти онъ не могъ узнать въ Петербургѣ! Важнѣе этого могло быть развѣ только одно: скоропостижная смерть Фонъ-Энзе.

— Фу, ты чортъ!—воскликнулъ Шумскій нетерпѣливо.—И подумать, что раньше завтрашняго утра я не узнаю, зачѣмъ онъ былъ!

И невольно смущаясь, сомнѣваясь, онъ снова закидывалъ Мареушу вопросами, на которые ей нечего было отвѣчать и снова заставлялъ дѣвушку описывать фигуру улана. И снова оказывалось, что заѣзжій уланъ былъ положительно никто иной, какъ Мартенсъ.

Вѣсть, которая сначала заставила Шумскаго угрюмо задуматься, вскорѣ же затѣмъ вдругъ его развеселила.

— Это къ добру,—рѣшилъ онъ.—Есть что-нибудь новое и та-

кое новое, да такое доброе, что Фонъ-Энзе самъ ко мнѣ въ руки лѣзеть. Что, если баронъ уже успѣлъ за эти дни написать Фонъ-Энзе такое же посланіе, какое я получилъ...

И Шумскій при этой мысли невольно разсмѣялся.

— Да есть что-то новое въ Питерѣ, а теперь въ моемъ положеніи новое можетъ быть только хорошее.

Черезъ часъ, явился Квашининъ и, узнавъ отъ друга всѣ подробности его пребыванія въ Грузинѣ и послѣдствіе его объясненій съ Аракчеевымъ, искренно, глубоко обрадовался. Онъ тоже повторилъ буквально слова Авдотьи Лукьяновны, какъ еслибы слышалъ ихъ.

— Слава Богу! Все по старому и пойдетъ.

Разумѣется, Шумскій тотчасъ же передалъ Квашнину свое прежнее неуклонное намѣреніе заставить Фонъ-Энзе драться во что бы то не стало, и рассказалъ про диковинный визитъ Мартенса.

Друзья проговорили до поздней ночи обо всемъ и условились. Квашининъ обѣщался другу побывать у Мартенса, чтобы узнать, зачѣмъ онъ заѣзжалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, если ничего серьезнаго не окажется, то, со своей стороны, въ качествѣ уполномоченнаго, снова предложить поединокъ.

На утро Шумскій, поднявшійся довольно рано, бодрый и веселый, бродилъ по всѣмъ комнатамъ, заговаривая и шутя со всѣми. Давно ли онъ былъ совершенно несчастный человѣкъ, сраженный однимъ словомъ, брошеннымъ ему въ лицо въ ресторанѣ. Теперь онъ привыкъ къ тому, что было для него ударомъ, раной самолюбію. Теперь онъ думалъ и глядѣлъ на все дѣло такъ же, какъ посмотрѣла на все Авдотья Лукьяновна, сама баронесса и даже Пашута.

Шумскій удивлялся невольно, какимъ образомъ женщины, изъ коихъ одна простая крестьянка, съ первой же минуты, рѣшили дѣло гораздо проще. Онъ презрительно и злобно отнесся къ ихъ точкѣ зрѣнія, а теперь самъ убѣдился, что такъ и надо смотрѣть.

«Чѣмъ же, пріемышъ, или воспитанникъ хуже, нежели незаконный сынъ?—думалось Шумскому.—А что нѣтъ во мнѣ крови графа Аракчеева или мѣщанки Настасьи Минкиной, такъ и слава Богу! Простая крестьянская кровь почище Минкинской и Аракчеевской! Среди предковъ Авдотьи Лукьяновны и отца были, вѣроятно, все добрые, усердные мужики, не гонители, а изъ рода въ родъ гонимые. А среди предковъ графа Аракчеева, небось, необерешься всякаго звѣря!»

Помимо примиренія со своей долей, Шумскій чувствовалъ себя счастливымъ вслѣдствіе двухъ важныхъ причинъ. Во-первыхъ, въ Петербургѣ, по увѣренію Квашина, о свадьбѣ Евы съ Фонъ-Энзе не слышно. Многіе даже считаютъ это выдумкой. Во-вторыхъ, по сѣщеніе Мартенса обѣщало что-то... Быть можетъ вызовъ.

Около полудня Шумскій началъ уже нетерпѣливо приглядываться къ часамъ. Квашнину пора было ѣхать. Наконецъ, онъ увидѣлъ друга, подѣхавшаго къ крыльцу.

— Ну, что?..— встрѣтилъ онъ его въ передней.— Видѣлъ Мартенса?

Квашнинъ сбросилъ шинель, поздоровался съ пріятелемъ и тотчасъ же развелъ руками.

— Не томи! Видѣлъ?

— Видѣлъ...

Ну?..

— Поодинокъ...

— Ура!..

И Шумскій подпрыгнулъ, какъ школьникъ.

— Да. Только погоди радоваться. Тутъ что-то дѣло нечисто.

— Какъ нечисто? Отъ имени Фонъ-Энзе предложилъ онъ?

— А вотъ пойдѣмъ, расскажу.

Когда друзья были въ спальнѣ, Квашнинъ обстоятельно перedalъ свой визитъ къ Мартенсу и, дѣйствительно, и Шумскому показалось во всемъ что-то темное.

Оказалось, что, когда Квашнинъ явился къ улану справиться, затѣмъ онъ заѣзжалъ къ Шумскому, Мартенсъ серьезно, важнымъ, и холодно-официальнымъ тономъ, объяснилъ Квашнину, что его другъ Фонъ-Энзе считаетъ поодинокъ между нимъ и Шумскимъ неизбѣжнымъ. Но, что всѣ обстоятельства дѣла крайне запутаны; а все дѣло очень сложное и не поддается простому рѣшенію.

Удивленный Квашнинъ заявилъ улану свое предположеніе прежде всего, какъ самую естественную вещь, что вѣроятно оба они боятся имѣть дѣло съ названнымъ сыномъ графа Аракчеева, опасаясь просто пострадать, попасть въ крѣпость, а то и хуже— быть разжалованными въ солдаты.

Мартенсъ отнесся къ этому предположенію высокоумѣнно. Онъ отвѣчалъ, что какъ не силенъ графъ Аракчеевъ, но что они двое въ качествѣ не русскихъ, а остзейцевъ, имѣютъ свою протекцію при дворѣ и у особы государя. Что, если графъ Аракчеевъ станетъ мстить имъ за Шумскаго, то найдутся люди, которые возьмутъ ихъ сторону.

И Мартенсъ объяснилъ, что затрудненіе заключается совершенно въ иномъ. Когда-то Фонъ-Энзе имѣлъ неосторожность дать честное слово, ни подъ какимъ предлогомъ не драться съ Шумскимъ, какъ съ человѣкомъ не порядочнымъ, имѣющимъ постыдную репутацію—благня общественнаго. Теперь онъ самъ хочетъ драться съ Шумскимъ, но является дилемма: и идти на поодинокъ, и сдержать данное слово.

Единственное средство, которое они съ Фонъ-Энзе придумали, заключается въ томъ, чтобы найти такую форму поединка, которая

бы не была обыкновеннымъ поединкомъ. Тогда Фонъ-Энзе можетъ драться, не измѣнивъ своему честному слову.

Въ тотъ же вечеръ Мартенсъ обѣщалъ пріѣхать къ Квашнину вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ, тоже остзейцемъ — барономъ Биллингомъ. Онъ просилъ Квашнина пригласить къ себѣ то лицо, которое Шумскій выберетъ вторымъ секундантомъ. Вмѣстѣ имъ предстояло обсудить форму и детали поединка соперниковъ.

На этомъ объясненіе ихъ и кончилось. И теперь Квашнинъ имѣлъ полное право сказать Шумскому, что все затѣянное уланами темное дѣло.

— Да, правда,—выговорилъ Шумскій, подумавши.—Ни чорта не поймешь! Хочетъ такъ драться, чтобы не драться! Такой поединокъ, который бы былъ не поединокъ! Чортъ ихъ знаетъ! Не знай я Фонъ-Энзе, подумалъ бы, что все балаганная комедія, а вѣдь онъ малый дѣльный и честный.

— А вотъ вечеромъ увидимъ!—рѣшилъ Квашнинъ.

— Да, остается только сказать противное тому, что говорилъ Исусъ Навинъ. Луни солнце и валяй луна!

— Ты говори лучше, кого мнѣ позвать къ себѣ въ качествѣ твоего второго секунданта?—сказалъ Квашнинъ.

— Понятное дѣло капитана, если онъ не побойся, — заявилъ Шумскій.

— Побойся, но не сморгнетъ!

XX.

Часа чрезъ два друзья разстались. Шумскій отправился къ капитану Хоненко. Визитъ этотъ напомнилъ ему его прежнее посѣщеніе. Капитанъ былъ точно также въ халатѣ, съ трубкой, точно также подпоясанъ офицерскимъ шарфомъ съ истрепанными серебряными кистями и точно также дымилъ, какъ фабричная домна.

Онъ точно также радушно встрѣтилъ Шумскаго, разговаривая лукаво поглядывалъ и при всемъ нежеланіи играть роль секунданта все-таки согласился. Онъ обѣщалъ быть въ тотъ же вечеръ у Квашнина.

На вопросъ Шумскаго, какое мнѣніе хитраго и дальновиднаго хохла насчетъ темныхъ рѣчей Мартенса, Хоненко развелъ руками.

— Нѣмцы хитрѣе насъ,—сказалъ онъ.—Да и вообще русскій человѣкъ простъ. Всякій европейскій житель что-нибудь выдумалъ, а русскій человѣкъ ничего еще не выдумалъ. Вонъ нѣмецъ обезьяну выдумалъ! Это всѣмъ извѣстно, кромѣ его самого. Англичанинъ—бифштексъ, гишпанецъ—гитару, итальянецъ—макаронны, голландецъ—червонецъ, французъ—много чего выдумалъ, не перечсть! Только все пустяки, американецъ сплеховалъ, даже собственнаго языка не придумалъ, на чужомъ болтаетъ. А вотъ русскій

человѣкъ, какъ есть ничего не выдумалъ. Сказываютъ, будто самоваръ изобрѣлъ. Вещь хорошая, а все-таки чайникъ съ кипяткомъ сейчасъ бы его должность исправлять могъ...

— Да вы не шутите, капитанъ, — перебилъ его Шумскій, — а скажите, что вы думаете.

— А вотъ ввечеру узнаемъ.

— Да меня нетерпѣнiе беретъ.

— Что дѣлать! Потерпите.

Шумскій покинулъ капитана и съ окраины Васильевского острова двинулся черезъ весь Петербургъ къ Литейной.

Постороннiй человѣкъ, взглянувъ теперь на его довольное, улыбающееся лицо, никогда не повѣрилъ бы, что этотъ человѣкъ накануне серьезнаго поединка.

По мѣрѣ того, что Шумскій приближался къ Литейной, лицо его становилось веселѣе. Ему предстояло нѣчто очень прiятное. Онъ поѣхалъ въ магазинъ военныхъ вещей, къ тому самому нѣмцу, у котораго когда-то оставилъ портретъ Евы. Много разъ вспоминалъ Шумскій объ этомъ портретѣ, но не бралъ его. Одно время онъ даже рѣшилъ совсѣмъ не брать его. Пускай остается у нѣмца и пропадаетъ! Пускай будетъ ничѣмъ!

Мысль, что Ева могла отдать нѣчто, надъ чѣмъ онъ съ такой страстью работалъ, отдать его же сопернику, была ему оскорбительна и тяжела. Онъ не зналъ, какъ Фонъ-Энзе добылъ этотъ портретъ.

Разумѣется, нѣмецъ магазинщикъ сберегъ переданное ему сокровище въ цѣлости.

Толстый листъ бумаги, свернутый въ трубочку оказался на томъ же мѣстѣ, въ томъ же комодѣ, какъ былъ положенъ когда-то и ключъ отъ ящика все время тяготилъ карманъ и душу добросовѣстнаго германца. Теперь, увидя Шумскаго и узнавъ, что онъ избавить его отъ порученнаго сокровища, Аргусъ поневолѣ просяль.

— А чтѣ бы было, — шутя замѣтилъ Шумскій, взявъ портретъ, но не разворачивая его, — чтѣ бы было, еслибы я оставилъ это у васъ навсегда?

— О, Herr Шумскій! Помилiй Богъ! Это было бы schreiklich, очень трудно приберегайтъ чужая дороговизна!

— Какъ дороговизна? — воскликнулъ Шумскій.

— Ну, чужая, дорогая предметъ.

Шумскій весело разсмѣялся и, поблагодаривъ акуратнаго и добросовѣстнаго нѣмца, обѣщавъ сдѣлать на дняхъ большой заказъ не столько изъ нужды, сколько изъ благодарности къ одолженiю и поѣхалъ къ себѣ.

На Большой Морской онъ снова зашелъ въ другой магазинъ и велѣлъ при себѣ вставить портретъ въ великолѣпную раму. Бу-

дучи свободнымъ и не зная, что дѣлать, онъ просидѣлъ въ магазинѣ до тѣхъ поръ, покуда все не было готово.

Когда приказчикъ изъ другой горницы вынесъ портретъ уже въ рамкѣ, выраженіе лица Шумскаго измѣнилось. На него глянуль изъ-за стекла прелестный образъ той, которую такъ удачно окрестила Авдотья Лукьяновна, назвавъ «серебряной царевной». Какъ много воспоминаній сладкихъ, бурныхъ, горькихъ, колыхнулось въ душѣ его! Теперь въ первый разъ Шумскій, разглядывая портретъ, какъ бы посторонній человѣкъ, долженъ былъ мысленно согласиться, что работа была великолѣпная. Не даромъ онъ съ такой страстью, съ такимъ увлеченіемъ рисовалъ этотъ портретъ!

И вдругъ ему пришло на умъ странное заключеніе: что было бы, еслибъ онъ остался крестьянскимъ мальчишкой и еслибы пьяная Настасья не отняла его у матери. Еслибъ обстоятельства сложились такъ, что онъ сталъ бы рисовать, учиться и сдѣлалъ бы искусство цѣлью своей жизни. Почему знать, быть можетъ, теперь онъ былъ бы извѣстнымъ художникомъ и былъ бы счастливъ.

«Все вздоръ! — подумалъ, наконецъ, Шумскій. — Въ какихъ бы я обстоятельствахъ не находился, я бы никогда счастливъ не былъ. Всегда бы презиралъ все, что возможно, что подъ рукой и страстно желалъ бы того, чего невозможно, или достижимо путемъ проступковъ и преступленій закона».

Вернувшись къ себѣ, Шумскій поставилъ портретъ бокомъ на подоконникъ, сѣлъ противъ него въ нѣсколькихъ шагахъ и глядя на него, продолжалъ раздумывать. Наконецъ, вдругъ внезапная мысль пришла ему. Онъ вышелъ въ корридоръ и крикнулъ Марѳушу. На его зовъ явился одинъ изъ двухъ лакеевъ и онъ велѣлъ послать къ себѣ дѣвушку, которая въ домѣ его уже носила названіе экономки. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему въ спальню явилась Мареуша, а за ней Шванскій.

— Это что такое? — весело вымолвилъ Шумскій. — Ты затѣмъ пожаловалъ? — обернулся онъ къ Шванскому.

— Я полагаю-съ... что вы насъ обоихъ требуете, — съ какой-то кислой фивіономіей выговорилъ Шванскій.

— Не полагай въ другой разъ, а то я разсержусь и положу...

Шумскій запнулся, а затѣмъ съострилъ настолько грубо, что Марѳуша вся вспыхнула, а Шванскій, по обыкновенію своему, весь съежился.

— Ну, пошелъ вонъ! И въ другой разъ не разсуждай и не полагай!

И затѣмъ, когда Шванскій снова скрылся, Шумскій ради шутки подошелъ къ двери и заперъ ее на ключъ.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? — выговорила вдругъ дѣвушка.

— Ивана Андреевича твоего поужать! — тихо проговорилъ Шумскій.

Онъ сѣлъ въ то же кресло и вымолвилъ:

— Иди, становись вотъ тутъ, у окошка. Стой вотъ такъ... смотри сюда...

И поставивъ дѣвушку рядомъ съ портретомъ, Шумскій сталъ по очереди смотрѣть на оба лица: живое и нарисованное.

Мареуша, на секунду взглянувъ на стоящій портретъ, тоже нѣсколько удивилась. Ей самой показалось, что будто она взглянула не на живопись, а въ зеркало. Ей показалось, что въ рамѣ отразилось ея собственное лицо.

— Чудно это, баринъ,—вымолвила она. — Картинка-то эта съ такими же волосами, какъ у меня.

— Помолчи! — добродушно отозвался Шумскій. — Дай мнѣ поглядѣть и добиться въ чемъ тутъ штука.

— Какъ то-ись?

— Молчи! не твое дѣло.

И Шумскій сталъ переводить глаза съ портрета на дѣвушку и съ нея на портретъ. И дѣйствительно, между портретомъ, который былъ очень похожъ на баронессу, и Мареушей, не было ничего общаго въ чертахъ лица. А вмѣстѣ съ тѣмъ было что-то бросающееся въ глаза въ смыслѣ сходства.

Волоса Мареуши были темнѣе, глаза не такъ глубоки, не такъ красивы. Въ губахъ, во рту дѣвушки, не было и тѣни той неуловимой прелести, которая была въ слегка раскрытыхъ губахъ Евы. Наконецъ, у Мареуши не было въ лицѣ той кротости, изящной простоты, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ глазахъ, какого-то сочетанія дѣтской наивности съ дѣтской строгостью.

— Ну, теперь смотри...—выговорилъ Шумскій. — Красивая барышня?..

— Картинка. Такихъ и не бываетъ на свѣтѣ,—отвѣчала Мареуша, разглядывая портретъ. — Красавица! А я, дура, знаете ли чему удивилась! Покажись мнѣ, какъ я вошла, что я себя увидела, что вы на окно зеркало поставили. Анъ, выходитъ, тутъ нарисовано. А волосы-то, все-таки, совсѣмъ какъ у меня, да и глаза...

— Да,—разсмѣялся Шумскій.—Въ темнотѣ ты за нея пройдешь. Ну, а днемъ по пословицѣ: «далеко кулику до Петрова дня».

Шумскій вдругъ задумался глубоко и забылъ, что Мареуша, уже разглядѣвъ портретъ, стоитъ предъ нимъ въ ожиданіи приказа выйти. Придя въ себя, онъ удивился и чуть-чуть не спросилъ у дѣвушки, что ей нужно.

— Ну, что же стоишь? Уходила бы.

— Я не смѣла. Да и дверь заперта.

— Отопри, да и уходи.

— Да вѣдь эта вы такъ сказываете,—замѣтила Мареуша,—а поди-ка иной разъ сдѣлай что безъ вашего приказанія, такъ вы убить можете.

— Вотъ какъ?—выговорилъ Шумскій, нѣсколько озадаченный.— Скажите, пожалуйста, какого ты куражу набралась! Смѣешь этакъ разговаривать! Ты, стало быть, меня не боишься?

— Я-то?—усмѣхнулась Марѳуша.— Что дѣлать, по правдѣ скажу... И она смолкла.

— Ну, говори?

— По правдѣ скажу, только не сердитесь и не обижайтесь.

— Да ну, ну, говори!

— Я, стало быть, васъ, Михаилъ Андреевичъ, насчетъ того, чтобы бояться, ни капельки то есть не боюсь. Вы не обиждайтесь.

Шумскій весело расхохотался.

— И почему я такъ думаю, сама не знаю. Хоть вы со мной разъ худое сдѣлали, чуть было не уморили ради потѣхи, а все-таки я васъ теперь не боюсь. Опаивать меня вы опять не будете, потому въ этомъ нужды теперь нѣтъ. Дратся со мной, знаю, не станете. Эка невидаль! дѣвушку исколотить, ей лицо испортить. Этого и мужикъ не сдѣлаетъ... А больше вы ничего со мной сдѣлать не можете...

— Ну, не храбрись! Не ручайся, Марѳуша! На грѣхъ мастера нѣтъ! Бывали такія-то, храбрились, да обожглись.

— Не знаю-съ, а по мнѣ такъ. Не боюсь и шабашъ. Позвольте выдти?

— Иди.

Но когда Марѳуша была у двери, Шумскій снова позвалъ ее.

— А когда же ваша свадьба съ Шваньскимъ?

— Не знаю. Это не мое дѣло.

— Какъ не твое дѣло?

— Вѣстимо. Это Иванъ Андреевичъ должны положить.

— Да ты-то рада за Ивана Андреевича замужъ выходить?

— Они меня просятъ.

— Знаю. Но ты, можетъ, за другого бы кого пошла помоложе да показистѣе. Вѣдь Иванъ-то Андреевичъ—мухоморъ!

— Какъ можно! Они добрые.

— Да вѣдь и мухоморъ добрый. Ты, можетъ, противъ воли за него идешь, чтобы только пристроиться? Скажи по правдѣ?

— Не знаю,—тихо произнесла Марѳуша, потупляясь.

И Шумскій вдругъ встрепенулся. Тѣ же слова, та же интонація голоса, тотъ же жестъ... Предъ нимъ на мгновеніе появился другой образъ: это стояла и говорила не Марѳуша, а Ева.

— Фу, ты, чортъ!—вырвалось у него невольно.—Навожденіе какое-то! Ну, уходи, а то, право...

Шумскій не договорилъ, улыбнулся какъ-то странно и, отвернувшись отъ дѣвушки, сталъ смотрѣть въ окно.

— Охъ, какъ вы меня испужали!—раздался голосъ Мареуши въ корридорѣ.

Оказалось, что Шванскій былъ за дверями какъ бы на часахъ, карауля и подслушивая бесѣду патрона съ невѣстой.

Мареуша, отперевъ дверь и выйдя въ корридоръ, чуть не столкнулась съ нимъ лобъ въ лобъ.

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

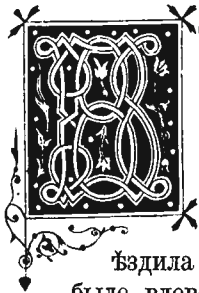

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ).¹⁾

VIII.

Въ гостяхъ у казанскаго помѣщика Т... — Первая мысль объ изданіи «Современника». — Роль Бѣлинскаго въ новомъ журналѣ Панаева и Некрасова. — Препятствія со стороны цензурнаго комитета. — В. И. Панаевъ, пѣвецъ аркадскихъ пастушковъ и пастушекъ. — Клятвенныя обѣщанія Тургенева и защита Бѣлинскимъ Панаева. — Поэтъ Щербина. — А. Ө. Писемскій и его командировка морскимъ министерствомъ по просьбѣ Панаева. — Мнѣніе Тургенева о Писемскомъ. — «Литературный Собакевичъ». — Первый номеръ «Современника». — Опять А. И. Герценъ и его заботы о консультаціи докторовъ для возстановленія разстроеннаго здоровья Бѣлинскаго. — Ошибки Тургенева въ оцѣнкѣ писателей. — Его неблагоклонный отзывъ о Гончаровѣ и восхваленія Апухтина. — Московскій франтикъ-беллетристъ, какъ новая неудачная креатура Тургенева. — «Кирюша», рассказъ П. В. Анненкова. — Поездка Бѣлинскаго за границу. — «Иллюстрированный Альманахъ» и его печальная исторія. — Мой литературный дебютъ «Семействомъ Тальниковыхъ». — Гоголь въ гостяхъ у Панаева.

ВЪ ИМѢНІИ Т... намъ всёмъ жилось хорошо. Хозяйева старались предоставить своимъ гостямъ всё удобства деревенскихъ развлеченій и полную свободу проводить время, какъ кто желалъ: Некрасовъ охотился, Панаевъ, любитель длинныхъ прогулокъ, выхаживалъ по 25 верстъ и былъ въ восхищеніи отъ живописныхъ видовъ въ окрестностяхъ. Я ѣздила верхомъ и удила рыбу. Книгъ, журналовъ, газетъ, было вдоволь, а за обѣдомъ и ужиномъ, когда всё собирались вмѣстѣ, завязывались жаркіе разговоры о разныхъ тогдашнихъ вопросахъ. Сами хозяйева цѣлое утро были заняты; у нихъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 541.

много было дѣла, потому что они не держали управляющаго, находя, что помѣщики обязаны имѣть непосредственное сношеніе съ своими крестьянами и что трудно услѣдить, чтобы управляющій не злоупотреблялъ своей властью надъ крестьянами. Кромѣ деревенскаго хозяйства, Т. были заняты еще леченіемъ; множество больныхъ отовсюду являлись къ нимъ. Они пробовали нанимать фельдшера для своихъ крестьянъ, но постоянно попадался или пьяница, или лѣнтяй, или грубый въ обхожденіи съ больными, съ которыхъ не дозволялось брать никакихъ поборовъ. Т... сами прочли множество руководствъ о домашнемъ леченіи, а живя два года за границей, прошли фельдшерскій курсъ, учились въ заграничныхъ больницахъ перевязывать раны, пускать кровь, однимъ словомъ, подавать первоначальную помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Въ ихъ аптекѣ былъ обширный запасъ лекарствъ и даже заведенъ былъ тарантасъ, приспособленный для спокойнаго отправленія больного въ городскую больницу. Зимой, на барскомъ дворѣ, во флигелѣ, открывалась школа, куда крестьяне, если хотѣли, могли посылать своихъ дѣтей учиться. Т... предоставили самимъ крестьянамъ разбирать возникавшія между ними тяжёбныя дѣла и подвергать виновныхъ взысканіямъ, но крестьяне по привычкѣ шли судиться къ помѣщикамъ и этимъ отнимали у нихъ много времени. Дворни у Т... было немного и каждый служащій получалъ жалованье, какъ вольная прислуга. Барщины и какихъ-либо поборовъ съ бабъ, конечно, не существовало. Такія нововведенія въ управленіи крестьянами возбуждали безконечныя толки въ губерніи; всѣ сосѣди Т..., крѣпостники-помѣщики, были страшно озлоблены на нихъ, находя, что они подрываютъ помѣщичью власть. На Т... сыпались нелѣпные доносы, будто они, подъ видомъ леченія, собираютъ къ себѣ народъ и толкуютъ о волѣ, возбуждаютъ къ неповиновенію и т. п.

Т... знали о доносахъ и о томъ, что за ними зорко слѣдятъ, и потому были осторожны.

Некрасовъ получилъ письмо отъ Бѣлинскаго, который совершенно случайно уѣхалъ изъ Петербурга съ Щепкинымъ, отправившимся на два мѣсяца гастролировать въ большіе южные города. Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Москвы, Щепкинъ сообщилъ намъ о своемъ намѣреніи совершить прогулку въ провинцію.

— Вотъ вы бы, Михаилъ Семеновичъ, — сказалъ Панаевъ, — захватили Бѣлинскаго съ собой, ему необходимо проѣхаться и освѣжиться.

Щепкинъ очень обрадовался этой мысли и написалъ Бѣлинскому, который охотно принялъ его предложеніе, тѣмъ болѣе, что на эту поѣздку не требовалось расходовъ. За ужиномъ, по поводу письма, полученнаго отъ Бѣлинскаго, рѣчь зашла о немъ. Т... высказали свое удивленіе, какимъ образомъ до сихъ поръ въ кружкѣ

Бѣлинскаго никто изъ литераторовъ не началъ издавать журнала, хотя бы на паяхъ, какъ это дѣлается въ Парижѣ. Некрасовъ замѣтилъ на это, что многое, примѣнимое за границей, еще недоступно для Россіи.

— Если бы русскіе литераторы надумали издавать на паяхъ журналъ,—прибавилъ онъ,—то оправдали бы пословицу: у семи нянекъ всегда дитя безъ глазу. Я много разъ разсуждалъ съ Бѣлинскимъ объ основаніи новаго журнала, но осуществить напу завѣтную мечту, къ несчастію, невозможно безъ денегъ.

— Предпріимчивости, какъ видно, нѣтъ въ васъ, господа,—сказалъ Т...

— Денегъ нѣтъ, да и трудно конкурировать теперь съ «Отечественными Записками», упрочившими себѣ твердое положеніе,—возразилъ Панаевъ.

— Да кто его упрочилъ?

— Бѣлинскій и большая часть сотрудниковъ изъ его кружка,—замѣтили Т...

— Смѣшно бояться конкуренціи,—подсказалъ Некрасовъ,—у «Отечественныхъ Записокъ» могутъ быть свои подписчики, а у новаго журнала—свои. Не испугался же Краевскій конкуренціи «Библиотеки для Чтенія» и съ грошами началъ издавать «Отечественныя Записки».

— Ему легко было,—возразилъ Панаевъ,—онъ первые года даромъ получалъ большую часть матеріала для своего журнала, а если и платилъ сотрудникамъ, то ничтожную плату.

— Если такое безкорыстное участіе принимали литераторы въ успѣхъ «Отечественныхъ Записокъ» какъ же не рассчитывать на еще большую поддержку новому журналу, гдѣ во главѣ сотрудниковъ будетъ Бѣлинскій?—замѣтилъ Т...

— Ну, теперь рассчитывать на даровой матеріалъ не слѣдуетъ,—сказалъ Некрасовъ.—Да не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что безъ денегъ нельзя начинать изданія.

— А много нужно для начала?—спросилъ Т...

Некрасовъ сталъ считать, во что должна приблизительно обойтись каждая книжка журнала.

— За печать и бумагу,—прибавилъ онъ,—можно уплачивать половину каждый мѣсяцъ, а остальную часть перевести на слѣдующій годъ.

— А если подписка на журналъ на слѣдующій годъ будетъ плохая, чѣмъ же уплачивать долгъ?—замѣтилъ Панаевъ.

— Почему же не рассчитывать на успѣхъ журнала, если добросовѣстно издавать его, и если всѣ друзья-литераторы Бѣлинскаго приложатъ свои старанія? Рискъ — дѣло благородное, потребность къ чтенію сильно развилась за послѣдніе годы. Вѣдь мнѣ отъ «Петербургскаго Сборника» предсказывали одни убытки, а если бы я

не струсили и напечатали на полторы тысячи экземпляровъ больше, то всѣ были бы раскуплены. Если бы явился новый журналъ съ современнымъ направлениемъ, то читатели нашлись бы. Съ каждымъ днемъ замѣтно назрѣваютъ все новые и новые общественные вопросы; надо заняться ими не съ снотворнымъ педантизмомъ, а съ огнемъ, чтобы онъ наэлектризовалъ читателей, пробудилъ бы въ нихъ жажду къ дѣятельности. Лиха бѣда начать дѣло, а продолжать его будетъ уже легко.

Вѣлинскій и Панаевъ сильно увѣровали въ литературную предпримчивость Некрасова послѣ изданнаго имъ «Петербургскаго Сборника», который быстро раскупался. Оба они знали съ какими ничтожными деньгами онъ предпринялъ это изданіе и какъ сумѣлъ извернуться и добыть кредитъ.

— Если бы у меня были деньги,—произнесъ со вздохомъ Панаевъ,—я ни минуты не задумался бы издавать журналъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ; одинъ я не способенъ на такое хлопотливое дѣло, а тѣмъ болѣе вести хозяйственную часть.

— Была бы охота, а деньги у тебя есть!—сказала я, не придавая никакого серьезнаго значенія своимъ словамъ.

— Какія деньги?—спросилъ съ удивленіемъ меня Панаевъ.

— Продай лѣсъ и на эти деньги издавай журналъ.

Т... подхватили мои слова и стали приставать къ Панаеву, почему бы ему въ самомъ дѣлѣ не употребить свои деньги на хорошее дѣло.

— Не увидите, какъ проживете ихъ,—говорили они.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ Панаевъ,—эти деньги по вашему же совѣту я внесу въ Опекунскій Совѣтъ, чтобы не такъ тяжело было бы платить проценты за заложенное имѣніе.

Пока у него не было денегъ въ рукахъ, онъ всегда благоразумно рассуждалъ объ экономіи.

— Разрѣшите Панаеву употребить деньги, вырученныя за продажу лѣса, на журналъ, какъ на дѣло хорошее?—обратился ко мнѣ Т...

— Охотно!—отвѣчала я.

— Такъ, господа, по рукамъ!—воскликнули Т...,—что тутъ раздумывать.

— Развѣ хватить такихъ денегъ?—обратился Панаевъ съ вопросомъ къ Некрасову.

— Хватить, хватить,—отвѣтилъ тотъ,—кредитоваться будемъ.

Панаевъ протянулъ руку Некрасову и произнесъ:

— Идетъ!—будемъ вмѣстѣ издавать.

Т... розняли руки, по русскому обычаю, и радостно произнесли: «ура!»

Мнѣ не вѣрилось, что изъ этого разговора выйдетъ что-нибудь. Некрасовъ, весь сіяющій, сказалъ Панаеву:

— Деньги не пропадутъ, только надо энергически взяться за дѣло.

Панаевъ тотчасъ же заговорилъ, что надо написать Бѣлинскому, но Некрасовъ возразилъ, что прежде надо хорошенько обсудить дѣло и лучше всего лично переговорить съ Бѣлинскимъ. Онъ упротсилъ Панаева никому изъ своихъ пріятелей не писать объ ихъ планахъ.

Мы засидѣлись почти до разсвѣта, ведя разговоры о новомъ журналѣ. Возникъ вопросъ у кого купить право, такъ какъ новыхъ журналовъ въ то время не разрѣшали издавать. Перебирали разные журналы, которые находились въ латаргическомъ снѣ, но ни одинъ не оказывался подходящимъ. Уже стали прощаться, чтобы идти спать, какъ вдругъ Панаевъ воскликнулъ:

— Нашель! «Современникъ».

Некрасовъ радостно сказалъ:

— Чего же лучше! какъ это сразу не пришелъ намъ въ голову «Современникъ»?—И снова затянулся разговоръ.

Право на «Современникъ» принадлежало Плетневу, съ которымъ Панаевъ давно былъ знакомъ. Всѣ такъ были возбуждены, что забыли о снѣ. Т... вставали рано и нашли, что не стоитъ ложиться спать на какихъ-нибудь два часа, и потребовали чаю, такъ что солнце совсѣмъ взошло, когда мы стали расходиться. Некрасовъ, выйдя на террасу, сказалъ:

— Посмотрите, господа, какъ великолѣпно сегодня сіяетъ солнце, послѣ трехъ дней пасмурной погоды; точно оно предсказываетъ успѣхъ нашему журналу.

Некрасовъ рѣшилъ ѣхать скорѣе въ Петербургъ, чтобы переговорить съ Бѣлинскимъ и начать хлопоты по журналу. Т... шутили надъ нимъ, уговаривая его остаться еще недѣльки на двѣ, такъ какъ въ концѣ августа была самая лучшая охота.

— До охоты ли мнѣ теперь! — отвѣчаль Некрасовъ, не понявъ шутки.—Не знаю, какъ дожидаться того дня, какъ увижу первый номеръ «Современника»!

Панаеву же надо было дожидаться денегъ отъ продажи лѣса.

Уѣзжая изъ деревни, Некрасовъ просилъ Панаева не засиживаться въ Москвѣ и не проболтаться о затѣваемомъ дѣлѣ.

Однако, мы прожили въ Москвѣ съ недѣлю; отъ Бѣлинскаго Панаевъ получилъ письмо, гдѣ онъ дѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ бьетъ баклуши въ Москвѣ, когда нужно скорѣй дѣло дѣлать. Бѣлинскій боялся, чтобы Панаевъ по своей барской привычкѣ не истратилъ деньги на пустяки. Онъ убѣждалъ его быть экономнымъ, братъ примѣръ съ Некрасова, который всецѣло отдался дѣлу. Бѣлинскій писалъ, что ему иногда не вѣрится, что изданіе журнала не сонъ, а дѣйствительность, что онъ ожилъ и снова почувствовалъ рвеніе къ работѣ. «Скорѣй, скорѣй пріѣзжайте

въ Петербургъ, писалъ Бѣлинскій, и сейчасъ же поѣзжайте къ Плетневу. Такъ и знайте, Панаевъ, что если вы по своей вѣтренности не приобретете отъ Плетнева «Современника», я васъ прокляну! Я ночи не сплю отъ страха, ну, если кто-нибудь уже купилъ у Плетнева право на «Современникъ»! Легко можетъ случиться, что кому-нибудь другому также пришла мысль издавать журналъ? Конечно, «Современникъ» единственный журналъ, который самый подходящій по своей литературной репутаціи. Пока не покончите съ Плетневымъ, до тѣхъ поръ не буду спать покойно. Я такъ напуганъ всякими скверностями, какія продѣлываетъ со мной моя мачиха-судьба, что мнѣ все кажется какая-нибудь каверза подвернется и все дѣло пропадетъ!.. Дрожь пробираетъ меня, когда подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову. Вы вѣдь не можете понять, что значило бы для меня теперь разстаться съ надеждой работать для «Современника».

Бѣлинскій встрѣтилъ Панаева въ день его пріѣзда изъ Москвы со словами:

— Чортъ васъ знаетъ, зачѣмъ вы застряли въ Москвѣ; завтра же отправляйтесь къ Плетневу.

Я не нашла, чтобы поѣздка съ Щепкинымъ принесла Бѣлинскому пользу; хотя онъ былъ необыкновенно оживленъ, но припадки кашля очень усилились, такъ что онъ долго не могъ отдышаться, послѣ приступа кашля. Я спросила Бѣлинскаго, доволенъ ли онъ своимъ путешествіемъ?

— Сто разъ каялся, что поѣхалъ; хорошъ отдыхъ—изъ одного города въ другой скакать; всю грудь, всѣ бока отколотило. Пріѣхавъ въ Петербургъ, думалъ, что слягу въ постель, да Некрасовъ явился съ радостнымъ извѣстіемъ, я и ожилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, никто не сообразилъ, что для здоровья Бѣлинскаго утомленіе отъ дорогъ было вредно; тогда еще не было удобныхъ сообщеній и приходилось путешествовать на лошадахъ.

— Да-съ,—самодовольно улыбаясь, говорилъ Бѣлинскій,—и на нашей улицѣ будетъ праздникъ, просвѣтлѣла моя жизнь, точно тяжелый камень сняли у меня съ груди. Теперь я опять почувствовалъ энергію къ работѣ, въ моей головѣ снова прояснилось, а то она будто была набита рубленой соломой.

— Нѣтъ, хороши московскіе пріатели! — замѣтилъ Бѣлинскій, когда зашла рѣчь о Москвѣ,—хотя бы одинъ исполнилъ свое обѣщаніе, что по возвращеніи моемъ въ Москву съ Щепкинымъ, они мнѣ вручатъ свои рукописи для моего «Альманаха.» Ну, хорошо, что подоспѣлъ «Современникъ», а то славно они меня прихлопнули бы. Добро бы люди были заняты, а то сидятъ сложа руки. Нѣтъ, съ такими людьми поговорить пріятно, но дѣло съ ними имѣть бѣда.

Некрасовъ купилъ для «Современника» у Бѣлинскаго всѣ статьи, обѣщанныя ему его московскими и петербургскими пріателями. За

сотрудничество Бѣлинскаго въ «Современникѣ» была положена плата восемь тысячъ рублей въ годъ. Эта цифра 40 лѣтъ тому назадъ казалась баснословной. Сами друзья Бѣлинскаго удивлялись щедрости издателей журнала, а одинъ изъ нихъ съ жалостью говорилъ Панаеву:

— Это сумасшествіе съ твоей стороны, такъ швырять деньгами.

— Если хорошо пойдетъ журналъ, — отвѣчалъ Панаевъ, — мы еще прибавимъ; мы сами литераторы, стыдно усчитывать сотрудниковъ.

— Такъ я тебѣ предсказываю, что ты гроша не будешь имѣть барыша отъ журнала, если такъ будешь роскошничать. И что это Некрасовъ смотритъ, онъ человѣкъ коммерческой. Нельзя, нельзя такъ вести денежные дѣла, будетъ банкротство журнала, помянете меня, да поздно будетъ, что не послушались моего благоразумнаго совѣта. Жаль, очень жаль тебя, любезнѣйшій Панаевъ, — тамъ, гдѣ люди наживаются деньги, ты прогоришь!

Но за первую же статью, которую помѣстилъ въ «Современникѣ», этотъ благоразумный совѣтникъ потребовалъ прибавки за листъ, говоря Некрасову:

— Если я отнесу мою статью въ «Отечественныя Записки», такъ мнѣ съ радостью еще дороже дадутъ, чѣмъ я вамъ назначилъ цѣну.

Съ появленіемъ «Современника» быстро поднялась цѣна на литературный трудъ.

На другой же день своего пріѣзда, утромъ, Панаевъ отправился къ Плетневу. Бѣлинскій, въ ожиданіи возвращенія Панаева домой, все время страшно волновался и, когда Панаевъ вернулся, то выскочилъ въ переднюю съ вопросомъ:

— Нашъ «Современникъ»?..

— Нашъ, нашъ! — отвѣчалъ Панаевъ.

Бѣлинскій радостно вздохнулъ.

— Уфъ! — вскрикнулъ онъ, — я измучился... мнѣ все казалось, что уже у насъ его кто-нибудь переб... онъ не окончилъ фразы.

Сильный приступъ кашля сталъ душить его, онъ весь побагровѣлъ отъ натуги и махалъ рукой Панаеву, который началъ было передавать Некрасову свой разговоръ съ Плетневымъ. Послѣ этихъ приступовъ кашля, Бѣлинскій всегда долго не могъ отдышаться и съ передышкой произнесъ:

— Ну... теперь рассказывайте.

Бѣлинскій возмущился, услышавъ, что Плетневъ выговаривалъ себѣ четыре тысячи въ годъ за право и едва согласился на три.

— Нелѣпное запрещеніе издавать новые журналы развиваетъ въ литературѣ ростовщичество, но что подѣлаешь; надо, господа, соглашаться — пусть его подавится этими тремя тысячами.

Страшнымъ ударомъ для Бѣлинскаго было, когда въ цензурномъ комитетѣ нашли, что Панаевъ и Некрасовъ не на столько благо-

надежные люди, чтобы ихъ можно было утвердить редакторами. О редакторствѣ Бѣлинскаго нечего было и думать, потому что «Сѣверная Пчела» уже нѣсколько лѣтъ постоянно печатно твердила о зловредномъ направленіи его статей; безпрестанно писались куда слѣдуетъ доносы, съ указаніемъ на статьи, въ которыхъ онъ будто бы проповѣдуетъ безбожіе, безнравственность и глумится надъ патриархальными чувствами русскихъ и т. п.

Надо было прискаты подходящаго человѣка, которому разрѣшили бы редактировать «Современникъ». Обратились къ Никитенкѣ; онъ согласился. Бѣлинскій кипятился, что прибавится еще новый тысячный расходъ отъ фиктивного редактора, но дѣлать было нечего.

Понятно, что слухи о намѣреніи Некрасова и Панаева издавать «Современникъ» породили толки въ разныхъ литературныхъ кружкахъ. Сначала многіе не вѣрили, но потомъ стали смѣяться, говоря, что ничего дѣльнаго не выйдетъ изъ плановъ Некрасова и Панаева. Бѣлинскому передавали эти сплетни и онъ говорилъ: «пусть ихъ смѣются и не вѣрятъ, а какъ мы имъ преподнесемъ первый номеръ «Современника», такъ позеленѣютъ отъ злости». Бѣлинскій письменно отказался отъ сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ», но это была только одна формальность, потому что всѣ знали, что онъ будетъ сотрудничать въ «Современникѣ». Некрасовъ велѣлъ печатать объявленія объ изданіи «Современника» въ громадномъ числѣ; они помѣщались почти во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ и газетахъ. Панаевъ находилъ, что это стоитъ очень дорого и вовсе ненужно; но Бѣлинскій ему возражалъ:

— Намъ съ вами нечего учить Некрасова; ну, что мы смыслимъ, мы младенцы въ коммерческомъ расчетѣ: съумѣли ли бы мы съ вами устроить такой кредитъ въ типографіи и съ бумажнымъ фабрикантомъ, какъ онъ? Намъ на рубль не дали бы кредиту, а онъ устроилъ такъ, что на тысячи можетъ кредитоваться. Намъ ужъ въ хозяйственную часть нечего и соваться.

Такая масса объявленій объ изданіи «Современника» дала поводъ литературнымъ врагамъ глумиться печатно надъ издателями. Говорили, напримѣръ, что они апраксинскіе молодцы, которые съ нахальствомъ тащутъ въ свою лавку всякаго проходящаго и расхваливаютъ свой товаръ и т. д. Панаевъ вкусилъ первые кислые плоды журнальной дѣятельности; при томъ же ему задалъ головоломку его превосходительный дядюшка В. И. Панаевъ, бывшій литераторъ, воспѣвавшій аркадскихъ пастушковъ и пастушекъ. Дядя-генералъ находилъ, что его племянникъ позоритъ старинную потомственную дворянскую фамилію, которую имѣлъ счастье носить, связавшись съ разночинцами и торгашами. В. И. Панаевъ не признавалъ современную литературу; по его мнѣнію, Гоголю надо было запретить писать, потому что отъ всѣхъ его сочиненій пах-

нетъ тѣмъ же запахомъ, какъ отъ лакея Чичикова. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ того, что «Ревизора» дозволили играть на сценѣ. По его мнѣнію, это была безобразная карикатура на администрацію всей Россіи, которая охраняетъ общественный порядокъ, трудится для пользы отечества и вдругъ какой-то коллежскій регистраторишка дерзаетъ осмѣивать не только низшій классъ чиновниковъ, но даже самихъ губернаторовъ. В. И. Панаевъ занималъ видное мѣсто по службѣ, былъ въ генеральскомъ чинѣ, считалъ себя очень важнымъ лицомъ въ администраціи и очень заботился о сохраненіи почета, который обязаны всѣ оказывать такимъ лицамъ.

О Бѣлинскомъ онъ не могъ иначе говорить, какъ съ пѣной у рта, потому что тотъ въ своихъ статьяхъ осмѣялъ прежнихъ слащавыхъ писателей, воспѣвавшихъ пастушковъ и пастушекъ. Авторское самолюбіе В. И. Панаева было страшно оскорблено, какъ осмѣлился какой-то недоучившійся разночинецъ смѣяться надъ его литературными заслугами. «Намордникъ слѣдуетъ надѣть такому писакѣ, твердилъ онъ, на цѣпь его посадить, а ему дозволяютъ печатать. До чего теперь дошла литература! появились въ ней разночинцы, мѣщане! Прежде всѣ литераторы были изъ привилегированнаго класса и потому въ ней была благонадежность, сюжеты брались сочинителями нравственные, а теперь мерзость, грязь одну описываютъ. Распущенность, страшная распущенность допущена, необходимо надо наложить узду на нынѣшнихъ писакъ! Просто срамъ—такое лицо, какъ Жуковскій, сажаетъ мужика въ свою коляску, потому что онъ, видите ли, мужицкіе стишки пописываетъ».

Впрочемъ, такое мнѣніе о распущенности въ литературѣ высказывалъ тогда не одинъ В. И. Панаевъ.

Подписка на «Современникъ» шла хорошо. Некрасовъ хотѣлъ было значительно понизить подписную годовую плату, но Бѣлинскій побоялся, что не хватитъ денегъ и потому плата была назначена въ 16 руб. 50 коп. въ годъ, тогда какъ плата за «Отечественныя Записки» была 17 руб. 50 коп. Недоброжелатели всѣми способами старались повредить успѣху дѣла, распускали самыя неблагопріятныя слухи, будто бы издатели новаго журнала люди несостоятельные, что деньги подписчиковъ пропадутъ и т. д., но это очень мало вліяло на ходъ подписки.

Тургеневъ, вернувшись поздней осенью изъ деревни, шумно выражалъ свою радость по поводу задуманнаго изданія «Современника». Бѣлинскій ему замѣтилъ:

— Вы не словами высказывайте свое участіе, а на дѣлѣ.

— Даю вамъ честное слово, что я буду самымъ ревностнымъ сотрудникомъ будущаго «Современника».

— Не такое ли даете слово, какое вы мнѣ дали, уѣзжая въ деревню, что, возвратясь, вручите мнѣ вашъ рассказъ для моего «Альманаха»?—спросилъ ироническимъ тономъ Бѣлинскій.

— Онъ у меня написанъ для васъ, только надо его обдѣлать...

— Лучше ужъ прямо бы сознались, что онъ не оконченъ, чѣмъ вилять.

— Клянусь вамъ, что осталось работы не болѣе, какъ на недѣлю.

— Знаю я васъ, пойдете шляться по свѣтскимъ салончикамъ. Кажется не мало времени сидѣли въ деревнѣ и то не могли окончить.

Тургеневъ клялся, что съ завтрашняго утра засядетъ за работу и пока не окончитъ, самъ никуда не выйдетъ и къ себѣ никого не приметъ. Бѣлинскій на это отвѣтилъ:

— Всѣ вы одного поля ягоды; на словахъ любите разводить бобы, а чуть коснулось дѣла, такъ не шевельнуть и пальцемъ... да и я-то хорошъ гусь, кажется, не первый день васъ всѣхъ знаю, а имѣлъ глупость рассчитывать на ваше обѣщаніе... Ну, смотрите, Тургеневъ, если вы не сдержите своего обѣщанія, что все вами написанное будетъ исключительно печататься въ «Современникѣ», то такъ и знайте,—я вамъ руки не подамъ, не пуцу на порогъ своего дома!

Всѣ присутствующіе улыбались на угрозы Бѣлинскаго.

— Я васъ вѣдь лучше знаю, чѣмъ вы сами себя,—продолжалъ онъ,—когда вамъ приспичитъ пофорсить передъ вашими знакомыми, а въ карманѣ не будетъ денегъ, такъ вы не только побѣжите продать свой рассказъ въ «Отечественныя Записки», но даже въ «Сѣверную Пчелу»!

Всѣ расхохотались. Бѣлинскій также засмѣялся надъ своими словами и потомъ продолжалъ:

— Безъ шутокъ, господа, надо всѣмъ намъ приложить все стараніе, чтобы «Современникъ» былъ хорошимъ журналомъ. Помните, какъ всѣ мы вздыхали, да охали, что у насъ нѣтъ своего журнала: ну вотъ наше желаніе исполнилось, такъ намъ и надо сообща стараться, чтобы каждый номеръ «Современника» былъ бы полонъ жизни и честнаго направленія.

— Господа, я первый даю клятву, что ни одной строки моей не будетъ нигдѣ напечатано, кромѣ «Современника»,—воскликнулъ Тургеневъ, и, обращаясь къ Бѣлинскому, сказалъ: — Невѣрующій Оома—довольны?

Бѣлинскій, улыбаясь, произнесъ:

— Посмотримъ, сдержите ли вы свою клятву.

Панаевъ поступилъ легкомысленно въ одномъ дѣлѣ, которое въ сущности вредило только ему самому. Въ его отсутствіе пріатели заговорили объ этомъ съ Бѣлинскимъ.

— Господа! — замѣтилъ Бѣлинскій,—я думаю, никто изъ васъ такъ не озлоблялся, какъ я, на легкомысленность Панаева. Онъ страшно вредитъ самъ себѣ и даетъ ничтожнымъ людшкамъ, не стоящимъ подметокъ его сапоговъ, поводъ глумиться надъ нимъ.

Незлобивость характера у Панаева уподобляется младенцу, теплота его сердца самая рѣдкая въ наше время, въ которое эгоизмъ заглушаетъ въ людяхъ всѣ человѣческія чувства. Я эту сердечную теплоту Панаева испыталъ на себѣ. Да, господа, никто изъ моихъ пріятелей не сдѣлалъ мнѣ лично столько услугъ, какъ Панаевъ! Когда я бѣдствовалъ въ Москвѣ, кто принялъ во мнѣ самое горячее участіе,—Панаевъ! замѣтьте, онъ только-что меня узналъ! Ничего не значить, что я часто ругаю его за его мальчишескія замашки и вѣроятно не мало еще буду бранить, но въ душѣ я высоко цѣню его сердечную теплоту къ людямъ... Вотъ и теперь, господа, изъ всего нашего кружка, кто осуществилъ наше желаніе—издавать журналъ?—все тотъ же легкомысленный Панаевъ! Я не говорю о себѣ, какое важное значеніе для меня имѣеть это предпріятіе, но оно важно и для всѣхъ литераторовъ, потому что «Современникъ» положить конецъ тѣмъ не нормальнымъ отношеніямъ сотрудниковъ къ журналисту, въ которыхъ мы всѣ находились. Необходимо должна быть нравственная связь между журналистомъ и его сотрудниками, а не хозяина къ поденщикамъ. Въ нашемъ кружкѣ находятся люди посолиднѣе и побогаче Панаева, однако, никто не рискнулъ своими деньгами, никому не пришлось въ голову издавать журналъ. А потому, господа, мы всѣ должны сказать отъ чистаго сердца: «да отпустятся ему всѣ его вольные и невольные грѣхи за его отзывчивую и безкорыстную теплоту души»!

Всѣхъ присутствующихъ поразила рѣчь Бѣлинскаго, потому что никто не обращалъ вниманіе на хорошія черты характера Панаева, а всѣ подмѣчали лишь однѣ его слабыя стороны и почему-то относились къ нимъ съ безпощадной строгостью, особенно тѣ люди, которые сами имѣли эти же слабости, но въ еще болѣшей степени. Безпощадная строгость въ кружкѣ къ Панаеву легко объяснялась тѣмъ, что онъ не былъ способенъ мстить, тогда какъ о слабостяхъ другихъ боялись и заикнуться, зная навѣрно, что это не пройдетъ даромъ. Бѣлинскій разъ сердился на Панаева за то, что онъ хлопоталъ о мѣстѣ для одной плутоватой личности.

— Приди къ Панаеву его самый злѣйшій врагъ и попроси хлопотать о немъ, онъ все забудетъ и будетъ лѣзть изъ кожи, чтобы оказать ему услугу,—замѣтилъ при этомъ случаѣ Бѣлинскій.

Всѣ считали какъ бы обязанностью Панаева оказывать услуги и, кромѣ него, не обращались ни къ кому другому.

Поэту Щербинѣ передали, что Панаевъ посмѣялся надъ его манишками и пестрыми жилетами. Щербина очень оскорбился и мстилъ ему за это эпиграммами и рассказами о его слабости къ франтовству; но когда Щербина бѣдствовалъ, то обратился къ Панаеву съ просьбой, чтобы онъ съѣздилъ къ одному важному лицу и отрекомендовалъ бы его на вакантное мѣсто. Панаевъ сейчасъ

же исполнилъ его просьбу, далъ самую лучшую о немъ рекомендацію и даже прибавилъ, что Щербина его очень хорошій пріятель. Панаеву въ голову не приходило рисоваться своими хорошими поступками или окружить себя приживальщиками, которые бы трезвонили о нихъ на всѣхъ перекресткахъ. Кажется, онъ могъ бы по крайней мѣрѣ требовать отъ тѣхъ, которые постоянно ѣли и пили у него, чтобы они хоть не сплетничали на него. Я думаю, не было другого литератора, у котораго для всѣхъ нуждающихся всегда былъ бы готовъ пріютъ, помощь и готовность на всякія услуги.

Когда, въ 1857 году, морское министерство обратилось къ Панаеву съ просьбой рекомендовать благонадежныхъ и способныхъ писателей для командировки ихъ, на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ, по окраинамъ Россіи съ цѣлью описанія разныхъ мѣстностей, Панаевъ, въ числѣ другихъ, рекомендовалъ Писемскаго, по усиленной просьбѣ послѣдняго. Писемскій уѣхалъ и затѣмъ не подавалъ о себѣ никакихъ вѣстей. Наконецъ, возвратясь въ Петербургъ, онъ не представилъ въ морское вѣдомство ни одной строки. По этому поводу Панаеву дѣлали запросы, и онъ, въ свою очередь, сталъ напоминать Писемскому.

— Что вы ко мнѣ пристааете, Панаевъ,—отвѣчалъ тотъ,—угодничаєте тамъ, а я долженъ для васъ бросить начатый свой романъ? Чорта съ два!

Панаевъ доказывалъ Писемскому, что на немъ лежитъ нравственная обязанность доставить описаніе своей поѣздки въ морское вѣдомство и при этомъ сослался на другихъ литераторовъ, приславшихъ свои рукописи даже съ мѣста своей командировки.

— Мнѣ не указъ другіе, наплевать, что на меня претендуетъ ваше морское вѣдомство; когда захочу, тогда и пошлю свою статью. Я не намѣренъ ни передъ кѣмъ вилять хвостомъ!

Въ самомъ дѣлѣ, Писемскому трудно было приняться за описаніе мѣстности, куда онъ былъ командированъ, потому что онъ пробылъ въ ней всего съ недѣлю, такъ какъ онъ застрялъ гдѣ-то по дорогѣ, истратилъ всѣ деньги и ему не съ чѣмъ было развѣзжать для осмотра и изученія того, чтò было нужно.

Писемскій, какъ извѣстно, отличался безцеремонностію въ своихъ манерахъ и разговорахъ.

Тургеневъ болѣе всѣхъ возмущался этими качествами Писемскаго. Послѣ вечера въ одномъ свѣтскомъ салоникѣ, гдѣ Писемскій читалъ свой новый романъ, Тургеневъ, явившись на другой день къ Панаеву, въ отчаяніи говорилъ:

— Нѣтъ, господа, я болѣе ни за какія блага въ мірѣ нигдѣ не буду присутствовать при чтеніи Писемскаго, кромѣ какъ въ нашемъ кружкѣ. Это изъ рукъ вонъ, до чего онъ неприличенъ! Я готовъ былъ сквозь землю провалиться отъ стыда. Вообразите,

явился читать свой романъ, страдая разстройствомъ желудка, по обыкновенію, рыгалъ поминутно, выскакивалъ изъ комнаты и, возвращаясь, оправлялъ свой туалетъ, при дамахъ! Наконецъ, къ довершенію всего, потребовалъ себѣ рюмку водки, каково? Судите, господа, мое положеніе?—плачевнымъ голосомъ произнесъ Тургеневъ.—И какая безтактность, валяеть себѣ главу за главой, всѣ утомились, зѣваютъ, а онъ читаетъ да читаетъ. Хозяйку дома довель до мигрени... Боже мой, уродятся же на свѣтѣ такіе оболтусы! Мнѣ право стыдно теперь показаться въ этотъ домъ. И какая у Писемскаго убійственная страсть всюду навязываться читать свои произведенія? Нѣтъ!.. Я теперь проученъ, не покажусь нигдѣ въ обществѣ, если узнаю, что тамъ находится Писемскій.

Что касается Писемскаго, то онъ остался очень доволенъ своимъ чтеніемъ и рассказывалъ, что произвелъ фуроръ.

— Спросите Тургенева,—ссылался онъ,—когда мы вышли вмѣстѣ, то дорогой онъ мнѣ передалъ, что мой романъ пронялъ даже бабье. Онъ увѣряетъ, что этотъ романъ въ тысячу разъ будетъ выше моего «Тюфяка». Да, я и самъ сознаю, что создалъ важную вещь.

Послѣ ужина, Писемскій заговорилъ съ важностью:

— Господа, намотайте себѣ на усъ, я вѣдь за этотъ романъ назначу высокую плату за листъ. Дудки, я теперь цѣну себѣ знаю. Ужъ развѣдчики засылались ко мнѣ изъ «Отечественныхъ Записокъ» выпытать, сколько я хочу взять за романъ? Тургеневу вы платите дороже съ листа, потому что онъ умѣетъ, шельма, облапошивать васъ и я согласенъ съ нимъ, что надо, съ васъ лупить побольше! Вѣдь, въ сущности, Тургеневъ только эпизодики пишетъ, а я создаю цѣльную жизнь въ своемъ романѣ—это поважнѣе. Значить, я-то еще болѣе имѣю права содрать съ васъ хорошую деньгу. Баста, больше простофилей не буду... нажмемъ васъ! вѣдь безъ насъ вы пропадете; Тургеневъ тонкій дипломатъ, онъ вразумилъ меня, что вамъ пальца въ ротъ не клади.

Такъ какъ Писемскій говорилъ это послѣ ужина, то его словамъ о Тургеневѣ не придали никакого значенія и посмѣялись. Когда затѣмъ рассказъ Писемскаго былъ сообщенъ, въ видѣ шутки, Тургеневу, послѣдній ужасно взбѣсился.

— Да этотъ оболтусъ еще враль! хвастунишка! Нѣтъ, я отобью у него охоту выставлать меня своимъ другомъ!

Тургенева успокоивали, но онъ въ волненіи шагаль по комнатѣ и продолжалъ говорить:

— Только мнѣ такое несчастье выпадаетъ, всѣ лѣзутъ ко мнѣ въ дружбу. Этотъ оболтусъ вздумалъ чуть не каждое утро являться ко мнѣ; не знаешь какъ его спровадить отъ себя, до такой степени онъ надоѣдаетъ своей грубой ругатней; нѣтъ человѣка изъ нашего кружка, котораго бы онъ не выругалъ площаднымъ образомъ. Это, господа, литературный Собакевичъ.

Тургеневъ находилъ, что произведенія Писемскаго такъ же топорны, какъ и онъ самъ.

— Замѣтите,—горячился онъ,—что всѣ его героини выражаютъ благородство своей души пощечинами; меня удивляетъ, какъ его героини еще не ругаются площадными словами въ поэтическихъ сценахъ со своими возлюбленными. Къ чему онъ беретъ описывать порядочныхъ женщинъ и общество, о которомъ не имѣетъ никакого понятія?

Когда вышелъ первый номеръ «Современника», то Бѣлинскій смотрѣлъ на книжку съ такимъ умиленіемъ, съ какимъ смотритъ отецъ на своего первенца, только-что появившагося на свѣтъ. По случаю выхода «Современника» былъ данъ обѣдъ въ редакціи и съ тѣхъ поръ установился обычай, продолжавшійся много лѣтъ,—дѣлать обѣды сотрудамъ каждый мѣсяць.

По тѣсотѣ квартиры не было возможности скрыть что-либо, происходившее въ редакціи «Современника». Любители-вѣстовщики передавали въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ»—какія статьи заготовляются на будущій номеръ и что говорится при этомъ, а затѣмъ, прибѣгая изъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», передавали, что тамъ говорилось о «Современникѣ» и его издателяхъ, конечно, съ разными прибавленіями; все это дѣлалось подъ видомъ живого участія.

Бѣлинскій сердился, что у Панаева бываетъ такъ много гостей.

— Придешь поговорить о дѣлѣ, а у васъ не протолченая труба народу!

Для меня, какъ хозяйки дома, было много хлопотъ. Я должна была принимать гостей, выслушивать всевозможныя сплетни, заботиться объ обѣдахъ, объ ужинахъ, и при этомъ по возможности экономить.

Не помню въ какомъ мѣсяцѣ, февралѣ или мартѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ Герценъ и остановился у насъ. Я удивлялась, какъ Герценъ могъ обходиться безъ сна, потому что выпадали дни, когда онъ положительно не ложился въ постель. Бывало гости засидятся до двухъ, трехъ часовъ ночи, а онъ вдругъ вздумаетъ идти освѣжиться на воздухъ, возвращается часовъ въ восемь утра и начинаетъ стучаться ко мнѣ въ дверь, стыдя, что я такъ долго сплю, что уже пора пить чай. Когда я выходила, онъ пресерьезно говорилъ:

— Знаете ли, самая здоровая вещь—вставать рано утромъ; посмотрите какой у меня свѣжій цвѣтъ лица, а все оттого, что я рано встаю.

Когда между Бѣлинскимъ и Герценомъ завязывался споръ, то всѣ присутствующіе внимательно ихъ слушали. Герценъ, по живости своей натуры, не могъ долго усидѣть на одномъ мѣстѣ и разговаривалъ всегда стоя. Если Бѣлинскій сильно горячился и

закашливался, Герценъ говорилъ какую-нибудь остроуту, которая смѣшила Бѣлинскаго и другихъ, и споръ дѣлался хладнокровнѣе.

Какъ-то разъ, по уходѣ Бѣлинскаго, Герценъ замѣтилъ:

— Господа, а вѣдь у Бѣлинскаго кашель-то скверный.

— Да,—отвѣчалъ Некрасовъ,—его кашель пугаетъ насъ; необходимо отправить его за границу лечиться.

— Какъ же вы обойдетесь безъ него?—спросилъ Герценъ.

— Что дѣлать, какъ-нибудь обойдемся, нельзя же запускать такой кашель. Ему вредно всякое волненіе, а онъ изъ всякаго пустяка въ «Современникѣ» кипятится.

— Но вѣдь на отправку его понадобится порядочная сумма денегъ?—замѣтилъ Герценъ.

— Въ этомъ году трудно будетъ его отправить,—сказалъ Панаевъ,—но на будущій годъ, вѣроятно, подписка на журналъ увеличится, тогда и явится возможность отправить его лечиться. Только поѣдетъ ли?

— Это почему не поѣдетъ?—спросилъ Герценъ.

— Точно вы не знаете его деликатности,—отвѣчалъ Панаевъ,—я было попробовалъ заговорить съ нимъ о заграничной поѣздкѣ, такъ онъ даже разсердился, укоряя, что мы уже вообразили себя капиталистами; да и «Современникъ» онъ ни за что не оставитъ, хотя Некрасовъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы хорошо вести журнальное дѣло, но все-таки можетъ, по неопытности, сдѣлать промахъ, а при той враждебности, съ которой многіе литераторы смотрятъ на «Современникъ», этотъ промахъ дастъ имъ возможность разгуляться во всю надъ журналомъ.

Герценъ совѣтовалъ устроить консультацію изъ лучшихъ докторовъ, но Некрасовъ замѣтилъ на это, что такимъ предложеніемъ можно очень напугать Бѣлинскаго.

— Употребите хитрость, пригласите докторовъ, а его заманите къ себѣ—будто бы по дѣлу.

— Догадается,—сказалъ Некрасовъ.

— Можно сказать... ну, хоть, что я для себя созвалъ докторовъ,—отвѣтилъ Герценъ.

Всѣ засмѣялись.

— Что вы смѣтаетесь, господа,—продолжалъ онъ,—право у меня очень серьезная болѣзнь—вѣдь вы сами знаете, что я не сплю по ночамъ!

Трудно было исполнить совѣтъ Герцена относительно консультаціи докторовъ, потому что Бѣлинскій былъ убѣжденъ, что его кашель происходитъ просто отъ застарѣвшаго желудочнаго катарра, и находился постоянно въ такой возбужденной дѣятельности, что не обращалъ вниманія на свое здоровье, а если чувствовалъ упадокъ силъ, то приписывалъ это простудѣ или нервному раздраженію отъ непріятностей.

Послѣ отъѣзда Герцена, у насъ водворилась какая-то тишина и пустота, потому что онъ необыкновенной живостью своего характера оживлялъ всѣхъ, а послѣ его остроумныхъ разговоровъ, казалось, что всѣ другіе говорятъ вяло, какъ-то размазываютъ свою мысль, тогда какъ Герценъ передавалъ ее всегда сжато, рельефно и блестяще; она сверкала точно молнія.

Герценъ пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ и кстати хлопоталъ о разрѣшеніи ѣхать за границу, чего вскорѣ и добился.

Съ перваго же года «Современнику» повезло. Въ февральской книжкѣ 1847 года былъ напечатанъ романъ Гончарова «Обыкновенная исторія», имѣвшій огромный успѣхъ. Боже мой! какъ заволновались любознательные литераторы. Они старались развѣдать настоящую и прошлую жизнь новаго писателя, къ какому сословию онъ принадлежитъ по рожденію, въ какой средѣ вращается и т. п. Многіе были недовольны сдержанностью характера Гончарова и приписывали это его апатичности. Тургеневъ объявилъ, что онъ со всѣхъ сторонъ «штудировалъ» Гончарова и пришелъ къ заключенію, что онъ въ душѣ чиновникъ, что его кругозоръ ограничивается мелкими интересами, что въ его натурѣ нѣтъ никакихъ порывовъ, что онъ совершенно доволенъ своимъ мизернымъ міромъ и его не интересуютъ никакіе общественные вопросы, «онъ даже какъ-то боится разговаривать о нихъ, чтобъ не потерять благонамѣренность чиновника. Такой человѣкъ далеко не пойдетъ— посмотрите, что онъ застрянетъ на первомъ своемъ произведеніи».

Странно, что предсказанія Тургенева о литературной будущности его современниковъ почти никогда не оправдывались. Напримѣръ, приведя къ Панаеву знакомиться Апухтина, тогда еще юнаго правовѣда, онъ предсказывалъ, что такой поэтической талантъ, какимъ обладаетъ Апухтинъ, составитъ въ литературѣ эпоху и что Апухтинъ своими стихами пріобрѣтетъ такую же извѣстность, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Объяснить подобную странность въ Тургеневѣ можно тѣмъ, что онъ сильно увлекался первыми впечатлѣніями, потому что никакъ нельзя было заподозрить его въ отсутствіи художническаго литературнаго пониманія. Онъ былъ прекрасно образованъ, много читалъ, самъ былъ тонкимъ художникомъ въ своихъ произведеніяхъ и когда говорилъ объ иностранной или русской литературѣ, то видно было, что онъ тонкій и строгій цѣнитель. Расскажу одинъ эпизодъ, случившійся съ Тургеневымъ. Онъ зналъ, что на слѣдующій номеръ «Современника» не имѣлось ничего хорошаго для отдѣла беллетристики; приходилось печатать плохенькую повѣсть, и вотъ онъ прибѣгаетъ въ редакцію и радостно объявляетъ Некрасову, что вчера въ одномъ свѣтскомъ обществѣ онъ присутствовалъ при чтеніи однимъ молодымъ авторомъ его перваго произведенія, что это такая прелесть, послѣ которой онъ долженъ изломать свое перо, чтобы не осрамиться передъ та-

кимъ новымъ талантомъ и совѣтоваль Некрасову поспѣшить пріобрѣсти эту повѣсть, завѣряя, что она сразу прибавитъ 500 подписчиковъ. Некрасовъ обрадовался, просилъ Тургенева похлопотать, чтобы эта повѣсть попала въ «Современникъ» и даже сдѣлалъ распоряженіе въ типографіи, чтобы прекратили наборъ данной имъ раньше повѣсти. Оказалось, что хваленая повѣсть еще была не окончена и авторъ самъ черезъ полторы недѣли привезъ ее въ редакцію. Это былъ московскій молодой франтикъ, подѣхавшій въ каретѣ четверней, потому что остановился у своей тетушки старушки, которая иначе не выѣзжала, какъ съ фореиторомъ. Некрасовъ, не прочитавъ рукописи, немедленно послалъ въ типографію набирать, потому что ожиданіе этой повѣсти и такъ задержало выходъ книжки. Когда принесли изъ типографіи корректуру, Некрасовъ пришелъ въ отчаяніе. Всѣ дѣйствующія лица въ повѣсти были графы, каммергеры, графини, княгини; герой и героиня выражались до того высокопарно, что возбуждали смѣхъ; кромѣ вычурнаго слога, повѣсть была пересытана массой какихъ-то туманныхъ философскихъ разсужденій.

Когда Тургеневъ пришелъ къ обѣду, Некрасовъ, не говоря ни слова, прочелъ ему выдержки изъ этой повѣсти. Тургеневъ смѣялся до слезъ и, наконецъ, сказалъ: «это навѣрно Панаевъ выкинулъ такую штуку, не рѣшился отказать какому-нибудь изъ своихъ аристократовъ, который пустился въ литературу». Тогда Некрасовъ объявилъ, что не Панаевъ, а онъ рекомендовалъ эту повѣсть. Тургеневъ привскочилъ съ мѣста и съ удивленіемъ воскликнулъ: «да это не можетъ быть!» Когда же убѣдился, что это вѣрно, то схватилъ себя за голову и жалобно произнесъ: «что за помраченіе нашло на меня! Какъ я такъ опростоволосился?» Тургеневъ объяснилъ, что онъ слушалъ чтеніе этой повѣсти въ блаженномъ одуреніи, сидя близко къ одной барынѣ, которая ему очень нравилась, что онъ упивался ароматомъ ея головы, блаженствовалъ, когда она поворачивала свою голову къ нему и тихо сообщала свои восторги о повѣсти, что ея губки такъ близко были къ его щекѣ. Онъ былъ мастеръ описывать свои ощущенія въ этомъ родѣ.

Некрасовъ въ наказаніе засадилъ Тургенева исправлять высокопарные разговоры героини и героя въ его хвальной повѣсти. Тургеневъ, проработавъ немного, всталъ изъ-за стола, сказавъ: «хорошенько надо было бы высѣчь автора, чтобы онъ не смѣлъ никогда браться за перо! Да ужъ и меня кстати!»

Сожалѣю, что не могу вспомнить названія этой повѣсти, помню одно, что она была напечатана въ началѣ 50-хъ годовъ.

Съ тѣхъ поръ Некрасовъ былъ остороженъ и не полагался на похвалы Тургенева, когда тотъ бралъ подъ свое покровительство молодыхъ людей, начинавшихъ свое литературное поприще.

П. В. Анненковъ выступилъ на литературное поприще, кажется,

въ 1848 году, разсказомъ подъ названіемъ «Кирюша». Тургеневъ стыдилъ Некрасова, что онъ срамитъ журналъ, печатая такую бездарность, и за глаза иначе не называлъ Анненкова, какъ «нашъ Кирюша». Кажется въ беллетристическомъ родѣ онъ ничего болѣе не писалъ.

Весной 1847 года, Бѣлинскій уѣхалъ за границу, но неожиданно вернулся въ концѣ августа, тогда какъ долженъ былъ пребыть тамъ до тѣхъ поръ, пока не установится зима.

Бѣлинскій пришелъ ко мнѣ на третій день по своемъ возвращеніи. Я очень порадовалась, найдя, что онъ казался бодрѣе.

— Такимъ ли я былъ молодцомъ! — сказалъ мнѣ Бѣлинскій, — я еще измучился отъ дороги; шутка ли, скакалъ безъ передышки въ Петербургъ и въ страшномъ испугѣ, такую получилъ изъ дома телеграмму, думалъ Богъ знаетъ что, а оказались всѣ живы и здоровы, только напрасно перепугали меня. Впрочемъ, теперь я доволенъ; если ужъ вернулся, то надо засѣсть за работу; просто совѣстно, какъ я мало поработалъ въ «Современникѣ».

Я не совѣтовала ему слишкомъ налегать на работу.

— Надо же мнѣ поквитаться, — твердилъ онъ, — я ужаснулся, когда сосчиталъ, сколько прожилъ денегъ.

Я перемѣнила разговоръ, чтобы отвлечь Бѣлинскаго отъ его личныхъ денежныхъ дѣлъ.

— Каковъ Некрасовъ, — сказалъ онъ, — предлагаетъ какую штуку — изданіе иллюстрированнаго альманаха! Ну, коммерческая голова у него! Одного боюсь, что такой альманахъ будетъ стоить очень дорого, какъ бы они не зарвались, и такъ уже каждая книжка «Современника» обходится почти вдвое дороже противъ первоначально составленной смѣты расходовъ по журналу. Сколько теперь остается денегъ, чтобы дотянуть годъ? — спросилъ онъ меня.

Я не имѣла никакихъ свѣдѣній о хозяйственной части журнала. Бѣлинскій съ самаго начала изданія «Современника» очень озабочивался денежными дѣлами журнала, боясь, чтобы онъ не прекратился по недостатку средствъ. Мысль давать при «Современникѣ» приложенія была новостью въ литературѣ и произвела сенсацію въ литературномъ мірѣ: одни одобряли выдумку Некрасова, другіе же печатно набросились на издателей «Современника», обвиняя ихъ въ томъ, что они прибѣгаютъ къ непозволительнымъ средствамъ для приманки подписчиковъ, унижаютъ журналистику въ глазахъ публики, вѣроятно, скоро будутъ обѣщать своимъ читателямъ по боченку селедокъ, по куску мыла и т. п. Можно судить, какъ обрадовались враги «Современника», когда объемистый «Иллюстрированный Альманахъ», уже процензурованный, былъ задержанъ и его вновь начали пересматривать въ главномъ цензурномъ комитетѣ,

Переворотъ въ Парижѣ 1848 года печально отозвался на русской литературѣ. Графъ Бутурлинъ былъ назначенъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета и получилъ, какъ говорили, самыя строгія инструкціи. «Альманахъ» въ рукахъ цензуры сталъ чахнуть: изъ него выбрасывались цѣлыя статьи и калѣбчились тѣ, которыя оставались. Мое первое произведеніе «Семейство Тальниковыхъ» помѣщенное въ «Альманахѣ» обратило особенное вниманіе Бутурлина. Онъ собственноручно дѣлалъ замѣтки на страницахъ: «цинично», «неправдоподобно», «безнравственно» и въ заключеніе подписалъ: «не позволяю за безнравственность и подрывъ родительской власти». Безконечныя задержки и перепечатки статей требовали много расходовъ, но въ особенности было непріятно, что старые подписчики за 1847 г. и новые за 1848 г. сильно претендовали, не получая обѣщаннаго приложенія, присылали въ редакцію запросы и ругательныя письма, а цензура не позволяла напечатать никакихъ оправданій въ задержкѣ обѣщаннаго приложенія. Газеты и журналы поджигали подписчиковъ «Современника», увѣряя, что издатели ихъ надули, хотя всѣ литераторы отлично знали причины задержки выпуска «Иллюстрированнаго Альманаха». Некрасову и Панаеву, послѣ усиленныхъ просьбъ, дозволили только напечатать въ журналѣ просьбу къ подписчикамъ, чтобы они потерпѣли еще нѣкоторое время, что редакція непременно выдастъ приложеніе подъ названіемъ «Литературный Сборникъ». Даже прежняго названія не дозволила цензура¹⁾. Наконецъ, только въ 1849 году было разослано подписчикамъ приложеніе. Но вся эта кутерьма съ «Иллюстрированнымъ Альманахомъ» и глумленіе печати надъ «надувательствомъ» издателей «Современника» повліяли на подписку, такъ что изъ трехъ съ половиною тысячъ подписчиковъ убыло почти двѣ тысячи. При томъ же, въ публикѣ распространялись слухи, что «Современникъ» прекращается. Не помогли даже письма, разосланныя всѣмъ подписчикамъ отъ издателей, что приложеніе вышло несвоевременно не по ихъ винѣ. Некрасовъ страшно рисковалъ разсылкой такихъ писемъ, но это дѣлалось очень секретно и письма адресовались съ разборомъ.

Я уже сказала, что мое первое произведеніе было запрещено. Никто изъ литераторовъ не зналъ, что я пишу и я не хотѣла,

¹⁾ Черезъ 20 лѣтъ я узнала случайно, что «Альманахъ» съ «Семействомъ Тальниковыхъ» можно достать въ бібліотекахъ для чтенія. Такъ какъ онъ сначала былъ дозволенъ цензурой, то никто не зналъ, что это контрабанда. «Альманахъ» появился въ продажѣ слѣдующимъ образомъ: когда онъ былъ запрещенъ, то листы были свалены на чердакъ при квартирѣ редакціи. Когда надо было переѣзжать на другую квартиру, то я пошла на чердакъ и удивилась, замѣтя, что пачки листовъ развязаны и валялись въ беспорядкѣ. Прислуга объяснила мнѣ, что бывшій лакей Некрасова водилъ на чердакъ букинистовъ и продавалъ имъ бумагу на вѣсъ. Ясно, что изъ этихъ листовъ составлялись книжки и втихомолку распродавались.

чтобы объ этомъ преждевременно толковали. Когда Бѣлинскому, по обыкновенію, были отосланы набранные листы «Семейства Тальниковыхъ», то онъ потребовалъ, чтобы Некрасовъ немедленно пришелъ къ нему. Бѣлинскій уже былъ такъ боленъ, что не выходилъ болѣе изъ дому. Литературныя передраги и страшныя гоненія на литературу надорвали окончательно его силы и чахотка развивалась съ необычайной быстротой.

Поэтому я была крайне изумлена, когда, вдругъ, совершенно неожиданно, Бѣлинскій явился ко мнѣ. Онъ долго не могъ отдышаться, чтобы заговорить.

— Я сначала не хотѣлъ вѣрить Некрасову, что это вы написали «Семейство Тальниковыхъ», — сказалъ онъ, — какъ же вамъ не стыдно было давно не начать писать? Въ литературѣ никто еще не касался столь важнаго вопроса, какъ отношеніе дѣтей къ ихъ воспитателямъ и всѣхъ безобразій, какія продѣлываютъ съ бѣдными дѣтьми. Еслибы Некрасовъ не назвалъ васъ, а потребовалъ бы, чтобы я угадалъ, кто изъ моихъ знакомыхъ женщинъ написалъ «Семейство Тальниковыхъ», ужъ извините, я ни за что не подумалъ бы, что это вы.

— Почему? — спросила я.

— Такой у васъ видъ; вѣчно въ хлопотахъ о хозяйствѣ.

Я размѣялась и добавила:

— А, вѣдь, я вѣчно только думаю объ однихъ нарядахъ, какъ это всѣ рассказываютъ.

— Я, грѣшный человѣкъ, тоже думалъ, что вы только о нарядахъ думаете. Да плюньте вы на всѣхъ, пишите и пишите!

Бѣлинскій сталъ меня спрашивать, что я намѣрена еще написать.

— Да пока еще ничего, очень можетъ быть, что не буду въ состояніи еще написать чтѣ-нибудь.

— Вздоръ! сейчасъ же пишите чтѣ-нибудь... Давайте мнѣ честное слово, что засядете писать!

Для его успокоенія я дала слово скоро приняться за работу. Бѣлинскій, разговаривая, поминутно долженъ былъ останавливаться отъ капля. Онъ просидѣлъ у меня довольно долго.

— А мнѣ хорошо у васъ... Какъ-то вспомнилось все прошлое, какъ я познакомился съ вами, какъ васъ дразнилъ, какъ мы пріѣхали въ Петербургъ. Какимъ я былъ тогда и чѣмъ сдѣлался теперь. И думалъ ли я, что увижу такое гоненіе на литературу.

Бѣлинскій печально понурилъ голову.

— Ну, пора домой! и такъ безъ конца ворчали на меня, что я захотѣлъ выдти изъ дому; я во что бы то ни стало хотѣлъ видѣть васъ. Вернусь и опять на меня будутъ ворчать, зачѣмъ я долго засидѣлся у васъ.

И медленно вставъ съ дивана, онъ протянулъ мнѣ руку, го-

вора: «прощайте, выполните же ваше честное слово—пишите! Богъ знаетъ, когда мы еще увидимся».

Я проводила Бѣлинскаго до передней и лакей свелъ его съ лѣстницы и усадилъ на извозчика, хотя онъ жилъ очень близко отъ насъ. Это было наше послѣднее прощанье. Я уже болѣе его не видала.

Послѣднее время я прекратила свои посѣщенія въ семейные дома, гдѣ собирался по вечерамъ кружокъ общихъ знакомыхъ. Мнѣ опротивѣли постоянныя сплетни и послѣ одной изъ нихъ, гдѣ былъ замѣшанъ Бѣлинскій, я сказала ему, что прекращаю свои посѣщенія ко всѣмъ нашимъ общимъ знакомымъ, въ томъ числѣ и къ нему. Онъ одобрилъ мое намѣреніе, сказавъ:

— Въ самомъ дѣлѣ это будетъ лучше, меньше будетъ всякихъ разговоровъ и непріятностей.

Очень долго никто не догадывался о моемъ рѣшеніи. Всѣ приписывали случайности, что я не бывала ни у кого. Но за то, когда догадались, что я прекратила всякое сношеніе съ дамскимъ кружкомъ, то такъ озлобились на меня, что перестали даже кланяться со мной на улицѣ, оскорбясь тѣмъ, что не догадались раньше и бывали у меня. Мое писательство раздражило ихъ еще болѣе, и всѣ кричали, что пишу не я, а Панаевъ и Некрасовъ, по моему желанію, выдаютъ меня за писательницу.

Смерть Бѣлинскаго можетъ быть избавила его отъ большихъ непріятностей. Только по удостовѣренію его доктора Тильмана, что дни больного сочтены, Бѣлинскаго оставили въ покоѣ. Носились слухи, что ему грозила высылка изъ Петербурга и запрещеніе писать. Не было ли это для него равносильно смерти.

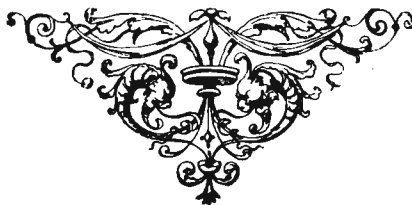
Я забыла упомянуть, что въ 1847 году, не помню въ какомъ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ проѣздомъ былъ Гоголь. Онъ изъявилъ Панаеву желаніе пріѣхать къ нему вечеромъ посмотрѣть на молодыхъ сотрудниковъ «Современника», при чемъ, конечно, сдѣлалъ свою обычную оговорку, чтобы ни постороннихъ лицъ, ни дамъ не было. За часъ до прибытія Гоголя, въ кабинетѣ Панаева собрались: Гончаровъ, Григоровичъ, Кронебергъ и еще кто-то, а изъ старыхъ московскихъ знакомыхъ Гоголя были Боткинъ и Бѣлинскій. Гоголь просидѣлъ не долго; когда онъ уѣхалъ, я вышла въ кабинетъ и замѣтила, что у всѣхъ на лицахъ было недоумѣвающее выраженіе и всѣ молчали, одинъ Бѣлинскій, рассказывая по комнатѣ, находился въ возбужденномъ состояніи и говорилъ:

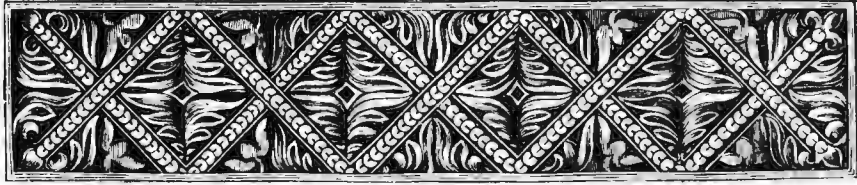
— Не хотѣлъ выслушать правды—убѣжалъ, еще лучше. Я въ письмѣ изложу ему все!.. Нѣтъ, съ Гоголемъ что-то творится... И что за тонъ онъ принялъ на себя, точно директоръ департамента, которому представляютъ его подчиненныхъ чиновниковъ... Зачѣмъ пріѣзжалъ?

На другой же день вечеромъ Бѣлинскій пришелъ къ Панаеву и прочиталъ свое извѣстное теперь письмо къ Гоголю. При чтеніи письма находилось нѣсколько человѣкъ пріятелей и копія съ него тутъ же была списана. Письмо было передано частнымъ образомъ Гоголю.

А. Головачева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ ¹⁾.

(Изъ одной семейной хроники).

Актриса.

VI.

ВЪ НАМЪ ѣздилъ—каждый мѣсяць два раза—нашъ годовой докторъ Богданъ Карловичъ Нусбаумъ. Обыкновенно онъ пріѣзжалъ къ вечеру, осматривалъ насъ, т. е. мы ему высовывали языки, онъ щупалъ пульсъ, прикладывалъ руку къ щекамъ, къ головамъ, шутилъ съ нами, смѣялся, иногда что-нибудь «на всякій случай» прописывалъ. Къ нему также приходили дворовые, мужики, бабы—онъ долженъ былъ и ихъ лечить,—а къ тѣмъ, которые были трудно больны и не могли придти сами, онъ ѣздилъ въ ихъ избы, для чего ему запрягали легкой экипажъ и онъ отправлялся. Богданъ Карловичъ всегда оставался у насъ ночевать, утромъ пилъ чай, завтракалъ и, если у насъ все было благополучно, ѣхалъ дальше, къ другимъ, у кого онъ тоже былъ годовымъ. Эти разъезды онъ совершалъ всегда на лошадахъ тѣхъ помѣщиковъ, которыхъ лечилъ. Къ намъ пріѣдетъ на Васюковскихъ лошадахъ, а отъ насъ, къ Емельяновымъ, поѣдетъ на нашихъ, отъ Емельяновыхъ, дальше, ужъ на ихъ—такимъ образомъ.

Богдана Карловича мы съ сестрой не любили: онъ былъ весь какой-то притворный, не естественный: и шутилъ онъ съ нами, и

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV. стр. 607.

смѣялся все какъ-то дѣланно, искусственно. Особенно противно онъ смѣялся—громко, закатиисто и сейчасъ видно, что нарочно: ничего смѣшного нѣтъ, а онъ смѣется... Такъ, изъ разговоровъ, мы слышали, что онъ имѣеть очень много денегъ и ему должны были многіе. Ему каждый годъ два раза—передъ Рождествомъ и передъ Пасхой—посылали овса, муки, крупы, масла, ветчины, куръ, утокъ, гусей: посылають исправнику, становому, судейскимъ, почтмейстеру — и ему тоже. Деньгами—я не знаю, что ему платили.

Онъ былъ тоже помѣщикъ—не самъ онъ, а жена его: онъ былъ женатъ на чьей-то вдовѣ, у которой было гдѣ-то въ нашемъ же уѣздѣ, имѣніе, но они тамъ не жили, а жили въ городѣ, куда за нимъ и посылали, если было что нужно.

На другой день, вотъ послѣ того, какъ ночью слышали голосъ «Андрюшки», проскакавшаго назадъ изъ города, по предположенію съ докторомъ, когда мы только-что утромъ отпили чай и хотѣли съ Анной Карловной идти заниматься въ классную, доложили, что пріѣхалъ этотъ Богданъ Карловичъ Нусбаумъ, а вслѣдъ за тѣмъ, въ качествѣ домашняго человѣка, онъ и самъ явился въ столовую.

Онъ вошелъ, по обыкновенію, шумно, сейчасъ же засмѣялся своимъ притворнымъ смѣхомъ и въ одно и то же время началъ и здороваться съ матушкой—отца не было дома—и шутить съ нами.

— Богданъ Карловичъ, вы отъ Петра Васильевича?—спросила его матушка.

— Отъ Петра Васильевича,—отвѣчалъ онъ, и вдругъ сдѣлалъ серьезное лицо, пересталъ смѣяться, оставилъ насъ и сѣлъ къ столу.

Матушка и Анна Карловна посмотрѣли на него вопросительно.

— Плохо... Тамъ очень плохо...—наконецъ выговорилъ онъ. И сейчасъ же добавилъ:—Только не «эта», не то, что вы думаете. У «нея» еще ничего нельзя сказать, что такое... Ну, можетъ быть, будетъ маленькій тификъ... Но кучеръ и потомъ этотъ лакей...

Матушка и Анна Карловна смотрѣли на него съ величайшимъ любопытствомъ и недоумѣніемъ, не произнося ни слова. Богданъ Карловичъ, сказавъ это, тоже замолчалъ и, поглядывая на насъ чрезъ свои очки, постукивалъ пальцами по столу.

— Да... очень плохо можетъ кончиться,—повторилъ онъ.

Матушка, наконецъ, сказала:

— Да что такое?

— Вы развѣ не знаете?—удивился Богданъ Карловичъ.

— Ничего.

— Петръ Васильевичъ ихъ страшно наказалъ... Такъ нельзя наказывать... Ну, они виноваты, зачѣмъ послушались ее, поѣхали чрезъ ледъ, ихъ можно было наказать, но не такъ...

— И что жъ теперь?—проговорила матушка.

— Я не знаю. Кучеръ, можетъ быть, уже умеръ теперь. Я уѣхалъ...

Богданъ Карловичъ помолчалъ немного, опять побарабанилъ по столу и спросилъ: гдѣ отецъ, скоро ли онъ придетъ, все ли у насъ здоровы?

— Анна Карловна, ну, вы идите, ведите ихъ въ классную,— сказала матушка, видимо желая наединѣ и подробнѣе разспросить Богдана Карловича: она это всегда такъ дѣлала къ крайнему нашему неудовольствію.

— Да... да...— повторялъ онъ.— Ну, а что они?— указывая на насъ головой, говорилъ докторъ:—ничего?

— Ничего, слава Богу.

— Ну, впрочемъ, я у васъ сегодня пробуду, успѣемъ,—сказалъ Богданъ Карловичъ, намекая на то, что онъ еще успѣетъ насъ осмотрѣть и теперь не задерживаетъ насъ, можемъ идти въ классную.

Анна Карловна встала и увела насъ.

Изъ столовой въ классную надо было идти черезъ ту комнату, гдѣ висѣлъ дядинъ портретъ верхомъ на лошади. Проходя мимо, я съ какимъ-то страннымъ чувствомъ посмотрѣлъ на него—долго, пристально...

И сестра Соня, и Анна Карловна были—можетъ мнѣ казалось—тоже въ какомъ-то странномъ состояніи...

Мы, наконецъ, усѣлись и гувернантка начала намъ диктовать. Этотъ пріемъ она всегда дѣлала, когда хотѣла сразу занять насъ, чтобы мы не разговаривали и чтобы ей было свободно думать и не разговаривать съ нами: никакихъ программъ и распределеній занятій у насъ, конечно, не было.

Я писалъ, а слышанное у меня не выходило изъ головы. На какомъ-то перерывѣ я, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ:

— За что же онъ ихъ такъ наказывалъ?

— Кого?—несообразивъ, вдругъ сказала Анна Карловна.

— А вотъ кучера и лакея.

Но Анна Карловна ужъ спохватилась и строго и сухо отвѣтила:

— Это не ваше дѣло.

— Вѣдь, «она» имъ велѣла ѣхать...—продолжалъ я.—Чѣмъ же они виноваты?

— Это не ваше дѣло, я вамъ сказала.

Она начала диктовать и мы опять принялись писать. Снова, черезъ сколько-то времени наступилъ перерывъ, и я опять не совладѣлъ съ собою—я весь былъ поглощенъ этой мыслью—и спросилъ:

— Ну, а если они умрутъ?

— Кто?—сказала Анна Карловна и, недожидаясь моего отвѣта, понявъ о комъ я говорю, сказала:

— Если вы не перестанете, будете продолжать, я пойду и скажу мамашѣ, что вы мѣшаете, не даете заниматься и Сонѣ.

Я писалъ крайне невнимательно, надѣлалъ массу ошибокъ, Анна Карловна возмущалась и когда насъ позвали изъ классной завтракать—мы оставались въ классной и по окончаніи занятій, она почему-то не выпускала насъ—Анна Карловна идя съ нами, пригрозила мнѣ, что скажетъ обо всемъ матушкѣ. Но я ни мало не былъ этимъ смущенъ. Меня гораздо больше занимала мысль, не услышу ли я за завтракомъ отъ Богдана Карловича еще чего-нибудь.

Но къ удивленію нашему Богдана Карловича за завтракомъ не было. Отецъ съ матушкой ужъ сидѣли за столомъ. Отца я не видѣлъ еще сегодня и потому подошелъ къ нему поздороваться.

— А гдѣ же Богданъ Карловичъ?—спросилъ я.

— Онъ уѣхалъ въ Прудки. За нимъ присылали. Онъ сегодня опять пріѣдетъ,—отвѣтилъ мнѣ отецъ.

Оба они—и отецъ и матушка—сидѣли смущенные. Лакей, подававшій кушанье, былъ тоже особенно какъ-то серьезенъ и ходилъ совсѣмъ неслышными шагами. Анна Карловна не пожаловалась на меня: она сразу поняла, что теперь не моментъ...

Мы молча, почти не проронивъ ни одного слова, позавтракали, и когда встали, матушка сказала Аннѣ Карловнѣ, чтобы мы пошли въ садъ погулять, гдѣ просохли дорожки, и чтобы она только посмотрѣла крѣпкія ли у насъ калоши и вообще обувь:

— А если они не будутъ слушаться и станутъ ходить, гдѣ мокро, вы тогда скажите мнѣ: я другой разъ не пушу.

— Слышите,—обратясь ко мнѣ, внушительно замѣтила Анна Карловна.

— А что? Онъ развѣ не слушается?—проговорила матушка.

— Такъ... я вамъ послѣ скажу,—отвѣтила Анна Карловна.

VII.

Какъ это всегда бываетъ весною, садъ, еще какихъ-нибудь три-четыре дня до того покрытый весь лужами и мѣстами даже нарастаящимъ еще снѣгомъ, теперь былъ почти весь уже сухой. На дорожкахъ еще кое-гдѣ стояли лужи, но куртины, покрытыя старой, желто-сѣрой прошлогодней травой, были уже совсѣмъ сухія. Анна Карловна и мы пошли по куртинамъ, по этой старой сухой травѣ. День былъ чудесный, солнечный; было даже жарко: насъ страшно кутали всегда.

Пробираясь изъ одной куртины въ другую, мы дошли до дорожки, пересѣкавшей намъ путь; на ней стояла почти сплошная лужа. А тамъ дальше казалось такъ хорошо, тамъ такія сухія, просторныя куртины, а главное, тамъ дальше наша любимая скамеечка, на которой мы всю зиму съ самой осени еще не сидѣли. Мы долго искали сухого перехода и хотѣли было отказаться совсѣмъ отъ мысли попасть туда, какъ вдругъ увидали, что идетъ оттуда,

изъ того конца сада, нашъ садовникъ Михай. Онъ былъ въ длинныхъ сапогахъ и онъ насъ выручилъ: принесъ какихъ-то обрубокъ, дощечекъ, откуда-то соломы, камышу, которымъ на зиму обвязываютъ отъ холода и отъ зайцевъ молодыя яблони, и Анна Карловна перешла по этой импровизированной плотинѣ черезъ лужу, а насъ съ сестрой онъ перенесъ туда на рукахъ.

— А какъ же, Михай, мы назадъ-то перейдемъ? Ты придешь, перенесешь ихъ опять?—спросила его Анна Карловна.

Михай замаялся, видимо хотѣлъ что-то сказать и не говорилъ.

— Мы съ полчаса тамъ погуляемъ и придемъ опять сюда,— продолжала Анна Карловна.

Но Михай, пожимаясь какъ-то нерѣшительно, объявилъ намъ, что сейчасъ идетъ къ отцу проситься, чтобы онъ его отпустилъ на сегодня въ Прудки:

— Вѣдь за этимъ за самымъ Дмитриемъ, котораго Петръ Васильевичъ засѣкли то, моя дочь замужемъ,— сказалъ онъ,— хочется посмотреть ея, что она и какъ тамъ все это...

— А ужъ онъ умеръ развѣ?—живо спросилъ я.

— Умеръ, сказываютъ,—отвѣтилъ Михай.—И Василій лакей помираетъ. Человѣкъ этотъ, который сейчасъ съ Прудковъ за докторомъ прѣзжалъ, сказывалъ...

Я помню, меня при этомъ какъ-то словно надавило чѣмъ въ темя и потомъ застучало въ вискахъ...

Со мною это иногда и теперь бываетъ въ случаяхъ сильно чѣмъ-нибудь меня взволновавшихъ, и потому я живо помню, и понимаю то, что тогда со мною было...

Анна Карловна пришла въ смущеніе отъ этакаго неожиданнаго разговора его съ нами, растерялась даже, что-то ему отвѣтила— чтобы онъ кого другого прислалъ со двора насъ перенести, или чтобы еще наложилъ поскорѣе соломы и тростнику, и мы тогда перейдемъ сами, что-то въ родѣ этого—и поспѣшила съ нами отъ него.

Но я ужъ не унимался. Тутъ ужъ она не могла меня остановить:

— Хорошо, хорошо,—все повторяла она мнѣ.

— Да чтожь такое я сдѣлалъ?

— Хорошо, хорошо.

— Ничего я не сдѣлалъ. Михай всѣмъ рассказывалъ, а я васъ спросилъ телько,—оправдывался я.

— Хорошо, ничего,—твердила она.

— Да ничего,—повторялъ и я.

— Вотъ увидите, придемъ.

Но она и тутъ, когда пришли домой, ничего не сказала матушкѣ, хотя раздражена была на меня до послѣдней степени.

— Она ей уже вечеромъ скажетъ, когда спать пойдетъ,—замѣтила мнѣ сестра...

Богданъ Карловичъ вернулся изъ Прудковъ внезапно, и случилось это такъ, что мы только-что сѣли пить чай, а онъ вошелъ, такъ что намъ нельзя было удалиться сейчасъ же съ Анной Карловой.

Онъ вошелъ съ необыкновенной серьезностью, даже важностью на лицѣ. На устремленные на него вопросительные взгляды матушки и отца онъ отвѣтилъ утвердительнымъ наклоненіемъ головы и потомъ нѣсколько разъ покивалъ ею, вздохнулъ и поднялъ плечи, какъ бы желая этимъ сказать: «Что дѣлать—несчастіе»...

— Оба? И Василій?—спросилъ отецъ.

— Оба,—отвѣтилъ Богданъ Карловичъ и наклонилъ въ знакъ согласія голову. Это онъ всегда дѣлалъ въ трагическій моментъ.

Отецъ всталъ, сдѣлалъ два шага, и опять вернулся на свое мѣсто, сѣлъ.

— А что ему за это будетъ?—вдругъ неожиданно и для себя самого брякнулъ я, такъ что всѣ на меня оглянулись.

— Ну, будетъ... Ничего, вѣроятно, Богъ дастъ, не будетъ, потому что это могло произойти съ ними и отъ удара,—началъ было объяснять, не понимая нашихъ порядковъ, Богданъ Карловичъ.

— Богданъ Карловичъ, чаю, чтожъ? съ ромомъ?—вдругъ заговорила матушка.

Она перемѣнила разговоръ, хотѣла замаять и мой вопросъ и его объясненія мнѣ...

Мы допили чай и ушли.

Дня черезъ три кто-то при насъ проговорился, что «ихъ» похоронили. Былъ кто-то тамъ, въ Прудкахъ, и, возвратившись оттуда, рассказывалъ, что «ихъ» сегодня утромъ похоронили...

А еще нѣсколько дней спустя у насъ былъ кто-то изъ сосѣдей и въ разговорѣ, смѣясь, замѣтилъ, такъ между прочимъ, что, говорить, у Петра Васильевича было маленькое несчастіе и это ему теперь наука будетъ...

Слышалъ я потомъ разговоръ и о томъ, что «это дѣло» Петру Васильевичу стоило все-таки дорого: онъ заплатилъ сколько-то — крупную какую-то цифру—доктору Богдану Карловичу за что-то—онъ писалъ какое-то свидѣтельство при этомъ—и потомъ исправнику...

Вообще всѣ были того мнѣнія и такъ относились къ этому «случаю», что это просто несчастіе: не нарочно же онъ ихъ засѣкъ? Еслибы онъ зналъ, что онъ ихъ засѣчетъ, онъ не сталъ бы этого дѣлать и всѣ винули больше не его самого, а его управляющаго Максима Ефимова, который долженъ былъ то-то и то-то при этомъ сдѣлать и тогда ничего бы не было...

Но дворовые и вообще всѣ не господа, чьи разговоры объ этомъ урывками мнѣ все-таки доводилось кое-какъ время отъ времени слышать, относились къ «этому дѣлу» иначе.

— Отольются ему эти сиротскія слезки, — вѣдь у Дмитрія-то кучера, пять человѣкъ дѣтей осталось...

— Василий-то въ прошломъ году только женился, и надняхъ передъ тѣмъ его жена только-что родила...

— А гдѣ же эти дѣти? — кого-то спросилъ я.

— Дмитриевыхъ дѣдушка (Михей, садовникъ нашъ) къ себѣ взялъ. Хорошенькіе такіе...

Я помню, мнѣ ихъ все хотѣлось какъ-нибудь увидѣть...

VIII.

Время между тѣмъ шло, начиналась ужъ зеленая весна; отъ снѣга и первой весенней грязи не осталось нигдѣ и помину. Молодая трава зеленой щеточкой начинала пробивать сквозь старую, сухую, желто-сѣрую, прошлогоднюю. Отецъ какъ-то былъ въ полѣ на пахотѣ и привезъ оттуда желтые, первые весенніе цвѣты. Въ саду мы сами, въ куртинахъ, между сухой прошлогодней травой нашли новенькую, густую, свѣжую зелень — кусточки маленькихъ круглыхъ листиковъ и съ ними синенькіе цвѣточки. Почки на деревьяхъ — тополѣ, березѣ, черемухѣ — надулись, стали крупныя, скоро будутъ листья; на смородинѣ, крыжовникѣ они ужъ показались, маленькіе, зубчатые.

Мы ходили на огородъ и самымъ любимымъ нашимъ дѣломъ въ это время бывало смотрѣть сквозь запотѣлыя стекла въ парникахъ на цвѣтущіе подъ рамами огурцы, на широкіе листья салата, на веселую зелень рѣдиси.

Садовникъ Михей — вотъ тотъ, о которомъ я говорилъ — намъ открывалъ всегда парники, поднималъ одну или двѣ рамы, подпиралъ ихъ зубчатыми подпорками и мы сами срывали себѣ огурцы и выдергивали рѣдисуку. Иногда, отпуская насъ гулять въ садъ, матушка сама намъ давала порученіе сходить на огородъ и оттуда принести къ обѣду свѣжихъ огурцовъ, рѣдисику и салату. Аннѣ Карловнѣ огородъ тоже нравился, она въ немъ и лѣтомъ гораздо охотнѣе проводила время, чѣмъ въ саду, въ тѣни нашихъ липовыхъ, березовыхъ и кленовыхъ аллей, и потому мы каждый день и почти все время, весной когда гуляли, были тамъ, на огородѣ.

Садовникъ Михей имѣлъ при себѣ двухъ помощниковъ, учениковъ, какъ онъ ихъ называлъ, которые вмѣстѣ съ нимъ работали и на огородѣ, и въ саду. Всѣ они лѣтомъ, съ самой весны, жили въ большомъ плетеномъ шалашѣ, гдѣ у нихъ было все устроено — кровати, скамейки, лежали толстыя обрубки, на которыхъ тоже можно было сидѣть, если поставить ихъ стоймя; тутъ же лежали скребки, лопаты и всякая прочая утварь. Этотъ шалашъ меня всегда интересовалъ: я находилъ въ немъ большое сходство съ ша-

лашемъ Робинзона по картинкамъ: у меня въ дѣтствѣ было большое воображеніе, какъ и у всѣхъ дѣтей.

Послѣ обѣда, т. е. послѣ рабочаго обѣда, послѣ двѣнадцати часовъ, Михай и его ученики обыкновенно спали въ своемъ шалашѣ, а потому, когда мы въ это время приходили на огородъ, надо было или громко позвать кого-нибудь оттуда, чтобы кто-нибудь вышелъ и открылъ намъ парники и вообще исполнилъ бы то, что намъ нужно, или въ крайнемъ случаѣ, надо было войти въ шалашъ и разбудить тамъ спавшихъ. Но такъ какъ мы приходили туда всегда втроемъ — Анна Карловна, сестра и я — то этого рода порученіе всегда возлагалось понятно на меня, какъ на мальчика, «все же мужчину».

Однажды, когда мы пришли въ это время къ Михайю на огородъ, никого — ни его самого, ни «учениковъ» его тамъ не было. Мы нѣсколько разъ ихъ громко позвали у самага шалаша, но никто оттуда не откликнулся, а между тѣмъ — странная вещь — тамъ какъ будто кто-то былъ, слышно, кто-то, какъ будто кашлянулъ тамъ, что-то уронилъ, шуршалъ чѣмъ-то.

— Ну, пойдите, — сказала Анна Карловна.

Я вошелъ въ шалашъ и сразу, со свѣга, въ темнотѣ, увидалъ только, что на кроватяхъ никого не было, никто на нихъ не спалъ. Я хотѣлъ было уже закричать, что никого нѣтъ и идти назадъ, какъ вдругъ въ углу, у самой двери, я увидалъ мальчика какого-то, лѣтъ десяти или около того. Я на мгновеніе остановился и смотрѣлъ на него, онъ — на меня.

— Ты чей? — спросилъ я его.

— Кучеровъ.

— Какого кучера? Ермила?

— Дмитрія кучера... Прудковскаго...

И вдругъ я вспомнилъ, что я слышалъ тогда, что дѣтей этого Дмитрія взялъ дѣдушка (Михей) къ себѣ и они у него теперь живутъ...

— Тебя какъ зовутъ? — спросилъ я.

— Никитой.

— Ты здѣсь... у Михея живешь?

— У дѣдушки...

— Что вы тамъ дѣлаете? Идите! — услыхалъ я голосъ Анны Карловны у самыхъ дверей шалаша.

— А гдѣ Михай? — спросилъ я мальчика, собираясь ужъ уходить.

— Сейчасъ придетъ.

Я вышелъ изъ шалаша и объявилъ стоявшимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Аннѣ Карловнѣ и сестрѣ, что въ шалашѣ никого — ни Михея, ни его «учениковъ» нѣтъ, но что тамъ ввукъ Михея, мальчикъ:

— Самага этого... Дмитрія, котораго дядя до смерти засѣкъ.

Анна Карловна съ досадою и удивленіемъ слушала.

— Чтожь онъ тамъ дѣлаетъ?

— Онъ стоитъ... И ужъ большой, славный мальчикъ,—продолжалъ я:—Я взошелъ, гляжу—никого нѣтъ, а онъ притаился, стоитъ. Онъ у Михея живетъ. Ихъ пять сиротъ осталось у Дмитрія—Михей, ихъ дѣдушка—жена Дмитрія вѣдь дочь Михея—взялъ къ себѣ. Они теперь всѣ у него живутъ,—разсказывалъ я Сонѣ.

Она слушала, взглядывая на меня.

— А у Василия лакея, который тоже умеръ, жена только-что передъ этимъ родила ребенка,—продолжалъ я.

— И откуда вы все это знаете? Кто это вамъ разсказывалъ?—вмѣшалась Анна Карловна.

— Знаю. Слышалъ. Говорили.

Но къ удивленію моему Анна Карловна ничего мнѣ на это не сказала—не остановила, не запретила говорить.

— Неужели, помолчавъ немного, продолжалъ я, все это такъ и кончится? Ничего дядѣ за это не будетъ?

— Вотъ если вы будете объ этомъ разсказывать, я маменькѣ скажу,—проговорила Анна Карловна. И добавила:—А еще говорите, что вы любите дяденьку Петра Васильевича.

Я вдругъ остановился,—мнѣ раньше ни какъ не приходилъ въ голову этотъ вопросъ:—что я люблю его и теперь, или нѣтъ?.. И, странное дѣло, я вдругъ и къ удивленію ощутилъ въ себѣ какую-то въ этомъ отношеніи пустоту: я не замѣтилъ, какъ это произошло со мною. Мнѣ было все равно—до него мнѣ теперь не было никакого дѣла, даже скорѣй непріятное чтѣ-то шевелилось во мнѣ, когда я сталъ себѣ представлять его. Я представлялъ себѣ встрѣчу свою съ нимъ, какъ мы встрѣтимся съ нимъ послѣ «всего этого». И, по обыкновенію, подъ этимъ первымъ впечатлѣніемъ, спросилъ:

— А, отчего онъ не ѣдетъ къ намъ послѣ этого?

— Ему просто неловко,—сказала Соня.

— Онъ не смѣетъ!..—проговорилъ я.

Анна Карловна повела плечами:

— Васъ онъ вѣроятно боится!

Я ей ничего не отвѣтилъ...

Когда наконецъ пришелъ Михей и сталъ, оговариваясь и извиняясь, открывать намъ парники, я попробовалъ было начать съ нимъ разговоръ о его внукахъ, но тутъ ужъ Анна Карловна меня рѣшительно остановила, сказавъ понѣмецки, что если я не перестану, она сейчасъ же пойдетъ къ матушкѣ все ей разскажетъ и при томъ откажется гулять со мною:

— Вы неумѣете совсѣмъ вести себя,—понѣмецки говорила она.

— Да чтожь такого? Я только спросилъ его о его внукахъ. Вѣдь это же всѣ знаютъ,—попробовалъ я ей представить свои объясненія.

Но она не стала меня слушать и повторила опять, что если я не перестану, она сейчас поведетъ насъ въ домъ, откажется больше гулять со мною и все передастъ матушкѣ.

— Довольно ужъ! — говорила она рѣшительнымъ тономъ, — довольно ужъ! Ходите, спрашиваете всѣхъ, все узнаете, рассказываете, что за это вашему дядѣ будетъ. Довольно!.. Слава Богу, только все кончилось, это устроили, а вы опять начинаете. При комъ-нибудь начнете рассказывать—изъ этого еще исторія можетъ выйти.

— Я никому не рассказывалъ. Кому же я рассказываю?

— Довольно! Я говорю довольно.

Она была раздражена даже—я не понималъ, ей-то что за дѣло? Какое это у нея чувство? Ей дядя представляется точно обиженнымъ, всѣ на него точно понапрасну возстають, и онъ отъ этого можетъ еще пострадать...

IX.

Мы уже подходили къ дому, какъ вдругъ впереди откуда-то вывернулись, точно изъ земли выросли, и шли къ намъ на встрѣчу отецъ и съ нимъ дядя, въ одномъ сюртукѣ (былъ жаркій весенній день) и въ фуражкѣ. Отецъ шелъ, по обыкновенію, заложивъ назадъ руки и опустивъ голову, а дядя напротивъ—съ какимъ-то небрежно-разсѣяннымъ и въ тоже время надменнымъ видомъ и что-то ему говорилъ.

Мы такъ и остановились. Анна Карловна не знала, что ей дѣлать, куда идти и оглядывалась по сторонамъ, но свернуть было некуда и къ тому же и они почти уже подошли къ намъ, были въ какихъ-нибудь десяти-пятнадцати шагахъ передъ нами.

Отецъ поднялъ голову и увидалъ насъ, что-то сказалъ въ сторону дяди, и они оба молча приближались къ намъ.

— Вы домой?—подойдя, спросилъ насъ отецъ.

Анна Карловна что-то отвѣтила. Я помню, какъ сейчасъ, я смотрѣлъ на дядю, не сводилъ съ него глазъ. Онъ мнѣ показался блѣднымъ и у него какъ-то повисли усы. Онъ прежде ихъ закручивалъ, а теперь они у него висѣли къ низу и отъ этого въ лицѣ у него явилась какое-то болѣзненное пренебрежительное выраженіе.

— Здравствуй,—сказалъ онъ, нагибаясь и вскользь цѣлуя меня.

Но это все произошло въ одну минуту. Они, не оставиваясь съ нами, прошли далѣе. Я могу сказать, что я не понялъ тогда совершенно ни того, что я ощущалъ, ни своихъ чувствъ къ дядѣ, которыми я однако былъ въ этотъ моментъ въ высшей степени взволнованъ. Когда я оглянулся, отецъ съ дядей были уже далеко за нами и я могъ замѣтить, что они опять продолжаютъ что-то говорить, и отецъ идетъ попрежнему, заложивъ руки назадъ и съ опущенной головой.

У дѣтей—я замѣтилъ это—почти у всѣхъ до извѣстнаго возраста, есть привычка когда кто-нибудь ихъ поцѣлуетъ,—вытереть губы потомъ. Насъ отъ этого останавливали, говорили, что это неприлично, что это даже невѣжливо передъ тѣмъ, кто насъ поцѣловалъ, точно мы брезгаемъ имъ; но это все равно ни къ чему не вело. Я помню, я удерживался сейчасъ же, первой моментъ, при поцѣловавшемъ меня утирать губы, но всегда или уходилъ и утиралъ ихъ, или тутъ же отворачивался за чѣмъ-нибудь, какъ-нибудь нагибался, чтобы не видали, и все-таки ихъ утиралъ. Эта привычка у всѣхъ почти дѣтей, какое бы они ни получили воспитаніе. Вся разница только въ томъ, что отъ одного поцѣлуя они утрутся одинъ разъ и, такъ сказать, мимоходомъ, слегка, а отъ другого нѣсколько разъ и тщательно.

Я очень тщательно утерся на этотъ разъ послѣ дядина поцѣлуя, даже нарочно тщательно и такъ, чтобы Анна Карловна могла это видѣть...

Но она ничего не сказала, и мы прошли въ домъ.

Матушка насъ встрѣтила какъ-то разсѣяннo и, къ моему удивленію, была даже какъ будто въ довольномъ и совершенно покойномъ, чуть не веселомъ настроеніи. Это меня удивило, показалось загадочнымъ, и я все смотрѣлъ на нее, не скажетъ ли она чего, не узнаемъ ли мы чего. Но она, не обращая на насъ вниманія, позвала Анну Карловну и, уйдя съ ней въ другую комнату, начала ей что-то рассказывать.

— Дядя когда же, давно пріѣхалъ?—спросилъ я у кого-то изъ прислуги.

— Нѣтъ-съ, сейчасъ только, передъ вами.

— Одинъ?—почему-то спросилъ я.

— Одни-съ.

Къ обѣду отецъ съ дядей вернулись изъ сада. Я сѣлъ не рядомъ съ дядей, какъ всегда, а нарочно противъ него и все смотрѣлъ на него. У меня и теперь еще осталась привычка, если я слышалъ что про кого, или узналъ искать потомъ у него на лицѣ, слѣдить этого слышаннаго. Такъ и теперь, я все искалъ на лицѣ у него, слѣдилъ этого всего, что тамъ въ Прудкахъ произошло...

Но дядя за обѣдомъ былъ совершенно покоенъ, и съ важностью рассказывалъ о Петербургѣ, говорилъ о несомнѣнно въ недалекомъ будущемъ предстоящей войнѣ и о какомъ-то князѣ.

— Ты значить все время будешь при немъ теперь? И въ случаѣ похода, войны?—спросила его матушка.

— Конечно, при немъ,—отвѣтилъ онъ.

Тутъ, за обѣдомъ, изъ разговоровъ ихъ, мы поняли, что дядя получилъ какую-то бумагу изъ Петербурга, что его вызываютъ, дадутъ ему какое-то тамъ блестящее назначеніе и онъ уѣзжаетъ туда надняхъ...

Дядя рассказывалъ обо всемъ этомъ, дѣлалъ предположенія, строилъ планы. Матушка видимо была рада всему этому и главное кажется потому, что онъ уѣзжаетъ отсюда.

— «А что же «мадама» тоже съ нимъ уѣзжаетъ или остается здѣсь?»—соображалъ я и чуть-чуть одинъ разъ не спросилъ объ этомъ. И потомъ какъ же эта вся исторія, такъ, значить, и въ самомъ дѣлѣ кончена?..

Послѣ обѣда Анна Карловна увела насъ играть въ дѣтскую, а матушка съ отцомъ и съ дядей остались въ гостиной, куда всѣ перешли тотчасъ послѣ обѣда.

Я помню, меня присутствіе дяди у насъ, т. е. самый фактъ того, что онъ у насъ, здѣсь, и можетъ статься уѣдетъ съ нами не простившись, нисколько этотъ разъ ужъ не занималъ, не интересовалъ. Мнѣ гораздо больше хотѣлось знать объ этой его «мадамѣ», гдѣ она, что съ ней, останется ли она здѣсь, или уѣдетъ съ нимъ, и потомъ вотъ эта исторія съ засѣченными имъ кучеромъ и лакеемъ—неужели это такъ и кончится все и ничего не будетъ—похоронили ихъ и конецъ...

Поэтому, когда къ вечернему чаю изъ дѣтской мы пришли въ столовую и дяди тамъ уже не было, это меня нисколько не удивило, не встревожило. Я только спросилъ уѣхалъ ли онъ? Мнѣ сказали: «да».

— Совсѣмъ ужъ... въ Петербургъ?

— Нѣтъ, еще пока къ себѣ, въ Прудки.

— А въ Петербургъ скоро?

— На этихъ дняхъ.

— А у насъ ужъ не будетъ?

— Неизвѣстно, если успѣетъ. На всякій случай, онъ ужъ, впрочемъ, со всѣмъ простился.

И затѣмъ матушка какъ будто сама про себя сказала:

— И, слава Богу, я такъ за него рада...

Анна Карловна съ доброй, кроткой нѣмецкой улыбкой посмотрѣла на нее и, вѣроятно, чтобы доказать свое сочувствіе—вздыхнула.

Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что дядя уѣхалъ изъ Прудковъ...

Х.

Время шло своимъ порядкомъ. Весна быстро мѣняла, какъ всегда это бываетъ, картину за картиной. Вездѣ уже была зеленая трава; всѣ деревья стояли въ листьяхъ. Въ домѣ у насъ ужъ давно были выставлены всѣ двойныя рамы и окна цѣлый день почти стояли открытыми. Мы, какъ только кончали свои занятія, шли въ садъ съ Анной Карловной—весь день, за исключеніемъ трехъ-четырехъ часовъ, что сидѣли въ класной, были въ саду.

Выше я уже сказалъ, что тамъ, подъ липками, у насъ была любимая скамейка, гдѣ мы больше всего пребывали. Стояло пять огромныхъ липъ, повидимому, выросшихъ изъ одного корня; тѣнь отъ нихъ была огромная; онѣ покрывали чуть не полдесятины своимъ зеленымъ шатромъ; площадка подъ ними была вычищена и усыпана пескомъ; кругомъ стояли скамейки и одна изъ нихъ, самая большая, ближайшая къ стволамъ липъ, и была наша любимая. Если насъ надо было позвать для чего-нибудь въ домъ или вообще надо было для чего-нибудь насъ отыскать, то шли прежде всего подъ эти липки, а ужъ потомъ искали въ саду въ другихъ мѣстахъ.

Прежде, когда мы были еще меньше, подъ этими же липками, на площадкѣ, были ссыпаны двѣ большія кучи краснаго просѣянаго песку и мы въ немъ все время играли, насыпая его въ баночки, въ деревянные ящики, возили въ игрушечныхъ тачкахъ и проч.; теперь же мы сюда приходили больше по привычкѣ къ этому мѣсту. Анна Карловна или приносила работу какую-нибудь съ собою или книгу и онѣ съ сестрой или читали или работали, а я это время или что-нибудь столярничалъ перочиннымъ ножомъ, вырѣзывалъ тросточки, дѣлалъ удилица для удочекъ, плелъ и сучилъ лесо: мнѣ только-что позволили удить рыбу. Иногда же я сидѣлъ съ ними и просто болталъ или слушалъ, что они читали.

Содержаніе площадки этой въ чистотѣ и порядкѣ составляло прямую обязанность «учениковъ» садовника Михея. Мы посидимъ, исчертимъ разметенный песокъ передъ скамейками, набросаемъ стружекъ, палочекъ, бумажекъ, а на другой день опять все чисто, все подметено, все въ порядкѣ.

Однажды утромъ, не помню ужъ по какому случаю, я явился на эту площадку подъ липками одинъ—вѣрнѣе всего я приходилъ за какой-нибудь тросточкой или удилицемъ, которые вчера вырѣзалъ, приготовилъ и забылъ здѣсь—и встрѣтилъ совершенно неожиданно старика садовника Михея и съ нимъ вотъ того мальчика, его внука, котораго видѣлъ въ шалашѣ. Я увидалъ ихъ и какъ-то смутился: вообще одинъ я бывалъ не особенно боекъ. Михей раскланялся со мною и началъ что-то говорить своему внученку; тотъ слушалъ его и не отходилъ отъ него, хотя тотъ его повидимому куда-то посылалъ. Наконецъ, я услышалъ, что онъ его посылаетъ ко мнѣ «просить ручку».

У насъ это было отцомъ строжайше запрещено: ни у него, ни у матушки, ни у насъ, дѣтей, никто никогда рукъ не цѣловалъ. Я поэтому сейчасъ же замахалъ руками, началъ говорить, что это не нужно, я не дамъ и для пущей наглядности своего непремѣннаго рѣшенія, спряталъ руки назадъ.

— Отчего же... Это ничего... Это ему не мѣшаетъ, — говорилъ Михей:—Онъ сирота...

Мальчикъ смотрѣлъ на меня съ серьезнымъ и внимательнымъ выраженіемъ въ глазахъ...

— Вотъ, наши всѣ смѣлые,—какъ бы про себя говорилъ Михай,—а прудковскіе такіе всѣ дички, просто страхъ. И опять къ мальчику:—ну, подойди же, батюшка, попроси ручку...

Но мальчикъ не шель.

— Я не дамъ. Этого не нужно!—и конфузаясь и приходя въ какое-то небывалое еще у меня волненіе, воскликнулъ я.

Михей оставилъ его въ покоѣ и смотрѣлъ на меня, улыбаясь:

— Это ничего-съ. Отъ этого, чтожъ такое...

И вдругъ совершенно неожиданно сказалъ, погляда мальчика по головкѣ:

— Сегодня вотъ барышня-мадама изъ Прудковъ прислала за мною—просить, отдай, говоритъ, мнѣ твоего старшаго внука; я, говоритъ, ему буду замѣсто отца-матери, потому изъ-за меня несчастный его отецъ пострадалъ, такъ я, говоритъ, чтобы совѣсти моей легче было, хочу хоть одного изъ сиротъ воспитать... Да ужъ не знаю какъ и быть,—заклучилъ Михай.

Я чтò-то подумалъ, сообразилъ и спросилъ:

— А «она» развѣ здѣсь, въ Прудкахъ, не уѣхала?

— Здѣсь-съ. Она вѣдь больная лежитъ совсѣмъ. Какъ тогда простудилась, потомъ выкинула на другой день съ перепугу... до сихъ поръ больная лежитъ... докторъ пріѣзжаетъ.

— «Выкинула—что такое?»—опять подумалъ я и опять спросилъ:

— Т. е. какъ выкинула? чтò такое?

— А, значитъ, мертвенькаго родила, — отвѣтилъ Михай, — не живого, а мертвенькаго...

Это была для меня новость, которую я первый разъ слышалъ.

— Она развѣ тутъ останется навсегда?—спросилъ я.

— Да ужъ Богъ знаетъ-съ, — отвѣчалъ Михай и для чего-то вздохнулъ: — дяденька, уѣзжая, никакого распоряженія на этотъ счетъ не сдѣлали. И онѣ сами не знаютъ-съ этого. Я спрашивалъ ихъ—говорить: развѣ я, говоритъ, Михай, знаю чтò про это... Михай помолчалъ и продолжалъ:—Дяденька уѣхали и неизвѣстно когда будутъ. На войну, говорятъ, поѣдутъ—война, говорятъ, будетъ... И добавилъ: — она вотъ, барышня-мадама-то, добрая такая, повидимому, да и всѣ вотъ прудковскіе-то говорятъ, такая ужъ добрая да тихая, смиренная...

— Ты ее самъ видѣлъ, говорилъ съ ней?—спросилъ я.

— Какъ же-съ. Я сейчасъ вотъ только оттуда. Оттого и не успѣлъ еще и здѣсь-то подмести.

Михей какъ-бы вспомнилъ, что розказни розказнями, а дѣло дѣломъ, принялся подметать площадку подъ липками, а я постоялъ еще немного, хотѣлъ еще объ чемъ-то его спросить, но не рѣшился,

взялъ что мнѣ было нужно, за чѣмъ я прибѣгалъ, и отправился домой.

Но дома я никому не сказалъ ничего. Только сестрѣ Сонѣ, оставшия съ ней наединѣ, я разсказалъ о своей встрѣчѣ и о своемъ разговорѣ съ Михеемъ и его внукомъ.

— Это вотъ тотъ самый, котораго я въ шалапѣ, что, помнишь, видѣлъ... И Михай говоритъ «она» такая добрая и всѣ въ Прудкахъ говорятъ тоже, что она очень добрая и кроткая. Но только она очень больна...

— Что-жъ, это она очень хорошо сдѣлаетъ, если возьметъ его на воспитаніе,—задумчиво поглядывая на меня, проговорила сестра,—очень хорошо...

XI.

Вскорѣ какъ-то Богданъ Карловичъ, докторъ, опять заѣхалъ къ намъ, навѣститъ насъ по своей обязанности. И на этотъ разъ онъ заѣхалъ изъ Прудковъ: былъ тамъ и по дорогѣ заѣхалъ кстати ужъ и къ намъ. Онъ засталъ насъ за завтракомъ, потомъ ѣздилъ къ кому-то изъ больныхъ на деревню и пробылъ у насъ цѣлый день и ночевалъ у насъ.

Отъ него, то есть изъ его разговоровъ съ отцомъ и матушкой, которыхъ въ этотъ разъ урывками мнѣ удалось много слышать, я съ болью въ сердцѣ узналъ грустное, тяжелое для меня извѣстіе, что «она» очень и безнадежно больна.

— Ей всего вѣдь восемнадцать лѣтъ, девятнадцатый...—говорилъ Нусбаумъ,—а въ эти года... ужасно быстро.

— Да отчего вы полагаете?—спрашивала его матушка,—отъ простуды?

— И отъ простуды и... все это повліяло на нее... «эта исторія» и этотъ выкидышъ... Ну и теперь вотъ этотъ отъѣздъ Петра Васильевича...

— Да почему вы думаете, что у нея чахотка?—спросилъ тутъ же сидѣвшій отецъ.—Кашляетъ она?

— Полѣ воспаленія въ легкихъ, въ эти годы, если еще при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, это очень часто... она кашляетъ, да,—сказалъ Богданъ Карловичъ.

Потомъ я слышалъ другой отрывокъ ихъ разговора. Отецъ разсказывалъ, со словъ дяди, какъ онъ, то есть дядя Петръ Васильевичъ, съ ней познакомился... Онъ зналъ «ее» давно ужъ, когда она была еще въ училищѣ и ухаживалъ тогда за нею. У всѣхъ офицеровъ гвардейскихъ, особенно того полка, гдѣ служилъ дядя, были въ училищѣ любимыя воспитанницы, за которыми они ухаживали. У дяди была вотъ она. Онъ дождался, наконецъ, когда она вышла и прямо увезъ ее... Отецъ говорилъ, что это ужасные порядки, возмутительно что дѣлается.

— Да чѣи тамъ дѣти?—спросила матушка.

— Лаксевъ, актеровъ, мелкихъ чиновниковъ, служащихъ при театрѣ...

— Какъ же это допускають?

— Что?

— А вотъ что ихъ увозять оттуда.

— Такъ принято. Мода, обычай такой...

Все это были для меня новости, которыя я узнавалъ такимъ неожиданнымъ образомъ, но которыя заставляли меня задумываться надъ ними и я почти понималъ и самъ замѣчалъ какъ расширялся отъ всего этого мой кругозоръ...

И потомъ я узналъ еще въ этотъ же разъ, что фамилія ея Акимова, что она дочь какого-то маленькаго-маленькаго чиновника, сирота, матери у нея нѣтъ.

— И вотъ, вы попомните, онъ навѣрно ее бросить теперь, —сказалъ отецъ.

Богданъ Карловичъ почему-то захохоталъ.

— Да-а,—увѣреннымъ и рѣшительнымъ тономъ согласилась матушка,—надо знать Петра Васильевича!..

— О, да!—подтвердилъ и Богданъ Карловичъ.—Лечить просить, а самому, я вижу, все равно. Онъ, я увѣренъ, не особенно будетъ тужить объ ней, если она и умретъ. Очень доволенъ скорѣй будетъ...

— Она очень больна?—услыхалъ я опять голосъ отца.

Они всѣ сидѣли на террасѣ и говорили тамъ, а мы съ сестрой въ нашей классной у крайняго окна. Анна Карловна сидѣла и чтѣ-то кроила или шила у стола, по среди комнаты, и ничего не могла слышать.

— Очень, и серьезно,—съ разстановкой отвѣчалъ Богданъ Карловичъ.

— И вы думаете навѣрно, она не останется... живой?

— То есть... какъ это сказать?.. но я полагаю такъ. У нея было страшнѣйшее воспаленіе въ легкихъ, а послѣ этого, и, какъ я говорилъ вамъ, если условія неблагопріятныя...

— Три жертвы! За дѣломъ прѣзжалъ,—опять раздался голосъ отца.

— А маленькій-то, котораго она выкинула теперь,—поправилъ его Богданъ Карловичъ.

Сестра вопросительно посмотрѣла на меня.

— Да,—тихо проговорилъ я, кивая ей утвердительно головой.

Анна Карловна не обращала на насъ вниманія: она ничего не слыхала.

На другой день, когда Богданъ Карловичъ уѣхалъ, ужъ вечеромъ, мы всѣ, то есть и отецъ съ матушкой и мы съ Анной Карловной, пошли въ садъ и оттуда зачѣмъ-то прошли на огородъ. Тамъ мы встрѣтили Михея садовника и съ нимъ этого мальчика, его внука. Отецъ чтѣ-то сказалъ матушкѣ, она удивилась и когда она подошла ближе, она его подозвала, спросила какъ его

зовуть, который ему годъ и погладила по головѣ. Ей все почти отвѣчала за него Михай. Вѣроятно, не предполагая, что мы все знаемъ объ немъ, объ этомъ мальчикѣ, матушка спросила Михея: чтожь онъ хочетъ ли его отдать?

— Да ужъ и самъ, сударыня не знаю,—отвѣчалъ Михай...—Оно конечно, если такъ...

— Не отдавай, мой совѣтъ,—сказалъ отецъ.

— Да оно точно... дѣйствительно...—и съ нимъ согласился Михай.

— А куда его хотятъ отдать?—спросилъ я, какъ будто ничего не знаю.

— Тамъ... въ ученье,—отвѣчала матушка.— А тѣ меньше? Этотъ самый старшій?—обратилась она опять къ Михею.

— Самый старшенькій,—отвѣчалъ Михай.—Послѣднему-то еще году нѣтъ...

XII.

Быль ужъ май—роскошный, цвѣтушій: садъ, поля, лѣса стояли въ полномъ уборѣ. Мы, по цѣлымъ днямъ не бывали дома: уйдемъ съ утра въ садъ, да такъ тамъ и живемъ: чай, завтракъ, обѣдъ—все на террасѣ, а то и вовсе въ саду же, гдѣ-нибудь тутъ поближе къ дому: ученье намъ въ это время прекращалось, такъ развѣ иногда въ дурную погоду, въ дождикъ, чтобы не сидѣть безъ дѣла, не скучать въ домѣ, насъ заставляла Анна Карловна писать подъ диктовку.

Мнѣ въ этомъ году—я ужъ сказалъ выше—мнѣ было позволено ловить рыбу удочкой. Для этого я долженъ былъ кого-нибудь позвать съ собою—одному не дозволялось ходить на рѣку. Чаше всего мнѣ давали въ провожатые старика Осипа Ивановича, дядьку и потомъ деньщика дѣда покойника, съ которымъ онъ ходилъ въ ополченіе въ двѣнадцатомъ году. Но разъ какъ-то Осипъ Ивановичъ заболѣлъ или такъ почему-то не могъ со мною идти и меня поручили охранѣ и надзору повара Степана, того самого заштатнаго двороваго человѣка, котораго посылали готовить кушанье у дяди въ Прудкахъ, когда тотъ только-что пріѣхалъ и у него не было еще своего повара.

Степанъ этотъ былъ великій искусникъ во всякихъ охотахъ. Онъ и съ ружьемъ ходилъ, и съ удочкой, ставилъ силки зимой на куропатокъ, ходилъ съ дудочками за перепелами—онъ зналъ все. Кромѣ того, Степанъ прожилъ почти цѣлыхъ двѣ недѣли у дяди въ Прудкахъ, видѣлъ «ее», видѣлъ всѣ тамошніе порядки—ему все было и это извѣстно. Я очень обрадовался поэтому, когда матушка сказала мнѣ, чтобы я, за болѣзнью или за недосугомъ Осипа, взялъ съ собою Степана. Я очень живо скомандовалъ и мы съ нимъ отправились, закинувъ длинныя удилица на плечи.

Къ рѣкѣ надо было идти мимо конюшни—не заводской, а

той, въ которой стояли ѣзжалыя лошади. Когда мы проходили мимо, я съ удивленіемъ увидалъ, что кому-то запрягаютъ линейку: ни матушка, ни отецъ, никуда не собирались—кто же это ѣдетъ?

— Это кому? — спросилъ я Ерлима.

— Нянюшкѣ-съ,—отвѣчалъ онъ.—Въ Прудки ее, кажется, посылаетъ барыня.

Въ Прудки? Зачѣмъ? Что это такое? Я помню, обстоятельство это меня сильно заинтересовало, такъ сильно, что я чуть не вернулся домой узнать зачѣмъ она ѣдетъ въ Прудки? Но Степанъ совершенно резонно замѣтилъ, что никакой удачи не будетъ въ охотѣ, если съ дороги ворочиться и мы пошли съ нимъ дальше. Но я все никакъ не могъ успокоиться, любопытство меня дразнило, а загадочныя событія совершающіяся въ Прудкахъ, все еще не совсѣмъ мнѣ извѣстныя и какъ слѣдуетъ понятныя, неволью навели на мысль и какъ бы указывали на свою связь съ предстоящей экспедиціей туда няньки...!

Степанъ, къ удивленію моему, самъ и совершенно неожиданно началъ:

— Барышня-мадама-то плоха ужъ очень стала...—сказалъ онъ, далеко закидывая отъ себя удочку.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и проговорилъ:

— А что? Развѣ присылали? Былъ оттуда кто?

— Михей садовникъ... мальчишку-то своего онъ отдалъ тамъ ей... Утромъ сегодня приходилъ, маменькѣ съ папенькой рассказывалъ. Совсѣмъ стала плоха...

— Да что у нея?

— Извѣстно — чахотка...

— Вотъ несчастная-то! жалко ее...

— Какъ же не жалко! Извѣстно жалко! Если бы не она, такъ еще не то дяденька-то въ Прудкахъ-то понадѣлалъ бы!

— Для чего же она къ себѣ этого Михеева внучка взяла, вѣдь она больна?..

— Ну, такое, стало быть, ея мечтаніе: все покойниковъ Дмитрія съ Василиемъ забыть не можетъ, что они черезъ нее отъ дяденьки пострадали.

— Да вѣдь она же тутъ не при чемъ?

— Извѣстно, не при чемъ. Когда ихъ наказывали, она слышала, какъ дяденька велѣли запороть ихъ Максиму Ефимову... на колѣняхъ умоляла со слезами, а потомъ когда дяденька сами туда пошли, она передъ образомъ упала, молилась...

Эти подробности на меня подавляюще дѣйствовали, безвыходность, немощность какая-то сказывалась въ нихъ, и въ то же время они и будили меня, хватили за сердце и, я не знаю, на что бы только я не рѣшился, чего бы я не сказалъ тогда въ глаза

и дядѣ, и всѣмъ, кто спокойно выслушивалъ это и умывалъ при этомъ руки... Я задумывался, уставившись куда-нибудь въ одну точку и у меня цѣлыя живыя картины выступали передъ глазами — ясныѣ, куда, чѣмъ во снѣ...

А Степанъ продолжалъ:

— Маменька-то сжалились надъ ней... Самимъ-оть, извѣстно, не ловко къ ней ѣхать, къ барышнѣ — мадамъ-то, потому, что же она? все-таки не равная какая: наложница дяденькина.

— Какъ, что?

Степанъ объяснилъ мнѣ новое слово, котораго я до того времени еще не слышалъ.

Я молчалъ, а Степанъ, словно нарочно, словно рѣшивъ почему-то и для чего-то посвятить меня во всю эту исторію, продолжалъ:

— Вотъ онѣ (т. е. матушка), подумавъ да пообсудилъ съ папенькой, и рѣшили послать къ ней нянюшку Дарью Аванасьевну — можетъ нужно что ей, или какое у нея желаніе есть...

Съ этого уженія я пришелъ и возбужденный, и убитый, и страстно въ то же время ожидающій и желающій узнать о послѣдствіяхъ нянькиной поѣздки въ Прудки. Няньки еще не было, она не возвращалась еще. Въ саду я встрѣтилъ только матушку: отца не было — онѣ былъ гдѣ-нибудь въ полѣ, вѣроятно. Сестра Соня бѣгала съ мячикомъ, а матушка ходила, о чемъ-то разсуждала съ Анной Карловной.

— Ну, что наловилъ сегодня много? — спросила меня матушка, когда я подошелъ къ ней.

Я небрежно отвѣчалъ ей и спросилъ ее:

— А куда это нянька уѣхала? Мы видѣли, она мимо насъ по дорогѣ проѣхала?

Матушка пристально взглянула на меня и сказала совершенно покойнымъ голосомъ:

— Въ Прудки.

— Зачѣмъ?

— Къ больной одной.

— Кто такая?

— Тамъ, ты не знаешь... И добавила: — Ну, иди вонъ бѣгай съ Соней...

Я хотѣлъ сказать ей тутъ же, сейчасъ же, что я все знаю, что я уже давно все знаю, но удержался, кажется, единственно потому, что бы не сказать отъ кого я это все знаю, чтобы не стали потомъ выговаривать за меня Степану и чтобы я не лишился чрезъ то свободнаго общенія съ человѣкомъ, отъ котораго я могъ и на будущее время все знать... Я промолчалъ, хотя и не пошелъ бѣгать съ сестрой и играть въ мячъ: — Я усталъ, сказалъ я.

Къ вечеру нянька пріѣхала, вернулась изъ Прудковъ. Мы си-

дѣли все на террасѣ, т. е. опять-таки: матушка, гувернантка и мы—отца не было при этомъ. Нянька взопла и съ постной миной, какъ и слѣдуетъ, приличествуетъ, важности возложеннаго на нее порученія, поглядывая на насъ съ сестрой, какъ бы указывая на неудобство для ея рапорта нашего здѣсь присутствія, остановилась и молчала.

Но матушка, подъ впечатлѣніемъ ли нетерпѣнія узнать отъ нея что и какъ тамъ нашла она, не замѣтила ли ея взглядовъ, забыла ли сама объ этомъ, или, наконецъ, просто не считала ужъ больше нужнымъ держать отъ насъ въ тайнѣ самый фактъ, оберегая насъ лишь отъ скобрѣзныхъ его подробностей,—спросила ее:

— Ну, что, Дарьюшка?

— Плоха, сударыня...—отвѣчала нянька.—Ждутъ Богдана Карловича.

Сказала она это и опять повела на насъ глазами и на этотъ разъ ужъ какъ-то настоятельно, такъ что ея требованіе удаленія насъ, или по крайней мѣрѣ уединенія матушки съ ней одной для выслушанія ея рапорта, матушка замѣтила и поняла и приказала намъ съ сестрой идти гулять по дорожкамъ передъ террасой. Она сказала это такимъ тономъ, что я понялъ, что никакихъ возраженій тутъ дѣлать не слѣдуетъ—все будетъ напрасно.

— Ну, все равно, я завтра же все узнаю,—съ досадой говорилъ я Сонѣ, когда мы пошли съ ней.—Завтра, какъ пойду удить рыбу съ Степаномъ—все и узнаю.

— Онъ знаетъ?—спросила сестра.

— Все.

— Да вѣдь няньку въ Прудки развѣ къ «ней» посылали?—спросила сестра.

— Къ «ней»... Она умираетъ. И садовника Михея внукъ у нея. «Она» упростила-таки отдать его ей...

И гуляя передъ террасой (все ближе и ближе къ ней), и потомъ изъ разговоровъ въ этотъ вечеръ за чаемъ отца съ матушкой, хоть и отрывочно, но многое все-таки я узналъ изъ подробностей привезенныхъ нянькой. Во-первыхъ, «она», дѣйствительно, безнадежно больна—«не встанетъ; точь-въ-точь, какъ Клавдія Васильевна» (тетка, которая давно когда-то умерла въ чахоткѣ) потомъ, все только и думаетъ объ томъ и говорить, что какъ бы она была рада и счастлива, если бы ей, какъ только она выздоровѣетъ и поправится, позволили бы хоть на минуточку одну пріѣхать къ намъ—она хочетъ что-то много, много рассказать матушкѣ... Потомъ, что за ней приставлена Максимомъ Ефимовымъ (управляющимъ) ходить дѣвка Малашка, которая все-все, съ кѣмъ-бы и объ чемъ-бы она ни говорила, докладываетъ ему и онъ такимъ образомъ все знаетъ, а ей нѣтъ никакого покоя, душа ея не покойна, такъ какъ передъ ней цѣлый день торчитъ человекъ—врагъ ея...

Но самое важное, что мы, или по крайней мѣрѣ я узналъ это было то, что матушка остановилась на мысли, «какъ-нибудь на дняхъ самой къ ней поѣхать»... Это было такое радостное, такое хорошее, милое для меня извѣстіе, что на первыхъ порахъ я чуть не кинулся на шею обнимать матушку... Отецъ тоже говорилъ объ этомъ — отрывками я слышалъ — какъ о фактѣ самомъ обыкновенномъ, не представляющимъ ничего удивительнаго. Ихъ занимало гораздо больше обсужденіе того обстоятельства, что какъ бы этимъ не повредили ей въ глазахъ дяди Петра Васильевича, который, не было въ томъ никакого сомнѣнія, «бросилъ» ее и будетъ радъ очень случаю въ чемъ-нибудь ее заподозрить и къ чему-нибудь придраться...

Эта неожиданная въ отношеніи къ ней переменѣна, начавшаяся съ посылки туда няньки, кромѣ радости, принесла еще мнѣ и массу заботъ и стараній разгадать и узнать, какъ и почему это все произошло и повидимому неожиданно, вдругъ. Я объяснялъ просто жалостью—она очень жалостлива и чувствительна была, матушка—и потомъ безнадежнымъ ея состояніемъ. Она ужъ была по общимъ отзывамъ полумертвая, «не жилица», дни ея сосчитаны—такъ чтожъ ужъ передъ ней что-то еще изображать изъ себя, сводить какія-то съ ней счеты? Другое бы было дѣло, если бы она была здорова, въ фаворѣ у дяди, онъ бы былъ въ нее влюбленъ, она бы царствовала въ Прудкахъ,—ну тогда, конечно, и рѣчи не могло быть о какомъ-нибудь не только приближеніи къ себѣ, но и о допущеніи къ себѣ... А теперь, что жъ!..

Я помню, я и тогда представлялъ это себѣ также ясно какъ понимаю это и теперь. Конечно, эта переменѣна произошла отъ вышеуказанныхъ причинъ и соображеній. Не доставало еще только считались съ полумертвыми уже...

ХІІІ.

Дѣйствительно, на другой день, сейчасъ же послѣ обѣда, въ каретѣ, нагруженной всякими гостинцами для больной, четверкой, съ ливрейнымъ лакеемъ на запяткахъ, со всей пышностью и торжественностью, какая только была возможна, матушка отправилась одна въ Прудки. Она, кажется, не хотѣла чтобы кто-нибудь изъ нашихъ домашнихъ былъ свидѣтелемъ ея встрѣчи съ Акимовой. Настроена она была серьезно, понимала, что дѣлаетъ рѣшительный шагъ, какого она еще въ своей жизни не дѣлала—приходила въ соприкосновеніе съ «такой» личностью—но она была вмѣстѣ съ тѣмъ исполнена и сознаниемъ своего христіанскаго подвига и оттого имѣла видъ кроткій, покорный, какъ и подобаетъ «несущей крестъ».

И почему-то сообразилъ и даже рѣшилъ про себя, что если послѣ всего того, что произошло на этихъ дняхъ, я теперь попрошусь, что бы она меня взяла съ собою,—она меня возьметъ. Но я къ удивленію моему ошибся—именно, къ удивленію—хотя она и сказала мнѣ, взглянувъ на меня пристально и съ грустью:

— Нѣтъ, сегодня нельзя. Другой разъ какъ-нибудь...

Я оставилъ, не сталъ приставать, настаивать, но за то во мнѣ явилось съ этихъ поръ сознаніе законности, моего права, проситься туда поѣхать завтра, послѣ завтра, «когда-нибудь другой разъ». Значить, не сегодня только, а когда-нибудь, другой разъ, можно. Это было огромное для меня пріобрѣтеніе.

Матушка тамъ пробыла до самаго вечера и пріѣхала оттуда со-всѣмъ какъ больная, утомленная до изнеможенія:

— Ахъ,—усаживаясь на террасѣ повторяла на все только Аннѣ Карловнѣ:—Ахъ, что это такое, если бы видѣли...

Она почти уже не стѣснялась насъ, рассказывала о «ея» болѣзни, въ какомъ повидимому и даже навѣрно, безнадежномъ «она» состояніи; какая она показалась ей добрая, сердечная, кроткая:—«все простила и сама сознаетъ свое положеніе»,—какая, наконецъ, должно быть она красавица была: «глаза и теперь, до сихъ поръ, удивительные!..»

Только нѣкоторыхъ соображеній—не фактовъ, а именно соображеній—которыя дѣлала и обсуждала матушка съ отцомъ по ея поводу, мы не слышали; но эти ихъ разговоры меня почему-то даже не особенно и интересовали: масса открыто рассказанныхъ подробностей требовала столько раздумья, что и съ этимъ я едва справлялся. А главное—признаніе факта подлежащимъ, или по крайней мѣрѣ доступнымъ для открытія и общаго обсужденія... Чуть ли не съ того же вечера я началъ задавать и матушкѣ, и нянѣкѣ, и Аннѣ Карловнѣ, вопросы объ «ней», и если не на всѣ на нихъ мнѣ отвѣчали, говорили иногда, что это не мое дѣло, до меня не касается и проч., то ни разу меня за это не остановили или не сказали, чтобы я молчалъ, не спрашивалъ объ этомъ. Это совершилось какъ-то по молчаливому соглашенію всѣхъ между собою, какъ необходимое послѣдствіе того, что надѣлалъ дядя и что, живы всѣ вмѣстѣ, никакъ невозможно было одному скрывать отъ другихъ, хотя бы эти другія и были еще только дѣти.

Такъ, матушка съ отцомъ и при насъ подробно обсуждали поведеніе въ отношеніи ея Максима Ефимова, приставившаго ходить за ней «дѣвку Малашку»—этого «шпіона въ юбкѣ». Отецъ тутъ же рѣшилъ завтра послать за Максимомъ и этотъ Максимъ дѣйствительно къ нему явился. И хотя я при этомъ свиданіи отца съ нимъ не былъ и что они говорили во всѣхъ подробностяхъ я не зналъ, но вечеромъ на другой день за чаемъ отецъ съ матушкой, разговоривая объ этомъ, высказывали при насъ съ сестрой свое

сожалѣніе, что не сообразили—какъ это не могли догадаться?—что Максимъ такъ поступаетъ по приказанію дяди, иначе онъ не сталъ бы и обо всемъ доносить, т. е. писать ему въ Петербургъ, а слѣдовательно напишетъ или ужъ написалъ, что въ Прудки къ ней пріѣзжала матушка, а сперва присылали няньку и все проч...

Они не боялись и дѣлали при насъ разныя соображенія, даже и на счетъ того, что подозрительнымъ имъ кажутся и самое леченія ея Богданомъ Карловичемъ, другомъ и единомышленникомъ управляющаго, съ которымъ у него вѣчно какія-то общія дѣла по предпріятіямъ, торговопромышленнаго свойства, обоимъ имъ одни и тѣ же люди должны и проч.

— Да, но ужъ это...—говорила матушка.

— Ты думаешь, если это такъ, то Петръ Васильевичъ тутъ не при чемъ?—говорилъ отецъ.

— Да, я думаю.

— Максимъ на все способенъ, Богданка тоже... А Петръ Васильевичъ—ничего знать не знаетъ, но будетъ очень радъ, что такъ все кончилось и онъ отдѣлался отъ нея...

Читатель можетъ себѣ представить, какъ все это ложилось на дѣтскую душу и какія понятія укладывались въ головѣ обо всемъ окружающемъ, также какъ и что это за окружающее было!..

Разъ поступивши такъ рѣшительно, матушка дальше ужъ не стѣснялась и ѣздила къ Акимовой въ Прудки почти каждую недѣлю, а иногда и два раза въ недѣлю. Она пріѣзжала иногда оттуда и привозила извѣстія, что ей какъ будто лучше сегодня и «вообще она какъ-то покойнѣе»... Матушкѣ удалось даже помѣстить къ ней свою горничную—Максимъ не смѣлъ же ей, сестрѣ своего барина, противорѣчить въ этомъ,—а «дѣвку Малашку» она удалила. Но эти всѣ подвиги ея, точно также какъ привозъ ей варенья, разныхъ пирожковъ, слобныхъ булочекъ и проч. не много помогали. Съ одной стороны болѣзнь, а съ другой Максимъ Ефимовъ, дѣлали свое дѣло. Объ дядѣ же не было ни слуху, ни духу.

— Ни одного письма ей не написалъ! Какъ уѣхалъ, ни одной строчки,—говорила матушка.—Это ее убиваетъ кажется еще пуще болѣзни.

— А Максиму Ефимову онъ не пишетъ объ ней ничего?—спрашивалъ отецъ.

— Говорить, что ничего. Да развѣ онъ скажетъ...

— А самъ онъ объ ней пишетъ ему въ Петербургъ? Ты не спрашивала?

— Спрашивала. Говорить: «да пишу, что больна, что ѣздитъ докторъ, а чтожъ я самъ въ этомъ дѣлѣ понимаю»... У нея онъ самъ ни разу не былъ, а каждый день присылаетъ узнать не будетъ ли какихъ приказаній...

— Ловкій малый...

Въ прїѣзды свои Богданъ Карловичъ тоже ничего особенно не разсказывалъ объ ней, т. е. объ ея здоровьѣ, кромѣ того, что онъ говорилъ и раньше и что видѣли и понимали всѣ и безъ него— что она очень серьезно больна и онъ будетъ считать чудомъ, если она выздоровѣетъ и оправится.

А я, слышавшій разговоръ объ немъ матушки съ отцомъ, гдѣ они подозрѣвали его, все вглядывался, по своему обыкновению, ему въ лицо, въ глаза, въ его наморщенной лобъ, стараясь по нимъ понять его, проникнуть въ его мысли, вывести для себя заключеніе объ томъ, что виновенъ ли онъ или нѣтъ въ томъ, въ чемъ его подозрѣваютъ?

Но онъ былъ все такой же плоскій, дѣланый, искусственный и также точно хохоталъ противно, безъ всякой причины, когда не было и ничего смѣшного.

XIV.

Быль ужъ іюль мѣсяць. Въ томъ году онъ былъ жаркій, всеѣмъ безъ дождя. Уборка хлѣба была въ полномъ разгарѣ. Жали рожь, пшеницу, поспѣвалъ овесъ; все дружно поспѣло, почти разомъ, и надо было спѣшить убрать, пользоваться стоявшей жаркой сухой погодой. Отца мы не видѣли иногда по цѣлымъ днямъ—онъ все время проводилъ тамъ, гдѣ работали, въ полѣ. Онъ рано, до солнца, уѣзжалъ изъ дому и возвращался, когда ужъ темно, народъ кончалъ работать. Про такое время говорятъ: «день—годъ кормить». И такъ было разумѣется не у насъ однихъ, а и у всѣхъ тоже.

Вдругъ, однажды утромъ, когда отца по обыкновению не было дома, онъ былъ въ полѣ, прїѣхалъ Максимъ, прудковскій управляющій. Онъ былъ отличный хозяинъ и появленіе его въ эту пору, когда онъ, казалось бы, долженъ былъ быть, гдѣ и всѣ, на работѣ въ полѣ, не могло и матушкѣ, видѣвшій его какъ онъ прїѣхалъ изъ окна, и всѣмъ, не показаться подозрительнымъ. Узнавъ, что отца нѣтъ въ домѣ, Максимъ хотѣлъ было уже ѣхать къ нему туда, рдѣ онъ былъ, но матушка приказала его позвать къ себѣ. Максимъ Ефимовъ явился съ лицомъ, на которомъ, кромѣ обычной серьезности, было написано еще какое-то покорно-тайнственное выраженіе, не сомнѣнно говорившее, что онъ прїѣхалъ съ какимъ-нибудь важнымъ извѣстіемъ, по серьезному дѣлу.

— Ты что, Максимушка? зачѣмъ тебѣ барина? — спросила его матушка.

Мы были всѣ при этомъ и съ любопытствомъ смотрѣли на Максима. Онъ тихимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Приказанія прїѣхалъ узнать...

— Какія приказанія?—удивилась матушка.

— Какъ на счетъ барышни Лизаветы Семеновны.

Матушка ужъ съ недѣлю не была въ Прудкахъ и этотъ отвѣтъ его и ее и всѣхъ встревожилъ—не случилось ли «съ ней» чего?

— А что съ ней?

— Петръ Васильевичъ приказаніе прислали очистить отъ нея квартиру...

Буквально этими словами: я, какъ сейчасъ, ихъ помню.

— Какъ очистить?

— Приказано-съ.

— То есть выселить ее... чтобы она у васъ не жила?

— Точно такъ-съ.

Матушка тяжело вздохнула и ничего ему не отвѣтила. Максимъ стоялъ съ такой же все покорной и скромной физиономіей.

— И когда же это нужно сдѣлать?

— Сегодня-съ. Они пишутъ, чтобы какъ получу письмо, въ тотъ же день... Утромъ сегодня привезли съ почты. Боюсь, чтобы не быть въ отвѣтъ.

— Да вѣдь она же больна, она встать не можетъ, лежитъ...

Максимъ молчалъ.

— Куда же ее ты думаешь перевести?

— Куда прикажете...

Матушка опять замолчала и задумалась.

— Онъ что тебѣ пишетъ?—наконецъ выговорила она.—Покажи. Письмо съ тобою?

— Не могу-съ... Этого не могу-съ сдѣлать... Боюсь отвѣта,—все также тихо, даже не поднимая глазъ, скромно отвѣтила ей Максимъ, но въ его голосѣ слышалось безповоротность его рѣшенія. Онъ былъ покоренъ, скромнень передъ сестрой своего господина, но повиновался онъ не ей... Матушка была поставлена въ невозможно неловкое положеніе. Она не нашлась ничего ему на это отвѣтить, сказала только:

— Хорошо... я пошлю сейчасъ за бариномъ... мы подумаемъ... Сейчасъ, Максимъ, я пошлю...

Максимъ поклонился и тихо, совсѣмъ не слышно, вышелъ изъ комнаты. Матушка велѣла кого-то позвать, чтобы послать къ отцу съ запиской. Въ это время въ другихъ дверяхъ, со стороны дѣвической, показалась Евпраксѣюшка и, возбужденная, какъ бы принесшая и не вѣсть Богъ какое важное извѣстіе, доложила, что пришла изъ Прудковъ Матреша отъ «барышни» — «ее» всѣ въ это время звали ужъ барышней, а не «мадамой», какъ было въ началѣ. Матрешу не нужно было звать, она стояла за спиной Евпраксѣюшки и только та доложила о ея приходѣ, какъ она сама вошла. Матушка, едва сохраняя обычное присутствіе духа, смотрѣла на нее, что она скажетъ.

— Матушка-сударыня, Максимъ Ефимовъ насъ выгоняетъ, барышня не знаютъ, что дѣлать, къ вамъ прислали...—заговорила

Матреша и заплакала. Было очевидно, что она опоздала, Максимъ Ефимовъ ее обогналъ дорогой и предупредилъ.

— Писать барышня хотѣли—не могли. Ради Христа, говоритъ Матреша, иди скажи имъ... За что же это? И Дмитріева сына мальчика - воспитанника, Максимъ Ефимовъ отнял, увелъ отъ нихъ... Малашка теперь опять у нихъ...

Всѣ были возмущены, взволнованы, всѣ жалѣли несчастную и всѣ не знали что дѣлать. Матреша, переставъ плакать, вошла въ роль, овладѣла вниманіемъ и рассказывала, рассказывала. Ее всѣ слушали, дѣлали замѣчанія о Максимѣ Ефимовѣ, отзывались объ немъ какъ о злодѣѣ, который готовъ погубить кого угодно, а о главномъ виновникѣ, о дядѣ, всѣ какъ-то или умалчивали, или отзывались почти что съ сожалѣніемъ, какъ бы онъ не при чемъ тутъ и злоупотребляютъ его именемъ и данной имъ властью... Можетъ это изъ деликатности передъ матушкой, такъ какъ Петръ Васильевичъ ея братъ, а можетъ это было и по ихъ логикѣ. Тогда была странная логика...

Часа черезъ два, наконецъ, пріѣхалъ отецъ. Онъ встрѣтилъ въ домѣ, въ передней, Максима Ефимова и вмѣстѣ съ нимъ прошелъ въ кабинетъ, туда же къ нимъ пошла и матушка. Мнѣ хотѣлось знать, что тамъ будутъ говорить и я пошелъ-было съ матушкой, но она меня остановила.

— Останься,—сказала она,—все узнаешь потомъ.

Я остался. Они пробыви тамъ съ полчаса или около того. Матушка возвратилась оттуда крайне взволнованная, прошла къ себѣ въ спальню, позвала туда няньку Дарью Аванасьевну и отдавала ей какія-то приказанія, потомъ позвала туда же Матрешу и онѣ долго еще втроемъ что-то обсуждали, говорили. Вскорѣ по уходѣ матушки изъ кабинета, мы видѣли, какъ оттуда вышелъ и Максимъ Ефимовъ и осторожно прошелъ въ переднюю, а потомъ на своей телѣжкѣ уѣхалъ обратно къ себѣ въ Прудки. Отецъ въ домѣ оставался еще сколько-то времени, говорилъ съ матушкой, обсуждалъ что-то съ ней и тоже уѣхалъ опять въ поле. На конюшню, вслѣдъ за тѣмъ, мы слышали, матушка послала приказаніе запрягать карету.

Было рѣшено, что нянька Дарья Аванасьевна съ Матрешей и выѣзднымъ Никифоромъ отправится сейчасъ въ Прудки и привезутъ «се» оттуда къ намъ, что Максимъ Ефимовъ не смѣетъ имъ ничего сдѣлать, какъ посланнымъ матушки, и они не должны вступать съ нимъ ни въ какія разсужденія и пререканія; что, если онъ будетъ что удерживать изъ ея вещей — оставить, не спорить объ этомъ и проч.

Когда карета была готова и подъѣхала къ крыльцу, въ нее торжественно сѣла нянька Дарья Аванасьевна, посланница, а съ ней помѣстилась и Матреша. Никифоръ въ ливреѣ всталъ на за-

пяткахъ, позади кузова. Карета тронулась,—мы провожали ее изъ окна—а матушка съ Евпраксеѣюшкой и нѣсколькими другими еще горничными и дворовыми женщинами отправилась на верхъ, въ мезонинъ, гдѣ у насъ были три или четыре пустыя, не жилыя комнаты, въ которыхъ стояла ломанная мебель, запасныя кровати, на случай прїѣзда кого-нибудь, вообще всякій хламъ. Теперь двѣ изъ этихъ комнатъ приготовляли для помѣщенія «ея»; приказано было поскорѣ вымыть въ нихъ полъ, обтереть потолоки, приготовить кровать, собрать и уставить необходимую мебель, и проч., и проч. Все это надо было сдѣлать сейчасъ же, поскорѣй, потому что могли прїѣхать изъ Прудковъ, а помѣщеніе еще не будетъ готово. Поднялась спѣшка, горничныя бѣгали на верхъ, а потомъ опять внизъ, уносили, приносили; за чѣмъ-то позвали туда столяра Герасима съ инструментами. Я попросился туда и меня матушка пустила, сказавъ только, чтобы я тамъ не шалилъ и никому не мѣшалъ, такъ какъ надо поскорѣ все приготовить.

Я помню, до этого раза на мезонинъ я никогда не бывалъ; такъ всходилъ по лѣстницѣ, видѣлъ въ отворенныя двери тамошнія комнаты, но самъ въ нихъ не бывалъ. Это были очень просторныя и обширныя комнаты, только потолокъ въ нихъ былъ нѣсколько ниже, да стѣны были оклеены какими-то дешевенькими голубенькими, желтенькими, розовыми обоями... Я походилъ тамъ, разсматривая разныя старыя вещи, поговорилъ съ дѣвушками и женщинами, тамъ убиравшими, со столяромъ Герасимомъ, что-то стругавшимъ, приколачивавшимъ, и прошелъ опять внизъ. Матушка сидѣла и бесѣдовала съ Анной Карловной, сестра возлѣ нихъ шила какое-то платье куклѣ.

— Но если только это правда—я не приму, говорила, я услыхалъ, матушка: — ни его, ни ее... Это ужасный человѣкъ — Богъ съ нимъ, нѣтъ!..

— Какъ это? про кого это: «не приму?» — бросилось мнѣ въ голову. Я сталъ слушать о чемъ онѣ говорятъ.

— Тутъ не можетъ быть ни расчета—онъ самъ слишкомъ богатъ—ни любви — теперь мы знаемъ его любовь,—продолжала матушка: — женится! Воображаю, что эту несчастную ждетъ!..

— Какъ? Развѣ «онъ» женится? На комъ?—воскликнулъ я.

Матушка посмотрѣла на меня, помолчала мгновеніе и отвѣчала:

— Максимъ Ефимовъ говорить — я ничего не знаю. И добавила: — и послѣ этого и не желаю знать!..

— А... началъ было я и запнулся: — а куда же дѣнется... я не зналъ, какъ «ея» мнѣ называть, еще ни разу мнѣ не приходилось называть «ея» въ разговорѣ по имени: — а куда же дѣнется Лизавета Семеновна, произнесъ я съ какимъ-то страннѣмъ чувствомъ въ первый разъ при всѣхъ ея имя...

Матушка мнѣ ничего не отвѣчала.

— Она, что жъ?.. ей тутъ будетъ покойнѣе... она можетъ у насъ жить,—сказаль я вопросительно, ни къ кому собственно не обращаясь.

И на это мнѣ не послѣдовало отвѣта...

Это была новая тема, новый сюрпризъ — извѣстіе о предстоящей на комъ-то женитьбѣ дяди...

XV.

Ужъ давно все было готово на мезонинѣ — прибрано, разставлено — матушка сама туда ходила, ходилъ и я, ждали только изъ Прудковъ неожиданную и печальную гостью, а карета, поѣхавшая за нею, все еще не показывалась: ее можно было видѣть издалека, мы смотрѣли, десятки разъ подходили къ окнамъ — никого не видно на прудковской дорогѣ. Подъ самый ужъ вечеръ, часовъ въ семь, когда всѣ предположенія, какія только можно было дѣлать, были ужъ передѣланы, и обсужены, наконецъ кто-то увидалъ и, почти вскрикнулъ:—ѣдутъ!.. Дѣйствительно карета ѣхала, медленно, чуть-чуть рысцей, казалось она ѣдетъ шагомъ. Начались опять предположенія: — пустая ѣдетъ, Максимъ Ефимовъ «ее» не отпустилъ, «она» сама не захотѣла ѣхать, передумала? Нѣтъ, «она» просто настолько больна, до того ослабѣла, что, какъ ни покойна карета, «она» все-таки не можетъ выносить, хотя бы и самой покойной качки и самомалѣйшихъ толчковъ... Я помню это напряженное чувство, съ которымъ я стоялъ у открытаго окна въ гостиной и смотрѣлъ на дорогу, по которой вдаль ѣхала наша карета... Наконецъ, она была совсѣмъ ужъ близко, сейчасъ въѣдетъ во дворъ. Изъ окна я взглянулъ налево; на дѣвичьемъ крыльцѣ стояло человѣкъ пять — горничныя, Евпраксіюшка, еще какія-то дворовыя женщины: ихъ зачѣмъ-то много всѣхъ было въ дѣвичей. Поднялась, встала съ своего мѣста и матушка, подошла къ окну и послала кого-то сказать стоявшимъ на крыльцѣ, чтобы они махали каретѣ подъѣхать къ дѣвичьему крыльцу, а не къ переднему, такъ какъ «ее» надо будетъ высаживать и вести, а то и просто нести на рукахъ на верхъ, на мезонинъ. Карета въѣхала во дворъ и повернула къ дѣвичьему крыльцу. Матушка пошла встрѣчать, а за нею и мы. Всѣ вышли на крыльцо. Когда карета остановилась и Никифоръ распахнулъ дверцы, мы увидали прежде всего няньку Дарью Аванасьевну. Она выходила первая, съ серьезнымъ лицомъ, исполненнымъ важности возложеннаго на нее и ею исполненнаго теперь порученія. Со ступенекъ крыльца спустились на встрѣчу ей горничныя и женщины и столпились у дверецъ кареты, не зная какъ имъ приступить и взяться высаживать «ее» — это чтò-то полусидѣвшее, полудележавшее

бѣлое въ каретѣ. Кто-то полѣзъ туда, внутрь. Начали бережно оттуда тянуть, осторожно и съ усиліемъ поддерживая. И вдругъ я увидалъ «ея» лицо: оно улыбалось—блѣдное, худое съ кроткими, большими темными глазами. Она казалась увидѣла матушку и киваетъ ей оттуда еще изъ кареты... У меня пересохло въ горлѣ, я глоталъ и посматривалъ на всѣхъ, какъ бы ожидая, что сейчасъ произойдетъ что-то страшное. Возлѣ меня стояла сестра и устремивъ на «нее» глаза, неподвижно и серьезно молча смотрѣла.

— Осторожно... Никифоръ, теперь ты помоги... подь подушки берите!—услыхалъ я голосъ матушки.

Наконецъ, изъ кареты ее высадили и люди съ ношей стали подыматься по ступенькамъ крыльца.

— Ну, хорошо, хорошо... послѣ, не говори ничего, послѣ,—опять я услышалъ голосъ матушки и увидалъ, что она одной рукой поправляетъ бѣленькій чепчикъ на «ней» и не столько поправляетъ, какъ гладить «ее» по головѣ... У меня задрожала нижняя губа и слезы такъ и брызнули изъ глазъ, радостныя, восторженныя слезы, легкія, благодатныя: лѣтомъ дождикъ такой бываетъ — «благодатный»...

Ее пронесли мимо насъ на верхъ, а матушка оглянувшись за чѣмъ-то и увидавъ меня, слезы на моихъ глазахъ, посмотрѣла на меня, качнула раза два головой и провела рукой по моимъ волосамъ. Я помню, что я схватилъ и крѣпко-крѣпко поцѣловалъ ея руку...

На верхъ пошла одна только матушка, Анна Карловна собрала насъ и не пустила, сказала что послѣ, если матушка позволить, а теперь мы будемъ только мѣшать тамъ и, кромѣ того, «ей» надо упокоиться, отдохнуть съ дороги.

Матушка долго пробыла тамъ на верху. Она пришла оттуда ужъ почти только къ чаю, когда и на террасѣ и вездѣ зажгли огни. Тамъ же съ нею была и нянька Дарья Аванасьевна и Евпраксіюшка. Матреша, горничная наша, которая ходила за «нею» тамъ въ Прудкахъ, приставлена ходить за «ней» и тутъ. Она, какъ посвященная и ужъ опытная, знающая все, что нужно, нѣсколько разъ за чѣмъ-то приходила внизъ и опять уходила къ себѣ на верхъ.

Приѣхалъ и отецъ съ поля, но обыкновенно, усталый, не объдавший, только закусывавший тамъ въ полѣ. На террасу, гдѣ былъ приготовленъ самоваръ, ему принесли въ маленькой мискѣ супъ, холодное, жаркое; пришла матушка съ верху. Отецъ ѣлъ и разспрашивалъ; она ему рассказывала.

— Богъ съ ней, пусть живетъ. Господь съ ней—не объѣсть,—говорилъ онъ.

Изъ ихъ разговоровъ, изъ рассказовъ няньки, Дарьи Аванасьевны, Евпраксіюшки, наконецъ Матрешы, мы узнали въ этотъ вечеръ, что Максимъ Ефимовъ «какъ коршунъ» все время стерегъ, пока

укладывались и укладывали самую «барышню» въ карету; что онъ, исполняя конечно приказанія Петра Васильевича, ничего не остановилъ изъ ея вещей—все отпустилъ, все до послѣдней нитки; что онъ не согласился только отпустить съ ней мальчика Дмитріева, какъ она его ни упрашивала, какъ ни плакала; что это ее разстроило и утомило больше всего; что дорогой она никакихъ мученій не претерпѣла, потому что почти все время ѣхали или шагомъ или легонькой рысью. Только самое главное никому не было извѣстно—на комъ и когда дядя женится... У «нея» объ этомъ разумѣется никто не спрашивалъ, да она это и знать не могла. Это онъ очевидно задумалъ уже послѣ своего отъѣзда отсюда... Было даже строго настрого приказано никому «ей» объ этомъ и намекомъ не говорить, потому что это ее и совсѣмъ убить можетъ и, кто это знаетъ, можетъ еще это все и вздоръ, выдумки дяди, и Максимъ Ефимовъ распускаетъ ихъ конечно не иначе какъ по приказанію Петра Васильевича.

— И вы, смотрите, пожалуста не болтайте объ этомъ ей:—Анна Карловна, пожалуста, чтобы они не рассказали «ей» объ этомъ, а то пускать не будутъ,—сказалъ отецъ.

«Значить пускать насъ къ ней будутъ»,—про себя подумалъ я, услыхавъ это ограниченіе, подъ которымъ намъ дозволялось, такимъ образомъ, заходить къ «ней»...

Но въ этотъ вечеръ, уже ни я и никто, даже матушка, къ ней не ходили. Приходила оттуда, отъ нея, зачѣмъ-то къ матушкѣ Матреша горничная, но матушка сказала ей, чтобы «она» ни объ чемъ не беспокоилась и не думала, а спала бы себѣ—это важнѣе всего, и приказала Матрешѣ, когда ей надо что, или она ее пошлетъ за чѣмъ-нибудь внизъ, одну не оставлять, а посылатъ пока туда какую-нибудь дѣвочку...

Усталый отъ всѣхъ впечатлѣній дня, я тоже эту ночь заснулъ, какъ убитый,—почему-то радостный, довольный...

XVI.

Было, должно быть, очень еще рано утромъ, когда я проснулся вдругъ. Шелъ дождикъ; мокрые листья и вѣтки липъ, росшихъ у насъ передъ самымъ домомъ, бились по вѣтру и трепались по оконнымъ стекламъ. Въ комнатѣ былъ тотъ скучный, сѣренькій свѣтъ, который бываетъ раннимъ дождливымъ утромъ. Все еще тихо было; всѣ повидимому еще спали въ домѣ. Вдругъ я замѣтилъ, что дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ спала сестра съ нянькой нашей, открыта и смятая кровать няньки, которая стояла у противоположной съ дверью стѣнки, пуста и няньки нѣтъ въ комнатѣ. Я потихоньку, осторожно спустилъ ноги на полъ, всталъ и на ципочкахъ подошелъ къ двери, заглянулъ въ комнату—няньки не было. Куда она

дѣвалась? Я возвратился къ своей кровати, постоялъ, подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на деревья въ саду—всѣ мокрыя, отъ дождя—на песчаныхъ дорожки, на которыхъ образовались дождевые лужи съ пузырями, и только что хотѣлъ было опять ложиться еще спать, какъ мнѣ показалось, что въ смежной съ моею другой комнатѣ, въ которой была лѣстница на верхъ, въ мезонинъ—какіе-то голоса, скрипнула деревянная ступенька на лѣстницѣ. Я сталъ прислушиваться—тихо все. Я подошелъ къ этой другой въ моей комнатѣ двери, за которой мнѣ показалось я слышалъ шаги и голоса, и осторожно отворилъ ее немного. Въ комнатѣ, и такъ обыкновенно довольно темной, теперь раннимъ дождливымъ утромъ было и совсѣмъ почти что темно. Никакихъ голосовъ не слышно... Но тамъ, дальше, въ отворенную изъ этой комнаты дверь въ гостиную, я явственно разслышалъ чьи-то осторожные шаги и голоса, говорившіе торопливымъ тревожнымъ шопотомъ. Я послушалъ, послушалъ, ничего не могъ разобрать и, опасаясь какъ бы меня не увидали, опять притворилъ дверь. Въ головѣ у меня было Богъ знаетъ что. Я ничего не зналъ, что такое; но что-то несомнѣнно случилось—кто-нибудь пріѣхалъ, заболѣлъ. Я легъ на свою кровать и сталъ дожидаться, не услышу ли чего, не войдетъ ли ко мнѣ кто. Скоро дверь изъ этой комнаты, гдѣ была лѣстница на верхъ, отворилась и вошла нянька въ одной юбкѣ, въ кацавейкѣ, накинутой на плечи. Я хотѣлъ было почему-то притвориться, что сплю, но повернулся, не успѣлъ, и когда она, войдя въ комнату, остановилась и стала смотрѣть на меня, я открылъ глаза и спросилъ ее:

— Что такое? Тамъ что такое?

— Почивайте. Ничего. Теперь все слава Богу...

— А что такое было?

— Ничего. «Съ барышней» было худо сдѣлалось. Теперь ничего все слава Богу...

— Что жъ съ ней было?

— Ничего. Кровь было пошла у нея... Теперь остановили, слава Богу. Ничего, почивайте...

— А мама тамъ?

— Тамъ были. Теперь пришли. Почивайте. За докторомъ послали... Ей, Богъ дастъ, хорошо теперь будетъ...

Нянька ушла, сказавъ еще разъ «почивайте, ничего», а я выше подложилъ подушку подъ голову и задумался, глядя на мокрая отъ дождя стекла, на вѣтки, которыя бились въ нихъ и съ шумомъ трепались по вѣтру.

Но на разсвѣтѣ такъ сладокъ бываетъ сонъ и я опять заснулъ...

Въ обычное время, въ девятомъ часу, когда всѣ встали, проснулся и я, и первымъ дѣломъ спросилъ:

— Ну, что тамъ, на верху?

— Ничего. Теперь все слава Богу.

Мы прошли съ Анной Карловной и сестрой въ столовую пить чай и тамъ уже сидѣла матушка съ отцомъ. Онъ не поѣхалъ въ поле по случаю дождя—тамъ никакихъ не было работъ. Они оба сидѣли нахмуренные, встревоженные; говорили отрывочными фразами и вскорѣ не ожиданно совсѣмъ для насъ отецъ сказалъ:

— Анна Карловна, вы, какъ чаю напьетесь, займитесь пожалуйста съ ними: дождикъ въ садъ нельзя,—что жъ они будутъ тутъ ходить...

Этого онъ никогда не говорилъ, онъ въ это не вмѣшивался, а тутъ вдругъ... Значить, ужъ что-нибудь очень его растревожило и ему хотѣлось остаться одному. Анна Карловна собрала насъ и увела въ классную.

Вскорѣ мы узнали, что пріѣхалъ докторъ, но не Богданъ Карловичъ, а новый, какой-то другой, еще молодой и, какъ нянька говорила, такой изъ себя видный, высокій, красивый, должно быть, изъ «хохловъ». Онъ вмѣстѣ съ матушкой почти все время до обѣда просидѣлъ наверху у больной; послали въ городъ за лекарствомъ, которыя онъ прописалъ; на верхъ носили какія-то тазы, простыни чѣмъ-то смоченныя, вообще тамъ происходило усиленное принятіе лекарственныхъ мѣръ. Обо всемъ объ этомъ мы знали отъ няньки и отъ другихъ приходившихъ къ намъ въ классную. Разъ зашла и матушка и на вопросительный взглядъ Анны Карловны, обращенный къ ней, отрицательно покачала головой. Потомъ онѣ обѣ вздохнули и заговорили о постороннемъ.

За обѣдомъ мы наконецъ этого новаго доктора увидали. Фамилія его была Захарченко и звали его Александромъ Павловичемъ. Онъ дѣйствительно былъ и очень красивъ и сразу намъ понравился своей простотой и веселостью. Онъ одинъ былъ веселъ за обѣдомъ, составляя живой контрастъ съ отцомъ, который сидѣлъ какой-то разсѣянный, какъ бы отъ какой-то мысли, занимавшей его и поглотившей все его вниманіе, и матушки, съ постнымъ лицомъ угощавшей доктора и поминутно вздыхавшей.

Почти сейчасъ же послѣ обѣда пріѣхали, воспользовавшись свободнымъ временемъ, по случаю дурной погоды, ближнія наши сосѣди цѣлой семьей, съ дѣтьми, гувернантками. Хотя и не подходили теперь гости ко всей обстановкѣ и господствовавшему въ нашемъ домѣ настроенію, но нельзя же было отказывать и потому они привезли съ собою все-таки хотя немного живого воздуха, явились свѣжія, веселыя лица. Жизнь беретъ свое и тогда даже, когда рядомъ, на виду у нея, смерть дѣлаетъ свое дѣло... Александръ Павловичъ, докторъ, остался тоже у насъ въ ожиданіи возвращенія изъ города посланнаго съ лекарствомъ. Онъ вмѣстѣ съ матушкой и пріѣхавшей къ намъ сосѣдкой, пожелавшей тоже посмотреть на интересную больную, опять ходили на верхъ и такъ какъ новаго и вообще никакой тамъ перемѣны въ состояніи больной не произошло, даже, напротивъ, она была какъ будто бы покойнѣй и вообще ка-

залось ей не много лучше, то по ихъ возвращеніи оттуда, мало-помалу, стало свободнѣе и веселѣй и у насъ внизу. Александръ Павловичъ, докторъ, сѣлъ за фортопіано и заигралъ чтѣ-то. Матушка спросила его не обезпокоитъ ли это больную, онъ улыбнулся и отрицательно покачалъ головой. Онъ отлично пѣлъ — это знали — и его стали просить чтѣ-нибудь спѣть. Онъ охотно согласился и запѣлъ. Всѣ наконецъ совсѣмъ оживились. Въ антрактахъ между пѣніемъ онъ заигралъ какую-то польку или вальсъ и насъ, дѣтей, вмѣстѣ съ пріѣхавшими гостями дѣтьми, заставили танцовать. Во время этого, водворившагося мало-по-малу у насъ беззаботнаго и веселаго расположенія, съ верху, къ матушкѣ, пришла Матреша и подала ей какую-то записочку. Матушка прочитала ее, улыбнулась и стала просить Александра Павловича спѣть какой-то романсъ. Записку прислала «она», съ верху, и спрашивала: не поетъ ли такой-то романсъ докторъ? Если поетъ, то нельзя ли спѣть... Онъ сейчасъ же охотно согласился, взялъ нѣсколько громкихъ акордовъ и запѣлъ. Чтобы «ей» лучше было слышно, двери въ комнату, откуда шла лѣстница къ ней наверхъ, открыли. Она такимъ образомъ какъ бы принимала участіе вмѣстѣ съ нами въ весельѣ... Послѣ этого все пошло еще непринужденнѣе, веселѣй. Матушка ходила опять къ ней на верхъ и принесла извѣстіе, что «она» тамъ оживилась и благодарила все, что ей этотъ романсъ спѣли и вообще веселятся, поютъ и играютъ...

Пріѣхавшіе гости-сосѣди остались у насъ и ужинать; погода прояснилась—было только сыро отъ дождя. Пріѣхалъ посланный изъ города и привезъ лекарство и съ почты письма, газеты и журналы, которые тогда, кажется, только одинъ отецъ во всемъ уѣздѣ и получалъ... Послѣ ужина, прошедшаго довольно живо и весело, уже поздно, въ полночь, уѣхали сосѣди и съ ними уѣхалъ и докторъ Александръ Павловичъ, предварительно сходявшій еще разъ къ больной и сдѣлавшій распоряженія и наставленія какъ и какія давать лекарства и въ какомъ случаѣ. А насъ, дѣтей, увели, уложили спать и мы заснули самымъ безмятежнымъ сномъ...

XVII.

Утра слѣдующаго дня я не забуду... Мы проснулись и встали, какъ обыкновенно, въ девятомъ часу. Я помню, кажется, еще я спросилъ кого-то:—«что тамъ на верху»? и мнѣ отвѣтили, что ничего, все попрежнему. Но когда мы были ужъ совсѣмъ готовы и хотѣли идти въ столовую къ матушкѣ пить чай, вдругъ вошелъ Никифоръ лакей съ подносомъ, на которомъ были налиты наши съ сестрой чайныя чашки и чашка Анны Карловны. Я въ недоумѣніи остановился—что это такое? Никифоръ ничего не отвѣчалъ на мой вопросъ, обращенный къ нему, а Анна Карловна

сказала, что въ столовой есть кто-то, при комъ матушка не хочетъ, чтобы мы выходили. Этого никогда не бывало прежде и сказала она это какъ-то странно—подозрительно...

— Тамъ кто?—спросилъ я Никифора; но тотъ ужъ уходилъ и опять ничего мнѣ не отвѣтилъ.

Было что-то во всемъ необъяснимо странное и не только странное, но тревожное, загадочное. Няньки и вообще никого, кромѣ Анны Карловны, съ нами не было. Какъ только мы напились чаю, она сейчасъ же пошла съ нами въ смежную, рядомъ съ дѣтской, комнату, классную, хотя погода въ этотъ день была солнечная и, слѣдовательно, по лѣтнему положенію, мы должны бы были съ ней идти гулять въ садъ, а вовсе не заниматься.

— Сейчасъ маменька придетъ и отпуститъ васъ,—сказала она въ отвѣтъ на мой вопросъ,—а теперь пойдете.

Я повиновался. Сестра тоже какъ-то странно и удивленно поглядывала на нее и на меня.

Наконецъ, мы усѣлись вокругъ стола, достали наши тетрадки, и Анна Карловна начала намъ диктовать. Прошло съ полчаса. Я писалъ, путалъ, ошибался, совсѣмъ не то у меня было въ головѣ, предчувствіе чего-то нехорошаго не оставляло меня и моихъ мыслей въ покоѣ. Я помнилъ, что года два тому назадъ, когда нашли въ саду зарѣзанную ночью жену повара Степана (ее зарѣзаль молодой малый, конюхъ, «изъ любви») насъ тоже не выпускали ни куда изъ классной, пока не кончилось все, т. е. похороны ее. Я писалъ, а самъ все думалъ, подыскивалъ причины, почему мы сидимъ теперь и насъ не пускаютъ гулять въ садъ?.. Въ классной окно было отворено и это еще больше манило въ зелень, въ тѣнь; все такъ блестяло на солнцѣ, деревья стояли такія зеленыя, послѣ вчерашняго дождя, воздухъ такой чудный, свѣжій, свѣжій, душистый—липы цвѣли... Вдругъ въ саду подъ самыми нашими окнами кто-то пробѣжалъ и вслѣдъ затѣмъ голоса:

— Евпраксія Егоровна!—услыхалъ я голосъ Матрени,—что жъ вы не идете?.. идите же... барыня ждутъ одѣвать покойницу...

Я вскочилъ съ мѣста, выглянулъ въ окно, мимо проходила Евпраксіюшка, старуха, и съ ней Матрена.

— Кто покойница, какую покойницу?—крикнулъ я имъ.

Матрена съ заплаканными глазами вскинула на меня свое лицо.

— Барышню, Лизавету Семеновну,—моргая глазами, на которыхъ блестяли слезы, отвѣчала она...

Вокругъ меня уже стояла сестра, Анна Карловна, откуда-то явившаяся вдругъ нянька, Дарья Аванасьевна, и онѣ что-то говорили. Анна Карловна выговаривала, упрекала—я ничего не слышалъ, не понималъ, не слушалъ ихъ: я былъ весь въ моихъ мысляхъ о томъ, что я услышалъ, узналъ сейчасъ... Онѣ, должно быть,

поняли, догадались, наконецъ, что упрекать меня теперь не время вовсе и принялись уговаривать и успокоивать.

— Ну, что жъ, видно, ужъ Богу такъ угодно было. Ей можетъ тамъ, на томъ свѣтѣ, лучше будетъ... Что жъ дѣлать—видно такъ судьба ужъ...

Я посматривалъ на нихъ и какъ-то не то, чтобы успокоился послѣ перваго извѣстія, поразившаго меня, а словно какъ бы одервенѣлъ.

— Она когда же умерла?—спросилъ я.

— Въ 8 часовъ... утромъ.

— Это мы ужъ встали, проснулись,—про себя соображалъ я вслухъ...

Въ это время я увидѣлъ сестру Соню. Она стояла тутъ же и плакала, смотря на меня, и утирая платочкомъ слѣзы.

— Тебѣ ее жаль?—спросилъ я.

— Жа-а-ль,—отвѣтила она.

— Да какъ же не жалко, всѣмъ жалко,—говорили и нянька, и Анна Карловна,—Богъ прибралъ—видно онъ лучше нашего знаетъ, что дѣлаетъ...

Потомъ пришла матушка. Чтò-то она намъ говорила, объясняла—я ничего не помнилъ и не понималъ. Потомъ приходили и другія женщины, горничныя. Эти рассказывали одна другой какія-то подробности, какъ она умирала, и умерла. Потомъ я чтò-то видѣлъ или слышалъ, какъ пріѣзжали попы, носили восковыя свѣчи, къ намъ въ классную откуда-то проникалъ запахъ ладона. Въ такомъ состояніи я пробылъ до вечера. Въ сумерки я какъ-то задумался, глядя въ окно, въ садъ, и у меня вдругъ хлынули слезы, неудержимыя, горячія, и мнѣ вдругъ все стало словно ясное, словно сейчасъ только явилось у меня сознаніе и я началъ понимать, что кругомъ меня дѣлается... Меня никто не останавливалъ, не уговаривалъ, не успокоивалъ, всѣ какъ будто даже дѣлали видъ, что меня или, по крайней мѣрѣ, того, что я плачу, не замѣчаютъ... И вдругъ какое-то горькое, горькое чувство, какъ отъ оскорбительной неправды, обиды, наполнило душу мнѣ... А еще немного погодя я ужъ ощущалъ въ себѣ какое-то сильное, сознательное, смѣлое до дерзости, до вызова, порывистое, рѣшительное чувство... Противъ кого? Если бы меня тогда спросили, едва ли бы я сказалъ: «противъ дяди!..» хотя и его и его управляющаго, Максима, имена и не выходили у меня изъ головы... Я и на Анну Карловну смотрѣлъ, какъ на обидѣвшую меня тѣмъ, что скрыла отъ меня истину, и на матушку—съ упрекомъ, что и она не поняла меня, не пожалѣла меня, не сказала, и на всѣхъ этихъ назойливо досадныхъ дѣвушекъ и женщинъ, которыя и плакали и вмѣстѣ съ тѣмъ судачили, болтали, интересуясь такими все пустяками и глупостями!..

Вечеромъ въ комнату къ намъ пришелъ отецъ. Мы не видали

его цѣлый день (обѣдать намъ приносили сюда, въ дѣтскую) и, замѣтивъ наше уныніе и подавленное настроеніе, началъ было бодро что-то рассказывать и даже попробовалъ смѣяться, шутить съ нами; но изъ этого ничего не вышло. Онъ понялъ это и сказалъ:

— А жалко ее, бѣдную...

Посидѣлъ, поговорилъ еще о чемъ-то, и ушелъ...

На третій день утромъ, часовъ съ девяти, въ домѣ поднялась суета. Мы изъ оконъ смотрѣли, какъ ее выносили, то есть мы видѣли только гробъ ея,—какъ съ того же крыльца, на которое только четыре дня передъ тѣмъ ее вносили больную, въ надеждѣ, что она проживетъ у насъ и покойнѣе и дольше, теперь такъ же осторожно, взявшись цѣлой кучей, спускали ея гробъ—ящикъ какой-то странной формы и отдѣлки, обитый яркой матеріей съ блестящими на немъ крестами. Потомъ этотъ гробъ понесли черезъ дворъ. Потомъ, когда люди съ нимъ были едва видны по дорогѣ, къ крыльцу подали дроги и на нихъ вмѣстѣ съ нянькой и Евпраксіюшкой уѣхала въ церковь матушка...

Я помню тоскливую пустоту и какое-то одиночество всѣхъ, долго царившее потомъ въ нашемъ домѣ...

— Вотъ, говорили всѣ, всего вѣдь только сутки, живая-то, у насъ прогостила, а какъ увезли ее, скука какая стала, безъ нея, точно и вѣкъ тутъ жила...

— Похоронили ее, чтожъ, честь-честью, говорили тоже всѣ: теперь бы вотъ еще памятникъ если бы какой... совсѣмъ бы какъ настоящую дворянку.

Помню я когда и этотъ «памятникъ» ей устроили. Это было въ субботу, а въ воскресенье мы были всѣ въ церкви и ходили смотрѣть его: большая плита и на ней черными буквами: Лизавета Семеновна Акимова, — родилась 15-го апрѣля 1833 года—скончалась 19-го іюля 1852 года.

О дядѣ изъ Петербурга, черезъ родственниковъ и знакомыхъ (самъ онъ къ намъ не писалъ), получались свѣдѣнія все самыя утѣшительныя. Онъ помолвленъ былъ на вдовѣ, княгинѣ С., очень богатой и, говорили, красавицѣ. На какомъ-то смотрѣ, парадѣ, или разводѣ, государь выдѣлилъ его изъ толпы, подозвалъ, милостиво разговаривалъ съ нимъ, сказавъ, что надѣется, что онъ и на войнѣ, куда отправлялись тогда многіе гвардейскіе офицеры охотниками, отличится, и тутъ же поздравилъ его съ милостивымъ и блестящимъ назначеніемъ...

Но больше я ужъ не встрѣчался съ нимъ... Вскорѣ, впрочемъ, все измѣнилось. Онъ умеръ лѣтъ черезъ пять у себя въ Покровскомъ, гдѣ жилъ, послѣ какой-то исторіи въ Петербургѣ, въ отставкѣ, разведенный съ женою. Наступали тогда другія времена...

С. Терпигоревъ.

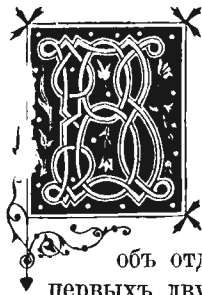

ЗА КУЛИСАМИ СТАРАГО ТЕАТРА.¹⁾

VII.

Театральная школа въ Петербургѣ.

(1809—1820 гг.).

ВЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ у насъ трудахъ по исторіи театра, точно такъ же какъ въ запискахъ стародавнихъ дѣятелей нашей сцены — почти вовсе не встрѣчается указаній относительно положенія въ прежнее время петербургской театральной школы, давшей нашему театру многихъ талантливыхъ артистовъ и артистокъ. Не говоря уже объ отдаленномъ прошломъ театральной школы, т. е. о первыхъ двухъ-трехъ десятилѣтіяхъ послѣ ея учрежденія, даже и за болѣе близкое къ намъ время, именно за первую четверть нынѣшняго столѣтія, — мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній о томъ, чему обучались воспитанники и воспитанницы въ школѣ, какъ распредѣлялись въ ней занятія, какъ жили ея питомцы, въ какой обстановкѣ, и проч. Между тѣмъ, въ виду того вліянія, которое имѣло когда-то петербургское театральное училище на успѣхи и развитіе у насъ сценическаго искусства, знать все это — является далеко небезынтереснымъ. Такой потребности въ свѣдѣніяхъ о прошломъ театральной школы, конечно, должна отвѣтить современемъ ея исторія; но она является, къ сожалѣнію, дѣломъ далекаго будущаго, когда необходимыя для нея матеріалы, погребенныя пока въ нѣдрахъ архивовъ, увидятъ свѣтъ и сдѣлаются до-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 633.

ступными изслѣдователямъ. Когда это будетъ—сказать трудно; но, вѣроятно, еще не скоро, и потому въ настоящее время имѣеть цѣну каждый новый, появившійся въ печати, документъ, относящійся къ прошлому школы, которымъ пополняется скудный запасъ свѣдѣній о ней въ нашей литературѣ. Въ виду сказаннаго, можно надѣяться, что и приводимыя ниже свѣдѣнія о театральной школѣ и бытѣ ея питомцевъ и питомицъ, относящіяся, главнымъ образомъ, къ первой четверти нынѣшняго столѣтія, не будутъ лишними.

Для какихъ цѣлей предназначалась театральная школа? Прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ «Постановленіи» по управленію дирекціею императорскихъ театровъ, высочайше утвержденномъ 28-го декабря 1809 года,—подъ рубрикою «Образование театральнаго школы». «Усовершенствованіе російскихъ спектаклей и балетовъ, пополненіе и, ежели возможно, самое составленіе оркестровъ, замѣненіе иностранныхъ художниковъ театральными воспитанниками,—говорится въ названномъ документѣ,—есть предметъ установленія сей школы». — «Россійскіе спектакли и оркестры въ обѣихъ столицахъ,—пояняется далѣе въ «Постановленіи»,—должны быть наполняемы изъ театральной школы, которая, бывъ основана на твердыхъ и ненарушимыхъ правилахъ, должна содѣйствовать усовершенствованію театральнаго представленій и уменьшенію расходовъ на жалованіе, которые чрезвычайно увеличились для выписки иностранныхъ музыкантовъ; почему и предполагается имѣть театральнаго школы по 60-ти воспитанниковъ каждаго пола». Вотъ, такимъ образомъ, для какихъ цѣлей предназначалась театральная школа. Насколько онѣ достигались въ то время—вопросъ другой, но, что онѣ были чрезвычайно почтенны—сомнѣваться нельзя. Дальнѣйшія правила, установленныя для школы, заключались въ слѣдующемъ. Въ нее принимались дѣти въ возрастѣ отъ 7 до 9 лѣтъ, «свободнаго состоянія», преимущественно сыновья и дочери лицъ, служившихъ въ вѣдомствѣ дирекціи. Въ случаѣ отсутствія вакансій, въ школу допускался пріемъ своекоштныхъ пансіонеровъ «съ заплатою ежегодно той суммы, какая на каждаго изъ воспитанниковъ театральнаго школы полагается». Всѣ воспитанники и воспитанницы, поступившіе въ школу, распределялись въ 4-хъ отдѣленіяхъ: въ 1-мъ—находились дѣти со дня пріема въ школу до 13-тилѣтняго возраста, «въ которомъ уже можетъ обнаружиться, къ чему каждый изъ дѣтей болѣе имѣеть способности и наклонности»; во 2-мъ отдѣленіи — отъ 13-ти лѣтъ до выпуска изъ школы; въ 3-мъ—тѣ изъ воспитанниковъ и воспитанницъ, которые «оказывали особыя и превосходныя способности въ какомъ-либо родѣ театральнаго искусства». Число этихъ избранныхъ составители «Постановленія» предполагали не

могущимъ превысить 12-ти человекъ «въ обоихъ полахъ». Такіе воспитанники и воспитанницы отличались отъ прочихъ «одеждою, содержаніемъ и ученіемъ». Наконецъ, 4-е отдѣленіе составляли козлица, т. е. тѣ изъ воспитанниковъ, у которыхъ начальство, за время ихъ пребыванія во 2-мъ отдѣленіи, не обнаруживало способностей «къ какому-либо роду драматическаго искусства». Такіе воспитанники обучались живописи, или разнымъ рукодѣльямъ и мастерствамъ, какъ-то: костюмерству, скульптурѣ «изъ вапы», работамъ для театра изъ жести, цвѣточному мастерству, приготовленію женскихъ уборовъ, перепискѣ рукописей (?) и нотъ, и проч. Воспитанники и воспитанницы, не обнаружившіе до 13-ти-лѣтняго возраста способностей ни къ какому роду занятій, полезныхъ для театра, исключались изъ школы и возвращались къ родственникамъ.

Въ 1-мъ отдѣленіи, всѣ дѣти, безъ исключенія, обучались слѣдующимъ предметамъ: Закону Божію, французскому и русскому языкамъ, ариѳметикѣ, музыкѣ, «танцованію» и рисованію. Во 2-мъ отдѣленіи, кромѣ курса общеобразовательныхъ предметовъ ¹⁾, питомцы школы должны были обучаться «съ нарочитымъ стараніемъ» тому искусству, къ которому «по ихъ склонностямъ и дарованіямъ они предназначались»; въ то же время они должны были участвовать и въ театральныхъ представленіяхъ, по той части, къ которой должны были впоследствии опредѣлиться, какъ-то: въ корифеи, или для пѣнія и танцевъ, въ оркестръ, или въ драматическій театръ «на малыя роли».

Перешедшіе въ 3-е отдѣленіе предназначались «къ занятію важнаго амплуа въ драматической или балетной труппѣ» и потому поручались исключительно балетмейстеру, музыканту или учителю декламаціи, которые должны были «довершать усовершенствованіе» ввѣренныхъ имъ учениковъ и ученицъ и «отвѣтствовать» за нихъ передъ дирекціей. Но такія спеціальныя занятія, по «постановленію», не должны были отвлекать учениковъ «отъ прочихъ наукъ, необходимыхъ для составленія истиннаго художника, и особливо по драматической части, гдѣ ни одинъ актеръ или актриса не могутъ достигнуть высшей степени совершенства въ своемъ искусствѣ безъ хорошаго воспитанія, знанія иностранныхъ языковъ и совершеннаго понятія о Россійской словесности».

Черезъ каждые шесть мѣсяцевъ въ школѣ назначался экзамень, происходившій въ присутствіи главнаго директора театровъ, членовъ (репертуарныхъ и хозяйственныхъ) и приглашенныхъ «отличныхъ театральныхъ художниковъ». По этимъ экзаменамъ, достигшіе 13-ти лѣтъ переводились во 2-е отдѣленіе; оказавшіе «превосходныя

¹⁾ Размѣры преподаванія этихъ предметовъ не были опредѣлены «Постановленіемъ».

дарованія»—изъ 2-го въ 3-е; не имѣющіе талантовъ для драматическаго искусства—въ 4-е и, наконецъ, тѣ, которыхъ начальство признало «вовсе для дирекціи театральной неспособными»—возвращались родителямъ. Въ день экзамена, на школьномъ театрѣ давался спектакль, составленный изъ однихъ воспитанниковъ и воспитанницъ «какъ для пьесы, балета, такъ и для оркестра». Такія представленія давались не только въ дни экзаменовъ,—и въ другое свободное время членъ репертуарной части могъ назначить спектакль въ школѣ и пригласить на него чиновниковъ дирекціи и артистовъ въ качествѣ зрителей.

Время выпуска изъ театрального училища не было опредѣлено. «Постановленіемъ» предполагалось назначать выпуски въ зависимости отъ успѣховъ воспитанниковъ и отъ надобности, «которую могли имѣть въ нихъ труппы или оркестры театровъ въ обѣихъ столицахъ». Тѣмъ не менѣе, выпускъ долженъ былъ производиться не прежде 4-хъ и не позже 6-ти лѣтъ отъ вступленія воспитанниковъ во 2-е, 3-е или 4-е отдѣленія. Такіе предѣльные сроки назначались въ виду того, во-первыхъ, что, по мнѣнію составителей статутовъ школы — «воспитанники, не имѣющіе 17-тилѣтняго возраста, рѣдко могутъ сами собою и безъ строгаго за ними надзора усовершенствовать свои дарованія и вести себя приличнымъ образомъ для ихъ званія, искусства и службы дирекціи». Съ другой стороны, ограниченіе шестилѣтнимъ срокомъ со времени вступленія въ одно изъ отдѣленій, кромѣ перваго, было вызвано убѣжденіемъ, что отъ воспитанниковъ до 20-го года не приобрѣвшихъ нужныхъ познаній и искусства, невозможно ожидать успѣховъ». Если къ этому времени они дѣлались «полезными дирекціи своими способностями», то, по мнѣнію тогдашняго театрального начальства, «долгое и излишнее пребываніе въ школѣ могло возродить въ нихъ отвращеніе отъ ихъ должности и искусства».

Выпускавшіеся изъ школы молодые актеры и актрисы, равно какъ музыканты и ремесленники, полезные для дирекціи,—распредѣлялись по вакансіямъ какъ на петербургскій, такъ и на московскій театръ, и даже «для замѣненія аксессуарныхъ ролей» для французскаго театра.

При выходѣ изъ школы, воспитанникамъ и воспитанницамъ выдавалось единовременное «награжденіе, для обзаведенія нужными вещами». Цифра этого вознагражденія для выходящихъ изъ 2-го, 3-го и 4-го отдѣленія была различна: высшій размѣръ—250 р.—назначался для тѣхъ, которые выпускались изъ 3-го отдѣленія, затѣмъ 150 р.—изъ втораго и, наконецъ, 100 р.—изъ четвертаго.

По выходѣ изъ школы, воспитанники и воспитанницы, на основаніи высочайшаго указа, не могли оставить службу при дирекціи ранѣе 10 лѣтъ со дня выпуска; для своекоштныхъ пансіонеровъ этотъ срокъ сокращался на половину.

Положеніе на этотъ счетъ существовало и ранѣе, но помянутый высочайшій указъ состоялся не болѣе какъ за полтора года до «Постановленія» 1809 года. Онъ былъ объявленъ директору театровъ А. Л. Нарышкину изустно, ¹⁾ въ отвѣтъ на его всеподданнѣйшій докладъ отъ 7-го октября 1807 года: «о своевольномъ и дерзкомъ поступкѣ актрисы Болиной, вышедшей замужъ, не спросивъ на сіе не только дозволенія отъ начальства, но и не предваривъ его объ этомъ». Для предотвращенія подобныхъ случаевъ на будущее время, директоръ театровъ испрашивалъ въ своемъ докладѣ высочайшаго утвержденія положенія, которымъ, по его словамъ, «дирекція издавна и до нѣкотораго времени руководствовалась», и которое состояло въ томъ, «чтобы воспитанники обоего пола театральнаго училища, по выходѣ ихъ изъ онаго, не могли прежде десяти лѣтъ, считая отъ дня ихъ выпуска, ни подъ какимъ предлогомъ, даже и супружества, оставлять службу при театрѣ безъ особаго на то отъ дирекціи увольненія, да и оно бы сопряжено было съ тѣмъ, чтобы увольняющаяся особа за все время пробытія ея въ школѣ внесла за себя сумму, составляющую стоимость издержекъ, употребленныхъ на воспитаніе десятерыхъ питомцевъ». Такой размѣръ вознагражденія А. Л. Нарышкинъ назначилъ на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, «едва ли одинъ питомецъ изъ десятерыхъ выходилъ съ талантомъ, соотвѣтствующимъ пользѣ существенной».

Служба при театрѣ питомцевъ школы считалась не со времени ихъ выхода изъ нея, а со дня вступленія въ какое-либо амплуа. Для этого были установлены также особыя правила. «Членъ репертуарной части, — говорится въ постановленіи 1809 года, — по вступленіи въ амплуа воспитанника, находящагося еще въ школѣ и, разумѣется, не иначе, какъ въ 3-мъ отдѣленіи, входитъ запискою въ контору, означая день сего вступленія, на что контора, сдѣлавъ разсужденіе, представляетъ главному директору на учрежденныхъ правилахъ». Особенно наблюдать этотъ распорядокъ рекомендуетъ «Постановленіе» относительно танцовщицъ, мотивируя это тѣмъ, что «ихъ искусство утомительнѣе прочихъ, такъ что почти невозможно имъ продолжать дѣйствительную и полезную службу дирекціи 20 лѣтъ» (срокъ для полученія пенсіона). «Танцовщица, — говорится далѣе, — ослабѣвая и потерявъ молодость, привлекательную въ ея искусствѣ, будетъ послѣдніе годы своей службы занимать мѣсто въ балетной труппѣ, не служа ни мало ни выгодамъ ея, ни украшеніемъ спектакля».

Вотъ вкратцѣ тѣ правила, которыми руководствовались въ первой четверти нынѣшняго столѣтія при пріемѣ, обученіи и вы-

¹⁾ Это высочайшее согласіе на предложенную мѣру директоръ получилъ только черезъ полгода послѣ своего доклада. По крайней мѣрѣ его приказъ объ этомъ по дирекціи помѣченъ 30 мая 1808 года.

пускѣ воспитанниковъ и воспитанницъ петербургской театральной школы.

Что касается служебнаго ея персонала, то онъ былъ не особенно многочисленъ и состоялъ изъ слѣдующихъ должностей, установленныхъ главнымъ образомъ для надзора за питомцами: инспектора, главной надзирательницы, нѣсколькихъ младшихъ надзирательницъ (для наблюденія за воспитанницами), младшихъ надзирателей (за воспитанниками), кастелянши, эконома и штаб-лекаря. Кромѣ того, конечно, были преподаватели; но они не составляли какого-либо постоянного комплекта, а приглашались по мѣрѣ надобности.

Какъ и теперь, театральная школа была заведеніемъ закрытымъ. Всѣ питомцы были почти совершенно разобщены съ внѣшнимъ міромъ и бдительно охранялись отъ всякаго вторженія въ ихъ среду постороннихъ элементовъ. Даже свиданія ихъ съ родными обставлялись особенными формальностями и стѣсненіями. Особенно строгій надзоръ былъ, конечно, за воспитанницами, которыя нерѣдко являлись предметами нескромныхъ покушеній со стороны представителей тогдашней золотой молодежи, прибѣгавшихъ къ всевозможнымъ ухищреніямъ съ цѣлью проникнуть въ недоступный цвѣтникъ.

Главнымъ охранителемъ нравственности питомцевъ и питомицъ школы былъ инспекторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ державшій въ своихъ рукахъ и бразды правленія по хозяйственной части заведенія. Ему были подчинены всѣ остальные должностныя лица школы, не исключая главной надзирательницы, которая, какъ уже упомянуто, назначалась исключительно для наблюденія за воспитанницами, имѣя подъ своимъ начальствомъ младшихъ надзирательницъ, кастеляншъ, нянекъ и остальную женскую прислугу заведенія. Въ ея обязанности, между прочимъ, входило наблюденіе «дабы младшія надзирательницы были неотлучно при воспитанницахъ, по очереди, во время классовъ и въ часы отдохновенія». Кромѣ того, она должна была «распредѣлять надзирательницъ для отправленія на пробы (репетиціи) и спектакли», а также и сама, когда возможно, «проводить воспитанницъ на театры, а особливо въ случаяхъ большихъ балетовъ и пробъ, для оныхъ назначенныхъ». Въ числѣ обязанностей инспектора было — имѣть у себя к ючъ отъ наружныхъ дверей школы, которыя запирались при возвращеніи учениковъ и ученицъ изъ театра и отпирались «для начатія ученія». Внѣ заведенія, въ театрахъ, надзоръ за питомцами, конечно, еще болѣе усиливался: при воспитанникахъ неотлучно находились надзиратели, а при воспитанницахъ — надзирательницы. Послѣднія съ особенною бдительностью стерегли ввѣренное имъ стадо, но... не всегда устерегали, не будучи въ состояніи предвидѣть всѣхъ тѣхъ случайностей, которыя помогали отважнымъ искателямъ приключеній про-

никнуть въ строго охраняемую среду театральныхъ нимфъ и сильфидъ, равно какъ и тѣхъ хитростей, къ которымъ они для этого прибѣгали. При томъ же нерѣдко и сами воспитанницы помогали обманывать бдительность своихъ церберовъ, всевозможными средствами стараясь усыпить ихъ вниманіе, чтобы дать возможность своимъ обожателямъ передать записку или сказать нѣсколько словъ. Неудачи при этомъ случались весьма рѣдко; но за то, если смѣлый пионеръ бывалъ пойманъ, въ театральной средѣ поднималась цѣлая буря. Начиналась обширная переписка съ высшими полицейскими властями, съ тѣмъ вѣдомствомъ, въ которомъ находился пойманный, «буде онъ состоялъ на службѣ», возникало слѣдствіе и, въ концѣ концовъ, образовывалось «дѣло».

Въ большинствѣ случаевъ виновниками смѣлыхъ предпріятій оказывались молодые люди изъ общества, главнымъ образомъ, гвардейскіе офицеры. Иногда, впрочемъ, отваживались на эти продѣлки и юноши «канцелярскаго званія». Одинъ изъ такихъ примѣровъ мы имѣемъ въ дѣлѣ 1810 года подъ заглавіемъ: «О портномъ Лукашевичѣ, заведемъ канцеляриста Хлопова въ уборныя комнаты». Это дѣло такъ курьезно само по себѣ и такъ рельефно рисуетъ тогдашнюю канцелярскую волокиту, неуклонно сопровождавшую даже и самые пустые, мелкіе случаи, что мы считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь, тѣмъ болѣе, что по своему содержанию оно можетъ служить забавной иллюстраціей къ нашему разсказу.

9-го октября 1810 года, на Маломъ театрѣ былъ назначенъ спектакль, въ которомъ должны были участвовать старшія воспитанницы школы. Онѣ пріѣхали въ театръ часа за полтора до начала представленія и, въ сопровожденіи старшей надзирательницы, г-жи Казасси, отправились въ одну изъ уборныхъ одѣваться. По дорогѣ туда, Казасси, повстрѣчавшись съ кѣмъ-то изъ служащихъ, заговорила, и воспитанницы пришли въ уборную однѣ. Тамъ ихъ дожидался уже театральнй портной Лукашевичъ, который обязанъ былъ помогать актрисамъ и корифейкамъ въ ихъ туалетѣ. Его, замѣтимъ, воспитанницы по привычкѣ не стѣснялись, совершенно спокойно разоблачаясь въ его присутствіи до самыхъ откровенныхъ принадлежностей женскаго туалета. Но на этотъ разъ Лукашевичъ былъ не одинъ: около него стоялъ какой-то длинный молодой человекъ, одѣтый какъ мастеровой, съ моткомъ нитокъ на шеѣ и иглой, заткнутой въ лацканъ полукафтаны. Очевидно, это былъ тоже портной, пришедшій помогать Лукашевичу, о чемъ послѣдній и не замедлил объявить. Стало быть стѣсняться было нечего, и воспитанницы принялись одѣваться, пользуясь помощью обоихъ портныхъ. Лукашевичъ, гдѣ нужно, ловко дѣйствовалъ иглой и быстро переходилъ отъ одной корифейки къ другой, устраняя разныя неисправности сложнаго сценическаго костюма, по-

правляя юбки и проч. Его помощник пока возился около одной воспитанницы, которая еще при самомъ входѣ въ уборную успѣла незамѣтно обмѣняться съ нимъ взглядомъ, который, конечно, ясно показалъ ему, что его услуги всего болѣе необходимы именно для нея... Но все время оставаться около одной воспитанницы было нельзя, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ требовали портного; Лукашевичъ не могъ поспѣть всюду одинъ, Волей-неволей, его помощнику пришлось откликнуться на нетерпѣливый зовъ одной изъ воспитанницъ и подойти къ ней для услугъ. Какъ на грѣхъ, нужно было подшить какую-то оборку. Длинный юноша храбро принялся за дѣло, но оно у него не клеилось: стежки выходили неровныя, пальцы не слушались и дрожали. На его бѣду, воспитанница, надъ юбкой которой онъ трудился, сразу замѣтила его неумѣлую работу и пристально за ней слѣдила. Наконецъ, она не выдержала и расхохоталась. Она поняла, что портной былъ не настоящій, и тутъ же объявила объ этомъ во всеуслышаніе. Въ уборной поднялся визгъ и крикъ, и перереженецъ долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Онъ немедленно, забывъ снять съ шеи нитки, бросился въ корридоръ; но тутъ его ждала новая опасность: растворивъ дверь, онъ носъ къ носу столкнулся съ однимъ изъ фигурантовъ, очевидно привлеченнымъ необычнымъ шумомъ въ уборной. Къ несчастію, фигурантъ былъ знакомый и немедленно доказалъ это, воскликнувъ:

— Ба! Хлоповъ! какъ ты сюда попалъ?

Къ довершенію бѣды, къ фигуранту въ это время подошла Казасси, и тотъ, придерживая за рукавъ импровизированнаго портного, тутъ же заявилъ ей, кто былъ имъ пойманъ. Изъ уборной, около которой происходила эта сцена, слышался въ это время звонкій смѣхъ. Но Хлопову было не до смѣха: на зовъ Казасси подошли два рослыхъ капельдинера и повлекли его въ контору «продажи билетовъ». Тутъ за него принялся смотритель театра, немедленно начавшій допросъ. Скрываться долѣе ни къ чему бы не повело, и потому пойманный не безъ гордости объявилъ свое званіе: онъ былъ сенатскій канцеляристъ. Фамилія же его намъ извѣстна, — ее объявилъ услужливый знакомецъ піонера, фигурантъ Бекеръ. На вопросъ, кто его провель въ уборную воспитанницъ? Хлоповъ сгоряча назвалъ Лукашевича, но затѣмъ спохватился и, желая отомстить выдавшему его Бекеру, объявилъ, что его привелъ къ воспитанницамъ никто другой, какъ онъ. Но слово не воробей—вылетитъ не поймаешь: послѣднее заявленіе показалось зрителю невѣроятнымъ, и онъ послалъ за Лукашевичемъ. Тотъ пришелъ сильно напуганный; на вопросы отвѣчалъ невразумительно, такъ что въ концѣ концовъ убѣдилъ въ своей виновности зрителя, который и отправилъ его подъ карауломъ въ контору. Хлоповъ одновременно былъ сданъ полиціи. Какъ та распорядилась съ нимъ, мы не знаемъ, но полагаемъ, что обычнымъ порядкомъ, т. е. водворила его на

сѣзжіи дворъ, гдѣ онъ, вѣроятно, и провелъ ночь въ грустныхъ размышленіяхъ о тщетѣ отважныхъ подвиговъ... На другой день о «происшествіи» былъ извѣщенъ «главный надъ зрѣлищами и музыкаю директоръ» А. Л. Нарышкинъ; онъ рѣшилъ дать дѣлу ходъ и потому распорядился немедленно отправить Лукашевича, котораго онъ со словъ зрителя признавалъ пособникомъ Хлопова въ его преступной попыткѣ, къ оберъ-полиціймейстеру П. В. Кутузову. При этомъ А. Л. Нарышкинъ объяснилъ оберъ-полиціймейстеру преступленіе Лукашевича въ особомъ отношеніи. «Вчерашняго дня, въ вечеру, во время спектакля на Маломъ театрѣ, — писалъ П. В. Кутузову директоръ театровъ, — введенъ былъ театральнымъ портнымъ Лукашевичемъ въ женскія уборныя комнаты, гдѣ одѣваются актрисы и воспитанницы школы, подъ именемъ портного называющій себя сенатскимъ канцеляристомъ Хлоповъ, а какъ входъ постороннихъ лицъ за кулисы строго запрещается, тѣмъ болѣе въ женскія уборныя, по сему, препровождая означеннаго Лукашевича къ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу приказать обстоятельство сіе изслѣдовать и Лукашевича, а равно и Хлопова, за такіе противныя постановленіямъ театральной дирекціи поступки, приличнымъ образомъ наказать».

Такимъ образомъ началось слѣдствіе. Лукашевичъ не сознавался; наученный Хлоповымъ, онъ утверждалъ, что во всемъ виноватъ фигурантъ Бекеръ, на котораго указывалъ и самъ главный «преступникъ». Это показаніе при слѣдствіи приняли во вниманіе, основываясь на томъ, что Бекеръ жилъ въ одномъ домѣ съ Хлоповымъ, и хорошо его зналъ. Бекера потребовали въ полицію; но по допросу убѣдились, что онъ не принималъ никакого участія въ замыслѣ Хлопова. Тогда его отпустили и подозрѣніе исключительно сосредоточилось на Лукашевичѣ, который, наконецъ, и сознался. Объ этомъ немедленно увѣдомилъ А. Л. Нарышкина оберъ-полиціймейстеръ П. В. Кутузовъ. «Присланный ко мнѣ при отношеніи вашего высокопревосходительства портной Лукашевичъ, — писалъ Кутузовъ, — по произведенному слѣдствію въ приводѣ сенатскаго канцеляриста Хлопова въ тѣ комнаты, гдѣ актрисы одѣваются, дѣйствительно оказался виновнымъ, за что и подлежалъ бы оштрафованію; но въ удовлетвореніе воли вашего высокопревосходительства, по приказанію моему, освобожденъ». Письмо это помѣчено 31-мъ октября. Такимъ образомъ, слѣдствіе длилось ровно двадцать дней. Какая кара постигла самого отважнаго канцеляриста — неизвѣстно; что же касается его пособника, то его судьбу директоръ рѣшилъ, написавъ на одной изъ бумагъ заведеннаго по этому поводу дѣла: «Лукашевичъ уволенъ».

Разсказанное происшествіе, не смотря на неблагопріятный исходъ для его виновника, все же даетъ право заключить, что строгій надзоръ за воспитанницами не всегда достаточно предохранялъ отъ

вторженія къ нимъ чуждыхъ, нежелательныхъ для начальства элементовъ. Но тутъ, благодаря случайности, г-жа Казасси оказалась на высотѣ своего призванія и изгнала волка, вторгшагося во ввѣренное ей стадо. Въ большинствѣ же случаевъ, какъ уже замѣчено выше, такія попытки оканчивались вполне удачно и «дѣлъ» никакихъ не возникало. Иногда дерзость нарушителей спокойствія театральныхъ затворницъ доходила до того, что они на пробахъ (репетиціяхъ) въ театрахъ открыто, при надзирательницахъ и даже при самомъ инспекторѣ, вызывали къ себѣ воспитанницъ для объясненій или подходили къ нимъ при всѣхъ и говорили все, что угодно. И такіе примѣры были не особенно рѣдки, не говоря уже о различныхъ тонкихъ способахъ въ родѣ переряживаній сбитеньщикомъ, театральнымъ истопникомъ, и проч.;— эти способы практиковались на каждомъ шагу. Героями этихъ продѣлокъ, какъ уже замѣчено, бывали чаще всего офицеры и молодежь изъ общества. Хлоповъ явилъ собою чуть ли не единственный примѣръ доблести канцеляриста, но и то, какъ мы видѣли, попался и былъ уличенъ. Офицеры же попадались рѣдко, не смотря иногда на первобытную простоту тѣхъ способовъ, которыми они пользовались для осуществленія подобныхъ предпріятій. До какой дерзости доходили такія попытки, можно видѣть изъ слѣдующаго донесенія инспектора училища директору театровъ кн. Тюфякину, отъ 5-го января 1820 года. «Сего вечера,—разсказываетъ инспекторъ,—воспитанники и воспитанницы были въ зрительной залѣ на пробѣ оперы «Фернандъ и Кортя». Воспитанникъ Панкратьевъ, по должности своей, подошелъ къ фигуранткѣ (изъ воспитанницъ) Янышевой для объявленія, что она завтрашняго числа (6-го января) не танцуетъ. Въ сіе время какой-то офицеръ, отворя дверь въ залу изъ корридора, вызываетъ ее и она послѣ съ нимъ говорила. Потомъ Панкратьевъ выходилъ изъ залы, и офицеръ ударилъ его по щекѣ. Кто же такой офицеръ, я не могъ узнать, ибо онъ, ударивъ Панкратьева, тотчасъ убѣжалъ, а Янышева о немъ не сказываетъ». Донося объ этомъ, инспекторъ просилъ, чтобы было произведено слѣдствіе «для предотвращенія отъ худшихъ послѣдствій».

Подобныхъ случаевъ мы могли бы привести цѣлый рядъ; что же касается примѣровъ поимки обожателей театральныхъ сильфидъ, то они несравненно рѣже. Между прочимъ, одинъ изъ такихъ рѣдкихъ случаевъ усматривается изъ слѣдующаго «рапорта» зрителя Большого театра маіора Станкевича въ театральную контору. «Сего генваря 22-го числа—доносилъ онъ конторѣ—были потребованы музыканты лейбъ-гвардіи Московскаго полка для балета «Крестовскій островъ», которые и пришли въ театръ въ 11-мъ часу утра. Между ними офицеръ карабинернаго полка г. поручикъ Пучковъ надѣлъ на себя солдатскую шинель Московскаго полка и, съ

волторною, между музыкантами прошелъ на сцену. Потомъ потребовали музыкантовъ къ пробѣ въ зало, куда и г. Пучковъ вошелъ. Главная надзирательница, г-жа Лизертъ, узнала его и начала ему говорить: «Какъ вы сюда вошли»? Онъ же, видя свою ошибку, что его узнали, изъ зала убѣжалъ вонъ; тамъ же попался капельдинеру Бобылеву и тотъ его узналъ, только не могъ удержать его». Какъ никакъ, а волторниста узнали, и онъ, одумавшись, поспѣшилъ вернуться и просилъ извиненія у г-жи Лизертъ. Станкевичъ, тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, донесъ о «происшествіи» въ контору; но дѣло оставили безъ послѣдствій.

На основаніи приведенныхъ примѣровъ можно судить, насколько достигали цѣли тѣ мѣры, которыя начальство школы принимало для охраненія нравственности воспитанницъ во время нахождения ихъ внѣ стѣнъ заведенія. Надзоръ въ самой школѣ оказывался также не болѣе дѣйствительнымъ: тамъ завязывались романы между воспитанниками и воспитанницами; постоянно изъ одного отдѣленія въ другое передавались записочки, происходилъ обмѣнъ всевозможными привѣтствіями и т. д. Въ тайныхъ свиданіяхъ надобности быть не могло, такъ какъ воспитанники и воспитанницы сходились за общей трапезой и, кромѣ того, видѣлись на «пробахъ» (репетиціяхъ) въ театрахъ, при чемъ могли объясняться другъ съ другомъ почти съ полной свободой. Но школьные романы были, по большей части, совершенно невинны. По крайней мѣрѣ, П. А. Каратыгинъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что онъ за всю бытность свою въ театральной школѣ не помнитъ ни одного случая, который можно было бы занести въ «скандальную хронику».

Разказавъ о мѣрахъ надзора за питомцами школы, будетъ не лишнимъ коснуться слегка тѣхъ основаній, на которыхъ держалось управленіе хозяйственною частью этого заведенія. По «Постановленію» 1809 года, для завѣдыванія школьнымъ хозяйствомъ назначался, какъ и во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, экономъ. Онъ опредѣлялся членомъ хозяйственной части съ утвержденія главнаго директора театровъ. На обязанности эконома лежала закупка всѣхъ вещей, «потребныхъ для обуви и одежды воспитанниковъ», а также дровъ, свѣчей, и всего, что требовалось для содержанія дома школы и стола ея питомцевъ. Во всѣхъ распоряженіяхъ по этой части экономъ былъ обязанъ соображаться съ указаніями инспектора школы. Но это правило почти до 30-хъ годовъ оставалось только буквою, такъ какъ экономы соблюдали его лишь въ тѣхъ случаяхъ, если указанія инспектора не противорѣчили ихъ собственнымъ выгодамъ. Вообще хозяйство школы долгое время было самымъ большимъ мѣстомъ въ ея управленіи. Какія злоупотребленія допускали экономы, читатели найдутъ въ

очеркъ, посвященномъ дѣятельности инспектора школы Гильденштубе, подъ заглавіемъ «Театральный Аристидъ».

Столъ воспитанниковъ и воспитанницъ по «Постановленію» 1809 года долженъ былъ состоять въ обыкновенные дни изъ трехъ блюдъ, супа или щей, варенаго мяса «съ приправою» и каши или блюда «сдѣланнаго изъ зелени и кореньевъ». Три дня въ недѣлю полагалось жаркое, а въ праздники, сверхъ всѣхъ перечисленныхъ блюдъ — пирожное. На все это было предположено отпускать по 12 р. въ мѣсяцъ на каждаго питомца, считая въ томъ числѣ и лазаретный столъ. При тогдашней дешевизнѣ припасовъ, этого, безъ сомнѣнія, было совершенно достаточно для вполнѣ здороваго стола. Но инспектора школы постоянно жаловались на недостаточность «ассигнованія» на продовольствіе воспитанниковъ, и въ концѣ концовъ его нашли нужнымъ увеличить до 15 руб. По крайней мѣрѣ, такая сумма на столъ каждаго воспитанника отпускалась уже въ 1815 году, въ бытность инспекторомъ школы актера Рахманова; но послѣдній находилъ и ее недостаточной, постоянно осаждавая контору требованіями прибавокъ и сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Такія требованія театральное начальство большею частію удовлетворяло, но это, однако же, не вносило въ бытъ питомцевъ школы никакихъ улучшеній: и при Рахмановѣ, и позже, даже послѣ реформы школы графомъ М. А. Милорадовичемъ (въ началѣ директорства А. А. Майкова), жизнь театральныхъ воспитанниковъ и воспитанницъ была обставлена крайне неудовлетворительно. Въ чемъ именно заключалась эта неудовлетворительность — можно видѣть изъ рапортовъ инспектора Гильденштубе (1827 — 1828 гг.), приведенныхъ въ печатаемомъ дальше очеркѣ «Театральный Аристидъ».

Обращаясь въ заключеніе къ вопросу о томъ, какъ было поставлено въ школѣ въ старые годы (1815—1820) преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ, — необходимо замѣтить, что свѣдѣній объ этомъ въ документахъ встрѣчается весьма мало. Общія правила, устанавливавшія учебную часть школы, какъ мы уже видѣли, были весьма разумны. Они требовали, чтобы «изошреніе воспитанниковъ въ разныхъ родахъ сценическаго искусства отнюдь не отвлекало ихъ отъ прочихъ наукъ, необходимыхъ для составленія истиннаго художника, особливо по драматической части». Но эти правила, къ сожалѣнію, далеко не соблюдались, и все вниманіе въ школѣ было обращено на спеціальныя занятія «искусствами», болѣе всего танцами, пѣніемъ и «декламаціею». «Наукамъ» же отведено было одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ и на нихъ смотрѣли только какъ на придатокъ къ школьному курсу, пожалуй даже не совѣтъ нужный. Вслѣдствіе этого, изъ школы иногда выходили артисты и артистки, едва умѣвшіе подписать свое

имя на контрактѣ. Особенно отличались съ этомъ отношеніи выходившіе изъ школы балетные танцовщики и танцовщицы, или, какъ тогда называли—дансёры и дансёрки.

Нѣкоторое понятіе о томъ, какъ проходилъ въ старыя годы театральными воспитанниками курсъ общеобразовательныхъ предметовъ, можетъ дать представленіе инспектора Рахманова, съ которымъ онъ обратился къ вице-директору театровъ кн. П. И. Тюфякину, по окончаніи въ школѣ экзаменовъ, въ 1817 году,—ходатайствуя объ измѣненіи существовавшего тогда порядка преподаванія помянутыхъ предметовъ. «Изъ дневныхъ рапортовъ,—говорится въ этомъ документѣ,—видно, что російскій учитель ходитъ (преполагаетъ въ училищѣ) ежедневно не болѣе двухъ часовъ, но и то одинъ день у воспитанницъ, а другой у воспитанниковъ, при чемъ иногда въ одномъ классѣ преподаваемо бываетъ о законѣ (Божіемъ), исторіи и словесности, вслѣдствіе чего воспитывающіеся, будучи развлечены разными предметами, не могутъ успѣвать въ нихъ въ два часа». Находя такую методу невыгодною и остающеюся «безъ успѣха для воспитывающихся»,—Рахмановъ предлагалъ «устроить» Російскій классъ слѣдующимъ образомъ: «подлежитъ,—писалъ онъ кн. Тюфякину,—дабы учитель ходилъ два раза въ день: то зѣтъ поутру, въ 9 часовъ,—на два часа, и послѣ обѣда, въ 6 часовъ, также на два часа, не оставливая теченія спектаклей». По словамъ инспектора, утромъ учитель долженъ былъ застать полный классъ. Послѣ же обѣда, если и не всѣ воспитанники могли оставаться дома, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ должны были участвовать въ спектакляхъ, то все же и въ это время классъ не могъ оказаться пустымъ, ибо для спектаклей никогда не требовались всѣ воспитанники и воспитанницы, обыкновенно и тѣхъ и другихъ «весьма довольно» оставалось дома. «Если же,—говоритъ Рахмановъ,—сегодня не были тѣ, которые были заняты на театрѣ,—то на другой день они займутъ классъ; а можетъ быть и то: кои сегодня были въ классахъ, на другой день будутъ заняты на театрахъ; но, какъ бы то ни было, все же всякой день остается очень довольно воспитывающихся дома». Сообразно съ этимъ порядкомъ, инспекторъ предлагалъ распредѣлить и занятія во французскомъ классѣ. «Сегодня, на примѣръ,—говоритъ онъ въ своемъ «представленіи»,—російскій учитель занимался съ воспитанниками поутру въ 9 часовъ; въ оное же время французскій учитель занимался съ воспитанницами; послѣ же обѣда первый будетъ заниматься съ воспитанницами, а второй—съ воспитанниками. Симъ образомъ,—заключаетъ своей проектъ Рахмановъ,—къ наукамъ воспитывающіеся болѣе будутъ имѣть способовъ». Но при этомъ онъ находилъ необходимымъ «подать учителямъ средство, снабдивъ ихъ учебными книгами и, затѣмъ, призвавъ ихъ, объявить, чтобы они

въ одномъ и томъ же классѣ не давали уроковъ нѣсколькихъ разныхъ предметовъ, какъ на примѣръ, словесности и ариѳметики, или исторіи и словесности, а для каждаго предмета назначали особые уроки.

Любопытныя свѣдѣнія заключаются въ томъ же документѣ и о тогдашнемъ преподаваніи въ училищѣ спеціальныхъ предметовъ. «Приказаніе письменное я имѣю отъ моего начальника,— говоритъ, между прочимъ, Рахмановъ,— дабы всѣ учителя ходили въ классы въ 9 часовъ. Приказаніямъ моего начальника (зн. А. А. Шаховского) я долженъ повиноваться; но позвольте все же объяснить, что если всѣ учителя придутъ въ училище въ 9 часовъ,—какъ-то: россійскій учитель и французскій, которые должны преподавать свои классы генерально всѣмъ воспитывающимся, ибо безъ нихъ быть невозможно,—то учителю пѣвческаго класса, а равно фехтовальнаго и музыкальнаго — не кого учить!» Однако,— замѣтимъ мы,— «не кого учить» оказывалось по большей части учителямъ россійскому и французскому; а фехтмейстеръ и учителя музыки и пѣнія постоянно имѣли у себя полные классы, не говоря уже о танцмейстерѣ, уроки котораго, въ особенности во время подготовки новыхъ балетовъ, нерѣдко отвлекали воспитанниковъ и воспитанницъ отъ всякихъ другихъ занятій. Для устраненія несообразности въ распредѣленіи классовъ Рахмановъ предлагалъ распредѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ: утромъ отъ 8 до 10 часовъ назначить классы учителей общеобразовательныхъ предметовъ: т. е. французскаго и россійскаго ¹⁾). Одного у воспитанниковъ и другого у воспитанницъ, попеременно; затѣмъ, отъ 10 до 12 часовъ — учителей танцевъ, пѣнія, музыки и фехтованія.

Что отвѣтило начальство на приведенный проектъ Рахманова — мы не знаемъ: указаній въ документахъ на этотъ счетъ не имѣется. Но если даже предложенныя инспекторомъ измѣненія порядка преподаванія въ школѣ и осуществились,—они во всякомъ случаѣ не имѣли того вліянія на улучшеніе учебнаго дѣла въ школѣ, какого ожидалъ отъ нихъ авторъ проекта. Къ такому заключенію, по крайней мѣрѣ, приводятъ тѣ немногочисленныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ существованіи этого заведенія, которыя встрѣчаются въ запискахъ стародавнихъ любителей и знатоковъ театральнаго дѣла. Приводить эти свѣдѣнія—не входитъ въ задачу настоящаго очерка: мы имѣли въ виду представить въ немъ лишь тѣ данныя, которыя могли извлечь изъ немногихъ находящихся въ нашемъ распоряженіи документовъ.

¹⁾ Такъ какъ россійскій учитель преподавалъ не только русскій языкъ, но и другіе предметы, какъ-то: исторію, ариѳметику и проч.

VIII.

Театральный Аристидъ.

17-го мая 1827 года, инспекторомъ театральной школы въ С.-Петербургѣ былъ назначенъ отставной поручикъ Тульского пѣхотнаго полка, переименованный въ губернскіе секретари, Петръ Ивановичъ Гильденштубе. Это былъ еще не старый человѣкъ, всего 37 лѣтъ отъ роду, но уже совершенный инвалидъ, потерявшій, когда-то, крѣпкое здоровье во время походовъ 1812—13 и 1814—15 годовъ. Участвуя во многихъ сраженіяхъ, онъ былъ неоднократно раненъ и, наконецъ, въ маѣ 1816 года уволенъ отъ службы «за ранами», съ опредѣленіемъ на инвалидное содержаніе. Послѣ того онъ пробовалъ служить въ петербургской таможнѣ, затѣмъ въ кронштадтской, куда былъ назначенъ младшимъ корабельнымъ смотрителемъ. Изъ Кронштадта онъ попалъ въ Астрахань, также на должность корабельнаго смотрителя, отъ которой, наконецъ, и былъ, по прошенію, уволенъ въ октябрѣ 1826 г.

Честный, прямой характеръ и совершенное безкорыстіе заставляли его часто перемѣнять мѣсто службы, въ то время едва ли пригодной для такихъ людей, какимъ былъ Гильденштубе. Впрочемъ, онъ скоро понялъ, что таможня для него плохая арена. Надо, однако, было какъ-нибудь изыскивать средства къ жизни: семья, состоявшая изъ жены и двоихъ дѣтей, не позволяла почитать отъ трудовъ... Въ поискахъ за мѣстомъ, онъ натолкнулся на одного изъ знакомыхъ, который и посоветовалъ ему обратиться съ прошеніемъ въ дирекцію императорскихъ театровъ объ опредѣленіи его инспекторомъ школы. Слѣдуя этому совѣту, Гильденштубе подалъ прошеніе и его попытка увѣнчалась успѣхомъ: 17-го мая 1827 года его приняли на службу дирекціи, съ назначеніемъ инспекторомъ театральной школы.

По вступленіи въ эту должность, едва осмотрѣвшись, онъ энергично принялся за искорененіе злоупотребленій, практиковавшихся въ средѣ служащихъ театральной школы, и за ея преобразование.

Обо всемъ, что онъ находилъ нужнымъ измѣнить или исправить, онъ входилъ съ «представленіями» въ комитетъ главной дирекціи театровъ. Само собою разумѣется, что такая дѣятельность Гильденштубе создала ему немало враговъ не только въ средѣ его сослуживцевъ по училищу, но и между заправилами тогдашняго театрального хозяйства, для которыхъ честный, прямой и безкорыстный дѣятель былъ не только живымъ укоромъ, «бельмомъ на глазу», но и небезопаснымъ, хотя и непризнаннымъ, контролеромъ. Послѣдствіемъ этого для Гильденштубе было множество упавшихъ на него мелкихъ неприятностей, доносовъ, и даже прямо оскорбле-

ній, такъ что, въ концѣ концовъ, для него сдѣлалось невозможнымъ продолжать службу. Эта борьба театральнаго Аристиды съ окружающими его хищниками продолжалась недолго: 18-го мая 1828 года, почти въ годовщину своего опредѣленія въ дирекцію, Гильденштубе подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы «по разстроенному здоровью» и, конечно, съ удовольствіемъ былъ уволенъ. Послѣдняя стереотипная фраза по отношенію къ инвалиду была горькою истиной: множество вынесенныхъ имъ непріятностей и бесполезно затраченныя усилія — могли легко сказаться на здоровьѣ, и безъ того уже распатанномъ въ долгихъ и трудныхъ походахъ. Имѣли ли какіе-нибудь результаты недолгія, но энергичныя старанія Гильденштубе по реформѣ театральнаго училища — сказать трудно, такъ какъ видимыхъ слѣдовъ этихъ стараній послѣ его отставки мы не находимъ въ документахъ. Несомнѣнно только одно, что дѣятельность этого честнаго человѣка представляла рѣдкій и едва ли не единственный въ то время примѣръ. Въ чемъ состояла эта дѣятельность, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго ея очерка, воспроизведеннаго на основаніи современныхъ документовъ, сохранившихся въ архивѣ дирекціи императорскихъ театровъ. (Дѣло подъ № 54, 1828 г.).

Мы уже упомянули, что тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность инспектора театральнаго училища Гильденштубе началъ внимательно присматриваться къ заведеннымъ тамъ порядкамъ и они ему сразу сильно не понравились. Это видно изъ его перваго «представленія» объ училищѣ, съ которымъ онъ обратился въ комитетъ главной дирекціи императорскихъ театровъ 6-го декабря 1827 года:

«Вступивъ въ должность инспектора императорскаго театральнаго училища и входя подробнѣе во внутреннее устройство онаго,— писалъ онъ,—замѣтилъ я, какъ мало оно дѣлаетъ себя достойнымъ сего названія; сколь много въ немъ недостатковъ, черезъ которые оно не достигаетъ своей цѣли, не приноситъ надлежащей пользы правительству и отечеству, не выпуская — въ вознагражденіе употребленныхъ на него чрезмѣрныхъ издержекъ — достойныхъ во всякомъ отношеніи артистовъ; нашель, что оно во мнѣніи публики ни что иное, какъ до крайности упавшее заведеніе, въ которомъ существуютъ въ высшей степени безпорядокъ, необузданность и безнравственность. При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи оказалось, что многіе, коимъ ввѣрено было воспитаніе, были большою причиною сего упадка. Своими слабостями, неспособностью, недостатками и пороками, подаютъ они воспитывающимся не токмо самые дурные примѣры, но и еще неблагонамѣреніемъ и допущеннымъ униженіемъ себя, равно и отвратительнымъ корыстолюбіемъ, приводя воспитывающихся ко всему худому, внушая въ нихъ без-

стыдство и непослушаніе, лишаютъ уваженія къ начальникамъ, подавляютъ наклонность ко всему доброму».

«Если уже всякое воспитаніе,—говоритъ далѣе Гильденштубе,— должно имѣть своимъ основаніемъ послушаніе и нравственность, для избѣжанія предосудительныхъ послѣдствій, то здѣсь, гдѣ наиболѣе всякаго рода интригъ, гдѣ самыя худыя примѣры безнравственныхъ, неблагомыслящихъ людей, при рано раскрываемой въ дѣтяхъ чувственности по образу ихъ воспитанія все совершенно разстраиваютъ,—здѣсь, говорю, сіи качества должны быть сохраняемы ненарушимѣе, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ». — «Неутолимыя мои старанія,—заключаетъ бѣдный Донъ-Кихотъ,—въ истребленіи такого зла—остались безуспѣшны; беспорядки возрастаютъ; всѣмъ распоряженіямъ или противодѣйствуютъ, или они вовсе остаются безъ исполненія»...

На первый разъ Гильденштубе признавалъ необходимымъ уволить (т. е. переимѣнить) во-первыхъ—надзирательницу надъ воспитанницами школы, г-жу Казасси, которая, по его словамъ, «при старости своей впала въ невоздержность въ напиткахъ» и дошла даже до того, что «причиняла ему разныя дерзости и грубости»; во-вторыхъ—двухъ другихъ надзирательницъ: Волкову и Дмитріеву, а также надзирателей Осипова и Щербинина. На мѣсто уволенныхъ инспекторъ не рекомендовалъ, какъ тогда водилось, своихъ protegé, а просилъ комитетъ «сколь возможно скорѣе опредѣлить людей способныхъ и добропорядочнаго поведенія».

На это свое представленіе Гильденштубе, какъ и слѣдовало ожидать, не получилъ никакого отвѣта и представленныя имъ къ увольненію лица продолжали прочно сидѣть на своихъ мѣстахъ. Тогда, по прошествіи трехъ недѣль, 28-го декабря, инспекторъ снова обратился съ рапортомъ въ комитетъ, напоминая о своемъ первомъ представленіи и прося увольненія и замѣны «способнѣйшимъ» состоящаго при театральномъ училищѣ учителя словесности титулярнаго совѣтника Богдановича. «Онъ (т. е. Богдановичъ)—аттестовалъ строгій инспекторъ—по старинной методѣ въ способѣ преподаванія своего, по неспособности въ объясненіи и другимъ недостаткамъ, равно не видя надлежащихъ (его) успѣховъ—остается въ своей дѣятельности безъ всякой для училища пользы». Этотъ рапортъ точно также остался безъ отвѣта. Но Гильденштубе не унылся. Два дня спустя, онъ написалъ новый рапортъ въ которомъ рассказывалъ о хищническихъ подвигахъ училищнаго эконома Казака и просилъ о его увольненіи. Любопытная картина тогдашнихъ порядковъ театральной школы всецѣло возстаетъ передъ нами въ документахъ дѣла по рапортамъ инспектора-новатора, рѣшившагося, не щадя себя, бороться съ хищеніями, безнравственностью и неправдой, коренившимися въ той средѣ, въ которую поневолѣ

занесла его нужда. Вотъ, напримѣръ, какъ обрисовываетъ Гильденштубе въ своемъ рапортѣ училищное хозяйство.

Прежніе инспектора театральной школы, сначала актеръ Рахановъ, а затѣмъ Бокъ—безпрестанно жаловались начальству, что на содержаніе училища отпускаются слишкомъ ничтожныя средства и оправдывали этимъ неудовлетворительность того продовольствія, какимъ пользовались воспитанники и воспитанницы, и той обстановки, въ которой они жили. Гильденштубе первый призналъ эти средства слишкомъ достаточными. «Не взирая на тѣ, слишкомъ достаточныя средства, какія опредѣлены отъ дирекціи на содержаніе воспитывающимся,—писалъ онъ въ своемъ рапортѣ отъ 30-го декабря (1827 г.),—экономъ Казакъ началъ брать очень дурныя припасы, какъ-то: гнилую говядину, вонючую воду, часто даже весьма въ недостаточномъ количествѣ; онъ же отсылалъ изъ заведенія кушанье и проч.»... — Ясно, что такія «дѣйствія» эконома должны были вызвать со стороны честнаго и энергичнаго инспектора желаніе избавиться отъ него, вслѣдствіе чего онъ и обратился въ комитетъ съ упомянутымъ рапортомъ. Но прежде чѣмъ пустить въ ходъ эту послѣднюю мѣру, онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ сократить ретиваго въ хищничествѣ Казака иными средствами.

Удостоверившись въ недоброкачественности продуктовъ, покупаемыхъ экономомъ для училища, онъ позвалъ его къ себѣ.

— Чтобы этого никогда больше не было,—односложно сказалъ онъ ему.

Но, къ удивленію, это приказаніе Казакъ принялъ совѣмъ не такъ, какъ ожидалъ инспекторъ. Опираясь на защиту начальства, съ которымъ онъ, безъ сомнѣнія, дѣлился «доходами» своей выгодной службы, экономъ сталъ возражать.

— Что это? Вы вздумали мнѣ приказывать? — чуть не закричалъ онъ на Гильденштубе.—Какое вы мнѣ начальство? Мой начальникъ г. Гемнихъ (управляющій конторою), а васъ я не только не хочу слушать, но не желаю и знать, и никакихъ отчетовъ давать вамъ не обязанъ.

Гильденштубе возмущился этой наглостью и также повысилъ голосъ.

— Смѣешь ли ты мнѣ такъ говорить? — закричалъ онъ на строптиваго Казака: я инспекторъ, а ты экономъ, и долженъ слушать, что я тебѣ приказываю. Я тебѣ сказалъ, чтобы этого больше не было, а чего—ты самъ знаешь... Если же непремѣнно хочешь, то я, пожалуй, тебѣ повторю: воровства, кражи, — вотъ чего. Не мори голодомъ дѣтей, не таскай ихъ пропитанія—и правъ будешь... А теперь—убирайся! Говорить съ тобой я больше не буду, а если еще что-нибудь увижу, то буду просить комитетъ, чтобы тебя убрали...

Казакъ ушелъ, но, послѣ описаннаго случая, началъ всячески донимать инспектора.

Однажды куплено было для больныхъ воспитанницъ вино. Гильденштубе послалъ одного изъ надзирателей къ Казаку съ приказаніемъ, чтобы онъ заставилъ разлить вино при себѣ. Но тотъ отвѣчалъ, что «это можетъ сдѣлать самъ инспекторъ» и что «онъ не слуга его». Гильденштубе повторилъ свое приказаніе, но и на этотъ разъ отвѣтъ былъ тотъ же. Тогда инспекторъ велѣлъ позвать его къ себѣ. Это также не подѣйствовало: эконому сказалъ, что онъ не обязанъ являться по приказанію какого-то нѣмчуры, и не поидеть. Вторично посланный инспекторомъ надзиратель возвратился съ такимъ же дерзкимъ отвѣтомъ. И такіе случаи повторялись нерѣдко. Наконецъ, дерзость эконома перешла всякія границы... Надо замѣтить, что кухарка часто жаловалась инспектору на недостаточность закуповавшихся для стола воспитанниковъ припасовъ. Въ виду этого, Гильденштубе приказалъ, чтобы припасы, немедленно по доставленіи ихъ на кухню, взвѣшивались тамъ. На первый разъ для этого контроля былъ назначенъ старшій надзиратель, тит. сов. Пальниковъ, которому было поручено провѣрить вѣсъ провизіи и записать ея количество. Экономъ, для котораго такой контроль былъ небезопасенъ, конечно, воспротивился ему, и когда Пальниковъ пришелъ на кухню и исполнилъ данное ему порученіе, то между ними произошла слѣдующая сцена:

— Какъ ты смѣлъ сдѣлать это и кто тебѣ приказалъ?—спросилъ Казакъ Пальникова.

— Мнѣ велѣно учинить провѣрку припасовъ господиномъ инспекторомъ,—отвѣчалъ надзиратель, и добавилъ въ свое оправданіе, что онъ не смѣлъ послушаться начальства.

Эта отвѣдъ едва ли не болѣе всего возмутила эконома.

— Такъ я воръ?—закричалъ онъ,—тогда и ты воръ, да и инспекторъ таковъ же, и потомъ, обращаясь къ находившимся тутъ же кухоннымъ мужикамъ, приказалъ «всѣхъ безъ исключенія гнать въ шею, кто бы ни пришелъ ревизовать». — Они всѣ воры!—сказалъ онъ въ заключеніе: кто самъ воръ, тотъ приказываетъ другихъ ревизовать... Инспекторъ, докторъ Марокетти ¹⁾ и прочіе—всѣ они голодные гости и приходятъ сюда только для того, чтобы даромъ кушанье получать ²⁾.

Отрапортовавъ обо всемъ этомъ комитету, Гильденштубе, «почитая излишнимъ описывать дальнѣйшія дерзости и разные неблагонамѣренныя предложенія эконома», просилъ, по соображеніи всего имъ описаннаго, удалить Казака отъ должности, имъ

¹⁾ Театральный врачъ.

²⁾ Подлинныя слова рапорта Гильденштубе.

занимаемой, а за оскорбленіе его, Гильденштубе, чести—предать законному сужденію уголовнымъ порядкомъ.

Этотъ рапортъ поступилъ на разсмотрѣніе одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ театрального комитета, графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго, который и внесъ его 13-го января 1828 г. въ комитетъ для обсужденія вмѣстѣ съ другимъ упомянутымъ нами представленіемъ Гильденштубе объ увольненіи учителя Богдановича. Нечего и говорить, что если бы рапорты новатора-инспектора попали къ кому-нибудь изъ тогдашняго состава конторы,—ихъ судьба была бы та же, что и другихъ представленій его, посылавшихся имъ раньше и не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій... Но теперь дѣла замѣть было нельзя. То, что вносилъ въ комитетъ графъ Вьельгорскій, игнорировать было небезопасно. Поэтому, комитетъ сдѣлалъ нѣсколько постановленій по донесеніямъ Гильденштубе и, въ концѣ концовъ, по дѣлу о злоупотребленіяхъ эконома постановилъ произвести слѣдствіе. Относительно учителя словесности, котораго инспекторъ находилъ бесполезнымъ, комитетъ рѣшилъ: «Для усовершенствованія преподаванія россійской словесности и декламации въ театральной школѣ поручить классъ I г. Свистовскому (изъ педагогическаго института), устранивъ совершенно г. Богдановича». Надо замѣтить, что еще ранѣе внесенія въ комитетъ рапортовъ Гильденштубе, графъ М. Ю. Вьельгорскій, для предварительнаго изслѣдованія злоупотребленій эконома, словесно приказалъ (11-го января 1828 г.) начальнику 2-го отдѣленія театральной конторы, г. Шотену, разузнать обо всемъ на мѣстѣ. Насколько былъ удаченъ такой выборъ—мы сейчасъ увидимъ. 11-го января Шотенъ, получивъ приказаніе всемогущаго графа, тотчасъ же отправился въ училище, гдѣ, для вящаго удостовѣренія его въ справедливости своихъ донесеній, инспекторъ указалъ ему на новый, по его мнѣнію, вопіющій фактъ. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день для стола воспитанниковъ былъ купленъ черносливъ, который оказался, по словамъ инспектора, «столь худъ, что въ ономъ были черви»... и что онъ поэтому приказалъ замѣнить его другимъ. Экономъ на этотъ разъ послушался Гильденштубе, но и то неполнѣ, такъ какъ негодный черносливъ, который ему было велѣно оставить на кухнѣ, онъ взялъ къ себѣ. Вещественныя доказательства, такимъ образомъ, исчезли и Шотенъ былъ этому, конечно, радъ. Однако же, совершенно оправдать эконома онъ не смѣлъ, очень хорошо зная, какъ легко было бы уличить его въ пристрастіи. Въ виду этого онъ рѣшился держаться середины: и не обвинить, и не оправдать. «Что кушанье (въ училищѣ) готовится худо, доносилъ онъ въ своемъ рапортѣ графу М. Ю. Вьельгорскому, отъ 12-го января (т. е. на другой день послѣ своего курьезнаго слѣдствія), то замѣчено мною уже во второй разъ и я, по приказанію вашего сіятельства, для улучшенія

сего прошу всевозможныхъ мѣръ. А былъ ли дѣйствительно такъ худъ черносливъ, какъ инспекторъ показываетъ, утвердительно сказать не могу, потому что хотя оный и принесъ эконому по требованію моему обратно въ кухню, увѣряя, что это былъ тотъ, инспекторомъ забракованный, и свидѣтельствуясь работникомъ, приносившимъ его къ кухаркѣ. Черносливъ сей я нахожу не столь хорошимъ, чтобы употреблять его для кушанья, но червей въ ономъ не было, а купленъ оный въ лавочкѣ по скорости, за неимѣніемъ въ запасѣ лучшаго. Кухарка же, хотя и показываетъ, что въ первомъ были черви, а тотъ ли сей или нѣтъ—утвердить не можетъ. Инспекторъ же утверждаетъ дѣйствительность своего показанія: что эконому имѣлъ причину, по которой не хотѣлъ оставить въ кухнѣ, для освидѣтельствованія, кому поручено будетъ». Съ своей стороны Шотенъ не высказался ни за которую сторону и такимъ образомъ не далъ ничего для разъясненія дѣла. А все дѣло, какъ видно, было въ «черносливѣ», и если бы слѣдователемъ былъ болѣе энергичный и главное не лицепріятный, добросовѣстный человекъ, то для эконома этотъ сладкій продуктъ могъ бы сдѣлаться горче полыни. Но тутъ вышло иначе. «Входя сколь возможно болѣе въ разбирательство сихъ сплетеній и недостаточныхъ съ обѣихъ сторонъ доказательствъ сущности дѣла,—докладывалъ Вьельгорскому Шотенъ,—полагаю, что всѣ беспорядки происходятъ отъ какой-нибудь между инспекторомъ и экономомъ личности, а черезъ это и не имѣется должнаго порядка и одинъ противъ другого защищаютъ себя отступленіемъ отъ обязанностей собственно своихъ, какъ изъ слѣдующаго примѣра усмотрѣть изволите. На мой вопросъ эконому: Отчего кушанье худо? — оправдываетъ себя, что кухарка, нанятая самимъ инспекторомъ, не только не умѣетъ готовить кушанье, но нетрезваго поведенія и не имѣетъ никакого повиновенія къ эконому». Въ заключеніе слѣдователь предлагалъ: «для лучшаго устройства и уклоненія безпокойствъ» вмѣсто кухарки нанять повара и «тѣмъ самымъ лишить эконома способа къ оправданію, буде и впредь будетъ приготовляться худое для воспитанниковъ кушанье». Какъ же отнесся къ этому дѣлу комитетъ, къ которому поступилъ, между прочимъ, и приведенный рапортъ Шотена. Рѣшеніе комитета представляется на нашъ взглядъ классическимъ по своей образцовой простотѣ и незамысловатости. Онъ постановилъ: «Для устраненія неудовольствій между инспекторомъ и экономомъ училища, а также для лучшаго устройства и уклоненія безпокойства—уволить немедленно изъ школы кухарку и предоставить начальнику 2-го отдѣленія (т. е. Шотену) пріискать исправнаго повара». Все приказанное комитетомъ догадливый слѣдователь, безъ сомнѣнія, уже имѣвшій на примѣтѣ исправнаго повара, успѣшилъ исполнить. Впрочемъ,

этимъ дѣло не кончилось: постановленіемъ отъ 20-го января комитетъ рѣшилъ: «Предоставить конторѣ произвести по дѣлу о происходящихъ между экономомъ и инспекторомъ неудовольствіяхъ надлежащее изслѣдованіе, объявивъ при этомъ эконому Казаку, что онъ не долженъ выходить изъ подчиненности инспектору». На этомъ рѣшеніи комитетъ, повидимому, успокоился. Успокоился и экономъ Казакъ, зная по опыту, что такое «изслѣдованіе», которое будетъ производить контора. Но графъ Вьельгорскій былъ недоволенъ и принялъ свои мѣры. Не прошло и трехъ дней со времени послѣдняго постановленія комитета (20-го января), какъ на него обрушилось грозное предписаніе министра Императорскаго двора, князя П. М. Волконскаго. Строгий поборникъ правды, безкорыстный и честный во всемъ, князь не терпѣлъ никакихъ поблажекъ и требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ неуклоннаго исполненія долга. Услышавъ о дѣятельности Гильденштубе въ училищѣ, онъ тотчасъ же рѣшилъ дать дѣлу надлежащій ходъ. «До свѣдѣнія моего дошло,—писалъ онъ въ своемъ приказѣ комитету управленія Императорскихъ петербургскихъ театровъ,— что въ здѣшнемъ театральномъ училищѣ существуютъ безпорядки какъ по экономической, такъ и по учебной части, и что инспекторъ сего училища, Гильденштубе, неоднократно доносилъ о томъ комитету и просилъ оный для прекращенія вкравшагося зла отставить нѣкоторыхъ лицъ, занимающихъ при семъ училищѣ разныя должности, и на мѣсто ихъ опредѣлить людей способнѣйшихъ и хорошаго поведенія; но по тѣмъ представленіямъ комитетъ до сего времени не сдѣлалъ никакого распоряженія, а потому я предлагаю оному обратить особенное вниманіе на донесеніе Гильденштубе и изслѣдовать строжайшимъ образомъ всѣ замѣченные имъ безпорядки въ театральномъ училищѣ. Исполнивъ немедленно все, что нужно по его представленіямъ, о послѣдующемъ мнѣ довести».

Каковы были послѣдствія этого предписанія,—увидимъ ниже. На первый разъ члены комитета видимо перепугались и, собравшись на другой же день, постановили: донести князю П. М. Волконскому, что преобразование школы оставлено ими до великаго поста; что же касается безпорядковъ, то «изъ оныхъ важнѣйшіе, по словамъ комитета, были уже прекращены, какъ-то: по хозяйственной части отставлена кухарка, а по учебной — отставленъ учитель словесности и даже наряжено слѣдствіе по рапортамъ инспектора».

А между тѣмъ, главный виновникъ всей исторіи, злополучный инспекторъ, до крайности потрясенный всѣмъ, что дѣлалось на его глазахъ, всѣми оскорбленіями, недовѣріемъ, съ какимъ, кромѣ министра двора, относились къ его показаніямъ всѣ, и даже графъ Вьельгорскій, которому враги Гильденштубе постарались обрисо-

вать его въ самыхъ черныхъ краскахъ,—въ это время заболѣлъ и даже не могъ исполнять своей должности, вслѣдствіе чего она была временно поручена старшему надзирателю училища Пальникову подъ непосредственнымъ надзоромъ знакомаго уже намъ Шотена.

Контора, тѣмъ временемъ, производила слѣдствіе, которое и закончила 20-го марта 1828 года. Началось оно оригинальнымъ порядкомъ, а именно: по рапортамъ Гильденштубе былъ поставленъ рядъ вопросовъ, на которые и потребовали объясненія у Казака. Послѣдній былъ, какъ видно, далеко не глупъ и очень изворотливъ: онъ опровергъ всѣ взводимыя на него обвиненія и даже набросилъ тѣнь на инспектора, въ чемъ, впрочемъ, ему помогали и сами слѣдователи. Въ концѣ концовъ, изъ показаній инспектора и эконома конторы ничего «удостоверительнаго» для выясненія справедливости словъ Гильденштубе не извлекла. Она, наоборотъ, нашла, что всему виной были личныя неудовольствія, «не могуція быть разбираемыми законнымъ порядкомъ» и потому полагала сообщить какъ инспектору, такъ и эконому, «чтобы они впредь воздерживались отъ личныхъ ссоръ, мѣшающихъ только дѣйствіямъ по службѣ».

Вся эта мелочная, грязная «волокита» такъ доняла бѣднаго инспектора, что онъ рѣшилъ покинуть службу въ дирекціи и началъ искать какого-нибудь мѣста. Слухъ объ этомъ дошелъ до князя П. М. Волконскаго, и онъ приказалъ Гильденштубе, несмотря ни на что остаться. Тотъ послушался и ждалъ; но когда, наконецъ, слѣдствіе было завершено и не привело ни къ чему, а всевозможныя злоупотребленія по училищу продолжались,—онъ не выдержалъ и 1-го апрѣля обратился къ министру императорскаго двора съ письмомъ, въ которомъ просилъ перевести его на такое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ проявить «точнѣйшее исполненіе долга». «На многоразныя мои жалобы и повторенныя просьбы, писалъ Гильденштубе, и теперь, по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, ничего еще отъ комитета не послѣдовало, что бы могло мнѣ подать какую-либо надежду на справедливость онаго. Дабы совершенно меня унижить, опредѣлили вторично того же самаго повара, котораго я прежде за плутовство и дурное поведеніе отставилъ. Членъ конторы Шотенъ, посланный однажды Вьельгорскимъ освидѣтельствовать выданные экономомъ гнилые и червивые припасы, распорядился при семь случаѣ, объявивъ передъ всѣми, что прежнее положеніе болѣе не существуетъ и что инспекторъ не имѣетъ болѣе ни малѣйшаго права во что либо вмѣшиваться. Униженный и оскорбленный, въ опасности потерять честь свою, высочайшее благо, какое только можетъ человѣкъ имѣть, впалъ я въ тяжкую болѣзнь. Но и тогда меня не переставали преслѣдовать... Врачи предписали мнѣ наконецъ пользоваться движеніемъ на воздухѣ, дабы привести въ дѣйствіе циркуляцію крови, замедляемую полученными въ прежней

моей военной службѣ тяжелыми ранами. Между тѣмъ, издержанныя мною для училища деньги въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и до сихъ поръ, подъ разными предлогами, не могъ получить. Вынуждаемый крайностью, обращался я опять вчера къ графу Вьельгорскому, который именемъ комитета мнѣ отвѣчалъ, что такъ какъ я уже выхожу со двора, то обязанъ или подать въ отставку или вступить въ должность; иначе комитетъ меня отрѣшитъ». Свое письмо Гильденштубе, какъ мы уже видѣли, заканчивалъ просьбою о переводѣ на другое мѣсто, такъ какъ, по его словамъ: «при неблаговоленіи» къ нему комитета, и «ненависти многихъ неблагомыслящихъ людей, всячески старавшихся угнести человѣка, который бѣденъ и безъ протекціи, въ незначущемъ чинѣ, и который, однако же, смѣлъ, слѣдуя единому гласу совѣсти и чести, справедливо дѣйствовать», — онъ не могъ и впередъ ожидать ничего, кромѣ «бѣдствія».

Князь П. М. Волконскій, прочитавъ это письмо инспектора центральной школы, на другой же день, 2-го апрѣля, далъ комитету вторичное предписаніе, на этотъ разъ съ нѣкоторымъ уже выговоромъ: донести ему немедленно о томъ, что сдѣлано по первому его предписанію и справедливы ли показанія Гильденштубе. Дѣлать было нечего, приходилось отвѣчать. Но и тутъ канцелярскіе дѣльцы, производившіе давленіе даже на комитетъ, не оробѣли. Они отвѣчали, не упоминая впрочемъ о своихъ «слѣдствіяхъ», что, «соображая жалобы инспектора съ обстоятельствами», они находятъ, что главнѣйшее основаніе ихъ есть личности. «Тѣмъ не менѣе, «для узнанія совершенной правды» комитетъ полагаетъ нужнымъ произвести подробное дознаніе, предоставивъ исполнить его старшему члену, шталмейстеру князю Долгорукову, «придавъ въ помощь ему совершенно посторонняго, не служащаго въ дирекціи чиновника». Такого чиновника указалъ комитету Ф. Гемнихъ (управляющій конторою), назвавъ состоявшаго при князѣ П. М. Волконскомъ коллежскаго совѣтника Доргомыжскаго, и комитетъ просилъ министра «придать» къ слѣдствію именно его. Замѣтимъ въ скобкахъ, что Доргомыжскій былъ большой пріятель одного изъ тогдашнихъ канцелярскихъ заправилъ, Р. З., и тотъ нерѣдко оказывалъ ему разныя услуги, иногда весьма значительныя.

Министръ согласился на это предложеніе комитета и слѣдствіе началось. Читатели, вѣроятно, предполагаютъ, что тутъ, наконецъ, истина выяснилась, и на виновныхъ посыпались громы, а правые восторжествовали... Къ сожалѣнію, мы не можемъ подтвердить этого предположенія. Лѣтописная правда документовъ говоритъ не то. Виноватымъ, по слѣдствію, оказался тотъ же Гильденштубе. Противъ него свидѣтельствовали всѣ, начиная съ эконома Казака и кончая «невоздержной въ напиткахъ» титулярной совѣтницей Казасси. Даже воспитанники, изъ-за которыхъ главнымъ образомъ хлопоталъ бѣдный инспекторъ, и тѣ были научены и показывали

противъ него. Впрочемъ, такихъ было только двое; остальныхъ «изъ осторожности» не спрашивали.

Всѣ показанія противъ Гильденштубе принимались на вѣру. То же, что говорилъ онъ, слѣдователи называли лишь «общими выраженіями» и «хулою на всѣхъ и о всѣхъ». «Таковыя общія хулы, — гласятъ заключительныя строки протокола слѣдствія, — безъ точной опредѣлительности, кто именно и въ чемъ виновать, и безъ основательнаго въ томъ доказательства, не могутъ быть никоимъ образомъ актуально уважены, ни надлежащимъ образомъ изслѣдованы».

Выслушавъ протоколъ слѣдствія, комитетъ постановилъ донести о результатахъ слѣдствія министру императорскаго двора, не признавая ни малѣйшей истины въ показаніяхъ Гильденштубе. Ему за «ложные извѣты» чуть было не сдѣлали даже выговора, да вступился самъ слѣдователь, кн. Василій Васильевичъ Долгоруковъ, который объявилъ, что онъ приписываетъ «неосновательные извѣты инспектора школы къ нездоровому его положенію», замѣченному имъ еще при производствѣ допросовъ. Особенно возмутились члены комитета тѣмъ мѣстомъ слѣдственнаго протокола, гдѣ говорилось, что инспекторъ «въ доказательство бывшаго въ школѣ разврата и безстыдства» привелъ тотъ фактъ, что онъ, «при вступленіи своемъ въ должность, замѣтилъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ, бывшихъ въ венерической болѣзни». На счетъ этого показанія спрашивали у театральныхъ докторовъ Марокетти и Мауне, и когда тѣ засвидѣтельствовали, что ничего подобнаго не замѣчали, то общее негодование не знало границъ... Однако, потомъ нашли нужнымъ дать докторамъ на этотъ счетъ особыя предписанія... Съ своей стороны мы скажемъ, что и это показаніе Гильденштубе, на первый взглядъ неправдоподобное, могло быть справедливымъ, такъ какъ въ училищѣ были въ то время взрослые воспитанники отъ 18 до 20 и даже болѣе лѣтъ...

Но, какъ бы то ни было, непокойный инспекторъ рѣшилъ уйти и никто его болѣе не удерживалъ. Даже его надежда, князь Волконскій, и тотъ отъ него отступился и уже не приказывалъ болѣе ему оставаться на мѣстѣ: совершенно сбитый съ толку донесеніями комитета и въ особенности послѣднимъ, въ которомъ Гильденштубе былъ расписанъ какъ нельзя хуже, князь рѣшилъ, что болѣе не стоило заниматься этимъ дѣломъ и умылъ руки...

О дальнѣйшей судьбѣ Гильденштубе мы знаемъ только, что въ сентябрѣ 1844 года онъ находился на службѣ въ почтовомъ департаментѣ, уже въ чинѣ надворнаго совѣтника, но поступилъ ли онъ сюда прямо изъ дирекціи, или служилъ гдѣ-нибудь ранѣе — намъ остается неизвѣстнымъ.

Е. Опочининъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОДЪ НА НОВОЙ ЗЕМЛѢ.

ВЪТОМЪ 1882 г. съ первымъ рейсомъ на Новую Землю парохода Вѣломорско-Мурманскаго товарищества «Чижевъ», оттуда были доставлены въ Архангельскъ трое крестьянъ Архангельской губерніи: Иванъ Югаровъ, Иванъ Мяхнинъ и Моисей Коневаловъ, бывшихъ матросами-промышленниками на шкунѣ кемскаго мѣщанина Вѣлоусова, промышлявшей у береговъ Новой Земли. По прибытіи означенныхъ крестьянъ въ Архангельскъ, они обратились къ бывшему тогда начальникомъ Архангельской губерніи ген.-майору Н. М. Баранову съ жалобой на капитана шкуны, крестьянина Ахлымова, обвиняя послѣдняго въ умышленномъ оставленіи ихъ на Новой Землѣ, на произволъ судьбы, безъ всякихъ запасовъ пищи и теплой одежды, гдѣ они провели почти двѣнадцать мѣсяцевъ, перенося всевозможныя лишенія и подвергаясь всѣмъ ужасамъ полярной зимы. Генераль Барановъ принялъ живое участіе въ судьбѣ этихъ крестьянъ; при его содѣйствіи были отправлены въ Петербургъ ко двору два молодыхъ голубыхъ пестца, пойманныхъ живьемъ на Новой Землѣ и отъ себя лично онъ снабдилъ крестьянъ всѣмъ необходимымъ на первое время. Осенью того же года, когда въ Архангельскъ на поморскую Маргаритенскую ярмарку, въ числѣ другихъ промысловыхъ судовъ, прибыла и шкуна Вѣлоусова, то по распоряженію Н. М. Баранова было назначено самое тщательное разслѣдованіе обстоятельствъ, при которыхъ вышеупомянутые промышленники были брошены на Новой Землѣ. Дознаніемъ было выяснено, что промышленники Иванъ Югаровъ, Иванъ Мяхнинъ и Моисей Коневаловъ были отправлены на карбасъ (большая лодка)

въ устьѣ новоземельской рѣки Суханихи для ловли гольца ¹⁾. Шкуна же съ остальной командой промышляла въ другихъ мѣстахъ Новой Земли. Когда же, по расчету капитана Ахлымова, посланные въ рѣку Суханиху люди должны были окончить промыселъ гольца, то онъ со шкуной снялся съ якоря и отправился къ устью рѣки Суханихи, чтобы принять на бортъ оставленныхъ тамъ людей и промышленную ими рыбу. Но, несмотря на неоднократныя настойчивыя попытки проникнуть со шкуной къ означенному пункту, это ему не удавалось, вслѣдствіе массы полярныхъ льдовъ, окружавшихъ берега Новой Земли. Совершивъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ проникнуть къ устью рѣки Суханихи, капитанъ Ахлымовъ, неимѣя достаточныхъ продовольственныхъ запасовъ и видя приближеніе полярной зимы, 6-го сентября сдѣлалъ послѣднюю попытку, но и на этотъ разъ ледъ отдѣлялъ его отъ берега миль на десять. Тогда, изъ опасенія быть самому затертымъ льдами, капитанъ Ахлымовъ рѣшилъ оставить новоземельскія воды и идти въ Поморье, гдѣ и заявилъ объ оставленныхъ на Новой Землѣ промышленникахъ. Такъ какъ дознаніемъ не было выяснено въ поступкѣ капитана Ахлымова никакого умысла, то и дѣло это было прекращено. Судовладѣлецъ же Бѣлоусовъ, кажется, добровольно вознаградилъ крестьянъ Югарова, Коневалова и Мяхнина за перенесенныя ими лишенія и испытанныя опасности. За доставленныхъ ко двору песцовъ названные крестьяне получили деньги и, кромѣ того, по ружью Бердана съ достаточнымъ количествомъ патроновъ. Во время своихъ продолжительныхъ скитаній на Новой Землѣ крестьянинъ Иванъ Югаровъ велъ дневникъ, въ который изо дня въ день записывалъ всѣ событія дня и состояніе погоды. Дневникъ Югарова—это безыскусственный, правдивый, хотя подчасъ и несвязный, рассказъ о всѣхъ бѣдствіяхъ, лишеніяхъ и опасностяхъ, перенесенныхъ тремя товарищами на полярномъ островѣ, Новой Землѣ. Рассказъ Югарова еще разъ подтверждаетъ поражающую выносливость русскаго человѣка, одинаково живущаго и въ безводныхъ почти тропическихъ степяхъ Средней Азіи и среди вѣчныхъ льдовъ полярныхъ странъ. Глубокая вѣра въ Бога и Промыселъ не мало поддерживала въ бѣдствіяхъ этихъ скитальцевъ среди вѣчныхъ льдовъ и снѣжныхъ пустынь. Въ бытность мою въ Архангельскѣ мнѣ удалось приобрѣсти отъ Югарова его дневникъ, съ содержаніемъ котораго я и познакомлю читателей, придерживаясь возможно ближе къ изложенію самого автора.

¹⁾ Довольно крупная безчешуйная рыба семужей породы. Голецъ въ изобиліи ловится въ рѣкахъ Новой Земли. Неумѣніе нашихъ промышленниковъ готовить въ прокъ голецевъ лишаетъ наши внутреннія рыбныя рынки этого чрезвычайно вкуснаго продукта.

1.

Дневникъ Югарова озаглавленъ такъ: «Журналъ для Новой Земли (климату ¹⁾ на 1881 годъ и на 1882 годъ» кемскаго мѣщанина Ивана Степанова Иванова, а правильно Югарова, о томъ какъ товарищи ихъ оставили, какъ собакъ звѣрямъ на съѣденіе, безъ платья и безъ пищи, а сами убѣжали на Русь, а мы остались горевать и оплакивать свою несчастную жизнь. Въ такомъ несчастномъ положеніи и описываю всю свою жизнь подробно, какъ осень и зиму коротали».

Въ началѣ лѣта 1881 года, когда берега Новой Земли начали освобождаться отъ окружавшихъ ихъ полярныхъ льдовъ, въ устье новоземельской рѣки Нехватовой вошли три поморскія шкуны для промысла бѣлугъ и гольца. Изъ пришедшихъ судовъ два принадлежали извѣстному въ Поморьѣ промышленнику Норкину и одно Бѣлоусову. Такъ какъ въ рѣкѣ Нехватовой гольца было не особенно много, то капитанъ шкуны Бѣлоусова отрядилъ трехъ поморовъ: Югарова, Мяхнина и Коневалова на промыселъ въ рѣку Суханиху, оставшись самъ на шкунѣ со штурманомъ и четырьмя матросами-промышленниками. Югаровъ съ товарищами отправились въ устье рѣки Суханихи на карбасѣ, взявъ съ собой 30 штукъ печеныхъ хлѣбовъ, 2¹/₂ пуда муки, 14 пудовъ соли, для засола гольца. Кромѣ того, у двухъ изъ нихъ были ружья и небольшой запасъ пороха, свинца и пистоновъ и крайне ограниченное количество самаго необходимаго платья. Съ этими скромными запасами промышленники вечеромъ 6-го августа отправились въ дорогу. Разстояніе между рѣками Нехватовой и Суханихой — около 150 верстъ. Благодаря попутному вѣтру и лунощному солнцу, дававшему возможность ночью смѣло плыть вдоль скалистыхъ береговъ и островковъ, путники плыли всю ночь до половины слѣдующаго дня, когда вѣтеръ перемѣнился и сдѣлался противнымъ, вслѣдствіе чего они провели на берегу двое сутокъ. Въ полдень 9-го августа они снова тронулись въ путь. Ночью достигли «Черной Бухты», гдѣ, благодаря засвѣжевшему вѣтру, провели сутки, а къ утру 11-го августа были у «Чернаго Мыса», близъ рѣки Суханихи, но здѣсь встрѣтили значительное скопленіе льда, такъ что въ устье рѣки имъ удалось попасть лишь къ вечеру 14-го августа.

Югаровъ съ товарищами тотчасъ же по приходѣ вытащили карбасъ на берегъ и начали раставлять ловушки для гольца. По осмотрѣ на слѣдующій день ловушекъ оказалось, что гольца было поймано около 15 пудовъ. Ловъ гольца шелъ весьма успѣшно, такъ что къ 23-му августа было поймано свыше 120 пудовъ, т. е. пол-

¹⁾ Этимъ словомъ авторъ, вѣроятно, желаетъ обозначить свои метеорологическія наблюденія.

ный грузъ карбаса. Когда рыба была уложена въ карбасъ, то онъ оказался на столько загруженнымъ, что пришлось съ боковъ прибавить доски, чтобы его не зачаливало волнами. 24-го августа промышленники пустились въ обратный путь. Къ вечеру того же дня они достигли «Чернаго Мыса», гдѣ и остановились на ночлегъ. На слѣдующій день утромъ промышленники увидѣли идущихъ къ нимъ трехъ самоѣдовъ. Самоѣды эти пріѣхали изъ рѣки Нехватовой и привезли промышленникамъ приказаніе капитана Ахлымова продолжать ловъ гольца въ рѣкѣ Суханихѣ, а самъ онъ обѣщалъ придти со шкуной въ становище «Рахманово», въ случаѣ же невозможности войти туда съ судномъ, обѣщалъ прислать на помощь шлюпку. Получивъ такого рода распоряженіе, и вполне довѣрясь передавшимъ его самоѣдамъ, промышленники тотчасъ же отправились въ становище «Рахманово», отстоящее отъ устья Суханихи на растояніи 10 верстъ. Здѣсь они закопали въ ямы 1,400 наловленныхъ гольцовъ, а сами возвратились въ Суханиху и продолжали промыселъ до 29-го августа и добыли еще 870 гольцовъ. Въ ночь на 30-е августа Югаровъ съ товарищами рѣшили окончить промыселъ и ѣхать въ становище «Рахманово», гдѣ и ожидать прихода за ними шкуны. Ночью началась сильная мятель, принудившая ихъ остаться въ Суханинѣ до утра.

30-го августа, они прибыли въ становище «Рахманово», но шкуны здѣсь не застали. Продовольственные запасы почти всѣ истощились; хлѣба уже давно не было, оставалось немного муки. Начались морозы, такъ что къ голоду прибавился еще и холодъ; отсутствіе необходимой одежды и недостатокъ пищи вызвали у промышленниковъ рѣшеніе больше не ожидать здѣсь шкуны, а идти ей на встрѣчу. Въ это же время у береговъ Новой Земли ледъ началъ показываться все въ большемъ и большемъ количествѣ и по всѣмъ признакамъ слѣдовало ожидать скорого наступленія полярной зимы. 4-го сентября, товарищи оставили становище «Рахманово» и, помолясь Богу, направились къ «Черному Мысу», гдѣ, по ихъ предположенію, по близости должна была находиться ихъ шкуна. Съ этого дня для нихъ начинается непрерывный рядъ всевозможныхъ лишеній, неимовѣрныхъ трудовъ и опасностей. Вечеромъ этого же дня, они остановились на ночлегъ въ «Черной Бухтѣ» и на слѣдующій день достигли «Чернаго Мыса», не подалеку отъ котораго находится становище «Круглое», гдѣ они рассчитывали найти шкуну. За позднимъ временемъ они не могли продолжать путь и оставались здѣсь ночевать. Къ утру 6-го сентября, къ ихъ несчастію, началась буря, такъ что о дальнѣйшемъ плаваніи нечего было и думать и, укрѣпивъ карбасъ въ безопасномъ мѣстѣ, промышленники отправились на окрестныя горы, откуда начали осматривать, въ имѣвшуюся у нихъ подзорную трубу, горизонтъ и ближайшія бухты. Вскорѣ они дѣйствительно замѣтили

вдалекѣ ихъ шкуну, стоящую на якорѣ. Радости несчастныхъ путешниковъ не было конца, но вскорѣ она оказалась преждевременною.

Идти къ шкунѣ на карбасѣ было положительно невозможно, благодаря свирѣпствовавшей непогодѣ; невозможно было идти къ ней и берегомъ, черезъ высокія каменные горы и пропасти, на что потребовалось бы употребить массу времени, тогда какъ по всему было видно, что нагруженная шкуна только и ожидала благопріятной погоды и попутнаго вѣтра, чтобы идти за оставленными ею промышленниками, а затѣмъ и совсѣмъ изъ новоземельскихъ водъ. Благоразуміе подсказывало имъ ожидать прибытія шкуны на «Черномъ Мысѣ». Два дня прошло въ томительномъ ожиданіи. Наконецъ, 8-го сентября, къ неописанной радости промышленниковъ, шкуна снялась съ якоря и пошла по направленію къ «Черному Мысу». Съ напряженнымъ вниманіемъ несчастные слѣдили за всѣми движеніями шкуны. Югаровъ даже запомнилъ всѣ паруса, подъ которыми шла шкуна; въ своемъ дневникѣ онъ пишетъ: «... и парусовъ стояло: марсель и трисель, бизань была шкаторена, поддёрнуты кливера и брамсель, а фокъ не былъ отданъ». Но вотъ зоркіе наблюдатели съ ужасомъ замѣтили, что шкуна повернула къ «Волкову Шару» и начала отъ нихъ удаляться. Напрасно несчастные промышленники дѣлали всевозможные сигналы, чтобы со шкуны ихъ замѣтили, но шкуна быстро удалялась и вскорѣ совершенно скрылась изъ виду. Съ тѣхъ поръ шкуна болѣе не показывалась и тогда же сдѣлалось очевиднымъ, что исчезла всякая надежда на помощь товарищей; оставалось положиться на Божью помощь и собственные силы. Отчаянью путешниковъ не было предѣловъ; по словамъ автора дневника, когда они замѣтили поворотъ шкуны, то «упали и горько рыдали; вотъ теперь настала неизбѣжная гибель и явная смерть». На общемъ совѣтѣ они рѣшили всѣми силами стараться достигнуть бухты «Малыя Кармакулы», въ которой находится единственное, на тысячеверстномъ протяженіи Новой Земли, жильё самоѣдовъ и домъ, выстроенный Обществомъ спасанія на водахъ. Отъ «Чернаго Мыса» до «Малыхъ Кармакулъ» по соображеніямъ Югарова, оставалось гораздо болѣе 200 верстъ, между тѣмъ, съѣстные припасы окончательно истощились и для питанія промышленниковъ остались одни лишь гольцы. Къ довершенію всѣхъ несчастій наступили холода и бушевавшая непогода не стихала. Не имѣя никакого крова, Югаровъ съ спутниками постоянно мокли подъ дождемъ и снѣгомъ. За неимѣніемъ на Новой Землѣ лѣса имъ приходилось бродить по берегу на разстояніи 3—4 версты для собиранія плавника ¹⁾, т. е. кусковъ различныхъ де-

¹⁾ Плавникъ составляетъ на Новой Землѣ единственное топливо, не только для временныхъ ея обитателей-промышленниковъ, но и постоянныхъ жителей самоѣдовъ, исключая живущихъ при Малокармакульской спасательной станціи, которымъ дрова доставляются на пароходѣ отъ Общества спасанія на водахъ.

ревевъ и пней, приносимыхъ теплымъ теченіемъ (Гольфстремъ) къ берегамъ Новой Земли. Только послѣ долгихъ поисковъ имъ удавалось находить небольшое количество дровъ, необходимое для варки гольца и сушенія промокшей одежды, въ палаткѣ, сооруженной изъ парусовъ и весель. Въ такомъ положеніи, питаясь одними гольцами, они провели на «Черномъ Мысѣ» четыре дня. Утромъ, 12-го сентября, не смотря на страшную мятель, промышленники снарядили карбасъ и отправились по направленію къ «Костину Шару». Съ величайшими трудностями, ежеминутно рискуя быть опрокинутыми, промышленники, кое-какъ совершили переходъ въ 20 верстъ и благополучно достигли «Костина Шара», который оказался наполненнымъ льдомъ. Двигаться дальше не было никакой возможности; вьюга не прекращалась, а льды все болѣе и болѣе окружали берега. Здѣсь злосчастные путники должны были выждать болѣе благоприятной погоды и, чтобы укрыться отъ свирѣпствовавшей снѣжной бури, они съ величайшими усиліями сложили изъ камней не большую стѣнку и начали разводять огонь, чтобы отогрѣться и сварить рыбу; но вѣтеръ, достигавшій до степени шторма, задувалъ огонь, такъ что имъ пришлось провести ночь голодными и въ промерзшемъ платьѣ. Къ утру вѣтеръ немного стихъ, но снѣгъ продолжалъ идти. Желая скорѣе достигнуть Малокармакульской бухты, путники рѣшились не терять времени и слѣдовать далѣе, но плыть на карбасѣ было невозможно, вслѣдствіе окружавшихъ берега льдовъ, поэтому, облегчивъ, насколько возможно, карбасъ они потащили его по берегу. Глубокій снѣгъ и сильный вѣтеръ настолько затрудняли движеніе, что за цѣлый день имъ удалось сдѣлать не болѣе четырехъ верстъ и къ вечеру достигнуть мѣстности, называемой «Жердь», гдѣ находится полуразрушенная изба, принадлежащая поморскому промышленнику Норкину. Изба оказалась наполненной снѣгомъ, оконъ и дверей не было. Съ трудомъ удалось путникамъ очистить снѣгъ и, кое-какъ, прикрывъ окна и двери, развести огонь. На этотъ разъ они имѣли возможность поѣсть горячей рыбы и нѣсколько просушить промокшее платье. На слѣдующее утро они начали совѣщаться относительно дальнѣйшаго пути. До бухты «Малыя Кармакулы» было еще далеко, а ледъ препятствовалъ движенію карбаса, поэтому первымъ ихъ рѣшеніемъ было оставить карбасъ, а самимъ идти пѣшкомъ, черезъ тундры и горы. Но затѣмъ для нихъ стала очевидной вся опасность этого рѣшенія; у нихъ не было ни крохи хлѣба, порошу мало, а оставшіяся спички были на счету. Съ такими запасами нечего было и думать о слѣдованіи берегомъ безъ карбаса, въ которомъ еще находилось небольшое количество рыбы. Послѣ долгихъ колебаній путники приняли слѣдующее рѣшеніе: идти берегомъ, таща за собою карбасъ до тѣхъ поръ пока не встрѣтятъ свободную отъ льдовъ воду. Оставивъ въ карбасѣ лишь самое

необходимое, даже бросивъ мачты и нѣкоторыя снасти, промышленники, помолясь Богу, тронулись въ путь. Неимовѣрныхъ трудовъ стоило этимъ изнуреннымъ, полуголоднымъ людямъ втащить карбасъ на первую гору, подъемъ на которую превышалъ 250 сажень. Цѣлый день промучились несчастные надъ этой работой и только къ вечеру перетащили карбасъ черезъ гору. На другой день снова началась страшная снѣжная буря, задержавшая путниковъ до 16 числа. 17 состояніе погоды и льда позволило продолжать путь по водѣ. Съ радостью спустили они карбасъ на воду, но за отсутствіемъ мачтъ принуждены были плыть на веслахъ, такъ что за цѣлый день имъ удалось сдѣлать не болѣе 10 верстъ и лишь къ вечеру карбасъ вошелъ въ «Заманную губу», гдѣ снова встрѣтился ледъ, задержавшій ихъ до 20 сентября. Это время путники провели на открытомъ воздухѣ подъ дождемъ и снѣгомъ, питаясь сырой рыбой и не имѣя даже возможности развести огня, чтобы согрѣться. 20 сентября вѣтеръ нѣсколько отодвинулъ льды отъ берега; путники тронулись дальше, но и въ этотъ день подвинулись впередъ только на пять верстъ, такъ какъ къ полудню ледяныя массы снова начали приближаться къ берегамъ Новой Земли, и на этотъ разъ ледъ приближался такъ быстро, что промышленники не успѣли выйти на берегъ и ихъ карбасъ былъ окруженъ ледяными глыбами, ежеминутно угрожавшими раздавить его въ щепы и потопить Югарова съ товарищами. Попасть на берегъ не было никакой возможности, отчасти благодаря необыкновенно обрывистымъ прибрежнымъ скаламъ, а главнымъ образомъ этому препятствовали огромныя полыньи, образовавшіяся между льдинами. Въ такомъ ужасномъ положеніи они провели всю ночь, къ тому же все это время шелъ проливной дождь, промочившій до костей несчастныхъ страдальцевъ. Къ утру вѣтеръ перемѣнился и ледъ началъ очищать берега. Съ величайшими усиліями карбасъ удалось вывести на свободную воду и продолжать плаваніе, пока не было льдовъ. Послѣ усиленной гребли они достигли острова Междушарскаго, гдѣ провели ночь. На берегу нашли немного плавника, что дало имъ возможность сварить рыбу и просушить платье. Усиленные труды, непрерывный рядъ угрожавшихъ гибелью опасностей, холодъ и голодъ, довели путниковъ до крайняго изнуренія. Только благодаря постояннымъ движеніямъ, они избѣгали страшнаго бича полярныхъ странъ—цынги. Подкрѣпившись горячей рыбой и отдохнувъ, они начали снаряжать карбасъ къ плаванію черезъ проливъ, шириною въ 20 верстъ. Мачты карбаса были давно брошены, пришлось укрѣпить единственный небольшой парусъ къ веслу, служившему вмѣсто мачты. Карбасъ, благодаря постояннымъ толчкамъ о скалы и льды далъ течь; за отсутствіемъ всякой возможности законопатить открывшіяся дыры, пришлось ограничиться безпрерывнымъ отливаніемъ воды ковшами. Передъ отплытіемъ

Югаровъ съ возвышенной мѣстности острова осмотрѣлъ въ подзорную трубу проливъ, оказавшійся совершенно свободнымъ отъ льдовъ. Послѣ этихъ приготовленій, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, карбасъ тронулся въ путь по направленію къ «Гагарьему Наволоку». Единственно благодаря спокойному состоянію моря, пловцы благополучно достигли «Гагарьяго Носа», такъ какъ во время плаванія, течь въ карбасѣ значительно увеличилась и только усиленнымъ откачиваніемъ удалось удержать воду въ карбасѣ на одномъ уровнѣ и тѣмъ спасти его отъ потопленія. Къ «Гагарьему Носу» карбасъ прибылъ настолько рано, что пловцы рѣшились воспользоваться остаткомъ дня, чтобы возможно болѣе подвинуться впередъ, пока не было льдовъ. Не останавливаясь на «Гагарьемъ Носу», пловцы пошли дальше, стараясь въ этотъ же день попасть на «Гусинную Землю». Къ вечеру вѣтеръ началъ усиливаться и къ ночи перешелъ въ штормъ, но къ счастью карбасъ въ это время былъ уже у «Гусинной Земли». Штормъ свирѣпствовалъ въ теченіе пяти дней и льды снова окружили берега. Укрѣпивъ возможно прочнѣе, карбасъ къ берегу, Югаровъ съ своими спутниками принялся за сооруженіе шалаша, который кое-какъ устроили изъ весель, паруса, камней и снѣга. Сильный вѣтеръ препятствовалъ всякой попыткѣ развести огонь, такъ что двое сутокъ они питались сырой рыбой. Проснувшись утромъ 27-го сентября, промышленники съ ужасомъ увидѣли, что ихъ карбасъ находится во льдахъ на разстояніи сажень 70-ти отъ берега. Собравъ послѣдніе остатки силъ, они отправились спасать карбасъ. Около 5 часовъ употребили они, чтобы вытащить его на ледъ и доставить на берегъ. На слѣдующее утро, видя что ледъ, попрежнему, остается у береговъ, они взяли съ собой ружья и отправились въ ближайшія горы, съ цѣлью промыслить какого-либо звѣря, чтобы мясною пищею, хотя нѣсколько поддержать быстро упадающія силы. На этотъ разъ имъ счастье улыбнулось и они, спустившись съ горъ въ тундру, скоро напали на слѣды стада дикихъ оленей. Пройдя довольно долго по этимъ слѣдамъ, имъ удалось открыть и самое стадо. Зная всю трудность охоты за дикими оленями и дорожа каждымъ зарядомъ пороха, промышленники съ величайшими предосторожностями начали приближаться къ оленямъ, опасаясь испугать стадо и тѣмъ лишиться столь желанной и крайне необходимой пищи. Подкрадываясь къ стаду противъ вѣтра, имъ удалось приблизиться къ нему на ружейный выстрѣлъ. Несмотря на усталость и испытываемое волненіе, одному изъ спутниковъ мѣткимъ выстрѣломъ удалось положить на мѣстѣ одного оленя, другой выстрѣлъ пропалъ даромъ и испуганное стадо быстро исчезло въ безпредѣльной снѣжной пустынѣ.

Съ неописанною радостью обездоленные скитальцы понесли драгоценную для нихъ ношу къ берегу и вечеромъ, благодаря стихнувшему вѣтру, на остаткахъ плавника сварили оленье мясо и съ

жадностью ѣли его послѣ трехнедѣльнаго питанія одними только гольцами, при чемъ большею частью приходилось ихъ ѣсть сырыми, къ тому же и безъ хлѣба. Возвращаясь къ берегу съ убитымъ оленемъ, промышленники у своего карбаса замѣтили нѣсколько бродящихъ большихъ бѣлыхъ медвѣдей, но стрѣлять въ нихъ не рѣшились, опасаясь даромъ истратить порохъ и пистоны, которыхъ оставалось самое ограниченное количество. При приближеніи людей медвѣди удалились, не тронувъ ни карбаса, ни запанной около него рыбы. Принятая въ достаточномъ количествѣ мясная пища значительно увеличила силы изнуренныхъ путниковъ и, переночевавъ съ полными желудками, на слѣдующій день они снова начали снаряжаться въ дорогу. Шалаши были разобраны, весла, парусъ и запасъ гольца снова уложены въ карбасъ. Хотя погода благопріятствовала плаванію и льды отошли на значительное разстояніе, тѣмъ неменѣе невозможно было отправиться въ плаваніе, такъ какъ у береговъ осталась масса припаевъ ¹⁾ (льдины примерзающія къ берегу), препятствовавшихъ спуску карбаса на воду. Цѣлый день напрасно трудились промышленники, стараясь выбраться на свободную воду. Только къ утру 30-го сентября имъ удалось выбраться изъ льдовъ и продолжать плаваніе. Вѣтеръ былъ хотя и небольшой, но противный, такъ что пришлось идти на веслахъ, медленно подвигаясь впередъ. Къ вечеру вѣтеръ засвѣжѣлъ и развелъ значительное волненіе (на языкѣ поморовъ «взводень»), такъ что волны начали плескаться въ карбасъ и безъ того имѣвшій течъ. Положеніе пловцовъ становилось критическимъ и опасность увеличивалась еще тѣмъ, что не было возможности пристать къ землѣ, вслѣдствіе чрезвычайно обрывистыхъ береговъ и сильнаго волненія, угрожавшаго раздробить карбасъ о прибрежныя скалы. Наступила темная полярная ночь и началась мятель. Потерявъ всякую надежду высадиться на берегъ, Югаровъ съ спутниками начали молиться Богу, приготовляясь къ неминуемой гибели. Между тѣмъ погода понемногу утихала и съ разсвѣтомъ изнуренные до крайности непрерывнымъ, въ продолженіе всей ночи, откачиваніемъ изъ карбаса воды, несчастные пловцы, напрягая послѣднія силы и еле двигая веслами, добрались до «Гусиннаго Носа». Но и здѣсь пристать къ берегу стоило имъ громадныхъ трудовъ. Въ теченіе полудня мучились они, пробираясь между припаями къ берегу. На «Гусинномъ Носѣ» спутники нашли полуразрушенную промысловую избу, въ которой и расположились на отдыхъ послѣ двухдневныхъ нечеловѣческихъ трудовъ, находясь все это время между жизнью и смертью. Плавника на «Гусинномъ Носѣ» нашлось достаточно, чтобы обсушиться и

¹⁾ Иногда припай держатся у береговъ въ теченіе цѣлага лѣта до слѣдующей зимы и тѣмъ затрудняютъ входъ судовъ въ бухты Новой Земли.

сварить часть оставшейся оленины. Утомленіе путниковъ было такъ велико, что они даже не воспользовались рѣдкой благопріятной погодой и попутнымъ вѣтромъ, чтобы продолжать плаваніе, и, наѣвшись мяса и вытащивъ на берегъ карбасъ, улеглись спать въ избѣ. Проснувшись рано утромъ, 2-го октября, начали снаряжаться въ плаваніе съ твердымъ намѣреніемъ употребить возможныя усилія, чтобы въ этотъ же день попасть въ Малокармакульскую бухту, до которой, по ихъ соображеніямъ оставалось не менѣе 35 верстъ. Торопиться было необходимо, тѣмъ болѣе, что позднее время года не обѣщало болѣе хорошей погоды и по всему было замѣтно, что если льды еще разъ приблизятся къ берегамъ, то и останутся окончательно до будущаго года. Рано утромъ не было возможности пуститься въ плаваніе, такъ какъ непроницаемый туманъ окутывалъ окрестности настолько, что на разстояніи 2—3 шаговъ нельзя было различать предметовъ. По случаю пятницы въ этотъ день оленьяго мяса не ѣли, а ограничились лишь вареною рыбой. Около 10 часовъ утра туманъ нѣсколько разсѣялся и карбасъ съ попутнымъ вѣтромъ отвалилъ отъ берега. Вскорѣ туманъ окончательно пронесло и день удался солнечный, хотя и холодный. Около карбаса въ огромномъ количествѣ показывались изъ воды нерпы, изъ которыхъ Югаровъ убилъ изъ ружья двѣ штуки, взявъ ихъ туши въ карбасъ. Благодаря попутному вѣтру, карбасъ подвигался впередъ довольно быстро, такъ что послѣ полудня, къ величайшей радости несчастныхъ скитальцевъ, вдали показались высокія скалы Малокармакульской бухты. Очертанія скалъ становились все яснѣе и яснѣе и, наконецъ, около 4-хъ часовъ вечера карбасъ былъ у входа въ бухту, оказавшуюся наполненной сплошнымъ льдомъ. Выбравъ болѣе удобное мѣсто, промышленники пристали къ краю льдины и начали вытаскивать на нее карбасъ. Разстояніе до берега было болѣе версты; ледъ былъ хотя и толстый, но настолько неровный, что, несмотря на всѣ старанія, не удалось дотащить карбасъ до берега. Между тѣмъ на берегу собрались самоѣды и безучастно наблюдали за трудившимися надъ карбасомъ путниками. Наконецъ, окончательно выбившись изъ силъ, Югаровъ съ своими спутниками оставили карбасъ на льду, а сами вышли на берегъ, гдѣ были встрѣчены самоѣдами довольно непривѣтливо. Первымъ дѣломъ, по вступленіи на берегъ счастливыхъ спутниковъ, считавшихъ себя теперь спасенными, было отправиться въ находящуюся въ становищѣ небольшую часовню и въ горячей молитвѣ благодарить Всевышняго за избавленіе ихъ отъ бѣдъ и опасностей, угрожавшихъ имъ гибелью во все время ихъ труднаго пути. Послѣ молитвы старшина самоѣдскаго поселенія проводилъ ихъ на спасательную станцію, гдѣ они могли отдохнуть и согрѣться, не помышляя на этотъ разъ о поискахъ плавника.

Здѣсь я считаю не лишнимъ, прежде чѣмъ продолжать разсказъ Югарова, сказать отъ себя нѣсколько словъ о Малокармакульской (единственной на Новой Землѣ) самоѣдской колоніи, съ которой я имѣлъ случай ознакомиться во время неоднократныхъ посѣщеній Новой Земли. Начало постоянному поселенію самоѣдовъ на Новой Землѣ было положено въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда Общество спасанія на водахъ приступило къ устройству спасательной станціи и приюта въ бухтѣ «Малыя Кармакулы». До этого времени тысячеверстный полярный островъ Новая Земля имѣлъ лишь случайныхъ обитателей въ лицѣ поморовъ-промышленниковъ, иногда проводившихъ здѣсь зиму или поневолѣ, будучи затерты льдами, или же для зимней охоты на звѣрей. Бывали на Новой Землѣ и самоѣды, заносимые сюда бурями и льдами съ острововъ Колгуева, Вайгача и изъ Канинской и Большеземельской тундръ. На восточномъ берегу Новой Земли, омываемомъ Карскимъ моремъ, зимовали и до настоящаго времени зимуютъ норвежскіе промышленники для охоты за моржами, которую русскіе промышленники окончательно оставили вслѣдствіе большого риска, сопряженнаго съ этой охотой. Но все это были лишь временные обитатели, старавшіеся при первой возможности оставить негостепріимные берега полярнаго острова. Съ устройствомъ же въ Малыхъ Кармакулахъ спасательной станціи, при ней было поселено на постоянное жительство нѣсколько самоѣдскихъ семействъ, вывезенныхъ изъ тундръ Архангельской губерніи. Существованіе этихъ новыхъ поселенцевъ было вполне обезпечено Обществомъ спасанія на водахъ, ежегодно доставляющимъ на Новую Землю все необходимое для жизни нетребовательныхъ самоѣдовъ. Вслѣдъ за этими колонистами, на Новую Землю добровольно переселилось изъ тундры еще нѣсколько самоѣдскихъ семействъ, совершенно разорившихся или благодаря падежу оленей, или же вслѣдствіе безсовѣстной эксплоатаціи зырянъ и русскихъ кулаковъ. Послѣдніе поселенцы не получаютъ никакого пособія и существуютъ лишь продуктами своихъ промысловъ, вымѣнивая таковыя на жизненные припасы: порохъ, свинецъ и водку у проходящихъ суда поморовъ. Постоянной осѣдности они не имѣютъ, а кочуютъ по всему острову, промышленя рыбу и звѣрей; лѣтомъ же, ко времени прихода поморскихъ судовъ, собираются въ Малыя Кармакулы, гдѣ обыкновенно проводятъ въ пьянствѣ короткое полярное лѣто. Съ устройствомъ спасательной станціи правительство пожелало колонизировать Новую Землю русскими поселенцами и съ этою цѣлью обѣщало переселенцамъ различныя льготы и привилегіи и денежную помощь. Но за отсутствіемъ желающихъ попытка этого рода колонизаціи не удалась, хотя вслѣдъ за объявленіемъ о привилегіяхъ канцелярія архангельскаго губернатора одно время была завалена просьбами сообщить о количествѣ пахатной земли, лѣсовъ, пастбищъ и

тому подобныхъ угодій, которыхъ на Новой Землѣ не существуетъ и признаковъ. Просьбы поступали преимущественно отъ сельскихъ обществъ южныхъ, юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній. Взамѣнъ этихъ угодій имъ предлагались дикія скалы, тундры и трудные промыслы морскихъ звѣрей. Разочарованные въ расчетахъ на обширныя пахатныя земли, просители тотчасъ же отказывались отъ переселенія на Новую Землю. Возникалъ еще одинъ также неосуществившійся проектъ колонизаціи Новой Земли уголовными преступниками, ссылаемыми на жительство въ Архангельскую губернію. Такимъ образомъ, самыми пригодными колонизаторами Новой Земли оказались самоѣды, выросшіе въ тундрѣ, климатическія и жизненные условія которой весьма мало разнятся отъ таковыхъ же на Новой Землѣ. Но къ сожалѣнію, дальнѣйшаго переселенія самоѣдовъ изъ тундръ Архангельской губерніи на Новую Землю не послѣдовало, хотя съ увѣренностью можно сказать, что масса разоренныхъ самоѣдовъ, кочующихъ на материкѣ, и изъ владѣльцевъ, превратившихся въ пастуховъ бывшихъ собственныхъ оленьихъ стадъ, даже при незначительной поддержкѣ правительства, весьма охотно переселились бы на Новую Землю, гдѣ богатые промыслы дали бы имъ возможность безбѣднаго существованія. Новоземельскіе самоѣды, какъ и прочіе кочующіе въ предѣлахъ Архангельской губерніи, считаются православными, но на самомъ дѣлѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ исповѣдуемой ими религіи. Весьма рѣдко, черезъ нѣсколько лѣтъ, командировается изъ Архангельска на Новую Землю священникъ для исполненія у самоѣдовъ различныхъ духовныхъ требъ. Если и не особенно охотно, то во всякомъ случаѣ безъ всякаго понужденія самоѣды исполняютъ обряды православной церкви. Въ одно изъ посѣщеній Новой Земли, священникъ, приступая къ совершенію таинства крещенія уже взрослого сына одного изъ самоѣдовъ, обратился къ отцу съ вопросомъ, какое имя онъ желалъ бы дать своему сыну. Старикъ самоѣдъ серьезно отвѣтилъ: назови его «Архангельскъ». Если православная религія мало доступна пониманію самоѣдовъ, то въ то же время у нихъ нельзя отыскать и слѣдовъ идолопоклонства, признаки котораго по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ еще сохраняются между нѣкоторыми самоѣдами въ тундрахъ материка. Вообще я замѣтилъ, что самоѣды чрезвычайно неохотно и боязливо говорятъ о религіи и на предлагаемые имъ объ этомъ вопросы даютъ или самыя несообразныя отвѣты, или же совершенно обходятъ ихъ молчаніемъ. Въ Малыхъ Кармакулахъ, близъ строеній спасательной станціи, находится небольшая часовня, уставленная образами, пожертвованными приходящими сюда русскими промышленниками. Самоѣды посѣщаютъ эту часовню только во время пріѣздовъ священника или когда тамъ собираются на молитву промышленники. Въ послѣднемъ случаѣ простое чувство любопытства

играетъ большую роль, нежели религіозныя побужденія. Вслѣдствіе рѣдкихъ посѣщеній священникомъ Малокармакульскаго поселенія, дѣти самоѣдовъ крестятся черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія, браки совершаются также спустя нѣсколько лѣтъ супружескаго сожителства. Умершихъ же погребаютъ безъ всякихъ обрядовъ. Нравственными качествами новоземельскіе самоѣды ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ своихъ единоплеменниковъ, въ склонности же къ чрезмѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ едва ли не превосходятъ послѣднихъ. Здѣсь пьютъ всѣ: взрослые мужчины и женщины и подростки обоего пола. Лѣтомъ, когда разбросанные по разнымъ частямъ острова самоѣды собираются въ Малыя Кармакулы для мѣновой торговли съ поморами, здѣсь можно наблюдать возмутительныя картины безсовѣстнаго спаиванія несчастныхъ самоѣдовъ нѣкоторыми наглыми эксплуататорами, русскими промышленниками, при чемъ разбавленная водой водка и отвратительный норвежскій ромъ вымѣниваются у пьяныхъ самоѣдовъ на цѣнныя шкуры песцовъ, бѣлыхъ медвѣдей, морскихъ звѣрей, гагачій пухъ, звѣриное сало и проч. Благодаря своей жадности и неумѣренности въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, самоѣды никогда не бываютъ въ состояніи обмѣнять продукты зимнихъ промысловъ на достаточное до будущей навигаціи количество необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, такъ что къ концу зимы обыкновенно терпятъ крайнюю нужду въ самыхъ необходимыхъ предметахъ, далеко незатѣйливаго обихода ихъ домашней жизни. Самоѣды, переселившіеся на Новую Землю по собственной инициативѣ и не получающіе отъ казны никакого пособія, смотрятъ на промыслы какъ на единственный источникъ своего существованія и занимаются ими довольно прилежно. Самоѣды же, поселенные при спасательной станціи и обеспеченные въ предметахъ первой необходимости, въ большинствѣ случаевъ игнорируютъ промыслы, видя въ нихъ лишь побочный источникъ, изъ котораго можно добывать средства для пріобрѣтенія водки, табаку, сахару и проч., а потому на промыслы не тратятъ особенно много ни времени, ни труда, добывая лишь то, что попадаетъ подъ руки, не уходя далеко отъ становища. Такъ промышленяютъ они бѣлыхъ медвѣдей, бродящихъ около ихъ жилья, песцовъ, попадающихъ въ капканы, разставленные тутъ же на горахъ, окружающихъ Малокармакульскую бухту и проч. Живутъ самоѣды до невозможности грязно, при полнѣйшемъ отсутствіи соблюденія элементарнѣйшихъ требованій гигиены. Не говоря уже о чумахъ (самоѣдскія юрты, крытыя оленьими шкурами), зданіе спасательной станціи, въ которомъ поселились малокармакульскіе самоѣды, содержится до того грязно и до такой степени пропитано зловонною вонью, что свѣжнему человѣку войти въ него положительно невозможно. Комнаты нѣсколько чистятся только два раза въ годъ, ко времени при-

хода изъ Архангельска срочныхъ пароходовъ, на которыхъ нерѣдко прїѣзжаетъ на Новую Землю кто-либо изъ чиновъ губернской администраціи. Съ отплытіемъ же пароходовъ въ зданіи снова водворяются самоѣдскія семьи со всѣмъ ихъ зловоннымъ скарбомъ, собаками и проч. Когда въ 1882 году на Новую Землю отправилась полярная экспедиція Географическаго Общества для производства метеорологическихъ и магнитныхъ наблюдений въ теченіе цѣлаго года, то было употреблено не мало времени и трудовъ, чтобы дезинфекцировать и привести въ возможное для жилья состояніе загрязненный самоѣдами до нельзя пріютъ спасательной станціи. Ни совѣты, ни угрозы выселенія самоѣдовъ изъ зданія, не въ состояніи ихъ пріучить хотя бы къ нѣкоторой чистоплотности въ домашней обстановкѣ. Жизнь въ постоянной грязи, жадность къ спиртнымъ напиткамъ и чрезмѣрная неразборчивость въ выборѣ пищи, при суровыхъ климатическихъ условіяхъ и при совершенномъ отсутствіи какой бы то ни было медицинской помощи, чрезвычайно пагубно вліяютъ на здоровье самоѣдовъ и въ значительной степени сокращаютъ продолжительность ихъ жизни. Какъ и чѣмъ лечатъ самоѣды больныхъ—мнѣ не извѣстно, но, по всей вѣроятности, знахарство и заговоры играютъ въ этихъ случаяхъ не послѣднюю роль. Административнаго устройства у новоземельскихъ самоѣдовъ не существуетъ. Въ Малокармакульскомъ поселеніи есть старшина, на обязанности котораго лежитъ завѣдываніе зданіями и имуществомъ спасательной станціи. Этимъ и ограничиваются всѣ его полномочія. Другого начальства на Новой Землѣ нѣтъ, хотя она и причислена къ Кольскому уѣзду Архангельской губерніи. Высшія губернскія власти изрѣдка посѣщаютъ Новую Землю ради простаго любопытства и, къ сожалѣнію, со стороны мѣстной администраціи до сихъ поръ не было сдѣлано ни одной серьезной попытки къ ближайшему ознакомленію съ условіями быта самоѣдовъ, состояніемъ лѣтнихъ и зимнихъ промысловъ, и къ разработкѣ вопроса о дальнѣйшей колонизаціи этого богатаго всякими дарами природы полярнаго острова, имѣющаго, безъ сомнѣнія, свою будущность. Что касается юридическихъ отношеній самоѣдовъ, то здѣсь, за совершеннымъ отсутствіемъ судебныхъ установленій и правительственныхъ агентовъ, облеченныхъ судебною властью, обычай играетъ выдающуюся роль. Споры самоѣдовъ въ возникающіе изъ-за имущественныхъ отношеній, рѣшаются на основаніи обычаевъ, существующихъ въ метрополи самоѣдовъ архангельскихъ тундрахъ и оттуда перененныхъ на Новую Землю, гдѣ они сохраняются во всей непрекосновенности; въ дѣлахъ же уголовнаго характера по многимъ даннымъ можно заключить о существованіи у самоѣдовъ и самосуда. Даже въ тундрѣ слѣды уголовныхъ преступленій тщательно скрываются самоѣдами отъ полицейскихъ и судебныхъ властей, вмѣшательство ко-

торыхъ весьма рѣдко приводитъ къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ. Благодаря такому свойству самоѣдовъ и царящему на Новой Землѣ полному безначалію, исчезаетъ всякая возможность раскрыть совершающіяся тамъ преступленія, чему въ значительной степени способствуютъ также отсутствіе срочнаго сообщенія съ Новой Землей и огромное ея протяженіе при полнѣйшемъ бездорожьи. Въ 1882 году, до свѣдѣнія архангельской администраціи дошли слухи о совершенномъ на Новой Землѣ убійствѣ семерыхъ самоѣдовъ. Слухи эти были настолько упорны, что для ихъ провѣрки губернаторъ командировалъ туда съ послѣднимъ пароходнымъ рейсомъ чиновника. Ко времени прибытія парохода на Новую Землю, бывшіе во время лѣта въ Малыхъ Кармакулахъ самоѣды уже разбрелись по острову, а живущіе при спасательной станціи оказались на этотъ разъ якобы плохо понимающими порусски и вообще знать ничего не знающими и вѣдать ничего не вѣдающими. А такъ какъ пароходъ оставался на Новой Землѣ всего лишь сутки, то губернаторскій чиновникъ и возвратился ни съ чѣмъ, хотя бывшіе въ то время на Новой Землѣ поморы также подтверждали слухи объ убійствѣ. Такъ это дѣло и до сихъ поръ осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Послѣдствіемъ безначалія и совершенной изолированности новоземельскихъ обитателей, имѣющихъ сношенія лишь съ эксплуатирующими ихъ русскими промышленниками, у нихъ является крайне недоувѣрчивое и даже непріязненное отношеніе не только къ каждому должностному лицу, но и вообще ко всемъ русскимъ. Впрочемъ, непріязнь къ русскимъ открыто сказывается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда самоѣды имѣютъ за собою численное превосходство передъ русскими и особенно когда послѣдніе находятся въ полной зависимости отъ самоѣдовъ, какъ это, на примѣръ, случилось съ Югаровымъ и его спутниками. Вотъ краткій очеркъ этой своеобразной полярной колоніи, которая, безъ сомнѣнія, со временемъ разросется и получитъ прочную организацію обширнаго промысловаго поселенія.

Возвращаюсь къ дневнику Югарова.

II.

Отдохнувши въ тепломъ жильѣ, на другой день по прибытіи на спасательную станцію, Югаровъ съ товарищами едва упробилъ самоѣдовъ помочь имъ доставить карбасъ на берегъ. Четыре самоѣда уступили усиленнымъ просьбамъ и съ ихъ помощью карбасъ былъ доставленъ въ безопасное мѣсто. Разгрузивши карбасъ, они приступили къ очищенію отъ невообразимой грязи и уборкѣ занятой ими комнаты. Чистка заняла два дня и только тогда удалось нѣсколько вывѣтрить зловоніе самоѣдскаго жилья. Все время шли проливные дожди, прекратившіеся только 12 октября; вѣ-

теперь перешелъ къ сѣверу и начало подмораживать. Въ этотъ день Югаровъ съ товарищами вышли за предѣлы становища и на ближайшемъ озерѣ разставили сѣти для ловли гольца. Черезъ два дня отправились въ тундру на охоту за оленями, но ни одного не убили, а на обратномъ пути осмотрѣли разставленные на озерѣ сѣти и нашли въ нихъ только одного гольца. Первые дни самоѣды избѣгали всякихъ сношеній съ пришельцами и отказывали имъ во всѣхъ ихъ просьбахъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ старшиною станціи и обѣщаній помогать самоѣдамъ во всѣхъ работахъ и дѣлать съ ними добычу охоты и промысловъ, Югарову удалось получить отъ старшины дрова, муку и немного пороха и пистоневъ. 20-го октября, Югаровъ и Мяхнинъ отправились съ самоѣдами въ тундру на охоту, а Коневаловъ, тоже съ самоѣдами, ушелъ на льды, на цѣлую недѣлю, промыслять нерпу и морскихъ зайцевъ. Напавъ на слѣды стада оленей, Югаровъ съ самоѣдами такъ увлеклись ихъ преслѣдованіемъ, что ночь застала охотниковъ среди тундры. Ночью началась страшная вьюга, продолжавшаяся и весь слѣдующій день. Проведя цѣлыя сутки на открытомъ воздухѣ, прозябшіе и голодные охотники спѣшили возвратиться домой, но, къ несчастію, сбились съ пути и только въ ночь на 23 октября имъ удалось, кое-какъ, добраться до становища. Въ концѣ октября полярная зима окончательно вступила въ свои права и солнце показывалось изъ-за горизонта на самое короткое время. Ноябрь начался страшными вѣтрами, мятелями и морозами. Сила вѣтра была на столько велика, что на открытомъ воздухѣ не было возможности устоять на ногахъ, недержась за какой-либо предметъ. Въ эти дни стоялъ такой мракъ, что безъ посторонняго свѣта нельзя было видѣть другъ друга. 4 ноября, буря утихла и Югаровъ, воспользовавшись затишьемъ, устроилъ на ближайшихъ къ становищу холмахъ капканы для ловли песцовъ. Рано утромъ—6 ноября, самоѣдскія собаки подняли неистовый лай, возвѣщавшій о приближеніи ошкуня (бѣлаго медвѣдя); вся полярная колонія быстро поднялась на ноги и взялась за ружья. Первые атаковали медвѣдя собаки, при чемъ онъ успѣлъ трехъ изъ нихъ тяжело ранить, прежде чѣмъ мѣткіе пули самоѣдовъ уложили его намѣстѣ. Кромѣ перваго посѣщенія медвѣдя, этотъ день ознаменовался еще и тѣмъ, что солнце окончательно скрылось за горизонтъ. На слѣдующій день ходили на ледъ и убили огромнаго морского зайца, котораго тамъ и оставили, чтобы потомъ перевести на собакахъ въ становище; но когда черезъ два дня они пріѣхали за зайцемъ, то оказалось, что его съѣлъ бѣлый медвѣдь, оставивъ лишь куски шкуры. 13-го ноября, Мяхнинъ и Коневаловъ отправились въ становище Большія Кармакулы къ самоѣду Омѣ Выхкѣ и вслѣдствіе свирѣпствовавшей мятели оставались тамъ четверо сутокъ. Продолжительное отсутствіе товарищей сильно беспокоило Югарова;

наконецъ, ночью 16-го ноября, они благополучно возвратились, при-
тащивъ съ собою убитаго по дорогѣ оленя. Водворившійся на Но-
вой Землѣ мракъ полярной ночи, по словамъ Югарова, производилъ
на него и его спутниковъ чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе и уси-
ливалъ опасеніе заболѣть цынгой. Иногда ими овладѣвала такая
гнетущая тоска, что далеко не нервныя промышленники, безъ вся-
кой видимой причины, начинали горько плакать. Какъ предохра-
нительное средство противъ заболѣванія цынгой они употребляли
усиленныя движенія и по возможности старались чѣмъ-нибудь
развлекаться. Непроницаемый мракъ и продолжительные снѣж-
ные ураганы рѣдко позволяли имъ отправляться на охоту и на
промыслы. Въ эти тяжелые дни они пилили дрова и занима-
лись другими хозяйственными работами. Со времени прибытія въ
Малыя Кармакулы и до 1-го декабря, товарищамъ Югарова уда-
лось промыслить не болѣе 20 пудовъ сала морскихъ звѣрей. Пер-
вые дни декабря погода стояла необыкновенно теплая и шли не-
большіе дожди. Хотя солнце продолжало оставаться за горизон-
томъ, но къ половинѣ декабря дни стали нѣсколько свѣтлѣе, что
давало промышленникамъ возможность ходить, почти ежедневно, на
ледъ за нерпами, добыча которыхъ въ послѣднее время значительно
увеличилась. 20-го декабря, бѣлый медвѣдь снова посѣтилъ стано-
вище и съѣлъ двѣ нерпы; на этотъ разъ, благодаря темнотѣ, мед-
вѣдь благополучно убрался во-свояси, сопровождаемый оглушитель-
нымъ лаемъ стаи самоѣдскихъ собакъ и нѣсколькими неудачными
ружейными выстрѣлами. Наканунѣ Рождества Христова, Югаровъ
и его товарищи молились въ часовнѣ. Погода эти дни стояла пре-
красная, но 26-го декабря начался такой сильный сѣверо-восточный
вѣтеръ, что, по словамъ Югарова, зданія дрожали и съ оголенныхъ
скалъ несло мелкіе камни, какъ песокъ ¹⁾. 31-го декабря, вѣтеръ
стихъ и начались сильные морозы, продолжавшіеся и въ началѣ
января 1882 года. Къ этому времени дневной свѣтъ значительно
увеличился, хотя солнце все еще не показывалось изъ-за горизонта.
Необыкновенныя стужи продолжались до половины января. 14-го
января, началась страшная снѣжная буря; домъ спасательной стан-
ціи быстро засыпало снѣгомъ вплоть до крыши. Въ комнатахъ
водворился такой мракъ, что въ продолженіе трехъ дней необхо-
димо было имѣть посторонній свѣтъ. Къ вечеру 17-го января, вѣ-
теръ перешелъ къ югу, а снѣгъ смѣнился дождемъ, и промышлен-
ники вмѣстѣ съ самоѣдами приступили къ очисткѣ снѣга, завалив-
шаго двери и окна спасательной станціи. Вслѣдствіе дувшихъ въ
послѣдніе дни сильныхъ вѣтровъ, весь ледъ въ бухтѣ разломало

¹⁾ Ужасныя вѣтры составляютъ на Новой Землѣ зимой весьма частыя явле-
нія и въ значительной степени препятствуютъ ея обитателямъ въ успѣшныхъ
промыслахъ и охотахъ.

чѣмъ и воспользовались обитатели станціи, для обильнаго промысла морскихъ звѣрей. 19-е января, было днемъ общей радости для всей полярной колоніи; въ этотъ день впервые показалось надъ горизонтомъ солнце, не восходившее около двухъ съ половиною мѣсяцевъ ¹⁾. 20-го января, окончился весь запасъ муки, выпрошенной Югаровымъ у самоѣдовъ, по этому, не смотря на стоявшую непогоду, Югаровъ съ товарищами отправился на собакахъ въ становище Большія Кармакулы къ живущему тамъ самоѣду Өомѣ Вылкѣ, съ цѣлью выпросить у него хотя нѣкоторое количество муки. Послѣ долгихъ уговоровъ, Өома Вылка удѣлилъ имъ изъ своихъ запасовъ кулъ муки и далъ въ провозкатые своего сына. Утромъ 22-го января, Югаровъ пустился въ обратный путь. На дорогѣ ихъ застала сильная мятель; собаки были не въ состояніи везти сани съ промышленниками и мукой, вслѣдствіе чего пришлось оставить сани съ мукой по среди дороги. Сами же путники едва добрались до становища и только черезъ два дня, когда утихла мятель, имъ съ трудомъ удалось, при помощи сына Өомы Вылки, отыскать оставленную муку. Въ концѣ января, дни замѣтно увеличились, но, не смотря на наступившую свѣтлую погоду, ею не удавалось пользоваться для охоты и промысловъ, такъ какъ въ это же время начались и не бывалые дотолѣ морозы. Наступившая стужа позволяла только на самое короткое время показываться на воздухъ и то лишь для самыхъ необходимыхъ хозяйственныхъ работъ. Въ теченіе января мѣсяца, по словамъ Югарова, у нихъ происходилъ непрерывный рядъ недоразумѣній и споровъ съ самоѣдами, изъ которыхъ выяснилась вся непріязнь самоѣдовъ къ пришельцамъ. Споры начались изъ-за находящихся на спасательной станціи казенныхъ капкановъ, ружей и другихъ промысловыхъ снарядовъ, которыми общество спасанія на водахъ снабдило самоѣдовъ. Затѣмъ споры перешли на религіозные предметы и въ концѣ концовъ обострились до того, что русскіе промышленники избѣгали совмѣстныхъ съ самоѣдами охотничьихъ путешествій по тундрамъ, изъ опасенія быть убитыми ²⁾. Видя крайнюю непріязнь самоѣдовъ къ русскимъ и постоянныя оскорбленія ихъ національнаго чувства, Югаровъ, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ неосторожность прилутнуть

¹⁾ Въ продолженіе всей почти трехмѣсячной полярной ночи на Новой Землѣ никогда не бываетъ непрерывнаго безусловнаго мрака. Когда небо бываетъ безоблачно (что, впрочемъ случается довольно рѣдко), то утреннія и вечернія вори даютъ достаточный свѣтъ. Кромѣ того, частыя сѣверныя сіянія во многихъ случаяхъ замѣняютъ собою, прячущееся подъ горизонтомъ, свѣтило. Однимъ словомъ существующее у насъ представленіе о безусловномъ мракѣ полярной ночи—значительно преувеличено.

²⁾ Изъ словъ Югарова видно, что старшина самоѣдскаго поселенія старался удержать остальныхъ самоѣдовъ отъ причиненія многихъ непріятностей русскимъ промышленникамъ. Но власть старшины оказалась, въ данномъ случаѣ, безсильною и въ концѣ самъ старшина принялъ сторону своихъ единоплеменниковъ.

самоѣдовъ обѣщаніемъ по прибытіи въ Архангельскъ донести начальству объ ихъ поведеніи и порчѣ казеннаго имущества. Это обстоятельство болѣе всего и озлобило самоѣдовъ противъ русскихъ промышленниковъ. Въ этомъ мѣстѣ дневника находимъ нѣсколько характерныхъ бесѣдъ Югарова съ самоѣдами о начальствѣ. На обѣщаніе Югарова донести на самоѣдовъ, одинъ изъ послѣднихъ ему возразилъ: «важное дѣло мнѣ твой губернаторъ. Лѣтомъ онъ былъ у насъ и я и его обманулъ, сказавъ ему, что обломалъ ружье объ ошкуя (бѣлый медвѣдь), а обломалъ то я его объ собаку, ну губернаторъ и приказалъ выдать мнѣ другую винтовку». Другой самоѣдъ говорилъ Югарову: «когда я еще жилъ въ тундрѣ, то былъ въ Архангельскѣ, и носилъ письмо къ губернатору и видѣлъ его—ходить по комнатамъ и все молчить и смотреть, какъ разбойникъ». Всѣ эти рѣзкіе отзывы о начальствѣ, по словамъ Югарова, заставили русскихъ промышленниковъ еще болѣе остерегаться самоѣдовъ, такъ какъ «если самоѣды пренебрегаютъ начальствомъ, то насъ и подавно не пощадятъ». Капкановъ и сѣтей самоѣды Югарову не давали, говоря: «не для васъ русаковъ они привезены; вы хоть всѣ пропадите, да еще хоть тридцать такихъ какъ вы, намъ и то не будетъ жалко, васъ на Руси еще много останется». Югаровъ замѣчаетъ, что почти всѣ казенныя снасти испорчены самоѣдами, такъ какъ они сами ихъ не употребляютъ и онѣ лежатъ заброшенныя и гніютъ. Казенныя винтовки показались самоѣдамъ слишкомъ длинными и они, долго не думая, обрѣзали стволы почти на половину, вслѣдствіе чего винтовки, понятно, перестали попадать въ цѣль и самоѣды продолжаютъ охотиться со своими старинными пистонными ружьями, весьма часто перевязанными проволокою, а иногда просто веревкою ¹⁾. Югаровъ расска-

¹⁾ Въ бытность мою на Новой Землѣ мнѣ самому приходилось видѣть испорченныя самоѣдами сѣти и другія орудія разныхъ промысловъ. Въ семидесятыхъ годахъ новоземельскіе самоѣды оказали помощь терпящей крушеніе норвежской шкунѣ, за что шведскій король подарилъ имъ прекрасныя ружья съ большимъ запасомъ готовыхъ патроновъ. Но и эти ружья постигла участь винтовокъ Бердана, т. е. они были самоѣдами укорочены, вслѣдствіе чего сдѣлались негодными и теперь валяются съ другимъ хламомъ на чердакѣ Малокармакульской спасательной станціи. Впрочемъ, нѣкоторые самоѣды теперь уже жалѣютъ объ испорченныхъ ими винтовкахъ и стараются свои старыя ружья замѣнить ружьями новыхъ системъ. Винтовки, заряжающіяся съ казенной части, являются незамѣнимыми ружьями при чрезвычайно трудныхъ условіяхъ новоземельскихъ звѣриныхъ промысловъ. Въ настоящее время у нѣкоторыхъ самоѣдовъ, кочующихъ на Новой Землѣ и на островѣ Вайгачѣ, появились ружья норвежскаго военнаго образца, которыя они приобрѣли у норвежскихъ промышленниковъ, отправляющихся на моржовый промыселъ въ Карское море. Отъ норвежскихъ же промышленниковъ самоѣды приобретаютъ и такъ называемыя «моржовки», т. е. огромныя ружья, употребляемыя для стрѣльбы въ моржей. Моржовымъ промысломъ занимаются только весьма немногіе самоѣды, исключительно у береговъ Вайгача и у восточнаго берега Новой Земли.

зываетъ, что во время одной охоты за оленями, самоѣдъ Павелъ двадцать разъ выстрѣлилъ изъ укороченной имъ винтовки и ни разу не попалъ, несмотря на то, что Павелъ считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ на Новой Землѣ. Одинаково съ ружьями и другія промысловыя снасти были перепорчены самоѣдами, предпочитающими свои первобытныя орудія промысловъ современнымъ.

Въ первые дни февраля промышленники никуда не выходили изъ становища, такъ какъ сильныя вѣтры снова наполнили бухту льдомъ, а тундра была покрыта глубокимъ и рыхлымъ снѣгомъ. 8-го февраля, двое изъ промышленниковъ отправились въ тундру на охоту за оленями, третій же, за неимѣніемъ ружья, оставался дома и занимался хозяйственными работами. На другой день охотники возвратились и привезли на собакахъ тушу крупнаго убитаго оленя. 10-го февраля, день былъ необыкновенно теплый и ясный и Югаровъ промышлялъ въ бухтѣ нерпъ; двое же другихъ осматривали разставленные на холмахъ капканы, въ одномъ изъ которыхъ нашли песка. Къ вечеру того же дня задулъ сильный сѣверный вѣтеръ и ночью началась мятель, продолжавшаяся четыре дня. Въ это время Югарову удалось выпросить у самоѣдскаго старшины дровъ, чтобы истопить баню, въ которой послѣ русскихъ промышленниковъ мылись и самоѣды въ первый разъ со времени пребыванія Югарова въ Малыхъ Кармакулахъ. 15-го февраля, вѣтеръ утихъ и снова наступила ясная погода, позволившая промышленникамъ охотиться за нерпой. При приближеніи къ берегу, сопровождавшіе ихъ собаки подняли отчаянный лай и вскорѣ Югаровъ замѣтилъ крупнаго бѣлаго медвѣдя потрошившаго на льду нерпу. Приблизившись на ружейный выстрѣлъ промышленники сдѣлали залпъ и медвѣдь остался на мѣстѣ. Убивъ медвѣдя, Югаровъ въ этотъ же день успѣлъ промыслить еще четыре нерпы. Тушу бѣлаго медвѣдя, за неимѣніемъ саней, оставили на берегу и въ этотъ же день возвратились домой. 17-го февраля, Югаровъ съ Мяхнинымъ, взявъ съ собою санки, отправились на берегъ за убитымъ медвѣдемъ. Всю эту тяжесть имъ пришлось тащить на себѣ, такъ какъ въ этотъ день всѣ ѣздовыя самоѣдскія собаки, какъ нарочно, куда-то разбрелись. На слѣдующій день Югаровъ былъ въ тундрѣ и убилъ одного оленя. Въ ночь на 22-е число, къ дому спасательной станціи приходилъ бѣлый медвѣдь и разорвалъ оленью шкуру, а другую такую же шкуру утащилъ къ часовнѣ. Самоѣды, извѣщенные лаемъ собакъ о присутствіи въ становищѣ бѣлаго медвѣдя, бросились его преслѣдовать и убили около самаго берега. Съ 22-го по 25-е февраля свирѣпствовала сильная снѣжная буря. 26-го, буря прекратилась и промышленники ходили въ тундру, гдѣ убили двухъ оленей и въ тотъ же день возвратились на станцію. Послѣдніе дни февраля дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ и шелъ снѣгъ. Съ 1-го марта начался сильный восточный вѣтеръ, который ломалъ въ Ма-

локармакульской бухтѣ ледъ и уносилъ его въ океанъ. Восточный вѣтеръ дулъ въ продолженіе четырехъ дней и, по словамъ автора дневника, на столько очистилъ отъ льда Малокармакульскую бухту и видимый горизонтъ, что въ это время суда могли бы совершенно свободно подойти къ становищу. 8-го марта, восточный вѣтеръ перешелъ къ сѣверу, подъ вліяніемъ чего начались сильные морозы и ледъ снова наполнилъ бухту. 12-го, вѣтеръ достигъ степени шторма и началась мятель. Черезъ два дня зданіе спасательной станціи было буквально до крыши засыпано снѣгомъ, такъ что обитатели его были лишены всякой возможности выйти на воздухъ. Чтобы добыть воду для питья и варки пищи, заключенные должны были черезъ чердакъ доставать снѣгъ и растаивать его въ комнатѣ. Это совмѣстное съ самоѣдами заключеніе и работы по очищенію зданія отъ снѣга и послужили первымъ поводомъ къ сближенію самоѣдовъ съ Югаровымъ и его товарищами послѣ продолжительныхъ натянутыхъ отношеній, возникшихъ вслѣдствіе извѣстныхъ уже читателямъ столкновеній русскихъ пришельцевъ съ новоземельскими обитателями. Четырехдневныхъ усиленныхъ совмѣстныхъ трудовъ стоило обитателямъ станціи очистить отъ снѣга ея крышу, окна и двери. Мятель, хотя и значительно съ меньшей силой, продолжалась до 23-го марта. Въ этотъ промежутокъ времени русскіе промышленники испытали сильную тревогу, такъ какъ у ихъ товарища Мяхнина показалась на ногахъ значительная опухоль, что было принято за несомнѣнный признакъ страшнаго бича полярныхъ странъ—цынги. Несмотря на прекрасную погоду, товарищи Мяхнина не выходили изъ становища и почти безотлучно находились при больномъ. Но вскорѣ опухоль ногъ Мяхнина оказалась совсѣмъ не цынготнаго свойства, а была послѣдствіемъ худой обуви и чрезмѣрнаго утомленія. Это исчезновеніе общей для всего поселенія опасности—заразиться цынгой, было одинаково радостно, какъ для русскихъ, такъ и для самоѣдовъ, и еще болѣе послужило къ ихъ сближенію. 27-го марта, въ страстную субботу, промышленники съ утра топили баню и мылись вмѣстѣ съ самоѣдами. Вечеромъ молились въ часовнѣ, гдѣ было и нѣсколько самоѣдовъ. Въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, Югаровъ съ товарищами и почти со всѣми самоѣдами утромъ посѣтилъ часовню, а остальную часть дня русскіе и самоѣды провели вмѣстѣ въ бесѣдахъ, невызывавшихъ ни споровъ, ни оскорбленій. Еще задолго до Свѣтлаго праздника русскіе промышленники начали очищать зданіе спасательной станціи отъ невообразимой грязи, нанесенной туда самоѣдскими обитателями. Какъ выше было сказано, Югарову и его спутникамъ, по прибытіи ихъ въ Малыя Кармакулы, старшиною самоѣдовъ была отведена одна комната въ зданіи спасательной станціи, въ остальныхъ же—помѣщались самоѣдскія семьи. Для лучшей иллюстраціи самоѣдской нечистоплотности привожу под-

линные слова Югарова: «Самоѣды поселились въ трехъ комнатахъ, а одинъ самоѣдъ Яковъ Сулентьевъ съ семействомъ занялъ всю аптечную комнату и отъ этихъ жильцевъ стояла всю зиму такая зараза, что мы и не знаемъ какъ отъ нея не заболѣли. Самоѣдскія собаки жили и испражнялись тутъ же въ комнатахъ. Въ комнатахъ же были навалены и звѣриныя шкуры и ворванное сало, издававшія необыкновенное зловоніе. Ретирадники не очищались и были наполнены до верху. Мы же ничего не смѣли сказать самоѣдамъ, такъ какъ на первыя же наши жалобы старшинѣ на нечистоплотность его подчиненныхъ, онъ отвѣтилъ: «не ваше дѣло, живите гдѣ вамъ дано мѣсто, а намъ самъ губернаторъ приказалъ здѣсь жить и мы живемъ какъ хотимъ». Описание всей нечистоплотности самоѣдскаго жилья Югаровъ оканчиваетъ слѣдующимъ характернымъ замѣчаніемъ: «Насъ Богъ спасъ отъ самоѣдской заразы, но не дай Богъ никому быть на этой спасательной станціи, на которой самоѣды грязнятъ комнаты и портятъ казенное имущество, а хуже всего ихнія собаки, которымъ дана воля пачкать всю станцію».

Всю Святую недѣлю дни стояли безоблачные и безвѣтренные. Ночи значительно укоротились и царило полное затишье, благодаря которому ледъ не очищалъ бухту становища. Такая, рѣдкая на Новой Землѣ, въ столь раннее время года, погода стояла до 5-го апрѣля, когда снова задулъ сѣверный вѣтеръ и наступили значительные морозы продолжавшіеся двое сутокъ. Восьмого было ясно и тепло. На другой день прилетѣли на Новую Землю первыя птицы (гагарки) и поселились въ такъ называемыхъ «базарахъ»¹⁾. 15-го

¹⁾ Птичье «базары» составляютъ одну изъ характерныхъ особенностей Новой Земли. Подъ этимъ названіемъ извѣстны небольшіе заливы, окруженные скалами, чрезвычайно круто спускающимися къ морю. На этихъ обрывистыхъ скалахъ съ многочисленными едва замѣтными, для невооруженнаго глаза, выступами и селятся въ несмѣтномъ количествѣ гагарки и прочіе пернатые обитатели полярнаго острова. Чтобы судить о безчисленномъ множествѣ ютящихся въ «базарахъ» птицъ, достаточно на шлюпкѣ приблизиться къ «базару» и выстрѣлить изъ ружья. Моментально десятки тысячъ птицъ оставляютъ свои гнѣзда на скалахъ и съ оглушительнымъ крикомъ кружатся въ воздухѣ, заслоня собою солнце. Если же въ это время взглянуть на окружающія «базары» скалы, то онѣ окажутся унизанными такой массой гагарокъ и другихъ полярныхъ пернатыхъ, какъ будто бы на одна изъ нихъ не оставяла своего гнѣзда. Вообще обиліе пернатыхъ на Новой Землѣ просто изумительно. Приближаясь на пароходѣ къ новоземельскимъ берегамъ, очень часто приходится видѣть передъ собой длинную черную полосу, тянущуюся вдоль всего видимаго горизонта. Эта полоса—ни что иное, какъ несмѣтное множество плавающихъ птицъ. Когда пароходъ врѣзывается въ эту массу, то ближайшія къ нему птицы поднимаются вверхъ, но вскорѣ подъ вліяніемъ тяжести собственнаго тѣла (дѣтомъ онѣ необыкновенно жирны) тотчасъ же опускаются и, летя съ крикомъ надъ поверхностью моря, бьютъ крыльями объ воду, поднимая необычайный шумъ, заглушающій стукъ парходной машины и недающій возможности говорить другъ съ другомъ на самомъ близкомъ разстояніи.

апрѣля сильная снѣжная буря снова засыпала до крыши зданіе спасательной станціи и снова началось сообщеніе черезъ чердакъ. Черезъ два дня буря прекратилась и русскіе съ самоѣдами приступили къ очисткѣ зданія отъ снѣга. Морозы продолжали стоять до 23-го апрѣля, когда пошелъ мокрый снѣгъ. 24-го апрѣля, была первая, за всю зиму, значительная оттепель и въ этотъ день Югаровъ видѣлъ длинную вереницу, направлявшихся къ сѣверу лебедей. Пользуясь стоявшими теплыми погодами, промышленники возобновили на озерѣ ловлю гольцевъ. Ледъ на озерѣ оказался толщиною до двухъ съ половиною аршинъ, такъ что рубить во льду проруби стоило значительныхъ трудовъ. Въ первый же день удалось поймать трехъ большихъ гольцевъ. Въ тундру за оленями не ходили уже довольно долго, такъ какъ въ это время новоземельскіе олени бываютъ необыкновенно худы и теряютъ шерсть; точно также весьма мало цѣнятся промышленниками и шкуры оленей, убитыхъ весной. Конецъ апрѣля, по словамъ Югарова, былъ чрезвычайно скучный, такъ какъ не было рѣшительно никакихъ промысловъ; ледъ на довольно значительное разстояніе отдѣлялъ свободную воду отъ береговъ, а находившіяся при становищѣ небольшія шлюпки были разбиты свирѣпствовавшими штормами. 29-го апрѣля, у Югарова снова едва не произошло столкновение съ самоѣдами. Придя въ комнату самоѣдскаго старшины; Югаровъ замѣтилъ, что старшина вытиралъ столъ кускомъ бумаги, который оказался листомъ вырваннымъ изъ молитвенника, находившагося въ часовнѣ. На этомъ листѣ была напечатана часто употребляемая промышленниками молитва «Да воскреснетъ Богъ». На этотъ разъ дѣло ограничилось лишь взаимными ругательствами и не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Несмотря на стоявшіе значительные холода, зданіе спасательной станціи приходилось отапливать весьма мало, такъ какъ запасъ дровъ близился къ концу¹⁾. Югаровъ говоритъ, что количество доставляемыхъ на Новую Землю казенныхъ дровъ, было бы совершенно достаточно на цѣлый годъ, еслибы самоѣды, хотя нѣсколько аккуратнѣе топили печи. Бывали случаи, когда самоѣды по четыре раза въ одинъ день топили каждую комнату. Съ утра перваго мая началась было метель, но къ полудню снѣгъ перешелъ въ проливной

¹⁾ Вообще домъ спасательной станціи, несмотря на прочность его постройки, все-таки нагревается плохо. Во время морозовъ, при сильныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, приходится въ комнатахъ надѣвать теплую одежду, даже при усиленной и самой тщательной топкѣ печей. Слѣдуетъ замѣтить, что названные вѣтры служатъ однимъ изъ главнѣйшихъ неудобствъ зимняго пребыванія на Новой Землѣ. Во время зимовки въ Малыхъ Кармакулахъ членовъ метеорологической станціи Географическаго Общества, между жилыми зданіями и наблюдательными павильонами были укрѣплены толстыя веревки, безъ которыхъ было немисливо сообщеніе при сильныхъ вѣтрахъ. Бывали случаи, когда вѣтеръ сбивалъ съ ногъ самоѣда и уносилъ далеко отъ становища.

дождь. До 4-го мая Югаровъ съ товарищами занимались, исключительно, ловлею на озерѣ гольцевъ. Хотя ловля шла и неособенно удачно, тѣмъ не менѣе они добывали рыбу въ количествѣ вполнѣ достаточномъ для ихъ пропитанія, такъ какъ въ данное время гольцы, за отсутствіемъ оленьяго мяса, составляли единственную пищу промышленниковъ.

Въ ночь съ 4-го на 5-е мая, началась сильная мятель при жестокомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ. Въ теченіе двухъ сутокъ мятель свирѣпствовала съ такою силой, что въ день праздника Вознесенія Господня набожные промышленники были лишены возможности идти въ часовню на молитву. Не только часовню, но и домъ спасательной станціи засыпало снѣгомъ въ уровень съ крышами. Въ эти дни хотя и не было большихъ морозовъ, тѣмъ не менѣе обитатели станціи испытывали холодъ, такъ какъ внезапно наступившая ночью снѣжная буря не позволила имъ запастись дровами и комнаты оставались нетопленными. 7-го мая, день удался солнечный и теплый и Югаровъ съ товарищами и съ самоѣдами до поздняго вечера работали, освобождая станцію отъ снѣга. На слѣдующій день оттепель продолжалась и надъ «Малыми Кармакулами» были видны огромныя стада дикихъ гусей, направлявшихся къ сѣверу. Почти до половины мая непрерывно дули западные и сѣверо-западные вѣтры, наполнившіе Малокармакульскую бухту массою льдовъ. Огромныя глыбы полярнаго льда плотно прижались къ берегамъ и мѣшали промыслять нерпъ и морскихъ зайцевъ. 12-мая, начались проливныя дожди, причинившіе промышленникамъ массу неудобствъ, не только въ дѣлѣ охоты, но и въ самомъ ихъ жилищѣ. Худая крыша станціоннаго дома свободно пропускала въ комнаты потоки воды и несчастные обитатели въ продолженіе восьми дней беспомощно мокли въ сырыхъ и холодныхъ комнатахъ¹⁾. Ливни продолжались до 20-го мая, когда стоявшая,

¹⁾ Въ прошломъ году у береговъ Новой Земли разбилась шкуна промышленника Норкина «Общее Счастіе» и экипажъ ея въ числѣ 10 человекъ, подобно Югарову и его спутникамъ, провелъ годъ на малокармакульской спасательной станціи и результатомъ его пребыванія въ этомъ, хотя и обвѣтшавшемъ, но драгоценномъ для Новой Земли сооруженіи, было почти полное разореніе поморами жилыхъ зданій станціи. Лѣтомъ нынѣшняго года на Новую Землю была отправлена изъ Архангельска первая шкуна «Баканъ», командиръ которой г. Делавронъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ доноситъ морскому министерству о состояніи спасательной станціи въ Малыхъ Кармакулахъ: «Малокармакульскій пріютъ Общества спасенія на водахъ, бывший жильемъ капитана Тягина въ 1878 году, экспедиціи подъ начальствомъ лейтенанта Андреева въ 1884 году и простоявъ годъ слишкомъ въ распоряженіи поморовъ и самоѣдовъ, при нашемъ посѣщеніи представлялъ картину почти полного разрушенія: въ главномъ корпусѣ испорчены всѣ рамы и масса побитыхъ стеколъ, многія двери сняты съ петель; изъ нихъ нѣкоторыя валялись въ отдаленіи отъ пріюта, а другія и совсѣмъ исчезли; стѣны и потолокъ покрыты толстымъ слоємъ копоти; полуразвалившіяся трубы и ихъ колѣнья на чердакахъ, перегородки комнатъ, раз-

сравнительно теплая погода снова смѣнилась стужами и мятелями, державшимися до конца мѣсяца. Югаровъ говоритъ, что май на Новой Землѣ весьма мало отличается отъ зимнихъ мѣсяцевъ, не смотря на то, что въ маѣ полярное солнце уже довольно высоко поднимается надъ горизонтомъ. Въ началѣ іюня наступили теплыя и ясныя погоды, хотя и случались значительные холода, но они больше сутокъ не продолжались и всегда были въ зависимости отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Лѣто брало свое; снѣговой покровъ, окутававшій Новую Землю, началъ быстро исчезать, такъ что къ деся-

ломаны. Таковъ былъ видъ главнаго корпуса, гдѣ жили прошлую зиму поморы съ разбитаго судна Норкина. На мое обращеніе къ нимъ съ замѣчаніемъ, что такое содержаніе пріюта, гдѣ они сами нашли возможность спастись отъ смерти равносильно преступленію, поморы, въ присутствіи офицеровъ, отвѣтили мнѣ цѣлымъ рядомъ дерзостей, съ отказомъ заняться привести пріютъ хотя въ сколько-нибудь терпимый видъ. Съ вышеуказанныхъ судовъ Воронина («Баканъ» нашель ихъ три), я узналъ что Воронинъ предлагалъ имъ промыслить вмѣстѣ съ нимъ, общая за это долю улова и продовольствіе, но они предпочли жить въ пріютѣ, ничего недѣлая и продовольствоваться припасами самоѣдовъ, посылая послѣднихъ то и дѣло въ промыселъ для себя за оленьимъ мясомъ. Затѣмъ я осмотрѣлъ второй флигель: тотъ же рядъ разореній, что и въ первомъ и, кромѣ того, стѣна и потолокъ въ одномъ отдѣленіи разрушены, какъ говорятъ самоѣды, отъ взрыва запаса пороха, бывшаго у самоѣда, скрывшагося послѣ этого на восточную часть острова. Оставить пріютъ въ такомъ видѣ, какъ я его нашель, зная, что вскорѣ въ этихъ мѣстахъ начнутся тяжелыя климатическія условія, что къ осени могутъ прибыть промышленники, снова могутъ быть крушеніе судовъ и необходимость пользованія пріютомъ, я не нашель возможнымъ. Поэтому получивши отъ поморовъ Норкина полный отказъ, я рѣшился сдѣлать необходимое силами команды вѣреннаго мнѣ судна и съ помощью самоѣдовъ и печника, нанятаго летенантомъ Вилькицкимъ для его работъ. 22-го іюля къ вечеру эти исправленія были окончены: печи сложены, выведены трубы, исправлены борава, поставлены стекла въ рамы, выбѣлены и насколько возможно выкрашены комнаты, повѣшены двери, петли и запоры, которые были сдѣланы машинною командою, исправлены потолокъ и стѣна, разрушенные отъ взрыва; въ казармѣ, затѣмъ въ часовнѣ пріюта, не оказалось потолка крыши и дверей, все это исправлено также къ 23 іюля. Тутъ же въ Малыхъ Кармакулахъ мы встрѣтили норвежцевъ съ разбитаго судна; они жили въ сдѣланныхъ ими палаткахъ и не требовали никакой помощи отъ насъ, промыслиая все обходимое. По моему крайнему мнѣнію спасательный пріютъ въ Малыхъ Кармакулахъ есть одно изъ полезнѣйшихъ учрежденій Общества, находящагося подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго величества. Этотъ пріютъ есть важнѣйшій изъ всѣхъ пріютовъ архангельскихъ прибрежныхъ мѣстностей—возможность его новаго разрушенія въ высшей степени нежелательна. Но, оставаясь въ рукахъ самоѣдовъ и тѣмъ хуже лѣнливой и избалованной вольницы большинства нашихъ поморскихъ судовъ, онъ вскорѣ придетъ въ невозможное для жизни состояніе. Надзоръ надъ нимъ нужно ввѣрить болѣе надежнымъ лицамъ и, по моему мнѣнію, это можетъ быть достигнуто лишь съ помощью Соловецкаго монастыря, который, ежегодно мѣняя, можетъ содержать тамъ нѣсколько лицъ изъ своей братіи, которыя къ своему подвижничеству могутъ присоединить, такимъ образомъ, великое дѣло помощи погибающему люду въ этихъ дикихъ, лишенныхъ человѣческаго жилья, мѣстахъ. Послѣдняя мысль, хотя и не новая, тѣмъ не менѣе нельзя не пожелать скорѣйшаго ея осуществленія.

тому іюня снѣгъ оставался только на сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ склонахъ новоземельскихъ возвышенностей. Подъ вліяніемъ теплой погоды и благопріятныхъ вѣтровъ, льды, окружавшіе берега Новой Земли, начали все болѣе и болѣе рѣдѣть и можно было предвидѣть возможность скорого освобожденія Малокармакульской бухты отъ ледяныхъ оковъ и прибытія въ новоземельскія воды поморскихъ промысловыхъ судовъ. Въ первыхъ числахъ іюня, у самоѣдовъ окончились послѣдніе запасы муки и самоѣды и русскіе вынуждены были питаться лишь одною рыбою. Но вскорѣ явилась возможность разнообразить рыбную пищу. Съ исчезновеніемъ снѣга и съ прилетомъ на Новую Землю птицъ, Югаровъ и его спутники начали предпринимать путешествія въ птичьи базары и тамъ добывать гагарыи яйца. Первое же путешествіе доставило Югарову болѣе двухсотъ яицъ, которыми онъ охотно подѣлился съ самоѣдами. Съ наступленіемъ теплой погоды новоземельскіе обитатели начали ожидать прихода поморскихъ шхунъ и торопились обработкой продуктовъ своихъ зимнихъ промысловъ, назначенныхъ для обмѣна у поморовъ на водку, порохъ, свинецъ и проч. Югаровъ нѣсколько разъ отправлялся въ становище Большія Кармакулы, куда его приглашали самоѣды помогать въ снаряженіи для предстоящихъ лѣтнихъ промысловъ карбасовъ и снастей. Около половины іюня, задули сѣверные вѣтры, продолжавшіеся пять дней и наполнившіе льдомъ Малокармакульскую бухту. 20-го іюля, къ неописанной радости Югарова и его товарищей, на горизонтѣ показался парусъ и черезъ нѣсколько времени совершенно отчетливо обрисовались очертанія поморской промысловой шхуны, державшей курсъ прямо на Малыя Кармакулы. Съ берега Югаровъ съ досадой видѣлъ, что шкунѣ невозможно будетъ войти въ наполненную льдомъ бухту. И дѣйствительно, недоходя нѣсколькихъ миль до Малыхъ Кармакуль, шхуна, замѣтивъ ледъ, нѣсколько измѣнила курсъ и направилась къ сѣверу, вдоль берега Новой Земли. На слѣдующій день эта же шхуна снова появилась въ виду Малыхъ Кармакуль, но и на этотъ разъ ей не удалось войти въ бухту. Въ теченіе всего дня шхуна оставалось въ виду становища. Къ вечеру 21-го іюня, ледъ началъ отходить отъ береговъ и мало-по-малу освобождать бухту. Въ ночь на 22-е іюня погода значительно засвѣжѣла и къ утру бухта совершенно очистилась отъ льда. Югаровъ говоритъ, что 22-го день былъ такой теплый и ясный, какого еще до того не было. Около 10 часовъ утра шхуна была привѣтствуемая съ берега дружнымъ «ура» и ружейными выстрѣлами, вошла въ бухту и встала на якорь, вблизи становища. По словамъ Югарова, онъ самъ и его товарищи при видѣ пришедшаго судна отъ радости плакали. Не успѣла шхуна остановиться, какъ ее окружили на шлюпкахъ русскіе и самоѣды и тотчасъ же наполнили ея палубу. Шхуна оказалась принадлежащею извѣстному во всемъ поморьѣ промышлен-

нику Ѳедору Воронину, который самъ находился на ней. Воронинъ радушно встрѣтилъ несчастныхъ скитальцевъ и снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Въ дневникѣ Югаровъ пишетъ: «Взяли мы у него по 3 рубашки и по 1 парѣ подштанниковъ, фунтъ чаю, два фунта сахару, 10 фунтовъ пшена, 3 фунта масла, пудъ трески, пудъ муки и кусокъ мыла, за все это Ѳедоръ Ивановичъ съ насъ ничего не требовалъ и сказалъ, что для васъ несчастныхъ все будетъ, что только нужно». 24-го іюня, въ Малыя Кармакулы пришла еще одна поморская шкуна, принадлежащая промышленнику Норкину. Жизнь въ становищѣ закипѣла; самоѣды съѣхались со всего острова и началась обычная мѣновая торговля, сопровождаемая неизбѣжнымъ повальнымъ пьянствомъ. Начавшаяся бурная погода мѣшала поморамъ приступить къ бѣлужьему промыслу, для котораго они приходятъ въ новоземельныя воды.

Считаю не лишнимъ сказать отъ себя нѣсколько словъ о бѣлужьемъ и другихъ новоземельскихъ промыслахъ. Воды, омывающія берега Новой Земли, изобилуютъ различными породами рыбъ и морскихъ звѣрей. Но главное ихъ богатство составляютъ бѣлухи (многіе ошибочно принимаютъ морского звѣря бѣлуху за прѣсноводную рыбу бѣлугу), которыхъ, преимущественно, и промышленники суда, приходящія ежегодно къ берегамъ Новой Земли изъ Кемскаго, Онежскаго и Мезенскаго уѣздовъ Архангельской губерніи. Способъ истребленія бѣлухъ весьма простъ. Промышленники хорошо знаютъ излюбленныя бѣлухами новоземельскіе заливы и въ нихъ, обыкновенно, останавливаются съ своими судами. Бѣлухи приближаются къ берегамъ, большею частью, значительными стадами и движеніе ихъ еще издали обнаруживается серебристою полосой на поверхности воды. За приближеніемъ бѣлухъ промышленники слѣдятъ или съ судовыхъ мачтъ, или же съ возвышеннаго берега. Какъ только стадо замѣчено, промышленники тотчасъ же садятся въ шлюпки, на которыхъ уложены сѣти, багры и др. принадлежности и, соблюдая величайшую тишину, чтобы не испугать чуткихъ бѣлухъ, съ всевозможными предосторожностями, стараются зайти въ тылъ приближающемуся стаду. Когда это удастся, то сѣти быстро выбрасываются въ воду и растягиваются между шлюпками на огромное пространство, а шлюпки слѣдуютъ обойти стадо съ фланговъ. Окруженныя со всѣхъ сторонъ, бѣлухи мечутся изъ стороны въ сторону и, не находя нигдѣ выхода, массами погибаютъ подъ мѣткими ударами промышленниковъ. Алчные промышленники, окруживъ стадо, обыкновенно, перебиваютъ всѣхъ бѣлухъ сколько бы ихъ не было. Нерѣдко случается, что захватываютъ огромное стадо въ то время, когда промыселъ приходитъ къ концу и въ трюмахъ судна остается весьма мало мѣста для новаго груза. Но хищники объ этомъ не думаютъ и истребляютъ все стадо, изъ котораго пользуются, можетъ быть, десятою частью, остальныхъ же бѣлухъ оставляютъ на

сѣденье бѣлымъ медвѣдямъ и другимъ четвероногимъ обитателямъ Новой Земли. Каждая бѣлуха представляетъ собой довольно значительную цѣнность: кромѣ обильнаго количества жира, бѣлуха даетъ кожу, идущую на выдѣлку обуви, чемодановъ, ранцевъ и проч.; такъ что стоимость бѣлухи опредѣляется (смотря по величинѣ ея и цѣнѣ на жиръ) отъ 16 до 25 рублей. Въ послѣднее время бѣлужій промыселъ, какъ и многіе другіе сѣверные промыслы, сталъ приходиться въ упадокъ и съ каждымъ годомъ поморскія суда все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ посѣщаютъ новоземельскія воды. Причины этого явленія слѣдуетъ искать отнюдь не въ уменьшеніи бѣлужъ у Новой Земли, или въ уменьшеніи спроса на бѣлужій жиръ, а онѣ кроются, почти исключительно, въ недостаткѣ энергіи и предпримчивости въ нынѣшнемъ населеніи архангельскаго поморья и отчасти въ обѣдненіи этого населенія. Еще недавно было время, когда десятки поморскихъ судовъ, не только наполняли новоземельскія бухты, но не малое количество ихъ можно было встрѣтить и въ водахъ Шпицбергена. Теперь же у береговъ Новой Земли ежегодно бываетъ никакъ не больше 6—8 промысловыхъ судовъ изъ поморья. Промыслы у Шпицбергена окончательно оставлены русскими промышленниками, точно также, какъ заброшенъ ими и моржовый промыселъ въ Карскомъ морѣ, сдѣлавшійся достояніемъ норвежцевъ и нѣсколькихъ самоѣдовъ, зимующихъ на островѣ Вайгачѣ. Въ настоящее время архангельскіе поморы преимущественно занимаются или мѣновой торговлей съ Норвегіей, или промысломъ трески и палтусины въ водахъ Ледовитаго океана, омывающихъ Мурманскій берегъ. О промыслахъ гольца и нерпы достаточно говорится въ дневникѣ Югарова и эти промыслы не составляютъ главнаго занятія приходящихъ туда поморовъ, а если и производятся, то лишь въ свободные промежутки бѣлужьяго промысла. Съ уменьшеніемъ числа поморскихъ судовъ, приходящихъ въ новоземельскія воды, случаи ихъ добровольной зимовки на Новой Землѣ стали повторяться все рѣже и рѣже. Между тѣмъ зимовка на Новой Землѣ имѣетъ огромныя преимущества въ промысловомъ отношеніи. Поморскія суда, зимующія въ Бѣломъ морѣ, имѣютъ возможность выходить на промыслы только въ концѣ мая, или въ началѣ іюня, а не рѣдко и значительно позже, смотря по состоянію льдовъ въ Бѣломъ морѣ. Суда же норвежскихъ промышленниковъ зимуютъ въ никогда незамерзающихъ гаваняхъ Финмаркена и уже ранней весной спѣшаютъ въ новоземельскія воды и пользуются самымъ лучшимъ временемъ для бѣлужьяго промысла, которой оканчиваютъ къ приходу русскихъ судовъ. Въ прежніе годы многіе поморы, сбывъ продукты новоземельскихъ промысловъ на архангельской Маргаритенской ярмаркѣ (отъ 1-го сентября по 1-е октября), уже поздней осенью, снова спѣшили къ берегамъ Новой Земли, гдѣ и

оставались на зиму. Трудная зимовка съ лихвой вознаграждалась добычею отъ зимнихъ промысловъ. Къ началу навигаціи въ рукахъ промышленниковъ, кромѣ груза звѣринаго жира, оказывался значительный запасъ цѣнныхъ шкуръ, гагачьяго пуха и пр., стоимость котораго, если и не превышала, то, во всякомъ случаѣ, была не меньше стоимости звѣринаго жира. Теперь же добровольныхъ зимовокъ почти не бываетъ и зимними промыслами на Новой Землѣ никто не занимается, кромѣ 10—15 самоѣдовъ, о лѣтности которыхъ я говорилъ выше. Если бы петербургскіе предприниматели, вмѣсто устройства дорогостоящихъ китобойныхъ заводовъ на Мурманскомъ берегу, постарались бы организовать правильную эксплуатацію новоземельскихъ богатствъ, то послѣдняя, въ связи съ колонизаціей Новой Земли самоѣдами, дала бы результаты болѣе блестящія, чѣмъ какое-либо другое промышленное предприятие настоящаго времени.

Возвращаюсь къ разсказу Югарова. 29-го іюня, въ Малыя Кармакуны прибыло еще одно судно Якова Воронина, а 1-го іюля пришла шкуна Норкина и норвежская промысловая яхта. Такимъ образомъ, на рейдѣ становища собралось пять судовъ. Въ этотъ же день Воронины и Норкинъ начали промыселъ и къ вечеру добыли 26 бѣлухъ. Норвежская яхта направилась въ Карское море на моржовый промыселъ, но въ Маточкиномъ Шарѣ встрѣтила непроходимый ледъ и спустилась къ югу, надѣясь выйти въ Карское море или черезъ Карскія Ворота, или черезъ Югорскій Шаръ. Но и эти проливы оказались наполненными льдами и яхта вошла въ Малокармакульскую бухту, чтобы выждать болѣе благоприятное время, для слѣдованія къ восточнымъ берегамъ Новой Земли. 2-го іюля, начался сильный штормъ; норвежское и поморскія суда едва удерживались на якоряхъ и сообщеніе съ берегомъ было прекращено. Ночью пошелъ проливной дождь и наступилъ густой туманъ. Къ утру штормъ стихъ, но ливни и туманы продолжались до 5-го іюля и приостановили начавшійся промыселъ. Туманъ, по словамъ Югарова, былъ настолько густъ, что не только скрывалъ отъ глазъ рейдъ и стоявшія на немъ суда, но и въ самомъ становищѣ промышленники съ трудомъ могли различать предметы на разстояніи 2—3 шаговъ. 5-го іюля, дожди прекратились и туманъ разсѣялся. Нѣсколько поморскихъ судовъ, пользуясь ясною погодой, ушли изъ Малыхъ Кармакуль на промыслы въ другіе заливы Новой Земли. Рано утромъ 7-го іюля, въ становище прибѣжали, расположившіеся съ чумами на горѣ, самоѣды и сообщили обитателямъ становища для всѣхъ радостную вѣсть: на горизонтѣ, на западъ отъ Малыхъ Кармакуль, едва показался дымъ отъ парохода. Вся полярная колонія мигомъ высыпала на берегъ и десятки глазъ устремились въ океанскую даль, по указанному самоѣдами направленію. Дѣйствительно, надъ совершенно чистымъ горизонтомъ протянулась

сѣрая полоса, въ которой опытные морскіе глаза промышленниковъ тотчасъ же признали пароходный дымъ. Началось томительное ожиданіе. Черезъ нѣсколько времени надъ поверхностью океана началъ мало-по-малу выступать рангоуть замѣченного парохода и вскорѣ стало ясно, что пароходъ держитъ курсъ на Малыя Кармакулы. Вскорѣ наступившій туманъ скрылъ пароходъ отъ глазъ, наблюдавшихъ на берегу, русскихъ и самоѣдовъ и только въ одиннадцатомъ часу утра, когда туманъ пронесся, въ морѣ снова показался пароходъ, но уже нѣсколько сѣвернѣ Малыхъ Кармакулъ. Югарову и его спутникамъ снова пришлось разочароваться въ ожиданіяхъ, такъ какъ очертанія рангоута и корпуса, приближавшагося къ становищу, парохода, были совершенно не похожи на контуры срочныхъ пароходовъ архангельско-бѣломорскаго товарищества, одинъ изъ которыхъ, именно «Чижовъ», совершалъ въ то время рейсы на Новую Землю. Флага на приближавшемся пароходѣ пока еще нельзя было различить, а потому Югаровъ сначала принялъ его за русское военное судно. Когда же пароходъ вошелъ въ Малокармакульскую бухту, то промышленники съ грустью замѣтили развивающійся на немъ датскій флагъ. Пока пришедшій пароходъ выбиралъ въ бухтѣ наиболѣе удобное мѣсто для якорной стоянки, туманъ снова спустился надъ бухтой и становищемъ и непроницаемой пеленой окуталъ окрестности. Въ этотъ день датчане не сѣзжали на берегъ и пароходъ все время оставался подъ парами, вѣроятно, изъ опасенія быть застигнутымъ льдами. Самоѣды на казенной шлюпкѣ, не смотря на густой туманъ, ощупью пробрались къ пароходу, на которомъ такъ угостились, что только къ утру, когда пронесло туманъ, едва возвратились на берегъ. На какомъ языкѣ самоѣды объяснялись съ датчанами—неизвѣстно, но только остались очень довольны пріемомъ, оказаннымъ имъ на пароходѣ. Утромъ 9-го іюля, датчане сѣзжали съ парохода на берегъ на 3-хъ шлюпкахъ. Югаровъ говоритъ, что ихъ было около пятидесяти человекъ. Пріѣздъ такой массы иностранцевъ смутилъ русскихъ промышленниковъ и послѣдніе боялись, чтобы незваные гости «не сдѣлали имъ чего худого». Офицеры вошли въ зданіе спасательной станціи и черезъ переводчика разспрашивали русскихъ промышленниковъ о перенесенныхъ ими на Новой Землѣ лишеніяхъ. Все слышанное отъ Югарова и его товарищей датчане записывали. Переводчикомъ служилъ поморъ, знавшій датскій языкъ. 10-го іюля, датчане охотились въ окрестностяхъ Малыхъ Карманулъ, а на слѣдующій день сѣзжали на берегъ съ фотографическими аппаратами, снимали виды становища, бухты и самоѣдскихъ чумовъ. Затѣмъ просили самоѣдовъ запретить собакъ въ сани и ихъ фотографировали. 12-го іюля, датчане снова были на берегу и, какъ говоритъ Югаровъ, украли двѣ шкуры, но какія не упоминаетъ. Когда же русскіе промышленники пошли заявить о покражѣ ка-

питану парохода, то имъ было уплачено всего два рубля. Югаровъ пишетъ: «и просить больше не смѣли, потому что могутъ у насъ все обогнать и боимся мы ихъ...» Въ этомъ мѣстѣ дневникъ Югарова, кажется въ первый разъ, нѣсколько грѣшитъ противъ истины. Хотя Югаровъ и не указываетъ названія датскаго парохода, но, по многимъ даннымъ, я полагаю, что это былъ датскій пароходъ «Димфна», на которомъ находилась датская полярная экспедиція, подъ начальствомъ лейтенанта королевскаго флота А. Ховгорда, бывшаго въ то же время и командиромъ парохода ¹⁾). Команда «Димфны» состояла изъ отборныхъ нижнихъ чиновъ датскаго военнаго флота, на столько дисциплинированныхъ и матеріально обеспеченныхъ, что едва ли кто-либо изъ нихъ рѣшился бы воровать у промышленниковъ шкуры. Что же касается до отказа командира «Димфны» вознаградить поморовъ за украденныя шкуры, то и это мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, такъ какъ А. Ховгорда и остальныхъ членовъ экспедиціи я знаю лично, нѣкоторое время жилъ съ ними и убѣжденъ, что никто изъ нихъ никогда не отказалъ бы Югарову въ законномъ вознагражденіи, а тѣмъ болѣе А. Ховгордъ, отличавшійся своею щедростію и особыми симпатіями къ Россіи и русскимъ людямъ. Въ этомъ я убѣдился не только изъ собственныхъ наблюденій, но и изъ слышанныхъ мною отзывовъ отъ хабаровскихъ самоѣдовъ и пустозерскихъ промышленниковъ, бывшихъ въ Югорскомъ Шарѣ, когда «Димфна» проходила въ Карское море и останавливалась въ становищѣ Хабарово, чтобы высадить принятаго на южной оконечности Новой Земли промышленника Бабикова, которому А. Ховгордъ поручилъ доставить датскому консулу въ Архангельскѣ рапорты и письма. Такъ что въ этомъ мѣстѣ своего дневника Югаровъ, по всей вѣроятности, нѣсколько преуве-

¹⁾ Датская полярная экспедиція была снаряжена по инициативѣ А. Ховгорда а средства для ея осуществленія были даны частью правительствомъ, частью же копенгагенскимъ коммерсантомъ г. Каммелемъ. Цѣль экспедиціи—открытіе неизвѣстнаго еще материка, лежащаго противъ сѣверныхъ береговъ Сибири и въ существованіи котораго А. Ховгордъ убѣдился во время своихъ прежнихъ полярныхъ плаваній. При входѣ въ Карское море «Димфна» встрѣтила норвежскій пароходъ «Варну», на которой находилась голландская полярная экспедиція, отправлявшаяся на мысъ Челюскинъ. Вскорѣ оба парохода встрѣтили непроходимыя льды, которыми и были затерты въ самомъ незначительномъ другъ отъ друга разстояніи. Въ началѣ зимы напоромъ льда пароходъ «Варна» былъ сломанъ и пошелъ ко дну. Экипажъ «Варны» выстроилъ, изъ имѣвшагося на пароходѣ матеріала, домъ, въ которомъ и поселился до весны. Когда весной льды снова пришли въ движеніе, то голландцы перебрались на «Димфну», которая благодаря ея деревянному корпусу, уцѣлѣла подъ натискомъ ледяныхъ массъ. Командиръ «Димфны» до юлія мѣсяца содержалъ у себя голландцевъ, а затѣмъ невѣдя возможности выбраться изъ льдовъ, посоветовалъ голландцамъ отправиться, черезъ льды, къ острову Вайгачу, гдѣ они могли бы найти поселеніе, а самъ остался въ Карскомъ морѣ, откуда съ трудомъ вышелъ поздней осенью 1883 года.

личиваетъ страхъ испытанный имъ и его товарищами во время пребыванія датскаго парохода въ Малокармакульской бухтѣ. 13-го іюля, датскій пароходъ оставилъ бухту и вышелъ по направленію къ южной оконечности Новой Земли. Промыселъ бѣлужьихъ промысленниками, оставшимися въ Малыхъ Кармакунахъ, шелъ довольно успѣшно, но главною помѣхою не переставали служить густые туманы, навѣщавшіе заливъ Моллера. Съ половины іюля, Югаровъ со дня на день ожидалъ прибытія изъ Архангельска парохода, поэтому и не рѣшался отлучаться изъ становища на промыслы. Провизія, данная Воронинымъ промышленникамъ, была израсходована и Югаровъ вынужденъ былъ продать хозяйскія ружья, чтобы на вырученныя деньги прокормиться съ товарищами до прихода парохода, на которомъ они должны были отплыть съ Новой Земли домой. По поводу этой продажи Югаровъ пишетъ: «Мы осмѣлились продать хозяйскія ружья и зрительную трубу, а деньги издержали на платье и на харчи. Если хозяинъ и будетъ съ насъ взыскивать, то намъ и платить нечѣмъ; за цѣлый годъ жизни на Новой Землѣ мы пришли въ крайнее разореніе; пусть, что хотятъ, то съ нами и дѣлають». Послѣдніе дни пребыванія промышленниковъ въ Малыхъ Кармакулахъ снова едва не ознаменовались столкновеніемъ съ самоѣдами. Причиной недоразумѣній послужила казенная шлюпка. Самоѣдскій старшина вдругъ запретилъ Югарову пользоваться ею для промысловъ и для сообщенія съ поморскими судами. Благодаря вмѣшательству пришедшихъ поморовъ, недоразумѣніе было улажено и Югаровъ продолжалъ пользоваться шлюпкою наравнѣ съ самоѣдами. Другое недоразумѣніе вышло изъ-за писчей бумаги, которая хранилась у самоѣдскаго старшины. У Югарова не хватило бумаги для окончанія его дневника и онъ обратился къ старшинѣ съ просьбою дать ему нѣсколько листовъ. Старшина вообразилъ, что бумага Югарову нужна для жалобы, которую русскіе промышленники обѣщали подать архангельскому губернатору на новоземскихъ самоѣдовъ, и снова разразился бранью и угрозами, къ которымъ присоединились и остальные самоѣды. Опасаясь самоѣдовъ, промышленники переселились на поморскія суда, на которыхъ рѣшились оставаться до прибытія парохода. Всѣ эти придирки самоѣдскаго старшины Югаровъ объясняетъ вліяніемъ опьяненія, въ которомъ находились самоѣды со дня прибытія къ берегамъ Новой Земли перваго русскаго судна. Съ прибытіемъ поморовъ въ Малыя Кармакулы, все цѣнное, собранное самоѣдами въ теченіе зимы, мигомъ очутилось въ рукахъ прибывшихъ промышленниковъ, снабдившихъ самоѣдовъ самымъ ограниченнымъ количествомъ пороха, свинца, и пр., а главнымъ образомъ, разведенной водой, водкой и отвратительнымъ норвежскимъ ромомъ, которыми самоѣды упивались до безчувствія. Нѣкоторые болѣе запасливые самоѣды кое-что изъ продуктовъ зимнихъ промысловъ тща-

тельно берегли до прибытія парохода, зная что на немъ всегда находятся любители, платящіе за звѣринныя шкуры и гагачій пухъ вдсятеро дороже, нежели эксплуататоры-поморы, а слѣдовательно пока воздерживаясь отъ предлагаемыхъ поморами соблазновъ; съ приходомъ парохода они вознаграждаютъ свое воздержаніе все-таки водкою же, приобретаемою на томъ же пароходѣ. Но такихъ запасливыхъ самоѣдовъ весьма немного, большинство же пропивается еще до парохода, а съ прибытіемъ его выключиваетъ по рюмкѣ водки у пассажировъ и капитана. На другой день по переѣздѣ Югарова на поморскую шкуну, къ нему пріѣхалъ протрезвившійся старшина, привезъ ему бумагу и просилъ извиненія, опасаясь, вѣроятно, прибытія на пароходѣ кого-либо изъ начальства. Наконецъ, 23-го іюля, въ 4 часа утра, на горизонтѣ снова показался пароходъ. Ни у кого не оставалось сомнѣнія, что это былъ всѣми желанный «Чижовъ». На этотъ разъ ожиданія не обманули и около шести часовъ утра въ Малокармакульскую бухту вошелъ «Чижовъ», встрѣченный обычными ружейными салютами и криками ура, раздававшимися съ поморскихъ судовъ и съ берега и повторяемаго эхомъ въ окружающихъ бухту скалахъ. Тотчасъ къ пароходу начали приставать поморскія и самоѣдскія шлюпки. Югаровъ и его товарищи, вступивъ на палубу «Чижова» отъ радости плакали. Не теряя времени «Чижовъ» приступилъ къ выгрузкѣ на берегъ доставленныхъ самоѣдамъ отъ Общества спасанія на водахъ съѣстныхъ припасовъ, дровъ и проч. Съ этимъ рейсомъ на «Чижовѣ» прибыла полярная экспедиція подъ начальствомъ лейтенанта К. П. Андреева, снаряженная императорскимъ Географическимъ Обществомъ для производства метеорологическихъ, магнитныхъ и другихъ наблюдений на Новой Землѣ въ теченіе цѣлаго года, по программѣ, выработанной международнымъ метеорологическимъ конгрессомъ. Съ экспедиціей прибылъ обширный багажъ, масса строительнаго матеріала, для исправленія жилыхъ зданій спасательной станціи и сооруженія обсерваціонныхъ павильоновъ, корова, живые олени, большой запасъ прессованнаго сѣна и пр. Экспедиція состояла изъ двухъ морскихъ офицеровъ: лейтенанта Андреева, мичмана Володковскаго, врача Гриневецкаго и студента петербургскаго университета Кривошея. При экспедиціи состояло четыре матроса балтійскаго флота. Кроме того, на Новую Землю на пароходѣ прибыло нѣсколько человѣкъ плотниковъ и печниковъ, для производства исправленій станціи. Выгрузка задержала «Чижова» въ Малыхъ Кармакулахъ долѣе обыкновеннаго и это время казалось Югарову и его спутникамъ вѣчностью. Наконецъ, «Чижовъ» окончивъ выгрузку снялся съ якоря и вышелъ въ океанъ. Въ моментъ отплытія,—пишетъ Югаровъ,—мы не знали, что дѣлать и тихо плакали. Этимъ кончается дневникъ Югарова, проведеннаго на Новой Землѣ тринадцать мѣсяцевъ самой тяжелой, исполненной опасностей и ли-

шеній жизни. Въ заключеніе привожу разсказъ капитана шкуны Бѣлоусова «Ваза» Ахлымова, оставившаго на Новой Землѣ Югарова и двухъ его товарищей:

«Въ концѣ мая 1881 года я съ крестьянами Кемскаго уѣзда шуерѣцкой волости, Иваномъ Васильевымъ Мяхнинымъ, Моисеемъ Алексѣевымъ Коневаловымъ, Иваномъ Осиповымъ Мяхнинымъ; понгамской волости: Тимошеемъ Яковлевымъ Чудовымъ, Григорьемъ Леонтьевымъ Лишевымъ, кемскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Степановымъ Антоновымъ (онъ же Ивановъ и Югаровъ) и крестьянами Егоромъ Мяхнинымъ и Петромъ Костинымъ отправился на Новую Землю на шкунѣ «Ваза», принадлежащей кемскому мѣщанину Алексѣю Бѣлоусову. Вслѣдствіе продолжительныхъ противныхъ вѣтровъ и бурь, шкуна пребыла въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ около мѣсяца и только 27-го іюня подошла къ берегамъ Новой Земли. Тотчасъ же по прибытіи, начали промыселъ, сначала у устьевъ рѣки Нехватовой, а затѣмъ перешли въ становище «Круглое». Окончивъ здѣсь промыселъ, я рѣшился идти со шкуной въ устье рѣки Суханихи, но пройдя «Черный Мысъ» встрѣтилъ густой ледъ, пробиваться черезъ который не рѣшился и возвратился обратно къ устью рѣки Нехватовой. По совѣщаніи съ экипажемъ, было рѣшено отправить въ рѣку Суханиху на промыселъ гольца промышленниковъ Мяхнина, Антонова и Коневалова, а промышленниковъ Чудова и Егора Мяхнина отправить на тотъ же промыселъ въ противоположную сторону, верстъ за десять отъ стоянки шкуны. Обѣ партіи промышленниковъ отправились со шкуны 6-го августа въ 7 часовъ вечера. Мяхнинъ, Антоновъ и Коневаловъ, отправились на карбасъ, поднимающемъ болѣе 150 пудовъ груза и взяли провизіи мѣсяца на два. При отправленіи я ихъ предупреждалъ, чтобы они при первой же встрѣчѣ со льдами сейчасъ же возвратились бы обратно и вообще торопились бы окончить промыселъ въ рѣкѣ Суханихѣ. Самъ же со шкуной и тремя промышленниками остался въ рѣкѣ Нехватовой, намѣреваясь продолжать здѣсь промыселъ до 31-го августа, о чемъ также предупреждалъ уѣхавшихъ промышленниковъ. Около 20-го августа я уже началъ ожидать возвращенія съ промысловъ той или другой партіи, пока еще не безпокоясь за ихъ участь. 27-го августа, благополучно возвратились на шкуну промышленники Чудовъ и Егоръ Мяхнинъ. Наступило 31-е августа—крайній срокъ, назначенный для ожиданія въ рѣкѣ Нехватовой первой партіи, а ея еще не было, поэтому я заключилъ, что съ нею что-нибудь неблагополучно и на другой день, 1-го сентября, снялся съ якоря и отправился къ устью рѣки Суханихи. Но пройдя пять миль, встрѣтилъ ледъ, къ тому же пошелъ сильный снѣгъ, что вынудило меня возвратиться обратно въ рѣку Нехватову. На пути я встрѣтилъ два судна Норкина, уже окончившія промыселъ и шедшія въ Архан-

гельскъ. На второй день, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, снова вышелъ изъ рѣки Нехватовой. Не доходя до Бѣлыхъ Острововъ въ Костиномъ Шару наткнулся на огромное количество льда. Видя, что ледъ не особенно толстъ, я рѣшился пробиваться черезъ него на свободную воду. Болѣе пяти часовъ я провелъ во льду, но успѣха не имѣлъ и, опасаясь быть затертымъ льдомъ, во второй разъ возвратился въ рѣку Нехватову. Но и здѣсь стоянка уже не представлялась безопасной, такъ какъ льды начало все болѣе и болѣе прижимать къ берегу. Опасаясь остаться здѣсь на зиму, я съ трудомъ пробился сквозь ледъ и выйдя на свободную воду, сталъ на якорь подъ островомъ «Ярцевымъ». Съѣстные припасы на шкунѣ приходили къ концу, муки оставалось всего семь пудовъ, а мнѣ еще предстоялъ длинный переходъ черезъ Ледовитый океанъ и Бѣлое море, такъ что я рѣшился въ послѣдній разъ попытаться пройти къ рѣкѣ Суханихѣ и въ случаѣ неудачи идти прямо въ Архангельскъ, ибо дальнѣйшая задержка у береговъ Новой Земли грозила всѣмъ намъ голодною смертью. Послѣдняя попытка также, какъ и двѣ первыя, не только окончилась неудачею, но едва не повлекла за собой гибельныя для шкуны послѣдствія. Выйдя изъ-подъ острова «Ярцева» я вскорѣ встрѣтилъ массу, быстро идущаго навстрѣчу, льда, который повлекъ шкуну назадъ и почти вплотную прижалъ ее къ берегу острова. Начался штормъ и шкуну немилосердно терло льдами, угрожавшими ежеминутно ее раздавить. Наконецъ, 12-го сентября, задулъ вѣтеръ съ берега, ледъ разбило и отнесло отъ острова. Пользуясь этимъ, я успѣшилъ сняться съ якоря и зайти еще въ Малокармальскую бухту на спасательную станцію, гдѣ надѣялся найти людей моего экипажа. Но на огромномъ пространствѣ, не доходя до Малыхъ Кармакулъ, я встрѣтилъ густой ледъ, который окружилъ шкуну. Двое сутокъ я съ трудомъ выбивался изъ ледяныхъ массъ, при чемъ обломалъ лапу якоря, и только 17-го сентября былъ на чистой водѣ. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, я въ тотъ же день вышелъ въ обратный путь въ Бѣлое море. Вѣтры иногда благопріятствовали плаванію, какъ въ океанѣ, такъ и въ Бѣломъ морѣ, и 30-го сентября благополучно прибылъ въ Архангельскъ».

Приведенный рассказъ капитана шкуны «Ваза» Ахлымова вполне подтвердили и остальные, бывшіе на шкунѣ, промышленники.

М. Робушъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ПОДЪ ЧЕРНИГОВОМЪ.

I.

ОЛНЦЕ клонилось къ западу. Июльскій полдень смѣнился вечеромъ и тяжелый, удушливый зной началъ понемногу охлаждаться. Изъ окрестнаго лѣса, изъ сада, изъ камышеваго болота, пахло небольшою свѣжестью. Птицы вновь защебетали и закружились надъ болотомъ. Пчелы въ дѣдовой пасѣкѣ, заслышавъ разлившійся въ воздухъ аромат цвѣтовъ и зелени, сильнѣе загудѣли и энергичнѣе начали выходить изъ своихъ ульевъ.

Я стоялъ на дворѣ, возлѣ нашей хаты, поджидая дѣда, чтобы съ нимъ идти въ пасѣку. Дѣдъ, отдохнувъ послѣ обѣда и послѣ возни съ добываніемъ меда, добродушно выглядывалъ въ растворенное окно на противоположную сторону нашего хутора, гдѣ за небольшою рѣчкой разстилались зеленымъ ковромъ луга, упиравшіеся въ холмистую, поросшую лѣсомъ мѣстность, среди которой выдѣлялась бѣлыми домиками небольшая деревушка.

Дѣдовъ хуторъ, гдѣ мы жили, извѣстенъ былъ не только окрестнымъ жителямъ, но и на далекое пространство. Хуторъ занималъ не болѣе четырехъ десятинъ земли и расположенъ былъ на скатѣ холма; съ одной стороны, по откосу горы, онъ былъ окруженъ сосновымъ лѣсомъ; ниже, съ другой стороны—дубовой рощей; съ третьей—открывался изъ оконъ нашей хаты красивый видъ на долину, посреди которой серебрилась небольшая рѣка; съ

четвертой стороны хуторъ примыкалъ къ почтовой дорогѣ, ведущей въ городъ Черниговъ.

Небольшой малороссійскій домъ (хата) на дѣдовомъ хуторѣ расположенъ былъ окнами на долину, а крыльцомъ къ почтовой дорогѣ, находившейся въ пятидесяти саженьяхъ отъ дома. Отъ дома къ дорогѣ, между фруктовыми деревьями, шла узкая аллея только для проѣзда.

Это было въ 1849 или 1850 году, хорошенько не припомню. Сорокъ лѣтъ прошло — большой періодъ. У дѣтей десятилѣтняго возраста все сколько-нибудь замѣчательныя явленія отпечатлѣваются въ мозгу и хранятся въ видѣ поблекшихъ фотографій до конца жизни. Хронологія же дается только избраннымъ, къ которымъ я не принадлежу; скажу болѣе, я для науки былъ лѣнивъ. Въ десять лѣтъ я умѣлъ только читать, плохо писалъ и еще хуже зналъ четыре правила ариѳметики. Въ лѣтніе каникулярные мѣсяцы со мною занимался семинаристъ, сынъ священника ближайшаго села. Дѣдъ, хотя и былъ человѣкъ начитанный и свѣдущій для того времени, не хотѣлъ со мною заниматься самъ, боясь, какъ онъ говорилъ другимъ, чтобы со мною не поссориться.

Дѣдъ мой былъ морякъ, не офицеръ и не матросъ, а какъ онъ называлъ себя, вольный шкиперъ. Съ ранняго возраста онъ много плавалъ на корабляхъ, изучивъ хорошо берега морей; онъ былъ лоцманомъ сперва на частныхъ судахъ, а потомъ, когда его хорошо узнали, плавалъ и на казенныхъ. Говорилъ онъ на многихъ языкахъ, не только европейскихъ, но и азіатскихъ.

О происхожденіи своемъ дѣдъ никогда никому не говорилъ, о путешествіяхъ своихъ рассказывалъ охотно. Былъ онъ два раза въ кругосвѣтномъ плаваніи: одинъ разъ на англійскомъ кораблѣ, другой — на русскомъ. Былъ въ Китаѣ, Америкѣ, Египтѣ, три года прожилъ въ Константинополѣ и подъ старость, потерявъ зрѣніе на одинъ глазъ и сильно ослабѣвъ на другой, поселился въ Черниговской губерніи, приобрѣлъ себѣ въ собственность четыре десятины земли, гдѣ развелъ прекрасный садъ и пасѣку. Продажа меда и небольшой капитадецъ, скопленный долготѣтными трудами, составляли его средства къ жизни.

Жена дѣда умерла лѣтъ двадцать тому назадъ, оставивъ трехъ сыновей; изъ нихъ отецъ мой умеръ, когда мнѣ было шесть мѣсяцевъ, а жена его, мать моя, умерла черезъ годъ послѣ смерти отца. Другой сынъ дѣда, женатый, жилъ съ нами, продавалъ яблоки и груши изъ сада и много выручалъ отъ огорода; третій — служилъ въ экономіи сосѣдняго помѣщика ключникомъ.

Дѣдъ былъ благодушный и любящій старикъ. Ему было свыше семидесяти лѣтъ, но на видъ онъ выглядывалъ моложе. Бѣлые, какъ снѣгъ, курчавые и длинные волосы на головѣ его прядями свисали на могучія плечи; громадный ростомъ, довольно пол-

ный, онъ напоминалъ короля Лира. Дѣдъ любилъ меня страстно. Мы съ нимъ жили вдвоемъ въ чистой половинѣ дома, а дядя съ женою въ такъ называемой черной половинѣ, въ кухнѣ. Къ намъ часто заѣзжали и становой, и исправникъ, и даже посторонніе проѣзжающіе офицеры, выпить молока или съѣсть кусокъ душистаго меда.

Дѣдъ былъ очень гостепріименъ, ни съ кого ничего не бралъ за угощеніе.

II.

Ждали проѣзда императора Николая Павловича въ Черниговъ, и по этому случаю проходящую мимо нашего хутора почтовую дорогу поправляли сотни народа. Почтовые тройки то и дѣло сновали взадъ и впередъ, разѣзжали становые, исправники и совѣтники. Два раза даже проѣзжалъ самъ губернаторъ, кажется, Пачулидзевъ.

Стою я, какъ выше сказалъ, противъ окна хаты и вижу какъ дѣдъ, не зная чтò дѣлать, взялъ какой-то старый сапогъ и началъ чинить его. Надѣвъ огромные очки, онъ скосилъ свой немного видящій глазъ на приставляемую латку и погрузился въ размышленія, какъ бы это половчѣе сдѣлать. Очевидно, ему хотѣлось показать, что онъ на всѣ руки мастеръ.

— Дѣду,—крикнулъ я ему въ окно,—къ намъ два офицера идутъ.

— А пусть себѣ идутъ, Марися (жена сына) угоститъ ихъ молокомъ, а я медомъ.

По аллеѣ, ведущей къ нашей хатѣ, шли два офицера медленной походкой. Одинъ—высокій, стройный, лѣтъ пятидесяти, другой—немного сутуловатый и мѣшковатый.

— Здравствуй, старина!—сказалъ высокій офицеръ, переступивъ порогъ комнаты, въ которой сидѣлъ дѣдъ надъ старымъ сапогомъ.

— Желаю и вамъ здравствовать, ваше благородіе!—сказалъ дѣдъ, снимая очки и сунувъ сапогъ подъ диванчикъ.

— Что это у тебя, свѣжій медъ? Смотри, какая прелесть!—сказалъ высокій офицеръ, кивнувъ головою въ сторону стоявшему сзади другому офицеру.—Не угостишь ли насъ медомъ, старикъ?

— Радъ гостямъ и радъ буду, если покушаете медку. Мариська, дай чистые ножи и блюдечки!—крикнулъ дѣдъ въ другую хату.

На столѣ стояли въ большой крашеной деревянной чашкѣ вынутые утромъ дѣдомъ соты изъ ульевъ. Это былъ лучшій, такъ называемый, липовый медъ, съ превосходнымъ запахомъ.

Тетка принесла чистое полотенце, два блюдечка, двѣ чайныхъ ложки и два ножа, и все это положила на столъ, поклонившись офицерамъ.

Хотя жара уже начала спадать, но въ суконныхъ сюртукахъ имъ было жарко; они, потребовавъ холодной воды, начали кушать небольшими ломтиками медъ, запивая его водою.

— Вѣрно, осматриваете дорогу къ проѣзду государя?—спросилъ дѣдъ офицеровъ.

— Да,—сказалъ высокій офицеръ.

— Здѣсь много теперь проѣзжаетъ и чиновниковъ, и офицеровъ по этому случаю,—сказалъ дѣдъ.

— Да?.. И, вѣроятно, не особенно рады проѣзду этому, въ особенности бѣдный народъ, оторванный отъ работъ въ рабочую пору для исправленія дороги,—сказалъ, улыбаясь, высокій офицеръ.

— Э, господа офицеры, вамъ грѣхъ такъ говорить, кто же не радъ проѣзду царя? Колодники по тюрьмамъ и тѣ радуются; какъ же не радоваться намъ своему повелителю и держателю земли русской!

Высокій офицеръ, вѣроятно, желая подзадорить дѣда, сказалъ:— Да тебѣ-то, старикъ, что отъ того: проѣдетъ ли государь или не проѣдетъ; вѣдь, вѣроятно, и ты, и народъ здѣшній никогда не видывали и не знаете государя.

— А позвольте спросить,—сказалъ дѣдъ, раскраснѣвшій отъ словъ офицера,—вы русскіе или, можетъ быть, нѣмцы?

— Нѣтъ, мы русскіе.

— Какъ же это русскій человѣкъ и къ тому же русскій офицеръ говоритъ, что проѣздъ или не проѣздъ государя для народа— все равно; значить—кто царя не видалъ, у того и любви къ царю меньше или вовсе ея нѣтъ? Вѣдь мы и Бога не видимъ, а поклоняемся ему, молимъ Его и любимъ всею душою и всѣмъ сердцемъ. Царь небесный внимаетъ же мольбамъ нашимъ. Царь земной—нашъ государь; онъ послѣ Бога—второе наше поклоненіе. Онъ охраняетъ насъ, онъ заботится одинъ о всѣхъ, онъ только и крѣпокъ нашею любовью и нашею къ нему вѣрностью. Чѣмъ больше мы любимъ и будемъ любить царя, тѣмъ грознѣе и страшнѣе царь нашъ для враговъ нашихъ. Погаснетъ любовь наша къ царю—погаснемъ и мы, и все русское царство. Нѣтъ! не говорите этого, господа; русскій человѣкъ глубоко преданъ царю и горячо любить его.

— Ну, дѣдушка, спасибо тебѣ, что ты такъ горячо защищаешь нашего царя. Это послужить для насъ урокомъ. Если бы царь услышалъ тебя—навѣрно наградилъ бы.

— Вотъ то-то и горе, что у насъ привыкли всѣ къ наградамъ. Этакъ пришлось бы награждать дѣтей за то, что онѣ любятъ и почитаютъ родителей, родителей—за то, что любятъ дѣтей. А по моему, по старому, по глупому, когда я дѣлаю что хорошо, вотъ мнѣ и награда. Помолился я Богу—я чувствую, что мнѣ легче стало. Чту царя и поставленную имъ власть—душа моя спо-

койна. Помню, бывало, въ дѣтствѣ, когда батюшка въ церкви поманить рукою въ алтарь и дастъ держать свѣчу, съ какимъ благоговѣніемъ я выходилъ изъ алтаря и не пожелалъ бы никакой награды за то, чѣмъ наполнена была душа моя. А теперь... за все подавай награду, даже за любовь къ царю.

— А видѣлъ ли ты, дѣдушка, царя?

— Видалъ. Не только видалъ, но лѣтъ двадцать тому назадъ почти на рукахъ своихъ мы вынесли его съ фрегата «Императрица Марія», на которомъ онъ возвращался въ 1829 году изъ Варны. Командиромъ былъ бравый морякъ—капитанъ 1-го ранга Папохристо. Я сорокъ лѣтъ плавалъ на судахъ всѣхъ націй, но такого командира не встрѣчалъ. На морѣ была такая страшная буря, какія бываютъ только въ Индійскомъ океанѣ. Государь хотѣлъ идти въ Севастополь, а Папохристо заявилъ, что нужно свернуть на Одессу, такъ какъ фрегатъ можетъ дойти туда и спокойно, и благополучно. Держа курсъ на Севастополь, командиръ ни за что не отвѣчалъ. Когда государь, не смотря ни на что, приказалъ командиру идти на Севастополь, то Папохристо, изъ любви къ царю, рискнулъ подвергнуться его гнѣву, подалъ рапортъ о сложеніи съ себя званія командира, и все-таки не пошелъ въ Севастополь. Мы, вся команда, сорокъ часовъ безъ отдыха обдаваемые съ головы до ногъ водою, защищали фрегатъ всѣми силами—и, великъ Богъ земли русской, счастливо доставили царя въ Одессу; но, вступивъ въ гавань, по выходѣ государя на сушу, мы всѣ попадали, какъ мертвые, отъ сильнаго напряженія и усталости, и только черезъ двое сутокъ отдохнули и пришли въ себя.

— Ты, что же матросомъ служилъ?—спросилъ офицеръ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ дѣдъ,—я съ десяти лѣтъ болтался на корабляхъ, побывалъ во всѣхъ частяхъ свѣта. На частныхъ судахъ я былъ подшкиперомъ и шкиперомъ на малыхъ судахъ, а потомъ, ознакомившись хорошо съ берегами морей, нанимался на суда лоцманомъ, за что получалъ хорошія деньги.

— А ну, старина, вооружись очками и посмотри на меня!

Дѣдъ встрепенулся, полагая видѣть въ говорившемъ одного изъ участниковъ плаванія на фрегатѣ «Императрица Марія», судорожно схватилъ очки и, надѣвъ ихъ, скосилъ глазъ на близко стоявшаго къ нему высокаго офицера.

Я стоялъ на дворѣ, вблизи раствореннаго окна, и смотрѣлъ на всю эту сцену въ какомъ-то безсознательномъ состояніи. Меня очаровала фигура высокаго офицера: въ немъ было столько величавой мощи и не объяснимой граціи, что въ одно и то же время мною овладѣвала и боязнь, и неотразимое къ нему влеченіе. Вдругъ, вижу въ окно, какъ руки дѣда сильно затряслись, лицо его поблѣло, и онъ какъ снопомъ упалъ головою къ ногамъ высокаго офицера.

— Ваше императорское величество! простите старика за глупыя рѣчи и за то, что, по слѣпотѣ своей, не узналъ своего государя.

Императоръ Николай Павловичъ (это былъ онъ) нагнулся, поднялъ дѣда съ земли и поцѣловалъ его.

— Знаешь ли, ты старина, что я давно уже не испытывалъ такихъ пріятныхъ минутъ, какія испыталъ здѣсь, въ твоёмъ домѣ. Еслибы половина моихъ подданныхъ была похожа на тебя, я считалъ бы себя счастливейшимъ человѣкомъ.

Дѣдъ стоялъ предъ царемъ съ поникшей головою; волосы его еще болѣе растрепались, по щекамъ текли слезы; онъ искалъ руками руку государя, чтобы поцѣловать ее.

Государь милостиво протянулъ ему руку и вновь поцѣловалъ дѣда въ голову.

Такой трогательной картины никогда потомъ, въ теченіе сорока лѣтъ, не приходилось мнѣ видѣть. Если бы я былъ художникомъ, то и теперь, послѣ сорока лѣтъ, могъ бы воспроизвести всѣ оттѣнки красоты и царственного величія императора, передъ которымъ трепетала тогда Европа, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его глазахъ и выраженіи лица, было столько доброты и сердечности, столько человѣчности и простоты въ обращеніи его, что, казалось, не только всю свою жизнь, но и душу готовъ былъ бы отдать ему. Царь представлялся мнѣ, десятилѣтнему мальчику, чѣмъ-то неземнымъ, весь въ золотѣ, окруженный сіяніемъ, съ большимъ мечомъ въ рукахъ, сидящимъ на золотомъ тронѣ среди блестящихъ вельможъ и отдающимъ только одни приказанія. И вдругъ я вижу царя—высокаго, красиваго, стройнаго, хотя уже довольно пожилаго офицера, вижу какъ онъ поднимаетъ дѣда, вижу что у него самого, какъ будто, слезы на глазахъ. Въ головѣ моей все до того смѣшалось, что я, просто, остолбенѣлъ.

— Ну, а теперь скажи, старина, чѣмъ я могу тебя утѣшить? ты принялъ насъ съ открытой душой и угостилъ медомъ; ты высказалъ мнѣ сердечныя свои чувства о государѣ, не подозрѣвая, что стоишь предъ нимъ, дай же и намъ возможность сдѣлать что-нибудь для тебя.

— Ваше императорское величество!—сказалъ дѣдъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, клянусь вамъ, что я ни въ чемъ не нуждаюсь. Есть у меня тысячки двѣ денегъ и этотъ хуторъ. Мы всѣ, т. е. я и семья моя, благодареніе Господу, ни въ чемъ не чувствуемъ недостатка, и даже помогаемъ другимъ. Если же, ваше величество, желаете осчастливить меня—подарите мнѣ свой портретъ, я поставлю его здѣсь, у себя, и умру спокойно.

— Хорошо, портретъ я тебѣ пришлю, — сказалъ государь, — а остальное, что я для тебя сдѣлаю, не откажись принять. Не примешь—ты рѣзко меня обидишь, слышишь, старина?

— Ваше величество!—экипажъ готовъ, сказалъ какой-то офицеръ съ эксельбантами, переступивъ порогъ нашей хаты.

— Ну, прощай, старина,—сказалъ государь,—спасибо за медь и за сладкія слова.

Прибывшій офицеръ отправился впередъ. Государь еще разъ далъ поцѣловать дѣду руку, и вышелъ изъ нашего дома, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его генераломъ; послѣдній, какъ оказалось потомъ, былъ графъ Адлербергъ.

— Помнишь, сказалъ государь,—обращаясь къ Адлербергу,—изреченіе: «многое,—въ немногихъ словахъ». Да, это не то, что мнѣ говорятъ тамъ,—государь указалъ на сѣверъ,—это сама искренность...

Далѣе я уже не могъ разслышать словъ государя. Послѣ мы узнали, что государь, не желая, чтобы экипажи его свиты обдавали его сзади пылью, такъ какъ вѣтеръ дулъ въ спину, приказалъ на предпоследней станціи экипажамъ свиты выѣхать позднѣе его часомъ, а самъ отправился въ коляскѣ вмѣстѣ съ Адлербергомъ на слѣдующую станцію. Спускаясь вблизи хутора нашего съ горы на мостъ (государь ѣздилъ чрезвычайно шибко), въ экипажѣ его лопнула рессора. Государь приказалъ кучеру и казаку подождать возлѣ моста свитскихъ экипажей, а самъ съ Адлербергомъ направился пѣшкомъ къ нашему хутору. Вотъ это обстоятельство и послужило встрѣчей дѣда съ государемъ.

III.

Черезъ мѣсяць, когда дѣда не было дома, какой-то чиновникъ привезъ ему портретъ государя въ дорогой рамѣ; кромѣ портрета, чиновникъ оставилъ дѣду прекрасную шубу и пятьдесятъ полуимперіаловъ.

По возвращеніи, дѣдъ ужасно жалѣлъ, что доставка подарковъ случилась въ его отсутствіи. Пригласивъ сейчасъ же священника, онъ отслужилъ молебень за здравіе царя и повѣсилъ портретъ государя возлѣ образовъ на стѣнѣ.

Черезъ годъ послѣ этого, дѣдъ скоропостижно умеръ. Дядя забралъ все его имущество, началъ тяготиться мною; хотя мнѣ и безъ того было горько жить на свѣтѣ, а тутъ еще часто приходилось выслушивать ежедневные упреки въ дармоѣдствѣ.

Кончилось тѣмъ, что я, имѣя отъ дѣда мелочи пять рублей, ушелъ въ Черниговъ, взявъ метрическое свидѣтельство для поступленія въ какое-нибудь училище.

Въ Черниговѣ случайно я попалъ въ гимназію.

— Можно видѣть начальника?—спросилъ я сторожа.

— Какого начальника, директора?

— Ну, да, директора.

— На что онъ тебѣ?

— Хочу учиться.

— Ишь ты, ученый, выискался!—сказалъ сторожъ, презрительно осматривая меня. Но такъ какъ самъ, видимо, не могъ рѣшить этого вопроса, то добавилъ: — Подожди здѣсь, въ корридорѣ, онъ сейчасъ пройдетъ.

Это было въ началѣ августа, когда открывался приемъ учащихся.

Черезъ полчаса я увидѣлъ выходящаго изъ одной двери худого, высокаго господина въ виць-мундирѣ, въ синихъ очкахъ. Сторожъ кивнулъ мнѣ головой; я догадался, что это директоръ и подошелъ къ нему.

— Чтѣ тебѣ нужно?—спросилъ директоръ.

— Хочу поступить въ ваше училище.

— Это не училище, а гимназія. Ты кто же такой?

Я объяснилъ директору, что я круглый сирота, и не имѣю ни какихъ средствъ къ жизни, кромѣ пяти рублей.

— Ну, съ пятью рублями далеко не уйдешь. Что же ты учишься чему-нибудь?—спросилъ директоръ.

— Читаю хорошо, пишу некрасиво, но говорятъ правильно,— отвѣчалъ я,—знаю четыре правила простыхъ и именованныхъ чиселъ по ариѳметикѣ и читаю полатыни. Меня училъ семинаристъ.

Директоръ остановилъ проходившихъ по корридору нѣсколькихъ учителей и началъ рассказывать имъ о моей просьбѣ.

— Что-жъ, пусть учится; если выдержитъ экзаменъ, квартиру ему здѣсь можно отвести, возлѣ библиотеки на деревянной скамьѣ, форму сложимся и купимъ ему,—отвѣчали учителя.

— Ну, а я буду давать ему два рубля въ мѣсяцъ на содержаніе,—сказалъ директоръ.

Это былъ добрѣйшій человекъ Яннуарій Михайловичъ Невѣровъ, впоследствии попечитель кавказскаго учебнаго округа, а нынѣ членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ, поступилъ я въ гимназію, но пользовался субсидіей не долго; Яннуарій Михайловичъ назначенъ былъ попечителемъ на Кавказъ, а новый директоръ уже не хотѣлъ покровительствовать мнѣ.

И. Федоровъ.

ФЕЛЬЕТОННЫЙ БЕЛЛЕТРИСТЪ.

(По поводу полного собранія сочиненій И. И. Панаева).

В ИМЕНЕМЪ И. И. Панаева связывается воспоминаніе о нѣкогда знаменитомъ и вліятельномъ журналѣ «Современникъ», редакторомъ-издателемъ котораго былъ Панаевъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ съ 1847 по 1862 г., т. е. въ теченіе 15-ти самыхъ цвѣтущихъ лѣтъ существованія этого журнала. Современная читающая публика знаетъ Панаева также, какъ автора очень любопытныхъ «Литературныхъ воспоминаній» и «Воспоминаній о Бѣлинскомъ». Но многимъ ли,—кромѣ записныхъ любителей литературы, специалистовъ и стариковъ-современниковъ Панаева, — извѣстно, что послѣдній въ теченіе почти тридцати лѣтъ (съ 1834 по 1862 г.) подвизался въ роли беллетриста, оставивъ потомкамъ пять объемистыхъ томовъ разныхъ очерковъ, повѣстей и романовъ? Беллетристическія работы Панаева были прочитаны въ свое время, вѣроятно, не безъ удовольствія и не безъ интереса, какъ произведенія во всякомъ случаѣ талантливаго, подчасъ остроумнаго и легкаго пера, и вскорѣ были забыты, какъ забываются многія легкія работы посредственныхъ романистовъ. У каждой эпохи есть свое «легкое чтеніе» и свои легкіе романисты, которые вмѣстѣ съ своими читателями (а иногда и раньше ихъ, еще заживо) сходятъ въ могилу. Такимъ легкимъ романистомъ былъ Панаевъ для сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Всѣ вообще легкіе романисты могутъ быть названы фельетонными беллетристами, ибо они бы-

вають не художниками слова, не творцами, а просто наблюдательными, подчасъ остроумными, рассказчиками съ художественнымъ пошибомъ. Фельетонные беллетристы (ихъ особенно много расплодилось въ наше время, обильное посредственностями во всѣхъ родахъ литературы) не создаютъ типовъ: это имъ не подѣ силу; за то они старательно копируютъ природу, отдѣльные характеры и пишутъ картинки съ натуры. Часто они разыгрываютъ только варіаціи на темы, изобрѣтенныя творцами - художниками, если вздумаютъ создать нѣчто художественное; еще чаще, пытаясь создать типъ, они берутъ уродливую крайность и пишутъ, не замѣчая этого, карикатуру. Въ дѣйствующихъ лицахъ ихъ произведеній по большей части узнають господина А, Б или В, которые почему-либо любопытны и характерны, узнають портреты этихъ господъ А, Б или В, и никто изъ этихъ господъ все-таки не дѣлается именемъ нарицательнымъ, въ родѣ Ноздрева, Хлестакова, Плюшкина, Кречинскаго, Рудина, Обломова и др. Вотъ что мы понимаемъ подѣ именемъ «фельетоннаго беллетриста». Въ понятіи «фельетонный беллетристъ» есть, конечно, какъ и во всякомъ другомъ понятіи, по законамъ логики, кромѣ содержанія и свой объемъ, т. е. кромѣ совокупности извѣстныхъ характерныхъ признаковъ (содержаніе) и вся совокупность предметовъ, принадлежащихъ къ данному виду или роду (объемъ). Какъ звѣзда отъ звѣзды, такъ и одинъ фельетонный беллетристъ отъ другого разнятся въ славу. Сравненіе нынѣшнихъ подобныхъ писателей съ прежними, напр., съ Панаевымъ, далеко не говорить въ пользу первыхъ. Нынѣшніе и безцвѣтнѣе, и водянистѣе, и безсодержательнѣе, и вообще бездарнѣе. Нѣкоторые произведенія, нѣкоторые отдѣльные очерки и портреты Панаева, до сихъ поръ не утратили своей цѣнности и, пожалуй, даже жизненности, что, конечно, свидѣтельствуетъ о присутствіи художественности въ литературномъ дарованіи «Новаго поэта» (таковъ былъ псевдонимъ Панаева въ «Современникѣ»). Поэтому, мы причисляемъ Панаева къ выдающимся въ своемъ родѣ писателямъ, къ первостепеннымъ представителямъ фельетонной беллетристики въ русской литературѣ. Конечно, значеніе Панаева, какъ редактора-издателя «Современника», счумѣвшаго привлечь къ участию въ этомъ журналѣ всѣ лучшія литературныя силы, счумѣвшаго создать журналъ, которому до сихъ поръ не было и нѣтъ подобнаго по вліянію на русское общество, гораздо важнѣе, чѣмъ его значеніе, какъ беллетриста. Но и беллетристическая дѣятельность Панаева является во всякомъ случаѣ интересной и назидательной, не бесплодной и не лишенной значенія, ибо нѣкоторые изъ повѣстей, помимо автобіографіи самого писателя, даютъ любопытный и характерный матеріалъ для сужденія и оцѣнки общественной и литературной жизни 40-хъ и 50-хъ годовъ. Воспользовавшись выходомъ въ свѣтъ полного собранія со-

чиненій Панаева, изданнымъ въ 6-ти томахъ книгопродавцемъ Н. Г. Мартыновымъ, мы считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ о литературной дѣятельности незаслуженно забытаго русскимъ обществомъ писателя.

Quod licet Jovi, non licet bovi (или въ вольномъ русскомъ переводѣ: знай сверчокъ свой шестокъ). Если важно имѣть полныя собранія сочиненій литературныхъ корифеевъ, то совсѣмъ не интересно перечитывать тотъ балластъ, который по необходимости наполняетъ собранія сочиненій писателей второстепенныхъ и третьестепенныхъ. Публика, зѣвая, пересматриваетъ балластъ въ полномъ собраніи сочиненій даже большихъ талантовъ, а вѣдь этотъ балластъ зачастую бываетъ интереснѣе самыхъ лучшихъ произведеній талантовъ средней руки. Какое же удовольствіе читать балластъ фельетонныхъ беллетристовъ? Вообще, по отношенію къ второстепеннымъ писателямъ прошлаго времени должно быть разъ навсегда установлено: вновь издавать только ихъ лучшія вещи, сохранившія литературное и жизненное значеніе. Иначе, случайно попавшійся томъ можетъ отвратить обыкновеннаго, современнаго читателя отъ дальнѣйшаго чтенія. Конечно, издатель долженъ въ руководящей статьѣ мотивировать свой выборъ и въ случаѣ своей некомпетентности обратиться къ специалистамъ. При такомъ порядкѣ изданіе имѣло бы несомнѣнную историко-литературную цѣнность и было бы интересно для публики. Къ сожалѣнію, такъ не поступаютъ и, къ сожалѣнію, поэтому-то полныя собранія второстепенныхъ писателей камнемъ ложатся на издателей и трудно перевариваются публикой.

Все сказанное цѣликомъ относится къ Панаеву. Добрую половину изъ его вновь изданныхъ произведеній можно было бы оставить подъ спудомъ, составивъ только три тома, дѣйствительно интересные и характеризующихъ Панаева, какъ фельетоннаго беллетриста. Смѣло можно было бы не издавать вновь всего написаннаго имъ до 1844 года, т. е. первыхъ двухъ томовъ, упомянувъ только въ общей характеристикѣ, что, молъ, Панаевъ до этого времени писалъ то-то и то-то въ такомъ-то и такомъ-то духѣ. Въ произведеніяхъ этого десятилѣтія (съ 1834 по 1844 годъ) дарованіе Панаева только вырабатывалось; періодъ зрѣлости для него наступилъ только съ 1845 года. Слѣдовало бы также значительно порѣзать и пятый, необычайно пухлый и водянистый томъ, около 800 страницъ, заключающій въ себѣ двѣ части «Очерковъ изъ петербургской жизни» вмѣстѣ съ «Стихотвореніями и пародіями». Изъ всѣхъ 45 очерковъ слѣдовало бы оставить не болѣе 12-ти или 15-ти, а изъ пародій 5—6 наиболѣе остроумныхъ и удачныхъ¹⁾.

¹⁾ Такъ изъ очерковъ слѣдовало бы взять: 1) Шпицъ—балъ за городомъ,

Первое десятилѣтіе литературной дѣятельности Панаева, которое мы назвали періодомъ выработки его таланта, распадается въ свою очередь на два пятилѣтія: въ первое изъ нихъ Панаевъ былъ подражателемъ Марлинскаго, во второмъ, въ его произведеніяхъ

2) Дама изъ петербургскаго полусвѣта, 3) Камелія, 4) Петербургскіе праздношатающіеся, 5) Петербургскіе ростовщики, 6) Галерная гавань, 7) Петербургскій Монте-Кристо, 8) Шарлота Ѳеодоровна, 9) Замѣтки на долгихъ, 10) Слабый очеркъ сильной особы, 11) Максимъ Ивановичъ Ѳаворскій и его дневникъ, 12) Благонамѣреннѣйшій господинъ, 13) Что такое нравственность? 14) На яву и во снѣ, 15) Сомнительныя существованія; или вмѣсто означеннаго 13-го на выборъ изъ 2-хъ слѣдующихъ—1) Одно изъ неизбѣжныхъ лицъ Невскаго проспекта,— 2) Русскій джентльменъ-оптимистъ. А изъ пародій слѣдовало бы взять для образца IX, XI, XV, XX, XXXI, XXXV и XXXIX. Особенно хороши пародіи XX и XXXIX. Мы позволимъ себѣ привести ихъ обѣ цѣликомъ.

XX.

«Онъ блѣденъ былъ. Она была блѣдна.
 «Они сидѣли молча. Передъ нею
 «Стоялъ стаканъ съ водою. А онъ
 «Покачивалъ печально головою.
 «Она рукой коснулась лица
 «И съ странною какою-то улыбкой
 «Вдругъ что-то прошептала.
 «Онъ вздрогнулъ и на нее украдкой
 «Значительный, глубокой бросилъ взглядъ...
 «А на дворѣ привязанная къ цѣпи
 «Собака выла. Небо было сѣро
 «И мелкій дождь накрапывалъ давно...

XXXIX.

«Они молчали оба. Грустно, грустно
 «Она смотрѣла. Взоръ ея глубокой
 «Вылъ полонъ думы. Онъ моргалъ бровями
 «И что-то говорить хотѣлъ, казалось;
 «Она же покачала головой
 «И палецъ наложила въ знакъ молчанья
 «На сянія, трепещущія губы...
 «Потомъ пошли домой все также молча,
 «И было въ ихъ молчанья больше муки
 «И страшнаго значенья, чѣмъ въ рыданьяхъ,
 «Съ которыми бросаемъ гореть земли
 «На гробъ того, кто былъ намъ дорогъ въ жизни,
 «Кто насъ любилъ, быть можетъ! У воротъ
 «Они кухарку встрѣтили...
 «И долго изумленными глазами
 «Она на нихъ смотрѣла, но ни слова
 «Они ей не сказали. Да! ни слова...
 «И молча продолжали путь... и скрылись.

начинаетъ мало-по-малу сказываться поворотъ на путь реалистическаго творчества. Около 1852 года его талантъ въ «Лхвахъ въ провинціи» достигаетъ полной зрѣлости, въ 1856 году Панаевъ пишетъ своихъ «Хлыщей», а затѣмъ размѣнивается на очерки, въ которыхъ то возвращается къ старымъ уже лицамъ, полнѣе ихъ дорисовывая, то просто разыгрываетъ варіаціи на старыя темы, немилосердно повторяя самого себя. Не задолго до смерти (1862 г.) Панаевъ пишетъ свои воспоминанія, которыми заканчиваетъ свою литературную дѣятельность.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Панаевъ откровенно сознается (т. VI, стр. 117), что дѣтски увлекался на первыхъ порахъ Кукольникомъ, рабски преклонялся предъ нимъ и боготворилъ своего «кумира Марлинскаго», этого необузданнаго и неистоваго романтика. Панаевъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ говоритъ, что Бѣлинскій много способствовалъ его отрезвленію отъ слѣпотаго увлеченія нашими доморощенными романтиками, при помощи которыхъ «народились длинныя и скучнѣйшія драмы съ художниками, холодныя внутри, какъ ледъ, но съ клокочущими на поверхности страстями, огромныхъ размѣровъ картины съ эффектнымъ освѣщеніями». Далѣе Панаевъ прибавляетъ, что «любимыми темами не только для драмъ, но и для повѣстей сдѣлались артисты», что «Кукольникъ въ своихъ пяти-актовыхъ драмахъ, Полевой въ своихъ многотомныхъ романахъ представляли различныхъ артистовъ и художниковъ въ апоѳеозѣ» (стр. 150 и 151). Этой же участи подвергся на первыхъ порахъ своей дѣятельности и самъ авторъ воспоминаній, пиша до 1840 года только о художникахъ и поэтахъ, про художниковъ и поэтовъ, въ напыщенно-романическихъ, ходульно-французскихъ повѣстяхъ.

Въ первой своей повѣсти—«Спальня свѣтской женщины»—Панаевъ изобразилъ юношу-поэта, имя котораго «зажигалось звѣздой надежды на безпривѣтномъ горизонтѣ русской литературы». Этотъ юноша, надъ головой котораго раскидывалась «наука широкимъ и вѣтвистымъ деревомъ», поклонникъ Шиллера, заимствовавшій изъ нѣмецкой философіи «лаконическій напоръ идей», съ сердцемъ въ видѣ «порохового ящика». Этотъ поразительный юноша влюбляется и, Боже, какъ влюбляется! Онъ влюбляется въ половинѣ марта, когда «весеннее солнце 183* года рѣзко вонзало лучи свои въ тонкія и грязныя льдины Невы»; въ душѣ его кипитъ цѣлая буря, страшная буря любви, сердце юноши «растопилось». Увидѣвъ ее только разъ, сей юноша уже почувствовалъ «неотразимую необходимость... топить свои взоры въ ея бирюзовыхъ очахъ». И вотъ, не смотря на то, что «между ними была страшная бездна, брошенная безжалостно людскимъ тщеславіемъ, эгоизмомъ и прихотью», не смотря на то, что она—княжна, они при помощи нѣкоего графа Вѣрскаго знакомятся.

Она—20-ти-лѣтняя женщина «вполнѣ развернувшая блистательность красоты своей», съ бирюзовыми очами, подернутыми поволокою, съ темно-каштановыми прядями шелковистыхъ волосъ.

Она, молодая княгиня,—«законодательница модъ», всегда окруженная «неотразимой толпой обажателей»; «ея взглядъ—жизнь, ея желаніе—законъ, ея вниманіе—рай». Ея разговоръ «сверкалъ позолотой ума и былъ распысканъ обаятельнымъ ароматомъ гостиныхъ». Сердца ихъ воспламенились, ихъ проникалъ «сладостный трепеть» они блаженствовали и въ одинъ прекрасный день, наконецъ, объяснились—«уста ихъ слились!»

«Это мгновеніе, говоритъ Панаевъ, надобно было вычеркнуть изъ книга ихъ жизни. Въ это мгновеніе они не существовали!

— Я люблю тебя, Викторъ! Жизнь и ты, ты и жизнь!—шептала она, замирая.

— Я не перенесу моего счастья!—задыхаясь, говорилъ Громскій».

И, дѣйствительно, поэтъ съ сердцемъ въ видѣ порохового ящика не перенесъ своего счастья, ибо порохъ такъ легко воспламеняется, а княгиня была дамой огненной—и вотъ она подожгла этотъ пороховой ящикъ. Онъ узнаетъ объ одной прежней любви своего идеала, любви къ графу, который разъ утромъ приходитъ къ ней въ спальню (поэтъ, находившійся въ это время тамъ же, прячется за зеркало), заводитъ съ своей прежней страстишкой довольно нескромный разговоръ, поэтъ все это слышитъ и застрѣливается, но не смертельно. Выздоровѣвъ, онъ уѣхалъ неизвѣстно куда изъ Петербурга, а княгиня, о, княгиня! начала влачить печальную жизнь, сдѣлавшуюся для нея «несносимою цѣпью, тяжкими веригами, страшною карою Провидѣнія, передъ которымъ лежала грѣшница во прахѣ съ кровавыми слезами раскаянія». Къ ней возвратился изъ отъѣзда мужъ.

Вторая повѣсть—«Она будетъ счастлива»—хотя и написана не столь уже раздражительнымъ и напыщеннымъ языкомъ, хотя и не такъ ходульна, какъ первая, но все-таки полна мелодраматическихъ, вымученныхъ эффектовъ и состряпана по шаблонному рецепту романтиковъ. Здѣсь герой если не артистъ, то глубоко-артистическая натура, а героиня поразительная свѣтская красавица. Опять повторяется воспламененіе сердець, опять признанія въ родѣ выше приведенныхъ. Героя страсть обвиваетъ «могучими кольцами, будто змѣя», а героиня любитъ скрытно (она замужемъ за нелюбимымъ человѣкомъ), она «блѣдная, помертвѣлая» внимаетъ его рѣчамъ, ибо долгъ повиновенія мужу для нея законъ. Она сохнетъ и чахнетъ, а онъ тоскуетъ и хандритъ, она, наконецъ, отъ любви умираетъ, а онъ у ея гроба рыдаетъ и... начинаетъ понимать, что «смерть можетъ быть высшею наградою, истиннымъ счастьемъ!»

Этихъ двухъ примѣровъ, я думаю, будетъ вполнѣ достаточно, чтобы понять каковы были романтико-литературныя упражненія

Панаева въ первое пятилѣтіе его дѣятельности. Всѣ остальные пять повѣстей («Сегодня и Завтра», «Кошелекъ», «Какъ добры люди!», «Дочь чиновнаго человѣка» и «Бѣлая горячка») написаны въ такомъ же мелодраматическомъ духѣ. Главныя дѣйствующія лица въ нихъ или графы и князья съ графинями и княгинями, въ которыхъ безумно влюбляются молодые, восторженные художники, или молодые люди съ артистической душой, которые бѣснуются въ припадкахъ нераздѣленной и безнадежной любви къ какой-нибудь упоительной красавицѣ-княжнѣ, женихомъ которой состоитъ столь же упоительный графъ-кавалергардъ, или бѣдные художники, въ которыхъ влюбляются дѣвицы высокопоставленныхъ чиновныхъ родителей, или, наконецъ, сумасшедшіе художники, бредящіе своими умершими возлюбленными, галлюцинирующіе ими, умирающіе отъ страстной любви къ мертвымъ. Люди съ просто артистической душой сторожатъ съ кинжаломъ въ рукахъ за угломъ своихъ соперниковъ-графовъ, дерутся съ ними на дуэляхъ, убиваютъ ихъ, а невѣсты-княжны сходятъ съ ума и умираютъ въ чахоткѣ. Восторженные художники отвергаютъ любовь дочерей высокочиновныхъ родителей, дочери—дѣвицы идеальныхъ наклонностей—умираютъ въ чахоткѣ, художники влюбляются въ княженъ и... тоже умираютъ, застрѣливаясь отъ безнадежной любви, а княжны преспокойно выходятъ замужъ за милліонеровъ и пр. и пр. Словомъ, убійства, самоубійства, смерти отъ чахотки, сумасшествія, и всякія иныя несообразности. Кому изъ нынѣшнихъ читателей интересно снова прочитывать всю эту романтическую гиль, всю эту мелодраматическую стряпню, всѣ эти раздирательныя, отжившія quasi-художественныя произведенія? Можетъ быть, бабушки нынѣшняго поколѣнія зачитывались и захлебывались этими повѣстями, ибо это было въ духѣ времени, кумиромъ котораго былъ Марлинскій съ цѣлой арміей романтиковъ; но нынѣшній читатель не дочитаетъ до конца ни одной повѣсти въ этомъ родѣ. Зачѣмъ же ихъ было снова издавать? Пусть бы онѣ мирно покоились на пожелтѣвшихъ страницахъ журналовъ 30-хъ годовъ до самаго страшнаго суда, пока бы не полетѣли со всѣмъ остальнымъ міромъ въ тартарары и не сгорѣли бы въ гееннѣ огненной!

Изображая въ повѣстяхъ около 40-го года все еще стрѣляющихся художниковъ и равнодушныхъ къ нимъ красавицъ-княженъ, Панаевъ однако уже трактуетъ романтическіе сюжеты на совершенно реалистической ладѣ. Кругъ наблюденій писателя, повидимому, увеличился, картонные злодѣи и бездушныя кокетки-куклы превратились въ живыхъ людей съ плотью и кровью, дѣйствующихъ лицъ больше и у всѣхъ изъ нихъ есть индивидуальность, эффектовъ меньше, напыщенныхъ фразъ тоже, но все-таки еще осталась нѣкоторая романтическая закваска, хотя, конечно, сказывающаяся только въ выборѣ сюжета и въ его трагико-мелодраматическомъ

трактованіи. Вскорѣ Панаеву удастся освободиться окончательно отъ стѣснительныхъ романтическихъ путъ и начать работать въ направленіи, проложенномъ въ русской литературѣ Пушкинымъ и Гоголемъ. Панаевъ примыкаетъ къ реальной школѣ и на этомъ пути работаетъ съ несомнѣнной плодотворностью для своего поколѣнія, а пожалуй отчасти и для потомковъ, ибо нѣкоторыя произведенія послѣднихъ годовъ его дѣятельности сохраняютъ свое жизненное значеніе до сихъ поръ. Правда, переходъ отъ романтизма къ реализму совершился довольно круто, но важно то, что во второмъ томѣ романтизмъ уже осмѣивается (хотя «храмъ оставленный все храмъ, кумиръ поверженный—все богъ»: романтическая закваска осталась въ Панаевѣ на всю жизнь). Восторгаясь и упиваясь раньше «большимъ свѣтомъ», Панаевъ теперь презрительно отварачивается отъ него, изрѣдка, впрочемъ, рисуя и его, но съ самой отрицательной, неприглядной стороны. Панаевъ обращается къ изображенію быта чиновничьяго, помѣщичьяго и мелко-литературнаго, въ которомъ кишитъ всякая литературная тля, букашки, «козявки, мушки и таракашки» и прочія паразитныя насѣкомыя въ человѣчьемъ образѣ. Раньше Панаевъ тщательнo выискивалъ героевъ, натуръ исключительныхъ, душъ возвышенныхъ и идеальныхъ, размалевывая ихъ ярко-цвѣтными красками и показывая при бенгальскомъ освѣщеніи, теперь онъ впадаетъ въ противоположную крайность, стараясь изображать (подчасъ придумывая) только маленькихъ и пошленькихъ человѣчковъ, которые съ честью могутъ носить развѣ одни зоологическія названія въ родѣ «онагра» (дикій осель, отъ котораго происходитъ осель домашній), «актеона» (гадкое, жесткокрылое насѣкомое, водящееся въ коровьемъ навозѣ), «тли» и т. п. Раньше, стремясь произвести эффектъ или, какъ говорилъ про доморощенныхъ романтиковъ-писателей одинъ критикъ тридцатыхъ годовъ (Аристархъ Надоумко, онъ же Надеждинъ), «подрать морозъ по кожѣ, взбить дыбомъ волоса на закружившейся головѣ, однимъ словомъ—бросить и тѣло, и душу въ лихорадку», Панаевъ долженъ былъ быть по необходимости кратокъ, ибо въ противномъ случаѣ рисковалъ уморить читателей слишкомъ продолжительной лихорадкой. Теперь же онъ въ порывѣ увлеченія реализмомъ, какъ талантъ весьма посредственный, расплывается въ мельчайшихъ подробностяхъ описанія, дѣлаясь столь же томительно-скучнымъ и трудно-переваримымъ отъ излишествъ реализма, какъ раньше отъ излишествъ романтизма. Намѣчая иной разъ удачную тему, какъ напримѣръ, въ разсказѣ «Прекрасный человѣкъ» (этотъ разсказъ вообще лучшій изъ всего второго тома, хотя и написанъ въ 1840 году), недостаточно отдѣлываетъ главное лицо, недостаточно вырисовываетъ его, вводитъ ненужныя подробности, относясь къ дѣлу слишкомъ фельетонно, не мотивируя какъ слѣдуетъ перерожденія героя повѣсти изъ тихаго, послушнаго, бла-

гонравнаго мальчика въ холоднаго, безсердечнаго эгоиста, вполнѣ комильфотнаго, быстро дѣлающаго хорошую карьеру, «прекраснаго» человѣка. Это, дѣйствительно, очень характерная личность, которая можетъ возвыситься до типа при талантливой обрисовкѣ. На эту тему можетъ быть написанъ блестящій психологическій этюдъ, но, къ сожалѣнію, у Панаева при совершенно внѣшней наблюдательности получился легкій фельетонный очеркъ.

Все, что до сихъ поръ можетъ заслуживать вниманія и перечитываться не безъ интереса, написано Панаевымъ въ періодъ времени отъ 1845 до 1858 года (мы не говоримъ про его воспоминанія, хотя и написанныя позже) и составляетъ третій и четвертый томы полнаго собранія сочиненій. Совѣтуемъ читателямъ приниматься сразу за чтеніе 3-го тома, минуя два первыхъ и опускаая пожалуй даже водянистый и объемистый пятый томъ, ибо въ немъ Панаевъ очень сильно повторяется, рисуя по большей части все тѣ же «образы безъ лицъ» изъ среды золотой молодежи, рассказывая объ ея похожденияхъ, объ ея интрижкахъ съ дамами полусвѣта и съ дамами сомнительной репутаціи. Разказовъ, посвященныхъ быту чиновничьему немного (всего 3—4), а удавшихся изъ нихъ и того меньше (таковы: 1) «Слабый очеркъ сильной особы» и 2) «Максимъ Ивановичъ Фаворскій»). Мы не говоримъ о стихотвореніяхъ и пародіяхъ, которыя могутъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ развѣ того, что посредственный прозаикъ бываетъ еще болѣе посредственнымъ стихотворцемъ. Всякому, не рожденному поэтомъ, не слѣдуетъ писать стиховъ — старая истина, которая всегда останется новой. Такимъ образомъ все важное и цѣнное для характеристики Панаева, какъ фельетоннаго беллетриста, сосредоточено въ 3-мъ и 4-мъ томахъ. На отбѣнкѣ помѣщенныхъ въ нихъ произведеній мы теперь и остановимся, сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на основаніи ихъ детальную характеристику литературной фізіономіи Панаева.

Произведенія зрѣлаго періода Панаевской писательской дѣятельности появлялись въ такомъ хронологическомъ порядкѣ. Въ 1845 г. написана повѣсть въ двухъ частяхъ «Маменькинъ сыночекъ»; пропуская 46 годъ, когда появились весьма слабыя дорожныя воспоминанія «Парижскія увеселенія», обратимъ вниманіе на 47 годъ, въ теченіе котораго написаны: повѣсть «Родственники» и разказъ «Встрѣча на станціи»; затѣмъ, послѣ перерыва въ четыре года, посвященныхъ редакторскимъ трудамъ во вновь возродившемся «Современникѣ», Панаевъ въ 1852 году пишетъ свою лучшую вещь — единственный, большой романъ «Львы въ провинціи», въ 1856 году «Хлыщей» трехъ сортовъ — великовѣтскихъ, провинціального и хлыща высшей школы и, наконецъ, въ 1858 году повѣсть изъ петербургскихъ воспоминаній «Внукъ русскаго милліонера».

Иванъ Ивановичъ Панаевъ.

Хотя французы и говорятъ, что «comparaison n'est pas raison», однако такъ или иначе сравненіемъ познаются предметы. Да простить мнѣ великая тѣнь И. С. Тургенева, если я скажу, что Панаевъ по своей манерѣ писанія ближе всего подходитъ къ идеалу Тургеневскаго романиста. Тургеневская манера писанія напоминаетъ манеру живописи,—манеру очень трудную, ибо для нея нуженъ большой талантъ. Умѣть выбрать изъ намѣченнаго сюжета самые яркіе и характерные моменты, умѣть схватить самую суть изображаемыхъ лицъ и немногими штрихами обрисовать цѣлый индивидуальный душевный міръ и складъ, не вдаваясь въ тонкости психологическаго анализа, умѣть, наконецъ, найти типическое соотвѣтствіе между лицомъ и создаваемой имъ обстановкой—всѣ эти качества, необходимыя для живописца, въ высшей мѣрѣ были присущи Тургеневу, который поэтому явилъ собой образецъ талантливейшаго писателя-живописца. Къ этой же категоріи долженъ быть отнесенъ и Панаевъ по своей манерѣ писанія, конечно, съ той оговоркой, что Панаевъ всѣми качествами писателя-живописца былъ надѣленъ въ малыхъ дозахъ. Но, кромѣ этого, у послѣдняго есть и другія точки соприкосновенія съ Тургеневымъ. Мы говоримъ о женскихъ характерахъ въ произведеніяхъ Панаева. Всѣ его героини напоминаютъ героинь Тургеневскихъ, родоначальницей которыхъ является Пушкинская Татьяна. Кромѣ сходства въ главныхъ женскихъ персонажахъ замѣчается сходство и въ другихъ характерахъ, играющихъ подчасъ непослѣднюю роль,—характерахъ мужскихъ и женскихъ. Проглядываетъ у Панаева и живое чувство природы, которымъ Тургеневъ былъ надѣленъ, какъ немногіе европейскіе, знаменитые художники. Далѣе замѣчается сходство и въ художественныхъ темпераментахъ: Тургеневскую кротость, женственную мягкость, тонкую гуманность, здоровый юморъ и остроуміе, мы находимъ и у Панаева; конечно, Тургеневскій темпераментъ не исчерпывается помянутыми качествами, въ немъ есть другія, у Тургенева есть цѣлое опредѣленное міровоззрѣніе, чего нѣтъ у Панаева,—Тургеневъ глубже, сложнѣе и разностороннѣе послѣдняго. Но все это, конечно, не мѣшаетъ Панаеву, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походить на Тургенева.

Любимой тургеневскою темой было доказывать превосходство русской женщины надъ всякими россійскими «грызунами, гамлетиками, самоѣдами», пустыми фразерами и разслабленными «лишними людьми». У Панаева замѣчается тоже пристрастіе къ этой темѣ, съ тою, однако, разницею, что онъ доказываетъ превосходство русской женщины, воспитанной то въ помѣщичьихъ, то въ иныхъ (чиновничьихъ и купеческихъ, но никогда великосвѣтскихъ) семьяхъ, надъ разными помѣщичьими маменькиными сынками, купеческими внуками русскихъ милліонеровъ, надъ разнаго сорта хлы-

щами и великосвѣтскими львами и одинъ разъ даже (совершенно въ тургеневскомъ духѣ) надъ 23-лѣтнимъ Гамлетикомъ.

Въ повѣсти «Маменькинъ сынокъ», въ которой, нужно замѣтить, отлично выдержаны и мотивированы характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и которая могла бы считаться весьма хорошей вещью, еслибы ее не портила излишняя болтливость, водянистость и растянутость, избалованный, взбалмошный и безхарактерный Арк. Ив. (маменькинъ сынокъ) женится по минутной фантазіи на простой наивной и бѣдной дѣвушкѣ, дочери бѣдной вдовы-помѣщицы. Замужество безъ любви, въ сосѣдствѣ съ самодуромъ и развратникомъ мужемъ, бывшимъ кутилой-гусаромъ, волокитой и мотомъ, въ сосѣдствѣ съ самодурной, капризной и заносчивой свекровью, ненавидящей свою незнатную невѣстку, обращается для Глаши (имя героини) въ цѣпь невыносимыхъ страданій, которыя сводятъ ее въ могилу. Ея свѣтлый, чистый, страдальческій образъ рѣзко вырисовывается на мрачномъ фонѣ окружающей обстановки. Въ повѣсти «Родственники» опять читателя привлекаетъ личность героини, дѣвушки съ глубокой натурой, впечатлительной и энергичной, передъ которой отступаетъ посрамленнымъ влюбчивый Гамлетикъ 23-хъ лѣтъ (замѣчательно, что Панаевъ предупредилъ Тургенева въ своихъ «Родственникахъ» изображеніемъ російскаго Гамлетика). Въ «Львахъ въ провинціи»... но прежде чѣмъ говорить о героинѣ этого романа, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу всего романа. Это несомнѣнно лучшее произведеніе Панаева: въ немъ налицо всѣ достоинства фельетоннаго беллетриста; но въ этомъ же романѣ сказываются особенно ярко и всѣ недостатки беллетриста фельетоннаго пошиба. Второстепенные персонажи романа, которымъ приходится мало дѣйствовать, которыхъ видно простымъ глазомъ всякому наблюдательному человѣку и натура которыхъ очень мелка и несложна, удались Панаеву, хотя въ обрисовкѣ нѣкоторыхъ лицъ онъ шаржируетъ, повторяетъ Гоголя (давая не совсѣмъ удачный вариантъ Хлестакова въ образѣ старика-помѣщика), повторяетъ самого себя, выводя на сцену двухъ провинціальныхъ маньяковъ-поэтовъ. Но герой и героиня, какъ характеры покрупнѣе всѣхъ окружающихъ, фальшивы, на нихъ у Панаева не хватило психологическаго таланта. Это особенно сказалось въ героинѣ, которую авторъ хотѣлъ изобразить натурой глубокой, страстной, энергичной, дѣвушкой умной и все-таки достаточно развитой, глубоко любящей свою мать, а изобразилъ какую-то полусумасшедшую, которая навязывается въ любовницы скучающему дэнди, свѣтскому льву. Характеръ графа, льва и дэнди, тоже не особенно удаченъ, ибо какъ-то блѣденъ и не додѣланъ, мало чѣмъ отличающъ отъ обыкновенныхъ пшютовъ и копуришниковъ. А львы и дэнди должны стоять цѣлой головой выше ихъ. Не смотря на этотъ коренной недоста-

токъ романа, все-таки въ немъ много талантливо-обрисованныхъ второстепенныхъ лицъ, особенно изъ среды золотой молодежи и дамъ полусвѣта, много эффектныхъ и поистинѣ драматическихъ сценъ, на ряду со сценами очень живыми и полными неподдѣльнаго юмора. Дѣйствіе развивается сжато, быстро и рѣшительно; все скомпано вано опытной, искусной рукой. Не создавъ въ этомъ романѣ чего-нибудь новаго и оригинальнаго, Панаевъ нарисовалъ нѣсколько свѣжихъ и удачныхъ вариантовъ на старыя темы. Особенно симпатично лицо одного холостяка, захудалаго помѣщика, Захара Лаврентьевича, простяка и добряка, страстнаго рыболова и человѣка съ горячимъ самоотверженнымъ, любящимъ сердцемъ. Въ этомъ же романѣ подчасъ попадаются очень тонкія, поэтическія описанія природы.

Въ очеркѣ «Хлыщъ высшей школы», мы встрѣчаемся съ отраднымъ и свѣтлымъ типомъ дѣвушки изъ высокочиновой среды, которая противъ родительской воли выходитъ замужъ за доктора, весьма симпатичнаго человѣка. Ея братецъ, высокопробный хлыщъ, пропитанный безсердечнымъ эгоизмомъ, тщеславіемъ, фанфаронствомъ и карьеризмомъ, отрекается отъ нея, между тѣмъ какъ она, потерявъ мужа, бѣднѣетъ, заболѣваетъ, впадаетъ въ нищету—и только на смертномъ одрѣ рѣшается напомнить о своемъ безысходномъ положеніи богачу-брату. Послѣдній подаетъ ей милостыню чрезъ своего секретаря. Вообще, очерки подъ заглавіемъ «Хлыщи» до сихъ поръ не утратили своей жизненности, эта кличка и эти характеры, созданные Панаевымъ, живутъ до сихъ поръ и, вѣроятно, никогда не переведутся, ибо для ихъ развитія «большой свѣтъ» и теперь представляетъ благоприятную почву. Можетъ быть, этотъ типъ теперь нѣсколько измелчалъ и опошллся, потому что мы живемъ вообще въ маленькое время маленькихъ людей, но сущность его осталась та же. Несомнѣнно также до сихъ поръ не утраченное значеніе повѣсти «Внукъ русскаго милліонера», въ которой безумный прожигатель жизни, сначала наслѣдникъ, а затѣмъ обладатель милліоновъ, спускаетъ ихъ въ самое непродолжительное время, проходя всѣ степени безпутства, вгоняя въ гробъ свою жену (рѣдкую дѣвушку, натуру и красавицу идеальную, тоже милліонершу), — и, наконецъ, заливаетъ свое горе въ грязныхъ харчевняхъ. Эта повѣсть, не столь выдержанная во всѣхъ деталяхъ какъ, напримѣръ, «Хлыщи», привлекаетъ симпатичностью героини и обращаетъ на себя вниманіе законченностью въ отдѣлкѣ характера промотавшагося купчика.

Нашу бѣглую характеристику литературной дѣятельности Панаева мы и закончимъ отрывкомъ изъ послѣдней повѣсти,—заключительнымъ отрывкомъ описательнаго характера, чтобы познакомить читателя съ манерой Панаевскихъ описаній природы и чтобы показать его чуткость въ пониманіи ея красотъ. Талантливость этого от-

рывка будетъ лишнимъ доказательствомъ въ пользу высказаннаго нами мнѣнія о томъ, что Панаевъ во всякомъ случаѣ среди фельетонныхъ беллетристовъ занимаетъ выдающееся мѣсто, что онъ обладалъ художнической впечатлительностью, наблюдательностью и нѣкоторой способностью творчества, что онъ, наконецъ, сумѣлъ написать такія произведенія, которыя до сихъ поръ не утратили своего художественнаго и жизненнаго значенія. Вотъ этотъ описательный конецъ повѣсти «Внукъ русскаго милліонера»:

«Я подходилъ къ морю... Широкая и чудная картина развертывалась передо мною... На безконечномъ водяномъ пространствѣ не было замѣтно ни малѣйшей зыби. Море не дышало. Оно было гладко, какъ стекло, отражая на своей поверхности вечернее зарево ярко-розовыми и блѣдно-палевыми полосами, которыя, удаляясь отъ заката, блѣднѣли, принимая опаловый цвѣтъ... На этой бѣловатой поверхности рѣзко чернѣлись двѣ недвижныя рыбацкія лодки и въ нихъ также два недвижныя человѣческихъ силуэта. Далѣе къ востоку море исчезало въ синеватой мглѣ. Ни одинъ листокъ не шевелился на прибрежныхъ деревьяхъ, ни малѣйшаго звука и движенія не было слышно въ воздухѣ. Я подошелъ къ самой окраинѣ моря и долго стоялъ, смотря на эту картину и боясь пошевелиться, чтобы не нарушить торжественнаго спокойствія, въ которое погружена была въ эту минуту природа... Я начиналъ дышать легче, вдыхая въ себя морскую свѣжесть вмѣстѣ съ запахомъ только-что скошенной травы; я чувствовалъ, какъ постепенно гасли всѣ мои мысли, замирали всѣ вопросы внутри меня и блѣднѣли всѣ образы, вызванные моимъ воображеніемъ... Эта тишина природы съ каждой минутой все болѣе и болѣе сообщалась мнѣ и охватывала всего меня... Я ужъ ничего не могъ думать, голова моя была какъ въ туманѣ, я не могъ оторвать глазъ отъ моря и начиналъ ощущать какое-то безсознательное, но безконечное наслажденіе»...

С. Трубачевъ.

ИСТОРИЯ СООРУЖЕНІЯ ПАМЯТНИКА ЛОМОНОСОВУ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ.

ДИВЕННЫЙ въ Россіи памятникъ Ломоносову воздвигнуть на его родинѣ и украшаетъ собою площадь въ городѣ Архангельскѣ, названною Ломоносовскою. Площадь эта раздѣляетъ главную городскую улицу—Троицкій проспектъ—на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга части: южную съ русскимъ населеніемъ и сѣверную—съ нѣмецкимъ, издавно именуемую Нѣмецкою слободкою. Ломоносовская площадь окружена лучшими зданіями въ городѣ: губернской домъ, присутственныя мѣста, городская дума, полицейское управленіе, мужская и женская гимназии—эти каменные зданія, которыхъ вообще такъ мало въ Архангельскѣ, какъ бы нарочно сгруппировались вмѣстѣ, чтобы образовать изъ себя приличную рамку для главнаго и почетнаго украшенія города—памятника Михаилу Васильевичу Ломоносову.

Первая мысль о сооруженіи памятника Ломоносову на его родинѣ, т. е. въ Архангельской губерніи, явилась въ 1825 году у архангельскаго и холмогорскаго епископа Неофита, который, не смотря на кратковременность управленія своею сѣвѣрною епархіею, оставилъ въ ней глубокіе по себѣ слѣды. Происходя изъ причетническихъ дѣтей, уроженецъ Московской губерніи, Неофитъ, въ мѣрѣ Докучаевъ, по окончаніи курса наукъ въ Сергіево-Лаврской семинаріи, 28 лѣтъ постригся въ монашество и уже спустя всего четыре года былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а 39-ти лѣтъ, въ 1821 году, наименованъ архангельскимъ и холмогорскимъ епископомъ. Не касаясь его весьма обширныхъ реформъ въ этой епархіи, укажемъ лишь на громадную услугу православію, ока-

занную имъ составленіемъ проекта обращенія въ христіанство самоѣдовъ Архангельской губерніи; проектъ этотъ былъ одобренъ синодомъ и приведенъ съ полнымъ успѣхомъ въ исполненіе. Неофитъ отличался замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и за свои проповѣди былъ прозванъ мѣстными современниками златоустомъ сѣвера.

Въ головѣ этого сравнительно молодого епископа созрѣла мысль воздвигнуть на сѣверѣ самому замѣчательному человѣку сѣвера памятникъ, который свидѣтельствовалъ бы потомству о заслугахъ Ломоносова, оказанныхъ русскому просвѣщенію, и съ другой стороны напоминалъ бы сѣверянамъ о томъ, что трудъ и стремленіе къ образованію всегда выведутъ человѣка на истинную дорогу и будутъ почтены не только современниками, но и благодарнымъ потомствомъ. Задавшись этой мыслью, преосвященный принялся за хлопоты.

Прежде всего онъ обратился къ бывшему въ то время архангельскимъ генераль-губернаторомъ и главнымъ командиромъ порта адмиралу Степану Ивановичу Меницкову и въ лицѣ его встрѣтилъ полное сочувствіе и поддержку своей идеѣ. Энергично принявшись за дѣло, они въ нѣсколько дней собрали по предварительной подпискѣ среди своихъ знакомыхъ слишкомъ двѣ тысячи рублей пожертвованій, положивъ такимъ образомъ начало капиталу, необходимому для сооруженія памятника. Но зная, что предпріятіе это потребуетъ несравненно большихъ расходовъ, Неофитъ подаль Меницкову мысль объ открытіи подписки повсемѣстно въ Россіи. Для этого было необходимо Высочайшее разрѣшеніе, почему генераль-губернаторъ и ходатайствовалъ предъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковымъ о представленіи этого вопроса на благоусмотрѣніе императора Александра I. Ходатайство свое онъ мотивировалъ тѣмъ, что жители города Архангельска, сохраняя уваженіе къ памяти единоплеменца ихъ покойнаго статскаго совѣтника Ломоносова, изъявили желаніе воздвигнуть приличный памятникъ сему незабвенному въ лѣтописяхъ отечественной словесности мужу, въ виду чего можно быть увѣрену, что мужи просвѣщенія и любители отечественнаго слова примутъ участіе въ желаніи нашемъ почтить память Ломоносова. Высочайшее соизволеніе на это ходатайство послѣдовало въ мартѣ 1825 года. Одновременно съ этимъ разрѣшеніемъ, Императорская Академія Наукъ опредѣлила назначить изъ собственныхъ ея суммъ на издержки по сооруженію памятника своему академику тысячу рублей.

Но инициатору этого дѣла—епископу Неофиту не удалось увидѣть свою идею воплощенною: въ іюнѣ того же 1825 года онъ, послѣ кратковременной болѣзни, скончался...

Между тѣмъ, пока собирались деньги по подпискѣ со всей Россіи, было приступлено къ составленію проекта памятника Ломо-

носову, которое принялъ на себя, по предложенію А. С. Шишкова, ректоръ Академіи Художествъ, статскій совѣтникъ Иванъ Петровичъ Мартосъ, извѣстный такими художественными и капитальными произведеніями, какъ памятники Минину и Пожарскому въ Москвѣ, герцогу Ришелье въ Одессѣ; кромѣ того, этимъ скульпторомъ-профессоромъ изваяны многія статуи, находящіяся во дворцѣ и дворцовомъ паркѣ въ Павловскѣ, и монументъ императору Павлу въ Аракчеевскомъ Грѣзинѣ.

Мартосъ составилъ проектъ слѣдующаго содержанія, которое передаемъ его собственными словами:

«Идею для составленія моего монумента подала мнѣ мысль, почитаемая лучшимъ твореніемъ Ломоносова, ода одиннадцатая: «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія». Ломоносовъ представленъ мною на сѣверномъ полушаріи для означенія, что онъ есть сѣверный поэтъ. На полушаріи награвировано имя Холмогоръ, мѣста его рожденія ¹⁾). Положеніе фигуры выражаетъ изумленіе, которымъ пораженъ онъ, взирая на великое сѣверное сіяніе. Въ восторгѣ духа своего, поэтъ желаетъ воспѣть величіе Божіе и принимаетъ лиру, подносимую гениемъ поэзіи. Вотъ минута, изображенная для статуи Ломоносову, минута вдохновенія, произведшаго безсмертные стихи:

«Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
 Какъ мала искра въ вѣчномъ лдѣ,
 Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
 Въ свирѣномъ, какъ перо, огнѣ,—
 Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
 Теряюсь мыслями утомленъ.»

«Вензелевое на лирѣ имя государыни императрицы Елисаветы Петровны означаетъ, что Ломоносовъ былъ пѣвецъ счастливаго ея царствованія. Вышина стоящей фигуры Ломоносова 3 аршина 2 вершка; фигура гения въ натуральную величину, а пьедесталь въ пропорцію противъ группы» ²⁾).

Сумму, необходимую для изготовленія памятника съ пьедесталомъ по этому проекту, Мартосъ опредѣлилъ въ 46,000 рублей ассигнаціями и, представляя проектъ свой Шишкову, онъ обращалъ вниманіе министра на то, что желалъ бы, въ случаѣ утвержденія

¹⁾ Родина Ломоносова не Холмогоры, а деревня Денисовка, въ трехъ верстахъ отъ Холмогоръ, называемая теперь Ломоносовскою. Н. Е.

²⁾ Къ этому проекту Мартосъ сдѣлалъ примѣчаніе, что памятникъ составленъ имъ изъ двухъ фигуръ, потому что одна фигура на открытомъ мѣстѣ была бы бѣдна и не дѣлала бы хорошаго вида, чему доказательствомъ служить статуя Суворова поставленная въ Петербургѣ; она очень не казиста и не дѣлаетъ вида, потому что одна: ничто ее не возвышаетъ. Н. Е.

проекта императоромъ, принять на себя исполненіе его, чтобы такимъ образомъ посвятить труды свои и искусство на сіе важное и къ чести относящееся дѣло. И этотъ взглядъ художника на созданіе памятника Ломоносову не былъ только фразой. Онъ отдался своей работѣ всецѣло, и какъ относился къ ней лучше всего видно изъ слѣдующихъ строкъ, взятыхъ изъ его писемъ къ генераль-губернатору Маницкому.

Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ.

Послѣ того, какъ проектъ и рисунокъ памятника былъ одобренъ въ мартѣ 1826 года императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и ваяніе самага монумента было передано Мартосу, послѣдній писалъ между прочимъ:

«Я долженъ донести вашему превосходительству, что, по утверженіи рисунка государемъ императоромъ, дорожа временемъ и не ожидая скопленія суммы по подпискамъ, которая, Богу извѣстно,

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1889 г., т. xxxvi.

12

когда бы скопилась, рѣшился приступить къ произведенію настоящей большой модели... Я ничего такъ не боялся, какъ того, что преклонность моихъ лѣтъ не допуститъ меня совершить сію по предмету своему важную работу, которая посвящается на безсмертіе перваго изъ русскихъ ученыхъ мужей».

По окончаніи отливки изъ бронзы памятника, Мартосъ писалъ Миницкому:

«Не скрою предъ вашимъ превосходительствомъ радости моею по случаю счастливаго отлитія памятника и удовольствія, которое чувствую, что могъ посвятить труды свои на увѣковѣченіе лика одного изъ первѣйшихъ гениевъ сѣвера и великаго поэта русскаго. Дѣлая изображеніе нашего безсмертнаго пѣта, я никакихъ другихъ расчетовъ себѣ не представлялъ, кромѣ одной чести изобразить ликъ такого мужа, котораго вся Россія чтитъ и чтитъ всегда будетъ».

Приведенныя слова Мартоса доказываютъ, что дѣйствительно имъ руководила истинная любовь къ художественному произведенію, изваять которое выпало ему на склонѣ его жизни, и понятная гордость челоуѣка, сознающаго, что, созидаая памятникъ Ломоносову, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оставитъ потомству и свое имя. Это подтверждаетъ и его фактическое отношеніе къ дѣлу сооруженія монумента. Это онъ доказалъ какъ быстротою и добросовѣстностью исполненія его, такъ и тѣмъ, что принялъ на себя всѣ хлопоты по сохраненію памятника въ Петербургѣ до отправленія его въ Архангельскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на себя и доставку монумента съ пьедесталомъ въ Кронштадтъ для погрузки его въ военное судно, чего онъ не былъ обязанъ дѣлать по заключенному съ нимъ условію, а хлопоталъ единственно лишь потому, что не относился къ дѣлу только съ формальной стороны, но и съ любовью художника къ своему произведенію.

Какъ мы уже упомянули выше, Мартосъ назначилъ себѣ вознагражденіе за изваяніе памятника въ 46,000 рублей. Сумму эту нужно считать сравнительно умѣренною, чему доказательствомъ можно привести тотъ фактъ, что тотъ же самый Мартосъ взялъ за работу памятника Ришелье въ Одессѣ 50,000 рублей, хотя бронзовая фигура этого монумента болѣе фигуры Ломоносова всего лишь на пять вершковъ и, кромѣ того, пьедесталъ подъ памятникъ Ришелье былъ изготовленъ въ Одессѣ не за счетъ Мартоса. Между тѣмъ за плату 46,000 рублей художникъ не только обязался сдѣлать модель памятника Ломоносова въ натуральную величину, произвести отливку бронзовыхъ фигуръ изъ собственнаго матеріала и отчеканить ихъ, но также взялся вытесать и отполировать за свой счетъ гранитный пьедесталъ для него и, наконецъ, прислать въ Архангельскъ на свои средства мастера для установки монумента,— однимъ словомъ, Мартосъ принималъ на себя всѣ труды и издержки

по сооруженію памятника, кромѣ доставки его отъ Петербурга до Архангельска.

Посвятивъ два года на лѣжку алебастровой модели памятника въ его натуральную величину, онъ окончилъ ее къ апрѣлю 1828 года и немедленно же приступилъ къ отливкѣ изъ бронзы самаго монумента, которая была благополучно окончена къ январю 1829 года. Ранѣе этого съ алебастровой модели былъ сдѣланъ, награвированъ и выпущенъ въ продажу рисунокъ памятника; самая же модель была выставлена въ мастерской художника для обозрѣнія публики и, по отзывамъ современниковъ, вызывала всеобщее одобреніе. Напр., извѣстный въ своемъ родѣ сановникъ-піита графъ Д. И. Хвостовъ писалъ объ этой модели: «я, какъ и многіе любители искусствъ, видѣли сію модель и осыпають ее похвалами. Въ оной нашъ безсмертный Ломоносовъ кажется живъ и пишетъ стихи во славу Бога и честь своего народа». Большинство любителей, посѣтившихъ выставку модели, выразили Мартосу свое сожалѣніе, что памятникъ изготовляется не для Петербурга.

Между тѣмъ все время, пока изготовлялись проектъ, затѣмъ модель памятника и, наконецъ, самый памятникъ, добровольныя приношенія на его сооруженіе стекались со всѣхъ концовъ Россіи. Такъ, въ 1825 году поступило 17,175 р., въ 1826—9, 511 р., въ 1827—11,197 р., въ 1828—9,271 р. Подписка продолжалась до 1835 года и всего пожертвованій за эти десять лѣтъ поступило 53,395 р., 3½ коп. Въ этомъ числѣ было получено за продажу стихотвореній графа Хвостова и эстамповъ памятника, а также процентовъ на собранный капиталъ, всего 3,960 рублей. Наиболѣе крупныя пожертванія были:

Императора Николая Павловича	5,000 руб.
Графа Д. И. Хвостова	3,345 »
Чиновъ 2-й арміи графа Витгенштейна . . .	1,000 »
Графа Семена Ивановича Воронцова . . .	2,000 »
Чиновъ отдѣльн. корпуса внутренней стражи	1,584 »
Императорской Академіи Наукъ	1,000 »
С.-Петербургскаго купечества	1,000 »
Софіи Алексѣевны Расвской ¹⁾	1,000 »

¹⁾ С. А. Расвская — жена извѣстнаго героя 1812 года. О своемъ пожертвованіи на памятникъ Ломоносову она увѣдомила генераль-губернатора Миницкаго слѣдующимъ письмомъ: «Милостивый государь Степанъ Ивановичъ! Черезъ газеты я узнала о истинно патріотическомъ предпріятіи вашего превосходительства—привести въ исполненіе мысль архангельскаго пресвященнаго воздвигнуть памятникъ знаменитому Ломоносову на его родинѣ. Какъ уважающей отличное достоинство сего великаго мужа и какъ одной изъ ближайшихъ его родственницъ, вы позволите мнѣ быть участницей въ похвальномъ предпріятіи вашемъ. Съ сею же почтою поручила я Е. А. Богданову выслать въ Архангельскъ на имя вашего превосходительства тысячу рублей. Прошу не именовать меня въ публикаціяхъ о пожертвованіяхъ на сей предметъ, равно принять увѣ-

Чиновъ морского вѣдомства	897 руб.
Чиновъ казанскаго учебнаго округа	876 »
Архангел. купцовъ Амосова, Бранта и Греля	600 »
Кіевскаго митрополита Евгенія	545 »
Графа Владиміра Григорьевича Орлова	500 »
Графа Николая Петровича Румянцева	500 »
Графа Сергѣя Петровича Румянцева	300 »
Харьковскаго епископа Виталія	300 »
Графа Дмитрія Николаевича Шереметева	300 »
Архангельскаго мѣщанскаго общества	300 »
Сергѣя Семеновича Уварова (впослѣдствіи министра и графа)	200 »
Графа Николая Семеновича Мордвинова	200 »
Князя Сергѣя Михайловича Голицына	200 »
Чиновъ С.-Петербургскаго университета	200 »
Архангельскаго ген.-губ. С. И. Миницкаго	200 »
Дѣйств. тайн. совѣт. Обольянинова, князей Д. В. Голицына и Ю. В. Долгорукова и отъ генераль-адъютантовъ Левашева, Па- скевича и Закревскаго по	100 »

Говоря о сборѣ пожертвованій, нельзя пройти молчаніемъ той дѣятельной роли, которую принялъ на себя поэтъ графъ Д. И. Хвостовъ въ дѣлѣ сооруженія памятника Ломоносову. Прежде всего онъ пришелъ на помощь дѣлу своими стихотвореніями и пожертвовалъ для этой цѣли 100 экземпляровъ своей книги «На сооруженіе памятника Ломоносову въ Архангельскѣ». Слѣдующая выдержка изъ письма его къ Миницкому отлично характеризуетъ тѣ способы, при помощи которыхъ распродалась въ то время подобныя пожертвованія. Хвостовъ писалъ: «Я самъ маленькій поэтъ и захотѣлъ быть участникомъ вашего похвальнаго намѣренія. Почему и препровождаю къ вамъ одинъ экземпляръ моего сочиненія въ подарокъ, а въ посылочномъ реестрѣ на ваше имя прилагаю въ бумажномъ переплетѣ сто экземпляровъ. Вы, какъ генераль-губернаторъ трехъ губерній легко подпискою можете спустить съ рукъ сіе мое стихотвореніе. Я увѣренъ, что всѣ присутствующіе и дворяне охотно пожертвуютъ (не говоря о достоянствѣ моихъ стиховъ) 2 руб. 50 коп. для имени Ломоносова». И, дѣйствительно, эти сто экземпляровъ были рассланы по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ Архангельской губерніи и по купечеству. Покупатели, почти обязательные, платили за каждый экземпляръ отъ 3 до 25 рублей, смотря по желанію, и вскорѣ было выручено отъ этой продажи 345 рублей. Кромѣ этого пожертвованія, гр. Хвостовъ представилъ

речіе въ чувствахъ душевной благодарности и совершеннаго почтенія, съ коимъ имѣю честь быть, милостивый государь, вамъ покорная къ услугамъ Софія Раевская». Пожертвованіе С. А. Раевской было записано какъ пожертвованіе отъ неизвѣстной знатной особы.

еще 3,000 рублей для усиленія средствъ на воздвигаемый памятникъ; деньги эти были выручены имъ отъ продажи въ Петербургѣ своихъ стихотвореній.

Главная же заслуга его въ дѣлѣ сооруженія Ломоносовскаго памятника заключалась въ томъ, что онъ, не умолкая, трубилъ въ Петербургѣ объ этомъ патріотическомъ предпріятіи, чѣмъ привлекалъ жертвователей изъ среды высшаго петербургскаго общества. Наконецъ, гр. Хвостовъ служилъ весьма часто посредникомъ въ перепискѣ между архангельской администраціей и Петербургомъ. Такъ, онъ ускорилъ своей просьбой министра Шишкова представленіе на утвержденіе императора Николая проекта памятника, составленнаго Мартосомъ; дѣлалъ различныя справки въ петербургскихъ канцеляріяхъ, и обо всемъ писалъ длинными письмами въ Архангельскъ. Правда, письма графа отличались чрезмѣрнымъ многословіемъ, не относящимся къ дѣлу, но все-таки онъ много помогъ дѣлу созданія памятника Ломоносову, такъ какъ своею перепискою и разговорами въ Петербургѣ не далъ заглухнуть, завянуть самому предпріятію.

Слабость къ поэзіи у графа Хвостова сказалась и въ хлопотахъ его о памятникѣ. Когда послѣдній былъ окончательно изготовленъ, Мартосъ выставилъ его для петербургской публики въ своей мастерской. Чтобы привлечь побольше посѣтителей, осматривающихъ его, Хвостовъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ отъѣздѣ въ Холмогоры Ломоносова, скончавшагося
1765 года.

Попутный вѣтръ пловцамъ лишь станетъ дуть
Съ Невы поэтъ извѣстной Ломоносовъ
И въ землю рудъ, алмазовъ и кокосовъ (sic),
Въ Архангельскѣ желая отдохнуть,
На родину предпринимаетъ путь.
Онъ нынѣшней холодною зимою
Вечернею и утренней порою
Въ Петрополѣ радъ на друзей взглянуть,
За хлѣбъ и соль, за лавры поклониться
И ласково съ пріятелими проститься.
Пускай онъ жилъ похвально, славно здѣсь,
Стрѣлъ зависти коварной не боится:
Отъ ногъ до головы — онъ мѣдный весь.
Когда его увидѣтъ кто захочетъ,
Навѣрно тотъ немного похлопочетъ:
Отправится немедля за Неву —
Профессоръ нашъ живетъ на острову, —
Гдѣ Мартосъ самъ тотчасъ его представитъ,
Отечество и Пиндара прославитъ.

Но графъ Хвостовъ немного поторопился отправить съ попутнымъ вѣтромъ мѣднаго Ломоносова къ Архангельску. Отлитый и совершенно готовый памятникъ пролежалъ въ Петербургѣ 14¹/₂ мѣсяцевъ, именно потому, что не было попутнаго вѣтра для отправки его изъ столицы. Въ мартѣ 1829 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на перевозку памятника вмѣстѣ съ гранитнымъ пьедесталомъ въ Архангельскъ на военномъ суднѣ, если не встрѣтятся на это препятствія со стороны морского министра. Здѣсь-то и оказалась задержка: бывший тогда морскимъ министромъ адмиралъ Моллеръ 2-й увѣдомилъ архангельскаго губернатора, что, по предстоявшей надобности, лѣтомъ 1829 года, отправить большое количество казеннаго груза изъ Кронштадта въ Архангельскъ, онъ не считаетъ возможнымъ расположить перевозку памятника на казенномъ суднѣ.

Отказъ этотъ поставилъ архангельскую администрацію болѣе чѣмъ въ затруднительное положеніе. Готовый памятникъ съ пьедесталомъ лежалъ на одномъ изъ частныхъ дворовъ по набережной Фонтанки; за наемъ этого мѣста приходилось платить по 35 руб. въ мѣсяць; но помимо этого непроизводительнаго расхода, вмѣстѣ съ отказомъ министра, исчезла всякая надежда увидать Ломоносовскій монументъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ въ Архангельскѣ. Частныхъ пароходовъ, совершавшихъ, какъ нынѣ, прямые рейсы отъ Петербурга до Архангельска, въ то время еще не было; везти сухимъ путемъ было почти невозможно: во-первыхъ, рисковано было рѣшиться отправить столь дорогой грузъ по отвратительной дорогѣ между Петербургомъ и Архангельскомъ, такъ какъ во время перевозки могло произойти крупное поврежденіе этого произведенія искусства; во-вторыхъ, за перевозку на лошадахъ груза, вѣсомъ 1,500 пудовъ, просили очень дорого: менѣе 6—7 тысячъ рублей не бралъ ни одинъ подрядчикъ. Выяснивъ эти причины, архангельскій военный губернаторъ вновь ходатайствовалъ предъ министромъ двора о разрѣшеніи перевозки памятника Ломоносову на казенномъ суднѣ, при чемъ предлагалъ, съ цѣлью освободить ему мѣсто на суднѣ, доставить часть грузовъ, не требующихъ особой тщательности въ перевозкѣ, отъ Кронштадта до Архангельска, зимнимъ путемъ, каковую перевозку ихъ принималъ на счетъ суммъ, пожертвованныхъ на сооруженіе памятника.

По докладѣ объ этомъ императору Николаю I въ Варшавѣ, 15-го мая 1829 года, послѣдовало вторичное Высочайшее повелѣніе отправить памятникъ въ Архангельскъ на первомъ казенномъ транспортномъ суднѣ, которое туда отправится. Но послѣ этого повелѣнія Моллеръ доложилъ императору о томъ, что количество военныхъ транспортовъ недостаточно, и высочайшее повелѣніе о перевозкѣ памятника на казенномъ суднѣ, 27-го іюня того же года, было отмѣнено совершенно.

Обстоятельства измѣнились къ лучшему только со вступленіемъ въ должность морского министра князя Меншикова, когда послѣ усиленныхъ хлопотъ со стороны архангельскаго военнаго губернатора, 17-го іюня 1830 года, памятникъ съ пьедесталомъ былъ, наконецъ, перевезенъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ и нагруженъ на транспортъ «Двину», отправлявшійся подъ командою капитана 2-го ранга Полторацкаго, въ Архангельскъ.

Такимъ образомъ, только осенью 1830 года, прибылъ мѣдный Ломоносовъ на свою родину. Работы по постановкѣ памятника на мѣсто были отложены до весны 1831 года, когда его поставили на томъ самомъ мѣстѣ, которое для этого было собственноручно обозначено императоромъ Николаемъ Павловичемъ на планѣ города Архангельска. Открытіе и освященіе памятника въ 1831 году не состоялось, такъ какъ все лѣто этого года въ Архангельскѣ свирѣпствовала страшная болѣзнь—холера. Народъ находился въ паникѣ. Карантинныя условія не допускали большого скопленія народа въ видахъ возможности распространенія заразы. И вообще время это было на столько тяжелое и грустное, что вовсе было не до торжествъ и праздниковъ. Десятая часть городского населенія сдѣлалась жертвою свирѣпой холеры-морбуса; не было семьи, не было дома, гдѣ не оплакивали бы родственника или близкаго человека, умершаго отъ этой болѣзни...

Официальное торжественное открытіе памятника было отложено до прекращенія эпидеміи и могло состояться лишь лѣтомъ 1832 года. Для Архангельска торжество было дѣйствительнымъ праздникомъ. Въ виду того интереса, который имѣютъ сообщенія о рѣдкихъ торжествахъ подобнаго рода, бывшихъ въ доброе старое время, остановимся нѣсколько подробнѣе, насколько позволяютъ рамки уцѣлѣвшихъ о томъ свѣдѣній, на самомъ открытіи памятника.

Программа праздника была составлена совмѣстно духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ: духовное—въ лицѣ архіерея, свѣтское—въ лицѣ гражданскаго губернатора. Архангельскій преосвященный Георгій (Ящуржинскій) предложилъ слѣдующую программу:

1) Объявить о семь торжествѣ архангельской и холмогорской публикѣ и родственникамъ Ломоносова, приглашая ихъ, по предварительному разсмотрѣнію, на такой день, который былъ бы самоудобнѣйшій къ собранію сколько можно многолюднѣйшему.

2) Между тѣмъ, устроить надъ памятникомъ распростертую обширную палатку въ видѣ зонтика, подъ которымъ сановитые чиновники и дамы могли имѣть на случай зноя или дождя защиту.

3) Предъ памятникомъ поставить для знатнѣйшихъ стулья, а для прочихъ скамейки, дабы не было изнурительно выслушать разныхъ сочиненій, въ честь сего торжества произносимыя; каковыми скамейками можно позаимствоваться изъ училищъ.

4) За памятникомъ музыка и пѣвчіе, а прочее подробнѣйшее распоряженіе, по усмотрѣнію гражданскаго начальства.

5) На рукѣ Ломоносова, которою держитъ арфу, привѣсить икону Архангела Михаила такой величины, чтобы геній, подающій, лиру, былъ прикрытъ оною, или прежде привѣсить пелену прилично, которая бы прикрыла генія, а на ней икону.

6) Въ церкви ученикамъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ училищъ стоять по среди церкви съ тѣмъ, чтобы меньшаго возраста ученики были впереди, а высшаго позади, дабы одни другимъ не мѣшали видѣть богослуженіе и проповѣдника. Здѣсь бы помѣстить и дѣтей городскихъ сословій, по распоряженію гражданскаго начальства.

7) Мужчинамъ занять сторону правую, а дамамъ лѣвую, или напротивъ, то же по смотрѣнію гражданскаго начальства.

8) Въ самый день торжества сего начнется благовѣсть въ девять, а соборное архіерейское служеніе въ десять часовъ, на которое архіерейскій входъ со славою въ собраніи всего градскаго духовенства въ Архангельскій кафедральный Свято-Троицкій соборъ, а при окончаніи служенія въ свое время имѣть быть произнесено архіереємъ слово приготовильное къ сему торжеству.

9) По окончаніи литургіи благодарное Господу Богу молебствіе, послѣ котораго многолѣтствіе Государю Императору съ Высочайшею фамиліею и провозгласить вѣчную память блаженной и достославной памяти государю императору Александру I.

10) Послѣ сего при колокольномъ звонѣ архіерей съ духовенствомъ, разоблачась изъ церковныхъ ризъ, въ мантияхъ и въ рясахъ, выйдутъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ обыкновенно бываетъ архіерейскій входъ въ церковь со славою, впереди коихъ ученики духовныхъ и свѣтскихъ училищъ въ два ряда, а между рядами духовенства пѣвчіе будутъ пѣть оду сочиненія Ломоносова: «Хвала Всевышнему Владыкѣ» и проч.

11) Свѣтскимъ ли напередъ выйти, всѣмъ или нѣкоторымъ, или духовенству—представляется распоряженію гражданскаго начальства, дабы не встрѣтилось какое-либо замѣшательство или безпорядокъ.

12) Когда духовенство приблизится къ памятнику, завѣса, покрывающая его, откроется, при громкомъ звукѣ музыки, которая и будетъ продолжаться, покуда всѣ займутъ предназначенныя имъ мѣста и покуда не станеть на устроенномъ амвонѣ имѣющій произнести первую рѣчь.

13) Амвонъ можно на сей случай позаимствовать изъ которой либо церкви; на немъ или столикъ поставленъ будетъ, на которомъ должны лежать всѣ сочиненія Ломоносова, физическіе и химическіе инструменты; или, буде сего учинить не можно, то налой церковный, или и то, и другое совмѣстить.

14) Которыя сочиненія въ честь Ломоносову произнесть прежде и которыя послѣ, предоставляется разсмотрѣнію гражданскаго начальства, но за каждымъ сочиненіемъ пѣвчіе пропоютъ или музыка заиграетъ по особому назначенію.

15) По окончаніи произношенія всѣхъ сочиненій, пѣвчіе запоютъ: «Тебѣ, Бога, хвалимъ» и музыка съ пѣвчими: «Боже, храни царя». Затѣмъ литія за упокой Михаила и вѣчная память, а наконецъ, многолѣтствіе: благовѣрному правительствующему синклиту, военноподполковникамъ, усердствовавшимъ къ сооруженію памятника, статскому совѣтнику Михаилу Васильевичу Ломоносову, живущему въ памяти ученыхъ соотчичей, и всѣмъ участвующимъ въ торжествѣ сооруженія, водруженія и открытія онаго памятника многая лѣта. Во время пѣнія многая лѣта, архіерей и монашествующіе разоблачаются изъ мантий и съ миромъ и радостію расходятся во свояси.

16) Хорошо было бы, если бы сіе торжество можно отсрочить къ темной ночи; тогда бы сословія города Архангельска могли ознаменовать торжество сіе, которое имъ дѣлаетъ честь, иллюминаціею; тогда икону съ пеленою снять, а къ простертой рукѣ прикрѣпить портретъ государя и покрыть сзади пеленою прилично съ бантами и пуклями, въ родѣ балдахины.

Эта, предложенная епископомъ Георгіемъ, программа, по обсужденіи ея гражданскимъ губернаторомъ, была нѣсколько измѣнена, какъ увидимъ ниже при описаніи открытія памятника, назначеннаго и состоявшагося, 25-го іюля 1832 года, въ день рожденія императора Николая Павловича.

За двое сутокъ до торжества открытія были сдѣланы слѣдующія приспособленія и приготовленія: фигуры памятника закрыли парусиннымъ чехломъ; съ лѣвой стороны, у подножія пьедестала, устроили небольшой помостъ, на которомъ поставили каедрю для ораторовъ; предъ памятникомъ расположили мѣста для публики, въ видѣ амфитеатра, покрытаго парусиннымъ зонтомъ; въ первомъ ряду этого амфитеатра поставили кресла для «знаменитыхъ» особъ, затѣмъ стулья и наконецъ скамьи; все это пространство для «чистой» публики огородили натянутыми веревками, за которыми могъ помѣщаться черный народъ.

Утромъ, 25-го іюля, стояла вполне благоприятная для празднества погода. Солнце ярко освѣщало подчистившуюся и принявшую приличный видъ площадь. Ни малѣйшій вѣтерокъ не колыхалъ покрывала, которымъ былъ задернутъ памятникъ. Съ ранняго утра на площади, названной Ломоносовскимъ лугомъ, толпился народъ, ожидая любопытнаго зрѣлища. Въ девять часовъ начался праздничный благовѣстъ въ каедральномъ соборѣ, продолжавшійся въ теченіе болѣе часа. Городскіе жители и крестьяне окрестныхъ деревень, нарочно прибывшіе въ Архангельскъ, въ праздничныхъ

костюмахъ, толпами запрудили площадь и наполнили собою внутренность собора, гдѣ совершалось торжественное архіерейское служеніе.

Во время литургіи преосвященнымъ Георгіемъ было произнесено приличное случаю слово, въ которомъ онъ провѣлъ слѣдующую мысль. «Премудрость Ломоносова истинная, свѣтлая неувядаемая; онъ не зарылъ свой, данный ему отъ Бога, талантъ, но неусыпнымъ и неутомимымъ трудолюбіемъ умножилъ сугубо.—Несомнѣнно, что Богъ Духомъ Своимъ Святымъ вдохнулъ ему дарованія къ славѣ Своей, къ прославленію отечества нашего Россіи и къ чести сѣверной страны нашей,—говорилъ архіерей и, изложивъ краткую исторію сооруженія памятника, закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Родители и чада! Взирайте часто и внимательно на памятникъ «его. Онъ скитался и искалъ премудрости въ Москвѣ. Тамъ предъ «Чудовымъ монастыремъ, въ прискорбіи сердца, на колѣняхъ, со «слезами умолялъ Бога, источника премудрости, да откроетъ ему «путь и направитъ стопы его къ достиженію просвѣщенія. Нынѣ «Монаршая премудрость взыскуетъ къ себѣ чадъ своихъ. Разсмо- «трите прилежно изображеніе Ломоносова: очи его къ небесамъ, «рука его простертая указываетъ вамъ и чадамъ вашимъ храмъ Бо- «жій и святилище наукъ. Внимайте себѣ и чадамъ вашимъ. Про- «славьте въ сихъ Господа и докажите, что вы достойны Высочай- «шей о чадахъ вашихъ заботливости. Къ вамъ, юноши, наиболѣе «сіе относится. Движимые похвальнымъ и благороднымъ усердіемъ «ознаменовать достоинства Ломоносова посильными добродетельными «приношеніями, воздвигли возможный памятникъ тому, которымъ «отличается и славится страна сія, бывшая ему колыбелью, въ ко- «торой и вы возлелѣяны. Вы же украсите оный охотою, прилежа- «ніемъ и рвеніемъ къ наукамъ и возвеличите оный подражаніемъ «Ломоносову, и соревнованіемъ его всемирному и чрезвычайному «усилію и блистательнымъ успѣхамъ въ просвѣщеніи. Такое «украшеніе и такое ваше почтеніе для него долговѣчнѣе мѣди, «блистательнѣе золота и драгоцѣннѣе отличнѣйшихъ алмазовъ».

По окончаніи церковной службы, былъ совершенъ благодарственный молебенъ, и затѣмъ, по разоблаченіи духовенства, губернской прокуроръ прочиталъ предъ собравшимися въ соборѣ высочайшее повелѣніе о сооруженіи памятника Ломоносову. Послѣ этого началось церемоніальное шествіе изъ собора на площадь къ открываемому памятнику. Шествіе открывали ученики архангельскихъ духовныхъ училищъ, за ними слѣдовали ученики гражданскихъ учебныхъ заведеній; какъ при тѣхъ, такъ и при другихъ находилось ихъ училищное начальство: учителя, директоръ гимназіи и ректоръ семинаріи. Вслѣдъ за учебными заведеніями шли немногочисленные родственники Ломоносова, и затѣмъ слѣдовали: епи-

скопъ Георгій, окруженный духовенствомъ, военный губернаторъ со свитою военныхъ и гражданскихъ чиновъ, затѣмъ дамы и вообще дворянство, купечество и, наконецъ, въ хвостѣ процессіи— простой народъ. Во все время этого церемоніальнаго шествія пѣвчіе пѣли оду Ломоносова: «Хвала Всевышнему Владыкѣ».

По прибытіи къ памятнику всѣ были размѣщены предъ нимъ въ строгомъ порядкѣ чинопочитанія. Первый рядъ кресель былъ занятъ епископомъ, военнымъ и гражданскимъ губернаторами, комендантомъ Новодвинской крѣпости и другимъ высшимъ начальствомъ съ ихъ семействами; во второмъ и послѣдующихъ рядахъ помѣщалось начальство второго ранга: духовенство, военные, гражданскіе чиновники съ дамами; далѣе слѣдовали неслужащіе дворяне и купечество, а за веревкой—чернь. Воспитанники учебныхъ заведеній находились сбоку памятника. На верхнихъ ступеняхъ его пьедестала лежали физическіе и химическіе инструменты; на нижней же живописно раскинуты рыболовныя сѣти. Это послѣднее украшеніе должно было напоминать публикѣ, что съ низкихъ ступеней положенія простого рыбака Ломоносовъ силою своего генія достигъ высшихъ степеней почета.

Какъ только публика размѣстилась по своимъ мѣстамъ, покрывало съ монумента было сдернуто и раздался народный гимнъ, исполненный хоромъ пѣвчихъ и всѣми присутствовавшими; по окончаніи пѣнія военная музыка исполнила въ честь Ломоносова тушь. Послѣ этихъ вступительныхъ дѣйствій началось чтеніе и произнесеніе рѣчей. Первымъ вошелъ на кафедру соборный протодіаконъ и прочиталъ рѣчь, приготовленную епископомъ Георгіемъ.

Въ документахъ, на основаніи которыхъ составляется настоящій очеркъ, не сохранились списки съ тѣхъ рѣчей и стихотвореній, которыя были произнесены на торжествѣ открытія памятника Ломоносову; уцѣлѣла лишь одна коротенькая рѣчь епископа Георгія, которую и приведемъ въ видѣ образца провинціального краснорѣчія тридцатыхъ годовъ.

«Торжествующее собраніе! Давно уже Божіе и Помазанниковъ Его благоволеніе соотвѣтствовало намѣренію здѣшняго града всѣхъ сословій—воздвигнуть памятникъ Ломоносову; но никто не проникнулъ, почему вдругъ начало не достигло своего конца.

«Теперь видимъ ясно отъ событій причину. Времена Петра I весьма подобны временамъ Николая I и почти столько, сколько Николай I подобенъ Петру I.

«Ломоносовъ передалъ намъ въ гремящихъ звукахъ чудныя побѣды и подвиги великаго государя императора Петра Алексѣевича; видно судьбамъ Божіимъ благоутодно было, дабы въ заключеніе подобныхъ чудныхъ побѣдъ великаго государя нашего императора Николая Павловича торжествовать въ сей день славу, такъ сказать, державныхъ чудесъ Громоносца.

«Сколько великій Петръ I, непреоборимый никакими трудностями, ни смертоносными вооруженіями, прославилъ въ неутомимой и неусыпаемой дѣятельности; столько же и едва ли не болѣе посредѣ разныхъ злоумышленій, обуреваній и злочленій Богъ прославилъ силою Своею и духомъ крѣпости и непоколебимости великаго Николая I.

«Мы теперь, въ великомъ пристанищѣ взирая на протекшія тревоженія и горькое Говлево испытаніе ¹⁾, не можемъ не вздрогнуть; но тѣмъ болѣе радуемся и веселимся, избавленные.

«Къ сему именно дню, не когда либо въ иное, но именно въ нынѣшнее время созрѣли всѣ ожиданія, всѣ терпѣнія наши.

«Можемъ теперь воскликнуть: сей день, его же сотвори Господь для насъ, да возрадуемся и возвеселимся и восторжествуемъ о Господѣ Божѣ и Спасѣ нашемъ, славно бо прославился!»

По окончаніи рѣчи преосвященнаго, пѣвчіе пропѣли съ музыкаю первое отдѣленіе канта, и затѣмъ однимъ изъ учителей гимназіи была прочитана рѣчь директора ея Никольскаго, послѣ чего исполнена была вторая часть канта. Далѣе учитель гимназіи Спасскій прочиталъ свою рѣчь и послѣдовало третье отдѣленіе канта, чтеніе оды Ломоносова и латинскихъ стиховъ. Въ заключеніе пѣвчіе пропѣли «Тебѣ, Бога, хвалимъ» и торжество открытія памятника было окончено. Въ тотъ же день городской голова давалъ парадный завтракъ, на которомъ присутствовало духовенство и высшіе чиновники съ супругами. Вечеромъ же, по главной улицѣ города—Троицкому проспекту, устроилось импровизированное гулянье, центромъ коего была площадь, на которой возвышался иллюминированный памятникъ Ломоносову.

Подводя итоги стоимости этого сооруженія, увидимъ, что оно обошлось въ 50,721 р. 5½ коп. ассигнаціями. Эта сумма составила такъ: скульптору Мартосу за изваяніе памятника 46,000 р.; за сохраненіе памятника въ Петербургѣ 507 р. 50 коп.; за упаковку его и пьедестала 550 р.; за перевозку изъ Петербурга въ Кронштадтъ 1,600 р.; за установку его въ Архангельскѣ 1,160 р.; расходы по торжеству открытія памятника 654 р. 41½ коп. и, наконецъ, пересылка денегъ изъ Архангельска въ Петербургъ 245 р. 14 к. и гербовая бумага для контракта 4 руб.

Такимъ образомъ изъ всей пожертвованной суммы оставалось свободныхъ денегъ 2,673 р. 98 коп. На эту сумму признано было необходимымъ поставить чугунную рѣшетку вокругъ памятника, которая и была отлита на Александровскомъ сталелитейномъ заводе въ С.-Петербургѣ, въ 1835 году, за 2,250 рублей. Перевозку этой рѣсетки, вѣсомъ 228 пуд. 21½ ф., изъ уваженія къ памяти

¹⁾ Намекъ на холеру, посѣтившую Архангельскую губернію въ предшествовавшемъ году. Н. Е.

покойнаго Ломоносова, приняло на себя с.-петербургское купеческое общество.

Между тѣмъ, въ первые четыре года по постановкѣ, памятникъ на столько осѣлъ въ болотистую почву, на которой былъ водруженъ, что присланная въ 1837 году чугунная рѣшетка закрывала собою половину пьедестала, почему необходимо было возвысить памятникъ на $5\frac{1}{2}$ футовъ, подведя подъ пьедесталъ фундаментъ изъ дикаго камня, подъ который для твердости подложить сваи. Сметъ на эти работы была исчислена въ 2,500 рублей, и онѣ не были бы приведены въ исполненіе за недостаткомъ для того средствъ, если бы подрядчикъ—архангельскій купецъ Иванъ Окуловъ, не согласился бы выполнить ихъ за тотъ незначительный остатокъ въ 423 р. 98 коп., которымъ располагала мѣстная администрація; остальные же деньги, слѣдовавшія за работу, Окуловъ, по его выраженію пожертвовалъ въ пользу казны, за что ему была объявлена благодарность министра внутреннихъ дѣлъ.

Выше было упомянуто, что памятникъ Ломоносова былъ поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое императоръ Николай Павловичъ собственноручно означилъ на планѣ города Архангельска. Мѣсто это не то, на которомъ теперь помѣщается этотъ памятникъ и которое описано въ самомъ началѣ настоящаго очерка. Первоначально, въ 1831 году, памятникъ былъ поставленъ тамъ, гдѣ нынѣ разбитъ въ Архангельскѣ Гагаринскій скверъ, т. е. на 150 сажень южнѣ настоящаго мѣста его нахождения, и стоялъ здѣсь до 1867 года. «Ломоносовскій лугъ», на которомъ онъ помѣщался, представлялъ собою крайне неудобное для памятника мѣсто: не говоря про то, что послѣдній былъ удаленъ на 60 сажень въ сторону отъ проспекта, къ нему нельзя было подойти вслѣдствіе топкости почвы, на которой, по ся низкому уровню, постоянно скоплялась вода, образуя непролазную грязь.

По ходатайству архангельскаго губернатора князя Гагарина, съ высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 23 іюня 1867 года, памятникъ былъ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто его нахождения, т. е. къ присутственнымъ мѣстамъ. Торжественное открытіе и освященіе его на новомъ мѣстѣ происходило 1-го сентября того же года.

Такова немногосложная, но и не лишенная интереса исторія памятника М. В. Ломоносову.

Николай Ермиловъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛИИ ВЪ ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ XIX ВѢКА. ¹⁾

II.

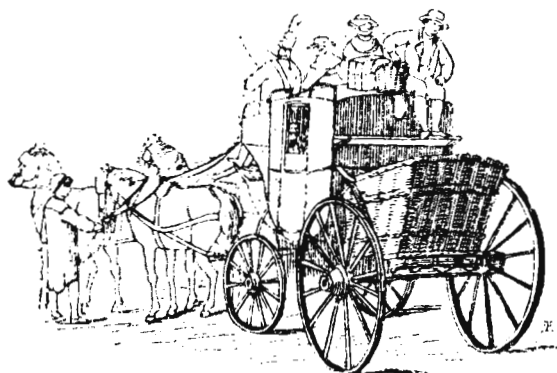
Пути сообщенія, какъ признакъ цивилизаціи.—Римскія и британскія дороги.—Почтовые кареты 1804 года.—Носилки.—Клубы спортсменовъ.—Перевозы на Темзѣ.—Лондонскія улицы.—Масляные фонари и попытки освѣщенія газомъ.—Пожары.—Трубочисты и леди Монтегю.—Уличная торговля.—Торговки салатомъ и пирогами.—Толченый кирпичъ и мышеловки.—Почтальоны.—Плотоядная нація.—Рыба и пиво.—Таксы въ свободной странѣ.—Мужскіе костюмы.—Жанъ де-Бри.—Эксцентричныя туалеты.—Зеленый человѣкъ.—Рекамье и античныя моды.—Женщины высшаго круга и модные романы.—Невидимка.—Дневникъ денди и леди.—Какъ проводилъ день Георгъ III.—Воспитаніе дѣтей.—Гретна-Гринъ.—Продажа жень.—Страсть къ игрѣ.—Лотереи, скѣчки, пѣтушійные бои, травля быковъ.—Боксъ и боксеры.

ВЪРНѢЙШИМЪ признакомъ цивилизованной націи англичане считаютъ хорошія дороги. Мы можемъ, конечно, не соглашаться съ этимъ, особенно имѣя въ виду наши пути сообщенія, но несомнѣнно, что дорога, проложенная конемъ, впервые подчинившимся волѣ человѣка, уже удобнѣе тропинки, протоитанной дикаремъ, въ первозданныхъ лѣсахъ. Когда была изобрѣтена колесная повозка, возникло и искусство укрѣплять и устраивать проѣзжую дорогу, иначе колеса вязли бы въ первобытной почвѣ. Странствованія по Африкѣ и Австраліи потому такъ и затруднительны, что тамъ нѣтъ до-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 723.

рогъ. Великіе строители дорогъ въ Европѣ — римляне, оставили слѣды своихъ работъ и въ Англіи, но трудолюбивая англо-сакская раса, съ первыхъ временъ своего поселенія на британскомъ островѣ, проложила дороги ко всѣмъ своимъ селамъ и укрѣпленіямъ, скоро превратившимся въ торговые и промышленные центры. Правда, сообщенія между этими центрами не отличались быстротою и несчастные случаи на этихъ дорогахъ происходили чаще, чѣмъ на желѣзныхъ; поломка колесъ, осей, взбѣсившіеся лошади, калѣчили не меньше народа, только по немножку, не разомъ—какъ при крушеніи поѣздовъ. До почтовыхъ каретъ были также очень лакомы рыцари большихъ дорогъ, потому что казенные экипажи перевозили значительныя цѣнности. Въ этомъ отношеніи прогрессъ нашего времени дошелъ впрочемъ до того, что теперь грабятъ и

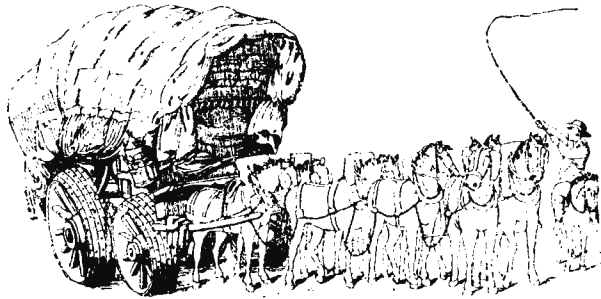

Почтовая карета 1804 года.

цѣлые поѣзды, не только товарные вагоны, а въ началѣ XIX вѣка нападенія на почтовые кареты случались уже очень рѣдко. По изображенію одной изъ такихъ каретъ 1804 года, видно, что къ задку ея пристраивалось особое плетенное помѣщеніе въ формѣ корзины для багажа. Иногда этотъ багажъ былъ такъ великъ, что перевозился отдѣльно отъ пассажировъ, въ огромныхъ фурахъ, запряженныхъ 8-ью—10-ью лошадьми, цугомъ; передъ ними ѣхалъ особый погонщикъ управлявшій лошадьми, такъ какъ кучера на фурѣ не было. Нельзя сказать, чтобы такія тяжеловѣсныя машины, съ громадными колесами, отличались особымъ удобствомъ, но онѣ были единственнымъ средствомъ сообщенія между отдаленными мѣстностями. Въ большихъ городахъ, кромѣ наемныхъ каретъ, кучера которыхъ, какъ и въ наши дни, славились грубостью и мошенничествомъ, существовали еще носилки, въ которыхъ дамы дѣлали визиты. Такса для двухъ носильщиковъ была—шиллингъ, 6 пенсовъ, въ часъ за разстояніе не превышающее милю. Шоссейныя

дороги хорошо поддерживались, проселочныя были плохи. Молодые люди ѣздили больше верхомъ; искусство править лошадьми было въ большой модѣ и въ почетѣ. Въ Лондонѣ былъ особый клубъ, гдѣ собирались знатоки и любители этого спорта — Whip club (whip—хлысть, бичъ). Они носили особый костюмъ въ родѣ жокейскаго; экипажи ихъ были все одного, желтаго цвѣта. Между членами были первыя лица въ государствѣ. Въ 1809 году клубъ переименовалъ названіе на «Four-in-hand club». Прилагаемый рисунокъ даетъ понятіе о костюмахъ и экипажахъ этого клуба. Это, въ то же время портретъ льва той эпохи Томми Онслоу, впоследствии лорда Кранлея.

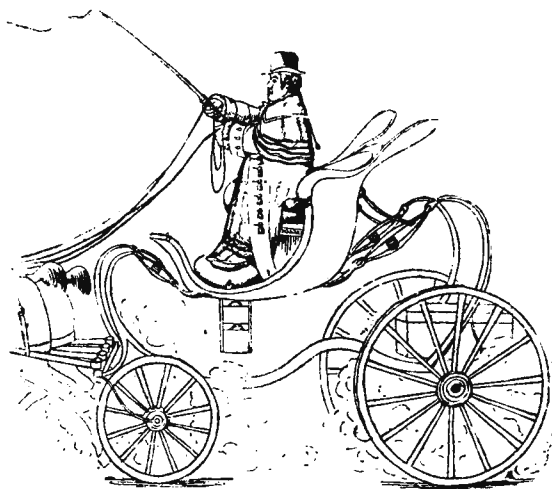
Кромѣ почтовыхъ дорогъ, рѣки и каналы Англіи служили спокойнымъ и удобнымъ средствомъ сообщеній. По Темзѣ не только

Почтовая фура.

перевозили грузы, но совершали увеселительныя поѣздки. Нравы перевозчиковъ были такіе же какъ и извозчиковъ: каждый старался заманить къ себѣ пассажира. Стоило спуститься ему съ берега къ любой пристани, какъ на него набрасывалась дюжина здоровенныхъ парней съ оглушительными криками: гребцы! лодки! сюда! ко мнѣ! Отъ Лондонскаго моста до Виндзора возили по два шиллинга съ человѣка. Наемъ лодки съ гребцомъ стоилъ въ день 10 шиллинговъ. Внизъ по рѣкѣ возили до Гревесенда. Ниже Лондонскаго моста былъ цѣлый лѣсъ мачтъ: доковъ было мало и суда, приходившія въ столицу, становились на якорь въ рѣкѣ, гдѣ ихъ окружало множество лодокъ и баржей для разгрузки товаровъ. Не мудрено, что на рѣкѣ была постоянная сумятица. Нынѣшніе грандіозные доки: вест-индскій, лондонскій и ост-индскій, устроены отъ 1802 по 1806 годъ. Проектъ тоннеля подъ Темзою былъ задуманъ въ то же время и по Темзѣ производились первыя попытки примѣнить паръ къ движенію судовъ. Лондонъ и въ то время счи-

тался первымъ городомъ въ мѣрѣ по своимъ мостовымъ. Но онѣ были хороши только въ центральныхъ и главныхъ улицахъ, а стоило повернуть въ любой переулокъ, чтобы наткнуться на неровные камни. Въ дожди улицы заливало водой, потому что водосточныя трубы были проложены въ немногихъ мѣстахъ. Освѣщеніе по ночамъ было самое жалкое: масляные фонари едва мелькали въ непроглядной темнотѣ; устройство ихъ было примитивное, какъ показываетъ рисунокъ уличнаго фонаря 1805 года. Хотя газъ былъ уже извѣстенъ въ то время, но его не примѣняли еще къ освѣщенію улицъ, а употребляли для этой цѣли такъ называемыя «аргантовы» лампы съ рефракторомъ, сосредоточивавшимъ и поэтому увеличивавшимъ свѣтъ. Газомъ освѣщались, еще съ конца

Членъ клуба Four-in-hand 1809 года.

XVIII вѣка, только фабрики Мурдона, Боультона и Джемса Ватта въ Бирмингамѣ, изобрѣтателя паровой машины. Въ Лондонѣ нѣмецъ Винцеръ устроилъ въ 1804 году первый газовый заводъ, но газъ добывался изъ угля такой вонючій, что карриатура осмѣяла это изобрѣтеніе. Очищеннымъ газомъ начали освѣщать Лондонъ въ 1807 году. Женѣ одного министра, въ первый разъ увидѣвшей газовый фонарь, онъ такъ понравился, что она приказала перенести его на дворъ своего отеля и очень удивилась, когда ей сказали, что тамъ онъ горѣть не будетъ, такъ какъ туда не проложены газопроводныя трубы. Такъ и не удалось растолковать высокопоставленной леди: отчего фонарь не будетъ горѣть передъ ея домомъ, когда горитъ на улицѣ. На гробѣ Винцера, умершаго вскорѣ послѣ открытія своего газоваго завода, былъ написанъ, вмѣсто эпи-

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1889 г., т. xxxvi.

тафii, стихъ изъ евангелiя св. Иоанна: «это былъ свѣтъ истинный, освѣщающiй всякаго человѣка, приходящаго въ мiръ».

Пожары были нерѣдки въ Лондонѣ. Въ 1800 году сгорѣли три громаднхъ склада вестъ-индскихъ товаровъ на сумму въ 300.000 фунтовъ стерлинговъ. Въ 1803 г. сгорѣла большая башня надъ хорами вестминстерскаго аббатства. Чаше всего горѣли театры. Театръ Астлея, сгорѣвшiй въ 1794 году дотла и возобновленный, еще разъ сдѣлался жертвою пламени въ 1803 году, вмѣстѣ съ сорока домами, окружавшими его. Пожаръ угрожалъ большою опасностью значительному кварталу столицы, но случился сентябрьскiй дождь. Въ 1805 году сгорѣлъ соррейскiй театръ, въ 1808-мъ—Ковентгарденъ, въ 1809 году—Дрюриленъ. Въ одномъ 1807 году

Лондонскiе перевозчики.

было 375 пожаровъ. Въ 1810 году въ городѣ было 16 частныхъ пожарныхъ командъ; у каждой были свои значки, знамена, каждая дѣйствовала въ извѣстномъ районѣ, но инструменты для тушенiя огня—довольно плохи. Воды въ городѣ было мало—и она прескверная—особенно для питья. Лучшую привозили изъ Гампстеда и другихъ окрестностей. Въ виду частыхъ пожаровъ, контингентъ трубочистовъ былъ очень великъ въ столицѣ. Это были большею частью несовершеннолѣтнiе мальчики изъ низшаго класса общества. Жизнь ихъ была очень тяжела, но они мало обращали на себя вниманiе общества до тѣхъ поръ, пока участiе въ судьбѣ ихъ не приняла богатая и эксцентричная леди Монтегю. Она занималась и литературою, написала «Опытъ о творенiяхъ и генiи Шекспира», основала «клубъ Синихъ чулокъ» и 1-го мая угощала у себя въ отелѣ ростбифомъ и плум-пуддингомъ всѣхъ лондон-

скихъ трубочистовъ, кромѣ частыхъ пособій имъ деньгами, пицей и платьемъ. Вниманіе благородной леди къ обездоленнымъ бѣднякамъ было до того не въ нравахъ англійской аристократіи, что она сочинила будто леди Монтегю потому покровительствуетъ трубочистамъ, что нашла между ними своего сына—плодь ея увлеченія въ молодые годы. Судьба этихъ мальчиковъ, между которыми были не менѣе 7—8-ми лѣтъ, была до того незавидна, что въ 1803 году составилось «общество для улучшенія положенія трубочистовъ».

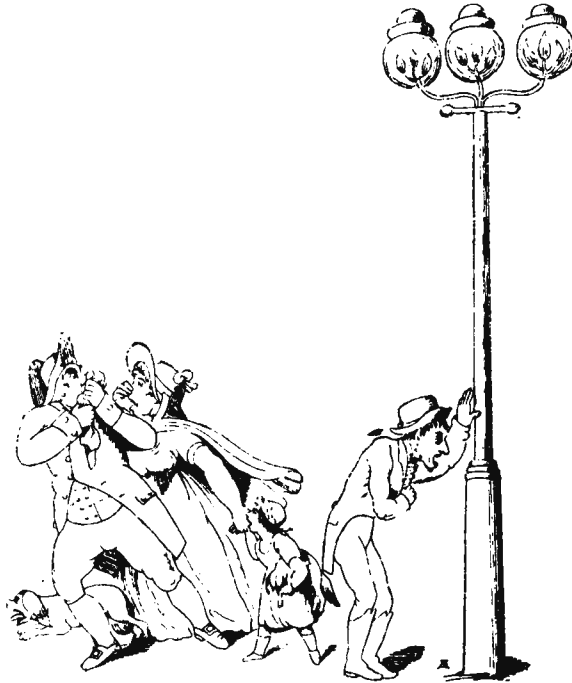
Послѣ трубочистовъ на улицахъ чаще всего встрѣчались молочницы. Работа ихъ была также не изъ легкихъ, такъ какъ, кромѣ продажи молока въ тяжелыхъ жестяныхъ сосудахъ, разносимыхъ по отдѣльнымъ кварталамъ, они должны были часто перемывать эту посуду, доить коровъ и исполнять всѣ обязанности по хозяй-

Масляный уличный фонарь 1805 года.

ству. Въ 1808 году, въ Лондонѣ и окрестностяхъ насчитывали 8,500 коровъ, что очень не много для такого города. Уже и въ то время раздавались жалобы, что молоко разбавляютъ водою. За молочницами являлись продавщицы салата, маленькими пучками по пенни за штуку, потомъ булочницы съ сладкими, горячими пирогами. Не совѣтъ обычный предметъ торговли представляла продажа толченого кирпичу. Съ огромнымъ мѣшкомъ, перевѣшаннымъ черезъ спину осла, появлялся на улицахъ, обыкновенно въ сопровожденіи бульдога, торговецъ, насыпавшій въ чашку свой товаръ, пригодный для чистки ножей и металлическихъ предметовъ. Разносили по городу и мышеловки, необходимыя въ особенности въ погребахъ и въ нижнихъ жильяхъ, выкрикивали много другихъ хозяйственныхъ предметовъ, спрашивали: не продаются ли старья платья, кости, кухонные отбросы, угли, зола; покупали даже сухой

сорь, сметаемый въ кучи у воротъ домовъ. Болѣе серьезная торговля съѣстными припасами также процвѣтала. Чаше всего слышались крики: «гуси! жирные гуси!» Оригинальнѣе всего было появленіе на улицахъ почтальона съ порядочнымъ колоколомъ въ рукѣ и съ сумкой въ другой, на которой были буквы «G. R.» подъ короной (George Rex). На звонъ колокольчика изъ дома выходили ожидавшіе писемъ и получали ихъ изъ казенной сумки. Ему же поручали отнести на почту письма, съ уплатою за трудъ одинъ пенни. По Англии письма развозились въ почтовыхъ каретахъ съ

Дѣйствіе газоваго освѣщенія.

платою по 6-ти пенсовъ за каждую милю. Въ 1804 году, въ Лондонѣ было 160,000 домовъ, но особенно великолѣпныхъ частныхъ зданій весьма не много.

Англичане были всегда скорѣе плотоядною, чѣмъ всеядною націею. Въ ихъ тяжеломъ столѣ преобладало мясо, поглощаемое въ огромномъ количествѣ. И мясо это было собственнаго произведенія; въ прокъ оно сохранялось только соленымъ и копченымъ, консервовъ они не любили. Въ одномъ Лондонѣ, въ то время, убивали ежегодно 110,000 быковъ, 776,000 барановъ, 210,000 телятъ, столько же свиней и 60,000 поросятъ, кромѣ огромнаго числа мелкаго скота.

Рыба была рѣдка и дорога: въ море рыбаки не могли выходить въ военное время; по берегамъ и въ устьяхъ рѣкъ ихъ ловили не французы, а собственные вербовщики, поставлявшіе матросовъ въ королевскій флотъ. Вездѣ довольствовались мясомъ мѣстнаго производства, такъ какъ не было ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ для быстрой доставки битаго скота. Внутри страны вовсе не потребляли морскихъ рыбъ. Съ другой стороны и Лондонъ не питался какъ теперь форелью и лососяноу шотландскихъ озеръ. Дичи было также

Продавщица салата.

очень немного. Около Лондона охота была плохая, а лорды, охотившіеся въ лѣсахъ своихъ замковъ за дичью, не посылали ее въ столицу. Только къ Рождеству привозили на рынки битыхъ зайцевъ, вмѣстѣ съ почтой. Любопытно, что столичнымъ жителямъ, плохимъ знатокамъ естественныхъ наукъ, продавали за зайцевъ—барсуковъ, а въ трактирахъ зачастую угощали кошачьимъ соусомъ вмѣсто зайчины. Куръ и домашней птицы потреблялось также немного, но ѣли вообще здорово. Національнымъ блюдомъ былъ — бифтексъ, напиткомъ—пиво изъ хорошаго солода и хмѣля. Эль и портеръ употреблялись также въ громадномъ количествѣ. Вино пили

только высшіе классы общества. Французскія вина (фронтиньянъ, мускатъ, гравъ) по причинѣ войны цѣнились очень дорого. Въ 1801 году, вошли въ употребленіе сардинки, «рыба вареная и сохраняемая особымъ способомъ, гораздо вкуснѣ анчоусовъ для сэндвичей» — какъ говорили объявленія. Частые неурожаи не рѣдко поднимали цѣну съѣстныхъ припасовъ, но недостатокъ хлѣба замѣнялся привозомъ риса изъ Индіи, обставленнымъ значительными льготами. За цѣнами хлѣба и главныхъ жизненныхъ потребностей наблюдалъ парламентъ. Наказывая булочниковъ за незаконный вѣсъ хлѣба, онъ во время неурожаявъ запрещалъ даже печь болѣе

— Горячіе пироги! сладкіе пироги!

дорогіе хлѣбы изъ лучшей муки. Свободная Англія всегда строго смотрѣла за цѣнами муки и вѣсомъ хлѣба, въ то время, когда въ другихъ странахъ никакъ не могутъ найти средствъ положить конецъ произволу хлѣбопекоевъ и злоупотребленіямъ булочниковъ. Въ 1801 году, весь хлѣбъ не узаконеннаго вѣса, найденный у булочника въ Дрюриленѣ, былъ конфискованъ и розданъ даромъ бѣднымъ этого квартала, а на виновнаго наложенъ, сверхъ того, огромный штрафъ. И не за однимъ хлѣбомъ смотрѣли альдермены. Испорченное мясо по приказанію лорда-мера сжигали передъ дверями провинившихся мясниковъ.

Въ первую декаду XIX вѣка, костюмы высшаго круга оставались почти тѣ же, какъ въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка. Въ 1800-мъ году въ модѣ былъ костюмъ, называвшійся «Жанъ де-Бри», по имени французскаго дворянина, 30-ти лѣтъ переселившагося въ Лондонъ и умершаго въ 1834 году, 74-хъ-лѣтнимъ старикомъ. Нарядъ состоялъ изъ фрака, всегда застегнутаго, очень короткаго спереди, такъ чтобы виденъ былъ полосатый жилетъ, рукава фрака въ плечахъ поднимались буффами; панталоны въ обтяжку опускались въ высокіе сапоги съ большимъ вырѣзомъ позади, называемые «гессенскими»; спереди къ нимъ прицѣплялись вверху маленькіе ко-

Продажа толченаго кирпича.

локольчики, но это украшеніе носили только отчаянные франты, большинство замѣняло его кисточками. Въ 1802 году покрой этого фрака претерпѣлъ легкое измѣненіе: воротникъ стали носить высоко приподнятымъ сзади, а сапоги, во время визитовъ, замѣнялись башмаками съ лентами и пряжками. Нѣсколько ниже колѣнъ, гдѣ оканчивались тугообтянутыя брюки и начинались шелковыя чулки, носили также узкія атласныя ленточки моднаго цвѣта. До 1804 года еще появлялись напудренныя косички, хотя виги объявили имъ непримиримую войну. Только ливрейные лакеи ходили въ пудрѣ. Любопытно, что изъ всѣхъ частей костюма пошлина была наложена на одни шляпы и штемпель, свидѣтельствующій

объ уплатѣ, налагался на подкладку (какъ это наши финансисты не догадались еще ввести и этотъ налогъ?). У кого шляпа оказывалась безъ штемпеля—платилъ десять фунтовъ стерлинговъ штрафа.

— Кому мышеловокъ?!

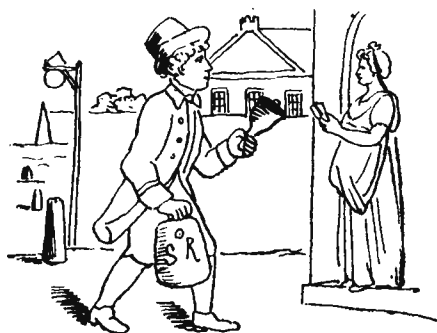
Продолжали появляться и эксцентричные костюмы, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ карриатура 1806 года. На ней съ перваго взгляда трудно разобрать, кому принадлежать части костюма иду-

— Гуси! жирные гуси!

щей вмѣстѣ пары: кавалеръ — въ уродливой трехуголкѣ, весь изогнувшійся по модѣ, въ узкихъ обтянутыхъ брюкахъ съ лентами и въ башмакахъ съ бантами, спрятавшій все лицо въ широчайшій

галстукъ, во фракъ съ безобразно выпятившимся, конечно, преувеличеннымъ бортомъ; дама — обернувшаяся назадъ, въ низкой шляпкѣ, уродливо вытянутой впередъ, въ мантильѣ съ развѣвающимися концами, въ платьѣ греческаго покроя, съ разрѣзомъ на лѣвомъ бедрѣ,—все это шаржировано, но снято съ натуры. По поводу странностей костюма, дамы того времени много говорили о человѣкѣ, появлявшемся во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, одѣтымъ во все зеленое: его фракъ, брюки, галстукъ, шляпа, плащъ, перчатки, пуговицы — все было зеленого цвѣта, лорнетъ съ зеленымъ стекломъ и зеленой ручкой, даже волосы съ зеленоватымъ отливомъ. Потомъ узнали, что онъ жилъ въ комнатахъ, гдѣ все было того же цвѣта: мебель, обои, ковры, занавѣси, спаль онъ на зеленой простынѣ, покрывался зеленымъ одѣяломъ, пилъ изъ стакана зеленого стекла и ѣлъ на зеленыхъ фарфоровыхъ тарелкахъ, пре-

Почтальонъ.

имущественно—зелень. Это, очевидно, былъ полупомѣшанный, кончившій тѣмъ, что выбросился изъ окна съ зелеными стеклами своей зеленой квартиры.

Женскіе костюмы въ Лондонѣ рабски слѣдовали парижемскимъ модамъ консульства, повторявшимъ эксцентричности директоріи. Скромныя миссъ и лэди высшаго общества одѣвались весьма нескромно. Амiенскій миръ привлекъ въ Лондонъ въ 1802 году знаменитую Рекамье. Она явилась на гуляньѣ въ Кенсингтонскомъ саду, одѣтая совершенно по античному: сквозь ея муслиновую тунику просвѣчивались роскошныя формы тѣла, какъ сквозь мраморныя складки на статуяхъ древнихъ богинь. Волосы ея, гладкіе сзади, падали спереди мелкими колечками на лобъ, словно выточенный изъ слоновой кости. Съ ея головы спускалось длинное покрывало, которымъ она живописно драпировалась. Подражая французенкамъ въ нарядахъ, надѣваемыхъ для прогулки, англичанки одѣвались гораздо скромнѣе дома, хотя имъ замѣчали, что слѣдовало бы поступить наоборотъ. Каррикатуристъ Джильрай подмѣтилъ на одномъ гуляньи 1803 года эксцентрической костюмъ и со-

хранилъ его для потомства, увеличивъ, можетъ быть, только размѣръ безобразной шляпки, въ формѣ дѣтской папочки съ рѣшеткой и фалбалой; все остальное, какъ короткое платье, съ тальею подъ мышками, покрывало, зонтикъ, — снято съ природы, также какъ болонка съ выбритымъ задомъ и хвостомъ, на концѣ котораго оставленъ пучокъ шерсти; лобъ и передняя часть головы этой модной собаки также выбриты, а шерсть на ушахъ и остальномъ тѣлѣ тщательно завита. Брея своихъ собакъ, дамы сами носили парики съ мелкозавитыми кудрями. Къ концу перваго десятилѣтїя выходныя костюмы сдѣлались гораздо скромнѣе, но значи-

Жанъ де-Ври.

тельно некрасивѣе: платья дѣлались длиннѣе, но шляпки превратились въ ночные колпаки, — и это тѣмъ страннѣе, что дома женщины носили безобразно высокія прически изъ чужихъ волосъ, съ перьями, бусами, лентами, а старухи — громадныя чепцы со множествомъ фалборокъ и рюшей. Въ этомъ удостовѣряетъ карриатура того времени, изображающая зажиточную семью, сидящую вечеромъ за чтеніемъ моднаго романа. Дама среднихъ лѣтъ читаетъ только-что появившійся въ свѣтъ романъ Льюиса «Монахъ», автора «Мельмота-скитальца», которымъ зачитывались и у насъ въ переводѣ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда о монахахъ даже католическихъ запрещала сообщать что-либо предосудительное высоконравственная россійская цензура. Въ романѣ

«The monk», какъ извѣстно, кромѣ небесныхъ силъ, дѣйствуютъ еще и дѣхи преисподней, творящія всевозможные ужасы. Поэтому понятно, что на лицѣ дамы, читающей романъ и ея слушательницъ: старухи и двухъ дѣвушекъ (лица второй, впрочемъ, не видно) выражается чувство страха въ различной степени. Всѣ онѣ до того увлечены интереснымъ чтеніемъ, что забываютъ даже снять нагарь съ сальной свѣчи, — стеаринъ тогда еще не былъ изобрѣтенъ — и щипцы покоятся праздно въ футлярѣ подлѣ перваго тома романа.

Послѣднимъ проявленіемъ эксцентричной моды 1810 года были костюмы невидимокъ, прозванныхъ такъ потому, что низко опу-

Эксцентрическіе туалеты (карикатура 1806 года).

щенные поля дамскихъ шляпокъ и высокоподнятые воротнички мужчинъ почти совершенно закрывали лица тѣхъ и другихъ. Срисовывая эту уродливую моду, каррикатуристъ, конечно, преувеличилъ ее, особенно въ изображеніи дамскихъ костюмовъ: не разберешь даже, въ которую сторону идетъ дама въ ея безобразномъ нарядѣ. Какъ проводилъ свой день денди высшаго круга видно изъ слѣдующихъ строкъ одного дневника; «1-го мая 1802 года. Спалъ скверно, благодаря кларету сэра Ричарда, выпитому за ужиномъ въ достаточномъ количествѣ. Всталъ въ половинѣ третьяго. Послѣ туалета и завтрака поѣхалъ кататься верхомъ — хорошая

лошадь, но не слѣдуетъ ѣздить все на одной и той же; на слѣдующій разъ надо велѣть осѣдлать другую. Обѣдалъ въ шесть часовъ съ сэръ Ричардомъ; онъ говорилъ много хорошихъ вещей, но я все позабылъ послѣ трехъ бутылокъ кларету. Отправились въ театръ, поспѣли къ концу какой-то трагедіи или комедіи — хоро-

Моды 1803 года.

шенько не помню. Кажется игралъ Кембль, а, впрочемъ, можетъ быть и не онъ. Мистриссъ Сидонсъ была очень хороша, если только это была Сидонсъ. Потомъ попалъ въ клубъ, гдѣ сѣлъ играть въ карты и проигралъ всѣ деньги, какія со мной были. Вернулся домой не знаю когда». А вотъ и дневникъ одной лэди—того же чи-

сла и года: «Во снѣ видѣла капитана—красавецъ мужчина. Вспомнила о вчерашнемъ проигрышѣ: никогда не буду играть съ этой старой мошенницей. За туалетомъ сидѣла всего два часа, потомъ каталась послѣ завтрака, встрѣтила капитана; обѣдала съ нимъ въ 7 ч. у лэди Раккетъ, — онъ былъ особенно любезенъ. Поѣхали въ оперу. Мой прежній обожатель сидѣлъ напротивъ въ ложѣ. Изъ театра поѣхали на раутъ лэди Скуандеръ—какое-то смѣшанное общество. Сѣли играть и я выиграла съ капитана порядочную сумму. Утѣшила его тѣмъ, что сказала: сочтемся. Онъ спросилъ: и безъ реванша? Я улыбнулась. Вернулась домой въ шестомъ часу утра. Долго не могла заснуть»...

Моды 1810 года.

Вотъ что пишетъ «Morning Post» о томъ, какъ проводилъ свой день Георгъ III. «Ноября 7-го 1806 года. Король встаетъ обыкновенно въ половинѣ 8-го и тотчасъ же отправляется на половину королевы, гдѣ его встрѣчаетъ одна изъ принцессъ: Августа, Софія или Амалия. Съ ними онъ отправляется въ дворцовую капеллу, гдѣ слушаютъ обѣдню, продолжающуюся около часа. Въ 9 часовъ король завтракаетъ съ королевою и пятью принцессами въ ея комнатахъ, при чемъ строго соблюдается придворный этикетъ, хотя въ это время не бываетъ никого изъ постороннихъ. Завтракъ продолжается около полчасы, послѣ чего король ѣздитъ верхомъ въ сопровожденіи одной изъ принцессъ. Если погода не позволяетъ выѣхать, Георгъ посылаетъ за генераломъ Фитцроемъ или Маннерсомъ и играетъ въ шахматы. Онъ очень хорошій игрокъ. Обѣдаетъ онъ ровно въ два часа, всегда одинъ, королева и прин-

цессы — въ четыре; въ пять онъ приходитъ къ нимъ, когда онѣ еще за столомъ и выпиваетъ съ ними рюмку вина. Затѣмъ онъ занимается своими дѣлами съ своимъ частнымъ секретаремъ, полковникомъ Тайлоромъ. Вечеръ Георгъ проводитъ за картами, на половинѣ королевы, куда, на партію виста, приглашаются близкія особы. Въ десять часовъ онъ удаляется и королевская фамилія одна остается ужинать. Въ 11 идутъ спать». Такъ повторяется изо дня въ день, цѣлый годъ, прибавляетъ газета, забывая упомянуть, когда же король занимается государственными дѣлами.

Дѣтямъ тогда, какъ и теперь, давали классическое воспитаніе; изъ новѣйшихъ языковъ учили французскому и итальянскому;

Чтеніе моднаго романа.

естественныя науки, физика, химія не преподавались. Воспитаніемъ дѣвушекъ занимались еще менѣе и онѣ очень быстро эманципировались, сами себѣ отыскивая жениховъ. Ранніе браки заключались часто, и не всегда съ согласія родителей. Это была эпоха процвѣтанія Гретна-Грина. По шотландскимъ законамъ не требовали для вступленія въ бракъ ни церковнаго обряда, ни согласія родителей, ни присутствія духовнаго лица. Достаточно было, если женихъ и невѣста при свидѣтелѣ, которымъ могъ быть всякій, изъявляли желаніе соединиться, давали другъ другу обѣтъ въ вѣрности, произносили извѣстныя молитвы. Свидѣтель давалъ имъ

и своему приходу удостовѣреніе, что бракъ дѣйствительно заключенъ, и онъ считался совершенно законнымъ. Поэтому всѣ, чей бракъ встрѣчалъ какія-либо препятствія въ Англіи, отправлялись въ Шотландію и тамъ, въ первой пограничной деревушкѣ Гретна-Гринъ, ихъ вѣнчалъ обыкновенно кузнецъ, надѣвавшій для этой церемоніи парикъ и парадный костюмъ и читавшій за молодыхъ всѣ нужныя молитвы, въ то время какъ они обмѣнивались кольцами. Только въ 1856 году былъ, наконецъ, уничтоженъ этотъ странный обычай, парламентскимъ актомъ, постановившимъ, что для законности брака, заключеннаго въ Шотландіи,

Костюмы «невидимокъ».

необходимо по крайней мѣрѣ пребываніе въ этой странѣ въ теченіе двадцати одного дня. Парламентъ, придумавъ такую уловку потому, что не смѣлъ прямо уничтожить старинный законъ, не рѣшался положить конецъ еще болѣе дикому закону, позволявшему простолюдинамъ продавать своихъ женъ на рынкѣ. Этотъ обычай практиковался свободно все это время, и авторъ книги «Six mois à Londres», вышедшей въ 1816 году, описываетъ нѣсколько подобныхъ продажъ на Смитфильдскомъ рынкѣ, которыхъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Чтобы уничтожить этотъ законъ, парламентъ и до нашего времени не придумалъ никакого компромиса, и газеты 1882 года: «Daily News» отъ 2-го мая и «Pall-Mall» отъ 20-го октября

приводяты два случая подобной продажи съ именами покупателей и продавцовъ и съ указаніемъ цѣны товара, проданнаго въ первомъ случаѣ за кружку эля, а во второмъ за пенни и угощеніе обѣдомъ. Въ Кумберландѣ существовалъ еще другой мѣстный, но болѣе гуманный обычай. Если одинокая безродная женщина дѣлалась беременною и ее не хотѣли держать во время беременности тѣ, у кого она работала, священникъ ея прихода вывѣшивалъ въ церкви объявленіе, что въ такой-то день, послѣ обѣдни, будетъ предложено женщинамъ взять на свое попеченіе женщину въ періодѣ беременности и на извѣстное время послѣ ея разрѣшенія. За это уплачивалось изъ церковныхъ суммъ, и тому, кто рѣшался брать меньшую сумму—женщина «отдавалась въ наймы».

Бракъ въ Гретна-Гринѣ.

У дамъ той эпохи былъ одинъ порокъ общій съ мужчинами—страсть къ игрѣ въ карты. Она была не такъ сильна какъ въ концѣ XVIII вѣка, когда леди Арчеръ и Конканонъ выставлялись къ позорному столбу (см. статью нашу «Общественная жизнь въ Англии въ концѣ прошлаго вѣка «Историческій Вѣстникъ», томъ XXIV, стр. 193), но оставила замѣтные слѣды и въ первыхъ годахъ нашего столѣтія. Мы видѣли, что карты были любимую вечернею забавою и въ королевской семьѣ, гдѣ не играли только въ азартныя игры. Газеты того времени осмѣиваютъ странный обычай—сохранившійся, увы! и до нашихъ дней,—собирать съ гостей деньги за карты и еще въ увеличенномъ размѣрѣ противъ ихъ продажной цѣны. «Morning Herald» называетъ этотъ обычай «постыднымъ»

доказательствомъ упадка гостепріимства въ старой Англіи». Газета говоритъ также объ одной леди, проигравшей въ одинъ вечеръ 200,000 фунт. стерлинговъ, что и по тогдашнему курсу составить миллионъ четырехста тысячъ рублей на наши деньги. Судьи и не преслѣдовали и не закрывали игорные дома, потому что сами про-сѣживали въ нихъ ночи за картами. Министры и члены парла-мента рѣзались въ «фаро» и «баккара». Питтъ и Фоксъ были страстные игроки. Принцъ Уэльскій съ своимъ другомъ Шерида-номъ проигрывалъ значительныя суммы въ клубѣ Брукса, гдѣ со-бирались виги. Допускать публичную азартную игру всѣ госу-дарства считаютъ предосудительнымъ, но чѣмъ же лучше устройство государственной лотереи, практикуемое и до сихъ поръ прямо въ Италіи и косвенно въ другихъ странахъ подъ видомъ займовъ съ преміями и т. п? Англія въ то время получала отъ такой лотереи 350,000 фунт. стерлинговъ въ годъ, а для разрѣшенія частныхъ лотерей требовался парламентскій билль. Онъ былъ данъ въ это время только два раза: въ 1800 году Пиготу и Бойелю. Первому разрѣшено разъ-играть въ лотерею фамилльные брилліанты, второму—картинную гал-лерю. Государственная лотерея уничтожена въ Англіи въ 1826 году.

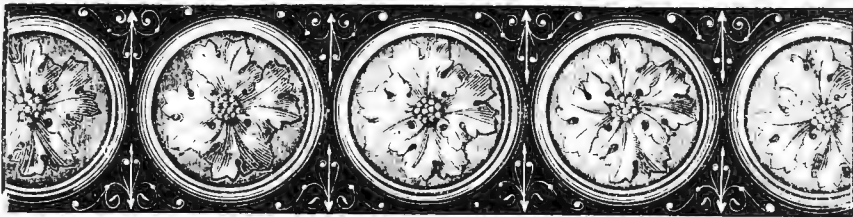
Послѣ игры сильнѣе всего у англичанъ — страсть къ пари. Большія суммы выигрывались и проигрывались на скачкахъ и на пѣтушиныхъ бояхъ; послѣдніе уже уничтожены, когда же придетъ очередь первыхъ, столько же бесполезныхъ, но еще болѣе вредныхъ, въ настоящее время, когда къ пустой забавѣ присоединилось еще мошенничество всякаго рода при сдѣлкахъ съ жокеями и самый постыдный видъ азартной игры, принявшей форму тотализатора. Газеты сохранили имена дамъ, державшихъ крупныя пари на скачкахъ. Леди Ладъ и мистриссъ Торнтонъ, вдова полковника, сами участвовали на частныхъ скачкахъ и выигрывали большіе пари. Варварское зрѣлище пѣтушиныхъ боевъ принадлежало къ числу народныхъ забавъ еще у грековъ и римлянъ, стравливав-шихъ между собою не только пѣтуховъ, но и перепеловъ. Въ Анг-ліи о пѣтушиныхъ бояхъ упоминается еще въ началѣ XII столѣтія. Эдуардъ III, Генрихъ VIII, Елисавета и Кромвель напрасно издавали указы, запрещавшіе эту дикую забаву: она практиковалась явно или тайно въ теченіе столѣтій. Газеты начала восьмисотыхъ годовъ печатали широковѣщательныя объявленія объ этихъ бояхъ, происходившихъ ежедневно въ разныхъ кварталахъ столицы. На этихъ зрѣлищахъ проигрывались также огромныя пари, лорды сталкивались съ мошенниками. «Королевско-пѣтушиная арена» (Cock pit royal) закрылась только въ 1816 году. Гоггартъ обезсмертилъ въ своихъ карикатурахъ эти бои, окончательно запрещенные въ 1819 году; но запрещеніе касалось только публичныхъ представле-ній. Охотники до зрѣлищъ этого рода продолжали собираться въ укромныхъ мѣстахъ, гдѣ въ избранныхъ кружкахъ предавались

своей любимой забавѣ. Не мало любителей привлекали и травли быковъ собаками. Животное для этой цѣли привязывали обыкновенно на длинной веревкѣ и выпускали на него своры шавокъ и бульдоговъ. Быкъ распарывалъ брюхо не одной собакѣ, прежде чѣмъ имъ удавалось свалить его съ ногъ измученнаго и облитаго кровью изъ многочисленныхъ ранъ. До смерти загрызть животное однако не позволяли и остервенѣвшихъ псовъ разгоняли арапниками, чѣмъ оставались очень недовольны зрители. Въ 1802 году въ парламентѣ поднять былъ вопросъ о запрещеніи этихъ зрѣлищъ, уничтоженныхъ уже въ Ирландіи. Многіе члены доказывали, что травля, такое же «дозволительное развлечение какъ охота и рыбная ловля и что быкъ храбрый по своей натурѣ, съ удовольствіемъ вступить въ бой съ собаками, а зрѣлище отважной битвы воспламеняетъ мужествомъ сердца благородныхъ англичанъ». Кортеней привелъ даже стихи изъ поэтовъ Клавдіана и Симмаха, писавшихъ о боѣ въ римскомъ циркѣ британскихъ быковъ (*taurorum Britanniae*) съ собаками Скоттовъ (*Scotia canes*). Напрасно Шериданъ и Вильберфорсъ, отстаивавшіе въ парламентѣ билль о прекращеніи торговли невольниками, доказывали варварство травли быковъ, она была разрѣшена большинствомъ 13-ти голосовъ и признана незаконною только въ 1835 году.

Можно ли послѣ этого удивляться, что еще больше травли—англичанъ приводили въ восторгъ кулачные бои, или такъ называемый боксъ. Отъ той эпохи перешли къ намъ имена знаменитыхъ боксеровъ: Джеми, Бельчера, Джона Голли, пажка Георга IV, впоследствии — члена парламента голандца Сама, Тома Крибба, негра Молино и др. Сколько skulls свернули они на сторону, сколько расквасили носовъ, подбили глазъ, переломали реберъ! Народъ смотрѣлъ на боксеровъ съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ на офицеровъ, отличавшихся храбростью въ сраженіяхъ; принцъ Уэльскій былъ ихъ патрономъ и посѣщая поединки боксеровъ награждалъ изъ своихъ рукъ побѣдителей. Боксированіе было запрещено закономъ, но страсть къ этому зрѣлищу была такъ велика во всѣхъ классахъ общества, что суды только тогда преслѣдовали бойцовъ, когда драка оканчивалась смертью одного изъ нихъ. Большинство органовъ печати было, конечно, противъ этого варварскаго зрѣлища, но у него были и защитники, находившіе, что кулачные бои развиваютъ мускулатуру, ловкость и силу и много содѣйствуютъ физическому укрѣпленію здоровья. Извѣстные боксеры дрались за деньги, на пари, но были даже и между лордами аматеры, разбивавшіе фізіономіи противника—изъ любви къ искусству. Чѣмъ же лучше эти высокорожденные дилетанты бокса—тѣхъ бѣдняковъ, которые для насущнаго прокормленія занимались сворачиваньемъ челюстей у своихъ братьевъ? Дикіе инстинкты привилегированныхъ лицъ возбуждаютъ больше отвращенія, чѣмъ грубость простолюдина.

В. Зотовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Подробный словарь русских гравированных портретов.
Составилъ Д. Ровинскій. Спб. 1886—1889.**

УССКАЯ иконографія обогатилась новымъ, въ высшей степени добросовѣстнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ, трудомъ, — «Подробнымъ словаремъ русскихъ гравированныхъ портретовъ», составленнымъ извѣстнымъ знатокомъ и собирателемъ гравюръ Д. А. Ровинскимъ. Подобный словарь уже былъ издавъ имъ въ 1872 году и скоро сдѣлался библиографической рѣдкостью, потому что отвѣчалъ вполне своей цѣли, — служить руководствомъ для собирателей и любителей гравюръ. Можно сказать безъ преувеличенія, что «Словарь» г. Ровинскаго создалъ много новыхъ собирателей, возбудивъ охоту къ собиранію именно русскихъ гравюръ и давая руководящую нить при составленіи и систематизаціи коллекцій. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что за послѣдніе пятнадцать лѣтъ цѣна на русскія гравюры за границей повысилась почти въ десять разъ, а въ Петербургѣ и Москвѣ появились спеціальныя торговцы гравюрами, скупающіе ихъ всюду и затѣмъ перепродающіе любителямъ съ хорошей выгодой. Возбужденіе въ обществѣ вниманія къ иконографіи не замедлило принести обильные плоды: открылась масса неизвѣстныхъ до того времени портретовъ, отыскались старинныя гравированныя доски, издано нѣсколько прекрасныхъ иконографическихъ изслѣдованій и т. п. Накопленіе значительнаго количества новыхъ свѣдѣній вызвало настоятельную потребность въ повомъ «Словарѣ», болѣе полномъ и подробномъ, и г. Ровинскій рѣшился удовлетворить этой потребности. Владѣя самымъ обширнымъ собраніемъ гравюръ въ Россіи, обладая опытностью, знаніями, необычайнымъ трудолюбіемъ, энергіей и страстной любовью къ дѣлу, онъ одинъ только и могъ исполнить такую сложную и кропотливую работу.

Изданный теперь г. Ровинским «Словарь» можно назвать образцовымъ. Въ немъ описано болѣе 10,000 портретовъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ; портреты одного и того же лица размѣщены по живописнымъ оригиналамъ или типамъ, а типы въ хронологическомъ порядкѣ: сперва поставлены ранніе молодые портреты лица, потомъ болѣе поздніе; при этомъ подведены подъ извѣстные типы только прямо подходящіе къ нимъ портреты, безъ особой натяжки; остальные затѣмъ портреты отнесены къ неизвѣстнымъ типамъ, которые, въ свою очередь, распределены въ хронологическомъ порядкѣ, или же по мѣсту изданія. О каждомъ портретѣ сказано, въ какой рамѣ онъ выгравированъ, какимъ способомъ, въ какомъ размѣрѣ и положеніи, какимъ мастеромъ, при чемъ точно обозначены размѣры гравюры и дословно приведены всѣ подписи подъ ней. При особенно рѣдкихъ листахъ, указаны собранія, въ которыхъ они находятся, а въ извѣстныхъ случаяхъ указаны и живописные оригиналы, съ которыхъ исполнены гравюры, а также и оригинальныя литографіи съ портретовъ, если они почему либо замѣчательны и т. п. Почти о каждомъ лицѣ помѣщена краткая биографическая замѣтка, иногда рассказы современниковъ о его ви́шнемъ видѣ, обиходѣ и другихъ подробностяхъ, относящихся къ иконографической области; въ нѣкоторыхъ случаяхъ приведена критическая оцѣнка подлинности и сходства портретовъ.

Къ «Словарю» присоединено восемь приложений и особое изслѣдованіе, названное г. Ровинскимъ «Заключеніемъ» и состоящее изъ восьми главъ.

Въ первомъ приложеніи перечислены, въ хронологическомъ порядкѣ, существующія книги и изданія съ портретами. Во второмъ—перечислены частныя и общественныя собранія русскихъ портретовъ, съ обозначеніемъ самыхъ замѣчательныхъ въ нихъ экземпляровъ. Третье—содержитъ въ себѣ матеріалы для исторіи портретнаго дѣла въ Россіи до 1700 года. Въ четвертомъ—помѣщено изслѣдованіе о томъ, откуда заимствованы изображенія русскихъ князей и царей отъ Рюрика до Іоанна Грознаго. Въ пятомъ—перечислены живописные портреты, сохранившіеся до нашего времени въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ и у частныхъ лицъ. Шестое—содержитъ замѣтки о портретахъ, писанныхъ на эмали и на кости. Седьмое—цензурныя правила, относящіеся до гравированныхъ портретовъ. Въ восьмомъ—перечислены сохранившіяся мѣдныя доски, съ которыхъ любители могутъ получать отпечатки. «Заключеніе» представляетъ изъ себя самостоятельное и чрезвычайно любопытное изслѣдованіе о портретной живописи и портретномъ гравированіи въ Россіи, по царствованіямъ, съ появленія первыхъ въ Россіи портретовъ или «парсунъ» до настоящаго времени. Одна изъ главъ «Заключенія», именно седьмая, посвящена описанію сатирическихъ картинокъ съ объясненіемъ ихъ сюжетовъ, а въ восьмой главѣ сообщаются свѣдѣнія о разныхъ способахъ гравированія, о разныхъ системахъ для раскладки гравюръ, о томъ, гдѣ можно приобрѣтать портреты, по какой приблизительно цѣнѣ и т. п. Наконецъ, къ «Словарю» приложены два алфата: первый изъ нихъ содержитъ имена граверовъ, медальеровъ, живописцевъ и другихъ художниковъ, произведенія которыхъ упоминаются въ «Словарѣ», а второй заключаетъ общій перечень портретовъ, поименованныхъ въ изданіи.

Изъ сдѣланнаго нами сжатаго очерка содержанія труда г. Ровинскаго можно видѣть до какой степени онъ полонъ, разнообразенъ и важенъ не

только для собирателей портретовъ и гравюръ, но и для всѣхъ, занимающихся русской исторіей. Это изданіе, во многихъ отношеніяхъ, является путеводной звѣздой и для любителя, и для художника, и для историка, которые не разъ искренно благодарятъ г. Ровинскаго за его неутомимую и плодотворную дѣятельность въ той мало еще до него изслѣдованной области, которой онъ посвятилъ свои силы, энергію и матеріальныя средства.

«Словарь» изданъ въ двухъ видахъ. Одно изданіе, въ двухъ томахъ, безъ иллюстрацій, стоитъ 10 рублей. Другое изданіе, въ четырехъ томахъ (текстъ одинъ и тотъ же), съ 700 фототипическими портретами, стоитъ 40 рублей. Это послѣднее изданіе, по своей роскоши, по количеству и совершенству исполненія иллюстрацій, можетъ быть названо выдающимся и составляетъ драгоценное приобрѣтеніе для всѣхъ, интересующихся отечественной иконографіей. Въ числѣ приложенныхъ къ нему портретовъ, находятся портреты почти всѣхъ историческихъ личностей, почти всѣ листы, извѣстные въ уникахъ, рѣдкіе тезисы, портреты женщинъ, портреты, находящіеся въ рѣдкихъ книгахъ и т. п. Портреты особенно замѣчательныхъ людей представлены въ цѣломъ рядѣ типовъ, въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что историкъ и художникъ могутъ прослѣдить извѣстную личность въ разныхъ ея возрастахъ. Фототипии исполнены съ необычайной тщательностью и искусствомъ московскими фотографами-фототипами Шиндлеромъ и Меемъ, не смотря на то, что имъ приходилось преодолевать большія трудности, уменьшая иныя копии въ двадцать разъ противъ оригинала,

Услуга, оказанная Д. А. Ровинскимъ русской иконографіи и вообще русской исторической наукѣ изданіемъ «Словаря», огромна и, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ оцѣнена по достоинству. Въ увѣренности, что «Словарь» въ скоромъ времени потребуетъ новаго изданія, мы позволимъ себѣ указать уважаемому автору на нѣкоторые пропуски, замѣченные нами при бѣгломъ просмотрѣ его замѣчательнаго труда.

При описаніи наружности императрицы Анны Ивановны, сдѣлана ссылка только на двухъ ея современниковъ: княгиню Н. Б. Долгорукую и леди Рондо; между тѣмъ, наружность этой государыни гораздо подробнѣе описана у Берхгольца (Дневникъ, ч. 4, стр. 30) у дюка де-Лирія (Записки, изд. 1845 г., стр. 114) и у Миниха-сына (Записки, стр. 175—187). При портретахъ императора Петра II нѣтъ вовсе описанія его наружности, тогда какъ свѣдѣнія объ этомъ можно найти у Лирія (стр. 113) и въ одной изъ депешъ саксонскаго посланника Лефорта (Сб. Ист. Общ., т. 5, стр. 324). О внѣшности императрицы Екатерины I, кромѣ замѣчаній маркграфини Байретской и Кампредона, слѣдовало бы привести также и гораздо болѣе вѣрное свидѣтельство чловѣка къ ней близкаго, именно Вильбуа (Memoires, pg. 122—123). При портретахъ цесаревны Анны Петровны не приведено весьма подробно описанія ея наружности, сдѣланнаго Бассевичемъ (Записки, стр. 167). При портретахъ Петра III слѣдовало бы привести указанія на его внѣшность, находящіеся въ запискахъ его воспитателя Штелина (Сб. «Утро», 1868 г., стр. 354). Описаніе наружности императрицы Елисаветы Петровны заимствовано только изъ записокъ Екатерины II и донесенія Кампредона, и пропущены гораздо болѣе подробныя описанія французскаго посланника Лави (Журн. мин. нар. проsv. 1844, кн. 2), видѣвшаго Елисавету, когда ей было 19 лѣтъ; Берхгольца (Дневникъ, ч. 1, стр. 54), Лирія (стр. 115), фельдмаршала Миниха (Evauche, стр. 167). Въмѣсто портрета Лефорта, котораго нѣтъ

вовсе, воспроизведенъ ошибочно (на стр. 1187, второго тома) портретъ Ягужинскаго. Въ перечнѣ книгъ съ портретами, мы не встрѣтили слѣдующихъ изданій: «Шантеонъ знаменитыхъ современниковъ», Спб. 1843 (12 портретовъ); «Лицей князя Безбородко», Спб. 1859 (14 портретовъ); «Опытъ биографій генераль-прокуроровъ и министровъ юстици», Иванова, Спб. 1863 (17 портретовъ); «Альбомъ Пушкинской выставки», М. 1882 (35 портретовъ); «Жуковский и его произведенія», изд. Поливанова, М. 1883 (20 портретовъ); «Краткій очеркъ исторіи Финляндскаго полка», Спб. 1846 (12 портретовъ); «Очеркъ исторіи Морскаго кадетскаго корпуса», Спб. 1852 (14 портретовъ); «Пятидесятилѣтіе института и корпуса инженеровъ путей сообщенія», Спб. 1859 (10 портретовъ); «Записки о родѣ князей Голицыныхъ», Спб. 1853 (10 портретовъ); «Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій», Карновича, Спб. 1884 (12 портретовъ). Къ числу книгъ съ портретами слѣдуетъ отнести и «Иллюстрированный Альманахъ», изданный въ 1848 году Некрасовымъ и Панаевымъ, гдѣ, хотя и въ карикатурномъ видѣ, находятся очень схожіе портреты Даргомыжскаго, Кукольника, Бѣлинскаго, Бранта, Краевскаго, Григоровича, В. А. Каратыгина, П. А. Каратыгина, Булгарина, Панаева и Некрасова.

С. Ш.

Н. П. Лихачевъ. Разрядные дѣяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1889.

Трудъ молодого, серьезнаго и талантливаго ученаго, разбираемый нами принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся ученыхъ трудовъ послѣдняго десятилѣтія русской исторической науки. По своимъ научнымъ достоинствамъ, по замѣчательному критическому такту автора, по его рѣдкой способности къ мелочному и кропотливому розыску въ горахъ самаго сухого и скучнаго архивнаго матеріала,—трудъ г. Лихачева стоитъ цѣлою головою выше всего, что въ послѣднее время было напечатано по русской исторіи, хотя многіе изъ недавнихъ изслѣдованій въ этой области и превозносились нашею критикой выше всякой мѣры. Г. Лихачевъ, счастливо одаренный отъ природы всѣми данными, необходимыми для серьезной и полезной разработки историческаго матеріала, представляетъ собою рѣдкое исключеніе между нашими молодыми учеными еще и въ томъ отношеніи, что, при изумительномъ трудолюбіи, онъ не накопляетъ, не громоздитъ въ своемъ трудѣ никакого излишняго матеріала, не подбираетъ научныя данныя только ради собственнаго удовольствія, ради тщеславнаго желанія блеснуть своею обширною эрудиціею... Нѣтъ! Онъ относится къ своей задачѣ строго, неуклонно отбрасываетъ все несущественное въ примѣчанія, а въ текстѣ своей книги пишетъ необходимыя ему факты, какъ жемчугъ на нитку: читатель легко перебираетъ эти драгоценныя четки, и, не теряя нити, связующей зерна, легко доходитъ до того результата, къ которому его ведетъ авторъ. Нельзя при этомъ упустить изъ виду и то особое свойство труда г. Лихачева, которое онъ считаетъ большимъ недостаткомъ и называетъ «мозаичностью». «При всемъ желаніи»,—говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ,—«не удалось мнѣ избѣгнуть мозаичности, отрывочности въ изложеніи, виною чего является мелочность и отрывочность тѣхъ почерпнутыхъ въ разнообразныхъ источникахъ фактовъ и указаній, изъ которыхъ приходилось составить связанное цѣлое». Авторъ въ этихъ словахъ, видимо, такъ

увлекся желаніем отыскивать и указывать читателю свои недостатки, что даже и самъ не замѣтилъ, какъ впалъ въ противорѣчіе. Если ему приходилось составлять «связное цѣлое» изъ своей «мозаичной» работы, то весь вопросъ сводится къ тому, въ какой степени удалось ему создать это «цѣлое» изъ отдѣльныхъ кусочковъ научной мозаической работы? Если этого результата удалось достигнуть, если мозаика не рябитъ въ глазахъ своими составными частями, то при чемъ же тутъ упрекъ самому себѣ въ «мозаичности» труда? Съ полнымъ безпристрастіемъ заявляемъ автору, что насъ нисколько не поразила «мозаичность» его книги, такъ какъ изъ нея вышло прекрасное «вполнѣ научное цѣлое», которое, конечно, будетъ оцѣнено по достоинству «небольшимъ кружкомъ специалистовъ и любителей русской исторической науки». Скажемъ даже больше: «мозаичность» труда г. Лихачева пришла намъ очень по-сердцу и показалась чѣмъ-то новымъ, чѣмъ-то небывалымъ въ крупныхъ историческихъ трудахъ нашихъ. Г. Лихачевъ—первый между нашими молодыми учеными—совершенно свободно и откровенно раскрываетъ передъ каждымъ изъ своихъ читателей всю свою научную лабораторію, каждому указывая подробно свой путь изслѣдованія, свой методъ работы, нисколько не скрывая своихъ приѣмовъ, совершенно искренно высказывая свои внутреннія убѣжденія и прямо сознаваясь въ томъ, что тѣ или другіе углы картины остаются ему темными. Слѣдуя такому пути, авторъ совершенно свободно можетъ характеризовать свою работу слѣдующимъ удачнымъ сравненіемъ: «Чтобы рисовать картину, надо заготовить холстъ, а для картины дѣятельности приказовъ въ эпоху Ивана Грознаго полотно еще не соткано и можетъ быть не одному, а многимъ изслѣдователямъ придется поработать надъ нимъ» (стр. 229)... И г. Лихачевъ не боится быть «однимъ изъ многихъ изслѣдователей»: онъ знаетъ, чѣмъ дѣлаетъ, и для чего дѣлаетъ; знаетъ, что своимъ, повидимому, кропотливымъ и мелочнымъ разслѣдованіемъ подробностей, готовитъ «полотно» для будущей картины, готовитъ почву для будущихъ изслѣдователей. Главною же основою всей научной постройки, воздвигнутой г. Лихачевымъ, являлась всюду тщательная и строгая критическая оцѣнка матеріала, изъ котораго онъ создавалъ свое изслѣдованіе. «Слѣдуя примѣру тщательности старыхъ историковъ,—говоритъ г. Лихачевъ,—я старался не оставлять ни одного рукописнаго источника безъ описанія, которое бы давало возможность судить о его содержаніи, значеніи и степени критической достовѣрности». Главное вниманіе «обращалъ онъ на сводъ матеріала, доказательность и возможность немедленной провѣрки каждаго сообщаемого имъ факта»; мѣстами онъ не жалѣлъ ни труда, ни времени «на анализъ малозначительной, повидимому, фразы источника, если видѣлъ, что такой анализъ можетъ выяснитъ ея скрытый смыслъ въ томъ или другомъ отношеніи». И вотъ, благодаря тѣмъ же строго-научнымъ приѣмамъ, изслѣдованіе г. Лихачева обратилось въ толстый, объемистый томъ (въ 559 стр., съ указателемъ, занимающимъ еще около 100 стр.), въ которомъ авторъ одновременно и равномерно ведетъ и свое изслѣдованіе, и подробнѣйшую, драгоценную критику источниковъ, относимую имъ въ примѣчанія подъ страницю, прекрасно дополняющія текстъ. Эта двойная работа ведется такъ отчетливо, такъ просто, такъ толково, что масса фактовъ не загораживаетъ выводовъ и даже мелкія критическія замѣтки не теряются въ огромномъ наплывѣ текстовъ и цитатъ.

Новость научных приемов, так смело и так просто примененных г. Лихачевым в его трудѣ, заставила насъ высказать все вышеизложенное прежде, нежели мы стали говорить о самомъ изслѣдованіи молодого и талантливаго ученаго. Выяснивъ такимъ образомъ его воззрѣнія и отношенія къ научной работѣ, постараемся ознакомить читателя съ самою сущностью труда г. Лихачева и съ тѣми задачами, разрѣшенію которыхъ онъ посвящаетъ свою объемистую книгу.

Заглавіе книги не вполне точно опредѣляетъ ту область, которую обнимаетъ собою изслѣдованіе г. Лихачева, потому что оно занимается вовсе не одними «Разрядными дьяками XVI вѣка», а напротивъ, даетъ весьма полный очеркъ «внѣшней исторіи Разряда» (или Разряднаго Приказа) въ Москвѣ XVI столѣтія. Для того, чтобы дать эту исторію въ такой полнотѣ, какая возможна по доселѣ открытымъ, доселѣ извѣстнымъ источникамъ, авторъ дѣлитъ свою книгу на четыре громадныя главы, изъ которыхъ каждая могла бы, сама по себѣ, составить весьма почтенную диссертацию. Въ первой изъ этихъ главъ г. Лихачевъ занимается разборомъ спорнаго общаго «вопроса о времени образованія Приказовъ» и точнѣйшимъ опредѣленіемъ того, что именно слѣдуетъ считать Приказомъ въ смыслѣ государственнаго учрежденія. Разбирая все до сихъ поръ высказанныя въ русской исторической наукѣ мнѣнія о «Приказахъ», г. Лихачевъ становится на сторону тѣхъ ученыхъ, которые признаютъ въ нашихъ старинныхъ Приказахъ не простыя канцеляріи, а чисто-коллегіальныя учрежденія. При этомъ онъ весьма остроумно подходитъ къ своему выводу, избирая «окольные пути», для рѣшенія вопроса, который не оказывается возможности рѣшить путемъ критическихъ данныхъ. «Коллегіальностью»,—по мнѣнію г. Лихачева,—«характеризуются Приказы, какъ учрежденія», въ которыхъ «судилъ одинъ судья, одинъ дворецкій, но при нихъ состояли одинъ или нѣсколько дьяковъ, съ которыми они и судили вмѣстѣ, а иногда бывало и нѣсколько судей»... «Подлинность акта свидѣтельствовалась подписью одного изъ дьяковъ; иногда документъ скрѣплялся и всею составомъ учрежденія»... «Скрѣпа дьяка являлась существенною частью документа» (стр. 26 и слѣд.)... «Въ XV столѣтіи появляются грамоты съ дьячьею приписью, въ XVI вѣкѣ это становится необходимою чертою». Но такъ какъ Приказы выросли изъ личныхъ порученій, изъ личныхъ распоряженій одного лица, поставленнаго вѣдать одно какое-нибудь дѣло, то г. Лихачевъ предлагаетъ держаться слѣдующаго совершенно вѣрнаго приема для опредѣленія той эпохи, когда простые «Приказы» князя-хозяина обратились въ административныя учрежденія государственнаго значенія. «Разсматривая массу приказныхъ документовъ, мы должны придти къ выводу, что подпись одного дьяка можетъ относиться и къ пункту личнаго приказа, и ко времени коллегіальныхъ приказовъ; скрѣпа же двухъ дьяковъ свидѣтельствуетъ о существованіи въ данное время Приказа, какъ учрежденія».

Приводя документальныя свидѣтельства о существованіи Приказовъ, какъ учреждений, уже въ самомъ началѣ XVI вѣка (1509—1512 гг.), указывая на то, что въ это время, «кроме Приказа Большаго Дворца, были одинъ или нѣсколько недворцовыхъ приказовъ», авторъ вслѣдъ за симъ указываетъ на различіе (не всею понимаемое) между значеніемъ «казны» и «казеннаго двора», разъясняетъ значеніе казны, какъ государственнаго архива, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о способѣ храненія документовъ въ

казнѣ, перечисляетъ древнѣйшіе Приказы, приводитъ любопытныя свѣдѣнія о существованіи Аптекарскаго Приказа въ XVI вѣкѣ и довольно долго останавливается на разборѣ мнѣнія профессора Ключевскаго о позднемъ происхожденіи Посольскаго Приказа.

Во второй главѣ своей книги г. Лихачевъ переходитъ къ исторіи «Разряднаго» Приказа, важнѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ старинныхъ государственныхыхъ учрежденій, вѣдавшаго воинскимъ дѣломъ, служилымъ дворянствомъ и всѣми его интересами, начиная отъ повышеній чести и прибавокъ къ помѣстьямъ и жалованью до «сысковъ о чести и о безчестіи и о наказаніи (за безчестье)». Разбирая спорный вопросъ о времени происхожденія Разряда, г. Лихачевъ приходитъ къ такому выводу: «Разрядъ былъ основанъ тогда, когда служебныя назначенія (военныя, гражданскія и дипломатическія) сдѣлались на столько многочисленны, что для веденія имъ списковъ потребовалась при Думѣ особая канцелярія» (стр. 79 и слѣд.)... «Смыслъ Разряда, какъ думской канцеляріи, указываетъ и на его глубокую древность и объясняетъ любопытное явленіе, что дьякъ Разряда оставался въ то же время дѣлопроизводителемъ Думы». На этомъ основаніи г. Лихачевъ предполагаетъ, что Разрядъ могъ существовать и ранѣе 1534 г. (древнѣйшее упоминаніе о немъ) и излагаетъ по документамъ біографіи лицъ, бывшихъ дьяками въ Разрядѣ около 1534—1537 гг. Затѣмъ, на основаніи мѣстныхъ споровъ и правыхъ грамотъ, авторъ старается возстановить исторію Разряда до 1534 г. и возводитъ ее до 1504 года, указывая на необходимость признать несомнѣнное существованіе въ этомъ году разрядныхъ записей, а слѣдовательно и учрежденія, которое обязано было вести ихъ.

Большую половину второй главы г. Лихачевъ посвящаетъ разбору важнаго вопроса о дьяческомъ вліяніи на дѣла государственныя, о значеніи дьяковъ вообще, и, въ частности—дьяковъ разрядныхъ. Характеристика дѣятельности этого полезнаго и трудолюбиваго класса старыхъ московскихъ дѣльцовъ постоянно представляется намъ настолько новою и важною въ книгѣ г. Лихачева, что мы приводимъ ее здѣсь цѣликомъ, какъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую науку:

«Московское Государство не признавало спеціализаціи дѣлъ: какъ дѣти бояръ—стольники, такъ и дьяки не были приурочены къ какому-либо отдѣльному вѣдомству. Юный сынъ не особенно выдающагося дьяка обыкновенно начиналъ службу подьячимъ или значительный періодъ времени, въ качествѣ сына боярскаго, бывалъ на посылкахъ приставомъ, гономъ и т. д. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ знакомился онъ съ производствомъ дѣлъ, присутствовалъ при пріемахъ пословъ, исполнял мелкія порученія и проч. Назначенный дьякомъ, онъ не оставался долго въ одномъ и томъ же приказѣ, а постепенно повышался и если обладалъ выдающимися способностями, то заканчивалъ карьеру думнымъ дьякомъ одного изъ важнѣйшихъ Приказовъ, Разряднаго или Посольскаго. Дьякъ Приказа не всегда даже оставался въ Москвѣ, въ промежутокъ между сидѣньемъ въ двухъ Приказахъ онъ могъ ѣхать въ товарищахъ съ намѣстникомъ или воеводой въ областной городъ, могъ отправиться въ посольство—въ ранній періодъ даже самостоятельнымъ посломъ; въ XVII же вѣкѣ исключительно въ меньшихъ товарищахъ съ родовитыми послами; могъ, наконецъ, получить какое-либо особое порученіе, напримѣръ, наказъ описать извѣстную область. Многолѣтняя практика выработывала глубокихъ знатоковъ правительственнаго

строю и административной дѣятельности. Свидѣтельствомъ работы этихъ практическихъ умовъ остался намъ типичный и точный юридическій языкъ, выработанный дьяками. Изложеніе посольскихъ книгъ, точность, полнота и въ то же время краткость книгъ писцовыхъ, формулы грамотъ—все внушаетъ уваженія къ этимъ дѣятелямъ старины. Лучшимъ доказательствомъ знаній дьяковъ можетъ служить извѣстная книга Кошихина, написанная подъячимъ, не дослужившимся до дьячества, далеко отъ родины, лишь съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича въ рукахъ. Какой современный столоначальникъ былъ бы въ состояніи, не пользуясь массою пособій, написать такую полную картину современной Россіи?» (стр. 131—132).

Указывая далѣе на то вліяніе, которое должны были дьяки оказывать на боярство, г. Лихачевъ весьма подробно выясняетъ ихъ общественное положеніе. Онъ указываетъ намъ и на сословный составъ дьяческаго класса и на происхожденіе большинства ихъ изъ служилыхъ дворянскихъ родовъ или же изъ второстепеннаго боярства удѣльныхъ князей; слѣдитъ за ихъ имущественнымъ положеніемъ и доказываетъ наследственность дьяческаго званія. Отдѣльно и подробно разсматриваетъ г. Лихачевъ всѣ степени (чины) дьячества и развиваетъ передъ нами полную картину ихъ обширныхъ родственныхъ связей съ первѣйшими боярскими родами. Рисую передъ нами, въ образѣ отдѣльныхъ личностей изъ дьяческаго сословія широкую картину полнаго развитія силы и могущества думскихъ дьяковъ (Щелкаловыхъ, Курицыныхъ, Цыплетевыхъ, Грамотиныхъ), авторъ указываетъ и на темныя стороны ихъ дѣятельности,—на самовольства, подлоги въ документахъ, обманы изъ-за корыстныхъ видовъ или родственныхъ отношеній. Однимъ словомъ, читатель, по прочтеніи второй главы въ книгѣ г. Лихачева, получаетъ уже полную возможность судить о значеніи дьяка въ древней Руси и на многія явленія старинной московской жизни—смотримъ совершенно иначе, нежели мы вообще привыкли до сихъ поръ, на основанія общихъ историческихъ трудовъ, часто перепутывающихъ факты и не относящихся съ достаточно-строгой критикой къ свидѣтельству иностранцевъ.

Переходя въ III главѣ, къ исторіи Разряднаго Приказа въ половинѣ XVI вѣка, г. Лихачевъ подраздѣляетъ эту главу на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ онъ разсматриваетъ всѣ источники, изъ которыхъ могутъ быть почерпнуты свѣдѣнія о дѣятельности разрядныхъ дьяковъ. Въ числѣ этихъ источниковъ особенное значеніе придаетъ авторъ такъ называемой «Новгородской грамотной книги» (хранящейся въ Археографической комиссіи) и на основаніи ея опредѣляетъ любопытный фактъ выдающагося значенія новгородскихъ и псковскихъ дьяковъ, которые «большою частью не были вовсе подчинены намѣстнику», «бывали младшими товарищами воеводъ» и не только слѣдили за государевыми доходами, но завѣдывали судами и даже принимали участіе въ намѣстничьемъ управленіи» (стр. 253 и слѣд.). Въ этомъ же отдѣлѣ (на стр. 267) находимъ весьма важное и положительное указаніе на существованіе помѣстной избы въ половинѣ XVI вѣка ¹⁾.

Во второмъ отдѣлѣ III главы авторъ занимается разсматриваніемъ документовъ, въ которыхъ собственно и выражалась дѣятельность Разряднаго

¹⁾ Г. Лихачевъ замѣчаетъ: «указаніе важно для насъ тѣмъ, что является наиболее древнимъ и ускользнуло отъ вниманія профессоровъ Неволіна и Владимірскаго-Буданова».

Приказа въ XVII столѣтїи, т. е. книгъ разрядныхъ, книгъ боярскихъ, боярскихъ и приказныхъ списковъ, десятень, а также и Государева родословца, хранившагося въ Разрядномъ Приказѣ. Изъ подробнаго обзора этихъ документовъ, въ связи съ общою массою родословныхъ росписей, свадебныхъ разрядовъ и мѣстническихъ дѣлъ, г. Лихачевъ приходитъ къ чрезвычайно любопытнымъ выводамъ касательно древности Разряда. Такъ, на стр. 309, онъ говоритъ, въ видѣ доказательнаго вывода: «нельзя сомнѣваться въ томъ, что роспись воеводъ похода на Вятку въ 1489 г. была занесена въ «государевы разряды», а на стр. 319 уже положительно утверждаетъ, что «разрядныя записи составились въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, съ конца XV столѣтїя» и «въ первой половинѣ XVI вѣка по нимъ уже велись разнаго рода книги».

Далѣе, исходя изъ той же системы сравнительнаго изученїя документовъ, г. Лихачевъ даетъ намъ чрезвычайно важныя и любопытныя свѣдѣнїя объ отношенїи дьяковъ «къ веденїю лѣтописей» и вообще о «прикосновенїи государевыхъ дьяковъ къ лѣтописному дѣлу», въ которомъ столь важную роль играетъ «пользованїе документами», находившимися на храненїи у дьяковъ (стр. 325 и сл.). Участїе дьяковъ въ лѣтописномъ дѣлѣ, между прочимъ, старается авторъ подтвердить и вообще тою дьяческою страстью къ писательству, которая отчасти сказывалась и въ сильно укоренившемся обычаѣ «компилированїя» и «справливанья», который нашелъ себѣ особенное примѣненїе въ отдѣльныхъ разрядныхъ рукописяхъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ. «Какъ различно могло быть содержанїе отдѣльныхъ разрядныхъ рукописей, показываетъ приписка, сдѣланная по листамъ въ известной «Бутурлинской разрядной книгѣ»—приписка, говорящая о «затѣйкахъ» и «прилогахъ». Приводимъ здѣсь эту характерную приписку цѣликомъ:

«Оминская книга Ивановича Квашнина не зѣло справчива; много и затеекъ написано: писалъ затейки много Ѳома Ивановичъ Квашнинъ, чего въ государевыхъ разрядахъ и не бывало, своими прилоги, для своего Квашниныхъ роду, а гдѣ его затейки писаны, а тутъ справлено подъ тѣми статьями, гдѣ онъ неправдою писалъ своею затейкою» (стр. 331 и примѣчанїе 332).

Особенно любопытна та часть III главы, въ которой г. Лихачевъ разбираетъ значенїе «Государева родословца» и связанныхъ съ нимъ легендъ, вопросъ о «выѣздахъ» и «прїѣзжихъ родахъ»¹⁾ и вообще обсуждаетъ степень достовѣрности родословныхъ росписей, поданныхъ въ Разрядъ въ концѣ XVII вѣка.

Въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ III главы авторъ занимается боярскими книгами, боярскими списками и десятнями, стараясь опредѣлить хотя приблизительно ту эпоху, до которой эти документы могутъ быть возводимы.

¹⁾ Чрезвычайно любопытно то замѣчанїе, которое вскользь бросаетъ г. Лихачевъ (говоря о «Государевомъ родословцѣ» и о «Бархатной книгѣ»): «Исследователь исторїи Московской Руси долженъ со вниманїемъ остановиться на томъ странномъ явленїи, что почти всѣ важнѣйшіе роды служилаго дворянства, не происходящіе отъ Рюрика, по ихъ заявленїю, непременно потомки какаго-нибудь выѣхавшаго на Русь знатнаго иностранца. Русское происхожденїе было для служилаго человѣка XVII столѣтїя почти обиднымъ» (стр. 399).

Четвертую главу, которую заканчивается книга, авторъ посвящаетъ исторіи Разряда во второй половинѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII вѣка, до конца междоцарствія. Слѣдуя той же системѣ изслѣдованія, онъ излагаетъ исторію Разряда по отдѣльнымъ его представителямъ изъ дьяческаго сословія и блистательно заканчиваетъ свой трудъ рядомъ въ высшей степени важныхъ и новыхъ тезисовъ, добытыхъ для русской науки путемъ многолѣтнихъ трудовъ, серьезнаго изученія источниковъ и сильно развитой наблюдательности талантливаго молодого ученаго.

Послѣ всего вышеизложеннаго, конечно, болѣе чѣмъ странно возвращаться къ предисловію и къ тѣмъ укорамъ, которые авторъ самъ себя дѣлаетъ, то стараясь оправдаться въ «торопливости», съ которою будто бы написанъ его трудъ, то въ «неравномѣрной обработкѣ частей», то въ «сухости изложенія». Можно быть вполне увѣреннымъ, что никому и въ голову не придетъ укорять въ этомъ г. Лихачева. Съ своей стороны, мы увѣрены въ томъ, что авторъ книги «Разрядные дьяки XVI вѣка» обратитъ на себя своимъ изслѣдованіемъ общее вниманіе русскихъ ученыхъ, а самый трудъ его несомнѣнно будетъ долго еще служить полезнѣйшею справочною книгою для всѣхъ занимающихся русскою исторіею XVI и XVII вѣковъ.

П. Полевой.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга вторая. Спб. 1889.

Второй томъ труда г. Барсукова застаётъ Погодина въ первой половинѣ 1826 г. участникомъ церемоніи при похоронахъ императора Александра I. Начиная съ этого событія, авторъ продолжаетъ, какъ и въ первомъ томѣ, вести свое правдивое повѣствованіе изо дня въ день о жизни нашего историка на основаніи неизданныхъ дневниковъ и писемъ, а также всей относящейся сюда литературы и доводитъ свою работу до 1830 года. Такимъ образомъ, второй томъ, который по объему больше предшествующаго, обнимаетъ собою всего лишь четыре года жизни Погодина, изъ чего видно, что настоящій трудъ объщаетъ разрастись до значительныхъ размѣровъ, особенно если принять во вниманіе ту тщательность, съ которою авторомъ собрано малѣйшее свѣдѣніе о событіяхъ и лицахъ, имѣвшихъ хотя какое-нибудь соприкосновеніе съ главной темой; послѣднее обстоятельство составляетъ безусловно великую заслугу г. Барсукова, объщая его труду значеніе не только простой біографіи хотя и очень выдающейся личности, но и своего рода характеристики русскаго общества извѣстныхъ слоевъ и его виднѣйшихъ представителей. Изслѣдователь и въ настоящемъ томѣ остается вѣренъ принятому плану: онъ рисуетъ намъ Погодина какъ частное лицо—друза дома кн. Трубецкихъ и при томъ безнадежно влюбленнаго въ княжну Александру Ивановну (этой любви съ ея проявленіями, носящей на себѣ нѣсколько сентиментально-комическій характеръ, удѣлено г. Барсуковымъ ужъ слишкомъ много мѣста) и затѣмъ Погодина, какъ общественнаго дѣятеля, въ роли ученаго при Московскомъ университетѣ и въ роли издателя и редактора «Московского Вѣстника». Излагая дѣятельность Погодина на поприщѣ журналистики, г. Барсуковъ знакомитъ читателей съ сотрудниками, врагами и недругами «Московского Вѣстника», описываетъ подробно всѣ перипетіи, переживаемыя этимъ органомъ съ самаго момента его возникновенія. Здѣсь

передъ читателемъ проходить длинная вереница корифеевъ русской журналистики двадцатыхъ годовъ, въ томъ числѣ Пушкинъ, кн. Вяземскій, Веневитиновъ, Шевыревъ и множество другихъ, кончая братьями Полевыми, какъ представителями иного враждебнаго направленія на страницахъ «Московского Телеграфа». Всякій, кто писалъ и дѣйствовалъ на литературномъ и научномъ поприщѣ двадцатыхъ годовъ въ Москвѣ или Петербургѣ, не остался обойденнымъ молчаніемъ: всякому воздано по заслугамъ, при чемъ автору удалось собрать такое обиліе новаго матеріала для той эпохи, что многія явленія литературной жизни представляются въ новомъ освѣщеніи и получаютъ свое истинное истолкованіе. Достоинъ всякихъ похвалъ и отношеніе г. Барсукова къ главному дѣйствующему лицу повѣствованія: онъ не увлекается Погодинымъ, не рисуетъ его воплощеніемъ добродѣтели, ума и сердца, а изображаетъ его такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: часто несимпатичный, самолюбивый и тщеславный. Эта безпристрастность автора особенно наглядно высказалась по поводу напечатанія Погодинымъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» замѣчаній Арцыбашева на «Исторію государства Россійскаго» — эпизодъ въ нашей литературѣ, къ которому г. Барсуковъ съумѣлъ подойти съ должнымъ тактомъ исторіографа и показать, что правило «amicus Plato, sed magis amica veritas» ему дорого въ научныхъ работахъ. Нельзя не привѣтствовать также существенно отличія настоящаго тома отъ предшествовавшаго: г. Барсуковъ освободился отъ того недостатка, на который было указано «Историческимъ Вѣстникомъ» и который такъ непріятно дѣйствовалъ на общее впечатлѣніе, при чтеніи жизнеописанія Погодина — это крайняя пристрастность автора къ временамъ до-реформеннымъ и постоянное стремленіе уязвить современность. Ничего подобнаго во 2-мъ томѣ не повторяется: изложеніе отличается вездѣ спокойствіемъ, ровностью и нѣтъ ненужныхъ отступленій въ совѣмъ постороннія области.

Б. Г.—скій.

Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Монографія и критическія статьи А. П. Пятковского. Въ двухъ частяхъ. Второе дополненное изданіе. Спб. 1888.

Новая и новѣйшая русская литература, т. е. литература XVIII и XIX столѣтій, представляетъ обширное полуразработанное поле для научныхъ и критическихъ изслѣдованій. Многое уже сдѣлано трудами Пекарскаго, Невеленова, Пыпина (послѣднимъ особенно для литературы нынѣшняго столѣтія), Булича, Аванасьева и др., а еще больше остается сдѣлать. Если въ литературѣ XVIII вѣка уже намѣчены и почти изслѣдованы ея главныя теченія, главныя явленія и выдающіеся дѣятели, то первая половина нынѣшняго вѣка представляетъ цѣлый рядъ неразрѣшенныхъ и даже совсѣмъ нетронутыхъ задачъ. Поэтому, всякая попытка изученія и истолкованія этихъ задачъ, — попытка добросовѣстная и безпристрастная, безъ тенденцій и предвзятыхъ взглядовъ, является цѣнной, если даже авторъ не владѣетъ цѣлымъ арсеналомъ учености и не задается цѣлями исчерпать свой предметъ досконально. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высшей степени полезно, если авторъ обрабатываетъ новыя темы въ видѣ журнальныхъ статей для публики, ибо послѣднія серьезныхъ ученыхъ сочиненій не читаетъ, а журнальные очерки,

написанные интересно, без утомительныхъ подробностей, прочтеть со вниманіемъ и съ большимъ назиданіемъ для себя.

Имя г. Пятковскаго занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто среди названныхъ нами именъ тѣхъ писателей, которые занимались и занимаются изслѣдованіемъ новой и новѣйшей литературы. Большая часть (но не все) изъ его монографій и критическихъ статей, собранныхъ въ толстый томъ около 700 страницъ мелкой и убористой печати, раздѣленный на двѣ части, носятъ характеръ журнальныхъ очерковъ и популярныхъ статей. Но это несколько не мѣшаетъ этимъ монографіямъ и критическимъ статьямъ обладать большими достоинствами и обращать на себя вниманіе не только публики, но и ученыхъ специалистовъ, историковъ литературы. Вниманіе послѣднихъ должно быть обращено преимущественно на вторую часть, заключающую въ себѣ «Очерки изъ исторіи русской журналистики», «Журнальный триумvirатъ» и двѣ біографіи князя В. Ѳ. Одоевскаго и Д. В. Веневитинова. Всѣ эти работы являются въ нашей литературѣ единственными въ своемъ родѣ.

Исторія русской журналистики до сихъ поръ еще ждетъ своего изслѣдователя, который, воспользовавшись трудами предшественниковъ, пополнивъ оставленные ими пробѣлы, а нѣкоторые вопросы переизслѣдовавъ вновь, написалъ бы обстоятельную монографію на эту благодарную и въ высшей степени интересную тему. Этотъ будущій историкъ непременно обратится къ «Очеркамъ» г. Пятковскаго, который, не вдаваясь въ библиографическіе подробности, очень мѣтко и удачно слѣдитъ въ нихъ «за нитью развитія», опредѣляющей все измѣненія въ характерѣ прессы, начиная съ того момента, когда Петръ I сталъ пользоваться печатью для государственныхъ цѣлей и кончая второй половиной царствованія Александра I. Столь же полезной и цѣнной для будущаго историка явится и статья «Журнальный триумvirатъ», служащая продолженіемъ «Очерковъ» и посвященная краткимъ, но мѣткимъ и рельефнымъ характеристикамъ трехъ въ своемъ родѣ «знаменитыхъ» журналистовъ 30-хъ годовъ — Греча, Булгарина и Сенковского. Въ этихъ работахъ по исторіи журналистики особенно ярко сказались симпатичныя качества литературнаго дарованія г. Пятковскаго—его широкій кругозоръ, его умѣнье схватывать въ изслѣдуемомъ вопросѣ характерныя черты, умѣнье изслѣдовать вопросъ въ связи съ общественной жизнью даннаго времени, его живой и характерный языкъ. Послѣдними качествами отличаются и двѣ помянутыя біографіи, посвященныя разсмотрѣнію жизни и дѣятельности двухъ писателей, не пріобрѣвшихъ громкой литературной славы, не оказавшихъ особеннаго вліянія на развитіе русской литературы нынѣшняго вѣка и почти неизвѣстныхъ публикѣ, но тѣмъ не менѣе очень талантливыхъ и во многихъ отношеніяхъ примѣчательныхъ. Г. Пятковскому прекрасно удалось нарисовать какъ личность рано умершаго (всего 22-хъ лѣтъ) симпатичнаго, талантливаго Веневитинова, такъ свѣтлый образъ кн. Одоевскаго, того писателя-мыслителя и гуманнѣйшаго человѣка, который до самаго полдняго дня своей святой, труженнической жизни (род. 1803, ум. 1869 г.) не переставалъ горячо интересоваться литературой, наукой и общественной жизнью. Можно только пожалѣть, что авторъ ограничился однимъ біографическимъ очеркомъ кн. Одоевскаго, не сдѣлавъ оцѣнки его литературной дѣятельности.

Первая часть монографій и статей г. Пятковскаго имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ только-что разобранная нами вторая. Въ первой части помѣ-

щено девять статей, изъ которыхъ только двѣ носятъ характеръ самостоятельныхъ изслѣдованій: 1) «О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина» и 2) «Цензурный проектъ Магницкаго». Остальные семь (изъ нихъ нужно еще исключить «Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ») представляютъ рецензіи, написанныя въ видѣ статей, на очень интересныя книги. Большая часть изъ этихъ рецензій-статей имѣетъ значеніе въ смыслѣ характеристики воззрѣній г. Пятковскаго на русскую исторію, подчасъ заслуживающихъ всякаго вниманія. Но одна статья-рецензія — «Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова» — всегда казалась намъ и до сихъ поръ кажется выдающимся произведеніемъ въ смыслѣ обстоятельной и безпристрастной оцѣнки второго тома «Исторіи русской словесности» г. Галахова. Въ этой обширной рецензіи г. Пятковскій высказываетъ много цѣнныхъ педагогическихъ замѣчаній, не утратившихъ до сихъ поръ своего значенія (хотя рецензія написана 20 лѣтъ тому назадъ), блестяще разбиваетъ узкія и пристрастныя мнѣнія г. Галахова о Карамзинѣ и Жуковскомъ, дѣлая съ своей стороны мѣткую и правдивую характеристику автора «Исторіи Государства Россійскаго».

С. Тр.

Д. Л. Мордовцевъ. Историческія пропилеи. 2 тома. Спб. 1889.

Подъ такимъ заглавіемъ г. Мордовцевъ издалъ въ двухъ томахъ часть своихъ многочисленныхъ статей и замѣтокъ историческаго содержанія, печатавшихся имъ въ разное время и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Придавая имъ значеніе только до нѣкоторой степени обработаннаго матеріала, авторъ въ предисловіи объясняетъ, почему онъ далъ такое малопытное съ перваго раза для обыкновеннаго читателя заглавіе своему труду: онъ смотритъ на свои статьи, «какъ на простыя кирпичи, можетъ быть, пригодныя для того, чтобы войти служебнымъ матеріаломъ въ будущее зданіе исторіи, подобно тому, какъ классическія пропилеи, составляя преддверіе храмовъ, не считались обитателями божества, а только вели въ эти свѣтлыни чрезъ амфилады колонны и портики». Нужно, однако, отдать полную справедливость скромному автору: историческіе кирпичи его «Пропилей» приготовлены умѣлою и искусною рукою, мѣстами они сложены даже такъ, что читатель видитъ архитектуру будущаго историческаго зданія и стиль автора. Это присутствіе стиля дѣлаетъ трудъ г. Мордовцева не только простымъ собраніемъ ничего общаго между собою не имѣющихъ статей, но отводитъ ему, какъ и вообще большинству историческихъ работъ этого писателя, особое мѣсто съ извѣстнымъ направленіемъ, получившимъ начало въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія. Направленіе г. Мордовцева высказано имъ особенно ясно въ статьѣ: «Представляетъ ли прошедшее русскаго народа какія-либо политическія движенія», написанной въ отвѣтъ на рецензію г. Щебальскаго, въ которой послѣдній упрекнулъ г. Мордовцева въ неправильномъ пониманіи задачъ изученія русской исторіи. Возражая своему строгому рецензенту, г. Мордовцевъ говоритъ, что русскій народъ еще не имѣетъ своей исторіи, такъ какъ историки до сихъ поръ занимались исключительно войнами, генералами и законодателями, оставляя въ сторонѣ историческую жизнь народа; эта послѣдняя выяснится лишь тогда, когда будетъ обращено одинаковое вниманіе на выраженія и проявленія обѣихъ силъ, лежащихъ въ основаніи всякаго явленія—силы

инерціи и силы движенія съ средою, сопротивляющеюся этому движенію, силы центростремительной и силы центробѣжной... т. е. когда будущій историкъ дастъ намъ безпристрастную и художественно-нарисованную картину того, «какъ копалъ землю, вносилъ подати, отбывалъ рекрутчину, благоденствовалъ и страдалъ русскій народъ, какъ онъ коснѣлъ или развивался, какъ подчасъ онъ бунтовалъ и разбойничалъ цѣлыми массами, воровалъ и бѣгалъ тоже массами въ то время, когда для счастья его работали генералы, полководцы и законодатели». Этимъ массовымъ движеніямъ, которыя авторъ называетъ проявленіемъ силы центробѣжной и ея факторовъ, онъ придаетъ большое значеніе и изученію ихъ онъ посвящаетъ большую часть своихъ историческихъ работъ, полагая, что «этимъ скромнымъ дѣломъ» онъ кладетъ «первый камень подъ великое зданіе будущей исторіи русскаго народа». Статьи, относящіяся къ этимъ массовымъ, стихійнымъ движеніямъ, въ которыхъ г. Мордовцевъ по преимуществу усматриваетъ «народный духъ», сосредоточены по большей части въ I т. «Прописей», что и дѣлаетъ этотъ томъ особенно цѣннымъ для историческаго изученія. Здѣсь останавливаются на себѣ вниманіе три большихъ очерка, посвященныхъ исторіи раскола и быту раскольничьихъ общинъ: «Послѣдніе годы Иргизскихъ раскольничьихъ общинъ», «Движеніе въ расколѣ въ тридцатыхъ годахъ» и «Борьба съ расколомъ въ Поволжьи». Всѣ эти статьи, написанныя очень живо, составлены, главнымъ образомъ, на основаніи неизданныхъ документовъ, почерпнутыхъ изъ разныхъ провинціальныхъ архивовъ и раскольничьихъ писемъ; благодаря этому, онѣ представляютъ богатый вкладъ въ нашу историческую литературу и прекрасно освѣщаютъ многія остававшіяся до сихъ поръ невыясненными стороны раскольничьей жизни въ ея историческомъ развитіи и главнымъ образомъ съ точки зрѣнія ея политическаго значенія, какъ силы, протестующей противъ тѣсныхъ рамокъ крѣпостнаго права и московской централизаціи. Если почтеннаго автора и можно упрекнуть въ чемъ-либо относительно его статей о массовыхъ движеніяхъ и ихъ значеніи, такъ это въ нѣкоторой преувеличенной идеализаціи, въ излишнемъ психологическомъ анализѣ стихійныхъ дѣйствующихъ силъ, при сравнительно недостаточномъ количествѣ данныхъ для вполне научнаго и всесторонняго анализа, и приданіи этимъ движеніямъ не всегда присущей имъ осмысленности. Не смотря, однако, на эти слабыя стороны, собранный матеріалъ сгруппированъ и освѣщенъ авторомъ настолько удачно, что главная цѣль его—изобразить безпристрастно одну изъ сторонъ исторической народной жизни достигается имъ съ полнымъ успѣхомъ. Полны также живого интереса и прекрасно обработаны очерки «Участіе семинаристовъ въ народныхъ движеніяхъ прошлаго вѣка», «Чума въ Москвѣ 1771 г.», «Вспышка Позизовой вольницы въ 1812 году» и «Калѣки переходящія»; въ послѣдней статьѣ г. Мордовцевъ излагаетъ генезисъ и историческое значеніе нищенства, при чемъ приводитъ очень любопытную параллель въ этомъ соціальномъ явленіи у народовъ германо-романскаго и славянскаго міровъ.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличается II т. «Прописей»: здѣсь рядомъ съ статьями научнаго и историческаго значенія, каковы всѣ очерки I тома, попадаются статьи, написанныя по поводу того или другого общественаго явленія, мало имѣющія отношенія къ исторической жизни народа, носящія на себѣ дробный, фелетонный характеръ и которыя могли

бы быть безъ всякаго ущерба выкинуты изъ книги какъ излишній литературный балластъ. Но рядомъ съ этими статьями попадаются и такія, которыя заслуживаютъ серьезнаго вниманія читателя и составляютъ украшеніе всего труда г. Мордовцева. Къ числу таковыхъ должны быть отнесены статьи: «Послѣдній историческій «шпынь», въ которой мастерски нарисованъ портретъ оберъ-шталмейстера двора императрицы Екатерины II, Льва Александровича Нарышкина; «Одинъ изъ случаевъ», гдѣ идетъ рѣчь объ извѣстномъ случайномъ бловнѣ судьбы конца прошлаго столѣтія графѣ А. М. Мамоновѣ и «Одинъ изъ Лже-Константиновъ», представляющей собой страничку той малоислѣдованной исторіи русскаго народа, изученію которой посвятилъ себя по преимуществу г. Мордовцевъ. Не мало интереса также вызываютъ и тѣ статьи автора, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ характеристику провинціальной печати и отношенія къ ней столичной прессы.

Б. Г—скій.

Ө. И. Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго—двадцатипятилѣтіе его художественной дѣятельности. Изданіе Ө. И. Булгакова и А. П. Коломина. Спб. 1889.

Нельзя не отнестись сочувственно къ вновь предпринятому изданію подъ выписаннымъ нами заглавіемъ, изданію, имѣющему въ виду содѣйствовать популяризаціи образцовыхъ произведеній выдающихся русскихъ живописцевъ, ибо, по вѣрной мысли составителя «Альбома», общедоступное и изящное собраніе главнѣйшихъ картинъ каждаго изъ нихъ обрисовываетъ индивидуальность и содержаніе дѣятельности художника ярче и рельефнѣе, чѣмъ любое изъ лучшихъ его произведеній, взятое въ отдѣльности, хотя бы и переданное въ самомъ роскошнѣйшемъ снимкѣ. Г. Булгаковъ намѣревается постепенно, въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, печатать обзоры дѣятельности крупнѣйшихъ нашихъ художниковъ, создававшихъ и создающихъ славу русскаго искусства. Эти обзоры послужатъ необходимымъ поясненіемъ къ снимкамъ съ лучшихъ картинъ, такъ что современемъ изъ снимковъ «Альбома» составитя возможно полная галерея образцовъ русской живописи, наглядно характеризующая заслуги русскихъ живописцевъ.

Для перваго выпуска «Альбома» г. Булгаковъ избралъ пейзажи проф. В. Д. Орловскаго, мастерски передающаго поэтическія красоты нашей русской природы. Этотъ первый выпускъ имѣетъ юбилейный характеръ, ибо въ прошломъ году исполнилось 25 лѣтъ художественной дѣятельности даровитаго пейзажиста-кореея. По объясненію г. Булгакова, имъ руководило при выборѣ матеріала для перваго выпуска и то соображеніе, что В. Д. Орловскій совсѣмъ не заботился о собираніи и храненіи матеріала, безъ котораго не можетъ быть составлена полная его біографія: нашъ талантливый пейзажистъ никогда не помѣщалъ свѣдѣній о своихъ работахъ въ отчетахъ Академіи Художествъ и не берегъ фотографическихъ снимковъ съ немногихъ произведеній. При такихъ условіяхъ первый опытъ группировки въ одно цѣлое данныхъ, характеризующихъ оригинальный талантъ В. Д. Орловскаго и его многостороннюю художественную производительность въ продолженіе 25 лѣтъ, является вполне своевременнымъ. Поэтому-то нельзя не пожелать «Альбому» г. Булгакова полного успѣха. Съ внѣшней стороны

изданіе очень изящно и красиво, представляя большую тетрадь in-4°, съ заглавной виньеткой, съ двумя портретами Орловскаго и съ 22-мя хорошо исполненными снимками съ его картинъ. Z.

Русскимъ ли правительствомъ узаконено иноземное идолопоклонническое ламство въ православной Россіи. Е. Воронца.

Харьковъ, 1889.

По поводу ожидаемыхъ церковно-государственныхъ преобразованій въ Сибири. Его же. Москва. 1887.

Ламскій вопросъ. Его же. Москва. 1888.

Существенная историческая справка по ламскому вопросу. Его же. Спб., 1888.

Ламаизмъ, широко распространенный между инородцами нашего Забайкалья, представляетъ собою позднѣйшее видоизмѣненіе буддизма, религіи, основанной индійскимъ мудрецомъ Шакья-Муни около VI вѣка до Р. X. Въ то время, какъ древній буддизмъ отличался безсодержательностью, отвлеченностью, и состоялъ собственно изъ ученія о «нирванѣ», т. е. совершенномъ покоѣ, безстрастіи, къ которому долженъ стремиться всякій человѣкъ, какъ къ конечной цѣли бытія,—ламаизмъ имѣетъ болѣе развитую догматику, ритуаль и іерархію. Во главѣ іерархіи ламаизма стоитъ тибетскій далай-лама, живущій въ Ласѣ и владѣющій Тибетомъ на правахъ теократическаго государя, подчиненнаго Китаю. Затѣмъ, въ Монголіи, въ г. Ургѣ, имѣетъ мѣстопробываніе первосвященникъ монгольскихъ ламъ, хутухту, который, подобно далай-ламѣ, считается земнымъ воплощеніемъ божества и также пользуется свѣтскою властью. Далѣе, въ іерархическомъ порядкѣ, слѣдуютъ хамбо, имѣющие право посвящать въ низшія степени ламства, ширетуи, т. е. настоятели кумирень и дацановъ (монастырей), и ихъ помощники, порджіи, и др. должностныя лица. Но все это—званія служебныя, степеней же посвященія ламаизмъ имѣетъ только три. Посвященнымъ въ первыя двѣ степени присвоено названіе ламъ, а всѣмъ посвященнымъ вообще—ховаракъ. Такимъ образомъ, въ ламаизмѣ нѣтъ іерархіи, въ нашемъ смыслѣ слова,—въ смыслѣ духовенства, противоположность мірянамъ. По основнымъ положеніямъ этого вѣроученія, «посвященные суть только монахи, отрешившіеся отъ мірской жизни и давшіе обѣты безбрачія, цѣломудрія, нищеты, умерщвленія въ себѣ всего чувственнаго, ищущіе въ трансцендентальномъ размышленіи своего личнаго успокоенія. Поэтому, въ отношеніи къ мірскимъ немонашескимъ почитателямъ ламаизма, на нихъ не налагается никакихъ духовныхъ обязанностей. Съ другой стороны, и міряне, хотя и почитающіе это ученіе, но не имѣющіе силы воли отказать отъ міра и сдѣлаться аскетами, не обязаны исполнять никакихъ религіозныхъ обрядовъ; для нихъ одобряется только подаваніе нищимъ-ламамъ милостыни, почему они и называются просто «милостынедавателями».

Не такъ это понято нашимъ законодательствомъ. Въ исторіи послѣдняго, въ отношеніи ламаизма, можно различать три главныя момента, стоящіе въ связи съ распространеніемъ этого вѣроученія въ русскихъ предѣлахъ. Во время покоренія Забайкалья русскими, всѣ кочевавшіе здѣсь племена бу-

рять и тунгусовъ придерживались шаманства (язычество на самой низкой степени развитія). Впервые въ русскіе предѣлы ламаизмъ занесенъ поступившими въ подданство Россіи, по договору съ Китаемъ, въ 1689 г., монгольскими племенами, въ средѣ которыхъ находились тогда два ширетуя. Въ 1741 г. въ нашемъ Забайкальѣ было уже 150 ламъ. Такъ какъ въ числѣ ихъ было много перебѣзчиковъ изъ Тибета, продолжающихъ сноситься съ своей родиной, то въ этомъ году всѣ ламы были приведены къ присягѣ на вѣрноподданство Россіи, и съ нихъ было взято обязательство не только не переходить за границу, но и не имѣть никакихъ сношеній «съ заграничными людьми». вмѣстѣ съ тѣмъ, наличное число ламъ (150) признано достаточнымъ для мѣстныхъ инородцевъ и «утверждено комплектнымъ», а во главѣ ихъ правительство поставило ширетуя. Такимъ образомъ, въ 1741 г. нашимъ правительствомъ впервые была признана легальность ламства и сдѣлана попытка регламентаціи его. Дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи видимъ въ 1764 г., когда, «вслѣдствіе происшедшихъ безпорядковъ по управленію сибирскими инородцами», ламаизму въ Россіи была дана болѣе прочная организація, учрежденіемъ для него своего бандидо-хамбы. Слѣдовавшіе одинъ за другимъ бандидо-хамбы широко пользовались своимъ правомъ—посвящать другихъ въ низшія степени ламаизма,—такъ что уже въ 1774 г. насчитывалось до 617 ламъ. Наконецъ, третій главный моментъ въ исторіи правительственной регламентаціи ламаизма представляетъ «Положеніе о ламскомъ духовенствѣ въ Восточной Сибири», изданное въ 1853 г. Названное «положеніе», на которомъ императоръ Николай I написалъ: «Щитать утвержденнымъ, но не вносить въ сводъ законовъ», остается въ силѣ до настоящаго времени.

Ошибочный взглядъ на ламъ, какъ на «духовенство», въ нашемъ смыслѣ слова, здѣсь проведенъ вполнѣ послѣдовательно, при томъ съ подчиненіемъ инородцевъ ламамъ и въ гражданскомъ отношеніи. Инородцы Забайкальскаго края приписаны къ ламскимъ дацанамъ (монастырямъ), какъ прихожане. Этою ошибкой ламы воспользовались вполнѣ и обратили приписанныхъ къ нимъ инородцевъ въ своихъ слугъ. Не довольствуясь обезпеченіемъ русскаго правительства и добровольными приношеніями частныхъ лицъ, ламы облагали инородцевъ еще общими налогами, въ пользу дацановъ и кумирень; отъ этихъ налоговъ, при старшинахъ-язычникахъ, не освобождаются и лица христіанскаго вѣроисповѣданія. Кромѣ узаконеннаго «положеніемъ» 1853 года числа (285) ламъ «штатныхъ», которые приняли видъ органовъ русской власти среди тунгусо-бурятъ, существуетъ множество ламъ «сверштаныхъ»: по официальнымъ свѣдѣніямъ 1868 г., ихъ оказалось 14,000,—а за послѣдніе 20-ть лѣтъ это число, конечно, еще увеличилось.—Такое размноженіе ламъ составляетъ истинное бѣдствіе для сибирскихъ инородцевъ. Существуетъ цѣлая система вымогательства и эксплуатаціи, основанная на обманѣ, на застрашиваніи легковѣрныхъ язычниковъ злыми духами, болѣзнями, потерей имущества и т. п. Оставляя въ сторонѣ свои монашескіе обѣты и постоянно живя по улусамъ, ламы ведутъ развратную жизнь. Они отнимаютъ женъ у мірянъ, которые иногда остаются вслѣдствіе этого совершенно безъ женъ, тогда какъ ламы имѣютъ по нѣскольку женъ, и только приписываютъ ихъ и дѣтей своихъ въ ревизскихъ сказкахъ къ своимъ братьямъ и родственникамъ. Таковы слѣдствія правительственной регламентаціи ламаизма, въ отношеніи быта инородцевъ. Кромѣ того, утвержде-

ние бандидо-хамбы высочайшею властію, какъ засвидѣтельствовано мѣстнымъ начальствомъ, «весьма много возвышаетъ въ глазахъ инородцевъ значеніе этой должности и даетъ лицу, занимающему оную, возможность противо-дѣйствовать стремленіямъ православной миссіи за Байкаломъ». Ламы внушаютъ туземнымъ инородцамъ отвращеніе къ христіанству и именемъ русскаго правительства требуютъ отъ нихъ принадлежности къ ламаизму. Надѣленіе же ламъ болѣе обширными, чѣмъ у православнаго духовенства, земельными угодіями и предоставленіе имъ льготъ, не исключая награжденія медалями и орденами не за какія-нибудь гражданскія заслуги, а единственно за исполненіе своихъ религіозныхъ обязанностей—все это содѣйствуетъ убѣжденію инородцевъ въ особенномъ покровительствѣ русскаго правительства ламайской вѣрѣ.

Такимъ образомъ, является необходимость измѣнить юридическое положеніе ламаизма, въ интересахъ тунгусо-бурятъ, населяющихъ Забайкалье,— необходимость, сознанная въ настоящее время и самимъ правительствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться съ авторомъ одной изъ передовыхъ статей «Восточнаго Обзорнія» (1887 г.): «Вѣра вѣрѣ рознь, а также важно практическое выраженіе вѣроисповѣданія и его формы. Весьма часто явленія культа и формы его складываются въ извѣстныя учрежденія, имѣютъ особыхъ представителей, которые вліяютъ на гражданскую, культурную и экономическую жизнь народа. Въ предѣлахъ этихъ всякое правительство имѣетъ право контролировать самыя проявленія культа. Мало того, его прямая обязанность является предупредить всякое злоупотребленіе культомъ, всякое шарлатанство, эксплуатацію и разореніе народа». Но какъ этого достигнуть, не нарушая принципа вѣротерпимости? Г. Воронецъ, отъ лица «церкви православно-русской», предлагаетъ слѣдующія мѣры. 1) Игнорируя ламаизмъ, въ его религіозномъ значеніи, не игнорировать самихъ ламъ, какъ аскетическую, антимірскую, безсемейную секту. Вслѣдствіе этого, отмѣнить установленные русскимъ правительствомъ штаты ламъ, со всеѣми ихъ послѣдствіями, т. е. правительственное распредѣленіе ламъ по степенямъ ихъ вѣры съ возложеніемъ на нихъ всякихъ обязанностей ламаизма, въ чемъ и не требовать отъ нихъ отчета гражданскому начальству; уничтожить также воспрещеніе жить въ дацанахъ и принадлежать къ ламамъ, такъ называемымъ, заштатнымъ ламамъ. 2) Отмѣнить приписку инородцевъ-мірянъ къ мѣщанамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ обязательныя, подчиненныя отношенія къ безсемейнымъ ламамъ, потому что принадлежать къ ламаизму міряне не могутъ фактически, не будучи монахами, и «ламаитами» названы они единственно по ошибкѣ прежнихъ органовъ русскаго правительства. 3) Такъ какъ, по правиламъ своего вѣроученія, ламы должны жить отдѣльно отъ мірянъ, именно въ дацанахъ, и никакихъ религіозныхъ требъ у мірянъ имъ не предписано совершать, то воспретить совершеніе вѣбъ дацановъ ламанскаго богослуженія и, такъ называемыхъ «грумовъ», т. е. гаданій, заклинаній и проч. Но богослуженіе ламъ внутри дацановъ предоставить ихъ полной свободѣ, если только оно не будетъ соединено съ нарушеніемъ гражданскихъ законовъ, — равно какъ и ходить въ дацаны, чтобы пользоваться тамъ ламскимъ служеніемъ, предоставить на волю самимъ тунгусамъ и бурятамъ. 4) Обязать тѣхъ ламъ, которые не захотятъ жить въ дацанахъ, отказаться отъ ламскаго званія и не совершать никакихъ религіозныхъ обрядовъ среди мірянъ. 5) Въ ламы

дозволить поступать желающимъ язычествующимъ инородцамъ не моложе 20 лѣтъ, не обязаннымъ казацкою службою, съ согласія ихъ общества и съ утверженія подлежащаго мѣстнаго начальства. Пріемъ же въ дацаны инородцевъ моложе 20 лѣтъ и дѣтей, съ какою бы ни было цѣлью, равно и внѣ дацановъ предназначеніе дѣтей въ ламы и преподаваніе ламскаго ученія, съ тибетскимъ языкомъ, строго воспретить. 6) Отмѣнить всѣ обязательные сборы на ламъ и ихъ дацаны, оставивъ для содержанія ихъ въ избыткѣ прирежеванныя къ дацанамъ земли, которыя и впредь должны принадлежать имъ на томъ же основаніи, какъ принадлежатъ земли инородческимъ улусамъ и деревнямъ. Наконецъ, 7) отмѣнить установленное для ламъ наказаніе лишеніемъ ихъ «духовнаго сана», т. е. званія невозможнаго по существу дѣла. Ламство есть принятіе извѣстныхъ обѣтовъ, а какая посторонняя власть можетъ лишить человѣка обѣтовъ, если онъ самъ этого не желаетъ? Высланные изъ дацановъ заштатъ ламы въ глазахъ ихъ почитателей остаются все такими же ламами, какъ и штатные. Поэтому, цѣлесообразнымъ указаніемъ за нарушеніе ламами установленныхъ для нихъ государственныхъ ограничительныхъ узаконеній должно быть удаленіе ихъ изъ мѣстъ инородческаго населенія въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста.

Предоставляя знатокамъ мѣстной жизни высказать свое компетентное сужденіе о томъ, насколько цѣлесообразны проектируемыя авторомъ мѣры, сдѣлаемъ съ своей стороны, одно замѣчаніе относительно его взглядовъ. Признавая вполне правильнымъ его желаніе «прежде и болѣе всего руководствоваться», при рѣшеніи ламскаго вопроса «исторію этого вопроса, его сущностью, его дѣйствительностью», мы думаемъ, что онъ не правъ, придавая слишкомъ большое значеніе вопросу о томъ «русскимъ ли правительствомъ узаконено иноземное идолопоклонническое ламство въ православной Россіи?» Въ первой изъ названныхъ нами брошюръ указъ 1741 года, впервые узаконившій у насъ ламаизмъ, авторъ приписываетъ правительству, «державшемуся въ такихъ вопросахъ древняго православно-русскаго направленія и основъ», — правительству, которое «не работало предъ иностранными теоріями и желаніями, и относилось къ иновѣрному ламаизму безобязанно и строго до угрозъ смертною казнію, не смотря на отмѣну тогда смертной казни въ общемъ законодательствѣ славной дочери Великаго Петра, императрицы Елисаветы» (стр. 23). Между тѣмъ двѣ послѣднія брошюры посвящены доказательству того положенія, что означенный указъ былъ изданъ «не въ царствованіе благочестивѣйшей императрицы Елисаветы Петровны, начавшаея съ 25-го ноября 1741 года, но еще въ началѣ 1741 года, въ самый разгаръ узурпаторскаго, насильственнаго господства надъ православнымъ отечествомъ нашимъ лютеранско-нѣмецкой партіи злодѣевъ Бирона, Остермана и ихъ товарищей по угнетенію Россіи». Оставивъ безъ вниманія противорѣчіе автора самому себѣ, и признавъ справедливымъ послѣднее утвержденіе, мы спрашиваемъ его: что же изъ этого слѣдуетъ? Если бы указъ 1741 года оставался въ силѣ до настоящаго времени, и, кромѣ его, не были бы другихъ постановленій, то и въ такомъ случаѣ рѣшеніе ламскаго вопроса должно было зависѣть отъ дѣйствительнаго положенія дѣла, отъ условій и требованій мѣстной жизни, а не отъ того, нѣмецкая или русская партія издала дѣйствующее постановленіе. Но когда данное постановленіе давно уже забыто, когда существуютъ и дѣйствуютъ позднѣйшія узаконенія, то такое или иное происхожденіе его не можетъ имѣть уже рѣшительно ни-

какого практическаго значенія. Не такъ, однако, думаетъ г. Воронежъ: «выясненія такого государственнаго основанія и начала ламства на Руси,— говоритъ онъ, — должно дать совершенно новое положеніе ламскому вопросу въ Россіи и должно установить совсѣмъ иное, чѣмъ существующее, отношеніе къ ламству настоящаго православно-русскаго правительства». Онъ полагаетъ, что доказать вліяніе «иностраннаго либерализма» на законодательство касательно ламаитовъ,—значитъ много сдѣлать для практическаго рѣшенія «ламскаго вопроса». Поэтому и учрежденіе бандидо-хамбы, въ 1764 г. онъ объясняетъ тѣмъ, что Екатерина II «поклонялась западнымъ энциклопедистамъ и прочимъ антиправославнымъ и поземнымъ ученіямъ». Даже правительство Николая I, за «Положеніе» 1853 года, называется «лжелиберальнымъ». Либерализмъ—это *bête noire* автора, который видитъ въ немъ источникъ всѣхъ бѣдъ тунгусовъ и бурятъ, а также и неуспѣховъ православной миссіи въ Забайкальѣ. Но считать либерализмъ причиною произвола, обмана и притѣсненія сибирскихъ инородцевъ ламами, по меньшей мѣрѣ, странно. Изъ приведенныхъ же авторомъ данныхъ видно, что издавая тѣ или другія постановленія, правительство всегда имѣло въ виду насколько лучшее устройство религіознаго быта инородцевъ. Если же гуманная, проникнутая духомъ вѣротерпимости, намѣренія правительства были выполнены неудобно, то причина этого, конечно, не въ либерализмѣ, а въ незнакомствѣ центральныхъ органовъ управленія съ дѣйствительнымъ порядкомъ вещей на далекой восточной окраинѣ Россіи. Чрезмѣрное развитіе бюрократизма и централизаціи — вотъ причина, по которой реформы, вмѣсто ожидаемой пользы, приносили только вредъ населенію. И теперь, въ виду новыхъ преобразованій, мы должны желать, чтобы не были игнорированы мнѣнія мѣстныхъ дѣятелей и знатоковъ инородческой жизни.

Въ своей боязни либерализма, авторъ доходитъ до того, что въ либеральномъ духѣ дѣйствующихъ постановленій о ламствѣ усматриваетъ даже «гябельное, разрушительное» вліяніе ихъ «на русское государство». И потому, считая себя призваннымъ «защищать основы» церкви и государства, не только съ жаромъ нападаетъ на «злодѣевъ, предателей и безбожниковъ», Бирона и Остермана, на «энциклопедистку» Екатерину II, на «лжелиберала» Валуева, но также и на профессора Позднѣва, который будто бы пишетъ «невѣрно, самонадѣянно и горделиво». Не ограничиваясь одними издѣвательствами надъ почтеннымъ ориенталистомъ, онъ старается еще показать «особенно правительственнымъ довѣрчивымъ почитателемъ ученаго авторитета профессора» неблагонамѣренность его «убѣжденій». Въ качествѣ примѣра подобныхъ инсинуацій, приведемъ одно мѣсто изъ послѣдней брошюры. Профессоръ Позднѣвъ обвиняется въ томъ, что называетъ «тибетскихъ обманщиковъ идолопоклонниковъ «святителями» наряду съ причащеною этому же священнаго эпитета и святителю Николаю, угодику единаго истиннаго Бога!.. Называетъ профессоръ Позднѣвъ зовъ трубный и звонъ, призывающій ламъ къ идолослуженію — «благовѣстомъ»; рисованіе идоловъ, даже «циничныхъ и ужасныхъ формъ», нестѣсенно (*sic*) называетъ онъ «иконографіею», иконописаніемъ, а отвратительное идолослуженіе священнымъ словомъ «богослуженіе!» (стр. 14).

С.

Н. П. Кондаковъ. О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Съ 4-мя таблицами. Спб. 1888.

Фресковыя изображенія въ Кіево-Печерскомъ соборѣ, въ силу установленнаго въ русской исторической наукѣ воззрѣній, получили извѣстное толкованіе, сдѣлавшееся достояніемъ даже и средней школы. Въ лучшихъ изъ нашихъ учебниковъ и пособій, иллюстрированныхъ соответственными рисунками археологическаго характера, говорится объ этихъ фрескахъ, что онѣ «драгоцѣнны для исторіи: хотя онѣ несомнѣнно сдѣланы греческими художниками, но художники эти очевидно хотѣли изобразить сцены изъ русской жизни (см. Сиповскій, «Родная Старина», ч. I. Прим. къ рисункамъ, стр. II)». Здѣсь идетъ рѣчь о фрескахъ, которыми покрыты стѣны двухъ лѣстницъ, ведущихъ на хоры Кіево-Софійскаго собора.

Въ настоящее время, когда съ выходомъ послѣдняго 4-го выпуска роскошнаго изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго общества «Кіевскій Софійскій соборъ» (изданія, представляющаго громадный in folio атласъ рисунковъ) возможно болѣе детальное и основательное изученіе всего того изобразительнаго матеріала, который заключается во внутреннемъ росписаніи и украшеніи древнѣйшаго нашего храма, къ сожалѣнію, не охраняемаго съ той заботой, какой заслуживаетъ этотъ дивный памятникъ искусства, ожидающій серьезной реставраціи.

Но по выше намѣченному нами отдѣлу, а именно по фрескамъ, украшающимъ лѣстницы, ведущія на хоры, мы находимъ теперь разъясненія профессора Н. П. Кондакова, совершенно измѣняющія установленный взглядъ на этотъ художественно-историческій памятникъ. Въ противность вышесказанному положенію, сдѣланному достояніемъ школы, нашъ ученый византинологъ высказывается въ слѣдующемъ категорическомъ утвержденіи: «Содержаніе лѣстничныхъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора, какъ и ихъ стиль, взято исключительно изъ древности византийской и никакого прямого отношенія къ древности русской не имѣетъ». («Записки Императорскаго Русскаго археологическаго общества, т. III, новой серіи. Спб. 1888 г., стр. 288, то же отдѣльный оттискъ»). Вотъ положеніе, съ которымъ приходится считаться каждому учителю исторіи, прежде чѣмъ повторять затасканныя фразы о чертахъ древняго русскаго быта, сохранившихся, кавалось, такъ наглядно.

Ошибка здѣсь произошла оттого, что до сихъ поръ въ глазахъ изслѣдователей разсматриваемыя фрески не представляли цѣльнаго содержанія. Между тѣмъ, въ нихъ естественно различаются двѣ группы: въ верхнихъ фрескахъ—зрители, въ нижнихъ—зрѣлища. Здѣсь изображенъ цѣлый рядъ представленій въ циркѣ, съ тѣмъ содержаніемъ готескихъ военныхъ и потѣшныхъ игръ, которое сложилось въ эпоху IV—VI вѣковъ, т. е. въ ту эпоху, когда Византія, столкнувшись съ варварами, приняла ихъ въ свою среду; позднѣе, коляды и вообще празднованіе святокъ съ ряжеными варварами утвердилось въ Византіи какъ преданіе, большей частью даже мало понятное для современниковъ эпохи Константина Багрянороднаго, который подробно описываетъ эти игры. Среди изображенныхъ на фрескахъ зрителей, помѣщенныхъ въ полномъ соответствіи съ устройствомъ дворцоваго гипподрома въ Константинополь, выдѣляются группы императора и императрицы, которые «изображены—говоритъ профессоръ Кондаковъ—особенно

живо и съ замѣчательнымъ вкусомъ и даже живою экспрессіей, ея особенно отличаются патриціанки справа, костюмы ихъ различены съ замѣчательною точностью» (ibid, 296). Императоръ, изображенный сидящимъ въ большомъ креслѣ, имѣетъ ясно выраженный армянскій типъ, худой овалъ лица и вьющіеся около головы волосы» (ibid, 297).

При такой постановкѣ вопроса отпадаютъ всякія разсужденія о княжескихъ ловахъ, о скоморохахъ при дворѣ князя кievскаго, наконецъ, объ изображеніи кievскаго князя, которое усматривали въ вышесказанномъ изображеніи императора, относительно чего нельзя спорить, разъ всмотрѣвшись въ детали одежды и въ типъ лица. Но за фресками остается глубокий интересъ по ихъ непосредственному отношенію къ византійской старинѣ.

Что же касается мотивовъ, какіе могли вызвать исполненіе фресокъ, то нашъ изслѣдователь, не высказывая ничего рѣшительнаго, ставитъ лишь гипотезу: «Было ли это дорогое для кievскаго князя воспоминаніе о посѣщеніи имъ Царьграда, пріемахъ, празднествахъ, пирахъ и играхъ, которыми они сопровождались, или же искусный декораторъ, призванный въ Кіевъ, самъ озаботился расписать въ веселомъ праздничномъ вкусѣ эти лѣстницы хоровъ?» Если вѣрно послѣднее, то, конечно, «искусный декораторъ» могъ воспользоваться мотивомъ, моднымъ для его времени. А что мотивъ цирковыхъ представленій былъ тогда моднымъ не въ одномъ Кіевѣ, доказываетъ живопись мавританскаго плафона Палитинской капеллы въ Палермо, скалькированного пансіонерами нашей Академіи Художествъ Померанцевымъ и Чагинымъ (умершимъ въ прошломъ году). Здѣсь также представлены и охоты, и рядъ играющихъ на зурнѣ и на свирѣли рабынь, и пиръ царя и царицы въ восточной обстановкѣ и т. д.

Установивъ такую точку зрѣнія на фрески лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора и тѣмъ устраняя прежній взглядъ на нихъ, профессоръ Кондаковъ разбираетъ ихъ уже затѣмъ, имѣя въ виду болѣе широкую задачу изслѣдованія общихъ основъ византійскаго искусства и быта въ ихъ отношеніяхъ къ востоку и западу, но о высказанныхъ здѣсь идеяхъ представится еще случай сказать подробнѣе при дальнѣйшихъ работахъ нашего ученаго, котораго, кажется, не заставятъ долго ждать своего появленія. Е. Г.

Виленскій Свято-Духовъ монастырь. Историческое описаніе съ тремя рисунками. Сост. Флегонтомъ Смирновымъ. Вильна. 1888.

Виленская православная обитель Св. Духа въ своей исторической жизни исполняла роль значительно выше той, какая вообще принадлежитъ монастырямъ,—этимъ убѣжищамъ христіанскаго аскетизма. Въ противоположность мирнымъ обителямъ, способствовавшимъ уединенію отъ мірской жизни и спасенію души подъ покровомъ тишины и путемъ подвижничества, Виленскій монастырь былъ основанъ и долгое время существовалъ на почвѣ борьбы и тяжкихъ страданій. Объявленная въ 1596 году въ предѣлахъ бывшей Польши унія западно-русской церкви съ Римомъ, какъ извѣстно, встрѣтила отпоръ со стороны большинства православныхъ. Существовавшее тогда при Виленскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ братство энергично протестовало противъ уніи, защищая вмѣстѣ съ тѣмъ и свой монастырь; но этой защитѣ были противопоставлены королевскіе декреты и дерзкая рѣши-

мость сторонниковъ уни. Не успѣвъ сохранить за собою Троицкій монастырь, братство присоединилось къ церкви Св. Духа и перенесло сюда свои учрежденія—училище, богадѣльню и типографію. Вѣроятно, въ это время или вслѣдъ затѣмъ здѣсь организовался и монастырь. Отсюда, именемъ братства, разсылались по всей Литвѣ грамоты къ православнымъ, описывающія жестокости униатскихъ прозелитовъ и приглашающія къ защитѣ русской вѣры, посылались депутаты на сеймы, въ городскія и судебныя учрежденія съ жалобами на претерпѣваемыя притѣсненія; здѣсь же находили себѣ пріютъ укрывавшіеся отъ жестокихъ гоненій, равно немощные и больные. Въ братской школѣ получало воспитаніе православное юношество, а изъ братской типографіи выходили богослужебныя книги, духовно-нравственныя изданія, учебники, полемическія сочиненія и проч. Пользуясь огромной славой и вліяніемъ среди православныхъ, Свято-Духовское братство имѣло право ставропигіи, дарованное константинопольскимъ патриархомъ; монастырю же Св. Духа были подчинены всѣ православныя обители Бѣлоруссіи и Литвы, мужскія и женскія. Такое значеніе и вліяніе братства и монастыря только усиливали ненависть къ нимъ враговъ православія, которые доходили до открытаго нападенія на монастырь и, наконецъ, дождались прекращенія существованія братства; случилось это, впрочемъ, болѣе потому, что борьба перешла къ югу и всѣ силы въ защиту православія сосредоточились въ Кіевѣ, а сѣверная область осталась подъ непосредственнымъ латино-польскимъ вліяніемъ. Но не смотря на это, монастырь Св. Духа охранилъ себя отъ вторженія уни и, сдѣлавшись единственнымъ въ Вильнѣ убѣжищемъ для горсти православныхъ, остался вѣрнымъ православію до нашихъ дней. Къ числу заслугъ обители относится и то, что она первая, устами настоятеля Теофана Леонтовича, провозгласила мысль о присоединеніи Западнаго края къ Россіи.

Такая историческая святыня въ нашемъ Западномъ краѣ, какъ Свято-Духовъ монастырь, конечно, заслуживала монографіи и трудъ г. Смирнова ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ лишнимъ. Авторъ, какъ кажется, собралъ всѣ существующіе матеріалы для возможно полной исторіи монастыря, занявъ для нея 12 печатныхъ листовъ, и весьма умѣло справился съ своей задачей; въ особенности обращаетъ на себя вниманіе превосходная русская рѣчь, какую авторъ излагаетъ свой трудъ.

Изданіе украшено двумя недурно исполненными видами храма Св. Духа и изображеніемъ трехъ мучениковъ литовскихъ Антонія, Іоанна и Евстафія, пострадавшихъ за вѣру въ половинѣ XIV вѣка при князѣ Ольгердѣ. Моги мучениковъ открыто покоятся въ ракъ въ особой нещерной церкви, устроенной въ склепѣ Свято-Духовскаго храма, и почитаются не одними православными, но и католиками.

М. Г—цкій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англійская правда о Россіи.—Нѣмецкіе переводы русскихъ писателей.—Французскій романъ изъ русскихъ нравовъ.—Сужденіе испанскаго критика о русской литературѣ.—Швейцарія, изучающая Россію.—Династія Бисмарковъ.—Мемуары американскаго генерала.—Древняя цивилизація.—Цезарь Борджіа.—Письма Бенжамена Констана.

ПЕДАКТОРЪ одной изъ лучшихъ англійскихъ газетъ, «Pall Mall», гостившій у насъ прошлою весною, Вильямъ Стедъ, издалъ объемистую книгу подъ слишкомъ громкимъ названіемъ: «Правда о Россіи» (Truth about Russia by W. T. Stead). Всей правды нельзя высказать на 464-хъ страницахъ о странѣ, пробывъ два-три мѣсяца въ двухъ-трехъ ея городахъ, и не зная ея языка. Стедъ несомнѣнно человекъ даровитый, правдивый, наблюдательный, энергичный. Онъ доказалъ это своею борьбою съ парламентомъ, принудивъ его издать законъ, ограждающій малолѣтнихъ дѣвочекъ отъ покушеній благородныхъ лордовъ, безнравственность которыхъ журналистъ обличилъ въ своей газетѣ. Посаженный въ тюрьму за оскорбленіе въ печати высокопоставленныхъ лицъ, Стедъ, поддерживаемый общественнымъ мнѣніемъ, настоялъ на принятіи дѣйствительныхъ мѣръ противъ гнуснаго распутства своихъ именитыхъ соотечественниковъ, прикрытаго лицемѣріемъ и ханжествомъ. Но заслуги, оказанныя имъ Англій, нисколько не оправдывали его претензіи—повѣдать міру всю правду о Россіи послѣ такого непродолжительнаго знакомства съ нею. Многое въ ней онъ подмѣтилъ вѣрно, о многомъ судить основательно, но въ книгѣ его не мало и совершенно поверхностныхъ, одностороннихъ сужденій. Онъ самъ говоритъ въ началѣ своей книги, что обращать преимущественно вниманіе на политическое положеніе Россіи. Повѣривъ статьямъ бисмарковскихъ газетъ, что она грозитъ міру своими вооруженіями, Стедъ захотѣлъ

удостовериться въ этомъ на мѣстѣ и отправился въ Петербургъ черезъ Парижъ, Брюссель и Берлинъ. Въ Парижѣ генералъ Буланже лично увѣрялъ его, что никогда и не думалъ о диктатурѣ, въ Брюсселѣ политико-экономистъ Лавеле глубокомысленно обсуждалъ производительныя силы Россіи; въ Берлинѣ, который Стедъ называетъ «столицею князя Бисмарка», англійскій журналистъ, стараясь проникнуть цѣли германской политики, лучше всего изучилъ положеніе журналистики, дружно исполняющей все приказанія канцлера. Въ книгѣ Стеда семь главъ, носящихъ слѣдующіе заголовки: Изъ Лондона до Петербурга.— Война или миръ?— Новыя области для англійской предприимчивости.— Всероссийскій трибунъ.— Мысли генерала Игнатъева.— Тѣнь на престолѣ.— Графъ Л. Толстой и его религія. Эпиграфомъ взята мысль: «истины, которыя мы менѣе всего любимъ выслушивать—тѣ которыя намъ всего интереснѣе знать». Во многихъ сужденіяхъ видна не только практичность англичанина, но и убѣжденіе въ превосходствѣ его націи. Такъ, послѣ доказательствъ всѣхъ выгодъ для Россіи отъ заключенія комерческаго трактата съ Англіей, онъ съ такимъ же краснорѣчіемъ доказываетъ необходимость допустить распространеніе ученія лорда Редстока, какъ будто у насъ мало своихъ сектъ. И между тѣмъ, на роль своего отечества въ политикѣ Стедъ смотритъ совершенно правильно, говоря, что въ послѣдней восточной войнѣ виновата болѣе всего Англія, подстрекавшая Турцію не уступать самымъ справедливымъ и умѣреннымъ требованіямъ Россіи. Биконсфильдъ былъ увѣренъ, что Россія никогда не рѣшится объявить войну султану. Стедъ называетъ также основательно Австрію съ ея стремленіями къ захвату власти на Балканахъ—нарушительницею мира (the disturber of the peace), но онъ забываетъ, кто толкаетъ Австрію на эти захваты и раздуваетъ въ мадырахъ шовинистскую ненависть къ Россіи. Поэтому его мысль о заключеніи, для сохраненія мира, союза между Англіей, Россіей и Германіей не практична и не логична. Англійскіе интересы въ послѣднее время чаще всего приходятъ въ столкновеніе съ германскими, особенно въ колониальной политикѣ, тогда какъ Франція давно уже перестала быть опасною торговою соперницею Англіи, поэтому, въ интересахъ этихъ странъ, союзъ между ними и Россіей былъ бы гораздо естественнѣе. Даже съ Австріей гораздо возможнѣе союзъ, чѣмъ съ Германіей, при ея стремленіи къ гегемоніи и милитаризму. Что касается до проливовъ, Стедъ увѣренъ, что рано или поздно Россія должна владѣть ими. Босфоръ—это ворота ея дома, а султанъ не болѣе какъ дворникъ, у котораго ключи отъ этихъ воротъ. Чѣмъ сильнѣе будетъ Россія, тѣмъ меньше вѣроятія, что султанъ рѣшится отдать ключи ея врагамъ. Всего слабѣе выводы Стеда о внутренней жизни Россіи. Онъ, конечно, не раздѣляетъ мнѣнія о ней руссофоба Давида Уркюгарда, хотя и приводитъ его сужденіе: «это воплощеніе зла, почти всесильнаго, одареннаго умомъ дьявола и прожорливостью людоѣда, давящаго своихъ подданныхъ и пожирающаго сосѣдей, оттачивающаго зубы на Индію и Константинополь». Но вообще о Россіи Стедъ высказываетъ очень сбивчивыя понятія, особенно о ея общинѣ, крестьянствѣ, даже о печати, хотя въ заключительной главѣ о Л. Н. Толстомъ приводитъ его мнѣніе, что вмѣстѣ съ надѣленіемъ народа землею, необходимо декретировать полную свободу совѣсти и полную свободу печати.

— Религіозное ученіе графа Толстого явилось въ Лейпцигѣ въ новомъ переводѣ: «*Worin besteht mein Glaube? Eine Studie von Graf Leo*

Tolstoj. Aus den russischen Manuscript übersetzt von Sophie Behr». Излагая идеи русскаго писателя, нѣмецкій критикъ его, В. Е. Генкель, не находить, однако, чтобы онѣ могли имѣть успѣхъ въ современномъ обществѣ, и хотя число приверженцевъ ученія графа очень велико, но «о числѣ его послѣдователей на пути отреченія отъ мірскихъ благъ,—говоритъ Генкель,—мнѣ что-то не удавалось слышать». Рецензія явилась въ журналѣ «Magasin für die Litteratur des In—und Auslandes», перечисляющѣмъ многочисленные переводы русскихъ книгъ на нѣмецкій языкъ, но предостерегающѣмъ своихъ писателей отъ плохихъ переводовъ. Такъ, въ дешевомъ изданіи Реклама вышелъ недавно романъ Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе» (Schuld und Sühne) въ переводѣ Ганса Мозера, но это переводъ искаженный и бессмысленный, въ которомъ сверхъ того не предстояло ни малѣйшей надобности, такъ какъ существуетъ уже второе изданіе этого романа въ переводѣ В. Е. Генкеля. «Непостижимо, какъ рѣшился г. Мозеръ угощать публику такою фальсификаціею,—говоритъ нѣмецкій журналъ,—что подумаютъ русскіе о нашей добросовѣстности, видя, какъ мы уродуемъ ихъ великаго писателя? Мы должны стыдиться за г. Мозера и подобныхъ ему!» Но что подобныхъ господъ, по счастью, не много въ Германіи, доказываетъ въ томъ же номерѣ журнала мастерской переводъ разсказа г. Лѣскова «Прекрасная Аса» (Die schöne A sa), взятаго изъ старыхъ легендъ. Переводчикъ, г. Генкель, называетъ г. Лѣскова послѣдователемъ гр. Толстого, и видитъ въ разсказѣ ту же теорію непротивленія злу, которую проповѣдуетъ русскій писатель, самъ не рассчитывающій, до чего можетъ довести эта теорія. Вѣдь представитель высшаго зла въ мірѣ—дьяволъ, и не сопротивляться его требованіямъ или его клеветамъ—значитъ, служить ему, а этого ли желаетъ писатель? Въ томъ же номерѣ журнала, въ статьѣ «Подруга Пушкина» (Eine Freundin Puschkin's) К. Арпсъ разсказываетъ исторію отношеній Пушкина къ своей нянь, Иринѣ Родіоновнѣ, и цитируетъ въ переводѣ одно изъ ея писемъ 1826 года къ поэту. Письма этого нѣтъ въ суворинскомъ и павленковскомъ изданіи Пушкина и Арпсъ не говоритъ, откуда взялъ его. Въ письмѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго: няня благодаритъ поэта за присылку письма и денегъ, говоритъ, что вынула за его здоровье часть (die Mitte) просфоры и зоветъ его въ Михайловское, обѣщая «выслать на дорогу ему всѣхъ лошадей». Письмо могло быть написано въ концѣ года, такъ какъ Пушкинъ провелъ 1826-й годъ у себя въ деревнѣ до сентября, когда его увезъ курьеръ въ Москву на коронацію Николая I.

— Наши друзья французы попрежнему продолжаютъ относиться къ намъ съ особеннымъ вниманіемъ. Конечно, мы предпочли бы, чтобы вниманіе это высказывалось не въ разстрѣливаніи изъ пушекъ горсти русскихъ проходивцевъ, нисколько не виноватыхъ въ томъ, что ихъ пьяный атаманъ началъ буйствовать въ чужихъ владѣніяхъ. Но съ другой стороны и Франція не виновата, что въ ней нашелся храбрый адмиралъ, принявшійся со страху бомбардировать сотщи оборванцевъ, обманутыхъ пройдохою. Царицынскій мѣщанинъ, называя себя вольнымъ казакомъ и подвизавшійся только въ разбиваніи кабаковъ, показался адмиралу Ольри какимъ-то Кортесомъ или Ермакомъ, явившимся завоевывать Африку... А о томъ, какъ плохо знаютъ русскихъ людей французы, не смотря на всѣ ихъ симпатіи къ намъ, можно справиться въ любомъ французскомъ сочиненіи о Россіи, даже научномъ и серьезномъ, о беллетристахъ и говорить уже нечего. Вотъ, напри-

мѣръ, виконтъ Мельхіоръ де Вогюэ, женатый на русской, долго жившій въ Россіи, прекрасно оцѣнившій Пушкина, Л. Н. Толстого, написалъ повѣсть изъ русскихъ нравовъ, подъ названіемъ «Крѣпостное время» (*Le temps de ser vage*). Конечно, въ эту тяжелую эпоху совершались поступки возмутительные, но и въ изображеніи ихъ нельзя же переходить границы возможнаго. А Вогюэ рассказываетъ про помѣщика Василія Ивановича В. такія вещи: сосѣдъ его жаловался, что крестьяне у него вѣчно бунтуются. «У меня они не будутъ бунтовать»,—говоритъ Василій Ивановичъ, покупаетъ деревню, окружаетъ ее своею «уланскою гвардіею» (*une garde de lanciers*), не приказываетъ выпускать изъ деревни не только мужчинъ и женщинъ, но даже куръ и поджигаетъ ее съ четырехъ концовъ, такъ что она сгораетъ до тла со всѣми ея обитателями. Когда помѣщикъ умеръ, крестьяне собрались ко гробу, гдѣ Василій Ивановичъ лежалъ, въ высокихъ сапогахъ (это изображено на рисункѣ, также какъ огромное распятіе на крышѣ гроба). Крестьяне стали пить водку и плясать вокругъ гроба, дергая за усы покойнаго и вливая ему въ ротъ водку. Тогда помѣщикъ вдругъ очнулся, послалъ за своей стражей и приказалъ повѣсить мужиковъ, обращавшихся съ нимъ непочтительно, а всѣхъ остальныхъ пересѣчь. На послѣднемъ рисункѣ крестьянка въ высокихъ сапогахъ и съ распущенными косами стоитъ на колѣняхъ подъ висѣлицей, на которой качается повѣшенный. Подобное изображеніе «русскихъ нравовъ» не нуждается въ комментаріяхъ.

— Не однѣ великія державы считаютъ своею обязанностью знакомиться съ Россіею. Периодическія изданія Испаніи также заговорили объ ней въ послѣднее время, а бывшій президентъ испанской республики, даровитый писатель и ораторъ, Эмилио Кастеляръ, наскзалъ такого вздора о политическомъ значеніи Россіи, что лица, уважающія его талантъ и заслуги, стараются даже не упоминать о глубокомъ невѣжествѣ, высказанномъ имъ въ русской исторіи. Другой писатель, Помпейо Хенеръ, серьезный критикъ, совершенно основательно судящій о своихъ соотечественникахъ, вздумалъ рассуждать въ журналѣ «*El liberal*» о русской литературѣ, познакомившись съ нею по французскимъ переводамъ нашихъ писателей. Въ противоположность французамъ, испанскій критикъ не признаетъ ни Гоголя, ни Тургенева, ни Достоевскаго, ни Л. Толстого, не только гениальными, или перво-класными, но даже просто оригинальными писателями. Своими лучшими произведеніями, начиная съ Лермонтова, русская литература обязана латинскому гению. Успѣхомъ своимъ во Франціи она обязана—нигилистамъ, наводняющимъ Парижъ, да французскимъ шовинистамъ, заискивающимъ расположенія Россіи изъ политическихъ видовъ. «Война и миръ» только потому имѣла успѣхъ, что ее похвалили критики изъ уваженія къ издателю перевода. «Идіотъ» Достоевскаго написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ Донъ-Кихота. Русская литература вообще въ одно и то же время варварская, первобытная и вырождающаяся: въ ней отражается грубость и дикость примитивнаго народа, вмѣстѣ съ скептицизмомъ и пессимизмомъ народа развращеннаго. Русскіе писатели не заботятся о распространеніи идей, они изобрѣтаютъ только темпераменты, изображаютъ своихъ болѣзненныхъ героевъ въ неприкрашенномъ видѣ. Описанія Толстого, Достоевскаго—порожденія мелочной, протокольной, бесполезной наблюдательности. Деморализующая обломовщина (*oblovisma*) и мистическій страхъ (*miedo mistico*) господствующія черты этой литературы. Дѣйствующія лица русскихъ романовъ—

слабыя, вялыя существа, находящіяся въ полной зависимости отъ событій. Таковы тургеневскіе Лаврецкій и Литвиновъ. Бабуринъ—это олицетвореніе всѣхъ мученій безсильнаго революціонера. Герой «Дневника лишняго человѣка»—образецъ хронической дряблости и неприспособленности къ жизни. Отношенія Софьи къ Раскольникову въ «Преступленіи и Наказаніи» Хенеръ называетъ татарскою психологіей. Русскіе романы проникнуты печальной любовью къ преступнымъ, отверженнымъ и падшимъ существамъ. «Желтая, монгольская кровь, текущая въ жилахъ скіона, порождаетъ въ немъ эту пессимистическую лихорадку, этотъ буддійскій бредъ». Русскіе писатели изображаютъ мастерски самоубійства, убійства, смерть отъ истощенія, но съ такими леденящими сердце подробностями, что наводятъ ужасъ. Это тягостное впечатлѣніе «смягчаетъ чувство бесполезности всякаго человеческого усилія, не проникнутое ненавистью къ человѣку, но полное сострадающей вѣжности, приглашающей однако къ смерти». Въ русской литературѣ нѣтъ свифтовскаго сарказма, но есть печаль, сочувствующая даже порочному и преступному; ея цѣль — показать, что все существующее — иллюзія, дымъ, что все измѣняется и исчезаетъ безслѣдно. Это «эпопея тревоги и отчаянія, проникнутая отрицаніемъ и нигилизмомъ». Высшіе классы, развращенные и пропитанные еврейско-нѣмецкими элементами, народъ полутатарскій съ византійской окраской, могутъ произвести только уродливую, нездоровую литературу, изъ которой не могутъ ничего извлечь народы латинской расы, жители свѣтлыхъ и радостныхъ странъ, вѣрящіе въ себя, любящіе жизнь и всѣ ея прелести, народы—артисты, прилагающіе науку къ улучшенію и украшенію жизни.—Этотъ образчикъ взгляда на нашу литературу «жителей радостныхъ странъ» во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, не смотря на свою рѣзкость и несправедливость.

— Въ другой маленькой странѣ относятся къ намъ далеко не съ такими пессимистическими возрѣніями. Въ Швейцаріи издается уже 94-й годъ журналъ «Bibliothèque universelle», нерѣдко помѣщающій весьма дѣльные статьи и корреспонденціи о Россіи. Такъ, въ послѣдней книжкѣ этого журнала, послѣ обстоятельнаго разсказа о катастрофѣ 17-го октября, о положеніи петербургскаго университета и классическихъ гимназій, о предстоящемъ закрытіи лейпцигской учительской семинаріи, поставившей въ Россію преподавателей классическихъ языковъ—о русской литературѣ говорится во все не съ испанской точки зрѣнія. Замѣчается, что въ русскихъ романахъ перестали прославлять на всѣ лады мужика и выставляютъ интеллигенцію погрязшею въ порокахъ, но при этомъ впади въ другую крайность. Подъ предлогомъ воспроизводить жизнь такую, какова она есть, печатаютъ мелкіе очерки безъ конца и начала и, по большей части, безъ всякаго интереса. Отказавшись поучать читателей, угощаютъ ихъ описаніями такихъ сценъ и событій, мимо которыхъ проходятъ въ жизни, не замѣчая ихъ. Швейцарскій журналъ обращаетъ вниманіе на новое изданіе сочиненій Панаева, особенно на его литературныя воспоминанія, представляетъ вѣрную оцѣнку Помяловскаго, по статьѣ В. Острогорскаго, отзывается сочувственно о смерти Пржевальскаго и Полетики, о юбилеѣ К. П. Веселовскаго, говоритъ о сибирскомъ университетѣ, о трудахъ географическаго общества. Всѣ эти извѣстія вѣрны и современны.

— Не меньше «Дневника императора Фридриха III» произвело впечатлѣніе появленіе въ журналѣ «Contemporary Review» статьи «Династія Бис-

марковъ» (The dynasty of Bismarcks). Кто бы ни былъ анонимный авторъ ея, но онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ самыхъ высшихъ сферъ и нанесъ канцлеру такой новый ударъ, котораго онъ долго не забудетъ, даже еслибы и не былъ такъ злопамятенъ. Ключъ всей политики Бисмарка въ послѣднее время авторъ видитъ въ желаніи канцлера оставить это званіе своему сыну. Монархія наследственна, отчего же не основать и министерскую или вѣрнѣе канцлерскую династію? Когда умеръ Фридрихъ III, Гербертъ Висмаркъ вскричалъ: «Конецъ вліянію юбокъ на политику!» Только съ кондемъ юбочнаго вліянія едва ли не наступилъ и конецъ неограниченнаго вліянія канцлера. Во всякомъ случаѣ, теперь онъ не играетъ уже роли палатнаго мэра, какъ при Вильгельмѣ I. Бисмаркъ знаетъ, что проживетъ еще не больше пяти-шести лѣтъ и торопится укрѣпить власть за Бисмаркомъ II. Между тѣмъ Гербертъ, дипломатъ хотя не бездарный, ловкій и дѣятельный, далеко не обладаетъ энергіей и настойчивостью канцлера, котораго авторъ книги обвиняетъ даже въ томъ, что онъ ускорилъ кончину Фридриха III, настоявъ на его немедленномъ прибытіи въ Берлинъ. Разсчитывали, что умирающій императоръ не перенесетъ зимняго пути въ Берлинъ и угрожали учрежденіемъ регентства, если монархъ не явится въ столицѣ. Фридрихъ не любилъ Герберта и отказывался заниматься съ нимъ дѣлами всякій разъ, когда тотъ являлся отъ имени канцлера. Бисмаркъ опасался даже, что могутъ обойтись и безъ него, и потому его газеты повели открытую войну противъ императора и особенно противъ императрицы, подъ вліяніемъ которой находился умирающій. Признаки недовольства канцлеромъ становились все грознѣе. Фридрихъ уволилъ въ отставку министра Путкаммера, сдѣлавшаго изъ администраціи агентство Висмарка. Проживи императоръ еще нѣсколько мѣсяцевъ—и династія Бисмарковъ исчезла бы изъ управленія вмѣстѣ съ ея основателемъ. Но счастье не переставало покровительствовать старому интриганту и новое царствованіе укрѣпило власть въ его рукахъ. Но побѣда недостаточно вознаградила его за тѣ тревоги, которыя онъ перенесъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Никогда не знавшій, что такое великодушіе, Бисмаркъ торопился наказывать лицъ близкихъ къ покойному императору, за то что они не повиновались канцлеру. Ближе всѣхъ къ Фридриху была его супруга, тридцать лѣтъ дѣлвшая съ нимъ тяжелую судьбу наследника престола, вѣчно подозрѣваемаго, что онъ слишкомъ торопится вступить на этотъ престолъ. Всѣ удары, направленные на доктора Макензи, падали косвенно на императрицу, которая поддерживала авторитетъ своего соотечественника и была благодарна ему за старанія продлить жизнь ея мужа. Она отправила въ Лондонъ мемуары и бумаги ея мужа: ей пригрозили лишеніемъ содержанія и даже арестомъ, и она принуждена была возвратить ихъ. *Vae victis.* Добыча принадлежить побѣдителямъ. Затѣмъ начались преслѣдованія друзей Фридриха: Гефгена, Рогенбаха, Моріера, но тутъ всевластный канцлеръ встрѣтилъ отпоръ въ общественномъ мнѣніи, переставшемъ, наконецъ, вѣровать въ его непогрѣшимость и гениальность. Паденіе бисмарковскаго престижа въ послѣднее время несомнѣнно и очевидно. Даже Германія перестала вѣрить, что безъ него она погибнетъ, что онъ умнѣе всѣхъ и не можетъ ошибаться. Конечно, его молодой ставленникъ никогда не разстанется съ нимъ добровольно, но раздражительность канцлера, когда ему противорѣчатъ, дошла съ годами до такой степени, что каждый день можно опасаться столкновѣнія, за которымъ можетъ послѣдовать и паденіе династіи Бисмарковъ. Что

Европа отъ этого ничто не потеряетъ—это не подвержено сомнѣнію. Слишкомъ долго уже давить ее гнетъ грубой силы и все разрастающагося милитаризма.

— Вышли любопытные мемуары генерала Шеридана, отличившагося въ войнѣ за уничтоженіе рабства въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ (*Personal memoirs of P. H. Sheridan, general U. S. army*). Изъ двухъ томовъ первый интересенъ собственно для Америки, заключаая въ себѣ подробности о междоусобной войнѣ, въ которой Шериданъ командовалъ кавалеріей, плохо экипированной и вооруженной, но дравшейся храбро и упорно. Второй томъ мемуаровъ интереснѣе для Франціи и Европы, потому что въ немъ Шериданъ рассказываетъ, какъ очевидецъ, событія франко-германской войны отъ Гравелота до Седана. Онъ былъ почетнымъ гостемъ въ главной квартирѣ нѣмецкой арміи, куда прибылъ 18-го августа 1870 года къ началу сраженія при Гравелотѣ и былъ свидѣтелемъ неудачной кавалерійской атаки генерала Штейнмеца на укрѣпленную позицію французовъ, разгромившихъ картечью прусскую кавалерію. Король и его штабъ были въ негодованіи на генерала, которому было приказано только угрожать непріятельской позиціи, а не атаковать ее. Но сраженіе все-таки было выиграно, не смотря на страшныя потери понесенныя пруссаками. Отъ Гравелота Шериданъ слѣдовалъ за королемъ до Седана. Когда эта крѣпость была окружена нѣмцами и положеніе въ ней французовъ, послѣ отчаянныхъ попытокъ пробиться, сдѣлалось совершенно безнадежнымъ, король отправилъ къ нимъ полковника генеральнаго штаба Бронсарта съ предложеніемъ сдаться. Шериданъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ въ Седанѣ, но Бисмаркъ замѣтилъ: «Старая лисица слишкомъ хитра, чтобы попасться въ западню; онъ, конечно, давно уже удралъ въ Парижъ». Поэтому всѣ удивились, когда генераль Рейль пріѣхалъ изъ Седана съ письмомъ отъ Наполеона, гдѣ этотъ жалкій императоръ вручалъ королю свою шпагу «не имѣя возможности умереть среди своего войска», хотя онъ и не пробовалъ ни разу стать въ главѣ его. На радостяхъ отъ такой капитуляціи слѣдовало, конечно, выпить, но подъ рукой была только фляжка съ коньякомъ у племянника Бисмарка и онъ передалъ ее дядѣ. «Я нью за объединеніе Германіи»,—вскричалъ Бисмаркъ и, потянувъ изъ фляги, возвратилъ ее племяннику, а тотъ потрясъ ее и сказалъ: «Мы не можемъ отвѣчать на вашу тостъ, такъ какъ во фляжкѣ почти ничего не осталось».—«Ну, это оттого, что я не посмотрѣлъ сначала, много ли въ ней вина и не рассчиталъ, достанетъ ли и другимъ»,—отвѣчалъ дядя. Шериданъ замѣчаетъ, что онъ и прежде удивлялся его способности поглощать непомерное количество киршвассеру. Отъ Седана американскій генераль отправился черезъ Бельгію путешествовать по Европѣ, такъ какъ рѣшено было продолжать военныя дѣйствія и идти на Парижъ, вопреки мнѣнію Бисмарка, совѣтовавшаго сохранить имперію, заключивъ миръ и взявъ у Франціи Эльзасъ и Лотарингію съ прибавкой солидной контрибуціи, такъ какъ «богатую Францію можно заставить быть спокойной, только хорошенько очистивъ ея карманы». Въ книгѣ Шеридана вообще много любопытныхъ замѣтокъ и анекдотовъ. Онъ очень хвалитъ нѣмецкую пѣхоту, неодобрительно отзываясь о кавалеріи и вовсе ничего не говоритъ объ артиллеріи.

— Густавъ Лебонъ, авторъ замѣчательныхъ книгъ: «Человѣкъ и общество», «Цивилизація арабовъ» и «Цивилизація Индіи», издалъ новый трудъ «Первыя цивилизаціи—Египетъ, Ассирія, Іудея, Финикія, Персія» (*Les pre-*

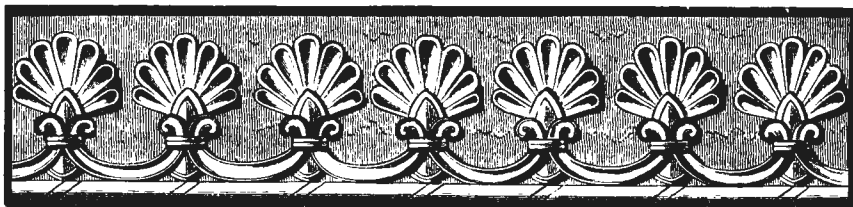
mières civilisations. Egypte, Assyrie, Judée, Phénicie, Perse, par Gustave Lebon). Этотъ огромный томъ съ 440 рисунками, фотографіями, снимками, гравюрами и пр. представляетъ довольно полную картину древнихъ царствъ и воспроизводитъ, по историческимъ и археологическимъ даннымъ, погибшія чудеса древняго міра, монументы, статуи, типы, костюмы и пр. Въ книгѣ воскресаютъ искусство, наука, религія, социологія дальняго востока. Развалины, стѣнная живопись, мозаика, барельефы, саркофаги, муміи, оружіе, сосуды — все возникаетъ передъ глазами читателя. Литература исчезнувшихъ народовъ также составляетъ предметъ изслѣдованія автора. Такъ онъ передаетъ, между прочимъ, недавно открытый страшный и увлекательный рассказъ древняго Египта, героиня котораго куртизанка Тубуи. Исторія египетской царицы Нитокрисы также передана имъ во всей ея легендарной простотѣ. Убѣжденный послѣдователь ученія эволюціи, авторъ видитъ въ развитіи древнихъ цивилизацій тотъ же неизмѣнный ходъ прогресса въ человѣчествѣ, только измѣняющійся съ теченіемъ вѣковъ и по временамъ замедляющійся вслѣдствіе внѣшнихъ катастрофъ и внутреннихъ переворотовъ.

— Когда чортъ старѣется, онъ дѣлается отшельникомъ—говоритъ французская пословица. Она могла бы прибавить, что и французскій фельетонистъ подъ старость дѣлается историкомъ. Шарль Ириарте, всю жизнь работавшій въ мелкихъ журналахъ, писавшій статейки о злобахъ дня и разные парижскіе очерки, не смотря на свое испанское происхожденіе, теперь, когда ему уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, выступилъ съ двухтомною исторіею Цезаря Борджіи, его жизни, плѣна и смерти (*César Borgia, sa vie, sa captivité, sa mort*). Книга составлена по новымъ документамъ, найденнымъ въ архивахъ Романи, Симанки, Наварры, и старается представить, сколько возможно съ лучшей стороны, этого вовсе не привлекательнаго героя, извѣстнаго только своею жестокостію, коварствомъ и распутствомъ. Сынъ папы Александра VI и куртизанки Ваночца, онъ при жизни отца пользовался неограниченною властью, былъ кардиналомъ, полководцемъ, посланникомъ при дворѣ Людовика XII, сдѣлавшемъ его герцогомъ Валентинуа и женившемъ на Жаннѣ д'Альбре, сестрѣ короля Наваррскаго. Цезарь послѣдовалъ за этимъ королемъ въ Италію, захватилъ тамъ герцогство Камерина, княжество Пюмбино, города Имола, Римини, Фаэнца, Пезаро. Но смерть папы положила конецъ его разбойничьимъ подвигамъ. Преемникъ Александра VI, Юлій II, приказалъ его схватить и заключить въ тюрьму. Цезарь принужденъ былъ возвратить всѣ свои завоеванія, бѣжалъ въ Испанію, гдѣ былъ также подвергнутъ заключенію по требованію папы, но ему удалось уйти и изъ второй тюрьмы и вернуться въ Италію, гдѣ, воюя противъ папы, онъ былъ убитъ въ незначительной стычкѣ при Віана, на 32-мъ году своей бурной жизни. Это былъ человѣкъ, не знавшій границъ своимъ страстямъ, съ котораго Макиавель взялъ образцомъ своего «Властителя» (*il Principe*). Онъ убилъ своего брата, герцога Гандіа, чтобы занять его мѣсто въ сердцѣ ихъ сестры Лукреціи Борджіа, которая, по преданію, была также жертвою порочной страсти своего отца, папы Александра VI. И такого человѣка Ириарте избралъ героемъ своего историческаго изслѣдованія, съ цѣлью облить его и разъяснить темныя стороны его жизни. Для этого, обходя его позорные поступки, онъ долѣе всего останавливается на его военныхъ подвигахъ. Но и въ нихъ не видно ни особенныхъ воинскихъ дарованій, ни даже личнаго мужества. Авторъ засвидѣтельствовалъ только непомѣрное тщеславіе моло-

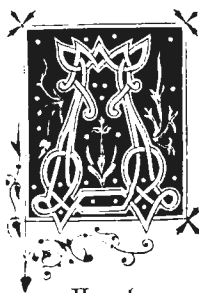
дого кардинала, приказавшаго выгравировать на лезвѣ своей шпаги переходъ Цезаря черезъ Рубиконъ съ его словами: «*Alea jacta est*» и съ девизомъ самого кардинала: «*cum pumine Cesaris omen*». Неизвѣстно, какой Рубиконъ собирался перейти этотъ новый Цезарь, только именемъ напоминавшій древняго героя. Что на него смотрѣли всегда съ негодованіемъ его современники и потомки, доказывается тѣмъ, что вскорѣ же послѣ того, какъ ему воздвигли памятникъ въ городѣ Віана, народъ разрушилъ надгробный монументъ, разбивъ великолѣпныя скульптурныя украшенія и выбросивъ тѣло изъ могилы. Едва ли слѣдовало посвящать нѣсколько лѣтъ труда изслѣдованію всѣхъ обстоятельствъ такой далеко не примѣрной жизни.

— Вышли «Письма Бенжамена Констана къ его семейству» (*Lettres de Benjamin Constant à sa famille. 1775—1830*). Въ 1835 году двоюродный братъ извѣстнаго публициста и романиста передалъ въ бібліотеку Женевы его корреспонденцію и рукописи, но съ условіемъ, чтобы они не появлялись въ печати ранѣе, какъ черезъ 30 лѣтъ. Въ 1865 году семейство Констана потребовало продолженія этого срока, но судъ отказалъ просителямъ и отсрочилъ публикацію бумагъ только на два года. Въ 1867 году появилась выборка изъ нихъ подъ названіемъ «*Journal intime*». Въ немъ разсказывалась преимущественно любовь писателя къ госпожѣ Сталь. Наконецъ, теперь, еще черезъ 20 лѣтъ слишкомъ, являются всѣ его письма, числомъ до 400, въ хронологическомъ порядкѣ. Въ нихъ вся жизнь Констана, начиная съ его дѣтскихъ писемъ къ отцу и бабушкѣ, по главная часть сборника заключаетъ все-таки исторію любви его къ знаменитой писательницѣ, о которой теперь рѣдко кто воспоминаетъ, также какъ и о самомъ Бенжаменѣ Констанѣ. Въ психологическомъ отношеніи любовь эта не представляетъ ничего особеннаго, проходя всѣ свойственныя ей фазисы: сначала пламенная страсть, потомъ—полное подчиненіе любимой женщинѣ, наконецъ, нравственное утомленіе и возмущеніе самолюбія, возставшаго противъ унижительнаго подчиненія женской власти. Но въ письмахъ встрѣчаются мастерски очерченные типы дѣятелей имперіи и реставраціи. Къ чему было только такъ медлить съ опубликованіемъ этихъ писемъ, теряющихъ много интереса по прошествіи почти 70-ти лѣтъ съ того времени какъ онѣ были писаны.

С М Ъ С Ъ.

ВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ Педагогическаго музея. Педагогическій музей отпраздновалъ юбилей своего четверть-вѣкового существованія. Торжество происходило въ большой аудиторіи Соляного городка, которая приняла въ этотъ день праздничный видъ. Эстрада, задрапированная краснымъ сукномъ, была убрана цвѣтами. Аудиторія переполнилась избранной публикою. Ближайшія къ эстрадѣ мѣста заняли почетные гости и депутаціи. Здѣсь были всѣ выдающіеся представители военно-учебнаго, педагогическаго и медицинскаго міра. Торжество началось молебствіемъ.

Послѣ провозглашенія многолѣтія основателямъ и учредителямъ начались привѣтствія и поздравленія, была выслушана благодарность дѣятелямъ педагогическаго музея. Съ наименьшимъ удовольствіемъ встрѣтили присутствующіе поздравительное письмо военнаго министра, по адресу директора музея. Въ письмѣ министръ говорилъ о плодотворной дѣятельности педагогическаго музея, и о трудахъ его главнаго руководителя. Далѣе читались поздравленія: отъ графа Милютина, отъ основателя музея и пр. Прежде поздравленія отъ многочисленныхъ депутацій, одинъ изъ членовъ поздравилъ присутствующихъ съ двадцатипятилѣтней дѣятельностью музея. Начавъ свое существованіе 9 февраля 1864 года, музей имѣлъ за этотъ періодъ времени 1768 засѣданій, въ немъ было прочтано 1952 публичныхъ лекцій и бесѣдъ, дано 116,854 уроковъ на коллекціяхъ музея и издано имъ 1.200,000 брошюръ и болѣе 2,000 книгъ. Когда чтеніе отчета закончилось, началось представленіе депутацій; вошелъ на эстраду предсѣдатель училищной комиссіи А. А. Краевскій и припесъ поздравленіе отъ имени городского общественнаго управленія и членовъ училищной комиссіи. За нимъ слѣдовали депутаціи: отъ совѣта Петербургскаго университета въ главѣ съ профессоромъ Петрушевскимъ; отъ техническаго общества; отъ русскаго физико-химическаго общества, отъ комитета грамотности; отъ принца принца Ольденбургскаго; отъ совѣта частныхъ женскихъ гимназій; отъ педагогическаго совѣта женскихъ гимназій; отъ редакціи журнала «Родникъ» и послѣдній отъ журнала «Русская Старина». Затѣмъ читались поздравительныя те-

леграммы изъ разныхъ мѣстъ Россіи. По окончаніи всѣхъ привѣтствій и поздравленій, В. П. Коховскій произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ глубокую благодарность за оказанное сочувствіе. Затѣмъ всѣ собравшіеся разошлись по заламъ музея, обозрѣвая его достопримѣчательныя коллекціи. Стоимость коллекцій опредѣляется въ 120,000 руб. Педагогическій музей былъ основанъ въ 1864 г. на Васильевскомъ островѣ и имѣлъ назначеніемъ собирать существующія у насъ и за границею наглядныя учебныя и воспитательныя пособія, съ цѣлью ознакомленія съ ними учебныхъ заведеній и предоставления имъ возможности выбирать между этими образцами пригоднѣйшее. Въ 1866 г. музей настолько обогатился пособиями этого рода, что могъ не только прибѣгнуть къ ихъ выставкѣ, но и привлечь къ тому частныхъ экспонентовъ. Эта была первая педагогическая выставка въ Россіи. Она обратила на себя вниманіе нашихъ школъ и общества и, не смотря на свои скромныя размѣры, успѣла придать начинавшемуся музею значеніе, соответственное цѣли его учрежденія. Выставка 1870 года, въ составъ которой вошелъ и Педагогическій музей, дала сильный толчокъ его развитію. На этой выставкѣ музею представилась возможность войти въ непосредственное общеніе съ русскими производителями, сдѣлать имъ заказы и вызвать конкуренцію, съ цѣлью удешевленія производства педагогическихъ пособій. Въ 1871 г. было устроено новое помѣщеніе для музея въ бывшемъ Солянскомъ городкѣ и онъ получилъ названіе Общаго музея прикладныхъ знаній, при чемъ къ нему были присоединены музеи военно-учебныхъ заведеній и техническаго, принадлежащаго Русскому Техническому Обществу. Съ этого времени музей вступаетъ въ новую сферу дѣятельности. Оставаясь учрежденіемъ, предназначеннымъ для цѣлей военно-учебнаго вѣдомства, онъ, какъ отдѣлъ музея прикладныхъ знаній, получаетъ обязанность содѣйствовать и цѣлямъ этого новаго у насъ учрежденія, состоящимъ въ распространеніи знаній въ массѣ. Во второй половинѣ 1871 года, почти одновременно съ перенесеніемъ музея, возникла мысль объ организаціи при музеѣ чтеній для нижнихъ воинскихъ чиновъ и для народа. 28-го декабря 1871 года состоялось въ музеѣ первое народное чтеніе, а въ слѣдующемъ году и чтенія, въ формѣ публичныхъ лекцій, по методикѣ и дидактикѣ начальнаго обученія, чтенія для дѣтей и чтенія для общеобразованной публики. Послѣднія чтенія были открыты не только въ видахъ общепедагогическихъ, но и главнымъ образомъ потому, что сборъ съ чтеній для образованныхъ слушателей могъ покрывать неизбѣжный недостатокъ средствъ на веденіе народныхъ и солдатскихъ чтеній, безъ испрашиванія субсидіи отъ правительства. Такимъ образомъ, Педагогическій музей въ короткое время создалъ себѣ постоянную и притомъ весьма многочисленную аудиторію, часто переполнявшую его залы. Въ этой аудиторіи не только не существуетъ никакихъ приманокъ, но каждый слушатель за право входа въ аудиторію платитъ 5 к. А между тѣмъ, аудиторія Педагогическаго музея рѣдко не бываетъ вынуждена запираеть свои двери передъ массою лицъ, желающихъ въ нее попасть. Петербургскіе жители всего менѣе интересуются темами политико-экономическаго, юридическаго и сельско-хозяйственнаго содержанія. На чтенія этого рода слушатели собираются въ среднемъ числѣ 353, на темы же по другимъ отраслямъ знаній идутъ много охотнѣе. Такъ, на темы: по словесности среднее число слушателей доходитъ до 454 человекъ, по гигиенѣ—467, по священной исторіи и этикѣ—471, по отечественной исторіи—506, по отечественной географіи—511, по естествознанію—до 641, по технологіи — 740 человекъ. Общее среднее число слушателей на чтеніяхъ доходило до 556 человекъ, при числѣ мѣстъ въ аудиторіи 575. Иногда, впрочемъ, число слушателей въ аудиторіи бывало 800, 900 и даже 1,000 человекъ. Въ 1872 г. введено было, сначала тоже въ видѣ опыта, исполненіе вокальныхъ, а затѣмъ и инструментальныхъ пьесъ, какъ дополненія къ чте-

пямь, въ цѣляхъ эстетическаго воздѣйствія на массы. Въ 1878 г. были организованы научныя бесѣды, курсы подавїя первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ, позднѣе курсы иностранныхъ языковъ и гимнастики. Въ музеѣ же имѣли мѣсто собранія специальныхъ отдѣловъ постоянной комиссїи музея, имѣвшія цѣлью разработку вопросовъ преимущественно по начальному и общеобразовательному курсамъ, по воспитанію и по школьной гигиенѣ, главнымъ образомъ, въ интересѣ военно-учебныхъ заведеній. Въ 1872 г. Педагогическій музей принялъ участіе въ московской политехнической выставкѣ, на которой выставилъ въ полной системѣ пособія къ курсу начальныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній реальнаго характера, а также пособія по воспитанію и классной обстановкѣ—исключительно русскаго приготовления. Участвуя въ политехнической выставкѣ, музей организовалъ тамъ курсы для учителей начальныхъ школъ, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россїи, открылъ въ Москвѣ первую народную аудиторію рядомъ своихъ чтеній, наконецъ, далъ примѣръ пользованія кустарнымъ производствомъ для осуществленія (крайне дешеваго и добросовѣстно выполняемаго) учебныхъ пособій. На международной географической выставкѣ въ 1875 г., въ Парижѣ, географическій отдѣлъ Педагогическаго музея получилъ высшую награду. На упомянутой выставкѣ, между прочимъ, произошелъ слѣдующій любопытный случай: германскій учебный географическій отдѣлъ, случайно помѣщенный рядомъ съ русскимъ, закрылся еще до официального открытїя выставки, такъ какъ пособія этого отдѣла сравнительно съ русскими оказались на столько плохими, что нѣмцы, послѣшно собравъ ихъ въ ящики, увезли съ выставки, не желая срамить свой Vaterland. Кромѣ того, музей участвовалъ въ выставкахъ въ Брюсселѣ (2 раза), въ Лондонѣ, въ Филладельфїи, на педагогическихъ конгрессахъ для выработки положенія о школьныхъ музеяхъ въ западной Европѣ и для обсужденія организаціи кантональныхъ музеевъ во Франціи. На всѣхъ этихъ выставкахъ музей получалъ высшую награду. Участіе музея въ этихъ выставкахъ вызвало, между прочимъ, учрежденіе педагогическихъ музеевъ: въ Японїи, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ Голландїи, въ Бельгїи, во Франціи, въ Швейцарїи и въ Италїи. Съ 1885 г. музей, продолжая разработку вопросовъ, вызываемыхъ временемъ, перешелъ, наконецъ, къ систематизаціи своихъ трудовъ. Начало было положено учрежденіемъ специальной математической секціи, собранія преподавателей математики, секціи русскаго языка и словесности, физики, механики, химїи и космографїи, въ 1885 г. въ 1886—секціи иностранныхъ языковъ, въ 1887—секціи общепедагогической, въ которую вошли законоучители, воспитатели, преподаватели и врачи. Къ числу начинаній музея нужно отнести учрежденіе въ музеѣ духовныхъ бесѣдъ для народа и народно-церковнаго хора. Кромѣ того, музей прїютилъ въ своихъ стѣнахъ Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви, учредившаго бесплатную бібліотеку, а также содѣйствовалъ образованію перваго провинціального педагогическаго музея въ Гибдинскомъ ремесленномъ училищѣ.

Годовое собраніе Русскаго Антропологическаго Общества. Русское Антропологическое Общество, состоящее при университетѣ подъ предсѣдательствомъ проф. А. А. Иностранцева, справляло годовщину своего существованія. Начатое безъ всякихъ средствъ небольшимъ кружкомъ лицъ, интересующихся антропологіею, по преимуществу профессорами военно-медицинской академіи и университета, Русское Антропологическое Общество, все-таки не безотрадно можетъ оглянуться назадъ; наличныя силы представителей различныхъ отраслей антропологіи въ Петербургѣ объединены, число членовъ увеличилось значительно, сочувствіе ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ, занимающихся антропологіею, выразилось присылкою самыхъ искреннихъ поздравленій, а также многочисленныхъ изданій и брошюръ; намѣти-

лось въ общихъ чертахъ и направленіе научной дѣятельности Общества, чуждое узкой спеціализаціи, стремящееся охватить, по возможности, всю ширь науки о человѣкѣ. Жизнь Общества выразилась не только въ сообщеніяхъ, полныхъ интереса, но и въ тѣхъ оживленныхъ преніяхъ, которыя возбуждались по поводу ихъ. Къ сожалѣнію только, Общество, по крайнему недостатку денежныхъ средствъ, не имѣло возможности отпечатать даже своихъ протоколовъ, что совѣтъ Общества постановилъ во что бы то ни стало начать съ настоящаго втораго года существованія Общества. Послѣ чтенія годового отчета секретаря общества, докторомъ А. В. Елисеѣвымъ сдѣланъ былъ докладъ по общей этнологіи Малой Азіи, составляющей резюмѣ его антропологическихъ наблюденій надъ различными народами передней Азіи. Малая Азія—единственная въ мірѣ страна, гдѣ прошли сотни народовъ и племенъ, сметенные волнами исторіи одинъ за другимъ; тутъ сама почва—исторія; нигдѣ не было скучено такъ много исторіи на такомъ тѣсномъ пространствѣ; на этой оконечности Азіи толпились въ разное время всѣ народы исторіи; волны великихъ переселеній не разъ останавливались здѣсь; тутъ, среди многообразной и богатой природы, столкнулись всѣ разнообразныя цивилизаціи міра. Общими чертами этнологіи Малой Азіи было то, что народы, обитавшіе въ разныя эпохи и въ разныхъ частяхъ этой страны, никогда не составляли чего-нибудь цѣлаго, всегда были раздроблены, жили отдѣльными мірками, и часто не имѣли никакихъ другихъ сношеній между собою, какъ войны и грабежи; благодаря такой обособленности, часто въ одной и той же мѣстности, даже деревнѣ, дома принадлежатъ тремъ-четыремъ національностямъ, живущимъ рядомъ, по вполне обособленной жизни. Причина такой раздробленности и обособленности народовъ Малой Азіи заключается въ разнообразіи географическихъ условий. Ни гдѣ въ мірѣ поэтому антропологу не предстоитъ такой трудной задачи, какъ при изученіи народовъ Анатолиі, ведущихъ свою генеалогію съ одной стороны отъ Немврода, съ другой отъ Сима, Куша и Пеласага, а съ третьей—отъ таинственныхъ народовъ центральной Азіи. Четыре главныхъ антропологическихъ вида: тюркскій, иранскій, семитическій и европейскій—далеко не захватываютъ все разнообразіе типовъ народовъ Малой Азіи. Послѣ замѣтокъ по общей этнологіи Малой Азіи, А. В. Елисеѣвъ остановился на краткомъ этнологическомъ описаніи главнѣйшихъ народностей этой страны. Особенно долго докладчикъ остановился на туркахъ, кыры, по его словамъ, начинаютъ вымирать. Неумолимый рокъ тяготѣетъ надъ туркомъ-османомъ, который исчезаетъ передъ армяниномъ на востокѣ, арабомъ на югѣ, грекомъ на западѣ и сѣверѣ и даже курдомъ среди его родныхъ горъ и тѣсинъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, и антропологическій обликъ ту. рокъ, облагороженный перекрестными браками съ женщинами красивѣйшихъ націй всего міра, благодаря тому, что почти всѣ страны, доставлявшія контингентъ красавицъ для гаремовъ османлы, стали теперь недоступны для вербовки, началъ измѣняться въ сторону возврата къ первичному тюрко-татарскому типу. Послѣ турокъ А. В. Елисеѣвъ остановился на армянахъ, представляющихъ, по словамъ докладчика, многія черты древнихъ ассирійцевъ. Армяне народъ, заслуживающій особаго вниманія не только съ антропологической, но и биологической стороны. Народность, отстоявшая свою индивидуальность со временъ Семирамиды до нашихъ дней и сохранившая свой типъ, обычаи, религію и языкъ, не смотря на то, что ни одинъ народъ въ мірѣ, не исключая и евреевъ, не испыталъ столько несчастій, не можетъ быть забыта въ исторіи. Теперь армяне являются въ роли цивилизаторовъ, несущихъ культуру во многіе недоступные уголки Востока. Докладчикъ долго останавливался на курдахъ, представляющихъ, по его словамъ, осадокъ всѣхъ тѣхъ вполне народныхъ движеній, которыя прошли надъ Малою Азіей, остатокъ всего агломерата народовъ и племенъ, когда-то насе-

лявшихъ эту срединную страну. Этимъ и объясняется великое разнообразіе курдскихъ фязіономій и вѣковая обособленность различныхъ часто, по-видимому, близкихъ племенъ. Такими же курдами являются и іезиды— поклонники дьявола. Греки Малой Азіи, по словамъ А. В. Елисеѣва, представляютъ помѣсь между потомками эллиновъ и различными инноплеменниками-гуземцами Анатолиі. Еще большую помѣсь представляютъ арабы Малой Азіи, сохранившіе чистоту своей крови лишь въ пустыняхъ Сириі и Мессопотаміи. Подобно курдамъ, огромное большинство феллаховъ Сириі—осколки или потомки различныхъ народовъ, только арабизированные выходцами аравійскихъ пустынь. Любопытные народы сиро-халдейской расы представляютъ, по изслѣдованіямъ докладчика, если не прямыхъ потомковъ ассировавилонянъ, то, безъ сомнѣнія одного изъ народовъ арамейско-ассирійской группы. Послѣ перечисленныхъ главнѣйшихъ національностей Малой Азіи, д-ръ Елисеѣвъ вкратцѣ коснулся и другихъ обитателей этой страны: евреевъ, цыганъ, друзовъ, левантинцевъ, черкесовъ, лавовъ и татаръ, не представляющихъ особаго этнологическаго интереса.

Новгородскіе курганы. Археологическая экспедиція, снаряженная на средства Археологическаго института, произвела раскопки кургановъ въ имѣніи кн. Еникѣева, въ Новгородской губерніи, Боровскаго уѣзда, Аблечинской волости. Всѣхъ кургановъ, расположенныхъ въ этой мѣстности, насчитывается около 47. Разрыты три кургана и въ каждомъ изъ нихъ открыто по нѣсколько глиняныхъ горшковъ (всего 14), наполненныхъ сожженными костями и, отчасти, старинными предметами, полагавшимися вмѣстѣ съ умершимъ; всѣ найденные металлическіе предметы оказались сплавленными и полувившими различныя уродливыя формы, такъ что только по догадкамъ можно различить серьги, браслеты и разныя домашнія принадлежности. Особенно богатымъ по находкамъ оказался первый изъ изслѣдованныхъ кургановъ, въ которомъ было найдено 9 глиняныхъ горшковъ въ разныхъ положеніяхъ. Все найденное свидѣтельствуетъ о языческомъ трупосоженіи у нашихъ древнихъ славянъ, полагавшихъ послѣ сожженія остатки труповъ въ сосуды и затѣмъ зарывавшихъ ихъ въ насыпные курганы. Обиліе кургановъ и ихъ величина говорятъ за ихъ древнее, можно сказать, дохристіанское происхожденіе. Кромѣ этого, у мѣстныхъ жителей экспедиція прибрѣла нѣсколько старинныхъ топоровъ и принадлежностей плуговъ.

Отчетъ о дѣятельности Общества улучшенія народнаго труда, по 1 мая 1888 г. Первый отчетъ объ образованіи и предварительной дѣятельности Общества улучшенія народнаго труда, въ память Царя-Освободителя Александра II со времени учрежденія Общества въ 1881 году по 1-е марта 1885 года, былъ разосланъ епископамъ, губернаторамъ, редакціямъ выходящихъ въ имперію повременныхъ изданій и другимъ учрежденіямъ и лицамъ. Нынѣ составлены и разосланы лишь краткія свѣдѣнія объ общей дѣятельности Общества, отпечатанъ также четвертый денежный отчетъ по петербургской (главной) кассѣ комитета учредителей, за 1887—1888 отчетный годъ, т. е. за время съ 1-го мая 1887 г. по 1-е мая 1888 г., вмѣстѣ съ тремя списками учреждений и лицъ, приславшихъ, въ теченіе отчетнаго года, въ главную кассу Общества, свои членскіе взносы и пожертвованія, и списокъ 25-ти мѣстныхъ комитетовъ Общества, открывшихъ свои дѣйствія до половины 1888 года, съ краткимъ указаніемъ ихъ состава, избраннаго ими рода дѣятельности и достигнутыхъ нѣкоторыми изъ нихъ результатовъ. Эти общія свѣдѣнія, дополненныя новѣйшими данными по 1-е мая 1888 года, представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ 1882 г. было всего членовъ 237, къ 1 мая 1888 г.—1,675. Такое постоянное и довольно быстрое увеличеніе числа членовъ прибрѣтаетъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что комитетъ учредителей еще не прибрѣгалъ до сихъ поръ ни къ воззваніямъ, ни къ какимъ-либо другимъ публичнымъ заявленіямъ о существованіи Общества. Въ числѣ

членовъ Общества имѣется: земствъ, городскихъ думъ, ученыхъ, промышленныхъ и другихъ обществъ, кредитныхъ и т. п. учреждений, волостныхъ сходовъ и сельскихъ обществъ—545. Обществомъ были открыты до настоящаго времени въ 17-ти губерніяхъ слѣдующія мѣстныя управленія: одно окружное управленіе (въ 1883 г.) и 25 мѣстныхъ комитетовъ, въ составъ которыхъ входитъ болѣе $\frac{1}{3}$, т. е. болѣе 600, изъ общаго числа членовъ Общества. Кромѣ того, 15 другихъ мѣстныхъ комитетовъ (въ 15-ти губерніяхъ), при участіи болѣе 300 членовъ, получили разрѣшеніе на открытіе, но еще не доставили свѣдѣній о своей дѣятельности и, наконецъ, болѣе чѣмъ въ 100 мѣстностяхъ (42 губерній и областей имперіи) приступлено къ образованію такихъ комитетовъ и отдѣловъ. Обществу назначены въ разныхъ губерніяхъ слѣдующія денежныя и имущественныя средства: 1) въ полную его собственность членскими взносами и пожертвованіями, деньгами, общео за истекшее время суммою свыше 180,000 руб. и, сверхъ того, ежегодныхъ свыше 18,000 р. (обѣ эти суммы постоянно увеличиваются вступленіемъ новыхъ членовъ и назначеніемъ новыхъ пожертвованій). Значительная часть этихъ суммъ еще не поступила въ кассы Общества, такъ какъ онѣ, при самомъ учрежденіи его, оставлены были, до времени, на храненіи въ земскихъ и городскихъ кассахъ, у вступившихъ въ Общество членовъ и жертвователей и въ мѣстныхъ кредитныхъ установленіяхъ, и 2) недвижимыя имущества, пожертвованныя и завѣщанныя Обществу въ собственность и предоставленныя въ его распоряженіе, въ 11-ти губерніяхъ, для открытія земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ, образцовыхъ фермъ и т. п. заведеній (зданія въ городахъ и селахъ и участки земли), стоимостью, примѣняясь къ мѣстнымъ цѣнамъ, болѣе 70,000 рублей. Кромѣ того, въ разныхъ губерніяхъ общественными и сословными учрежденіями и отдѣльными лицами, преимущественно членами Общества, ассигновано и изыскано на учрежденіе ими, у себя, на мѣстѣ, образовательныхъ и вспомогательныхъ заведеній для крестьянъ, городскихъ ремесленниковъ и рабочихъ и на осуществленіе другихъ мѣръ, отвѣчающихъ цѣлямъ Общества, единовременныхъ суммъ болѣе 400,000 руб. и ежегодныхъ болѣе 70,000 руб. Эти послѣднія суммы въ главную кассу Общества вовсе не поступаютъ, оставаясь на мѣстахъ въ распоряженіи учреждений и лицъ, ихъ изыскавшихъ, или, согласно желанію ихъ, въ распоряженіи мѣстныхъ управленій Общества, по мѣрѣ ихъ образованія, и записываются нынѣ въ отчеты центральнаго управленія Общества лишь для свѣдѣнія, не взирая на неиспрошенное еще окончательное утвержденіе его устава и незаконченную его организацію. Вслѣдъ за своимъ учрежденіемъ въ 1881 г., Общество, въ лицѣ своего комитета учредителей, обратилось ко всѣмъ 400 земствамъ, всѣмъ 780 городскимъ общественнымъ управленіямъ имперіи, многимъ другимъ мѣстнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ (всего къ 4,000 мѣстъ и лицъ), а также ко всѣмъ выходящимъ въ Россію поврежденнымъ изданіямъ, съ объясненіемъ пользы и настоятельной необходимости, для каждой мѣстности, приступить, не теряя времени, въ виду общаго упадка отечественной производительности, къ открытію техническихъ, ремесленныхъ, земледѣльческихъ и т. п. практическихъ школъ, при чемъ были указаны различныя типы и способы устройства таковыхъ. Обществу удалось такимъ образомъ привлечь вниманіе не только общественныхъ, но и правительственныхъ учреждений на это дѣло, столь важное для улучшенія благосостоянія рабочаго населенія. Наибольшее до сихъ поръ распространеніе получили преимущественно учебныя мастерскія, для пракческаго обученія ремесламъ, подъ названіемъ ремесленныхъ отдѣленій, классовъ и курсовъ, открываемыхъ, вслѣдствіе дешевизны устройства и содержанія ихъ, сравнительно съ стоимостью спеціально-ремесленныхъ школъ, при существующихъ уже городскихъ и сельскихъ разнаго рода училищахъ. До 1881 года число такихъ училищъ съ мастерскими не превышавшее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ 250, возро-

сло въ 1882—1883 учебномъ году до 320, съ 6,200 учениковъ и 433 мастерами-преподавателями, и достигло въ 1884 году до 875 школъ, имѣющихъ ремесленныя отдѣленія, курсы и классы. Не переставая, согласно имѣющимъ даннымъ, увеличиваться въ той же прогрессіи, число ихъ нынѣ не менѣе 1,500. Большая часть открытыхъ до сихъ поръ мѣстныхъ комитетовъ уже приступила къ осуществленію цѣлага ряда (болѣе 100) различныхъ практическихъ мѣръ и заведеній, вызываемыхъ мѣстными потребностями. Сюда относятся: земледѣльческія и ремесленныя училища и школы, учебныя мастерскія, образцовыя земледѣльческія крестьянскія фермы и т. п. заведенія открытыя и устраиваемыя, одни—самостоятельно, а другія—при существующихъ церковно-приходскихъ, сельскихъ народныхъ, городскихъ и другихъ этого рода училищахъ; выставки кустарныхъ и сельско-хозяйственныхъ издѣлій, образовательныя бібліотеки и т. п. заведенія. Изъ числа 25 открытыхъ мѣстныхъ комитетовъ 15 избрали себѣ цѣлью способствовать усовершенствованію и развитію земледѣлія, сельскаго хозяйства и кустарной промышленности и 7—распространенію ремесленного образованія среди городского населенія. Кромѣ того, 4 комитета производятъ мѣстныя изслѣдованія и привлекаютъ членовъ и пожертвованія, не останавливаясь пока на опредѣленномъ родѣ дѣятельности. Дѣятельность комитета учредителей (временно замѣняющаго главное управление Общества) состояла, какъ и прежде, въ сношеніяхъ съ нѣсколькими тысячами учреждений и лицъ по разнымъ возникавшимъ вопросамъ; въ разъясненіи встрѣчаемыхъ при образованіи мѣстныхъ управленій Общества недоразумѣній; въ изготовленіи и разсылкѣ печатныхъ изданій, брошюръ, руководствъ, отчетовъ и квитанцій на поступающіе членскіе взносы и пожертвованія; въ разработкѣ представляемыхъ въ главное управленіе мѣстными комитетами и многими членами Общества предположеній объ устройствѣ тѣхъ или другихъ заведеній, отвѣчающихъ цѣлямъ Общества и пр. На суммы, по мѣрѣ поступления ихъ въ кассу, за производствомъ изъ нихъ необходимѣйшихъ расходовъ по дѣламъ Общества, приобретаются процентныя бумаги, биржевая цѣна которыхъ подвергается наименьшимъ колебаніямъ, какъ-то государственныя, ипотечныя и т. п., и помѣщаются на храненіе, отъ имени Общества, въ государственный банкъ. Такихъ бумагъ, принадлежащихъ Обществу, къ 1-му мая 1888 г., было въ банкѣ на нарицательную сумму 51,400 руб. Ежегодный, приносимый бумагами доходъ по купонамъ составлялъ къ 1-му мая 2,862 руб., уже превышающій на нѣсколько сотъ рублей расходъ по содержанію личнаго состава канцеляріи комитета учредителей. Всего же въ полное распоряженіе комитета, согласно проекту устава Общества, на покрытіе текущихъ нуждъ, т. е. въ расходный капиталъ, поступаетъ за послѣднее время, въ среднемъ выводѣ, около 7,000 руб. въ годъ, каковыми средствами нынѣ и соразмѣряется удовлетвореніе всѣхъ расходовъ, производимыхъ комитетомъ учредителей. Средства эти дали возможность комитету отпустить въ теченіе послѣдняго отчетнаго года, нѣкоторое пособіе мѣстнымъ учреждениямъ Общества. Поступающія средства могли бы быть гораздо значительнѣе, еслибы Общество не воздерживалось отъ приглашенія, посредствомъ объявленій и воззваній, всего русскаго общества къ посильнымъ пожертвованіямъ на святое и патристическое дѣло улучшенія народнаго труда, предпринятое въ память Царя-Освободителя, благодѣянiami котораго воспользовались столько миллионныя населенія имперіи. Отсутствіемъ такихъ публичныхъ обращеній объясняется совершенное незнаніе до сихъ поръ большинствомъ населенія имперіи даже о существованіи Общества улучшенія народнаго труда. Изъ перечисленныхъ выше отраслей дѣятельности комитета учредителей наиболѣе трудною представлялась исполненіе ежегодно поступающихъ въ большомъ числѣ ходатайствъ мѣстныхъ учреждений и дѣятелей объ указаніи имъ лучшихъ пріемовъ и способовъ устройства различныхъ профессиональныхъ школъ. За-

трудненія въ удовлетворительномъ разрѣшеніи подобныхъ просьбъ вызывались, главнымъ образомъ, малымъ числомъ типовъ этого рода заведеній въ Россіи и непрактичностью устройства существующихъ у насъ низшихъ школъ. Поэтому комитетъ учредителей, получивъ свѣдѣніе о созывавшемся, въ сентябрь 1886 года, во Франціи, въ городѣ Бордо, первомъ международномъ конгрессѣ для обсужденія вопросовъ, касающихся техническаго промышленнаго и коммерческаго образованія, принялъ участіе на означенномъ конгрессѣ. Выраженное на Бордосскомъ конгрессѣ желаніе о созваніи слѣдующаго подобнаго конгресса въ Петербургѣ,—подкрѣпленное французскимъ правительствомъ, принято нашимъ правительствомъ и по высочайшему повелѣнію рѣшено созвать у насъ международный съѣздъ по вопросамъ профессиональнаго образованія въ 1890 г., а въ нынѣшнемъ году открывается русскій съѣздъ представителей нашихъ специальныхъ учебныхъ заведеній и выставка работъ учениковъ этихъ заведеній, ихъ уставовъ, программъ, правилъ, отчетовъ и т. п. для подготовки къ международному конгрессу (см. извѣстіе о съѣздѣ русскихъ дѣятелей въ Смѣси мартовской книжки «Историческаго Вѣстника»). Для этой цѣли комитетъ разослалъ еще въ началѣ 1888 года всѣмъ начальствующимъ въ губерніяхъ и областяхъ лицамъ, съ просьбой не отказать въ непосредственномъ сообщеніи и въ содѣйствіи къ полученію возможно подробныхъ отвѣтовъ на вопросы: какія реальныя, техническія, сельско-хозяйственныя, ремесленныя, педагогическія (учительскія), коммерческія и иного рода специальныя и профессиональныя мужскія и женскія учебныя заведенія высшія, среднія и низшія имѣются въ городахъ, уѣздахъ и селеніяхъ губерніи или области? Существуютъ ли въ губерніи, независимо отъ этихъ специальныхъ учебныхъ заведеній, особыя для малолѣтнихъ или взрослыхъ, самостоятельныя спеціальныя курсы и классы: мореходныя, ремесленныя, педагогическія, сельско-хозяйственныя и т. п.? Имѣются ли при какихъ-либо городскихъ и сельскихъ общеобразовательныхъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и низшихъ школахъ въ губерніи дополнительные отдѣленія, классы и курсы? Какое число учениковъ или ученицъ обучается въ каждомъ изъ этихъ заведеній? Какіе классныя и практическія предметы преподаются вообще (въ томъ числѣ ремесла, рукодѣлія и другія практическія работы)? Изъ кого состоитъ учебный персоналъ каждаго подобнаго заведенія? и пр. При этомъ комитетъ просилъ доставить ему: уставы, правила и программы, а также смѣты доходовъ и расходовъ и отчеты о ихъ дѣятельности хотя бы за послѣдній учебный годъ. Сверхъ того, комитетомъ было разъяснено, что указанныя свѣдѣнія и данныя необходимы по всѣмъ училищамъ, школамъ, пріютамъ, отдѣленіямъ, курсамъ или классамъ, самостоятельнымъ и дополнительнымъ при разнаго рода учебныхъ и исправительныхъ заведеніяхъ, монастыряхъ, богадѣльняхъ, тюрьмахъ и т. п. Независимо отъ свѣдѣній, которыя будутъ доставлены при благосклонномъ содѣйствіи губернаторовъ, комитетъ учредителей приметъ съ живѣйшею признательностью каждое заявленіе отдѣльнаго лица или учрежденія, которое пожелало бы сообщить комитету Общества, по его адресу: С.-Петербургъ, Большая Конюшенная улица, д. № 3, какое-либо свѣдѣніе или указаніе по данному предмету.

Конкурсъ на составленіе исторіи Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи. Премія за лучшее сочиненіе—1,200 руб., изъ коихъ 200 руб. ассигнованы архангельскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, а 1,000 руб. пожертвованы М. К. Сидоровымъ. Срокъ для представленія сочиненій, печатныхъ или рукописныхъ, назначается пятилѣтній и истекаетъ 1-го января 1895 года. Сочиненія, представляемые на соисканіе преміи, присылаются въ Архангельскій статистическій комитетъ и снабжаются девизомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ присылается запечатанный пакетъ, на коемъ долженъ быть написанъ тотъ же девизъ; внутри пакета должны находиться имя, фамилія и адресъ

автора. Всѣ представленныя сочиненія будутъ обсуждены въ особой комиссіи при архангельскомъ статистическомъ комитетѣ. Результаты обсуждения будутъ объявлены не позже 1-го августа 1895 года. Если спустя годъ послѣ выдачи преміи сочиненіе не будетъ напечатано по распоряженію самого автора, то поступаетъ въ собственность архангельскаго статистическаго комитета. Программа сочиненія слѣдующая: экономическое положеніе Сѣвернаго края до появленія англичанъ на Двинскомъ устьѣ. Колонизаціонно-промышленное значеніе монастырей, основанныхъ въ этомъ краѣ. Причины, вызвавшія основаніе Архангельска. Топографія города въ связи съ его первоначальною постройкою. Городское населеніе и причины, вліявшія на ростъ населенія. Торгово-промышленное значеніе края въ до-Петровское время, съ приложеніемъ числовыхъ данныхъ о виѣшней торговлѣ Архангельска и перечисленіе главнѣйшихъ ея предметовъ, какъ по привозу, такъ и по отпуску. Торговые и таможенные порядки. Мѣстности, снабжавшія Архангельскій портъ товаромъ за это время. Посѣщеніе Архангельска Петромъ Великимъ и послѣдствія посѣщенія. Причины, какъ внутреннія, такъ и виѣшнія, вызвавшія усиленный отпускъ однихъ товаровъ, или совершенное прекращеніе другихъ. Морскіе и рѣчные промыслы. Отрасли промышленности, попеременно возникавшія на Сѣверѣ, съ объясненіемъ причинъ, обусловливавшихъ ихъ развитіе и упадокъ. Степень развитія торгово-промышленности края въ различные періоды и значеніе его въ общемъ строѣ экономической жизни государства. Вліяніе виѣшней торговли Архангельска на благосостояніе какъ мѣстнаго населенія, такъ и другихъ мѣстностей, связанныхъ торговою дѣятельностію съ Архангельскомъ. Біографическія свѣдѣнія о главныхъ дѣятеляхъ, вліявшихъ на подъемъ экономическихъ силъ Сѣвера и на ихъ упадокъ. Современное положеніе торговли и промышленности сѣвера и способы, ведущіе къ поднятію экономическихъ его силъ.

Источниками при составленіи труда могли бы служить: описанія города Архангельска иностранцами, планы города, писцовыя книги и дѣла, архивныя матеріалы московскаго архива министерства юстиціи и дѣла десяти посѣдовательныхъ переписей XVIII и XIX столѣтія въ архивѣ архангельской казенной палаты. Дѣла бывшихъ приказовъ посольскаго, большой казны, большого прихода, сибирскаго и отчасти аптекарскаго и пушкарскаго: этотъ періодъ не можетъ быть пропущенъ въ историческомъ описаніи торговли уже по самому значенію въ то время Архангельска, какъ единственнаго порта въ государствѣ. Законодательные памятники того времени: торговый уставъ 1667 года. Дѣла коммерцъ-коллегіи, камеръ-коллегіи, съ 1763 г. главной канцеляріи для таможенныхъ сборовъ, архивы казенныхъ палатъ, генераль-губернаторовъ, губернскихъ магистратовъ, департамента виѣшней торговли, департамента торговли и мануфактуръ, дѣла комиссіи о коммерціи съ 1720—1749 и съ 1763—1796 гг., учрежденной къ изысканію мѣръ для развитія торговли, фабрикъ и заводовъ, комиссіи о пошлинахъ 1753—1760 гг., коммерцъ-конторы 1722—1763 гг., московскаго комисарства 1744—1763 гг., ликвидационныхъ конторъ въ Москвѣ, Архангельскѣ и Ригѣ; ликвидационныхъ и нейтральныхъ комиссій въ Петербургѣ, Ригѣ и Архангельскѣ и поташной конторы 1690—1764 гг. Древній періодъ администраціи города можетъ ограничиться лишь общимъ очеркомъ, составленнымъ на основаніи разработанной литературной исторіи нашихъ областныхъ учреждений. Съ XVIII столѣтія разработка матеріаловъ весьма важна не только съ точки зрѣнія мѣстной исторіи, но и для общей исторической характеристики состоянія и правовъ нашего общества. Матеріаломъ для этого служатъ чисто мѣстные архивы: губернской, губернскаго правленія, городской думы и другихъ городскихъ сословныхъ учреждений. Самую видную часть въ этомъ трудѣ, конечно, должно получить постепенное развитіе городского хозяйства, разныхъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей, источниковъ городскихъ дохо-

довъ, сравнительная оцѣнка состоятельности города по его приходу и расходу, какъ въ теченіе извѣстныхъ періодовъ, такъ и по отношенію къ нѣкоторымъ болѣе значительнымъ городамъ Россіи.

† 16-го февраля въ Сергіевскомъ Посадѣ бывшій ректоръ московской духовной академіи протоіерей **Сергій Константиновичъ Смирновъ**. Онъ принадлежалъ къ числу выдающихся лицъ въ средѣ нашего блага духовенства. Родомъ москвичъ, онъ кончилъ курсъ образованія въ 1844 г. въ московской духовной академіи со степенью магистра богословскихъ наукъ и былъ оставленъ при академіи бакалавромъ (доцентомъ) для преподаванія русской исторіи и греческаго языка. Не мало оставилъ онъ печатныхъ трудовъ, помѣщавшихся въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей російскихъ», «Москвитининѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», когда эти два изданія редактировалъ М. Н. Катковъ, академическомъ журналѣ «Творенія св. отцевъ», другихъ духовныхъ журналахъ, какъ «Православное Обозрѣніе» и пр. Изъ его отдѣльныхъ монографій главныя слѣдующія «Исторія греко-славянской академіи», «Исторія троицкой семинаріи», «Исторія московской духовной академіи»; труды эти были увѣнчаны уваровскими преміями и авторъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ С. К. Смирновъ, въ виду требованій дѣйствовавшаго тогда устава духовныхъ академій имѣлъ ординарному профессору степень доктора, послѣ публичной защиты своей диссертации, имѣвшей характеръ богословско-филологическій, получилъ степень доктора богословскихъ наукъ; вскорѣ по полученіи этой степени онъ принялъ священническій санъ и былъ назначенъ ректоромъ московской духовной академіи, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и профессоромъ греческаго языка. На академической службѣ покойный состоялъ болѣе сорока лѣтъ, въ теченіе которыхъ слушало его живыя и интересныя лекціи по русской исторіи, исторіи русскаго раскола и греческому языку нѣсколько молодыхъ поколѣній, среди которыхъ скончавшійся пользовался широкою популярностью. Года три тому назадъ С. К. Смирновъ, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ службы при академіи и, живя невдалека ея, въ Сергіевскомъ Посадѣ, продолжалъ заниматься учеными трудами.

† Въ Петербургѣ, **Федоръ Антоновичъ Рейнбольтъ**, извѣстный своими трудами въ области техники, а также своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ дѣлѣ устройства дѣтскаго технического музея въ Соляномъ городкѣ. Рейнбольтъ воспитывался въ бывшемъ пансіонѣ Царскосельскаго лицей, по окончаніи учебнаго курса въ которомъ, въ 1827 г., поступилъ на службу въ министерство финансовъ. Въ этомъ вѣдомствѣ Рейнбольтъ провелъ всю свою, свыше чѣмъ шестидесятилѣтнюю службу, въ послѣднее время занимая должность чиновника особыхъ порученій. Какъ служащій, онъ отличался всегда ревностнымъ исполненіемъ возлагавшихся на него порученій, по извѣстенъ онъ былъ не какъ чиновникъ, а какъ человѣкъ много трудившійся по технической литературѣ. Такъ имъ были изданы слѣдующія руководства по технологии: «Линейное черченіе», «Объ американскихъ мукомольныхъ мельницахъ», переводъ труда профессора Поппе «Начертаніе технологии». Трудъ Рейнбота «Отвѣты на вопросы изъ области техническихъ производствъ» выдержалъ шесть изданій. Имъ составлены также богатая коллекція матеріаловъ въ разныхъ видахъ ихъ разработки; эти коллекціи Рейнботомъ пожертвованы въ нѣсколько женскихъ учебныхъ заведеній. Какъ человѣкъ, Рейнбольтъ отличался рѣдкимъ добродушіемъ и безкорыстіемъ.

† Въ Ялтѣ **Александръ Ивановичъ Стронинъ**. Онъ былъ сынъ крѣпостного человѣка князей Юсуповыхъ. Образованіе получилъ въ Кіевскомъ университетѣ, по словесному отдѣленію. Дѣятельность свою началъ въ Нѣжинѣ учителемъ гимназіи, затѣмъ перешелъ въ Полтаву, тоже въ качествѣ учителя исторіи. Принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ полтавской жен-

ской гимназіи, которая вначалѣ была основана на исключительно даровомъ трудѣ преподавателей. Въ началѣ 60-хъ годовъ былъ высланъ въ Шенкурскъ. Съ этого времени начинается его литературная дѣятельность. Во время ссылки была имъ написана «Исторія и методъ» и здѣсь начала «Политика какъ наука». По возвращеніи въ Петербургъ (1872 года), «Политика какъ наука» была издана. Въ Петербургѣ онъ занялся адвокатурой, затѣмъ при введеніи судебной реформы въ Западномъ краѣ, получилъ мѣсто мирового судьи въ городѣ Лепелѣ Витебской губ., черезъ 3 года былъ переведенъ въ царство Польское въ Люблинъ въ качествѣ предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, но скоро оставилъ эту должность по семейнымъ обстоятельствамъ и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ состоялъ юрисконсультomъ министерства путей сообщенія, а затѣмъ членомъ совѣта этого министерства. Въ декабрѣ 1887 года онъ захворалъ, принужденъ былъ выйти въ отставку и послѣдніе два года жизни провелъ въ Ялтѣ. Онъ умеръ 62 лѣтъ. Въ 1866 году вышла его «Исторія обществѣности».

† Въ Петербургѣ, **Софья Григорьевна Мей**, рожденая Полянская, по второму мужу Рехневская, на 68 году. Получивъ отличное образованіе и проведя молодость въ лучшемъ обществѣ, она вышла въ 1852 году за поэта Мея и десять лѣтъ дѣлила съ нимъ тяжелую жизнь, такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ постоянныхъ доходовъ и жилъ только тѣмъ, что зарабатывалъ своимъ трудомъ. Отсутствие всякихъ средствъ къ жизни побудили ее въ 1862 году основать журналъ «Модный Магазинъ», который сначала пошелъ очень хорошо и далъ возможность поправить стѣсненныя обстоятельства. Но Мей умеръ въ томъ же 1862 году и жена его вскорѣ вышла за полковника Рехневскаго, ученаго офицера генеральнаго штаба, занимавшагося математическими изслѣдованіями. За вторымъ мужемъ Софья Григорьевна не нуждалась уже въ работѣ для приобрѣтенія средствъ къ жизни, но продолжала издавать свой журналъ изъ любви къ дѣлу, много работая сама, составляя статьи по отдѣламъ моды, косметики, кухни, домашняго хозяйства, перевода съ французскаго мелкія статьи. Но журналъ, не смотря на полную добросовѣстность редактора, началъ падать съ тѣхъ поръ какъ въ литературу вторглись жидовскія изданія съ ихъ дешевыми рисунками. Съ трудомъ довела Софья Григорьевна журналъ до 1882 года и принуждена была прекратить его, потерявъ при этомъ значительную сумму. Второй бракъ ея также кончился несчастливо. Рехневскій вскорѣ сошелъ съ ума, но прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ тихомъ помѣшателствѣ. Жена была его сидѣлкою и никогда не хвораая, умерла почти внезапно, до позднихъ лѣтъ сохранивъ слѣды молоджавости и привлекательности. Ее похоронили въ Лаврѣ подлѣ второго мужа, а не на Волковомъ подлѣ перваго, но на похоронахъ не было никого изъ писателей, кромѣ родственника, распоряжавшагося погребеніемъ, да одного стараго товарища Мея. А между тѣмъ, она двадцать лѣтъ была редакторомъ-издательницей журнала, и въ ея домѣ, при жизни поэта, собиралось много литераторовъ. Отдѣльно, съ именемъ Софьи Григорьевны Мей вышла только одна книга въ 1875 году: «Рукопись мадамъ-зель Камиль, романъ княгини А. Кочубей, переводъ съ французскаго».

† **Рудольфъ Эрнстовичъ Траутфеттеръ**, дворянинъ Петербургской губерніи, сынъ старшаго учителя митавской гимназіи, родился въ Митавѣ 8-го февраля 1809 г. Кончилъ курсъ въ тамошней гимназіи, а высшее образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ занимался преимущественно ботаникою. Въ 1835 г. получилъ степень доктора философіи Кенигсбергскаго университета, а въ 1839 году степень доктора естественныхъ наукъ, въ университетѣ св. Владиміра. Уже съ 1838 года Траутфеттеръ занималъ въ этомъ университетѣ кафедру ботаники; въ теченіе четырехъ лѣтъ былъ деканомъ, а затѣмъ и ректоромъ Киевскаго университета. Въ этой должности онъ оставался 12 лѣтъ. Съ 1860 по 1864 годъ Рудольфъ Эрнстовичъ

былъ директоромъ горыгорѣцкаго земледѣльческаго института, въ 1864 г. директоромъ Ботаническаго сада въ Петербургѣ. Эту должность онъ исправлялъ до 1875 г., когда вышелъ въ отставку и поселился около Ботаническаго сада, въ собственномъ домикѣ. Тутъ, окруженный садами, въ обществѣ съ своею библиотекою и огромными ботаническими коллекціями, онъ кончилъ свою долгую, трудовую и полезную жизнь. Дѣятельность Рудольфа Эрнестовича изумительна: онъ издалъ 82 работы, на нѣмецкомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ. Многія изъ этихъ сочиненій представляютъ объемистые томы. Въ Кіевѣ онъ основалъ и устроилъ превосходный ботаническій садъ, усердно занимался профессурою, но главные его заслуги — заслуги ученыя. Почти всѣ его работы посвящены русской флорѣ, которой онъ былъ первымъ знатокомъ. Имъ обработана исторія ботаники въ Россіи, географическое распредѣленіе русской растительности, изданы обширныя дополненія къ русской флорѣ Ледебера. Недавно издалъ онъ полное перечисленіе всѣхъ трудовъ по русской флорѣ, начиная отъ первѣйшихъ работъ и кончая послѣдними. Главнѣйшею цѣлью его было изученіе Россіи въ ботаническомъ отношеніи и притомъ во всей ея обширности. Отовсюду слали ему коллекціи, спрашивали его совѣтовъ, а онъ всегда съ полнѣйшею готовностью откликался, опредѣлялъ коллекціи и отсылалъ ихъ обратно, заводилъ корреспонденціи и составилъ обширнѣйшій и драгоцѣнный гербарій, преимущественно русскихъ растений, который онъ завѣщалъ Ботаническому саду. Чрезвычайное благодушіе покойнаго, его доброта, ровный характеръ, любезное обращеніе и высокая образованность, соединенная съ живостью рѣчи, плѣняли каждого. У Рудольфа Эрнестовича не было ни враговъ, ни завистниковъ: люди всѣхъ положеній и всѣхъ національностей одинаково любили и уважали его, а заслуги его передъ Россіей никогда не забудутся.

† 22-го января въ Петербургѣ одинъ изъ видныхъ дѣятелей по обществу «Краснаго Креста» генераль-лейтенантъ **Владиміръ Яковлевичъ Коссинскій**. Покойный сталъ извѣстенъ со времени послѣдней русско-турецкой войны, когда онъ завѣдывалъ госпиталями нашей дѣйствующей арміи на Дунаѣ. Коссинскій былъ произведенъ въ офицеры въ 1849 г., въ генераль-майоры въ 1870 г., и въ генераль-лейтенанты въ 1883 г. За отличную службу въ прошлую войну, когда онъ все ея время держалъ военные госпитали въ самомъ образцовомъ состояніи, онъ былъ награжденъ неоднократно. Послѣднее время Коссинскій завѣдывалъ Общиною сестеръ милосердія въ обществѣ Краснаго Креста и состоялъ членомъ главнаго военно-госпитальнаго комитета. Коссинскій, помимо своей служебной дѣятельности, пользовался популярностью какъ добрѣйшій и прямой человѣкъ. Почти ни одно торжество не обходилось безъ его участія и онъ всегда являлся остроумнымъ и талантливымъ импровизаторомъ застольныхъ спичей и стихотвореній.

† **Валеріанъ Александровичъ Кремпінъ**, бывшій артиллерійскій офицеръ и воспитатель въ Артиллерійскомъ училищѣ. Онъ основалъ въ 1859 году ежемѣсячный журналъ «Разсвѣтъ», имѣвшій цѣлью доставить молодымъ женщинамъ серьезное чтеніе и эмансипировать ихъ въ умственномъ отношеніи. Направленіе журнала было, сообразно эпохѣ, весьма прогрессивное. Участвовали въ журналѣ лучшіе писатели того времени; дѣятельное участіе принимали, между прочимъ: Стоюнинъ, Хмыровъ, І. Шинкинъ, Семевакскій и др. Въ «Разсвѣтѣ» начали свою литературную дѣятельность: Михайловскій, Скальковскій (оба еще кадетами), Фирсовъ (Рускинъ) и Писаревъ, пріобрѣтшій потомъ очень быстро извѣстность въ литературѣ, какъ критикъ. Писаревъ былъ тогда студентомъ. По прекращеніи журнала, Кремпінъ служилъ въ акцизѣ, который, послѣ уничтоженія откуповъ, также былъ у насъ одно время поприщемъ для послѣдователей либеральныхъ идей. Всѣ, имѣвшіе дѣла съ Кремпіннымъ сохраняютъ о немъ память, какъ о добромъ человѣкѣ и идеалистѣ, искреннемъ другѣ молодежи.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ „Воспомяніямъ“ А. Я. Головачевой.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ «Воспомяніяхъ» А. Я. Головачевой, на стр. 293 сказано: «Панаевъ сказалъ отцу (т. е. артисту Брянскому), что переводилъ (Отелло) съ французскаго, но что его пріятель, знающій хорошо англійскій языкъ, провѣрялъ съ нимъ каждую фразу съ англійскимъ текстомъ».

Пріятель этотъ былъ я. Покойный Панаевъ былъ мнѣ ровесникъ и связанъ со мною не только пріязнію съ самаго дѣтства, но и узами родства, такъ какъ наши матери были двоюродными сестрами. Когда, по выходѣ въ отставку изъ кавказскаго сапернаго батальона, я пріѣхалъ въ Петербургъ для поступленія на гражданскую службу, Панаевъ предложилъ мнѣ поселиться у него. Такимъ образомъ, нѣсколько мѣсяцевъ (1835—1836 г.) я пользовался его гостепримствомъ и принялъ, по его предложенію, нѣкоторое, и прибавлю, весьма скромное и ограниченное участіе въ трудѣ его по переводу Отелло. Когда трудъ этотъ былъ конченъ, Панаевъ созвалъ къ себѣ на вечеръ нѣсколько близко съ нимъ знакомыхъ литераторовъ и В. А. Каратыгина. Панаевъ прочелъ намъ переводъ свой; присутствующіе произнесли нѣсколько фразъ въ похвалу труду и... разошлись.

Результаты чтенія, по впечатлѣнію, произведенному имъ на слушателей, въ особенности на Каратыгина, показались мнѣ какими-то блѣдными, не достаточно лестными для самолюбія переводчика. Когда мы остались съ Панаевымъ глазъ-на-глазъ, мнѣ пришла мысль сказать ему: «Неужели, братецъ, ты удовольствуешься прочтеніемъ твоего перевода Каратыгину! Есть въ театрѣ судья, гораздо болѣе его смысленный и вѣсскій. Позвать бы тебѣ Брянскаго, этого истиннаго, во всѣхъ отношеніяхъ, сценическаго художника!» Панаевъ ухватился за эту мысль и долго не думая, сдѣлалъ другой вечеръ, на который и пригласилъ Брянскаго. Присутствующими были, за исключеніемъ Каратыгина, почти всѣ тѣ же, что и на первомъ вечерѣ, съ прибавленіемъ двухъ, трехъ новыхъ лицъ.

Въ продолженіе чтенія, Я. Г. Брянскій слѣдившій за нимъ съ напряженнымъ вниманіемъ, искрившимся въ его умныхъ и прекрасныхъ черныхъ глазахъ, нѣсколько разъ выражалъ свое удовольствіе по поводу плавности рѣчи и по окончаніи чтенія, высказалъ Панаеву, что подумывалъ, въ свой бенефисъ, поставить именно Отелло и на роли Дездемоны испробовать силы своей старшей дочери, которую онъ готовилъ къ театру. «Что жъ!—сказалъ ему Панаевъ,—если вы признаете трудъ мой достойнымъ одобренія, не позволите ли просить васъ принять его въ полное ваше распоряженіе». Судьба Отелло, въ переводѣ Панаева, была, такимъ образомъ, рѣшена для сцены. На другой же день онъ отвезъ его Брянскому.

На стр. 322-й «Воспомяній» говорится: «Панаевъ уже встрѣчался съ Некрасовымъ гдѣ-то». Онъ встрѣтился съ Некрасовымъ въ первый разъ у меня. Я познакомился съ этимъ послѣднимъ у отставнаго маіора Фермора, отца моихъ товарищей по главному инженерному училищу. Онъ былъ реко-

мендованъ въ этотъ домъ изъ только-что покинутой и въ провинціи и привезъ съ собою, въ рукописи, романъ, которымъ навѣвался дебютировать на литературномъ поприщѣ. Узнавъ отъ меня, что я интересуюсь литературою и имѣю нѣкоторыя связи въ кружкѣ писателей, онъ просилъ меня сблизить его съ нимъ. Я его свелъ у себя съ Панаевымъ.

М. Гамазовъ.

II.

Къ „Воспоминаніямъ“ Б. А. Милютина.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1888 г. въ воспоминаніяхъ Б. А. Милютина подъ заглавіемъ: «Генераль-губернаторство гр. Н. Н. Муравьева въ Сибири», авторъ, между прочимъ, рассказывая подробно о дуэли Беклемишева и Неклюдова говоритъ, что секундантами Беклемишева были: Анненковъ и Гурьевъ, а секундантами Неклюдова — Шелеховъ и Молчановъ,—это не вѣрно. У обоихъ было по одному секунданту—у Беклемишева Анненковъ, а у Неклюдова Молчановъ; ни Шелехова, ни меня на мѣстѣ поединка не было, а былъ только мой экипажъ, въ которомъ раненый Неклюдовъ и былъ отвезенъ на свою квартиру.

Къ этому, для полной истины, прибавлю, что дуэль происходила 16-го апрѣля утромъ, и что весь день 15-го апрѣля я былъ замѣшанъ въ переговорахъ о предстоящемъ поединкѣ, какъ секундантъ не Беклемишева, а Неклюдова, кѣмъ и былъ бы, еслибы не особое и совершенно оригинальное обстоятельство, выдвинувшее Молчанова, и заставившее меня уступить ему свои обязанности, что произошло 15-го апрѣля уже поздно вечеромъ.

Д. Гурьевъ.

III.

Портретъ С. И. Шешковскаго.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1885 года, была напечатана, составленная А. Н. Корсаковымъ, біографія Степана Ивановича Шенковскаго, извѣстнаго начальника Тайной Экспедиціи въ Екатерининское царствованіе. Въ то время мы не могли приложить къ этой біографіи портрета Шешковскаго, такъ какъ онъ никогда не былъ воспроизведенъ ни въ гравюрахъ, ни въ литографіяхъ, и все наши розыски въ этомъ отношеніи оказались безуспѣшными. Лишь недавно, благодаря содѣйствію П. Н. Петрова, намъ удалось получить миниатюрный портретъ Шешковскаго, рисованный акварелью и принадлежащій одному изъ его наслѣдниковъ по женской линіи сенатору Митусову. Копія съ этого рѣдкаго портрета и прилагается къ настоящей книжкѣ.

— Вы удивлены, что такъ неожиданно встрѣтили меня здѣсь?
 — Дѣйствительно,—отвѣтилъ Галилей,—я желалъ видѣть его святѣйшество, а не васъ.

Беллярминъ сѣлъ въ кресло и спокойно продолжалъ:

— Святой отецъ поручилъ мнѣ принять васъ, ибо дѣло, ради котораго вы пріѣхали въ Римъ, уже разсмотрѣно, зрѣло обдуманно и передано на судъ инквизиціи. Ваше послѣднее твореніе, разговоръ объ ученіи Коперника истолкованы, какъ возстаніе противъ церкви и вы должны будете отдать въ этомъ отчетъ. Если вы желаете передать чтѣ-нибудь святому отцу въ свою защиту, то я здѣсь вмѣсто него, и требую, чтобы вы говорили.

Галилей чувствовалъ себя глубоко-оскорбленнымъ. Возмущенное чувство подавило въ немъ голосъ благоразумія, онъ потерялъ всякую способность осторожнаго разсчета и весь отдался настрѣнію минуты. Онъ надѣялся встрѣтить своего покровителя и напелъ смертельнаго врага. Онъ ненавидѣлъ кардинала въ это мгновеніе больше, чѣмъ когда-либо, и онъ не могъ воздержаться, чтобы не отвѣтить ему презрительно.

— Вамъ — я ничего не скажу, кардиналъ.

Такой отвѣтъ сильно уязвилъ Беллярмина и онъ замѣтилъ:

— А я долженъ вамъ многое сказать. Вы очень хорошо помните, какъ еще во Флоренціи вы требовали отъ меня снятія запрета съ коперникова ученія и когда я отказалъ вамъ въ этомъ, вы чѣмъ-то угрожали мнѣ. Вы ищите борьбы — прекрасно! Она есть у васъ. Если бы вамъ захотѣлось миролюбиво уладить ваше дѣло, то теперь уже поздно, и я снова торжественно подтверждаю вамъ, что ученіе, которое вы осмѣливаетесь защищать, признано еретическимъ.

Галилей все еще не терялъ вѣры въ успѣхъ своего дѣла, ибо онъ не могъ, зная на что согласился папа Урбанъ.

— Развѣ здѣсь судъ?—спросилъ Галилей,—но гдѣ же мой судья? И предъ судомъ я повторю, что ничего не могу сказать.

— Отлично, чего вы требуете, то и получите,—сказалъ Беллярминъ и направился въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ отдать дежурному офицеру какое-то приказаніе.

Возвратясь, онъ не говорилъ ни слова, пока не вопелъ офицеръ съ нѣсколькими солдатами. Затѣмъ, обратясь къ офицеру, онъ сказалъ:

— Вотъ Галилей, вашъ арестантъ.

Послѣ этого Галилей былъ арестованъ. Онъ вдругъ почувствовалъ всю важность опасности, въ которой находился. Теперь, конечно, оставалось только съ твердостью перенести послѣдствія ареста. Онъ зналъ, что Вивіани ожидаетъ его въ передней, и утѣшался мыслью, что по крайней мѣрѣ хотя этотъ ученикъ остается защитой Цециліи. Вивіани замѣтилъ уже, что дѣло не

ладно; Галилей же, выведенный изъ папскихъ покоевъ арестованнымъ и, увидя своего ученика, бросился къ нему на встрѣчу, разсказалъ въ короткихъ словахъ о происшедшемъ, со слезами цѣловалъ ему руки и умолялъ побережь Цецилію, ибо его заточеніе не можетъ быть продолжительнымъ.

Между тѣмъ, Бернардо спѣшилъ во дворецъ тосканскаго посланника, гдѣ остановился Галилей съ своей дочерью. Важность текущаго момента тяжелымъ бременемъ легла на заботливую душу Цециліи, и она съ благоговѣйнымъ чувствомъ, въ отведенной ей комнатѣ, склонилась въ молитвѣ передъ маленькимъ алтаремъ, надъ которымъ висѣло изображеніе скорбящей Богоматери. Событія послѣднихъ дней поселили въ ней увѣренность въ оправданіи отца, и она тѣмъ болѣе предавалась вновь воскресшей надеждѣ на счастливую будущность, чѣмъ глубже вникала въ смыслъ сегоднешняго дня. Отъ разговора ея отца съ папой завистѣла не только судьба ея земного благополучія, но и судьба въ будущей жизни. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ опустила она на колѣни, быстро перебирая четки и дѣлая величайшее усиліе для того, чтобы сосредоточить разбѣгавшіяся мысли на молитвѣ, которую шептали ея губы. Но послышавъ вблизи себя шумъ, она быстро вскочила, думая, что наконецъ-то настаетъ вождѣленный моментъ, о которомъ она такъ молила Пречистую Дѣву.

На лѣстницѣ послышались быстрые шаги и въ комнату влетѣлъ взволнованный Бернардо. Племяннику новаго папы повсюду были открыты двери. Цецилія поспѣшила къ нему на встрѣчу и чуть не лишилась чувствъ,—такъ было печально его лицо, такъ дико и грозно блистали его глаза. Онъ самъ еще не предчувствовалъ, что судьба Галилея могла принять такъ быстро и такой дурной оборотъ, но онъ хотѣлъ предостеречь, приготовиться и быть вмѣстѣ, если внезапно налетитъ бѣда. Въ своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ изъ папскихъ покоевъ Бернардо не обратилъ вниманія ни на Галилея, ни на Вивіани; теперь же, одумавшись и вспомнивъ о происходившей аудіенціи, онъ понялъ, что нужно пощадить Цецилію и не раскрывать ей всей опасности. Какъ безумный летѣлъ онъ къ ней, пока не нашелъ успокоеніе въ ея чистыхъ объятіяхъ. Теперь онъ встряхнулъ съ себя давившее его иго и могъ спокойно предаться блаженной минутѣ, хотя бы надъ нимъ рѣяли мстительныя фуріи.

Напрасно было бы разубѣждать Цецилію въ томъ, что ея отцу угрожаетъ опасность. Что могло быть краснорѣчивѣе этого неожиданнаго появленія въ ея комнатѣ смущеннаго, взволнованнаго и разстроеннаго Бернардо? Онъ согласился, что положеніе Галилея было опасно, ибо изъ разговора съ папой, къ сожалѣнію, выяснилось, что послѣдній сердится на ученаго и отказывается отъ всякаго покровительства ему. Въ поспѣшномъ бѣгствѣ изъ Ватикана

Бернардо не видѣлъ ни отца, ни Вивіани, торопясь только сюда, къ ней, на случай если что-нибудь произойдетъ. Онъ просилъ свою возлюбленную быть покойной, не предаваться преждевременнымъ опасеніямъ, теперь онъ здѣсь, а вскорѣ возвратятся Галилей съ Вивіани, тогда они обдумаютъ, что дѣлать и, можетъ быть, самымъ умнымъ будетъ быстрый отъѣздъ отсюда. Онъ уже не заикался о томъ, что всѣ его завѣтныя мечты рушились: всѣ помыслы его были заняты заботами о Цециліи и объ ея безопасности.

Не успѣли они еще подѣлиться всѣми новостями, какъ вошелъ Вивіани. Онъ зналъ, что скрытность въ его разсказѣ не могла помочь и поэтому разсказалъ откровенно о всемъ случившемся и передалъ, кромѣ того, порученіе Галилея.

Цецилія, конечно, совершенно растерялась. Громко рыдая, она упала на грудь Бернардо, не проронивъ ни слова.

Юный живописецъ, скрежеща зубами отъ бѣшенства, прижималъ ее къ своему сердцу и нашептывалъ:

— Вотъ она справедливость! Плачь, плачь, моя бѣдная. О если бы у меня были женскія слезы, которыя могли бы облегчить мнѣ грудь! Теперь же жажда мести душитъ меня и гложетъ мое сердце.

Вся заплаканная Цецилія боязливо взглянула въ лицо Бернардо, спросивъ:

— Что же будетъ теперь съ моимъ отцомъ? Не думай обо мнѣ,—молила она, и ея большіе темноглубые глаза повторяли эту просьбу,—въ этомъ домѣ я въ полной безопасности, еслибы только его никогда не покидалъ отецъ! Скажи, что же теперь съ нимъ будетъ?

— Не знаю, что будетъ,—отвѣчалъ Бернардо,—но будь увѣрена, что я приму всѣ мѣры, чтобы спасти его. Дороже всего для тебя спокойная увѣренность, и я клянусь, что освобожу твоего отца, буду безсчетно рисковать своей жизнью и взбунтую весь Римъ.

— Ты хочешь его освободить,—возразила Цецилія, и ея мысли начали путаться отъ страха,—насильно освободить его, чтобы васъ обоихъ предали анаѳемѣ, какъ враговъ церкви? Ты говоришь о спасеніи? Вѣдь только я, я могла его спасти, но я зыбыла объ этомъ, думая все только о тебѣ, я пренебрегла своими святыми обязанностями и ты теперь видишь, какая Божія кара обрушилась на насъ.

Слабый лучъ надежды, казалось, опять потухъ въ душѣ бѣдной дѣвушки, и тщетно пытался Бернардо отвлечь Цецилію отъ мрачныхъ думъ.

— Мнѣ стало понятно,—сказала она,—что темныя силы овладѣли душой моего отца съ того ужаснаго дня во Флоренціи, когда мнѣ про это было сказано на исповѣди; тогда же я рѣшила молиться о спасеніи его души, всецѣло посвятивъ себя Богу и отрехшись отъ всякаго земнаго счастья. Но вдругъ явился ты — и я тщетно противилась чарамъ, которыми ты оболѣстилъ меня. Могла ли я

предчувствовать, что вѣчный врагъ человѣчества, доведшій до гибели моего отца, прельститъ и меня, — могла ли я не довѣрять твоему взору, твоимъ словамъ? Ахъ, по своей женской слабости и видѣла лишь райскія блаженства, не замѣчая опутывавшихъ меня сѣтей ада.

Бернардо лихорадочно дрожалъ. Его приводило въ отчаяніе, что душу Цециліи опять начали терзать мучительныя картины. Обращаясь къ ней, онъ любовно сказалъ:

— Ты очень взволнована, Цецилія, успокойся, отгони отъ себя эти фальшивыя химеры, мы не поддадимся этимъ темнымъ силамъ.

Но Цецилія возразила:

— Нѣтъ, Бернардо, ты самъ, того не зная, отдаешься въ руки искусителю. Мы окончательно потеряны. Отца обличили въ еретицествѣ, и теперь уже невозможно спасти его. Вспомни только Джордано Бруно. Давно уже развѣянъ прахъ его, но до сихъ поръ костры, цѣпи и висѣлицы стоятъ въ ожиданіи новаго еретика.

Говоря это, она смотрѣла куда-то въ пространство и, казалось, что ей чудится нѣчто ужасное.

— Видишь, — бредила она наяву, — они ведутъ его туда! Вѣдь ты знаешь его, вѣдь ты встрѣчалъ эти кроткія, нѣжныя черты? Смотри, какъ онъ спокойно и увѣренно идетъ туда, въ то время какъ тупая чернь глазѣтъ на него съ холоднымъ любопытствомъ, изрыгая то ругательства, то даже проклятія; видишь — монахи бормочутъ тихую молитву. Вотъ они крѣпко связали его, приблизили факель, взвилось пламя, дымъ окуталъ уже старика, — спасите, спасите, онъ умираетъ, мой отецъ умираетъ, о спасите же!

Цецилія, какъ снопь, упала бы на землю, если бы Бернардо не принялъ ее на свои руки. Онъ стоялъ совершенно потерянный и оба они съ Вивіани не знали, что дѣлать съ несчастной. Цецилія, наконецъ, опомнилась, но ея воображенію долго еще рисовалась эта ужасная, душу терзающая картина.

— Но это еще не все, — опять начала она, — вмѣсто того, чтобы повергнуться во прахъ, молясь о спасеніи души отца, я думала о любви и наслажденіяхъ. Слышишь ли адскій язвительный смѣхъ, видишь ли ты это ужасное вѣчное пламя? Онъ умеръ богоотступникомъ, и мнѣ нельзя уже спасти души его.

Бернардо не могъ дольше переносить этихъ страданій.

— Если я говорю, что онъ невиновенъ, — сказалъ онъ ей, — то развѣ тебѣ недостаточно моихъ словъ? Онъ искалъ только истины, Богъ самъ истина; въ чемъ же ты видишь его вину, отъ которой такъ содрогаешься?

Эти слова были какъ бы лучемъ свѣта, вдругъ упавшимъ въ омраченную душу Цециліи.

— Продолжай, продолжай, — сказала она, — твои слова охлаждають

мою душу, воспламененную страхомъ. Итакъ ты считаешь отца невиннымъ?

Съ чувствомъ горячаго убѣжденія Бернардо продолжалъ:

— Онъ страдаетъ за истину, за свои завѣтные убѣжденія, какъ страдали святые, и всѣ ужасы, которые рисуетъ тебѣ твой трусливый духъ, это только созданія фантазіи. Не слѣдуетъ такъ упадать духомъ, и я все еще не оставляю надежды спасти его. Быть можетъ утихнутъ гнѣвъ моего дяди или мнѣ удастся его убѣдить, что Беллярминъ хитро обманулъ его, желая погубить твоего отца. Я опять поспѣшу въ Ватиканъ, чтобы испробовать все для меня возможное. Вы останьтесь здѣсь, Вивіани, и оберегайте Цецилію.

Цецилія съ ужасомъ воскликнула:

— Ты хочешь меня покинуть въ это ужасное время, отдавъ во власть моимъ мучительнымъ думамъ, и я должна теперь заботиться не только объ отцѣ, но и о своей безопасности? О, нѣтъ! Ты не долженъ и не можешь такъ много требовать отъ меня! Я сама чувствую, что ты не можешь оставаться здѣсь, иначе страхъ и безпокойство растерзали бы твое сердце такъ же, какъ они сѣдаютъ мое. Пойдемъ же вмѣстѣ, пусть и Вивіани сопутствуетъ намъ, и мы поразспросимъ въ окрестностяхъ Ватикана — можетъ быть, намъ что-нибудь и расскажутъ о судьбѣ моего отца. Только ты не долженъ оставлять меня, вѣдь только въ твоемъ присутствіи у меня поддерживаются мужество и надежды, — ты долженъ видѣть, что за тобой я послѣдую всюду.

Что было дѣлать Бернардо? Онъ былъ такъ же возбужденъ, какъ и Цецилія, и ему на самомъ дѣлѣ показалось лучше не разлучаться, а всѣмъ вмѣстѣ разспросить о судьбѣ Галилея. Посланикъ теперь ничего не могъ сдѣлать для отца Цециліи, не думая вмѣстѣ съ тѣмъ и объ ея безопасности. Она покрылась вуалью, и такъ какъ Вивіани вполнѣ имъ сочувствовалъ, то всѣ трое немедленно пустились въ путь. Бернардо, по своей юности не признававшій никакихъ трудностей, былъ въ полной увѣренности, что ему удастся поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ папскихъ слугъ и получить отъ него нужныя указанія. Онъ не предчувствовалъ, что по приказанію Беллярмина за нимъ строго слѣдятъ и что его, Цецилію и Вивіани тотчасъ узнали, какъ только они подошли къ Ватикану.

Здѣсь оказалось, что нѣтъ никакой возможности проникнуть внутрь зданія. Будучи близкимъ родственникомъ папы, Бернардо былъ увѣренъ, что его пропустятъ, наоборотъ, дежурный офицеръ, зная уже его, не пропустилъ, и бурныя требованія Бернардо сначала были отвергаемы съ настойчивой рѣшительностью, а наконецъ, и съ энергическими угрозами. Оскорбленный, въ совершенномъ отчаяніи, Бернардо позволилъ себѣ угрозы, и прежде чѣмъ Цецилія могла помѣшкать, онъ такъ сильно разсердилъ дежурнаго офицера, что

оба обнажили шпаги. Офицеръ являлся только исполнителемъ данныхъ ему приказаній, Бернардо же, вопреки папскому запрещенію, былъ въ обществѣ дочери и ученика Галилея, пытаясь силой ворваться въ Ватиканъ, не обращая вниманія на предостереженія и на старанія удержать его отъ такого поступка.

Повелительнымъ тономъ офицеръ требовалъ у юнаго живописца оставить въ покоѣ шпагу и послѣдовать за нимъ, ибо онъ долженъ его арестовать. Это окончательно взорвало Бернардо. Онъ не только не оставилъ шпаги, но въ бѣшенствѣ грозно воскликнулъ:

— Кто только посмѣетъ тронуть меня, того я уложу на мѣстѣ.

Офицеръ сдѣлалъ стражѣ знакъ, направивъ въ то же время свою шпагу противъ Бернардо. Солдаты бросились съ бердышами на живописца, а онъ окруженный ими, не смотря на смертельную опасность, пытался защищаться отъ офицера и добился, наконецъ, того, что офицеръ, оставя всякую мысль о пощадѣ, послѣ короткой схватки, безъ всякаго снисхожденія закололъ его.

Громкій пронзительный крикъ вырвался изъ груди Цециліи при видѣ Бернардо, съ легкимъ стenanіемъ испутившаго духъ. Все это было такъ неожиданно, совершилось такъ быстро, что въ первое мгновеніе она, еще не осмысливъ всего случившагося, могла только испустить крикъ ужаса. Теперь она, словно подкошенная, рухнула на землю, а Вивіани наклонился помочь ей. Между тѣмъ офицеръ велѣлъ людямъ подобрать трупъ живописца и отнести его въ Ватиканъ, гдѣ слѣдовало донести о всемъ случившемся кардиналу Беллярмину.

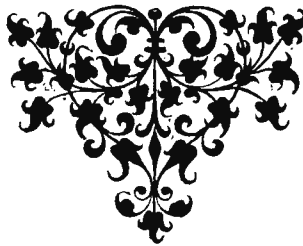
Съ величайшимъ трудомъ удалось Вивіани привести въ чувство лежавшую въ глубокомъ обморокѣ Цецилію. Неожиданное происшествіе собрало, конечно, толпу любопытныхъ зѣвакъ, между которыми выискалась одна сострадательная женщина, побѣждавшая просить помощи въ сосѣднемъ монастырѣ св. Клары. Вскорѣ пришло нѣсколько монахинь, и когда онѣ замѣтили, что хотя Цецилія и пришла въ себя, но все еще не понимала случившагося и не узнавала окружающихъ, то приготовились перенести бѣдную дѣвушку въ свой монастырь, гдѣ общали за ней заботливо ухаживать.

Вивіани проводилъ дочь своего любимаго учителя до воротъ монастырской обители. Глубоко страдая и неутѣшно скорбя, онъ послѣдовалъ къ тосканскому посланнику, дабы извѣстить его о случившемся, а затѣмъ позднимъ вечеромъ разыскалъ немногочисленныхъ римскихъ знакомыхъ Галилея, чтобы имъ тоже разсказать о печальной судьбѣ всеміи уважаемаго мужа. Но чтó могло сдѣлать и это всеобщее уваженіе передъ его ученостію, и это всеобщее удивленіе его гениальному таланту изслѣдователя противъ ужасовъ инквизиціи? Даже самые смѣлые послѣдователи его ученія не дерзали съ этого времени высказывать своей солидарности съ нимъ, ибо плетью обуха не перешибешь, а сила солому ломить. Боязливо

Офицер палеской лейб-гвардии закалывает Бернардо Спинелли.

слушали они сообщеніе юнаго ученика, и лучшіе крестились при неожиданномъ извѣстїи, что Галилей потерялъ расположеніе новаго папы и уже посаженъ въ темницу. Сожалѣли единственно о томъ, что несчастная Цецилія нашла приютъ въ монастырѣ, ибо всѣ ужаснутся, узнавъ, что дочь еретика живетъ подъ его крышей. Въ Римѣ было достаточно людей, занимавшихся то въ шутку, то серьезно естественными науками, между прочимъ и алхимиковъ, доискивавшихся искусства дѣлать золото, механиковъ, желавшихъ изобрѣсти въ подражаніе птицамъ летающія машины, заклинателей бѣсовъ и предсказателей. Всѣмъ этимъ не возбранялось заниматься, даже епископы и кардиналы сообща занимались подобными искусствами; но лишь только инквизиціонный судъ узналъ о существованіи такихъ изслѣдователей, ихъ занятія утратили свой безвредный характеръ, всѣхъ соучастниковъ-изыскателей обуялъ ужасный страхъ. Гораздо худшимъ считалось еретичество Галилея. Онъ осмѣлился бороться съ заблужденіемъ, которое доселѣ раздѣлялось всѣмъ человѣчествомъ и которое въ священномъ Писаніи принималось за незыблемую истину. Смертельный страхъ охватилъ всѣхъ, узнавшихъ, что надъ Галилеемъ наряженъ инквизиціонный судъ и что защитникъ запрещеннаго ученія посаженъ въ тюрьму.

Въ лабораторіи Скаратулса.

VII.

Домъ Алхимика.

ДВА ЛИ не у всѣхъ художниковъ фантазія преобладаетъ надъ всѣми остальными душевными способностями; по крайней мѣрѣ, это можно сказать про Сальватора Розу, пылкая фантазія котораго создала между членами фамилии Мендоца отношенія, не существовавшія въ дѣйствительности. Корнелія тотчасъ послѣ смерти своей матери, правда, чувствовала себя несчастной и осиротѣвшей, но вмѣстѣ съ тѣмъ она такъ сильно любила отца, что ей никогда не приходило на мысль быть недовольной тѣмъ, что она дочь испанскаго дворянина. Разумѣется, она сожалѣла, что отнынѣ будутъ прерваны всякія сношенія съ домомъ Кортези, съ родственниками умершей матери, но по ея молодости и потому, что она была все-таки испанкой, въ ней совсѣмъ молчало патриотическое чувство. За то въ ней говорило глубокое, но бессознательное чувство сожалѣнія, что ей предстоитъ разлука съ нѣкоторыми изъ родственниковъ ея матери, особенно же съ тѣмъ юношей, при видѣ котораго ея полудѣтское сердце билось сильнѣе обыкновеннаго; она боялась,

что онъ будетъ избѣгать ихъ дома и, наконецъ, прекратить знакомство съ ея отцомъ, а слѣдовательно и съ нею. Этотъ молодой человекъ былъ Людовико Кортези, которому, какъ члену «Лиги мертвыхъ», слѣдовало поостеречься вести опасную игру, т. е. продолжать знакомство съ фамиліей Мендоца.

Совершенно ошибался Сальваторъ и насчетъ того почти еще мальчика, съ которымъ онъ обмѣнивался злобными взглядами, ибо этотъ юноша былъ не испанцемъ, а неаполитанцемъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ его взялъ въ свой домъ графъ Мендоца, и юноша жилъ въ этомъ домѣ какъ бы вмѣсто сына. У Корнеліи былъ братъ Родриго двумя годами старше ея, неожиданно похищенный жестокой смертью, когда ему не было еще и двѣнадцати лѣтъ. Вся семья была въ неутѣшномъ горѣ—глубоко скорбѣли родители, горячо оплакивала Корнелія потерю брата. Но случаю было угодно, чтобы графъ на улицѣ встрѣтилъ одного полуумирающаго отъ голоду мальчика, происходившаго, повидимому, не изъ простой семьи, мальчика очень статнаго и воспитаннаго. Въ Неаполѣ жили сотни и тысячи дѣтей обоего пола безъ родителей и родственниковъ, днемъ снискивая себѣ пропитаніе при помощи мелкихъ услугъ и милостыни, а ночью располагаясь на ночлегъ на ступенькахъ главныхъ подъѣздовъ, на пристани между ящиками — словомъ вездѣ, гдѣ только встрѣчалось укромное мѣстечко. Если это бывали дѣти, просто брошенные своими родителями или близкими родными, то имъ случалось порой встрѣчаться съ послѣдними, узнавать другъ друга; но послѣ этого по большей части дѣти совершенно теряли ихъ изъ виду, а родители окончательно забывали о своихъ бѣдныхъ брошенныхъ дѣтяхъ. Разумѣется, они происходили по большей части изъ подонковъ черни и были столь же безпечны и легкомысленны, какъ весь неаполитанскій народъ; на ряду съ величайшею скромностью дѣти этого народа были одарены и проницательной хитростью. Среди нихъ попадались и такія, которыя не могли объяснить своего происхожденія и должны были дѣлаться уличными бродягами. Нѣчто подобное ожидало, вѣроятно, и мальчика, надъ которымъ сжалился графъ Мендоца, встрѣтившись съ нимъ черезъ нѣсколько дней послѣ смерти своего сына. Встрѣча произошла въ какомъ-то закоулкѣ, гдѣ бѣдный большой мальчикъ лежалъ совершенно безпомощный. Изъ разпросовъ графъ узналъ, что мальчика зовутъ Тебальдо и что ему около 12-ти лѣтъ. Графа поразило, что мальчикъ былъ однихъ лѣтъ съ его умершимъ сыномъ; его охватило чувство глубокаго состраданія къ изнеможенному, несчастному оборвышу. Онъ приказалъ одному изъ слугъ немедленно дать ему поѣсть и помѣстить его въ своемъ дворцѣ. Здѣсь Тебальдо приняла подъ свое покровительство добрая графиня, такъ что найденышъ вскорѣ поправился. Такъ какъ онъ оказался очень способнымъ, довольно развитымъ

и не по лѣтамъ знающимъ мальчикомъ, то въ скоромъ времени завоевалъ полнѣйшія симпатіи графа и графини и сдѣлался другомъ Корнеліи, вмѣстѣ съ нею играя и учась. Корнелія называла его Родриго и привязывалась къ нему съ каждымъ днемъ все сильнѣе, особенно благодаря ихъ общей страсти къ музыкѣ.

Познанія мальчика въ этомъ искусствѣ были до сихъ поръ очень ограничены: онъ былъ знакомъ только съ національными, меланхоличными пѣснями, которыя ему доводилось слышать на улицахъ Неаполя; только всего разъ ему случилось присутствовать въ церкви на большомъ духовномъ концертѣ, который былъ недоступенъ для его пониманія и только оглушилъ. Графиня Мендоца отлично играла на лютнѣ и къ тому же пѣла очень мягкимъ мелодичнымъ голосомъ. Сначала она сама занималась съ дочкой музыкой, а впослѣдствіи времени Корнелію, дѣлавшуюся уже цвѣтущей дѣвушкой, начали обучать превосходные учителя.

Въ то время церковная музыка нѣкоторыми послѣдователями Палестрины была возведена на высокую степень совершенства. Слава великаго маэстро затмѣвала всѣхъ новыхъ композиторовъ, пока ученикъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, Грегорио Аллегри, братъ Антоніо Аллегри, который подъ именемъ Корреджіо стяжалъ себѣ славу безсмертнаго живописца, идя по стопамъ Палестрины, не привелъ въ восторгъ современниковъ. Этотъ Грегорио Аллегри былъ сначала пѣвчимъ въ папской капеллѣ въ Римѣ, а потомъ обратился на себя вниманіе знатоковъ искусства своими духовными композиціями.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, вскорѣ послѣ Пасхи, одинъ изъ родственниковъ графини Мендоца возвратился въ Неаполь изъ Рима, гдѣ онъ прожилъ вмѣстѣ съ тысячами другихъ иностранцевъ всю страстную недѣлю, дабы видѣть всѣ великолѣпныя торжества этого времени. Въ тѣсномъ семейномъ кругу онъ рассказывалъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ и особенно остановился въ своемъ рассказѣ на исполненіи «Miserere»¹⁾ Аллегри въ Сикстинской капеллѣ. Около 4-хъ часовъ дня, такъ рассказывалъ онъ, мы пришли въ капеллу и сѣли противъ картины страшнаго суда Микель-Анджело, озаренной лучами заходящаго солнца, въ напряженномъ ожиданіи знаменитаго пѣнія папскаго хора. Мѣста, назначенныя для дамъ, постепенно наполнились одѣтыми въ черное женскими фигурами. Затѣмъ пришли кардиналы въ фіолетовыхъ облаченіяхъ съ огромными шлейфами; ихъ пажамъ стоило большого труда развернуть эти сложенные въ трубку шлейфы. Кресла постепенно наполнились тѣми и другими важными духовными особами. Тихо теплились безчисленные зажженные свѣчи, и вотъ водворилась торжественная тишина въ ожиданіи прибытія папы. Послѣ того какъ папа былъ внесень на позолоченномъ креслѣ и

¹⁾ Псаломъ 50-й: «Помилуй мя, Боже!»

помѣстился на возвышеніи предъ алтаремъ, былъ сдѣланъ знакъ начинать богослуженіе. Сначала пропѣли нѣсколько псалмовъ, а затѣмъ началось пѣніе пророчествъ. Въ нѣкоторыхъ голосахъ звучала такая трогательная, неподдѣльная скорбь о смерти божественнаго Сына, что, казалось, каменное сердце должно смягчиться отъ тоски и сокрушенія. Послѣ cadaго спѣтаго пророчества тушилась свѣча, такъ что, наконецъ, осталась горящей только одна—передъ образомъ скорбящей Мадонны. Когда же запѣли «Miserere»,—потухла и послѣдняя свѣча, и вся капелла утонула въ сумеркахъ. Только фигуры кардиналовъ и прелатовъ въ бѣлыхъ облаченіяхъ, неподвижныя словно статуи, смутно бѣлѣли во мракѣ; замолкали всѣ чувства и душа погружалась въ море звуковъ. Въ это мгновение выдѣлился хоръ невидимыхъ голосовъ, мощно и проникновенно пропѣвшій: «Боже, помилуй насъ грѣшныхъ!»—и сердца слушателей были восхищены и растроганы вдохновеннымъ созданіемъ Аллегри. Одинъ изъ глубочайшихъ знатоковъ музыки въ порывѣ увлеченія высказалъ, что для спасенія души въ предсмертный часъ желалъ бы только внимать этимъ небеснымъ звукомъ и вознестись душой вмѣстѣ съ ними къ престолу Всевышняго. Но вотъ, наконецъ, стихли эти чудные звуки, такъ повѣствоваль неаполитанскій дворянинъ, и мы двинулись между рядами папской гвардіи черезъ блестящія залы папскаго дворца, спустились по королевской лѣстницѣ, освѣщенной факелами, и чрезъ безконечную коллонаду направились въ церковь св. Петра.

Воодушивившійся разказчикъ, казалось, не могъ утомиться повѣствовать о своихъ волшебныхъ впечатлѣніяхъ и послѣ этого завязался о значеніи музыкальнаго искусства длинный разговоръ, который оба молодые люди слушали съ величайшимъ вниманіемъ. Въ фамилии Кортези издавна было сильное влеченіе къ музыкѣ. Испанцы, владычествовавшіе въ то время и въ Нидерландахъ, оказывали благотѣльное вліяніе на развитіе сѣвернаго и южнаго искусства. Еще во времена Фердинанда Аррагонскаго знаменитый Орландо-ди-Лассо съ большимъ успѣхомъ занимался своимъ искусствомъ; проживъ здѣсь два года, онъ отправился въ Римъ и получилъ мѣсто капельмейстера въ папской латеранской капеллѣ. Орландо не былъ итальянцемъ, онъ родился во Франціи и раньше назывался Роландомъ Латтрѣ; но когда его отецъ былъ обвиненъ въ поддѣлкѣ монетъ и приговоренъ къ обычному въ то время штрафу чести, обязывавшему осужденнаго трижды явиться въ верховный судъ съ цѣпью фальшивыхъ монетъ на шеѣ, онъ измѣнилъ свое прежнее имя, покинулъ отечество и прибылъ въ Италію. Сдѣлавшись уже папскимъ капельмейстеромъ, онъ узналъ, что отецъ его умеръ и что его при смерти больная мать желаетъ видѣть его въ послѣдній разъ передъ кончиной. Онъ поспѣшилъ на родину, но нашелъ мать уже мертвой. Когда онъ въ Италіи достигъ выс-

шаго совершенства въ своемъ искусствѣ, то вскорѣ слава его распространилась по всей Европѣ, и онъ получилъ приглашенія отправиться въ Англiю и Францію. Отвергнувъ эти приглашенія, онъ однако отправился къ герцогу Баварскому въ Мюнхенъ, гдѣ слава его возросла до того, что обошла весь цивилизованный мiръ. Король французскiй, германскiй императоръ Максимилианъ и папа осыпали его знаками отличiя и безчисленныя творенiя Орlando Лассо считались шедеврами искусства.

Между тѣмъ народилась новая школа, основателемъ которой былъ Палестрина; эта школа произвела революцiю въ музыкальныхъ воззрѣнiяхъ. Изъ учениковъ Палестрины общее вниманiе обратилъ на себя только Аллегри, который заставилъ говорить о своемъ «Miserege». съ восторгомъ всѣхъ любителей серьезной музыки. Въ Римѣ музыка находила сильное покровительство при папскомъ дворѣ и всѣ лучшiя музыкальныя произведенiя исполнялись въ торжественныхъ случаяхъ. Въ Неаполѣ, наоборотъ, былъ центръ развитiя мiровой музыки. Благодатное небо этой прелестной страны и щедрые дары природы сдѣлали жизнь ясной, веселой, блестящей и беззаботной, создавъ такимъ образомъ благопрiятныя обстоятельства для развитiя возвышеннаго музыкальнаго настроенiя. Вся тамошняя жизнь была окружена поэтической атмосферой, и отсюда объясняется возникновенiе именно здѣсь всемирной пѣсни—веселаго мадригала. Мадригалъ былъ пѣсней, положенной на нѣсколько голосовъ, которая исполнялась не только самостоятельно, но при драматическихъ, особенно же праздничныхъ представленiяхъ и въ маскарадахъ.

Изъ Флоренцiи уже давно распространился при посредствѣ Винченцо Галилеи, отца знаменитаго астронома, новый родъ музыкальнаго искусства, именно простая одногласная пѣсня. Такимъ образомъ, простая народная пѣсня получила художественную обработку, и во всей Италiи началось музыкальное творчество: одногласныя, многогласныя, и хоровыя пѣсни перестали быть достоянiемъ исключительно церковнымъ, сдѣлавшись доступнымъ и всему мiру, и каждой отдѣльной семьѣ.

Музыкальное семейство графа Мендоца очень обрадовалось, узнавъ, что юный найденышъ, называвшiй себя Тебальдо, очень любить музыку и одаренъ музыкальными способностями. Эта радость еще болѣе увеличилась, когда черезъ нѣсколько лѣтъ его голосъ развился и у него обнаружился необыкновенно - красивый, гибкiй и сильный органъ. А такъ какъ Тебальдо учился и принималъ участiе въ музыкальныхъ упражненiяхъ Корнелии, то голосъ его все увеличивался и увеличивался. Сверхъ того, талантъ доставилъ ему и нѣкоторыя общественныя выгоды. Въ замкѣ князя Джезуальдо ди-Венова, который съ юныхъ лѣтъ любилъ до безумiя музыку, существовала академiя для молодыхъ музы-

кальныхъ художниковъ; очень понятно, что Тебальдо сдѣлался въ ней не только однимъ изъ самыхъ любимыхъ учениковъ, но и могъ войти въ интимныя сношенія съ герцогомъ и его семьей. Здѣсь сказалось воочію, что истинная любовь къ искусству разрушаетъ всякія сословныя перегородки и соединяетъ людей на равной ногѣ въ томъ идеальномъ царствѣ, гдѣ рѣшающій голосъ принадлежитъ большому таланту передъ меньшимъ.

Между Корнелией и Тебальдо мало-по-малу развивались братскія, задушевные отношенія. По естественной природѣ вещей чувство молодого человѣка съ теченіемъ времени могло принять иной характеръ, но онъ уже давно замѣтилъ, что Корнелия неравнодушна къ своему двоюродному брату, и поэтому-то онъ сохранилъ къ развѣтавшей дѣвушкѣ только рыцарское чувство уваженія. Въ то же время въ дѣвушкѣ заговорило сословное чувство превосходства, такъ что Тебальдо съ горечью убѣдился въ существованіи непреодолимыхъ преградъ между нимъ и ею. Кромѣ того, графъ Мендоца не упускалъ ни одного случая, не обижая Тебальдо, напоминать ему, однако, что его дочь Корнелия принадлежитъ къ знатному, испанскому дому и можетъ рассчитывать только на равный бракъ, между тѣмъ какъ вся его будущность зависитъ отъ его таланта и работы надъ нимъ, при чемъ графъ будетъ по мѣрѣ силъ помогать молодому музыканту. Со смерти матери Корнелии Тебальдо еще болѣе вошелъ въ роль безкорыстнаго товарища, пріемнаго брата, онъ сдѣлался какъ бы ея накомъ; этимъ объясняются тѣ негодующіе взоры, которыми онъ обмѣнивался съ Сальваторомъ Розой, когда послѣдній, казалось, хотѣлъ пронзить своимъ взглядомъ юную дѣвушку.

До сихъ поръ Людовико относился къ Тебальдо съ дружеской благосклонностью, какъ это дѣлали всѣ члены семейства, видя, что графъ и графиня считаютъ его своимъ пріемнымъ сыномъ и что самъ онъ держится въ должныхъ границахъ. Но за послѣднее время юный дворянинъ старался сойтись съ своимъ соотечественникомъ на особенно дружеской ногѣ, дабы такимъ образомъ найти достаточное оправданіе своимъ частымъ посѣщеніемъ дворца. Тебальдо былъ на столько уменъ, чтобы все это понять, но, не имѣя на Корнелию никакихъ корыстныхъ видовъ, онъ довѣрчиво пошелъ на встрѣчу сближенію съ Людовико. Послѣдній былъ не только статенъ и красивъ, но и уменъ, образованъ, искушенъ въ рыцарской галантности обращенія. Знакомство съ нимъ могло оказать только благотворное вліяніе на талантливаго пріемыша, который ловилъ всякій случай усовершенствоваться въ той или другой отрасли знанія. Такимъ образомъ, каждый изъ нихъ преслѣдовалъ свои особенныя цѣли: Людовико сдѣлалъ видъ, что онъ ходитъ въ испанскій домъ ради сближенія съ юнымъ неаполитанцемъ, а Тебальдо искалъ случая усвоить манеры свѣтскаго человѣка.

Очень естественно, что въ разговорѣ молодые люди разсуждали о современномъ положеніи Неаполя, стараясь, между прочимъ, объяснить тѣ несогласія, которыя отражались на каждомъ неаполитанцѣ. Тебальдо былъ преисполненъ чувствами глубокаго уваженія и благодарности къ своему приемному отцу-благодѣтелю, графу Мендоца; Людовико также отдавалъ ему справедливость, признавая въ немъ человѣка съ характеромъ и многосторонними интересами. Такимъ же образомъ въ разговорѣ они критиковали князя Веноза и многихъ знатныхъ испанцевъ, занимавшихъ въ Неаполѣ важные посты, и находили въ нихъ несомнѣнные достоинства; тѣмъ не менѣе въ глазахъ Людовико вся система управленія была плачевна, даже просто возмутительна, если принять во вниманіе, что самыя видныя и доходныя мѣста въ странѣ отдавались чужеземцамъ и что правительство пальцемъ не шевелило для повышенія общаго благосостоянія.

Иногда Людовико и Тебальдо дѣлали вдвоемъ прогулки верхомъ по окрестностямъ, и здѣсь-то имъ, конечно, удавалось вдоволь наговориться объ излюбленномъ предметѣ.

Въ одинъ прекрасный день они проѣзжали по удивительной дорогѣ, мимо Пизилиппа, около сверкающаго залива, въ виду прелестнаго острова Капри и Искіа. Они остановились около Байи. Эта роскошная купальня древнихъ римлянъ навсегда осталась самымъ привлекательнымъ мѣстомъ въ неаполитанскихъ окрестностяхъ. Непріятное чувство охватило ихъ, когда они взобрались на гору Нуова, которая меньше ста лѣтъ назадъ, въ силу вулканическихъ вліяній, вдругъ появилась на равнинѣ и голая вершина которой печально высилась въ небесахъ. Все еще не переставали думать, что она каждое мгновеніе можетъ провалиться въ нѣдра земли, а на ея мѣстѣ образуется зіяющая бездна. Въ Байѣ они имѣли намѣреніе осмотрѣть развалины древнихъ храмовъ и императорскихъ дворцовъ, надъ которыми теперь гордо высился грозный замокъ, воздвигнутый герцогомъ Толедскимъ, для того чтобы господствовать надъ всѣмъ заливомъ. Тебальдо въ дѣтствѣ очень часто слышалъ суровые отзывы простаго неаполитанскаго народа о вице-королѣ Донъ-Педро Толедскомъ, до сихъ поръ поэтому представляя его себѣ какимъ-то кровожаднымъ чудовищемъ, но Людовико былъ справедливѣе, разсказавъ, какъ, благодаря энергіи и рѣшительности Толедо, Неаполь былъ спасенъ отъ турокъ. Конечно, внѣ всякаго сомнѣнія, что такой легкомысленный, въ огромной своей массѣ преданный чувственнымъ наслажденіямъ народъ, какъ неаполитанцы, и подъ турецкимъ владычествомъ могъ вести прежній образъ жизни, но все-таки мысль, что христіанскій народъ будетъ подъ игомъ магометанъ, для всякаго вѣрующаго въ Христово ученіе была невыносима. Въ 1532 году султанъ Солиманъ сдѣлалъ нападеніе на Венгрію, а флотомъ своимъ угрожалъ Италіи. Въ то время

герцогъ Толедскій пользовался такимъ расположеніемъ императора Карла V, что послѣдній бралъ его, обыкновенно, товарищемъ въ путешествія и женилъ на одной богатой, высокопоставленной наслѣдницѣ. Императорскій дворъ находился въ Регенсбургѣ въ то время, когда турки угрожали Итали, и Карлъ разстался съ юнымъ Толедо, котораго за его любовь и ловкость въ рыцарскихъ упражненіяхъ называли «королемъ турнировъ», и послалъ его изъ Германіи въ Италию, дабы принять мѣры для спасенія государства.

Конечно, Толедо нашелъ въ Неаполѣ ужасныя безпорядки. Дворянство позволяло себѣ неслыханныя своеволія, а среди народа волновалась всякая темная и развратная сволочь. Поэтому прежде всего слѣдовало поочистить городъ и внести нѣкоторый порядокъ въ обыденныя отношенія горожанъ. Но времени нельзя было терять и поэтому герцогу приходилось дѣйствовать съ неумолимой строгостью, которую народъ принималъ за жестокость.

Вскорѣ затѣмъ были приняты и мѣры для защиты страны отъ наступавшаго непріятели. Существовавшія крѣпости были приведены въ наилучшее боевое состояніе и вдоль всего берега была построена цѣлая цѣпь сторожевыхъ башенъ. Крѣпость св. Эльма была такъ хорошо вооружена, что могла считаться неприступной. Дважды турецкій флотъ показывался въ виду Неаполя, и малозащищенные береговыя мѣста должны были жестоко пострадать отъ грабежа. На всѣхъ береговыхъ дорогахъ появились свои разбойники, такъ что берегъ былъ осажденъ какъ бы съ двухъ сторонъ. Жители должны были вносить огромныя суммы за выкупъ захваченныхъ на дорогахъ родственниковъ и согражданъ. Наконецъ, турки увидѣли всю безуспѣшность своихъ попытокъ; не обинуясь можно сказать, что, только благодаря распорядительности Толедо, они отступили отъ Неаполя.

Послѣ этого вице-король совершенно пересоздалъ Неаполь и въ короткое время столько сдѣлалъ для поднятія торговли, для городского оздоровленія и безопасности горожанъ, что населеніе удвоилось и Неаполь занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди большихъ городовъ. Его дѣятельность удивительна. Во время вулканическаго изверженія, когда подземныя силы образовали новую гору, близъ лежащей Пуччіоли былъ до крышъ засыпанъ вулканическимъ пепломъ и всѣ жители разбѣжались, такъ что городу грозило полное запустѣніе. Тогда Толедо приказалъ построить дворець, даровалъ возвращавшимся бѣглецамъ свободу отъ податей и жилъ между ними до тѣхъ поръ, пока они совершенно не успокоились и пока городъ не былъ вновь населенъ.

Въ Неаполь въ то время уже проникли реформаторскія сочиненія, и ученіе Лютера то здѣсь, то тамъ находило послѣдователей. Это подало императору поводъ приказать Толедо ввести инквизицію; вслѣдствіе этого герцогъ потерялъ всякій авторитетъ у неа-

политанскаго народа, и такъ какъ у Толедо было достаточно враговъ среди дворянства, то народъ соединился съ послѣднимъ, чтобы овокупными силами дѣйствовать противъ вице-короля. Подавленіе всякаго научнаго свободнаго развитія, всякой смѣлой мысли, начавшееся съ введеніемъ инквизиціи привело неаполитанскій народъ къ открытому возстанію, и хотя Толедо принималъ строгія мѣры только противъ еретическихъ сочиненій и запрещалъ только всякія общественныя сходки и сборища, не вводя всѣхъ строгостей инквизиціи, все-таки возстаніе повторилось. Это была цѣлая народная революція, предводителемъ которой былъ избранъ рыбакъ изъ Сорренто, по имени Мазаниелло. Хотя и это возстаніе было подавлено, но вице-королю никогда уже болѣе не удавалось возстановить добрыхъ отношеній съ неаполитанскимъ народомъ.

Какъ въ тѣ времена, такъ и позднѣе всякій природный неаполитанецъ вездѣ и всюду являлся преданнымъ либеральнымъ взглядамъ; согласно природѣ вещей всякая поработенная нація стремится стряхнуть съ себя ненавистное иго; всякое законное требованіе, исходившее отъ испанцевъ, вызывало ожесточенное сопротивленіе. Инквизиція находила въ Неаполѣ самыхъ заклятыхъ враговъ; равнымъ образомъ народъ ненавидѣлъ всѣми силами души и іезуитовъ, основателемъ ордена которыхъ былъ испанецъ.

Когда Людовико и Тебальдо обратили вниманіе на руины этихъ драгоценныхъ античныхъ построекъ въ Байѣ, молодой неаполитанскій дворянинъ, подробно осмотрѣвъ ихъ, разразился гнѣвной тирадой.

— Отчего,—заговорилъ онъ,—правительство не обратитъ самаго заботливаго вниманія на эти памятники минувшаго величія? Все окрестъ насъ лежащее скрываетъ неоцѣнимыя сокровища по части древностей, а на той сторонѣ залива, у подошвы Везувія, лежатъ цѣлые города, погребенные подъ пепломъ и лавой. Сколько бы могло появиться на свѣтъ драгоценностей и рѣдкихъ твореній искусства, какъ бы эти раскопки помогли изученію древностей! Но для подобнаго предпріятія нѣтъ денегъ, или лучше сказать—будемъ называть вещи ихъ настоящими именами—нѣтъ пониманія, нѣтъ любви; наши правители и думать не хотятъ, какъ можно было бы украсить окрестности Неаполя, къ чудесамъ природы прибавивъ сокровища древняго искусства, чтобы сдѣлать этотъ благословенный уголокъ земли еще безподобнѣе и несравненнѣе. Они денно и ночью думаютъ только о томъ, какъ бы заставить страну приносить поболѣе доходовъ, какъ бы выжать изъ жителей послѣдніе соки при помощи огромныхъ податей. Но я вижу,—пріостановился Людовико, замѣтивъ болѣзненно-мучительную складку около рта безмолвно смотрѣвшаго въ землю Тебальдо,—что мои разсужденія вамъ не нравятся, хотя сами вы и не испанецъ. Пре-

красно; я не хочу больше терзать васъ своими разглагольствованіями.

Тебальдо печально посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Что я могу вамъ возразить,—сказалъ онъ тихимъ, грустнымъ голосомъ,—я, котораго, можетъ быть, не было бы на свѣтѣ, если бы графъ Мендоца не сжалился надо мной? У моего отца было маленькое помѣстье; не смотря подчасъ на крайнюю нужду, мы были довольны, счастливы и въ нашей семьѣ жило отвращеніе къ чужеземнымъ порабитителямъ родины. Но вотъ мой отецъ умираетъ и мы остаемся безъ всякихъ средствъ къ существованію; мать находитъ приютъ у одной родственницы, взрослая сестра выходитъ замужъ за одного противнаго старика, который ей уже раньше дѣлалъ предложеніе и которому она неоднократно отказывала, старшій братъ переселяется къ другому родственнику, я же и еще младшій мой братъ должны были ходить по Неаполю по-міру. Вскорѣ мы разошлись, и каждый пошелъ своей дорогой; я, конечно, умеръ бы отъ нищеты, если бы графъ Мендоца не протянулъ мнѣ руку помощи. Въ дѣтствѣ я жилъ въ такой нуждѣ, что никогда не вспоминалъ даже о своихъ родныхъ, совершенно меня забывшихъ. Моя жизнь была спасена графомъ, подъ кровомъ его благодарной семьи я получилъ возможность возстановить свое человѣческое достоинство; но не думайте, что я отрекся отъ своего отечества. Пока была жива графиня, между этой благородной женщиной и мной, бѣднымъ мальчикомъ, существовала тайная молчаливая симпатія, ибо какъ у нея непреодолимая любовь враждовала съ привязанностью къ отчизнѣ, такъ и у меня долгъ благодарности боролся съ воспоминаніями о тѣхъ принципахъ, которые я всосалъ съ молокомъ матери. Повѣрьте, гораздо легче пожертвовать собой безраздѣльно любви или ненависти, чѣмъ колебаться между тѣмъ и другимъ долгомъ, не имѣя возможности отдаться всей душой чему-нибудь одному. Пощадите же мою и безъ того тяжело страдающую душу, оставимъ навсегда эти разговоры, ибо они только растраиваютъ и поселяютъ въ насъ недоразумѣнія.

Эта простодушная откровенность нашла сочувствіе въ сердцѣ Людовика, ибо онъ понялъ, что возражать Тебальдо—значитъ злоупотреблять своимъ положеніемъ. А такъ поступать въ его положеніи было неумно, ибо и самъ онъ былъ тоже между двухъ огней—между любовью къ Корнелии и клятвенной ненавистью къ испанскимъ повелителямъ. Поэтому тономъ неизмѣннаго расположенія къ Тебальдо онъ сказалъ:

— Но есть болѣе счастливыя темы для разговоровъ, которыми мы беззаботно можемъ заняться: это—наука и искусство, надъ которыми въ настоящее время господствуетъ жизнь. Слышали ли вы, что математикъ Галилей, сынъ знаменитаго музыканта, пріѣхалъ въ Римъ, чтобы отвѣчать предъ судомъ инквизиціи? Его

подозрѣваютъ въ колдовствѣ и, главнымъ образомъ, въ распространѣніи различныхъ ученій, которыхъ не можетъ выносить неприкосновенная святость церкви, или лучше сказать папская непогрѣшимость. Но мнѣ сдается, что мы находимся вблизи Кумъ съ ихъ гротами и пещерами, гдѣ нѣкогда должна была пророчествовать Сибилла? Скоро ли настанетъ время, когда люди избавятся отъ всякихъ суевѣрій?

— Тогда они могли бы все понимать и знать,—замѣтилъ Тебальдо,—ибо пока природа еще хранить какую-нибудь тайну, человѣческой умъ будетъ пытаться проникнуть ее и въ этомъ стремленіи будетъ плутать по разнымъ дебрямъ.

Въ это мгновеніе оба всадника повернули за уголъ, оба они имѣли намѣреніе осмотрѣть большой водоемъ, такъ называемый «*prisina mirabilis*» (удивительный водоемъ), устроенный императоромъ Августомъ не вдалекѣ отъ мыса Мизенскаго, для того чтобы сберегать въ теченіе долгихъ времени хорошую воду для питья флота. Это удивительное сооруженіе, состоящее изъ огромной чаши, обнесенной сорока восемью колонками, которую всегда наполняли свѣжей водой, и теперь въ своихъ руинахъ является замѣчательнымъ доказательствомъ желѣзной энергіи древнихъ римлянъ.

При поворотѣ изъ-за угла лошади испугались двухъ пѣшеходовъ, которые шли съ другой стороны, такъ что всадники могли ихъ раньше не замѣтить. Это былъ старикъ въ сопровожденіи молоденькой дѣвушки. Последняя громко вскрикнула отъ ужаса и потащила въ сторону съ тревожной поспѣшностью старика, который только теперь, вздрогнувъ, очнулся отъ своей глубокой задумчивости и тоже замѣтилъ опасность. Всадники, извинившись передъ путниками за свою оплошность, поѣхали дальше. Одною взгляда на пѣшеходовъ было достаточно, чтобы понять, что этотъ старикъ въ длинномъ, черномъ кафтанѣ и въ черномъ беретѣ на сѣдыхъ волосахъ долженъ быть какимъ-нибудь ученымъ, а молоденькая дѣвушка въ странномъ костюмѣ, съ тонкой и нѣжной фигурой, съ блѣдными, впалыми щеками, но съ большими и выразительно-прекрасными глазами, должна быть его дочерью. Оба продолжали свой путь, неторопясь, ибо всадники сдѣлали остановку и должны были отдать посторожить лошадей крестьянскому мальчику, такъ какъ античная постройка находилась въ котловинѣ; поэтому имъ пришлось еще разъ встрѣтиться съ пѣшеходами. Людовико ради приличія еще разъ извинился за причиненный испугъ, на что старикъ отвѣтилъ подобающимъ образомъ, между тѣмъ, какъ дѣвушка зардѣлась отъ пристальнаго взгляда Тебальдо. Последний разсматривалъ ее съ какимъ-то дѣтскимъ любопытствомъ и удивленіемъ, ибо она носила коротко-остриженные, какъ у мальчика волосы; но когда онъ взглянулъ въ ея глубокіе, черные, грустные глаза, его сердце было охвачено какимъ-то страннымъ,

до сихъ поръ невѣдомымъ для него чувствомъ. Между Людовико и старикомъ завязался живой разговоръ, ибо старикъ оказался большимъ знатокомъ мѣстности. По его словамъ, онъ почти ежедневно ходилъ по этой дорогѣ, но не ради древнихъ построекъ, а для того, чтобы любоваться очаровательнымъ видомъ на море и ближайшіе острова, который открывался съ мыса. Этого прелестнаго вида оба молодыхъ человѣка не хотѣли упустить, не полюбовавшись на него, и поэтому попросили позволенія присоединиться къ старику и его спутницѣ. Водоемъ они порѣшили осмотрѣть послѣ, а лошадей оставить покормиться. Позволеніе дано было съ радостью, и вскорѣ старикъ такъ разболтался, что началъ разсказывать про окружающую мѣстность, передавая при этомъ не только отрывочныя замѣтки, но и оживляя свое повѣствованіе самымъ очаровательнымъ образомъ различными историческими воспоминаніями, связанными съ этимъ берегомъ, съ этими островами и руинами. Разговаривали главнымъ образомъ старикъ и Людовико, ибо Тебальдо, молчаливый по природѣ, ограничивался вскользь бросаемыми замѣчаніями, а молоденькая дѣвушка хотя и слушала со вниманіемъ, но не говорила ни слова. Словоохотливый старикъ такъ заболтался, что разсказалъ о различныхъ и собственныхъ возрѣніяхъ; на самомъ дѣлѣ, повѣствуя о спасительномъ дѣйствиіи байенскихъ теплыхъ минеральныхъ ваннъ, которыя высоко цѣнились еще древними римлянами, о таинственномъ магическомъ искусствѣ Сибиллы, а по поводу храма Сераписа на Пучціоли о мистеріяхъ египетскихъ жрецовъ,—могъ ли онъ скрыть, что онъ много занимался изученіемъ таинственныхъ силъ природы, наблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ вліяніе на человѣческую душу. Впослѣдствіи онъ много разсказалъ поэтому поводу. Случилось какъ-то само собой, что старикъ сопровождалъ обоихъ молодыхъ людей и при осмотрѣ колоссальнаго водоема; по привычкѣ, онъ срывалъ по дорогѣ нѣкоторыя травы и распространялся объ ихъ цѣлебныхъ свойствахъ. Такимъ образомъ, безъ всякаго любопытства со стороны Людовико словоохотливый старикъ, оказавшійся врачомъ и естествоиспытателемъ, таинственно намекнулъ и на свои изысканія въ области алхиміи. Такъ какъ въ то время врачей въ Итали расплодилось много, начиная отъ бродячихъ шарлатановъ до знаменитыхъ докторовъ и княжескихъ лейбъ-медиковъ, то признаніе старика было очень естественно въ интересахъ новаго знакомства, такъ что разговоръ и съ той, и съ другой стороны становился все оживленнѣе. Тебальдо продолжалъ, какъ и раньше, больше слушать, чѣмъ говорить, ибо не могъ оторваться отъ большихъ, выразительныхъ глазъ молоденькой дѣвушки, также какъ отъ научной бесѣды ея спутника. Ея нѣжный станъ и блѣдное лицо пробуждали въ немъ состраданіе, но когда ея застѣнчивые взоры встрѣчались съ его взорами, его охватывало странное чув-

ство глубокаго участія, и такъ какъ онъ самъ много перестрадалъ, то его душа догадывалась и о безмолвныхъ страданіяхъ дѣвушки, онъ видѣлъ въ ней родственную судьбу.

Между тѣмъ Людовико такъ подружился съ старикомъ, что послѣдній пригласилъ обоихъ молодыхъ людей посѣтить его жилище и осмотрѣть его лабораторію. Молодому дворянину такого случая еще не представлялось, и оба охотно согласились принять предложеніе стараго алхимика. Крестьянскій мальчикъ, державшій лошадей, зналъ докторскую квартиру. Ему поручили, предварительно покормивъ лошадей, водить ихъ передъ домомъ стараго ученаго въ ожиданіи господъ.

Молодые люди направились съ необыкновеннымъ докторомъ и его дочерью къ тому дому, который съ нѣсколькими маленькими пристройками расположился среди сада и очевидно никѣмъ не былъ обитаемъ, кромѣ старика и его дочери, ибо когда пришли къ дому, старикъ осторожно вынулъ изъ кармана ключъ и отворилъ прочную дверь.

Въ этомъ домѣ ихъ ожидалъ рядъ сюрпризовъ. У дѣвушки, можетъ быть, былъ какой-нибудь отдѣльный чуланъ, ибо весь домъ былъ биткомъ набитъ старыми книгами и пергаменатами, стоявшими кругомъ на полкахъ по стѣнамъ; на безчисленныхъ столахъ и тумбахъ были разбросаны и разставлены тигеля и стклянки, стаканы и различные инструменты. На полу повсюду виднѣлись чучела звѣрей; рѣдкіе чертежи и картины украшали стѣны и даже подъ потолкомъ висѣли безобразныя высушенныя рыбы и гады. Во многихъ мѣстахъ находились кухонные очаги, на которыхъ была разставлена различная рѣдкая посуда, служившая для алхимическихъ опытовъ. Старикъ съ большимъ воодушевленіемъ рассказывалъ про каждую вещь. Онъ назывался Скаратулисомъ. Старикъ былъ болтливъ и поразказалъ немало различныхъ эпизодовъ изъ своей жизни. Онъ хотѣлъ знать медицинскія средства всѣхъ странъ, увѣрялъ, что изучалъ медицину, но кромѣ того занимался некромантіей и астрономіей и, наконецъ, дошелъ до убѣжденія, что ему удастся открыть философскій камень. Онъ пригласилъ своихъ гостей присѣсть, и молоденькая дѣвушка, которую старикъ называлъ Серпой, сдѣлала изъ лежавшихъ на полу книгъ три стула и поставила ихъ около одного стола. По знаку старика она безшумно удалась. Тогда алхимикъ принесъ прекрасно отдѣланный ларчикъ, открылъ его и вынулъ оттуда три трубки изъ бѣлой глины; набивъ ихъ лежавшимъ въ ларчикѣ табакомъ, онъ предложилъ ихъ молодымъ людямъ. Хотя послѣдніе и знали табакъ, но куреніе для нихъ было дѣломъ совершенно непривычнымъ, и такъ какъ мнѣнія о дѣйстви этой новой усладительной прихоти были различны, то они съ благодарностью отказались, прося вмѣстѣ съ тѣмъ чуднаго хозяина не стѣсняться въ куреніи. Людовико

при этомъ шутливо замѣтилъ, что куреніе является у американцевъ знакомъ миролюбиваго настроенія и что, поѣтому, всѣ курильщики должны быть уважаемы.

Старикъ закурилъ трубку, съ наслажденіемъ затянулся изъ длиннаго чубука, торчавшаго изъ маленькой глиняной головки, и вскорѣ голубыя облака дыму заходили по комнатѣ, окутывая ближайшіе предметы въ таинственную дымку.

Вскорѣ нѣжная рука дѣвушки откинула занавѣсъ той двери, въ которую она безшумно удалилась, между тѣмъ какъ другая рука несла блестящій металлическій подносъ съ пестро-разрисованной полной флягой вина и съ тремя принадлежащими къ ней стаканами. Молча поставила она подносъ на столъ и посмотрѣла при этомъ на Тебальдо своимъ глубокимъ, выразительнымъ взглядомъ. Отецъ приказалъ ей предложить гостямъ вина и кофею, который она сейчасъ должна была приготовить. Она поклонилась и удалилась, покраснѣвши, такъ же безшумно, какъ и раньше. Казалось, что будто ея фигура выступила изъ какого-то облака и опять ступевалась въ немъ.

Старикъ наполнилъ виномъ стаканы и пригласилъ гостей откупать. Это было обыкновенное игристое вино, которое молодые люди уже не разъ пивали, но особая обстановка дѣлала его слаще и пьянѣе. Чѣмъ болѣе старикъ пускалъ изо рта и носа сильнопахнущихъ табачныхъ волнъ, тѣмъ онъ становился довольнѣе и разговорчивѣе. Онъ рассказалъ, какъ раньше многіе годы онъ шарлатанилъ, обманывая народъ, и какъ онъ нажился отъ людской глупости. И теперь еще ежегодно по нѣсколько разъ совершаетъ онъ свои поѣздки; въ боковыхъ пристройкахъ стоятъ фура и мулъ на которомъ онъ ѣздитъ. «Конечно, я давно могъ бы жить на покой, — замѣтилъ онъ, — но я боюсь, чтобы глупый окрестный народъ не узналъ о моемъ богатствѣ и не объяснилъ бы посвоему моихъ постоянныхъ занятій въ лабораторіи». Хотя онъ увѣрялъ, что всегда старается лечить настоящими медицинскими средствами, однако, всѣ знали, что своихъ паціентовъ онъ пичкаетъ разными подозрительными микстурами, пилюлями и порошками. Людовико и Тебальдо были увѣрены, что старый Скаратулисъ тотчасъ былъ бы заподоврѣнъ въ колдовствѣ, еслибы народъ узналъ, что онъ отыскиваетъ философскій камень и жизненный эликсиръ и что всѣ его ящики полны денегъ. Безъ всякаго сомнѣнія, сосѣди давно бы его убили, какъ колдуна, и раздѣлили бы его сокровища. Но этого они не знали и вѣрили, что старикъ приготовляетъ только цѣлебныя лекарства отъ различныхъ болѣзней, живя въ нуждѣ и бѣдности.

Между тѣмъ опять появилась блѣдная Серпа и принесла три маленькихъ чашки съ дымящимся кофе. И отъ этого необыкновеннаго удовольствія гости не отказались, хотя и пили, обжигаясь.

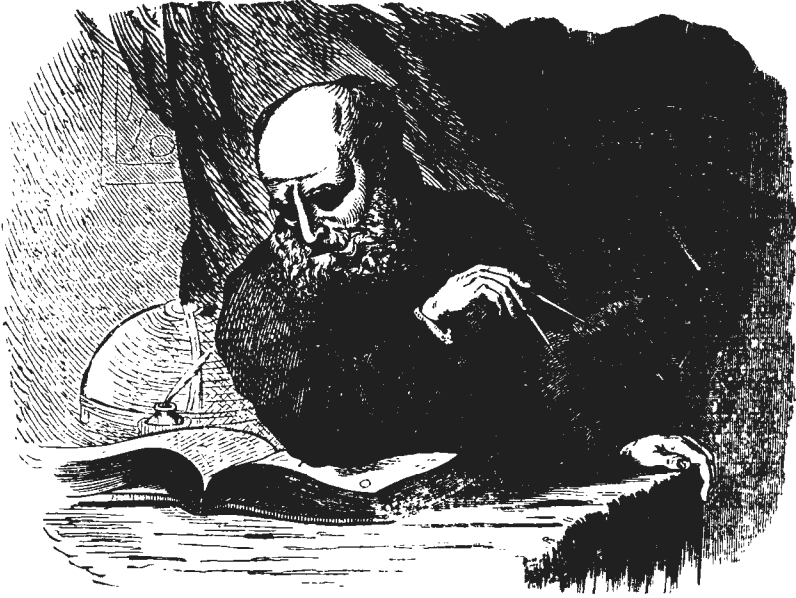
Старикъ продолжалъ разсказывать про свои поѣдки и свои безчисленные опыты для добыванія удивительнаго элексира. Его слушатели забыли про вопросы и возраженія, такъ увлекательно разсказывалъ онъ безъ умолку и передышки. Очевидно, табакъ производилъ на него возбуждающее дѣйствіе, между тѣмъ какъ удушливый воздухъ, кофе и вдыханіе дыму ошеломило его слушателей и привело въ необычно раздраженное состояніе. И когда старикъ началъ разсказывать, какъ ему однажды почти удалось приготовить философскій камень, владѣя которымъ можно не только неблагородные металлы обращать въ золото, но и приготовить жизненный элексиръ противъ смерти и болѣзней, сдѣлаться невидимымъ и въ глубинѣ земли найти самые сокровенные клады, тогда молодыхъ людей охватило состояніе непріятнаго опьяненія. Имъ казалось, что чучела животныхъ, стоявшихъ на тумбахъ и висѣвшихъ подъ потолкомъ, задвигались, что ходившій по комнатѣ дымъ подымалъ и носилъ по воздуху инструменты; обонявъ, наконецъ, сдѣлалось такъ дурно, что Людовико, нѣсколько ободрившись, не обращая вниманія на увлекшагося своимъ разсказомъ старика, вскочилъ съ своего мѣста, схватилъ товарища за плечо и крикнулъ ему, что время уходитъ. Тебальдо поднялся совершенно смущенный и оба объяснили старику Скаратулису, что, не смотря на весь интересъ его разсказовъ, они дольше быть не могутъ и что должны поспѣшить домой.

Скаратулисъ извинялся, что, можетъ быть, слишкомъ увлекся своими разсказами, и выразилъ надежду еще разъ увидѣться съ молодыми людьми. Какъ оказалось, онъ боялся, что, можетъ быть, въ своихъ разсказахъ хватилъ черезъ край и на прощанье замѣтилъ, что онъ простой врачъ, который въ своихъ изысканіяхъ лекарственныхъ средствъ противъ различныхъ болѣзней случайно порой заглядываетъ въ область алхиміи и астрологіи.

Онъ проводилъ своихъ гостей на улицу, гдѣ крестьянскій мальчуганъ давно уже поджидалъ съ лошадьми. Тщетно надѣялся Тебальдо еще разъ взглянуть на дѣвушку: она не вышла проститься съ молодыми людьми. Вскорѣ они сидѣли уже на коняхъ и отправились обратно въ Неаполь. Они ѣхали почти молча, ибо каждый хотѣлъ разобраться въ полученныхъ впечатлѣніяхъ; они съ жадностью вдыхали свѣжій морской воздухъ, столь благотворно дѣйствовавшій на ихъ отуманенныя и разгоряченныя головы. Людовико первый обратилъ на это вниманіе, и хотя онъ былъ далеко не противъ наслажденія табакомъ, все-таки замѣтилъ, что старый Скаратулисъ страдаетъ табачнымъ запоемъ. Тебальдо согласился съ нимъ и гнѣвно высказалъ, что неудивительно, если бѣдное дитя чуднаго мага подъ вліяніемъ подобнаго ядовитаго угара выглядитъ блѣднымъ и больнымъ. Повидимому, Людовико мало интересовался боль-

ной дѣвушкой, ибо онъ съ убійственнымъ хладнокровіемъ отвѣтилъ, что это весьма вѣроятно и что остается только надѣяться на изобрѣтеніе старикомъ жизненнаго элексира, который бы избавилъ отъ скорой и вѣрной смерти его бѣдную дочь. Тебальдо замолчалъ, и они въ безмолвіи доѣхали до Неаполя, при вѣздѣ въ который разстались, направившись въ разныя стороны.

VIII.

„А все-таки она вертится!“

Процессъ Галилея принималъ весьма печальный оборотъ. Инквизиціонный трибуналъ всѣми силами старался поколебать его убѣжденія, заставляя отречься отъ еретическаго ученія. Но несчастный ученый, наоборотъ, такъ былъ увѣренъ въ истинности послѣдняго, ради котораго подвергся даже суду, что и не думалъ о своей судьбѣ, заботясь лишь о неопровержимыхъ доказательствахъ въ пользу ученія Коперника. На окончательномъ допросѣ онъ сказалъ:

— Такъ какъ мнѣ казалось, что въ вопросахъ подобной важности можно полагаться на рѣшеніе только общественнаго мнѣнія и времени, то, не думая измѣнять ни Богу, ни святой церкви, я публично училъ тому, въ истинѣ чего былъ убѣжденъ.

Беллярминъ, присутствовавшій на судѣ въ качествѣ обвинителя, при этихъ словахъ замѣтилъ:

— Обратите вниманіе, судьи, это пунктъ первый! Подсудимый рѣшеніе вопросовъ, касающихся Бога и святой церкви, Его созданія, представляетъ человѣческому разуму.

Твердо и спокойно Галилей продолжалъ:

— Я поступалъ такъ, убѣжденный, что не искушаю воли Божіей, ибо Онъ открывается намъ въ созданіяхъ природы, такъ

же какъ и въ священномъ Писаніи, да, Онъ говоритъ въ нихъ еще больше сердцу человѣчества, ибо Его всемогущество во внѣшнемъ мірѣ всякому видно и поэтому легче постигается. Признаюсь, что страсть къ изслѣдованію тайнъ природы никогда меня не отвращала отъ благоговѣнія передъ ея Создателемъ, — больше того: я долженъ сознаться, что мое сердце тѣмъ болѣе разгоралось глубокой благодарностью къ Зиждителю міровъ, чѣмъ болѣе я изслѣдовалъ законы природы и чѣмъ ближе такимъ образомъ подходилъ къ Нему. Я убѣждался, что Всеблагой Творецъ позволилъ намъ, несовершеннымъ тварямъ, искать Его, дабы сближаться съ Нимъ, постигая Его все глубже и глубже посредствомъ изученія и проникновенія въ тайны мірозданія. Но, что Богъ, давшій намъ пять чувствъ, могъ приказать презирать дарованія, избирая для достиженія истины другіе пути, а не указанные Имъ въ нашей природѣ, этому я не могу цовѣрить. Вѣдь природа создана по Его слову, а священное Писаніе начертано людьми, которые слова Божія слышали въ собственной душѣ и передавали ихъ, какъ понимали. Но вѣдь люди несовершенны, всѣмъ намъ свойственно заблуждаться. слѣдовательно, возможно, что и тѣ люди, которые начертали священное Писаніе...

На этихъ словахъ его прервалъ Беллярминъ, понявшій, что наступилъ удобный моментъ сдѣлать съ своей стороны замѣчаніе къ судьямъ.

— Какъ?—воскликнулъ онъ.—неужто такое наглое богохульство можетъ осквернять нашъ слухъ? Несовершенному, грѣшному чувству онъ придаетъ большее значеніе, чѣмъ словамъ священнаго Писанія, которое начертано пророками по откровенію Божію. Что онъ видитъ собственными глазами, то считаетъ за истинное, что же возвышено святыми, въ томъ онъ сомнѣвается, до очевидности ясно обнаруживая наглую гордость своего еретическаго духа. Только самая суровая строгость можетъ искоренить такое зловерное, разрушительное направленіе.

Эта вводная рѣчь такъ возстановила и озлобила всѣхъ судей противъ Галилея, что предсѣдатель приказалъ на короткое время вывести подсудимаго, съ тѣмъ чтобы отобрать у судей мнѣнія и постановить общее рѣшеніе. Когда затѣмъ Галилей опять былъ введенъ, ему сообщили, что своей защитой онъ самъ очень ясно доказалъ, на сколько опасно его ученіе для церкви; поэтому инквизиціонный трибуналъ постановилъ потребовать отъ него отреченія отъ ученія о возвращеніи земли, ибо только этимъ путемъ онъ можетъ помириться съ церковью.

Но Галилей не хотѣлъ покориться этому требованію. Не смущаясь, онъ возразилъ:

— Неужели то, что въ глубинѣ моей души я считаю за непоколебимую истину, есть ложь, неужели я долженъ подтверждать

и соглашаться съ тѣмъ, съ чѣмъ не соглашается мое сердце? Это значитъ отречься отъ самаго себя, давши самую позорную клятву. Служа добродѣлю, я не могу отречься отъ него; я не могу давать клятву, сдѣлавшись слѣпымъ и глухимъ, между тѣмъ какъ мои глаза видятъ, а уши слышатъ. Нѣтъ, это было бы измѣной Богу, самому себѣ и всему міру, если бы я захотѣлъ объявить ложью то, что на самомъ дѣлѣ считаю истиной.

— Вы забываете, — возразилъ на это Беллярминъ, — что ваша первая обязанность — повиноваться церкви, которой вы при крещеніи дали обѣтъ послушанія. И такъ все клятвопреступленіе въ томъ, что вы учили наперекоръ заповѣдямъ церкви и только ваше отреченіе можетъ искупить это тяжелое преступленіе.

При этомъ послѣднемъ предостереженіи судья поднялся еще разъ и сказалъ:

— Подумайте о томъ, что церковь имѣетъ силу вынудить у васъ отреченіе, если вы вслѣдствіе своего упорства заставите насъ принять крайнія мѣры.

Но Галилей гордо отвѣтилъ:

— Если бы церковь потребовала, чтобы я уничтожилъ мое слабое тѣло, это бѣдное орудіе моей мысли и чувства, — то я охотно повиновался бы, но духа, живущаго во мнѣ, я не могу убить, ибо онъ могущественнѣе васъ и меня. Въ вашихъ рукахъ самая страшная власть, чтобы заставить меня повиноваться, а я ничего не могу сдѣлать, чтобы вымолить себѣ пощаду. Передъ вами дряхлый старикъ, открыто говорящій: «то, чему я училъ — истина, и земля движется, хотя бы всѣмъ казалось это невѣроятнымъ!»

— Вы слышите теперь, — обратился Беллярминъ къ судьямъ, — какъ онъ упорствуетъ въ своемъ богомеркомъ умствованіи; вѣдь одна попытка сомнѣваться въ словахъ священнаго писанія есть ересь. Но это знаменіе времени. Повсюду поднялись высокомерныя сомнѣнія и дерзкіе враги церкви. Въ царствѣ духа — новый всемірный потопъ, и единственный ковчегъ, въ которомъ можно найти спасеніе, это церковь и ея догматы.

— Чтожъ дѣлать, — замѣтилъ на это судья, — мы всѣ обязаны повиноваться церкви и такъ какъ обвиняемый упорно отрицаетъ свою вину, мы вынуждены принять строгія мѣры, пока онъ не одумается.

Послѣ этого онъ отдалъ приказаніе увести арестанта, и Галилей, переживавшій жестокія душевныя муки въ заботахъ не за свою собственную судьбу, а за судьбу дочери, опять былъ возвращенъ въ свою одинокую камеру. Изъ разспросовъ онъ узналъ, что всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ до возвѣщенія приговора ему воспрещены строжайшимъ образомъ.

Между тѣмъ въ душѣ папы Урбана произошелъ неожиданный переворотъ. Ему было донесено, что молодой живописецъ Бернардо

Спинелли сопротивлялся своему аресту и въ схваткѣ съ офицеромъ стражи былъ убитъ.

Къ этому жестокому удару папа совѣмъ не былъ подготовленъ, и впечатлѣніе было еще ужаснѣе, когда онъ представилъ себѣ отчаяніе матери молодого человѣка при извѣстии о его смерти. Выборъ новаго папы сулилъ для всѣхъ Барберини высочайшее земное счастье, ибо всѣ родственники, даже дальніе, принимали нѣкоторымъ образомъ участіе въ благодѣтельной перемѣнѣ обстоятельствъ. Онъ щедро бы наградилъ свою племянницу Елену за то, что она вышла замужъ вопреки желанію семьи, принеся тяжелую жертву своей любви. При своемъ пристрастіи къ всякимъ идеальнымъ поступкамъ, которые прославляло искусство, ему было очень симпатично всякое независимое чувство, и все это, кажется, соединилось въ его племянникѣ, чтобы расположить дядю въ пользу юнаго живописца Бернардо. Въ первый моментъ гнѣвной вспышки онъ сильно сердился за настойчивое сочувствіе Галилею, но, одумавшись и разсудивъ все хладнокровно, онъ надѣялся съ помощью матери Бернардо исцѣлить племянника отъ его страсти. Онъ очень увлекательно разрисовывалъ себѣ, какъ затѣмъ блестяще устроить будущность молодого человѣка, поселивъ его навсегда въ Римѣ подъ своимъ надзоромъ. И вдругъ онъ умеръ, умерщвленный въ силу безпощаднаго исполненія его приказанія, выманеннаго Беллярминомъ въ минуту гнѣва; вѣдь они могли, арестовывая молодого человѣка, просто обезоружить его, а не убивать. Это было непростительное насиліе. Дежурный офицеръ долженъ былъ знать, что близкаго родственника его святѣйшества нельзя закалывать наравнѣ со всѣми другими преступниками. Но, очевидно, вся ошибка заключалась въ инструкціи, данной офицеру, и эта инструкція исходила отъ Беллярмина, который въ своей ненависти къ Галилею перешелъ всякія границы. Конечно, усердная защита церковныхъ постановленій была достойна высшей похвалы, но въ такихъ случаяхъ усердіе не должно переходить въ личную ненависть. Если кто имѣлъ основаніе чувствовать себя оскорбленнымъ, такъ это именно самъ папа, публично осмѣянный Галилеемъ, и Беллярминъ долженъ былъ бы, позаботиться не увеличивать этого оскорбленія еще смертью Бернардо.

Всѣ эти размышленія такъ сильно подѣйствовали на Урбана, что онъ былъ склоненъ впасть въ противоположную крайность, и видѣть въ Беллярминѣ, котораго онъ такъ недавно считалъ своимъ лучшимъ другомъ, источникъ всѣхъ непріятностей, которыя неожиданно посыпались на него со времени избранія въ папы.

Такъ какъ слабохарактерному человѣку трудно бываетъ сразу рѣшиться на энергичный поступокъ, то папа предварительно нашелъ убѣжище въ пассивномъ отношеніи къ дѣлу и, сказавшись больнымъ, отказывалъ Беллярмину въ свиданіяхъ. Урбанъ съ лю-

бовью занимался приготовленіями къ похоронамъ Бернардо. Онъ вызвалъ изъ Болоньи въ Римъ его родителей и всячески старался успокоить неутѣшную мать. Онъ далъ обѣтъ ей, ея мужу, братьямъ и сестрамъ Бернардо сдѣлать для нихъ все лучшее, чтобы нѣсколько утѣшить ихъ въ потерѣ талантливаго юноши. Изъ разговоровъ съ племянницей, онъ узналъ о покойномъ столько хорошаго, что его образъ въ глазахъ папы все болѣе и болѣе просвѣтлялся, и, наконецъ, Урбану пришло въ голову, что не преднамѣренно ли Беллярминъ затушевалъ всѣ симпатичныя черты въ отношеніяхъ Бернардо къ Галилею и не выдумалъ ли просто оскорбленіе, якобы нанесенное ему ученымъ другомъ? Во всякомъ случаѣ его отвращеніе къ кардиналу все увеличивалось, а участіе къ Галилею все усиливалось, и такъ какъ Еленѣ Спинелли чрезвычайно хотѣлось познакомиться съ той дѣвушкой, которая полюбила ея несчастнаго сына и изъ-за отца которой онъ погибъ, то и Урбанъ мало-по-малу захотѣлъ навести справки и собрать свѣдѣнія о судьбѣ Цециліи.

Въ скоромъ времени папа узналъ, что Цецилія находится на попеченіи монахинь монастыря св. Клары, которыя приняли въ бѣдной дѣвушкѣ участіе. Папѣ сдѣлалось также извѣстно, что молодой человекъ, Винченцо Вивіани, ученикъ флорентійскаго ученаго, часто навѣщалъ Цецилію, и что это былъ единственный человекъ, съ которымъ она хотя немного разговаривала. Всѣ ея помыслы были заняты однимъ желаніемъ—какъ бы повидаться съ отцомъ.

Елена Спинелли, наконецъ, собралась навѣстить несчастную дѣвушку. Она воротилась съ извѣстіемъ, что въ такомъ печальномъ случаѣ можетъ помочь только одно средство: Цецилія должна повидаться съ своимъ отцомъ, тогда, быть можетъ, разсѣется туманъ, заволакивающій ея разумъ.

Это подало поводъ къ различнымъ размышленіямъ и совѣщаніямъ. Быть можетъ (такъ рѣшила племянница папы—и онъ соглашался съ нею), случится, что видъ страдающаго дитяти и желаніе спасти его отъ умопомѣшательства возьмѣютъ надъ Галилеемъ столь сильное вліяніе, что заставятъ его отречься отъ своего ученія.

Урбанъ настолько былъ доволенъ планомъ своей племянницы, что на всѣ остальные не обращалъ никакого вниманія. Онъ даже самъ хотѣлъ руководить его исполненіемъ и повидать съ этою цѣлью Цецилію. Кромѣ того, былъ обычай, что каждый новый папа посѣщалъ тюрьмы, чтобы удостовѣриться въ ихъ правильномъ содержаніи и устройствѣ, при чемъ часто происходили помилованія преступниковъ. Такимъ образомъ, не привлекая общаго вниманія, желаемая встрѣча могла отлично устроиться.

Конечно, отъ кардинала Беллярмина не могло укрыться, что святой отецъ умышленно отказывается принимать его и что часто

видится съ матерью Бернардо. Поэтому, онъ удвоилъ свое вниманіе, чтобы не упустить изъ виду ничего изъ предпринимаемаго папой. Онъ узналъ и о приготовленіяхъ, происходившихъ для того, чтобы устроить свиданіе папы съ Галилеемъ, и если что могло смущать непреклонный духъ кардинала, такъ это боязнь, какъ бы Урбанъ не былъ тронутъ видомъ Галилея и не разрушилъ всего процесса. Чтобы помѣшать такому могущему случиться неожиданному обороту дѣла, Беллярминъ и съ своей стороны принялъ надлежащія мѣры.

Наступилъ роковой день, когда должно было произойти свиданіе Галилея съ своей дочерью. Беллярминъ назначилъ этотъ день для послѣдняго рѣшительнаго нападенія на Галилея.

Елена Спинелли взяла уже Цецилію изъ монастыря и извѣстила объ этомъ Вивіани, ибо надѣялась на его благотворное вліяніе. Всѣ они дожидались въ одной большой комнатѣ, изъ которой можно было проникнуть какъ въ отдѣльныя тюремныя камеры, такъ въ залу суда и въ застѣнокъ. Когда вошелъ папа, всѣ присутствовавшіе упали на колѣни, чтобы получить благословеніе. Когда папа благословилъ, всѣ встали. Урбанъ приблизился къ Цециліи, вдумчиво, съ состраданіемъ посмотрѣлъ на нее и ласково сказалъ:

— Бѣдное дитя! Тебя глубоко удручаетъ судьба отца, увлеченнаго своими лживыми химерами и поэтому не повинующагося велѣніямъ церкви. Можетъ быть, ты можешь еще спасти его? Не хочешь ли попытаться?

Такъ какъ Цецилія молчала, то за нее отвѣчалъ Вивіани:

— Святой отецъ, все, что вы говорите, напрасно, ибо она не понимаетъ васъ; ея душа—безчувственна, ея разсудокъ—помраченъ.

Еще разъ Урбанъ попробовалъ заговорить съ Цециліей:

— Знаешь ли ты, спросилъ онъ, гдѣ ты находишься и кто такой съ тобой говорить?

И на это не послѣдовало никакого отвѣта; Цецилія только медленно подняла голову, взглянула на папу съ выраженіемъ глубочайшей душевной муки и упала предъ нимъ на колѣни, протянувъ къ нему съ мольбой свои руки.

Урбанъ положилъ руку на ея чело и еще разъ благословилъ ее. Затѣмъ онъ приказалъ, чтобы ввели арестанта.

Въ это мгновеніе, къ удивленію папы, открылась дверь, ведущая въ залу суда, и оттуда вышелъ Беллярминъ въ сопровожденіи инквизиціонныхъ судей. Папа такъ былъ ошеломленъ этой неожиданностью, что совсѣмъ растерялся, но вмѣстѣ съ тѣмъ его негодованіе противъ Беллярмина достигло послѣднихъ предѣловъ.

Затѣмъ изъ своей камеры приведенъ и Галилей. Онъ былъ блѣденъ и разстроенъ. При видѣ его Цецилія бросилась къ нему, обвила руками его шею и воскликнула:—мой отецъ! Вивіани

Свиданіе Галилея съ своей дочерью.

тоже протѣснился къ нему; Галилей былъ глубоко потрясенъ этой встрѣчей.

— О, дитя мое! — рыдая сказалъ онъ; затѣмъ, обратившись къ Вивіани, спросилъ:—Какъ попала сюда Цецилія? Какая она блѣдная и разстроенная; она выглядитъ совсѣмъ больной! Да, всякій, кто меня любить, долженъ страдать, — она же должна въ особенности несказанно страдать. Боже мой, Боже мой, — воскликнулъ онъ, — гдѣ же Твое милосердіе?!. Неужели мое дитя должно нести мой тяжелый крестъ, который я самъ наложилъ на себя? Видишь ли Ты убитое горе, невинное дитя? За что же она такъ тяжело страдаетъ, отчего несчастіе не рушилось только на мою сѣдую голову?

Урбанъ и его племянница стояли глубоко потрясенные безысходнымъ горемъ несчастнаго отца. Но Беллярминъ, понявъ всю опасность момента и не обращая вниманія на все происходившее, на сѣтованіе Галилея возразилъ:

— И вы еще жалуетесь? Развѣ не за свое упорство вы страдаете? Развѣ можетъ теперь чтѣ-нибудь измѣниться по вашему желанію? Здѣсь есть документъ, предписывающій клятвенное отреченіе отъ всякаго еретическаго ученія.

Урбанъ тоже понялъ важность момента и обратился къ Галилею съ слѣдующимъ словомъ убѣжденія:

— Взгляните на ваше бѣдное дитя! Она умретъ, если вы не скалитесь надъ ней. Подумайте: вы будете свободны съ вашей дочерью, если подпишете отреченіе.

Чтобы испробовать послѣднее средство, Беллярминъ сказалъ:

— Подумайте о томъ, что васъ ожидаетъ. Намъ нужна не смерть еретика, а только его отреченіе.

Послѣ этого кардиналъ обратился къ предсѣдателю инквизиціоннаго трибунала и сказалъ:

— Прочтите ему приговоръ; пусть онъ узнаетъ, что ему угрожаетъ.

Судья развернулъ свитокъ и прочиталъ слѣдующее:

«Такъ какъ взгляды, которые упорно отстаиваетъ обвиняемый, противорѣчатъ церковнымъ дагматамъ и постановленіямъ и такъ какъ, не смотря на всѣ увѣщанія, онъ отказывается подписать отреченіе, то мы вынуждены снять съ него допросъ подъ пыткой, чтобы получить отвѣтъ, требуемый отъ него церковью черезъ инквизиціонный трибуналъ».

Въ отвѣтъ на прочитанное пронзительный крикъ вырвался изъ устъ Цециліи и Елены; Вивіани воскликнулъ: «пытка! Боже, правосудный Боже!» а Галилей лишь съ горечью сказалъ: «Цецилія! О мое бѣдное дитя!» Папа Урбанъ чувствовалъ себя глубоко-потрясеннымъ. Онъ подошелъ къ Галилею поближе и нѣжно обратился къ нему съ слѣдующими словами:

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- Азаревичъ, Д.** Система римскаго права. Университетскій курсъ. Т. II, ч. 2-я. Варшава. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бао, А.** Нравственныя возрѣнія В. Вундта. Критическое изслѣдованіе. Вып. I. Воронежъ. 1889 г. Ц. 1 р.
- Барановъ, А.** Сборникъ статей, примѣненный къ обученію чтенію гражданской печати въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.
- Барановъ, А.** Наше родное. Книга для класснаго и домашняго чтенія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. 2-й годъ обученія. Спб. 1888 г. Ц. 40 к.
- Барановъ, А.** То же. 3-й годъ обученія. Спб. 1888 г. Ц. 60 к.
- Барановъ, А.** Руководящія замѣтки для учащихся къ преподаванію роднаго языка. по «Нашему родному». Спб. 1888 г. Ц. 30 к.
- Бенетовъ, А.** Курсъ ботаники. Однодольныя. Съ атласомъ. Спб. 1889 г. Ц. съ атласомъ. 3 р.
- Беннарія, маркизъ.** О преступленіяхъ и наказаніяхъ. Харьковъ. 1889 г. Ц. 1 р.
- Булгановъ, Ѳ. И.** Альбомъ академической выставки 1889 г. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Веберъ, К. Н.** Практическое руководство по винокурению. Ч. I. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Вейгертъ, Л.** Д-ръ. Новый способъ леченія легочной чахотки. Съ нѣмецкаго. Спб. 1889 г. Ц. 25 к.
- Вольтеръ, Э.** Объ изученіи семейнаго быта литовско-жемайтскаго народа. Ковно. 1889 г. Ц. 15 к.
- Гиляревскій, А.** О первоначальномъ воспитаніи дѣтей въ духѣ вѣры Христовой и благочестія. М. 1889 г. Ц. 20 к.
- Готоръ, Н.** Книга чудесъ. Разказы для дѣтей изъ міеологіи. М. 1889 г. Ц. 75 к.
- Григоровичъ, Д. В.** Переселенцы. Романъ изъ народнаго быта. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гусевъ, А. Н.** Уставъ о гербовомъ сборѣ. Харьковъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гюго. Викторъ.** Трудники моря (Les Travailleurs de la mer). Съ рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- * **Данилевскій, Г. П.** Историческіе разказы: I. Царь Алексѣй съ соколомъ.— II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя.— III. Екатерина Великая на Дятлѣ. Изд. 2-е (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.
- Двойное убійство.** Отчетъ о засѣданіи сиб. окружнаго суда по дѣлу о крест. Мих. Королевѣ. Ростовъ на Дону. 1889 г. Ц. 20 к.
- Десницкій, Н. В.** Лечение водою въ зимній сезонъ. М. 1889 г. Ц. 20 к.
- Дманшвель, Гр. С. И.** Зарудный и судебная реформа. Историко-біографическій эскизъ. М. 1889 г. Ц. 1 р.
- Динкенсъ, Ч.** Давидъ Копперфильдъ младшій. Его жизнь приключенія, испытанія и наблюденія. М. 1889 г. Ц. 1 р.
- Динкенсъ, Ч.** Лондонскіе очерки Вроза (Sketches by Roz). Изд. 2-е. М. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Добровлянскій, В. Я.** Изъ русскихъ лѣсовъ. Спб. 1888 г. Ц. 1 р.
- Доброславинъ, А.** проф. Гигіена. Курсъ общественнаго здравоохраненія. Ч. I. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.
- Достоевскій, Ѳ. М.** Полное собраніе сочиненій. Изд. 3-е. Ц. за 12 т. по подпискѣ 10 р. Вышелъ т. I (последній).
- Ермолинъ, Н. К.** Очеркъ жизни Александра Яковлевича Герда. Съ портретомъ и факсимиле. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Заводская книга русскихъ рысаковъ.** Т. III. Спб. 1889 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Зезюлинскій, Н.** Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи. Вып. I. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Златовратскій, М.** Сочиненія. Т. III. Разказы и очерки (1884—88 г.). М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Ивановскій, А. О.** Юнь-наньскіе инородцы въ періодъ династій Юань, Минь и Дай-Цинь. Съ словаремъ и картами. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- * **Историческая портретная галлерей.** Собрание портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими біографіями. Фототипія съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXVII. Спб. Ц. 2 р.
- * **Карамзинъ, Н. М.** Исторія государства Россійскаго. Царствование Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Изд. 2-е (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 20 к., въ пакѣ 28 к.
- * **Карамзинъ, Н. М.** Исторія государства Россійскаго. Великій князь Дмитрій Іоанновичъ, прозванный Донскимъ. Изд. 2-е (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 10 к., въ пакѣ 18 к.
- Клигманъ, Г. А.** Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Гражд. Кассац. Деп. Прав. Сената за 1887 г. Кіевъ. 1889 г. Ц. 50 к.
- Крестовскій, Вс. Вл.** Тьма Египетская. Романъ. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Кривенно, В.** Сборникъ краткихъ свѣдѣній о правительственныхъ учрежденіяхъ. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Крыжановскій, Г.** Рукописныя Евангелія кіевскихъ книгохранилищъ. Кіевъ. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Кюи, Ц. А.** Кольцо небелунговъ. Тринологія Рихарда Вагнера. Музыкально-критическій очеркъ. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Лазаревскій, Ал.** Описание старой Малороссіи. Т. I. Вып. 2-й. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р.
- Леонтьевъ, Н.** Національная политика какъ орудіе всемірной революціи. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Лейденъ, Е.** Д-ръ Воспаленіе периферическихъ нервовъ (лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ). М. 1889 г. Ц. 30 к.
- Лейнинъ, Н. А.** Деревенская аристократія. Очерки сельской жизни. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Лѣсковъ, Н. С.** Собрание сочиненій. 10 томовъ. Спб. 1889 г. Ц. по подпискѣ 20 р. Вышли томы I, II и III.
- Масляниковъ, И. И.** О земляномъ буравѣ, какъ средствѣ отыскивать мѣста для колодезъ и объ абиссинскомъ колодецѣ. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Мерцаловъ, А. Е.** Вологодская старина. Матеріалы для исторіи сѣверной Россіи. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Миллошичъ, Ф.** Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Вып. I. Варшава. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мицуций, С.** Наблюденія и выводы по сравнительному языкознанію. Вып. I. Варшава. 1888 г. Ц. 30 к.
- Миллеръ, Орестъ, Г. И.** Успенскій. Опытъ объяснительнаго изложенія его сочиненій. Спб. 1889 г. Ц. 80 к.
- Михайловъ, М.** Перелетныя птицы. Романъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Могильовъ, М.** Повторительный курсъ русскаго государственнаго права. Примѣнительно къ программѣ юридической комиссіи. По Градовскому и др. Житомиръ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мопассанъ, Г.** Монгъ-Ориоль. Романъ въ двухъ част. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нефедьевъ, Е. А.** Причины и цѣль изданія полного собранія и свода законовъ съ точки зрѣнія Сперанскаго. Казань. 1889 г. Ц. 25 к.
- Н. О.** Un Sacrifice. St. Petersburg. Prix. 1 г. 25 с.
- Папковъ, А. А.** Невольничество у мадьяръ. Спб. 1889 г. Ц. 20 к.
- Паскаль, Блезъ.** Мысли (Pascal.—Pensées). Съ предисловіемъ Превоспарадоля. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Перро.** Волшебныя сказки. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Пономаревъ, И. Н.** Живой товаръ (Изъ бердичевскихъ тайнъ). Романъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Порчинскій, У.** Насѣкомыя, вредящія плодовымъ садамъ въ Крыму. III. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Пузыревскій, генераль-майоръ.** Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго. Спб. 1889 г. Ц. 4 р.
- П. У. Б.** Противодѣйствіе Базиліанскаго ордена стремленію блага духовенства къ реформамъ русскої греко-уніатской церкви. Вильна. 1889 г. Ц. 60 к.
- Раевскій, Н.** Физическое земледѣліе. Вып. I. М. 1889 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Регель, А.** Типы теплицъ и аранжерей для сѣвернаго климата. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Реймеръ, Ю.** Наставленіе объ оплатѣ гербовнымъ сборомъ договоровъ о наймѣ квартиры и др. помѣщеній. Издан. 2-е, значительно дополнен. Спб. 1889 г. Ц. 20 к.
- Риверсъ, Т.** Культура плодовыхъ деревьевъ въ горшкахъ или кадкахъ. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Розовъ, А. И.** Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири. М. 1889 г. Ц. 1.
- Ровинскій, Д. А.** Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Съ 700 фототипными портретами. Четыре тома. Спб. 1886—1889 гг. Ц. за 4 тома 40 к.

- Руссія Древности въ памятникахъ искусства**, издаваемыхъ графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I. Классическія древности южной Россіи. Съ 145 рис. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи**. Вып. I. Подъ ред. Н. Харузина. М. 1889 г. Ц. 2 р.
- Сборникъ статей по фотографіи**. Подъ ред. В. И. Срезневскаго. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Святловскій, В.** Новости изъ области фабричной гигиѣны. Спб. 1889 г. Ц. 60 к.
- Сербиновичъ, Я. А.** Контръ-проектъ о бумажно-денежномъ нашемъ обращеніи. Кіевъ. 1889 г. Ц. 50 к.
- Симанскій, В. К.** Куда ѣхать на дачу? Петербургскія дачныя мѣстности въ отношеніи ихъ здоровья. Изд. 2-е. Вып. I. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Стасовъ, Ѳ. Г.** Святочные рассказы для дѣтей. Бѣднымъ помогаетъ Богъ. Одесса. 1889 г. Ц. 60 к.
- Стернь, А. В.** Три повѣсти. М. 1889 г. Ц. 1 р.
- * **Суворинъ, А. С.** Татьяна Рѣпина. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Сутугинъ, Сер.** Карриатуры любви. Спб. 1889 г. Ц. 75 к.
- Таганцевъ, Н. С.** Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г. Изд. 6-е, пересмотр. и дополи. Спб. 1889 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Тимаевъ, Н.** Посохъ христіанина. Отъ смерти до воскресенія мертвыхъ. Новгородъ. 1888 г. Ц. 80 к.
- Танъ, И.** Чтенія объ искусствѣ, пять курсовъ лекцій. Изданіе третье, исправленное. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- * **Федоровъ, В.** Абиссинія. Историко-географическій очеркъ. Съ тремя картами. Спб. 1889 г. 75 к.
- * **Фламаріонъ, К.** Общедоступная астрономія (Petite astronomie). Съ рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- * **Чеховъ, Антонъ.** Дѣтвора. Рассказы. (Дешевая бібліотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
- * **Чеховъ, Антонъ.** Рассказы. Изданіе второе. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Чубинскій, В.** Объ участіи моряковъ въ войнѣ съ Турціею 1877—1878 гг. Съ приложеніемъ карты. Спб. 1889 г. Цѣна 1 р. 20 к.
- Чудовскій, Д.** Описаніе русскихъ земскихъ почтовыхъ марокъ, конвертовъ и бандеролей. Кіевъ. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шаверновскій, Н. В.** Новая практическая метода изученія французскаго языка, приспособленная для русскихъ. Изд. 5-е, исправл. Спб. Ц. 30 к.
- Шведовъ, Н. К.** Чудесное спасеніе Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Августѣйшихъ дѣтей 17-го октября 1888 г. Чтеніе для войскъ и народа, съ картинами. Спб. Ц. 15 к.
- Шевченко, Т. Г.** Кобзарь. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р.
- Шеппингъ, Д. О.** Дохристіанское воззрѣніе чловѣка на смерть и загробную жизнь. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Шершеневичъ, Г. Ф.** Курсъ торговаго права. Т. I. Право матеріальное. Вып. 5-й. Казань. 1889 г. Ц. 1 р.
- Шопенгауеръ, А.** Эристика или искусство спорить. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Щегловъ, Д.** Исторія социальныхъ системъ. Т. II. Спб. 1889 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Эссъ Іу.** Рихардъ Вагнеръ и его трилогія «Кольцо Нибелунговъ» М. 1889 г. Ц. 1 р.
- Юрьевъ, С. А.** Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ. М. 1889 г. Ц. 60 коп.
- Языновъ, Д. Д.** Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. 5 й. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Ясинскій, М.** Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства. Изслѣдованіе. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

*) Изданіе А. С. Суворина.

ОТЪ САРАТОВСКОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ.

Саратовская ученая архивная комиссія въ ознаменованіе приближающагося трехсотлѣтняго юбилея Саратова постановила издать Сборникъ статей и матеріаловъ, относящихся до исторіи Саратовскаго края. Въ первомъ томѣ сборника предположено перепечатать безъ исключенія все, что писалось о краѣ отъ Геродота до 1700 года включительно, и затѣмъ въ этотъ же томъ войдутъ матеріалы и статьи, о краѣ, появившіеся въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, приобрѣтеніе которыхъ для бібліотеки комиссіи, или для каждаго изъ ея членовъ сопряжено, по ихъ рѣдкости, съ трудно устранимыми препятствіями. Во второмъ томѣ предполагается издать нѣсколько монографій по мѣстной исторіи.

Такъ какъ въ бібліотекѣ комиссіи и книгохранилищахъ Саратова не имѣется многихъ изъ тѣхъ матеріаловъ, которые необходимы для изданія «Саратовскаго Историческаго Сборника», то комиссія поручила мнѣ обратиться ко всѣмъ любителямъ старины съ покорнѣйшею просьбою: не оставить комиссію увѣдомленіемъ объ имѣющихся у нихъ рукописяхъ, рѣдко встрѣчающихся книгахъ и статьяхъ, а также и о всѣхъ другихъ матеріалахъ по археологіи, исторіи и этнографіи Саратовскаго края и затѣмъ ихъ высылкой во временное пользованіе комиссіи.

Комиссія будетъ искренно благодарна тѣмъ лицамъ, которые сообщеніемъ матеріаловъ окажутъ ей значительное содѣйствіе въ изданіи «Сборника».

Предсѣдатель Комиссіи, князь А. Голицынъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербурѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. **ВЪТЪЛЕВЪ ПЕР.**, д. 11—2

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

МАЙ, 1889.

СОДЕРЖАНІЕ.

М А Й, 1889 г.

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышь. (Историческій романъ). Гл. XXI—XXIV. Графа Е. А. Салиаса	257
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. IX и X. (Продолженіе).	276
III. Византійскій царь на московскомъ престолѣ. П. В. Безобразова	305
IV. Типы смутнаго времени. II. Рьяный нѣмецъ. П. Н. Полевого	322
V. За кулисами стараго театра. IX. Хозяйство театровъ. X. Членъ репертуарной части Волковъ и директоръ Майковъ. (Продолженіе). Е. Н. Опочинина	340
VI. Воспоминаніе объ императорѣ Николаѣ I. Д. А. Рощейна	356
VII. Столѣтіе журнальной дѣятельности Крылова. С. П. Тимоеева	365
VIII. Лейбъ-философъ князя Бисмарка. М. М. Филиппова	384
IX. Общественная жизнь въ Англіи въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Статья III. (Окончаніе). В. Р. Зотова	399
Иллюстраціи: Вечеръ охотничьяго дня.—Карикатура Каталани.—Каталани (портретъ).—Вокзалъ 1808 года.—Домашній концертъ.—Вальсъ 1810 года.—Выставка картинъ Морланда.—Мистрисъ Кларкъ, принимающая вышнихъ военныхъ и духовныхъ сановниковъ.—Каюційса герцогъ.—Констебли.—Позорный столбъ.	
X. Убѣгающій скифъ. Скульптура Л. В. Позена . (Съ пятью рисунками скифовъ и скифскихъ коней, снятыхъ съ никопольской и кульобской вазъ въ Эрмитажѣ). Пепю	419
XI. Критика и библиографія: Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. М. И. Сухомлинова . Томъ второй. Спб. 1889. С. Тр. — А. Незеленовъ . Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Спб. 1889. Е. П. —Библіотека греческихъ и латинскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. III. М. Туллій Цицеронъ . Выпускъ первый. Рѣчи противъ Катилины. Перевелъ съ латинскаго В. Алексѣевъ . Съ введеніемъ и примѣчаніями. Спб. 1888. А. Н. —Стихотворенія А. И. Полежаева съ биографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изданіе А. С. Суворина , подъ редакціей П. А. Ефремова . Спб. 1889. С. Тр. —Биографіи. Собралъ и дополнилъ А. Ф. Селивановъ . Пенза. 1889. В. З. —О Франціи. Статьи проф. В. И. Модестова . Спб. 1889. Б. Г.—снаго .—Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. П. Д. Перепелицына . 1888. А. Сиротинина .—Журналы комитета министровъ. Царствованіе императора Александра I . 1802—1826 гг. Т. I. 1802—1810 гг. Спб. 1888. Н. Др. —Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1886 годъ. Спб. 1888. С. Тр. —Монографіи городовъ Сувалкской губерніи, со свѣдѣніями о посадахъ Олята и Кибарты . Соч. И. И. Соневицкаго . Сувалки. 1883. М. Г.—снаго	427
XII. Заграничныя историческія новости	448
XIII. Изъ прошлаго. Автографъ князя Бисмарка	456
XIV. Смѣсь: Семисотлѣтняя годовщина великаго князя Георгія Всеволодовича .—Общее собраніе Русскаго Историческаго Общества.—Филологическое Общество.—Общество любителей древней письменности.—Общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—Возобновленіе Черниговскаго каедральнаго собора.—Перенесеніе праха полковника Панина .—Некрологи: А. К. Завадскаго-Краснопольскаго , Н. С. Стружкина , А. Ф. Вѣлецкой , Н. М. Пятницкаго , графа П. А. Шувалова , Т. П. Пассека	459
XV. Замѣтки и поправки: I. Нѣсколько словъ о происхожденіи названія « Волинь ». Вл. Боцяновскаго .—II. Откликъ на воспоминанія В. А. Милюткина. С. И. Баркъ-Петровскаго .—III. Къ воспоминаніямъ А. Я. Головачевой. В. И. Шенрона .—IV. А. Н. Дельсаль. А. Стоянова .—V. Къ портрету И. А. Крылова. Б. Б. Глинскаго	469
XVI. Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1888 году. Л. Н. Павленкова	481

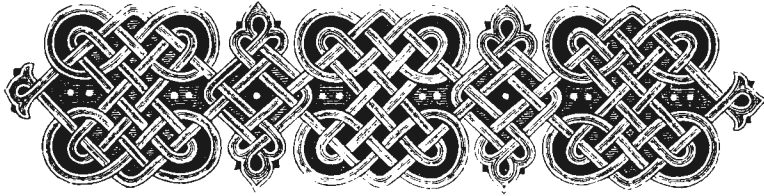
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **И. А. Крылова**. 2) Мазаниелло. Историческій романъ **Адольфа Глазера**. (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. IX—XI (съ шестью рисунками въ текстѣ). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «**Новаго Времени**» **А. С. Суворина**.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

Съ портрета, рисованнаго въ 1812 г. А. О. Орловскимъ.

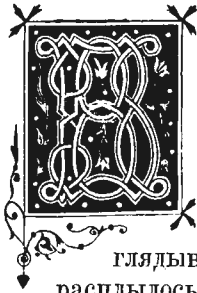
дозв. ценз. спб., 26 апреля 1889 г.

АРАКЧЕЕВСКИЙ ПОДКИДЫШЬ ¹⁾.

Исторический романъ.

XXI.

Есть день Шумский съ крайнимъ нетерпѣніемъ прождалъ своихъ пріятелей-секундантовъ. Наконецъ, въ десять часовъ, Квашнинъ и Ханенко явились. Шумский вышелъ къ нимъ навстрѣчу и пытливо приглядѣлся къ ихъ лицамъ, стараясь по нимъ поскорѣе узнать результатъ совѣщанія.

Къ его крайнему удивленію, Квашнинъ выглядывалъ весело и смѣшливо, а толстое лицо Ханенки расплылось въ одну веселую усмѣшку, какъ если бы онъ пріѣхалъ изъ театра, гдѣ прохоталъ цѣлый вечеръ.

— Что такое?—воскликнулъ Шумский, совершенно теряясь въ догадкахъ.

Квашнинъ пожалъ плечами и усмѣхнулся, а Ханенко захоталъ на всю квартиру густымъ басомъ и промолвилъ:

— Чортъ въ ступѣ! Вотъ что, Михаилъ Андреевичъ! Стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а ничего такого не приключится.

— Дратся согласенъ?—выговорилъ Шумский, чтобы скорѣе узнать главное.

— Согласенъ! согласенъ!—заговорили оба.

— Слава Богу!

— Да вы не согласитесь,—прибавилъ Ханенко.

¹⁾ Продолженіе. См. «Исторический Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 5.

«истор. вѣстн.», май, 1889 г., т. XXXVI.

Когда всё трое прошли въ кабинетъ и усѣлись, Квашнинъ заговорилъ, рассказывая о свиданіи съ Мартенсомъ и Биллингомъ, но началъ тянуть, вдаваясь въ загадочныя подробности. Ханенко перебивалъ Квашнина, вставляя разныя шуточки. Шумскій понялъ по всему, что дѣло принимаетъ какой-то забавно замысловатый оборотъ.

— Не томите меня!—выговорилъ онъ.— Скажите сразу, чего они хотятъ.

— Позвольте, въ двухъ словахъ скажу! — воскликнулъ Ханенко.

И капитанъ кратко и сжато изложилъ суть дѣла: такъ какъ съ одной стороны Фонъ-Энзе далъ честное слово не драться съ Шумскимъ и не можетъ измѣнить данному слову, и такъ какъ съ другой стороны онъ находитъ необходимымъ и всей душой желаетъ выйти на смертельный бой съ соперникомъ, то вопросъ дѣлается неразрѣшимымъ. И приходится ухитряться, чтобы выйти изъ затрудненія. Поэтому секунданты предлагаютъ особаго рода поединокъ, при которомъ Фонъ-Энзе и Шумскій драться, собственно говоря, не будутъ. Соперники и ихъ секунданты соберутся въ одно мѣсто, при чемъ добудутъ какого-нибудь восьмилѣтняго ребенка и дадутъ ему серебряный рубль въ руки. Каждый изъ соперниковъ выберетъ орель, или рѣшетку. Ребенокъ три раза подброситъ рубль и только третій разъ будетъ считаться. Тотъ кто проиграетъ, обязанъ въ тотъ же вечеръ застрѣлиться самъ.

Шумскій, выслушавъ все, разсмѣялся.

— Умно! Хитро! Вовсе не глупо! И, дѣйствительно! Дѣйствительно! Всякаго иного поединка. По крайности одинъ непременно на тотъ свѣтъ отправится. Только вотъ что... русскому человѣку на эдакое идти мудрено.

— Вотъ и мы тоже сказали,—замѣтилъ Квашнинъ.

— А я даже сказалъ, Михаилъ Андреевичъ,—прибавилъ Ханенко,—что я три раза готовъ драться на всякомъ оружій, хоть на ружьяхъ, или на топорахъ, а на этакій поединокъ не пойду. Другой меня убьетъ, я тутъ, такъ сказать, не грѣшень, а самоубійцей быть грѣхъ.

— Грѣхъ грѣхомъ,—отозвался Квашнинъ,—и то, и другое—равно грѣхъ. Я совсѣмъ съ другой стороны смотрю. Обыкновенный поединокъ естественнѣе. Тамъ я всячески стараюсь ненавистнаго мнѣ человѣка похерить. Оно въ нѣкоторомъ смыслѣ даже удовольствіе доставляетъ. Можно забыть, что самъ въ опасности. А тутъ извольте стараться для другого, для этого самаго ненавистнаго человѣка. Извольте стараться его отъ себя избавить. Совсѣмъ какъ-то несообразно выходить. Чепуха!

— Нѣтъ,—задумчиво отозвался Шумскій,—не чепуха! Оно умно! Я объ этакихъ поединкахъ слыхалъ. Оно даже очень не глупо.

Только, по правдѣ сказать, я на это не могу идти. Мнѣ даже кажется, что никакой русскій человѣкъ на это не пойдетъ.

— Ну вотъ мы такъ и сказали,—воскликнулъ оживляясь Квашнинъ.—Мы сказали, что ты на это не согласишься.

— Чѣмъ же вы кончили?

— А вотъ пускай капитанъ рассказываетъ. Онъ тоже отличную штуку выдумалъ. И отказаться имъ нельзя.

— Что такое?—оживился Шумскій.

— А вотъ извольте видѣть,—заговорилъ Ханенко.—Въ чемъ вся сила? Въ чемъ затрудненіе? Такъ какъ вся сила въ томъ, что господину улану нужда, чтобы «и овцы были цѣлы и волки сыты» хочетъ онъ драться на поединкѣ и въ то же время хочетъ сдержать честное слово, данное въ томъ, чтобы ни за что не драться. Я имъ и предложилъ передать г. Фонъ-Энзе, что, если они что выдумали заморское, что есть и не есть поединокъ, дуэль, то у насъ на Руси еще съ Павловскихъ временъ, а то, почитай, и съ Екатерининскихъ, есть своего рода дуэль. Въ армейскихъ полкахъ на Украинѣ, то и дѣло, слышно, такія бываютъ. Кто это выдумалъ, не знаю. Можетъ и русскій человѣкъ, а, можетъ, тоже обычай изъ за моря привезенъ. Слыхали вы, Михаилъ Андреевичъ, про кукушку?

— Кукушка!—выговорилъ Шумскій.—Что-то такое знакомое, а что, право, не припомню.

— Кукушка, извольте видѣть,—продолжалъ Ханенко,—не есть, собственно говоря, дуэль, а есть игра. Понятное дѣло такая игра, въ которую не дѣти играютъ, а взрослые, всего больше офицеры. И въ такихъ мѣстахъ устраиваютъ это игру, или зрѣлище, гдѣ нѣтъ никакихъ развлеченій. Полагаю я, спяна, да съ тоски, когда полкъ стоитъ въ какой-нибудь труппѣ и выдумали гг. офицеры эту кукушку и себя и товарищей потѣшать. Но такъ какъ г. Фонъ-Энзе честное слово мѣшаетъ драться съ вами по образу и подобію людей благовоспитанныхъ и трезвыхъ, то иного исхода нѣтъ. Надо согласиться на кукушку.

— Стойте! Вспомнилъ!—воскликнулъ Шумскій, вставая.—Это въ темной комнатѣ «ку-ку» кричать?

— Точно такъ-съ.

— Знаю, слышалъ. Ну что же? Отлично! Вотъ это пороссійски! Это получше, чѣмъ ихъ орель и рѣшетка. На это я съ удовольствіемъ пойду. Это, пожалуй, много веселѣе и забавнѣе.

И Шумскій сталъ среди комнаты и крикнулъ пронзительно:

— Ку-ку!

Въ ту же минуту Ханенко хлопнулъ въ ладоши и крикнулъ:

— Трахъ!

И всѣ трое разсмѣялись, хотя Квашнинъ разсмѣялся не вполне искренно. На лицѣ его было написано смущеніе.

— Ну, что же они отвѣчали?—спросилъ Шумскій снова садясь.

— Очень были нѣмчуры озадачены. Г. баронъ Биллингъ заявилъ, что такой образъ дѣйствій, конечно, нельзя считать поединкомъ, а очень опасной нелѣпицей. А Мартенсъ сказалъ, что считаетъ такого рода сраженіе только къ лицу пьянымъ армеутамъ, а не гвардейскимъ офицерамъ. На это мы ему замѣтили, что въ Петербургѣ много разъ бывала кукушка, да надо полагать и впередъ будетъ. Тутъ, по крайности, самоубійства нѣтъ и глупая индѣйка судьба—никакого дѣйствія не имѣетъ. А что такое—ребенокъ будетъ рубль серебромъ подъ потолокъ бросать. Глупость! А тутъ не малая смѣлость тоже нужна. Кто дрался, сказываетъ, что когда приходится кричать «ку-ку», то совсѣмъ бываетъ языкъ прилипъ къ кортани, а голосъ дражѣ какъ въ лихорадкѣ.

— Но все-таки,—заговорилъ Квашнинъ,—они оба порѣшили, что Фонъ-Энзе согласится на этотъ поединокъ, такъ какъ иного исхода нѣтъ. Мартенсъ заявилъ что считаетъ «кукушку» дикой выдумкой трущобныхъ армейскихъ офицеровъ, которая, смотря по условіямъ, или бойня или балаганъ, и что его другъ на балаганство не пойдетъ. Слѣдовательно надо обсудить и обдумать всѣ подробности заранее.

— Конечное дѣло!—воскликнулъ Шумскій.—Вы жару и надайте. Не бось, у насъ изъ голубушки кукушки—комедіи не выйдетъ. Что они ни пожелаютъ, я заранее на все согласенъ, а вамъ даю полномочіе устроить такъ, чтобы одинъ изъ двухъ остался на мѣстѣ. Бой на смерть, а не на потѣху столицы.

— Кукушка—вещь чудесная,—выговорилъ, какъ бы смакуя, Ханенко.—Благородная вещь! А не ихъ дурацкая выдумка самого себя убивать. Да и условія простыя: кричать и палить.

— Надо все-таки подумать и что-нибудь забористое надумать,—сказалъ Шумскій угрюмо.—Я простой «кукуши» не хочу. Кончимъ ни чѣмъ—бѣда. Да и срамъ.

— Какую же вы хотите?—спросилъ капитанъ.

— По вашему крикнулъ разъ, да и выпалилъ разъ! Нѣтъ капитанъ. Я на это не пойду. Да и Фонъ-Энзе не пойдетъ. Это въ самомъ дѣлѣ балаганъ будетъ, комедія.

— Чего же вы еще желаете?—удивился Ханенко.—Ну, пожалуй повторить можно, хоть до трехъ разъ садитесь.

— Нѣтъ садитесь одинъ разъ, а имѣть съ собой за разъ три пистолета, по малой мѣрѣ два. Вотъ я какъ желаю. И чтобы времени было дано съ четверть часа, а то и больше. Вотъ что-съ. И затѣмъ хочу я, что коли у насъ будетъ у каждаго по два выстрѣла, то «ку-ку» кричать по одному разу и сейчасъ двигаться съ мѣста на удачу!

— Это же зачѣмъ!?—воскликнули оба пріятели.

— Ну, ужъ это мое дѣло!

— Скажите! Мы же знать должны,—заявилъ Ханенко.—У насъ они спросятъ объясненія вашего требованія.

— Извольте. Я хочу, чтобы послѣ этихъ, такъ сказать, подаваній голоса, наступилъ благодушный покой и миръ. «Тишь да гладь, да Божья благодать». А чтобы на эту тишь, да гладь, былъ у меня лишній выстрѣлъ въ запасѣ. Понятно, и у него тоже! Когда я его въ темнотѣ розыщу, тогда и шаркну въ упоръ. Хоть четверть часа прошарю! Поняли?

Квашнинъ не понялъ сразу, но хитрый хохоль сообразилъ тотчасъ же въ чемъ дѣло, промычалъ и почесалъ за ухомъ.

— Понимé!..—протянулъ онъ.—Ловко, Михайлъ Андреевичъ! Это вамъ кто-нибудь рассказывалъ, или сами надумали?

— Самъ!—разсмѣялся Шумскій.

— Ловко! Ей-Богу. Это стало быть, когда наступить тишь да гладь, то распространится въ горницѣ сильнѣйшій и противнѣйшій запахъ.

— Какой?—удивился Шумскій.

— Смертью запахнетъ!

— Это вѣрно, капитанъ.

— Да. И даже очень сильно пахнуть будетъ матушкой смертью, одному изъ двухъ, а то и обоимъ. Это уже, стало быть, ваше собственное сочинительство, такъ сказать, усовершенствованіе обыкновенной кукушки. Пожалуй, что они на это не пойдутъ!

— Увидите, не посмѣютъ не пойти!—вскрикнулъ Шумскій.— Они вамъ чтó толковали. Не хотятъ быть посмѣшищемъ на весь городъ. Поэтому и надо намъ не срамить російскаго изобрѣтенія. Нѣмцы говорятъ, что это балаганъ. Ну, вотъ, благодаря моему усовершенствованію, балагана и не будетъ. Или его, или меня, за ноги вытащутъ, либо мертвымъ, либо чуть живымъ.

Объяснившись еще подробнѣе ради своихъ полномочій, секунданты обсудили всевозможныя мелочи. Обсудили даже тѣ возраженія, которыя могутъ представить Биллингъ и Мартенсъ.

Поздно вечеромъ пріятели Шумскаго уже собрались уѣзжать, когда Ханенко вдругъ треснулъ себя по лбу и воскликнулъ:

— Ай, да гуси мы! Нечего сказать! Главное и позабыли!.. Да и нѣмцы тоже забыли.

— Чтó такое?—удивился Шумскій.—Пистолеты? такъ надо новые. Одну пару пусть выберетъ и купитъ Фонъ-Энзе, а другую—я. Берите деньги. Поѣзжайте завтра утромъ и купите.

— Какіе пистолеты! — отозвался Ханенко.— Объ этомъ я думалъ. Ихъ купить не долго!

И обернувшись къ Квашнину, капитанъ выговорилъ:

— А гдѣ же будетъ кукушка-то? У васъ что ли на квартирѣ, Петръ Сергѣевичъ, или у меня въ спальнѣ?

И онъ разсмѣялся.

— Вѣрно!—отозвался Квашнинъ.—Главное забыли! Надо будетъ объ этомъ подумать за ночь, а завтра имъ обоимъ передадимъ. Можетъ, они найдутъ.

— Какъ бы изъ-за этого помѣхи не было,—задумчиво произнесъ Шумскій.—Нужна большая горница. Я тоже подумаю и если надумаю, то тебѣ, Квашнинъ, рано утромъ напишу.

И пріятели стали прощаться.

Выходя уже въ переднюю и накидывая шинели, Ханенко вдругъ обратился къ Шумскому.

— Михайлъ Андреевичъ! Еще одинъ вопросикъ. Отвѣчайте мнѣ пожалуйста, да не сразу, а такъ подумавши маленько.

— Извольте. Что такое?—удивился Шумскій.

— А вотъ что. Нельзя ли вамъ съ уланомъ не драться...

— Какъ?... Я не понимаю...

— Да такъ... Помириться что ли, или такъ плюнуть и бросить.

— Христось съ вами, капитанъ!

— И слава Богу, что Онъ со мной! Я вамъ дѣло говорю. Вѣдь разъ уже совсѣмъ собрались драться, а дѣло уладилось. Ну и теперь можно уладить!

Шумскій грубо и жолчно разсмѣялся.

— Хорошо оно тогда уладилось, нечего сказать! Уладилось тѣмъ, что негодяй нанесъ мнѣ новое оскорбленіе, крикнувъ мнѣ въ трактирѣ, что я не родной сынъ, а подкидышъ Аракчеевскій, да при этомъ же повторилъ свой отказъ драться съ подкидышемъ. Хорошо уладилось! Нѣтъ, вы, капитанъ, будьте капитаномъ и судите, какъ офицеръ, а не какъ барышня какая!

— Ну, ладно, ладно! Не сердитесь,—пробурчалъ Ханенко.

XXII.

На другой же день около полудня на квартирѣ Мартенса произошло совѣщаніе четырехъ секундантовъ. Продолжалось оно довольно долго и обсуждалась подробно всякая мелочь. Оба улана приняли предложеніе секундантовъ Шумскаго. Они не согласились только на три выстрѣла, мотивируя это совершенно логично тѣмъ, что нельзя человѣку держать въ рукахъ три пистолета.

Было положено главнымъ основаніемъ, чтобы каждому изъ поединщиковъ кричать «ку-ку» одинъ разъ, при чемъ выстрѣлъ противника долженъ послѣдовать мгновенно. Но затѣмъ на второй выстрѣлъ время не опредѣлялось. А это условіе имѣло громадное значеніе, дѣлая поединокъ смертельнымъ. Однако, по предложенію Биллинга, второй выстрѣлъ долженъ былъ все-таки послѣдовать не позже, какъ черезъ четверть часа послѣ перваго.

— Ну-съ, теперь почти главный вопросъ,—выговорилъ Кваш-

нинъ. — Гдѣ будетъ кукушка? Вамъ извѣстно, что ни у кого изъ насъ нѣтъ подходящей квартиры.

— Я объ этомъ уже думалъ, — заявилъ Мартенсъ. — И если вы согласитесь, то помѣщеніе уже готово, обѣщано и въ нашемъ распоряженіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ намъ необходимъ будетъ, такъ сказать, суперъ-арбитрумъ, то владѣлецъ помѣщенія, любезно предложившій его Фонъ-Энзе и мнѣ, можетъ быть и выбранъ нами въ должность главнаго судьи.

— Кто же такой? — спросилъ Квашнинъ. — Вы согласитесь, что это вопросъ довольно важный: гдѣ будетъ дуэль и кто будетъ этотъ третейскій судья.

— Это знакомый г. Шумскаго и вашъ — гусаръ Безсоновъ.

— Отлично! — воскликнулъ Ханенко.

— Нельзя лучше, — добавилъ Квашнинъ. — Я знаю его квартиру. У него отличная зала. Что касается его самого, то это — человѣкъ рѣзкій и грубый въ обиходѣ и въ обращеніи, но человѣкъ пользующійся примѣрной репутацией. По крайней мѣрѣ, если случится какое несчастіе, то не будутъ врать, не будетъ сплетень. Всякій, зная, что Безсоновъ былъ главнымъ распорядителемъ и судьей, поневолѣ повѣритъ, что все обошлось честно и порядливо.

— Ну вотъ и отлично, — сказала Мартенсъ. — Такъ я дамъ знать Безсонову, что мы принимаемъ его услуги: помѣщеніе и третейство.

Секунданты разстались съ тѣмъ, чтобы поговоривъ съ поединщиками снова и въ случаѣ ихъ согласія встрѣтиться вечеромъ у Безсонова. Разумѣется, черезъ часъ послѣ этого Мартенсъ и Биллингъ толковали съ Фонъ-Энзе, а Квашнинъ и Ханенко съ Шумскимъ.

Поединщики согласились каждый съ своей стороны, но Шумскій прибавилъ, что онъ много думалъ и рѣшилъ въ послѣднюю минуту предложить Фонъ-Энзе лично третій выстрѣлъ.

— Ему стыдно будетъ при всѣхъ отказаться. А ты, Петя, шепни Безсонову на ушко, чтобы онъ заготовилъ третью пару пистолетовъ. По собственному выбору парочку, такъ сказать, третейскую.

— Что же вы третій-то пистолетъ въ зубы, что ли, возьмете?

— Зачѣмъ въ зубы? — разсмѣялся Шумскій. — Вѣдь мы будемъ не въ костюмѣ праотца Адама! Третій можно за поясъ заткнуть.

— Вѣрно! — отозвался Ханенко и прибавилъ: — Этакъ, пожалуй, вы его за поясъ и заткнете. Не пистолетъ, а улана.

— Почему же вы такъ думаете? Выгоды однѣ. И у него будетъ за поясомъ третій выстрѣлъ.

— Такъ-то такъ, Михаилъ Андреевичъ! Да вы превосходите его дерзостью.

— Тутъ дерзостью ничего не подѣлаешь! Хладнокровіемъ скорѣе побѣдишь! А Фонъ-Энзе — нѣмецъ, значитъ хладнокровный.

Уже вечеромъ, по пути въ квартиру Безсонова, Ханенко послѣ

молчанія вдругъ обернулся къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ на извозчикѣ Квашнину и выговорилъ:

— Петръ Сергѣевичъ! А вѣдь этакъ, знаете, можетъ выйти два покойника.

— У насъ съ вами, капитанъ, однѣ мысли. Я тоже, ѣдучи, сейчасъ додумался до этого. Нашъ азартенъ, а тотъ малый тоже не дрянной. Нѣмецъ серьезный! Парень хладнокровный! Оба они «себѣ на умѣ». И такъ подсидаютъ другъ дружку, что какъ разъ оба вмѣстѣ на тотъ свѣтъ отправятся!

Уже подѣхавъ къ квартирѣ Безсонова, Ханенко, звоня у подъѣзда большого барскаго дома, выговорилъ:

— А что, Петръ Сергѣевичъ, да коли оба живы останутся и оба невредимы, что тогда будетъ?

— Тогда, капитанъ, совсѣмъ ужъ чортъ знаетъ что будетъ. Этимъ двумъ парнямъ нельзя вмѣстѣ на свѣтѣ оставаться. Тогда, знаете ли, какой есть единственный благополучный исходъ?

— А нешто есть?! — воскликнулъ Ханенко полусхутя.

— Есть...

— Какой?

— Чтобы баронесса Нейдшильдъ померла.

— Вѣрно, Петръ Сергѣевичъ! И даже прехитро придумано!

— Ну, а покуда она жива, то имъ двумъ, капитанъ, придется сѣзнова начинать и намъ съ вами тоже.

— Такъ, стало быть, Петръ Сергѣевичъ, пойдетъ пальба до второго пришествія?

— Зачѣмъ! Будетъ пальба до перваго отшествія, — угрюмо пошутилъ Квашнинъ.

Секунданты, съѣхавшіеся въ квартиру гусара Безсонова, нашли хозяина въ такомъ расположеніи духа, что всѣ четверо тайно, или мысленно, удивились. Ханенко не вытерпѣлъ и, дернувъ товарища за фалды, выговорилъ ему на ухо:

— Что, Безсоновъ-то, имянинникъ, что ли?

Квашнинъ чуть-чуть не разсмѣялся вслухъ.

Дѣйствительно, Безсонова узнать было нельзя. Казалось, что ему доставляетъ величайшее наслажденіе тотъ неожиданный сюрпризъ, что у него на квартирѣ произойдетъ кукушка, которой уже давно не бывало въ Петербургѣ.

Всѣ четыре секунданта были угрюмы, такъ какъ для той и другой стороны дѣло шло о близкомъ челоѣкѣ — пріятелѣ. Насколько Квашнинъ и Ханенко любили Шумскаго, настолько же Мартенсъ и Биллингъ любили товарища по полку — Фонтъ-Энзе. Одинъ Безсоновъ сіялъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ четверо понимали и чуяли, что поединокъ будетъ серьезный. Выраженіе Мартенса, что кукушка или бойня, или балаганъ — было совершенно вѣрно.

Хотя не проходило году, чтобы гдѣ-нибудь въ провинціи не было дуэли «на ку-ку», но надо сказать, что, болѣею частію, эти кукушки кончались ничѣмъ. Отсюда многіе считали этотъ поединокъ, неизвѣстно кѣмъ и когда выдуманнй на Руси, скорѣе опасной и глупой забавой, нежели серьезнымъ поединкомъ. Съ другой стороны иногда кукушка обставлялась такъ, что становилась столь же серьезной, какъ и дуэль въ двухъ шагахъ разстоянія или черезъ платокъ.

Условія и подробности, принятыя теперь обѣими сторонами по поводу поединка были настолько строги и опасны, что секунданты имѣли право считать заранѣе одного изъ двухъ поединщиковъ обреченнымъ на смерть, а, можетъ быть, и болѣе того... обоихъ!

Безсоновъ былъ очень польщенъ, когда секунданты сторонъ объявили ему, что единогласно и съ согласія поединщиковъ просятъ его взять на себя роль суперъ-арбитра на случай какихъ-либо недоразумѣній или пререканій.

Когда Мартенсъ и Квашнинъ изложили Безсонову подробно всѣ условія дуэли, то Безсоновъ на минуту перемѣнился. Лицо его стало нѣсколько озабоченнѣе.

— Да, — выговорилъ онъ, — это, стало быть, въ серьезъ! Ну, что же, не наше дѣло! Да и по правдѣ говоря, господа, взаимное положеніе гг. Шумскаго и Фонъ-Энзе таково, что другого исхода нѣтъ. Какъ же, помилуйте! Два человѣка въ одинъ и тотъ же день празднуютъ побѣду. И тотъ, и другой въ одинъ день объявляютъ имя невѣсты и оказывается одно и то же имя. Этакого я думаю въ Петербургѣ съ основанія его не бывало. Тутъ другого нѣтъ исхода. Приходится не два одинаковыхъ церковныхъ торжества устраивать, а два разныхъ: погребеніе и вѣнчаніе.

Обсудивъ все, рѣшивъ, гдѣ и какіе будутъ куплены пистолеты обѣими сторонами, секунданты и хозяинъ перешли къ вопросу не меньшей важности: къ устройству квартиры.

Безсоновъ всталъ и повелъ всѣхъ въ свою залу.

— Вотъ-съ!—выговорилъ онъ, махнувъ рукой на обѣ стороны.— Лучше ничего не выдумать! Устройствомъ я займусь съ вечера же. Всю ночь проработаю, а завтра въ полдень будетъ все готово. Надо спѣшить, потому что сегодня въ Кавалергардскомъ полку въ офицерской компаніи уже былъ слухъ объ новой кукушкѣ въ столицѣ. Если мы протянемъ время, весь Петербургъ узнаетъ и тогда ничего не будетъ. Дойдетъ до свѣдѣнія графа Аракчеева и онъ вступится. Можетъ запретить Шумскому драться. А я полагаю, это будетъ очень и очень ему неприятно!

— Кому?—выговорилъ холодно Мартенсъ.

— Шумскому.

— А Фонъ-Энзе?

— Ну, и Фонъ-Энзе! — отозвался Безсоновъ.

— Что значить это «ну, и?»—еще холоднѣе проговорилъ Мартенсъ.

— Ничего. Вы, я вижу, обидѣлись за своего друга. Напрасно! Я къ обоимъ отношусь равно, но полагаю, что въ случаѣ запрещенія Аракчеева, Шумскому будетъ непріятнѣе, нежели Фонъ-Энзе, такъ какъ запрещеніе это будетъ имѣть видъ заступничества за него противъ Фонъ-Энзе. Вѣдь согласитесь, вступившись въ дѣло, военный министръ не за Фонъ-Энзе будетъ стараться! Да еще въ Питерѣ не вѣсть что могутъ выдумать. Приврутъ, что Шумскій самъ довель все до свѣдѣнія Аракчеева, чтобы избавиться отъ кукушки! Мало ли на какую гадость пойдутъ злые языки! Вотъ я и говорю, что Шумскому будетъ непріятно и, конечно, непріятнѣе, чѣмъ Фонъ-Энзе. Довольны ли вы моимъ объясненіемъ?

— Совершенно доволенъ!—отозвался Мартенсъ нѣсколько мягче.

И, протянувъ руку хозяину, онъ прибавилъ:

— Извините меня!

Хозяинъ и гости обошли всю залу, въ которой было сажень пять въ длину, сажени четыре ширины и сажени три въ вышину. Убранство комнаты было довольно простое. Стулья и скамьи, обитые штофомъ, по стѣнамъ и большія гардины на окнахъ, да люстра по срединѣ. Но при этомъ въ простѣнкахъ были высокія зеркала, а на одной изъ стѣнъ—огромное зеркало, аршина въ три ширины и аршинъ пять въ вышину.

— Вотъ это все уберется!—выговорилъ Безсоновъ.—Ну, а этимъ, дѣлать нечего, я жертвую, показавъ онъ на большое зеркало. Его снять нельзя! Это провозишьса цѣлыя сутки! А помѣшать оно не можетъ.

— А ставни есть развѣ у оконъ?—замѣтилъ Квашнинъ.

— Понятно есть,—отозвался хозяинъ.—Кабы не было ставень, такъ нешто бы я брался къ завтрашнему полудню все приготовить! И доложу вамъ, что ставни такія, какъ если бы прямо готовили ихъ въ предвѣдѣніи, что въ залѣ этой будетъ кукушка!

И Безсоновъ весело разсмѣялся.

— Милости просимъ ко мнѣ завтра пораньше утромъ осмотрѣть все ли въ порядкѣ и если что окажется, берусь тотчасъ исправить.

Гости перешли снова въ кабинетъ хозяина, усѣлись и ради приличія завели разговоръ о постороннихъ предметахъ, прежде чѣмъ разстаться. Но такъ какъ бесѣда эта не клеилась, ибо два улана съ одной стороны, а Квашнинъ и Ханенко съ другой, были все-таки настроены враждебно, то всѣ, выпивъ по стакану чая, поднялись.

Уланы простились и вышли первые. Когда хозяинъ вернулся, то Квашнинъ передалъ ему просьбу Шумскаго имѣть про запасъ одну лишнюю новую пару пистолетовъ.

— Нехорошо, Петръ Сергѣевичъ, что вы это мнѣ теперь гово-

рите! Надо было это сказать при нихъ,—замѣтили добродушно Безсоновъ.—Надо все начистоту. Это все-таки, воля ваша, какъ бы маленькій заговоръ съ вашей стороны. А я, какъ вамъ извѣстно, долженъ быть безпристрастенъ къ обѣимъ сторонамъ. Впрочемъ, дѣло это устроивается само собой. Умысла никакого съ моей стороны не будетъ, такъ какъ пара великолѣпнѣйшихъ пистолей прямо изъ Праги у меня есть.

Черезъ нѣсколько мгновеній секунданты Шумскаго тоже спустились съ подѣзда дома Безсонова и сѣли на извозчика.

— Да!—проговорилъ Ханенко глубокомысленно.— Въ этой самой залѣ, полагательно никогда не бывало о сю пору такихъ танцевъ, какой отплянуть завтра Шумскій съ Фонъ-Энзе. Почтище всякаго ригодона или контреданца.

И вдругъ Ханенко прибавилъ другимъ тономъ:

— Чудится мнѣ, что не сдобровать нашему Михаилу Андреевичу, а нѣмецъ треклятый останется невредимъ.

— Типунъ вамъ на языкъ!—досадливо отозвался Квашнинъ.

XXIII.

Однако на другой день поединку не суждено было состояться. Квашнинъ и Ханенко, явившись въ десять часовъ къ Шумскому, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ гусару Безсонову, не нашли его дома.

Шваньскій объяснилъ, что въ Петербургъ пріѣхалъ чуть свѣтъ графъ Аракчеевъ и вызвалъ Шумскаго къ себѣ.

Оба пріятели не усумнились на минуту, что слухъ о кукушкѣ достигъ, или вѣрнѣе выразиться, доскакалъ до Грўзина и заставилъ Аракчеева явиться помѣшать дуэли сына, или пріемыша. Они тѣмъ болѣе повѣрили этому, что Шваньскій клялся, что тому назадъ дня три въ Грўзинѣ никто и не помышлялъ о поѣздкѣ графа въ Петербургъ.

Очевидно, что Аракчеевъ выѣхалъ вдругъ, неожиданно, вследствие какой-нибудь особой причины. Шваньскій былъ того же мнѣнія, что нѣчто чрезвычайное побудило графа прискакать. Разумѣется, Иванъ Андреевичъ радовался, что Аракчеевъ помѣшаетъ поединку, о которомъ онъ зналъ отъ Шумскаго.

— Нѣтъ! Не помѣшаетъ! — сказалъ Квашнинъ, потряхнувъ головой.— Не на такого попалъ! Теперь не состоится, позже будетъ!

Шумскій, разбуженный въ семь часовъ и вытребованный Аракчеевымъ, точно также отправился къ нему убѣжденный, что слухи о кукушкѣ дошли уже до Грўзина. Между тѣмъ это предположеніе казалось почти невѣроятнымъ по краткости времени. Аракчеевъ могъ узнать все только въ одномъ случаѣ, если бы Шумскій самъ послалъ къ нему верхового гонца тотчасъ по прибытіи.

Теперь Шумскій боялся какъ бы эту клевету не взвели на него. Можно было заподозрить въ доносѣ о кукушкѣ не кого-либо другого, кромѣ участвующихъ. Шумскій невольно подозрѣвалъ Мартенса и Биллинга, не считая Фонтъ-Энзе на это способнымъ.

«Точно также, думалось ему, они могутъ заподозрѣвать еще съ большей вѣроятностью его самого, или Квашнина и Ханенко».

И, ѣдучи къ Аракчееву, Шумскій заключилъ свои мысли всегдашнимъ заключеніемъ:

— Чортъ бы тебя побралъ, дуболома!

На этотъ разъ Аракчеевъ остановился не во дворцѣ, а въ своемъ домѣ на Литейной. Этотъ низенькій, одноэтажный, сѣроватаго цвѣта деревянный домъ былъ также извѣстенъ въ Петербургѣ, какъ и Зимній дворецъ.

Присутствіе въ немъ Аракчеева становилось тотчасъ же извѣстнымъ на всю столицу и имѣло свои разнообразнѣйшія послѣдствія. Между прочимъ, присутствіе на Литейной какого-либо офицера становилось рѣдкостью. Ни одинъ военный не отваживался идти, или ѣхать, безъ крайней нужды мимо окошекъ маленькаго дома. Всякій офицеръ считалъ болѣе безопаснымъ дать крюкъ и проѣхать другими улицами.

Затѣмъ присутствіе Аракчеева ознаменовывалось, конечно, массой экипажей, которые съ утра до сумерокъ подъѣзжали, отъѣзжали и сновали около подъѣзда.

На этотъ разъ собравшихся начальственныхъ лицъ было очень много и Шумскій, явившись къ девяти часамъ, сидѣлъ въ ожиданіи явиться къ графу, волнуясь и досадливо гадая о томъ, что побудило графа прискакать вдругъ въ столицу. Имѣетъ ли наконецъ этотъ пріѣздъ отношеніе къ его поединку?

Эта мысль смущала молодого человѣка и бѣсила. И ожидая каждую минуту быть вызваннымъ, Шумскій просидѣлъ такъ до трехъ часовъ.

«За какимъ чортомъ,—думалъ онъ,—нужно было меня вызывать чуть свѣтъ, чтобы принять въ сумерки? Только ты, идолъ, можешь эдакую штуку выдумать!»

Наконецъ, около трехъ часовъ, Шумскій былъ позванъ въ маленькій кабинетъ графа. Совершенно машинально, не подумавъ, или озабоченный другими мыслями, Шумскій, какъ бывало всегда, во время оно, подошелъ прямо къ графу и нагнулся поцѣловать обшлагъ рукава. Аракчеевъ, догадавшись, отстранилъ его и произнесъ:

— Не мудри; то такъ, то сякъ! Коли пересталъ относиться ко мнѣ, какъ къ родному отцу, то такъ пусть и будетъ!

И, помолчавъ, графъ заговорилъ:

— Я пріѣхалъ неожиданно вызванный государемъ. Пробуду дня два и опять ѣду въ Грузино, поэтому я хочу, не теряя времени

заняться твоей судьбой. Я такъ разсудилъ, что чѣмъ скорѣй ты женишься, тѣмъ скорѣй остепенишься. Не надо время терять, поэтому я послалъ сейчасъ сказать барону Нейдшильду, что прошу его быть у меня завтра утромъ, ради объясненія. Я самъ тебя сватать буду! Будь и ты завтра съ девяти утра здѣсь.

Шумскій озабоченно насупился и произнесъ глухо:

— Я опасуюсь, что баронъ приметъ все не такъ, по своему... Онъ очень гордъ... Хотя ваше положеніе и много выше его, но вѣдь это дѣло частное. Въ качествѣ стороны жениха вамъ поневолѣ подобало бы отправиться къ барону, а не его вызывать.

Аракчеевъ поднялъ глаза на молодого человѣка и улыбнулся.

— Это только ты такую ахинею можешь въ голову забрать! Стало быть, если государь императоръ будетъ женить кого-либо изъ своихъ на какой-нибудь германской принцессѣ, то побѣдетъ тоже толкаться по мелкимъ герцогскимъ дворамъ! Если бы я былъ такая же чумичка, какъ твой чухонскій баронъ, то можетъ быть по свѣтскимъ приличіямъ побѣхалъ бы первый къ нему. Но такъ какъ я—графъ Аракчеевъ—то для него великая честь, если я буду твоимъ сватомъ.. Ступай и будь здѣсь завтра утромъ!

Шумскій вышелъ и полетѣлъ домой, обрадованный однимъ и озабоченный другимъ. Онъ радъ былъ, что графъ не знаетъ ни слова объ его поединкѣ, такъ какъ не заговорилъ съ нимъ объ этомъ. Съ другой стороны онъ былъ озабоченъ тѣмъ способомъ, которымъ Аракчеевъ хотѣлъ объясняться съ барономъ. Гордый аристократъ могъ легко обидѣться и такимъ образомъ помощь Аракчеева усугубить только положеніе.

Вернувшись домой, Шумскій нашелъ пріятелей нетерпѣливо ожидавшихъ его. Объяснившись, они рѣшили вмѣстѣ, что надо выждать и тотчасъ же дать знать обо всемъ Безсонову и Фонъ-Энзе. Ханенко тотчасъ же вызвался ѣхать къ Мартенсу съ заявленіемъ, что надо отложить поединокъ дня на два, а Квашнинъ отправился къ Безсонову.

Гусарь встрѣтилъ его словами:

— Все пропало! Графъ прискакалъ! Но какъ же онъ могъ узнать, сидя въ своей вотчинѣ, то, что мы рѣшили за послѣднія сутки.

— Успокойтесь!—отозвался Квашнинъ.—Онъ пріѣхалъ совѣмъ по другому дѣлу и ничего не знаетъ, но поединокъ надо отложить.

— Ну все равно ничего не будетъ!—отозвался Безсоновъ.—Коли не знаетъ, то онъ здѣсь въ Питерѣ узнаетъ! Весь городъ уже болтаетъ о томъ, что въ моемъ домѣ будетъ кукушка.

Квашнинъ пожалъ плечами, какъ бы говоря, что ничего подѣлать нельзя.

— А какъ было я все хорошо приготовилъ!—жалосливо прибавилъ Безсоновъ.—Пожалуйте, сами поглядите!

И онъ повлекъ Квашнина, отворилъ дверь, ввелъ его въ залу и затворилъ за собой дверь. Они очутились въ полной тьмѣ. Зала была очищена отъ всѣхъ предметовъ, ставни закрыты и въ горнищѣ не было видно ни зги.

— Все до былинки вынесено и вытащено,—произнесъ Безсоновъ самодовольно и сталъ хвастать своей распорядительностью.

Квашнинъ осмотрѣлъ залу еще разъ при свѣчахъ и затѣмъ постарался отдѣлаться отъ хозяина, чтобы ѣхать къ другу.

Онъ нашелъ Шумскаго въ нервно-веселомъ расположеніи духа и шутующаго съ Шваньскимъ.

— Вотъ, разсуди насъ, Петръ Сергѣевичъ. Будь свидѣтелемъ,—сказалъ онъ.— Я хочу доказать Ивану Андреевичу, что онъ меня любить только на словахъ. Попрошу его справить мнѣ одно только дѣло и онъ, гляди, тотчасъ на попятный!

— Извольте приказать! Увидите!—повторялъ Шваньскій, серьезно, обиженнымъ голосомъ.

— Вѣрно тебѣ сказываю. Важнѣющее для меня дѣло, а самое пустое. А попроси вотъ я тебя, откажешься!

— Прикажете! Увидите!—повторялъ тотъ.

— Сдѣлалъ бы ты это мнѣ,—горячо заговорилъ Шумскій,—я бы тебѣ сейчасъ ровнехонько тысячу рублей въ подарокъ отчиталъ. А любить бы сталъ, вотъ какъ! Какъ бы родного! Да, знаю, не сдѣлаешь этого, потому что у тебя все одни слова, а привязанности ко мнѣ ни на грошъ нѣтъ.

— Да ну? говори... Что такое?—вступился Квашнинъ.

— Грѣхъ такъ рассуждать!—воскликнулъ Шваньскій.—Говорю: прикажете и все для васъ сдѣлаю.

— Безъ исключенія?

— Безъ исключенія! Безъ всякаго! На край свѣта пойду! Ну просто вотъ скажу: на смерть пойду!

— Зачѣмъ на смерть? Живъ останешься. Такъ говорить? А? Петя? Говорить ему, что ли? Объ чемъ мы съ тобой вчера рѣшили, чтобы Ивану Андреевича мнѣ просить.

— Вѣстимо: говори,—произнесъ Квашнинъ недоумѣвая и не понимая подмигиванья Шумскаго.

— Убей ты Фонъ-Энзе,—выговорилъ Шумскій, совершенно серьезно обращаясь къ Шваньскому и даже сдвинувъ брови для пущаго эффекта.

— Какъ то-ись!?!—оторопѣлъ этотъ.

— Какъ хочешь! Ножомъ, обухомъ, но изъ пистолета, я думаю, будетъ много ловчѣе и проще.

— Шутите только, Михаилъ Андреевичъ...

— Что же?

— Я полагалъ вы не ради шутки, а вы знай себѣ балуетесь.

— Нѣтъ, Иванъ Андреевичъ,—вступился Квашнинъ серьезно.— Мы объ этомъ вчера разсуждали.

— А! Вотъ что? «Балуется!» То-то, голубчикъ!—воскликнулъ Шумскій укоризненно.— Всѣ вы такъ всегда. Ты вотъ на смерть собирався, а теперь и подъ судъ боишься идти; а знаешь вѣдь, что и графъ тебя въ обиду не дастъ. Знаешь, что послѣ такого дѣла, болѣе или менѣе, невредимъ останешься, а не хочешь одолжить.

— Помилуйте, Михаилъ Андреевичъ!—съ чувствомъ выговорилъ Шванскій, повѣривъ комедіи.— Какъ же можно человѣка на этакое дѣло посылать?.. Что другое, я готовъ. А этакое?.. Помилуйте! Да я и не съумѣю.

— Нечего и умѣть. Взялъ да и убилъ.

— Какъ можно-съ. Это самое то-ись мудреное изъ всего. Да при томъ и грѣхъ великій.

— Ну такъ и не говори, что меня обожаешь!

— Богъ съ вами. Я думалъ, вы что подходящее желаете мнѣ препоручить.

— Ну и убирайся. Нечего и толковать. Иуда—ты!

Шванскій вышелъ, совершенно не зная въ шутку или въ серьезъ принимать весь разговоръ.

Друзья, оставшись одни, разсмѣялись.

— Да. Шутки шутками,—вымолвилъ Шумскій, вдругъ измѣнившимся голосомъ и вздыхая,—а я радъ бы найти или нанять эдакого Шванскаго для убійства. Я, Петя, начинаю побаиваться. Душа въ пяткахъ.

— Что-о?!—изумился Квашнинъ, не вѣря ушамъ.

— Да, Петя, трусить началъ! Тебѣ, другу, глазъ на глазъ говорю. Прежде не трусилъ, а теперь трушу. Сдается мнѣ теперь, что я буду убитъ. А все отъ того, что канитель эта тянется. Я былъ совсѣмъ готовъ сегодня молодцомъ идти, а тутъ опять отсрочка. Чую теперь, что я буду драться не съ тѣмъ же духомъ и спасую. Нѣтъ во мнѣ того азарта, что прежде былъ. Даже еще вчера не то было... Вѣрилъ...

И Шумскій сталъ вдругъ сумраченъ и даже печаленъ.

Разговоръ не ладился и Квашнинъ собрался домой, общая заѣхать на другой день.

XXIV.

На слѣдующее утро, съ девяти часовъ, Шумскій былъ на Литейной и сидѣлъ въ пріемной графа, гдѣ набралось уже человѣкъ десять военныхъ и штатскихъ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда въ ту же горницу явился баронъ Нейдшильдъ въ придворной формѣ.

Шумскій, волнуясь и не зная, что произойдетъ, тихо подошелъ къ барону и почтительно поклонился ему.

Баронъ смутился, покраснѣлъ, засѣменилъ ногами на одномъ мѣстѣ, какъ бы не зная что дѣлать, но затѣмъ поклонился тоже.

— Вы меня напрасно считаете своимъ врагомъ, баронъ,—заговорилъ Шумскій.

— Я? Нѣтъ...—пролепеталъ Нейдшильдъ.—Почему же... Я...—началъ было онъ и запнулся.

— Мнѣ кажется,—заговорилъ Шумскій,—что мы могли бы встрѣтиться иначе. Прошлое, все, что прежде осмѣлился сдѣлать Андреевъ, вы простили. Затѣмъ вы приняли предложеніе Шумскаго. Затѣмъ вы взяли свое слово назадъ. Причины, побудившія васъ къ этому, я вполне понимаю съ вашей точки зрѣнія, но признаюсь вамъ я не понимаю, почему вы не считаете возможнымъ отдать руку вашей дочери пріемному сыну графа Аракчеева.

Едва только Шумскій договорилъ эти слова, какъ Нейдшильдъ съ кроткимъ выраженіемъ на лицѣ, протянулъ ему руку. Шумскій поспѣшилъ пожать ее.

— Правда, правда,—проговорилъ чуть слышно Нейдшильдъ.—Все это... Да... Оставимте... Увидимъ... Еще ничего не кончено... Я потерялъ голову... Не знаю, что дѣлать?.. Увидимъ...

Шумскій совершенно пораженный словами барона, радостный и сіяющій, рѣшался уже прямо спросить, считаетъ ли баронъ улана своимъ нарѣченнымъ зятемъ, но въ эту минуту дежурный офицеръ приблизился къ Нейдшильду и попросилъ его въ кабинетъ графа.

Нейдшильдъ съ своей стороны собирался узнать у Шумскаго, затѣмъ его вызвалъ военный министръ и тоже не успѣлъ. Онъ думалъ, что дѣло идетъ объ исполненіи его просьбы насчетъ одного офицера, сына его пріятели.

Когда баронъ вошелъ въ кабинетъ Аракчеева, графъ поднялся, сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ руку. Баронъ низко поклонился. Аракчеевъ даже головой не двинулъ и молча показалъ на стулъ передъ собой.

— Вы, вѣроятно, догадываетесь, г. баронъ, затѣмъ я васъ попросилъ пожаловать?—произнесъ Аракчеевъ какимъ-то вялымъ, соннымъ голосомъ.

— Предполагаю, ваше сіятельство, что вы желаете любезно устроить судьбу молодого офицера, о которомъ я васъ попросилъ письменно.

Аракчеевъ сдвинулъ брови, поглядѣлъ на барона и выговорилъ:

— Не знаю о чемъ вы говорите. Дѣло идетъ о молодомъ офицерѣ, дѣйствительно, но не объ назначеніи на какую-либо должность. Я желалъ бесѣдовать съ вами о моемъ сынѣ.

Нейдшильдъ выпрямился, широко раскрылъ глаза, хотѣлъ что-то сказать, но запнулся и ждалъ.

— Сынъ мой, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно прельщенъ вашей

дочерью, баронессой, и просилъ меня явиться сватомъ. Вотъ я и исполняю его порученіе, предлагаю вамъ дѣвицѣ-дочери руку и сердце флигель-адъютанта Шумскаго.

— Я думалъ, графъ, что вы меня вызвали по служебному дѣлу или вслѣдствіе моей просьбы о сынѣ моего пріятеля.

— Нѣтъ, баронъ. Я васъ вызвалъ, ради объясненія вамъ того обстоятельства, что сынъ мой Шумскій влюбленъ въ баронессу, вашу дочь, и что я ничего не имѣю противъ этого брака. Есть только одинъ вопросъ щекотливый: вѣроисповѣданіе вашей дочери. Но объ этомъ мы подумаемъ. Мы можемъ выискать умнаго пастыря, который вразумитъ ее и она сама пожелаетъ перемѣнить ложную религію на истинную.

Аракчеевъ замолчалъ, ожидая отвѣта и глядя въ полъ, но молчаніе не нарушалось и онъ, наконецъ, поднялъ глаза на барона.

Нейдшилльдъ удивилъ его. Баронъ сидѣлъ, вытаращивъ глаза, какъ человѣкъ совершенно пораженный. И, дѣйствительно, онъ былъ пораженъ.

Ему случилось не болѣе трехъ или четырехъ разъ въ жизни перемолвиться нѣсколькими словами съ графомъ Аракчеевымъ и всегда о пустякахъ. Въ первый разъ теперь приходилось ему вести серьезную бесѣду съ временщикомъ. Много и часто слыхалъ баронъ, что такое Аракчеевъ, но все-таки онъ не предполагалъ того, что увидѣлъ теперь.

— Что же. Вы молчите?—выговорилъ графъ.

— Не нахожу словъ отвѣчать,—заговорилъ Нейдшилльдъ, совершенно другимъ голосомъ, слегка дрогнувшимъ.—Почти не вѣрю собственнымъ своимъ ушамъ. Даже ничего не понимаю. Позвольте отвѣтить вопросамъ. Вы, въ качествѣ отца г. Шумскаго, взяли на себя должность свата, не такъ ли?

— Ну, да.

— И вы желаете имѣть честь назвать мою дочь своей невѣсткой?

— Да... но... однако...—началъ было Аракчеевъ, но баронъ прервалъ его.

— На ваше предложеніе графъ я отвѣчаю кратко: очень благодаренъ и отказываю.

— Что-о?...—протянулъ Аракчеевъ.

— Я не желаю и не могу выдать дочь за побочнаго сына, или пріемыша, чей бы онъ ни былъ! Даже самую форму сватовства, я признаю невозможной, оскорбительной. Я не знаю, право, не знаю...

И баронъ вдругъ замолчалъ. Голосъ его дрожалъ на столько, что онъ не могъ говорить.

Аракчеевъ съ изумленіемъ глядѣлъ на него, но въ его глазахъ и на лицѣ уже проскальзывалъ гнѣвъ.

— Древній аристократическій родъ бароновъ Нейдшильдъвъ,— началъ было баронъ, но графъ прервалъ его рѣзко.

— Чухонской аристократіи не признаю...

— Это графъ — глупое слово. Вамъ извѣстно, что поляки русскихъ зовутъ москалями, а мы финляндцы точно также имѣемъ въ языкѣ прозвище для русскихъ, которое я не рѣшусь вамъ передать, хотя тутъ и нѣтъ дамъ. Все-таки согласитесь, графъ, что у чухонцевъ замѣтнѣе болѣе благовоспитанности и знанія приличій, чѣмъ у русскихъ. Я бы никогда не рѣшился сдѣлать, или сказать то, что мнѣ приходится иногда видѣть и слышать отъ очень высокопоставленныхъ русскихъ. И въ этихъ случаяхъ я всегда стараюсь какъ можно скорѣй спастись бѣгствомъ.

При этихъ словахъ баронъ поднялся и наклонился легкимъ движеніемъ головы.

— Вотъ вы изъ какихъ!—разсмѣялся Аракчеевъ.—Скажу вамъ, господинъ баронъ, пословицу: «была бы честь предложена, а отъ убытку Богъ избавилъ!» Всякая дѣвица, которую я выберу сыну, будетъ счастлива и...

— Отвѣчу вамъ, графъ, финляндской пословицей, говорящей приблизительно такъ: «тепло въ хлѣву, отъ мороза укрыться, да измарашься!»

— Ну-съ, намъ съ вами больше объясняться не о чѣмъ,—выговаривалъ Аракчеевъ глухимъ голосомъ, не поднимаясь съ мѣста и развертывая предъ собой толстую тетрадь.—Я васъ не задерживаю.

Баронъ вспыхнулъ, хотѣлъ выйти молча, но не удержался и выговорилъ:

— Я буду только покорнѣйше просить васъ, графъ, болѣе меня никогда не беспокоить для какихъ бы то ни было объясненій. Во всякомъ случаѣ я не пріѣду.

Аракчеевъ стукнулъ согнутымъ пальцемъ по тетради и, не поднимая головы, вымолвилъ нетерпѣливо:

— Уходите!

Нейдшильдъ двинулся и вышелъ въ дверь, почти ничего не видя. Разноцвѣтныя пятна и какіе-то красные зигзаги прыгали вокругъ него, заслоняя собой и лица, и предметы.

На порогѣ второй горницы кто-то остановилъ его какимъ-то вопросомъ, но баронъ отстранился и прошелъ мимо. И только выйдя на улицу, онъ вспомнилъ, или догадался, что фигура подошедшая къ нему, былъ Шумскій.

Баронъ сѣлъ въ карету и когда она двинулась, онъ развелъ руками и выговорилъ на своемъ языкѣ вслухъ:

— Невѣроятно!... Не вѣрится! Кажется, что все это во снѣ случилось!.. Невѣроятно! Да вѣдь это просто... Просто дворникъ!

И всю дорогу къ себѣ домой Нейдшильдъ изрѣдка произносилъ вслухъ:

— Дворникъ! И не мужикъ, не крестьянинъ русскій, а именно столичный дворникъ!

А графъ въ то же время объяснялъ стоящему предъ нимъ Шумскому, взволнованному и взбѣшенному:

— Онъ дуракъ и невѣжа. Прямая чухна! Плюнь ты на его дочь. Мало ли красавиць въ Питерѣ. Туда же, гордецъ, мнить о себѣ! А что онъ такое? Красные штаны на голодномъ пузѣ! Вотъ онъ что, твоя чухна!

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

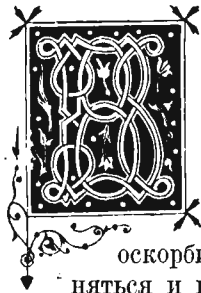

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ).¹⁾

ІХ.

Петрашевскій и его кружокъ.—Цензурныя гоненія на «Современникъ» и романъ «Три страны свѣта».—Столкновеніе Некрасова съ Достоевскимъ.—Аресты среди петрашевцевъ.—Бумага отъ Дубельта.—Неожиданное шпіонство.—Боткинъ и Лонгиновъ.—Характеристика Боткина.—Цензора «Современника».—Дружининъ и его «Полинька Саксъ».—Къ характеристикѣ Дружинина.—Тургеневскіе займы въ «Современникѣ».—«Одна пренепріятная исторія» съ Тургеневымъ.—Болѣзнь жены Грановскаго.—Тургеневъ, Некрасовъ и Панаевъ дѣлаются членами англійскаго клуба.

ВЪ 1848 ГОДУ, мы жили лѣтомъ въ Парголовѣ; тамъ же на дачѣ жилъ Петрашевскій и къ нему изъ города пріѣзжало много молодежи. Достоевскій, Плещеевъ и Толь иногда гостили у него. Достоевскій уже не бывалъ у насъ съ тѣхъ поръ, какъ Бѣлинскій напечаталъ въ «Современникѣ» критику на его «Двойника» и «Прохарчина». Достоевскій оскорбился этимъ разборомъ. Онъ даже пересталъ кланяться и гордо и насмѣшливо смотрѣлъ на Некрасова и Панаева; они удивлялись такимъ выходкамъ Достоевскаго. Петрашевскій не бывалъ у насъ, но зналъ Панаева и иногда при встрѣчѣ разговаривалъ съ нимъ. Петрашевскій имѣлъ всегда видъ мрачный, онъ былъ небольшого роста, съ большой черной бородой, длинными волосами, всегда ходилъ въ плащѣ и въ мягкой

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 34.

плянѣ съ большими полями и съ толстой палкой. Дачниковъ тогда въ Парголовѣ проживало немного, такъ что все знали не только другъ друга въ лицо, но и образъ жизни каждаго. Частыя сборища молодежи у Петрашевскаго были извѣстны всемъ дачникамъ. Петрашевскаго часто можно было встрѣтить на прогулкахъ окруженнаго молодыми людьми.

Въ 1848 году, Кавелинъ и Рѣдкинъ оставили Московскій университетъ и переселились въ Петербургъ искать себѣ другого рода службу. Многие винили Грановскаго за то, что онъ остался при университетѣ. Но Грановскій прямо заявлялъ, что никогда не оставитъ Московскаго университета, чтобы тамъ ни творилось. «Я не могу жить безъ Московскаго университета, твердилъ онъ, и никакія перемѣны въ немъ не заставятъ меня бросить его!» Въ это время Грановскій пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ по дѣламъ. Онъ прогостилъ у насъ на дачѣ два дня вмѣстѣ съ Кавелинымъ.

Въ 1848 году, строгость цензуры дошла до того, что изъ шести повѣстей, назначенныхъ въ «Современникъ», ни одна не была пропущена, такъ что нечего было набирать для ближайшей книжки. Въ самомъ невинномъ разсказѣ о бѣдномъ чиновникѣ цензоръ усмотрѣлъ намѣреніе автора выставить плачевное положеніе чиновниковъ въ Россіи. Приходилось печатать въ отдѣлѣ беллетристики переводы. Романъ Евгенія Сю не былъ дозволенъ; оставалось пробавляться Ламартиномъ. Некрасову пришла мысль написать романъ во французскомъ вкусѣ, въ сотрудничествѣ со мной и съ Г... Мы долго не могли придумать сюжета. Некрасовъ предложилъ, чтобы каждый изъ трехъ написалъ по главѣ и чья глава будетъ лучше для завязки романа, то разработать сюжетъ, раздѣливъ главы по вкусу каждаго. Я написала первую главу о подкинутомъ младенцѣ, находя, что его можно сдѣлать героемъ романа, описавъ разныя его похождения въ жизни. Г... принесъ двѣ странички описанія природы, а Некрасовъ ничего не написалъ. Моя первая глава и послужила завязкой романа; мы стали придумывать сюжетъ уже вдвоемъ, потому что Г... положительно не могъ ничего придумать. Когда было написано нѣсколько главъ, то Некрасовъ сдалъ ихъ въ типографію набирать для октябрьской книжки «Современника», хотя мы не знали, что будетъ далѣе въ нашемъ романѣ; но такъ какъ писалось легко, то и не боялись за продолженіе. Некрасовъ далъ названіе роману «Три страны свѣта», рѣшивъ, что герой романа будетъ странствовать. Цензоръ потребовалъ, чтобы ему представили весь романъ, не соглашаясь иначе пропустить первыя главы. Некрасовъ объяснилъ, что романъ еще не весь написанъ. Цензоръ донесъ объ этомъ въ главный цензурный комитетъ, который потребовалъ отъ авторовъ письменнаго удостовѣренія, что продолженіе романа будетъ нравственное. Я от-

вѣтила, что въ романѣ «Три страны свѣта»—«порокъ будетъ наказанъ, а добродѣтель восторжествуетъ», Некрасовъ подтвердилъ своею подписью то же самое и тогда главное цензурное управленіе разрѣшило напечатать начало романа.

До этого времени въ русской литературѣ еще не было примѣра, чтобы романъ писался вдвоемъ и по этому поводу В. П. Боткинъ говорилъ Панаеву: «Нельзя, любезный другъ, нельзя срамить такъ свой журналъ—это балаганство, это унижаетъ литературу» ¹⁾.

Бѣдный Панаевъ потерялся, такъ какъ отъ другихъ слышалъ, напротивъ, похвалы о началѣ романа. Я предложила, чтобы Некрасовъ одинъ ставилъ свое имя, но послѣдній не согласился. Къ удивленію нашему, въ концѣ ноября подписка на «Современникъ» возобновилась, а на новый годъ, въ декабрѣ, иногородные подписчики стали требовать высылки имъ и 1848 года, такъ что всѣ оставшіеся экземпляры этого года разошлись, ихъ даже не хватило для удовлетворенія всѣхъ требованій. В. П. Боткинъ измѣнилъ свое мнѣніе и съ участіемъ освѣдомлялся о ходѣ нашей работы. Въ редакціи было получено много писемъ отъ иногородныхъ подписчиковъ съ благодарностями за «Три страны свѣта», но получались и такія письма, въ которыхъ редакціи предлагали романъ, написанный десятью авторами подъ названіемъ «Въ пяти частяхъ свѣта» и писали, что «этотъ романъ будетъ не чета вашему мизерному бездарнѣйшему роману».

Мы встрѣчали не мало досадныхъ препятствій со стороны цензора: пошлютъ ему отпечатанные листы, а онъ вымараетъ половину главы, и надо вновь передѣлывать. Пришлось бросить цѣлую часть и замѣнить ее другой. Некрасовъ писалъ романъ по ночамъ, потому что днемъ ему было некогда, вслѣдствіе множества хлопотъ по журналу; ему пришлось прочесть массу разныхъ путешествій и книгъ, когда герой романа долженъ былъ отправиться въ путешествіе. Я писала тѣ главы, дѣйствіе которыхъ происходило въ Петербургѣ. Иногда выдавались такія минуты, что мы положительно не знали, какъ продолжать романъ, потому что приходилось приноравливаться къ цензурѣ. Боже мой, какъ легко стало, когда мы закончили «Три страны свѣта». Но Некрасовъ тотчасъ же уговорилъ меня писать новый романъ «Мертвое озеро».

Однажды, явился въ редакцію Достоевскій, пожелавшій переговорить съ Некрасовымъ. Онъ былъ въ очень возбужденномъ состояніи. Я ушла изъ кабинета Некрасова и слышала изъ столовой, что оба они страшно горячились; когда Достоевскій выбѣжалъ изъ кабинета въ переднюю, то былъ блѣденъ, какъ полотно, и никакъ не могъ попасть въ рукавъ пальто, которое ему подавалъ лакей;

¹⁾ Впрочемъ, я должна оговорить, что двѣ главы въ романѣ написаны, по просьбѣ Некрасова, Ипполитомъ Панаевымъ.

Достоевскій вырвалъ пальто изъ его рукъ и выскочилъ на лѣстницу. Войдя къ Некрасову, я нашла его въ такомъ же разгоряченномъ состоянїи.

— Достоевскій просто сошелъ съ ума!—сказалъ Некрасовъ мнѣ дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—явился ко мнѣ съ угрозами, чтобы я не смѣлъ печатать мой разборъ на его сочиненіе въ слѣдующемъ номерѣ. И кто это ему навралъ, будто бы я всюду читаю сочиненный мною на него пасквиль въ стихахъ! до бѣшенства дошелъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, не могу припомнить какого числа, я была съ Панаевымъ въ гостяхъ у однихъ прїѣзжихъ знакомыхъ; тамъ между прочими лицами былъ Спѣшневъ. Я его мало знала, но здѣсь долго разговаривала съ нимъ. Изъ гостей мы втроемъ отправились домой, часу во второмъ ночи; мы шли пѣшкомъ, весело разговаривая; ночь была свѣтлая и уже начинало всходить солнце. Спѣшневъ былъ въ очень веселомъ настроенїи духа и проводилъ насъ до самаго нашего дома; мы были увѣрены, что скоро увидимся, потому что онъ обѣщался придти обѣдать къ намъ на недѣлѣ. Но на другой же день мы узнали, что Спѣшневъ въ эту самую ночь былъ арестованъ, слѣдовательно, какъ только вернулся домой, проводивъ насъ. Одновременно съ нимъ были взяты Петрашевскій, Достоевскій, Плещеевъ и Толь. Каждый день мы узнавали о новыхъ арестахъ. Ходили слухи, что у Петрашевскаго нашли документы и письма, сильно компрометирующіе его самого и всѣхъ его прїятелей.

Цензурныя строгости дошли до чего-то невѣроятнаго; насъ увѣрили, что «Современникъ» непременно запретятъ; въ редакціи каждую минуту ждали ночного посѣщенія жандармовъ. Никитенко еще осенью 1848 года отказался отъ редакторства и Панаева утвердили редакторомъ. 31-го октября, Панаеву и Некрасову была прислана отъ Дубельта бумага, чтобы они на другой день къ 10 часамъ утра явились къ шефу-жандармовъ графу Орлову. Оба ожидали, что имъ объявятъ запрещеніе издавать журналъ, а можетъ быть даже арестуютъ. Но они благополучно вернулись домой и разсказали, что графъ Орловъ призывалъ ихъ за тѣмъ, чтобы предупредить, что если журналъ будетъ держаться прежняго направленія, то имъ не сдобровать.

— Будьте осторожны, господа; тогда я уже ничего не буду въ состоянїи сдѣлать для васъ,—сказалъ графъ Орловъ.

Мы узнали впоследствии, что графу Орлову была подана докладная записка съ выписками изъ разныхъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ, въ доказательство зловреднаго его направленія.

У насъ служилъ мальчикъ лѣтъ 16, круглый сирота. Я взяла его еще дитя. Изъ замухрышки образовался такой отчаянный франтъ, что иногда онъ задерживалъ обѣдъ, потому что не хотѣлъ

являются къ столу иначе, какъ завитой, рутался съ прачкой, если она ему не хорошо накрахмалила рубашку, не хотѣлъ чистить ножи и вилки, находя, что у него испортятся руки; вообще онъ держалъ себя съ такою важностью, что одинъ господинъ прозвалъ его «барономъ». Этотъ мальчикъ вдругъ началъ по вечерамъ пропадать изъ дому. Я сперва молчала, но потомъ разсердилась и объявила ему, что если онъ еще разъ уйдетъ безъ спросу, то я болѣе его держать не буду. Онъ поблѣднѣлъ и горько зарыдалъ, повторяя: «я не виноватъ, ей Богу, не виноватъ; мнѣ велятъ, я не смѣю». Меня удивили его слова, испугъ и слезы, и я начала его расспрашивать: «кто ему велитъ уходить изъ дому»? но онъ не отвѣчалъ и только горько плакалъ. Онъ любилъ меня, да и я возилась съ нимъ много, уча его читать, писать, и ухаживая во время болѣзни. Я дала ему слово, что никто не узнаетъ, если онъ мнѣ откроетъ, кто велитъ ему каждый день убѣгать изъ дому. Оказалось, какія-то личности настращали его и обязали каждый день доносить обо всемъ, что дѣлается у насъ.

— Ну, что же, ты все пересказываешь?—спросила я.

— Все-съ,—рыдая отвѣчалъ онъ.

Такъ какъ все мы были очень осторожны въ разговорахъ и у насъ не было никакихъ тайныхъ сборищъ, то я и разрѣшила ему передавать бюллетени о нашемъ поведеніи каждый вечеръ. Василій (такъ звали мальчика) по секрету сообщилъ мнѣ, что дворникъ нашего дома тоже доноситъ, кто бываетъ у насъ. Мы догадывались объ этомъ ранѣе, потому что дворникъ опрашивалъ каждого, кто проходилъ къ намъ или выходилъ отъ насъ, и всегда торчалъ подъ воротами около нашей лѣстницы. Прежде дворники никогда не дежурили у воротъ и такое добровольное дежурство не могло не обратить нашего вниманія.

Я уже говорила раньше, что еще въ Парижѣ В. П. Боткину всюду мерещилось, что за нимъ слѣдятъ подозрительныя личности. Можно судить, что съ нимъ происходило теперь. Онъ, по обыкновенію, остановился у насъ и надѣдалъ своими наставленіями, что мы слишкомъ неосторожно говоримъ при прислугѣ. Вдругъ ему вообразилось, что Достоевскій непременно запутаетъ его, что въ бумагахъ Достоевскаго могутъ найти какую-нибудь записку, писанную къ нему года два тому назадъ, и Боткинъ озлобленно говорилъ:

— Не честно, подло, не уничтожать записокъ знакомыхъ. Можешь рисковать собой сколько угодно, но другихъ обязанъ не вмѣшивать въ свое дѣло.

Онъ боялся оставаться въ Москвѣ, потому что въ одномъ домѣ, гдѣ собиралось много молодежи, онъ имѣлъ несчастье высказать свою радость по поводу переворота въ Парижѣ въ 1848 году и въ слѣдствіе этого прослылъ демократомъ.

— Боюсь я теперь этихъ мальчишекъ, говорилъ онъ, попадутся и залупаютъ тебя!

Боткинъ потребовалъ, чтобы Панаевъ отыскалъ всѣ его письма и записки и отдалъ бы ему для уничтоженія.

— Мало ли что я могъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ написать, захватятъ съ твоими бумагами мои письма и притянутъ меня! изволь непремѣнно отыскать всѣ мои письма и подай мнѣ; я ихъ сожгу въ каминѣ.

Разъ, въ два часа ночи, мы сидѣли и слушали рассказъ Панаева, только что вернушагося домой съ новостями о дѣлѣ Петрашевскаго и его соучастниковъ. Въ эту самую минуту раздался сильный звонокъ въ парадной двери. У всѣхъ мелькнула одна и та же мысль, какой могъ быть посѣтитель въ такую пору. Боткинъ такъ испугался, что началъ умолять не отворять двери и дать ему время убѣжать съ чернаго хода. Ему доказывали, что его задержатъ и тамъ, и онъ этимъ можетъ хуже повредить себѣ. При второмъ звонкѣ, онъ скрылся изъ комнаты. Тревога оказалась напрасной. Это былъ Лонгиновъ, вздумавшій заѣхать къ намъ, воображая, что у насъ засидѣлись гости, такъ какъ онъ увидѣлъ съ улицы свѣтъ въ окнахъ. Пошли успокоивать В. П. Боткина и открыли его лежащимъ на своей постели, закутаннымъ съ головой одѣяломъ. Онъ накинулся самымъ неистовымъ образомъ на своего милѣйшаго друга, какъ онъ называлъ всегда Лонгинова, и принялся читать ему наставленіе, что порядочные люди въ такіе часы не являются въ гости. Даже по уходѣ Лонгинова онъ долго не прекращалъ изливать свою злобу на него.

Никто не могъ ожидать, что изъ тогдашняго добряка, лѣнтяя, вѣчно острящаго надъ цензорами, Лонгинова, сдѣлается черезъ нѣсколько лѣтъ самый ужасный преслѣдователь печати.

В. П. Боткинъ и во многихъ другихъ случаяхъ выказывалъ свой трусливый характеръ.

Иногда жалко было смотреть на него, какъ онъ самъ себѣ отравлялъ жизнь разными нелѣпыми страхами. Мелочность и расчетливость его переходили часто въ скупость.

Когда Боткинъ останавливался у насъ, то всегда выходили исторіи съ лакеями; онъ жаловался на нихъ и удивлялся, что я держу такихъ воровъ, а лакеи приходили ко мнѣ также съ жалобами, что В. П. подозрѣваетъ ихъ въ кражѣ у него леденцовъ и т. п. дряни. Разъ, изъ-за перочиннаго грошеваго ножичка, пропавшаго съ письменнаго стола, поднялась цѣлая буря. Лакей хотѣлъ отойти, обиженный, что его заподозрили въ кражѣ ножичка, который скоро нашелся,—самъ же В. П. положилъ его въ жилетный карманъ и позабылъ вынуть, а черезъ два дня, надѣвая жилетъ, нашелъ ножичекъ.

Надо было жить съ Боткинымъ чтобы убѣдиться до какой сте-

пени этотъ умный, образованный человекъ былъ мелочень, трусливъ, расчетливъ и какъ быстро мѣнялъ свои мнѣнія о людяхъ и вещахъ.

Въ послѣдній годъ своей жизни онъ отбросилъ свою мелочную расчетливость, окружилъ себя комфортомъ, нанялъ хорошую квартиру, купилъ тысячныя картины, взялъ дорогого повара. Но все это уже было поздно; онъ почти потерялъ зрѣніе и не могъ любоваться своими картинами, а болѣзнь отнимала у него возможность наслаждаться кушаньемъ, приготовляемымъ его поваромъ. Весь разслабленный, онъ сидѣлъ въ креслахъ и дремалъ подъ голосъ чтницы, которую нанималъ, чтобы она ему читала французскіе журналы.

Панаевъ вернулся однажды отъ больного В. П. Боткина разстроенный и рассказывалъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на него В. П., упрекавшій самого себя за то, что ранѣе не хотѣлъ пользоваться своими средствами; онъ говорилъ, что ему горько и обидно сознавать, что онъ безцѣльно отказывалъ себѣ во всемъ и дѣлалъ глупость, не желая даже проживать процентовъ съ своего капитала; что теперь онъ денегъ не жалѣетъ, но у него уже нѣтъ силъ чѣмъ-либо наслаждаться.

Я позабыла упомянуть о Дружининѣ, который въ концѣ 1848 года выступилъ на литературное поприще съ первымъ своимъ произведеніемъ, повѣстью «Полинька Саксъ». Это было большимъ счастьемъ для «Современника», потому что въ цензурномъ отношеніи произведеніе Дружинина безупречно.

«Современнику» дали цензора Крылова — человека страшно трусливаго, который просто былъ мученикомъ, когда Некрасовъ упранивалъ его пропустить зачеркнутыя имъ мѣста въ статьѣ, вслѣдствіе чего выходила бессмыслица.

Крыловъ ничего не хотѣлъ слышать, зажималъ уши и въ отчаяніи восклицалъ:

— Господи, подвести меня хотятъ, только два года мнѣ надо дотянуть до пенсіи, а они хотятъ лишить меня ея. Я изъ-за журнала потерялъ здоровье, а у меня жена, дѣти!

Крыловъ въ самомъ дѣлѣ былъ страдальцемъ отъ постоянного страха. Онъ иногда не разрѣшалъ разсылать подписчикамъ уже отпечатанную книжку, потому что ему приходило въ голову, что Некрасовъ схитрилъ и возстановилъ зачеркнутыя имъ фразы, или ему казалось, что пропущенная имъ статья грозитъ ему опалой и онъ перечитывалъ снова всѣ статьи и кричалъ на посланнаго Некрасова:

— Такъ и скажи Николаю Алексѣвичу, что пока я не прочту и не обдумаю хорошо, не дамъ разрѣшеніе на выпускъ номера, не смѣй и ходить ко мнѣ!

А между тѣмъ подписчики роптали за поздній выходъ книжекъ.

Крылова смѣнили цензоръ В...; этотъ не былъ такъ просто-душень и трусливъ. В... тонко намекнулъ Некрасову и Панаеву, что имъ гораздо выгоднѣе жить съ нимъ въ ладу. Онъ очень любилъ хорошо поѣсть и въ особенности хорошо выпить и послѣ обѣда дѣлался откровеннымъ.

— Быть цензоромъ «Современника» дѣло не легкое и рискованное,—говорилъ онъ.—Я, знаете, такой прямой человѣкъ, что во всякомъ дѣлѣ люблю опредѣлять обоюдныя соглашенія. Задержекъ и придирокъ съ моей стороны не будетъ. Я не изъ трусливыхъ, да и знаю, гдѣ раки зимуютъ, писатель меня не проведетъ, какъ бы не хитрилъ въ своей статьѣ. Чутье у меня тонкое! Не прогнѣвайтесь, если я просто на просто всю статью не пропущу,—къ чему ее пестрить красными чернилами; можетъ быть найдется простофиля, который поставитъ два-три креста и пропуститъ!—и онъ смѣялся.—Вы только цѣните меня и мы дружно проживемъ.

В... невозможно было уломать, чтобы онъ пропустилъ вещь, которую находилъ для себя опасной. Онъ на это отвѣчалъ: «Нѣтъ-съ, своя рубашка ближе къ тѣлу!»

По выходѣ каждой книжки «Современника» В... говорилъ, смѣясь:

— Послѣ трудовъ надо, господа, и отдохнуть. Я завтра пріѣду обѣдать къ вамъ, только по семейному, чтобы можно было побесѣдовать по душѣ, а то когда народу много за обѣдомъ, такъ душа не можетъ быть на распашку!

Разъ, послѣ семейнаго обѣда, В... сказали:

— Эхъ, господа писатели, несправедливо вы относитесь къ намъ, побыли бы на нашемъ мѣстѣ, такъ не такъ бы еще красные кресты ставили. Ужъ на что я дока, сами убѣдились, а вотъ какой со мною былъ случай: пропустилъ я одну брошюру, самую невинную. Вдругъ, въ комитетъ бумага отъ одного вѣдомства: сдѣлать строжайшій выговоръ цензору за пропускъ брошюры, въ которой допущены такія-то и такія-то нареканія на наши распоряженія. Фу, ты, Господи! ничего подобнаго не было въ брошюрѣ... Бацъ, изъ другого вѣдомства бумага: сдѣлать строжайшій выговоръ цензору за ту же брошюру,—и совершенно другое толкованіе ея смысла. Вотъ какое наше положеніе. Будь хоть семи пядей во лбу, а не убережешься отъ взысканій, потому что нѣтъ возможности предугадать кому какое придетъ въ голову толкованіе одной и той же книги! Я вѣдь недолго просижу цензоромъ; какъ подыщу другое мѣсто и распрощаюсь съ вами. Охъ, не разъ пожалѣете, господа, теперь вы мало цѣните меня!

Но В... былъ несправедливъ; онъ имѣлъ вещественныя доказательства дорогой оцѣнки своей особы.

Когда было напечатано первое произведеніе Дружинина въ

«Современникѣ» въ 1848 году, то Тургеневъ говорилъ Некрасову и Панаеву:

— Положительно везетъ «Современнику». Вотъ это талантъ, не чета вашему «литературному прыщю» и вознесенному до небесъ вами апатичному чиновнику Ивану Александровичу Гончарову. Эти, по вашему, свѣтили, слѣпорожденные кроты, выползшіе изъ-подъ земли: что они могутъ создать? А у Дружинина знаніе общества; обрисовка Полинки Саксъ художественная, видишь Гётевскіе, тонкіе штрихи, а никто въ мірѣ, кромѣ Гёте, не обладалъ такимъ искусствомъ создавать граціозные типы женщинъ. Я прозакладываю голову, что Дружининъ быстро займетъ мѣсто передового писателя въ современной литературѣ... И какъ я порадовался, когда онъ явился ко мнѣ вчера съ визитомъ — джентльменъ!.. Надо, къ сожалѣнію, сознаться, что отъ новыхъ литераторовъ пахнетъ мѣщанской средой... Я оттого пересталъ бывать по субботамъ у Одоевскаго, что мнѣ просто стыдно, до чего не умѣютъ себя держать прилично новые литераторы. И какой чудакъ Одоевскій, самъ себѣ задаетъ каждую субботу порку, какъ будто онъ находится въ школѣ. Я вижу, какъ его шокируютъ манеры дурного тона литературнаго прыща, когда онъ бываетъ у него! Дорого же обходится Одоевскому желаніе заслужить популярность между литераторами! Я понимаю княгиню, что она не дозволяетъ Одоевскому вводить въ ея салонъ всѣхъ его субботнихъ гостей... Да, господа, низко упали литераторы, отъ нихъ со страхомъ сторонится свѣтское общество, тогда какъ съ прежними литераторами всѣ свѣтскія женщины добивались сближенія, потому что тогда литераторы вполнѣ были джентельменами, а тѣ, кто не принадлежалъ къ высшему кругу, смиренхонько себѣ жили въ своей средѣ. А теперь всѣ съ гоноромъ, съ претензіями, что мы, молъ, плюемъ на всѣ свѣтскія приличія!

Тургеневское соболѣзнованіе, что литераторы потеряли прежній престижъ въ свѣтскомъ обществѣ, скоро выяснилось для меня. Къ Панаеву пріѣхалъ съ визитомъ одинъ молодой человекъ изъ высшаго круга и при мнѣ сожалѣлъ, что ему не удалось исполнить просьбу Тургенева: ввести его въ салонъ къ графинѣ М..., потому что она не желаетъ видѣть въ своемъ домѣ литераторовъ... Она, чудачка, почему-то боится русскихъ литераторовъ, а благоволяетъ только къ французскимъ.

Всегда какъ-то случайно приходилось узнавать о Тургеневскихъ хлопотахъ попасть въ свѣтскіе салоны.

Такъ какъ Дружининъ не только бывалъ у Панаева, но одно время прожилъ у него на квартирѣ болѣе мѣсяца, то намъ можно было хорошо узнать его характеръ. Дружининъ былъ всегда ровень, никогда не горячился въ разговорѣ, относился ко всему довольно индифферентно, скучалъ, если завязывался при немъ про-

должительный разговоръ о политикѣ и объ общественныхъ вопросахъ.

— Ну, что это, господа,— говорилъ онъ,— охота вамъ разсуждать о такихъ сухихъ предметахъ, гораздо лучше поговоримъ о дамахъ. (Дамами онъ почему-то называлъ женщинъ).

Дружининъ находилъ, что въ журналѣ не слѣдуетъ печатать повѣсти и разказы съ сюжетами изъ народной жизни.

— Подписчики у журнала люди образованные,— говорилъ онъ,— за что же преподносить имъ чтеніе той среды, которая для нихъ чужда. Ну, интересно ли образованному читателю знать, что Ерема ѣсть мякину, а Матрешка воеетъ надъ павшей короной! Право, все, что пишутъ о русскомъ мужикѣ, преувеличено; какія это у него потребности могутъ быть къ другой жизни? Онъ совершенно доволенъ и счастливъ, если ему удастся въ праздникъ опиться до опухолы брагой, или до скотскаго состоянія водкой.

Когда Дружинина упрекали, что онъ безучастно относится ко всѣмъ современнымъ вопросамъ, то онъ отвѣчалъ:

— Цѣлесообразнѣе будетъ, если я стану видѣть однѣ хорошія стороны жизни. Къ чему мнѣ портить свою кровь разными волненіями; я лучше буду наслаждаться своей молодостью. Отъ нашихъ разговоровъ и волненій мужикъ не перестанетъ ѣсть мякину, общественный строй не измѣнится, за что же я самъ себя буду отравлять жизнь? Все это происходитъ у васъ отъ пессимистическаго взгляда на жизнь, а у меня оптимистическій взглядъ!

Дружинину ошибочно приписываютъ мысль объ основаніи Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Этотъ проектъ зародился въ головѣ одного моего знакомаго, вовсе не литератора, надъ которымъ подсмѣивались, когда онъ доказывалъ необходимость устроить литературный фондъ. Особенно подсмѣивался надъ этимъ проектомъ Дружининъ; но не прошло и года, какъ онъ осуществилъ его.

Когда на обѣдѣ, данномъ по поводу этого, Дружинину, за его мысль объ учрежденіи литературнаго фонда провозглашались тосты и говорились ему хвалебные речи, я ожидала, что онъ упомянетъ, что заимствовалъ эту мысль у человѣка, который въ это время уже былъ въ Сибири, но Дружининъ, вѣроятно, позабылъ за давностию времени.

За 1848 и 1849 годы, на «Современникѣ» накопилось много долговъ, надо было ихъ выплачивать и потому среди 1850 года денегъ не было, а между тѣмъ, Тургеневу вдругъ понадобились двѣ тысячи рублей. Приходилось занять, чтобы скорѣе удовлетворить Тургенева, который объявилъ Некрасову: «мнѣ деньги нужны до зарѣзу, если не дашь, то къ моему крайнему прискорбію, я долженъ буду идти въ «Отечественныя Записки» и запродать себя, и «Современникъ» долго не получитъ отъ меня моихъ произведе-

ній». Эта угроза страшно перепугала Панаева и Некрасова. Они нашли деньги при моемъ посредствѣ и за моимъ поручительствомъ.

Не прошло и года, какъ изъ-за Тургенева произошла остановка въ печатаніи книжки «Современника». Онъ долженъ былъ дать рассказъ, но не прислалъ его и даже съ недѣлю не показывался въ редакцію, что было необыкновенно, такъ какъ онъ, если не обѣдалъ у насъ, то непременно приходилъ вечеромъ. Некрасовъ волновался, два раза ѣздилъ къ нему, но не заставлялъ дома; наконецъ, написалъ ему записку, убѣдительно прося тотчасъ прислать рукопись. Тургеневъ явился и войдя въ комнату, сказалъ:

— Браните меня, господа, какъ хотите, я даже самъ знаю, что сыгралъ съ вами скверную штуку, но что дѣлать, вышла со мной пренеприятная исторія... Я не могу дать вамъ этого рассказа, а напишу другой къ слѣдующему номеру.

Такое неожиданное заявленіе ошеломило Некрасова и Панаева; сначала они совсѣмъ растерялись и молчали, но потомъ разомъ закидали Тургенева вопросами: какъ, почему?

— Мнѣ было стыдно показываться вамъ на глаза,—отвѣчалъ онъ,—но я счелъ мальчишествомъ далѣе водить васъ и задерживать выходъ книжки. Я пришелъ просить, чтобы вы помѣстили что-нибудь вмѣсто моего рассказа. Я вамъ даю честное слово написать рассказъ къ слѣдующему номеру.

Некрасовъ и Панаевъ пристали, чтобъ онъ объяснилъ имъ причину.

— Дайте заранѣе мнѣ слово никогда не попрекать меня?

— Даемъ, даемъ,—торопливо отвѣтили ему оба.

— Теперь мнѣ самому гадко, — произнесъ Тургеневъ и его какъ бы передернуло; тяжело вдохнувъ онъ прибавилъ,—я распродалъ этотъ рассказъ въ «Отечественныя Записки»! Ну, казните меня.

Некрасовъ даже поблѣднѣлъ, а Панаевъ жалобно воскликнулъ:

— Тургеневъ, что ты надѣлалъ?

— Знаю, знаю! все теперь понимаю, но вотъ! — и Тургеневъ провелъ рукой по горлу,—мнѣ нужно было 500 рублей. Идти просить къ вамъ невѣжливо, потому что изъ взятыхъ у васъ двухъ тысячъ я заработалъ слишкомъ мало.

Некрасовъ дрожащимъ голосомъ замѣтилъ: «неумѣстная деликатность!»

— Думалъ, можетъ, у васъ денегъ нѣтъ.

— Да 500 рублей всегда бы достали, если бы даже ихъ и не было!—въ отчаяніи воскликнулъ Панаевъ,—какъ ты могъ!..

Некрасовъ въ раздраженіи перебилъ Панаева:

— Что сдѣлано, то сдѣлано, нечего объ этомъ и разговаривать... Тургеневъ, тебѣ надо возвратить 500 руб. Краевскому.

Тургеневъ замахалъ руками:

— Нѣтъ, не могу, не могу! еслибъ вы знали, что со мной было,

когда я вышелъ отъ Краевскаго... точно меня сквозь строй прогнали! Я должно быть находился въ лунатизмѣ, продѣлалъ все это въ безсознательномъ состояніи, только когда взялъ деньги, то почувствовалъ нестерпимую боль въ рукѣ, точно отъ обжога, и убѣжалъ скорѣй. Мнѣ теперь противно вспомнить о моемъ визитѣ!

— Рукопись у Краевскаго?—спросилъ поспѣшно Некрасовъ.

— Нѣтъ еще!

Некрасовъ просіялъ, отперъ письменный столъ, вынулъ оттуда деньги и, подавая ихъ Тургеневу, сказалъ: «напиши извинительное письмо».

Тургенева долго пришлось упрашивать; наконецъ онъ воскликнулъ:

— Вы, господа, ставите меня въ самое дурацкое положеніе... Я несчастнѣйшій человѣкъ!.. Меня надо высѣчь за мой слабый характеръ!.. Пусть Некрасовъ сейчасъ же мнѣ сочинить письмо, я не въ состояніи! Я перепишу письмо и пошлю съ деньгами.— И Тургеневъ, шагая по комнатѣ, жалобнымъ тономъ восклицалъ: «Боже мой, къ чему, я все это надѣлалъ? Одно мнѣ теперь ясно, что гдѣ замѣшается женщина, тамъ человѣкъ дѣлается непозволительнымъ дуракомъ! Некрасовъ, помажь по губамъ Краевскаго—пообѣщай, что я ему дамъ скоро другой рассказъ!»—Тургеневъ засмѣялся и продолжалъ: «Мнѣ живо представляется мрачное лицо Краевскаго, когда онъ будетъ читать мое письмо!» и, передразнивая голосъ Краевскаго, онъ произнесъ: «Безхарактерный мальчишка, вертятъ имъ, какъ хотятъ, въ «Современникѣ»!»—Придется мнѣ, господа, теперь удирать куда ни попало, если завизжу на улицѣ Краевскаго... О, господа, что вы со мной дѣлаете!»

Когда Некрасовъ прочиталъ черновое письмо, то Тургеневъ воскликнулъ: «ну, гдѣ бы мнѣ такъ ловко написать. Я бы просто бухнулъ, что находился въ умопомѣшательствѣ, оттого и былъ у Краевскаго, а когда припадокъ прошелъ, то и возвращаю деньги».

Съ тѣхъ поръ Тургеневу былъ открытъ неограниченный кредитъ въ «Современникѣ».

Разъ, послѣ выпуска книжки, у насъ собралось обѣдать особенно много гостей. Послѣ обѣда зашелъ общій разговоръ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы разрѣшили издать сочиненія Бѣлинскаго; тогда дочь его была бы обезпечена.

— Господа,—воскликнулъ вдругъ Тургеневъ,—я считаю своимъ долгомъ обезпечить дочь Бѣлинскаго. Я ей дарю деревню въ 250 душъ, какъ только получу наслѣдство.

Это великодушное заявленіе произвело большой эффектъ; въ честь Тургенева былъ провозглашенъ тостъ; одинъ изъ литераторовъ даже прослезился и, пожимая руку Тургенева, проговорилъ: «великодушный порывъ, голубчикъ, великодушный!»

Когда восторги пріутихли, я обратилась къ сидѣвшему рядомъ со мной Арапетову и сказала ему:

— Я думала, что уже сдѣлалось анахронизмомъ дарить чело-вѣческія души; однако, какъ вижу, ошиблась.

Мое замѣчаніе произвело эффектъ совѣтъ другого рода. Многіе изъ гостей посмотрѣли на меня съ нескрываемой злобой, а Некрасовъ и Панаевъ сконфуженно пожали плечами. Иногда я была не въ силахъ совладать съ собой; бывало долго слушаю, что говорятъ кругомъ, и неожиданно для самой себя выскажу какое-нибудь замѣчаніе, хотя я вполне сознавала всю бесполезность моихъ замѣчаній; кромѣ непріятностей изъ этого ничего не выходило.

Полистная плата Тургеневу съ каждымъ новымъ произведе-ніемъ увеличивалась. Сдавъ набирать свою повѣсть или рассказъ, Тургеневъ спрашивалъ Некрасова сколько имъ забрано впередъ денегъ. Онъ никогда не помнилъ, что долженъ журналу.

— Да сочтемся! — отвѣчалъ Некрасовъ.

— Нѣтъ! Я хочу, наконецъ, вести аккуратно свои денежныя дѣла.

Некрасовъ говорилъ цифру Тургеневскаго долга.

— Охъ, ой! — восклицалъ Тургеневъ, — я, кажется, никогда, не добьюсь того, чтобы, давъ повѣсть, получить деньги — вѣчно долженъ «Современнику!» Какъ хочешь, Некрасовъ, а я хочу скорѣй расквитаться, а потому ты высчитай на этотъ разъ изъ моего долга дороже за листъ; меня тяготитъ этотъ долгъ.

Некрасовъ, хотя морщился, но соглашался, а Тургеневъ гово-рилъ: — «напишу еще повѣсть и буду чистъ!»

Но не проходило и трехъ дней, какъ получалась записка отъ Тургенева, что онъ зайдетъ завтра и чтобы Некрасовъ приготовилъ ему 500 рублей; — «до зарѣзу мнѣ нужны эти деньги», — писалъ онъ.

Случалось, что такой суммы не было у Некрасова; я поневолѣ узнавала объ этомъ, потому что у меня была знакомая, которая не отказывала лично мнѣ въ кредитѣ, и не разъ въ критическія минуты я доставала деньги для «Современника». Почему-то я пользовалась общимъ довѣріемъ. Бывало Панаевъ задолжаетъ, съ него настойчиво требуютъ уплаты, онъ въ отчаяніи прибѣгаетъ ко мнѣ, чтобы я уговорила его кредитора и тотъ соглашается ждать уплаты. Правда, что я не мало волновалась и хлопотала объ уплатѣ дол-говъ, какъ только заводились деньги въ конторѣ.

Во время Крымской войны подписка на всѣ журналы была плоха. Старые долги по «Современнику» не были еще упла-чены, и надо было вновь кредитоваться въ типографіи. Праць, хозяинъ типографіи, у котораго съ самаго начала печатался «Со-временникъ», вдругъ заупрямился и не хотѣлъ выпускать изъ ти-пографіи отпечатанныхъ листовъ, пока не дадутъ ему тысячу руб-

лей. Некрасовъ блѣдный пріѣхалъ домой изъ типографіи, ругая Праца на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Дуракъ, нѣмецъ, идіотъ! не вѣрять намъ, а требуетъ, чтобъ вы поручились въ томъ, что черезъ недѣлю дадутъ ему тысячу рублей. Поѣзжайте къ этому идіоту, переговорите съ нимъ, денегъ я достану, надо избѣжать скандала! онъ упрямъ, какъ осель.

Я поѣхала къ Працу и онъ тотчасъ же согласился выдать изъ типографіи листы переплетчику, объявивъ, что хочетъ имѣть дѣло со мной и больше ни съ кѣмъ! Надо было исполнить капризъ нѣмца и вести расчетъ по типографіи, пока не поправились денежные дѣла «Современника».

За годъ до смерти Грановскаго, я двѣ недѣли прогостила у него въ Москвѣ.

Я нашла огромную переменъ въ отношеніяхъ кружка къ женѣ Грановскаго. Она была поставлена на пьедесталъ и всѣ знакомые преклонялись передъ ней.

По утрамъ, у Грановской постоянно были гости съ визитами, привозили ей варенье, фрукты, дорогія вина. Кетчеръ командовалъ гостями:—«уѣзжайте-ка, господа; надо отдохнуть Л. Б., всякое утомленіе ей вредно!»—и гости повиновались.

Жена Грановскаго, потрясенная несчастнымъ случаемъ съ мужемъ, когда онъ при паденіи съ дрожекъ расшибся, лежала въ постели по приказанію докторовъ. Кетчеръ слѣдилъ съ необычайною строгостію, чтобы больная аккуратно выполняла всѣ предписанія врачей. Въ первый же день моего пріѣзда къ Грановскимъ, Кетчеръ отозвалъ меня въ другую комнату и прочелъ наставленіе, чтобы я не смѣшила больную, не позволяла бы ей много говорить и т. п. Я стала спрашивать его о болѣзни Грановской.

— Признаки наслѣдственной чахотки! Но можно предупредить развитіе строгимъ режимомъ,—отвѣчалъ Кетчеръ.

Грановскій очень былъ огорченъ болѣзнью жены и жаловался мнѣ, что Кетчеръ отъ излишней заботливости и усердія развилъ въ его женѣ страпную мнительность.

— Такая тоска теперь у насъ въ домѣ! Вы, пожалуйста, не обращайтесь вниманія на ворчанье Кетчера—развлекайте Лизу отъ ея мрачныхъ мыслей. Она все говоритъ о своей смерти. Всѣ усиливаютъ въ ней это мрачное настроеніе тѣмъ, что смотрятъ на нее какъ на умирающую. Право, не знаю чтѣ и дѣлать мнѣ съ этимъ участіемъ.

Мы обѣдали вдвоемъ; я замѣтила Грановскому, что у него прежде былъ всегда хорошій аппетитъ.

— А теперь кусокъ въ горло нейдетъ,—отвѣчалъ онъ,—вотъ еще при васъ съѣшь чтѣ-нибудь, а то ни до чего не дотронешься, такъ и встанешь изъ-за стола!

Я настояла на томъ, чтобы Грановская выходила къ обѣду, увѣривъ ее, что это будетъ ей полезно и что постояннымъ лежаніемъ въ постели она разслабляетъ себя. Она можетъ быть и не послушалась бы меня, но я ей сказала, что безъ нея мужъ ея ничего не ѣсть. Грановскій, вернувшись домой и увидавъ три прибора на столѣ, радостно спросилъ меня,—неужели Лиза рѣшилась обѣдать съ нами? и засуетился поставить ей кресло и скамейку. За обѣдомъ онъ былъ веселъ, шутилъ и придумывалъ какъ бы скрыть отъ грознаго Кетчера, что его жена встала съ постели:—«будетъ на меня кричать, что я тиранъ, эгоистъ!»

— Свалите все на меня, пусть меня предадутъ въ Москвѣ проклятію,—сказала я.

Грановскій въ это время уже не ѣздилъ по вечерамъ въ клубъ, а разъ въ недѣлю у него собирались трое родственниковъ его жены и играли въ преферансъ по самой ничтожной цѣнѣ. Остальные вечера онъ занимался у себя въ кабинетѣ и иногда для отдыха приходилъ посидѣть съ нами, говоря:

— Пришелъ послушать, чему вы такъ смѣтаетесь?

— Я мѣшаю вамъ работать?—спрашивала я.

— Напротивъ, работается лучше, когда слышишь, что въ домѣ смѣются.

Грановскій всегда ужиналъ и я составляла ему компанію, потому что жена его въ этотъ часъ уже спала. Иногда мы долго заживались за разговорами; между прочимъ, онъ мнѣ описывалъ чувства, имъ испытанныя, когда онъ велъ большую игру въ клубѣ. На мой вопросъ какъ онъ могъ втянуться въ нее, когда самъ говорилъ, что ни за что не будетъ играть въ азартныя игры, онъ отвѣчалъ:

— Я случайно сѣлъ играть въ азартную игру; одинъ мой клубный всегдашній партнеръ въ коммерческую игру сталъ приставать ко мнѣ, чтобъ я сѣлъ за него играть въ палки, потому что онъ страшно проигрался. Я сѣлъ и на несчастіе мнѣ страшно повезло, я отыгралъ ему половину его проигрыша.—На другой вечеръ этотъ же господинъ опять присталъ ко мнѣ, чтобы я отыгралъ ему и остальную половину, играя съ нимъ въ долѣ. Везло мнѣ опять невѣроятное счастье и я на свою долю выигралъ болѣе тысячи рублей. На эту тысячу я сталъ играть уже одинъ и мнѣ везло до смѣшного. Настроеніе духа у меня тогда было убійственное: перемѣны въ университетѣ, интриги противъ меня и при этомъ семейныя дразги со стороны тестя, вздумавшаго на семидесятомъ году жениться, и разладъ съ самыми близкими друзьями, все это вмѣстѣ способствовало тому, что у меня явилась какая-то потребность бѣжать вечеромъ въ клубъ; тамъ я забывалъ все!.. Счастье мое меня не оставляло. Но какъ всегда нашла полоса и несчастія. Въ одинъ вечеръ я проигралъ нѣсколько тысячъ, все, что выигралъ

раньше и еще долгъ сдѣлалъ. Ну, тутъ я пошелъ отыгрываться и запутался... Мнѣ теперь самому кажется невѣроятнымъ, какъ я могъ допустить себя до такого нравственнаго паденія,—но какое заслуженное наказаніе я испыталъ, когда одинъ шулеръ сдѣлалъ мнѣ предложеніе вступить въ ихъ компанію. Это предложеніе такъ меня потрясло, что я ужаснулся до чего я дошелъ. Всю жизнь мнѣ придется теперь искупать этотъ унизительный эпизодъ въ моей жизни. Часто просыпаюсь ночью отъ кошмара, вдругъ снится, что я опять играю въ клубъ!..

Жена Грановскаго съ своей стороны рассказывала мнѣ свои страданія, когда ея мужъ увлекся игрой.

— Я теперь такъ счастлива, что Тимоша бросилъ ѣздить въ клубъ; одно меня беспокоитъ, что ему скучно, что я все лежу въ постели, но это я дѣлаю для того, чтобъ скорѣй выздоровѣть. Мнѣ теперь не хочется умирать, но когда онъ возвращался изъ клуба блѣдный, убитый, я тогда желала смерти, чтобъ избавить его разомъ отъ лишнихъ страданій еще обо мнѣ.

У Грановскаго сдѣлалась какъ-то легкая лихорадка; его жена страшно перепугалась. Я путила надъ ея безпокойствомъ. Она мнѣ на это отвѣчала:

— Если только Тимоша умретъ прежде меня, то въ тотъ же день пойду и лягу на рельсы, когда будетъ идти поѣздъ, безъ него я жить не хочу и не могу.

Она такъ любила мужа, что я ни минуты не сомнѣвалась, что она выполнитъ, что говорила.

Когда, черезъ годъ, въ Петербургѣ было получено извѣстіе о внезапной смерти Грановскаго, я, страшно пораженная и опечаленная, хотѣла ѣхать въ Москву къ его женѣ, но узнала, что ее увозятъ за границу, что она находится въ чужомъ домѣ и такъ больна, что къ ней никого не допускаютъ...

Вернусь назадъ, чтобъ описать начало 50-хъ годовъ.

Лонгиновъ, какъ членъ англійскаго клуба, сталъ записывать туда на обѣды Тургенева, Панаева, Некрасова. Тургеневъ сначала говорилъ, что многіе члены подсмѣиваются надъ манерами Некрасова и одинъ изъ нихъ будто бы даже спросилъ при немъ:—«Откуда это Лонгиновъ приводитъ въ нашъ клубъ такихъ неприличныхъ гостей?» Это онъ передалъ по секрету Панаеву, который сообщилъ мнѣ и просилъ, чтобъ я посоветовала Некрасову не ѣздить въ англійскій клубъ. Но я совсѣмъ по другой причинѣ отговаривала Некрасова посѣщать обѣды англійскаго клуба; имѣя страсть къ игрѣ, онъ могъ втянуться въ нее. Лонгиновъ предложилъ записать Некрасова и Панаева кандидатами въ члены клуба. Я воспротивилась, но Тургеневъ вдругъ началъ доказывать Некрасову, что онъ непременно долженъ балотироваться въ члены, что это необ-

ходимо именно потому, что ему надо бывать въ обществѣ,—шлифоваться.

— Ты вѣдь понятія не имѣешь о свѣтскихъ женщинахъ,—говорилъ Тургеневъ,—а онѣ однѣ только могутъ вдохновлять поэта. Почему Пушкинъ и Лермонтовъ такъ много писали? потому что постоянно вращались въ обществѣ свѣтскихъ женщинъ. Я самъ испыталъ, какъ много значить изящная обстановка женщины для насъ писателей. Сколько разъ мнѣ казалось, что я до безумія влюбленъ въ женщину, но вдругъ отъ ея платья пахнетъ кухоннымъ чадомъ и вся иллюзія пропала! А сидя въ салонѣ свѣтской женщины, ничто не нарушитъ твое поэтическое настроеніе, отъ каждаго граціознаго движенія свѣтской женщины ты вдыхаешь тончайшій ароматъ... вокругъ все дышетъ изяществомъ. Ты погубишь свой талантъ, живя суркомъ, въ слѣдствіе этого и выходитъ у тебя слишкомъ однообразный тонъ и содержаніе стиховъ. А когда будешь вращаться въ порядочномъ обществѣ, попадешь въ салонъ свѣтской женщины, посмотри какъ вдохновишься! Балотируйся, послушайся меня! Да и для журнала это полезно, будутъ говорить, что ты не прячешься отъ общества.

Некрасовъ послушался и балотировался. Лонгиновъ очень усердно хлопоталъ, чтобъ Панаева и Некрасова выбрали членами въ англійскій клубъ, точно отъ этого зависѣло все благо ихъ жизни. Мои доводы потерпѣли полное фіаско передъ Тургеневскими. Я доказывала Некрасову, что онъ ничего не пріобрѣтетъ для своего таланта, а скорѣе проиграетъ, потому что будетъ тратить много времени бесполезно, тогда какъ ему нужно, въ каждую свободную отъ журнальнаго дѣла минуту, читать серьезныя книги, чтобы пополнить недостатокъ своего образованія, что онъ втянется въ карточную игру и завянетъ въ компаніи игроковъ.

Некрасовъ увѣрялъ, что у него на столько силы воли, что онъ никогда не сдѣлается завязатымъ игрокомъ.

Некрасовъ въ это время началъ чувствовать боль въ горлѣ и страшно хандрить. Мнѣ иногда удавалось упросить его не ѣхать въ клубъ обѣдать, потому что онъ тамъ засиживался за картами и возвращался домой поздно ночью. Но являлся Тургеневъ и уговаривалъ его ѣхать въ клубъ именно для того, чтобъ сѣсть играть въ карты.

— При твоёмъ счастьи и умѣнни играть въ карты,—говорилъ онъ,—я бы каждый вечеръ игралъ. Вѣдь на полу не найдешь 200 рублей. Вотъ тебѣ на счастье двугривенный, поѣзжай!.. Да и мрачное расположеніе духа у тебя пройдетъ. Одѣвайся и ѣдемъ вмѣстѣ.

Некрасовъ всегда слушался совѣтовъ Тургенева, который на другое утро прибѣгалъ узнавать о результатѣ игры Некрасова и говорилъ ему:

— Ты долженъ благодарить меня, что я тебя вчера силою

прогналъ въ клубъ. Не слушай ты никого, а играй. Всѣ въ клубѣ говорятъ, что ты играешь во всѣ игры отлично и главное сдержанъ. Знаешь ли ты, что если бы у тебя было въ рукахъ тысячъ 10, ты бы много выигралъ денегъ. Получи я завтра наслѣдство, я сейчасъ бы тебѣ далъ 10 тысячъ на игру. Отъ нашей паршивой литературы ждать, братъ, нечего! Чтò дало тебѣ журнальное дѣло? долги... А сколько труда потрачено на это дѣло, сколько испорчено крови! Русскіе писатели это каторжники. У меня впереди есть наслѣдство, ну, а у тебя чтò? Послѣднія силы своего здоровья тра-тишь, а получишь шишъ! И какъ пріятно писать, зная заранѣе, что наша тупоумная цензура поставитъ красный крестъ. Лежать у тебя нѣсколько твоихъ стихотвореній и безъ конца пролежать, потому что ихъ не дозволятъ никогда напечатать. Вѣдь мы не европейскіе литераторы, а татарскіе, намъ нечего разсчитывать ни на почетъ, ни на обезпеченіе отъ литературы. Пушкинъ тоже велъ большую игру, а тогда на писателей еще не смотрѣли, какъ на прокаженныхъ, отъ которыхъ надо сторониться.

X.

Поэтъ Фетъ.—Н. В. Гербель.—«Изюмскій Игорь».—М. Л. Михайловъ.—Первое знакомство Некрасова съ Бѣлинскимъ чрезъ Языкова.—«У параднаго подъѣзда».—Какъ сочинялъ Некрасовъ стихи и прозу.—Арестъ Тургенева за статью о Гоголѣ.—Князь Оболенскій и чтеніе 2-й части «Мертвыхъ душъ».—Споры Тургенева съ Некрасовымъ о судьбѣ русскихъ писателей.—Первое произведеніе графа Л. Н. Толстого—Переводчикъ Тургенева на французскій языкъ Делярю.—Н. П. Боткинъ.—Братья С. А. и А. А. Ивановы въ Римѣ.

Фетъ уже былъ извѣстенъ своими стихотвореніями въ литературу съ 40-хъ годовъ; но я познакомилась съ нимъ только въ началѣ 50-хъ годовъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ на продолжительное время въ отпускъ изъ полка и я видѣлась съ нимъ каждый день. Фетъ находился въ вдохновенномъ настроеніи и почти каждое утро являлся съ новымъ стихотвореніемъ, которое читалъ Некрасову, мнѣ и всѣмъ литераторамъ, кто просилъ его прочесть. Тургеневъ находилъ, что Фетъ также плодовитъ, какъ клопы, и что должно быть по головѣ его проскакалъ цѣлый эскадронъ, отъ чего и происходитъ такая бессмыслица въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ. Но Фетъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Тургеневъ приходитъ въ восторгъ отъ его стиховъ и съ гордостью разсказывалъ, какъ, послѣ чтенія, Тургеневъ обнималъ его и говорилъ, что это лучшее изъ написаннаго имъ.

Фетъ задумалъ издать полное собраніе своихъ стиховъ и далъ Тургеневу и Некрасову *carte blanche* выкинуть тѣ стихотворенія изъ стараго изданія, которыя они найдутъ плохими.

У Некрасова съ Тургеневымъ по этому поводу происходили частые споры. Некрасовъ находилъ не нужнымъ выбрасывать нѣкоторыя стихотворенія, а Тургеневъ настаивалъ. Очень хорошо помню, какъ Тургеневъ горячо доказывалъ Некрасову, что въ строфѣ одного стихотворенія: «не знаю, что я буду пѣть, но только пѣсня зрѣеть!» Феть изобличилъ свои телячьи мозги.

У меня сохранился экземпляръ стихотвореній Фета съ помарками и вопросительными знаками, сдѣланными рукой Тургенева.

Гербель познакомился также въ началѣ 50-хъ годовъ съ Панаевымъ. Гербель явился къ Панаеву безъ всякихъ рекомендацій и часто бывалъ у него по утрамъ; но всегда сидѣлъ въ кабинетѣ. Онъ долго не входилъ въ кружокъ литераторовъ, которые собирались у насъ на обѣды и вечера. Причина была та, что Тургеневъ разъ подсмѣялся надъ Панаевымъ.

— Господа,—сказалъ онъ,—Панаевъ открылъ новый талантъ и возится съ нимъ, какъ съ будущимъ замѣчательнымъ писателемъ, потому что первое произведеніе этого юнаго офицера имѣеть очень важное значеніе для русской литературы, а именно «Исторія изюмскаго полка», написанная и изданная этимъ офицерикомъ по приказанію командира полка.

Панаевъ обидчиво ему замѣтилъ:

— Ужъ ты бы, Тургеневъ, молчалъ! Да и за что ты обижаешь Гербеля? Онъ мнѣ читалъ свои переводы изъ Гейне, и мнѣ кажется, что онъ очень не дурно владѣеть стихомъ.

— О многострадальный Гейне!—воскликнулъ Тургеневъ,—почему-то это излюбленный поэтъ, надъ уродованіемъ стиховъ котораго всѣ упражняются, при чемъ всякій воображаетъ, что достаточно перевести два-три стихотворенія Гейне, чтобъ имѣть право считать себя литераторомъ. Ну, признайся, Панаевъ, у тебя есть слабость разыгрывать роль литературнаго покровителя?

— Гербель по крайней мѣрѣ грамотный,—отвѣчалъ Панаевъ,—а ты мнѣ прислалъ третьяго дня какого-то франтика съ рукописью и рекомендательнымъ письмомъ, такъ твой франтикъ даже безграмотный.

Тургеневъ засмѣялся и сказалъ:

— Я это сдѣлалъ, чтобы избавиться отъ франтика, а ты по три часа бесѣдуешь съ офицерикомъ, да еще всѣхъ знакомишь съ нимъ. Входить скоро невозможно будетъ къ тебѣ въ кабинетъ.

Когда Гербель издалъ «Слово о полку Игоря», то Тургеневъ не называлъ его иначе, какъ «Изюмскій Игорь».

Мнѣ часто приходилось слышать, какъ многіе люди восхищались рѣдкой чертой въ характерѣ Тургенева,—искренностью. Онъ такъ былъ уменъ, что когда хотѣлъ, то могъ очаровать всякаго.

Въ 50-хъ годахъ, въ кружокъ литераторовъ «Современника» вошелъ М. Л. Михайловъ. Наружность его была очень оригинальна;

маленькій, худенькій, съ остренькими чертами лица и съ замѣчательно черными густыми бровями. Вѣки глазъ у него были полужакрыты; въ дѣтствѣ ему дѣлали операцію, но все-таки вѣки лишены были способности подыматься, вслѣдствіе чего глазъ почти не было видно, и Михайловъ носилъ большія очки; губы у него были до того яркаго цвѣта, что издали бросались въ глаза.

Михайловъ сшилъ себѣ лѣтній сѣрый костюмъ, и Тургеневъ увѣрялъ, что въ сумерки онъ можетъ испугать, такъ онъ похожъ на летучую мышь.

Я не имѣла случая провѣрить, правду ли рассказывали про Михайлова нѣкоторые его пріятели, будто онъ считалъ себя побѣдителемъ женскихъ сердець, и увѣрялъ, что никакая добродѣтельная женщина не устоитъ противъ него. Мнѣ кажется, что Михайловъ подсмѣивался надъ ними, рассказывая о своихъ побѣдахъ, и наблюдалъ какъ быстро тайна, сообщенная одному по секрету, дѣлалась извѣстна всѣмъ.

Михайловъ былъ очень веселаго и живого характера и на него смотрѣли, какъ на человѣка, который ни о чемъ другомъ не думаетъ, какъ о побѣдахъ надъ женщинами.

Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» часто упоминаетъ о своемъ школьномъ товарищѣ Языковѣ, находившемся со всѣми литераторами на дружеской ногѣ.

Когда онъ женился, то у него разъ въ недѣлю вечеромъ собирались многіе писатели. Даже когда Языковъ жилъ на Стеклянномъ казенномъ заводѣ, гдѣ получилъ мѣсто, то не смотря на дальное разстояніе, собранія у него все-таки не прекращались. Панаевъ упоминаетъ о томъ, что рукопись «Обыкновенной исторіи» Гончарова, была доставлена въ «Современникъ» Языковымъ.

Некрасовъ также принесъ Языкову свою рукопись «Петербургскіе углы», прося, чтобы онъ ее прочиталъ.

Свояченица Языкова рассказывала мнѣ о первомъ посѣщеніи Некрасова. Это было зимой. У Языкова обѣдали гости; вдругъ кто-то позвонилъ въ передней; она вышла изъ-за стола, чтобы узнать кто пришелъ, и увидала худого, блѣднаго молодого человѣка, въ поношенномъ холодномъ пальто, котораго лакей грубо выпроваживалъ вонъ. Она успѣшила остановить грубаго лакея и провела молодого человѣка въ кабинетъ хозяина, котораго и вызвала изъ-за стола къ посѣтителю. Она была въ полной увѣренности, что это какой-нибудь несчастный проситель на бѣдность; но она ошиблась; молодой человѣкъ просилъ Языкова прочесть и передать принесенную имъ рукопись Бѣлинскому. По забывчивости Языкова, рукопись не скоро попала въ руки Бѣлинскаго, который за это очень на него разсердился; главное же, Языковъ затерялъ адресъ молодого человѣка.

— Это возмутительно такъ относиться къ людямъ,—говорилъ

Бѣлинскій.—По вашему описанію и по содержанію его рукописи надо было дорожить каждымъ днемъ, чтобы принять въ немъ участіе, а вы еще и адресъ его затеряли! Небось, еслибы къ вамъ подкатилъ на лихачѣ какой-нибудь франтикъ, такъ вы бы не поступили такъ небрежно съ его рукописью и не забыли бы его фамилію, а запомнили бы не только имя, но и отчество.

Этотъ выговоръ очень огорчилъ Языкова и произвелъ на него такое впечатлѣніе, что въ продолженіе всей своей жизни, онъ вѣчно о комъ-нибудь хлопоталъ, или исполнялъ чьи-нибудь порученія самымъ ревностнымъ образомъ. По счастью, авторъ рукописи опять явился узнать о своей участи въ тотъ день, когда Бѣлинскій сидѣлъ у Языкова. Оба они чрезвычайно обрадовались приходу молодого человѣка.

Вотъ какимъ образомъ состоялось первое знакомство Бѣлинскаго съ Некрасовымъ.

Это мнѣ было рассказано чрезъ 15 лѣтъ послѣ моего знакомства съ Некрасовымъ.

Я слышала отъ самаго Некрасова, какъ онъ бѣдствовалъ нѣкоторое время въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ.

Онъ съ юморомъ передавалъ какъ съ недѣлю прожилъ въ пустой комнатѣ, потому что его квартирная хозяйка, желая выжить своего жильца, въ его отсутствіе вынесла всю убогую мебель изъ комнаты, и Некрасовъ спалъ на голомъ полу, подложивъ пальто подъ голову, а когда писалъ, то растягивался на полу, уставая стоять на колѣняхъ у подоконника.

На моихъ глазахъ произошло почти сказочное превращеніе въ наружной обстановкѣ и жизни Некрасова.

Конечно, многіе завидовали Некрасову, что у подъѣзда его квартиры по вечерамъ стояли блестящіе экипажи очень важныхъ особъ; его ужинами восхищались богачи-гастрономы; самъ Некрасовъ бросалъ тысячи на свои прихоти; выписывалъ себѣ изъ Англіи ружья и охотничьихъ собакъ; но еслибы кто-нибудь видѣлъ, какъ онъ по двое сутокъ лежалъ у себя въ кабинетѣ въ страшной хандрѣ, твердя въ нервномъ раздраженіи, что ему все опротивѣло въ жизни, а главное—онъ самъ себѣ противенъ, то, конечно, не завидовалъ бы ему...

Въ хандрѣ онъ злился на меня за то, что я уговаривала его измѣнить свой образъ жизни, который доставлялъ ему по временамъ такія мучительныя страданія; я припоминала ему, что не смотря на всѣ лишенія прежней своей жизни, онъ не испытывалъ такого убійственнаго настроенія духа. Некрасовъ находилъ, что я будто бы нарочно усиливаю своими разговорами его и безъ того ужасное настроеніе.

— Чѣмъ бы развлечь человѣка, а вы его добиваете.

— Развлекателей у васъ развелось съ тѣхъ поръ много, какъ вы сдѣлались капиталистомъ,—отвѣчала я.

Некрасовъ раздражительно прерывалъ меня.

— Я не такъ глупъ, чтобы не видѣть переменъ въ отношеніяхъ къ себѣ людей, начиная съ невѣждъ и кончая образованными.

Потомъ уже я поняла, что, въ самомъ дѣлѣ, глупо возбуждать подобные вопросы, когда отъ нихъ не могло быть иного результата, кромѣ непріятнаго впечатлѣнія, остающагося послѣ такихъ разговоровъ.

Стихотвореніе «У параднаго подъѣзда», было написано Некрасовымъ, когда онъ находился въ хандрѣ. Онъ лежалъ тогда цѣлый день на диванѣ, почти ничего не ѣлъ и никого не принималъ къ себѣ.

Наканунѣ того дня, какъ было написано это стихотвореніе, я замѣтила Некрасову, что давно уже не было его стихотвореній съ «Современникѣ».

— У меня нѣтъ желанія писать стихи для того, чтобы прочесть двумъ-тремъ лицамъ и спрятать ихъ въ ящикъ письменнаго стола... Да и такая пустота въ головѣ: никакой мысли подходящей нѣтъ, чтобы написать что-нибудь.

На другое утро я встала рано и, подойдя къ окну, заинтересовалась крестьянами, сидѣвшими на ступенькахъ лѣстницы параднаго подъѣзда въ домѣ, гдѣ жилъ министръ государственныхъ имуществъ.

Была глубокая осень, утро было холодное и дождливое. По всѣмъ вѣроятіямъ, крестьяне желали подать какое-нибудь прошеніе, и спозаранку явились къ дому. Швейцаръ, выметая лѣстницу, прогналъ ихъ; они укрылись за выступомъ подъѣзда и переминались съ ноги на ногу, прижавшись у стѣны и промокая на дождѣ.

Я пошла къ Некрасову и рассказала ему о видѣнной мною сценѣ. Онъ подошелъ къ окну въ тотъ моментъ, когда дворники дома и городской гнали крестьянъ прочь, толкая ихъ въ спину. Некрасовъ сжалъ губы и нервно пощипывалъ усы; потомъ быстро отошелъ отъ окна и улегся опять на диванѣ. Часа черезъ два онъ прочелъ мнѣ стихотвореніе «У параднаго подъѣзда».

Некрасовъ писалъ прозу, сидя за письменнымъ столомъ и даже лежа на диванѣ; стихи же онъ сочинялъ, большею частью, прохаживаясь по комнатѣ, и вслухъ произносилъ ихъ; когда онъ оканчивалъ все стихотвореніе, то записывалъ его на первомъ попавшемся подъ руку лоскуткѣ бумаги.

Онъ дѣлалъ мало поправокъ въ своихъ стихахъ. Если онъ сочинялъ длинное стихотвореніе, то по цѣлымъ часамъ ходилъ по комнатѣ и все вслухъ однообразнымъ голосомъ произносилъ стихи; для отдыха онъ ложился на диванъ, но не умолкалъ; потомъ снова вставалъ и продолжалъ ходить по комнатѣ. Некрасовъ

могъ прочесть наизусть любое изъ своихъ стихотвореній, когда бы то ни было сочиненныхъ, и какъ бы оно ни было длинно, онъ не останавливался ни на одной строфѣ, точно читаль по рукописи. Впрочемъ, онъ помнилъ наизусть массу стихотвореній и другихъ русскихъ поэтовъ.

Въ 1852 году, вскорѣ послѣ смерти Гоголя, Тургенева посадили въ часть за то, что онъ напечаталъ маленькую статейку о Гоголѣ, которую цензоръ не пропустилъ въ Петербургѣ, такъ какъ отъ высшаго начальства дано было приказаніе ничего не пропускать о Гоголѣ, вслѣдствіе того, что въ Москвѣ на похоронахъ Гоголя собралась масса народу и присутствовали официальные особы.

Въ то время строго смотрѣли, чтобы литераторамъ не оказывали особенныхъ почестей. Тургеневъ былъ въ отчаяніи, когда запретили его статейку, и говорилъ Некрасову и Панаеву, что пошлетъ ее въ Москву.

Панаевъ не совѣтывалъ ему этого дѣлать, потому что и такъ Тургеневъ былъ на замѣчаніи вслѣдствіе того, что носилъ трауръ по Гоголѣ и, дѣлая визиты своимъ свѣтскимъ знакомымъ, слишкомъ либерально осуждалъ петербургское общество въ равнодушій къ такой потерѣ, какъ Гоголь, и читаль свою статейку, которую носилъ съ собой всюду. Эта статейка была уже перечеркнута красными чернилами цензоромъ. Когда Панаевъ упрасивалъ Тургенева быть осторожнымъ, то онъ на это отвѣтилъ: «За Гоголя я готовъ сидѣть въ крѣпости».

Вѣроятно, эту фразу онъ повторилъ еще гдѣ-нибудь, потому что Дубельтъ, встрѣтясь на вечерѣ въ одномъ домѣ съ Панаевымъ, съ своей улыбкой сказалъ ему: «Одному изъ сотрудниковъ вашего журнала хотѣлось посидѣть въ крѣпости, но его лишили этого удовольствія». Арестъ Тургенева произвелъ большой переполохъ. Панаевъ и Некрасовъ навѣщали его сперва ежедневно утромъ и вечеромъ, но потомъ рѣже, потому что Тургеневъ иногда давалъ знать рано утромъ, чтобы къ нему не приходилъ никто изъ нихъ. Первое такое извѣстіе испугало Некрасова и Панаева; они думали, что Тургеневу грозитъ Богъ знаетъ какая опасность, но потомъ оказалось, что въ эти дни онъ ждалъ посѣщеній своихъ знакомыхъ изъ высшаго круга. Мнѣ арестъ Тургенева доставилъ также много хозяйственныхъ хлопотъ. Тургеневъ просилъ Панаева, чтобы онъ присылалъ ему обѣдъ, такъ какъ не можетъ ѣсть обѣдовъ изъ ресторана. И пока онъ, если не ошибаюсь, три недѣли сидѣлъ въ части, я должна была заботиться, чтобы въ назначенный часъ ему былъ посланъ обѣдъ.

Послѣ похоронъ Гоголя, дня черезъ четыре, у Панаева вечеромъ собрались гости и, разумѣется, разговоръ вращался около болѣзни и смерти Гоголя и его похоронъ. Тургеневъ возмущался равнодушіемъ петербургскаго общества и, между прочимъ, сказалъ:

— Я теперь убѣдился, что взглядъ москвичей правилень, а Петербургъ—представитель чиновничества и лакейства.

Арапетовъ вспыхнулъ. «По вашему надѣтъ крѣпъ на шляпу»... началъ онъ; но Н. А. Милютинъ перебилъ его, спросивъ Тургенева: «Разскажите, пожалуйста, подробности о похоронахъ Гоголя; вы, вѣроятно, вѣдь ѣздили въ Москву?»

Тургеневъ не вдругъ отвѣтилъ... «Я былъ боленъ». Милютинъ произнесъ протяжно: «Да! Я слышалъ о похоронахъ отъ одного пожилого чиновника, который отпросился у меня съѣздить на похороны, говоря, что хотя при жизни ему не удалось видѣть такого замѣчательнаго писателя, то хоть на мертваго посмотрю».

Объ освобожденіи Тургенева изъ-подъ ареста хлопотали многіе, въ томъ числѣ и Панаевъ, который ѣздилъ, по просьбѣ Тургенева, къ разнымъ лицамъ, имѣвшимъ доступъ къ вліятельнымъ особамъ.

По выходѣ изъ-подъ ареста, Тургеневъ былъ высланъ въ свою деревню и ему лишь осенью разрѣшено было пріѣхать въ Петербургъ...

Недѣли черезъ три послѣ смерти Гоголя, князь Оболенскій прочиталъ у Панаева вторую часть «Мертвыхъ душъ». Князю Оболенскому удалось списать въ Москвѣ эту часть съ оригинала и онъ читалъ ее своимъ знакомымъ. Оболенскій коротко былъ знакомъ съ Гоголемъ при его жизни и съ тѣми, кто въ послѣднее время былъ близокъ къ Гоголю. Оболенскій отлично читалъ; слушателей было немного, такъ какъ надо было принимать всѣ мѣры предосторожности, чтобы не узнали о пропагандѣ второй части «Мертвыхъ душъ», печатаніе которой тогда было немислимо.

Въ томъ же 1852 году, въ октябрьской книжкѣ «Современника», подъ инициалами Л. Н. Т. была напечатана «Исторія моего дѣтства»—первое произведеніе графа Льва Николаевича Толстого.

Со всѣхъ сторонъ отъ публики сыпались похвалы новому автору и всѣ интересовались узнать его фамилію. Въ кружкѣ же литераторовъ относились какъ-то равнодушно къ возникавшему таланту, только одинъ Панаевъ былъ въ такомъ восхищеніи отъ «Исторіи моего дѣтства», что каждый вечеръ читалъ ее у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Тургеневъ трунилъ надъ Панаевымъ, увѣряя, что всѣ его знакомые прячутся отъ него на Невскомъ, боясь, чтобы онъ имъ и тамъ не сталъ читать выдержки изъ этого сочиненія, такъ какъ Панаевъ успѣлъ наизусть выучить произведеніе новаго автора. Панаевъ обидѣлся подтруниваніемъ Тургенева и сказалъ ему:

— Меня удивляетъ, что ты такъ равнодушно относишься къ такой художественной вещи и не радуешься появленію новаго таланта?

Тургеневъ пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— А меня удивляетъ, какъ вы щедры на похвалы; чуть появится новичекъ въ вашемъ журналѣ, сейчасъ начинаете кричать: талантъ! Отыскиваете въ его пробѣ пера художественность! Я объясняю это тѣмъ, что вы мало знакомы съ истинно-художественными произведеніями въ иностранной литературѣ, а если что и читали, то въ слабомъ переводѣ, вотъ вы и впадаете въ смѣшное преувеличиваніе заурядныхъ вещицъ. Не только въ вашихъ пигмеяхъ, но даже въ Пушкинѣ, въ Лермонтовѣ, если строго разобрать, не много найдешь оригинальныхъ художественныхъ произведеній. Когда ихъ читаешь, то на каждомъ шагу натыкаешься на подражаніе гениальнымъ европейскимъ талантамъ, какъ, напримѣръ, Гёте, Байрону.

Тургеневъ болѣе всѣхъ современныхъ ему литераторовъ былъ знакомъ съ гениальными произведеніями иностранной литературы, прочитавъ ихъ всѣхъ въ подлинникѣ. Некрасовъ и Панаевъ это хорошо сознавали.

— Да, Россія отстала въ цивилизаціи отъ Европы,—продолжалъ Тургеневъ,—развѣ у насъ могутъ народиться такіе великіе писатели, какъ Данте, Шекспиръ?

— И насъ Богъ не обидѣлъ, Тургеневъ,—замѣтилъ Некрасовъ,—для русскихъ Гоголь—Шекспиръ.

Тургеневъ снисходительно улыбнулся и произнесъ:

— Хватилъ, любезный другъ, черезъ край! Ты сообрази громадную разницу: Шекспира читаютъ всѣ образованныя націи на всемъ земномъ шарѣ уже нѣсколько вѣковъ и бесконечно будутъ читать. Это міровые писатели, а Гоголя будутъ читать только одни русскіе, да и то нѣсколько тысячъ, а Европа не будетъ и знать даже объ его существованіи!

Тяжко вздохнувъ, Тургеневъ уныло продолжалъ:

— Печальна вообще участь русскихъ писателей, они какіе-то отверженники, ихъ существованіе жалкое, кратковременно и безцвѣтно! Право, обидно; даже какого-нибудь Дюма всѣ европейскія націи переводятъ и читаютъ.

— Богъ съ ней, съ этой европейской извѣстностью, для насъ важнѣе, еслибъ русскій народъ могъ насъ читать,—сказалъ Некрасовъ.

— Завидую твоимъ скромнымъ желаніямъ!—ироническимъ тономъ отвѣчалъ Тургеневъ.—Не понимаю даже, какъ ты не чувствуешь пришибленности, пресмыканія, на которыя обречены русскіе писатели? Вѣдь мы пишемъ для какой-то горсточки однихъ только русскихъ читателей. Впрочемъ, ты потому не чувствуешь этого, что не видѣлъ, какое положеніе занимаютъ иностранные писатели въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ. Они считаются передовыми членами образованнаго общества, а мы? Какіе-то па-

ри! не смѣемъ высказать ни нашихъ мыслей, ни нашихъ порывовъ души—сейчасъ насъ въ кутузку, да и это мы должны считать за милость... Сидишь, пишешь и знаешь заранѣе, что участь твоего произведенія зависитъ отъ какихъ-то бухарцевъ, закутанныхъ въ десяти халатахъ, въ которыхъ они прѣютъ, и такъ принюхались къ своему вонючему поту, что чуть пахнетъ на ихъ конусообразныя головы свѣжій воздухъ, приходятъ въ ярость, и какъ дикіе звѣри начинаютъ вырывать куски изъ твоего сочиненія! По моему рациональнѣе было бы поломать всѣ типографскіе станки, сжечь всѣ бумажныя фабрики, а у кого увидятъ перо въ рукахъ, сажать на колъ!.. Нѣтъ, только меня и видѣли; какъ получу наслѣдству, убѣгу и строки не напишу для русскихъ читателей.

— Это тебѣ такъ кажется, а поживешь за границей, такъ потянетъ тебя въ Россію,—произнесъ Некрасовъ,—насъ вѣдь вдохновляетъ русскій народъ, русскія поля, наши лѣса; безъ нихъ, право, намъ ничего хорошаго не написать. Когда я бесѣдую съ русскимъ мужикомъ, его безхитростная здравая рѣчь, безкорыстное человѣческое чувство къ ближнему, заставляютъ меня сознавать, какъ я развращенъ передъ нимъ и сердцемъ, и умомъ, и краснѣешь за свой эгоизмъ, которымъ пропитался до мозга костей... Можетъ быть тебѣ это кажется дикимъ, но въ бесѣдахъ съ образованными людьми у меня не появляется этого сознанія! А главное, на русскихъ писателяхъ лежитъ долгъ по мѣрѣ силъ и возможности раскрывать читателямъ позорныя картины рабства русскаго народа.

— Я не ожидалъ именно отъ тебя, Некрасовъ, чтобы ты былъ способенъ предаваться такимъ ребяческимъ иллюзіямъ.

— Это не мои иллюзіи, развѣ не чувствуется это сознаніе въ обществѣ.

— Если и зародилось сознаніе, такъ развѣ въ видѣ атома, котораго человѣческой глазъ не можетъ видѣть, да и въ воздухѣ, зараженномъ міазмами, этотъ атомъ мгновенно погибнетъ... Нѣтъ, я въ душѣ европеецъ, мои требованія отъ жизни тоже европейскія! Я не намѣренъ покорно ждать участи, когда наступитъ праздникъ и мнѣ выпадетъ жребій быть съѣденнымъ на пиршествѣ людоедъ! да и кваснаго патріотизма не понимаю. При первой возможности убѣгу безъ оглядки отсюда и кончика моего носа не увидите!

— Въ свою очередь и ты предаешься ребяческимъ иллюзіямъ, поживешь въ Европѣ и тебя такъ потянетъ къ роднымъ полямъ и появится такая неутолимая жажда искать кисленькаго, мужицкаго квасу, что ты бросишь цвѣтуція чужія поля и возвратишься назадъ, а при видѣ родной березы отъ радости выступятъ у тебя слезы на глазахъ.

Подобныя разговоры я слышала множество разъ и они остались у меня въ памяти. Я передаю только одинъ изъ нихъ.

Некрасовъ былъ правъ, говоря, что Тургеневъ не въ силахъ будетъ совсѣмъ бросить русскія поля; онъ возвращался къ нимъ, чтобы воодушевить себя къ работѣ. Тургеневъ успѣлъ при жизни насладиться тѣмъ, что не горсточка русскихъ, а всѣ грамотные люди въ Россіи читаютъ его произведенія и оцѣниваютъ въ немъ замѣчательнаго писателя, да и иностранцы переводятъ и читаютъ его сочиненія. Ему уже нельзя было жаловаться на жалкую долю русскаго писателя, о существованіи котораго цивилизованные европейскіе народы не узнаютъ.

Не помню съ точностью, когда въ первый разъ появился переводъ на французскомъ языкѣ нѣкоторыхъ рассказовъ изъ «Записокъ охотника». Я была въ Парижѣ въ то время, какъ переводились эти рассказы. Къ несчастію, я страдаю отсутствіемъ памяти на года и фамиліи, а потому и оговариваюсь, что, кажется, это происходило въ половинѣ 50-хъ годовъ и фамилія переводчика была Делярю; но повторяю, что можетъ быть и то и другое не точно. За то я отлично помню жалобы Тургенева на переводчика, которыя мнѣ приходилось слышать. Тургеневъ говорилъ въ отчаяніи:

— Боже мой, какое несчастье имѣть дѣло съ такой тупицей! Разжую ему каждую фразу, въ ротъ положу, нѣтъ не умѣетъ передать ее на французскій языкъ. Я долженъ самъ переводить себя, а онъ только пишетъ подъ мою диктовку, и смѣетъ еще изъявлять разныя свои претензіи на меня!.. Просто дурында какая-то, про-работаетъ съ нимъ утро,—голова затрептитъ!

Переводчикъ съ своей стороны, приходя иногда ко мнѣ вечеромъ пить чай — жаловался:

— Опять у меня даромъ утро пропало, сидѣлъ нѣсколько часовъ въ номерѣ у Ивана Сергѣевича, а онъ не явился, хотя самъ назначилъ часъ, когда я долженъ придти; а еще все сердится, что туго подвигается у насъ переводъ...

— Тургеневъ всегда отличался разсѣянностью,—замѣчала я переводчику.

— Но онъ знаетъ, какъ тяжела для меня потеря времени. Самъ онъ предложилъ мнѣ переводить его рассказы. Мнѣ не легко было уломать редакцію «Revue des deux Mondes», чтобы помѣстить переводъ русскаго писателя. Гонораръ я получу изъ журнала самый ничтожный, а сколько времени я потеряю!

Въ то время французы мало интересовались русской литературой.

— Зачѣмъ же вы не условились, чтобы Тургеневъ вамъ заплатилъ за переводъ?

— Иванъ Сергѣевичъ такъ хорошо говорилъ, когда предложилъ мнѣ переводить его рассказы, что я согласился на всѣ его условія. Я не ожидалъ, чтобы онъ такъ небрежно могъ относиться къ чело-вѣку трудящемуся изъ-за куска хлѣба.

Переводчикъ чуть ли не съ дѣтства жилъ въ Москвѣ, гдѣ, кажется, давалъ уроки французскаго языка. Онъ переселился въ Парижъ, уже лѣтъ 30, гдѣ существовалъ на скудный заработокъ, переводя изъ русскихъ газетъ разныя извѣстія во французскія газеты; переводчикъ зналъ въ Москвѣ нѣкоторыхъ литераторовъ и коротко былъ знакомъ съ В. П. и Н. П. Боткиными; послѣдній меня и познакомилъ съ нимъ. Я уѣхала изъ Парижа, когда переводъ не былъ оконченъ; помню, что русскіе литераторы завидовали Тургеневу въ томъ, что его произведенія переведены французами.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о Н. П. Боткинѣ. Онъ очень много помогаль за границей русскимъ художникамъ и учащимся тамъ молодымъ людямъ, да и вообще всѣмъ бѣднякамъ, если узнавалъ, что кто-нибудь изъ нихъ нуждается въ деньгахъ. Онъ это дѣлалъ такъ деликатно, въ тихомолку, что если и узнавалось объ этомъ, то отъ самихъ тѣхъ лицъ, кому онъ оказывалъ денежную помощь. Я знаю, что Н. П. Боткинъ не разъ ссуждалъ деньгами художника А. А. Иванова, когда тотъ находился за границей, и это я узнала отъ третьяго лица.

Въ 1857 году, въ бытность мою въ Римѣ, Н. П. Боткинъ повезъ меня къ братьямъ Ивановымъ, предупредивъ, впрочемъ, что врядъ ли я увижу художника А. А. Иванова и его квартиру, потому что онъ сдѣлался совершенно нелюдимымъ и вообразилъ, что его хотятъ отравить, закупаетъ себѣ провизию въ разныхъ лавкахъ и самъ ходитъ за водой къ фонтану. Архитекторъ Сергѣй А. Ивановъ жилъ съ братомъ и мы пріѣхали къ нему смотрѣть акварельные рисунки. Онъ возстановилъ Помпею въ томъ видѣ, въ какомъ она была до разрушенія, такъ что, когда я потомъ осматривала развалины Помпеи, то эти акварели способствовали мнѣ рельефнѣе составить себѣ понятіе о древнихъ римскихъ дачныхъ жилищахъ.

Въ то время, какъ мы разсматривали акварели, вдругъ отворилась дверь и появился худой господинъ небольшого роста, съ болѣзненнымъ и мрачнымъ выраженіемъ лица, одѣтый въ поношенное платье. Я догадалась, что это должно быть художникъ А. А. Ивановъ. Онъ привѣтливо поздоровался съ Н. П. Боткинымъ, пожалъ мнѣ руку, когда насъ познакомили, и сказалъ: «продолжайте-съ разсматривать рисунки, они очень-съ интересны, братъ много положилъ труда на нихъ», отошелъ отъ стола и усѣлся въ кресло въ дали. Я осторожно взглядывала на художника, имѣвшаго изнуренный, убитый видъ. Онъ ни слова не произнесъ и какъ будто все къ чему-то прислушивался. Вдругъ онъ быстро всталъ и торопливо ушелъ изъ комнаты. Его братъ, смотря ему въ слѣдъ, съ грустью сказалъ:

— Вѣрно ему показалось, что кто-то идетъ сюда; онъ избѣгаетъ

приходить ко мнѣ въ комнату, даже когда я одинъ, а если придетъ, то требуетъ, чтобы никто изъ знакомыхъ не увидалъ его. Только это онъ для васъ, Николай Петровичъ, сдѣлалъ исключеніе, что пришелъ поздороваться съ вами.

Н. П. Боткинъ замѣтилъ архитектору, что ему необходимо бы уговорить брата лечиться, и увезти его куда-нибудь изъ Рима.

— Слышать не хочетъ о леченіи, увѣряетъ, что онъ совершенно здоровъ,—отвѣчалъ архитекторъ.

Мы продолжали разсматривать рисунки, которые архитекторъ объяснялъ намъ. Вдругъ послышались два удара въ потолокъ; архитекторъ сказалъ намъ: «извините, я сейчасъ вернусь,—это братъ зоветъ меня къ себѣ на верхъ», и ушелъ.

Вскорѣ онъ вернулся съ папкой въ рукѣ, говоря:

— Чудеса! самъ предложилъ показать вамъ свои эскизы!.. и просилъ васъ, Николай Петровичъ, зайти къ нему на минуточку на верхъ; давнымъ давно никого къ себѣ не впускалъ.

Архитекторъ, показывая намъ эскизы брата, указывалъ на тѣ фигуры, которыя изображены на его картинѣ и говорилъ:

— Конца, кажется, не будетъ его поправкамъ въ картинѣ. Нѣсколько дней совершенно доволенъ своей картиной, а потомъ найдеть у одной фигуры лицо не выразительнымъ, у другой позу не хорошей—впадаетъ въ отчаяніе, начинаетъ опять дѣлать поправки. Въ это время боишься ему слово сказать, такъ онъ бываетъ раздражителенъ.

Не знаю какая была обстановка у художника Иванова, но у архитектора мебель была очень ветхая, да и въ очень ограниченномъ количествѣ; два большихъ, простыхъ стола, стоявшіе у окна, были завалены папками и гипсовыми моделями церквей и древнихъ римскихъ колонъ и фонтановъ.

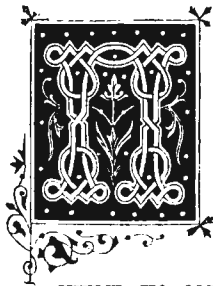
А. Головачева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВИЗАНТІЙСКІЙ ЦАРЬ НА МОСКОВСКОМЪ ПРЕСТОЛѢ.

ОСЛѢ ВСЕГО что писано у насъ объ Іоаннѣ Грозномъ, личность этого царя не можетъ уже считаться неразгаданной и загадочной, какой она представлялась нашимъ первымъ историкамъ Щербатову и Карамзину. Тѣмъ не менѣе взгляды ученыхъ на Грознаго весьма различны. Одни старались представить его человѣкомъ не умнымъ, другіе сумасшедшимъ, третьи дѣйствовавшимъ не самостоятельно, а подѣ влияніемъ какого-нибудь содѣтника (сперва Сильвестра и Адашева, потомъ Малюты Скуратова), четвертые, наконецъ, возводили его на пьедесталь, сilesя доказать, что онъ выше Петра Великаго. Лучшее принадлежитъ, конечно, перу незабвеннаго С. М. Соловьева, старавшагося не оправдывать, а объяснить дѣятельность Грознаго, не отнимавшаго у него ума и впервые доказавшаго, что онъ руководился прежде всего собственною волюю, а никакъ не мнѣніями приближенныхъ.

Изучая византійскую исторію, мнѣ часто приходилось вспоминать Грознаго царя; меня поражало сходство между дѣятельностью Іоанна и византійскихъ императоровъ. Сходство это не можетъ быть случайно. Предъ Іоанномъ Грознымъ, по моему мнѣнію, носился идеаль византійскаго царя, онъ старался осуществить этотъ идеаль; и если посмотрѣть на него съ этой точки зрѣнія, всѣ его дѣйствія оказываются цѣлесообразными и послѣдовательными, что я и стараюсь доказать въ своей статьѣ.

Іоаннъ Грозный былъ человѣкъ начитанный и для своего времени образованный. Онъ читалъ Священное Писаніе, сочиненія от-

цовъ церкви, русскія лѣтописи, хронографы. Хронографы это ничто иное, какъ сочиненія византійскихъ историковъ, переведенныя на славянскій языкъ, или компиляціи, составленныя на основаніи этихъ самыхъ историковъ. Слѣдовательно неудивительно, что онъ зналъ византійскую исторію и имѣлъ представленіе объ императорской власти восточныхъ царей; мы имѣемъ на это безспорныя доказательства. Въ своихъ письмахъ Грозный не рѣдко подкрѣпляетъ свою мысль примѣрами изъ византійской исторіи. Такъ, напр., въ письмѣ къ Максиму Греку о ереси Матѳея Бакшина (Акты историческіе I, 296), онъ говоритъ о Василіѣ Великомъ, Григоріѣ Богословѣ, Іоаннѣ Златоустѣ, Аванасіѣ Александрійскомъ, Германѣ, Тарасіѣ, Никифорѣ патріархѣ Царьграда, Теофилактѣ Никомидійскомъ, архіепископѣ Стефанѣ Сурожскомъ, Стефанѣ Новомъ, Еддорѣ Студійскомъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Курбскому онъ напоминаетъ ему о должномъ уваженіи къ особѣ царя примѣромъ изъ византійской исторіи: «ты, собака, и того не разсудишь, какъ три патріарха собрались со множествомъ святителей къ нечестивому царю Теофилу и многосложный свитокъ написали, но все такихъ хуленій, какъ ты не написали, хотя и нечестивъ былъ царь Теофилъ».

Іоаннъ IV первый изъ великихъ князей московскихъ принялъ титулъ царя и самодержца, онъ первый былъ вѣнчанъ на царство и впервые по окончаніи церемоніи архидіаконъ провозгласилъ многолѣтіе: «благовѣрному и христолюбивому и Богомъ избранному и Богомъ почтенному и Богомъ возлюбленному и нареченному и поставленному великому князю, благовѣнчанному царю Ивану Васильевичу и всея Руси самодержцу многая лѣта». (Дополненія къ актамъ историческимъ, I, 47). Фактъ многознаменательный: византійскіе императоры носили титулъ царя и самодержца, и самое слово самодержецъ буквальный переводъ греческаго автократоръ (автосъ—самъ, крато—держу).

Но царю показалось, что коронованіе московскимъ митрополитомъ недостаточно. Онъ посылаетъ константинопольскому патріарху соборей на двѣ тысячи золотыхъ и проситъ его 1) прислать грамоту отъ себя и всего константинопольскаго собора, благословляющую его на царство, 2) поминать его на литургіи. На это послѣдовалъ отвѣтъ отъ патріарха Іоасафа, въ которомъ онъ благодаритъ за подарки и говоритъ между прочимъ: «И на святыхъ литургіяхъ благочинне молимъ и поминаемъ о державѣ царствія твоего со прежебывшими православными цари». Имя Іоанна поминается на большемъ выходѣ вмѣстѣ съ именами прежнихъ, т. е. византійскихъ царей; слѣдовательно восточное духовенство признало московскаго царя преемникомъ византійскихъ императоровъ. Это сказалося еще яснѣе въ грамотѣ утверждающей Іоанна на царствѣ. Въ грамотѣ, подписанной константинопольскимъ патріархомъ и многими грече-

скими митрополитами, хранящейся до сихъ поръ въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾ сказано: «смирение наше подробно узнало и вполне увѣрилось не только изъ преданій многихъ заслуживающихъ довѣріе мужей, но даже и изъ письменныхъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ, что нынѣшній царь московскій государь Іоаннъ ведетъ свое происхожденіе отъ рода и крови истинно царской, то есть, отъ оной славной и приснопамятной царевны, государыни Анны, сестры самодержца Василя Багрянороднаго. Поэтому благочестивѣйшій царь Константинъ Мономахъ, съ согласія патріарха и всего священнаго архіерейскаго собора, пославъ тогдашняго святѣйшаго митрополита Ефесскаго и патріарха Антиохійскаго, вѣнчали во царя благочестивѣйшаго великаго князя Владиміра, дали тогда ему на главу царскій вѣнецъ и діадиму и иные знаки и одежды царскаго сана. Священнѣйшій митрополитъ московскій Макарій повѣнчалъ его во цари законные и благочестивѣйшіе, но и насъ просятъ вѣнчать его во цари благочестивые, потому что вѣнчаніе совершенное митрополитомъ не имѣетъ достаточной силы. Это привилегія исключительно двухъ лицъ, патріарховъ Римскаго и Константинопольскаго. На такомъ основаніи смирение наше съ священнѣйшими митрополитами и боголюбивѣйшими епископами дѣйствіемъ и благодатію всесвятаго и живоначальнаго духа даруетъ реченному царю Іоанну быть и именоваться ему царемъ законнымъ и благочестивѣйшимъ, увѣнчаннымъ нами согласно законамъ свѣтскимъ и церковнымъ».

Изъ этихъ словъ видно, почему Іоаннъ обратился къ Константинопольскому патріарху. Римская имперія считалась какъ извѣстно всемірной и единой монархіей. Идея эта была передана по наслѣдству и среднимъ вѣкамъ; германскіе императоры съ одной стороны, византійскіе съ другой, считали себя наслѣдниками римскихъ императоровъ. А въ Византіи всѣхъ монарховъ, не исключая германскаго, считали правителями, не имѣвшими права на императорскій титулъ. Когда пала западно-римская имперія и продолжала существовать восточная, византійскіе вѣнценосцы справедливо считали себя преемниками Августа Кесаря. Другихъ императоровъ быть не могло, потому что не было другой имперіи и въ официальныхъ актахъ византійская канцелярія называла германскаго императора королемъ. Предки Іоанна Грознаго были великими князьями, онъ хотѣлъ быть царемъ; очевидно, надо было подыскать какое-нибудь основаніе къ такой перемѣнѣ, надо было доказать свои историческія права на царскій титулъ. Эти права могли основываться только на одномъ, на связи московскаго престола съ престоломъ византійскимъ. Книжники того времени считали, что послѣ паденія Константинополя роль византійскаго государства должно играть москов-

¹⁾ Эта грамота напечатана кн. Оболенскимъ въ Москвѣ, въ 1850 г.

ское царство. Всѣ христіанскія царства погибли, говорили тогдашніе ученые, и слились во едино царство нашего государя, т. е. въ Россійское царство, ибо два Рима пали, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быть. И вотъ Іоаннъ Васильевичъ впервые основываетъ свои права на царскій титулъ на легендѣ, будто бы императоръ византійскій Константинъ Мономахъ вѣнчалъ на царство Владиміра Мономаха князя кіевскаго.

Въ настоящее время историки не сомнѣваются въ томъ, что это легенда, а не историческій фактъ. Константинъ Мономахъ умеръ 11 января 1055 г., когда Владиміру Мономаху было всего два съ небольшимъ года и когда еще никто не могъ предвидѣть, что чрезъ 58 лѣтъ онъ будетъ великимъ княземъ кіевскимъ, потому что было множество князей старше его. Очень трудно доказать, что Владиміръ Мономахъ былъ, дѣйствительно, внукомъ византійскаго императора, какъ это обыкновенно предполагаютъ; изъ подробныхъ мемуаровъ византійскаго писателя Пселла мы знаемъ, что Константинъ Мономахъ былъ бездѣтенъ. Наконецъ, византійскій императоръ не могъ вѣнчать на царство русскаго князя, потому что это по византійскимъ понятіямъ было бы все равно, что отказаться отъ престола, даже уничтожить византійскую имперію; вѣдь царь могъ быть только одинъ. Съ нашей точки зрѣнія всего важнѣе то, что эта легенда появляется впервые въ царствованіе Грознаго. Ея нѣтъ въ древнихъ лѣтописяхъ, которыя велись во время Владиміра Мономаха, но со временъ Грознаго она заносится во всѣ историческія сочиненія. О знаменитой шапкѣ Мономаховой и о вѣнчаніи на царство Владиміра ничего не знаютъ и византійскіе историки. Хотя константинопольскій патріархъ и увѣряетъ, что онъ читалъ объ этомъ въ греческихъ лѣтописяхъ, этого быть не могло, потому что, какъ намъ достовѣрно извѣстно, подобнаго факта нѣтъ въ византійскихъ хронографахъ. Очевидно, восточное духовенство написало свою грамоту со словъ московскихъ пословъ, а мы знаемъ, что и въ другихъ случаяхъ Грозный опирается на ту же легенду. Въ наказѣ послу Астафьеву, посланному для переговоровъ въ Литву, было сказано: «Станутъ говорить, прежде московскіе писались всегда великими князьями, а теперь государь по какой причинѣ пишется царемъ? — отвѣчать: государь нашъ учинился на царствѣ по прежнему обычаю, какъ прародитель его великій князь Владиміръ Мономахъ вѣнчанъ въ царство Русское, когда ходилъ ратью на царя греческаго Константина Мономаха, и царь Константинъ Мономахъ прислалъ ему дары: вѣнецъ царскій и діадиму съ митрополитомъ Ефесскимъ, киръ Неофитомъ, а на царство его митрополитъ Неофитъ вѣнчалъ, и съ этого времени назывался царь и великій князь Владиміръ Мономахъ». Чрезъ нѣсколько лѣтъ на подобный же вопросъ о титулѣ приказано было отвѣчать: «Прародитель его, великій князь Владиміръ Святославо-

вичь, какъ крестился самъ и землю Русскую крестиль, такъ царь греческій и патріархъ вѣнчали его на царство русское, и онъ писался царемъ, а какъ преставился, то и образъ его на иконахъ пишутъ царемъ; потомъ говорить о Мономахѣ». Въ другой разъ выводится происхожденіе Грознаго отъ перваго римскаго императора Августа. Бояре въ разговорѣ съ литовскими послами, не хотѣвшими признавать Іоанна царемъ, объясняютъ имъ: «Августъ Кесарь, обладающій всей вселенной, поставилъ брата своего Пруса на берегахъ Вислы и до сего года по имени его зовется прусская земля, а отъ Пруса четырнадцатое колѣно до великаго государя Рюрика». Мы видимъ, что Грозный колеблется, какъ доказать свои права на царскій титулъ, слѣдовательно легенда о Мономаховой шапкѣ еще окончательно не установилась въ его время. Но онъ постоянно приводитъ одно общее основаніе, свою связь съ византійскими императорами, преемственность, существующую между Москвою третьимъ Римомъ и двумя первыми Римами. Поэтому ему понадобилось утвержденіе въ царствѣ восточнаго духовенства. Грозный хотѣлъ, чтобы онъ какъ византійскіе императоры былъ коронованъ константинопольскимъ патріархомъ.

С. М. Соловьевъ справедливо говоритъ: «Іоаннъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому что первый созналъ вполне все значеніе царской власти, первый такъ сказать составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически». (Исторія Россіи, т. VI). Какая же это была теорія? Изъ переписки Іоанна съ Курбскимъ видно, что теорія эта совершенно византійская. Грозный считалъ, что царская власть установлена Богомъ. «Мы, смиренный Іоаннъ, писалъ онъ Стефану Баторію, царь и великій князь всея Руси, по Божьему изволенію, а не по многоятежному челоувѣческому хотѣнію». «Тщюся съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познають единаго истиннаго Бога въ Троицѣ славимаго и отъ Бога даннаго имъ государя». Онъ думалъ вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ, что «царь есть образъ живой и видимый Царя Небеснаго». Истина и свѣтъ для народа, говорилъ онъ, въ познаніи Бога и отъ Бога даннаго ему государя. Грозный хотѣлъ быть самодержавнымъ царемъ, т. е. управлять государствомъ по собственному разумѣнію, не спрашивая ни у кого совѣта. Судъ его долженъ былъ быть высшимъ судомъ: «жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ также вольны», пишетъ онъ Курбскому. Въ этихъ немногихъ словахъ рельефно высказался взглядъ Грознаго. Подъ холопами онъ разумѣетъ поданныхъ вообще; слѣдовательно для царя всѣ были холопами, и бояре, и потомки удѣльныхъ князей, и воеводы, наравнѣ съ мужикомъ, всѣ они были холопами, рабами царя. Съ этихъ поръ всѣ подданные на челобитныхъ царю подписываются «холопъ твой такой-то», также точно

какъ въ Византіи высшій сановникъ наравнѣ съ мужикомъ подписывался «рабъ державнаго царя такой-то». Взглядъ Іоанна на самодержавіе сказанъ въ его разговорѣ съ инокомъ Вассіаномъ. «Какъ я долженъ царствовать, спрашиваетъ его царь, чтобъ вельможъ своихъ держать въ послушаніи?»—Вассіанъ прошепталъ ему на ухо такой отвѣтъ: «если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то по необходимости будешь послушенъ имъ». Царь поцѣловалъ его руку и сказалъ: «если бы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ такого полезнаго совѣта не подалъ бы».

Кто же въ то время не желалъ самодержавія? Кто былъ злѣйшимъ врагомъ Грознаго, старавшимся всячески помѣшать начинаніямъ царя? То были бояре, потомки удѣльныхъ князей. Они были защитниками старыхъ порядковъ, господствовавшихъ при удѣльной системѣ, они считали себя владѣтелями и не допускали мысли, чтобъ Іоаннъ имѣлъ право править государствомъ безъ ихъ совѣта, безъ боярской думы. Для нихъ Іоаннъ былъ только великимъ княземъ московскимъ, т. е. старшимъ среди нихъ, а никакъ не самодержцемъ. Такимъ образомъ Грозный является проводникомъ новаго начала, бояре защитниками старыхъ порядковъ.

Естественно должна была возгорѣться борьба между новымъ началомъ и старымъ, между царемъ и боярами. Царь старался ограничить значеніе бояръ и боярской думы, бояре съ своей стороны были недовольны самодержавіемъ и всячески старались ограничить царскую власть. Время малолѣтства Іоанна Грознаго принадлежитъ, какъ извѣстно, къ самымъ темнымъ страницамъ русской исторіи, именно потому, что государствомъ управляли въ это время бояре, или лучше сказать, забывъ о нуждахъ государства, они интриговали другъ противъ друга, заботились только о своемъ личномъ благосостояніи, преслѣдовали эгоистическія цѣли. Это темное время оставило неизгладимый слѣдъ въ душѣ Іоанна и онъ не разъ высказывалъ свою ненависть къ боярамъ. «Бояре и вельможи,—говорилъ онъ,—показывали видъ, что мнѣ доброхотствуютъ, а на самомъ дѣлѣ доискивались самовластія». «Бояре и воеводы,—пишетъ онъ митрополиту, уѣзжая въ Александровскую слободу,—земли государскія разобрали, друзьямъ своимъ и родственникамъ роздали, держа за собою помѣстья и вотчины великія, получая жалованья государскія, кормленія, собравши себѣ великія богатства, о государѣ, государствѣ и о всемъ православномъ христіанствѣ не желая радѣть и отъ недруговъ оборонять, вмѣсто того, христіанъ притѣсняли и сами отъ службы начали удаляться». Наконецъ, торжественно и во всеуслышаніе провозглашаетъ онъ съ

лобнаго мѣста,—что власть князей и бояръ, лихоимцевъ, сребролюбцевъ, судей неправедныхъ кончилась, и что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона. Въ этихъ словахъ сказался весь смыслъ внутренней политики Грознаго.

Не такъ смотрѣли бояре. «Собравшись въ Москвѣ люди этого класса (составлявшіе боярскую думу), говоритъ В. О. Ключевскій, стали смотрѣть на себя какъ на властныхъ представителей русской земли при князѣ, который нѣкогда былъ однимъ изъ нихъ, такимъ же княземъ, какъ ихъ предки, но потомъ, благодаря счастью, собралъ землю и потомковъ бывшихъ ея правителей призывалъ управлять ею». («Боярская Дума», стр. 254). Они не хотѣли видѣть царя въ великомъ князѣ московскомъ, они продолжали видѣть въ немъ только великаго князя, старшаго среди удѣльныхъ, они глумились надъ его царскимъ титуломъ, называя его «прегордымъ величествомъ». Царь считалъ себя въ правѣ управлять государствомъ, какъ ему угодно, вовсе не совѣтуясь съ боярской думой или совѣтуясь съ ней только когда ему будетъ угодно. Бояре же находили, что безъ ихъ совѣта царь не долженъ принимать никакихъ важныхъ мѣропріятій, что постановленія думы должны быть обязательны для царя. Грозный не хотѣлъ этого, онъ не признавалъ, чтобы боярская дума была государственнымъ учрежденіемъ, ограничивающимъ самодержаніе, онъ старался лишить ее значенія. Прежде всего онъ не считалъ для себя обязательнымъ совѣтоваться съ думою, а затѣмъ измѣнилъ и характеръ этого учрежденія. Онъ вводитъ въ думу людей худородныхъ, простыхъ дворянъ и даетъ имъ титулъ думныхъ дворянъ. При отцѣ Грознаго, Василіѣ Іоанновичѣ, боярская дума состояла изъ 20 бояръ, одного казначея, одного окольничаго, при Грозномъ—всего изъ 10 бояръ, 8 думныхъ дворянъ, окольничаго, крайчаго, казначея. Такимъ образомъ на ряду съ 10 боярами, являются 11 членовъ не боярскаго рода, людей не знатныхъ, пожалованныхъ царемъ. Это фактъ большой важности: царь не признаетъ, чтобы одни бояре, какъ это было прежде, имѣли право засѣдать въ думѣ; не происхожденіе играетъ главную роль, а воля царя, кого онъ пожалуетъ въ думные дворяне, тотъ будетъ членомъ думы. Слѣдовательно, боярская дума изъ учрежденія аристократическаго обращалась въ учрежденіе служилое.

Мѣропріятія Грознаго по отношенію къ боярамъ находятъ себѣ полную аналогію въ византійской исторіи. Въ римской исторіи существовалъ сенатъ, ограничивавшій власть императора, безъ согласія котораго императоръ даже не могъ вступить на престолъ. Въ сенатѣ могли засѣдать только аристократы, лица извѣстнаго сословія. Что же случилось съ этимъ учрежденіемъ въ Византіи при развитіи самодержавія? Значеніе сената все ограничивалось и ограничивалось, компетенція его суживалась, функціи его стали пе-

реносится на царя, и, наконецъ, сенатъ, какъ государственное учрежденіе, былъ совсѣмъ уничтоженъ императоромъ Львомъ Мудрымъ (въ X вѣкѣ). Но по имени сенатъ, называвшійся въ Византіи синклитъ (или по теперешнему произношенію сиглить), продолжалъ существовать до взятія Константинополя турками. Членами синклита были не только аристократы, какъ прежде, но чиновники, носившіе извѣстные титулы, т. е. лица пожалованные царемъ; синклитъ не былъ уже государственнымъ учрежденіемъ съ опредѣленною компетенціей, это была только совокупность сановниковъ и чиновниковъ, которыхъ императоръ могъ созывать для совѣта, но могъ и не созывать. Мы видимъ, что византійскими императорами сдѣлано было то же самое къ чему стремился Грозный, была уничтожена привилегія аристократическихъ родовъ засѣдать въ сенатѣ, была отмѣнена обязанность царя повиноваться постановленіямъ сената.

Грозный принималъ еще другія мѣры для ослабленія бояръ и потомковъ удѣльныхъ князей. Объ этомъ говоритъ англійскій путешественникъ Флетчеръ. «Захвативъ ихъ наслѣдственные земли и преимущества, рассказываетъ онъ о Грозномъ, за исключеніемъ весьма незначительной доли, которую онъ оставилъ имъ, онъ далъ имъ другія земли, въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, земли въ далекихъ, отъ ихъ прежнихъ земель, областяхъ, въ областяхъ до того отдаленныхъ, что тамъ они не имѣли ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Такъ что теперь высшая аристократія, называемая удѣльные князья, сравнена съ остальными». Это извѣстіе чрезвычайно важно. Очевидно, Іоаннъ Грозный боялся, какъ бы не развилась у насъ сильная землевладѣльческая аристократія, которая могла представить большую опасность для царя. Потомки удѣльныхъ князей продолжали владѣть, въ видѣ вотчинъ, остатками удѣловъ и мѣстное населеніе не могло забыть, что они были когда-то настоящими князьями. Грозный отнимаетъ земли у этихъ потомковъ удѣльныхъ князей, такъ какъ, по его мнѣнію, земля русская принадлежитъ ему одному, а никакъ не всему роду Рюриковичей. Въмѣсто вотчинъ даетъ онъ имъ помѣстія, не представлявшія полной наслѣдственной собственности, но отдававшіяся только въ пожизненное владѣніе. За непослушаніе царь могъ отнять помѣстье. Такимъ образомъ Грозный помѣнилъ развитію зарождавшейся тогда земельной аристократіи.

И въ этомъ Іоаннъ Васильевичъ дѣйствовалъ на подобіе византійскихъ императоровъ. Въ Византіи земля раздавалась чиновникамъ въ процію, т. е. въ пожизненное владѣніе безъ права продавать ее, передавать ее по наслѣдству и т. п., то есть не въ полную собственность. Византійскіе помѣщики старались округлить свои имѣнія на счетъ крестьянъ законными и незаконными спо-

собами; они давали крестьянамъ деньги подъ залогъ земли и когда послѣдніе не въ состояніи были уплатить долга и крупныхъ процентовъ завладѣвали землею крестьянскихъ общинъ, разоряя такимъ образомъ цѣлыя деревни. Особенно пользовались помѣщики для своихъ финансовыхъ операцій неурожайными годами, когда народъ нуждался въ хлѣбѣ и деньгахъ. Императоры съ неудовольствіемъ видѣли, какъ растутъ и подчасъ достигаютъ чрезвычайныхъ размѣровъ имѣнія помѣщиковъ. Издаются рядъ указовъ, запрещающій давать деньги подъ залогъ общинныхъ земель и крестьянамъ продавать земли помѣщикамъ. Общинную землю могла пріобрѣсти только крестьянская же община. Мѣры эти принимались не столько въ защиту крестьянъ отъ помѣщиковъ, старавшихся всячески ихъ запутать и лишить земли, сколько противъ землевладѣльческой аристократіи. Богатство аристократовъ внушало серьезныя опасенія императорамъ. Они знали, что при малѣйшемъ неудовольствіи эти аристократы составляли заговоры, которые были тѣмъ обширнѣе и страшнѣе, чѣмъ богаче были заговорщики.

Іоаннъ старался всячески парализовать боярскія стремленія, поэтому онъ выбиралъ своихъ приближенныхъ не изъ бояръ. Самыми близкими къ нему людьми были, какъ извѣстно, Сильвестръ, простой священникъ Благовѣщенскаго собора и Адашевъ, челоуѣкъ очень незначительнаго происхожденія. Позже учредилъ онъ опричнину, смыслъ которой прекрасно объясненъ С. М. Соловьевымъ. «Опричнина была учреждена потому, что царь заподозрѣлъ вельможъ въ неприязни къ себѣ и хотѣлъ имѣть при себѣ людей вполнѣ преданныхъ ему. Положить на нихъ на всѣхъ опалу безъ улики, безъ обвиненія, заточить, сослать всѣхъ, лишить должностей, сановъ, лишить голоса въ думѣ, и на ихъ мѣсто набрать людей новыхъ, незначительныхъ, молодыхъ, какъ тогда называли, это было невозможно. Если нельзя было прогнать отъ себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство—самому уйти отъ него, Іоаннъ такъ и сдѣлалъ. Старые вельможи остались при своихъ старыхъ должностяхъ, но Іоаннъ не хотѣлъ видѣть ихъ подлѣ себя, и потому потребовалъ для себя особаго двора, особыхъ бояръ, окольничихъ и т. д.; но онъ не могъ бы совершенно освободиться отъ стараго вельможества, еслибъ остался жить въ старомъ дворцѣ, и вотъ Іоаннъ требуетъ новаго дворца; онъ не могъ не встрѣчаться со старыми вельможами при торжественныхъ выходахъ и т. п., еслибъ оставался въ Москвѣ, и вотъ Іоаннъ покидаетъ Москву, удаляется на житыѣ въ Александровскую слободу». (Исторія Россіи, т. VI, стр. 196—197). Слѣдовательно, въ учрежденіи опричины и въ удаленіи Грознаго изъ Москвы не было ничего нелѣпаго, да это слишкомъ напоминаетъ Петра Великаго, чтобы быть нелѣпнымъ.

Царь Іоаннъ зналъ, что бояре противники самодержавія и старался опереться на народъ и среднее сословіе. Когда Іоаннъ, раз-

гнѣванный на бояръ, удалился въ Александровскую слободу, онъ прислалъ грамоту къ купцамъ и ко всему православному христіанству города Москвы и велѣлъ ее передъ ними прочесть; въ ней онъ писалъ, чтобы они себѣ никакого сомнѣнія не держали, гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ. Народъ испугался отъѣзда царя, онъ боялся, что имъ опять будутъ править бояре и вновь наступятъ темныя времена боярскаго правленія. Поэтому народъ просилъ, чтобы государь государства не оставлялъ и ихъ на расхищеніе волкамъ не отдавалъ, особенно избавлялъ бы ихъ отъ рукъ сильныхъ людей. Подъ волками, очевидно, разумѣли бояръ. Дѣйствительно ничего не можетъ быть хуже боярскаго олигархіи, что доказало наше смутное время. Въ то время какъ Курбскій, сторонникъ бояръ, старается доказать Грозному библейскими примѣрами, что Богъ наказывалъ царей, когда они не слушались совѣта «сиглитскаго», народъ смотрѣлъ совсѣмъ иначе на царскую власть и боярскія притязанія. Въ разсказѣ о султанѣ Магометѣ, написанномъ челоуѣкомъ не знатнаго происхожденія, говорится: «Магометъ-султанъ такъ говорилъ: нельзя царю царство безъ грозы держать, царь Константинъ (послѣдній византійскій императоръ) далъ волю вельможамъ, и Богъ разгнѣвался на него, на вельможъ его и на все царство за то, что они правдою гнушались». По этому народному разсказу выходитъ, что Константинополь палъ потому, что царь далъ волю вельможамъ, а не потому, что онъ не слушался ихъ, какъ толковали наши бояре. Лекаръ Бомелій, иностранецъ, пользовавшійся довѣріемъ Грознаго и считавшійся народомъ за волшебника, является въ народной повѣсти вельможей, членомъ синклита. Былъ царь православный, боголюбивый и милостивый, говорится въ этой повѣсти, ходившій по заповѣдямъ Божиимъ; но по дѣйству дьявольскому, явился при немъ одинъ изъ синклитовъ, чародѣй злой, который вошелъ къ нему въ милость и началъ клеветать на людей неповинныхъ; оскорбилъ царя неповинныхъ различными печальми и самъ отъ нихъ печаль имѣлъ и страхъ. Но приспѣло время мести Божіей: встали окрестные города и поплѣнили его земли, города разорили, людей поразили и до царствующаго града дошли; царь, видя бѣду, покался и сжегъ чародѣя съ товарищами его.

Принявъ во вниманіе идеалъ царской власти, носившійся передъ Грознымъ, намъ станутъ понятными два его поступка, за которые онъ подвергался наибольшимъ нареканіямъ со стороны историковъ, это опала его любимцевъ Сильвестра и Адашева и новгородскій погромъ. Когда Іоаннъ заболѣлъ и думалъ, что умереть, онъ потребовалъ, чтобы бояре присягнули сыну его Дмитрію. Но тутъ оказалось, что двоюродный братъ царя Владиміръ Андреевичъ имѣетъ сильную партію, желавшую возвести на престолъ его, а не сына Іоаннова; къ этой партіи принадлежали и Сильвестръ и Ада-

шевъ. Понятно, что, выздоровѣвъ, Іоаннъ не могъ забыть такой измѣны, онъ удалилъ своихъ прежнихъ совѣтниковъ, но поступилъ съ ними очень мягко, Сильвестръ былъ сосланъ въ монастырь, а Адашевъ назначенъ воеводою въ одинъ ливонскій городъ. Великій князь московскій не придавалъ бы можетъ большого значенія тому, что часть бояръ прочать въ его преемники не сына, а брата, но на самодержца это должно было произвести сильное впечатлѣніе. Не признавать законнымъ наслѣдникомъ сына, не присягать тому, кому велитъ царь, это преступленіе съ точки зрѣнія самодержавнаго монарха. Стать на сторону Владиміра Андреевича, это значило возвращаться къ старымъ порядкамъ удѣльной Руси, противъ которыхъ боролся Іоаннъ и боролись, какъ онъ думалъ, его любимцы. И вдругъ эти любимцы оказались не противниками, а защитниками старины; надо только удивляться, что Грозный царь не поступилъ съ ними строже.

О новгородскомъ дѣлѣ дошло до насъ такъ мало свѣдѣній, что оно представляется намъ недостаточно яснымъ. Мы знаемъ, что какой-то Петръ донесъ царю, будто новгородцы хотятъ предаться польскому королю, и доносъ этотъ оказался правдою. Знаемъ, что велось слѣдствіе о сношеніяхъ новгородскаго архіепископа Пимена и новгородскихъ приказныхъ людей съ нѣкоторыми боярами, рѣчь между ними шла о томъ, чтобы сдать Новгородъ и Псковъ литовскому королю, царя Іоанна извести, на государство посадить князя Владиміра Андреевича. Извѣстно, что Іоаннъ пошелъ походомъ на Новгородъ и разгромилъ его самымъ жестокимъ образомъ. Надо думать, что въ этомъ дѣлѣ сказались старинныя стремленія вольнаго города Новгорода, хотя вѣче въ то время уже было уничтожено; по всей вѣроятности, новгородцы хотѣли посадить у себя своего отдѣльнаго князя. Могъ ли потерпѣть это самодержавный царь?

Вспомнимъ еще разъ Византію. Византійскіе императоры уничтожили муниципальное устройство городовъ, другими словами, они лишили города самоуправленія, существовавшаго въ Римской имперіи. Граждане не имѣли уже права избирать изъ своей среды должностныхъ лицъ, городской совѣтъ, самостоятельно управлять городами. Всѣ города въ Византійской имперіи управлялись воеводами, т. е. чиновниками, назначавшимися императоромъ.

Въ отношеніяхъ къ церкви Іоаннъ Грозный является тѣмъ же византійскимъ императоромъ, какимъ онъ былъ по отношенію къ боярамъ. Митрополитъ Филиппъ принадлежалъ къ роду бояръ Колычевыхъ, заподозрѣнныхъ въ смутѣ въ малолѣтствѣ Іоанна. Когда Колычевыхъ постигла опала, Филиппъ удалился въ Соловки и здѣсь черезъ десять лѣтъ достигъ сана игумена. Впослѣдствіи царь предложилъ ему кафедру митрополита, онъ сначала отказывался, потомъ согласился только подъ условіемъ уничтоженія опричины. Царь

обидѣлся и Филиппъ отказался отъ своихъ требованій, даже даль письменное обязательство «въ опричину и царскій домовый обиходъ не вступаться». Мы замѣчаемъ, что у митрополита Филиппа были боярскія тенденціи, поэтому онъ возставалъ противъ новыхъ людей, опричниковъ, долженствовавшихъ замѣнить старинныхъ бояръ; но затѣмъ онъ обязался не вмѣшиваться въ государственныя дѣла и обязательства своего не исполнилъ. Извѣстно, что послѣ публичнаго обличенія царя въ церкви, при народѣ, участь митрополита была рѣшена. Надъ митрополитомъ былъ наряженъ судъ и онъ лишень сана. Исторія митрополита Филиппа извѣстна намъ очень плохо, такъ какъ единственный источникъ—это житіе Филиппа, написанное 20 лѣтъ послѣ его смерти однимъ Соловецкимъ монахомъ. Монахъ этотъ зналъ хорошо дѣятельность Филиппа, какъ игумена; но то, что дѣлалось въ Москвѣ, ему было мало извѣстно; къ тому же житіе, по справедливому замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина, «очевидно, враждебно свѣтской власти». (Русская исторія т. II, стр. 269). Г. Бѣловъ прекрасно говоритъ по этому поводу: «его публичное обличеніе Іоанна въ церкви можетъ быть и высоко-нравственный подвигъ, но какъ политическій актъ большая и грустная ошибка при томъ возбужденномъ состояніи общества, въ которомъ оно тогда находилось. Петръ Великій и при менѣ щекотливыхъ условіяхъ замѣтилъ Стефану Яворскому, что если обличать, то сначала наединѣ, а потомъ уже при всѣхъ». (Объ историческомъ значеніи русскаго боярства, въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1886 г., февраль). Общій смыслъ борьбы между царемъ и митрополитомъ, кажется, ясенъ, онъ выразился въ словахъ Іоанна: что тебѣ чернецу до нашихъ царскихъ дѣлъ? Дѣло заключалось, очевидно, въ томъ, что Іоаннъ хотѣлъ сдѣлать изъ митрополита своего чиновника, не допускалъ самостоятельности церкви, видѣлъ въ церкви только государственное учрежденіе, во главѣ котораго долженъ стоять царь, какъ стоитъ онъ во главѣ всѣхъ остальныхъ государственныхъ учрежденій. А митрополитъ считалъ себя въ правѣ не только распоряжаться церковными дѣлами, но и вмѣшиваться въ свѣтскія. Можетъ быть въ эпизодѣ съ митрополитомъ Филиппомъ играла нѣкоторую роль общая церковная политика Іоанна, которой не могли сочувствовать духовныя лица. «Въ его лицѣ, говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, въ первый разъ верховная власть проявила свое право, согласно съ общими потребностями государства, ограничивать и отиѣнять гражданскія права духовенства, исправлять злоупотребленія, принимать мѣры для соблюденія благочинія». (Сочиненія т. V, стр. 201). По инициативѣ царя соборъ 1551 г. положилъ предѣлы обогащенію духовенства недвижимыми имуществами. Запрещено было архіепископамъ, епископамъ и монастырямъ покупать вотчины безъ согласія царя и, что было еще непріятнѣе духовенству, у архіереевъ и монастырей были отобраны имѣнія,

подаренныя или проданныя имъ боярами въ малолѣтство Грознаго.

Отношеніе государства къ церкви, которое устанавливается у насъ со временъ Иоанна IV, вполне соответствуетъ византійскимъ порядкамъ. Замѣчательно, что дѣло митрополита Филиппа похоже даже во многихъ подробностяхъ на столкновеніе византійскаго императора Исаака Комнина съ извѣстнымъ патріархомъ Михаиломъ Кирулларіемъ, при которомъ совершилось такъ называемое окончательное раздѣленіе церковей. Въ дни своей молодости будущій патріархъ стоялъ во главѣ заговора противъ императора Михаила IV, заговоръ былъ открытъ, Кирулларій сосланъ и насильно постриженъ. Такъ же, какъ нашъ митрополитъ, онъ принадлежалъ къ аристократическому роду. По желанію императора Константина Мономаха, онъ былъ сдѣланъ патріархомъ въ 1043 г. Черезъ 15 лѣтъ послѣ этого императоръ Исаакъ Комнинъ приказалъ своей стражѣ схватить патріарха и отправить его въ ссылку. Въ это время долженъ былъ собраться соборъ для низложенія Кирулларія, но онъ умеръ, не дождавшисъ суда. Столкновеніе императора съ патріархомъ похоже на столкновеніе московскаго царя съ митрополитомъ Филиппомъ. «Въ лицѣ Кирулларія и Комнина, говоритъ г. Скабелановичъ, лучше всѣхъ объяснившій этотъ эпизодъ византійской исторіи, сошлись двѣ природы одинаково устойчивыя и неподатливыя, два самолюбія одинаково исключительныя, честолюбіе патріарха, для котораго не было достоинства и власти выше патріаршей, съ честолюбіемъ императора, не допускавшаго въ мірѣ власти выше императорской». (Византійское государство и церковь, стр. 385). Патріархъ былъ недоволенъ церковною политикою императора, преимущественно тѣмъ, что онъ отбиралъ, какъ Грозный, земли у монастырей и духовенства. Кирулларій старался вразумить царя, обличалъ его, грозилъ эпитиміей. Дѣло кончилось тѣмъ же, чѣмъ у насъ, насиліемъ, совершеннымъ свѣтскою властью надъ церковною. Въ обвинительной рѣчи противъ патріарха Михаила Кирулларія, которая была приготовлена и должна была быть сказана на несостоявшемся соборѣ, на патріарха ввоздвигались всякія небылицы. Его хотѣли уличить въ ереси и, между прочимъ, въ томъ, что онъ находился въ сношеніяхъ съ одной пророчицей Досиѳею и занимался будто бы гаданіемъ и предсказаніемъ будущаго. Замѣчательно, что митрополита Филиппа тоже обвиняли въ волшебствѣ, въ чемъ онъ былъ, конечно, не повиненъ.

Какъ византійскіе императоры, Грозный считалъ обязанностью царя стоять на стражѣ православія и помогать православному духовенству, гдѣ бы оно не жило. Папа Григорій XIII отправилъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина, въ наказѣ которому говорилось: «пріобрѣтѣ расположеніе и довѣренность государя москов-

скаго, приступайте къ дѣлу, внушайте какъ можно искуснѣе мысль о необходимости принять католическую религію, признать главою церкви первосвященника римскаго, признаваемого таковымъ отъ всѣхъ государей христіанскихъ; наводите царя на мысль, какъ не прилично такому великому государю признавать митрополита константинопольскаго, который не есть законный пастырь, но симоніанъ и рабъ турокъ; что гораздо лучше и славнѣе для него будетъ, если онъ, вмѣстѣ съ другими государями христіанскими, признаетъ главою церкви первосвященника римскаго». Въ бесѣдѣ Поссевина съ Иоанномъ о вѣрѣ іезуитъ говорилъ: «Папа Григорій XIII, сопредстольникъ Петра и Павла, хочетъ съ тобою, великимъ государемъ, быть въ соединеніи вѣры, а вѣра римская съ греческою одна. Папа хочетъ, чтобы во всемъ мірѣ была одна церковь: мы бы ходили въ греческую, а славяне греческой вѣры приходили бы въ наши церкви. Ты будешь съ палою, цесаремъ и другими государями въ любви, и будешь не только на прародительской вотчинѣ въ Кіевѣ, но и въ Царѣ-Градѣ государемъ будешь; папа, цесарь и всѣ государи о томъ будутъ стараться». Иоаннъ отвѣчалъ: «Намъ съ вами не сойтись о вѣрѣ, наша вѣра христіанская съ издавшихъ лѣтъ была сама по себѣ, а римская церковь сама по себѣ; намъ мимо своей вѣры истинной, христіанской, другой вѣры хотѣть нечего. Ты говоришь, что вапа вѣра римская съ греческою одна, но мы держимъ вѣру истинную христіанскую, а не греческую; греческая слыветъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ: отъ Еѳіопіи предварить рука ея къ Богу, а Еѳіопія все равно, что Византія, Византія же просіяла въ христіанствѣ, потому и греческая слыветъ вѣра; а мы вѣру истинную христіанскую исповѣдуемъ, и съ нашею вѣрою христіанскою римская вѣра во многомъ не сойдется». Когда въ Византіи говорили: «христіанинъ», подъ этимъ разумѣли православнаго. Иоаннъ Грозный отлично понималъ, что главный пунктъ, въ которомъ православные не могутъ сойтись съ католиками, это признаніе главенства папы и его непогрѣшимости. Поэтому онъ говорилъ Поссевину: «Насъ пригоже почитать по царскому величеству, а святителямъ въѣмъ, апостольскимъ ученикамъ, должно смиреніе показывать, а не возноситься превыше царей гордостью. Папа не Христось, престоль, на которомъ его носятъ—не облако, тѣ, которые его носятъ—не ангелы; папѣ Григорію не слѣдуетъ Христу уподобляться и сопредстольникомъ ему быть, да и Петра апостола равнять Христу не слѣдуетъ же. Который папа по Христову ученію, по преданію апостоловъ, ходитъ, тотъ папа сопредстольникъ апостоламъ, а который папа не по Христову ученію и не по апостольскому преданію станетъ жить, тотъ папа волкъ, а не пастырь». Поссевинъ сказалъ на это: «если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше говорить», и замолчалъ.

Грозный считалъ своею обязанностью заступаться за право-

славныхъ и помогать православному духовенству, потому что онъ какъ единственный православный царь долженъ быть защитникомъ и покровителемъ всѣхъ православныхъ къ какой бы они національности не принадлежали. Такъ, напримѣръ, Паисій, игумень болгарскаго монастыря на Аѳонѣ, обращался къ царю Іоанну съ просьбою заступиться за нихъ предъ султаномъ, наложившимъ на нихъ слишкомъ тяжкую дань. Іоаннъ исполнилъ просьбу и послалъ грамоту султану, въ которой просилъ облегчить участь болгарскаго монастыря. Грозный посылаетъ архидіакона Геннадія и Василя Позняка въ Іерусалимъ, Святую гору и Египеть, для раздачи царской милостыни. Съ ними послано было: Іоакиму, патріарху александрійскому—рухляди на 1,000 золотыхъ, икона Богородицы и соболья шуба на бархатѣ; Герману, патріарху іерусалимскому—рухляди на 400 золотыхъ и соболья шуба на бархатѣ, ко гробу Господню—рухляди на 400 золотыхъ и на Голгоѳу—рухляди на 200 золотыхъ; Іоакиму, патріарху антиохійскому—рухляди на 200 золотыхъ и соболья шуба на бархатѣ; Макарію, игумену монастыря Синайскаго—рухляди на 800 золотыхъ, соболья шуба на бархатѣ, шелковый, золотомъ шитый, покровъ на мощи св. Екатерины; Іоасафу, патріарху константинопольскому — соболья шуба; Іоасофу, игумену Савиной лавры въ Палестинѣ—200 рублей.

Забываясь о чистотѣ православія, преслѣдуя еретиковъ, Іоаннъ также, какъ византійскіе императоры, не считалъ нужнымъ подчиняться церковнымъ законамъ. Потерявъ третью жену, царь женился въ четвертый разъ на Аннѣ Колтовской, затѣмъ жилъ открыто съ Анной Васильчиковой и Василисой Мелентьевой, но съ ними не вѣнчался, наконецъ, былъ повѣнчанъ въ пятый разъ съ Марією Нагою. Не будь Іоаннъ царемъ, его, конечно, ни одинъ священникъ не сталъ бы вѣнчать въ четвертый разъ. Но для византійскихъ императоровъ законъ не былъ писанъ, «воля-царя стояла выше закона», какъ выражается одинъ греческій писатель XI вѣка.

Историки, старавшіеся представить Іоанна Грознаго сумасшедшимъ тираномъ, обращали вниманіе исключительно на его жестокость, на его подозрительность, упуская изъ виду другія стороны его дѣятельности. Не надо забывать, что нашъ первый самодержецъ отлично сознавалъ государственныя нужды Россіи и плодомъ этого сознанія явилось изданіе новаго судебника, покореніе Казани и Астрахани, война за Ливонію. Завоеваніе Казани мѣтко оцѣнено С. М. Соловьевымъ, единственнымъ нашимъ историкомъ, отнесшимся безпристрастно къ Грозному. «Благодаря великодушнымъ усиліямъ молодого государя, говоритъ С. М. Соловьевъ, Казань взята, присоединена къ московскому государству, завоевано татарское царство. Надобно перенестись въ XVI вѣкъ, чтобы понять всю силу впечатлѣнія, какое производили на современниковъ эти слова: за-

воевано татарское царство! Послѣ многихъ вѣковъ страданія и униженія явился, наконецъ, царь на Руси, который возвратилъ ей счастливое время первыхъ князей завоевателей: понятно, отсюда, почему Иоаннъ IV сталъ такъ высоко надъ своими предшественниками, почему для русскихъ людей XVII вѣка это былъ самый величественный образъ въ русской исторіи, загораживающій собою всѣ другіе образы, именно такой, какимъ для русскихъ людей двухъ послѣднихъ вѣковъ былъ образъ Петра Великаго; но имѣемъ право сказать, что относительно всей массы русскаго народонаселенія, впечатлѣніе, произведенное подвигами Иоанна IV, было сильнѣе впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ подвигами Петра, ибо дѣятельность Преобразователя, касавшаяся преимущественно высшихъ слоевъ общества, подвиги сѣверной войны, Полтавская побѣда, не могли возбуждать въ цѣлой массѣ народонаселенія такого сильнаго сочувствія, какое въ русскихъ людяхъ XVI вѣка возбуждено было завоеваніемъ татарскаго царства. Пала Казань и вся Волга стала рѣкою московскаго государства; завоеваніе Астрахани было скорымъ неминуемымъ слѣдствіемъ завоеванія Казани. Съ паденіемъ Казани, т. е. со взятіемъ всей Волги во владѣніе московскимъ государствомъ, русскія поселенія получили возможность распространяться и на юго-востокъ, въ богатые страны, орошаемыя западными притоками Волги и восточными Дона». (Исторія Россіи, т. VI, стр. 98—101).

Иоаннъ Грозный былъ во многихъ отношеніяхъ предшественникомъ Петра Великаго. Онъ начинаетъ войну съ Ливонскимъ орденомъ, исконнымъ врагомъ Россіи, препятствовавшимъ нашимъ сношеніямъ съ западною Европою, иными словами начинаетъ войну изъ-за обладанія Балтійскимъ моремъ. Замѣчательно, что приближенные царя Сильвестръ, Адашевъ и другіе бояре, совѣтовали ему вмѣсто Ливоніи идти походомъ въ Крымъ, т. е. совѣтовали ему предпринять нелѣпую войну, которая непременно кончилась бы неудачей. Но Грозный хорошо сознавалъ, что безъ моря Россія не можетъ сдѣлаться сильнымъ государствомъ, и хотя его постигла неудача, онъ преслѣдовалъ разумную цѣль, ту же цѣль какую поставилъ себѣ Петръ Великій. Очень интересенъ тотъ фактъ, что Иоаннъ проситъ Елисавету, королеву англійскую, чтобы она позволила пріѣзжать къ нему мастеровымъ, умѣющимъ строить корабли и управлять ими. Слѣдовательно, царь надѣялся завоевать Балтійское море и думалъ завести флотъ.

Историки сдѣлали Иоанну IV репутацію жестокаго тирана, но жестокость его значительно преувеличена. Прежде всего надо имѣть въ виду, что свѣдѣнія о казняхъ сообщены намъ не друзьями его, а врагами. Однимъ изъ главныхъ источниковъ служитъ переписка Курбскаго, отъявленнаго врага царя, питавшаго къ нему настоящую ненависть. Въ теченіе цѣлыхъ восьми послѣднихъ лѣтъ царство-

ванія Грознаго мы не знаемъ ни одной казни. Далѣе жестокость была въ нравахъ того времени не только нашихъ, но и европейскіихъ. Въ очень распространенной повѣсти «о царѣ Турскомъ Магметѣ» строгій судъ и жестокія казни султана прославляются какъ достойныя подражанія.—«Магметъ салтанъ учаль говорити: аще не такую грозю великій народъ угрози, ино и правду въ землю не ввеси». Одинъ путешественникъ рассказываетъ, что въ 1598 г. онъ насчиталъ на одномъ только мосту въ Лондонѣ 300 головъ казенныхъ за измѣну правительству. (Свѣдѣніе сообщенное К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ Русской исторіи, т. II, стр. 258). Наконецъ, при отсутствіи тюремъ и Сибири, за недостаткомъ хорошо организованной полиціи, у Иоанна былъ единственный способъ отдѣлаться отъ измѣнниковъ, казнить ихъ смертною казнію. Казней дѣйствительно было не мало въ это царствованіе, но отъ нихъ страдало только одно сословіе, бояре, народу жилось не хуже, чѣмъ при прежнихъ и слѣдующихъ царяхъ. Всѣ эти обстоятельства объясняютъ, если и не оправдываютъ жестокость Грознаго царя.

Иоаннъ IV былъ первымъ нашимъ самодерцемъ, византійскимъ царемъ на московскомъ престолѣ. Въ первый разъ иностранные послы увидѣли въ Москвѣ царя, сидящаго на тронѣ, съ золотой византійской короной на головѣ, въ золотомъ византійскомъ платьѣ, съ византійскимъ скипертомъ въ рукѣ, русскаго царя со всѣми атрибутами византійскаго самодержавія.

Пав. Безобразовъ.

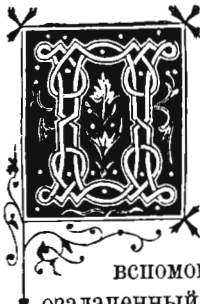

ТИПЫ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ ¹⁾.

II.

Рьяный нѣмчинъ.

I.

В СЕНЬЮ 1608 года, большая бѣда обрушилась на все ростовско-ярославское Поволжье, которое, въ самый разгаръ борьбы царя Василя Ивановича съ тушинскимъ царькомъ, оставалось вѣрно царю Василю. Въ тотъ періодъ времени, когда юный герой Скопинъ-Шуйскій уѣхалъ въ Великій Новгородъ заключать союзъ со шведами и получить отъ нихъ вспомогательное войско, а нерѣшительный царь Василій, озадаченный военными неудачами, засѣлъ со всѣмъ своимъ войскомъ за крѣпкими стѣнами Москвы, въ тушинскомъ лагерѣ задуманъ былъ смѣлый набѣгъ. По знаку, данному изъ Тушина, отъ войскъ осаждавшихъ Троицкую обитель, Сапѣга отдѣлилъ небольшой отрядъ изъ казаковъ и поляковъ, подъ начальствомъ стараго и опытнаго испанскаго кондотьера Донъ-Жуана Крузатти, присоединилъ къ этому отряду три летучія сотни головорѣзовъ съ самимъ паномъ Александромъ Лисовскимъ—и отправилъ ихъ въ набѣгъ на богатую и еще не разоренную ростовско-ярославскую область. Набѣгъ былъ такъ стремителенъ, такъ неожиданъ, что враги, нигдѣ не встрѣтивъ серьезнаго отпора, добрались до Переяславля, разгромили и сожгли его; потомъ подступили къ Ростову, взяли его приступомъ, послѣ упорнаго сопротивленія, и разграбили до тла, не

¹⁾ См. «Историческіи Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 395.

поцадивъ ни церквей, ни даже мощей святыхъ угодниковъ. Разгромъ Ростова напугалъ богатыхъ ярославцевъ: не рѣшились они вступить въ открытую борьбу съ тушинцами—и заявили о желаніи передаться на сторону царька, если только имъ будетъ обѣщано, что тушинцы не станутъ грабить ихъ дома и лавки, и не тронуть ихъ женъ и дѣтей. Крузатти и Лисовскій согласились на это условіе и дали ярославцамъ въ воеводы нѣмца Іоакима Шмита. Ему-то и присягнули всѣ жители Ярославля и русскіе, и иноземцы, которыхъ было много въ Ярославлѣ. Въ тушинскій лагерь отправили съ Лисовскимъ и Крузатти выборныхъ гражданъ, и съ ними послали 30,000 рублей окупы да обозъ съѣстныхъ припасовъ. Примѣру Ярославля послѣдовали и другіе города: Кострома, Галичъ, Вологда; большая часть Поволжья покорилась царьку и отложила отъ царя Василя Ивановича. Въ Ярославлѣ поставленъ былъ значительный отрядъ поляковъ гарнизономъ—и нѣмецъ Шмитъ сталъ воеводствовать въ богатомъ русскомъ торговомъ городѣ и полновластно распоряжаться въ немъ, творя судъ и расправу.

Только одинъ человекъ во всемъ Ярославлѣ не покорился воеводѣ-нѣмцу и перечилъ ему на каждомъ шагу. Этотъ смѣльчакъ былъ никто иной, какъ богатѣйшій изъ торговыхъ иноземцевъ въ Ярославлѣ, нѣкій Даніэль Готлибъ Эйльгофъ, извѣстный въ ярославскомъ торговомъ мірѣ подъ именемъ Данилы Богдановича или, еще проще, подъ именемъ Данилы Нѣмчина.

Данило Нѣмчинъ былъ человекъ дѣйствительно замѣчательный. Лѣтъ тридцать тому назадъ выѣхалъ онъ въ Москву изъ Нидерландовъ, въ качествѣ часовщика, органаго мастера и «органнаго играца» при дворѣ Грознаго царя Ивана Васильевича, нажилъ кое-какія деньжонки, невидимо какъ очутился въ Ярославлѣ, потомъ пристроился приставомъ къ солянымъ промысламъ въ Костромѣ, и, наконецъ, самъ завелся солеварней. Дѣло пошло у него очень бойко:—не прошло и десяти лѣтъ, какъ онъ уже занялъ почетное мѣсто въ средѣ ярославскаго и костромскаго купечества. Данилу Нѣмчина всѣ знали и въ Костромѣ, и въ Ярославлѣ, и въ Вологдѣ, — и всѣ любили, и всѣ уважали не за богатство его, не за оборотливость и торговое умѣнье, не за честность его, которая вошла въ пословицу; а за то, что онъ, живучи въ Московіи, такъ обрусѣлъ и такъ искренно привязался къ своему новому отечеству, что его трудно было съ перваго взгляда и отличить отъ кореннаго русскаго человека. Женатъ онъ былъ на русской, давно перешелъ въ православіе, прекрасно усвоилъ себѣ русскій языкъ и говорилъ на немъ даже слишкомъ правильно, какъ говорятъ только обрусѣлые нѣмцы. Хотя, впоследствии, онъ и овдовѣлъ, но у него въ семьѣ соблюдался строго и русскій обрядъ, и русскій обычай, и русское прославленное хлѣбосолецтво. Только въ одномъ и отличался домъ его отъ домовъ другихъ торговыхъ людей, съ которыми

онъ вель дѣла и дружбу:—въ немъ царила такая чистота и такой порядокъ, о которыхъ современный русскій человѣкъ могъ имѣть лишь весьма темныя понятія. Пріятели, изъ костромичей и ярославцевъ, подсмѣваясь надъ Данилой, недаромъ говаривали:

— У Данилы, на столѣ,—что въ торговой книгѣ; а въ торговой книгѣ—что на столѣ. Рукъ не помывши да лба не окрестивши, и не притрогивайся!

Данило Нѣмчинъ вель дѣла въ Ярославлѣ и съ русскими купцами, и съ иноземными торговцами—голландцами, нѣмцами и англичанами, у которыхъ были въ Ярославлѣ свои торговыя конторы. Но дружбу водилъ Данило съ немногими изъ иноземцевъ. Не жаловалъ онъ тѣхъ, что прѣзжали въ Московію съ единственною цѣлью легкой и скорой наживы, и съ величайшей непріязнью относился къ тѣмъ французскимъ и нѣмецкимъ выходцамъ, которые, являсь къ намъ изъ-за рубежа, служили наемниками въ войскѣ нашемъ, и шутя получали чины, помѣстья и награды. Данило называлъ ихъ «волками кровожадными», а къ числу «волковъ» онъ относилъ и воеводу Шмита, посаженнаго въ Ярославлѣ тушинцами. За лишнюю угодливость и покорство предъ воеводою и за измѣну царю Василью Данило не разъ корилъ своихъ товарищей-купцовъ...

— Стыдъ и срамъ для всѣхъ насъ, господа степенные купцы ярославскіе!—при каждомъ удобномъ случаѣ кричалъ, нестѣснясь, Данило Нѣмчинъ.—Задаромъ измѣнили мы царю Василью Ивановичу, душу бѣсу продали, присягу нарушили! Чтобы шкуру свою убережъ да кладовыя не дать очистить—мы къ тушинскому царю перекачнулись и вотъ теперь гнемъ спину передъ заѣзжимъ проходимцемъ, котораго намъ поляки навязали въ воеводы. Стыдъ и срамъ! Я и нѣмчинъ родомъ, да сердцемъ-то я—русскій, и мнѣ за васъ, русскихъ, и стыдно, и больно!

— Что дѣлать, Данило Богданычъ! Сила солону ломить... Знать, на то была Божья воля!

— Еще что выдумали! Божья воля! Сами полякамъ да тушинцамъ шеи подставляли—и во всемъ вину на Бога складываете! Вотъ онъ васъ за вашу ложь да за трусость и наказываетъ...

— Да гдѣ же было противъ нихъ биться! Самъ посуди, Данило Богданычъ!—оправдывались торговые тузы.—Вѣдь вонъ какъ они съ Переяславомъ, да съ Ростовомъ Великимъ расправились!.. Камня на камнѣ не оставили!

— То другое дѣло! А вы, ярославцы, да костромичи—могли бы отъ поляковъ отбиться, и не будь я Данило, коли противъ тушинцевъ все Поволжье въ двѣ недѣли не подниму...

— Такъ, значить, ты тоже присягу по-боку? Вѣдь ты Тушинскому-то присягалъ же съ нами? Значить, не станешь соблюдать?..

— Этой присяги и Богъ не принимаетъ! Ножъ къ горлу приставили—и присягай! Такую-то присягу да соблюдать!.. Да и они-

то, тушинцы, соблюдаютъ что ли ту ряду, по которой мы положились тянуть на сторону царя Дмитрія? Развѣ не обижаютъ васъ, не грабятъ васъ теперь—и воевода Шмитъ развѣ не первый имъ пособникъ?..

— Да это точно что... Оно, конечно,—не соблюдаютъ... А все же... какъ-то, оно того!..—отзывались богатые торговые тузы, почесывая въ затылкахъ и нерѣшительно переминаясь съ ноги на ногу.

И всѣ эти рѣчи доходили до воеводы Шмита, который отлично зналъ, какимъ вліяніемъ, какимъ значеніемъ пользовался Данило Нѣмчинъ и въ Ярославлѣ, и въ Вологдѣ, и въ Костромѣ, гдѣ ему принадлежали большіе соляные промыслы. И, къ удивленію всѣхъ, Шмитъ прикидывался, будто онъ ничего не слышитъ и не знаетъ... Но скоро всѣ догадались, въ чемъ было дѣло.

II.

Хитрый нѣмецъ-воевода вызналъ какъ-то, что у Данилы есть три дочки-красавицы на возрастѣ, и что Данило даетъ за ними хорошее приданое. Вотъ и задумалъ онъ подѣхать къ Данилѣ съ почетнымъ сватовствомъ:—не захочетъ ли, молъ, дочку старшую за воеводу выдать? Заслалъ къ Данилѣ сватовъ и ждалъ, что тотъ обѣими руками ухватится за такого жениха для дочки.

— Хоть и старъ и некрасивъ я,—думалъ Шмитъ,—а все же воевода.

Однакожь, расчетъ не оказался вѣренъ; Данило сватовъ не принялъ и отпустилъ ни съ чѣмъ. Казалось бы, ужъ ясно, что дальше нечего и приступаться?..

Такъ нѣтъ же! Нѣмецъ-воевода самъ пошелъ къ Данилѣ и задумалъ съ нимъ о томъ же говорить. Пріѣхалъ въ контору—вызвалъ хозяина. Тотъ съ почетомъ встрѣтилъ гостя, съ поклонами и ласковымъ привѣтомъ, и попросилъ къ себѣ въ свѣтелку—и тотчасъ на столѣ явилось угощеніе.

Когда же воевода изволилъ хлѣба-соли откушать, по знаку Данилы, слуги распахнули настежь дверь въ заднія хоромы и оттуда, словно лебеди бѣлыя выплыли, вышли три дочери Данилы—одна другой выше, пышнѣе и краше; въ камчатыхъ сарафанахъ, въ атласныхъ тѣлогрѣяхъ съ собольей оторочкой, въ длинныхъ, золотомъ затканыхъ фатахъ, въ повязкахъ съ жемчугомъ. Подошли онѣ къ воеводѣ, низенько поклонились и на серебряныхъ подносахъ поднесли ему три кубка.

У нѣмца-воеводы и глаза разбѣжались. И кубки хороши, и дѣвицы—одна другой лучше. Всталъ воевода, отвѣтилъ на поклоны красавиць, и выпилъ первый кубокъ, не торопясь. И въ кубкѣ томъ вино было чудесное, заморское, густое и сладкое, и аромат-

ное... Выпилъ другой кубокъ—и въ немъ былъ старый не подслащен-
ный, стоялый медъ, который воевода пилъ неохотно, послѣ перваго...
Выпилъ третій, залпомъ — и осовѣлъ! Огонь какой-то пробѣжалъ
по жиламъ, въ глазахъ круги и звѣзды какія-то запрыгали, а на
языкѣ и въ горлѣ такая горечь проявилась, что нѣмецъ-воевода
чуть не вскрикнулъ, поперхнулся, закашлялся...

Когда же онъ оправился отъ неожиданности, когда пришелъ
въ себя и сѣлъ на мѣсто за столомъ,—дѣвицы съ кубками ужъ
скрылись у него изъ глазъ, и дверь за ними захлопнулась... Сѣлъ
воевода и видитъ, что Данило смотритъ на него изъ-за стола и
посмѣивается.

— Ну, геръ Даниэль, какія же у тебя дочки-то красавицы!—
только и нашелся сказать воевода.

— Недуренъ товаръ, господинъ воевода,—отвѣчалъ Данило,—
да вотъ купцовъ-то по товару не найду!

— Ну, что же? Я бы нашелъ тебѣ купца... Не знаю только,
понравится ли?

— Коли найдешь мнѣ молодого да дѣловаго — такъ въ поясъ
поклонюсь.

— Молодой—вѣтреный народъ! Не лучше ли изъ пожилыхъ...
Эти понадежнѣе будутъ.

— Хе, хе, хе! Господинъ воевода! Это мы, старики, такъ съ
тобой думаемъ—а спроси-ка молодыхъ?

— Умный глупаго не спрашиваетъ! — съ досадою замѣтилъ
воевода, покручивая сѣдой усъ.

— А дозвожь тебя спросить: которое вино тебѣ пришлось по
вкусу? Въ первомъ кубкѣ, во второмъ,—аль въ третьемъ?

— Какой вопросъ!.. Конечно въ первомъ: — это было доброе
вино, настоящее... А во второмъ, медъ, хоть и старый — да не по
вкусу мнѣ! А третій кубокъ—прошу простить — такая дрянь, что
еслибы я зналъ, я бы и пить не сталъ! Это, хоть на полъ
выплесни!..

— Ну, такъ вотъ, видишь ли, господинъ воевода! Первый ку-
бокъ—это и есть наша молодость, когда мы и крѣпки, и сильны,
здоровы и красивы, и все кругомъ насъ смѣется да радуется.
Второй—это зрѣлый возрастъ, когда ужъ намъ не такъ хорошо
живется, но все же въ жизни есть и радости, и утѣхи... А третій
кубокъ — это и есть та старость, которая для насъ съ тобою на-
ступила.

Воевода насупилъ брови и круто повернулся на лавкѣ, соби-
раясь возражать Данилѣ. Но тотъ, какъ бы не замѣчая этого дви-
женія, спокойно продолжалъ:

— Изъ перваго-то кубка каждая изъ дочекъ моихъ охотно
прихлебнетъ душистой мальвазеи; изъ второго—хоть и поморщится,
а все же выпьетъ... Ну, а изъ третьяго, если и отвѣдаетъ слу-

чайно горькой полыновой настойки, такъ выплюнетъ, пожалуй! Хе-хе-хе! Не такъ ли, господинъ воевода!

Шмить поблѣднѣлъ и засверкалъ недобрыми, зеленоватыми глазами, которые такъ и загорѣлись подъ густыми торчащими какъ у сына бровями.

— Я понимаю, геръ Даниэль!—сказалъ онъ злобно. — Я понимаю... Значить, мой купецъ на твой товаръ не нуженъ... Значить, ты не хочешь!..

— Коли ты понялъ—такъ тѣмъ и лучше, — сказалъ спокойно Данило, а потомъ вперилъ въ очи воеводы суровый взглядъ и добавилъ ему на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ:

— Если бы даже ты и молодой былъ, и красивый, и богатый— не принялъ бы я тебя въ зятя. Ты служишь неправдѣ, служишь вору Тушинскому; ты поставленъ въ воеводы тѣми, кто мыслить только о разореніи русской земли, а не о благѣ ея. А я люблю мое новое отечество и буду всегда служить ему вѣрой и правдой насколько хватить силъ моихъ—и съ врагами русской земли не породнюсь и не сойдуся ни во-вѣки вѣковъ.

— А! такъ вотъ ты каковъ! Значить, я вѣрно слышалъ о тебѣ, что ты опасный человѣкъ, что ты ненадежный слуга царю Дмитрію...

— Стыдись и говорить мнѣ такіе пустяки! Ты и самъ знаешь, какой онъ Дмитрій... И первый-то мужъ Марины не былъ настоящимъ царевичемъ; а этотъ—изъ холоповъ холопъ!

— Да какъ ты смѣешь!..

— Ну, ну, потише, господинъ воевода! Въ моемъ домѣ ни шумѣть, ни буйствовать не дамъ—не испугаешь. Да и мы же говоримъ съ тобою въ четырехъ стѣнахъ, за кубками—я не на площадь вышелъ кричать... Да и то попомни, что не я къ тебѣ, а ты ко мнѣ пожаловалъ...

Воевода быстро вскочилъ съ своего мѣста, расправилъ длинные сѣдые усы, и сказалъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ:

— Хорошо же! Прощай! И помни, что я не забуду тебѣ твоей обиды!... Я стану за тобою слѣдить, и если что-нибудь узнаю или замѣчу—берегись! Ты головою мнѣ заплатишься.

Данило Нѣмчинъ спокойно скрестилъ руки на груди и произнесъ твердо, порусски:

— Не грозись, напрасно, господинъ воевода! Мнѣ не страшна твоя гроза. Есть русская пословица такая, что «Богъ не выдастъ, такъ свинья не съѣстъ»... А впрочемъ, чтобы на глазахъ-то у тебя не быть, я не сегодня-завтра ѣду въ Кострому, къ своимъ солянымъ промысламъ... Авось, Богъ дастъ, и не увидимся съ тобой больше!

Воевода схватился за шапку и, не прощаясь съ хозяиномъ, быстрыми шагами вышелъ изъ свѣтелки.

— Проклятый переkreщенецъ!—ворчалъ онъ сквозь зубы, спускаясь съ крылечка во дворъ и усаживаясь въ росписныя сани.

III.

Мѣсяць спустя, въ первыхъ числахъ декабря того же года, по большому торговому пути отъ Ярославля къ Костромѣ, мелкою рысцою трусилы двое конныхъ. Одинъ изъ нихъ, высокій и дюжій мужчина, лѣтъ тридцати пяти, бѣлокурый, голубоглазый, румяный — что называется, кровь съ молокомъ — судя по общему облику его, по бритымъ щекамъ и подстриженной бородкѣ, былъ иноземець. Иноземское происхожденіе его сказывалось не только въ его наружности, но и въ самомъ способѣ ношенія русской долгополой одежды, къ которой у него, очевидно, не было достаточнаго навыка. Его и кушакъ стѣснялъ, и длинные сборчатые рукава мѣшали ему сгибать руку, и воротникъ съ высокимъ козыремъ сбивалъ ему мѣховую, ушастую шапку на носъ. Лѣвою рукою онъ правилъ конемъ, а правою, то и дѣло, управлялъ, то кушакъ, то шапку, или обминалъ воротникъ. Другой всадникъ былъ настоящій русакъ. Средняго роста, приземистый, широкоплечій, съ окладистой русой бородкой и карими глазами — это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, видимо бывалый и привычный ко всякимъ странствованіямъ и пѣшкомъ, и верхомъ, ко всякимъ русскимъ путямъ и проселкамъ. На немъ, не смотря на зимнее время, былъ надѣтъ коротенькій дорожный емурлыкъ, туго подтянутый ремнемъ съ бляхами, и барашковая шапченка съ суконнымъ верхомъ. Онъ былъ вооруженъ на славу: съ лѣваго бока болталась у него черезъ плечо на перевязи сабля, на поясѣ висѣлъ кинжалъ; саадакъ съ лукомъ и стрѣлами былъ прилаженъ къ сѣдлу съ лѣвой стороны. Всадники долго ѣхали молча, не погоняя усталыхъ коней, хотя уже вечерѣло, а до ночлега еще было не близко.

— Господинъ Эадоръ! — обратился, наконецъ, иноземець къ своему бородатому спутнику, — какъ много еще намъ будетъ ѣхать до господинъ Эльгофъ?»

— А какъ тебѣ сказать, Егоръ Макарычъ? До его усадьбы версты съ пятокъ еще, надо быть, осталось?

— И мы все будемъ ѣхать въ этотъ лѣсъ, — продолжалъ допрашивать иноземець.

— Все лѣсомъ, Егоръ Макарычъ; только около самого села полянки пойдуть; а дальше-то такіе лѣсинци залегли, что страсть! Островами — да болотины въ перемежку, да ломъ по трупцамъ такой, что не пробраться ни конному, ни пѣшему. Только звѣрю и рыскать...

— А дорога? Какъ тамъ купецъ ѣздитъ?

— Дорога на Кострому до села версты за двѣ въ сторону сворачиваетъ; а къ селу просѣлкомъ идетъ...

— Темно ужъ будетъ... Надо скорѣе ѣхать!... Тутъ нехорошіе люди на дорогѣ иногда бываютъ...

— Случается, Егоръ Макарычъ!.. Пошаливаютъ... Ономяся одного купца до смерти пришибли...

— Ну?

— Ну, да милостивъ Богъ! Да и запасъ у насъ дорожный не плохъ. У тебя пистолы при сѣдлѣ, и у меня гостинецъ есть... А ну-ка, Сѣркò, прибавь шажку...

И оба всадника поскакали по дорогѣ такъ прытко, что снѣгъ комьями летѣлъ изъ-подъ копытъ ихъ добрыхъ коней.

Оба спутника спѣшили до темноты добраться къ усадьбѣ Данилы Нѣмчина, къ селцу Малосолю, въ которомъ у Данилы производилась главная добыча соли, и гдѣ онъ самъ жилъ съ семействомъ. И оба спутника спѣшили не даромъ. Тотъ, кого «господинъ Эадоръ» называлъ Егоромъ Макарычемъ, былъ никто иной, какъ близкій пріятель Данилы Нѣмчина — чистокровный шотландецъ Джоржъ Макъ-Каррикъ, богатый купецъ-суконщикъ, котораго Данила прочилъ въ женихи къ средней своей дочкѣ. Онъ затѣмъ и ѣхалъ, чтобы условиться съ невѣстой и нареченнымъ тестемъ о предстоящей свадьбѣ. А «господинъ Эадоръ» — проще сказать: Эадоръ Рѣпьевъ, приказчикъ Данилы, спѣшилъ къ хозяину изъ Ярославля съ важными и тайными вѣстями.

Данило Нѣмчинъ очень обрадовался дорогимъ гостемъ изъ Ярославля, и послѣ первыхъ привѣтствій, когда гости пообогрѣлись и принарядились, повелъ ихъ ужинать. Послѣ разныхъ спросовъ и вопросовъ, за кубкомъ стараго малиноваго меда, Данило обратился къ Егору Макарычу и ласково сказалъ:

— Знаю, другъ, зачѣмъ ты ко мнѣ пожаловалъ. Люблю тебя за то, что ты, хоть иноземецъ, а также, какъ и я, ни русскому человѣку не зловреденъ, ни русской землѣ не противенъ. Люблю тебя — и дочку, которую ты такъ облюбовалъ, за тебя отдамъ. Но только ты меня со свадьбой не спѣши.

Егоръ Макарычъ, какъ несъ къ губамъ полный кубокъ, такъ, не отхлебнувъ, и поставилъ его на столъ, и вперилъ очи въ лицо Данилы.

— Ты мнѣ... слово давалъ, — сказалъ онъ, — что послѣ праздниковъ... мы будемъ мужъ и жена... А сегодня у насъ 10 день декабря...

— Далъ слово — и не беру его назадъ... Да ты самъ посуди! У насъ ужъ все готово и здѣсь, — и въ Костромѣ, и въ Вологдѣ — чтобы разомъ подняться и идти на Ярославль... Воеводу и всѣхъ поляковъ перебить — и снова всѣмъ Псволжьемъ перейти на сторону царя Василья. Отъ него и грамоты ужъ присланы — князь

Скопинъ-Шуйскій идетъ со шведами къ намъ на подмогу. Дай съ врагомъ управиться—а тамъ ужъ и бери мою Анюту!

Егоръ Макарычъ нахмурился молча, и не притрогивался къ кубку.

— И въ Ярославлѣ всѣ готовы. Только знака ждуть отсюда!— вступился Ѳеодоръ Рѣпьевъ.— Приѣлись проклятые ляхи пуще горькой рѣдки... Никому отъ нихъ ни спуску, ни проходу нѣтъ! По лавкамъ шарятъ — даромъ забираютъ товаръ съ прилавка у купцовъ. Ни мужнимъ женамъ, ни честнымъ вдовамъ, ни краснымъ дѣвицамъ на улицѣ отъ нихъ, проклятыхъ, проходу нѣтъ! Да они же еще буняютъ и въ драку лѣзутъ съ горожанами...

— Самъ ты все это видѣлъ, Егоръ Макарычъ, видѣлъ, какъ тамъ живется плохо — ну гдѣ же тутъ о свадьбѣ думать! Дай съ врагомъ управиться... Дня черезъ три мы двинемся отсюда, и изъ Костромы Волгою на Ярославль пойдемъ, на лыжахъ. Одною ночью будемъ тамъ. Я денегъ не пожалѣлъ, и на свой счетъ двѣ сотни молодцовъ изъ здѣшнихъ крестьянъ набралъ, вооружилъ и вотъ ужъ съ мѣсяцъ ихъ кормлю и обучаю стрѣльбѣ изъ луковъ и изъ пицалей. Жаль только, что пицалей у насъ не много...

Шотландецъ поднялся съ своего мѣста и, не притрогиваясь къ кубку, сказалъ недовольнымъ тономъ:

— Доброй ночи!... Я спать пойду—усталъ отъ дороги... Завтра ѣду въ Ярославль. Когда приѣдешь туда, тамъ будемъ говорить съ тобой!...

— И невѣсты своей не повидаешь?

— Нѣтъ! Зачѣмъ невѣста—надобна жена!

И онъ вышелъ изъ комнаты. Данило съ улыбкой посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, и обращаясь къ Рѣпьеву сказалъ:

— Разсердился Егоръ нашъ! Ну, да обойдется... Не до свадьбы мнѣ теперь! Кто знаетъ: можетъ быть и самому придется безъ головы остаться?

И онъ задумался, опустивъ сѣдую голову на грудь. Потомъ вдругъ спохватился:

— А воевода гдѣ?—спросилъ онъ Рѣпьева, быстро оборачиваясь къ нему.

— Воевода ужъ съ недѣлю гоститъ въ Тушинскомъ гнѣздѣ, и безъ него-то ляхи такъ разгулялись, такъ разбуянились у насъ, что...

— Чтѣ-нибудь онъ затѣваетъ! Не прослышалъ ли о какихъ сборахъ или о царскихъ грамотахъ? Онъ—старая лиса, хитрецъ; и воинъ опытный. Служилъ Борису, а теперь второму Самозванцу служить... Онъ не хуже Маржарета, на всѣ руки ловокъ.

— Пожалуй, что и точно онъ чтѣ-нибудь затѣялъ? Были вѣсти въ Ярославлѣ, будто лисовчики и съ казаками, и съ русскими измѣнниками, прошли куда-то мимо города — и внизъ по Волгѣ.

А куда ихъ несла не легкая, и что у нихъ задумано, про то никто не вѣдаетъ...

— Ну, такъ-то, пожалуй, и лучше будетъ? Они—туда, а мы-то въ тылу у нихъ, на Ярославль нагрянемъ!..

— Погоди-ка, Даниль Богданычъ! — сказалъ Рѣпьевъ, хватая за руку хозяина.—Мы, кажется, съ тобой не очень засидѣлись за ужиномъ, а ровно какъ свѣтаетъ на дворѣ!..

Данило оглянулся на окно и вдругъ вскочилъ въ тревогѣ.

— Да это зарево! Это, смотри-ка, не Кострома ли и горитъ-то? Ахъ, Господи!.. И точно: въ той сторонѣ, за лѣсомъ... Вѣдь и всего-то тутъ съ двѣнадцать верстъ!

И оба собесѣдника, забывъ объ ужинѣ и о стояломъ медѣ, стали у окна и съ безпокойствомъ глядѣли на зловѣщее зарево, которое шире и шире разливалось по небу надъ верхушками лѣса.

Въ это время, словно по данному знаку, вдругъ всѣ собаки на усадьбѣ залились громкимъ лаемъ и бросились къ воротамъ, выходящимъ на просѣлокъ.

— И собаки что-то лаютъ... Чуткія вѣдь онѣ у насъ!.. Ужъ не слышали ли на дорогѣ кого?.. Да кому, кажется, быть въ такую ночную пору? Пойдемъ, Ѳедоръ, посмотримъ—сторожа не спятъ ли?

Но, когда Данило съ Ѳедоромъ вышли на дворъ усадьбы, застроенный амбарами и людскими избами и обнесенный высокимъ тыномъ—на дворѣ ужъ суетились люди. Всѣхъ встревожило и зарево пожара, и лай собакъ, которыя не даромъ заливались на всѣ лады и голоса: недалеко отъ усадьбы слышно было звяканье бубенчиковъ и громкое присвистыванье... Кто-то во весь духъ мчалъ по проселку къ усадьбѣ. Хозяинъ съ гостемъ подошли къ воротамъ. Около нихъ сбилась кучка людей — сторожей и рабочихъ, выскочившихъ изъ избъ на лай собакъ.

Вотъ топотъ коней, скрипъ полозьевъ и звяканье бубенчиковъ послышалось у самыхъ воротъ — и вдругъ оборвалось. Кто-то соскочилъ съ саней и, подбѣжавъ къ воротамъ, застучалъ въ нихъ кнутовищемъ.

— Православные! — кричалъ кто-то изо всей мочи, — отоприте! Бѣда грозить — бѣда неминуемая!

— Кто тамъ? Чего тебѣ? — крикнулъ Данило.

— Даниль Богданычъ! Это никакъ твой голосъ? Аль ты меня, Сидорку, по голосу не признаешь?

— Сидорка Хвощъ?

— Я самый, батюшка! Къ тебѣ отъ твоихъ пріятелей, на-спѣхъ посланъ... Отворите скорѣе, Христа ради!

Собакъ прибрали и рассажали на цѣпь, ворота отворили, и на дворъ, въ плохихъ пошевенкахъ, запряженныхъ парой потныхъ маленькихъ лошадокъ, поспѣшно вѣхалъ высокій старикъ, въ нагольномъ полушубкѣ. Бросивъ вожжи на руки людей, онъ прямо

подскочилъ къ Данилѣ и прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— Ляхи въ Костромѣ! Тамъ и Лисовскій, и воевода-нѣмецъ изъ Ярославля. Все жгутъ, все разоряютъ, грабятъ: нагрянули врасплохъ... Говорятъ, о сборахъ нашихъ прослышали... Вотъ ужъ и городъ запалили!.. И сюда идутъ! Самъ воевода и лисовчики — къ разсвѣту будутъ здѣсь! Спасайся, и семью спасай!

IV.

Эта вѣсть какъ громомъ поразила всѣхъ, и вмигъ разнеслась по всей усадьбѣ.

— Лисовчики! Разбойники, душегубцы! Сюда идутъ! Ахъ, Господи, пропали наши головы! Чтò дѣлать? Куда припрятаться? — слышались отовсюду робкіе крики и трусливые возгласы.

— Разорять, сожгутъ, съ землей сравняютъ! Дѣтей малыхъ — и тѣхъ не пощадятъ! — вопили бабы.

— Молчать! — вдругъ крикнулъ на нихъ Данило. — Не ревите раньше времени! Эй! Ѳедоръ! бей въ било! Всѣхъ сзывай! Беритесь за топоры, за колья! Не дадимся имъ въ руки даромъ!.. И у меня вѣдь дѣти есть, да не реву же я! Алѣша! Ванька Голованъ! Тащи сюда намъ все запасное оружіе. Все по рукамъ раздай!

И звонкіе удары въ било, шумъ сбѣжавшей толпы, вопли и причитанья бабъ и вой собакъ, и крики Данилы — все это слилось въ одинъ общій гулъ тревоги, ужаса, отчаянія. Всѣ бѣгали и сновали изъ угла въ уголь по усадьбѣ всѣ на-скоро вооружались чѣмъ попало, всѣ суетились и никто не вѣрилъ въ возможность дать отпоръ наступающему врагу.

Только самъ Данило, да Ѳедоръ, да Егоръ Макарычъ и казались спокойны, хоть и у нихъ, среди этой робкой, плохо-вооруженной, перепуганной толпы не было надлежащей бодрости духа, не было мужества въ сердцахъ. Данило кричалъ, распоряжался, ободрялъ другихъ, и самъ не зналъ, зачѣмъ онъ это дѣлаеть: гибель ему казалась неизбѣжна, и онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что ждетъ дочерей его, въ случаѣ его смерти.

Ворота замкнули, подперли бревнами и толстыми жердями, разставили рабочихъ съ кольями, съ рогатинами, съ топорами вдоль частокола, а десятка два стрѣлковъ съ пищалями и съ луками взвели на вышку около воротъ, чтобы оттуда легче было обстрѣливать дорогу. Всѣмъ бабамъ приказали запереться въ избахъ и до приказа не выходить изъ нихъ; а дочекъ Данилы, съ нянею старушкой, припрятали въ подполье.

Въ этихъ хлопотахъ и приготовленіяхъ прошло не меньше двухъ часовъ, а врагъ не появлялся. Только багровое зарево, широко разлившееся по небу, напоминало о близости тупинцевъ и объ угро-

жающей опасности. Мала-по-малу и безтолковый шумъ улегся, и впечатлѣнїе страха ослабѣло, и крики, и вопли стихли: паника прошла и смѣнилась тревожнымъ молчанїемъ ожиданїй. Данило и Егоръ Макарычъ ужъ стали думать, что ихъ минетъ бѣда и туча пронесется надъ головою ихъ... Какъ вдругъ вдали въ лѣсу послышался какой-то неопредѣленный гулъ, потомъ все ближе, ближе, все слышнѣе и явственнѣе...

— Ляхи! Ляхи! Ъдутъ, ѣдутъ! — раздалось съ вышки и разнеслось во все углы усадьбы.

И дѣйствительно, все ужъ явственно могли слышать и топотъ коней, и звяканье оружія и гулъ голосовъ приближавшагося коннаго отряда. Черезъ нѣсколько минутъ лисовчики уже подскакали къ тыну усадьбы, быстро спѣшили и облѣпили ее кругомъ, какъ шмели. Трое какихъ-то конныхъ, повидимому, начальники подѣхали къ воротамъ и крикнули стоявшимъ на вышкѣ:

— Эй вы! По приказу пана Александра Лисовскаго и воеводы вашего—отпирайте ворота!

— Отоprite сами!—отвѣчалъ съ вышки Данила.

— Отопирать!—грозно крикнулъ другой всадникъ въ которомъ, по голосу, Данила узналъ Шмита.—Не отпираете, такъ велю васъ зажечь со всехъ четырехъ концовъ!

— Если ты, воевода Шмитъ, дашь мнѣ слово, что твои разбойники не станутъ крови проливать и не обидятъ, и не ограбятъ никого,—сказалъ Данила,—я велю ворота отпереть.

— Съ тебя возьмемъ мы окупъ, геръ Даніэль, а мужиковъ твоихъ только разгонимъ плетями!—крикнулъ воевода Данилѣ.

Но прежде, чѣмъ Данила успѣлъ собраться ему отвѣтить, позади усадьбы раздались крики, вопли, стукъ топоровъ, трескъ дерева и рѣзкое звяканіе оружія.

— Тынь подрубили! Лѣзутъ! Ляхи ворвались!—кричали оттуда.—Нашихъ бьютъ—спасайся!

— Смерть москалямъ! Бей, руби мужичье поганое! Никому пощады не давай!—кричали лисовчики, врываясь во дворъ съ саблями наголо и окружая отдѣльныя кучки крестьянъ и рабочихъ, которые бросали оружіе и безъ оглядки бѣжали во все стороны.

Крики, проклятія, ругань, стоны безжалостно убиваемыхъ, стукъ оружія, мольбы, визгъ женщинъ, ревъ дѣтей—все слилось въ одинъ невыразимый вопль ужаса. Сопротивленіе оказалось невозможнымъ... Враги были въ пять разъ сильнѣе; все это были отчаянные головорѣзы, отлично владѣвшіе оружіемъ, привыкшіе къ свалкѣ и рукопашному бою. Не прошло и десяти минутъ, какъ вся усадьба была у нихъ въ рукахъ и половина мужского населенія усадьбы перебита, а другая обезоружена и перевязана. Въ числѣ послѣднихъ были и Данило Нѣмчинъ, и Егоръ Макарычъ, и Федоръ Рѣпьевъ.

Панъ Щучинскій, который распоряжался лисовчиками, отвелъ воеводу Шмита въ сторону и долго съ нимъ о чемъ-то совѣщался, около воротъ, пока достойные сподвижники ихъ шарили по избамъ, по клѣтямъ, по амбарушкамъ, всюду отбивая замки и снося все добро на середину двора, для дѣлежки.

Затѣмъ, Шмитъ подозвалъ къ себѣ Данилу и сказалъ ему съ усмѣшкой:

— Ну, геръ Даніэль, мы и безъ твоего позволенья вошли къ тебѣ на дворъ—нашли дорогу! Теперь ужъ не ты намъ, а мы тебѣ станемъ приказывать. Гдѣ же твои красавицы-дочки? Куда ты ихъ запряталъ?

Данило вздрогнулъ и ничего не отвѣчалъ. Шмитъ продолжалъ съ прежней злобной усмѣшкой:

— Я бы могъ твоихъ красавицъ отдать въ гостинецъ пану Щучинскому или всѣхъ себѣ ихъ взять; но я добрый нѣмецъ и честный солдатъ... Я только на одной твоей дочери женюсь, и всѣ твои деньги и земли, и соль твою, возьму за ней въ приданое; а двухъ другихъ я при тебѣ оставляю. Только и тебя, и ихъ, немножко запиру въ тюрьму тамъ, въ Ярославль, чтобы ты здѣсь не бунтовалъ народъ противъ царя Дмитрія.

По приказу воеводы, Данилу съ дочерьми, отысканными въ подпольѣ, и Егора Макарыча—усадили въ сани и немедля свезли со двора; но когда хватились Федора—его нигдѣ не отыскали. Онъ успѣлъ куда-то ускользнуть во время общей суматохи и исчезъ безслѣдно.

Когда же Щучинскій и воевода съѣзжали со двора усадьбы и, остановившись у воротъ, пропускали мимо себя своихъ лисовчиковъ, успѣвшихъ нагрузить цѣлый обозъ добычи, — къ начальникамъ подъѣхалъ одинъ изъ подручныхъ, который съ сотней тушинцевъ оставался еще въ усадьбѣ.

— А что, панъ воевода, прикажешь дѣлать съэтимъ мужичьемъ?—спросилъ онъ, указывая саблею на толпу крестьянъ и рабочихъ, съ закрученными за спину руками.

— Что дѣлать, панъ хорунжій?—поспѣшили отвѣтить Шмитъ, круто поворачивая коня на просѣлокъ, — десятого повѣсить, а остальныхъ всѣхъ батогами бить... Да скотъ ихъ вырѣзать, да разорить деревню, чтобы знали, какъ царь Дмитрій жалуется измѣнниковъ!

V.

Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Данило Нѣмчинъ былъ брошенъ въ тюрьму въ Ярославль, вмѣстѣ съ средней и младшей дочерью, а Шмитъ завладѣлъ и старшей дочерью его, и всѣми его достатками. Тяжкая неволя, спертый воздухъ тѣсной тюрьмы и

пронизывающая сырость ея стѣнъ—все это вмѣстѣ подѣйствовало на крѣпкое здоровье Данилы и сломило его мужество. Онъ часто хворалъ и чувствовалъ, какъ его силы слабѣли, какъ энергія при- туплялась, какъ истощалось его терпѣніе и малодушный ропотъ на горькую судьбину просился на уста его. Осужденный на бездѣлье, на вынужденную праздность, послѣ цѣлой жизни, проведенной дѣятельно и полезно, Данило жестоко страдалъ нравственно, и страдалъ не за себя только—страдалъ за двѣ молодые жизни, которыя безвинно были осуждены вмѣстѣ съ нимъ на тѣсное за- точеніе.

И, видимо, Данилу стерегли зорко и строго, потому что никто ни вѣсточки ему не пересылалъ, ни подаванія, ни привѣта. О дочери своей, о Марьѣ, онъ тоже не имѣлъ вѣстей—какъ въ воду канула; и больше всего сокрушался о ней. Сомнѣніе въ своемъ дѣтищѣ, горькія думы объ участи, которая ее постигла, о насиліяхъ, кото- рымъ она подверглась—не давали Данилѣ ни днемъ, ни ночью покоя. Какъ ни старались утѣшать его Анята и Палаша, онъ все грустилъ, все страдалъ и отчаявался...

Наступилъ февраль. Дни стали длиннѣе и свѣтлѣе. Даже и въ тюръмѣ не такъ стало мрачно. И вдругъ, въ одинъ изъ первыхъ февральскихъ дней, зазвонили, загудѣли раннимъ утромъ всѣ яро- славскіе колокола. Не то набать, не то перезвонъ—не разобрать...

— Батюшка! Чтò это?—переполошились вдругъ обѣ дочки Да- нилы.—Ужъ не пожаръ ли въ городѣ? Не татарва ли нападаетъ?

— Не похоже чтò-то? Это не пожарный сполохъ, не осадный колоколь—а всѣ колокола во всѣхъ церквахъ... И разомъ звонятъ... Ума не приложу!

А звонъ все громче, все слышнѣе, все сильнѣе и чаще... Вотъ онъ слился въ одинъ сплошной металлическій гулъ, вотъ раз- бился на нѣсколько отдѣльныхъ, рѣзкихъ перезвоновъ, какъ бы стихая и замирая—и явственно стали слышны крики толпы... и выстрѣлъ, другой... третій... И опять звонъ, крики, выстрѣлы и ревъ разъяренной толпы народа, которая бушевала на улицахъ го- рода.

Анята и Палаша бросились на колѣни, блѣдныя, взволнован- ныя—не владея собою, не отдавая сами себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ—стали громко молиться и плакать, то обнимаясь и про- щаясь между собою, то снова принимаясь за молитву.

Данило прислушивался къ шуму, звону и выстрѣламъ съ со- всемъ инымъ чувствомъ. Онъ не пугался гибели: тюрьма была для него хуже смерти! Онъ ждалъ смерти, какъ избавленія—и въ то же время смутно надѣялся, смутно догадывался, что не даромъ гу- дятъ колокола, не даромъ слышится ревъ толпы, возмущенной притѣсненіями и возставшей лютымъ звѣремъ на притѣснителей.

Часа два спустился, и звонъ, и выстрѣлы смолкли, а шумъ и гулъ

толпы и громкій, но неясный говоръ все еще доносились съ улицы. Изрѣдка слышались и пѣсни: ясно было, что городъ былъ веселъ, что онъ праздновалъ побѣду и гулялъ на радостяхъ... Но вотъ гуль все ближе къ тюремѣ, вотъ слышны шаги подъ самую стѣною: народъ валитъ мимо, весело переговариваясь; слышенъ смѣхъ и шутки... Вотъ бѣгутъ и тѣснятъ въ сѣняхъ передъ самою дверью, вотъ отбиваютъ топорами замки и затворы.

— Данило Богданычъ! Данилушко! Данило!—слышны голоса за дверью.—Живъ ли тамъ? Откликнись! Ломай, ребята, круши дверь—не бойся!

— Живъ, живъ!—кричитъ имъ Данило, внѣ себя отъ радости и бросается обнимать Анюту и Палашу.

Вотъ отбиты замки и запоры, подломлена крѣпкая дверь—и распахнулась настежь. Человѣкъ двадцать разомъ врываются въ тюрьму, и впереди всѣхъ Ѳедоръ Рѣшьевъ, Егоръ Макарычъ и она сама,—сама Марьюшка!

— Батюшка, отецъ родной, сестры!—кричитъ она, внѣ себя отъ радости, бросаясь обнимать отца и сестеръ, и всѣ кругомъ улыбаются сквозь слезы, глядя на эту встрѣчу послѣ долгой разлуки.

Но Данило, оправившись отъ перваго порыва, беретъ дочку за руку и смотритъ ей прямо въ глаза.

— А ты кто же теперь будешь? Воеводша или воеводская...—онъ боится договорить дальше и обрываетъ на полусловѣ.

— Нѣтъ, батюшка!—смѣло и прямо отвѣчаетъ ему Марьюшка.—Ни воеводша я, ни воеводская полюбовница. Со свадьбой я все тянула да откладывала, все больною прикидывалась; а когда онъ ко мнѣ приступалъ съ гнѣвомъ—я говорила, что загублю себя, а безъ свадьбы не отдамся ему. Вотъ онъ за нѣмецкимъ попомъ въ Тушино поѣхалъ, да и назадъ не бывалъ... И я все та же Марья Нѣмчинова, что и прежде была!

Данило крѣпко обнялъ дочку и слезы полились изъ глазъ его. А кругомъ его ужъ всѣ наперерывъ ему кричали:

— Выходи, Данила! Становись въ начальные люди! Ляхи да тушинцы всѣ перебиты! Вездѣ народъ поднялся. Всѣхъ твой приказчикъ взбаламутилъ. Вездѣ прогнали окаянныхъ лисовчиковъ и нашихъ измѣнниковъ! Теперь намъ только укрѣпиться бы—пока Скопинъ къ намъ подойдетъ со шведами...

Данило смотрѣлъ на всѣхъ, радостно улыбаясь, всѣхъ привѣтствуя, со всѣми цѣлуясь и обнимаясь.

— Да какъ вамъ Богъ помогъ?—допрашивалъ онъ,—какъ вы управились?!

— А какъ управились? Пораньше ляховъ встали, да имъ встать не дали... А тѣ, которые задумали ортачиться—тѣхъ живо успокоили... А самыхъ безпокойныхъ—свели на Волгу, къ пролуби, да внизъ по матушкѣ подъ ледъ ихъ и спустили!

— Да народъ-то такъ на нихъ озлился,—добавилъ Федоръ Рѣшевъ,—что топить ихъ шестами въ проруби, а самъ смѣется, приговариваетъ: «полно вамъ, скоромники, мясище наше жрать—подите-ка намъ рыбки наловите». Ей Богу!

И среди смѣха и говора, среди радостныхъ кликовъ друзей, пріятелей, родныхъ и знакомыхъ, Данило былъ выведенъ съ семейю изъ тюрьмы и отведенъ въ свой прежній домъ.

VI.

Все Поволжье поднялось за Ярославлемъ. Народная война разбушевалась всюду, на всемъ пространствѣ отъ Вологды до Костромы и Ярославля и далѣе по Волгѣ. Рыбинскъ, Угличъ, Романовъ, Галичъ, Суздаль—всѣ дружно поднялись и перешли на сторону царя Василья. Тушинцы попытались выслать сильные отряды—но вездѣ встрѣчали отпоръ и отчаянное сопротивление. И кормъ конямя, и весь припасъ приходилось добывать съ бою и каждый мигъ ждать нападенія, засады, хитрости какой-нибудь... Наконецъ, въ Тушинѣ рѣшили направить главныя силы противъ Ярославля, сломить его, засѣсть въ немъ и оттуда добывать другіе города. Самъ панъ Лисовскій, съ сильнымъ отрядомъ конницы, съ наемною нѣмецкою пѣхотой, съ казаками и всякимъ сбродомъ подошелъ къ Ярославлю и обложилъ его. Но къ городу всѣ подступы были отлично укрѣплены засѣлками, острожками и рвами—и взять его однимъ ударомъ было мудрено; предвидѣлась и скучная, и долгая осада, съ потерю людей и времени. Лисовскій пустился на хитрости, добылъ языка изъ города, провѣдалъ отъ него, что въ городѣ не всѣ единодушны и вздумалъ дѣйствовать лукавствомъ, измѣной, подкупомъ. За это дѣло взялся самъ бывший воевода-нѣмецъ, Шмитъ.

И вотъ, до свѣдѣнія Данилы Нѣмчина дошло, что двое городскихъ измѣнниковъ съѣзжаются въ укромномъ мѣстѣ со Шмитомъ, за Которослью, у самыхъ городскихъ окоповъ; что, по уговору съ этими измѣнниками, на завтра назначенъ приступъ, къ ночи, со стороны Опокъ, а между тѣмъ измѣнники должны ввести отрядъ лисовчиковъ потайнымъ ходомъ въ самый Кремль и всѣхъ застать врасплохъ...

Данило Нѣмчинъ никому не обмолвился о томъ, что онъ узналъ; онъ собралъ десятокъ надежныхъ молодцовъ, вооружилъ ихъ, и, раннимъ утромъ, выбравшись изъ города, засѣлъ во рву подъ самымъ тѣмъ лѣсочкомъ, куда сходились для переговоровъ измѣнники изъ Ярославля и Шмитъ изъ лагеря Лисовскаго.

Между тѣмъ, съ разсвѣтомъ, проснулся городъ и поднялась въ немъ суета большая. Лазутчики, вернувшись изъ лагеря Лисов-

скаго, всѣмъ начальнымъ людямъ оповѣстили, будто Лисовскій сдвигаетъ силы за Которосль и нарядъ свой туда же перевозить. Всѣмъ стало ясно, что онъ оттуда хочетъ нанести ударъ, ворваться въ предгорье и овладѣвши имъ—громить отсюда городъ.

Собрались на совѣтъ начальные люди—ждутъ только Данилы Нѣмчина и удивляются, услышавъ отъ его домашнихъ, что онъ дома не ночевалъ.

— Что же, братцы,—стали между собою говорить начальные люди,—время не терпитъ... Ждать его намъ не рука. Все надо изготовить безъ его совѣта и помощи... Согнать туда побольше осадныхъ людей, да по осыпи затинныя пищали разставить почаше...

— Да бревенъ костры нагородить, чтобы съ раската сбрасывать на супостата...

— И камней свезти побольше, да погрузиће—и навалить ихъ тутъ же на раскатъ кучи...

— А главное, поближе къ осыпи котлы поставить, да развести подъ ними огни и кипятить въ нихъ смолу и масло, и просто воду—чтобы было чѣмъ обливать милыхъ дружковъ, какъ на стѣну полѣзуть!... Пусть сунутся!..

Сказано — сдѣлано. Мигомъ закопошились люди, засуетились около окоповъ, повезли за рѣку и бревна, и возы каменевъ, погнали толпы вооруженныхъ людей, разставили пищали по стѣнамъ, развѣсили вдоль ближней улицы котлы... И начальные люди во все вступались сами; смотрѣли, слѣдили, указывали.

Вдругъ видятъ какую-то сумятицу около малыхъ вылазочныхъ воротъ, что въ ровъ выходятъ. Народъ что-то толпится, кричитъ, руками машетъ...

И что же видятъ. Данило Нѣмчинъ, въ кольчугѣ и въ шипакѣ, и съ нимъ десятокъ его людей—съ мечами и саблями наголо—идутъ плотной кучей, и ведутъ какихъ-то связанныхъ, съ закрученными назадъ локтями... И лица у нихъ убрусами прикрыты.

— Смотрите-ка! Каковъ Данила!—кричатъ кругомъ.—Онъ къ намъ съ полономъ ворочается! Трoихъ враговъ ведетъ!

— Нѣтъ, братцы!—отвѣчалъ Данило.—Веду двоихъ измѣнниковъ, да одного врага—всѣмъ намъ лютѣйшаго, зловреднаго! Веду ихъ вамъ на расправу.

Данилу и спутниковъ его всѣ окружили. Сбѣжалась громадная толпа, и въ серединѣ ея, какъ въ кругу, очутились начальные люди и Данило съ своими плѣнниками.

— Вотъ, братцы, вашъ старый воевода, измѣнникъ государевъ, нѣмецъ Шмитъ!—громко крикнулъ Данило, срывая убрусъ съ лица воеводы.—Грабилъ онъ васъ и тѣснилъ и угнеталъ, а какъ вы ляховъ избили, онъ задумалъ еще разъ васъ всѣхъ загубить и передать ляхамъ въ руки и Тушинскому вору. Онъ подговорилъ вотъ этихъ двоихъ—Васютку Снигиря да Найдена Торопова, под-

купилъ ихъ деньгами и понуждалъ къ тому, чтобы они имъ нынѣ ночью отперли потайную калитку въ стѣнѣ Кремля...

— О! о! о!—раздалось въ толпѣ.

— Они взялись и нынѣ вышли для переговоровъ съ воеводой въ Овечій врагъ. Я про то прослышалъ еще вчера, залегъ тамъ съ вечера съ моими молодцами—накрылъ; двонхъ, что были съ воеводой, убили ихъ, а этихъ живьемъ къ вамъ привожу. Допросите ихъ, коли мнѣ не вѣрите—и судъ вершите надъ ними такой же короткій, какой они вершили въ моей усадьбѣ подъ Костромой.

И только смолкъ Данило, толпа вся разомъ заревѣла, какъ одинъ человекъ.

— Чего намъ ихъ допрашивать! Одинъ конецъ имъ всеѣмъ—всеѣхъ повершить!!

— Постойте, братцы, — крикнулъ чей-то звонкій голосъ въ толпѣ,—что ихъ собакъ, измѣнниковъ, жалѣть! Вали ихъ въ котлы!

— Въ котлы, въ котлы! — радостно и неистово загоготала толпа, устремляясь на измѣнниковъ и хватая ихъ десятками рукъ.

Данило и начальные—и пикнуть не успѣли, какъ ужъ толпа, съ ревомъ и ругательствами, сорвала одежду со Шмита и его двоихъ сообщниковъ и потащила ихъ къ котламъ. Еще мгновенье, среди хохота и рева толпы раздался раздирающій крикъ, какіе-то три обнаженныхъ тѣла мелькнули надъ головами народа и все смолкло.

Судъ народный совершился.

Начальные люди, сбившись въ кучу около Данилы, стояли въ оцѣпенѣніи... Данило первый опомнился отъ впечатлѣнія, произведеннаго на всеѣхъ страшною народною расправой:

— Господа начальные люди!—сказалъ онъ твердо и громко.— Намъ надо подумать, какъ оберечь нашъ городъ съ той стороны, откуда измѣнники хотѣли ввести врага... А отъ измѣнниковъ намъ теперь беречь его нечего:—другимъ ужъ не повадно будетъ!

И онъ поспѣшно направился въ городъ. За нимъ послѣдовали и начальные люди, между тѣмъ какъ въ толпѣ народа говорили:

— Вотъ тебѣ и нѣмчинъ! А кабы такихъ-то русскихъ побольше было—не свила бы смута гнѣзда себѣ на матушкѣ Руси!

П. Полевой.

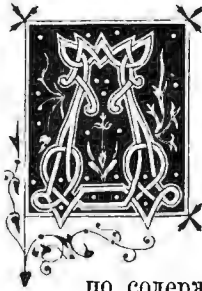

ЗА КУЛИСАМИ СТАРАГО ТЕАТРА ¹⁾.

IX.

Хозяйство театровъ.

(1820—1821 гг.).

БЪЯТЕЛЬНОСТЬ по управленію російскими императорскими театрами, петербургскими и московскими, назначеннаго въ 1819 году на мѣсто А. Л. Нарышкина главнымъ директоромъ театральныхъ зрѣлищъ и музыки въ обѣихъ столицахъ гофмейстера князя Тюфякина отличалась строгою бережливостью во всѣхъ хозяйственныхъ оборотахъ дирекціи и въ расходахъ по декораціямъ, по содержанію театральной школы и заготовленію впрокъ нужныхъ для театра вещей; но, при этомъ, бережливость князя Тюфякина не распространялась на тѣ предметы, которыми обусловливалась доходность спектаклей. Руководствуясь хозяйственными соображеніями къ соблюденію выгодъ дирекціи, преемникъ А. Л. Нарышкина не жалѣлъ расходовъ на постановку спектаклей, на улучшеніе матеріальнаго быта русскихъ артистовъ и поощреніе ихъ дарованій. Въ его управленіе были произведены существенныя прибавки къ жалованьямъ русскихъ актеровъ и было обращено вниманіе на выработавшіеся среди воспитанниковъ театральной школы молодые таланты, на тотъ конецъ, чтобы путемъ усовершенствованія своихъ дарованій они могли, по поступленіи

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 92.

въ труппу, постепенно замѣнять старыхъ актеровъ. Кромѣ того, дирекція не жалѣла средствъ на пріобрѣтеніе людей съ драматическими дарованіями и помимо театральнаго училища. Заботы князя Тюфякина по улучшенію обстановки театральныхъ зрѣлищъ, какъ видно изъ его всеподданнѣйшаго отчета за 1820 годъ, имѣли своимъ прямымъ послѣдствіемъ значительное приращеніе театральныхъ сборовъ. По высочайше утвержденному постановленію о театральныхъ зрѣлищахъ, предполагалось сборовъ по петербургскимъ театрамъ 359,000 руб., въ дѣйствительности же въ 1820 году поступило со спектаклей, концертовъ, маскарадовъ и другихъ представленій 834,326 руб. 56 к. Изъ приложенныхъ къ всеподданнѣйшему отчету по петербургскимъ театрамъ объясненій и счетовъ видно, что на русскую труппу, сверхъ штатнаго положенія, въ отчетномъ году, съ 1-го марта 1820 года по 1-е марта 1821 года, было израсходовано 39,014 руб. 14³/₄ коп. Русская труппа играла непрерывно, по одному разу въ недѣлю, начиная съ осени, одновременно на двухъ театрахъ, вслѣдствіе чего въ доходахъ дирекціи произошло значительное приращеніе, такъ что общій сборъ съ представленій превзошелъ въ 1820 году штатныя по петербургскимъ театрамъ предположенія, со включеніемъ 35,255 рублей, поступившихъ отъ содержателей театральныхъ буфетовъ и прочихъ экономическихъ статей, на 510,681 р. 56 коп. При возобновленіи контрактовъ съ нѣкоторыми изъ необходимыхъ по талантамъ артистовъ, дирекція нашла вынужденною удовлетворить ихъ требованіямъ прибавкою имъ содержанія. О дальнѣйшихъ причинахъ превышеній по расходнымъ статьямъ дирекціи противъ штатнаго положенія въ отчетѣ князя Тюфякина поясняется, что на балетную труппу, значительно усиленную въ его управленіе и заключавшую въ себѣ отличнѣйшіе таланты, въ отчетномъ году было израсходовано на 10,337 руб. 80¹/₂ коп. болѣе противъ штатнаго положенія. Выпускъ въ труппу нѣкоторыхъ изъ воспитанницъ театральнаго училища и желаніе дирекціи поощрить ихъ дарованія назначеніемъ имъ достаточнаго содержанія вызвали князя Тюфякина сдѣлать новыя пожертвованія на балетную труппу.

По нѣмецкой труппѣ расходы въ 1820 году превысили штатное положеніе на 13,802 руб. 84¹/₂ коп. Это превышеніе было вызвано пріобрѣтеніемъ въ нѣмецкую труппу артистовъ съ хорошими талантами, что было сопряжено съ большими на содержаніе ихъ издержками. Иностранные артисты, по низости тогдашняго курса на русскія ассигнаціи, не соглашались вступить въ службу дирекціи иначе, какъ за весьма значительное по тому времени вознагражденіе, а потому дирекція не могла ограничиться опредѣленною по штату суммою.

Французскіе спектакли привлекли на себя особенное вниманіе князя Тюфякина, который, принадлежа къ высшему петербург-

скому обществу, вполне раздѣлялъ и его пристрастіе ко всему французскому. Въ прежнее время на содержаніе французской труппы изъ кабинета его величества отпускалось добавочными по курсу деньгами 270 тысячъ рублей; въ управленіе же князя Тюфякина та же труппа, какъ значится въ его всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1820 годъ, содержалась за счетъ оборотовъ дирекціи безъ всякихъ доплатъ отъ казны. «Не смотря на важныя пожертвованія,—поясняетъ въ своемъ отчетѣ князь Тюфякинъ,—денежными суммами на приобрѣтеніе оной (французской труппы) дирекціей сдѣланными, не токмо не причинили ни малѣйшаго дирекціи разстройства, но, напротивъ того, доставили очевидную пользу. Заботясь объ укомплектованіи труппы сей и украшеніи ея отличными талантами, выписалъ я, въ продолженіе 1820 года, на службу оной извѣстныхъ дарованіями своими нижеслѣдующихъ артистовъ, которымъ и назначилъ жалованье: актрисѣ, первой пѣвицѣ Донжевилъ-Ванденбергъ по 8,500 руб.; актерамъ Бурде по 6,000 руб., Бриссу съ женою его вообще по 14,000 руб. ежегодно; также актерамъ Шодуару по 6,000 руб., Альфонсу обще съ его женою по 8,000 руб. и актрисѣ Луизѣ по 3,000 руб.; да принятому здѣсь актеру Шмиту-Марешалю по 2,500 руб. въ годъ». Съ приобрѣтеніемъ названныхъ артистовъ, изъ суммъ дирекціи производилось жалованья 116,700 руб. въ годъ. Въ теченіе 1820 года, французская труппа въ Петербургѣ дала 83 представленія, давшія дирекціи 156,766 руб. 50 коп. и, не смотря на издержки, сдѣланныя на постановку французскихъ пьесъ, на суммы, израсходованныя на выписку французскихъ актеровъ и на другія потребности, французскіе спектакли дали чистой прибыли 30,727 руб. 61³/₄ коп. «Сверхъ того,—говоритъ князь Тюфякинъ въ своемъ отчетѣ,—труппа сія доставила значительную выгоду и самимъ русскимъ представленіямъ, по причинѣ той, что абонементъ, сдѣланный по соображеніямъ моимъ, по симъ двумъ труппамъ неразлучнымъ, нынѣ чрезвычайно усилится».

Оркестровая часть была также предметомъ особыхъ заботъ князя Тюфякина. Въ его управленіе оркестры были не только многочисленны, но и заключали въ себѣ весьма выдающіеся таланты. Въ 1820 году были выписаны изъ-за границы многіе музыканты съ весьма хорошими дарованіями. При русскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ спектакляхъ играли тѣ же оркестры, и въ пользу хозяйственной администраціи князя Тюфякина говоритъ уже тотъ фактъ, что, несмотря на значительное усиленіе оркестровыхъ средствъ, дирекція не только не вышла по части содержанія музыкантовъ изъ рамокъ штатнаго положенія, но, по показанію отчета, по означенной части состояло къ концу 1820 года остатка въ кабинетѣ его величества 29,955 руб. 78 коп. Превышеніе штатнаго положенія по петербургскимъ театрамъ было особенно

значительно по гардеробной части и простиралось въ 1820 году до 58,069 руб. съ копѣйками. Существенными тому причинами были: возвышеніе цѣнъ на всѣ вообще матеріалы, стоимость которыхъ находилась внѣ всякой соотвѣтственности съ цѣнами, существовавшими во время изданія штата дирекціи; постановка новыхъ большихъ спектаклей, какъ драматическихъ, такъ и балетовъ, потребовавшихъ новыхъ костюмовъ. Въ продолженіе одного 1820 года было сдѣлано новыхъ костюмовъ, какъ значитъ въ приложенныхъ къ отчету за тотъ же годъ подробныхъ объясненій: греческихъ, «гишпанскихъ», американскихъ и другихъ 1318 нумеровъ и, сверхъ того, «великое множество искусственныхъ цвѣтовъ и обуви». Заботами князя Тюфякина гардеробная часть при петербургскихъ театрахъ была доведена до блестящаго состоянія, точно также какъ и декорационная часть, представлявшая вмѣстѣ съ гардеробною значительный капиталъ дирекціи. Дороговизна на всѣ матеріалы и содержаніе, производившееся въ службѣ дирекціи талантливыми декораторамъ, были причиною, что по декорационной части расходы превысили штатное положеніе въ 1820 году на 23,386 руб. 77 коп.

Наемъ экипажей всегда составлялъ отяготительную статью для дирекціи и, несмотря на всѣ мѣры, принимавшіяся къ соблюденію казенной выгоды, въ 1820 году было передержано по этой статьѣ сверхъ штатнаго положенія 29,191 руб. 68 коп., но въ томъ же году дирекція заключила контрактъ на поставку ей экипажей и лошадей въ теченіе трехъ лѣтъ съ крестьяниномъ Яковомъ Казаковымъ, согласившимся принять меньшую противъ прежняго плату, такъ что дирекціи предстояло пріобрѣсти пользы по этому контракту противъ прежняго подряда на сумму 6,400 р. Въ управленіе князя Тюфякина дирекція приняла освѣщеніе театровъ на свое собственное попеченіе и, благодаря бережливому хозяйству главнаго директора, освѣтительная часть, составлявшая въ прежнее время значительный расходъ, не только не повела къ какимъ-либо передержкамъ противъ штатнаго положенія, но и получилось остатка 4,262 руб. 10 коп. Дороговизна платья и бѣлья, съѣстныхъ припасовъ, строительныхъ матеріаловъ, найма рабочихъ, была причиною тому, что дирекція не могла удовлетвориться штатнымъ положеніемъ и произвела передержки по хозяйственному содержанію театрального училища и на починку домовъ, по первой статьѣ на 8,067 руб. 91¹/₄ коп., а по второй—на 1,800 р. 66 коп. Къ этимъ превышеніямъ присоединились и расходы по конторѣ театральной дирекціи на жалованье чиновниковъ, служителей и проч., превысившіе штатное положеніе на 1,752 р. 33¹/₂ к. единственно потому, что съ возобновленіемъ Большого театра пришлось увеличить число капелъдинеровъ и другихъ низшихъ служителей.

Несмотря на значительность суммъ, употребленныхъ въ теченіе 1820 года на постановку новыхъ спектаклей, на увеличеніе жалованья артистамъ, на обновленіе декораций, обогащеніе гардероба новыми костюмами; не взирая также и на то, что на содержаніе французской труппы не было ассигновано никакой штатной суммы и вызванные ею расходы исключительно покрывались изъ общихъ театральнхъ сборовъ, къ 1-му марта 1821 года, за удовлетвореніемъ всѣхъ вообще расходовъ, значительно превысившихъ штатное положеніе, въ распоряженіи дирекціи, какъ значилось въ отчетѣ князя Тюфякина за 1820 годъ, состояло: по кассѣ конторы дирекціи 51,330 руб. 35³/₄ коп.; по кабинету—остатка за 1820 годъ 50,796 руб. 59³/₄ коп., хранилось для приращенія процентами: въ Опекунскомъ Совѣтѣ 50,000 руб., въ заемномъ банкѣ 50,000 руб., итого наличными деньгами 202,126 руб. 95¹/₂ коп., сверхъ этого причиталось дирекціи изъ кабинета за январь и февраль мѣсяцы 1821 года экономическихъ денегъ 6,057 руб. 13³/₄ коп.; отъ разныхъ лицъ выданныхъ имъ заимообразно 31,760 руб. 45 коп., въ томъ числѣ отъ ангажированныхъ въ 1819 году французскихъ артистовъ 25,115 руб. 38 коп., каковая сумма должна была погашаться вычетами у нихъ изъ жалованья. Съ бывшаго содержателя маскарадныхъ буфетовъ Гаусмана, по нарушенію имъ контракта, причиталось недоплаченныхъ 8,790 руб., о коихъ производилось дѣло въ присутственныхъ мѣстахъ. Помимо сего, въ кассѣ конторы дирекціи хранилось наличной абонементной суммы по 1-е марта 1821 года 40,007 рублей. На капитальную сумму въ 50,000 руб., хранившуюся въ Опекунскомъ Совѣтѣ, причиталось по 1-е марта 1821 года процентовъ 1,069 р. 44¹/₄ коп.; кромѣ того къ концу отчетнаго года у дирекціи состояло въ наличности дровъ на 10,759 руб. 46 коп., такъ что капиталъ дирекціи по управленію петербургскими театрами, въ общей сложности, опредѣлялся въ 300,740 руб. 44¹/₂ коп.

Въ теченіе 1820 года на петербургскихъ театрахъ было дано 233 русскихъ спектакля, 174 нѣмецкихъ, 83 французскихъ, 4 концерта, 37 маскарадовъ и 13 эквилибристическихъ представленій. Сбору съ нихъ поступило: съ русскихъ спектаклей—526,607 руб. 50 коп., нѣмецкихъ—98,372 руб. 50 коп., французскихъ—156,766 руб. 50 коп., концертовъ—4,569 руб., маскарадовъ—45,323 руб., эквилибристическихъ представленій—2,688 руб. 6 коп., всего же—834,326 руб. 50 коп., на 158,206 руб. 44¹/₂ коп. болѣе противъ спектакльныхъ сборовъ за предшествовавшій годъ.

О дѣятельности московскаго театра за 1820 годъ можно судить на основаніи свѣдѣній, представленныхъ отъ управляющаго московскимъ отдѣленіемъ театральной дирекціи дѣйствительнаго статскаго совѣтника камергера Майкова и приложенныхъ къ всеподданнѣйшему отчету князя Тюфякина. Изъ отчета управляющаго

московскимъ театромъ оказывается, что расходы по московскому отдѣленію были произведены во всѣхъ частяхъ «по необходимой ихъ надобности» и хотя по нѣкоторымъ статьямъ была превзойдена опредѣленная на нихъ сумма, но лишь въ размѣрахъ крайней необходимости.

По случаю перенесенія дѣйствій московскаго театра изъ дома генерала Апраксина въ домъ, принадлежавшій оберъ-егермейстеру Пашкову, въ которомъ театральныя представленія были открыты съ 25-го августа 1818 года, въ распоряженіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Майкова было отпущено изъ имѣвшихся по ввѣренному ему управленію наличныхъ денежныхъ суммъ 50,000 руб. съ условіемъ постепеннаго возврата означенной суммы изъ выручекъ по театральнымъ сборамъ. До назначенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Майкова управляющимъ московскимъ театромъ, по прежнему управленію накопилось къ 1-му сентября 1808 года долговъ разнымъ лицамъ на сумму до ста тысячъ рублей. Къ 1810 году, за уплатою въ счетъ этой суммы 55 тысячъ руб. оставалось долговъ на 42,865 руб. 70 коп. Предмѣстникомъ князя Тюфякина было испрошено высочайшее соизволеніе на продажу, для возмѣщенія остальной долговой суммы, театральныхъ домовъ и другихъ принадлежавшихъ московскому театру зданій, находившихся въ Москвѣ, на Петровкѣ. Но эта операція не могла совершиться по случаю нашествія французовъ и пожара Москвы и кредиторы театра остались неудовлетворенными; но главный директоръ пришелъ къ соображенію, что кредиторы не виновны въ томъ, что дома погорѣли прежде чѣмъ были проданы для ихъ удовлетворенія вырученными съ продажи деньгами, и входилъ по этому предмету съ предоставленіемъ въ комитетъ по театральнымъ дѣламъ, постановившій, 20-го декабря 1818 года, уплачивать оставшіеся по московскому театру старые долги изъ общихъ остатковъ по тому театру. За управленіе князя Тюфякина размѣръ долга былъ сокращенъ изъ доходовъ московскаго театра до 23,486 руб. 65³/₄ коп., которые въ послѣдующіе годы предстояло выплатить сполна. Въ 1820 году, имѣвшаяся въ наличности у московскаго театра сумма простиралась до 102,171 руб. 38¹/₄ коп., а за вычетомъ оставшихся въ долгу разнымъ лицамъ 23,486 руб. 65³/₄ коп. чистый отъ всякихъ долговыхъ обязательствъ дѣйствительный капиталъ московскаго театра составлялъ 78,684 руб. 72¹/₂ коп.

Обороты московскаго театра въ 1820 году простирались на сумму 485,998 руб. 42¹/₂ коп.; изъ нихъ было израсходовано на положенныя по штатамъ статьи 365,273 руб. 63¹/₂ коп.; на экстраординарныя затраты—3,263 руб. 40¹/₂ коп. Выдано прибавочнаго жалованья по всѣмъ труппамъ 15,290 руб., итого по управленію московскимъ театромъ было израсходовано съ 1-го марта 1820 года по 1-е марта 1821 года 383,827 руб. 4 коп. и затѣмъ въ остаткѣ

состояло 102,171 руб. 38¹/₄ коп.; на балетную труппу, оркестръ, гардеробъ и декорации, управленіемъ московскими театрами было израсходовано менѣ штатнаго положенія на 25,182 руб. 24³/₄ коп.; на контору, русскую труппу и театральную школу, расходы московской театральной администраціи превысили штатное положеніе на 21,657 руб. 59³/₄ коп.

Въ виду цифровыхъ данныхъ, представленныхъ по всѣмъ статьямъ расходовъ и доходовъ дирекціи, остается заключить, что отъ лучшаго устройства театровъ годовые сборы какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, значительно увеличились, доставивъ казнѣ ощутительную прибыль и давъ дирекціи возможность завести свой собственный капиталъ на непредвидѣнные случаи, что и побудило комитетъ по театральнымъ дѣламъ засвидѣтельствовать единодушно объ «отличномъ усердіи и попеченіи о пользѣ казенной главнаго директора театральнаго зрѣлища гофмейстера князя Тюфякина».

Въ 1821 году, на мѣсто князя Тюфякина, управляющимъ театральными зрѣлищами и музыкою былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ званіи камергера, А. А. Майковъ, исправлявшій много лѣтъ должность директора московскаго театра и при которомъ состоялось перенесеніе спектаклей изъ дома Апраксина, въ Москвѣ, въ домъ гофмейстера Пашкова. Въ отчетѣ, представленномъ Майкову управляющимъ императорскимъ московскимъ театромъ за 1821 годъ, средства, которыми располагала къ тому времени московская сцена, были показаны въ слѣдующихъ цифрахъ: къ 1-му марту 1821 г. за всѣми расходами остатокъ составлялъ 86,824 руб. 38¹/₄ к.

Въ теченіе отчетнаго года поступило:

Изъ московской казенной палаты на содержаніе императорскаго московскаго театра, за исключеніемъ удержанныхъ на французскую труппу 36,000 руб.	140,000 р. —	к.
Со спектаклей въ теченіе года поступило . . .	198,534 » 50	»
Съ бенефисовъ, бывшихъ пополамъ съ казною . . .	4,087 » 75	»
» маскарадовъ	4,629 » —	»
» концерта	490 » —	»
» представленій нѣмецкаго актера Галмейера по условію съ конторою московскаго театра . . .	456 » 7	»
» буфета	4,500 » —	»
За театральную залу, отдававшуюся для концертовъ и другихъ представленій	2,214 » 82 ³ / ₄	»
Съ содержателя типографіи (по контракту) . . .	500 » —	»
Выручено съ продажи маскарадныхъ масокъ . . .	386 » 31	»
Процентовъ изъ Опекунскаго Совѣта, штрафовъ съ артистовъ и прибыли отъ оборота серебра . . .	6,721 » 9 ¹ / ₂	»
Всего же въ 1821 году въ приходѣ было . . .	449,343 » 93 ¹ / ₂	»

Въ томъ же году московскимъ театромъ было произведено расходовъ:

На контору	21,118 р. 4 ¹ / ₄ к.
» содержаніе русской труппы . .	47,649 » 22 ¹ / ₄ »
» балетную труппу	32,432 » 40 ¹ / ₂ »
» оркестръ	34,670 » 43 ³ / ₄ »
» гардеробъ	17,247 » 44 »
» декораціи	17,950 » 64 ¹ / ₂ »
» театральную школу	34,657 » 29 ¹ / ₄ »
» наемъ домовъ для театра, школы, на служителей, на выдачу квар- тирныхъ денегъ	67,641 » 79 »
» дрова	12,822 » 80 ¹ / ₂ »
» экипажи	18,531 » 56 ¹ / ₄ »
» освѣщеніе	20,269 » 80 ¹ / ₄ »
» разные расходы	25,557 » 24 ¹ / ₂ »
Отчислена десятая часть въ Опекун- скій Совѣтъ	20,774 » 12 ¹ / ₂ »
Мелкихъ расходовъ	4,306 » 87 »
Всего же въ 1821 г. израсходовано .	375,629 » 68 ¹ / ₂ »

Въ остаткѣ къ 1-му марта 1822 года, за вычетомъ 10,840 р. прибавочныхъ, слѣдовавшихъ къ выдачѣ на жалованье труппамъ, числилось 62,874 р. 25 к., на 23,950 р. 13¹/₄ к. менѣ противъ остатка за предыдущій годъ.

По всѣмъ расходнымъ статьямъ московскимъ театромъ было пере-держано въ отчетномъ году, противъ штатнаго положенія, 97,328 р. 58³/₄ к.

По содержанію оркестра, по декораціонной и гардеробной части и по нѣкоторымъ мелкимъ статьямъ, конторою московскаго театра было затрачено менѣ противъ штатнаго положенія на сумму 23,290 р. 67¹/₄ к.

Изъ приложенныхъ къ отчету объясненій видно, что театральные сборы въ 1821 году оказались значительно ниже доходовъ двухъ предшествовавшихъ годовъ, въ теченіе которыхъ, сверхъ русской труппы, дѣйствовала и нѣмецкая, добровольно прибывшая въ Москву и удѣлявшая дирекціи часть своихъ сборовъ, составившую за два года 28,243 р. Управляющій московскимъ театромъ объясняетъ недоборы стеченіемъ различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, отразившихся на театральныхъ сборахъ. «Помимо поздняго послѣ Святой открытія спектаклей, кратковременности карнавала и прекращенія нѣмецкихъ спектаклей, на сборы повлияли неблагопріятный для московскаго купечества исходъ Макарьевской ярмарки; недостаточный урожай въ окружающихъ Москву губерніяхъ; необыкновенно дурная зима, сопровождавшаяся

распутицею и чрезвычайно раннимъ вскрытіемъ рѣкъ; затрудненія въ сообщеніяхъ и многія другія причины воспрепятствовали прїѣзду дворянства въ Москву, вслѣдствіе чего также потерпѣло убытки и купечество, наживавшееся отъ прїѣзжихъ дворянъ». Отъ русской сцены отвлекло не мало публики открытіе въ ноябрѣ 1821 года представленій итальянской труппы, привлекавшихъ своею новизною; наконецъ, на уменьшеніе сборовъ повліяла и болѣзнь нѣкоторыхъ актеровъ и въ особенности актрисы Ветроцынской, замѣнить которую въ русской оперѣ не было возможности. Всѣ эти причины сократили сборы московскаго театра, въ 1821 году, на 72 тысячи руб. сравнительно съ сборами предшествовавшаго года.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ по московскому театру исправляющій должность главнаго директора А. А. Майковъ относить къ числу причинъ, повліявшихъ на уменьшеніе театральныхъ сборовъ, между прочимъ, и появленіе въ Москвѣ итальянской оперы, составлявшей для московской публики нѣчто совершенно новое. Итальянскіе спектакли открылись въ первопрестольной столицѣ по высочайшему повелѣнію отъ 3-го іюня 1820 года. А. А. Майковъ докладывалъ своему предмѣстнику, князю Тюфякину, что итальянскія представленія не принесли бы ущерба русской сценѣ, еслибы расходы на итальянскую труппу возмѣщались подпискою любителей музыки; но если доступъ къ нимъ публики будетъ разрѣшенъ при ежедневной продажѣ въ кассѣ билетовъ на оперные дни, то русскіе спектакли понесутъ убытокъ. «Такое мнѣніе мое,— заявляетъ А. А. Майковъ въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ,—осталось безъ дѣйствія, а между тѣмъ, кромѣ подписокъ, дѣйствительно, возникла на итальянскія представленія ежедневная продажа билетовъ. Вмѣсто предположенныхъ двухъ дней въ недѣлю, итальянская труппа играла иногда еженедѣльно три раза, притомъ въ не назначенные дни, чрезъ что сдѣлано большое разстройство россійскому репертуару. Предвидимый отъ сего вредъ для россійскихъ спектаклей совершился, ибо съ тѣхъ поръ сборы отъ оныхъ примѣтнымъ образомъ ослабѣли». Въ заключеніе своего отчета, А. А. Майковъ, выставляя полезную дѣятельность управляющаго Московскимъ театромъ, ст. сов. Сухопрудскаго, между прочимъ заявляетъ, что благодаря его рвенію, Московскій театръ, сгорѣвшій во время общаго пожара со всѣми принадлежащими ему зданіями, возобновилъ свои дѣйствія не только безъ всякаго пособія отъ казны, но даже при неимѣннй средствъ удовлетворить жалованьемъ оставшихся артистовъ, и не смотря на то московская сцена, возродившаяся своими собственными средствами, въ сравнительно короткое время довела свое хозяйство до такого положенія, что помимо чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ устройствомъ двухъ театровъ, сначала въ домѣ генерала Апраксина, а затѣмъ егермейстера Пашкова, театральная контора нашла возможнымъ нанимать дома для помѣщенія

въ нихъ служащихъ при театрѣ и театральной школы и не только не вошла въ долги, но и уплатила значительную часть долговъ, накопившихся отъ прежняго времени; кромѣ того, въ поощреніе талантливыхъ артистовъ контора прибавила имъ жалованья. Съ назначеніемъ А. А. Майкова исправляющимъ должность главнаго директора императорскихъ театровъ, французскіе спектакли въ Петербургѣ встрѣтили въ немъ рѣшительнаго противника. Журналомъ театрального комитета отъ 9 мая 1816 года было постановлено: «во избѣжаніе подрыва, какой могъ бы нанесенъ быть сборамъ русскаго театра французскимъ театромъ, запретить отнынѣ находящимся здѣсь французскимъ актерамъ давать свои представленія». Между тѣмъ, отсутствіе французскаго театра въ Петербургѣ не было продолжительно и князь Тюфякинъ, уступая общему желанію и въ особенности требованіямъ высшаго общества, ходатайствовалъ передъ государемъ о выискѣ французской труппы, доказывая полную возможность для дирекціи содержать ее на счетъ своихъ собственныхъ средствъ. Труппа была выписана, французскіе спектакли возобновились, но, вслѣдствіе своей малоодоходности, понудили А. А. Майкова войти съ представленіемъ къ государю черезъ комитетъ, объ упраздненіи французскаго театра. Этотъ шагъ свой онъ объясняетъ въ своемъ отчетѣ за 1821 годъ, слѣдующими соображеніями: «хотя князь Тюфякинъ предполагалъ возможнымъ содержать французскихъ актеровъ изъ доходовъ дирекціи, опытъ же показалъ что французскіе спектакли не только не приносили ей никакой пользы, но прямо обращались ей въ ущербъ». «Сіе не могло быть чувствительно — поясняетъ А. А. Майковъ въ своемъ отчетѣ — въ первые полтора года дѣйствій французской труппы, ибо публика, будучи лишена въ теченіе болѣе семи лѣтъ французскихъ спектаклей, при возстановленіи оныхъ, стремилась къ посѣщенію ихъ; въ теченіе же всего 1821 года приобрѣтено отъ оныхъ сборовъ токмо 103,608 руб., а содержаніе труппы безъ улучшенія ея талантами, въ коихъ она имѣетъ совершенную необходимость, стоило дирекціи вообще 129,945 р. 38 коп. слѣдовательно дирекція потерпѣла отъ сей труппы ущербъ на 26,337 р. 38 к. и теряетъ еженедѣльно два дня для представленій другихъ труппъ, кои, безъ сомнѣнія, принесли бы большую противъ оной пользу, не говоря уже о томъ, что предметникъ мой, лишивъ для сей труппы оркестра нѣмецкія оперы—уничтожилъ оныя самъ собою,—черезъ что, кромѣ возродившагося отсюда неудовольствія нѣмецкой публики, которая здѣсь въ гораздо большемъ количествѣ, нежели французская,—дирекція теряетъ значительный доходъ, который приобрѣтался отъ нѣмецкой оперы».

Тягость французской труппы для дирекціи, какъ поясняетъ далѣе тотъ же отчетъ А. А. Майкова, дала себя чувствовать не въ первый годъ возстановленія французскаго театра, стоявшаго не

болѣе 70 тысячъ руб., а впоследствии, когда одно жалованіе было увеличено княземъ Тюфякинымъ до 121,700 руб., да были вновь приглашены пять новыхъ артистовъ за 26,000 руб., такъ что французскіе спектакли стоили дирекціи до 147,700 руб. въ годъ. Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, направленныхъ къ доказательству не только бесполезности, но и вреда французскаго театра, исправляющій должность главнаго директора ссылается и на жалобы своего предмѣстника на то, что порядочныхъ артистовъ не представилось возможности ангажировать въ Парижѣ вслѣдствіе ихъ непомерной требовательности. Къ довершенію всего, контракты съ французскими артистами были заключены княземъ Тюфякинымъ на разные сроки, а тѣ актеры, которымъ кончаются контракты, требуютъ значительной прибавки; замѣна же ихъ другими, болѣе талантливыми, а слѣдовательно и болѣе взыскательными, наложила бы на дирекцію новый рядъ жертвъ.

Не взирая на значительныя суммы, употребленныя въ теченіе 1821 года на постановку великолѣпныхъ спектаклей, и на то, что княземъ Тюфякинымъ въ продолженіе одного года было сдѣлано прибавки по статьѣ жалованья артистамъ на 61,310 руб., средства петербургскихъ театровъ за 1821 годъ представлялись въ слѣдующемъ положеніи: къ 1-му марта 1822 года въ остаткѣ состояло въ кассѣ конторы дирекціи 24,528 руб. 4¹/₂ к., по кабинету остатковъ за 1821 годъ числилось 35,050 руб. 84³/₄ к.; для приращенія процентами въ заемномъ банкѣ по прежнему хранилось 56,000 руб. Сверхъ означенныхъ суммъ, дирекціи слѣдовало получить:

Изъ кабинета Его Величества въ возвратъ за разныя издержки, произведенныя дирекціей для бывшихъ придворныхъ праздниковъ . . .	20,416 р. 40 к.
За январь и февраль, экономическихъ денегъ .	4,026 » 79 »
Съ типографіи, по контракту за тѣ же мѣсяцы.	175 » — »
Отъ разныхъ лицъ, выданныхъ имъ по распоряженію предмѣстника А. А. Майкова заимообразно.	27,458 » 35 »
Процентовъ съ хранившагося въ банкѣ капитала въ 50,000 р. по 1-е марта 1822 г.	2,854 » 35 ¹ / ₂ »

Затѣмъ, дѣйствительный денежный остатокъ, за исключеніемъ 33,432 р. абонементнаго сбора за недоданные спектакли, къ 1-му марту 1822 г. составлялъ 131,077 руб. 23³/₄ к. Къ тому же сроку состояло въ наличности дровъ на 15,448 р. 50 к. и разныхъ вещей, приготовленныхъ для постановки оперы «Судъ Мидаса» на 6,420 р. 65 к.

Исправлявшій должность главнаго директора обращалъ особенное вниманіе на усиленіе спектаклей, составлявшихъ главный источникъ театральныхъ доходовъ. Въ теченіе 1821 года театраль-

нихъ сборовъ поступило: съ 227 русскихъ спектаклей—439,826 р., съ 148 нѣмецкихъ — 86,326 р. 10 к.; съ 74-хъ французскихъ — 103,608 р., съ 7-ми концертовъ—7,971 р., съ 33-хъ маскарадовъ—31.937 р., съ 12-ти разныхъ представлений—4,542 р. 55 к. Итого—674,210 руб. Отъ содержателей буфетовъ и прочихъ экономическихъ статей—33,735 р. 48 к.; всего же поступило 707,946 р. 13 к.

Экономическихъ остатковъ по петербургскимъ театрамъ, накопившихся съ 1811 года, числилось къ 1821 году, за вычетомъ абонементной суммы—260,738 р. 44¹/₂ к. 1821 годъ далъ остатокъ въ 107,792 р. 5¹/₂ к., менѣе противъ состоящаго на счету за предъидущій годъ. Причины, повліявшія на недоборъ, заключались: 1) въ произведенной княземъ Тюфякинымъ значительной прибавкѣ жалованья артистамъ; 2) въ охлажденіи публики къ французскимъ спектаклямъ; 3) въ неблагопріятной погодѣ во всю зиму 1821 года и въ продолжавшемся отсутствіи гвардіи и 4) «въ кратковременности карнавала» и въ позднемъ открытіи театровъ, такъ что сравнительно съ 1820 годомъ дирекція потеряла по обоимъ театрамъ 21 день, всего же 42 дня, полагая же въ каждый день по обыкновенному сбору до 3,000 руб., недоборъ составлялъ по однимъ спектаклямъ 63,000 руб.

Въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ дирекціи по прежнему проявлялись неустанныя заботы о возможно-большемъ соблюденіи интересовъ казны; тѣмъ не менѣе возростающая дороговизна, съ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ матеріалы, развитіе художественнаго чувства въ публикѣ, предъявлявшей къ дирекціи болѣе строгія требованія, и стремленія театральной администраціи, направленные къ поддержанію достоинства, значенія и обаянія російской императорской сцены, выразившіяся, съ одной стороны—въ стараніяхъ дирекціи обставить спектакли возможно большею роскошью, а съ другой — въ поощреніи талантовъ и въ приобрѣтеніяхъ совершенныхъ для русской сцены въ лицѣ новыхъ даровитыхъ людей, не могли не вызвать значительнаго превышенія штатнаго положенія по всѣмъ почти расходнымъ статьямъ. Это превышеніе особенно обозначилось въ расходахъ по содержанію русской и балетной труппы, а также по гардеробной и декорационной частямъ. По гардеробу расходы превзошли смѣтное положеніе на 69,127 р. 49 к.; болѣе же тщательная обстановка спектаклей, потребовавшая искусныхъ декораторовъ, была причиною, что и по этой статьѣ дирекція превысила штатное положеніе на 44,683 р. 27³/₄ к.

X.

Членъ репертуарной части Волковъ и директоръ Майковъ.

Какъ извѣстно, князь А. А. Шаховской, долгое время руководившій русской сценой въ С.-Петербургѣ, въ 1818 году принужденъ былъ по нѣкоторымъ личнымъ неудовольствіямъ¹⁾ съ управлявшимъ тогда, за отъѣздомъ А. Л. Нарышкина, театрами²⁾ княземъ П. И. Тюфякинымъ,—оставить свою должность члена репертуарной части и выйти въ отставку. «Его мѣсто—говорить Р. М. Зотовъ въ своихъ «воспоминаніяхъ»—занялъ переводчикъ «Весталки» дѣйствительный статскій совѣтникъ Волковъ, но пробылъ только нѣсколько мѣсяцевъ и тоже вышелъ». Последнее свѣдѣніе, при знакомствѣ съ современными документами, оказывается неточнымъ. Въ дѣйствительности, Волковъ прослужилъ не нѣсколько мѣсяцевъ, а нѣсколько лѣтъ, и былъ уволенъ не при Тюфякинѣ, а уже при Майковѣ, и не ранѣе начала 1825 года, когда высшая власть надъ театральнымъ міромъ принадлежала с.-петербургскому генералъ-губернатору графу М. А. Милорадовичу.

Увольненіе это состоялось по докладу Майкова графу Милорадовичу, не безъ нѣкоторой борьбы со стороны Волкова. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ слѣдующая его «Записка», поданная графу М. А. Милорадовичу, вѣроятно въ отвѣтъ на предложеніе объ отставкѣ. «Ежели вашему сіятельству угодно сдѣлать меня несчастливымъ—писаль Волковъ—оставить безъ куска хлѣба, лишитъ всей надежды за безпорочную службу приобрѣсть монаршее вознагражденіе и по одному внушенію съ дурной стороны, на васъ подѣйствовавшему, винить меня, не выслушивая никакихъ оправданій,—то вы властны однимъ вашимъ словомъ погубить невозвратно. Но эта черта сильно отразится въ характеристикѣ вашей: графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ разилъ тысячу непріятелей, но не губилъ невинныхъ». Послѣ такого патетическаго предисловія, Волковъ представлялъ въ своей «запискѣ» свои оправданія: «Будучи отдаляемъ отъ исполненія моей должности, коей главную обязанность принялъ на себя директоръ непосредственно,—писаль онъ,—я чувствовалъ съ прискорбіемъ всю тяжесть моего положенія, и если бы имѣлъ къ существованію какія либо средства, то ни минуты не остался бы обременять собою начальника, которому не могъ нравиться. Но въ моемъ состояніи, имѣя пристарѣлую мать и жену, не могъ я не дорожить мѣстомъ, на которое призванъ, какъ чиновникъ способный и до-

¹⁾ «Театральныя воспоминанія» Р. Зотова, стр. 53.

²⁾ Какъ извѣстно, вскорѣ затѣмъ, именно въ 1819 году, Тюфякинъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ.

стойный замѣщать оное, съ обѣщанными выгодами, коихъ стекшія обстоятельства ожидать не позволили. Вотъ причина, заставлявшая меня съ терпѣніемъ переносить все непріятности и униженія. Мнѣ видимо было нерасположеніе ко мнѣ по должности члена репертуарной части, также какъ и намѣреніе вывести меня изъ терпѣнія; но я рѣшительно терпѣлъ, исполняя все то, что только поручалось мнѣ къ исполненію по одному Малому театру. Былъ обвиняемъ за то, что не ежедневно бывалъ на репетиціяхъ; но и бывать на оныхъ, по ходу дѣла, служило бы мнѣ большимъ униженіемъ, котораго всякій благородно мыслящій человѣкъ избѣгать долженъ. Все новыя пьесы, долженствовавшія поступить предварительно ко мнѣ, какъ къ члену репертуарной части, присылались и отсылались прямо, мимо меня, въ цензуру и отдавались къ разученію. Какъ же мнѣ было слѣдить за репетиціей такой пьесы, коей и самое принятіе на театръ отклонялось начальникомъ отъ моего свѣдѣнія? Со всемъ тѣмъ я исполнялъ долгъ службы и переносилъ непріятныя обстоятельства, думая, что самое положеніе театральной дирекціи, заставивши учредить особый комитетъ для лучшаго оной устройства, переменится. Слышалъ, что по составленному новому оной образованію, мѣсто члена репертуарной части измѣняется, и что я, какъ чиновникъ долговременно служащій, могу занять должность положенную по новому штату члена хозяйственнаго отдѣленія. Потому оставался я въ ожиданіи перемены судьбы моей. Знаю по слуху, что штатъ сей долженствуетъ въ незамедлительномъ времени утвердиться высочайшимъ соизволеніемъ,—и въ самое то время встрѣченъ обиднымъ понужденіемъ просить увольненія отъ службы.

«Если слишкомъ сорокалѣтнее служеніе мое, одобреніемъ бывшихъ моихъ начальниковъ генераловъ: графа Вязмитинова, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, Барклая-де-Толли, графа Кочубея сопровождаемое,—можетъ обратить вниманіе,—говорить далѣе Волковъ,—то осмѣливаюсь убѣдительно просить: или о переменеи меня по прежнему въ министерство внутреннихъ дѣлъ, или объ опредѣленіи въ государственный совѣтъ помощникомъ статсъ-секретаря, или о всемилостивѣйшемъ увольненіи меня, по примѣру сослуживцевъ, съ награжденіемъ чина и на основаніи высочайшаго его императорскаго величества въ 28-й день апрѣля 1798 года указа Правительствующему Сенату даннаго, съ обращеніемъ мнѣ въ пенсіонъ полного получаемаго мною нынѣ жалованья, дабы остатокъ дней моихъ съ женою и престарѣлою матерью не довелось влачить по міру».

«Я такъ увѣренъ въ кротости и милосердіи августѣйшаго нашего императора, говоритъ въ заключеніе Волковъ,—которому прежняя служба моя и бѣдное состояніе очень извѣстны, что не сомнѣваюсь въ успѣшномъ исходатайствованіи сей монаршей милости,

какъ скоро ваше сіятельство изволите благосклонный обратитъ взоръ на судьбу челоуѣка, долженствующаго стать невинною жертвою бѣдности и отчаянія, челоуѣка, который всегда поведеніемъ своимъ и ревностью къ службѣ обращалъ на себя вниманіе государя императора».

Изъ приведеннаго документа видно, что Волковъ былъ жертвою несправедливости директора, который всячески его притѣснялъ и «безвинно» удалялъ отъ службы. Но *audiatur et altera pars*.—Когда графъ Милорадовичъ отправилъ приведенную «записку» Майкову, тотъ отвѣтилъ на нее объясненіемъ, въ которомъ доказываетъ, что всѣ доводы Волкова «никакого основанія справедливости» не имѣли.

«При самомъ приѣздѣ моемъ въ Петербургъ и вступленіи въ управленіе театрами—разсказывалъ А. А. Майковъ—нашелъ я, что г. Волковъ и бывшимъ главнымъ директоромъ княземъ Тюфякинымъ не употребляемъ былъ къ исправленію своей должности, по недостатку способностей къ оной, о чемъ князь Тюфякинъ лично при отъѣздѣ своемъ со мною объяснялся. Желая испытать сіе и дать г. Волкову случай оправдать себя, еслибъ то было одно неблагопріятное предубѣжденіе, я ввелъ его вновь во всѣ права и обязанности, и даже, чтобъ облегчить его дѣйствія при надзираніи за пробами, раздѣлилъ оныя по родамъ, ввѣря ему трагедіи, драмы и комедіи, а себѣ собственно предоставляя оперную и балетную труппы, потому что представленія сего рода наиболѣе даются на Большомъ театрѣ, гдѣ по обязанности преимущественно я нахожусь должень. Вскорѣ оказалось, однако, что г. Волковъ, по нерадѣнію ли или по неспособности, не только вовсе не является на репетиціи, но и вообще ни мало не занимается ничѣмъ, что относится до его части члена репертуара, почему я и вынужденъ былъ дѣлать ему по временамъ увѣщанія, выговоры и, наконецъ, письменныя предписанія для побужденія его къ исправленію должности. Но и сіи мѣры оказались безъ успѣха, и служеніе г. Волкова оставалось одинаково. Нѣсколько разъ намѣревался я представить куда слѣдуетъ о неспособности сего чиновника къ занимаемой имъ должности, но какъ я самъ уже два года прошу себѣ увольненія отъ дирекціи, и на той точкѣ нахожусь, что ежедневно дѣло сіе можетъ рѣшиться, я предоставлялъ тѣмъ особамъ, кои замѣстятъ меня, удостовѣриться въ качествахъ г. Волкова». Такимъ образомъ, оказывается, что Волковъ вовсе не былъ невиннымъ агнцемъ, и увольненіе его было вызвано дѣйствительно серіозными побужденіями. «Что же касается до жалобъ его, говоритъ А. А. Майковъ въ своемъ объясненіи, что всѣ пьесы отсылались въ цензуру мимо его, то сіе несправедливо. До іюня мѣсяца 1824 года, слѣдственно болѣе трехъ лѣтъ службы его, всѣ пьесы шли чрезъ него, и всѣ отношенія въ цензуру имъ были подписываемы, но какъ по всегдашней своей недѣятельности онъ продерживалъ, безъ нужды и причины, отправ-

ляемые пьесы чрезвычайно долго, такъ что, наконецъ, всѣ артисты стали жаловаться на сіе, и послѣдній бенефисъ танцора Люстиха едва съ большими затрудненіями могъ быть данъ, и то по взятіи мною лично отвѣтственности на себя передъ цензурою, то я принужденъ былъ принять на собственное свое попеченіе прочитывать и отправлять въ цензуру представляемыя пьесы. Впрочемъ, чрезъ сіе сократилъ только процедуру, ибо во всякомъ случаѣ обязанъ я былъ прочитывать пьесы послѣ г. Волкова и утверждать пріемъ оныхъ,—и когда я на этотъ счетъ объяснялся съ г. Волковымъ, то онъ самъ мнѣ сказалъ, что принятая мною мѣра весьма хороша и онъ на нее согласенъ. Слѣдственно, чрезъ сіе я вовсе не удалялъ и не отстранялъ его отъ должности, ибо иначе далъ бы надлежащее о томъ конторѣ предложеніе. При томъ большая часть новыхъ піесъ поступали отъ бенефициантовъ уже цензурованными, по представленію отъ самихъ авторовъ или переводчиковъ въ цензуру. Въ числѣ таковыхъ наиболѣе были пьесы извѣстнаго автора князя Шаховского. Наконецъ, все сіе должно было отнюдь не останавливать г. Волкова въ исполненіи его должности. И притомъ, если онъ въ отношеніи моемъ къ его обязанности видѣлъ въ чемъ либо нарушеніе правилъ высочайше конфирмованнаго штата дирекціи, то, на основаніи же онаго, могъ онъ и долженъ былъ представить свое мнѣніе и записать его въ журналъ, или, по крайней мѣрѣ, лично со мною о томъ объяснить; но я, до прочтенія нынѣшняго его объясненія и не зналъ, что онъ по сему случаю имѣетъ какія либо претензіи».

«Словомъ—заключаетъ Майковъ—все обвиняетъ г. Волкова,—и я въ обязанности нахожусь донести вашему сіятельству, что служба сего чиновника при дирекціи по бездѣйственности его не только не облегчаетъ меня, какъ бы по штату надлежало, но еще болѣе затрудняетъ въ дѣйствіяхъ, и потому дальнѣйшая его бытность при дирекціи совершенно бесполезна, особливо, когда новое постановленіе приметъ свое дѣйствіе. Посему я въ долгъ сіе представить на ваше благоусмотрѣніе».

Кончилась эта переписка тѣмъ, что Волковъ былъ уволенъ изъ дирекціи театровъ.

Е. Опочининъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАѢ I.

ОСПИТЫВАЛОСЬ насъ три брата въ Первомъ (Штербургскомъ) кадетскомъ корпусѣ. Старшій братъ мой былъ мальчикъ весьма бойкаго, живого характера; надѣленъ онъ былъ отъ природы быстрымъ соображеніемъ, находчивостью, умомъ, и науки ему давались легко; все это выдѣляло его изъ общества сверстниковъ. Но при всѣхъ хорошихъ качествахъ, братъ имѣлъ самолюбиво-независимый характеръ, который, все болѣе и болѣе развиваясь въ немъ, привелъ его къ серьезнымъ послѣдствіямъ, когда уже онъ былъ на службѣ, что и побудило меня написать этотъ рассказъ изъ незабвенной жизни въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича, имѣвшаго большое значеніе въ судьбѣ моего брата.

Въ корпусѣ былъ я опредѣленъ съ братьями за заслуги отца, который служилъ въ военной службѣ. Товарищество у насъ въ корпусѣ было самое дружное: находясь многіе годы и развиваясь вмѣстѣ, мы естественно спланивались въ одну семью—такъ были тѣсны наши интересы, и горе и радость переживались нами вмѣстѣ. Каждый изъ насъ на столько былъ проникнутъ духомъ товарищества, что стоялъ всегда горой одинъ за другого, и выдать кого-либо даже за самую безобидную шалость, столь свойственную дѣтскому возрасту, почиталось между нами позоромъ, а потому никто изъ насъ и не рѣшался на это, такъ какъ можно было навсегда уронить себя въ глазахъ сверстниковъ и потерять всю ихъ привязанность и дружбу. Вотъ на этихъ-то началахъ собственно и развивались въ нашемъ маленькомъ мірѣ всѣ нравственныя качества, столь необходимыя въ жизни. И сколько корпусъ далъ отечеству дѣятелей

на всѣхъ поприщахъ, сколько есть и такихъ, которыми общество гордится и по сію пору!..

Отца своего я не помню. Матушка овдовѣла рано, на 23 году жизни. Она всю себя посвятила намъ: мы, дѣти, были для нея все, весь міръ ея заключался въ насъ. Съ своей стороны мы мало сказать любили мать: мы ее боготворили. Жила она безотлучно въ Петербургѣ и въ недѣлю разъ уже всегда бывала у насъ въ корпусѣ. Матушка не имѣла состоянія, жила исключительно пенсіей, и жила бѣдно, такъ какъ пенсія была очень небольшая; но не смотря на скудность ея средствъ, она намъ отдавала все, чтò имѣла.

Старшій мой братъ былъ выпущенъ изъ корпуса шестью годами ранѣе насъ, мы же съ братомъ окончили курсъ вмѣстѣ. По выходѣ изъ корпуса братъ поступилъ въ лейбъ - Бородинскій полкъ его высочества наслѣдника цесаревича. Полкъ стоялъ во Владимірѣ, въ лагерное же время переходилъ на стоянку въ Москву. Извѣстія о братѣ мы имѣли какъ отъ матери, такъ и черезъ него самого. Письма его читались нами съ большимъ интересомъ. Писалъ братъ отлично, а рассказъ его былъ освѣщенъ такими яркими талантливими красками, что не только мы, но и наши товарищи, которые всегда присутствовали при чтеніи его писемъ, заслушивались ихъ...

Нашъ корпусъ былъ любимымъ корпусомъ покойнаго государя Николая Павловича! Его августѣйшіе дѣти, не исключая и наслѣдника цесаревича, покойнаго государя Александра Николаевича, были кадетами Перваго корпуса. Мнѣ приходилось стоять во фронтѣ рядомъ съ великими князьями Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами. Они, входя въ нашъ міръ, совершенно подчинялись корпусной дисциплинѣ и условіямъ кадетской жизни. До сихъ поръ о нихъ сохраняется самая незабвенная память въ моихъ воспоминаніяхъ, объ удивительномъ ихъ радушіи, высокой гуманности и самаго простаго товарищескаго обращенія съ своими сверстниками. Государя мы часто видали въ корпусѣ. Онъ всегда осчастливливалъ насъ своими милостями, такъ какъ ко дню его пріѣзда намъ дѣлали многія льготы, прощались грѣшки и шалости, и дней пріѣзда государя въ корпусъ мы ждали какъ праздника. Однажды, пріѣхалъ къ намъ въ корпусъ изъ Москвы давнишній знакомый матери Сергѣй Карцевъ и сообщилъ намъ печальную вѣсть, что старшій братъ Аполлонъ преданъ военному суду за нарушеніе дисциплины; Карцевъ просилъ насъ передать матушкѣ эту вѣсть, совѣтуя найти возможность какимъ-либо образомъ спасти его. На слѣдующій день въ корпусѣ былъ пріемъ родныхъ, и матушка, по своему обыкновенію, пріѣхала къ намъ. Мы ей передали все, что узнали отъ Карцева. Не буду говорить, какъ должна была принять эту вѣсть матушка и что нравственно должна была испытывать при ея нѣжной любви къ намъ.

Узнавши о несчастіи сына, она не долго медля взяла себѣ мѣсто въ малыпостѣ (тогда еще Николаевской желѣзной дороги не было; мой разсказъ относится къ сороковымъ годамъ), взяла съ собой послѣднюю, накопленную ею путемъ долгихъ лишеній и экономій, тысячу рублей ассигнаціями, назначенную для нашей же обмундировки къ выходу изъ корпуса, и отправилась въ Москву, гдѣ на Вознесенской гаубтвахтѣ (теперь Историческій музей) встрѣтила сына нравственно и матеріально убитымъ, такъ какъ уже около двухъ лѣтъ судился онъ при Московскомъ ордонасъ-гаузѣ и все это время скрывалъ и отъ матери, и отъ насъ, свое положеніе, о которомъ мы узнали только благодаря Карцеву.

Не смотря на всѣ хлопоты и расходы матери, дѣло уже было поставлено на столько серьезно, что очень трудно было помочь брату, и ему грозило быть разжалованнымъ въ солдаты. Проживши два мѣсяца въ Москвѣ и узнавши окончательно, что дѣло брата будетъ отправлено на конфирмацію государя императора, она возвратилась въ Петербургъ. Въ это время мы стояли лагеремъ въ Петергофѣ. Пріѣхавши къ намъ, она со слезами на глазахъ объявила намъ о несчастіи брата, передала отъ него поцѣлуй и благословеніе съ словами: «Богъ знаетъ, когда мы еще увидимся и увидимся ли!..» Слезы, горе и беспомощное состояніе матери на меня произвели такое впечатлѣніе, что въ моей головѣ блеснула мысль просить о милости отца нашего, подъ покровительствомъ котораго мы росли и воспитывались. Хотя намѣреніе мое было прекрасное, но очень трудно исполнимое уже по одному тому, что тринадцатилѣтній ребенокъ долженъ идти къ императору и просить его милости за брата въ столь серьезномъ дѣлѣ. Но намѣреніе мое на столько меня преслѣдовало, что я, наконецъ, рѣшился во что бы ни стало его исполнить. Дождавшись удобнаго случая и тайкомъ добывъ себѣ отъ каптенармуса новую куртку, отправился я въ Александрію, гдѣ по своему обыкновенію проводилъ государь съ императрицей и всей августѣйшей семьей каждое лѣто. Околоными путями, черезъ заднее поле, попалъ я въ Англійскій паркъ, затѣмъ въ верхній Петергофскій, наконецъ, дошелъ и до входа въ Александрію. Но здѣсь я сильно струсилъ, боясь, что часовые меня не пропустятъ, такъ какъ это былъ будній день, а кадеты гуляли всегда съ разрѣшенія государя въ Александріи только по праздникамъ. Помню, день этотъ былъ четвергъ. Прочитавъ «Отче нашъ», я однако прошелъ совершенно свободно, незамѣченнымъ, вѣроятно, часовыми, и направился прямо по главной аллеѣ, ведущей ко дворцу. На пути я встрѣтилъ наследника цесаревича Александра Николаевича, ѣдущаго въ коляскѣ съ цесаревной Маріей Александровной. Такъ какъ его высочество былъ шефъ Бородинскаго полка, то мнѣ блеснула мысль просить его за брата; но, подумавъ, я рѣшилъ, что просьба моя не можетъ ми-

новать государя, если бы даже наслѣдникъ и обратилъ на нее вниманіе, и сталъ во фронтъ. Поровнявшись со мной, наслѣдникъ удостоилъ меня словами: «Здорово, карапузъ!» и проѣхалъ мимо, не обративъ никакого вниманія, что я въ будни гуляю въ Александріи. Затѣмъ я продолжалъ путь дальше и дошелъ, наконецъ, до дворца.

День былъ ясный. Вечерѣло. Заходящее солнце заливало своими лучами раскинутыя передъ дворцомъ цвѣточныя клумбы; среди нихъ извилистой лентой пробѣгали дорожки и пропадали въ паркѣ. Передъ фасадомъ красовалась огромная бѣлая мраморная ваза съ отлогими краями; вода бѣжала изъ нея шумными потоками и скатывалась съ плитъ. Лучи солнца дробились въ струяхъ воды въ радужные оттѣнки. Изъ вазы огромнымъ водянымъ столбомъ выбрасывался фонтанъ, какъ дымчатое облако, и усыпалъ бѣловато-прозрачною пылью ползущую у подножія фонтана растительность. Въ сторонѣ я увидалъ плющевую бесѣдку и, боясь быть замѣченнымъ среди цвѣтника, укрылся въ ней, гдѣ меня никто уже не могъ видѣть, мнѣ же чрезъ вѣтки плюща было видно, что дѣлалось во дворцѣ. Чрезъ зеркальныя окна, изъ которыхъ нѣкоторыя были открыты, я увидалъ, какъ вся царская семья обѣдала. Прежде всѣхъ я замѣтилъ государя, возлѣ него императрицу Александру Феодоровну, великаго князя Михаила Павловича, великихъ князей Ольгу Николаевну и Марію Николаевну и великихъ князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей; при нихъ на концѣ стола сидѣли генераль-адъютантъ Философовъ и адмиралъ Литке съ барономъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Корфомъ. Обѣдъ продолжался съ часъ, послѣ котораго государь съ императрицею и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ вышли на террасу, обращенную къ морю. Михаилъ Павловичъ предложилъ государю сигару. Государь откусилъ кончикъ сигары, закурилъ и скоро ее бросилъ. Я въ первый разъ видѣлъ государя курящимъ. Это меня сильно интересовало, какъ и все, что происходило предъ моими глазами и свидѣтелемъ чего я былъ столь страннымъ образомъ. Сердце у меня сильно билось изъ боязни, что кто-либо изъ царской семьи случайно можетъ войти въ бесѣдку и увидеть меня. Я уже хотѣлъ было выйти изъ моей засады, какъ вдругъ услышалъ шумъ экипажа, который подавали къ крыльцу. Я такъ и замеръ на мѣстѣ, думая, что экипажъ этотъ поданъ государю: мною овладѣло отчаяніе, что государь сейчасъ можетъ уѣхать, и я не исполню моего намѣренія, и что всѣ мои тревоги, волненія, будутъ напрасны. На мое счастье экипажъ былъ Михаила Павловича, и я видѣлъ, какъ онъ, простившись съ государемъ и государыней, уѣхалъ на свою дачу въ Ораніенбаумъ. Пользуясь минутой, я быстро вышелъ изъ бесѣдки и направился ко дворцу великихъ князей. Пройдя нѣсколько шаговъ,

я встрѣтилъ великаго князя Николая Николаевича. Онъ бѣжалъ въ свои покои, но, завидя меня, быстро остановился и спросилъ:

— Ты что сюда забрался?

— Я отпущенъ домой и гуляю, ваше высочество,—отвѣтилъ я, смутясь.

— Какъ же ты гуляешь, когда сегодня будній день.

— Я именинникъ и отпущенъ домой, ваше высочество...

Я лгалъ, не зная, что отвѣчать.

— Хорошо! такъ подожди меня здѣсь: я сейчасъ вернусь и пойдемъ играть... Хочешь? Нужно сказать Сергѣю Сергѣевичу.

Сказавъ это, онъ скрылся. Испугавшись этого и зная, что если баронъ Корфъ меня увидитъ, то отправить въ корпусъ, а потому, не дожидаясь возвращенія великаго князя, я поспѣшилъ уйти въ прилегающую аллею, на концѣ которой увидѣлъ знакомаго мнѣ дрожки государя и сидящаго на козлахъ кучера Макара. Его мы, кадеты, знали хорошо. Какъ теперь вижу правую его перчатку и на ней крупнымъ шрифтомъ слова: «Макаръ, кучеръ его императорскаго величества». Около лошади стоялъ казакъ. Я подошелъ ближе и спросилъ:

— Чья это лошадь?

— Его императорскаго величества,—отвѣтилъ мнѣ кучеръ.

— А вамъ что нужно, баринъ?—спросилъ меня казакъ.

— Да такъ, ничего: я просто гуляю,—отвѣтилъ я и пошелъ по аллеѣ, ведущей ко дворцу.

Зная, что государь долженъ непременно ѣхать по этой аллеѣ, я спрятался въ листву и со страхомъ началъ ждать проѣзда государя. Мнѣ пришлось недолго ждать; но трудно передать, что испытывалъ я въ тѣ минуты, когда слышалъ стукъ приближавшагося ко мнѣ экипажа и увидѣлъ государя: я ощущалъ и страхъ, и надежду; меня даже брало раскаяніе въ томъ, что я рѣшился на столь смѣлый шагъ; мнѣ хотѣлось спрятаться, убѣжать, но какой-то внутренній голосъ побуждалъ меня остаться на мѣстѣ и довести дѣло до конца. Эта борьба чувствъ происходила во мнѣ такъ быстро, что я, выйдя на дорогу, не помню, какъ сталъ во фронтъ; когда же государь поровнялся со мной, то я до того растерялся, что ничего не нашелъ лучшаго сдѣлать какъ перекреститься. Это и заставило государя обратить на меня вниманіе. Онъ приказалъ кучеру остановиться и, окинувъ меня съ ногъ до головы своимъ обычнымъ строго-проницательнымъ взглядомъ, спросилъ:

— Что тебѣ надо? Поди сюда!

— Ваше императорское величество, осмѣливаюсь просить за брата,—произнесъ я дрожащимъ, испуганнымъ голосомъ.

— Что у тебя братъ?—спросилъ государь, глядя на меня все также строго.

— Онъ имѣлъ счастье воспитываться въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ, а теперь подь судомъ...

— За что?

— За нарушеніе дисциплины.

— Какого полка?

— Его высочества наслѣдника цесаревича Бородинскаго полка.

Государь, видя мой страхъ и смущеніе и, вѣроятно, желая меня ободрить, окинулъ меня совершенно инымъ взглядомъ, взялъ меня за носъ и сказалъ:

— Но, но, но! говори подробно, въ чемъ дѣло.

Видя, что государь такъ милостивъ, и нѣсколько придя въ себя, я быстро схватилъ его руку и началъ крѣпко цѣловать ее.

— Простите брата, государь! его никто больше простить не можетъ, кромѣ васъ!..

— Я этого дѣла не помню,—отвѣтилъ государь.

— Дѣло брата будетъ надняхъ представлено на конфирмацію вашего императорскаго величества.

— А ты почему знаешь?

— Я это знаю отъ матери: она передала намъ объ этомъ несчастіи... Горе матери заставило меня просить ваше величество о помилованіи брата. Онъ замѣнялъ намъ, какъ старшій, отца!

Съ этими словами, обнявъ колѣни государя, я началъ цѣловать ихъ и едва могъ сдерживать рыданія. Когда же я взглянулъ на государя, то увидѣлъ въ глазахъ его такое выраженіе, которое навсегда осталось въ моей памяти и котораго забыть невозможно. Я снова сталъ цѣловать руку государя.

— Полно, полно шалить! гдѣ твой отецъ?

— Умеръ въ кампанію 1812 года.

— А получаетъ ли мать твоя пенсію?

— Получаетъ.

— Сколько?

— Не знаю...

— У тебя есть еще братья?

— Есть. Онъ старше меня годомъ и воспитывается тоже въ корпусѣ.

— А какъ вы учитесь?

— Хорошо.

— А поведеніе?

— Я шалунъ, а братъ хорошаго.

— А ты просился ко мнѣ?

— Никакъ нѣтъ... Я рѣшился быть за это наказаннымъ.

— Такъ ты безъ спросу ушелъ?—сказалъ государь, какъ бы обдумывая что-то.

Я молчалъ.

— Я тебѣ, мой милый, ничего не могу сказать, потому что дѣла этого не знаю, но, будь покоенъ, разберу.

Съ этими словами государь уѣхалъ. Я стоялъ какъ вкопанный: весь этотъ разговоръ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать и куда идти. Государь, проѣхавши немного, повернулся назадъ и, видя, что я стою на томъ же мѣстѣ, крикнулъ:

— Будь покоенъ: разберу!

Затѣмъ экипажъ скрылся изъ виду и я слышалъ только, какъ стукъ колесъ постепенно замиралъ въ концѣ аллеи.

Въ страхѣ и радости отправился я изъ Александріи на дачу, гдѣ жила моя мать у знакомыхъ, и передалъ ей мою встрѣчу съ государемъ. Узнавши, что я просилъ государя за брата, она сильно перепугалась, боясь, что меня за это исключать изъ корпуса. Я успокаивалъ ее, думая, что мнѣ за это ничего не сдѣлаютъ. Матушка благословила меня, крѣпко обняла и отправила въ корпусъ, приказывая непременно явиться къ директору и во всемъ чисто-сердечно ему признаться.

Въ лагерѣ никто не замѣтилъ моего отсутствія и я спокойно пошелъ ужинать и, наконецъ, спать. Ночь провелъ я тревожно... На слѣдующее утро, зная, что директоръ встаетъ рано, я отправился къ нему, прося человѣка доложить генералу о моемъ приходѣ. Въ то время директоромъ корпуса былъ генераль-лейтенантъ Шлиппенбахъ. Изъ открытой двери я слышалъ, стоя въ передней, какъ человѣкъ назвалъ мою фамилію и голосъ генерала, сказавшаго:

— Вѣрно что-нибудь напроказничалъ, и пришелъ впередъ извиняться!

Затѣмъ человѣкъ вернулся и объявилъ мнѣ, что я могу идти къ генералу. Я вошелъ. Генераль сидѣлъ въ халатѣ и пилъ кофе. Осмотрѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Напроказничалъ что-нибудь и пришелъ извиняться! Да?

— Виновать, ваше превосходительство!—отвѣтилъ я.

— Я знаю, что ты виновать!

— Виновать, ваше превосходительство!—повторилъ я еще разъ.

— Знаю, знаю, что ты виновать!

Собравшись съ духомъ, я быстро сообщилъ, что просилъ государя о братѣ, но не докончилъ рѣчи. Слова мои произвели на старика такое ужасное впечатлѣніе, что онъ вскочилъ со стула и выронилъ изъ рукъ стаканъ съ недопитымъ кофе. Осколки отъ стакана зазвенѣли по сильно натертому полу. Я стоялъ молча, какъ осужденный, глядя на генерала, на полъ, на лужу кофе.

— Что же такое случилось?—наконецъ спросилъ меня генераль.

Я рассказалъ ему все подробно. Старикъ видимо былъ пораженъ и долго не могъ прійти въ себя. Въ раздумьи ходилъ онъ по комнатѣ и колебался, не зная, что мнѣ отвѣтить.

— Что же я могу сказать тебѣ? — произнесъ генераль, останавливаясь передо мною.—Что ты добрый братъ, это дѣлаетъ тебѣ честь, но что ты ушелъ самовольно изъ лагеря... и куда же?.. къ государю императору!—за это тебя отдерутъ передъ корпусомъ, такъ въ этомъ тоже нѣтъ сомнѣнія!

Я молчалъ, не сводя глазъ съ генерала. Затѣмъ, спросивъ меня— не въ разводѣ ли я, такъ какъ въ этотъ день назначенъ былъ разводъ въ присутствіи государя, отправилъ меня въ лагерь. Разводъ прошелъ благополучно, государь остался кадетами очень доволенъ, но ни слова не спросилъ у директора относительно меня. Какъ помню, день этотъ была пятница. Суббота прошла безъ всякихъ событій, наступило наконецъ и воскресенье. Кадеты отправились въ Александрію; но меня съ братомъ не пустили. Трое моихъ товарищей, возвращаясь уже въ лагерь, встрѣтили государя, ѣхавшаго въ дрожкахъ. Государь остановилъ экипажъ и, подождавъ всѣхъ троихъ, спросилъ:

— Вы куда?

— Въ лагерь, ваше императорское величество!

— Я тоже ѣду въ лагерь. Послушайте, карапузы: у васъ въ корпусѣ есть три брата; старшій изъ нихъ выпущенъ въ Бородинскій полкъ, но разжалованъ... какъ фамилія?

— Роштейнъ, ваше величество!—отвѣтили товарищи, зная хорошо мою исторію, которая успѣла облетѣть всѣ корпусные углы:

— Роштейнъ... Роштейнъ!—повторилъ государь, какъ бы желая запомнить мою фамилію.

— А какъ они учатся?

— Хорошо.

— А какого поведенія?

— Одинъ шалунъ, а другой хорошаго...

— Часто ли они видятъ мать?

Товарищи, зная хорошо матушку, рассказали государю, что она даже по льдинкамъ переѣзжаетъ къ намъ и что нѣтъ дня, въ который допускаются родные, чтобы она его пропустила.

— Что это значитъ: по льдинкамъ?—спросилъ государь.

Кадеты объяснили, что матушку не останавливаетъ даже и ледоходъ на Невѣ, когда перевозъ бываетъ очень опасенъ. (Николаевского моста тогда еще не было, а Исаакіевскій въ ледоходъ разводился). Затѣмъ государь уѣхалъ. Вернувшись въ лагерь, товарищи рассказали мнѣ о встрѣчѣ съ государемъ.

На слѣдующій день пріѣхали къ намъ на ученіе въ лагерь великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Николай Николаевичъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ:

— Отчего же ты мнѣ не сказалъ, что приходилъ просить государя за брата?

— Я не смѣлъ сказать, ваше высочество, такъ какъ вы ска-

зали бы барону Корфу, и тогда бы меня отправили въ лагерь и посадили бь подъ арестъ за самовольную отлучку,—отвѣтилъ я.

— Да, это правда. Ну, поздравляю тебя: государь твоего брата простилъ! иди благодарить его.

При этихъ словахъ, внѣ себя отъ радости, я поцѣловаль великаго князя въ плечо...

Вся моя исторія надѣлала много шума въ корпусѣ. Я сдѣлался въ кругу товарищей героемъ. Многіе родные товарищей нарочно пріѣзжали въ корпусъ, вызывали меня, цѣловали, дарили лакомства и съ живѣйшимъ участіемъ разспрашивали меня обо всемъ. Какъ теперь помню, въ будни, во время классныхъ занятій, пріѣхалъ какой-то мнѣ неизвѣстный старичекъ и просилъ меня вызвать. Когда я пришелъ къ нему, онъ долго смотрѣлъ на меня, съ слезами на глазахъ обнялъ, поцѣловаль и сказалъ:

— Молодецъ!

Начальство, узнавши о прощеніи брата государемъ, въ праздничный день нарядило меня съ братомъ въ новыя куртки и отравило съ наставленіями въ Александрію, чтобы мы, когда государь выйдетъ къ намъ (а такую милостью кадеты всегда пользовались), бросились благодарить его. Прійдя ко дворцу, мы не успѣли еще дойти до крыльца, какъ государь уже вышелъ къ намъ. Братъ и я, отдѣлившись отъ товарищей, бросились бѣжать къ нему. Государь, узнавъ меня, погрозилъ намъ пальцемъ и сказалъ:

— Смотрите, шалуны: напишите брату, чтобы онъ больше не проказничаль!

Черезъ нѣсколько дней матушка намъ сообщила, что состоялся высочайшій приказъ о помилованіи брата, съ переводомъ его на Кавказъ, принимая во вниманіе молодость его лѣтъ...

Д. Роштейнъ.

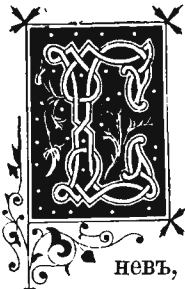

СТОЛѢТІЕ ЖУРНАЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КРЫЛОВА.

«Что есть достойнаго человѣка? Что можетъ онъ произвести не подверженное разрушенію вѣковъ? Его слово, его мысли, вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками.»

«Зритель», 1792 года, ч. I.

ВЪ ИМЕНЕМЪ Крылова для каждаго изъ читателей связано представленіе о знаменитомъ русскомъ баснописцѣ, который, по словамъ князя Вяземскаго:

«Забавою людей исправилъ,

«Сметая съ нихъ пороковъ пыль».

И въ самомъ дѣлѣ, своими баснями Крыловъ поднялся на такую высоту, что биографъ его, Шленевъ, имѣлъ полное право замѣтить: «Крыловъ родился для насъ только въ сорокъ лѣтъ». И наша критика, не разъ касаясь литературной дѣятельности баснописца, останавливалась преимущественно на его позднѣйшемъ творествѣ—басняхъ. А между тѣмъ, простая сообразительность заставляла бы, кажется, подумать, что писатель не можетъ въ сорокъ лѣтъ до такой степени переродиться, чтобы начать новую дѣятельность, не имѣющую ничего общаго съ предшествующей. Другими словами: для уясненія мотивовъ басенъ необходимо обратиться къ его предшествующимъ трудамъ, тѣмъ болѣе, что сатира была его конькомъ, той красной нитью, которая съ ранняго дѣтства до поздней старости отцвѣчивала его произведенія. Можно сказать, что онъ только мѣнялъ форму ея. Начавъ съ аллегоріи въ прозѣ, съ журнальныхъ статей, онъ переходитъ къ комедіи и, наконецъ, къ баснѣ. Само собой разу-

мѣтся, что ранніе его труды—въ журналахъ — всего болѣе интересны, и къ нимъ мы, пользуясь удобнымъ случаемъ, и обратимся.

Мнѣ не разъ приходилось говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника», что XVIII вѣкъ представляетъ не бывалое явленіе по части журналистики. А. Н. Неустроевъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ¹⁾ насчитываетъ и описываетъ 119 журналовъ, относящихся къ XVIII вѣку. Неудивительно, что молодой, увлекающійся Крыловъ, чувствовавшій призваніе къ литературѣ, охваченъ былъ, такъ сказать, журнальнымъ духомъ и, не находя притомъ никакого удовлетворенія въ скромной канцелярской работѣ, рѣшилъ посвятить себя дѣлу журнальному. Это рѣшеніе тѣмъ легче было привести въ исполненіе, что нашему писателю въ это время было не болѣе 20 лѣтъ. Познакомившись съ Рахманиновымъ²⁾, содѣжателемъ типографіи и издателемъ журнала «Утренніе часы», Крыловъ, можетъ быть принимавшій участіе въ этомъ изданіи, рѣшилъ выступить, наконецъ, и съ собственнымъ журналомъ. Примѣръ Новикова былъ еще свѣжъ въ памяти, не забытъ былъ еще и «Собесѣдникъ» Дашковой, въ которомъ принимала участіе сама Екатерина, но общій тонъ журнальной сатиры сталъ понижаться, и Крыловъ рѣшился насколько возможно его приподнять. Можетъ быть сюда присоединились и меркантильныя соображенія, хотя ими довольно трудно было руководиться издателямъ журналовъ прошлаго вѣка, въ виду незначительнаго числа охотниковъ до чтенія.

Какъ бы то ни было, но въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1788 года отъ 15 декабря было помѣщено слѣдующее объявленіе³⁾: «Въ книжной лавкѣ книгопродавца Миллера, состоящей въ луговой Милліонной подъ № 77, раздаются безденежно печатныя объявленія съ подробнымъ объясненіемъ о предметѣ и расположеніи вновь выходящаго ежемѣсячнаго изданія, подъ заглавіемъ «Почта Духовъ», или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ воздушными, водяными и подземными духами, на которое началась нынѣ въ той лавкѣ подписка и будетъ продолжаться по февраль мѣсяць будущаго 1789 года». «Печатное объявленіе» было приложено впоследствии къ первой книжкѣ новаго журнала, вышедшей въ январѣ 1789 года, и въ немъ издатель объяснялъ читателямъ свое profession de foi въ такихъ выраженіяхъ. «Секретарь недавно пріѣхавшаго сюда арапскаго волшебника Маликульмулька.... симъ объявляетъ, что онъ по намѣренію и обѣщанію своему началъ выдавать переписку сего знатнаго въ своемъ родѣ господина съ водяными, подземными и воз-

¹⁾ Историческое розысканіе др. поврем. изд., Спб., 1875 г.

²⁾ О немъ Жихарева «Дневникъ чиновника», «Отеч. Зап.» 1855 г. 101. стр. 133.

³⁾ «Спб. Вѣд.», 1788 г. № 100.

душными духами. Изданіе сіе будетъ очень любопытно для тѣхъ, кои не путешествовали подъ водою, подъ землею и по воздуху. Онъ увѣряетъ, что сочинители сихъ писемъ духи очень знающіе; но только иные не любятъ крючкотворцевъ, ростовщиковъ и лицемѣровъ; а иные не жалуютъ щегольства, волокитства и мотовства». Уже изъ послѣднихъ словъ видно, какова должна быть программа новаго журнала, но читатель ошибся бы, если бы предположилъ, что Крыловъ только и рассчитывалъ повторять избитыя темы, наводнявшія изданія его литературныхъ предшественниковъ. Изъ слѣдующихъ словъ видно, что Крыловъ понималъ свою задачу гораздо шире, очевидно забывая совѣтъ Новикова, который, умудренный опытомъ, рекомендовалъ своимъ собратьямъ по перу—не разлучаться съ «женщиной, которая называется—Осторожностью»¹⁾ Двдцатилѣтній писатель проектировалъ слѣдующее: «духи бываютъ такъ дерзки, что посѣщаютъ въ самыя критическія часы комнаты щеголихъ, присутствуютъ въ кабинетахъ вельможъ, снимаютъ очень безбожно маски съ лицемѣровъ» и т. д. Правда, Крыловъ укрылся за гномовъ и сильфовъ, которые писали ему письма о Плутонѣ, Прозерпинѣ, о ихъ любимцахъ и министрахъ, но эта аллегорія, вызванная условіями времени, не притупляла, какъ увидимъ, ни на волосъ сатирическаго острія молодого писателя. Да и самая форма Крыловской аллегоріи была для читателя довольно прозрачна, такъ какъ практиковалась еще 20 лѣтъ назадъ. Въ 1769 году, въ самый разгаръ журнальной сатиры, Федоръ Эминъ выступилъ съ «Адскою Почтой», гдѣ помѣщались quasi-адскія вѣдомости и переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ. Въ свою очередь Эминъ былъ увлеченъ успѣхомъ во Франціи извѣстнаго романа Лесажа: *Le Diable Boiteux* (Хромой бѣсъ). Что же касается до вопроса, почему Крыловъ взялъ за образецъ—по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны—произведеніе очень посредственнаго писателя, то онъ рѣшается весьма просто. Во-первыхъ, Крыловъ былъ друженъ съ сыномъ Эмина²⁾, во-вторыхъ, въ 1788 году «Адская Почта» вышла 2-мъ изданіемъ³⁾, и наконецъ въ третьихъ, немаловажнымъ поводомъ къ этому подражанію могло служить то обстоятельство, что Крыловъ съ раннихъ лѣтъ чувствовалъ, помимо условій времени, тяготѣніе къ аллегоріи.

Но если Крыловъ подражалъ внѣшности Эминскаго изданія, то содержаніемъ своего журнала онъ далеко выдвигается изъ ряду литературныхъ соратниковъ. Онъ уже не ограничивается картинкой нравовъ, указаніемъ людскихъ пороковъ и недостатковъ, онъ идетъ дальше, заглядываетъ глубже въ общественный организмъ и

¹⁾ «Живописецъ», л. 2, изд. 1864 г.

²⁾ (борн. ст., чит. въ Акад. Н. 1869 г., т. 6.

³⁾ «На иждивеніе П. В.» (Петра Богдановича).

безбоязненно обнаруживаетъ тѣ причины, которыя ихъ вызывали. Эта черта Крыловской сатиры становится со временемъ все ярче, достигая, напр. въ «Зритель», своей твердости и полной рельефности.

Прежде всего Крыловъ является въ своемъ журналѣ горячимъ поборникомъ истиннаго просвѣщенія, благотѣльную силу котораго онъ не разъ доказывалъ потомъ въ своихъ басняхъ. Отзываясь иногда съ ироніей о незавидномъ положеніи въ обществѣ пишущей братіи, онъ указываетъ недостатки самихъ писателей, которые зачастую забываютъ свои обязанности—сѣять добро и правду. Онъ искренно сожалеетъ, что большинство ученыхъ руководится не прямыми цѣлями, а тщеславіемъ и славолюбіемъ. Особенно возстаетъ онъ противъ обычая специалистовъ выхвалять и превозносить свою излюбленную науку и порицать и даже игнорировать всѣ другія отрасли знанія. «Ученые думаютъ—говоритъ Крыловъ—что если люди будутъ болѣе уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то черезъ то и къ нимъ самимъ будутъ имѣть большее почтеніе». Въ заключеніе своей справедливой тирады, Крыловъ, однако, проситъ снисхожденія къ ученымъ, потому что ихъ соревнованіе поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія, ¹⁾ притомъ же не всѣ ученые простираютъ свое рвеніе до крайнихъ предѣловъ.

Затронувъ вопросъ о сочинителяхъ, Крыловъ поднимаетъ завѣсу съ тѣхъ сочинителей, которые чужія произведенія выдаютъ за свои, напр. переводы съ иностранныхъ языковъ приписываютъ себѣ въ качествѣ оригинальныхъ произведеній. Критикъ спрашиваетъ у книгопродавца, отчего такъ мало хорошихъ книгъ? «Оттого, сударь—отвѣчаетъ тотъ—что здѣсь множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобы написать чтò-нибудь, но чтобы чтò-нибудь напечатать и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжды. Оттого-то здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалено бреднями худыхъ стихотворцевъ» ²⁾.

Трезвый умъ Крылова трудно уживался съ различными «бреднями» современныхъ ему лжеклассическихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ въ своихъ бездарныхъ «риемачествахъ» и «райскій крингъ», и «небеса отверсты», и онъ не щадитъ тѣхъ описцевъ, которые изъ личныхъ выгодъ щедро сыпали лестью знатнымъ, тщательно закрывая глаза на бьющіе своей наготой пороки. Тѣ же недостатки замѣчаетъ Крыловъ и въ трагедіи, которую осмѣиваетъ довольно ядовито: «авторъ, который имѣетъ терпѣніе набрать изъ разныхъ мѣстъ большую тетрадь стиховъ, думаетъ—говоритъ «неугомонный критикъ»—что онъ уже исполнилъ всѣ правила, если поставилъ надъ этимъ собраніемъ стиховъ въ красной строкѣ: «Трагедія» и

¹⁾ «Иочта Духовъ» ч. II, пьсьмо 40.

²⁾ Ibid. п. 30.

потомъ раздѣлилъ на пять разныхъ долей, которыя назвалъ «дѣйствіями»¹⁾. Надо признаться, что врядъ ли можно сыскать болѣе рѣзкій и въ то же время болѣе правдивый приговоръ лжеклассической пятиактной трагедіи, которой такъ гордился, напр. Сумароковъ, гордо заявлявшій, что онъ «Расиновъ театръ явилъ Россамъ».

Если въ литературѣ возможны были такія явленія, какъ плагіатъ, и появленіе бездарныхъ произведеній въ печати и на сценѣ, которымъ иногда публика аплодировала «метаніемъ кошельковъ», то, очевидно, общество было довольно беззаботно относительно литературы. А тамъ, гдѣ отсутствуетъ умственное развитіе, и нравственность не должна быть особенно высока. Крыловъ и указываетъ намъ два-три портрета, которые, встрѣчаясь и ранѣе въ журналахъ, являются въ «Почтѣ Духовъ» гораздо отчетливѣе и яснѣе, чѣмъ прежде. Одна изъ «щеголихъ», не забытыхъ Крыловымъ, говоритъ слѣдующее: «каковъ бы женихъ невѣстѣ ни казался, но недѣлю спустя послѣ свадьбы, навѣрное, всякій мужчина въ глазахъ ея будетъ казаться пріятнѣе мужа»²⁾. Неудивительно что при такихъ возрѣніяхъ на мужа, молодыя «вѣтреницы» — Безстыды да Неотказы — заботятся о пріисканіи себѣ такихъ простачковъ, «которые бы назывались мужьями, но отнюдь не вмѣшивались въ ихъ дѣла». Чтобы сатира была яснѣе, Крыловъ заключаетъ обрисовку портретовъ собственными разсужденіями о послѣдствіяхъ, къ которымъ приведутъ въ недалекомъ будущемъ подобныя браки.

Не меньшей яркостью отличается и портретъ «петиметра», прошедшаго полный курсъ салонной педагогики у господъ французовъ, собирающихъ съ «просвѣщенныхъ туземцевъ» такую тяжкую дань, «какой не собиралъ Римъ съ своихъ подвластныхъ народовъ во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей». Таковъ, напр., графъ Припрыжкинъ.

Этотъ 20-ти-лѣтній повѣса проводитъ всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми радуется родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ заимодавцевъ и т. п. Тѣмъ не менѣе для него «окромѣ честности есть множество наградъ»: во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто ничтожное его словцо считаютъ за остроуту; если онъ улыбается, то всѣ начинаютъ хохотать во все горло, терпѣливо ожидая, когда онъ откроетъ причину своего смѣха. Развѣ не прозорливо угадываетъ эта характеристика появленіе въ будущемъ такого петиметра новѣйшей формации, какъ Евгенийъ Онѣгинъ, о которомъ на основаніи одной внѣшности

«Свѣтъ рѣшилъ,
«Что онъ уменъ и очень милъ?»

¹⁾ «Поч. Дух.», ч. II, стр. 182.

²⁾ Ibid. стр. 103.

«истор. вѣстн.», май, 1889 г., т. XXXVI.

Но эти жанровыя картинки совершенно блѣднѣютъ передъ смѣлыми набросками общественныхъ язвъ, которыя, не смотря на аллегорическій способъ изображенія, до поразительности ясны и очевидны. Мало того, Крыловъ уже тѣмъ опережаетъ своихъ собратьевъ по перу, что его сатира направлена не на лица, а на пороки, и его изображенія являются типическими, что составляетъ крупное превосходство писателя. Тотъ дидактизмъ, который такъ ясенъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Крылова—въ басняхъ—достаточно оформился и отлился и въ «Почтѣ Духовъ». «Надлежало бы—говорить онъ въ концѣ изданія—поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти». Во имя этого, сознаннаго очень рано, призванія—поучать другихъ—Крыловъ ведетъ свои обличенія общественныхъ золь. Вотъ что говоритъ онъ по поводу неправильнаго и несправедливаго судопроизводства. «Пристрастіе къ плутовству есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину оно было во всей силѣ; но какъ просвѣщеніе начало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена; но, перемѣняя званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ послѣ сей перемѣны, такъ что, наконецъ, оно превратилось въ совершенный грабежъ, которому, однакожъ, даны самыя честныя виды, одно только старое воровство запрещено, а впрочемъ, кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе. Опасно лишь тому, кто въ семь хранитъ умѣренность: украденное яблоко можетъ стоять головы, а миллионы золота принесутъ уваженіе¹⁾. До такой прямоты и откровенности, надо признаться, никогда не доходила сатира Новикова, даже въ свои лучшіе дни. А вотъ какую сцену видѣлъ, напримеръ, сатирикъ въ судѣ. Одного бѣдняка за кражу платка правдолюбивыя судьи приговорили повѣсить. Несчастный объяснилъ, что онъ, имѣя врожденный талантъ къ живописи, усовершенствовался за границей въ искусствѣ, рассчитывая найти на родинѣ безбѣдное существованіе. Но живопись никому не нужна, и художнику грозила голодная смерть,—онъ рѣшился на кражу. «Итакъ, рассмотрите теперь,—обращается онъ къ судьямъ,—я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку, или вы, гнушающіеся талантами своихъ соотечественниковъ?». Въ это время вошелъ въ залу пышно-одѣтый господинъ, передъ которымъ судьи встали и попросили его сѣсть. Этотъ господинъ, увидѣвъ, въ чемъ дѣло, выкупилъ великодушно художника и предложилъ ему разрисовать паркетъ въ своей передней? «Кто это?»—спросилъ сати-

¹⁾ «П. Дух», ч. I, 12.

рикъ у одного изъ публики.—«Это одинъ преступникъ,—отвѣчалъ тотъ ему на ухо,—который судится въ похищеніи и грабительствѣ. На него донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ и разграбилъ цѣлую врученную ему область». Но бывшій воръ уже оправданъ правосудіемъ, и это ему стоило всего милліонъ, а передъ обществомъ онъ рассчитываетъ оправдаться различными дѣлами милости и пожертвованіями на благотворительныя учрежденія. «Что сходитъ съ рукъ ворами, за то воришекъ бьютъ», скажетъ впоследствии, не обинуясь, Крыловъ въ послѣсловіи къ баснѣ «Вороненокъ».

Другая слабая сторона Крыловскаго времени — фаворитизмъ и протекція—нашли себѣ также достойное мѣсто въ «Почвѣ Духовъ». Сатирикъ указываетъ на ту роль, которую играли женщины при особѣ сильныхъ міра. «Женщины играютъ въ политикѣ не малую роль: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія и черезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя ты съ перваго взгляда и подумаешь, что мущины всѣмъ правятъ, а женщины ничего не значатъ, но очень ошибешься и, посмотри хорошенько, увидишь, что мущины ни что иное, какъ ходатаи и правители ихъ дѣлъ и исполнители ихъ предпріятій»¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ Крыловъ выводитъ придворнаго, который довольно цинично высказываетъ, что ради денегъ онъ можетъ сдѣлать, что угодно. «Другъ мой,—обращается онъ къ хозяину дома,—изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги, а потому ты не можешь сомнѣваться въ участіи, какое я принимаю въ судьбѣ твоего сына. Дай мнѣ въ руки 20 тыс., которыя будутъ употреблены въ его пользу: я помѣщу его имя въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю дворяниномъ и потомъ пристрою его ко двору; сколь же такое состояніе блистательно,—заставляетъ острить вельможу Крыловъ,—ты самъ это знаешь²⁾».

Отсутствіе нравственныхъ принциповъ, господствовавшее во всѣхъ слояхъ общества, не могло не возмущать такого серьезнаго наблюдателя русской жизни, какимъ являлся и въ сатирѣ, и въ басняхъ, Крыловъ. Доискиваясь причинъ этого легкомыслія, онъ видитъ ихъ въ отсутствіи правильнаго взгляда на воспитаніе, въ стремленіи къ внѣшнему лоску, какъ высшему благу безпечальнаго житія. Изъ массы примѣровъ этой безпринципности, стоящей въ тѣсной связи съ отсутствіемъ правильнаго воспитанія, приведу исповѣдь судьи Тихокрадова, откровенно объясняющаго преимущества своего положенія. «Я могу сказать,—говоритъ этотъ типичный представитель русскихъ людей XVIII вѣка,—что службѣ моей обязанъ знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ 10 тысячъ; вступая же

¹⁾ «П. Дух.», ч. II, 34; сравн. «Зритель», 1792 г., сентябрь, стр. 63.

²⁾ «П. Дух.», ч. I, пасьмо 11.

въ нее, не имѣлъ я ни полушки; итакъ, одно это довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе шпаги... Статскій человѣкъ,—продолжаетъ откровенничать судья,—имѣетъ еще то преимущество, что, не подвергая себя видимой опасности, можетъ ежедневно обогащать себя и присваивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить имъ, и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи примешь. Сверхъ сего статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно такъ же, какъ и купецъ, съ той только разницей, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ, и продаетъ его, сообразуясь съ обстоятельствами. Если вы скажете,—заканчиваетъ сатирикъ,—что все это не позволено законами, то, по крайней мѣрѣ, должны признаться, что въ свѣтѣ обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы»¹⁾. Хорошо зная общественные недостатки и пороки, Крыловъ, подобно Карамзину, полагалъ, что писатель долженъ жить въ кабинетѣ, и только заглядывать въ общество. И если его стануть считать за это «мизантропомъ», то онъ, по крайней мѣрѣ, уберечь себя отъ заѣдающей человѣка пошлости и сохранить душу—живу, что для него должно быть дороже всего. Такой человѣкъ, не будучи связанъ никакими узами, отважно подниметъ знамя правды и смѣло рѣшится высказать въ глаза истину. «Если бы при дворахъ государей,—говоритъ Крыловъ,—находилось нѣкоторое число мизантроповъ, то какое счастье послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая голосу ихъ, познавалъ бы тотчасъ истину... Министры, судьи, вельможи, однимъ словомъ, всѣ тѣ, коимъ ввѣрено благосостояніе народное, трепетали бы при единомъ названіи мизантропа. Ничто,—сказали бы они,—не можетъ остановить сего ужаснаго провозвѣстника истины»²⁾. Эти слова для насъ особенно дороги, потому что они указываютъ взглядъ Крылова на задачи честной печати, которая, въ своихъ лучшихъ представителяхъ, не зря на лица, должна была,—по выраженію Державина: «истину царямъ съ улыбкой говорить». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой тирадѣ нельзя не видѣть скорбнаго вопли писателя на отсутствіе среди его современниковъ, дѣйствительно честныхъ, правдивыхъ людей, проникнутыхъ горячей любовью къ добру и свѣту, которые бы не задумались принести свои личные интересы въ пользу общественныхъ, широко проповѣдая въ обществѣ высокіе и гуманные принципы. Что именно такъ смотрѣлъ юношески неопытный Крыловъ на дѣло, ясно видно изъ рассу-

¹⁾ «Поч. Дух.», ч. I.

²⁾ «П. Дух.», ч. I, письмо 4.

денія его: «Кто истинно честный человѣкъ въ каждомъ ссловіи»¹⁾).

«Великая радость,—говоритъ онъ,—между честнымъ человѣкомъ, почитающимся таковымъ между философами, и между честнымъ человѣкомъ, такъ называемымъ въ обществѣ... Послѣдній часто не что иное, какъ хитрый обманщикъ или человѣкъ, который, хотя никому не дѣлаетъ зла, однакожъ и о благодѣяніи никакого не имѣетъ попеченія. Истинно-полезному человѣку надлежитъ быть полезнымъ обществу во всѣхъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказать людямъ какое благодѣяніе». Переходя къ отдѣльнымъ ссловіямъ, Крыловъ говоритъ слѣдующее: «Въ обществѣ называется честнымъ человѣкомъ тотъ судья, который, не уважая ни чьихъ просьбъ, дѣлаетъ скорое рѣшеніе дѣламъ, не входя ни мало въ ихъ подробное разсмотрѣніе». Но съ принципиальной или, по выраженію Крылова, съ философской точки зрѣнія этого мало. «Судья, хотя бы былъ праводушенъ и безпристрастенъ, но производство судебныхъ дѣлъ совѣмъ незнающій, въ глазахъ философа тогда только можетъ назваться честнымъ, когда безпристрастіе заставитъ его почувствовать, сколько онъ долженъ опасаться всякаго обмана, чтобъ по незнанію не сдѣлать несправедлага рѣшенія, и побудитъ его отказаться отъ своей должности. Ежели бы всѣ судьи захотѣли заслужить истинное названіе честнаго человѣка, то сколько бы присутственныхъ мѣсть оставалось порожними! И если бы для занятія сихъ мѣсть допускались только люди совершенно достойные, то число искателей ихъ гораздо бы поуменьшилось», заключаетъ сатирикъ, на горькомъ опытѣ извѣдавній, какъ мало среди его современниковъ было дѣйствительно честныхъ людей, настоящихъ работниковъ на пользу общую. И въ этомъ отношеніи молодого писателя никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ пессимизмъ или утрировку. Надо припомнить, что Фонъ-Визинъ лучшимъ эпитетомъ для самой Екатерины считалъ имя «честный человѣкъ», слѣдовательно этотъ эпитетъ былъ явленіемъ довольно рѣдкимъ въ примѣненіи къ конкретному случаю.

Отсутствіемъ честности объясняетъ сатирикъ и стремленіе людей его времени жить на счетъ другихъ и беззастѣнчивое раззореніе крестьянъ любящими роскошь помѣщиками. Господину нужно жениться, а для этого необходимы расходы, которые обязаны покрыть его крестьяне. Въ одну минуту онъ посылаетъ приказъ: собрать съ 400 душъ 80 тысячъ рублей въ теченіе года. Мужички, не надѣясь на хлѣбопашество, бредутъ въ городъ, и здѣсь начинается своеобразный обмѣнъ труда и капитала. Въмѣсто бо-

¹⁾ «П. Дух.», ч. II, письмо 24.

роны и сохи берутъ они лопаты и топоры, становятся каменщиками, плотниками и разносчиками; днемъ работаютъ, а чтобы лучше собрать свой оброкъ, взыскиваютъ его по ночамъ съ прохожихъ. Отъ такихъ незваныхъ гостей происходитъ постепенно повышеніе цѣнъ на разные предметы необходимости. Къ концу года крестьяне возвращаются домой и приносятъ господину 80 тысячъ, а на 10 тыс. покупаютъ хлѣба, котораго столоваться мало до будущаго года. «Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстой, которая съ своей стороны приноситъ щегольствомъ такую же пользу государству»¹⁾.

Изъ нашего бѣлаго обзора статей перваго Крыловскаго журнала читатель, думается, вполне убѣдился въ сильномъ сатирическомъ талантѣ будущаго баснописца. И тѣмъ не менѣе въ разныхъ мѣстахъ изданія не разъ попадаются жалобы Крылова на равнодушіе публики къ его дѣтищу. Такъ, напримѣръ, онъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что въ большомъ свѣтѣ «почитаются невѣжествомъ не зная именъ современныхъ писателей, но читать ихъ произведенія считается потерей времени, а имѣть знакомство съ авторами—униженіемъ, ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые, однакожъ, несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые»²⁾. Равнодушіе публики, сгубившее не одинъ журналъ въ XVIII вѣкѣ, было причиною того, что «Почта Духовъ» не дожила даже до конца года и закончила свое существованіе августовской книжкой и въ томъ же году продавалась за весь годъ по 1 руб. 80 коп., хотя годовая подписка была объявлена въ 5 рублей³⁾. Но не смотря на это равнодушіе (журналъ имѣлъ 80 подписчиковъ) можно по нѣкоторымъ намекамъ догадаться, что стрѣлы Крылова попадали въ цѣль и съ этой точки зрѣнія крыловская «проба пера» сослужила свою службу обществу. Что «Почта Духовъ» не осталась незамѣченной, видно изъ того, что черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1802 году, она была перепечатана вторымъ изданіемъ. Что же касается до самаго Крылова, то «Почта Духовъ» для него лично имѣла огромное значеніе; будучи, по словамъ Грота, школой его наблюдательности и сатирическаго таланта, она укрѣпила его гражданское мужество, закалила на борьбу, дала увѣренность въ силѣ и завязала его связи съ обществомъ, которое черезъ нѣсколько десятилѣтій уже не могло отдѣлится баснописца отъ себя,—до такой степени

¹⁾ «П. Дух.», ч. I, пп. 9 и 17.

²⁾ «П. Дух.», ч. I, 9.

³⁾ «Спб. Вѣд.», 1789 г., № 79.

личность Крылова тѣсно срослась съ русскимъ обществомъ. Такимъ образомъ, лично издатель не могъ не вынести удовлетворенія отъ своей дѣятельности и, черезъ три года возобновивъ ее, началъ издавать «Зритель». Къ разбору этого журнала мы и перейдемъ теперь.

Нельзя не замѣтить прежде всего, что новый журналъ поставленъ былъ Крыловымъ солиднѣе перваго. Въ числѣ сотрудниковъ былъ А. И. Клушинъ, впоследствии соиздатель Крылова, писавшій «много весьма изрядныхъ лирическихъ стихотвореній, кои печатаны были въ разныхъ журналахъ» ¹⁾, нѣсколько комедій, оперъ и романъ «Вертеровы чувствованія», Дмитревскій, Плавильщиковъ, Туманскій и Эминъ ²⁾, къ сожалѣнью, не подписывавшіе своихъ статей. Въ началѣ первой книги было помѣщено слѣдующее «Введение». «Пускай читатели представляютъ человѣка, который любопытнымъ взоромъ смотритъ на все и дѣлаетъ свои примѣчанія; сей-то воображаемый Зритель позволяетъ себѣ, выбравъ изъ самой природы, образовать разныя свойства по своему сужденію, не дерзая ни мало касаться личности; подобно какъ живописецъ, желая написать на своей картинѣ различныя страсти, рисуешь человѣка во всѣхъ правилахъ естества, но ничего прямо лица не изображаетъ. Право писателя предоставлять порокъ во всей его гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе, а добродѣтель во всей ея красотѣ, дабы плѣнить ею читателя: симъ правомъ вознамѣрился воспользоваться Зритель». По предложенной въ томъ же предисловіи программѣ, въ журналѣ предполагалось помѣщать прозу и стихи, оригинальныя статьи и переводныя, и въ каждой изъ 12 книжекъ есть и то другое.

Первое мѣсто въ новомъ журналѣ занимаетъ по прежнему аллегорія, которою покрыты лучшія произведенія «Зрителя» — «Ночи» и восточная повѣсть «Кайбъ», принадлежащія перу Крылова. Но рядомъ съ этими, такъ сказать, замаскированными статьями мы встрѣчаемъ и откровенную сатиру, въ родѣ: «Рѣчь, говоренная повѣскою въ собраніи дураковъ», «Мысли философа по модѣ» и «Похвальная рѣчь моему дѣдушкѣ». Всѣ эти статьи опять-таки имѣютъ значеніе сатиры на нравы, и авторъ ихъ обнаруживаетъ недюжинный литературный талантъ и полное остроуміе, приправленное здоровымъ юморомъ. Кайбъ былъ восточный государь и слава его наполняла всю вселенную. Богатства его были неисчерпаемы; дворецъ былъ обнесенъ тысячею яшмовыхъ столбовъ; окна были новѣйшаго фасона, въ каждомъ по одному стеклу, которыя были такъ тверды, что «потатчики мужа не въ состояніи были бы прошибить ихъ лбомъ». Внутренность дворца строго гармони-

¹⁾ М. Евгеній. «Словарь свѣт. пис.», 287.

²⁾ «Письма Карамзина къ Дмитріеву». Спб. 1866 г.

рвала съ его внѣшностью. Многія комнаты были украшены живописью и надо отдать справедливость Каибу, что хотя не пускалъ онъ ученыхъ во дворець, но изображенія ихъ дѣлали не малое украшеніе его стѣнамъ. Правда, стихотворцы его были бѣдны, но Каибъ велѣлъ рисовать ихъ въ богатыхъ платьяхъ, ибо онъ старался всячески поощрить науки. И подлинно,—острить сатирикъ,—не было въ Каибовомъ владѣніи ни одного стихотворца, который бы не завидовалъ своему портрету. Внутреннія комнаты его убраны были такими коврами, что величайшіе цари пріѣзжали играть на нихъ шемелой и приказывали историографамъ записывать это въ число своихъ величайшихъ подвиговъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ рѣзвились обезьяны на золотыхъ цѣпочкахъ и кривлялись съ такой любезностью, что искуснѣйшіе придворные ставили за честь у нихъ перенимать; а нерѣдко по слабости своей выдумки обезьянъ выдавали за свои ¹⁾. Тысячи попутаевъ говорили въ клѣткахъ скоропостижные вирши и были краснорѣчивѣе тогдашнихъ академиковъ, хотя академія Каибова почиталась первою въ свѣтѣ, потому что ни въ какой академіи не было такого богатаго набора плѣшивыхъ головъ, какъ у него. Но, не смотря на всю эту роскошь, не смотря на рядъ праздниковъ (календарь Каибовъ былъ составленъ изъ однихъ праздниковъ, и будни были тамъ рѣже, нежели именины Касьяновъ), громадный сераль, составленный изъ рѣдкой красоты дѣвушекъ не старѣе 17 лѣтъ,—Каибъ чувствовалъ какое-то неопредѣленное желаніе и томящую вѣчно тоску. Чтобы сколько-нибудь развлечься, Каибъ рѣшилъ предпринять путешествіе по странѣ и предварительно хотѣлъ посоветоваться съ своимъ Диваномъ. Надо замѣтить, что Каибъ ничего не начиналъ безъ его согласія. Но какъ онъ былъ миролюбивъ, то для избѣжанія споровъ всѣ свои рѣчи начиналъ такъ: «Господа! я хочу того-то; кто имѣетъ на это возраженіе, тотъ можетъ его свободно объявить: въ ту же минуту получить онъ пятьсотъ ударовъ воловьею жилою по пятамъ, а послѣ мы разсмотримъ его голосъ». «Мнѣ надобны визири,—любилъ говаривать этотъ правдивый правитель,—у которыхъ бы разумъ, безъ согласія ихъ пяткокъ, ничего не начиналъ ²⁾.» Уже по этому началу видно, что легкая, шутливая сатира Крылова дѣлается въ новомъ изданіи караящей, серьезной, выходя изъ круга повседневныхъ мелочишекъ и поднимаясь на высоту политическихъ обличеній. И если намъ, отодвинутымъ отъ «Зрителя» на сотню лѣтъ, довольно трудно истолковать истинный смыслъ Каибовскихъ приключеній, то характеристика членовъ Дивана до извѣстной степени даетъ намъ понятіе о тѣхъ реальныхъ фактахъ, которые, несомнѣнно легли въ ея

¹⁾ «Полн. собр. соч. Крылова», т. I, 191—193.

²⁾ Ibid., 203.

основу. Нѣтъ сомнѣнія, что Крыловъ былъ близокъ къ натурѣ, давая такую характеристику Каибовыхъ совѣтниковъ. «Калифъ былъ расчелливъ: обыкновенно одного мудреца сажалъ онъ между десяти дураковъ; умныхъ людей сравнивалъ онъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производить пріятный свѣтъ, а слишкомъ большое можетъ причинить пожаръ, и часто говаривалъ, что ему, для сохраненія добраго порядка, дураки по крайней мѣрѣ столько же нужны, какъ и умные люди. Вотъ причина, что и Диванъ Калифа былъ изобилень дураками»¹⁾).

Характеристика отдѣльныхъ визирей Каиба поражаетъ своей мѣткостью и наблюдательностью. Главнымъ достоинствомъ одного изъ нихъ, Дурсана, была длинная по колѣна борода, которой онъ вполне основательно гордился. Когда же при дворѣ калифа бывалъ праздникъ, онъ наряжался пышнѣе всѣхъ женщинъ, а въ случаѣ безсонницы Каиба, рассказывалъ ему сказки. Тѣмъ не менѣе длиннородый вельможа былъ о себѣ весьма высококаго мнѣнія и предлагалъ себя замѣстителемъ государства на время отъѣзда Каиба. Другой, Ослапидъ, носилъ бѣлую чалму, которую надѣли ему, какъ потомку Магомета, при рожденіи и которая давала ему ео ipso право на высшія почести. Правда, что голова его не знала, какъ она попала подъ бѣлую чалму, дающую право на такія почести, но вельможа не унывалъ, и все свое счастье полагалъ въ роскошной жизни. Третій, Грабилей, былъ сынъ сапожника, но «прискуча видѣть съ младенчества трудную работу отца», задумалъ блистать въ свѣтѣ и искалъ способовъ «какъ бы современемъ разувать тотъ народъ, который отецъ его обувалъ съ такимъ успѣхомъ». Поступивъ въ гражданскую службу, онъ дралъ съ однихъ, чтобы передавать другимъ, былъ замѣченъ начальствомъ, какъ исправный служака, и сдѣланъ былъ кадіемъ. Весьма скоро Грабилей достигъ вершины счастья: онъ сталъ изъ числа тѣхъ немногихъ людей, «которые снабжены способами утѣснять бѣдныхъ и получать удавку изъ рукъ самого султана».

Нѣтъ надобности послѣ характеристики этихъ совѣтниковъ Каиба приводить ихъ мнѣнія по поводу затруднительныхъ обстоятельствъ государства и правителя. Помимо своего прямого назначенія повѣсть «Каибъ» имѣетъ въ виду выставить и иные недостатки ея времени. Остановимся на необыкновенно мѣткѣй характеристикѣ лжеклассическихъ поэтовъ, передъ которой въ силу ея простоты и безыскусственности меркнутъ нападки другихъ писателей. На изумленіе калифа, какъ можно хвалить человека, если онъ того не заслуживаетъ, авторъ торжественныхъ одъ съ развязностью, достойной нашихъ дней, отвѣчаетъ: «Ода, какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу. Мы

¹⁾ Loco cit. 214 и 215.

даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы послѣ всякое имя вставить можно было. Въ одѣ можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно, и нѣтъ визиря, который бы описаніе всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы». Вотъ прототипъ той морали, которую сжато формулировалъ позднѣе Крыловъ въ баснѣ «Ворона и Лисица»: «и въ сердцѣ льстець всегда отыщеть уголокъ».

Въ сказкѣ «Ночи» происходитъ на пирушкѣ у бога Момуса споръ между Днемъ и Ночью, кто изъ нихъ видитъ болѣе людскихъ безобразій, и богиня Ночи поручаетъ автору вести записку о томъ, что случается во время ея владычества. Весь рассказъ здѣсь сводится къ похождениямъ молодыхъ женщинъ, обманывающихъ довѣрчивыхъ мужей, но одно мѣсто выдѣляется изъ всей повѣсти, давая намъ понятіе объ одномъ общественномъ злѣ прошлаго вѣка, на которое, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ указаній въ другихъ изданіяхъ того времени. «Честныя французенки нерѣдко доставляютъ молоденькимъ дѣвушкамъ случай видѣться съ своими любовниками, и за это берутъ порядочную пошлину. Этого мало: онѣ держатъ у себя въ лавкѣ много молодыхъ ученицъ, съ тѣмъ, чтобы приманивать волокитъ, и мнимою строгостію и препятствіями своимъ дѣвушкамъ увеличиваютъ желанія воздыхателей; а когда увидятъ, что надобная минута наступила и кошелекъ любовника тугъ, тогда изъ-подъ руки даютъ своимъ дѣвушкамъ согласіе на побѣгъ и такимъ образомъ вдругъ получаютъ и деньги, и остаются съ добрымъ именемъ: ибо такихъ похищеній не смѣютъ приписывать на ихъ счетъ, видя, что онѣ сами болѣе всего за то шумятъ и жалуются»¹⁾.

«Рѣчь», говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ²⁾, напоминаетъ намъ вновь лучшія страницы «Почты Духовъ» художественными характеристиками и мѣткостью сатиры. Съ ужасомъ вспоминаемая о томъ «варварскомъ» времени, когда молодой человѣкъ съ перваго слова обнаруживалъ свое невѣжество въ наукахъ, ораторъ обращаетъ вниманіе своихъ «просвѣщенныхъ» слушателей на молодежь его времени, въ какія счастливыя условія она поставлена. «Теперь молодой человѣкъ, желающій слыть ученымъ, не имѣетъ большой нужды въ грамотѣ: за недостаткомъ своего ума можно имѣть у себя на полкахъ тысячи чужихъ умовъ, переплетенныхъ въ сафьянъ и въ золотомъ обрѣзѣ, и этого уже довольно, что бы перещеголять своей славой лучшаго академика». И чѣмъ дальше, тѣмъ сатира становится ядовитѣе, злѣе, хотя въ то же время иронія все совершенствуется и дѣлается тоньше и умнѣе. «Стоитъ намъ только

¹⁾ Ор. cit. 269.

²⁾ «Зритель», ч. II, май.

взглянуть другъ на друга, чтобы видѣть истину моихъ доказательствъ—говорить повѣса—и почувствовать выгоду нашего состоянія, приманчиваго для человѣка. Были дерзкіе писатели, которые утверждали, что петиметры ниже человѣка и причисляли ихъ къ животнымъ. Безумцы! они не примѣтили, что такимъ заключеніемъ дѣлали нашу славу. Согласимся, что петиметръ не человѣкъ; но если онъ скотъ, то во всякомъ случаѣ умнѣ всякой скотины. Такъ не лучше ли быть первымъ между скотами, нежели послѣднимъ между людьми,—и это-то лестное первенство получили мы въ нынѣшній вѣкъ, и оно-то посѣяло ядъ зависти въ безпокойныхъ сердцахъ и вооружило на насъ сатиру, или лучше сказать, пасквиль, покушающійся сдѣлать щеголя жалкимъ въ большомъ свѣтѣ, гдѣ играетъ онъ первое забавное лицо». Въ той же «рѣчи» находимъ мы любопытное указаніе на крайнюю щепетильность и обидчивость общества, которое готово было во всякой сатирической статейкѣ усматривать намекъ на себя и приходите въ благородное негодованіе, грозясь на зеркало, что «рожа крива». Изъ описанія дѣйствій нѣкоего Тарантула, задѣятаго сатирой, мы можемъ составить себѣ ясное понятіе, при этомъ, о незавидной роли писателя, на котораго ополчался за справедливыя обличенія старъ и младъ, потому что у всѣхъ безъ исключенія «рыльце было въ пуху». Этотъ господинъ (а такихъ была, разумѣется, масса) оцупью «по рогамъ» узналъ свой портретъ «и сталъ разсѣвать, подобно Бомаршеву Базилію, зловредные на сатиру толки, и тамъ, гдѣ говорятъ о пуговицахъ, доказываетъ, что обличается чье-нибудь лицо; тамъ, гдѣ бранятъ пьянство, онъ силится доказать, что оскорбляютъ честь; а тамъ, гдѣ осмѣиваютъ податливаго мужа, торгующаго рогами, онъ силится увѣрить, что оскорбляютъ добродѣтель и человѣчество». Помимо личныхъ намековъ, которыхъ, быть можетъ, не чужды были эти строки, онѣ для насъ интересны, какъ характеристика отношеній общества къ писателю, которое всякій разъ волнуется и возмущается, когда его, дѣйствительно, задѣнутъ за живое и ясно докажутъ, что его «святое святыхъ», за которое онъ готовъ распинаться, не иное что, какъ Авгіевы конюшни, нуждающіяся въ заботливомъ и быстромъ переустройствѣ и вычищеніи. Такъ было позднѣе съ Гоголемъ и на нашей памяти съ Щедринымъ, и этотъ протестъ узнавшихъ въ сатирѣ себя, разумѣется, лучше всего говорить въ пользу автора, его таланта и умѣнья тонко и больно уколотъ человѣка подъ мягкой и приличной формой сатиры на порокъ. Это умѣнье, не всегда удававшееся сатирикамъ прошлаго вѣка, вполне удалось Крылову, и въ этомъ, я думаю, можно искать причинъ недолговѣчности его изданій.

Перехожу къ знаменитой «Похвальной рѣчи моему дѣдушкѣ», которая одна, и съ литературной, и съ публицистической точки зрѣнія, могла бы создать неувядаемую славу нашему сатирику.

Какъ въ лучшей панорамѣ проходить въ этомъ произведеніи вся жизнь помѣщиковъ средней руки не только прошлаго, но и доброй половины нынѣшняго вѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ, изображая одно лицо, Крыловъ сумѣлъ до такой степени сгруппировать и освѣтить типичнѣйшія черты цѣлаго класса людей, что читатель на нѣсколькихъ страницахъ имѣетъ передъ собою превосходную жанровую картинку «добраго стараго времени», безъ указаія на лица, безъ всякой утрировки и какой бы то ни было затаенной мысли. Художественный объективизмъ достигаетъ здѣсь своего апогея и обнаруживаетъ въ авторѣ недоужинное дарованіе, заставляя читателя глубоко сожалѣть, что различныя обстоятельства не позволили Крылову совершенствоваться на почвѣ чистой сатиры, не прикрытой никакой аллегоріей.

Милый дѣдушка—по словамъ оратора—былъ страстнымъ охотникомъ и въ одну изъ охотъ сломалъ себѣ шею, свернувшись вѣровъ вмѣстѣ съ своей любимой лошадыю. Но помимо главнаго дарованія, онъ имѣлъ тысячу другихъ, приличныхъ и необходимыхъ дворянину. Онъ показалъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолудиновъ выработаютъ въ годъ; онъ сильные подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ два-три раза съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искусствомъ гостямъ дѣлалъ пріятныя нечаянности.

«Такъ, государи мои! часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его столомъ голодною смертыю, но — какое пріятное удивленіе! — сядя за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, тѣни котораго не было въ его благодѣяніяхъ. Искуснѣйшіе не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ».

Порѣшивъ въ принципѣ, что дворянинъ долженъ «одной породой» отличаться отъ остальныхъ смертныхъ и что лучше признать праотцемъ осла, нежели быть равнаго со слугами происхожденія, помѣщикъ гордится тѣмъ, что у него много знатныхъ предковъ и заслуги отцовъ и дѣдовъ безцеремонно приписываетъ себѣ для большаго престижа. «Чѣмъ блистательнѣе и древнѣе отъ насъ знаменитый предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство», говоритъ авторъ «Рѣчи». Благородная порода сказывается, впрочемъ, въ ребенкѣ такъ рано, что нечего ходить далеко за ея доказательствами. «Дѣдушка» еще на пятомъ году своего возраста примѣтилъ, что окруженъ такою толпою, которую можетъ «перекусать и перещарпать», когда ему угодно. Не дальше, чѣмъ въ области

нравственности, ушелъ герой нашъ и въ области науки. Когда его выучили читать, отецъ порѣшилъ, что учиться болѣшему—неприлично. «Стыдись знать болѣе, ты у меня будешь баринъ знатный, такъ не пристойно читать тебѣ книги». Сомнѣвающіеся въ этой характеристикѣ образованія прошлаго вѣка могутъ въ запискахъ Данилова и Добрынина найти неопровержимыя доказательства ея правдивости.

Съ этихъ поръ любимой книгой нашего героя сдѣлалось сочиненіе Руссо о вредѣ наукъ, но и ее не читалъ онъ, и лишь указывалъ на нее и имѣлъ ее всегда подъ руками для вразумленія невѣждъ, которые полагали силу въ наукѣ. Какъ проходилъ службу этотъ достойный родоначальникъ «скучающихъ россиянь»—распространяться не будемъ, не будемъ говорить и о томъ, какъ жилъ онъ въ столицѣ, моталъ деньги и наконецъ промотался до послѣдней крайности. Все это не ново и обстоятельно извѣстно изъ сатирическихъ и изъ историческихъ произведеній XVIII вѣка. По счастью наканунѣ полного раззорѣнія, въ ту минуту, когда для него всѣ двери были заперты, кромѣ дверей долговой тюрьмы, онъ получилъ наслѣдство и уѣхалъ въ деревню. Почувствовавъ вновь свободу, онъ занялся своими крестьянами, началъ заботиться объ ихъ нуждахъ и оберегая ихъ посявы отъ «трусливыхъ грабителей» зайцевъ, обрилъ своей охотой такъ чисто крестьянскія земли, что на нихъ нельзя было уже укрыться не только зайцу, но даже и мыши. Чтобы окончательно вытѣснить опаснаго врага, онъ вырубилъ и продалъ всѣ принадлежавшіе ему лѣса и окончательно пустилъ по-міру своихъ крестьянъ.

Въ этой превосходной картинкѣ помѣщичьяго хозяйничанья нѣтъ, разумѣется, ничего новаго, чего бы не сказали предшественники Крылова. Но заслуга послѣдняго состоитъ въ томъ, что указывая эту язву, Крыловъ указываетъ ея, такъ сказать, органическое развитіе: главное зло нечеловѣчныхъ и даже безчеловѣчныхъ отношеній сильныхъ къ слабымъ заключается, по его мнѣнію, въ отсутствіи нравственныхъ принциповъ, въ полнѣйшемъ непоминаніи долга, что въ свою очередь имѣетъ ближайшую причину въ ненормальности воспитанія и отсутствіи умственного развитія. Эта жанровая картинка, написанная очень бойко и живо, является горячимъ протестомъ противъ невѣжества, которымъ одинаково были поработаны и сторонники «старинны зачадѣлой» и люди, вкусившіе на ходу отъ плода европейской цивилизаціи. Сквозь эту повидимому, веселенькую эпопею ясно просвѣчиваетъ гражданская скорбь, скорбь о поруганномъ человѣческомъ достоинствѣ, страстное негодованіе на произволъ и грубое насиліе, царящіе въ неперобродившемъ еще обществѣ, идущемъ въ полутьмѣ и не видящемъ слабаго свѣточа, который брезжится вдали въ видѣ научнаго знанія и твердыхъ нравственныхъ принциповъ. Эти «неви-

димыя слезы» сквозь «видимый міру смѣхъ», несомнѣнно знаменуютъ собой умственный и нравственный ростъ лучшихъ представителей русской литературы, характеризуя послѣднюю какъ нарождающуюся силу, съ которой въ недалекомъ будущемъ придется считаться русскимъ «межеумкамъ» и «вѣтреникамъ». А это уже важный шагъ впередъ, и Карамзинъ черезъ нѣсколько лѣтъ уже свободно (не въ формѣ сатиры) заговорилъ о необходимости реформировать воспитаніе въ связи съ реорганизаціей семейной обстановки, такъ вліяющей на дѣтей ¹⁾.

Къ сожалѣнію, блестящія статьи Крылова были его «лебединой» сатирической пѣснью. «Зритель» издавался 11 мѣсяцевъ и въ слѣдующимъ году превратился въ «С.-Петербургскій Меркурій», который знаменуетъ полнѣйшій упадокъ Крыловской сатиры. Остротѣ сатиры здѣсь въ сильной степени вредятъ личныя нападки, которымъ отдалъ дань талантливый писатель. Такъ, напр., «Похвальная рѣчь Ермолофилу» безъ сомнѣнія имѣла бы большее значеніе, если бы не такъ замѣтна была здѣсь сатира на Карамзина, съ которымъ рѣшительно расходился Крыловъ, не понимавшій, да въ силу особенностей своего воспитанія и развитія и не могшій понять его.

Объ этой непріязни Карамзинъ замѣтилъ въ письмѣ къ Дмитріеву: «Итакъ Эминъ, Крыловъ, Клушинъ, Туманскій не благоволятъ ко мнѣ! Какое несчастіе!» ²⁾.

Подведемъ теперь итогъ нашимъ экскурсіямъ въ область Крыскихъ журналовъ.

Если мы сравнимъ дѣятельность Крылова на поприщѣ обличенія нравовъ съ дѣятельностью его предшественниковъ и собратьевъ по оружію, то, отдавая имъ должное, мы должны признать первую роль за Крыловымъ. Чѣмъ-то молодымъ, увѣреннымъ вѣтеръ отъ произведеній нашего писателя, еще не искушеннаго жизненнымъ опытомъ и потому рѣшительно поднимающаго Ювеналовъ бичъ и грозно и властно кричащаго: quos ego!

Отдаваясь всецѣло журнальной дѣятельности и выбравъ для своихъ благородныхъ цѣлей сатиру, Крыловъ твердо вѣритъ въ великую силу печати, упорно борется, создаетъ и отстаиваетъ себѣ положеніе, терпитъ не разъ крушеніе, снова собирается съ новыми силами, снова выходитъ на борьбу со зломъ во имя непреложныхъ истинъ, снова падаетъ, снова подымается и только тогда выходитъ изъ борьбы, когда у него окончательно истощаются силы, не нравственныя, конечно, а матеріальныя, потому что нельзя было вести журналъ, даже при даровыхъ сотрудникахъ, имѣя всего на все

¹⁾ «Вѣстн. Евр.» 1802 г. № 12 «Пріятные виды, надежда и желанія нынѣшняго времени».

²⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву. Спб. 1889 г., стр. 33.

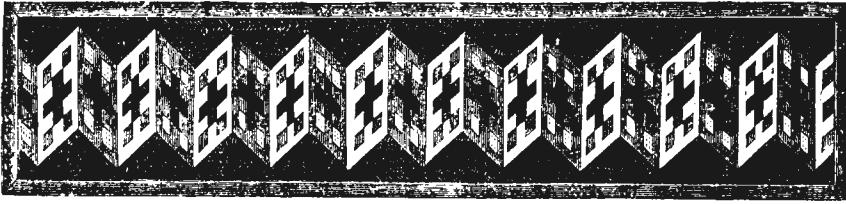
170 подписчиковъ, на примѣръ на «Зритель». Равнодушіе публики, этого набалованнаго, капризнаго дитяти, отсутствіе въ обществѣ интереса къ печатному слову, погубили журнальную дѣятельность Крылова, какъ губили они не разъ, и даже на нашей памяти, прекрасные органы печати. Но если Крыловъ былъ уничтоженъ съ матеріальной стороны, то онъ сохранилъ духъ бодръ и повелъ борьбу инымъ оружіемъ—и стяжалъ себѣ славу великаго баснописца.

Не легко испытаніе для журнала, если черезъ сто лѣтъ снова взяться за него и читать его не отрывками и мало-по-малу, какъ читали его прежде, а быстро, сряду, какъ цѣлую книгу. Рѣдкія изданія прошлаго вѣка выдерживаютъ подобное испытаніе. Журнальныя статьи Крылова съ честью выходятъ изъ него, а «Похвальная рѣчь дѣдушкѣ» слушается до сихъ поръ, какъ убѣдилъ меня опытъ, съ величайшимъ не ослабѣвающимъ интересомъ отъ начала до конца простыми людьми самыхъ разнообразныхъ возрѣній, положеній и возрастовъ. А это—удѣлъ немногихъ, дѣйстви-тельно великихъ произведеній.

И теперь присутствуя на столѣтіи Крыловскихъ журналовъ и вновь пересматривая ихъ, мы убѣждаемся, что дѣятельность его юности ни чуть не ниже работъ послѣдующаго зрѣлаго возраста, и что Крыловъ пророчески предугадалъ роль и значеніе своихъ журналовъ еще въ 1792 году на страницахъ «Зрителя». «Слово, подобно безсмертному духу, имѣетъ даръ, не раздѣляясь, во многихъ мѣстахъ пребывать въ одно время. Единый мудрецъ, торжествуя надъ смертію, похищаетъ право говорить съ позднѣйшимъ своимъ потомствомъ». Пусть же «безсмертный духъ» русскаго журналиста Крылова осѣняетъ его «позднѣйшее» литературное «потомство», и пусть это послѣднее на примѣръ дорогаго учителя учится уважать высокіе принципы правды, добра и свѣта, проводя ихъ неуклонно въ жизнь и твердо—по примѣру своего благороднаго предшественника—стоя на защитѣ человѣческихъ правъ и интересовъ.

Сергѣй Тимошеевъ.

ЛЕЙБЪ-ФИЛОСОФЪ КНЯЗЯ БИСМАРКА.

По поводу книги Эдуарда фонъ Гартманна: *Zwei Jahrzehnte Deutscher Politik und die gegenwärtige Weltlage*. Leipzig, Verlag von Wilhelm Friedrich. 1889.

КНЯЗЯ Бисмарка есть не только свои официозныя газеты, но и свой собственный философъ: эта завидная роль принадлежит прославленному въ началѣ семидесятыхъ годовъ автору «Философіи Безсознательнаго», Эдуарду фонъ Гартманну. Гартманнъ обладаетъ всѣми нравственными и умственными качествами, дѣлающими его самымъ подходящимъ философскимъ истолкователемъ политики германскаго канцлера. Это двѣ природы, во многихъ отношеніяхъ родственныя. Подобно князю Бисмарку, Гартманнъ отличается не столько стройностью своей системы, сколько умѣньемъ создавать самыя разнообразныя системы, наиболѣе подходящія къ даннымъ обстоятельствамъ—и, при этомъ, придавать себѣ видъ человѣка, глубоко убѣжденнаго и прочувствовавшаго все имъ сказанное ¹⁾. По-

¹⁾ Достаточно сопоставить извѣстныя перипетіи «культурной борьбы», затѣянной Бисмаркомъ, съ слѣдующимъ любопытнымъ эпизодомъ: вскорѣ послѣ появленія «Философіи Безсознательнаго», книги, создавшей Гартманну, по его собственному выраженію, «всемирную славу въ теченіе однихъ сутокъ», явилось весьма талантливо написанное анонимное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Безсознательное съ точки зрѣнія физиологіи и теоріи развитія». Въ этой книгѣ умно и послѣдовательно опровергалось все ученіе Гартманна съ точки зрѣнія дарвинизма. Велико было изумленіе дарвинистовъ, когда авторомъ этого полемическаго сочиненія оказался самъ Гартманнъ, обнаружившій способность съ одинаковымъ талантомъ писать pro и contra. Такая способность рѣдко присуща людямъ, дѣйствительно убѣжденнымъ и страстно-преданнымъ истинѣ.

дно Бисмарку, Гартманнъ не можетъ считаться великимъ творческимъ гениемъ, но отличается здоровымъ и яснымъ умомъ, способностью отыскивать самыя слабыя мѣста своихъ противниковъ и безопадной рѣзкостью сужденій и выраженій. Аналогію эту можно было бы продолжить и далѣе, показавъ, съ какою ловкостью Гартманнъ умѣетъ присваивать себѣ чужія мысли и сообщать имъ свою, вполне оригинальную окраску, какъ онъ умѣетъ примирять взгляды, повидимому, діаметрально противоположные и т. п. Впрочемъ, изъ разбора послѣдней книги Гартманна всѣ эти особенности его таланта выяснятся сами собою.

Книга Гартманна составляетъ, въ сущности, сборникъ его статей философско-публицистическаго характера, написанныхъ въ разное время и имѣвшихъ, когда-то, текущій интересъ. Именно по этой причинѣ она весьма любопытна. Въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражаются различныя вѣянія, опредѣлявшія характеръ германской политики со времени окончанія франко-прусской войны и до нашихъ дней, при чемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Гартманнъ обнаруживаетъ положительный даръ предвидѣнья, зависящій, впрочемъ, не столько отъ глубокомыслія его выводовъ, сколько отъ духовнаго родства этого своеобразнаго пессимиста съ главнымъ руководителемъ германской политики, не такъ давно заправлявшимъ судьбами не одной Германіи, но и всей Европы.

Въ книгѣ Гартманна не остался незатронутымъ ни одинъ капитальный вопросъ, какъ внѣшней, такъ и внутренней политики Германіи за послѣдніе двадцать лѣтъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и разсужденія о способахъ веденія франко-прусской войны, и соображенія о папской непогрѣшимости, въ связи съ вопросомъ о такъ называемомъ старокатолицизмѣ, и вопросъ о борьбѣ между католической церковью и протестантской Германской имперіей, и оцѣнку различныхъ германскихъ политическихъ партій. Не упущены изъ виду вопросы чисто экономическіе, вопросъ о свободѣ торговли и о бисмарковскомъ государственномъ социализмѣ; приведены подробныя соображенія о способахъ борьбы съ социаль-демократіей; разобранъ вопросъ о борьбѣ съ полонизмомъ, связанный авторомъ съ вопросомъ о спиртной монополіи. Наконецъ, значительное мѣсто отведено вопросу объ отношеніяхъ между Германіей и другими великими державами, при чемъ особенное вниманіе обращено на отношенія Германіи къ Франціи, Россіи и Англии.

Такое обиліе вопросовъ, изъ которыхъ каждый могъ бы быть предметомъ особаго спеціального трактата, невольно придаетъ книгѣ довольно легкой публицистическій характеръ. Но для насъ важнѣе не столько способъ изложенія Гартманна, сколько его основныя взгляды, а они выражены въ его книгѣ вполне ясно и опредѣленно.

Мы начнемъ съ вопроса, не упомянутого въ изложенномъ выше перечнѣ, что сдѣлано нами съ намѣреніемъ еще болѣе выдѣлить его и подчеркнуть. Мы говоримъ о взглядахъ Гартманна на упадокъ германизма вообще, и, въ частности, на постоянное ослабленіе нѣмецкаго элемента внѣ предѣловъ Германской имперіи. Эти взгляды уже вызвали ожесточенныя нападки на Гартманна со стороны вѣнской либеральной печати; съ другой стороны, они съ благодарностью были подхвачены младочехами. Для насъ эти взгляды любопытны во-первыхъ, какъ знаменіе времени, во-вторыхъ, какъ выраженіе идей, составляющихъ самыя затаенныя пружины бисмарковской политики, которую, только по недоразумѣнію, часто считаютъ тождественною съ такъ называемымъ пангерманизмомъ.

Для полной характеристики взглядовъ Гартманна на внѣ-германскихъ нѣмцевъ, необходимо начать съ того, что писалось имъ еще подъ впечатлѣніемъ побѣдъ, уничтожившихъ имперію Наполеона III. Германскіе нѣмцы, какъ извѣстно, провозгласили свою борьбу съ Франціею «священною войною». Спрашивается, какъ же отнеслись къ этой войнѣ нѣмцы, живущіе внѣ предѣловъ нынѣшней Германской имперіи и, въ особенности, нѣмцы Австріи?

Гартманнъ признаетъ, что, при первыхъ побѣдахъ прусскихъ войскъ надъ французами, въ нѣмецкой части Австріи проявилось нѣчто подобное настоящему германскому патриотизму, и что между австрийскими нѣмцами находилось даже не мало такихъ, которые, платонически, сожалѣли о невозможности сражаться подъ германскимъ знаменемъ. «Велика была наша радость, пишетъ Гартманнъ, когда мы увидѣли, что дивный подъемъ духа въ германской націи оказалъ благотворное вліяніе и на нѣмцевъ Австріи, ускоривъ паденіе антинѣмецкаго правительства, которое вступало въ бессмысленныя компромиссы съ стремленіями разныхъ незрѣлыхъ народцевъ; новое правительство обѣщало поставить вновь у кормила правленія нѣмцевъ—единственный призванный къ этому народъ». Но тутъ же Гартманнъ сознается, что ликованіе германскихъ нѣмцевъ было преждевременно. «Въ Германіи уже ласкали себя надеждою, что Австрія, проникнутая германскимъ духомъ, примкнувъ къ Германіи, образуетъ вмѣстѣ съ нею могучее среднеевропейское ядро и откроетъ великую эру мира, какой Европа не знала, со временъ Римской имперіи». Это Гартманнъ писалъ въ декабрѣ 1870 г., когда еще не умолкъ громъ прусскихъ и французскихъ пушекъ; слова эти, какъ бы служащія предсказаніемъ будущей среднеевропейской «лиги мира», въ высшей степени интересны. Гартманнъ тутъ же указываетъ, что еще въ то время въ Австріи началась агитація въ пользу таможеннаго союза съ Германіей и учрежденія такъ называемаго таможеннаго парламента (Zollparlament), первой ступени къ объединенію экономическихъ, а впослѣдствіи и политическихъ интересовъ двухъ сосѣднихъ нѣмецкихъ (въ династиче-

скомъ смыслѣ) державъ. Но увы! Всѣ мечты разлетѣлись точно сонъ, и въ этомъ горькомъ разочарованіи Гартманнъ винить не Пруссію, обманувшую Австрію послѣ датской войны и поколотившую свою бывшую союзницу подѣ Садовой, а, исключительно, однихъ австрійскихъ нѣмцевъ, не сдѣлавшихъ возвыситься до идеи единого германскаго фатерланда, состоящаго подѣ гегемоніей Пруссіи.

Поводомъ къ разрушенію прусско-германскихъ иллюзій и къ охлажденію австрійскихъ симпатій къ побѣдоносной Пруссіи была знаменитая русская нота, уничтожившая одинъ изъ пунктовъ Парижскаго трактата и выразившая твердое намѣреніе Россіи возстановить черноморскій флотъ. Австрія усмотрѣла въ этомъ актѣ со стороны Россіи прямой ущербъ для своей восточной политики и, въ то же время, въ Австріи всѣ были глубоко убѣждены, что Россія не могла рѣшиться на подобный шагъ, не заручившись содѣйствіемъ Пруссіи.

Гартманнъ пытается очистить Пруссію отъ взводимыхъ на нее обвиненій и даже, до извѣстной степени, пытается доказать законность притязаній Россіи. Вѣдь Россія—говоритъ Гартманнъ—не выдумываетъ ничего новаго; она лишь стремится возстановить, да и то не вполне, порядокъ вещей, существовавшей до Крымской войны. Германія не виновата въ томъ, что Австрія своимъ поведеніемъ, какъ во время этой войны, такъ и во время польскаго мятежа, и своими поступками по отношенію къ различнымъ славянскимъ народностямъ, особенно галицкимъ русскимъ, отталкиваетъ отъ себя Россію¹⁾. Австрія—по словамъ Гартманна—считаетъ себя свободно отъ всякаго чувства благодарности по отношенію къ Россіи, которая спасла ее въ 1848 году; но Германія не можетъ такъ относиться къ оказаннымъ ей услугамъ. О какихъ услугахъ здѣсь идетъ рѣчь—будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Развивая свою мысль, Гартманнъ, съ откровенностью, удивительно напоминающей князя Бисмарка, безъ всякой церемоніи раскрываетъ всѣ карты и выясняетъ мотивы, толкнувшіе Германію въ «объятія» Россіи. Онъ показываетъ, что хотя носившіеся во Франціи толки о союзѣ Франціи съ Австріей и даже съ Италіей противъ Германіи были преувеличены, но доля основанія въ нихъ существовала. Это и заставило Германію дорожить русской дружбой.

Поведеніе австрійскаго правительства было—по утвержденію Гартманна—главнымъ мотивомъ русско-германской дружбы. Ав-

¹⁾ Мы раньше видѣли, что Гартманнъ совѣтовалъ австрійскимъ нѣмцамъ не вступать въ компромиссы съ славянскими «народцами», но такія противорѣчія встрѣчаются у автора «Философіи Безсознательнаго» на каждомъ шагѣ и ими онъ не смущается.

торъ и не думаетъ скрывать, что дружба эта не имѣетъ и подобія «естественнаго союза», каковымъ могъ бы быть союзъ Германіи съ нѣмецкой Австріей. Россію съ Германіей могутъ—по мнѣнію Гартманна,—связывать не взаимныя симпатіи, которыхъ никогда и не существовало, а единственно интересы минуты. Русско-германская дружба можетъ быть—по его словамъ—лишь дипломатической комбинаціей *ad hoc*, изъ которой не слѣдуетъ ровно никакихъ обязательствъ на будущее время и даже не дающей никакихъ надеждъ на будущее. Гдѣ же пресловутая германская благодарность, о которой было сказано нѣсколькими строками раньше? А благодарить право было за что. Всѣмъ извѣстно—говорить Гартманнъ—что только благодаря Россіи датское правительство могло удержать «копенгагенскую чернь», требовавшую войны съ Германіей; Россіи же обязаны австрійскіе нѣмцы тѣмъ, что избавлены отъ вторичной братоубійственной войны. «Мы теперь знаемъ — пишетъ авторъ — что австрійское правительство распустило въ іюлѣ настоящаго (1870) года чешскій сеймъ съ единственною цѣлью подкрѣпить голосами чешскихъ депутатовъ большинство въ рейхсратѣ, и что безъ положительныхъ совѣтовъ со стороны Россіи, Австрія уступила бы соединенному давленію своихъ придворныхъ сферъ, арміи (жаждавшей реванша за 1866 г.) и славянскихъ народностей... Лишь усиліямъ русской дипломатіи удалось уничтожить планъ Бейста образовать нейтральную анти-прусскую лигу, и сдѣлано это было Россіею весьма искусно, посредствомъ участія въ выработкѣ этого плана, имѣвшаго конечною цѣлью лишить Германію всѣхъ плодовъ ея побѣдъ. Наконецъ, лишь благодаря Россіи, мы могли оставить беззащитною не только нашу восточную, но и южную границы».

Доказавъ австрійцамъ до очевидности, что Германія имѣла полное основаніе, во время войны съ Франціей, дорожить дружбою Россіи, Гартманнъ, однако, пытается успокоить общественное мнѣніе Австріи, возбужденное извѣстіемъ о возрожденіи русскаго черноморскаго флота. Гартманнъ старается доказать, что черноморскій флотъ не можетъ составить серьезной угрозы ни для Австріи, ни для Турціи, и что борьба съ Россіей всегда будетъ рѣшаться не на морѣ, а на сушѣ. При этомъ авторъ даетъ понять австрійцамъ, что если они будутъ хорошо вести себя, т. е., подчинятся видамъ прусской политики, то борьба съ Россіей на сухомъ пути, съ помощью прусскихъ штыковъ, окажется имъ вполне подъ силу. Австрія должна понять, говоритъ Гартманнъ, что, удовлетворяя честолюбію Россіи—имѣть свой черноморскій флотъ, Германія этимъ не даетъ простора завоевательнымъ планамъ Россіи. Наоборотъ, прямой интересъ Германіи требуетъ не допустить дальнѣйшаго расширенія русскаго могущества, тѣмъ болѣе, поясняетъ Гартманнъ, что нынѣшнія (писано въ 1870 году) русско-германскія отношенія,

главнымъ образомъ, имѣютъ личный характеръ, и что весьма легко представить себѣ господство въ Россіи партіи крайне враждебной Германіи. Когда рѣчь зайдетъ о выборѣ между Австріей и Россіей, говоритъ Гартманнъ, Германія несомнѣнно предпочтетъ «нѣмецкую» Австрію «полуварварской» Россіи... Общій результатъ разсужденій Гартмана объ австрійской политикѣ сводится къ тому, что все зависитъ отъ Австріи, которая можетъ вынудить Германію дружить съ Россіей, но отъ которой, въ то же время, зависитъ оправдать и самыя розовыя надежды германскихъ патріотовъ.

Посмотримъ, насколько эти надежды оправдались почти двадцать лѣтъ спустя.

Оказывается, что по истеченіи этого періода времени дѣла пошли къ худшему для нѣмцевъ. Гартманнъ сопоставляетъ рядъ прелюбопытныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о значительномъ упадкѣ германизма вездѣ, гдѣ прежде онъ занималъ торжествующее положение ¹⁾.

Германство, по словамъ Гартманна, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія обнаруживало національное превосходство надъ сосѣдними народами, что способствовало и расширенію границъ нѣмецкой національности. Въ послѣднее время (какъ разъ, когда, повидимому, національныя вождедѣнія нѣмцевъ воплотились въ Германской имперіи) обнаруживается замѣтный упадокъ германизма. Города, въ которыхъ нѣмцы явно преобладали, какъ напр., Триестъ и Прага, становятся славянскими.

Въ Триестѣ нѣмецкое населеніе абсолютно не измѣнилось за послѣдніе 20—25 лѣтъ, но относительно другихъ національностей стало меньшимъ, такъ какъ послѣднія обнаруживаютъ огромный приростъ. Прага изъ нѣмецкой стала совершенно чешскимъ городомъ и даже Вѣнѣ угрожаетъ та же участь въ недалекомъ будущемъ. Не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ, нѣмецкій элементъ мало-по-малу уступаетъ мѣсто славянскому и мадьярскому. Только въ Эльзасѣ-Лотарингіи, по мнѣнію автора, соблюдается нѣкоторый прогрессъ; но даже и здѣсь, по крайней мѣрѣ въ городахъ, приростъ германскаго элемента является чисто искусственнымъ и состоитъ, преимущественно, изъ военныхъ, чиновниковъ и студентовъ, присланныхъ сюда правительствомъ. На южной и восточной окраинахъ, германскій элементъ всюду терпитъ поражение, не смотря на оказываемую ему правительственную поддержку.

Гартманнъ ищетъ причинъ этого прискорбнаго, съ нѣмецкой точки зрѣнія, явленія и весьма мало останавливается на причинахъ внутреннихъ, какъ напр., на непосильномъ бремени мили-

¹⁾ Статья объ упадкѣ германизма (*Der Rückgang des Deutschthums*) написана Гартманномъ впервые въ январѣ 1885 года. Теперь можно было бы еще сгустить краски.

тáризма, заставляющаго десятки тысячъ нѣмцевъ эмигрировать въ Америку, что не можетъ не отразиться на общихъ силахъ германской націи. За то онъ съ особенною силою настаиваетъ на значеніи внѣшнихъ причинъ, указывая на возрастающее національное самосознаніе сосѣднихъ нѣмцамъ народностей и на непримиримую вражду католической церкви. Нѣмцевъ Гартманнъ обвиняетъ лишь въ одномъ—въ недостаткѣ «національной гордости».

«Мы живемъ, говоритъ Гартманнъ, въ эпоху, когда національная идея торжествуетъ свои величайшія побѣды. Будемъ ли мы сами мечтателями, видящими въ національномъ принципѣ спасеніе міра, или осудимъ эту національную горячку, какъ яко бы заблужденіе, подлежащее анаемѣ съ высшей космополитической точки зрѣнія, или же, наконецъ, признаемъ нынѣшній односторонній національный культъ ступенюю къ будущей взаимной терпимости и къ гармоническому устроенію всего человѣчества, во всякомъ случаѣ, мы должны считаться съ наличными фактами».

«Было время, поясняетъ Гартманнъ, когда для мадьяръ и славянъ было безразлично, управляютъ ли ими нѣмецкіе или же національные чиновники... Пока простонародье, вообще, не посѣщало школъ, для него не могло существовать и національнаго школьнаго вопроса; тѣ же немногіе, которые учились въ школахъ, изучали нѣмецкій языкъ какъ единственный, дававшій доступъ къ образованности. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, національныя партіи употребили чрезвычайныя усилія на созданіе искусственныхъ литературъ и на возбужденіе въ массахъ національнаго чувства; успѣхъ былъ такъ великъ, что прежнее положеніе, которое занимали нѣмцы среди различныхъ народностей, стало невозможностью... Если теперь нѣмецкое меньшинство пытается удержать въ своихъ рукахъ господство, то оно возбуждаетъ противъ себя лишь ненависть другихъ племенъ, ненависть, которая легко превращается въ фанатическую страсть; какъ только какая-либо національность достигаетъ равноправности съ нѣмцами, она, вслѣдствіе недостатка самообладанія и умственнаго развитія, неспособна болѣе удержаться въ должныхъ границахъ, и, вмѣсто равноправности, старается, въ видѣ возмездія, подавлять прежнихъ угнетателей. Борьба за равноправность необходимо превращается въ борьбу за преобладаніе, и чѣмъ грубѣе, фанатичнѣе и безцеремоннѣе средства, примѣняемыя въ этой борьбѣ, тѣмъ вѣрнѣе успѣхъ». Такимъ образомъ Гартманнъ приходитъ къ курьезному (хотя весьма обычному у нѣмцевъ) утвержденію, что нѣмцевъ губятъ ихъ добродѣтели и превосходство ихъ культуры по сравненію съ «варварствомъ» и «грубостью» славянъ и мадьяръ. Однако, тому же Гартманну ничего не стоитъ пятью строками дальше утверждать, что чехи, мадьяры и проч. въ настоящее время начали одолѣвать нѣмцевъ по той причинѣ, что и у нихъ явилась культура, между прочимъ, поведшая къ образова-

нію прежде у нихъ отсутствовавшего «средняго класса». Этотъ средній классъ и явился главной опорой національныхъ стремлений и на него теперь опирается и народъ, и національная аристократія. Последняя, напр., у чеховъ и поляковъ сдѣлала такіе успѣхи, что по образованности можетъ соперничать съ нѣмецкою; народныя же массы стали фанатически національными, благодаря тому же подстрекательству со стороны средняго класса. Великую опасность для германизма Гартманнъ видитъ и въ томъ, что даже еврейство, до послѣдняго времени бывшее однимъ изъ главныхъ оплотовъ нѣмецкаго вліянія въ Австріи, теперь постепенно ослабляется и мадьяризуется, увеличивая, такимъ образомъ, контингентъ враговъ германизма.

«Многіе утверждаютъ, говоритъ Гартманнъ, что нѣмецкій патріотизмъ не успѣлъ развиться по той простой причинѣ, что у нѣмцевъ долго не было «отечества». «Это весьма справедливо, замѣчаетъ онъ; но неправильно смѣшивать патріотизмъ съ національнымъ чувствомъ. Есть народы, которые потеряли отечество, но у которыхъ національное чувство, тѣмъ не менѣе, весьма развито, какъ, напр., у поляковъ; есть и такіе, которые еще никогда не образовывали государственнаго тѣла, однако, въ силу того же національнаго чувства, стремятся образовать государство; есть и такіе, у которыхъ, какъ напр., у евреевъ, національное чувство пережило даже утрату національнаго языка».

Указывая на образованіе Германской имперіи, Гартманнъ весьма основательно замѣчаетъ, что появленіе могущественной Германіи не только не прекратило процессъ «разнѣмченія» нѣкоторыхъ австрійскихъ и даже прусскихъ провинцій, но скорѣе усилило его. Къ сожалѣнію, авторъ скользитъ только по поверхности этого, дѣйствительно, любопытнаго явленія, и старается объяснить его лишь поспѣшностью, съ которою враги германизма стараются предупредить процессъ окончательнаго сліянія всѣхъ нѣмецкихъ элементовъ. Гораздо правильнѣе было бы указать, что самое объединеніе Германіи произошло ненормальнымъ путемъ, и что успѣхи умственнаго развитія въ славянскомъ мірѣ неизбѣжно должны были, рано или поздно, положить предѣлъ побѣдному шествію германизма.

«Недостатокъ національной гордости, поясняетъ далѣе Гартманнъ, есть исконный германскій грѣхъ, наравнѣ съ партикуляризмомъ и абстрактнымъ политическимъ идеализмомъ». Затѣмъ, весьма серьезная опасность угрожаетъ нѣмцамъ и отъ католицизма. Хотя есть нѣмцы, называемые католиками, но, по мнѣнію Гартманна, католицизмъ есть религія, вполне несоотвѣтственная германскому національному духу, и которая у нѣмцевъ вырождается обыкновенно въ старо-католицизмъ, который есть ни что иное, какъ скрытый протестантизмъ. А между тѣмъ, Австрія неизбѣжно должна быть державой каголической, такъ какъ она держится исклю-

чительно еврействомъ и католическою церковью. Въ этомъ Гартманнъ видитъ особую опасность для австрійскихъ нѣмцевъ. Австрійское правительство можетъ, конечно, заключать какіе угодно союзы съ протестантской Германіей: этого требуетъ чувство самосохраненія и опасность, угрожающая Австріи со стороны Россіи; но Австрія не можетъ дать нѣмцамъ первое мѣсто въ государствѣ, такъ какъ этимъ она погубитъ у себя дѣло католической церкви, безъ которой ея существованіе, какъ великой державы, совершенно невысказано.

Такимъ образомъ мы видимъ, что пятнадцатилѣтній опытъ окончательно разочаровалъ Гартманна въ роли, которую могли бы играть нѣмцы въ Австро-Венгріи. Въ 1870 году онъ еще сомнѣвался, въ 1885 уже съ увѣренностью утверждаетъ, что дни нѣмецкаго господства въ Австріи сочтены. Тѣмъ не менѣе средство для исцѣленія зла остается, по его мнѣнію, прежнее: Пангерманизмъ, о которомъ Гартманнъ прежде умалчивалъ, теперь открыто порицается имъ: онъ рекомендуетъ лишь тѣсный союзъ австрійскихъ нѣмцевъ съ Германіей, какъ коммерческій (въ видѣ таможеннаго и торговаго союза), такъ и политическій (оборонительно-наступательный). Но стремленіе къ сепаратизму, т. е., отдѣленію отъ прочихъ составныхъ частей Австро-Венгріи, Гартманнъ считаетъ для австрійскихъ нѣмцевъ гибельнымъ и совѣтуетъ имъ разъ навсегда отказаться отъ «революціонной» пангерманской программы.

«Мы, имперскіе нѣмцы, говоритъ Гартманнъ, окажемъ нашимъ братьямъ наилучшую услугу, если самымъ безопаснымъ образомъ разрушимъ подобныя иллюзіи».

Намъ нечего пояснять, что князь Бисмаркъ, котораго многіе до сихъ поръ считаютъ величайшимъ представителемъ пангерманской идеи, всегда раздѣлялъ взгляды, здѣсь высказанныя Гартманномъ. «Дневникъ» императора Фридриха III окончательно доказалъ, что Бисмаркъ никогда не возвышался подъ идеей чисто прусской Германіи¹⁾.

Еще яснѣе выражается программа князя Бисмарка въ утвержденіи Гартманна, что Австрія должна превратиться въ «западно-славянскую» федеративную державу, въ которой австрійскіе нѣмцы должны лишь играть роль звена, связующаго эту «славянскую»

¹⁾ Въ одной корреспонденціи, помѣщенной въ журналѣ «Revue Britannique» (1889 г. № 2) разсказано, что въ 1865 году, во время пребыванія Бисмарка въ Віарицѣ, Наполеонъ III сказалъ Меримэ и Кузену: «Это гениальный человекъ, какъ выражаются нѣмцы, но онъ не знаетъ настоящей Германіи. Я ее знаю, я жилъ въ ней». Эти слова, конечно, отзываются французскою хвастливостью, но корреспондентъ не безъ основанія заключаетъ, что «настоящая Германія» не есть ни Пруссія, ни Австрія, а Франконія и Швабія, и что, въ этомъ смыслѣ, императоръ долго жившій въ Штутгартѣ, Карльсруэ, Гейдельбергѣ, Тюбингенѣ и Баденѣ, былъ совершенно правъ. Одной изъ причинъ пораженія Наполеона III была та, что онъ, зная «настоящую Германію», судилъ по ней и о Пруссіи.

державу съ Германією и позволяющаго Германіи сдѣлать изъ нея если не вассала, то, по крайней мѣрѣ, преданнаго союзника. Въ этой идеѣ заключается весь секретъ политики Бисмарка по отношенію къ Балканскому полуострову. Вотъ въ какихъ краскахъ рисуется будущее этой «славянской» Австріи нѣмецкому философу:

«Если Австрія превратится въ федерацію мелкихъ славянскихъ племень, то она, естественнымъ образомъ, окажетъ непреодолимую притягательную силу на славянъ Балканскаго полуострова, которые теперь тяготеютъ къ Россіи, какъ единственной славянской державѣ. Такимъ образомъ было бы создано западнославянское государство съ нѣмецкими, мадьярскими и румынскими островками. Слабая политическая организація и нѣкоторая чудовищность (Monstrosität) этой державы съ избыткомъ искупилась бы обширностью ея территоріи и значительной цифрой населенія. Особенно полезно было бы присоединеніе Румыніи къ этому союзу государствъ, такъ какъ оно дало бы нѣмцамъ опору противъ славянъ (это въ «славянскомъ»-то государствѣ!). Нѣмецко-мадьярско-румынское меньшинство образовало бы достаточный противовѣсъ чешско-польско-сербскому большинству и, въ худшемъ случаѣ, предостерегло бы славянъ, по крайней мѣрѣ отъ панславистскихъ увлеченій».

Эта идея—противопоставить восточному славянству, славянство западное, предводимое Германской имперіей, проводится Гартманномъ съ необычайной послѣдовательностью и безошибочной логикой. Ради достиженія этой цѣли, онъ готовъ пожертвовать и мѣстными нѣмецкими интересами въ Австріи, готовъ предоставить австрийскимъ славянамъ значительную автономію, готовъ поддержать галицкихъ русскихъ противъ поляковъ, однимъ словомъ, согласенъ на всѣ уступки, совмѣстимыя съ интересами прусской Германіи. вмѣстѣ съ тѣмъ становится яснымъ, что мысль о благодарности по отношенію къ Россіи совсѣмъ уже отступила на задній планъ, и что Гартманнъ готовъ на дѣлѣ оправдать свое утвержденіе, что и русско-германская дружба основана не на постоянной общности интересовъ, а имѣла мѣсто лишь какъ случайный фактъ.

Отсюда естественно перейти къ изложенію взглядовъ Гартманна на современныя русско-германскія отношенія ¹⁾.

Нельзя сказать, чтобы Гартманнъ отличался глубокими познаніями относительно Россіи, хотя бы такими, какія мы видимъ у многихъ современныхъ англійскихъ и французскихъ ученыхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣмецкій философъ обнаруживаетъ даже полное невѣжество; такъ, на примѣръ, насколько сильны его познанія въ русской географіи, видно изъ того, что онъ смѣшиваетъ Днѣпръ съ Днѣстромъ ²⁾.

¹⁾ Статьи о Россіи написаны Гартманномъ въ концѣ 1887 и въ началѣ 1888 года.

²⁾ На страницѣ 296 своей книги Гартманнъ утверждаетъ, что Днѣпръ на

Гартманнъ начинаетъ съ изслѣдованія культурной миссиі, предстоящей Россіи въ Азіи. И въ этомъ случаѣ его взгляды оказываются лишь обобщеніемъ извѣстныхъ теорій, постоянно проповѣдуемыхъ на столбцахъ германскихъ офиціозовъ.

По мнѣнію Гартманна, Россія является ничѣмъ инымъ, какъ преемникомъ «Сѣверовосточнаго монгольскаго царства». «Съ тѣхъ поръ какъ національное русское теченіе взяло верхъ надъ такъ называемыми западниками, пишетъ Гартманнъ, даже поверхностный слой европейской цивилизаціи исчезаетъ, и существенно-азиатскій характеръ русскаго государства выступаетъ съ особенною рѣзкостью. Это и доставляетъ Россіи полную возможность стать азиатскою великою державою первой величины».

Высказавъ этотъ взглядъ, являющійся какъ бы каррикатурнымъ воспроизведеніемъ извѣстныхъ взглядовъ Н. Я. Данилевскаго на не-европейскій характеръ русскаго культурнаго типа, Гартманнъ, безъ труда, приходитъ къ выводу, что необходимо отвлечь русское общественное мнѣніе отъ его «ошибочныхъ цѣлей» и «блестящихъ призраковъ», манящихъ на западъ, въ Европу. По мнѣнію Гартманна, русское общество даже само, безъ всякаго внѣшняго побужденія, тотчасъ обращается къ Азіи, какъ только сознаетъ свои истинныя культурныя задачи. Мало того, только это перенесеніе центра тяжести русской политики въ Азію можетъ, по мнѣнію Гартманна, доставить желанный покой и удовлетвореніе не только Европѣ, но и самой Россіи.

«Но откуда же происходитъ, — спрашиваетъ Гартманнъ, — что Россія, въ противорѣчьи съ естественными основами своей государственной жизни, стремится постоянно на Западъ и придаетъ своимъ западнымъ владѣніямъ такую цѣнность, которой нельзя имъ придать, если смотрѣть на вопросъ съ географической и этнографической точки зрѣнія?»

По утвержденію Гартманна главной причиной такого «ослѣпленія» русскаго общественнаго мнѣнія является «зловредный призракъ», именуемый Константинополемъ... По этому случаю авторъ съ особеннымъ ожесточеніемъ нападаетъ на «панславистовъ» и «панортодоксистовъ», при чемъ не дѣлаетъ ни малѣйшихъ различій между далеко не тождественными между собою взглядами Хомякова, Аксакова и Ламанскаго, и признаетъ за панславизмъ лишь такое направленіе, которое стремится «поглотить славянство» и «утопить» его въ русскомъ морѣ. Этого мало. Авторъ серьезно воображаетъ, что конечною цѣлью всякаго панславизма является основаніе «универсальной» русской монархіи.

половину протекаетъ въ Румыніи (подразумѣвается, вѣроятно, Бессарабія и рѣчь идетъ, очевидно о Днѣстрѣ). Въ другомъ мѣстѣ Гартманнъ, вѣроятно забывая о лиманахъ, увѣряетъ, будто Одесса какъ и Кіевъ «лежитъ на Днѣпрѣ» (стр. 298: die Dnieprstädte Kiew und Odessa).

Впрочемъ, Гартманнъ сознается, что существуютъ и другіе, болѣе непосредственные мотивы, заставляющіе Россію стремиться къ обладанію Константинополемъ. Мотивы эти заключаются въ извѣстномъ вопросѣ о проливахъ. Авторъ полагаетъ, однако, что и въ этомъ случаѣ обычныя русскія мнѣнія не выдерживаютъ критики. Опытъ Крымской войны, по мнѣнію Гартманна, ничего не доказываетъ, и современныя средства береговой обороны, будто бы, вполне достаточны для огражденія Россіи отъ какого бы то ни было нападенія съ Чернаго моря. Далѣе онъ утверждаетъ, что какъ разъ въ Константинополѣ Россія была бы весьма уязвима. «Защита русскаго южнаго побережья посредствомъ обладанія Константинополемъ была бы весьма сомнительна уже противъ Англіи и Франціи. Если же принять во вниманіе собственно войну съ Австріею, то русскія войска, находящіяся въ Румелии и Болгаріи, были бы на фальшивой позиціи, были бы отрѣзаны отъ линіи отступленія и подавлены превосходными силами Австріи. Лишь въ томъ случаѣ, еслибы Малая Азія была въ русскихъ рукахъ, и еслибы русскія войска могли всегда удалиться сюда изъ Константинополя, положеніе Россіи въ этомъ городѣ было бы допустимо съ стратегической точки зрѣнія; но въ этомъ случаѣ оно было бы излишнимъ, такъ какъ для недопущенія иностранныхъ судовъ въ Черное море достаточно имѣть въ рукахъ Скутари. Англичане всегда довольствуются лишь однимъ берегомъ пролива, а другой спокойно предоставляютъ инымъ державамъ (Гибралтаръ и Цеута, Адень и Массова)»¹⁾.

Легко видѣть, къ чему клонятся эти разсужденія. Великодушно предоставляя Россіи Малую Азію, Гартманнъ надѣется, что въ будущемъ Константинополь и Салоники будутъ портами состоящей подъ прусско-германскимъ протекторатомъ западно-«славянской» державы. Считаая Россію неспособною къ серьезной наступательной войнѣ, но весьма сильной въ дѣлѣ обороны, Гартманнъ настоятельно рекомендуетъ намъ такія средства обороны, которыя вполне совмѣстимы съ прусскимъ идеаломъ — гегемоніей Берлина надъ всею Западною Европой, со включеніемъ Балканскаго полуострова.

¹⁾ Гартманнъ, повидямому, весьма плохо изучилъ вопросъ о проливахъ. Обладаніе однимъ лишь изъ береговъ Босфора было бы нецѣлостно, такъ какъ Босфоръ въ самомъ широкомъ мѣстѣ, у Буюкъ-Дере, имѣетъ всего 3 версты (3,300 метровъ) ширины, что дало бы возможность противнику, засѣвшему въ Константинополѣ, обстрѣливать азіатскій берегъ. За то обладаніе обоими берегами не только Босфора, но и Дарданеллъ, даетъ возможность поймать въ Мраморномъ морѣ самый сильный флотъ. Англійскій адмиралъ Дуквортъ испыталъ въ 1807 году, послѣ того какъ хитростью форсировалъ проливы, что значить возвращаться домой черезъ Дарданеллы подъ огнемъ даже плохихъ турецкихъ батарей.

Для вящшаго вразумленія русскаго общественнаго мнѣнія, Гартманнъ обязательно сообщаетъ, какъ поступила бы Германія съ Россіей въ случаѣ побѣдоносной борьбы. Эти признанія нѣмецкаго философа особенно характеристичны.

Война съ Россіей была бы, говоритъ Гартманнъ, величайшимъ бѣдствіемъ какъ для Австріи, такъ и для Германіи. О контрибуціи, могущей возмѣститъ матеріальныя потери отъ такой войны, нечего и думать; что же касается территоріальнаго вознагражденія, оно представило бы для Германіи и для Австріи скорѣе бремя, чѣмъ выгоду¹⁾. Единственнымъ средствомъ довести дѣло до конца можетъ быть, по мнѣнію Гартманна, полное разрушеніе русскаго государства.

Здѣсь Гартманнъ опять выражается съ чисто бисмарковскою откровенностью. Онъ утверждаетъ, что ужъ если обстоятельства вынудятъ Германію къ злосчастной войнѣ съ Россіей, тогда придется поступиться многими теоріями, какъ напр., «легитимистическимъ ученіемъ о солидарности правительствъ противъ разрушительныхъ теорій (рѣчь идетъ о нигилизмѣ и сепаратизмѣ) и либеральнымъ ученіемъ о солидарности народовъ». Все это, «идеалистическое доктринерство» должно, по мнѣнію Гартманна замѣниться «конкретно-идеалистической» реальной политикой, которой Германія слѣдовала, напр., во время борьбы французскихъ коммунаровъ съ версальскимъ правительствомъ... Любопытное признаніе солидарности Германіи съ парижской коммуной!

«Повторяю, говоритъ Гартманнъ, что Германія и Австрія ни мало не заинтересованы въ приобрѣтеніи какой бы то ни было части русской территоріи... Но въ случаѣ побѣдоносной борьбы онѣ должны разъ навсегда сдѣлать Россію безвредною. Полезно, чтобы Россія узнала, что ждетъ ее, въ случаѣ, если она нарушитъ миръ и будетъ побѣждена». Затѣмъ предлагается ни болѣе, ни менѣе, какъ «раздѣлъ» Россіи. Финляндію Гартманнъ отдаетъ шведамъ, Бессарабію — румынамъ, Прибалтійской край «съ губерніями Виленской и Ковенской» образуетъ особое «Балтійское» королевство, а область между Днѣпромъ и Прутомъ образуетъ «королевство Кіевское». Между Германіей, Швеціей и Балтійскомъ королевствомъ съ одной стороны, и Австріей, Румыніей и «Кіевскимъ королевствомъ» съ другой—заключаются тѣсныя оборонительно-наступательные союзы. Польша остается въ предѣлахъ 1795 года; Австрія получаетъ полную свободу на Балканскомъ полуостровѣ.

¹⁾ Чисто прусское чванство Гартманна обнаруживается въ словахъ, что если за каждаго убитаго русскаго будетъ убитъ на войнѣ одинъ нѣмецъ, то Германія окажется въ выигрышѣ, такъ какъ каждый нѣмецъ, въ среднемъ выводѣ, представляетъ съ нравственной и матеріальной точки зрѣнія, большую цѣнность, чѣмъ русскій.

Гартманнъ сознается, что Германія и Австрія немного выиграютъ отъ такого раздѣла и даже навяжутъ себѣ тяжелое бремя. «Но это бремя необходимо во избѣжаніе еще худшаго зла — полнаго возстановленія Польши; оно необходимо и для сохраненія возможности пользоваться военными силами Польши противъ Россіи на случай будущей войны».

Россія знаетъ (замѣчаетъ авторъ), что Германія и Австрія ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ допустить возстановленія Польши, не поставивъ на карту своихъ собственныхъ жизненныхъ интересовъ; однако, въ Россіи ошибаются, полагая, что Германія вовсе не способна къ разрѣшенію польскаго вопроса. «Пруссія 1795 года, говоритъ Гартманнъ, была не способна переварить польскія земли, доведшія ее до іенскаго погрома. Но нынѣшняя Германія также легко управится и съ 5 милліонами поляковъ, какъ управляется съ 2 милліонами» ¹⁾).

Такимъ образомъ Гартманнъ угрожаетъ Россіи, въ случаѣ, если она осмѣлится вступить въ борьбу съ Германіей, превратить ее въ «великорусское царство». Особенно любопытно замѣчаніе автора, что къ этому раздѣлу Россіи должны бы, собственно говоря, стремиться и русскіе люди, заботящіеся о національной самобытности! «Только такая насильственная ампутація гнилыхъ членовъ позволила бы Россіи (поучаетъ Гартманнъ) вступить на чисто-национальный путь, прервать всѣ культурныя сношенія съ Западомъ и, ставъ чисто азіатскимъ государствомъ, оградить себя китайскою стѣною отъ Европы».

Высказавъ, такимъ образомъ, свои тайныя вожелѣнія, Гартманнъ пытается, однако, успокоить общественное мнѣніе и показать, что шансы мира почти также велики, какъ и шансы войны. Но все же, сдѣланныя имъ признанія не теряютъ своей цѣны, какъ «философское» выраженіе задушѣнныхъ мыслей всякаго средняго нѣмецкаго бюргера. Мы опускаемъ разсужденія Гартманна о военныхъ силахъ Англіи и его совѣты англичанамъ. Въ видѣ заключенія мы приведемъ лишь тѣ его соображенія, которыя касаются учрежденной княземъ Бисмаркомъ «лиги мира». «Еслибы политикѣ Бисмарка удалось, говоритъ Гартманнъ, составить лигу мира изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, кромѣ Франціи и Россіи, то эти двѣ державы признали бы, наконецъ, бесполезность и тщету своихъ

¹⁾ Весьма любопытно сравнить эти взгляды Гартманна съ статьями газеты «Kreuzzeitung» (за первую четверть 1887 года), въ которыхъ утверждалось, что «въ Берлинѣ серьезно подумываютъ о возстановленіи Польши безъ прусскихъ провинцій». Наиболѣе рѣзкая изъ этихъ статей была вызвана моими статьями по польскому вопросу въ газетѣ «Свѣтъ», гдѣ я указывалъ на ошибки, сдѣланныя нами во время раздѣловъ Польши. На дняхъ «Kreuzzeitung» возобновила польскій вопросъ въ другой формѣ: теперь органъ прусскаго юнкерства совѣтуетъ Австріи овладѣть русскою Польшею.

Авт.

вооруженій, и стали бы постепенно разоруживаться, что, конечно, повело бы за собою и нѣкоторое разоруженіе державъ, образующихъ лигу мира. Полное разоруженіе есть мечта, пока европейскій союзъ не сдѣлаетъ невозможными всякія агрессивныя попытки. Но созданіе европейскаго союза не можетъ быть дѣломъ минуты. Онъ появится лишь какъ результатъ постепеннаго присоединенія довольныхъ своею судьбою среднихъ и мелкихъ державъ къ ядру, образованному средне-европейскимъ тройственнымъ союзомъ».

Событія послѣдняго времени показываютъ, однако, что и Бисмаркъ, и его лейбъ-философъ, не предусмотрѣли лишь одного обстоятельства: возможности постепеннаго распаденія искусственно созданной лиги, и—еще болѣе печальной для Германіи—возможности ея собственнаго полнаго изолированія. Что именно къ этому идутъ теперь событія и въ Сербіи, и въ Румыніи, и даже въ Италиі, въ Венгріи и въ Болгаріи, что германское вліяніе, объ упадкѣ котораго толковалъ самъ Гартманнъ, постепенно исчезаетъ даже изъ сферы международной политики—это ясно теперь даже для слѣпого. Но именно въ этомъ отрадномъ явленіи мы видимъ существеннѣйшій залогъ для европейскаго мира, которому никто и ничто не угрожаетъ, за исключеніемъ стремящагося къ гегемоніи прусскаго милитаризма.

М. Филипповъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛИИ ВЪ ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ XIX ВѢКА ¹⁾.

III.

Охота и попойки.—Крикетъ.—Страсть къ закладамъ.—Театръ какъ забава.—Малолѣтніе феномены.—Поддѣлка Шекспира.—Пожары театровъ.—Каталани.—Пѣвица и императоръ.—Талантъ и спекуляція.—Бунтъ за старья цѣны.—Публика, отстаивающая свои права.—Зрѣлища и увеселенія.—Публичные балы.—Пѣвцы и любители.—Англійскій кадрили.—Изящныя искусства и выставки.—Наука и газеты.—Медицина и моды.—Флотъ и армія.—Мистрисъ Кларкъ и продажа чиновъ.—Герцогъ Йоркскій, принужденный выйти въ отставку.—Дуэли и грабежи.—Полиція.—Кражи и тяжелыя наказанія за нихъ.—Позорный столбъ.—Контрабанда и продажа труповъ.—Смертныя казни.—Государственный измѣнникъ.—Тюрьмы и благотворительныя учрежденія.

ПРИНАДЛЕЖИТЬ ЛИ охота къ числу занятій, которыя оправдываются нравственнымъ ученіемъ? Вопросъ этотъ мыслители рѣшаютъ различно, смотря по тому, охотятся ли за животными, приносящими вредъ въ сельскомъ быту, или за совершенно безвредными, какъ олени и лани, и даже приносящими пользу, какъ всѣ породы птицъ, кромѣ хищныхъ. Медвѣдей и волковъ давно нѣтъ въ Англіи, кабаны исчезли почти совсѣмъ, лисицъ и зайцевъ не такъ много, чтобы они могли существенно вредить крестьянскому хозяйству. Этихъ животныхъ вмѣстѣ съ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 190.

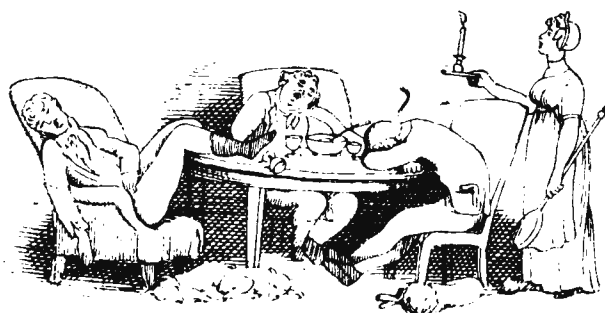
оленьями нарочно разводятъ въ паркахъ, принадлежащихъ богатымъ землевладѣльцамъ и тамъ за ними устраивается охота, дѣлающаяся въ этомъ случаѣ праздною и жестокою забавою. Для нея необходимо держать своры собакъ, а при нихъ людей, отрываемыхъ отъ производительнаго труда. Кромѣ того, такія охоты приносили часто убытокъ крестьянамъ и фермерамъ потравкою ихъ полей и служили только предлогомъ къ попойкамъ и оргіямъ. Хорошо еще, если день, начавшійся охотою, оканчивался вечеромъ сценою, изображенною карикатуристомъ.

Англичане никогда не были хорошими стрѣлками и охотничьи ружья того времени были очень плохи. Не смотря на это и тогда уже существовалъ самый варварскій родъ охоты на птицъ—подстрѣливанье голубей, въ доказательство своего искусства въ стрѣльбѣ. Лѣсную дичь по крайней мѣрѣ употребляли въ пищу, а голубей благородные лорды не ѣли и истребляли ихъ просто изъ любви къ искусству. Рыбная ловля никогда не процвѣтала въ Англии, да и дѣйствительно надо имѣть особенно устроенный организмъ, чтобы просиживать цѣлые часы съ удочкой въ рукѣ, ожидая пока наклевывается какой-нибудь карась. Для этого надо быть идиотомъ, или поэтомъ, что впрочемъ иногда совмѣщается, какъ это ни странно, въ одномъ и томъ же лицѣ.

Но въ чемъ особенно сказывались отличительныя черты англійскаго характера — смѣсь настойчивости съ физическою выносливостью—это въ играхъ и занятіяхъ, требующихъ своего рода ловкости и напряженія силъ. Такова національная игра англичанъ—крикетъ. Но и въ нее въ клубахъ играли на деньги, держали большіе пари, и ставки, судя по газетнымъ объявленіямъ, доходили до тысячи гиней (7,000 рублей). Разнаго рода игры въ мячъ были также въ большомъ ходу, но биллиардными игроками Англія никогда не славилась. Чтобы достигнуть совершенства въ этой игрѣ,—какъ и во всякой другой, впрочемъ—необходимо посвятить ей всю жизнь, упражняясь непрерывно, а на это способенъ только маньякъ, страдающій однопредметнымъ помѣшательствомъ.

Театръ былъ всегда не болѣе какъ забавою для англичанъ, никогда, даже во времена Шекспира, не смотрѣвшихъ на сценическія представленія съ серьезной точки зрѣнія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Лондонѣ было восемь театровъ. Публика вела себя въ нихъ прилично и въ теченіе десяти лѣтъ былъ только одинъ случай сильнаго шума въ дрюриленскомъ театрѣ, когда, во время представленія Ричарда III, какой-то пьяница изъ мѣста въ два шиллинга, галереи верхняго яруса, бросилъ на сцену сначала стаканъ, потомъ бутылку. Пьяницу вытащили изъ галереи и вышвырнули изъ театра. Кромѣ знаменитыхъ артистовъ, Кембля, Сиддонса, и другихъ, столицу восхищали въ это время феноменальный мальчикъ Генрихъ Бетти, прозванный «молодымъ Росціусомъ»

и игравшій первыя роли въ трагедіяхъ Шекспира, хотя ему было только двѣнадцать лѣтъ. Газеты приходили въ восторгъ отъ его игры, хотя трудно повѣрить, чтобы ребенокъ могъ передавать всѣ тонкости чувства и всю энергію страсти. Его представили королю и онъ продолжалъ играть до 17-ти лѣтъ, когда поступилъ въ кембриджскій университетъ. Потомъ онъ былъ корнетомъ въ кавалерійскомъ полку, оставилъ военную службу, чтобы снова выступить на сцену, наконецъ простился вовсе со сценой, когда ему было 32 года. Одно уже это доказываетъ, что онъ не былъ истиннымъ артистомъ: такіе не покидаютъ никогда такъ рано сценическую карьеру, а феноменальныя дѣти оказываются обыкновенно въ зрѣломъ возрастѣ все же заурядными людьми. Въ 1805 году выступилъ на сцену въ Дублинѣ еще одинъ феноменъ—семилѣтняя дѣвочка Моді. Послѣ успѣховъ въ столицѣ Ирландіи, въ Ли-

Вечеръ охотничьяго дня.

верпуль, Бирмингамъ и другихъ городахъ, она появилась и въ ковенгарденскомъ театрѣ, въ комедіи, гдѣ исполняла роль замужней женщины. Это могло быть любопытно, но ужъ никакъ не эстетично и газетные отзывы о Моді были довольно сухи, хотя и признавали въ ней дарованіе. Она скоро исчезла со сцены и дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна. Въ 1805 году вышла любопытная книга «Признанія Вильяма Генри Эйрленда, заключающія въ себѣ подробности его поддѣлки шекспировскихъ пьесъ». Этотъ смѣлый фальсификаторъ, поставившій въ концѣ XVIII вѣка на сцену трагедію «Вортигернъ и Ровена», будто бы принадлежащую Шекспиру и выпустившій затѣмъ въ свѣтъ еще нѣсколько подобныхъ поддѣлокъ, никого, впрочемъ не обманувшихъ, вздумалъ печатно признаться въ этомъ и даже представилъ въ своей книгѣ рецептъ, какъ надо составлять шекспировскія трагедіи. Книга Эйрленда помѣшала успѣху другой поддѣлки. Кто-то объявилъ въ газетахъ, что нашелъ въ старой книгѣ локонъ Шекспира и продавалъ этотъ локонъ тому, кто за него больше дастъ. Когда же увидѣли, что можно поддѣлывать и пьесы Шекспира, поддѣланный локонъ

«истор. вѣстн.», май, 1889 г., т. xxxvi,

проданъ былъ съ аукціона за ничтожную цѣну. Успѣху театровъ мѣшали частые пожары въ нихъ. Только-что начали строить новый циркъ, на мѣсто сгорѣвшаго въ 1808 году вмѣстѣ съ коventгарденскимъ театромъ, какъ сгорѣлъ и дрюриленскій, хотя въ немъ была желѣзная занавѣсъ и громаднѣйшій водоемъ надъ крышей, который могъ въ четверть часа залить всю залу. Шериданъ перенесъ хладнокровно потерю этого театра, въ который вложилъ все свое состояніе и сказалъ только, присутствуя на пожарѣ: «гдѣ же и можно такъ погрѣться какъ не на своемъ собственномъ огонькѣ». Эти частые пожары театровъ имѣли однако послѣдствіемъ возвышеніе цѣнъ на мѣста въ новопостроенныхъ зданіяхъ и противъ этого возстала англійская публика, вѣчная противница всякихъ нововведеній. Цѣны поднялись не больше какъ на шиллингъ и вообще были очень невелики: 7 шиллинговъ ложи, четыре—партеръ, галерея, гдѣ цѣны остались старыя—два шиллинга. Но публика была больше всего недовольна тѣмъ, что лишнія, взимаемая съ нея, деньги шли на жалованье иностраннымъ, а не отечественнымъ артистамъ. Особенно возставали противъ огромнаго содержанія, получаемого Анджеликою Каталани.

Эта пѣвица уже двѣнадцати лѣтъ восхищала всѣхъ своимъ голосомъ, когда воспитывалась въ монастырѣ св. Лучіи въ Губбіо. 16-ти лѣтъ она уже пѣла на театрѣ въ Венеціи, потомъ являлась на сценѣ всѣхъ главныхъ итальянскихъ городовъ и, выйдя въ Лиссабонъ за Валабрега, французскаго офицера при португальскомъ посольствѣ, пріѣхала въ Парижъ, гдѣ пѣла впрочемъ только въ концертахъ, а въ октябрѣ 1806 года, прибывъ въ Лондонъ, произвела фуроръ въ итальянской оперѣ. Въ одинъ театральнѣйшій сезонъ, продолжавшійся четыре мѣсяца, она получила 180,000 франковъ, кромѣ 60,000 собранныхъ ею концертами и пѣніемъ на вечерахъ въ высшемъ кругу. За исполненіе одной аріи или гимна «God save the King» и «Rule, Britannia, the waves» на дрюриленскомъ или коventгарденскомъ театрѣ она получала 200 гиней (до полутора-тысячи рублей). Эти суммы возмущали патріотовъ, потому что первые англійскіе артисты не получали за вечеръ болѣе 75-ти фунт. стерлинговъ. И вотъ, начались нападки на Каталани: карикатуры изображали ее кошкою, осмѣивая ея страсть къ руладамъ, хотя она давно уже забыла уроки сопраниста Маркези, проповѣдывавшаго, что величайшее искусство пѣнія заключается въ полосканіи горла высокими нотами. Въ Италиі, слѣдуя модѣ, пѣвица дѣйствительно злоупотребляла фіоритурами и трелями, но въ Лондонѣ она слѣдовала методѣ своего учителя Крешентини, научившаго ее управлять своимъ огромнымъ голосомъ и правильно фразировать. Поэтому пѣвицѣ не трудно было побѣдить нерасположеніе публики и, на второй же годъ своего пребыванія въ Англии, Каталани сдѣлалась любимицею англичанъ, болѣе всего за то, что

она не любила Наполеона и не хотѣла пѣть въ Парижѣ, не смотря на успѣхъ, встрѣтившій ее въ этомъ городѣ. Но ее хотѣлъ удержатъ тамъ насильно императоръ французовъ и гордость артистки и женщины возмущалась. Еще въ Лисабонѣ она заключила, черезъ посредство англійскаго посланника въ этомъ городѣ, условіе съ лондонскимъ импрессарио и подписала контрактъ. Наполеонъ зналъ объ этомъ и велѣлъ ей явиться въ Тюльери послѣ одного концерта. Занятый чѣмъ-то, онъ заставилъ ее дожидаться, затѣмъ аудіенція заключалась только въ томъ, что онъ подойдя къ ней сказалъ авторитетнымъ тономъ, недопускающимъ возраженія: «я слышалъ вы хотите ѣхать въ Лондонъ. Пустяки. Вамъ надо оставаться въ Парижѣ. Здѣсь талантъ вашъ лучше оцѣнятъ и заплатятъ вамъ больше. Вы будете получать сто тысячъ франковъ въ годъ и двухъ

Карикатура на Каталани.

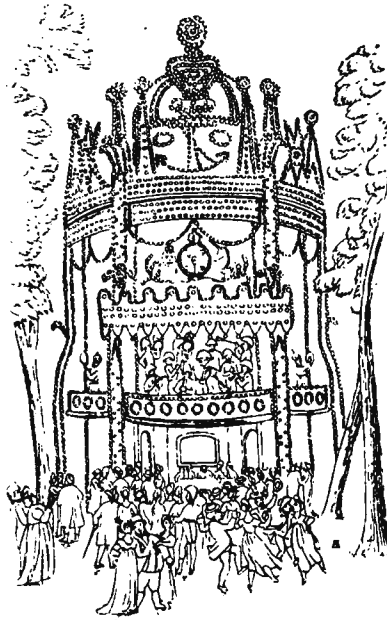
Каталани.

мѣсячный отпускъ. Это рѣшено. Прощайте. Мнѣ некогда, я тороплюсь». Но Каталани не хотѣла подчиниться деспотизму, предписывавшему свою волю даже талантамъ. Тайкомъ и безъ паспорта уѣхала она изъ Франціи, сѣвъ въ Морле на англійское судно, пріѣхавшее для размѣна плѣнныхъ. За содѣйствіе бѣгству пѣвицы капитанъ судна не поцеремонился однако взять съ нея 3,000 франковъ. Англійское правительство очень дорожило этою артистическою непріятельницею Наполеона и, при всякой его побѣдѣ, заставляло ее пѣть на королевскомъ театрѣ англійскую марсельезу «God save the King»,—для возбужденія патріотическаго энтузіазма своихъ подданныхъ. Когда въ Лондонѣ кончался театральнй сезонъ, Каталани объѣзжала Англію и Шотландію, давая концерты. Даже ограбленная Ирландія продавала свои рублища, чтобы послушать знаменитую пѣвицу. Она собирала громадныя деньги и могла бы нажить милліоны, еслибы ея мужъ, блестящій капитанъ, не проигрывалъ ихъ въ карты. Да и сама она, живя чрезвычайно

роскошно, тратила безъ разчета громадныя суммы. Чтѣ легко достается, то и легко выскользаетъ изъ рукъ.

Проведя семь лѣтъ въ Англіи, Каталани, въ 1814 году, вѣхала въ Парижъ, вмѣстѣ съ союзными арміями, и дала въ пользу бѣдныхъ концертъ, съ такимъ же успѣхомъ какъ въ 1806 году. Въ дальнѣйшей судьбѣ ея была и поучительная сторона. Во время ста дней, она явилась въ Гентъ къ Людовику XVIII, знавшему ее еще въ Англіи и всегда относившемуся къ ней весьма благосклонно. Въ первые мѣсяцы второй реставраціи, она пѣла въ Гамбургѣ, Даніи, Швеціи и, черезъ Брюссель и Амстердамъ, вернулась въ Парижъ, вездѣ, конечно, собирая дань золота и рукоплесканій. Людовикъ XVIII далъ ей въ управленіе Итальянскій театръ и 160,000 франковъ ежегодной субсидіи. И тогда парижская итальянская опера начала быстро клониться къ упадку. Супругъ пѣвицы, желая, что бы публика слухала только его жену, не допускалъ въ оперу никакихъ талантовъ. Оркестръ и хоры были значительно сокращены, чтобы большая часть субсидіи оставалась въ пользу дирекціи театра. Оперы давались только такія, гдѣ пѣла Каталани, да и изъ нихъ выбрасывались цѣлыя роли, аріи и сцены другихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Любимыми нумерами репертуара Каталани были: варіаціи Роде, арія изъ «Мельничихи» Паззіелло *Nel cor più non mi sento*, каватинны изъ устарѣвшихъ, плохихъ оперъ Португалло, Пучиты. Какъ ни любили парижане пѣвицу, но вѣчное повтореніе одного и того же не могло не прискучить. Въ апрѣлѣ 1818 года она отказалась отъ управленія оперою, доведя ее до послѣдней степени упадка и потерявъ до 500,000 франковъ собственныхъ денегъ и уваженіе публики. Чтобы поправить свое состояніе, она пустилась опять въ артистическое путешествіе, пѣла въ Германіи, но уже далеко не съ прежнимъ успѣхомъ, такъ какъ голосъ ея пострадалъ отъ времени. Въ 1823 году она была въ Варшавѣ, гдѣ Александръ I отнесся къ ней чрезвычайно благосклонно; въ 1827 года пѣла послѣдній разъ въ Берлинѣ и удалилась въ свою виллу во Флоренціи, гдѣ жила окруженная всеобщимъ уваженіемъ. Хорошая мать и жена, она дѣлала много добра и основала въ своемъ родномъ городѣ Синигальи музыкальную школу для бѣдныхъ дѣвицъ. Боязнь холеры, появившейся въ Италіи въ 1849 году, заставила ее уѣхать въ Парижъ, но болѣзнь развилась и тамъ и Каталани сдѣлалась ея жертвою на 70-мъ году. Это была одна изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ пѣвицъ въ исторіи искусства, хотя какъ актриса была очень слаба. Жесты ея на сценѣ были нервны и конвульсивны, въ глазахъ—странное, растерянное выраженіе, полное отсутствія естественности и увлеченія. Но голосъ ея былъ удивительный—чистое сопрано съ діапазономъ въ три октавы, отъ нижняго *la* до верхняго *si*, ровное, гибкое, металлическое. Хроматическія гаммы и всѣ музыкальныя украшенія она выдѣлывала

съ неимовѣрною легкостью и чистотою, вокализація блистательная. Она не злоупотребляла какъ Рубини переходами отъ *mezza voce* къ энергическимъ нотамъ. Особенно эффектно выходило у нея стакато на нотахъ хроматической гаммы, чѣмъ въ послѣдствіи славились Зонтагъ и Персіани. Музыку она знала плохо, читать прямо съ листа не умѣла, не играла ни на какомъ инструментѣ и ей постоянно нуженъ былъ акомпаниаторъ. Но однажды изучивъ музыкальную пьесу, она уже никогда не сбивалась. Это была настоящая концертная пѣвица, о которой можно сказать тоже, что говорилъ одинъ отецъ церкви о діалектикѣ софистовъ: «*circum grae-*

Вокзалъ 1808 года.

cordia ludit);—ея пѣніе также потрясало предсердіе, никогда не проникая въ сердце.

Мы остановились нѣсколько долѣе на Каталани не только потому, что она была первая пѣвица нашего вѣка,—обширностью и силою голоса никто не превосходилъ ее, хотя многія были выше ея какъ драматическія пѣвицы,—но и потому, что она дала поводъ къ событію, занесенному въ исторіи театра подъ названіемъ «бунтъ за старыя цѣны» (*old prices riot*). Мы говорили уже, что Лондонъ былъ не доволенъ возвышеніемъ цѣнъ въ новоотстроенномъ послѣ пожара ковентгарденскомъ театрѣ. Въ день его открытія, 18 сентября 1809 года, въ газетѣ «*Morning Post*» явилось возраженіе

директора театра, знаменитаго актера Кембля, любимаго публикою за его дарованіе, но не за управленіе театральными дѣлами. Кембль разбиралъ по пунктамъ возведенныя на него обвиненія и весьма логично доказывалъ ихъ неосновательность. Такъ ошибочно утверждали, что матеріаль отъ сгорѣвшаго театра стоилъ до 25,000 стерлинговъ и Кембль доказывалъ, что не выручилъ за него и тысячи, такъ какъ весь кирпичъ, перегорѣвшій въ пожарѣ, оказался негоденъ для новой постройки. Страховое общество выдало дѣйствительно значительную сумму Кемблю, но большая часть ея пошла въ уплату за дома, сломанные вокругъ новаго театра, чтобы сдѣлать его болѣе безопаснымъ въ пожарномъ отношеніи. Въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ одинъ говорилъ, что цѣны увеличили и потому, что слишкомъ дорого платятъ Каталани. Кембль говорилъ, что увеличеніе содержанія артистамъ необходимо и сдѣлано прежде всего для англійскихъ актеровъ, получающихъ въ сложности до 32,000 ф. стерлинговъ. Одна мистрисъ Сиддонсъ получала 50 гиней за представленіе и полный бенефисъ. Всѣ эти объясненія ни къ чему не послужили и не успокоили публику. Вечеромъ того же дня, для открытія театра назначены были «Макбетъ» и комедія «Квакеры». Но публика, собравшаяся въ огромномъ числѣ, не дала даже начать пьесы Шекспира. При поднятіи занавѣси Кембль прочелъ монологъ. Думали, что онъ будетъ объяснять причины возвышенія цѣнъ на мѣста, но онъ говорилъ объ Эсхилѣ, Софоклѣ и Тесписѣ. Ему не дали кончить—и стали пѣть «Боже царя храни». Затѣмъ начались крики: «долой Кембля! Не нужно театральныхъ Наполеоновъ-деспотовъ! Не надо надбавокъ и вымогательствъ! Долой иностранцевъ! Прочь Каталани!» Кто-то изъ ложи началъ усовѣщивать расхорившихся зрителей, но его, конечно, никто не слыхалъ, за поднявшимся шумомъ и свистомъ. На сцену вышелъ судья и прочелъ законъ о бунтахъ. Публика очистила залу и спектакль не состоялся.

На другой вечеръ въ театрѣ повторились тѣ же сцены, только еще съ большею силою, такъ какъ въ теченіе дня инсургенты успѣли организовать и сговориться. Въ партерѣ явилось множество знаменъ съ надписью «Старыя цѣны!» съ возваніями къ сопротивленію. Отрядъ констаблей бросился въ партеръ, чтобы захватить знамена и знаменосцевъ. Началась свалка. Въ воздухѣ засвистѣли палки и удары посыпались на полисменовъ. Съ трудомъ удалось очистить зрительную залу отъ сражающихся, изъ которыхъ многіе заплатились значительными увѣчьями. На третій день безпорядки возобновились еще въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Кембль вышелъ на сцену во фракѣ съ шляпою въ рукѣ и началъ говорить къ публикѣ: «леди и джентльмены! позвольте мнѣ увѣрить васъ, что владѣльцы театра ничего болѣе не желаютъ какъ исполнить ваши требованія. Потрудитесь заявить ихъ». Слова

эти были встрѣчены криками: «вы знаете, чего мы хотимъ! Это новое оскорбленіе! Долой его!» Поднялся такой страшный шумъ, что нельзя было слышать объясненій Кембля и онъ принуждёнъ былъ уйти со сцены. Тѣ же крики и завыванья, тотъ же гамъ и неистовый шумъ, производимый трещетками, свистками, трубами, колокольчиками, продолжались нѣсколько вечеровъ сряду. Толпа собиралась въ партеръ, чтобы мѣшать представленію. Явились даже медали съ изображеніемъ Джонъ Булля верхомъ на ослѣ съ лицомъ Кембля, подгоняемомъ бичомъ съ надписью: «старыя цѣны». На ободкѣ надпись: «наши права и привилегіи неприкосновенны».

Домашній концертъ.

Кембль объявилъ, что онъ проситъ избрать комитетъ, которому онъ предъявитъ всѣ свои книги въ доказательство необходимости увеличенія цѣны. Театръ былъ закрытъ на недѣлю. Комитетъ удостовѣрилъ правильность показаній директора театра, но это не успокоило протестующихъ зрителей и беспорядки возобновились 4-го октября, при открытіи театра. Полиція забрала игравшихъ въ партерѣ на трубахъ, сковородахъ, бубнахъ и на другихъ инструментахъ, но это ничему не помогло: начались подражанія голосомъ реву дикихъ звѣрей, визгу поросятъ, лаю собакъ и тутъ было трудно найти виновныхъ. Беспорядки, прерывавшіе спектакль, продолжались весь октябрь. Имъ положили конецъ строгіе приговоры судей по рѣшенію присяжныхъ засѣдателей. Но еще въ ноя-

брѣ чернь перебила стекла въ домѣ Кембля. Въ декабрѣ упрямый директоръ уступилъ наконецъ требованію публики: мѣста въ партерѣ были понижены до прежней цѣны: 3 шиллинга 6 пенсовъ. Публика объявила, что она удовлетворена, но съ открытія слѣдующаго сезона, въ октябрѣ 1810 года, возобновились тѣ же безпорядки; хотя уже по другой причинѣ. Одною изъ причинъ недовольства публики противъ дирекціи коventгарденскаго театра было устройство въ немъ частныхъ ложъ, отдаваемыхъ на весь сезонъ богачамъ, убравшимъ эти ложи по своему вкусу и устраивавшимъ сзади ихъ отдѣльные кабинеты, гдѣ, во время спектакля, происходили нерѣдко грязныя оргіи. Дирекція обѣщала уничтожить эти вертепы разврата и продавать желающимъ всѣ ложи отдѣльно каждый вечеръ. Когда же при открытіи сезона публика увидала, что это обѣщаніе не было выполнено, она возобновила безпорядки прошлаго года. Дирекція должна была еще разъ покориться общественному требованію и передѣлала въ театрѣ ложи, уничтоживъ отдѣльные кабинеты при нихъ.

Кромѣ театровъ, фешенебельная публика посѣщала маскарады и специальный театральный клубъ, носившій названіе «Пикникъ-клубъ». Членами его были принцъ Уэльскій и богатѣйшіе лорды, дамы также въ немъ участвовали и газетная хроника называла ихъ по именамъ: леди Бокингамшейръ, Салисбюри, Джерсей, мистрисъ Фитцгербергъ и др. На сценѣ этого клуба игрались маленькія пьесы, читались монологи, затѣмъ ужинали. Клубъ этотъ просуществовалъ, впрочемъ, недолго. Публика восхищалась также автоматами, между которыми двѣ деревянныя красавицы разыгрывали на фортепіано очень трудныя пьесы, смотрѣла выставку картинъ, вышитыхъ шерстью. Одну изъ такихъ картинъ, копію съ Карло Дольче, художница миссъ Линвудъ отказалась продать за 3,000 гиней, но поднесла ее королевѣ. Въ клубѣ «Альмакъ» давались балы по подпискѣ для высшаго общества съ платой за входъ по гинее. Смотрѣли также охотно панорамы, фантазмагоріи, звѣринцы. Въ Лейсестеръ-скверѣ показывали «невидимую дѣвицу». Это былъ—стеклянный шаръ, спускавшійся по лентѣ съ потолка. Отъ шара шла небольшая труба, въ которую посѣтитель дѣлалъ вопросы невидимой особѣ и, приставивъ трубу къ своему уху, получалъ отвѣты, болѣе или менѣе остроумные относительно настоящаго или будущаго. Невидимка вѣрно описывала, между прочимъ, наружность бесѣдовавшаго съ ней, чего не дѣлаютъ телефоны нашего времени. За входъ брали 2½ шиллинга. Славилась также два танцевальныя заведенія — Вокзалъ (Fox-hall), называвшійся сначала «Лѣтнимъ садомъ» и Ранелагъ. Они открывались въ маѣ и закрывались въ концѣ августа только три раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ. Благочестивые англичане не допускали никакихъ увеселеній въ воскресенье, но не считали,

по крайней мѣрѣ, канунъ праздника Господня днемъ печали и воздыханія. За входъ брали 3½ шиллинга. Музыка и освѣщеніе сада весьма порядочныя, въ саду устроены гроты и ниши для уединенныхъ бесѣдъ. Народу собиралось отъ 5-ти до 15.000. Вечеръ начинался концертомъ, на которомъ исполняли такъ называемую садовую музыку и пѣли романсы и аріи изъ оперъ. Англичане всегда дѣлали видъ, что любятъ музыку, хотя мало знали въ ней толкъ. Модными пѣвицами были мистрисъ Биллингтонъ,

Вальсъ 1810 года.

перешедшая потомъ на королевскій театръ и получавшая до 10,000 ф. стерл. въ годъ, и итальянка Мара, потерявшая голосъ въ 1805 году. Изъ пѣвцовъ славился сопранистъ Брагамъ. Лучшій піанистъ былъ Клементи, скрипачъ Крамеръ—оба иностранцы. Но и между коренными англичанами встрѣчались любители камерной музыки, замѣнявшіе талантъ усердіемъ, все превосмогающимъ. Такихъ любителей изобразилъ Джильрай въ своей карикатурѣ «Домашній концертъ», мастерски передавшій выраженіе физиономій двухъ флейтистовъ, стараго скрипача, подагрика віолончелиста и дамы, аккомпанирующей на фортепіано этому семейному квартету. Въ Лон-

донѣ было нѣсколько концертныхъ обществъ, исполнявшихъ по временамъ симфоніи знаменитыхъ композиторовъ, конечно, иностранныхъ, потому что и въ этомъ родѣ музыки между англичанами не было ни одного выдающагося композитора или даже исполнителя. Шотландскіе музыканты, игравшіе на волынкахъ, возбудили большой энтузіазмъ. Въ это время вошелъ въ моду англійскій кадрилъ (countrydance—контредансъ) и вальсъ; послѣдній танцовали преимущественно въ лѣтнихъ садахъ, хотя длинные шлейфы дамъ буквально «связывали» танцоровъ, какъ изображаетъ карикатура той эпохи.

Изъ другихъ изящныхъ искусствъ, живопись процвѣтала нѣсколько болѣе музыки. Существовала «Королевская академія искусствъ», основанная въ 1765 году. Но не было еще «Національной галлерей живописи», открытой только въ 1824 году. Лучшими живописцами того времени были Фюзели, Лоутербургъ, Вильямъ Турнеръ—лучшій пейзажистъ, Томасъ Лауренсъ—портретистъ и Давидъ Вильки—жанристъ. Экцентричный Морландъ, умершій въ 1806 году сорока двухъ лѣтъ, писалъ только свиней и домашній скотъ. Посмертная выставка его произведеній привлекала знатоковъ, и картины его разошлись по значительной цѣнѣ. Между скульпторами самый замѣчательный—Джонъ Флакманъ, выдающіеся граверы Роулансонъ, Джильрай и братья Крюкшпанкъ. Лордъ-меръ Бойдель былъ самъ искуснымъ граверомъ и тратилъ большія суммы на иллюстраціи отечественныхъ писателей. Великолѣпное изданіе «Шекспировской галлерей» съ гравюрами стоило ему до 350,000 ф. стерлинговъ и чтобы спасти издателя отъ банкротства ему разрѣшили разыграть въ лотерею доски и оттиски этого изданія. Выставки двухъ обществъ акварельной живописи привлекали многочисленную публику. Открывались коллекціи археологическія и антикварныя. Раскопки въ Помпеи двинули впередъ изученіе классическихъ древностей. Маіоръ Оуселей привезъ изъ Бенгала 15,000 санскритскихъ, персидскихъ и арабскихъ рукописей, кромѣ обширнаго музея восточныхъ рѣдкостей.

Изъ газетъ той эпохи до нашего времени дожили только «Morning Post» и «Times». Онѣ платили казнѣ 3 пенса штемпельнаго налога за каждый экземпляръ, а съ іюля 1804 года 3½; за листъ приложеній съ объявленіями взималось сверхъ того по пенсу, за календари и альманахи брали 5—10 шилинговъ. Этотъ непомѣрный налогъ ложился тяжелымъ гнетомъ на періодическую печать. Въ 1809 году «Morning Post» вынужденъ былъ поднять цѣну каждаго нумера до 6½ пенсовъ. Въ 1806 году этой газеты расходилось ежедневно всего 4,000 экземпляровъ, а во время засѣданія парламента 5,000, «Times»—отъ 7-ми до 8,000. Каждая газета доказывала, что у нея больше читателей.

Доступъ въ Британскій музей, пополнившійся тогда египетскими

коллекціями, былъ сопряженъ съ большими затрудненіями. Надо было записать свое имя и адресъ въ особую книгу и, получивъ билетъ, выдаваемый только на одинъ день, посвятить осмотру три часа: часть въ отдѣлѣ рукописей и медалей, часть въ коллекціяхъ естественной исторіи и промышленности и часть въ библіотекѣ. Впускали бесплатно отъ 9-ти до 3-хъ часовъ, кромѣ субботы, Рождества, постовъ, Троицына дня. Было еще въ Лондонѣ нѣсколько частныхъ музеевъ и коллекцій естественноисторическихъ и анатомическихъ. Одинъ изъ такихъ музеевъ, заключавшій въ себѣ 7,879 предметовъ, былъ разыгранъ въ лотерею, въ 1806 году.

Выставка картинъ Морланда.

Въ первые годы нынѣшняго столѣтія продолжали еще удивляться открытіямъ, сдѣланнымъ въ концѣ прошлаго, но оспариваніе имѣло и тогда уже своихъ противниковъ, а гальванизмомъ воспользовался американскій шарлатанъ Перкинсъ, открывшій въ 1809 году въ Лондонѣ врачебное заведеніе, Perkinson Institution— для леченія всѣхъ болѣзней посредствомъ «металлическихъ извлека- телей». Сколько можно понять изъ газетъ того времени—эта мод- ная система была очень не хитрымъ изобрѣтеніемъ. Перкинсъ увѣ- рялъ, что между металлами, соединенными между собою, многіе обладаютъ цѣлебными свойствами; таковы соединенія мѣди съ цин- комъ и небольшимъ количествомъ золота, желѣза съ серебромъ и платиною и пр. Точная пропорція между металлами не была не- обходима; заостривъ ихъ въ формѣ иголь, ими прокалывалось больное мѣсто и болѣзненное начало привлекалось на поверхность кожи и уничтожалось силою гальванически соединенныхъ разнородныхъ ме-

таловъ. Увѣряли, что такимъ способомъ излечивались всякаго рода болѣзни: рожа, подагра, прекращались тотчасъ же воспалительный процессъ и нагноеніе обжоговъ и т. п. Какъ во всѣхъ чудотворныхъ системахъ леченія, основанныхъ на довѣрчивости и суевѣріи, являлись сотни лицъ, кричавшихъ о томъ, что они спасены благодѣтелями человѣчества. Какъ всегда вѣстовщики и газеты разглашали случаи счастливаго излеченія и умалчивали о несчастныхъ и неудавшихся попыткахъ. Странно, что методъ Перкинса, заимствованный имъ изъ акупунктуры среднихъ вѣковъ, не перешелъ въ наше время, возобновляющее въ нѣсколько измѣненномъ видѣ всѣ старыя медицинскія шарлатанства: месмерическій гипнотизмъ, распайлевскую бактериологію, электрогомеопатическія крупинки Маттеи, даже присницовскую воду, принявшую видъ чудотворной

Мистрисъ Кларкъ, принимающая высшихъ военныхъ и духовныхъ сановниковъ.

водицы барона Вревскаго... Занимались также и настоящими опытами гальванизма, производя ихъ надъ трупами повѣшенныхъ преступниковъ. Пробовали примѣнять электрогальванизмъ и къ леченію помѣшанныхъ, но отказались отъ него послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ. Покрайней мѣрѣ положеніе этихъ несчастныхъ улучшилось въ это время, и изъ домовъ умалишенныхъ исчезли цѣпи и бичи, составлявшіе главное основаніе прежней системы леченія сумасшедшихъ.

Особенно значительныхъ открытій въ области наукъ не было сдѣлано въ это время, хотя имена Фарадея, Волластона, Румфорда, Кавендиша, Гомфри Деви уже приобрѣли извѣстность. Пароходъ Фультона появился въ 1803 году на Сенѣ, въ 1806 въ Нью-Йоркѣ, но до паровоза человѣчество еще не додумалось, хотя рельсы уже

существовали въ угольныхъ косяхъ, но уголь развозили лошадыми. Изобрѣтена была въ это время только машина для выдѣлки бумаги. Добываніе каменнаго угля и торговля имъ приносили большія выгоды. Вальтеръ, собственникъ газеты «Times», былъ сначала коммисіонеромъ по продажѣ угля и, наживъ этимъ порядочное состояніе, купилъ газету, которую сумѣлъ сдѣлать вскорѣ главнымъ органомъ Сити.

Англійскій флотъ находился въ цвѣтущемъ положеніи, хотя жизнь и служба на кораблѣ была очень тяжела не только для матросовъ, но и для офицеровъ. Въ 1808 году было до 800 военныхъ кораблей, между которыми 144 линейныхъ. Экипажъ ихъ состоялъ изъ 100,000 человекъ, привлекаемыхъ насильственными мѣрами на службу отечеству. Система захвата ночью въ тавернахъ и на улицахъ столицы гулякъ, тотчасъ же отправляемыхъ въ га-

Кающійся герцогъ.

вань, на корабли, практиковалась въ 1810 году точно такъ же, какъ въ XIV столѣтіи. Понятно, что при такой системѣ набора матросовъ, они нерѣдко бунтовались особенно въ открытомъ морѣ и въ колоніяхъ и овладѣвали кораблями, побросавъ офицеровъ за бортъ. Газеты сообщали судебныя слѣдствія о подобныхъ случаяхъ. Виновики ихъ наказывались обыкновенно повѣшеніемъ на главной мачтѣ. Въ 1810 году, въ сухопутной англійской арміи было 105,000 солдатъ, кромѣ наемныхъ иностранныхъ легионовъ, въ родѣ полка баварцевъ. Армія сражалась за границую, въ Англіи оставались только волонтеры и милиція. Они же исполняли и полицейскія обязанности и обязаны были по праздникамъ и въ торжественные дни присутствовать въ церквяхъ при богослуженіи, и на парадахъ привѣтствовать короля и августѣйшее семейство. Полкъ волонтеровъ состоялъ изъ 8—12 ротъ по 120-ти человекъ въ каждой, съ капитаномъ и двумя субалтернъ-офицерами. Солдаты получали по шиллингу въ день, офицеры отъ 4 до 10-ти, мундиръ ихъ былъ

красный, въ артилеріи синій, въ стрѣлковомъ батальонѣ зеленый съ черною портупеею.

Сухопутныя войска въ Англіи не пользовались особеннымъ почетомъ: храбростію на поляхъ битвъ они не отличались. Солдаты не любили своихъ начальниковъ, потому что военные чины въ полку пріобрѣтались не заслугами, а покупкою, и полковые и ротные командиры, заплатившіе порядочныя деньги за свои мѣста, старались наверстать этотъ расходъ экономіею въ свою пользу разнаго рода солдатскихъ суммъ. Офицеры не любили подвергать себя опасности въ сраженіяхъ, а съ солдатами обращались высокомѣрно и презрительно. Военная администрація, сосредоточенная въ столицѣ, допускала страшныя злоупотребленія въ арміи, славилась продажностію и взяточничествомъ. Главнымъ начальникомъ военного управленія былъ герцогъ Йоркскій, второй сынъ Георга III, личность совершенно бездарная, мелочная и разгульная. Въ войнѣ съ республиканскою Франціей онъ былъ главнымъ начальникомъ союзнаго австрійскаго корпуса и въ 1793 году былъ разбитъ на голову въ Голландіи при Гандешоотѣ и Тюркуенѣ. Также неудачно кончилась и попытка его возстановить на престолѣ Оранскую династію. И отъ этого-то неудавшагося полководца зависѣло назначеніе на высшія должности въ арміи. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ и оснабрюкскимъ епископомъ и въ этомъ званіи сдѣлался ненавистенъ всѣмъ фанатическими преслѣдованіями католиковъ. Продажею мѣстъ въ военномъ вѣдомствѣ завѣдывалъ, впрочемъ, не онъ самъ, а его любовница мистрисъ Кларкъ, отъ которой зависѣлъ весь генеральный штабъ, все интендантство англійской арміи. Мери Анна Кларкъ происходила изъ низшихъ слоевъ общества и съ молодыхъ лѣтъ отличалась легкимъ поведеніемъ. Выйдя замужъ за подрядчика по каменнымъ работамъ, вскорѣ обанкротившагося, она развелась съ нимъ и начала вести въ Лондонѣ веселую жизнь. Красивая собой, она пробовала даже вступить на сцену и играла роль Порціи въ «Венеціанскомъ купцѣ». Но сцена служила ей только рекламою и, сдѣлавшись извѣстною въ кругу доступныхъ всѣмъ красавицъ столицы, она пріобрѣла вскорѣ же многочисленныхъ поклонниковъ и жила на ихъ счетъ роскошно и открыто. У нея собирались лондонскіе гуляки, принадлежащіе къ высшимъ сферамъ общества и, наконецъ, она сдѣлалась патентованной фавориткой брата короля, не очень щедро оплачивавшаго ея привязанность, но за то предоставившаго ей продажу военныхъ должностей. И Кларкъ занималась усердно этимъ выгоднымъ дѣломъ, удѣляя и своему августѣйшему содержателю частицу своихъ барышей. Наконецъ, къ ней являлись не только полковники и генералы, жаждущіе выгодныхъ мѣстъ въ арміи, но и духовныя лица, такъ какъ герцогъ Йоркскій раздавалъ и священническія мѣста, какъ епископъ Оснабрюка. До насъ дошла современная карика-

тура, изображающая пріемъ высшихъ военныхъ и духовныхъ чиновъ этою всевластною фавориткою. Пасторъ на рисункѣ—о'Мира, которому Кларкъ доставила званіе королевскаго проповѣдника. Продажа чиновъ при посредствѣ мистрисъ Кларкъ велась очень открыто, такъ что на этотъ скандалъ обратилъ вниманіе парламентъ, а въ январѣ 1809 года маіоръ Вордль подалъ жалобу въ нижнюю палату, прося о прекращеніи такой цинической торговли. Кларкъ была призвана въ судъ, но палата не усмотрѣла въ этомъ дѣлѣ ни подкупа, ни преступнаго сообщничества съ герцогомъ Йоркскимъ и оправдала ее. Чтобы удовлетворить, однако, нравственному чувству общества, оскорбленнаго этимъ скандальнымъ дѣломъ, герцогъ сложилъ съ себя званіе начальника военнаго вѣдомства, положивъ свою отставку и мундиръ къ ногамъ глубоко-огорченнаго монарха.

Констебли.

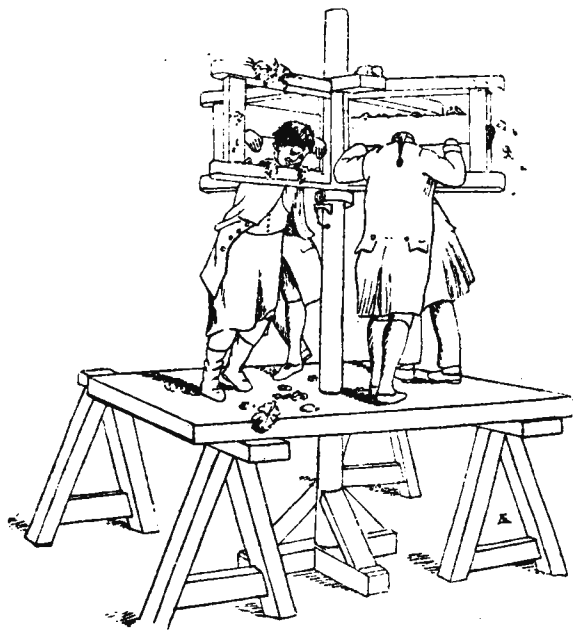
Дуэли такъ рѣдко случаются въ Англіи, что происходившая въ апрѣлѣ 1803 года между полковникомъ Монгомери и капитаномъ Макламара долго занимала весь Лондонъ. Благородные представители англійской арміи стрѣлялись потому, что въ Гайдъ-паркѣ подрались ихъ собаки.—«Если вапа собака еще разъ бросится на мою,—вскричалъ полковникъ,—я застрѣлю ее».—«Очень хорошо, сэръ,—отвѣчалъ капитанъ,—но вы говорите это такимъ тономъ, который я нахожу грубымъ».—«Если вы имъ недовольны, то можете просить удовлетворенія»,—возразилъ полковникъ.—Дуэль изъ-за собакъ кончилась смертью полковника и тяжелой раной капитана. Полиція не помѣшала ссорѣ разыгратъ такъ трагически, хотя всѣ знали объ ней,—да и вообще полиція ни во что не вмѣшивалась, ничего не предупреждала, такъ она была слаба и ни-

чтожна. Грабежи и ночныя убійства въ Лондонѣ случались однако рѣдко, хотя ночные сторожа были большею частью старики, едва ли способные защитить самихъ себя, а не только оказать помощь жителямъ. Одному изъ желавшихъ поступить въ эти сторожа отвѣчали буквально: «какъ это вы, такой здоровый и сильный малый, не стыдитесь быть такимъ лѣнтяемъ, что проситесь въ полицію, когда можете работать!» Вся ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы обходить нѣсколько разъ въ ночь свой кварталъ съ фонаремъ и трещоткой и извѣщать о состояніи погоды. Констебли, прогуливавшіеся днемъ по лондонскимъ улицамъ съ длинными палками въ рукахъ, были нѣсколько презентабельнѣе. Случаи воровства были очень часты, воры отличались смѣлостью и находчивостью. Въ одной тавернѣ, посѣтитель, воспользовавшись тѣмъ, что хозяинъ подавалъ пиво двумъ другимъ гостямъ, не заплатилъ за свою кружку и даже унесъ ее съ собою. Гости обратили на это вниманіе хозяина, и одинъ изъ нихъ, выйдя на порогъ таверны, сказалъ, что воръ повернулъ въ переулокъ; хозяинъ бросился за похитителемъ, догнавъ его и тотъ спокойно сознался, что унесъ кружку, но доставая ее изъ кармана, вынулъ вмѣстѣ пистолетъ и приставивъ къ груди оторопѣвшаго трактирщика, снялъ съ него часы и отнялъ всѣ деньги. Сконфуженный хозяинъ, вернувшись въ таверну, увидаль, что гости, указавшіе ему на вора, успѣли уже очистить прилавокъ отъ цѣнной посуды и выручку отъ всѣхъ денегъ, какія въ ней были.

Самою дерзкою кражею было ограбленіе, въ сентябрѣ 1801 года, палаты лордовъ, при чемъ съ королевскаго трона содраны были всѣ золотыя галуны, позументы, кисти и украшенія; только гербъ королевства остался нетронутымъ. Виновники этой кражи не были найдены, а за нее пришлось бы дорого поплатиться. Одного бѣдняка, купившаго нѣсколько охапокъ сѣна, завѣдомо краденаго изъ королевскихъ конюшенъ, присудили публично сѣчь на всѣхъ перекресткахъ отъ Уайт-Чапельбара до Миль-Энда (двѣ мили разстоянія). За болѣе важныя кражи наказывали повѣшаніемъ. Тяжелымъ наказаніемъ была также выставка у позорнаго столба. Къ нему не привязывали осужденныхъ, а продѣвали ихъ голову и руки въ отверстіе верхней доски у столба и оставляли въ такомъ положеніи въ продолженіе часа и долѣе. Чернь, зная вину преступниковъ, не рѣдко бросала имъ въ лицо грязью, гнилымъ картофелемъ, тухлыми яицами, всякими нечистотами, даже мертвыми кошками. Полиціи съ трудомъ удавалось помѣшать выраженію этой народной неприязни. Одинъ изъ видовъ кражи пользовался, впрочемъ, всегда покровительствомъ у народа—это контрабанда, которую скрывали и выгораживали вездѣ, гдѣ можно, хотя контрабандисты, отличавшіеся смѣлостью, не рѣдко вступали въ открытыя сраженія съ таможенною стражею. Практиковался также еще одинъ странный видъ

кражи—мертвыхъ тѣлъ, поставляемыхъ въ анатомическіе театры. Для научныхъ цѣлей туда посылались только тѣла казненныхъ преступниковъ, но ихъ было не много и поэтому профессора и студенты анатоміи не рѣдко заказывали доставку имъ труповъ, платя за нихъ хорошія деньги. Это заставляло негодяевъ — вырывать не давно погребенныхъ лицъ и продавать ихъ, хотя законъ присуждалъ къ тяжкимъ наказаніямъ за такую торговлю.

Воровство со взломомъ наказывалось смертью, какъ бы ни была мала цѣнность похищеннаго. Такъ одинъ былъ приговоренъ къ повѣшенію за кражу шерстяной фуфайки, другой — пары чулокъ,

Позорный столбъ.

такіе приговоры, впрочемъ, обыкновенно не приводились въ исполненіе. Король не утверждалъ ихъ и виновныхъ отправляли въ ссылку, въ колоніи. Смертная казнь совершалась на площади передъ Ньюгетской тюрьмою. Въ 1807 г., во время казни обрушились подмостки, устроенныя для публики, чтобы она могла удобнѣ видѣть всю процедуру повѣшенія. Двадцать восемь человѣкъ были при этомъ раздавлены и множество поранено. Въ томъ же году, на островѣ Джерсеѣ произошла ужасная сцена: палачъ, дурно устроившій петлю, видя, что повѣшенный сильно бьется въ ней, схватилъ его за ноги, чтобы петля скорѣе задушила его, но веревка напротивъ вытянулась и повѣшенный всталъ на ноги. Тогда палачъ бросился на

«истор. вѣстн.», май, 1889 г., т. XXXVI.

11

него, чтобы задушить его руками, но веревка оборвалась и повѣшенный, упавши съ палачемъ на землю, началъ бороться съ нимъ. Шерифъ приказалъ принести другую веревку, но народъ вступился за несчастнаго и требовалъ ему прощенія. Судьи хотѣли отложить казнь и представить дѣло рѣшенію короля. Газеты не сообщаютъ, какой результатъ имѣло это представленіе.

Но всего тяжелѣе наказаніе налагалось за государственную измѣну. Въ смертномъ приговорѣ полковнику Деспарду и его сообщникамъ, осужденнымъ на казнь за заговоръ противъ правительства, говорилось буквально «васъ привезутъ на солому на мѣсто казни и вы будете повѣшены за шею, но не до смерти, а васъ снимутъ еще живымъ изъ петли, распорятъ животъ, вынутъ кишки и сожгутъ ихъ передъ вашими глазами, потомъ вамъ отрубятъ голову, а тѣло разрубятъ на четыре части и части эти вмѣстѣ съ головою отдадутъ въ распоряженіе короля—и да смилуется Всемогущій Богъ надъ вашею душою». Казнь полковника и его товарищей совершилась однако, въ февралѣ 1805 года, безъ четвертованія и вытягиванія кишекъ. Но голову повѣшенному все-таки отрубили и палачъ показавъ ее народу съ словами «это голова измѣнника Эдуарда Марка Деспарда!» Существовалъ также другой дикій обычай—остатокъ варварскихъ временъ—хоронить самоубійцу на перекресткѣ, вбивъ имъ въ тѣло длинный колъ. Такимъ способомъ похоронили въ 1810 году, въ Лондонѣ одного дезертера, перерѣзавшаго себѣ горло. Последняго самоубійцу зарыли на перекресткѣ въ 1823 году, но не прибавили его коломъ къ землѣ. Тюремъ въ 1805 году, въ Лондонѣ было 16, но изъ нихъ только пять предназначались для помѣщенія преступниковъ, а остальные—для должниковъ. Заключение получали въ день фунтъ хлѣба и на два пенса мяса. Содержали ихъ въ страшной нечистотѣ. Расходы по содержанію тюремъ и вообще по исполненію правосудія превышали 250,000 ф. стерлинговъ въ годъ. Кромѣ рабочихъ домовъ было 107 пріютовъ для бѣдныхъ и 1,600 благотворительныхъ обществъ и учрежденій въ одномъ Лондонѣ. Учебныхъ заведеній всякаго рода—4,070, кромѣ того, множество духовныхъ обществъ. Англія всегда заботилась гораздо больше о душѣ своихъ согражданъ, чѣмъ объ ихъ благоденствіи на этой землѣ.

Таково было—въ общихъ чертахъ—положеніе могущественнѣйшей державы въ Европѣ, въ первое десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія. Таково ли оно при вступленіи ея въ послѣднее десятилѣтіе? Сравненіе было бы любопытно и поучительно, но оно не входитъ въ рамки нашей статьи...

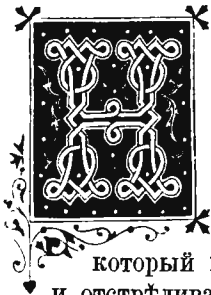
Вл. Зотовъ.

УБЪГАЮЩІЙ СКИОЪ.

Скульптура Л. В. Позена.

(По поводу историческаго жанра на XVII передвижной выставкѣ).

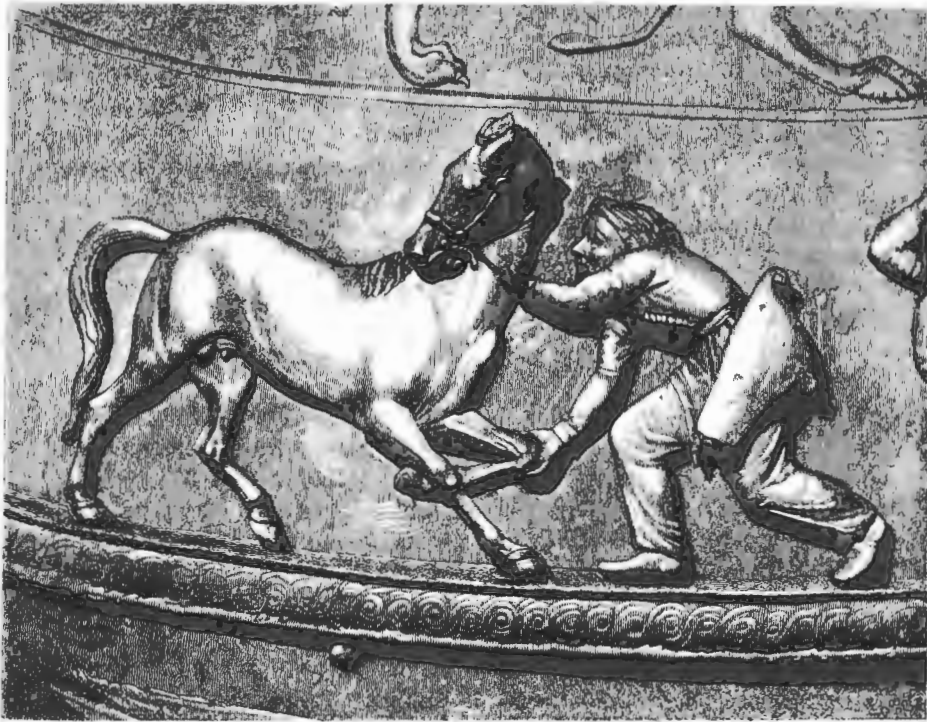
А XVII ВЫСТАВКѢ товарищества передвижныхъ выставокъ, Л. В. Позенъ, постоянный экспонентъ и членъ товарищества, выставилъ очень замѣчательное произведеніе, заслуживающее полнаго вниманія не только по своимъ художественнымъ, но и по научнымъ достоинствамъ. Произведеніе это— группа изъ воску, изображающая коннаго скиоа, который мчится по степи, очевидно, убѣгая съ поля битвы и отстрѣливаясь на всемъ скаку отъ преслѣдующаго непріятеля. Въ смыслѣ художественнаго произведенія—это верхъ совершенства по жизненности и силѣ, которыя художникъ сумѣлъ придать всей фигурѣ всадника-скиоа и вытянутому корпусу коня, который птицею мчится по кустамъ и буеракамъ, унося на себѣ лихова всадника. Съ перваго же взгляда на этого коня и этого всадника, вы сразу понимаете, что конь достоинъ своего хозяина и хозяинъ стѣитъ этого коня: они свыклись другъ съ другомъ съ дѣтства, они какъ бы срослись вмѣстѣ, и жить не могутъ врозь. Такой всадникъ безъ своего коня— только полъ-человѣкъ, такой конь, безъ своего всадника— только полуконь, и только тогда, когда конь и всадникъ сливаются въ одно существо, они образуютъ полную гармонію, они осмысливаютъ и дополняютъ другъ друга. Л. В. Позену вполне удалось передать эту гармонію, это, поколѣніями

передаваемое поколѣніямъ, средство кочевника со степнымъ конемъ. Оно выражается вполне въ смѣломъ и мощномъ поворотѣ скиѣа на конѣ, въ положеніи правой ноги его и въ сильномъ нажимѣ лѣвой, на которой держится все равновѣсіе его сильнаго, мускулистаго и гибкаго тѣла. Такъ сидѣть и такъ держаться на конѣ — можетъ только отличный ѣздокъ и опытный джигитъ; но и такъ усидѣть, и такъ удержаться на полномъ скаку коня, онъ можетъ только въ томъ случаѣ, когда знаетъ, что его конь не споткнется и съумѣетъ его вынести и выдержать во всѣхъ уклонахъ и положеніяхъ его тѣла.

Коснувшись художественной стороны произведенія Л. В. Позена, мы, конечно, должны добавить, что и это его произведеніе, какъ всѣ тѣ, которыя доселѣ появлялись на выставкахъ товарищества (а мы слѣдимъ за ними съ 1882 г.), не оставляетъ желать ничего лучшаго со стороны техники и отдѣлки подробностей. Особенно эффектною является вся группа Позена потому, что опорныя точки этого бѣшено-скачущаго коня чрезвычайно ловко прикрыты разными степными растеніями и кустами чертополоха и перекасти-поля, сквозь которыя конь скиѣа прорывается стрѣлою, попирая ногами римскій шлемъ — трофей неожиданнаго и быстрого нападенія на какую-нибудь когарту, пустившуюся въ степь на поиски непріятели.

Но и помимо художественныхъ достоинствъ, помимо прекрасной техники — группа г. Позена имѣетъ, какъ мы уже замѣтили выше, важныя научныя достоинства, въ смыслѣ воспроизведенія того превосходнаго художественно-историческаго матеріала, которымъ такъ богатъ отдѣлъ скиѣскихъ древностей въ нашемъ Эрмитажѣ. Л. В. Позену, первому изъ нашихъ скульпторовъ, пришла въ голову счастливая мысль воспользоваться этимъ богатѣйшимъ матеріаломъ и возсоздать его въ произведеніи, для котораго нынѣ выставленный имъ «Убѣгающій скиѣ» составляетъ только предварительный этюдъ, первую пробу. Три-четыре года тому назадъ, когда намъ пришлось вмѣстѣ съ Позеномъ бродить по скиѣскому отдѣлу древностей Эрмитажа и обращать его вниманіе на изображенія скиѣскихъ коней и скиѣовъ, украшающія знаменитую никопольскую и кульобскую вазы, — художникъ пришелъ въ восторгъ отъ этихъ прекрасныхъ произведеній греческихъ мастеровъ и рѣшилъ изучить ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Со страстностью, свойственной его живой натурѣ, онъ принялся за это изученіе такъ ретиво, что мѣсяцъ спустя уже увозилъ къ себѣ въ Полтаву цѣлый альбомъ набросковъ, снятыхъ въ Эрмитажѣ, цѣлый запасъ тщательно исполненныхъ слѣпковъ со скиѣскаго оружія и орнамента, украшающаго ихъ одежды и конскую сбрую. Тогда же Л. В. Позенъ подѣлился съ нами идеею одного изъ будущихъ своихъ, прекрасно задуманныхъ, произведеній, въ

которомъ скинозы должны были играть видную, выдающуюся роль, и при томъ противопоставались, — какъ дикая, степная, стихійная сила — утонченной и изящной цивилизаціи римскаго Запада. Для того, чтобы по достоинству оцѣнить сдѣланное Л. В. Позеномъ для изученія скинскаго быта (результатомъ котораго и явилось его произведеніе на нынѣшней выставкѣ), необходимо ознакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ важнѣйшими изображеніями скинозовъ на эрмитажныхъ вазахъ, а затѣмъ и съ нѣкото-

рыми научными приѣмами г. Позена, при помощи которыхъ онъ старался возстановить типъ скинскаго степнаго коня во всей его полнотѣ. Для большей наглядности мы помѣстимъ снимки этихъ изображеній и каждое изъ нихъ пояснимъ отчасти комментариемъ нашихъ выдающихся археологовъ, отчасти нашими собственными наблюденіями и замѣчаніями.

Всѣ человѣческія фигуры на фризѣ никопольской вазы представляютъ скинозовъ, которые, по предположенію академика Стефани, заняты «поймкою или, можетъ быть, дрессировкою кровныхъ царскихъ коней, свободно скитающихся по степи. Двѣ лошади еще

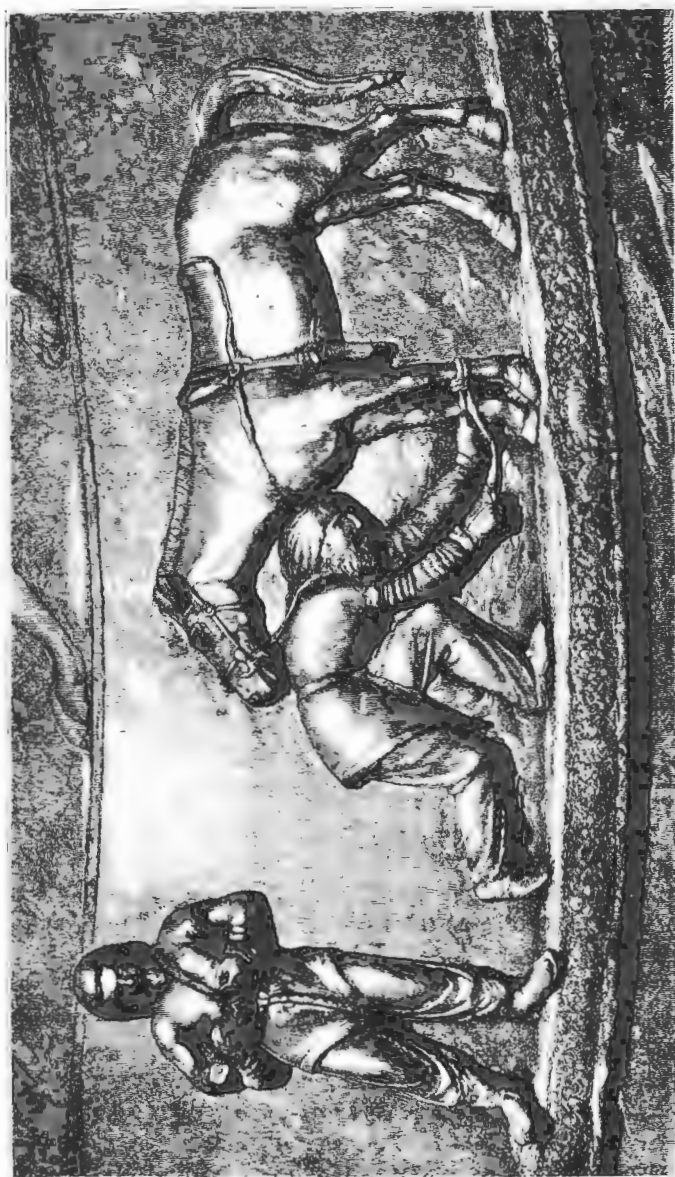
спокойно пасутся на ней. Двумъ другимъ—два конюха накинули на головки длинныя веревки съ петлями (арканы), но онѣ еще надѣются бѣгствомъ спастись отъ своихъ преслѣдователей, которые всею силою стараются унять неукротимыхъ».

Главную центральную группу никопольской вазы, по заключенію академика Стефани, «составляетъ выше-помѣщенное изображеніе коня чистѣйшей породы. Онъ взнузданъ, но безъ сѣдока. Конюхъ одною рукою приподнимаетъ его лѣвую переднюю ногу, такъ какъ это еще и до сихъ поръ дѣлается въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится укрощать очень дикихъ лошадей. Но, заставивъ лошадь стоять только на одной передней ногѣ, онъ необходимо долженъ перенести центръ тяжести всей передней части тѣла лошади на эту переднюю ногу; а потому онъ, въ то же самое время, другою рукою, натягиваетъ ремень уздечки такимъ образомъ, что лошадь принуждена повернуть голову совершенно на правую сторону, прямо къ зрителю. Этимъ поворотомъ художникъ достигнулъ возможности представить взору зрителя все благородство очертаній лошади». (Академикъ Стефани).

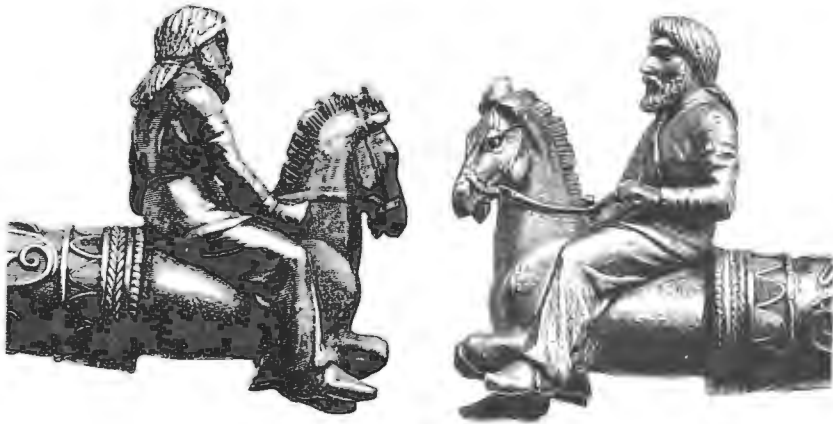
«Съ правой стороны зрителя, ближе къ главной группѣ, видимъ скиѣа, который смирно-стоящему возлѣ него коню спутываетъ переднія ноги веревкою. Во всемъ ряду изображеній (нікопольской вазы) это единственный степной конь не улучшенной породы. Кажется, что видишь передъ собою одну изъ нынѣшнихъ киргизскихъ лошадей: съ такою удивительною вѣрностью переданы особенности этой породы. На конѣ сѣдло и узда, которыя также отдѣланы художникомъ во всѣхъ частностяхъ чрезвычайно тщательно. Конь этотъ очевидно принадлежитъ не царской конюшнѣ, какъ остальные лошади, а прислугѣ царской, которая, можетъ быть, только-что согнала въ одно мѣсто разбѣжавшихся по степи коней чистой крови. По исполненіи этой обязанности, скиѣъ-конюхъ спутываетъ своему коню переднія ноги съ тѣмъ, чтобы онъ могъ пастись на степи, и въ случаѣ нужды могъ бы быть легко пойманъ». (Академикъ Стефани).

Для того, чтобы ближе выяснить изображеніе никопольской вазы, мы приводимъ здѣсь еще два изображенія скиѣовъ, ѣдущихъ верхомъ (оба составляютъ часть массивнаго золотого ожерелья или гривны, сохранившейся въ Эрмитажѣ), а въ концѣ статьи даемъ изображеніе двухъ скиѣовъ, пьющихъ изъ рѣга, помѣщенное на золотой пластинкѣ, также принадлежащей Эрмитажу. Первые два изображенія знакомятъ насъ съ молодецкою, лихою посадкою скиѣовъ на конѣ, послѣднее — выясняетъ нѣкоторыя подробности одежды, которую И. Е. Забѣлинъ описываетъ такъ:

«Скиѣская одежда была именно одеждою лихого наѣздника. Скиѣы носили очень короткій кафтанъ, доходившій только до половины бедра; запахивали его полъ-на-полу и очень крѣпко под-

поясывались поясомъ ремненнымъ или состоявшимъ изъ бронзовыхъ пластинокъ, собранныхъ на ремнѣ въ чешую, другъ на другѣ. Такіе кафтаны были холодные и теплые (?); послѣдніе, повидому (?), опушались по вороту и по поламъ мѣхомъ. Не примѣтно, чтобы, подъ этимъ кафтаномъ, скиѣы-простолюдины носили еще рубашку. Скиѣская обувь состояла изъ короткихъ сапожковъ, которыя, по лодыжкамъ, а иногда и черезъ подъемъ перевязывались ремнемъ. Шаровары, при перевязкѣ, выпускались поверхъ сапожковъ до подъема, и потому представлялись какъ бы штанами, носимыми поверхъ сапогъ. У царей и богатыхъ скиѣовъ, и кафтаны, и особенно штаны, покрывались по швамъ золотыми бляшками различной величины и формы, которыя пришивались къ ткани и украшали одежду въ видѣ разныхъ узоровъ и каемъ по

спинѣ и подолу. На штанахъ изъ такихъ же украшеній протягивались тоже лампасы. Сверхъ того, фонъ или поле ткани (?) испещрялось мелкими золотыми пуговками, величиною въ $\frac{1}{8}$ вершка, которыя также пришивались посредствомъ ушковъ». Точно также украшался и башлыкъ, замѣнявшій скиѣу шапку.

Главнымъ вооруженіемъ скиѣа, кромѣ короткаго и прямого меча, были стрѣлы и лукъ. По замѣчанію академика Стефани «лукъ и стрѣлы врядъ ли пользовались у другого народа такимъ почетомъ, какъ именно у скиѣовъ, у которыхъ оружіе это носили даже вожди. На кубовскомъ золотомъ сосудѣ, скиѣъ, который, (судя по головной повязкѣ и по всей его позѣ), долженъ быть принятъ за вождя, также вооруженъ лукомъ въ налучьѣ, наравнѣ съ остальными воинами. Этотъ лукъ въ налучьѣ (т. е. въ футлярѣ), всегда висѣлъ на поясѣ Скиѣа, опускаясь по лѣвому бедру; при налучьѣ былъ прилаженъ особый, небольшой боковой кошелекъ для стрѣлъ».

Тщательное изученіе памятниковъ, вышеуказанныхъ нами, а также и всѣхъ мелочей скийскаго быта, доставляемыхъ раскопками скийскихъ кургановъ въ Керчи и въ нашихъ южныхъ степяхъ и наполняющихъ богатый скийскій музей Эрмитажа, дало возможность г. Позену внести нѣкоторыя цѣнныя дополненія въ тѣ результаты, которые уже были добыты нашими учеными по отношенію къ скийскому быту. Во-первыхъ, внимательно разсматривая складки скийскихъ одеждъ на изображеніяхъ никопольской вазы и на кульобскомъ золотомъ сосудѣ, Л. В. Позень пришелъ къ положительному выводу, что на этихъ изображеніяхъ скиѣовъ художникъ совершенно ясно передалъ не какую-либо ткань, а именно кожаную верхнюю одежду, т. е. сшитую изъ бараньей (или иной) кожи, какъ шьются до сихъ поръ нагольныя шубы и ту-

лупы {и на югѣ, и на сѣверѣ Россіи. Этотъ выводъ представляется намъ гораздо болѣе правильнымъ и правдоподобнымъ, нежели вышеприведенныя гипотезы г. Забѣлина о томъ, что одежда у скиѣовъ была «зимняя и лѣтняя», и что зимняя «опушалась, повидимому, мѣхомъ». Одежда сшитая изъ шкуры, мѣхомъ внутрь а кожей въ наружу, могла замѣнять скиѣу и зимнюю и лѣтнюю; а мѣхъ, выставившійся наружу, по краямъ одежды составлялъ ея естественную оторочку. Поверхъ кожаной одежды могли нашивать и тѣ бляшки и украшенія, которыя были столь обычны у скиѣовъ, точно также, какъ и теперь украшается нашивными и вышивными узорами кожаная поверхность тулуповъ и нагольныхъ шубъ. Чрезвычайно любопытно и то, что изучая орнаментацию скийскихъ одеждъ, г. Позень нашель, что «простѣйшія узоры на скийскомъ кожухѣ повторяются и теперь еще на вышитыхъ тулупахъ малороссіянъ».

Гораздо еще болѣе интересными и важными представляются намъ результаты, добытыя г. Позеномъ изъ подробнаго изученія статей скиѣскаго степного коня. Исходя изъ весьма мѣткаго замѣчанія академика Стефани, который, какъ мы видѣли выше, былъ пораженъ сходствомъ скиѣской лошади съ «степною киргизскою»,—г. Позенъ, какъ весьма тонкій знатокъ русской кровной и степной лошади, задалъ себѣ не легкую задачу. Онъ увеличилъ размѣры скиѣской лошади на никопольской вазѣ до $\frac{1}{5}$ натуральной величины лошади, считая среднюю вышину ея въ 2 аршина; затѣмъ составилъ подробнѣйшій масштабъ всѣхъ частей и статей этой увеличенной скиѣской лошади и сравнилъ этотъ масштабъ съ измѣреніями статей у различныхъ породъ степныхъ коней, извѣстныхъ въ Россіи. Изъ всѣхъ этихъ, точнѣйшихъ и весьма тщательныхъ, измѣреній къ масштабу скиѣской лошади ближе всего подошла наша степная башкирская ¹⁾ лошадь (вышина 2 арш. $\frac{3}{4}$ вершка). Близость типа этой лошади къ скиѣской настолько велика, что, изъ 12-ти различныхъ измѣреній ея статей, только одно измѣреніе груди башкирской лошади расходится съ нѣскольکو-преувеличеннымъ измѣреніемъ, которое греческій художникъ придалъ груднымъ костямъ скиѣскаго коня на вазѣ ²⁾. Это сравненіе побудило г. Позена остановиться, при выборѣ лошади для своего скиѣа, именно на башкирскомъ типѣ степнаго коня, который онъ и передалъ съ замѣчательною правдою и жизненностью.

Остается только пожелать, чтобы художникъ не остановился на своемъ первомъ этюдѣ изъ скиѣскаго быта, и осуществилъ свой первоначальный, поистинѣ, грандіозный замыселъ.

Пепю.

¹⁾ А не «киргизская лошадь», какъ предполагалъ академикъ Стефани.

²⁾ Выраженное въ цифрахъ это измѣреніе равнялось для скиѣскаго коня 8 д., а для башкирскаго 5,2. Художникъ для своей группы избралъ среднюю цифру—6,1.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію.
М. И. Сухомлинова. Томъ второй. Спб. 1889.**

ВТОРОЙ ТОМЪ изслѣдованій и статей М. И. Сухомлинова столь же интересенъ и цѣненъ, какъ и первый, о которомъ уже былъ сдѣланъ отзывъ въ январской книжкѣ «Историч. Вѣстника» за текущій годъ. Всѣ статьи второго тома отличаются либо новизной матеріала, либо искусной критической обработкой фактовъ, уже извѣстныхъ по русскимъ или иностраннымъ источникамъ, либо тѣмъ или другимъ вмѣстѣ. Всѣхъ статей во второмъ томѣ десять. Три изъ нихъ—1) Н. И. Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ, 2) Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ воспитатель императора Александра I и 3) Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій—носятъ критическій характеръ, ибо въ нихъ авторъ тщательно обрабатываетъ, искусно группируетъ и освѣщаетъ общими дѣльными выводами свой матеріалъ, почти исчерпывая изслѣдуемые вопросы.

Самое видное мѣсто во второмъ томѣ безспорно принадлежитъ обстоятельной биографіи Фридриха-Цезаря Лагарпа въ связи съ его характеристикой и общей оцѣнкой педагогической и политической дѣятельности. Это несомнѣнно одна изъ лучшихъ монографій среди всего написаннаго г. Сухомлиновымъ въ теченіе его долгой ученой дѣятельности. Въ этой монографіи ярко сказываются всѣ выдающіяся достоинства автора, какъ ученаго изслѣдователя. Свѣдѣнія о Лагарпѣ авторъ добросовѣстно собралъ въ швейцарскихъ бібліотекахъ и архивахъ, общественныхъ и частныхъ; эти источники перечисляются въ предисловіи. Затѣмъ, въ 6-ти главахъ, г. Сухомлиновъ излагаетъ биографію Лагарпа, переплетая это изложеніе какъ его соб-

ственной характеристикой, такъ и характеристиками окружающей среды и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, имѣвшихъ близкія отношенія къ воспитателю Александра I. Въ итогѣ получается цѣльная и сжатая исторія жизни «республиканца при русскомъ дворѣ». Автора, пожалуй, можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ слишкомъ сгузилъ задачи своего изслѣдованія, не проанализировавъ поподробнѣе вліянія Лагарпа на своего августѣйшаго питомца, — вліянія, которое перешло съ теченіемъ времени въ «истинную дружбу», — не показавъ обстоятельнѣе какъ, на чемъ и отчего, оно отразилось впоследствии. Мы хотимъ сказать, что г. Сухомлиновъ не далъ читателю обстоятельной, психологической картины воспитанія императора Александра I, изъ которой можно было бы видѣть, что въ силу тѣхъ или другихъ воздѣйствій характеръ будущаго императора сложился такъ, а не иначе, что тѣ же воспитательныя воздѣйствія объясняютъ такое-то и такое мѣропріятія императора, такое, а не иное направленіе его правительственной дѣятельности. Г. Сухомлиновъ въ предисловіи замѣчаетъ: «въ обширной дѣятельности историческаго лица переплетается столько нитей, что чрезвычайно трудно опредѣлить: чтó возникло вслѣдствіе посторонняго участія, чтó коренилось въ глубинѣ личнаго характера и чтó вытекало изъ совокупности разнообразныхъ вліяній, которымъ подвергалось лицо, призванное дѣйствовать для настоящаго и будущаго». Всякій, конечно, согласится, что задача эта трудная, но вовсе не невозможная и для историка-прагматика даже обязательная. Къ сожалѣнію, разрѣшенія этой обязательной, хотя и чрезвычайно трудной, задачи въ монографіи г. Сухомлинова мы не находимъ. Къ статьѣ о Лагарпѣ сдѣланы интересныя приложенія на французскомъ языкѣ и она снабжена, кромѣ того, обширными примѣчаніями.

Въ статьѣ о Новиковѣ г. Сухомлиновъ очень удачно изслѣдуетъ вопросъ объ источникахъ для перваго русскаго словаря о русскихъ писателяхъ. Рѣчь о кн. П. А. Вяземскомъ, читанная въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря 1878 года, по многимъ частностямъ и вѣрно отмѣченнымъ второстепеннымъ чертамъ литературной фizioноміи друга и современника Пушкина — прекрасна; но основная мысль г. Сухомлинова, что кн. Вяземскій былъ «поэтомъ-мыслителемъ», по нашему мнѣнію, невѣрна, ибо, во-первыхъ, во всѣхъ произведеніяхъ князя очень мало поэтическаго, а, во-вторыхъ, эпитетъ «мыслитель» для такого писателя тоже черезчуръ яркъ и силенъ. Почтенный академикъ самъ приводитъ слова критики, больше полувѣка назадъ говорившей, что не воображеніе, не чувство, а «умъ острый и пронизательный есть собственность князя Вяземскаго». Въ словахъ критики слѣдовало бы эпитетъ «пронизательный» замѣнить эпитетомъ «живой», — и тогда съ этимъ приговоромъ можно будетъ согласиться.

Остальныя семь статей («Императоръ Николай Павловичъ — критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина», «Полемическія статьи Пушкина», «Появленіе въ печати сочин. Гоголя», «Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ», «Три повѣсти Павлова», «Снятіе опалы съ славянофиловъ» и «И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ») представляютъ интересный и весьма цѣнный матеріалъ для характеристики отношеній власти (главнымъ образомъ цензурной) къ представителямъ литературы и общественной жизни мысли въ николаевское царствованіе. Всѣ эти семь статей могли бы явиться отдѣльными главами очерковъ по исторіи цензуры въ царствованіе

Николая I, составивъ, такимъ образомъ, продолженіе большого изслѣдованія (помѣщеннаго въ I томѣ) г. Сухомлинова по исторіи цензуры съ ея возникновенія до 1826 года.

С. Тр.

А. Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Спб. 1839.

Настоящее сочиненіе проф. Незеленова представляет собою соединеніе въ одно цѣлое отдѣльных очерковъ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ продолженіе пяти послѣднихъ лѣтъ и написанныхъ авторомъ по заранѣ опредѣленному плану; на этотъ планъ и на это единство содержанія указываетъ и самое заглавіе книги. Уже извѣстныя ранѣе читающей публикѣ статьи дополнены въ настоящемъ общемъ ихъ сводѣ особой заключительной главой, въ которой авторъ подводитъ итоги и дѣлаетъ выводы изъ своихъ предшествующихъ изслѣдованій. Самъ г. Незеленовъ сообщаетъ въ предисловіи, что его сочиненіе о литературѣ Екатерининской эпохи «не претендуетъ на полноту разсматриваемаго матеріала и на названіе исторіи даннаго времени»; по его словамъ, «задача автора была болѣе скромная: онъ хотѣлъ ориентироваться въ массѣ мало оцѣненныхъ еще по ихъ историческому значенію литературныхъ фактовъ, попытаться распредѣлить ихъ въ систематическомъ порядкѣ, и такимъ образомъ построить гипотезу о законахъ развитія литературы Екатерининскаго времени». Хотя трудъ г. Незеленова и не даетъ трактата о законахъ (намъ не совсемъ ясенъ смыслъ этого выраженія примѣтительно къ данному случаю) развитія литературы Екатерининскаго времени, однако онъ представляетъ довольно полное, обстоятельное и добросовѣстно выполненное обзорнѣе направленій, господствовавшихъ въ русской литературѣ упомянутой эпохи. Должно отдать справедливость автору, что постановка вопроса о литературныхъ направленіяхъ Екатерининскаго времени и то рѣшеніе его, которое мы имѣемъ въ настоящемъ сочиненіи, составляютъ несомнѣнную услугу автора. Попытка г. Незеленова разсмотрѣть и оцѣнить литературный матеріалъ даннаго времени по тремъ господствовавшимъ направленіямъ, скептическо-материалистическому, мистическо-правоучительному и непосредственно-народному, составляетъ плодъ его самостоятельныхъ наблюденій и весьма удачно и ярко освѣщаетъ многообразные и мало разработанные факты литературной производительности данной эпохи.

Все сочиненіе г. Незеленова распадается на три части. Въ первой разсматривается направленіе скептическо-материалистическое, бывшее результатомъ вліянія западно-европейскихъ идей на нашу жизнь и литературу. Въ центрѣ этого вліянія стоитъ литературная дѣятельность Вольтера: «гениальная личность фернейскаго философа—говоритъ о немъ авторъ—и невольно къ себѣ привлекаетъ и невольно отъ себя отталкивается. Есть что-то чарующее, обольщающее и вмѣстѣ ненавистное въ этомъ скептическомъ, остромъ, могучемъ, холодномъ и циническомъ умѣ, такъ прекрасно выражающемся на его извѣстномъ извѣщеніи» (7—8), и далѣе идетъ характеристика нравственно-религіозныхъ, общественныхъ и литературныхъ взглядовъ знаменитаго писателя. Затѣмъ г. Незеленовъ представляетъ изложеніе и оцѣнку тѣхъ литературныхъ произведеній у насъ въ XVIII вѣкѣ, которыя носятъ на себѣ слѣды вліянія материалистической западно-европейской современной

философіи; тутъ передъ читателемъ проходятъ поэмы Вас. Майкова и Богдановича («Елисей», «Душенька»), комическія оперы (Аблесимова, В. Майкова, Княжнина и др.), нѣкоторыя періодическія изданія (напр. «Всякая всячина», «Ни то ни сь»), наконецъ сочиненія императрицы Екатерины.

Вторая часть книги посвящена изученію мистико-нравучительнаго направленія въ литературѣ Екатерининской эпохи, представляющаго также результатъ вліянія западныхъ идей, но уже другого, противоположнаго рода. Это направленіе всего ярче выразилось въ масонствѣ и въ литературныхъ произведеніяхъ масоновъ, какъ переводныхъ («Химическая Псалтырь Теофраста Парацельса» 1784 г., «Апология, или Защищеніе ордена вольныхъ каменщиковъ, написанная братомъ ****, членомъ Шотландской *** ложи, въ П***» и др.), такъ и русскихъ (сочиненія Шварца, Лопухина, Гамалѣя). При разсмотрѣніи литературной дѣятельности масоновъ въ Россіи, авторъ не ограничивается уже имѣющимися объ этомъ печатными свѣдѣніями въ нашей литературѣ, но вводитъ въ свое изслѣдованіе и нѣкоторые рукописные матеріалы изъ коллекціи масонскихъ бумагъ Московскаго Румянцевскаго музея. Весьма виднымъ масонскимъ дѣятелемъ у насъ въ XVIII в., въ области журналистики и поэтической литературы является Херасковъ и обстоятельному разсмотрѣнію его журнала «Полезное Увеселеніе», комедій, «Безбожникъ» и «Невѣстникъ» и эпопей «Россіада» и «Владиміръ» посвящена въ книгѣ г. Незеленова довольно обширная глава.

Третью часть занимаетъ направленіе непосредственно-народное. Тутъ авторъ разсматриваетъ цѣлый рядъ малоизвѣстныхъ комедій (Беревкина, Лукина, Хвостова, Княжнина и др.), вошедшихъ въ «Россійскій Театръ или Полное Собраніе всѣхъ Россійскихъ Театральныхъ Сочиненій», изд. Россійской Академіей; затѣмъ подробно разсматривается литературная дѣятельность Фонвизина, сатирическіе журналы; особая глава посвящена сочиненіямъ о крѣпостномъ правѣ, какъ отразившемъ на себѣ извѣстную современную струю общественно-политическихъ взглядовъ, и дѣятельности Радищева.

Въ «заключеніи» книги подводятся итоги всему предшествующему изложенію, и дается краткая характеристика дѣятельности писателей, стоявшихъ внѣ указанныхъ направленій—Новикова и Державина. Наконецъ, при книгѣ имѣются два «приложенія»: «Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости» и рецензія на соч. М. И. Сухомлинова «Радищевъ, авторъ Путешествія изъ Петербурга въ Москву».

Таково содержаніе вновь вышедшаго труда г. Незеленова. Оговорка, сдѣланная авторомъ въ предисловіи къ своему сочиненію относительно полноты, лишаетъ критику права упрекать автора въ ея отсутствіи; но позволительно замѣтить, въ видѣ желанія, что весьма кстати было бы видѣть въ разбираемомъ трудѣ оцѣнку дѣятельности Россійской Академіи, гдѣ боролось нѣсколько литературныхъ направленій, и журнальной дѣятельности И. А. Крылова, котораго «Почта Духовъ» (1789) носятъ на себѣ весьма опредѣленные и яркія черты и патриотическаго настроенія автора, и его сочувствія меньшей братіи (см. статью Я. К. Грота въ «Вѣстникѣ Европы» 1868, мартъ стр. 211, 212, 216). Манера автора характеризовать литературныя произведенія выдержками изъ нихъ заслуживаетъ всякаго сочувствія, и спеціалсты за это благодарятъ автора, но, быть можетъ, для широкаго круга читающей публики книга бы выиграла въ интересѣ, если бы, не въ

ущербъ ясности дѣла, способъ этотъ проведенъ былъ менѣе послѣдовательно. Передъ разсмотрѣніемъ непосредственно-народнаго направленія г. Незеленовъ, на основаніи народныхъ былинъ, апокрифовъ, сочиненій Пушкина, Некрасова, Л. Толстого и нѣкот. др., дѣлаетъ попытку очертить сущность народныхъ русскихъ идеаловъ, примѣнительно къ отраженію ихъ въ литературѣ (215 и сл.); но такая задача, сама по себѣ весьма трудная, затронута авторомъ лишь вскользь, и намъ думается, что было бы лучше или расширить рамки ея рѣшенія, или оставить ее въ данномъ случаѣ совершенно въ сторонѣ. Не можемъ мы согласиться также и съ мнѣніемъ автора, будто всѣ писатели «непосредственно-народнаго» направленія въ екатерининскую эпоху «выражаютъ народные взгляды и чувства безсознательно, инстинктивно» (340); поклоненіе ихъ иностраннымъ литературнымъ образцамъ, рядомъ съ выводимыми въ ихъ произведеніяхъ чисто русскими личностями, не можетъ служить опорой этого мнѣнія и должно быть объяснено другими причинами; и разъ уже народные взгляды и чувства у нашихъ писателей въ данную эпоху выражались безсознательно, такое выраженіе не можетъ составлять литературнаго направленія. Затѣмъ, авторомъ вскользь (338—339) брошена мысль о томъ, будто Радищевъ издалъ свое «Путешествіе изъ Петербурга Москву» въ болѣзненномъ состояніи маньяка, чѣмъ—по мнѣнію г. Незеленова—и слѣдуетъ объяснять со стороны Радищева такой крайне неосторожный поступокъ; но намъ думается, что доказать это трудно, не говоря уже о томъ, что такое случайное объясненіе должно значительно уменьшить въ глазахъ историка литературы заслуги Радищева какъ писателя, а между тѣмъ самъ авторъ справедливо выдвигаетъ эти заслуги (341 и др.). Нельзя, наконецъ, согласиться и съ нѣкоторыми частными замѣчаніями автора: мы напр., не можемъ раздѣлить мнѣнія о томъ, будто Болотовъ повѣствуетъ въ своихъ «Запискахъ» «по обыкновенію глуповато» (26), равно какъ не назвали бы вмѣстѣ съ авторомъ г. Влад. Соловьева «высокимъ мыслителемъ нашего времени» (138).

Разумѣется, эти сдѣланныя нами мелкія замѣчанія нисколько не роняютъ крупныхъ достоинствъ труда г. Незеленова, и исторія русской литературы XVIII вѣка имѣетъ въ его книгѣ весьма цѣнное пріобрѣтеніе. Особенно нельзя не сочувствовать стремленію автора найти въ разсматриваемой имъ массѣ литературнаго матеріала народную струю; нельзя также не отнестись съ признательностью и къ совершенной прямотѣ и искренности автора, къ его обычаю договаривать до конца, ясно и опредѣлено. **Е. П.**

Библиотека греческихъ и латинскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. III. М. Туллій Цицеронъ. Выпускъ первый. Рѣчи противъ Катилины. Перевелъ съ латинскаго В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Спб. 1888.

Еще не успѣло сойти со сцены то поколѣніе русской интеллигенціи, которое въ молодости своей или присутствовало, или даже участвовало, въ знаменитомъ педагогическомъ спорѣ о классицизмѣ и реализмѣ. Однимъ изъ оселковъ, на которыхъ обѣ стороны изощряли убѣдительность своихъ доказательствъ, былъ вопросъ о значеніи переводовъ греческихъ и римскихъ классиковъ. Никто изъ разумныхъ противниковъ классицизма не отвер-

галь огромнаго воспитательнаго значенія исторіи и ни одинъ педагогъ (не по имени только, а на дѣлѣ) не могъ не согласиться, что древняя исторія, какъ міръ законченный и хорошо разработанный, гораздо воспитательнѣе, нежели средневѣковая или новая, хотя факты послѣдней, можетъ быть, и пужнѣе для жизни. «Ну и изучайте ее, говорили такъ называемые реалисты, изучайте основательно, по памятникамъ, изучайте и великихъ поэтовъ и философовъ Греціи и знаменитыхъ ораторовъ Рима: мы согласны, что человекъ не можетъ назваться образованнымъ, если онъ не имѣетъ понятія о Гомерѣ, Софоклѣ или Платонѣ. Но развѣ для этого необходимо потратить нѣсколько вознаграждаемыхъ лѣтъ на изученіе всѣхъ тонкостей іоническаго и аттическаго діалектовъ и безконечнаго количества греческихъ вокабулъ? Развѣ по переводу Гнѣдича нельзя получить понятія объ Иліадѣ? Развѣ Жуковскій не воспользовался нѣмецкимъ подстрочникомъ, чтобы подарить насъ хорошимъ переводомъ Одиссеи? Вы вѣдь наслаждаетесь Донъ Кихотомъ, не зная поиспански. Шекспиръ имѣлъ на васъ огромное вліяніе, хотя вы, можетъ быть, и ни слова не знаете поанглійски. Вы скажете: вѣтъ хорошихъ переводовъ. Закажите ихъ лучшимъ специалистамъ, миллионы не жалѣйте для этого. Деньги не имѣютъ значенія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ цѣлыхъ поколѣній, которыя будутъ долбитъ вокабулы и парадигмы и упражняться въ стилистикѣ до тѣхъ поръ, пока потеряютъ всякій вкусъ къ поэзіи и всякую способность къ развитію посредствомъ чтенія умныхъ книгъ и достигнуть возжеленнаго состоянія мистера Тутса въ «Домби и сынѣ». Противники возражали на это: «Никогда чтеніе самаго лучшаго перевода не можетъ замѣнить изученія оригинала. Кто прочелъ десять разъ Гомера въ переводѣ, меньше получилъ отъ него, чѣмъ тотъ, кто въ оригиналѣ изучилъ половину одной пѣсни. Всѣхъ языковъ изучать нельзя, пусть наша молодежь развивается на изученіи двухъ организмовъ этого рода, самыхъ совершенныхъ и основныхъ, общеобязательныхъ во всей Европѣ и, овладѣвъ ими, получить доступъ къ неисчерпаемой сокровищницѣ человѣческой мысли». Каждая сторона была убѣждена въ правотѣ своей; «реалисты» увѣрили, что если классицизмъ войдетъ въ силу, будущая молодежь даже древнихъ знать не будетъ, а въ другихъ отношеніяхъ безвозвратно отупѣетъ и потеряетъ вкусъ ко всякой положительной наукѣ; классики были убѣждены, что на Руси процвѣтетъ такое же серьезное филологическое, гуманное образованіе, какъ на Западѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло чуть не четверть столѣтія: можно, кажется, подвести итоги, но едва ли возможно согласить всѣхъ на однихъ и тѣхъ же или даже сходныхъ положительныхъ выводахъ. Легче даются выводы отрицательные, указанія на ошибки обѣихъ спорившихъ сторонъ. Молодежь наша не потеряла влеченія къ наукѣ и поступаетъ въ университеты съ нѣсколько лучшимъ филологическимъ образованіемъ, чѣмъ въ пятидесятыхъ годахъ; но съ другой стороны едва ли какой-нибудь объективный наблюдатель признаетъ, что за эту четверть столѣтія классицизмъ у насъ «процвѣлъ» и приобрѣлъ горячія симпатіи общества.

Одно изъ самыхъ доказательныхъ, если можно такъ выразиться, явленій представляетъ довольно печальное состояніе нашей научной литературы по классицизму: не только учителей, но и профессоровъ классической филологіи у насъ очень много, а наука двигается очень слабо: кромѣ двухъ-трехъ именъ, назвать нечего, а тощія диссертаціи о родительномъ, да-

тельною, инструментальною, падежахъ, обязанныя своимъ появленіемъ стремленію получить большій окладъ, также мало двигаютъ науку, какъ и переводы нѣмецкихъ учебниковъ, и если черезъ 100—200 лѣтъ историкъ русскаго просвѣщенія задумаетъ по однимъ библиографическимъ даннымъ опредѣлить, когда у насъ «процвѣталъ» классицизмъ—въ тотъ ли періодъ когда выходили «Пропилеи» Леонтьева, или когда появлялись вышеуказанныя диссертации и малограмотные подстрочники и ключи, рассчитывающіе на лѣнь гимназистовъ и недогадливость учителей, онъ будетъ въ большомъ затрудненіи.

Поэтому всякій новый работникъ на этой все еще мало плодотворной, не смотря на обильную поливку, нивѣ можетъ рассчитывать на особое вниманіе критики. Г. Алексѣевъ общаетъ быть работникомъ энергичнымъ: онъ задумалъ цѣлую библиотечку греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ и сравнительно въ короткое время выпустилъ «Метаморфозы» Овидія, книжку Теофраста, «Кебетъ», теперь издалъ томикъ рѣчей Цицерона и готовитъ къ печати Эпиктета. Мы, къ сожалѣнію, не видали его перевода «Метаморфозъ» и не знаемъ плана его изданія ¹⁾, но очевидно, что г. Алексѣевъ назначаетъ свои переводы вовсе не для лѣнливыхъ гимназистовъ, а для образованной публики: онъ предпосылаетъ «Рѣчамъ» обширное (32 стр.) введеніе, излагающее исторію заговора Катилины, гдѣ свободно говоритъ о куртизанкахъ, растлѣніи дѣвицъ и проч., да и переводъ его скорѣе долженъ быть названъ вольнымъ, чѣмъ подстрочнымъ.

Введеніе написано живо, бойко, и даетъ массу фактовъ не новыхъ, конечно, но нужныхъ для пониманія памятника. Къ сожалѣнію, авторъ не связалъ эти факты единствомъ идеи, такъ какъ, очевидно, самъ не составилъ себѣ опредѣленнаго понятія не только о темной до сихъ поръ соціальной подкладкѣ заговора, но и о двухъ главныхъ дѣствующихъ лицахъ: на стр. 9-й у него Катилина самый ужасный преступникъ, какого только можно представить себѣ; на стр. 28-й тотъ же Катилина великій, но несчастный человекъ съ неосуществившимися вслѣдствіе зависти безчестныхъ людей грандіозными планами. Цицеронъ на стр. 19-й «одинъ (sic) изъ немногихъ честныхъ личностей, рѣзко выдѣлявшихся изъ толпы людей, погрязшихъ въ развратѣ и преступленіяхъ», а не далѣе какъ на стр. 20-й тотъ же Цицеронъ «жалкій государственнй человекъ», близорукій и легко-вѣрный, заносчивый въ счастіи, малодушный въ бѣдствіи. Критика не имѣетъ права осуждать автора популярной статьи ни въ томъ случаѣ, если онъ будетъ придерживаться общепринятыхъ взглядовъ, ни въ томъ случаѣ, если онъ послѣдуетъ за Момсеномъ, но едва ли можно допустить такую амальгаму изъ противоположностей.

Краски, которыми г. Алексѣевъ живописуетъ развращеніе нравовъ въ Римѣ, уже чересчуръ рѣзки: не знаемъ, откуда, напримѣръ, онъ почерпнулъ свѣдѣніе, что на римскихъ пирахъ «костный мозгъ, извлеченный изъ тѣла невиннаго (еще непременно невиннаго) малютки, былъ однимъ изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ» (стр. 6); во всякомъ случаѣ мы увѣрены, что вводить этотъ костный мозгъ въ обычное меню римлянъ опасно. Едва ли

¹⁾ По лежащей передъ нами книжкѣ о немъ нелегко догадаться: она называется 1-мъ выпускомъ и «Превращенія» тоже 1-й выпускъ: едва ли удобно въ одномъ изданіи употреблять одно слово въ двухъ значеніяхъ.

«истор. вѣстн.», май, 1889 г., т. xxxvi.

также можно допустить, что «содержаніе раба ничего не стоило» (стр. 4) что «нерѣдко хлѣбъ изъ Сициліи и Сардиніи отдавался только за одинъ провозъ» (*ibid*) и т. д.

Слогъ «Введенія» г. Алексѣева, какъ видно уже и изъ приведенныхъ выписокъ, боекъ и живъ, но не всегда правиленъ. Даже первая фраза: «безотрадную картину представляло изъ себя положеніе Италіи» едва ли можетъ считаться удачной. Нельзя также одобрить часто не нужныя латинскія слова въ русской рѣчи, напримѣръ, онъ отправился въ Испанію *citerior*, его *magister equitum* и т. д. Обращаемся къ переводу. Какъ было выше сказано, онъ скорѣе принадлежитъ къ разряду вольныхъ. Само собою разумѣется, что переводчикъ, при невозможности соединить близость съ правильностью русскаго языка, имѣетъ право отступать отъ текста; но изъ двухъ одинаково правильныхъ порусски переводовъ слѣдуетъ всегда предпочитать болѣе близкій. Мы полагаемъ, что г. Алексѣевъ часто безъ нужды отступаетъ отъ подлинника и придаетъ ему отгѣнки, въ немъ не существующіе. Примѣры на каждой страницѣ въ избыткѣ; раскроемъ на удачу хоть 7-ю главу первой рѣчи. «Теперь же какова твоя жизнь?» ¹⁾ говоритъ Цицеронъ. «Можетъ ли радовать тебя жизнь, въ особенности въ настоящее время?» переводитъ г. Алексѣевъ. «Я такъ буду съ тобою говорить, что покажусь движимымъ не ненавистью, которой ты заслуживаешь, а состраданіемъ, котораго ты не стоишь», продолжаетъ Цицеронъ. «Изъ моихъ словъ ты поймешь, что они дышатъ не ненавистью къ тебѣ, чего ты заслуживаешь,—они внушены состраданіемъ, котораго ты не стоишь», переводитъ г. Алексѣевъ и т. д. Здѣсь только возможенъ болѣе близкій переводъ, но еще нѣтъ рѣзкихъ вольностей. Но немного ниже г. Алексѣевъ глаголъ *mettere* переводитъ словомъ чуждаться, фразу: *Si me meis civibus injuria suspectum tam graviter atque offensum viderem*, т. е. «еслибъ я видѣлъ, что мой согражданинъ безъ причины такъ сильно подозреваетъ меня и ненавидятъ», г. Алексѣевъ переводитъ: «Еслибъ я увидѣлъ, что мои сограждане стали искоса посматривать на меня безъ всякаго повода съ моей стороны, еслибъ замѣтилъ, что они ненавидятъ меня такъ сильно, какъ ненавидятъ тебя» и т. д. «Еслибъ твои родители боялись тебя и ненавидѣли и ты не могъ бы ихъ никоимъ образомъ примирить съ собою, ты ушелъ бы, думаю я, съ глазъ ихъ», говоритъ Цицеронъ. «Еслибъ отецъ твой и мать боялись, словомъ (?), не любили тебя, ты, я думаю, однимъ только и былъ бы въ состояніи угодить имъ—скрыться куда-нибудь съ ихъ глазъ». Здѣсь вольность перевода уже переходитъ въ явную неточность. Въ той же главѣ отмѣтимъ не совсѣмъ удачный переводъ: 1) «какъ бы молча, обращается къ тебѣ (отечество)», гдѣ «*quodam modo*» на самомъ дѣлѣ относится къ *loquitur*; 2) излишнее усиленіе прозопопеи (родина дрожить всѣмъ тѣломъ въ переводѣ, въ оригиналѣ она вся дрожить); 3) слишкомъ вольный переводъ: *ne opprimat* «чтобы я избавилась отъ опасеній» и т. д. Изъ другихъ главъ отмѣтимъ нѣкоторые останавливающіе вниманіе недосмотры или неловкости: намѣреніе поднять оружіе противъ отечества никакъ нельзя назвать пошлостью, какъ называетъ его г. Алексѣевъ (стр. 43, безуміемъ называетъ его Цицеронъ); *gravissimo supplicid afficere* не значитъ: подвергнуть жесточайшимъ пыткамъ, а только тяжелой казни (II, 2); порусски

¹⁾ Nunc vero, quae tua est ista vita?

нельзя сказать: «больные, метаясь въ горячечномъ бреду» (стр. 46); «господа сенаторы» едва ли представляетъ удачный переводъ: *patres conscripti* (постоянно); *abhoret a meis moribus* не значить «идеть въ разрѣзъ съ мягкостью моего характера» (стр. 41), а «противно моимъ убѣжденіямъ» и т. д.

Но справедливость заставляетъ насъ сказать, что многія и трудныя для гладкаго русскаго перевода мѣста переведены г. Алексѣевымъ очень удачно и въ общемъ слогъ его перевода живъ, энергиченъ и нигдѣ не отзывается латинской конструкціей.

А. К.

Стихотворенія А. И. Полежаева съ біографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изданіе А. С. Суворина, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1889.

Наконецъ Полежаевъ дождался перваго достойнаго своего имени изданія,—имени, которое занимаетъ видное мѣсто среди русскихъ лирическихъ поэтовъ, не только тридцатыхъ годовъ, но и поэтовъ послѣдующихъ поколѣній, не исключая, разумѣется, современныхъ молодыхъ фразеровъ-стихотворателей. Въ вышедшемъ теперь изданіи собрано все, написанное Полежаевымъ въ его короткую, многострадальную жизнь; текстъ тщательно свѣренъ съ первоначально напечатаннымъ, значительная часть стихотвореній провѣрена, исправлена и дополнена по подлиннымъ рукописямъ поэта и по многочисленнымъ спискамъ и указаніямъ разныхъ лицъ, между которыми есть современники и современницы Полежаева. Всѣ стихотворенія распределены по четыремъ отдѣламъ, изъ которыхъ въ первомъ помѣщены пьесы, принадлежащія исключительно къ лирическимъ произведеніямъ, во второй отнесены поэмы и драматическіе отрывки, а въ составъ третьяго вошли оды, торжественные гимны, написанные на опредѣленные случаи, и всѣ переводы элегій изъ «*Meditations*» Ламартина, а равно и навѣянные этими послѣдними оригинальныя произведенія Полежаева. Затѣмъ, сатирическія и юмористическія его поэмы и стихотворенія, вмѣстѣ съ немногими эпиграммами, составили содержаніе четвертаго отдѣла. Приложенный къ сочиненіямъ обстоятельный біографическій очеркъ представляетъ нѣсколько новыхъ данныхъ (напр., рассказъ Е. И. Бибиковой, вдохновившей поэта на нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній о пребываніи Полежаева въ 1834 г. въ селѣ Ильинскомъ, или свѣдѣнія о кавказскомъ изгнаніи поэта), собранныхъ г. Ефремовымъ исключительно для вышедшаго новаго изданія. Кромѣ того, г. Ефремовъ добросовѣстно и тщательно собралъ свѣдѣнія о ранъше бывшихъ изданіяхъ стихотвореній Полежаева, составилъ указатель статей о Полежаевѣ и объ его стихотвореніяхъ и сдѣлалъ къ нимъ біографическія примѣчанія. О вѣрности изданія мы не говоримъ, ибо она не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Нѣкоторые толстые журналы (напр. «Сѣверный Вѣстникъ») упрекали г. Ефремова въ томъ, что онъ якобы напрасно распредѣлилъ стихотворенія Полежаева по 4 отдѣламъ, а лучше бы ихъ напечатать всѣ сподрядъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Намъ такой упрекъ кажется болѣе чѣмъ страннымъ, ибо мѣшать настоящія жемчужины и брилліанты съ фальшивыми камнями, заставляя читателя отыскивать перлы въ грудѣ развоцвѣтанныхъ стеколъ, хотя и тщательно отшлифованныхъ, по меньшей мѣрѣ неблагогра-

зумно. Первый отдѣлъ лирическихъ произведеній заключаетъ въ себѣ все цѣнное и важное для характеристики Полежаевского таланта, ибо Полежаевъ былъ исключительно лирикъ по призыванію, какъ давно уже это пронизательно высказано Бѣлинскимъ и подтверждено Добролюбовымъ. Всѣхъ остальныхъ стихотвореній можно совсѣмъ не читать, ибо «поэзія въ нихъ и не ночевала»: поэмы и драматическіе отрывки являются или переводами (правда хорошими, но вещей незначительныхъ) изъ Байрона, Делявина и Легуве, или походными записками и дневниками въ видѣ поэмъ, т. е. въ стихотворной формѣ, (таковы поэмы: «Эрпели» и «Гирь-юртъ»), или, наконецъ, заблужденіями сильнаго таланта, захотѣвшаго писать о неизвѣстной для него классической жизни и поэтому наговорившаго трескучихъ, напыщенныхъ фразъ, подъ видомъ художественнаго воспроизведенія древняго Рима (таковы — «Видѣніе Брута» и «Коріюланъ»); оды, гимны и элегіи... но о нихъ лучше бы совсѣмъ умолчать, ибо переводы (элегіи) изъ слезоточиваго и безконечно-велерѣчиваго Ламартина, являющаго собой яркій типъ сантиментальнаго фразера, хороши, какъ переводы, но Богъ съ нимъ, съ Ламартиномъ; оды же и гимны относятся къ юношескимъ произведеніямъ Полежаева, писаннымъ по заказу. Послѣдній отдѣлъ сатирическихъ и юмористическихъ стихотвореній — тоже безцвѣтенъ, незначителенъ и не любопытенъ, за исключеніемъ развѣ поэмы «Сашка», за которую Полежаевъ такъ незаслуженно жестоко пострадалъ и которая была причиной гибели его сильнаго, симпатичнаго таланта, но таланта исковерканнаго, неправильно развившагося и поэтому не сдѣлавшаго и десятой доли того, что онъ могъ сдѣлать, и не занявшаго того виднаго мѣста въ исторіи русской литературы, которое судьба ему предназначала непосредственно за Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Но замѣтимъ, что поэма «Сашка», какъ литературное произведеніе, — ничтожно при ея огромномъ біографическомъ значеніи. Не весь, конечно, и первый отдѣлъ представляетъ перлы: здѣсь также есть балласть, но въѣдъ безъ балласту обойтись нельзя ни въ одномъ полномъ собраніи сочиненій.

Еще Бѣлинскаго поражала въ стихотвореніяхъ Полежаева необыкновенная сила, страстность и стремительность чувства, крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія; кромѣ того, Бѣлинскій справедливо отмѣтилъ въ Полежаевскомъ талантѣ черту довольно грубаго сладострастія. Къ этой общей характеристикѣ остается добавить только нѣсколько частныхъ замѣчаній, что у Полежаева была чуткость въ пониманіи какъ красота природы, такъ и въ пониманіи духа русскихъ народныхъ пѣсенъ, нѣсколько образчиковъ которыхъ мы находимъ у Полежаева; кромѣ того, у него было остроуміе и юмористическая жилка, но, къ сожалѣнію, эта сторона его таланта заглохла, не развившись. Мы не будемъ доказывать всѣми признанной истины, что поэзія Полежаева (т. е. его лирика) тѣсно связана съ его жизнью, имѣя непосредственно-біографическое значеніе. Въ жизни надъ Полежаевымъ тяготѣлъ какой-то неумолимый и неотвратимый рокъ, жизнь Полежаева была мучительно однообразна, безпросвѣтно уныла и безпріютно одинока, — и его поэзія запечатлѣна мрачнымъ отчаяніемъ, безысходной тоской, подчасъ прерываемой покаянными воплями и унылымъ щемящимъ однообразіемъ похоронныхъ мотивовъ. Изрѣдка его тревожатъ обольстительные сны прошлаго, — тогда

«Онъ воскресаетъ бытіемъ:
«Безумнымъ радостнымъ огнемъ»

«Тогда глаза его горятъ
 «И слезы крупныя блестятъ,
 «И, очарованный мечтой,
 «Надежду жизни молодой
 «Несчастный видитъ, ловить вновь—
 «Опять поетъ, опять любовь
 «Къ свободѣ, къ міру, въ немъ кипитъ!
 «Онъ къ ней стремится, къ ней летитъ,
 «Онъ полонъ милыхъ сердцу думъ!..
 «Но вдругъ цѣпей желѣзныхъ шумъ,
 «Иль хохотъ глупыхъ бѣглецовъ—
 «Тюрьмы безсмысленныхъ жильцовъ,
 «Раздался въ сводахъ роковыхъ—
 «И рой видѣній золотыхъ,
 «Какъ легкій утренній туманъ,
 «Унесъ души его обманъ...»

Но эти отрадные и свѣтлыя минуты рѣдко выпадали въ теченіе 12 лѣтъ его тяжелой, безотрадной, солдатской жизни, въ убійственной сѣрой казарменной средѣ. Вино сдѣлалось для Полежаева необходимостью, потребностью, однимъ словомъ — болѣзью, и онъ не переставалъ пить безъ мѣры и въ 32 года чахотка окончательно сокрушила его. Въ эти 12 мрачныхъ лѣтъ поэтъ много перестрадалъ, и этими страданіями проникнуты его лучшія лирическія стихотворенія: «Вечерняя заря», «Пѣснь плѣннаго прокезца», «Цѣпи», «Пѣснь погибающаго пловца», «Ожесточенный», «Живой мертвецъ», «Арестантъ», «Осужденный», «Провидѣніе», «Водопадъ», «У меня ль молодца ровно въ двадцать лѣтъ», «Раскаяніе», «Негодование», «Грусть», «Отчаяніе», «Пѣснь» и «Тоска». Всѣ эти стихотворенія написаны на одну тему, что отчасти видно и изъ заглавій. По этимъ стихотвореніямъ можно судить, какую поэтическую силу русская литература утратила въ Полежаевѣ и какъ безжалостно и несправедливо жестоко судьба покарала его, заставивъ за годъ до смерти воскликнуть:

«О, дайте мнѣ кинжалъ и ядъ,
 «Мои друзья, мои злодѣи!
 «Я понялъ, понялъ жизни адъ,
 «Мнѣ сердце высосали змѣи!»

С. Тр.

Биографіи. Собралъ и дополнилъ А. Ѳ. Селивановъ. Пенза. 1889.

Наше «Историческое общество» приступило наконецъ къ осуществленію давно намѣченнаго имъ плана составленія біографическаго словаря замѣчательныхъ русскихъ людей (см. въ настоящей книжкѣ журнала «Отчетъ о годичномъ собраніи Русскаго Историч. общества»). Начало этого громаднаго труда, который составитъ эпоху въ исторіи русской литературы, положено изданіемъ двухъ томовъ «Сборника» общества (LX и LXII), гдѣ напечатаны азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей, имѣющихъ быть помѣщенными въ біографическомъ словарѣ. Такихъ именъ въ обоихъ томахъ болѣе пятидесятидвухъ съ половиною тысячъ, и хотя надо надѣяться, что не всѣ они и могутъ быть помѣщены въ число дѣйствительно замѣчательныхъ дѣятелей, но наше поколѣніе конечно не увидитъ окончанія этого словаря. Утѣшимся и тѣмъ, что мы жили въ эпоху его начала и основанія, что многіе изъ нашихъ современниковъ подготовляли матеріалы для его осуществленія.

Нельзя сказать, чтобы мы были богаты этими матеріалами, хотя у насъ есть словари государственныхъ дѣятелей, фельдмаршаловъ, генераловъ, профессоровъ, докторовъ, даже писателей. Въ послѣднее время начали у насъ появляться біографіи лицъ той или другой мѣстности Россіи, какъ сборникъ А. С. Гацискаго «Люди нижегородскаго Поволжья» въ 1887 году. Къ такому же ряду книгъ относятся и «Біографіи» г. Селиванова. Изъ предисловія мы узнаемъ, что это біографіи «замѣчательныхъ уроженцевъ и дѣятелей Пензенской губерніи». Хотя губернія эта не принадлежитъ къ кореннымъ областямъ русской земли и, населенная мордвою и мещеряками, составляла крайнюю московскаго государства, только съ XVII столѣтія начавшаго строить тутъ укрѣпленія, но къ ея уроженцамъ принадлежатъ, въ числѣ другихъ замѣчательныхъ лицъ, два выдающіеся дѣятеля нашей литературы, Лермонтовъ и Бѣлинскій, но ихъ-то именно, да еще Полежаева, г. Селивановъ и не внесъ въ свой сборникъ, «такъ какъ ихъ всѣ знаютъ». Едва ли это можетъ служить основаніемъ умолчанію о такихъ лицахъ. Авторъ составилъ біографіи 23-хъ лицъ и общаетъ еще 25, да 13-ти лицъ «потрудившихся (sic) надъ изученіемъ Пензенской губерніи». Итого знаменитыхъ пензяковъ насчитывается только 64. Это что-то очень мало. Г. Гацискій даетъ списокъ 350-ти «людей нижегородскаго поволжья», кромѣ лицъ посѣщавшихъ этотъ край. Въ книгѣ его всего восемь біографій, но онѣ составлены такъ полно и отчетливо, какъ только можно желать отъ трудовъ подобнаго рода. Мы не можемъ къ сожалѣнію сказать того же о біографіяхъ г. Селиванова: онѣ далеко не полны и написаны тяжелымъ неправильнымъ языкомъ. Такъ въ біографіи П. Н. Арапова, сокращенной изъ статьи, «Энциклопедическаго словаря» 1862 года съ добавленіемъ списка сочиненій Арапова по словарю Геннади, встрѣчаются такія фразы: «онъ сошелся съ Катенинымъ, также страстно любившимъ театръ, какъ и Араповъ, и такъ много трудившагося (sic) для нашей сцены». Въ біографіи Ф. И. Буслаева приведено подробное описаніе его юбилея со всѣми поздравительными письмами, телеграммами и т. п., что совершенно лишнее. Въ біографіи А. Н. Бекетова, составленной по собственнымъ свѣдѣніямъ автора, приписывается этому профессору слишкомъ преувеличенная роль въ учрежденіи высшихъ женскихъ курсовъ и говорится совершенно голословно, что «курсы эти можно съ такимъ же правомъ назвать Бекетовскими, какъ они называются теперь Бесугужевскими». Личное пристрастіе автора проглядываетъ во многихъ мѣстахъ: такъ А. Г. Рубинштейна онъ называетъ «высокимъ соотечественникомъ». Въ біографіи М. А. Викторовой, умершей на двадцатомъ году, не названы многія изъ ея сочиненій, упомянутыя въ «Библиографическомъ словарѣ русскихъ писательницъ» кн. Голицына. Вообще авторъ кажется не вполне уяснилъ себѣ: кого именно слѣдуетъ причислить къ «знаменитымъ пензякамъ». Г. Гацискій совершенно опредѣленно относитъ къ мѣстнымъ дѣятелямъ всѣхъ, кто родился и дѣйствовалъ въ районѣ своего родного края, также и тѣхъ, кто родился въ немъ, но дѣйствовалъ внѣ его, или, родившись внѣ его, отдавалъ себя служенію мѣстному краю. Между тѣмъ г. Селивановъ причисляетъ къ пензякамъ Н. И. Хлѣбникова, родившагося въ Костромской губерніи, начавшаго свое ученіе въ Вятской, кончившаго въ московскомъ университетѣ и бывшаго профессоромъ въ Варшавѣ и Кіевѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ и умеръ. Въ Пензу онъ пріѣхалъ 11-ти лѣтъ, съ своимъ отцемъ, служившимъ по откупамъ, и учился въ тамошней гимназіи. Гдѣ же основаніе причислять его къ пензякамъ? Статья о Загоскинѣ очень слаба. Лучшая біографія

Н. П. Огарева взята изъ сборника Гербеля «Русскіе поэты». Но не смотря на ихъ краткость и неполноту—брошюра г. Селиванова все-таки представляетъ полезный вкладъ въ нашу небогатую біографическую литературу.

В. З.

О Франціи. Статьи проф. В. И. Модестова. Спб. 1889.

Вышедшая въ прошломъ году книга проф. Модестова «О Германіи» была благосклонно пріятствована не только русской печатью, но встрѣтила также полное сочувствіе и въ иностранной прессѣ («Algemeine Zeitung», «Revue politique et littéraire»). Очевидно, та же участь ждетъ и появившіяся въ настоящее время его новый трудъ «О Франціи», въ которомъ, собраны статьи почтеннаго автора, печатавшіяся имъ въ текущемъ десятилѣтіи въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ («Историческомъ Вѣстникѣ», «Голосѣ» и «Новостяхъ») и касавшіяся разнообразныхъ сторонъ французской жизни съ такимъ расчетомъ, чтобы русскій читатель могъ имѣть достаточно полное представленіе о современномъ состояніи Франціи, какъ представительницы преимущественно наивысшихъ культурныхъ интересовъ человѣчества. Съ первыхъ же страницъ труда читатель увидитъ, что г. Модестовъ состоитъ горячимъ и убѣжденнымъ почитателемъ Франціи и ея лучшихъ людей, рассматриваетъ ее «какъ страну полную живыхъ силъ, энергіи и животворнаго генія и глубоко вѣрить, что она долго еще будетъ занимать въ европейской средѣ выдающееся положеніе». Къ этому убѣжденію приводитъ автора его многолѣтнее знакомство съ страной и ея представителями, знакомство и непосредственное и черезъ изученіе произведеній французской литературы, спеціально-научной и политической. Каждая изданная книга, трактатъ или произнесенная рѣчь французскаго ученаго или общественнаго дѣятеля, всегда привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашего профессора, вызывая въ немъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе подѣлиться по этому предмету своими впечатлѣніями съ соотечественниками, въ видѣ обстоятельно и живо написанной статьи, совокупность которыхъ и составила вышеозначенную книгу. При этомъ г. Модестовъ не ограничивается передачей содержанія иностраннаго произведенія, но дѣлаетъ общую характеристику его автора, ставитъ его общественную дѣятельность въ связь съ общимъ ходомъ государственной или духовной жизни страны, освѣщая послѣднюю вмѣстѣ съ тѣмъ съ точки зрѣнія интереса современности и указывая въ ней ея сильныя и слабыя стороны. Такимъ образомъ читатель имѣетъ возможность въ каждомъ отдѣльномъ очеркѣ ознакомиться и съ французскимъ трудомъ, по поводу котораго написанъ очеркъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ интересной страничкой политической или духовной жизни первокласснаго государства. Изображеніе послѣдней, т. е. духовной жизни, занимаетъ въ статьяхъ г. Модестова главное мѣсто. Здѣсь мы знакомимся съ трудами, жизнью и дѣятельностью Ренана, Жюль Симона, Тьера, Дезирѣ Визара, Леруа-Больѣ, Луи Леже, а главнымъ образомъ съ состояніемъ просвѣщенія, съ устройствомъ и историческимъ развитіемъ народной, средней и высшей школы. Нужно отдать полную справедливость почтенному профессору—его статьи по этимъ предметамъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Здѣсь не только можно ознакомиться съ трактуемымъ предметомъ по существу, но найти также общіе, руководящіе принципы, долженствующіе лечь въ основаніе сужденій

каждаго интеллигентнаго человѣка нашего времени. Эти-то общіе принципы, носящіе на себѣ печать глубокой вѣры въ зиждательную силу просвѣщенія, любовь къ истинѣ и добру и составляютъ ту отличительную сторону статей г. Модестова, которая дѣлаетъ ихъ столь симпатичными, вызываетъ при чтеніи ихъ бодрость духа, любовь къ знанію и поклоненію передъ успѣхами истинной цивилизаціи.

Статьи по школьному вопросу въ нынѣшнемъ трудѣ г. Модестова вмѣстѣ съ статьями по тому же вопросу въ книгѣ «О Германіи» для русскаго читателя имѣютъ еще чисто домашній, такъ сказать, интересъ: ихъ можно разсматривать какъ мѣтко брошенный камышекъ въ отечественный педагогическій огорождъ. Изъ него ясно видно, какъ мы старательной рукой засаживали, да и понынѣ продолжаемъ засаживать родныя поля тѣми плевелами, которыя западные сосѣди уже давно признали вредоносными и губящими живительныя силы народной почвы.

Б. Г.—скій.

Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. П. Д. Перепелицына. 1888.

Въ послѣднее время, съ возникновеніемъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ множества частныхъ и общественныхъ театральныхъ школъ и вообще съ замѣтнымъ возростаніемъ интереса къ искусству, все больше и больше стала ощущаться необходимость въ учебникахъ по исторіи русскаго драматическаго искусства и музыки. Удовлетворить этой потребности поставилъ себѣ цѣлью нынѣ уже покойный П. Д. Перепелицынъ въ своей «Исторіи музыки», печатавшейся сначала въ журналѣ «Новь», а теперь изданной отдѣльно товариществомъ М. О. Вольфъ. Въ предисловіи издатели рекомендуютъ книгу, какъ «первое и единственно полное сочиненіе по исторіи отечественной музыки» и указываютъ на очень сочувственный о ней отзывъ профессора петербургской консерваторіи, Н. Ѳ. Соловьева; но къ сожалѣнію этотъ отзывъ показываетъ только, что прошлое русскаго искусства мало знакомо даже нашимъ спеціалистамъ.

Книга г. Перепелицына обзрѣваетъ исторію русской музыки съ самыхъ первыхъ ея зародышей еще въ пору язычества и до послѣдняго времени, при чемъ отдѣльныя главы посвящены «русскому пѣснотворчеству», скоморошеству, описанію древне-русскихъ инструментовъ, вліянію на музыку христіанскаго аскетизма, богослужебному пѣнію и др. и затѣмъ 8 послѣднихъ главъ прогрессивному развитію музыки въ Россіи со времени Петра I. Всѣ эти главы неодинаковы по своему достоинству, что обусловливается до извѣстной степени количествомъ и качествомъ частныхъ изслѣдованій потому или другому вопросу, но вообще всѣ онѣ болѣе или менѣе страдаютъ двумя общими недостатками — невѣрностью сообщаемыхъ фактовъ и характеристикъ и неполнотой изложенія. Нѣтъ спора, что написать хорошій учебникъ по исторіи музыки—дѣло очень не легкое при малой еще разработанности у насъ исторіи русскаго искусства, но мы въ правѣ требовать отъ человѣка, посвятившаго, какъ говорятъ, всю свою жизнь изученію русской музыки, знанія хотя бы тѣхъ очень немногочисленныхъ источниковъ, которые существуютъ по его предмету, а между тѣмъ именно этого-то знанія и не замѣтно у г. Перепелицына. Для доказательства достаточно будетъ разсмотрѣть хотя бы главы о музыкѣ въ царствованіе Екатерины II.

Царствованіе императрицы Екатерины было во многих отношеніях знаменательно въ исторіи русскаго искусства: при ней открылся первый частный театр въ Петербургѣ, учреждено театральное училище, появилось, благодаря личному почину и вліянію императрицы, множество русскихъ и переводныхъ оперъ. Обо всемъ этомъ мы находимъ свѣдѣнія и у г. Перепелицына, но какъ все у него спутано и невѣрно! Учрежденіе, напримѣръ, театральнаго училища, имѣвшее мѣсто въ 1779 г. при Бибииковѣ, отнесено ко времени директорства И. П. Елагина; основаніе въ томъ же 1779 году вольнаго театра Книпера отнесено неизвѣстно на какихъ основаніяхъ къ 1766 году и приписывается Дмитревскому, тогда какъ онъ былъ только учителемъ книперовыхъ артистовъ. Знаменитая опера Аблесимова «Мельникъ», данная въ первый разъ въ Петербургѣ именно для открытія этого театра, по свѣдѣніямъ г. Перепелицына, оказывается, была поставлена прежде на придворномъ театрѣ и только уже потомъ будто бы «вытѣсенная оттуда гримасами и насмѣшливыми фразами на французскомъ языкѣ» появилась на Книперовомъ театрѣ. Говоря о другой русской оперѣ «Анюта», г. Перепелицынъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія объ ея авторѣ, Поповѣ, гдѣ Михаилу Попову приписывается то, что можетъ быть отнесено только къ Алексѣю Попову, и это тѣмъ болѣе непростительно, что объ обоихъ Поповыхъ специально писалъ покойный Лонгиновъ и уже указывалъ на ошибку, теперь снова повторяемую г. Перепелицынымъ. Все это — промахи болѣе или менѣе крупныя и во всякомъ случаѣ обличающіе незнаніе г. Перепелицынымъ того, что онъ вздумалъ преподавать другимъ; но нигдѣ такъ ярко не сказалось это незнаніе, какъ тамъ, гдѣ автору приходится дѣлать общія характеристики. Для примѣра мы ограничимся только однимъ удивительнымъ отзывомъ г. Перепелицына о русской комедіи. «По вкусамъ екатерининскаго времени, пишетъ онъ, музыка и пѣніе необходимо входили въ составъ комедіи; разговоръ былъ перемѣшанъ съ пѣніемъ. Комедія была—нѣчто среднее между водевилемъ и нынѣшней опереткой» (стр. 125). Можно себѣ представить, какое понятіе о старинной русской комедіи получаютъ люди съ ней незнакомые, принявъ на вѣру слова г. Перепелицына. Сумароковъ, Княжнинъ, Фонъ-Визинъ, Капнистъ, Плавильщиковъ, Клушинъ, писали, оказывается, комедіи, представившія собой нѣчто среднее между водевилемъ и опереткой!

Сбивчивость и недостаточность знаній неизбежно влечетъ за собой спутанность и неполноту изложенія. И то и другое постоянно даетъ себя чувствовать въ книгѣ г. Перепелицына. Прежде всего она касается почти исключительно только вѣшней исторіи музыки. Посвящаетъ ли авторъ отдѣльную главу русскому пѣснотворчеству, онъ почти всю ее заполняетъ библиографическими свѣдѣніями, очень подробно перечисляетъ отдѣлы народныхъ пѣсней, при чемъ въ числѣ послѣднихъ къ удивленію упоминаются неизвѣстно почему думы Рылѣва, а о самомъ важномъ—о свойствѣ русскаго народнаго стиха, объ особенностяхъ пѣсней въ ритмическомъ, мелодическомъ и гармоническомъ отношеніяхъ говорится очень поверхностно и мало. Говорить ли г. Перепелицынъ о національной русской оперѣ со временъ Глики, онъ очень мало занимается характеристикой этой оперы, а вмѣсто того предпочитаетъ дать читателю родъ біографическаго словаря всѣхъ русскихъ композиторовъ и музыкантовъ, хотя бы даже такихъ незначительныхъ и мало извѣстныхъ, какъ Шель или Вларамбергъ. Читатель

узнаеть годъ рожденія этихъ господъ, но, думается, что въ учебникѣ по исторіи русской музыки было бы умѣстнѣе коснуться только тѣхъ композиторовъ, которые дѣйствительно оказали вліяніе на развитіе русской музыки и подробнѣе указать, въ чемъ именно заключалось это вліяніе. Говоря впрочемъ о такъ называемой «новой» русской музыкѣ, авторъ, видимо ей симпатизирующей, останавливается дольше на дѣятельности ея представителей, Балакирева, Мусоргскаго и др., но и тутъ вмѣсто сжатыхъ и точныхъ характеристикъ мы находимъ только цитаты изъ газетныхъ рецензій—пріемъ едва ли умѣстный и желательный въ учебникѣ. Обращаясь къ вѣшной исторіи, изложенію которой авторъ посвящаетъ почти всю свою книгу, мы и здѣсь встрѣчаемся съ существенными недочетами. Не говорится, наприм., почти совсѣмъ о музыкѣ въ Москвѣ, такъ что, если бы не перечисленіе кое-гдѣ московскихъ оперныхъ артистовъ, читатель книги г. Перепелицына могъ бы подумать, что Москва такой антимузыкальный городъ, что въ немъ не было ни театра, ни какихъ-нибудь музыкальныхъ учрежденій, а между тѣмъ, одна исторія московскаго Медоксова театра могла бы составить любопытнѣйшую страницу въ исторіи русской музыки. Сжатость изложенія не можетъ считаться въ данномъ случаѣ оправданіемъ. Не мѣшаетъ же она г. Перепелицыну говорить о театрѣ въ Варшавѣ и въ провинціи, или пускаться въ длинныя и не идущія къ дѣлу отступленія. Особенно неприятно поражаютъ въ учебникѣ экскурсіи въ область театральныхъ нравовъ. Едва ли для ознакомленія съ развитіемъ русской музыки нужно знать, сколько платилъ Безбородко своимъ любовницамъ, или, что онъ содержалъ въ своемъ домѣ цѣлый сераль и «питалъ особое пристрастіе къ итальянкамъ, настолько по ихъ талантамъ, сколько по драгоценнымъ пластическимъ прелестямъ и нѣгѣ ласкъ», а г. Перепелицынъ еще приводитъ цитату изъ записокъ Гарновскаго: «Проба привезеннымъ итальянкамъ сдѣлана, но не знаю—обѣ или одна изъ нихъ была принята... въ сераль».

И такъ, недостаточность фактовъ и неправильныя характеристики съ одной стороны и неполнота изложенія или, наоборотъ, иной разъ неумѣстная обстоятельность—вотъ главные недостатки труда г. Перепелицына. Къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить запутанный и не кстати испещренный иностранными словами слогъ. Вотъ примѣръ: «Русская женщина была начисто исключена изъ суммы ингредиентов нравственно-общественной жизни московскаго міра» (стр. 43). Такое изложеніе составляетъ существенный недостатокъ даже и не въ учебникѣ, отъ котораго требуется прежде всего простота и ясность слога.

Въ заключеніе, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о художественной сторонѣ изданія. Книга г. Перепелицына иллюстрирована 31 рисункомъ и 66 портретами «извѣстнѣйшихъ дѣателей на поприщѣ музыки». При хорошемъ выборѣ портретовъ могъ бы составиться такимъ образомъ интересный альбомъ, но къ сожалѣнію именно выборъ-то портретовъ и нельзя назвать удачнымъ. Вмѣсто того, чтобы отвести особенно видное мѣсто прежнимъ дѣателямъ въ области музыки, портреты которыхъ по ихъ рѣдкости особенно интересны, наибольшее число портретовъ выпало на долю писателей по теоріи музыки и газетнымъ рецензентамъ послѣдняго времени, при чемъ и тутъ встрѣчаемъ очень мало извѣстныхъ и не находимъ портретовъ такихъ писателей, какъ Г. А. Ларошъ. То же слѣдуетъ сказать и о пѣвцахъ. Помѣщенъ, напримѣръ, портретъ Прянишникова и нѣтъ Корсова, имѣвшаго

большее влияние на оперу въ Москвѣ; есть Меншикова и пѣтъ портрета гораздо болѣе заслуженной Леоновой. Но хуже всего, что и здѣсь мы встрѣчаемся съ грубѣйшими ошибками, Гдѣ-то уже было указано, что вмѣсто А. С. Фамицына помѣщенъ портретъ его брата. Можно прибавить къ этому, что подъ именемъ извѣстной оперной пѣвицы Нифодоры Семеновой фигурируетъ сестра ея, трагическая актриса, Екатерина Семенова.

Исторія русскаго театра рѣшительно не везетъ. Каждый новый трудъ въ этой области возбуждаетъ только разочарованія. Какъ видно изъ предыдущаго, и книга г. Перепелицына не можетъ избѣжать такой же участи. Издатели ея правы лишь въ одномъ: необходимость въ учебникѣ по исторіи искусства ощущается ясно, и пора бы нашимъ специалистамъ поскорѣе подарить русское общество такимъ трудомъ.

А. Сиротининъ.

Журналы комитета министровъ. Царствованіе императора Александра I. 1802—1826 гг. Т. I. 1802—1810 гг. Спб. 1888 г.

Слѣдуетъ признать весьма цѣннымъ настоящее изданіе для исторіи нашихъ высшихъ государственныхъ установленій. Значеніе, приобрѣтенное комитетомъ министровъ, таково, что лучше всего познается именно по журналамъ его засѣданій, по непосредственной дѣятельности, по тѣмъ самымъ предметамъ, которые приходилось вѣдать ему въ дѣйствительности. Такого же рода матеріалъ, въ видѣ указываемаго изданія, выпускаемаго подъ ближайшимъ руководствомъ г. Куломзина, нынѣшняго управляющаго дѣлами комитета министровъ,—появляется впервые. Къ тому же онъ представляется здѣсь довольно обработаннымъ.

Томъ I заключаетъ въ себѣ «Историческій очеркъ учрежденія комитета министровъ и измѣненій въ его организаціи, предѣлахъ власти и составѣ съ 8 сентября 1802 г. по 1826 г.» и «Обозрѣніе главнѣйшихъ предметовъ обсужденія въ комитетѣ министровъ въ первые 8 лѣтъ его существованія, съ 1802 г. по 1810 г.» Далѣе идутъ самые журналы комитета министровъ, расположенные по годамъ, въ хронологическомъ порядкѣ, съ приложеніемъ тѣхъ представлений, дѣлавшихся комитету министровъ, которыя имѣютъ особый историческій интересъ. Въ концѣ же тома помѣщены указатели: 1) предметный; 2) именъ личныхъ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о всѣхъ выдающихся дѣятеляхъ; 3) географическій.

Комитетъ министровъ получилъ свое начало вмѣстѣ съ первымъ учрежденіемъ министерствъ 8 сентября 1802 г. Данное ему тогда закономъ опредѣленіе было весьма кратко, какъ и все законоположеніе 8 сентября 1802 г. Законодательнаго значенія, однако, комитету никакъ не предоставлялось. Какъ законодательное или законосовѣщательное учрежденіе, существовалъ въ то время непремѣнный совѣтъ, хотя и весьма слабо развитый. (Въ настоящемъ трудѣ непремѣнный совѣтъ называется вездѣ просто совѣтомъ,—какое сокращеніе не оправдывается обстоятельствами дѣла). Комитетъ министровъ несомнѣнно предназначался только для обсужденія общихъ мѣропріятій по министерствамъ, для обезпеченія единства въ направленіи и образѣ дѣйствій правительства, то есть, ему предоставлялась только высшая исполнительная власть. Министры юридически, и въ весьма положительныхъ формахъ, подчинялись верховному надзору сената; но фактически они сами и ихъ комитетъ отодвинули на второй планъ не только сенатъ, но и непремѣнный со-

вѣтъ. «Ни совѣтъ, ни сенатъ далеко не имѣли того вліянія на общій ходъ государственныхъ дѣлъ, какое приобрѣлъ комитетъ»—говорится на стр. 55 относительно первыхъ лѣтъ дѣятельности этого учрежденія. Такимъ образомъ, въ комитетѣ министровъ нерѣдко разрѣшались и дѣла законодательнаго свойства.

Обнаружившееся съ самаго начала подобное значеніе комитета министровъ вызвало съ самаго же начала и весьма единодушныя возраженія. Противъ такого развитія дѣятельности комитета высказывались Карамзинъ и Трошинскій. Въ такомъ же смыслѣ высказывался и Сперанскій, и въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего «замѣчательнаго», какъ полагаетъ авторъ историческаго очерка, основываясь на томъ, что Сперанскій «главный защитникъ системы министерскаго управленія и авторъ плана реформъ 1811 г.» Если съ самаго начала, и безъ участія Сперанскаго, комитету министровъ предоставлялась только исполнительная власть, то тѣмъ менѣе неопредѣленность положенія и фактическое приобретеніе комитетомъ законодательной власти могли согласоваться со взглядами Сперанскаго именно какъ «автора плана реформъ 1811 г.» (скорѣй можно было бы сказать—плана реформъ 1809 г.) Планъ этотъ проводилъ строгое раздѣленіе властей, весьма рѣзко выраженное и въ тѣхъ частяхъ, которыя получили осуществленіе. Государственный совѣтъ 1 января 1810 г., замѣнившій собою непремѣнный совѣтъ, является единственнымъ законсовѣщательнымъ учрежденіемъ. Наоборотъ, министерствамъ по учрежденію 25 іюня 1811 г. предоставлялась строго и точно исполнительная власть. Затѣмъ, не только не предполагалось расширить предметы вѣдомства комитета юридически, согласно приобретаемому имъ фактическому значенію,—но наоборотъ. Въ запискѣ своей о государственныхъ установленіяхъ. («Архивъ истор. и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи» Калачова, 1859 г., кн. 3, стр. 45) Сперанскій сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «комитетъ бывшій дотолѣ только совѣщательнымъ министровъ и по новому образованію назначенный вовсе къ уничтоженію, въ сіе время сдѣлался мѣстомъ присутственнымъ, гдѣ дѣла всякаго рода, и малыя и большія, и судебныя и правительственныя, рѣшались по голосамъ и голоса сіи издавались во всеобщее извѣстіе. Между тѣмъ, ни составъ сего мѣста, ни цорядокъ, ни власть его, ни предѣлы, ни отношенія его къ другимъ установленіямъ не опредѣлены никакимъ гласнымъ учрежденіемъ.» Это замѣчаніе, довольно объясняющее, почему Сперанскій сходилса и не могъ расходиться по настоящему вопросу съ Карамзинымъ и Трошинскимъ,—приводится, впрочемъ, самимъ авторомъ историческаго очерка.

Но по словамъ автора,—«какъ проектъ новой организаціи севата, такъ и предположеніе объ упраздненіи комитета министровъ остались безъ исполненія, главнымъ образомъ вслѣдствіе чрезвычайныхъ политическихъ событій 1812 г. Отечественная война была косвенною причиною новаго хотя и временнаго во вѣдѣній формѣ закрѣпленія правъ комитета министровъ и еще большаго, чѣмъ прежде, усиленія его фактической власти» (стр. 23).

Н. Др.

Отчетъ Императорской Публичной библиотеки за 1886 годъ. Спб. 1888.

Отчеты Императорской Публичной библиотеки систематически запаздываютъ, хотя за послѣднее время все-таки они начинаютъ выходить исправ-

нѣе: теперь отчеты запаздываютъ на два года, и раньше они запаздывали на 3 и на 4 года. Такимъ образомъ, недавно вышелъ отчетъ о дѣятельности библиотеки за 1886 годъ.

Ростъ библиотеки, третьей въ мірѣ по количеству книгъ, идетъ безостановочно: каждый годъ въ нее поступаетъ среднимъ числомъ 25000 томовъ, для помѣщенія которыхъ требуется площадь въ 40 квад. саж. По этому, вопросъ о расширеніи зданія является для библиотеки самымъ жизненнымъ и насущнымъ, а между тѣмъ никакихъ пристроекъ не было съ 1828—1834 гг. Занималось въ библиотекахъ въ 1886 году 11,478 лицъ (въ томъ числѣ 1,803 женщины). Въ теченіе 9 мѣсяцевъ (3 мѣсяца библиотека была закрыта по случаю ремонта) въ читальной залѣ перебывало читателей 91,460. Книгъ вытребовано для чтенія всего 236,518 томовъ и номеровъ (русскихъ и иностранныхъ, отдѣльныхъ сочиненій и повременныхъ изданій, изъ отдѣленій и изъ библиотеки при читальной залѣ). Отказано въ отдѣленіяхъ по 9,610 требованіямъ, а въ читальной залѣ по 9,644, въ томъ числѣ по 4,964 требованіямъ повременныхъ изданій. Изъ 488 повременныхъ изданій на русскомъ языкѣ болѣе всего читается, какъ видно изъ отчета, «Вѣстникъ Европы» (выдано 1,236 лицамъ, отказано 207) и «Правит. Вѣстникъ» (выдано 611, отказано 75). Вообще извѣстные журналы и газеты по количеству требованій за 1886 годъ, (за прежніе годы выдачи и отказы выражались почти въ такихъ же цифрахъ) распредѣляются въ такомъ порядкѣ. Первое мѣсто, какъ уже сказано, принадлежитъ «Вѣстн. Евр.», второе — «Русской Мысли» (выдано 700, отказано 173), третье «Правит. Вѣстнику». Далѣе слѣдуютъ: 4) «Сѣверный Вѣстникъ» (566 и 109), 5) «Наблюдатель» (540 и 102), 6) «Русская Старина» (486 и 65), 7) Новое Время (439 и 70), 8) «Русское Богатство» (385 и 62) 9) «Русскій Вѣстникъ» (364 и 40), 10) «Историческій Вѣстникъ» (329 и 69), 11) «Новости» (292 и 63) и пр., и пр. Въ самомъ хвостѣ длиннаго списка потребованныхъ періодическихъ изданій стоятъ «Пермскія Губ. Вѣдомости» (20 выдачъ и ни одного отказа). «Дневникъ Писателя» г. Аверкіева былъ потребованъ всего 22 раза; 250 изданій читались менѣе 20 разъ, а 99 изданій совсѣмъ не были требуемы. Изъ иностранныхъ первое мѣсто принадлежитъ журналу «Revue des deux mondes» (301 и 60), второе польской газетѣ «Słowo» (233 и 47), третье польскому журналу «Ateneum» четвертое грузинской газетѣ «Иверія», пятое армянской газетѣ «Норъ-Даръ», а послѣднее мѣсто «Journal des Economistes» всего 10 выдачъ безъ отказовъ, 75 иностранныхъ изданій читались менѣе 10 разъ, а 50 и вовсе не читались.

Въ отдѣленіи рукописей въ теченіе 1886 года получили разрѣшеніе заниматься 93 лица, а въ отдѣленіи старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ 16 лицъ. Обозрѣвали библиотеку въ отчетномъ году 2,965 лицъ. Съ высочайшаго разрѣшенія нѣкоторые рукописи были высланы даже въ Парижскую національную библиотеку и въ придворную библиотеку въ Карльсруэ для занятій профессора Гейтснера.

Отдѣленіе рукописей обогатилось многими замѣчательными дарственными приношеніями. Такъ, между прочимъ, изъ бумагъ О. Л. Перверзева, бывшаго въ 1850 годахъ членомъ Совѣта Мин. Вн. Дѣлъ, поступило письмо А. И. Герцена къ императору Александру Николаевичу объ уничтоженіи крѣпостной зависимости крестьянъ и дарованіи свободы слова и его же сочиненіе «Объ аристократіи, въ особенности русской». Отъ В. П. Энгельгардта изъ Дрездена полученъ интересный альбомъ—«М. И. Глинка въ карикатурахъ Н. А. Степанова», рисованныхъ акварелью. Всѣхъ карикатуръ

51. Сюжеты ихъ относятся частью къ сороковымъ, частью къ пятидесятымъ годамъ. Въ карикатурахъ первой категоріи дѣйствующими лицами являются, кромѣ самаго Глинки, Карлъ Брюлловъ, Н. и П. Кукольники, Яненко, Донъ-Педро (спутникъ и нянька Глинки) и др.; карикатуры изображаютъ: пирушки, собранія «братіи» (какъ называлъ ихъ самъ Глинка), сцены изъ бракоразводнаго дѣла Глинки, работы и отдыха Глинки, наконецъ, сцены изъ побѣдки въ Испанію. Дѣйствующими лицами карикатуръ второй категоріи являются: А. С. Даргомыжскій, В. П. Энгельгардтъ, А. Н. Сѣровъ, Д. В. Стасовъ, Сантисъ, Кастріото-Скандербекъ и др.; сцены представляютъ, главнымъ образомъ, музыкальныя событія.—А. Н. Мальцевой принесено въ даръ собственноручное письмо имп. Александра I на французскомъ языкѣ изъ Троппау отъ 23 октября 1820 года, къ княгинѣ С. Сер. Мещерской. Въ этомъ весьма интересномъ письмѣ ярко отражается то религіозное настроеніе, которымъ былъ проникнутъ имп. Александръ I въ послѣдніе годы своего царствованія. Заслуживаютъ упоминанія также 23 письма разныхъ лицъ къ князю А. Д. Меншикову, 36 черновыхъ автографовъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, нѣсколько черновыхъ автографовъ извѣстнаго писателя Екатерининскихъ временъ В. И. Майкова, автографъ извѣстной поэмки И. С. Никитина «Жулакъ» въ первоначальной редакціи, письмо историка В. Н. Татищева къ президенту Акад. Наукъ, Л. Л. Блуменросту, изъ с. Болдина, отъ 3 мая 1750 года и пр., и пр. Вообще рукописей и автографовъ въ 1886 г. поступило въ бібліотеку 2,292. Въ приложеніяхъ къ отчету напечатаны: 1) «Замѣтки о нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгахъ» И. А. Бычкова и 2) Описаніе обширнаго сборника И. Е. Бецкаго на итальянскомъ языкѣ объ Италіи подъ заглавіемъ «Флорентійская елка».

С. Тр.

Монографіи городовъ Сувалкской губерніи, со свѣдѣніями о посадахъ Олита и Кибарты. Соч. И. И. Соневицкаго. Сувалки. 1888.

Города бывшаго царства Польскаго каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ имѣютъ свою исторію, весьма поучительную, но мало или почти неизвѣстную въ русской литературѣ. Преобразованія Привислинскаго края, предпріятыя вслѣдъ за усмиреніемъ польскаго мятежа, коснулись и расположенныхъ тамъ городовъ. Число ихъ тогда доходило до 452, но огромное ихъ большинство было создано искусственно, не отвѣчало понятію о городскомъ поселеніи и тяготилось своей номенклатурой, препятствовавшей жителямъ пользоваться правами самоуправленія, дарованными указами 19-го февраля 1864 г. сельскимъ жителямъ. Ненормальное положеніе такихъ городовъ вызвало необходимость обращенія ихъ въ посады, т. е. въ такія поселенія, которыя, съ уничтоженіемъ въ нихъ дорого стоившей городской администраціи, управляются по сельскому положенію и наравнѣ съ селеніями сами вѣдаютъ общественными дѣлами.

Польская литература не ощущаетъ недостатка въ историко-географическихъ матеріалахъ, касающихся земель бывшаго королевства Польскаго. Авторъ разсматриваемой брошюры воспользовался этими источниками, провѣрилъ ихъ посредствомъ бургомистровъ, пополнилъ свѣдѣнія о городахъ современными данными и исправилъ нѣкоторые анахронизмы, вкравшіеся въ труды польскихъ изслѣдователей.

Своими монографіями авторъ предпослалъ общій очеркъ Сувалкской губерніи и ея населенія. Небогатая ни флорой, ни фауной, имѣющая около 1/4 всего своего пространства неудобныхъ земель, покрытая многочисленными озерами и болотами, почти лишенная фабричной и заводской промышленности, Сувалкская губернія можетъ похвалиться лишь племеннымъ разнообразіемъ своего населенія. Преобладающій составъ его—литовцы, затѣмъ идутъ поляки, евреи, вѣмцы, бѣлоруссы, великороссы. Въ числѣ послѣднихъ около 7 тыс. насчитывается старообрядцевъ и раскольниковъ безпоповщинской секты, съиздавна расположенныхъ въ четырехъ уѣздахъ отдѣльными колоніями и отличающихся самобытностью и преданностью русской народности. Давно уже—скажемъ кстати—этотъ русскій элементъ въ польско-литовскомъ уголкѣ Россіи ждетъ самостоятельнаго этнографическаго изслѣдованія; г. Соневицкому, положившему доброе начало къ изученію губерніи, слѣдовало бы обратить свои труды на указываемый предметъ.

Описаніе городовъ изложено въ алфавитномъ порядкѣ ихъ названій. На первомъ мѣстѣ стоитъ уѣздный городъ Августовъ, именемъ котораго до 1866 года называлась губернія; затѣмъ слѣдуютъ: Вержболово, известное по первоклассной таможенѣ и по пограничной станціи желѣзной дороги; Владиславовъ—бывшее удѣльное имѣніе королевы Цециліи-Ренаты, жены Владислава IV, по имени котораго и названъ городъ, именованійся прежде Новымъ-Мястомъ; Волковышки, гдѣ происходила встрѣча пословъ Ядвиги, отправленныхъ ею къ Ягелло, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли литовскій князь косматый звѣрь, какъ увѣрили королеву; Кальварія, служившая въ древности мѣстомъ ссылки преступниковъ, доселѣ удерживающая за собою подобное значеніе находеніемъ въ ней единственной въ губерніи обширной тюрьмы и, не смотря на все это, подарившая Россію такимъ героемъ, какъ Агаонъ Никитинъ, бомбардиръ-наводчикъ 21-й артиллерійской бригады, подвиговъ котораго послѣ штурма Геокъ-Тепе увѣковѣченъ постановкою памятника въ Темиръ-Ханъ-Шуръ и устройствомъ церкви въ гор. Кальварія во имя св. Агаѳона; Маріамполь—бывшая деревня Старополе, получившая нынѣшнее названіе въ 1792 году вмѣстѣ съ правами и привилегіями королевскаго города; Прены—темица Яна-Казимира, томившагося здѣсь два года въ замкѣ, построенномъ Готардомъ Бутлеромъ и нынѣ уже не существующемъ; Сейны, гдѣ цѣпныи сохранился домикъ, пріютившій въ себя Наполеона во время бѣгства его изъ Москвы; Сувалки—въ XV вѣкѣ посадъ, жителей котораго сосѣди дразнили сусивилькой (бродяги), въ 1816 году—главный городъ Августовскаго воеводства, а затѣмъ Августовской и теперь Сувалкской губерній.

Мы вынуждены ограничиться приведенными выписками изъ монографій г. Соневицкаго,—выписками, сдѣланными для того, чтобы показать содержаніе рассматриваемой брошюры. Значеніе такихъ монографій опредѣляется, впрочемъ, само собой. Если бы въ каждой изъ десяти губерній Привислинскаго края нашелся такой труженикъ, такой любитель исторіи, какимъ обладаетъ небогатая природой Сувалкская губернія, то въ русской литературѣ пополнился бы недостатокъ въ свѣдѣніяхъ о бывшихъ польскихъ городахъ. Нужно надѣяться, что найдутся у г. Соневицкаго подражатели, коими по справедливости могли бы быть лица, занявшія только-что учрежденныя въ томъ краѣ должности статистическихъ чиновниковъ, хотя труды подобнаго рода отнюдь не должны обуславливаться какимъ-либо служебнымъ положеніемъ изслѣдователя.

М. Г.—цкій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Междоцарствіе 1825 года. — Нѣмецкая характеристика Достоевскаго. — Научное изслѣдованіе Россіи. — Русская идея и панславизмъ. — Русскіе сотрудники французскаго журнала. — Солидарность франко-русскихъ интересовъ на Востокѣ. — Инцидентъ въ Сагалло, изложенный нашимъ соотечественникомъ съ французской точки зрѣнія. — Сужденіе швейцарца о русской арміи. — Закаспійская желѣзная дорога. — Двѣ брошюры о Болгаріи. — Франція въ 1889 году. — Мемуары роялиста. — Французскій романъ русской писательницы изъ римской жизни.

РОМЪ выходящихъ отдѣльно сочиненій о Россіи, рѣдкая книга сколько-нибудь выдающагося иностраннаго журнала появляется безъ статей о нашемъ отечествѣ. Такъ въ послѣднемъ номерѣ одного изъ лучшихъ берлинскихъ періодическихъ изданій «Deutsche Rundschau» помѣщена историческая статья неизвѣстнаго автора «Русское междуцарствіе 1825 года» («Das russische Interregnum vom Jahre 1825»). Статья составлена «на основаніи новыхъ русскихъ документовъ» (auf Grund neuen russischen Actenmaterials) хотя въ послѣднее время у насъ не появлялось новыхъ изслѣдованій по этому предмету. Нѣтъ ихъ и въ статьѣ, изложенной впрочемъ согласно съ официальными свѣдѣніями. Авторъ называетъ междуцарствіемъ четыре недѣли отъ 19 ноября до 14 декабря, когда по смерти Александра I сдѣлалось извѣстнымъ отреченіе отъ престола цесаревича Константина въ 1822 г. и манифестъ 16 августа 1823 года, назначившій наслѣдникомъ великаго князя Николая. Сохраненіе въ тайнѣ этихъ важныхъ документовъ авторъ считаетъ большою ошибкою, повлекшею за собою роковыя послѣдствія. Онъ пользуется для своей статьи, кромѣ извѣстной книги барона Корфа 1857 года, сочиненіемъ Карповича «Цесаревичъ Константинъ» (1878), нѣмецкою книгою Петра фон-Гётце «Князь А. Н. Голицынъ и его время» (1882) и перепискою Дибича съ обоими великими князьями («Русская Старина» 1882). Скоропостижная кончина Павла I въ 1801 году такъ поразила двадцатидвухлѣтняго Константина, что онъ, во все царствованіе своего брата, неоднократно высказывалъ твердое намѣреніе никогда не вступать на престолъ, такъ какъ, при горячемъ и вспыльчивомъ характерѣ, управленіе милліонами подданныхъ возлагаетъ на монарха слишкомъ большую отвѣтственность. Когда же въ двадцатыхъ годахъ Александръ I самъ началъ высказывать желаніе удалиться въ частную жизнь и, въ минуты разочарованія и упадка духа, говорилъ даже, что намѣренъ поселиться на берегахъ Рейна или въ Швейцаріи, це-

саревичъ, женатый уже на княжѣ Грудзинской, просилъ официально оформить его отреченіе отъ престола. Это и было исполнено въ манифестѣ 1823 года, о которомъ знали только Аракчеевъ, князь Голицынъ и Филаретъ. Обоимъ великимъ князьямъ не было сообщено о содержаніи этого документа, а Маріи Федоровнѣ Александръ I сказалъ только объ отреченіи цесаревича. Никто не понималъ причины такой странной таинственности, и когда, передъ послѣднимъ отъѣздомъ монарха изъ Петербурга, дѣломъ 1825 г., князь Голицынъ представилъ ему всю опасность, могущую возникнуть отъ этого, въ случаѣ непредвиденнаго несчастья, Александръ отвѣчалъ: «положимся на Бога: Онъ лучше насъ бѣдныхъ смертныхъ устроитъ событія». Хотя Александръ потерялъ сознание только за нѣсколько часовъ до кончины, напрасно послѣ него искали въ бумагахъ какихъ-нибудь распоряженій о престолонаслѣдіи, напрасно императрица распечатала конвертъ, который Александръ всегда носилъ съ собою: въ конвертѣ были двѣ молитвы, да библейскіе тексты. О тайныхъ обществахъ, составленныхъ офицерами съ цѣлью измѣнить систему правленія въ Россіи, Александръ узналъ еще въ 1818 году, въ Москвѣ, но не принималъ противъ нихъ никакихъ мѣръ, потому, (какъ утверждаетъ Бернгарди въ своей «исторіи Россіи и европейской политики», основываясь на депешахъ Генца)—что заговорщики принадлежали къ высшимъ слоямъ общества и пришлось бы преслѣдовать представителей извѣстнѣйшихъ русскихъ фамилій. Въ Таганрогѣ, за недѣлю до кончины, Александръ получилъ черезъ Шервуда извѣстіе о заговорѣ, открытомъ во второй арміи, но вслѣдствіе усилившейся съ каждымъ днемъ болѣзни не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. Въ Петербургѣ, куда извѣстіе о кончинѣ императора пришло въ ночь на 27 ноября, Николай I тотчасъ же присягнулъ Константину и тогда Голицынъ сообщилъ о содержаніи манифеста 1823 года, уже послѣ присяги. Послѣдовавшія затѣмъ событія — извѣстны и переданы въ статьѣ согласно съ документами. Авторъ приводитъ письма Константина къ Дибичу, переписку двухъ братьевъ, донесеніе начальствующихъ лицъ. О днѣ 14-го декабря не сообщается ничего новаго. Статья оканчивается письмами Константина, изъ которыхъ видно, что онъ до послѣдней минуты не вѣрилъ въ возможность военнаго заговора и упрекалъ доносившихъ объ немъ графа Витте, генерала Рота, Майбороду и Шервуда въ интригахъ и вымыслахъ. Та же самая довѣренность къ арміи не оставляла его и въ 1830 году, когда вспыхнуло возстаніе и въ польскихъ войскахъ.

— Журналъ «Westermanns illustrierte Monatshefte» напечаталъ біографію Достоевскаго (Fedor Dostojewski). Оцѣнка произведеній нашего писателя довольно вѣрна, хотя значеніе его въ исторіи русской литературы преувеличено. Авторъ статьи, Августъ Шольцъ, вообще неправильно опредѣляетъ значеніе нашихъ писателей по степени ихъ дарованія, ставя въ главѣ литературы Тургенева «какъ классическаго распространителя либеральныхъ идей пятидесятихъ годовъ» и группируя вокругъ него Некрасова, Гончарова, Щедрина и нѣсколько другихъ талантливыхъ писателей, какъ звѣзды второй величины. Гр. Толстой и Достоевскій, по мнѣнію нѣмецкаго автора, выдѣлились изъ рамокъ политическаго и соціальнаго либерализма и приобрѣли творческую самостоятельность. У группы названныхъ выше писателей преобладаетъ преимущественно отрицательный, разлагающій элементъ, «это русскіе Вольтеры, очищающіе мусоръ мѣстнаго варварства, чтобы дать просторъ новымъ идеямъ и созданіямъ». Толстой и Достоевскій склоняются напротивъ къ положительному, рефор-

«истор. вѣстн.», май, 1889 г., т. XXXVI.

маторскому міровозрѣнію Руссо, ведущему отъ творческихъ созданій къ моральнымъ и философскимъ преобразованіямъ». Тургеневъ является почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ скѣптикомъ, какимъ былъ и гр. Толстой до проповѣданія имъ теоріи непротивленія злу. У Достоевскаго главною заповѣдью было самоуничженіе, въ соединеніи съ любовью къ меньшей братіи. Это реалистъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Соотечественники видятъ въ немъ соціолога, этика, западная Европа — великаго психолога. Жизнь писателя передана авторомъ вѣрно, кромѣ того обстоятельства, что въ началѣ ея «передъ инженернымъ поручикомъ открывалась блестящая карьера и онъ могъ достигнуть высокихъ почестей (höchsten Ehren), но изъ аристократическихъ салоновъ удалился къ униженнымъ и оскорбленнымъ». Все это — однѣ громкія фразы, нисколько не отвѣчающія дѣйствительности. Фразъ вообще не мало у автора, и разбираемаго имъ писателя гораздо лучше характеризуетъ отзывъ г. Булича, приводимый Шольцемъ. Напрасно не цитируетъ онъ и другихъ критиковъ. Всѣ главные произведенія Достоевскаго разобраны по имѣющимся давно уже нѣмецкимъ переводамъ.

— Даже въ чисто специальныхъ изданіяхъ занимаются изученіемъ Россіи. Въ «Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik» изслѣдуютъ «Геологическія и физическія отношенія Закаспійской области» (Die geologischen und physikalischen Verhältnisse Russisch Transkaspiens) и «народосчисленіе въ Петербургѣ» (Volkszählung in St. Petersburg). Бывшая Туркменія, занимающая до полумиліона квадратныхъ верстъ, описана по послѣднимъ изслѣдованіямъ горнаго инженера А. Каншина. Развитію области препятствуетъ болѣе всего недостатокъ воды. Ею орошены только немногіе оазисы, какъ Геок-Тепе, Асхабадъ, Артакъ и др. Ахаль и Атекъ не имѣютъ экономическаго значенія. На пространствѣ 500 верстъ отъ Казанджика до Серахса 26 горныхъ ключей даютъ лѣтомъ всего 2,700 кубическихъ футовъ воды въ секунду, и только Аму-Дарья даетъ хивинскому оазису 103,000 кубическихъ футовъ. Геологическое строеніе горныхъ почвъ мѣшаетъ буренію артезианскихъ колодезевъ. Лучше орошены оазисы Мервъ и Тедженъ рѣками Мургабъ и Тедженъ, хотя въ жары послѣдній почти совсѣмъ высыхаетъ въ русскихъ границахъ, а Мургабъ даетъ отъ 3,500 до 5,000 куб. фут. воды. Своимъ плодородіемъ бассейны этихъ рѣкъ обязаны механическимъ работамъ орошенія. Афганская граница идетъ тутъ по необитаемой, песчаной и солончаковой пустынѣ, тогда какъ на 70 верстъ южнѣе идетъ парапамизскій хребетъ, составляющій естественную границу страны. Главную опасность представляютъ летучіе пески, движущіеся со скоростью 2—3-хъ футовъ въ часъ близъ оазисовъ Хивы, Чарджуя, Бухары, вдоль Закаспійской дороги, особенно около Чарджуя къ Аму-Дарьѣ и бухтѣ Узунь-Ада. Пески Каракума, занимающіе 300,000 квадратныхъ верстъ и лежащіе на 25 метровъ ниже морскаго уровня, хотя и составляли дно моря, но значительно позднѣйшей формаціи. Изъ минеральныхъ богатствъ въ области важны нефтяные источники у подошвы Балханскаго хребта и на островѣ Челекенъ и, среди песковъ Каракорума, холмы сѣры. Залежи поваренной соли разбросаны во многихъ мѣстахъ. — Число петербургскаго населенія приводится въ журналѣ по однодневной переписи 15 декабря 1888 г. и достигаетъ 975,368 человекъ. Оно увеличилось на 47,352 человекъ въ семь лѣтъ, сравнительно съ переписью 1881 года.

— Изъ французскихъ журналовъ чаще всего о Россіи говоритъ «Nouvelle Revue» Жюльеты Адапъ. Кромѣ частыхъ корреспонденцій изъ Россіи,

здѣсь являются отдѣльныя статьи по разнымъ вопросамъ, касающимся нашего отечества. Какой-то Черновъ представляетъ характеристики русскихъ государственныхъ дѣятелей, подъ общимъ заголовкомъ: «Русская идея и панславизмъ» (*L'idée russe et le panslavisme*). Въ первой статьѣ авторъ рисуетъ портретъ К. П. Побѣдоносцева, но говоритъ объ немъ въ тонѣ такого неумѣреннаго панегирика, какой рѣдко встрѣчается въ біографіяхъ живыхъ людей. Во второй статьѣ авторъ говоритъ о генералѣ Игнатьевѣ и партіяхъ въ Россіи. Та же странная система восторженно-преувеличенныхъ восхваленій господствуетъ и въ этой статьѣ вмѣсто безпристрастнаго отношенія историка къ своему предмету. Чтобы судить о тонѣ, въ какомъ пишетъ г. Черновъ, достаточно привести пять строкъ, первой страницы этой біографіи; «Когда блестящій генералъ проѣзжалъ съ зарею по молчаливымъ улицамъ Перы, будя мостовую звукомъ подковъ своей лошади, каждый, видя его, чувствовалъ, что это настоящій падишахъ и что другой, несчастный Абдуль-Азисъ ожидаетъ въ обитыхъ коврами салонахъ серада Дольма-Бахче, чтобы роковыя ножницы, которыя должны открыть ему жилы, были отточены». Можно ли такимъ языкомъ писать не только историческія статьи, но даже фельетоны? Положимъ, французы любятъ выражаться вычурно и фигурально, но въдъ г. Черновъ, судя по фамиліи, нашъ соотечественникъ и что же заставляетъ его прибѣгать къ такимъ невозможнымъ, неестественнымъ выраженіямъ и по мысли, и по формѣ? Нечего и говорить, что всѣ сужденія г. Чернова о значеніи роли, какую игралъ генералъ Игнатьевъ, «этотъ самый законченный и популярный типъ славянской расы»—также преувеличены и раздуты, какъ и всѣ толки его о національной и официальной партіи въ Россіи. Статья оканчивается письмомъ автора къ редактору «Гражданина», требовавшему строгой цензурной кары за статью г. Чернова въ первой книжкѣ журнала «*Le czarisme et l'orthodoxie*». Авторъ защищаетъ свои мнѣнія, но вопросы, поднимаемые имъ едва ли могутъ служить предметомъ журнальной полемики.—Гораздо содержательнѣе статья г. Чернова въ мартовской книгѣ: «Солидарность франкорусскихъ интересовъ на крайнемъ востоцѣ» (*Solidarité des intérêts franco-russe dans l'extrême Orient*). По его мнѣнію, тактика Англіи въ Азіи состоитъ въ присвоеніи себѣ водныхъ путей, тогда какъ Россія старается проникнуть въ Пекинъ сухимъ путемъ, прокладывая дороги изъ центра своихъ владѣній. Если Россія устроить транзитный путь къ столицѣ Китая, Англія, не смотря на свое преобладаніе на моряхъ, завладѣвъ даже какъ монополистъ рѣчнымъ путемъ по Оби и Енисею, должна будетъ уступить намъ торговое первенство въ Серединой имперіи. Безопасность сухопутнаго транзита заставитъ англичанъ отказаться отъ конкуренціи съ нами и ограничить свою торговлю прибрежными портами Китая. Гораздо опаснѣе для насъ антагонизмъ Германіи, снабжающей дальнобойными ружьями китайцевъ и обучающей ихъ прусскому артикулу. Ненадо забывать къ тому же, что только въ лондонскихъ конторахъ и банкахъ сидитъ 60,000 нѣмцевъ и что ихъ политики не скрываютъ своихъ притязаній на Голандію и Бельгію. Только союзъ съ Франціей, гдѣ торговля, промышленность и морскія силы развиты больше чѣмъ въ Россіи, можетъ остановить антагонизмъ ихъ вѣчнаго врага, Германіи. Интересы Россіи и Франціи не могутъ столкнуться и потому должны быть солидарны, и прежде всего въ Европѣ, а не на востоцѣ, какъ полагаетъ авторъ. Самъ же онъ говоритъ, что девизомъ дипломатіи всѣхъ націй дол-

жно быть: *delenda Germania!* то есть собственно Пруссія съ ея невыносимымъ милитаризмомъ. Пруссаки проникаютъ всюду. Не говоря уже о Россіи, въ самой Франціи ихъ было до войны, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 300,000, и теперь не меньше полутораста.

Въ той же книжкѣ журнала другой русскій, М. Петровъ, объясняетъ «настоящее положеніе инцидента въ Сагалло и отвѣтственности за него» (*Veritable aspect de l'incident de Sagallo: responsabilités*). Хотя этотъ русскій пишетъ изъ Петербурга, но его національность, такъ же какъ и г. Чернова, кажется намъ очень сомнительной. Вотъ какъ начинается свою статью другой сотрудникъ г-жи Аданъ: «Инцидентъ въ Сагалло, который пушки корабля «*Seignelay*» подчеркнули такимъ неожиданнымъ образомъ, будетъ имѣть слѣдствіемъ освобожденіе всѣхъ элементовъ близкаго европейскаго столкновенія и возникновеніе различныхъ факторовъ, образующихъ данныя таинственнаго уравненія, x (иксъ) котораго недоступенъ какъ расчетамъ дипломатіи, такъ и всякому человѣческому соображенію». Пишутъ ли русскіе люди такимъ вычурнымъ, надутымъ языкомъ? Скажутъ, что выражаясь на чужомъ языкѣ, они хотя и поддѣлаются подъ вкусъ французовъ всѣми этими пушечными подчеркиваньями и таинственными иксами. Но если между французами есть охотники до такихъ ломанныхъ фразъ, господа Петровы и Черновы могли бы вспомнить, что ихъ соотечественники: Тургеневъ, графъ Толстой, Достоевскій, давно переведены пофранцузски, а кто же изъ нихъ писалъ такимъ неестественнымъ языкомъ? Простота выражений нашихъ великихъ писателей изумляла французовъ, а теперь ихъ хотя и удивитъ тѣмъ, что и русскіе могутъ сочинять литературные выкрутасы. Что же касается до «настоящаго взгляда, на инцидентъ Сагалло», онъ состоитъ по мнѣнію автора въ томъ, что наша дипломатія вмѣсто того, чтобы слѣдовать за общественнымъ мнѣніемъ, имѣетъ претензію исправлять его, что Ашиновъ чловѣкъ необыкновенный (объ этомъ уже была статья въ «*Nouvelle Revue*», подъ названіемъ «Апостолъ русской идеи») и что бомбардируя его спутниковъ адмиралъ Ольри оскорбилъ религіозное чувство русскаго народа. Авторъ обвиняетъ даже нашего дипломата въ Парижѣ г. Коцебу, на долю котораго «выпала деликатная миссія объяснять это дѣло французскому правительству и который не исполнилъ въ точности данныя ему инструкціи», такъ какъ онъ лютеранинъ, а «русскій религіозный принципъ можетъ быть понятъ и охраняемъ только тѣмъ, кто слѣдуетъ его догматамъ». Экспедиція Ашинова была полуофициальная, средства на нее собирались публично и черезъ газеты; о ея цѣли и сборахъ ея въ Одессѣ знали всѣ; въ ней были два элемента—миссіонерскій и колониальный и это слѣдовало поставить на видъ французскому министерству. Теперь, когда обнародованъ рапортъ адмирала Ольри, неясный и многое скрывающій, мы видимъ, что если миссія наша сдѣлала большую ошибку, ставъ подъ охрану завѣдомаго проходимца и забывъ, что чистое дѣло должно совершаться чистыми руками,—вина французовъ гораздо больше и адмиралъ Ольри могъ бы и не торопиться разстрѣливать изъ пушекъ дѣтей и женщинъ, а подождать окончанія дипломатическихъ переговоровъ.

— Въ швейцарскомъ журналѣ «*Bibliothèque universelle*» помѣщенъ этюдъ Абея Вѣглера о русской арміи (*L'armée russe*). Новыхъ данныхъ объ этомъ предметѣ статья не сообщаетъ, но въ ней сгруппированы свѣдѣнія, дающія понятія о современномъ положеніи нашихъ военныхъ силъ. Авторъ начинаетъ съ изображенія свойствъ русскаго солдата, говоритъ о его храбрости,

стойкости, покорности, гуманности, хотя признаетъ, что онъ въ то же время спорщикъ (*discuteur*), неопытенъ и любитъ водку. Офицеры также храбры, но имъ не достаесть образованія; они способны къ геройскимъ подвигамъ, но часто къ подвигамъ совершенно излишнимъ и не щадятъ ни себя, ни своихъ солдатъ. Они предпочитаютъ блестящее пораженіе успѣху, достигнутому медленно-обдуманномъ планомъ и безъ большихъ потерь. Это доказываютъ атаки на Плевну или взятіе Горнаго Дубняка, гдѣ число павшихъ въ битвѣ почти равнялось числу непріятеля, положившаго оружіе. Послѣдняя война доказала также недостатокъ тактическаго обученія и стратегическихъ знаній у высшихъ чиновъ арміи. Изъ нашихъ генераловъ авторъ говоритъ только о Драгомировѣ и отзывается объ немъ неблагоклонно, какъ о теоретикѣ и военачальникѣ. Общій выводъ статьи тотъ, что русская армія слишкомъ огромна и одному главнокомандующему трудно управлять такою массою войска. Успѣхи его будутъ всегда медленны при началѣ войны. Но армія эта, также медленно пользовавшаяся своею численностью къ Болгаріи, изумлявшая стойкостью своего сопротивленія въ Севастополѣ, всегда одержитъ верхъ въ концѣ кампаніи, какия бы пораженія ни пришлось ей пережить. Любопытно было бы прочесть отзывъ специалистовъ объ этой статьѣ.

— Наполеонъ Ней, присутствовавшій въ прошломъ году при открытіи Закаспійской желѣзной дороги, издалъ объ ней книгу подъ заглавіемъ «En Asie centrale, à la vapeur». Онъ съ большою симпатіей относится къ Россіи, ея вліянію и планамъ въ центральной Азіи, подтверждаетъ, что Европа одной Россіи обязана тѣмъ, что миръ не былъ нарушенъ въ послѣднее время. О желѣзной дорогѣ онъ отзывается, какъ объ одномъ изъ колоссальнѣйшихъ предпріятій нашего вѣка и ея постройка доказываетъ, что нынѣшнее царствованіе ясно понимаетъ значеніе цивилизаціи для племенъ, на которыя еще Петръ I хотѣлъ распространить вліяніе своей имперіи. Но, какъ истинный французъ, Ней приписываетъ все-таки идею желѣзной дороги въ Средней Азіи французскому инженеру Костару, принимавшему участие и въ сооруженіи Суэзскаго канала. Русскому правительству принадлежитъ только примѣненіе французской идеи. Авторъ представляетъ довольно живыя характеристики лицъ, съ которыми встрѣчался во время своей поѣздки: дипломатическихъ агентовъ, инженеровъ, русскихъ офицеровъ и въ особенности жидовъ, успѣвшихъ проникнуть уже и въ Среднюю Азію, а въ Россіи разоряющихъ и спаивающихъ вездѣ бѣдный русскій народъ. О стараніяхъ оберъ-жида Ротшильда захватить въ свои руки торговлю бухарскимъ хлопкомъ Ней однако ничего не говоритъ.

— На французскомъ языкѣ вышли двѣ брошюры въ защиту Болгаріи, наполненныя, конечно, клеветою на Россію. Стамбуловъ, напрасно старающійся гдѣ-нибудь признать деньжонокъ, чтобы содержать себя и своего Кобурга, находитъ однако возможность нанимать борзописцевъ, чтобы по временамъ напоминать о Болгаріи Европѣ, давно переставшей заниматься этимъ гнѣздомъ палочниковъ и пройдохъ всякаго рода. Одна брошюра, озаглавленная «Россія и Болгарія; случайныя причины болгарскаго вопроса», вышла уже давно. На нее, конечно, никто не обратилъ вниманія и теперь является второе произведеніе того же анонимнаго автора «Филипопольская революція 18-го сентября». Онъ говоритъ, что на первую брошюру не послѣдовало возраженій, потому что факты приводимые ею — неопровержимы. Но что же можно возразить на тему, что болгары не обязаны никакою благодарностью Россіи, которая ничего для нихъ не сдѣлала, а содѣйствуя ихъ

освобожденію хотѣла только эксплуатировать ихъ сначала въ политическомъ, потомъ въ экономическомъ отношеніи. Такія мнѣнія не опровергають, а проходятъ ихъ презрительнымъ молчаніемъ. Во второй брошюрѣ авторъ старается доказать, что филиппольская революція, соединившая Болгарію съ Румеліей, произошла съ поощренія Россіи. Но въ несправедливости этого мнѣнія Европа давно уже убѣдилась, и Россія дала слишкомъ много доказательствъ того, что считаетъ этотъ переворотъ несвоевременнымъ. Цѣль автора—оттолкнуть отъ насъ болгаръ и возбудить подозрительность Европы слишкомъ явно проглядываетъ въ его брошюрахъ, которыя совершенно напрасно взялись опровергать газеты «Nord» и «Journal de St. Petersburg».

— Съ большимъ неудовольствіемъ встрѣтила официальная нѣмецкая печать книгу покойнаго дипломата графа Шодорди «Франція въ 1889 году» (La France en 1889). Первые пять главъ этой книги посвящены исторіи и оцѣнкѣ учрежденій дореволюціонной Франціи. Шодорди находитъ, что нельзя управлять страной, не зная ея прошлаго, съ которымъ всегда должна соображаться современная политика. Авторъ книги монархистъ, но находитъ, что реставрація во Франціи невозможна въ настоящее время, а монархическая партія должна примириться съ существующимъ порядкомъ вещей и составить правую сторону въ парламентской республикѣ. Онъ находитъ только, что въ палатѣ должно быть гораздо меньше членовъ, такъ какъ нелегко найти 600 человекъ, серьезно образованныхъ и строго нравственныхъ (это въ 36-ти миллионахъ!) и что сессіи палатъ не должны быть такъ продолжительны, а проекты законовъ должны составляться въ государственномъ совѣтѣ, а не лицами, хотя и выбранными всеобщемою подачею голосовъ, но часто вовсе не обладающими юридическимъ знаніемъ. Автору хочется также почему-то, чтобы президентъ республики былъ военный и онъ вздыхаетъ о Мак-Магонѣ. Во внѣшней политикѣ онъ стоитъ за союзъ Франціи, Россіи и Англіи и подтверждаетъ намѣреніе Бисмарка—вытѣснить Россію изъ Европы въ Азію, его бесѣду съ однимъ дипломатомъ и собственными словами канцлера: «наше сближеніе съ Австріей состоялось въ 1876 году, послѣ того какъ я отклонилъ предложеніе продать Австрію князю Горчакову». Противъ этого свидѣтельства возстаетъ «Kölnische Zeitung» называя прямо ложью слова, приводимыя графомъ Шодорди. Газета жалуется на систематическое обвиненіе князя Бисмарка во враждебныхъ чувствахъ къ Россіи и говорить, что онъ, напротивъ, всегда обнаруживалъ къ ней чувства мирныя, примирительныя и полныя готовности къ услугамъ. «Если же одно время казалось, что существуетъ серьезный антагонизмъ между русскою и германскою политикою, это объясняется разногласіемъ во мнѣніяхъ между канцлеромъ и княземъ Горчаковымъ, «дряхлымъ и почти невмѣняемымъ старикомъ». Очень лестное сужденіе 74-хъ-лѣтняго канцлера о своемъ товарищѣ!

— Вышли «мемуары и воспоминанія барона Гидъ-де-Нёвилля о революціи, консульствѣ и имперіи» (Mémoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville. La révolution. Le consulat. L'empire). Дѣдъ автора былъ англичанинъ, приверженецъ Стюартовъ и съ паденіемъ ихъ переселился сначала въ Швейцарію, потомъ во Францію. Автору мемуаровъ было 16 лѣтъ, когда вспыхнула революція. Выросши въ средѣ, проникнутой монархическими идеями, молодой баронъ отдался тѣломъ и душою Бурбонамъ, и былъ самымъ неутомимымъ заговорщикомъ въ эпоху республики и имперіи. Нѣсколько разъ отправляемый королемъ и принцами въ Парижъ съ разными порученіями, онъ полжизни прожилъ подъ чужими именами, скрываясь отъ

полиціи конвента, директоріи, Бонапарте, составляя планы къ испроверженію правительства, входя въ сношенія съ Полиньякомъ, Бурмономъ, Пинегрю, Кадудалемъ, Моро, каждую минуту рискуя головою, если замыслы его обнаружатся, принимая участіе во всѣхъ заговорахъ въ Испаніи и Сѣверной Америкѣ. Онъ вернулся во Францію вмѣстѣ съ Бурбонами, былъ выбранъ въ члены палаты, въ которой отличался такимъ фанатическимъ роялизмомъ, что Ламартинъ прозвалъ его трибуномъ монархіи. Онъ былъ нѣсколько разъ посланникомъ, министромъ и всю жизнь поборникомъ легитимизма. Но объ этой эпохѣ онъ не говоритъ ничего, такъ какъ его воспоминанія доходятъ только до реставраціи. Всего любопытнѣе его переговоры съ первымъ консуломъ, пытавшимся привлечь на свою сторону роялистовъ. Въ Америкѣ Гидъ де Невилль сошелся съ Моро и думалъ, съ помощью этого генерала, ненавидѣвшаго Наполеона, низвергнуть имперію. Въ общемъ мемуары представляютъ много интересныхъ эпизодовъ, не смотря на то, что авторъ оправдываетъ всѣ поступки Бурбоновъ и эмиграціи.

— Вышелъ также любопытный историческій романъ «Геркуланумъ» (Herculanium), въ которомъ извѣстное событіе, уничтожившее этотъ городъ вмѣстѣ съ Помпеею, Стабією и другими мѣстечками, служитъ не заключительною катастрофою романтической интриги, какъ въ другихъ произведеніяхъ, писанныхъ на ту же тему, а составляетъ только эпизодъ, послужившій къ нравственному перерожденію героя романа. Кай Луцилій, сынъ богатаго патриція, обрисованъ авторомъ съ большимъ искусствомъ и знаніемъ человѣческаго сердца. Его семейныя и общественныя отношенія, также какъ римскій бытъ той эпохи, изображены вѣрно и занимательно. Главный узелъ романа составляетъ вражда двухъ братьевъ отъ разныхъ матерей. Одинъ изъ нихъ, Неронъ, былъ еще въ дѣтствѣ удаленъ изъ семьи своимъ отцомъ и ненавидитъ брата за предпочтеніе, дѣйствительно несправедливое, оказанное Кайю. Онъ даже покушается дважды на жизнь брата, женившись вторымъ бракомъ на женщинѣ, которую любилъ и Неронъ. Первая жена Кайя Люцилія, плебейка Дафна, также очень хорошо очерченная, погибаетъ въ Геркуланумѣ, а Кай, спасшійся бѣгствомъ изъ города, заливаемаго лавой Везувія, попадаетъ къ отшельнику, который обращаетъ его въ христіанство. Этотъ эпизодъ также очень искусно обработанъ авторомъ, съумѣвшимъ избѣгнуть легендарныхъ подробностей при изложеніи ученія, тогда еще очень близкаго къ своему источнику и не затемненаго преданіями послѣдующихъ вѣковъ. Неронъ дѣлается доносчикомъ на своего брата, и тотъ, хотя и принявшій новое ученіе, чтобы не подвергнуться гоненіямъ и не нарушить мирное теченіе своей жизни, призванный передъ преторомъ, дѣлаетъ возліаніе въ честь Юпитера — черта, вѣрно подмѣченная въ эпоху, когда высшіе сановники имперіи думали соединить свое внутреннее невѣріе въ старыхъ боговъ, съ ихъ наружнымъ почитаніемъ. Романъ принадлежитъ тому же автору, В. К., который написалъ «Эпизодъ изъ жизни Тиверія», «Фараона Менефта» и «Бенедиктинское абатство» (два первыхъ произведенія были переданы въ извлеченіи въ нашихъ журналахъ). Вся эта серія издана подъ именемъ Рочестера, англійскаго поэта и авантюриста XVII столѣтія, но написана нашею соотечественницею, замѣчательно образованною, близко знакомою съ исторією и владѣющею хорошо французскимъ языкомъ, на которомъ только и могутъ являться ея произведенія, принадлежащія къ такъ называемымъ «медумическимъ», но интересныя и безъ этой фикціи, совершенно излишней при несомнѣнномъ дарованіи автора.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Автографъ князя Бисмарка.

ВЪ БОГАТОМЪ собраніи автографовъ П. Я. Дашкова сохранился подлинный контрактъ на наемъ квартиры въ домѣ графини Стенбокъ-Ферморъ, въ Петербургѣ, заключенный въ 1860 году нынѣшнимъ знаменитымъ канцлеромъ княземъ Бисмаркомъ, бывшимъ въ то время прусскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, съ управляющимъ домомъ графини Стенбокъ-Ферморъ, титулярнымъ совѣтникомъ Яковлевымъ. Контрактъ этотъ любопытенъ тѣмъ, что на немъ находится нѣсколько собственноручныхъ подписей Бисмарка объ уплатѣ квартирныхъ денегъ. Приводимъ весь контрактъ вмѣстѣ съ подписями Бисмарка, которые воспроизведены съ буквальной точностью, хотя и въ уменьшенномъ видѣ, посредствомъ цинкографіи.

1860 года, Юня 1-го дня, мы нижеподписавшіеся: по довѣренности Графини Надежды Алексѣевны Стенбокъ-Ферморъ, Титулярный Совѣтникъ Михаилъ Михайловъ Яковлевъ и Прусскій Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ Тайный Совѣтникъ Отто-фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, заключили сіе условіе въ томъ: 1) что я фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, въ домѣ Графини Стенбокъ-Ферморъ, состоящемъ 1-й части, 3 квартала подь № 51 и 52, на Англійской набережной, нанялъ для своего жительства и помѣщенія канцеляріи квартиру въ бель-этажѣ, выходящемъ окнами на Неву и въ нижнемъ этажѣ; къ нанятой мною квартирѣ принадлежатъ: передняя большая, съ комнатою для швейцара; въ бель-этажѣ: буфетъ, большая столовая, комната красная, залъ, гостиная, кабинетъ, диванная, спальня, офиціантская, малая столовая, умывальня, большой кабинетъ, дѣтская, дѣвичья; въ низу: коридоръ и восемь комнатъ до лѣстницы, соединяющей это помѣщеніе съ манежемъ; комнаты отъ черной лѣстницы съ правой стороны: двѣ комнаты предъ кухнею, кухня, комната для повара и темная комната; въ подвальному этажѣ:

вийный погребъ, жилая комната, прачешная, и все остальное помѣщеніе до черной лѣстницы лѣвой половины; конюшню на десять стойлъ, а остальные остаются для Графини Стенбокк-Ферморъ, каретный сарай и ледникъ. Кромѣ сего, нанялъ я фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ квартиру во 2-мъ этажѣ, выходящую окнами на Галерную улицу, въ которой пять комнатъ на улицу, пять комнатъ на дворъ, кухня, и кромѣ сего комната въ нижнемъ этажѣ. 2) Первую изъ этихъ квартиръ я, фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, нанялъ со всею находящеюся въ ней мебелью и бронзою по прилагаемой при семъ описи отъ перваго Іюня тысяча восемь сотъ шестидесятаго года на одинъ годъ, т. по первое Іюня тысяча восемь сотъ шестидесятъ перваго года, съ платою за обѣ квартиры по семи тысячъ рублей серебромъ въ годъ, производя платежи денегъ всегда за треть впередъ, т. е. при подписаніи сего условія по первое Октября сего года 2333 р. 33¹/₂ к. сереб., потомъ столько же перваго Октября сего же года и наконецъ остальную сумму перваго Февраля 1861 года. 3) По окончаніи годичнаго срока предоставляется взаимному нашему Титулярнаго Совѣтника Яковлева и Тайнаго Совѣтника Шенгаузена согласію условиться о новомъ срокѣ найма квартиры; при чемъ за два мѣсяца до окончанія срока найма квартиры, обязуюсь предупредить, г. фонъ Бисмаркъ намѣренъ ли опять занимать квартиру, а я, Яковлевъ, отдать оную. 4) Обѣ квартиры, а также мебель и вещи, принять мнѣ г. фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузену въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся и сдать ихъ въ такой же исправности; все же испорченное у меня, обязуюсь поправить или уплатить г. Яковлеву по той цѣнѣ, что вещь стоитъ. 5) Мнѣ фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузену предоставляется право общаго съ другимъ жильцомъ пользованія находящимся при домѣ манежемъ. 6) Обязуюсь я никакихъ передѣлокъ въ квартирахъ безъ согласія г. Яковлева не дѣлать, а ежели что будетъ сдѣлано, то при выѣздѣ привести въ такой же точно видъ, въ какомъ были приняты мною квартиры. 7) Обязуюсь также я, фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, наблюдать, чтобы всѣ живущія у меня въ квартирѣ лица имѣли установленные виды на жительство, а о прибывающихъ и выбывающихъ въ тотъ же день давать знать дворнику или управляющему домомъ, и въ случаѣ взысканія послѣдовавшаго отъ Правительства, за неисполненіе сихъ правилъ и относящихся до лицъ проживающихъ у меня въ квартирѣ или находящихся въ услуженіи, всю отвѣтственность я принимаю на себя безъ всякаго спора и 8) Условіе это подписать какъ мнѣ Тайному Совѣтнику фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузену такъ и мнѣ Титулярному Совѣтнику Яковлеву и имѣть каждому по экземпляру.

В. Яковлевъ

Къ сему условію Титулярный Совѣтникъ Михаилъ Михайловъ Яковлевъ руку приложилъ.

Михаилъ Яковлевъ 23/10 2334, Михаилъ Яковлевъ
Михаилъ Я. *В. Яковлевъ*

Условіе это сохраняет свою силу еще на годъ, считая съ 1 Юня 1861 по 1 Юня 1862 года съ тѣмъ, что если г. посланнику угодно будетъ оставить квартиру за собою и послѣ сего срока, а мнѣ Яковлеву отдать, то объ этомъ мы должны условиться 1-го Марта 1862 года.—1 Юня 1861 г.

Витенманн

Титулярный Совѣтникъ Яковлевъ.

*Finanzjahr bezogen für die Zeit von 1 Juni bis 1 October 2531/2,
gesamt fünfhundert vierundvierzig und 1/3 Rubel.*

Витенманн

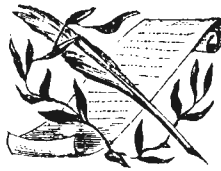
Hierauf sind bezahlt vom 1 October 1861 bis 1 Februar 1862 Zweitausend dreihundert dreisig und vier rubel 34 cop. s.

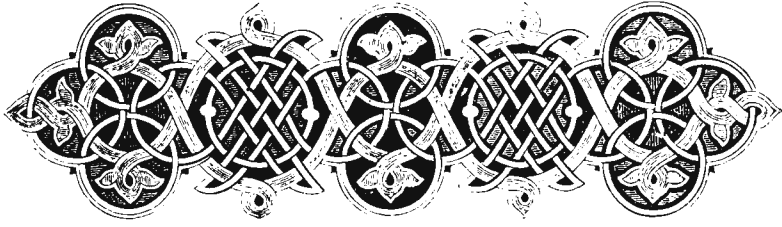
Kelchner.

Kanzler. verstand.

*Aus 1/2 Rubel bezogen für die Zeit von 1 Juni bis 1 October 2531/2,
Rubel 34 August.*

Витенманн

С М Ъ С Ъ.

СЕМИСОТЛѢТНЯЯ годовщина великаго князя Георгія Всеволодовича. Нижній-Новгородъ чествовалъ память основателя города, великаго князя Георгія Всеволодовича, по случаю 700-лѣтней годовщины рожденія его. Починъ въ торжествѣ сдѣлали учебныя заведенія, гдѣ происходило чтеніе о великомъ князѣ. Въ этотъ же день утромъ изъ Нижняго-Новгорода вышелъ экстренный поѣздъ во Владимірѣ, гдѣ мощи великаго князя въ Успенскомъ соборѣ; въ поѣздѣ отправились нижегородскій епископъ, депутаты отъ дворянства, думы, земства и масса богомольцевъ; съ этимъ же поѣздомъ былъ отправленъ нижегородцами даръ городу Владиміру, заключающійся въ серебряно-вызолоченной шалкѣ для возложенія на главу мощей великаго князя. На другой день къ 9 ч. утра изъ Владиміра пришелъ поѣздъ, въ которомъ, кромѣ нижегородцевъ, пріѣхали архіепископъ владимірскій и суздальскій съ даромъ отъ Владимірскаго собора—шалки съ главы мощей князя Георгія Всеволодовича, депутаціи отъ дворянства, думы и земства Владиміра и др. Встрѣча была торжественная: крестный ходъ, къ которому присоединились на пути причты обоихъ ярмарочныхъ соборовъ и другихъ церквей, духовенство во главѣ архимандрита городецкаго Феодоровскаго монастыря и гражданское начальство сопровождали святыню до часовни Спасителя (на нижнемъ базарѣ, близъ Ивановской башни, гдѣ помѣщается ученая архивная комиссія), гдѣ она была встрѣчена епископомъ Агаѳодоромъ, а затѣмъ—вся процессія направилась въ кафедральный соборъ, въ крѣпости, гдѣ были выстроены войска; полковой оркестръ игралъ гимнъ. Около десяти часовъ утра началась литургія. Передъ молебномъ была вынесена изъ алтаря великокняжеская шалка для всеобщаго поклоненія. Послѣ молебствія владимірская депутація, посѣтивъ усыпальницу нижегородскихъ князей и іерарховъ, молилась у гробницы Минына. Затѣмъ нижегородцы чествовали владимірскихъ гостей хлѣбомъ солью. Вечеромъ состоялось засѣданіе ученой архивной комиссіи и открылось чтеніемъ исторической справки о 1189—1238 гг. Затѣмъ слѣдовали: гимнъ великому князю Георгію Всеволодовичу, исполненный хоромъ пѣвчихъ, чтеніе о битвѣ 4 марта 1238 г., гимнъ великому князю, исполненный

оркестромъ, стихотвореніе, посвященное его памяти и, наконецъ, народный гимнъ. Городъ былъ необыкновенно оживленъ, вездѣ развивались флаги: толпы народа въ самомъ праздничномъ настроеніи наполняли Кремль и улицы, прилегающія къ нему; учебныя заведенія были закрыты. Вообще, праздничная по внѣшности сторона въ эти знаменательные для нижегородцевъ дни какъ нельзя больше шла къ торжеству, но, разсуждая строго, нельзя сказать, чтобы особенно гармонировала съ днемъ, 4-го марта, который представляетъ одну изъ скорбныхъ страницъ русской исторіи: въ этотъ день, какъ извѣстно, умеръ мученической смертью великій князь Георгій Всеволодовичъ, въ битвѣ, происходившей на берегахъ рѣки Сити. Но чествованіе годовщины нижегородскаго князя представляетъ тѣмъ болѣе знаменательное событіе въ исторической и общественной жизни Нижняго-Новгорода, что оно связано съ основаніемъ самаго города. Жаль, что въ этотъ торжественный день простой народъ былъ совершенно забытъ. При подобныхъ торжествахъ въ другихъ городахъ прежде всего народу раздавались бесплатно печатныя сочиненія, соответствовавшія предмету торжества, для народа устраивались чтенія, наконецъ, даже ему предлагалось скромное угощеніе. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, не было ничего подобнаго. 5-го марта состоялся послѣдній актъ чествованія памяти основателя Нижняго-Новгорода, чтеніе о жизни великаго князя и гимны, исполненные хоромъ пѣвчихъ. Инициаторомъ и распорядителемъ послѣдняго акта торжества является общество распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи. Чтеніе почему-то было названо «народнымъ», хотя на немъ народъ совершенно отсутствовалъ, а присутствовали высшіе гражданскіе и военныя чины, средней классъ и учебныя заведенія. Гимнъ (впрочемъ весьма заурадный) основателю Нижняго-Новгорода Георгію Всеволодовичу, на музыку М. А. Балакирева, написалъ В. С. Лихачовъ.

Общее собраніе Русскаго Историческаго Общества. Въ собственномъ Его Величества Аничковомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя Императора и при участіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича и великаго князя Владиміра Александровича, происходило годичное общее собраніе Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. По открытіи засѣданія, предсѣдатель Общества, А. А. Половцевъ, прочелъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1887 и 1888 гг. Изъ рѣчи выяснилось, что Общество продолжало по прежнему изданіе своего сборника. Два тома осуществили первую часть задачи Общества, указанной еще въ 1876 г. Почетнымъ Предсѣдателемъ. Задача эта заключалась въ составленіи по возможности полнаго отечественнаго біографическаго словаря. Въ виду чрезвычайно труднаго осуществленія такого словаря, совѣтъ находилъ полезнымъ напечатать предварительно списокъ именъ, который долженъ служить основаніемъ для изданія вслѣдъ затѣмъ біографическаго словаря. Списокъ этотъ, включающій 52,600 именъ, помѣщенъ въ 60 и 62 томахъ сборника. Это—первый шагъ къ достиженію преслѣдуемой Обществомъ цѣли, такъ какъ собранный матеріалъ во многомъ облегчитъ написаніе самыхъ біографій тѣхъ лицъ, имена которыхъ заслуживаютъ быть перенесенными на страницы словаря. Совѣтъ Общества обратился къ возможно большому числу извѣстныхъ своей дѣятельностью лицъ, довершая недостатки изданнаго списка, а также лучшіе способы къ совершенію всего предпріятія. Затѣмъ г. Половцевъ кратко обозрѣлъ содержаніе 61—69 т. Сборника, заключающихъ въ себѣ документы, касающіеся царствованій Петра Великаго и Екатерины II. Сообщеніе документовъ изъ иностранныхъ архивовъ продолжалось и въ отчетные годы. Изъ парижскаго архива доставлены документы, относящіеся до переписки короля Людовика XV съ своими тайными дипломатическими агентами, которые представляли ему свои донесенія, одновременно съ донесеніями официальныхъ представителей Франціи при иностранныхъ дворахъ. Изъ берлин-

скаго архива, благодаря содѣйствию князя Бисмарка и сына его графа Бисмарка, сообщены донесенія графа Сольмса, за 1774 г., и отвѣты на нихъ, писанные королемъ и, по его повелѣнью, Финкенштейномъ и Герцбергомъ. Въ теченіе 1888 года Общество лишилось двухъ своихъ членовъ. 29-го іюня скончался князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, а 6-го декабря баронъ Александръ Генриховичъ Жюмини. А. А. Половцовъ сдѣлалъ краткую характеристику обоимъ покойнымъ дѣятелямъ и помянулъ ихъ теплымъ словомъ, указавъ на ихъ полезную дѣятельность въ трудахъ Общества. Представивъ бѣглый перечень трудовъ Общества, А. А. Половцевъ выразилъ надежду, что и въ будущемъ Общество, благодаря высокому покровительству, ему оказываемому, не перестанетъ успѣшно трудиться на пользу отечественной исторіи. По окончаніи чтенія отчета, нѣкоторыми членами Общества были прочитаны изготовленные ими для біографическаго словаря опыты біографій, а именно: Д. Ѳ. Кобеко—о генераль-прокурорѣ, князѣ Александрѣ Алексѣевичѣ Вяземскомъ, Н. Ѳ. Дубровинимъ—о князѣ Петрѣ Ивановичѣ Багратионѣ, умершемъ 12-го сентября 1812 г., Я. К. Гротомъ—объ исторіографѣ Николаѣ Михайловичѣ Карамзинѣ. Въ заключеніе приступлено было къ переизбранію должностныхъ лицъ Общества, при чемъ единогласно выбраны: въ должность предсѣдателя—А. А. Половцевъ; вице предсѣдателя—А. Ѳ. Бычковъ; секретаря—Г. Ѳ. Штендманъ и казначая—Е. М. Ѳеоктистовъ.

Филологическое общество. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ филологическаго Общества г. Лопаревъ сообщилъ о новомъ спискѣ описанія Царьграда Антонія, архіепископа новгородскаго. Прослѣдивъ вкратцѣ литературную исторію хожденія, упомянувъ объ изданіи Савvaitова, объ изданіи Срезневскаго и еще о двухъ отрывкахъ того же описанія, пока не опубликованныхъ, референтъ остановился на пятомъ, недавно имъ приобретенномъ, спискѣ, существенно отличающемся отъ Савvaitовской и копенгагенской рукописи. Исследуемая рукопись, хотя и поздняя (1742 г.), но важная въ томъ отношеніи, что написана въ Хутынскомъ монастырѣ, т. е. тамъ, гдѣ жилъ и скончался Антоній. Подвергнувъ краткому разбору начальную часть хожденія, докладчикъ пришелъ къ мысли, что и она, вѣроятно, принадлежитъ перу новгородскаго архіепископа. Затѣмъ онъ остановилъ вниманіе на замѣчаніи Антонія объ ольгиномъ блюдѣ и по этому поводу вновь пересмотрѣлъ вопросъ о крещеніи и путешествіи великой княгини въ Царьградъ. Сопоставляя извѣстія Константина Багрянороднаго и Антонія объ этомъ блюдѣ, референтъ пришелъ къ новому предположенію, что Ольга въ 957 г. была въ Константинополѣ язычницею, а крестилась во вторую свою поѣздку, тогда какъ до сихъ поръ всѣ полагали, что въ 957 г. она была уже христіанкою. Этотъ взглядъ, имѣя и свою слабую сторону, позволяетъ, по крайней мѣрѣ, отвѣтить на вопросъ, почему Константинъ, подробно описавшій приемъ Ольги въ 957 г., ни слова не сказалъ о ея крещеніи. Константинъ умеръ въ 959 г. и, стало быть, рассказъ о крещеніи Ольги, пріѣхавшей позже окончательнаго составленія церемоніальнаго кодекса, естественно, не былъ записанъ. По поводу этого сообщенія, Л. Н. Майковъ сдѣлалъ замѣтку и о другихъ спискахъ хожденія Антонія, найденныхъ въ самое послѣднее время. Онъ не допускаетъ возможности, чтобы вставка въ рукописи референта принадлежала дѣйствительно перу архіепископа, хотя она и заслуживаетъ вниманія. Въ заключеніе онъ высказалъ мысль о новомъ изданіи Антонія по всѣмъ имѣющимся теперь на лицо спискамъ. И. П. Филевичъ сдѣлалъ сообщеніе о занятіи Руси Казиміромъ въ 1340 г. Это событіе составляетъ одинъ изъ эпизодовъ исторіи подчиненія Галицкой области Польшѣ, завершившагося въ 1387 г. Эпизодъ этотъ очень темный и запутанъ, благодаря патріотизму и фантазіямъ польскихъ изслѣдователей и плохой обработкѣ источниковъ. Оставляя въ сторонѣ источники иностранные, можно считать точнымъ описателемъ этого событія Яна Чарковскаго; но

текстъ первыхъ трехъ главъ его хроники, въ которыхъ разсказанъ эпизодъ 1340 г., не говоря о первыхъ двухъ ея изданіяхъ, не очищенъ критически отъ несомнѣнныхъ вставокъ. Если разобрать упомянутыя главы, то подлиннымъ текстомъ Яна можно считать лишь 1-ю главу, начало 2-й (именно разсказъ de coronatione) и 3-ю всю; но тогда окажется, что о занятіи Казиміромъ Галицкой Руси въ 1340 г. въ хроникѣ не упоминается. И дѣйствительно подлинныя документы даютъ основаніе полагать, что въ этомъ году со стороны Казиміра послѣдовала лишь неудачная попытка, что въ 1341 г. во Львовѣ княжилъ князь Димитрій, т. е. Любарть Гедеминовичъ, и что до 1351 г. нѣтъ ни одного подлиннаго Казимірова документа. Е. Ф. Шмурло прочелъ свой рефератъ: «О запискахъ Сильвестра Медвѣдева». На основаніи тщательнаго изученія изданій Медвѣдева у Туманскаго и Сахарова и его рукописей, референтъ пришелъ къ тому выводу, что ходячее представленіе значительно суживаетъ объемъ напечатаннаго матеріала и что отъ этого представленія не освободились даже тѣ изъ ученыхъ, которые, какъ Устряловъ, Соловьевъ, Маркевичъ и Погодинъ, были знакомы съ самою рукописью Медвѣдева. Болѣе полнымъ спискомъ оказывается списокъ Григоровича, въ которомъ, равно какъ и въ спискахъ академическомъ и уваровскомъ, записки Медвѣдева составляютъ часть литературно-историческаго сборника. Принадлежность этихъ записокъ Медвѣдеву, основывавшаяся до сихъ поръ на голословномъ утвержденіи, не можетъ, по мнѣнію референта, подлежать впредь никакому сомнѣнію. Въ заключеніе реферата Е. Ф. Шмурло указалъ, что исторія записокъ Медвѣдева представляетъ одинъ лишній примѣръ того, какъ часто наши научныя изслѣдованія зависятъ отъ случайностей, и отмѣтилъ необходимость ученаго изданія Медвѣдева. Референту возражали проф. Е. Е. Замысловскій и С. Ф. Платоновъ, указывая на то, что для полноты и большей прочности выводовъ необходимо было изслѣдовать и начало тѣхъ литературно-историческихъ сборниковъ, въ которыхъ помѣщены записки Медвѣдева. Затѣмъ И. П. Филевичъ прочелъ рефератъ: «О боярскомъ сословіи въ Галичѣ въ XIV в.». Указывая на частыя и богатыя земельныя пожалованія первыми польскими владѣльцами Галича: королемъ Казиміромъ, Владиславомъ Опольскимъ и Ягелло, польскимъ вельможамъ, пожалованія, доказывающія обширность коронныхъ владѣній — съ одной стороны и на отсутствіе именъ русскихъ бояръ въ этихъ пожалованныхъ грамотахъ — съ другой, референтъ пытался опровергнуть установившееся въ наукѣ мнѣніе о силѣ и значеніи галицкаго боярства не только въ XIV, но и въ предыдущіе вѣка. Подтвержденіемъ этой мысли, по мнѣнію его, можетъ служить и то обстоятельство, что среди галицкаго боярства и въ болѣе раннее время царилъ анархія, во время которой бояре опирались на чужія силы. Рефератъ этотъ вызвалъ возраженія со стороны профессоровъ В. И. Ламанскаго и Е. Е. Замысловскаго, что непомѣщеніе именъ русскихъ бояръ въ грамотахъ могло быть вызвано недоброжелательнымъ отношеніемъ къ нимъ польскихъ королей; второй же указалъ на неправильность метода референта, сдѣлавшаго заключеніе отъ послѣдующаго къ предыдущему; боярская анархія, по мнѣнію Е. Е. Замысловскаго, также не можетъ служить доказательствомъ слабости бояръ, примѣръ чему мы видимъ на Новгородѣ.

Общество любителей древней письменности. Въ музеѣ Общества любителей древней письменности состоялось, подъ предѣлательствомъ графа С. Д. Шереметева, засѣданіе членовъ этого Общества. Почетный членъ Общества академикъ Буслаевъ, не присутствовавшій въ засѣданіи, прислалъ изъ Москвы письмо, въ которомъ рекомендуетъ для изданій Общества нѣкоторые памятники древней письменности, въ томъ числѣ «Откровенія Авраама» изъ извѣстнаго сильвестровскаго сборника, съ шестью замѣчательными миниатюрами, и «Синодикъ» XVII вѣка, принадлежащій

г. Тихонову: послѣдній памятникъ, кромѣ своего значенія по отношенію къ старопечатнымъ раскольничьимъ книгамъ, представляетъ интересъ также по миниатюрамъ и рисункамъ, въ которыхъ западная «Пляска смерти» передается въ русской обстановкѣ. Представленіе на разсмотрѣніе членовъ Общества новыхъ пріобрѣтеній и приношеній, которыми обогатился музей Общества, сопровождалось подробными сообщеніями объ этихъ предметахъ. Особенно интересными и цѣнными являются приношенія, сдѣланныя кн. Н. Д. Волконскимъ, г. Дружининымъ и гр. С. Д. Шереметевымъ. Кн. Волконскій подарилъ Обществу слѣдующія рѣдкія книги, существующіе экземпляры которыхъ извѣстны на перечень, а именно: «Четверо-евангеліе», изданное въ 1575 году—16-й экземпляръ; «Новый Завѣтъ» съ «Псалтирью», изданіе Виленскаго братства св. Духа, 1611 года—6-й экзмпл.; «Лимонарь» или «Цвѣтникъ Духовный» 1628 г., кievское изданіе, 1628 г.—13-й экземпляръ. Изъ рукописей, подаренныхъ Обществу кн. Волконскимъ, замѣчательны: «Евангеліе-апракосъ» XVI вѣка, 1599 г.; такое же—XV вѣка; «Четверо-евангеліе», писанное на пергаментѣ съ толкованіемъ Теофилакта Болгарскаго, 1470 г.; цѣнный «Сборникъ» XVII в., съ лицевыми изображеніями и съ прекрасными рисунками, содержащій житіе нѣкоторыхъ святыхъ и сказаніе о чудотворной иконѣ Оедоровской или Костромской Божьей Матери, спасшей Кострому отъ полчищъ Батгя—сказаніе интересное въ томъ отношеніи, что оно встрѣчается и въ одномъ иноземномъ славянскомъ сборникѣ, писанномъ за нѣсколько лѣтъ до записи въ русскій сборникъ того же извѣстія, лишь съ замѣной Батгя—Мамаемъ, между тѣмъ, извѣстіе это нисколько не подтверждается историческими данными, такъ какъ ни Батый, ни Мамай никогда до Костромы не доходили. Членъ-корреспондентъ Общества Н. П. Барсуковъ сообщилъ о рукописи, подаренной Обществу его предсѣдателемъ и содержащей историческое, топографическое и отчасти статистико-экономическое описаніе Твери и городовъ тверскаго намѣстничества; въ числѣ достопамятностей Торжка упомянуто о соборной церкви этого города, въ которой покоятся мощи Гульяны Вяземской. Кромѣ того, г. Барсуковъ предъявилъ собранію старинную икону-складень св. Николая, замѣчательную по письму и орнаментамъ, XVII в. Складень этотъ долгое время принадлежалъ роду Буныхъ, Тамбовской губ., и подаренъ г. Барсукову С. Е. Маринимъ. Затѣмъ членъ Общества П. И. Савваитовъ сообщилъ отрывокъ изъ розыскаго дѣла о Дмитріѣ Строгоновѣ, характеризующій отношеніе членовъ семьи Строгоновыхъ въ половинѣ XVII вѣка. Оказалось, между прочимъ, что въ соборной церкви Сольвычегды было семь причтовъ и для каждаго причта особый придѣлъ и особыя входныя двери—до того простиралось стремленіе къ независимости разныхъ членовъ строгоновской семьи. Одинъ изъ нихъ и обвинялся въ томъ, что, прервавъ однажды обѣдню, заставилъ священника начать службу сначала, но сограждане съ замѣчательнымъ единодушіемъ отвѣчали, что «знать ничего не знаютъ и не вѣдуютъ». Академикъ А. О. Бычковъ привелъ примѣръ изъ конца 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда одинъ изъ тамбовскихъ предводителей, большой любитель хорового пѣнія, трижды заставилъ пѣвчихъ во время обѣдни повторить «Херувимскую», пока исполненіе не удовлетворило его вполне.

Общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ къ 1 января 1889 г. располагало капиталомъ въ 136,555 руб. 85 коп. Въ теченіе января и февраля въ доходъ общества поступило 6,008 руб. 48 коп., израсходовано 5,374 руб. 11 коп. Срочная ссуда въ 100 руб. за поручительствомъ выдана 1-му лицу; безсрочныя ссуды выданы: 1-му лицу въ 100 руб. и 1-му въ 300 руб. Единовременныя пособія оказаны 18 лицамъ на сумму 1,220 руб (1-му лицу 300 руб., 1—150 руб., 3—по 100 руб., 1—75 руб., 1—60 руб., 6—по 50 руб., 3—по 25 руб., 1—17 руб., 1—10 руб.). На погребеніе одного лица назначено 50 руб. Продолжительныя пособія назначены 2-мъ лицамъ

о 180 руб., 1—300 руб., а вмѣстѣ съ ранѣ назначенными выданы продолжительныя пособія въ теченіе января и февраля: 1-му лицу—50 р., 1—45 р., 2—по 30 руб., 1—по 20 руб. итого 175 руб. Семь умершаго писателя назначена пенсія въ 300 руб. и единовременное пособие въ 200 руб., вмѣстѣ же съ назначенными ранѣ выданы пенсіи въ теченіе января и февраля 28-ми лицамъ, а именно: 2-мъ лицамъ по 150 руб., 12—по 100 руб., 1-му лицу—80 руб., 2—по 75 руб., 1—67 руб., 3—по 75 руб., 5—по 50 руб., 1—45 руб., 3—по 40 руб., а всего выдано пенсій на сумму 2,437 руб. За обученіе дѣтей двухъ лицъ опредѣлено уплатить 170 руб. (одного 125 руб., другого 45 руб.), всего же въ теченіе января и февраля за воспитаніе и обученіе 16 дѣтей литераторовъ и ученыхъ уплачено 895 руб. Выдано стипендій въ теченіе января и февраля 1-му студенту—150 руб., 6-ти студентамъ по 45 руб., а всего 420 руб. Дочери двухъ лицъ зачислены на бесплатныя вакансіи въ гимназію М. Н. Стоюниной. 1 писатель помѣщенъ въ больницу св. Николая. Отклонены просьбы 16 лицъ. Вышло въ свѣтъ 9-е изданіе стихотвореній Надсона въ количествѣ 6,000 экземпляровъ. М. Н. Стоюнина предоставила въ распоряженіе комитета 2 бесплатныя вакансіи въ своей гимназіи Я. Г. Гуревичъ предоставилъ въ распоряженіе комитета въ память А. Я. Герда 1 бесплатную вакансію въ своемъ реальномъ училищѣ съ тѣмъ, чтобы она замѣщалась сыномъ или родственникомъ писателя-педагога. Профессора Н. П. Вагнеръ, А. П. Доброславинъ, Алексѣй Н. Веселовскій и Н. И. Стороженко читали лекціи въ пользу литературнаго фонда. Книгопродавецъ Н. Г. Мартыновъ пожертвовалъ въ пользу общества въ видѣ «дружининской кофѣйки» 4 руб. 8 коп. съ подписчиковъ на сочиненія Панаева. Комитетъ считаетъ долгомъ выразить признательность всѣмъ названнымъ лицамъ, а профессоровъ Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскаго онъ зачислилъ въ пожизненные члены общества. Признаны также пожизненными членами общества В. М. Соболевскій, П. И. Вларамбергъ, А. С. Посниковъ, Г. А. Джаншиевъ, М. Л. Саблинъ, Д. Н. Агучинъ, А. П. Лукинъ, А. И. Чупровъ, М. Е. Богдановъ и В. Ю. Скалонъ въ виду ихъ пожертвованій, сдѣланныхъ чрезъ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей». Предсѣдатель К. К. Арсеневъ (Спб. Васильевскій Островъ, 14 линія, 23) принимаетъ по воскресеньямъ отъ 10¹/₂—12 ч. утра; казначей Я. Г. Гуревичъ (уголь Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича)—по воскресеньямъ отъ 11—12 час.; секретарь В. И. Семевскій (Васильевскій Островъ, 2 линія, д. № 13, кв. 16), по вторникамъ отъ 5¹/₂ до 7 часовъ. Членъ комитета въ Москвѣ, С. А. Муромцевъ (Шоварская, Скатертный переулокъ, домъ Муромцевой).

Возобновленіе Черниговскаго кафедральнаго собора. Въ г. Черниговѣ находится одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ въ Россіи, Спасо-Преображенскій соборъ, построенный сыномъ Владиміра святого—Мстиславомъ. Къ сожалѣнію храмъ этотъ, бывшій свидѣтелемъ первыхъ временъ христіанства на Руси, былъ забытъ всѣми. Съ цѣлью восстановленія этого историческаго памятника, черниговскій губернаторъ принялъ на себя обязанности церковнаго старосты Черниговскаго кафедральнаго собора и въ теченіе года ему удалось собрать болѣе 20,000 руб., но суммы этой далеко не достаточно для реставрованія въ должномъ видѣ одного изъ лучшихъ памятниковъ Русской старины. Въ надеждѣ, что на Руси не мало людей, дорожащихъ отечественной стариной, А. К. Анастасьевъ напечаталъ воззваніе въ краткимъ сообщеніемъ объ исторической судьбѣ Черниговскаго кафедральнаго собора церковью Спасова-Преображенія и Борисо-Глѣбской. Ранѣе, чѣмъ Ярославъ, сынъ Владиміра, воздвигъ храмъ св. Софіи въ Кіевѣ, другой сынъ его Мстиславъ Удалой, князь Тмутараканскій и Черниговскій—въ своемъ стольномъ градѣ Черниговѣ, въ 1036 году, какъ упоминаетъ Несторъ, заложилъ основаніе церкви Преображенія Спаса и успѣлъ при жизни своей построить ее, по образному выраженію лѣтописца, «взвыше яко на кони стояще досяици».

достроилъ же ее, какъ полагають, строитель памятниковъ въры тотъ же Ярославъ Мудрый. Другая церковь во имя св. Бориса и Глѣба, составляющая нынѣ вмѣстѣ съ церковью Преображенія Господня каѳедральный Черниговскій соборъ, представляетъ также одну изъ древнихъ святынь русскихъ. Съ достовѣрностью можно полагать, что храмъ этотъ сооружень не позже конца XI или начала XII вѣка княземъ Давидомъ Святославичемъ Черниговскимъ, скончавшимся въ 1105 году и положеннымъ въ храмѣ, имъ самимъ воздвигнутомъ, какъ Мстиславъ Удалой, основатель храма Преображенія Спаса погребенъ въ 1036 году въ основанномъ имъ храмѣ Преображенія. Поэтому Черниговскій Спасо-Преображенскій соборъ принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ святынь всей Руси. Его основанію уже недалеко девятисотлѣтній юбилей. Его ктитормъ и попечителемъ, между другими древними князьями, былъ князь черногорскій Никола, прозванный Святоша (Святославъ), который въ послѣдствіи въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ постригся, принявъ схиму и покойся въ Феодосіевской пещерѣ. Въ Черниговскомъ же соборѣ почилъ останки князя Игоря, мученически скончавшагося въ Кіевѣ въ 1147 году и оттуда въ 1150 году перенесеннаго для погребенія въ красномъ теремѣ черниговскаго Спасскаго собора. Здѣсь же были мощи князя Михаила и боярина Феодора—въ татарской ордѣ за Христа умученныхъ, по повелѣнію Батыею—до перенесенія ихъ при Іоаннѣ Грозномъ въ Московскій соборъ. Здѣсь же, наконецъ, почитается святитель Черниговскій Феодосій Угличскій (скончавшійся въ 1695 году). Восемь съ половиною вѣковъ существующему храму уже не соотвѣтствуетъ внѣшній видъ его, далеко уступающій древнему богатству и великолѣпію храма. Преданія сводятся къ тому, что храмъ былъ созданъ съ необыкновенною пышностію. Стѣны были выведены изъ дикаго гранита, связываясь краснымъ цементомъ; внутрь храма шли вдоль къ иконостасу восемь колоннъ или столбовъ въ два ряда красноватаго мрамора съ желтыми базами и капителями; эти колонны поддерживали своды, на которыхъ лежали кругомъ;—внутри церкви къ алтарю,—древніе хоры, на коихъ въ свою очередь стояли четырехгранные столбы также изъ мрамора для опоры средняго (изъ 5-ти) купола, представляющаго подобіе Цареградской св. Софіи. Налѣво—въротно—въ связи (крытымъ переходомъ) съ храмомъ—построена была круглая и высокая изъ дикаго камня и кирпичныхъ плитъ башня, которая называлась краснымъ (княжимъ) теремомъ, гдѣ не одинъ разъ были съѣзды княжескіе для важныхъ вопросовъ, гдѣ нѣкогда засѣдалъ и Владиміръ Мономахъ. Князья дарили соборъ дорогими вкладыми и заботились о его благолѣпіи. Но послѣ татарскаго нашествія въ 1240 году, храмъ Мстиславовъ былъ ограбленъ, разоренъ и долго оставался въ заустѣннн. Возобновленный уже въ 1675 году, насколько позволяли средства частнаго лица (Дунинъ-Борковского), онъ снова и еще болѣе, чѣмъ отъ татарскаго погрома, пострадалъ отъ страшнаго пожара въ 1750 году, когда куполы его и верхъ упали, а красный теремъ разрушился до половины. Наконецъ, въ 1786 году, признаны и за этимъ храмомъ права священной древности, наравнѣ съ Новгородскою святою Софіей, и послѣдовало повелѣніе Екатерины II привести его «въ лучшей и приличный видъ, примѣнивъ къ древнему основанію». Возобновленіе было окончено въ 1798 году, но вовсе не было примѣненіемъ къ древнему характеру основанія его въ византійскомъ стилѣ, и весьма далеко уступало его первозданному великолѣпію. Въ такомъ состояніи соборъ Мстиславовъ остается и понынѣ. Поэтому черниговскій губернаторъ обращается къ усердію русскихъ людей съ призывомъ—оказать участіе посильными жертвованіями для имѣющаго быть вскорѣ предпринятымъ благоустройства соборнаго храма, которое соотвѣтствовало бы священной древности этой святыни.—Приношенія могутъ быть присылаемы на имя Александра Константиновича Анастасьева въ г. Черниговъ.

Перенесеніе праха полковника Панина. Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1887 г. былъ воспроизведенъ видъ полуразрушеннаго памятника надъ прахомъ казацкаго полковника Панина, убитаго въ 1768 г. подъ Краковомъ въ стычкѣ съ Барскими конфедератами. Памятникъ находится на Аріанской площади города Кракова. Такъ какъ въ настоящее время площади этой предположено дать другое назначеніе, то краковское городское управленіе установленнымъ порядкомъ обратилось къ русскому правительству съ запросомъ: не угодно ли будетъ ему распорядиться вырыть останки полковника Панина изъ могилы и перевести въ отечество. Предложеніе было принято, и въ Краковъ посланъ капитанъ Адаридинъ, какъ делегатъ русскаго правительства. 23 марта приступили къ эксгумаціи бранныхъ останковъ полковника. На Аріанской площади, у каменнаго креста, собрались: капитанъ Адаридинъ вмѣстѣ съ назначеннымъ стостоить при немъ капитаномъ Микуличемъ, замѣстителемъ плацкоменданта, вице-президентъ города д-ръ Шмидтъ и полицейско-санитарная коммиссія, состоящая изъ городского физика д-ра Бушка, д-ра Недзялковскаго, председателя Скржиняжа и инспектора Кулаковскаго. Подлѣ креста стоялъ металлическій гробъ. Городскіе могильщики принялись за работу и вынули сначала крестъ, который былъ вкопанъ въ землю покрайней мѣрѣ на метръ глубины. Подъ крестомъ, на глубинѣ полуметра, начали выкапывать кости, наконецъ, найдены были три черепа и нѣсколько кусковъ сабель. Капитанъ Адаридинъ призналъ, что они похожи на сабли, которыми въ концѣ XVIII столѣтія были вооружены русскіе офицеры. Что же касается найденныхъ трехъ череповъ, то капитанъ Адаридинъ объяснилъ, что 17 (29) іюня 1768 года, кромѣ полковника Панина, были убиты майоръ Кейтъ и 27 солдатъ. Поэтому очень можетъ быть, что майора и кого-нибудь изъ солдатъ похоронили съ полковникомъ Панинымъ въ одной могилѣ, подъ стѣной женскаго монастыря кармелитанокъ, откуда въ 1837 г. прахъ ихъ былъ перенесенъ на Аріанскую площадь. Черепа сохранились вполне. Возникъ вопросъ: который изъ нихъ могъ быть черепомъ полковника Панина. Поэтому, присутствовавшій на мѣстѣ профессоръ Стопчинскій очистилъ черепа, при чемъ одинъ изъ нихъ оказался принадлежащимъ несомнѣнно человѣку пожилому. У другого черепа, принадлежащаго молодому человѣку, сохранились всѣ зубы, крѣпкіе и притомъ очень красивые. Найденные черепа и кости положены были въ гробъ, который по опечатаніи полицейскіе перенесли въ манежъ, расположенный рядомъ съ Могильскимъ фортомъ. Куски сабель взялъ капитанъ Адаридинъ. Въ манежѣ при гробѣ поставленъ былъ почетный караулъ изъ крѣпостныхъ артиллеристовъ. Перевезеніе вырытыхъ останковъ на станцію желѣзной дороги совершилось въ 4 ч. пополудни. Къ этому времени передъ манежемъ расположился эскадронъ 11 гусарскаго полка и собрались генералы: Дрекслеръ, Рошковскій, генераль-отъ-кавалеріи Галгочи, а также штабные и кавалерійскіе офицеры. Потомъ прибылъ президентъ города, докторъ Шляхтовскій. Когда пріѣхалъ корпусный командиръ, князь Виндишгрецъ съ начальникомъ штаба, полковникомъ Гофмейстеромъ, и поздоровался съ капитаномъ Адаридинымъ, уланы вынесли гробъ и поставили на траурную колесницу, запряженную четверкою лошадей. Полуэскадронъ уланъ выстроился впереди колесницы, десять уланъ съ обнаженными саблями стали по сторонамъ гроба, за колесницей шли: князь Виндишгрецъ и капитанъ Адаридинъ, далѣе президентъ города, генералы и офицеры, за которыми двигался второй полуэскадронъ. Во время шествія трубачи играли похоронный маршъ. Процессію сопровождала довольно многочисленная публика. Когда гробъ съ останками поставленъ былъ въ вагонъ, эскадронъ и присутствовавшіе офицеры отдали честь. Въ заключеніе передъ княземъ Виндишгрецомъ и капитаномъ Адаридинымъ эскадронъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ.

† Въ Красноярскѣ одинъ изъ видныхъ изслѣдователей Сибирской старины, много трудившійся на поприщѣ отечественной археологіи, педагогъ

Андрей Кирилловичъ Завадскій-Краснополскій. Онъ родился въ 1840 г., воспитывался въ Кіевскомъ университетѣ, окончивъ который въ 1867 г. по историко-филологическому факультету, посвятить свою дѣятельность занятіямъ научнымъ и педагогическимъ. Еще студентомъ Завадскій увлекался археологіей и этнографіей и, окончивъ университетскій курсъ, удвоилъ свои занятія ими. Первые труды Завадскаго въ области археологіи и этнографіи обратили вниманіе Географическаго общества, избравшаго его своимъ дѣйствительнымъ членомъ, и Харьковскаго университета, предложившаго ему поступить лекторомъ географіи въ этотъ университетъ; Завадскій не воспользовался выгоднымъ предложеніемъ университетской каѳедры, но поѣхалъ въ Сибирь съ цѣлью изслѣдованія сибирскихъ кургановъ и сравненія ихъ съ южно-русскими курганами. Въ Сибири, впрочемъ, матеріальныя обстоятельства не позволили ему отдаться исключительно наукѣ, и пришлось заняться педагогическою дѣятельностью; онъ былъ назначенъ преподавателемъ мужской и женской красноярскихъ гимназій и председателемъ совѣта женской гимназіи. Преподаватель Завадскій былъ выдающійся: онъ любилъ педагогическое дѣло и вѣрилъ въ неспорченность дѣтской природы, въ гуманный принципъ воспитанія; въ классъ онъ вносилъ живой тонъ, свѣтлое, одобряющее настроеніе. Изслѣдованія Завадскаго по археологіи не всё появились въ печати, но совѣтъ красноярской мужской гимназіи принялъ мѣры къ ихъ разработкѣ и выпуску въ свѣтъ.

† Въ Москвѣ, отъ паралича сердца, артистъ Николай Сергѣевичъ Стружкинъ. Онъ происходилъ изъ семьи воронежскихъ помѣщиковъ Куколевскихъ и по воспитанію предназначалъ себя для военной службы, но театральное призваніе взяло верхъ. Въ талантѣ своемъ онъ убѣдился на любителейскихъ спектакляхъ, а затѣмъ окончательно перешелъ на профессиональную сцену. Псевдонимъ Стружкина достался ему благодаря шутивому предсказанію, что онъ будетъ «стружкой» отъ «щепки», т. е. отъ Щепкина. Въ странствованіяхъ своихъ онъ исколесилъ всю Россію и звездъ имѣлъ большой успѣхъ. Москва также знала и цѣнила его; ждали увидѣть его въ числѣ артистовъ Малаго театра послѣ смерти Шумскаго; мечта объ этомъ и самъ покойный, но мечта осталась мечтой. Отлично зная сцену на практикѣ, Стружкинъ усердно занимался ею и въ теоріи. Онъ читалъ лекціи драматическаго искусства, писалъ статьи въ спеціальныхъ изданіяхъ и оставилъ послѣ себя готовое къ печати руководство для актеровъ. Не чужда ему была и общія литература. Остроумный, хорошо владѣющій стихомъ, онъ былъ цѣннымъ сотрудникомъ для юмористическихъ журналовъ.

† На Кавказѣ, въ припадкѣ психическаго разстройства, покончила свои расчеты съ жизнью выстрѣломъ изъ револьвера, направленнымъ въ лѣвый високъ, Анна Фѣдоровна Бѣлецкая, участвовавшая въ газетѣ «Сѣверный Кавказъ», подъ псевдонимомъ Федоренко-Янусъ. Оставленное ею длинное, толково и твердымъ почеркомъ написанное, письмо свидѣтельствуеетъ о томъ, что рѣшеніе о самоубійствѣ принято было покойною подъ влияніемъ угнетавшей ее мысли о томъ, что она непременно должна лишиться разсудка. Изъ напечатанныхъ разновременно въ «Сѣв. Кавказѣ» разсказовъ покойной особенно выдаются: «Медаль», «По Домострою», «У оленьихъ роговъ», «Два теенія», «Женщина-врачъ», «Бумажныхъ дѣлъ мастеръ».

† Въ Аткарскомъ уѣздѣ саратовской губерніи, писатель Николай Михайловичъ Пятницкій. Спеціальность его составляла испанская литература. Его переводы помѣщались въ 60-хъ годахъ въ «Отч. Запискахъ», а одна переводная пьеса («Лучшій алькадъ») была дана на московской сценѣ (въ бенефисъ г-жи Ермоловой). Послѣ Пятницкаго осталось нѣсколько переводовъ въ рукописи, которые его дѣти предполагаютъ выпустить отдѣльнымъ изданіемъ.

† Въ Петербургѣ, графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, выдающійся

по уму и дарованіямъ государственный дѣятель, имя котораго представляло собою цѣлую программу и оцѣнка дѣятельности котораго принадлежить исторіи, такъ какъ между современниками онъ не пользовался ни популярностью, ни симпатіей. П. А. Шуваловъ былъ главою одной изъ древнихъ знатнѣйшихъ, аристократическихъ фамилій въ Россіи и принадлежалъ къ числу очень богатыхъ русскихъ вельможъ. Онъ родился въ 1827 г.; образованіе получилъ въ пажемскомъ корпусѣ, откуда въ 1845 г. выпущенъ офицеромъ въ Конно-Гвардейскій полкъ. Въ 1857 г. П. А. былъ произведенъ въ генераль-майоры, въ 1864 г.—въ генераль-лейтенанты, въ 1866 г. назначенъ генераль-адъютантомъ, а въ 1872 году произведенъ въ полные генералы, по гвардейской кавалеріи. Пользуясь особымъ довѣріемъ покойнаго государя, онъ занималъ послѣдовательно важные и отвѣтственные посты слѣб. оберъ-полиціймейстера, генераль-губернатора Прибалтійскихъ губерній, шефа жандармовъ и, наконецъ, посла въ Лондонѣ. Онъ принималъ ближайшее участіе въ крупнѣйшихъ событіяхъ прошлаго царствованія и вмѣстѣ съ кн. Горчаковымъ участвовалъ въ Берлинскомъ конгрессѣ. Послѣ конгресса онъ покинулъ свой постъ посла, и не вступалъ уже болѣе на дѣйствительную службу, оставаясь только членомъ государственнаго совѣта.

† 24-го марта, Татьяна Петровна Пассекъ, много лѣтъ потрудившаяся на литературномъ поприщѣ. Не смотря на преклонные годы (ей было 79 лѣтъ), она продолжала работать: смерть застала ее съ перомъ въ рукѣ; за недѣлю до кончины она диктовала послѣднія страницы 3-го тома «Изъ дальнихъ лѣтъ». Родилась Т. П. въ Тверской губерніи, въ 1810 г., въ имѣніи своей матери, деревнѣ Новосельѣ, гдѣ и провела ранніе годы. Ея товарищемъ дѣтства былъ Александръ Ивановичъ Герценъ, дружба съ которымъ прекратилась только съ его смертью. Въ то время, когда Герценъ воспитывался въ Московскомъ университетѣ, Татьяна Петровна была уже взрослой дѣвушкой, окончившей курсъ въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ. Окружавшая ее среда, состоявшая изъ ученыхъ, литераторовъ и художниковъ, развила и въ ней любовь къ занятіямъ литературой. Вскорѣ Т. П. вышла замужъ за В. В. Пассекъ и ея первая литературная работа была помѣщена въ издававшихся ей мужемъ «Очеркахъ Россіи». Затѣмъ она работала въ «Живописномъ Обзорѣніи» Плюшара и, наконецъ, издала имѣвшую въ то время большой успѣхъ книгу «Чтеніе для юношества». Но эти работы не удовлетворили ее. По ея обширному литературному образованію и большому уму, ей было нужно болѣе обширное поприще. Тогда она, при участіи извѣстныхъ въ то время ученыхъ и писателей, выработала программу журнала для матерей «Природа». Программа была представлена, но разрѣшенія издавать журналъ не послѣдовало. Послѣ этого Т. П. занялась переводами для разныхъ журналовъ и изданій. Оставшись послѣ смерти мужа съ дѣтми, она продолжала писать. Но судьба готовила ей цѣлый рядъ тяжелыхъ утратъ. Въ шестидесятихъ годахъ въ Парижѣ умеръ ея старшій сынъ. Послѣ его смерти, она занялась составленіемъ своихъ воспоминаній «Изъ дальнихъ лѣтъ». «Когда я писала эти записки, говорила Т. П., мнѣ казалось, что я бесѣдую съ моими близкими, отошедшими отъ меня». Эти «Воспоминанія» съ 70-хъ годовъ стали печататься въ «Русской Старинѣ». Затѣмъ Т. П. снова задалась мыслью издавать журналъ, но на этотъ разъ уже для дѣтей. Въ 1880 г. появился 1-й номеръ ея еженедѣльнаго журнала «Игрушечка». Этотъ журналъ пользовался вполнѣ заслуженной извѣстностью. Но при началѣ этого изданія Т. П. постигло новое горе. Ея второй сынъ смертельно заболѣлъ, и она должна была везти его за границу, гдѣ онъ и скончался. По возвращеніи изъ-за границы, убитая горемъ и уже очень стѣсненная въ средствахъ Т. П. продолжала изданіе «Игрушечки» до октября 1887 года, когда передала этотъ журналъ одной изъ своихъ сотрудницъ А. Н. Тюфяевой (Якоби). Матеріальное положеніе Т. П. въ послѣдніе годы было стѣснительно; тѣмъ не менѣе, при содѣйствіи близкихъ ей лицъ, она предприняла изданіе 3-го

тома «Изъ дальнихъ лѣтъ», которое кончила за недѣлю до своей кончины. Тяжелая болѣзнь, съ которой она боролась въ продолженіе почти двухъ лѣтъ, сломила ея крѣпкій организмъ. Она умерла въ памяти, тихо, окруженная своими внуками, которыхъ она горячо любила. Всѣ, кто зналъ «литературную бабушку», любили и уважали ее за ея умъ, доброту и отзывчивость.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Нѣсколько словъ о происхожденіи названія „Волынь“.

Всѣ существующія въ настоящее время сочиненія, посвященныя исторіи Волыни, полагаютъ, что названіе свое Волынская земля получила отъ города Волыня, который лежалъ на лѣвомъ берегу р. Буга при впаденіи въ него р. Гучавы, въ двадцати верстахъ отъ Новградволынска (Звягля). Такъ, напримѣръ, Длугошъ говоритъ: «Item Uzcw, cujus fons ex silvis Grodek villa Podhoricze, ostia in villa Grodek, ubi prius antiquitus castrum Wolyn, a quo univcrsa terra Wolynsca appellatur, erat»,¹⁾. Точно такъ же А. М. Андрияшевъ говоритъ, что «Бужане получили имя отъ другого города, сдѣлавшагося центромъ—отъ города Вельня или Волыня и стали называться волынянами»²⁾. Относительно же основанія города и происхожденія его названія существуетъ много самыхъ разнообразныхъ, часто ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ.

Польскіе историки производятъ это названіе отъ р. Волги, откуда будто бы переселились сюда первые жители. По мнѣнію Стрыйковского «Z tych że Wolgarów albo Bulgarów od Wotłgi rzeki Moskiewskiej drugi się naród Ruski odłaczyl, którzy w tych krainach, które dziś Wolhyniem zowiemy osiedli, a od Wolhy rzeki i od Wolharów, Wolhynczami z ziemią swoją Wolhyniem są nazwali»³⁾. Также въ другомъ мѣстѣ: «od Wolhy rzeki nazwani od ktorey z Moskytu swoy naród dzis mieszkaia w wiedly». Такой же взглядъ на этотъ предметъ мы находимъ и у другого польскаго историка Гаваньини: «Sarmaci Krainę Ruską oranowali, która od rzeki Wolhy nazwani», и въ другомъ мѣстѣ «Zwali się perwey Wolgarami, a potym Wolhyncami»⁴⁾. Точно такимъ же образомъ рѣшается нашъ вопросъ и въ историческихъ сочиненіяхъ Длугоша и митрополита Сестренцевича⁵⁾. Такая гипотеза, единогласно принятая столькими историками, основывается на томъ мѣстѣ лѣтописи, гдѣ говорится о движеніи отъ Волги народа, извѣстнаго подъ именемъ обровъ или аваровъ: «Въ сиче времена бысть и обре иже воеваша на царя Ираклія и мало его не яша. Сиче обре воеваша на словѣны и примучиша Дулѣбы, суцая словѣны»⁶⁾. Племя это, очевидно кочевое, по прибытіи въ предѣлы дулебовъ (бужанъ) было названо, какъ полагаютъ перечисленные историки,—волгарами или волгинцами, а построенное ими укрѣпленіе Волгиніей или же Волынью. Мнѣніе это подтверждается отчасти

¹⁾ I. Dlug. Hist. Polonica. т. I. L. 18.

²⁾ А. Андрияшевъ: «Очеркъ исторія Волынской земли до конца XIV в.» стр. 7.

³⁾ Kronika polska, litewska, i wszyskiej Rusi. L. IV p. 104.

⁴⁾ Энциклоп. Лексик. т. XI. Спб. 1836 г. Стр. 475.

⁵⁾ O Rossij Zachodniej. Могилевъ. 1795.

⁶⁾ Ип. Лѣт. 6—7.

нѣкоторыми мѣстами той же лѣтописи, изъ которыхъ видно, что названіе «воляннѣ»—не первоначальное, а явилось только впоследствии: «Се бо токмо словенскій языкъ въ Руси: поляне, древлѣне, новгородцы, полочане, дреговичи, сѣвера, бужане, послѣ же воляннѣ»¹⁾; и въ другомъ мѣстѣ: «Дулѣби²⁾ живяху по Бугу, где нынѣ воляннѣ»³⁾. Слѣдовательно нашествіе обровъ является событіемъ, бывшимъ причиною основанія города Вольни, а затѣмъ и принятія этого имени всей страной, всѣмъ народомъ. Однако взглядъ этотъ становится не состоятельнымъ, если мы приведемъ мѣсто изъ лѣтописи, гдѣ говорится, что «Обри быша тѣломъ велици и умомъ горди, за что и потреби я Богъ, и помроша вси и не остана ни одинъ Обрянъ. И есть притча в Русі и до сего дни: погибоша аки Обри; их же нѣсть ни племени, ни наслѣдка»⁴⁾. Этими словами лѣтописецъ прямо указываетъ на исчезновеніе этого пришлаго кочевого племени, только нѣкоторое время кочевавшаго по Вольни. Конечно, слова лѣтописца о поголовномъ истребленіи обровъ Богомъ можно принимать и не въ прямомъ смыслѣ, но во всякомъ случаѣ мы должны или признать фактъ удаленія этого народа изъ предѣловъ Вольни, или же допустить, что онъ совершенно слился съ массой туземнаго населенія и утратилъ типическія черты своего племени, такъ что не только не могъ передать туземцамъ своего имени, но даже самъ долженъ былъ принять имя коренныхъ обитателей. Впрочемъ, первое предположеніе, не менѣе вѣроятное, чѣмъ второе, имѣетъ предъ послѣднимъ то преимущество, что находитъ объясненіе и подтвержденіе въ исторіи болгарскаго народа, занимавшаго пространство отъ Волги до Днѣпра. Во второй половинѣ VII в. сынъ болгарскаго князя Куврата, Аспарухъ, перешелъ за Дунай и на Балканскомъ полуостровѣ основалъ государство⁵⁾. Вполнѣ естественно, если это переселеніе болгаръ съ сѣвера на югъ было принято за вторженіе обровъ или аваровъ, а удаленіе ихъ, столь же внезапное, какъ и появленіе, за истребленіе этого народа. Поэтому трудно да и не возможно предположить, чтобы въ такое короткое время коренное населеніе могло ситься съ пришельцами, подчиниться имъ въ такой степени, чтобы принять ихъ имя и передать его странѣ. Что же касается до выраженія лѣтописи: «Обри примучиша Дулѣбы», то это легко объясняется грабежами кочевниковъ. Не лишено также основанія мнѣніе Максимовича, которое съ своей стороны нѣсколько опровергаетъ приведенный взглядъ польскихъ историковъ. «Польскіе историки», говоритъ онъ, «по сходству звуковъ считали воляннѣ пришельцами съ береговъ Волги, почему и вмѣсто Вольни они писали Волгнѣ. Но и то и друго напрасно. Жители Волги назывались бы не воляннѣнами, а волжанами—по закону славянскаго звуко-измѣненія, какъ обитатели Буга назывались бужанами»⁶⁾.

Другое мнѣніе относительно этого названія принадлежитъ г. Руссову, который производитъ слово Вольнь изъ двухъ словъ: «воль» и «гинъ» (русск. «гонъ»)⁷⁾. Мнѣніе свое г. Руссовъ основываетъ на томъ, что между

¹⁾ Ип. Лѣт. Стр. 6.

²⁾ Даугошъ объясняетъ имя Дулебовъ такимъ образомъ: «Dulebianie a duce eorum Duleba vocabantur, qui nunc Luczanie apellati sunt». L. I p. 49.

³⁾ Ип. Лѣт. стр. 7.

⁴⁾ Ип. Лѣт. стр. 7.

⁵⁾ Труды Волянск. Губернск. Статистическаго Комитета на 1867 г. Вып. I, стр. 2.

⁶⁾ Максимовичъ. Полн. собр. соч. Т. I, стр. 106.

⁷⁾ Энциклоп. Лекс. Т. XI. Спб. 1836 г. Стр. 475.

южными частями Волынской земли, гдѣ черноземная почва по своему плодородію и обилію тучныхъ пастбищъ давала возможность разводить рогатый скотъ, преимущественно воловъ, и сѣверными предѣлами Литвы и Польши издавна производился торгъ волами. Волотовъ прогоняли съ юга на сѣверъ, вслѣдствіе чего сборный пунктъ, а затѣмъ и вся страна, получили названіе Волгиніи или Волыни. Разсматривая такое словопроизводство, невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ могло произойти сліяніе русскаго слова «воль» съ малороссійскимъ «гинь». Одно изъ двухъ, или то и другое должно было быть русскимъ, или же оба малороссійскими. Съ другой стороны, даже допуская подобное названіе для какого-нибудь мѣста, взглядъ г. Руссова долженъ былъ бы привести насъ къ нелѣпому заключенію, что сборище, куда стогнали скотъ, названное Волгиніей, не только удержало за собой это имя, но только передало его торговцамъ волами, но также и цѣлому народу, который по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ взаимнѣ своихъ родовыхъ именъ принялъ имя поселенія, не имѣвшаго для него никакого значенія ни въ политическомъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ.

Трудно также согласиться и съ мнѣніемъ Максимовича, который на основаніи встрѣчающагося въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи имени «Вельнь» полагаетъ, что отрасль прибалтійскихъ славянъ «вельняне», жившая на о. Вельнь (Юнлингъ), переселилась въ земли бужанъ и заставила ихъ принять свое имя ¹⁾. Такая теорія, какъ и предыдущія, не находятъ себѣ подтвержденія въ нашей лѣтописи. Въ самомъ дѣлѣ, неужели бы лѣтописецъ, который такъ старательно и добросовѣстно собиралъ историческіе факты и преданія, который старался объяснить себѣ каждое собственное имя, неужели бы онъ не занесъ на страницы лѣтописи такого крупнаго событія, какъ переселеніе цѣлаго народа (вельнянъ), заставившаго другой народъ (бужанъ) принять свое имя. Вельняне были совершенно чужимъ народомъ для русскихъ славянъ, такъ какъ мы не находимъ ихъ имени въ перечнѣ славянскихъ народовъ, первоначально населявшихъ Русь ²⁾, Значитъ вельняне для того, чтобы занять земли бужанъ, какъ народъ враждебный, должны были бы вступить въ борьбу съ туземнымъ населеніемъ. А такая борьба непременно сохранилась бы въ памяти народа и была бы записана лѣтописцемъ. Между тѣмъ въ лѣтописи нѣтъ даже намёка на что-нибудь подобное. Все это даетъ намъ право сдѣлать заключеніе, что перемѣна имени бужане въ волыняне произошла незамѣтно, постепенно, не была вызвана какимъ-нибудь необычайнымъ событіемъ въ родѣ прибытія вельнянъ, какъ полагаетъ Максимовичъ.

Существуетъ еще нѣсколько мнѣній, положительно не выдерживающихъ никакой исторической критики, а потому и не заслуживающихъ особеннаго вниманія. Къ числу такихъ мнѣній можетъ быть отнесена также и народная легенда, помѣщенная въ газетѣ «Волынь». «Князь Мала», передаетъ И. С. въ этой газетѣ, «повѣривши хитрой Ольгѣ позволить ей справить тризну по мужѣ и когда войско и народъ Мала напился, Ольга приказала своимъ войскамъ напасть на древлянъ и они въ одинъ часъ убили болѣе пяти тысячъ войска и народа князя Мала. Убивая древлянъ, войска княгини Ольги при-

¹⁾ Максимовичъ. Полн. собр. соч. Т. I, стр. 106.

²⁾ «Се бо токмо словенскій языкъ в Русі: поляне, древляне, дръговичи, новгородцы, полочане, сѣверяне, бужане, послѣ же волыняне». Ип. л., стр. 6.

говаривали: «А що поволали. А що поволали?»¹⁾. И вотъ по этому древлянская земля съ этихъ поръ и стала называться Волянью²⁾. Причина очень и очень недостаточная.

Все это показываетъ, что рѣшеніе нашего вопроса не выходитъ изъ области гипотезъ, болѣе или менѣе основательныхъ, и даже, какъ мы видѣли, не всегда выдерживающихъ критику. Нѣтъ однако сомнѣнія, что причина существовала, что такая перемѣна не могла произойти сама собой. Съ своей стороны, мы думаемъ, что правильнѣе всего производить это названіе отъ слова «воля». По нашему мнѣнію, Волянь основана выходцами изъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, которые, будучи недовольны существующимъ у нихъ порядкомъ, и болѣе всего, не желая подчиниться объединительнымъ стремленіямъ кievскихъ князей, оставляли свою родину и собирались въ одномъ мѣстѣ, представляя собой вольное поселеніе. Примѣръ подобнаго образованія городовъ представляетъ собой г. Вятка, основанный въ XII в. новгородскими повольниками, которые, будучи недовольны существующимъ у нихъ государственнымъ строемъ, удалились внизъ по Волгѣ, завернули въ рѣку Каму, потомъ рѣку Вятку и при впаденіи въ нее рѣки Хлыновицы основали гор. Хлыновъ, переименованный впоследствии въ Вятку. Очень можетъ быть, что подобнымъ же образомъ при впаденіи р. Гучавы въ рѣку Бугъ получило свое начало поселеніе, основанное выходцами изъ сосѣднихъ племенъ, а потому вольными людьми, Волянь. Въ самомъ дѣлѣ, лѣтопись, передавая фактъ покоренія Олегомъ въ 883 г. подъ свою власть полянь, древлянъ, уличей и тиверцевъ, ничего не говоритъ о подчиненіи этимъ княземъ бужанъ, лутичей и дулебовъ (въ послѣдствіи воляннѣй). Слѣдовательно, когда были покорены сосѣднія славянскія племена, однѣ только бужане и лутичи оставались въ прежнемъ свободномъ состояніи и не несли на себѣ всей тяжести ига побѣдителей. Такимъ образомъ земли по Бугу являлись землями вольными, куда стекались бѣглецы изъ покоренныхъ князьями сосѣднихъ племенъ, не могшихъ подчиниться новой власти, поселялись здѣсь и образовали вольную область, или же Воляннь.

Положеніе же племенъ, сосѣднихъ Воляни, подпавшихъ подъ власть кievскихъ князей, не только не улучшалось, но все болѣе и болѣе ухудшалось. Игорь, по словамъ лѣтописи «иде на Древляны и побѣдивъ въ зложи на ня дань большу Олгови»³⁾. Тотъ же Игорь, не довольствуясь полученіемъ установленной дани, требуетъ отъ древлянъ болѣе, за что и погибаетъ въ одно изъ полгодій. Затѣмъ, жена его Ольга, отвергнувъ мирныя предложенія древлянъ, жестоко мститъ имъ и, почти разоривши всю землю «иде по Деевской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляючи уставы и уроки»⁴⁾. Все это только увеличивало въ глазахъ побѣжденныхъ сосѣдей прелесть свободнаго житья на Воляни, увеличивало населеніе послѣдней новыми выходцами и способствовало закрѣпленію названія, удержавшагося за нею и до сихъ поръ. Такова, по нашему мнѣнію, причина той перемѣны имени, которая вызвала такую массу гипотезъ.

Вл. Боцяновскій.

¹⁾ Малороссійское слово значитъ «позвали».

²⁾ Газ. «Волянь» за 1888 г. № 27, И. С.

³⁾ Ип. Лѣт., стр. 25.

⁴⁾ Ип. лѣт., стр. 38.

II.

Откликъ на воспоминанія Б. А. Милютина.

Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года, помѣщены отрывки изъ воспоминаній покойнаго Б. А. Милютина о Восточной Сибири въ генераль-губернаторство графа Муравьева-Амурскаго, гдѣ авторомъ дано неправильное освѣщеніе многимъ фактамъ и допущено глумленіе надъ разными личностями и между прочими надо мной.

Задѣтый заживое извращеніемъ истины и оскорбительной обрисовкой моей личности, я не считаю возможнымъ оставить безъ опроверженія обидныя выходки противъ меня покойнаго Бориса Алексѣевича Милютина.

Начну съ того, что послѣ описанной Б. А. съ такимъ злымъ юморомъ встрѣчи нашей въ Иркутской гостинницѣ, мы вскорѣ было сошлись съ нимъ довольно близко, размѣнялись фотографическими карточками и даже нѣсколькими дружескими посланіями во время первой командировки его, по тому слѣдственному дѣлу, о которомъ онъ упоминаетъ, въ началѣ своихъ воспоминаній.—Хотя мы довольно существенно расходились съ нимъ во многомъ, вслѣдствіе различныхъ темпераментовъ, воспитанія съ дѣтства, образованія и специальной служебной подготовки, и что еще важнѣе,—среды въ которой до того вращались,—однако же, насъ, тогда еще довольно молодыхъ людей, по своему воодушевленныхъ идеями добра и желаніемъ честно послужить, по мѣрѣ силъ, отечеству, и, почти одинаково не могшихъ похвастать ни особеннымъ покровительствомъ фортуны, ни чувствомъ удовлетворенности, многое и сближало,—кромѣ того, что оба мы чувствовали себя въ Иркутскѣ вновь и на не совѣмъ твердой еще почвѣ...

Поэтому, встрѣчи наши, особенно первое время, бывали до того дружескими, пріятельскими и даже горячими, что вскорѣ мы не стѣснялись уже высказываться о своемъ прошломъ и настоящемъ съ такой откровенностью, которая возможна только при довѣрїи и увѣренности во взаимности. Что это было такъ съ моей стороны—ручаюсь.

Однако, по мѣрѣ ознакомленія съ Иркутскомъ и ограниченія служебной дѣятельностію и личными интересами, каждый изъ насъ, избирая знакомства себѣ по вкусу и завязывая отношенія подходящія ближе къ личнымъ потребностямъ, увидѣлъ вскорѣ, что пути наши значительно расходятся, и чѣмъ далѣе—тѣмъ болѣе. Б. А. вскорѣ поселился въ семействѣ своего товарища, къ которому я не питалъ ни какой симпатїи, и сталъ чуждаться того свѣтскаго общества къ которому меня, послѣ шестилѣтняго почти пребыванія въ ужаснѣйшей глуши Забайкалья, такъ сильно потянуло.

Все же, хотя изрѣдка, мы встрѣчались на пріятельской ногѣ; отношенія хотя были и холоднѣе, но крупныхъ размолвокъ не было; а разставшись дружески въ январѣ 1861 года, мы никогда уже и не встрѣчались.

Невольно я задаюсь вопросомъ: какія же причины могли побудить Б. А. отнестись ко мнѣ такъ пренебрежительно, насмѣшливо и явно недоброжелательно въ своихъ воспоминаніяхъ?—Другого отвѣта на это не нахожу какъ тотъ, что это могло быть плодомъ лишь посторонняго и гораздо позднѣйшаго вліянія.

А я то?—Вотъ скоро тридцать лѣтъ какъ мы встрѣтились впервые, и до сихъ поръ въ душѣ моей сохраняютъ одни лишь симпатичныя къ нему чувства.... И вдругъ такое разочарованіе... такая профанация!?...

По его описанію выходитъ, что я назойливо напросился на знакомство съ нимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ номерѣ съ изъясненіемъ сочу-

ствія и предложеніемъ услугъ; что я оставилъ командованіе полкомъ за Байкаломъ—по одной версіи вслѣдствіе жестокаго, будто бы, обращенія, и по собственному, будто бы, признанію, вслѣдствіе необходимости принести меня въ жертву полковнику Вакульскому. Далѣе, я оказываюсь, подъ его перомъ, смѣшнымъ и до крайности страннымъ пѣвцомъ, дамскимъ угодникомъ и любезникомъ, безпрестанно, будто бы, подсказывавшимъ къ зеркалу, чтобы убѣдиться не ростетъ ли у меня на носу или на лицѣ шишка... опасаясь наслѣдственнаго помѣшательства... уже будто бы отразившагося и на моихъ сестрахъ?!... На какомъ-то балѣ я, откланиваясь графу Муравьеву-Амурскому, до неприличія долго и крѣпко жму ему руку, такъ что графа это изумило и покорило?... Этого мало: Б. А. начинающій свои воспоминанія глумленіемъ надо мною и кончаетъ ихъ мною же,—издѣвательствомъ надъ самыми глубокими и чистыми чувствами, сказавшимися невольно при прощаніи съ Муравьевымъ.

Муравьевъ прощается съ Иркутскомъ навсегда. Изъ громаднѣйшей массы лицъ, собравшихся проводить его, каждому почти (!..) онъ что-нибудь говоритъ, въ видѣ прощальнаго привѣта... очередь доходитъ и до Баркь-Петровскаго. Б. А. слѣдившій за всѣмъ этимъ, гдѣ-то затерявшись въ толпѣ, почему-то особенно интересуется слышать, чѣмъ мы обмѣняемся съ Муравьевымъ?... Онъ протискивается къ намъ изо всѣхъ силъ, чтобы подслушать... но напрасно—толпа слишкомъ плотна и онъ видитъ только, что Муравьевъ что-то говоритъ, а «Баркь-Петровскій плачетъ... растроганъ».

Растроганныхъ однако было болѣе чѣмъ на половину! Самъ Муравьевъ тоже былъ очень растроганъ. Голосъ его дрожалъ отъ волненія и какъ онъ не крѣпился, а появлялись и непрошенныя слезы!... А это не могло не вызывать искреннѣйшихъ слезъ у всѣхъ, чье сердце было способно къ признательности.

Отъ души сожалѣю о всѣхъ тѣхъ, у кого эти незабвенныя для многихъ минуты могли вызывать лишь волненіе какого-то «сыскаго» любопытства!...

Теперь посмотримъ, что окажется, отъ всей этой, такъ ловко подтасованной, характеристики моей, на повѣрку?

Остановившись по пріѣздѣ въ Иркутскъ въ концѣ іюня 1859 года, случайно, въ одной гостинницѣ и даже въ сосѣднемъ номерѣ съ тѣмъ, который занимали дня за два ранѣе пріѣхавшіе туда же на службу изъ Петербургской управы благочинія, если не ошибусь, коллежскій ассесоръ Милютинъ и титулярный совѣтникъ его спутникъ... фамиліи не назову, и, узнавши что братъ извѣстнаго военнаго историка, профессора военной академіи, а тогда и знаменитаго уже, по Кавказу, генерала, сидитъ безъ гроша, а хозяинъ гостинницы, горбунъ «злой Черноморъ», распускаетъ уже по городу слухи о томъ, чѣмъ успѣлъ такъ надѣсть и мнѣ,—что и за вино и за извозчиковъ онъ платитъ свои деньги и проч.,—я пожелалъ, хоть на первое время, выручить ихъ изъ-подъ зависимости отъ такихъ скверныхъ обстоятельствъ и горбуна, и, чрезъ трактирнаго слугу, изъявилъ желаніе познакомиться съ ними; а навѣстивши, послѣ краткаго вступленія, просто предложилъ имъ взять у меня на время 25 рублей, которые и были благосклонно приняты.

При чемъ тутъ остается весь комизмъ нарисованной г. Милютинымъ сценки?...

Фактическое командованіе вторымъ коннымъ полкомъ Забайкальскаго казачьяго войска, какъ было сообщено мной лично Милютину, я оставилъ въ сентябрѣ 1858 года, единственно изъ-за ссоры съ бригаднымъ командиромъ, сопряженной къ тому же и съ вызовомъ на поединокъ.

Благодаря своей службѣ, хорошей репутаціи, не мстительности бригаднаго командира, а главное—безконечной снисходительности, оказанной мнѣ графомъ Амурскимъ въ этомъ дѣлѣ, я былъ переведенъ вскорѣ въ Иркутскъ съ оставленіемъ въ званіи командующаго тѣмъ же полкомъ, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ былъ назначенъ и въ члены, учрежденнаго тогда, по высочайшему повелѣнію, кодификаціоннаго комитета для пересмотра положеній о казачьихъ войскахъ Восточной Сибири, съ оставленіемъ же командующимъ полкомъ,—вплоть до іюля 1860 года, когда узнавши, что исправлявшій мою должность *de facto*, семейный человѣкъ, не получая столовыхъ денегъ, бѣдствуетъ тамъ, я самъ, встрѣтившись съ графомъ у Клейменовыхъ, просилъ его объ отчисленіи меня отъ командованія полкомъ, чтобы, хотя черезъ годъ и десять мѣсяцевъ, предоставить свои столовые деньги Вакульскому, такому же тогда войсковому старшинѣ, (а не полковнику) какъ и я.

При чемъ же тутъ жестокое обращеніе или жертва Вакульскому?

Зиму съ 1858 на 1859 г., я провелъ въ г. Читѣ, оставаясь командующимъ полкомъ и въ качествѣ предсѣдателя коммисіи для провѣрки книгъ и счетовъ линейныхъ батальоновъ и командъ внутренней стражи.

Живя нѣсколько мѣсяцевъ въ недостроенной гостинницѣ Пропера, гдѣ возлѣ меня по ночамъ не разъ замерзала вода въ графинѣ, я схватилъ тикъ, съ годъ и потомъ еще причинявшій мнѣ мучительнѣйшія страданія въ личной кости. Легко можетъ быть, что подъ влияніемъ этихъ страданій, я и высказывалъ Б. А. опасенія, какъ бы тикъ не привелъ меня къ тому, къ чему привелъ покойную матушку мою, страдавшую послѣдніе годы умопомѣшательствомъ отъ тика. Но дѣлать сближеній болѣзни матушки съ сестрами моими, или которой-либо изъ нихъ, я не могъ,—такъ какъ это было бы бессмысленнѣйшей клеветой, не имѣвшей ни малѣйшаго основанія, на тѣхъ, которыя были лучшей отрадой моей жизни. Обѣ сестры мои были тогда замужемъ, счастливы, и, обладая умомъ и тактомъ, пользуясь расположеніемъ и уваженіемъ общества, были одинаково далеки отъ какого-либо психическаго расстройства!?

При чемъ же тутъ пресловутая наслѣдственность, на которую съ явной цѣлью, какъ можно сильнѣе дискретировать довѣріе ко мнѣ, такъ лживо и не деликатно настаиваетъ г. Милютинъ? Ему очевидно нужно было, во что бы ни стало, выставить меня смѣшнымъ, страннымъ и даже жалкимъ.—Отсюда всѣ эти искаженія истины, натяжки и выдумки; всѣ эти «подскакиванія къ зеркалу», бывшіе не въ характерѣ и привычкахъ моихъ; безтактныя рукопожатія главному начальнику края... и эта чрезмѣрная чувствительность и показная растроганность!

Ужъ не побывала ли въ его рукахъ рукопись моихъ воспоминаній о графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, служившая отповѣдью г. Завалишину на всѣ его нападки на Муравьева, одобренная было и къ напечатанію, въ которой почти не упоминалось мною о Б. А., какъ не игравшемъ сколько-нибудь выдающейся при графѣ Амурскомъ роли?—Онъ же Б. А., какъ видно и изъ его писаній, былъ страшно самолюбивъ и притязателенъ.—Ужъ не счелъ ли онъ себя уязвленнымъ умолчаніемъ о немъ?—какъ знать ¹⁾!..

¹⁾ Эта рукопись поступила въ редакцію «Русскаго Вѣстника» въ августѣ 1884 года, а согласіе редакціи на напечатаніе сообщено въ телеграммѣ мнѣ отъ апрѣля 1885 года. По нѣкоторымъ, отчасти отъ меня зависѣвшимъ, причинамъ, рукопись не напечатана.

Но оставляя въ сторонѣ догадки, я обращаюсь къ существеннѣйшимъ доказательствамъ, на сколько всё его издѣвательства надо мною не вьжуются съ дѣйствительностію.

Если бы характеристика имъ нарисованная была близка къ истинѣ, то какъ объяснить наиримѣръ то, что за Байкаломъ начальство не разъ обращалось къ содѣйствію моему въ такихъ серьезныхъ, трудныхъ или щекотливыхъ дѣлахъ какъ: разслѣдованіе по весьма крупному скандалу, вышедшему между батальоннымъ командиромъ и священникомъ въ самомъ храмѣ: по недоразумѣніямъ войскъ съ откупными агентами; по открытію виновныхъ въ пропажѣ денежнаго пакета на изрядную сумму, слѣдовавшаго съ казачьей почтой на разстояніи болѣе 1,000 верстъ изъ одного бригаднаго штаба въ другой; разслѣдованіе по контрабандному переводу за границу золота и нѣкоторымъ еще другимъ дѣламъ въ подобномъ же родѣ?—Добавлю еще то, что ни одного изъ всѣхъ этихъ дѣлъ, послѣ меня, передѣлывать никому не приходилось.

Какъ и чѣмъ можно объяснить, что графъ Амурскій, такъ мало меня знавшій, лично далъ, замѣтите, не первой—а второй уже крупной ссорѣ моей съ начальствомъ, (такъ какъ первая была въ 1855 году), такой оборотъ, что я не только оставался въ званіи командующаго полкомъ, но изъ дебрей страшной глуши перемѣщенъ въ Иркутскъ, полный кипучей цивилизованной жизни, съ содержаніемъ, вскорѣ, въ два съ половиною раза превышавшимъ то, что я получалъ за Байкаломъ.

Чѣмъ объяснить опять, что графъ Амурскій мнѣ, не бывшему въ Иркутскѣ не только приближеннымъ къ нему лицомъ, но и замѣтно сторонившемуся отъ его приближенныхъ, постоянно при встрѣчахъ и даже на публичныхъ пріемахъ оказывалъ выдающееся вниманіе и смѣло скажу уваженіе даже?

Даже послѣ того, какъ одному изъ самыхъ приближенныхъ ему людей, моему ближайшему начальнику, обманувшему меня на данномъ словѣ, я написалъ очень рѣзкое письмо тогда же Муравьеву обжалованное, а полиціе-майстера Сухотина за оскорбленіе, нанесенное при мнѣ подполковнику генеральнаго штаба Симонову, я проучилъ черезчуръ уже энергично, что также стало извѣстнымъ графу, онъ не измѣнилъ своего расположенія ко мнѣ,—потому что не за долго передъ отъѣздомъ общалъ выпросить у Карсакова мнѣ командованіе Енисейскимъ полкомъ, съ содержаніемъ по только-что вышедшимъ тогда новымъ штатамъ, почти вдвое превышавшимъ содержаніе забайкальскихъ полковыхъ командировъ?

Но зная, что самъ Муравьевъ оставляетъ Сибирь, я не пожелалъ воспользоваться этимъ почти вѣрнымъ обѣщаніемъ и просился въ Россію.

Графъ Амурскій, давши мнѣ просимую командировку съ подъемомъ въ 500 рублей, почти одновременно съ тѣмъ сдѣлалъ представленіе и о производствѣ меня въ подполковники, за успѣшное и скорое—въ годъ вмѣсто двухъ, окончаніе секціи работъ возлагавшихся на меня по дѣламъ кодификаціоннаго комитета. Когда же мнѣ вскорѣ понадобилось содѣйствіе его сіятельства къ переводу въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, графъ Амурскій рекомендовалъ меня письмомъ бывшему военному министру, какъ «человѣка безукоризненно честнаго и образованнаго».

Не въ правѣ ли я заключить, что у знавшихъ меня пообстоятельнѣе и даже у самаго графа Амурскаго, я былъ совершенно на иномъ счету чѣмъ у В. А. Милотина?!

Затѣмъ, по возвращеніи изъ Сибири, я еще прослужилъ около 18 лѣтъ,—8 въ строю и 10 внѣ строя. Тутъ мнѣ пришлось и предсѣдательствовать въ

судныхъ комиссіяхъ по особенно выдающимся и даже политическимъ дѣламъ; и командовать нѣсколько лѣтъ въ строю полкомъ въ качествѣ помощника и замѣстителя командира во фронтѣ; потомъ слишкомъ восемь лѣтъ пробить начальникомъ отдѣленія въ интенданствѣ,—и, наконецъ, быть корпуснымъ интендантомъ во время минувшей кампаніи, подъ непосредственнымъ начальствомъ—сперва нынѣшняго военнаго министра, а потомъ его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича.

Я могъ бы представить документальныя доказательства, что на счету дѣльнаго, опытнаго и честнаго штабъ-офицера былъ во мнѣніяхъ и командовавшего войсками Кіевскаго военнаго округа генераль-адъютанта Дрентельна, и главнаго и полевого интендантовъ, и самаго бывшаго военнаго министра,—какъ равно и послѣднихъ начальниковъ моихъ,—потому что, оставляя службу въ Болгаріи, по растроенному въ конецъ здоровью, я былъ удостоиваемъ и къ производству въ генералы, и къ увольненію въ 11-ти мѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія,—что одно уже составляло довольно большую и выдающуюся награду.

Но самымъ яркимъ доказательствомъ, что я до конца службы имѣлъ здоровую голову, можетъ служить то, что когда по случаю слишкомъ высокихъ цѣнъ, спрошенныхъ на торгахъ въ Одессѣ въ 1876 году, мнѣ было поручено комиссіонерское заготовленіе 405 тысячъ пудовъ сѣна, я въ самую ужасную распутицу,—въ 75 дней, съ 15-го октября по январь, поставилъ возлѣ Кишинева цѣлый сѣнной городъ, обошедшійся казнѣ по 28½ коп. за пудъ, что выходило почти въ трое дешевле противу цѣнъ на торгахъ Одесскихъ, и даже нѣсколькими копейками на пудъ дешевле того, что отпускалось войскамъ на сѣно же.

Только тотъ, кто понимаетъ всю трудность найма подводъ въ край, гдѣ уже сосредоточена на тѣсныхъ квартирахъ пулутораста тысячная армія, да знаетъ, что значить перевозка волами, въ гористой мѣстности во время осеннихъ дождей и снѣжныхъ заносовъ, на 20, 40 до 70 верстъ... въ невылазную грязь или гололедицу,—да еще такого неустойчиваго противу всякой непогоды продукта какъ сѣно, только тотъ пойметъ всю невѣроятную трудность, такъ успѣшно и личной моею во всемъ распорядительностію выполненной задачи!—Сколько тутъ нужно было и знанія, и предусмотрительности, и энергіи.

При чемъ же теперь остается не говорю уже наследственное помѣшательство, а хотя бы малѣйшее сходство съ Гоголевскимъ субъектомъ интересовавшемся «шишкой на носу у Алжирскаго деа».

Генераль-маіоръ С. И. Бартъ-Петровский.

III.

Къ воспоминаніямъ А. Я. Головачевой.

Въ VIII главѣ «Воспоминаній» г-жи Головачевой, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» между прочимъ сказано, что въ 1847 году Гоголь, находясь проездомъ въ Петербургѣ, посѣтилъ Панаева и что послѣдствіемъ этого посѣщенія было извѣстное теперь письмо Бѣлинскаго, прочитанное имъ на другой день послѣ свиданія съ Гоголемъ, въ кружкѣ близкихъ друзей и за тѣмъ переданное Гоголю частнымъ образомъ.

Это сообщеніе рѣшительно противорѣчитъ тѣмъ несомнѣннымъ фактамъ, которые намъ извѣстны, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. Письмо Бѣлинскаго было написано въ іюнѣ 1847 года, изъ-за границы, изъ Зальцбрунна.

Гоголь въ 1847 году не былъ въ Петербургѣ и вообще не былъ въ Россіи между 1842 и 1848 годами, а въ 1848 г. пріѣхалъ въ Россію изъ Іерусалима (черезъ Константинополь и по Черному морю), только въ маѣ мѣсяцѣ. Въ это время Бѣлинскій уже лежалъ на смертномъ одрѣ и умеръ 26 мая, когда Гоголь жилъ въ деревнѣ Васильевкѣ, пріѣхавъ туда 16 мая. Когда Гоголь былъ осенью въ Петербургѣ, Бѣлинскій былъ уже давно похороненъ.

Что касается собственно 1847 года, то по однимъ датамъ на письмахъ Гоголя легко убѣдиться, что переданнаго г-жей Головачевой случая въ этомъ году никакъ не могло быть: до конца мая Гоголь не выѣзжалъ изъ Італіи, все лѣто жилъ въ Франкфуртѣ, августъ и сентябрь провелъ въ Остенде, а къ ноябрю вернулся въ Неаполь. **В. Шенрокъ.**

IV.

А. Н. Дельсаль.

Только-что получилъ я «Историческую записку о Немировской гимназіи» (1838—1888), составленную учителемъ древнихъ языковъ С. Г. Стрибульскимъ, и считаю своимъ нравственнымъ долгомъ сказать нѣсколько словъ въ защиту одного изъ умершихъ уже директоровъ этой гимназіи—Александра Николаевича Дельсалья.

Откладывая до поры до времени рассказъ о «партіи учителей (стр. 182), которая, въ силу какихъ-то обстоятельствъ, враждебно относилась къ директору Сорокину» (намѣстнику Дельсалья), при чемъ впрочемъ долженъ сознаться теперь, что, по моимъ воспоминаніямъ, обѣ стороны были неправы и что вся эта печальная исторія принесла существенный вредъ заведенію, я не могу воздержаться отъ возраженія противъ характеристики Дельсалья, помѣщенной на стр. 117 и 118 «исторической записки». «Отличаясь широкою натурою, страстью къ богатой обстановкѣ и къ жизни на широкую ногу, Дельсаль (1849—1863), кажется, (sic) прямые свои обязанности отодвигалъ на второй планъ, что особенно можно сказать о немъ какъ о директорѣ. Слѣдуетъ еще отмѣтить одну черту его характера и притомъ неблагоприятную: живя не по средствамъ, онъ часто прибѣгалъ къ займамъ у своихъ сослуживцевъ и никогда не отдавалъ занятыхъ денегъ, какъ говорить служившіе при немъ учителя. Займы эти были очень часты и довольно крупныя, преимущественно въ то время, когда онъ уже былъ директоромъ: у одного изъ учителей, напримѣръ, онъ занялъ сумму, равную годичному его жалованью и по обыкновенію не отдавалъ».

Начну съ того, что въ академической въ нѣкоторомъ родѣ запискѣ едва ли удобно и справедливо раздавать аттестаты нравственности покойнымъ и совершенно неизвѣстнымъ автору дѣятелямъ. И почему такому укору подвергся одинъ только покойный Дельсаль? Если бы историкъ Немировской гимназіи захотѣлъ стать непризнаннымъ Катонномъ, то сколько упрековъ болѣе горькихъ могли бы заслужить другіе педагоги Немировской гимназіи, бывшіе и раньше и позже Дельсалья! По моему, содержаніе исторической записки ни мало не пострадало бы, если бы авторъ выпустилъ вышеприведенныя строки. Вотъ похвальные аттестаты онъ можетъ раздавать сколько ему угодно (что онъ и дѣлаетъ въ изобиліи): едва ли у кого явится охота возражать противъ нихъ.

Въ Немировской гимназіи я началъ свою учебную службу (1864), когда А. Н. Дельсаль былъ уже въ отставкѣ. Съ нимъ я поближе познакомился и сошелся не за долго до того какъ въ директорство г. Сорокина вышелъ

изъ гимназіи вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей. Въ это время Дельсаль жилъ въ Немировѣ въ большой нуждѣ, такъ какъ вся его пенсія уходила на уплату долговъ. Затѣмъ онъ былъ назначенъ директоромъ Керченской гимназіи и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ директоромъ Ставропольской гимназіи на Кавказѣ. Вышедши въ отставку, онъ жилъ въ Ставрополѣ (гдѣ и умеръ) и занимался частными уроками.

Не задолго до смерти онъ разошелся со мною по дѣлу, въ которомъ, по моему, онъ былъ неправъ, но это нисколько не уменьшило моего глубокаго уваженія къ памяти человѣка, котораго я искренно любилъ и которому былъ очень многимъ обязанъ.

Всѣ знавшіе покойнаго Дельсалья, могутъ засвидѣтельствовать, что это былъ человѣкъ въ высшей степени непрактичный. Можно вѣдь и дѣла не дѣлать и такъ вести съ формальной стороны заведеніе, что начальство до извѣстнаго времени остается довольнымъ. Иногда бываютъ и такіе педагоги-руководители, что и невинность соблюдаютъ и капиталъ пріобрѣтаютъ. Такими способностями Дельсаль не обладалъ. Формальная канцелярская сторона дѣла у него всегда страдала и за это онъ два раза потерялъ службу. Но нитого, я глубоко въ томъ убѣжденъ, не посмѣеть сказать, чтобы онъ когда-либо воспользовался хоть единою казенною копейкою.

Въ частной жизни это дѣйствительно былъ человѣкъ широкой натуры, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ это выраженіе составитель записки. Онъ всегда и всѣмъ оказывалъ гостепрѣимство и любезное вниманіе—все равно было ли у него сто рублей или сто копеекъ. Кошелекъ его былъ открытъ всѣмъ, кто нуждался. Въ свою очередь онъ съ такою же чистосердечною наивною, когда самъ бывалъ въ нуждѣ, просилъ дружескаго займа у тѣхъ, разумѣется, на которыхъ онъ могъ рассчитывать. Всю свою жизнь онъ платилъ долги и только смерть попрепятствовала ему, можетъ быть, окончательно рассчитаться. Желательно было бы во всякомъ случаѣ знать имя того учителя, у котораго Дельсаль занялъ сумму, равную годовому жалованью—и по обыкновенію не отдалъ.

Я засталъ, какъ уже сказано, въ Немировѣ Дельсалья въ отставкѣ и въ большой нуждѣ. Очевидцемъ его педагогической дѣятельности въ Немировѣ я не былъ. Но черезъ мои руки прошло нѣсколько десятковъ его учениковъ. Ото всѣхъ ихъ, равно какъ и отъ большинства сослуживцевъ покойнаго, можно было получить единогласный отзывъ: Дельсаль, не смотря на нѣкоторые недостатки, свойственные каждому смертному, былъ человѣкъ въ высшей степени честный, любившій молодежь, признаваемый всѣми по отношенію къ молодому поколѣнію именно человѣкомъ, а не формалистомъ чиновникомъ. Не обо всѣхъ—о, далеко не обо всѣхъ—Немировскихъ педагогахъ можетъ, не краснѣя, сказать что-либо подобное любой составитель официальныхъ аппробацій, если только въ немъ есть основательное знаніе прошлаго гимназіи и чувство справедливости.

Этотъ существенный фактъ просмотрѣлъ авторъ «исторической записки». И въ особенности усиливается значеніе этого факта въ то тяжелое время шестидесятыхъ годовъ, когда національная рознь, національный фанатизмъ, враждебное отношеніе польской среды къ русскому учительскому сословію съ одной стороны, самозванное принятіе на себя защиты русскихъ интересовъ и спасенія отечества людьми, умѣвшими ловить въ мутной водѣ рыбу,—съ другой—заслоняли отъ отуманенныхъ глазъ обѣихъ сторонъ истинное назначеніе всякой благородной школы: во имя любви къ малымъ симъ, во

има вѣчныхъ истинъ добра и справедливости быть педагогомъ-человѣкомъ, одинаково, безъ различія національностей, любить дѣтей и вести ихъ къ разумному и честному въ жизни.

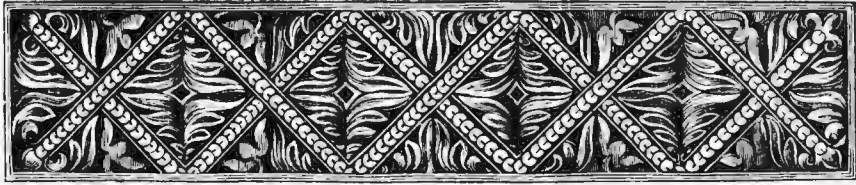
Я имѣлъ честь, очень не долго правда, служить подъ начальствомъ Дельсала въ Ставрополѣ. Живы еще сослуживцы Дельсала и подвизаются на разныхъ поприщахъ житейской дѣятельности его бывшіе ученики. Та же самая характеристика дана была Дельсалу и въ Ставрополѣ всѣми, его знавшими, уважавшими и любившими. Тамъ въ Немировѣ—русскіе, поляки, еврей—здѣсь въ Ставрополѣ русскіе, осетины, чеченцы, кабардинцы, абадзехи—всегда и вездѣ встрѣчали у достойнаго директора помощь, защиту, разумное слово и надлежащую поддержку. Правда—тропа къ старой могилѣ зарастаетъ очень быстро, но память все-таки остается надолго—и я вполне убѣжденъ, что многіе ученики покойнаго отнесутся съ сочувствіемъ къ моей защитѣ его памяти, единственнаго его наслѣдства. Надѣюсь, что кто-нибудь изъ нихъ въ свою очередь отзовется въ печати и вмѣстѣ со мною посодѣйствуетъ опроверженію неумѣстныхъ и несправедливыхъ словъ составителя «Исторической записки о Немировской гимназій»—словъ, взятыхъ, очевидно, съ вѣтра и непробѣренныхъ надлежащею критикою. А. Стояновъ.

Кутаисъ, 12-го апрѣля, 1889.

V.

Къ портрету И. А. Крылова.

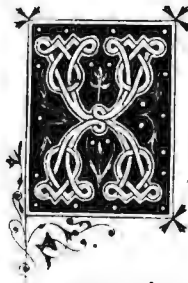
Приложенный къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» портретъ Ивана Андреевича Крылова сдѣланъ съ оригинальнаго портрета нарисованнаго въ 1812 г. придворнымъ живописцемъ вел. кн. Константина Павловича, Александромъ Осиповичемъ Орловскимъ (1777—1832), пользовавшимся въ свое время широкою извѣстностью своими картинами изъ русской и восточной жизни, а также карикатурами. Произведенія этого художника составляютъ въ настоящее время большую рѣдкость, и лучшія изъ нихъ находятся у лицъ императорской фамиліи и въ С.-Петербургскомъ Эрмитажѣ. Въ бытность мою минувшей осенью въ г. Воронежѣ, мнѣ пришлось остановиться въ домѣ Александра Александровича Марина, обладателя цѣнной коллекціи гравюръ (преимущественно французской школы), который и подарилъ мнѣ настоящее произведеніе Орловскаго. Изъ словъ г. Марина выяснилось, что этотъ до сихъ поръ неизвѣстный публикѣ портретъ Ивана Андреевича Крылова, нарисованъ въ одинъ сеансъ Орловскимъ въ домѣ сатирическаго писателя конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, флигель-адъютанта Сергѣя Никифоровича Марина, съ которымъ какъ Орловскій, такъ и Крыловъ, находились въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ и которому онъ тутъ же былъ подаренъ. Съ того вечера этотъ портретъ хранился въ родѣ Мариныхъ, какъ великая драгоценность, и отъ Сергѣя Никифоровича перешелъ по наслѣдству къ его племяннику Александру Евгеньевичу, а за смертью послѣдняго къ его старшему сыну Александру Александровичу. Портретъ изображаетъ Крылова 44 лѣтъ отъ роду, наверху, съ лѣвой руки, эмблематически, помощью крыла означена фамилія знаменитаго баснописца, а подъ нею порченнымъ арабскимъ шрифтомъ (по свидѣтельству проф. С.-Петербургскаго университета Залемана) сдѣлана подпись Орловскаго. Оригиналъ хранится у автора настоящей замѣтки и составляетъ въ настоящее время его собственность. Б. Глинскій.

КНИЖНОЕ ДѢЛО И ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ ВЪ 1888 ГОДУ.

I.

Книжное дѣло въ Россіи въ 1888 году.

ОТЯ въ программу настоящаго обзора и не входитъ критическая оцѣнка изслѣдуемаго предмета, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что минувшій, 1888 годъ, не выдѣляясь ни чѣмъ особеннымъ, долженъ будетъ занять скромное мѣсто въ лѣтописяхъ книжно-издательскаго дѣла въ Россіи. Дѣйствительно, въ этомъ году мы не только не встрѣчаемъ такого выдающагося обстоятельства, каковымъ въ 1887 году было изданіе сочиненій Пушкина, но даже замѣчаемъ нѣкоторое пониженіе въ издательствѣ. Конечно, это не значитъ еще, чтобы минувшій годъ не оставилъ за собою никакого слѣда, не принесъ рѣшительно ни чего, достойнаго вниманія, чтобы въ теченіе его наша литература не обогатилась ни однимъ заслуживающимъ вниманія сочиненіемъ или изданіемъ, нѣтъ, но это будутъ частности, мы же говоримъ, такъ сказать, объ общемъ впечатлѣніи. Не входя затѣмъ въ дальнѣйшее разъясненіе причинъ малаго развитія у насъ книжнаго дѣла, которыя за неимѣніемъ для того обстоятельныхъ свѣдѣній, едва ли возможно установить съ достаточною точностью, мы перейдемъ къ положительнымъ даннымъ о ходѣ его въ 1888 году, при чемъ, на этотъ разъ, дадимъ нѣсколько подробностей, которыхъ не касались въ первой нашей замѣткѣ, напечатанной въ 3-й книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года, по которымъ, по нашему мнѣнію, не лишены нѣкотораго интереса.

«Истор. вѣстн.», май, 1889 г., т. xxxvi.

За исключеніемъ Финляндіи, всѣхъ вообще сочиненій, вышедшихъ въ Россіи въ 1888 году, было 7,427 и изданы они въ количествѣ 23.103,272 экземпляровъ, но такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ изданій, напримѣръ духовныя и официальные, не имѣютъ указаній экземпляровъ, то для дополненія недочета, къ приведенному числу надо добавить еще до 40 тысячъ экземпляровъ. Въ общемъ числѣ 7,427-ми сочиненій было: на русскомъ языкѣ—5,318, въ количествѣ 17.395,050 экземпляровъ и на языкахъ иностранныхъ и иностранныхъ—2,109, въ количествѣ 5.708,222 экземпляровъ. При сравненіи этихъ данныхъ съ такими же за 1887 годъ оказывается, что въ 1888 году всѣхъ сочиненій издано болѣе на 61, вышли же они на 1.299,970 экземпляровъ менѣе и при томъ увеличеніе въ числѣ сочиненій касается собственно изданныхъ не на русскомъ языкѣ, число которыхъ, напротивъ, уменьшилось на 125. Распредѣляя изданія по времени выхода ихъ въ свѣтъ получимъ слѣдующій выводъ:

М ѣ с я ц ы .	Наимено- ваній.	Количество экземпляр.	Въ томъ числѣ не на рус- скомъ языкѣ.	
			Наимен.	Экземпл.
Январь	557	1.364.169	152	331.887
Февраль	533	1.627.007	149	357.875
Мартъ	681	1.648.406	160	451.525
Апрѣль	773	1.986.707	224	483.693
Май	606	1.388.102	176	409.612
Іюнь	467	1.623.136	107	252.258
Іюль	593	2.116.821	166	538.840
Августъ	643	2.427.301	214	616.740
Сентябрь	560	2.157.748	152	568.410
Октябрь	813	1.790.804	213	593.035
Ноябрь	597	2.835.719	155	469.512
Декабрь	805	2.137.352	241	634.835

При первомъ же взглядѣ на эти цифры нельзя не замѣтить, что какъ число сочиненій, такъ и количество экземпляровъ, въ которомъ они печатаются, распредѣляются помѣсячно почти равномерно, имѣя лишь незначительное отклоненіе въ сторону увеличенія или уменьшенія и не привышая, въ среднемъ выводѣ, 580 сочиненій и милліона экземпляровъ въ мѣсяцъ. Тѣ же данныя указываютъ, что нѣкоторое оживленіе книжнаго рынка начинается въ весеннихъ и зимнихъ мѣсяцахъ въ отношеніи изданія сочиненій, и въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ относительно количества изданныхъ книгъ. Вникая ближе въ это обстоятельство мы склонны думать, что оно не случайное: въ весеннихъ мѣсяцахъ начинается усиленный выпускъ разнаго рода путешественниковъ, въ концѣ лѣта учебныхъ книгъ, а въ послѣдніе два мѣсяца истекающаго года календарей и вообще всякаго рода сочиненій, новизна изданій которыхъ въ это время составляетъ прямой интересъ издателей. Всѣ вышедшія въ 1888 году въ Россіи 2109 иностранныхъ и иностранныхъ сочиненій по языкамъ, на которыхъ они были отпечатаны, распредѣлялись, въ исходящемъ порядкѣ, слѣдующимъ образомъ:

	Число соч.	Коллч. экземп.		Число соч.	Коллч. экземп.
На польскомъ яз. . .	716	1.888.631	На англійскомъ яз.	3	3.012
» еврейскомъ . . .	343	1.004.692	» еврейско-рус.	3	6.200
» нѣмецкомъ . . .	311	514.149	» финскомъ . . .	2	19.000
» латышскомъ . . .	217	707.050	» тюрскомъ . . .	2	2.900
» эстонскомъ . . .	178	794.850	» латинскомъ . . .	2	710
» армянскомъ . . .	88	143.148	» арабско-татарс.-		
» грузинскомъ . . .	70	96.225	турскомъ . . .	1	4.800
» французскомъ . . .	49	66.885	» международи. . .	1	2.000
» татарскомъ . . .	42	136.150	» англійско-рус. . .	1	3.000
» арабскомъ . . .	26	197.900	» болгарскомъ . . .	1	1.600
» нѣмецко-русс. . .	13	21.610	» турецко-арабск. . .	1	2.400
» греческомъ . . .	10	11.410	» шведскомъ . . .	1	1.500
» турецкомъ . . .	7	16.000	» чешскомъ . . .	1	1.500
» латинско-рус. . .	6	3.750	» персидскомъ . . .	1	1.500
» польско-латинско-			» грузинско-рус. . .	1	1.200
русскомъ . . .	4	1.650	» итальянско-рус. . .	1	600
» арабско-татарск.	3	48.000	» польско-латинск.	1	500
» польско-русск. . .	3	4.200			
			Всего . . .	2.109	5.708.222

Просматривая и сравнивая этотъ перечень изданій съ перечнемъ 1887 года, нельзя не видѣть, что литературная дѣятельность нѣкоторыхъ народностей, населяющихъ Россію, является не только дѣломъ совершенно установившимся, но окрѣпшимъ и постоянно развивающимся, тогда какъ для другихъ она находится только въ зачатѣи и потому появляется на книжномъ рынкѣ какъ бы случайно и притомъ въ весьма ограниченномъ количествѣ. Къ числу первыхъ народностей, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, относятся: поляки, нѣмцы, евреи, латыши и эсты, къ послѣднимъ — турки, персы и другія, средину же между этими двумя группами занимаютъ — армяне, грузины, татары и арабы. Не смотря однако же на полное развитіе у насъ литературъ польской и нѣмецкой, обнимающихъ собою всѣ отрасли человѣческихъ знаній, мы должны сказать, что не только не встрѣчали на этихъ языкахъ переводовъ русскихъ авторовъ, но даже не замѣтили сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ знакомство читателя съ Россіей; то же самое наблюдалось и въ изданіяхъ, вышедшихъ на этихъ языкахъ въ 1887 году. Впрочемъ есть и исключенія, такъ въ сочиненіяхъ на языкахъ латышскомъ, эстонскомъ, армянскомъ, грузинскомъ и даже еврейскомъ — встрѣчаются не только переводы русскихъ авторовъ, но и сочиненія касающіяся знакомства съ Россіей вообще; всего же въ 1888 году было издано 18 сочиненій, переведенныхъ съ русскихъ авторовъ и въ числѣ этихъ переводовъ заслуживаетъ особаго вниманія переводъ на латышскій языкъ «Слова о полку Игоревѣ», вышедшій въ октябрѣ мѣсяцѣ въ г. Ригѣ, въ количествѣ 800 экземпляровъ. Укажемъ еще на изданія, отпечатанныя на нѣмецко-русскомъ языкѣ, ихъ было 13 и выпля они въ 21.610 экземплярахъ. Число это, конечно, очень незначительно, но весь интересъ заключается въ

томъ, что всѣ 13 изданій составляютъ учебники. Весьма вѣроятно, что появленіе ихъ вызвано новыми условіями учебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ и если только условія эти не измѣнятся въ будущемъ, то число такихъ изданій несомнѣнно должно будетъ значительно возрасти.

Обращаясь къ сочиненіямъ, изданнымъ на русскомъ языкѣ, и распредѣляя ихъ по содержанію согласно принятой уже нами классификаціи, также въ нисходящемъ порядкѣ, получимъ слѣдующій выводъ:

	Число соч.	Колич. экземп.		Число соч.	Колич. экземп.
Беллетристическихъ .	848	1.953.818	Разн. брошюры . .	142	144.035
Духовно-богослов. .	720	3.334.182	Народн. изданія .	123	821.800
Справочныхъ . . .	629	3.877.092	Политич. экономія .	115	65.341
Учебниковъ	521	3.691.838	Технологія	101	84.388
Медицинскихъ . . .	445	446.985	Естествознаніе . .	93	109.240
Историческихъ . . .	256	288.023	Лубочныхъ изд. . .	88	766.200
Юридическихъ . . .	176	248.206	Педагогическія . .	60	64.818
Сельско-хозяйств. .	173	214.819	Исторія искуc. . .	52	43.417
Военное дѣло . . .	159	211.944	Философскія . . .	46	62.920
Словесность	155	178.623	Математическія . .	45	32.150
Дѣтскихъ	150	545.662	Счетоводство . . .	43	37.417
Географ. и путеш. .	144	141.062	Полит. и общ. вопр.	33	31.070

Всего . . . 5.317 17.395.050

Остановимся нѣсколько на этомъ отдѣлѣ и сравнимъ приведенныя въ немъ данныя съ данными 1887 года. Изъ этого сравненія мы увидимъ, что только для первыхъ шести рубрикъ порядокъ остается прежній, т. е. тотъ, который былъ въ прошломъ году, но затѣмъ онъ значительно измѣняется: особенно увеличивается число сочиненій юридическихъ, для дѣтскаго чтенія и военныхъ, и падаетъ съ 190 до 88 изданій лубочныхъ. Надо думать, что съ распространеніемъ дешевыхъ народныхъ изданій съ нашего книжнаго рынка мало-по-малу будутъ вытѣснены произведенія лубочнаго характера, что, конечно, весьма желательно; замѣтимъ еще, что въ общемъ числѣ медицинскихъ сочиненій, вышедшихъ въ прошломъ году, преобладаютъ докторскія диссертациі. Въ отдѣлѣ беллетристическихъ изданій останавливаютъ на себѣ вниманіе сочиненія драматическія. Сочиненія эти во-первыхъ, печатаются преимущественно въ Москвѣ и, во-вторыхъ, выходятъ они, въ большинствѣ случаевъ, только въ количествѣ 110 экземпляровъ, такъ на 245 сочиненій этого рода, вышедшихъ въ 1888 г., только 88 было издано въ количествѣ болѣе указаннаго числа экземпляровъ, при чемъ въ счетъ послѣднихъ входятъ соч. Островскаго и переводныя, напр. Шекспира. Обстоятельство это, какъ не представляющее собою исключительнаго явленія даннаго года, конечно, не случайное и, по нашему мнѣнію, указываетъ на то, что большинство авторовъ поручаетъ изданіе своихъ произведеній Обществу драматическихъ писателей, которое, какъ извѣстно, находится въ Москвѣ, а это послѣднее выпускаетъ ихъ въ мѣрѣ дѣйствительной потребности, которая косвенно говоритъ намъ о весьма ограниченномъ у насъ числѣ театровъ.

Общее число сочиненій на русскомъ языкѣ по времени ихъ выхода въ течение года распредѣляется довольно равномерно, такъ въ 1888 году было выпущено:

	Число соч.		Число соч.
Въ Январѣ	405	Въ Іюлѣ	427
» Февралѣ	383	» Августѣ	429
» Мартѣ	521	» Сентябрьѣ	408
» Апрельѣ	549	» Октябрьѣ	400
» Маѣ	430	» Ноябрьѣ	442
» Іюнѣ	360	» Декабрьѣ	564

или въ среднемъ до 450 сочиненій въ мѣсяцъ, но въ частности эта равномерность исчезаетъ и наиболѣе, такъ сказать, благопріятными мѣсяцами оказываются: для сочиненій беллетристическихъ — мартъ, апрѣль, іюль, августъ и декабрь; для дѣтскихъ книгъ 3 мѣсяца—октябрь, ноябрь и декабрь; для учебныхъ—6 мѣсяцевъ, начиная съ іюля, и для изданій справочныхъ 5 мѣсяцевъ—апрѣль, май, ноябрь, декабрь и январь. Въ числѣ изданій этого послѣдняго отдѣла первенствующее мѣсто занимаютъ каталоги и календари, при чемъ изданіе каталога типографіи «Общественная Польза» въ С.-Петербургѣ поражаетъ своимъ количествомъ — его вышло 1 мил. экземпляровъ; календарей же было издано: на русскомъ языкѣ 155 въ количествѣ 1.537.649 экземпляровъ и на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ—205 въ количествѣ 1.323.640 экземпляровъ, такимъ образомъ въ 1888 г. было издано въ Россіи 360 календарей въ количествѣ 2.861.289 экземпляровъ.

Минувшій годъ будетъ памятенъ въ нашей исторіи двумя многознаменательными событіями: празднованіемъ 900-лѣтія крещенія русскаго народа и ужасною катастрофою 17-го октября. Какъ откликнулось на эти событія русское печатное слово, на это указываютъ слѣдующія данныя: по поводу 900-лѣтія крещенія Руси было издано 49 отдѣльныхъ соч. духовнаго и историческаго содержанія и вышли они въ количествѣ 434.770 экземпляровъ, а по случаю катастрофы 17-го октября издано 11 соч. въ количествѣ 108.800 экземпляровъ, и всѣ они принадлежатъ къ числу дешевыхъ народныхъ изданій и только одно изъ нихъ, какъ кажется, не входитъ въ категорію послѣднихъ, такъ какъ написано въ стихотворной формѣ (издано въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Харьковѣ въ количествѣ 4000 экземпляровъ). Достоинъ вниманія еще и то, что на оба эти событія откликнулась, въ отдѣльныхъ изданіяхъ, только одна русская печать.

Въ 1888 г. вышли слѣдующія изданія какъ полныхъ собраній сочиненій русскихъ авторовъ, такъ и частями: Фонъ-Визина (въ Москвѣ—1800 эк.), Шевченко (въ Одессѣ—2000 эк.), Полежаева (въ Москвѣ—4025 эк.), Достоевскаго (въ Петербургѣ, каждый томъ по 12 т. эк.), Панаева (въ Петербургѣ — 19 т. эк.), бр. Дельвига (въ Петерб. —5000 эк.), Майкова (въ Петерб. —2600 эк.), Розенгейма (въ Петерб. —1200 эк.), Успенскаго (въ Петерб., 2 тома, 20200 эк.), Хомякова (въ Петерб.), Богдановича (въ Петерб. —5 т. эк.), Марлинскаго (въ Петерб. —5 т. эк.), Гоголя (въ Москвѣ—14200 эк.), Тютчева (въ Петерб. —1012 эк.), Гнѣдича (въ Петерб. —1500 эк.), Островскаго (въ Москвѣ—

7200 эк.), Кукольникка (въ Петерб.—5 т. эк.), Полонскаго (въ Петерб.—1200 эк.), Гончарова (въ Петерб.—10000 эк.), Надсона (въ Петерб.—6 т. эк.), Гаршина (въ Петерб.—11 т. эк.) и Пушкина въ разныхъ городахъ 326.100 экземпляровъ.

Въ числѣ сочиненій и изданій заслуживающихъ особеннаго вниманія укажемъ на слѣдующія: С. Платонова — «Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ»; Н. Лихачева — «Разрядные дѣянія XVI вѣка»; Е. Пѣтухова — «Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка»; Шмурло — «Митрополитъ Евгений; ранніе годы его жизни»; В. Семева — «Крестьянскій вопросъ въ XVIII в. и въ первой половинѣ XIX в.»; Масловскаго — «Русская армія въ Семилѣтнюю войну. Походъ Фермора»; изд. Батюшкова — «Волынь; историческія судьбы Юго-Западнаго края»; Лазаревскаго — «Описаніе старой Малороссіи»; изд. велик. князя Георгія Михайловича — «Монеты царствованія императора Александра II»; «Письма и бумаги императора Петра Великаго» (т. I-й); Эварницкаго — «Запорожье въ остаткахъ и преданіяхъ народа»; «Архивъ князя Воронцова» (34-й т.); «Архивъ Правительствующаго Сената»; Мартенса — «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными государствами»; «Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общ.» (т. 59, 60, 61, 63, 64 и 65); «Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность»; А. Барсукова — «Родъ Шереметевыхъ» (т. 5-й); Н. Барсукова — «Жизнь и труды М. П. Погодина»; изд. графа Д. Толстого — «Письма граф. Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому»; Е. Барсова — «Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси»; «Росточинскія афиши 1812 г.» (библиографическое изд.); соч. А. Н. Радищева — «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». — Это соч., составляющее величайшую библиографическую рѣдкость, издано г. Суворинимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ количествѣ 99-ти экземпляровъ и представляетъ самую точную копію оригинала.

Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько данныхъ, касающихся беллетристическихъ изданій. Изъ общаго числа ихъ было: повѣстей, романовъ и рассказовъ, исключая народныхъ и дѣтскія изданія — 410, стихотвореній — 148, драматическихъ — 245 и переводныхъ — 45.

Мы уже говорили выше о маломъ развитіи у насъ книжнаго дѣла, что, какъ думаемъ, достаточно подтверждается и приведенными данными. Но въ этомъ можно еще болѣе убѣдиться, если поставить себѣ на разрѣшеніе вопросъ: гдѣ, или въ сколькихъ городахъ, издаются книги и сколько печатается въ нихъ сочиненій? Оговариваемся, что, отвѣчая на этотъ вопросъ, мы будемъ имѣть въ виду лишь разсматриваемый нами 1888 годъ. По даннымъ «Сборника свѣдѣній по Россіи» за 1884—85 гг. всѣхъ городскихъ поселеній, за исключеніемъ Финляндіи, считается 1,274, всѣ же вышедшія у насъ въ минувшемъ году 7,427 сочиненій были напечатаны въ 128 городахъ и одно изъ нихъ въ с. Голышевкѣ. Такимъ образомъ оказывается, что 1,146 городскихъ поселеній не принимало рѣшительно ни какого участія въ книжномъ дѣлѣ. Но и изъ 128 городовъ только небольшая часть, а именно 11, слѣдали болѣе или менѣе достаточный вкладъ, что же касается остальныхъ, то участіе ихъ въ издательской дѣя-

тельности — ничтожно; вообще же эти 128 городовъ группируются по числу изданныхъ въ нихъ сочиненій нижеслѣдующимъ образомъ:

Издано сочиненій.	Число городовъ.
Отъ 1 до 10	92
» 11 — 20	18
» 21 — 30	4
» 41 — 50	1
» 90 — 100	2
» 101 — 110	1
» 171 — 180	2
» 201 — 210	1
» 211 — 220	1
» 221 — 230	1
» 261 — 270	1
» 271 — 280	1
» 910 — 920	1
Свыше 1,500	1
Свыше 2,000	1

Такъ какъ изъ этого перечня видно, что городовъ, въ которыхъ печаталось болѣе значительное число сочиненій, весьма невелико, то мы рѣшаемся переименовать ихъ, расположивъ въ нисходящемъ порядкѣ и указавъ при этомъ сколько было издано въ нихъ сочиненій на русскомъ и на иностранныхъ или инородческихъ языкахъ.

Города:	Рус. соч.	Иност. с.	Всего.	Города:	Рус. соч.	Иност. с.	Всего.
Петербургъ.	2,339	145	2,484	Воронежъ . . .	19	—	19
Москва . . .	1,523	24	1,547	Исковъ	17	—	17
Варшава. . .	99	813	912	Ченстохово. . .	—	17	17
Одесса	230	44	274	Саратовъ . . .	11	5	16
Рига.	32	232	264	Ярославль. . .	16	—	16
Казань	144	84	228	Либава.	4	10	14
Кіевъ	214	2	216	Тверь.	14	—	14
Тифлисъ. . . .	76	131	207	Самара	13	—	13
Вильна	51	123	174	Владиміръ . . .	12	—	12
Дерптъ	7	166	173	Новгородъ . . .	12	—	12
Харьковъ . . .	103	1	104	Екатеринославъ.	11	—	11
Ревель	9	88	97	Новочеркаскъ. .	11	—	11
Митава.	7	83	90	Черниговъ. . . .	11	—	11
Бирдичевъ. . .	2	39	41	Архангельскъ. .	10	—	10
Петроковъ. . .	1	27	28	Житомиръ	4	6	10
Вятка	24	—	24	Красноярскъ . .	10	—	10
Пермь	23	—	23	Орель.	10	—	10
Люблинъ	1	20	21	Петрозаводскъ. .	10	—	10

Цифры этой таблицы указываютъ, что главнѣйшими центрами книжнаго дѣла въ Россіи будутъ: для сѣверной полосы — Петербургъ, Рига, Дерптъ,

Ревель и Митава, при чемъ въ послѣднихъ четырехъ городахъ преобладаетъ изданіе сочиненій на языкахъ иностранныхъ, а именно: нѣмецкомъ, эстонскомъ и латышскомъ; для сѣверо-западной полосы—г. Вильна, гдѣ наибольшее число сочиненій напечатано на еврейскомъ языкѣ; для западной части—Варшава, Петроковъ, Люблинъ и Ченстохово, въ послѣднихъ трехъ городахъ, изданныя сочиненія напечатаны только на польскомъ языкѣ, а въ Варшавѣ наибольшая часть напольскомъ и еврейскомъ. Для юго-западной полосы центромъ книжной дѣятельности оказываются города Кіевъ и Бердичевъ, въ послѣднемъ наибольшее число сочиненій напечатано на еврейскомъ языкѣ; для южной полосы—Одесса, Харьковъ и отчасти Воронежъ; для средней Россіи—Москва; для сѣверо-восточной—Вятка; для восточной—Казань, гдѣ преимущественно сосредоточивается печатаніе книгъ на татарскомъ, турецкомъ и персидскомъ языкахъ; для юго-восточной полосы — Пермь и, наконецъ, для Кавказскаго края — Тифлисъ, въ которомъ наибольшее число вышедшихъ сочиненій напечатано на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ.

Теперь посмотримъ, какого рода сочиненія на русскомъ языкѣ и сколько дали намъ тѣ шесть городовъ, въ которыхъ было издано ихъ наибольшее число, сравнительно съ другими городами. Эти шесть городовъ слѣдующія:

Сочиненія.	Въ Петерб.	Въ Москвѣ.	Въ Одес.	Въ Казани.	Въ Кіевѣ.	Въ Харьк.
Дух.-Богосл. . .	223	353	9	10	3	3
Беллетрист. . .	379	303	47	9	35	10
Историч. . .	111	58	18	9	25	—
Словесн. . .	80	31	3	5	10	—
Педагогія . .	25	13	6	2	3	1
Учебники . .	217	139	21	5	24	12
Философ. . .	23	10	2	1	6	1
Ист. Искус. .	24	13	2	—	1	2
Дѣтскія . .	63	65	9	—	1	—
Естествозн. .	42	16	5	9	7	3
Медицин. . .	183	97	24	33	15	24
Технолог. . .	68	13	2	1	3	3
Сельск. Хоз. .	79	30	12	7	13	8
Полит. экон. .	60	8	2	7	5	3
Матем. . . .	17	12	1	7	5	2
Географ. . .	74	18	7	6	5	2
Юридич. . .	91	26	10	9	13	7
Военные . .	109	6	1	7	9	—
Брошюръ . .	59	36	8	6	7	4
Счетовод. . .	32	1	1	—	2	—
Народн. . . .	59	48	5	—	1	1
Полит. и общ.	15	6	6	—	2	1
Справочн. . .	305	135	28	11	29	16
Лубочн. . . .	1	86	1	—	—	—

Цифры этой таблицы показываютъ, что изданіе сочиненій беллетристическаго содержанія первенствовало въ Петербургѣ, Одессѣ и Кіевѣ, тогда какъ въ Москвѣ это мѣсто занимаютъ духовно-богословскія, а въ Казани и Харьковѣ—медицинскіе. Второе мѣсто принадлежитъ въ Петербургѣ, Одессѣ, Казани, Кіевѣ и Харьковѣ—справочнымъ книгамъ, а въ Москвѣ—беллетристикѣ; затѣмъ слѣдуютъ учебники въ Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ, медицинскіе въ Одессѣ, духовно-богословскія въ Казани и историческія въ Кіевѣ. Если мы продолжимъ далѣе такое сравненіе, то увидимъ, что въ провинціальныхъ городахъ научныя сочиненія скорѣе становятся на первый планъ, чѣмъ въ столицахъ. Изъ этой же таблицы, между прочимъ, видно, что въ Кіевѣ было издано всего лишь 3 сочиненія духовнаго содержанія. Это число, конечно, возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе, но оно показано нами согласно свѣдѣніямъ по дѣламъ печати ¹⁾.

Въ заключеніе скажемъ, что въ настоящемъ нашемъ обзорѣ мы старались коснуться разныхъ сторонъ книжнаго дѣла и отмѣтить въ немъ достойные вниманія факты и оставили въ сторонѣ лишь одинъ вопросъ объ опредѣленіи спроса того или другого рода сочиненій, такъ какъ рѣшеніе его, за неизмѣнимъ къ тому необходимымъ указаній, представляется невозможнымъ.

II.

Періодическая печать.

Въ теченіе 1888 года въ періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, произошли слѣдующія перемѣны: разрѣшено новыхъ изданій 38, изъ нихъ на языкахъ: русскомъ—29; польскомъ—6; на нѣмецкомъ—1; армянскомъ—1 и финскомъ—1; по программамъ изданія эти распредѣляются такъ: литературныхъ и литературно-политическихъ—9; педагогическихъ, медицинскихъ, музыкальныхъ, техническихъ и другихъ спеціальностей—20; духовныхъ—5 и справочныхъ—4; въ числѣ всѣхъ этихъ изданій иллюстрированныхъ—9. По времени выхода вновь разрѣшенные журналы распредѣляются: ежедневныхъ—3, выходящихъ нѣсколько разъ въ недѣлю—2, еженедѣльныхъ—13, выходящихъ въ опредѣленные дни—1, отъ 2 до 3 разъ въ мѣсяцъ—3, ежемѣсячныхъ—11, отъ 4—7 разъ въ годъ—2 и выходящихъ неопредѣленно—3. Новые журналы должны были издаваться: подъ цензурою—34 и безъ предварительной цензуры—4 и выходить: въ Петербургѣ—16, въ Москвѣ 9 и въ провинціальныхъ городахъ 13.

Въ отношеніи изданій прежнихъ лѣтъ отмѣчаемъ слѣдующіе факты, происшедшіе въ теченіе прошлаго года: измѣнившихъ первоначальное свое названіе было—6 изданій; расширившихъ или измѣнившихъ свою программу—17; получившихъ право издавать особыя приложенія или давать премію—10; переимѣ-

¹⁾ Сочиненія духовнаго содержанія, выходящія въ г. Кіевѣ, издаются преимущественно Кіево-Печерскою Лаврою, но свѣдѣнія о нихъ ко времени составленія настоящаго образа еще не были объявлены. Авт.

пилься редакторы или издатели въ 48 изданіяхъ; измѣнили сроки выхода—10; перемѣнили мѣсто изданія—4; измѣнили подписную цѣну—19 и, наконецъ, объявлены окончательно прекратившимися—39 изданій.

За этими измѣненіями и съ прибавленіемъ нѣсколькихъ изданій разрѣшенныхъ въ настоящемъ году, къ 31-му января, какъ оказывается изъ списка, напечатаннаго въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»¹⁾, общее число выходящихъ въ Россіи періодическихъ изданій составляетъ 667. Всѣ эти изданія выходили въ 107 городахъ и по ихъ содержанію раздѣлялись: литературныхъ и литературно-политическихъ—271, разныхъ специальностей—206, духовныхъ—81, справочныхъ—42, иллюстрированныхъ—24, дѣтскихъ—13, педагогическихъ—12, юмористическихъ—9, библиографическихъ—5 и историческихъ—4; по языкамъ: на русскомъ—493, польскомъ—76, нѣмецкомъ—49, эстонскомъ—13, латышскомъ—8, французскомъ—7, армянскомъ—6, еврейскомъ—4, грузинскомъ—4, финскомъ—2, русско-польскомъ—1, русско-нѣмецко-латышскомъ—1 и русско-татарскомъ—1.

По срокамъ выхода и по мѣсту нахождения всѣ періодическія изданія, выходящія въ настоящее время въ Россіи, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Мѣсто нахождения.	Ежедневн.	Нѣск. разъ въ нед.	Еженедѣл.	Нѣск. разъ въ мѣс.	Ежемесяч.	Нѣск. разъ въ годъ.	1 разъ въ годъ.	Неопред.
Въ С.-Петербургѣ . . .	20	12	58	19	68	14	1	7
» Москвѣ	10	—	24	8	18	6	—	4
» Варшавѣ	14	—	41	5	11	3	—	1
» Казани	2	3	—	1	2	2	—	—
» Кіевѣ	2	1	5	3	7	2	—	—
» Одессѣ	7	1	4	1	3	1	—	2
» Ревелѣ	2	2	2	—	3	—	—	—
» Ригѣ	9	1	7	2	4	—	—	—
» Тифлисѣ	6	—	3	2	3	—	—	—
» Харьковѣ	2	—	1	2	1	3	—	1
» остал. городахъ . .	24	61	65	44	12	5	—	5

Числовыя данныя о періодической печати имѣютъ интересъ не только какъ указатели распространенія грамотности въ какой-либо странѣ или опредѣленной ея мѣстности, но они, какъ мы думаемъ, могутъ служить, такъ сказать, мѣркою общаго политическаго развитія населенія. Въ послѣднемъ случаѣ, къ категоріи такихъ періодическихъ изданій должны быть отнесены преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя выходятъ не менѣе одного раза въ недѣлю и особенно изданія ежедневныя. Но программа большинства нашихъ ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и даже ежемѣсячныхъ журналовъ, исключая конечно спеціальныя, настолько однообразна, что представляется довольно труднымъ сдѣлать между ними рѣзкое разграниченіе на изданія чисто политическаго характера или по-

¹⁾ «Правител. Вѣстникъ» 1889 г. съ № 25—28 и съ № 31—35.

священный обзор внутренно-общественной жизни или, наконецъ, съ одной литературной программой, такъ какъ, обыкновенно, эти три отдѣла въ большемъ или меньшемъ объемѣ существуютъ во всѣхъ этихъ изданіяхъ. Въ виду этого обстоятельства дѣлаемое нами раздѣленіе періодическихъ изданій по программамъ будетъ только приблизительнымъ; мы относили къ изданіямъ политическимъ тѣ, въ которыхъ отдѣлъ этотъ занимаетъ болѣе видное мѣсто, а изъ внутреннихъ вопросовъ обсуждаются обще-государственные; къ изданіямъ общественнымъ тѣ, въ которыхъ политическое обозрѣніе довольно ограничено, а внутреннее касается опредѣленной мѣстности или края; характеръ остальныхъ категорій періодическихъ изданій достаточно ясно опредѣляется ихъ названіемъ. Замѣтимъ кстати, что число періодическихъ изданій, показанное нами какъ въ предыдущей, такъ и въ нижеслѣдующей таблицѣ, не сходится со счетомъ ихъ по свѣдѣніямъ указателя распоряженій по дѣламъ печати. Говоря точно, отдѣльнымъ изданіемъ должно считаться то, которое имѣетъ свою собственную программу и выходитъ въ опредѣленные сроки, имѣетъ свою цѣну и независимо отъ программы и срока выхода того изданія, при которомъ оно издается, напр. «Журналъ М-ва Пут. Сообщ.» неофициальная часть его выходитъ ежемѣсячно, а официальная еженедѣльно; «Семья и Школа» — дѣтскій отдѣлъ ежемѣсячно, а учебно-воспитательный — 10 разъ въ годъ и проч., но есть еще и такія изданія, которыя не носятъ даже общаго названія съ тѣмъ изданіемъ, при которомъ они выходятъ. Всѣ подобныя изданія въ указателѣ распоряженій по дѣламъ печати, не отдѣляются и считаются за одно и потому получается напр., въ Петербургѣ 193 изданія, по нашему же счету 199 и т. д.

Распределеніе періодическихъ изданій по программамъ, въ предыдущемъ порядкѣ городовъ, видно изъ слѣдующей таблицы:

Мѣсто нахождения.	Политич.	Обществ.	Литерат.	Научно-специал.	Историч.	Духовн.	Дѣтск.	Справоч.
Въ С.-Петербургѣ . . .	13	19	32	109	2	8	5	11
» Москвѣ.	7	3	15	26	1	10	4	4
» Варшавѣ	10	7	25	27	—	1	2	3
» Казани.	—	3	—	3	—	2	—	2
» Кіевѣ	2	1	—	11	1	5	—	—
» Одессѣ.	2	4	—	7	—	3	—	3
» Ревелѣ.	2	4	2	1	—	—	—	—
» Ригѣ	4	9	—	7	—	3	—	—
» Тифлисѣ	1	6	3	4	—	—	—	—
» Харьковѣ.	—	2	—	7	—	1	—	—
» остал. городахъ . . .	5	121	2	28	—	49	—	11

Остановимся на первыхъ двухъ рубрикахъ и приведемъ еще нѣсколько, имѣющихъ значеніе данныхъ. Въ числѣ политическихъ изданій, выходящихъ въ С.-Петербургѣ издается на иностранныхъ языкахъ — 3, а изъ общественныхъ — 5; въ Москвѣ — 1, второй категоріи всѣ на русскомъ языкѣ; въ

Варшавѣ—первыхъ: на польскомъ языкѣ 7, на русскомъ и еврейскомъ по 1, вторыхъ на польскомъ—4 и русскомъ—1; въ Казани всѣ на русскомъ; въ Кіевѣ—тоже; въ Одессѣ—въ первомъ отд. 1 на нѣмецкомъ, всѣ же прочіе на русскомъ яз.; въ Ревелѣ—2 на нѣмецкомъ яз., во 2-мъ отд.—3 на эстонскомъ и 1 на русскомъ яз.; въ Ригѣ—2 нѣмец. и 1 латышск. яз., во 2-мъ отд.—4 нѣмецк., 2 рус. и 2 латышск.; въ Тифлиссѣ—1 на рус. яз., во 2 отд. 2 на рус., 3 на армянск. и 1 на грузинск. языкахъ; въ Харьковѣ—на рус. яз. и въ остальныхъ городахъ—1 на нѣмец., во 2-мъ отд.: на польск. яз. 7, на нѣмецк.—5, на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ по 3. Насколько еще широко можетъ развернуть свою дѣятельность періодическая печать въ Россіи, съ распространеніемъ просвѣщенія, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ слѣдующій ниже выводъ, отношенія числа періодическихъ изданій къ населенію ¹⁾.

	Число изд.	Населеніе	1 изд. на душу насел.	1 изд. съ политич.обществ. програм.
Въ С.-Петербургѣ	193	927.093	4.800	28.970
» Москвѣ	70	753.469	10.760	75.350
» Варшавѣ	75	454.298	6.060	26.723
» Казани	10	140.720	14.070	46.910
» Кіевѣ	20	170.216	8.510	56.740
» Одессѣ	19	270.643	14.240	45.110
» Ревелѣ	9	51.277	5.700	8.550
» Ригѣ	23	175.332	7.620	13.490
» Тифлиссѣ	14	104.024	7.430	14.860
» Харьковѣ	10	171.416	17.140	85.710
» Е. и А. Россіи	668	106.610.814	159.600	484.590

Интересный выводъ даютъ право сдѣлать вышеприведенныя цифры. Если принять во вниманіе національность большинства населенія указанныхъ мѣстностей и что вообще провинція не довольствуется мѣстными изданіями, имѣющими общественно-политическую программу, получая ихъ еще изъ столицъ, то цифры этой таблицы говорятъ, что наибольшими политиканами оказываются у насъ нѣмцы, затѣмъ поляки и жители Кавказа. Относительно нѣмцевъ это замѣчаніе тѣмъ болѣе справедливо, что во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ только оказывается нѣсколько значительное ихъ населеніе, непременно является общественная нѣмецкая газета.

Въ нижеслѣдующихъ городахъ, расположенныхъ въ нисходящемъ порядкѣ, издавалось, сравнительно съ другими, наибольшее число журналовъ:

Въ Петербургѣ	193	Въ Ревелѣ	9
» Варшавѣ	74	» Дерптѣ	8
» Москвѣ	70	» Саратовѣ	7
» Ригѣ	23	» Воронежѣ	6
» Кіевѣ	20	» Иркутскѣ	6
» Одессѣ	19	» Митавѣ	6

¹⁾ Населеніе показано по «Рус. Кал.» на 1889 г.

Въ Тифлисѣ . . .	14	Въ Лодзѣ	5
» Казани	10	» Н.-Новгородѣ .	5
» Харьковѣ . . .	10	» Ярославлѣ . . .	5

Въ остальныхъ 89 городахъ число издающихся въ нихъ журналовъ колеблется отъ 1—4-хъ.

Но еще болѣе интересный, по нашему мнѣнію, должны имѣть данныя о продолжительности времени существованія выходящихъ въ Россіи періодическихъ изданій, такъ какъ эти данныя указываютъ намъ, хотя отчасти, на потребность и устойчивость этого дѣла. Ежегодно у насъ разрѣшается, среднимъ числомъ, отъ 20—40 новыхъ періодическихъ изданій, слѣдовательно въ десятилѣтній періодъ ихъ должно было бы быть отъ 200 до 400, между тѣмъ, какъ показываютъ нижеслѣдующія данныя, этого нѣтъ. Отсюда тотъ выводъ, что большая часть объявляющихся новыхъ изданій существуетъ не болѣе года и, кромѣ того, нужно имѣть въ виду еще то, что нѣкоторыя изъ нихъ хотя и считаются существующими, но, въ дѣйствительности, или совершенно не выходятъ, или прекращаютъ свое фактическое существованіе на первыхъ же нумерахъ. Выводъ этотъ, какъ мы полагаемъ, достаточно подтверждаютъ нижеслѣдующія данныя, которыя мы для болѣе наглядности, беремъ по пятилѣтнимъ періодамъ

Продолжительность изданія.			Число изданій	Продолжительность изданія.			Число изданій.
Отъ 1 г. до 5 лѣтъ .			147	Отъ 51 г. до 55 лѣтъ .			45
» 6 — 10 » . . .			107	» 56 — 60 » . . .			1
» 11 — 15 » . . .			62	» 61 — 65 » . . .			6
» 16 — 20 » . . .			70	» 66 — 70 » . . .			6
» 21 — 25 » . . .			81	» 76 — 80 » . . .			6
» 26 — 30 » . . .			54	» 81 — 85 » . . .			1
» 31 — 35 » . . .			13	» 100 — 115 » . . .			1
» 36 — 40 » . . .			4	» 131 — 135 » . . .			1
» 41 — 45 » . . .			4	» 161 — 165 » . . .			2
» 46 — 50 » . . .			9				

Выше мы сказали, что всѣхъ выходящихъ въ Россіи періодическихъ изданій къ концу января мѣсяца текущаго года считается 667 и такъ какъ изъ приведенной таблицы слѣдуетъ исключить цифры перваго періода, потому что они значительно неустойчивѣе и лишь цифры второго и слѣдующихъ пятилѣтій считать принадлежащими такимъ изданіямъ, дѣло которыхъ уже достаточно окрѣпло и опредѣлилось, то число такихъ изданій будетъ 473. Изъ этой же таблицы видно, что у насъ только четыре періодическихъ изданія достигли, такъ сказать, преклонныхъ лѣтъ и потому могутъ быть названы патріархами—родоначальниками періодической печати въ Россіи; изданія эти слѣдующія: «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «St.-Petersburger Zeitung», выходятъ 163-й годъ, «Московскія Вѣдомости», выходятъ 134-й годъ и «Rigasche Zeitung», выходитъ 114-й годъ. Это послѣднее небольшое указаніе наводитъ насъ на слѣдующій вопросъ: гдѣ же болѣе всего существуетъ старѣйшихъ періодическихъ изданій, т. е. въ столи-

цахъ или въ провинціальныхъ городахъ? Пусть на вопросъ этотъ отвѣтятъ положительныя цифры, при чемъ мы возьмемъ только тѣ изъ періодическихъ изданій, которыя вступили въ первое десятилѣтіе ихъ существованія.

Продолжительность изданія.	Число изданій въ Сиб. Моск. Пров.			Продолжительность изданія.	Число изданій въ Сиб. Моск. Пров.		
Отъ 10 до 15 лѣтъ	21	7	47	Отъ 56 до 60 лѣтъ	»	»	1
» 10 — 20 »	12	6	52	» 61 — 65 »	4	»	2
» 21 — 25 »	18	2	61	» 66 — 70 »	3	»	3
» 26 — 30 »	11	5	38	» 76 — 80 »	4	»	2
» 31 — 35 »	4	1	8	» 81 — 85 »	»	»	1
» 36 — 40 »	1	»	3	» 100 — 115 »	»	»	1
» 41 — 45 »	1	2	1	» 131 — 135 »	»	»	1
» 46 — 50 »	6	1	2	» 161 — 165 »	2	»	»
» 51 — 55 »	2	»	43	Итого . .	89	26	264

Мы не будемъ дѣлать дальнѣйшихъ выводовъ изъ этихъ данныхъ, но для освѣщенія ихъ считаемъ необходимымъ поименовать тѣ изъ періодическихъ изданій, для которыхъ началось второе, третье и т. д. десятилѣтіе, идя послѣдовательно годъ за годомъ. Въ порядкѣ годовъ выхода въ свѣтъ и алфавитнаго наименованія, изданія эти слѣдующія:

21-й годъ изданія: «Араратъ» (армян. яз.), «Baltijas Wehstnesis» (латыш. яз.), «Воронежскій Телеграфъ», «Всемирная Иллюстрація», «Вѣдомости Одесскаго Градоначал.», «Дѣтское Чтеніе», «Казанскій Биржевой Листокъ», «Народная Школа», «Новое Время», «Новороссійскій Телеграфъ», «Правительственный Вѣстн.», «Рижскій Вѣстн.», «Сборникъ Херсонскаго Земства», «Терскія Вѣдом.», «Tygodnik Romansow i Powiesci», «Юридическій Вѣстн.»

22-й годъ изданія: «Варшавскія Губ. Вѣдом.», «Варшавская Полицейская Газета», «Волинскія Епарх. Вѣд.», «Допъ», «Досугъ и Дѣло, журналъ для войскъ и народа», «Записки Новороссійскаго университета», «Извѣстія по Казанской епарх.», «Калишскія Губ. Вѣд.», «Кишиневскія Епарх. Вѣд.», «Кропика Rodzina», «Кубанскія Област. Вѣд.», «Кѣлецкія Губ. Вѣд.», «Ломжинскія Губ. Вѣд.», «Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ», «Недѣля», «Олонецкія Губ. Вѣд.», «Пермскія Епарх. Вѣд.», «Самарскія Епарх. Вѣд.», «Сувалскія Губ. Вѣд.», «Сѣдлецкія Губ. Вѣд.», «Уральскія Войсковыя Вѣд.», «Циркуляры по варшавскому учеб. окр.» и «Циркуляры по управл. кавказскимъ учеб. окр.»

23-й годъ изданія: «Воронежскія Епарх. Вѣд.», «Gazeta lekarska», «Записки Импер. рус. техническаго общ. и сводъ привилегій», «Zorka», «Israelita», «Новый Рус. Базаръ», «Иензенскія Епарх. Вѣд.», «Переводы отдѣльныхъ романовъ», «Петербургская Газета», «Рязанскія Епарх. Вѣд.», «Уфимскія Губ. Вѣд.», «Zeitschrift für Recht Wissenschaft», и «Zeitung für Stadt und Land».

24-й годъ изданія: «Астраханскій Справочн. Листокъ», «Bluszcz», «Вламирскія Епарх. Вѣдом.», «Вѣстникъ Европы», «Вѣдом. Одесскаго Городскаго Обществен. Управленія», «Gazeta Lubelska», «Забайкальскія Областныя Вѣд.», «Kurjer Codzienny», «Neue Dörpatsche Zeitung», «Орловскія Епарх. Вѣд.» и «Саратовскія Епарх. Вѣд.»

25-й годъ изданія: «Будильникъ», «Варшавскій Дневникъ», «Вологодскій Епарх. Вѣд.», «Вѣдомости Ростовской на Дону городск. Управы», «Gatera Handlowa», «Гамелицъ» (еврейск.), «Извѣстія Импер. Рус. Географическаго Общ.», «Кіевлянинъ», «Kurjer Świąteczny», «Нижегородскія Епарх. Вѣд.», «Rigisches Kirchenblatt», «Сельское хозяйство и лѣсоводство», «Смоленскія Епарх. Вѣд.», «Tygodnik Powszechny», «Труды Рус. Этномологическаго Общества» и «Циркуляры по управленію Одесскаго учебн. округа».

26-й годъ изданія: «Артиллерійскій Журналъ», «Baltische Wochenschrift», «Вятскія Епаріальныя Вѣдомости», «Eesti Postimees ehk Noddalaleht» (эстонск.), «Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости», «Литовскія Епархіальныя Вѣдомости», «Lodzer Zeitung», «Петербургскій Листокъ» и «Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости».

27-й годъ изданія: «Bulletin de l'Academie Imp. des Sciences de SPT.», «Wędrowiec», «Извѣстія Спб. Городской Думы», «Ирбитскій Ярмарочный Листокъ», «Калужскія Епархіальныя Вѣдомости», «Odessaer Zeitung», «Подольскія Епархіальныя Вѣдомости», «Przeглядъ Katolicki», «Русскій Архивъ», «Русскія Вѣдомости», «Саратовскій Листокъ», «Тульскія Епархіальныя Вѣдомости», «Указатель путешествій по Россіи—«Фрумъ», «Филологическія Заниски», «Циркуляры по виленск. учебн. округу» и «Чтенія въ московскомъ общест. любителей духовн. просвѣщенія».

28-й годъ изданія: «Gazeta Polska», «Записки Имп. Академіи Наукъ», «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости», «Кронштадтскій Вѣстникъ», «Przyjaciel Dzieci», «Pharmazeutische Zeitschrift für Russland», «Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости», «Tygodnik Mod i Powiesci», «Университетскія Извѣстія» (кіевскія), «Циркуляры по Харьковскому учебному округу» и «Черниговскія Епархіальныя Вѣдомости».

29-й годъ изданія: «Виленскій Вѣстникъ», «Gazeta Rolnicza», «Mahjas Weesis» (латышская), «Оружейный Сборникъ», «Православное Обзорѣніе», «Revalsche Zeitung», «Руководство для сельскихъ пастырей», «Странникъ», «Труды Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества», «Труды Кіевской Духовной Академіи», «Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости» и «Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости».

30-й годъ изданія: «Baltische Monantsschrift», «Вѣстникъ Садоводства, плодоводства и огородничества», «Душеполезное Чтеніе», «Могилевскія Губернскія Вѣдомости», «Tygodnik Ilustrowany» и «Циркуляры по управленію кіевскимъ учебнымъ округомъ».

31-й годъ изданія: «Полицейскій Листокъ Керчь-Еникальскаго градонач.» и «Развлеченіе».

32-й годъ изданія: «Енисейскія Губернскія Вѣдомости», «Военный Сборникъ», «Иркутскія Губернскія Вѣдомости», «Pastimees» (эстонск.), «SPTersb. Evangelische Sontagsblatt», «Тобольскія Губернскія Вѣдомости» и «Томскія Губернскія Вѣдомости».

33-й годъ изданія: «Инженерный журналъ».

34-й годъ изданія: «Православный Сборникъ» и «Русскій Вѣстникъ».

35-й годъ изданія: «Бессарабскія Губ. Вѣд.».

- 36-й годъ изданія: «Курляндскія» и «Эстляндскія» губ. вѣд.
- 37-й годъ изданія: «Самарскія Губ. Вѣд.».
- 39-й годъ изданія: «Таврическія Губ. Вѣд.».
- 40-й годъ изданія: «Морской Сборникъ».
- 42-й годъ изданія: «Вѣдомости Московской Городской Полиціи» и «Чтеніе для солдатъ».
- 43-й годъ изданія: «Кавказъ».
- 44-й годъ изданія: «Чтеніе въ Императорс. Общ. исторіи и древностей російскихъ».
- 48-й годъ изданія: «Алфавитный указатель, вызываемыхъ къ суду лицъ по предъявленнымъ искамъ», «Спб. Сенатскія объявленія по казеннымъ, правительственнымъ и судебнымъ дѣламъ» и «Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ».
- 49-й годъ изданія: «Biblioteka Warszawska» и «Вѣдомости слб. градонач. и столичной полиціи».
- 50-й годъ изданія: «Земледѣльческая Газета», «Нувелисть» и «Pamiętnik Towarzystwa Lekarskiego Warszawskiego».
- 51-й годъ изданія: губернскія вѣдомости: Архангельскія, Астраханскія, Виленскія, Витебскія, Владимірскія, Вологодскія, Волинскія, Воронежскія, Гродненскія, Донскія областныя, Екатеринославскія, Казанскія, Калужскія, Кіевскія, Ковенскія, Костромскія, Курскія, Минскія, Нижегородскія, Новгородскія, Оренбургскія, Орловскія, Пензенскія, Пермскія, Подольскія, Полтавскія, Псковскія, Рязанскія, С.-Петербургскія, Саратовскія, Симбирскія, Смоленскія, Ставропольскія, Тамбовскія, Тверскія, Тульскія, Харьковскія, Херсонскія, Черниговскія, Ярославскія и «Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Kirche in Russland».
- 52-й годъ изданія: «Воскресное Чтеніе».
- 54-й годъ изданія: «Живописное Обзорѣніе» и «Циркуляры по казанскому учебному округу».
- 59-й годъ изданія: «Лифляндскія Губернскія Вѣдомости».
- 61-й годъ изданія: «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія».
- 63-й годъ изданія: «Журналъ Министерства Путей Сообщенія»¹⁾, «Одесскій Вѣстникъ».
- 65-й годъ изданія: «Горный Журналъ», «Journal de St.-Petersbourg» и «Libausche Zeitung»
- 67-й годъ изданія: «Военно-медицинскій журналъ», «Записки общества сельскаго хозяйства Южной Россіи», «Latweeschu Awises» (латышская) и «Петербургскія Сенатскія объявленія о запрещеніяхъ на имѣнія».
- 68-й годъ изданія: «Kurjer Warszawski».
- 69-й годъ изданія: «Христіанское Чтеніе».

¹⁾ Этотъ Журналъ нѣсколько разъ измѣнялъ свое названіе, такъ: съ 1826—1843 г. «Журналъ Путей Сообщенія», съ 1845—65 г. «Жур. Гл. Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій», съ 1865—75 г.—«Жур. М-ва Пут. Сообщ.» и въ 1778 г. «Инженеръ Жур. М-ва Пут. Сообщ.»

76-й годъ изданія: «Русскій Инвалидъ».

77-й годъ изданія: «Извѣстія и ученія записки Казанскаго Университета» и «Сынъ Отечества».

79-й годъ изданія: «Rigasche Stadtbätter».

80-й годъ изданія: «С.-Петербургскія Сенатскія Вѣдомости» и «Собраніе узаконеній и распоряженій правительства».

83-й годъ изданія: «Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou».

Если мы теперь сопоставимъ этотъ перечень съ приведенною передъ нимъ нашею табличкою и прослѣдимъ погодно, то увидимъ, что къ числу нанстарѣйшихъ періодическихъ изданій въ большей части принадлежатъ изданія казенныя и ученыхъ обществъ и учреждений, т. е. такихъ, которыя будучи обезпеченными въ матеріальномъ отношеніи существуютъ и будутъ существовать не зависимо отъ того, въ какой мѣрѣ существуетъ на нихъ спросъ. Что же касается періодическихъ изданій частной предпріимчивости, то число ихъ съ годами уменьшается, что, конечно, подтверждаетъ уже высказанное нами предположеніе о томъ, что большая часть этихъ изданій или скоро прекращается, или же они только объявляются, но фактически не существуютъ. Въ приведенномъ перечнѣ поименовано всѣхъ частныхъ изданій 79, изъ нихъ издающихся не на русскомъ языкѣ 39. Изъ общаго числа 79, было: вступившихъ въ 21-й годъ изданія—11, изъ нихъ не русскихъ—3, въ 22-й годъ—5, не рус.—1, въ 23-й годъ—7, не рус.—4, въ 24-й г.—6, не рус.—4, въ 25-й г.—8, не рус.—5, въ 26-й г.—4, не рус.—3, въ 27-й г.—9, не рус.—3, въ 28-й г.—3, всѣ не рус., въ 29-й г.—7, не рус.—3, въ 30-й г.—3, не рус.—2, въ 31-й г.—1 русское, въ 32-й г.—2, не рус.—1, въ 34-й г.—одно русское, въ 42-й г.—два русскихъ, въ 43-й г.—одно русское, въ 49-й г.—одно не русское, въ 50-й г.—одно русское, въ 51-й г.—одно не рус., въ 54-й г.—одно русское, въ 63-й г.—одно русское, въ 65-й г.—одно не рус., въ 67-й г.—одно не рус., въ 68-й г.—одно не рус., въ 77-й г.—одно рус., и въ 79-й г. одно не русское. Всѣхъ казенныхъ, полуофициальныхъ и изданій ученыхъ обществъ въ этихъ годахъ было 149, при чемъ въ числѣ изданій вступившихъ въ 51-й годъ—всѣ, за исключеніемъ одного, губернскаго вѣдомости.

Ниже слѣдуютъ болѣе подробныя свѣдѣнія для приведенныхъ статистическихъ данныхъ, касающихся исключительно минувшаго года.

III.

Изданія вновь разрѣшенныя въ 1888 году.

Братская Помощь. Журналъ, посвященный дѣлу благотворительности, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ г. Саратовѣ; ред.-изд. дсс. Прокопій Адриановичъ Устиновичъ.

Wiadomosci Kolejowe. Специальная газета, посвященная желѣзно-дорожному дѣлу, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ г. Варшавѣ; издатель Осипъ Осиповичъ Стефановичъ, редакторъ Иванъ Францовичъ Журавскій.

«истор. вѣстн.», май, 1889 г., т. xxxvi.

Вѣстникъ взаимнаго страхованія. Спеціальный журналъ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ С.-Петербургѣ; изданіе петербургскаго городского общ. взаимнаго страхованія, редакторъ ст. сов. Александръ Ивановичъ Бландовъ.

Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства. Спеціальный сельско-хозяйственный журналъ, подцензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ, въ Москвѣ; ред.-изд. кандидатъ сельскаго хозяйства Иванъ Петровичъ Петровъ.

Всемирное Эхо. Иллюстрированный журналъ, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ С.-Петербургѣ; ред.-изд. германскій подданный Бертольдъ Адольфовичъ Гутманъ.

Газета Электрика. Спеціальная газета, безцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ С.-Петербургѣ; ред.-изд. инженеръ штабсъ-капитанъ Альфонсъ Густавовичъ Шавинскій,

Henkellinen Lehti (Духовный Листокъ). Духовный журналъ на финскомъ языкѣ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ С.-Петербургѣ; ред.-изд. художникъ Моисей Путро.

Гимназія. Спеціальный педагогическій журналъ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно въ г. Ревелѣ; редакторъ ст. сов. Григорій Андреевичъ Янчевецкій.

Гусляръ. Иллюстрированный литературный и политическій журналъ, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; издатель потом. почет. гражд. Николай Ивановичъ Пастуховъ, редакторы: онъ же и Викторъ Николаевичъ Пастуховъ.

Дневникъ Театрала. Литературный журналъ, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; ред.-изд. мѣщан. Петръ Ивановичъ Кичеевъ.

Другъ Истины. Газета духовнаго содержанія, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; издатель священникъ Барбаринъ, редакторъ священникъ Николай Покровскій.

Душеполезный Собесѣдникъ. Журналъ духовнаго содержанія, съ рисунками, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Москвѣ; изданіе Пантелеимоновскаго монастыря, редакторъ діаконъ Грузовъ.

Еженедѣльные проповѣди пастора Пенгу. Духовный листокъ на нѣмецкомъ азыкѣ, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Петербургѣ; ред.-изд. пасторъ Гвидъ Васильевичъ Пенгу.

Журналъ Счетоводъ Ѳ. В. Езерскаго. Спеціальный журналъ, подцензурный, выходитъ по три книги въ мѣсяцъ, въ Петербургѣ; ред.-изд. надв. сов. Ѳедоръ Венедиктовичъ Езерскій.

Записки Общества для изученія Амурскаго края. Спеціальный журналъ, подцензурный, выходитъ по мѣрѣ накопленія матеріала, въ г. Владивостокѣ; редакторъ предсѣдатель общества.

Ziarno (Зерно). Литературно-политическая газета, подцензурная, выходитъ еженедневно, въ Варшавѣ; ред.-изд. кол. секр. Казиміръ Викентьевичъ Корвинъ-Піотровскій.

Katalog now-ych książek. Библиографическое изданіе, подцензурное, выходитъ ежемѣсячно, въ Варшавѣ; ред.-изд. книгопродавецъ Теодоръ Попрацкій.

Кормчій. Иллюстрированный, духовно-правственный народный листокъ, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; издатель священникъ Викторъ

Гурьевъ, редакторы: протоіерей Сергій Ляпидевскій и священникъ Іоаннъ Бухаревъ.

Котировка Московской Биржи. Спеціальная газета, безцензурная, выходитъ въ биржевые дни, въ Москвѣ; ред.-изд. биржевой маклеръ К. К. Шаасъ.

Листокъ Объявленій. Справочная газета, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ Петербургѣ; ред.-изд. австрійская подданная, артистка Вѣра Александровна Линская-Неметти.

Листокъ конторы и склада В. А. Березовскаго. Библиографическая газета, подцензурная, выходитъ ежемѣсячно, въ Петербургѣ; ред.-изд. отстав. капит. Владиміръ Антоновичъ Березовскій.

Листокъ русскаго винодѣлія. Спеціальнѣйшій журналъ, съ рисунками, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Петербургѣ; ред.-изд. лаборантъ Александръ Николаевичъ Альмедингенъ.

Листокъ Спортсмена. Спеціальная газета, подцензурная, выходитъ на-каунтъ бѣга Семеновскаго ипподрома, въ Петербургѣ; ред.-изд. канд. математ. наукъ Фридрихъ Магазингъ.

Mysliwy (Охотникъ). Спеціально-охотничій журналъ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Варшавѣ; ред.-изд. запасн. унтеръ-оф. Иванъ Августовичъ Штольцманъ.

Модистка. Моды шляпъ, головныхъ уборовъ и украшеній. Модный журналъ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Петербургѣ; ред.-изд. Аделія Павловна Гоппе.

Муртчъ (Молоть). Литературно-политическій журналъ на армянскомъ языкѣ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ г. Тифлисѣ; ред.-изд. потом. почет.-гражд. Аветикъ Никитичъ Арасханіанъ.

Послѣднія новости. Дешевая иллюстрація. Литературный журналъ, подцензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ, въ Москвѣ; ред.-изд. дворян. Константинъ Николаевичъ Цвѣтковъ.

Ргаса (Работа). Спеціальнѣйшій техническій журналъ, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ г. Варшавѣ; ред.-изд. кандидат. естествен. наукъ Іосифъ Генриховичъ Богускій.

Путеводитель по медицинскимъ учрежденіямъ города Петербурга. Дневникъ съѣзда. Списокъ членовъ общества. Медицинская и справочная газета, безцензурная, издавалась во время съѣзда врачей въ Петербургѣ; ред.-изд. профес. Викторъ Васильевичъ Пашутинъ.

Россія и Востокъ. Научно-литературный журналъ, подцензурный, выходитъ четыре раза въ годъ, въ Петербургѣ; редакторы-издатели: надѣ. сов. Андрей Павловичъ Субботинъ и кол. ас. Александръ Васильевичъ Елисеѣвъ.

Сельско-Хозяйственный Листокъ. Спеціальная газета, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ г. Курскѣ; издается отдѣленіемъ общ. сельскаго-хозяйства, редакторы: кол. секр. Борисъ Ильичъ Гладковъ и дворян. Леонидъ Дмитриевичъ Моисеевъ.

Славянская Корреспонденція. Литературно-политическая газета, подцензурная, выходитъ два раза въ недѣлю, въ Петербургѣ; ред.-изд. ст. сов. Илья Алексѣевичъ Пузыревскій.

Sport. Иллюстрированный специальный журналъ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Варшавѣ; ред.-изд. бар. Михаилъ Петровичъ Ромишовскій.

Тверской листокъ объявленій. Справочный, подцензурный, выходитъ три раза въ недѣлю, въ г. Твери; ред.-изд. кол. секр. Оедоръ Сергѣевичъ Муравьевъ.

Театральный, музыкальный и художественный журналъ. Иллюстрированный журналъ, подцензурный, выходитъ семь разъ въ годъ; ред.-изд. губер. секр. Алексѣй Романовичъ Гонніусъ.

Техническо-промышленный Вѣстникъ. Специальный журналъ, съ рисунками, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Петербургѣ; редакторъ кол. сов. Марцелій Юліановичъ Сендриковскій.

Успѣхи винокуреннаго производства. Специальный журналъ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Петербургѣ; ред.-изд. прусскій подданный Карлъ Вебергъ.

Ялтнская справочная газета. Подцензурное изданіе, выходитъ ежедневно, въ г. Ялтѣ; ред.-изд. кол. сов. Николай Рафаиловичъ Петровъ. Въ этой газетѣ разрѣшено помѣщать телеграммы.

IV.

Измѣнили названія слѣдующія изданія:

«Листокъ объявленій», выходящій въ Ростовѣ-на-Дону, — въ «Ростовскій-на-Дону Листокъ объявленій»; «Przemysłowice» (въ Варшавѣ) — въ «Gospodarz i Przemysłowiec»; Rigasche Börsen und Handelszeitung, Morgenblatt der Rigaschen Zeitung — въ «Rigasche Börsen und Handelszeitung»; «Севастопольскій Листокъ» — въ «Крымъ».

V.

Разрѣшено выдавать приложенія:

Къ журналу «Боянъ» — портреты музыкальных дѣятелей; къ журналу «Всемирная Иллюстрація» — «Трудъ», сборникъ романовъ и повѣстей. Это приложеніе должно выходить съ 1889 г. отъ 2 до 3-хъ разъ въ мѣсяцъ. Къ журналу «Ветеринарное Дѣло» — научное приложеніе; къ журналу «Вѣстникъ Моды», — иллюстрированный журналъ моды, хозяйства и литературный, — «Библіотека Вѣстника Моды», сборникъ романовъ, повѣстей и друг. произведеній, выходитъ отъ 1 до 2-хъ разъ въ мѣсяцъ; къ «Вѣстнику русскаго сельскаго хозяйства» — «Торговья извѣстія»; къ журналу «Вѣстникъ Моды» — «Вѣстникъ Моды для модистокъ», какъ 6-е изданіе журнала; къ журналу «Gospodarz i Przemysłowiec» — «Dodatek pszczelnicy» о пчеловодствѣ; къ газетѣ «День» — извлеченія изъ Правительствен. Вѣстника; къ журналу «Игрушечка» — «Для малютокъ»; къ журналу «Przeглядъ Techniczny» — «Dodatek do działu cukrowniczego Przeglądu»

Technicznу»; къ «Ремесленной Газетѣ» — календарь, чертежи и спеціальныя сочиненія и къ журналу «Echo muzyczne, teatralne i artystyczne» — повѣсти, романы и проч.

VI.

Изданія, объявленныя окончательно прекратившимися:

«Ахаль-Теке» (въ Асхабадѣ); «Бень-Ами» (еврейск. въ С.-Петербургѣ); «Библиотека историческихъ и уголовныхъ романовъ» (въ Москвѣ): «Вѣчное движеніе, экономическія свѣдѣнія о Россіи и о другихъ иностранныхъ государствахъ и т. д.» (въ Петербургѣ); «Вѣстникъ Промышленности» (въ Москвѣ); «Габокеръ-Орь» (еврейск. въ Варшавѣ); «Deutsche Zeitschrift fur di Russische Jugend» (въ Петербургѣ); «Дневникъ Русскаго Актера» (въ Петербургѣ); «Dorpatr Annoncenblatt» (въ Дерптѣ); «Дѣло» (въ Петербургѣ); «Ewangelists» (латышская въ Ригѣ); «Еженедѣльникъ» (въ Москвѣ); «Журналъ Спорта» (въ Москвѣ); «Записки Учителя» (въ Москвѣ); «Извѣстія книжнаго магазина товарищества М. О. Вольфа» (въ Петербургѣ), «Иллюстрированныя романы всѣхъ народовъ» (въ Петербургѣ); «Mercure d'Odessa»; «Мегу-Гайястани» (въ Тифлисѣ); «Мицна» (евр. въ Петербургѣ); «Манкаваржанецъ» (армян. въ Петербургѣ); «Николаевскій Листокъ» (въ Николаевѣ); «Ogloszenia handlowe, przemyślowe i rolnicze» (въ Влоцлавскѣ); «Псковская газета» (въ Псковѣ); «Путеводитель по російскимъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходнымъ сообщеніямъ» (въ Москвѣ); «Радуга» (въ Москвѣ); «Rota» (латыш. въ Ригѣ); «Русскій Рабочій» (въ Петербургѣ); «Самарскій Справочный Листокъ»; «Сибирь» (въ Иркутскѣ); «Собесѣдникъ» (въ Петербургѣ); «Современныя Извѣстія» (въ Москвѣ); «Swit» (въ Варшавѣ); «Tellus»; «Торговый Листокъ» (въ Одессѣ); «Торговый Бюллетень» (въ Одессѣ); «Художественный журналъ» (въ Петербургѣ); «Пискарі» (грузин. въ Тифлисѣ); «Шахматный Вѣстникъ» (въ Петербургѣ); и «Юная Россія» (въ Петербургѣ).

VII.

Утверждены новыя лица редакторами или издателями:

Редакторами: журн. «Baltische Monatsschrift». — дворян. Генрихъ Эдуардовичъ Госкландеръ; журн. «Военно-санитарное дѣло» — д-ръ мед. Александръ Ивановичъ Судаковъ (2-ой); журн. «Вѣстникъ Россійскаго общества покровительства животныхъ» — кол. сов. Зиновій Васильевичъ Засимовскій; журн. «Вѣстникъ садоводства, полеводства и огородничества» — профес. Александръ Фелиціановичъ Рудзкій; газеты «Gazeta losowan parierow publicznych» — ст. сов. Осипъ Семеновичъ Вернеръ; газеты «Gazeta Radomska» формац. Евгеній Карловичъ Янишевскій; газета «Dzennas Lara» — Петръ Ивановичъ Стучка; газеты «Донъ» — тит. сов. Григорій Михайловичъ Веселовскій; «Журналъ Коннозаводства» — ст. сов. Каблукъ; журн. «За-

писки Одесскаго отд. Императ. Русскаго технического общества) — генер.-маіоръ Николай Яковлевичъ Ростовцевъ; жур. «Записки Императ. общества сельскаго хозяйства Южной Россіи» — канд. естествен. наукъ Петръ Ахиловичъ Забаринскій; «Изданій Императорскаго Московскаго общества испытателей природы» — проф. Михаилъ Александровичъ Мензбиръ; жур. «Извѣстія и записки Восточнаго Сибирскаго отд. Императ. Русскаго географическаго общества» — правит. дѣль общ. Григорій Николаевичъ Потанинъ; газеты «Каспій» — отст. полков. Петръ Трифоновичъ Гордіевскій; журнала «Кіевская Старина» — ст. сов. Александръ Степановичъ Лашкевичъ; жур. «Книжный Вѣстникъ» — губер. секр. Александръ Александровичъ Хомяковскій; жур. «Коннозаводство и Коневодство» — канд. Фридрихъ Оттоновичъ Магазингъ; газеты «Костромской Листокъ объявленій» — дочь тит. сов. Татьяна Павловна Андроникова; газеты «Linda» — Королина Зубургъ; журнала «Международная Клиника» — врачъ Василій Ильичъ Гребенщиковъ (2-ой); газеты «Новороссійскій Телеграфъ» Зинаида Константиновна Озмидова (2-й ред.); журнала «Развлеченіе» — Павелъ Щегловъ (временно); газеты «Ростовскій на Дону Листокъ объявленій» — двор. Николай Павловичъ Караяни; журнала «Славянскія Извѣстія» — полк. Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ; журнала «Tehwija» — кол. сов. Петръ Яковлевичъ Булле; газеты «Тифлійскій Листокъ» — Христофоръ Григорьевичъ Хачатуровъ и журнала «Эпоха» — кол. ас. Иванъ Павловичъ Акимовъ. б) Издателями: газеты «Baltische Monatsschrift» — книгопрод. Робертъ Карловичъ Вейсъ; «Gaseta Radomska» — редакторъ см. выше; «Gaseta Informacyjna» — Степанъ Шиллеръ; газеты «Донъ» — соиздатель редакторъ газеты; газеты «Желѣзнодорожный Листокъ объявленій» — дсс. Петръ Николаевичъ Черемисинъ; журнала «Земледѣліе» — проф. Сергѣй Михайловичъ Богдановъ; журнала «Игрушечка» — жена кол. сов. Александра Николаевна Тюфяева; журнала «Инженеръ» — кол. ас. Александръ Парфентьевичъ Бородинъ; газеты «Каспій» — редакторъ газеты, см. выше; газеты «Коннозаводство и Коневодство» — над. сов. Левъ Львовичъ Вильсонъ; газеты «Костромской Листокъ объявленій» — редакторъ газеты, см. выше; газеты «Mucha» — Владиславъ Бухнеръ; газеты «Neue Dörptsche Zeitung» — Эмилія Маттисенъ; газеты «Новое Обозрѣніе» — гражд. Ольга Александровна Николадзе; журнала «Развлеченіе» — редакторъ см. выше; газеты «Ремесленная Газета» — инж. механикъ Константинъ Михайловичъ Казначеевъ; газеты «Ростовскій на Дону Листокъ объявленій» — потом. почет. гражд. Николай Осиповичъ Холева; газеты «Русскій Сатирическій Листокъ» — двор. Николай Николаевичъ Софодовъ; газеты «St.-Petersburger Medicinesche Wochenschrift» — докторъ мед. Ѳедоръ Юльевичъ фонъ-Шредеръ; «Сибирская Газета» — потом. поч. гражд. Николай Алексѣевичъ Толкачевъ; журнала «Сѣверный Вѣстникъ» — дочь ген.-маіора Анна Михайловна Евреипова; газеты «Tehwija» — канд. прав. Иванъ Христофоровичъ Чакете; и журнала «Эпоха» — дворянинъ Андрей Николаевичъ Колачевскій.

Отмѣтимъ еще нѣсколько перемѣнъ происшедшихъ въ теченіе 1888 года въ періодическихъ изданіяхъ: 1) утверждена новая или нѣсколько измѣнена и рас-

ширена прежняя программа: газеты «Архангельскія Епархіальныя Вѣдомости»; газеты «Austrums» (латыш.); журнала «Вѣстникъ Общественной гигиены, судебной и практической медицины»—новая программа; газеты «Вѣстникъ русскаго сельскаго хозяйства»—добавленъ отдѣлъ торговыхъ извѣстій; газ. «Gospodarz i Przemysłowiec»; газ. «День»—прибавленіемъ политическихъ и беллетристическихъ статей; газ. «Коннозаводство и Коневодство»—сообщеніемъ правительственныхъ распоряженій; газ. «Котировка Московской биржи»—объявленіями; газ. «Крымъ»—новая программа; газ. «Листокъ для посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ»—прибавленіемъ телеграммъ; газ. «Смоленскій Вѣстникъ»—двумя отд.: хроника русской жизни и обзорніе періодической печати; журнала «Счедоводство»—отд. торговаго права и финансы; газ. «Тифлискій Листокъ»—сообщеніемъ правительственныхъ распоряженій; газ. «Felliner Anzeiger»—телеграммами; и газ. «Цѣны на хлѣбъ, фрахты и страховыя преміи» — сообщеніемъ свѣдѣній о цѣнѣ на хлѣба. 2) Измѣнили срокъ выхода слѣдующія изданія: газ. «Баяцъ» вмѣсто двухъ разъ въ мѣсяць—еженедѣльно; газ. «Ветеринарное Дѣло» вмѣсто четырехъ разъ въ мѣсяць—одинъ разъ; газ. «День» вмѣсто трехъ разъ въ недѣлю—пять; газ. «Елисаветградскій Вѣстникъ» вмѣсто трехъ разъ въ недѣлю—ежедневно; жур. «Мой Журналъ» вмѣсто одного—два раза въ мѣсяць; жур. «Новости Терапіи» вмѣсто еженедѣльнаго—ежемѣсячно; газ. «Славянскія Извѣстія» вмѣсто ежемѣсячнаго—еженедѣльно; «Экономическій Журналъ» вмѣсто шести разъ въ годъ—ежемѣсячно. 3) Изданіе жур. «Вирмалине» (Сѣверное Сіяніе), на эстонскомъ яз., переведено изъ Петербурга въ г. Нарву; газ. «Крымъ» (бывшій «Севастопольскій Листокъ») изъ Севастополя въ г. Симферополь; жур. «Коннозаводство и Коневодство» изъ Москвы въ Петербургъ и жур. «Пасторскій Собесѣдникъ» изъ Воронежа въ Москву.

Въ теченіе минувшаго года послѣдовали относительно періодическихъ изданій слѣдующія распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ: а) приостановлены изданія: газ. «Одесскій Вѣстникъ» на 3 мѣсяца; газ. «Саратовскій Листокъ» на 1 мѣс.; газ. «Сибирскій Вѣстникъ» на 4 мѣс.; «Сибирской Газеты» на 8 мѣс.; еврейской газ. «Гацефира» на 4 мѣс., выходъ этой газеты былъ вновь допущенъ черезъ два мѣсяца 13 дней. б) даны предостереженія: первое газ. «Русское Дѣло» за статью «Грамотность простая и распространенная» въ № 5 и за первую и третью статьи въ № 6; второе—той же газетѣ, за статью въ № 12 «Трудолюбіе, или торжество земледѣльца»; первое—газ. «Гражданинъ» за передовыя стагги въ №№ 185, 206 и 209. в) Воспрещена розничная продажа: газ. «Виржевыя Вѣдомости», воспрещеніе снято черезъ мѣсяць и 3 дня, но черезъ пять мѣсяцевъ вновь воспрещена и затѣмъ черезъ два мѣс. и 23 дня запрещеніе снято. Газеты «Гражданинъ», воспрещеніе снято черезъ мѣсяць и 17 дней; жур. «Шутъ». г) Допущена розничная продажа: газетъ «Сыпъ Отечества» и «Минуты» черезъ 3 мѣс. и 24 дня; газ. «Русскій Курьеръ» черезъ семь мѣс. и 6 дней; жур. «Пчелка» черезъ 11 мѣсяцевъ и д) измѣнили стоимость подписки 19 изданій.

Въ заключеніе приводимъ перечень всѣхъ выходящихъ въ настоящее время въ Россіи періодическихъ изданій, за исключеніемъ разрѣшенныхъ съ февраля мѣсяца настоящаго года, располагая ихъ въ алфавитномъ порядкѣ городовъ и наименованій:

Въ г. Аренсбургѣ: «Arensburger Wochenblatt» и «Soarlaune» (эстонск.).

Въ г. Архангельскѣ: губернска и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Астрахани: губернска, епархіальныя вѣдомости и «Астраханскій Справочный Листокъ».

Въ г. Баку: «Бакинскій торгово-промышленный листокъ», «Каспій» и «Труды Бакинскаго отд. Имп. русскаго технического общ.».

Въ г. Бахчисараѣ: «Переводчикъ», «Терджиманъ» съ прибавленіемъ «Листка Объявленій» (рус.-татарск. яз.).

Въ г. Варшавѣ: «Бесѣда», «Варшавская Полицейская Газета», губернск. вѣдом., «Варшавскія Университетскія Извѣстія», «Варшавскій Дневникъ», «Медицинскій Сборникъ варшавск. уяздовскаго воен. госпиталя», «Русскій Филологическій Вѣстникъ», «Циркуляры по варшавск. учеб. округу» и на польскомъ языкѣ: «Ateum», «Biblioteka Romansów i Powieści», «Bibliot. Umiejętności parwnich», «Bibliot. matematyczno-fizyczna», «Bibliot. Warszawska», «Biesiada Literacka» съ прилож., «Dodatek powieściowu», «Bluszcz» съ прилож., «Dodatek do Bluszczy» и «Wzory Ubiorów i robot», «Dziennik dla wszystkich i anonowu», «Echo Muzyczne, Teatralne i Artyczne» съ беллетристич. прилож., «Gazeta Informacyjna», «Gazeta Handlowa», «Gazeta Lecarska», «Gazeta losowan papierow publicznych», «Gazeta Polska», «Gazeta Przemysłowo-Przemieslnicza», «Gazeta Rolnicza», «Gazeta Sądowa Warszawska», «Gazeta Święteczna», «Gazeta Warszawska», «Głos» «Gospodarz i Przemysłowiec» съ прилож. о пчеловодствѣ, «Jzraelita», «Katalog nowych książek», «Klosy» съ ежемѣс. прилож. «Biblioteka najcenniejszych utworów literatury Europejskiej», «Kolce», «Kronica Lekarska», «Kronica Rodzina», «Kurjer Codzienny», «Kur. Poranny», «Kur. Rolniczy», «Kur. Święteczny», «Kur. Warszawski», «Medycyna», «Mucha», «Myśliwy» съ прилож. календаря, «Niwa», «Ogrodnik Polski» съ прилож. рисунковъ, «Pamiętnik Towarzystwa Lekarskiego Warszawskiego», «Praca», «Prawda» съ научными прилож., «Przegląd Katolicki», «Przegląd Pedagogiczny», «Przeg. Techniczny» съ еженедѣльными прилож. «Dodatek do dziatu cukrowniczego Pezeglądu Techniczny», «Przeg. Tygodniowy» съ ежемѣс. прибавл., «Przyjociel Dzieci», «Przyjacieł zwierząt», «Romans i Powieść» иллюстрированный, «Rola», «Rolnik i Hodowca» съ прилож. сельско-хозяйствен. соч., «Słowo», «Sport» съ прилож., «Tygodnik Ilustrowany», «Tygod. Mod i Powieści», Tygod. Powszechny», «Tygod. Romansów i Powieści» съ ежемѣс. прилож., «Biblioteka najcenniejszych utworów literatury Europejskiej», «Wędrowiec», «Wiadomości Kolejowe», «Wiadom. Farmaceutyczne», «Wieczory Rodzinne», «Wiek» съ еженд. прибавл., «Wisła. Miesięcznik Etnograficzno-Geograficzny», «Wszecshwiat», «Ziarno», «Zdrowie», «Zorka» «Zycie» и еврейск. «Гацефира».

Въ г. Везенбергѣ: «Wesenberger Anzeiger».

Въ г. Верро: «Werrosches Tageblatt».

Въ г. Вильнѣ: губернска вѣд., «Виленскій Вѣстникъ», «Литовскія Епархіальныя Вѣд.» и «Циркуляры по виленск. учеб. окр.».

Въ г. Витебскѣ: губернска вѣдомости.

Въ г. Владивостокѣ: «Владивостокъ» и «Записки общ. для изученія Амурскаго края».

Въ г. Владикавказѣ: «Терскія Вѣдомости».

Въ г. Владимірѣ: губернскія, епархіальн. вѣдом. и «Вѣстникъ Владимірскаго Губернск. Земства».

Въ г. Вологдѣ: губернскія и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Воронежѣ: губернскія и епархіальныя вѣдом., «Воронежскій Телеграфъ», «Донъ», «Медицинская Бесѣда» и «Филологическія Записки».

Въ г. Вяткѣ: губернскія и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Гильдингенѣ: «Goldingenscher Anzeiger».

Въ г. Гроднѣ: губернскія вѣдомости.

Въ г. Дерптѣ: «Baltische Wochenschrift», «Neue Dörpatsche Zeitung», «Zeitschrift für Rechtswissenschaft», «Eesti Postimees ehk Naddalaleht» (эстонск.), «Laula ja mängu Jeht» (эстонск.), «Olewik» (эстонск.), «Oma Moa» (эстонск.) и «Postimees» (эстонск.).

Въ г. Екатеринбургѣ: «Дѣловой Корреспондентъ»,¹ «Екатеринбургская Недѣля», «Екатеринбург. Епархіальн. Вѣд.» и «Записки Уральского Общ. любителей естествознанія».

Въ г. Екатеринодарѣ: «Кубанскія Областныя Вѣдомости».

Въ г. Екатеринославѣ: губернскія, епархіальныя вѣдомости и «Екатеринославскій Листокъ».

Въ г. Елисаветградѣ: «Елисаветградскій Вѣстникъ».

Въ г. Житомирѣ: «Волинскія Губерн. Вѣдом.» и «Волинь».

Въ г. Ирбитѣ: «Ирбитскій Ярмарочный Листокъ».

Въ г. Иркутскѣ: «Восточное Обзорѣніе», «Извѣстія Иркутской городской думы», губернскія и епархіальныя вѣдомости и «Циркуляръ по восточно-сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ М-ва Народ. Просвѣщ.».

Въ г. Казани: «Волжскій Вѣстникъ», «Извѣстія по Казанской епархіи», «Извѣстія и ученныя записки Имп. Казанскаго Университета», губернскія вѣдомости, «Казанскій Биржевой Листокъ», «Листокъ Объявленій», «Православный Собесѣдникъ», «Справочный Листокъ», «Ученныя записки Казанскаго Ветеринарнаго института» и «Циркуляры по казанск. учеб. окр.».

Въ г. Калишѣ: губернскія вѣдомости и «Kaliszanin».

Въ г. Калугѣ: губернскія и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Каменецъ-Подольскѣ: губернскія и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Карсъ: «Карсъ».

Въ г. Керчь-Еникале: «Полицейскій Листокъ Керчь-Еникальскаго градоначальства».

Въ г. Кишиневѣ: «Бессарабскія Губ. Вѣд.» и «Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости».

Въ г. Кіевѣ: «Воскресное Чтеніе» съ повременными выпусками «Кіевскихъ Листковъ», «Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики», «Вѣстникъ Офтальмологіи», «Другъ Слѣпыхъ», «Записки Кіевскаго отд. Имп. рус. Техническаго общ. по свеклосахарной промышленности», «Земледѣліе — журналъ Кіевскаго общества сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности», «Извѣстія Кіевской городской думы», «Инженеръ», «Кіевлянинъ», губернскія и епархіальныя вѣдомости, «Кіевское Слово», «Кіевская Старина», «Руководство

для сельскихъ пастырей съ приложеніемъ», «Русскій Лѣсопромышленникъ», «Труды Кіевской Духовной Академіи», «Проповѣдническій Листокъ», «Университетскія Извѣстія», «Церковно-приходская школа» и «Циркуляры по управленію Кіевскимъ учебнымъ округомъ».

Въ г. Ковнѣ: губернская вѣдомости.

Въ г. Костромѣ: губернская и епархіальныя вѣдомости и «Костромской Листокъ Объявленій».

Въ г. Красноярскѣ: Енисейскія губернская и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Кременцѣ: «Волинскія Епархіальныя Вѣдомости».

Въ г. Кронштадтѣ: «Кронштадскій Вѣстникъ».

Въ г. Курскѣ: губернская и епархіальныя вѣдомости, «Курскій Листокъ» и «Сельско-Хозяйственный Листокъ» съ прилож. два раза въ недѣлю «Прибавленія».

Въ г. Кутансѣ: губернская вѣдомости и «Мцкеши» (грузинск.) съ ежемѣс. прибавл. «Пастырь» на рус. языкѣ.

Въ г. Кѣльцахъ: губернская вѣдомости и «Gazeta Kielecka».

Въ г. Либавѣ: «Libausche Zeitung» съ ежемѣс. иллюстров. приложен., «Tagesanzeiger für Libau und Umgegend» и «Latweetis» (латышск.).

Въ г. Липецкѣ: «Липецкій Лѣтній Листокъ».

Въ г. Лодзи: «Głosy kościelne w sprawie kościoła ewangelico-augsburskiego», «Dziennik Łódzki», «Ewangelisch-lutherisches Kirchenblatt», «Łódzer Tageblatt» и «Łódzer Zeitung».

Въ г. Ломжѣ: губернская вѣдомости.

Въ г. Люблинѣ: губернская вѣдомости и «Gazeta Lubelska».

Въ г. Минскѣ: губернская и епархіальн. вѣдомости и «Минскій Листокъ».

Въ г. Митавѣ: «Курляндскія Губер. Вѣдом.», «Bote aus dem Mitauer Diakonissenhause», «Mitausche Zeitung», «Vierteljahrsschrift des Kurländisches Thierschutz-Vereins», «Latweeschu Awises» (латышск.) съ прилож., «Basnizas un skolas sinas» и «Tehwija».

Въ г. Могилевѣ: губернская и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Москвѣ: «Будильникъ», съ прилож. премій, «Воскресныя Бесѣды», «Вокругъ Свѣта» съ ежемѣс. иллюстриров. прилож., «Воскресный День», «Вѣдом. Московской городской Полиціи», «Вѣдом. о справочныхъ цѣнахъ на матеріалы и припасы въ Москвѣ», «Вѣстникъ литературный, политическій, научный, художественный съ афишами», «Вѣстникъ Русскаго сельскаго хозяйства» съ ежемѣс. прилож. оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій по сельскому хозяйству, «Газета А. Гагцука», «Гусларь», «Дневникъ Театрала», «Другъ Дѣтей», «Другъ Истины», «Душеполезное Чтеніе», «Душеполезный Собесѣдникъ», «Дѣтская Помощь», «Дѣтскій Отдыхъ», «Записки Московскаго отд. Имп. Русскаго Техническаго Общ.», «Земская Медицина», «Извѣстія Московской Городской Думы», «Извѣстія Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи», «Кормчій», «Кютировка Московской биржи», «Листокъ объявленій желѣзныхъ дорогъ 3-й группы», «Лѣтописи Хирургическаго Общества въ Москвѣ», «Малютка», «Математическій Сборникъ», «Медицинское Обзорѣніе», «Москов. Вѣдом.», «Москов. Губерн. Вѣдом.», «Московскія Церковныя Вѣдом.», «Московскій Листокъ», «Но-

вѣсти Дня», «Новости Терапіи», «Охотникъ», «Охотничья Газета», «Пасторскій Собесѣдникъ», «Послѣднія Новости. Дешевая иллюстрація», «Православное Обзорѣніе», «Природа и Охота», «Развлеченіе съ преміями», «Россія», «Русская Мысль», «Русскія Вѣдом.», «Русское Дѣло», «Русское Садоводство», «Русскій Архивъ», «Русскій Курьеръ», «Русскій Сатирическій Листокъ», «Русскій Спортъ» съ прилож. свѣдѣній о русскихъ заводахъ верховыхъ лошадей, «Русскій Цитристъ», «Садъ и Огородъ», «Сверчокъ», «Сотрудникъ», «Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ», «Театръ и Жизнь», «Театральный, музыкальный и художественный журналъ», «Техникъ и Иллюстрированный Техническій Обзоръ», «Ученыя Записки Имп. Московскаго Университета», «Физико-математическія науки въ ихъ настоящемъ и прошломъ». «Циркуляръ по Московскому учебн. округу», «Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ», «Чтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія», «Эпоха», «Юридическій Вѣстникъ», «Austrums» (латышск.), «Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou» и «Moskauer Deutsche Zeitung».

Въ г. Нарвѣ: «Wirmaline» (эстонская).

Въ г. Н.-Новгородѣ: «Нижегородская Почта», губернскія и епархіальныя вѣдом., «Нижегородскій Биржевой Листокъ» и «Нижегородскій Вѣстникъ народства и промышленности».

Въ г. Николаевѣ: «Южанинъ».

Въ г. Новгородѣ: губернскія и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Новочеркаскѣ: «Донская Рѣчь», «Донскія Епарх. Вѣдом.» и «Донскія Областныя Вѣдомсти.»

Въ г. Одессѣ: «Вѣдомости Одесскаго Городскаго Обществен. Управленія», «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства», «Записки Имп. Новороссійскаго Университета», «Записки Имп. Общ. Сельскаго хозяйства въ Южной Россіи», «Записки Новороссійскаго Общ. Естествоиспытателей», «Записки Одесскаго отд. Имп. Русскаго Техническаго Общ.» «Наставленія и утѣшенія св. вѣры христіанской», «Новороссійскій Телеграфъ» съ ежемѣс. беллетристическимъ прилож., «Одесскія Новости», «Одесскій Вѣстникъ», «Одесскій Листокъ», «Одесскій Листокъ Объявленій», «Пчелка», «Херсонскія Епархіальн. Вѣдом.», «Циркуляръ по управленію Одесскимъ учебн. окр.», «Школьное Обзорѣніе», «Christlicher Volksbote für die Evangelische Lutherischen Gemeinden in Süd-Russland», «Odesaer Zeitung» и «Revue Commerciale».

Въ г. Омскѣ: «Акиминскія Областныя Вѣдом.» съ еженед. «Прибавленіемъ» на рус. и киргизскомъ языкахъ.

Въ г. Орлѣ: губернскія и епархіальныя вѣдомости и «Орловскій Вѣстникъ».

Въ г. Оренбургѣ: губерн. и епархіальн. вѣдом., «Оренбургскій Листокъ» съ еженедн. прибавленіемъ и «Циркуляръ по Оренбургскому учебн. окр.»

Въ г. Пензѣ: губернскія и епархіальн. вѣдомости.

Въ г. Перми: губернскія и епархіальн. вѣдомости и «Сборникъ Пермскаго Земства».

Въ г. Пермѣ: «Permauche Zeitung».

Въ г. Петрозаводскѣ: «Олонецкія Губернскія Вѣдомости».

Въ г. Петроковѣ: губернска въдом. и «Tydzien».

Въ г. Плоцкѣ: губернска и епархіальныя вѣдомости. и «Korrespondent Płoski».

Въ г. Полтавѣ: губернска и епархіальныя вѣдомости.

Въ м. Почаевѣ (Волинской губ.): «Почаевскій Листокъ».

Въ г. Псковѣ: «Вѣстникъ Псковскаго Губернскаго Земства», губернска вѣдомости и «Псковскій Городской Листокъ».

Въ г. Пятигорскѣ: «Листокъ для посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ» съ прибавленіями.

Въ г. Радомѣ: губернска вѣдомости и «Gazeta Radomska».

Въ г. Ревелѣ: «Гимназія», «Эстляндскія Губернска вѣдомости». «Baltische Monatschrift», «Nordische Rundschau»; «Revaler Beobachter», «Revalsche Zeitung», «Tallina Süder» (эстонск.), «Wirulane» (эстонск.) и «Walgus» (эстонск.),

Въ г. Ригѣ: «Вѣдомости Рижской Городск. Полиціи», «За Роялемъ» — ноты съ словами, «Лифляндскія Губертск. Вѣдом.», «Рижскія Епархіальн. Вѣдом.», «Рижскій Вѣстникъ», «Der Anwalt der Thire», «Dünazeitung», «Land-und forst-wirthschaftliche Zeitung», «Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Kirche in Russland», «Rigaer Tageblatt», «Rigasche Börsen und Handels Zeitung» съ приложеніемъ, «Rigasche Industrie Zeitung», «Rigasche Hausfrauen Zeitung», «Rigasche Stadtblätter», «Rigasche Zeitung» съ еженед. прилож. «Landwirthschaftliche Beilage», «Rigasches Kirchenblatt», «Feuerwehr Nachrichten», «Zeitung für Stadt und Land» съ еженед. прилож. «Rigasches Montagsblatt», «Balss» (латышск.), «Baltijas Wehstnesis» (латышск.), «Deenas Lara» (латышск.), «Mahjas Weesis» (латышск.) съ прилож. «Peclikums» и «Kundja» (эстонск.).

Въ г. Ростовѣ-на-Дону: «Вѣдомости Ростовской-на-Дону Городской Управы», «Донская Пчела» и «Ростовскій-на-Дону Листокъ Объявленій».

Въ г. Рязани: губернска и епархіальн. вѣдомости.

Въ г. Самарѣ: «Самарская Газета», губернска и епархіальн. вѣдом. и «Самарскій Вѣстникъ Объявленій».

Въ С.-Петербургѣ: «Алфавитный Указатель вызываемыхъ къ суду лицъ, по предъявленнымъ искамъ», «Артиллерійскій Журналъ», «Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ, издаваемый при Медицинскомъ д-тѣ М-ва Вн. Дѣлъ», «Баянъ» съ нотными прилож., «Библиографъ», «Биржевыя Вѣдомости», «Благовѣсть», «Бюллетени Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства», «Ветеринарное Дѣло», «Военно-Медицинскій Журналъ», «Военно-Санитарное Дѣло», при немъ «Библиотека военно-санитарныхъ познаній», «Военный Сборникъ», «Воскресеніе», «Воспитаніе и Обученіе» (прилож. къ журн. «Родникъ»), «Восходъ» съ прилож. «Недѣльная Хроника Восхода», «Врачъ», «Всемирная Иллюстрація» съ особымъ прилож. «Трудъ», «Всемирное Эхо», «Вѣдомости Спб. Градоначальства и Столичной Полиціи», «Вѣдомости справочныхъ цѣвъ въ Спб. на припасы, матеріалы, плату рабочимъ и проч., издаваемая Спб. городск. управою», «Вѣстникъ Взаимнаго Страхования», «Вѣстникъ Европы», «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ» съ прилож. «Художественныя Новости», «Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологін», «Вѣстникъ Моды, иллюстрированный журн. моды, хозяйства и литературы» въ 6-ти изданіяхъ, послѣднее подъ названіемъ «Вѣстникъ моды для

модистокъ» и съ ежемѣс. прилож. «Библіотека Вѣстника Моды», «Вѣстникъ Общественной Ветеринаріи», «Вѣстникъ Россійскаго Общ. Краснаго Креста» съ ежемѣс. приложеніемъ, «Вѣстникъ Рыбпромышленности, — органъ Россійскаго Общ. Рыбоводства и Рыболовства», «Вѣстникъ садоводства, плододства и огородничества, — органъ Имп. Рос. Общ. Садоводства», «Вѣстникъ Общественной гігіены, судебной и практической медицины», «Вѣстникъ тиражей погашенія всѣхъ обращающихся на русскихъ биржахъ процентныхъ бумагъ», «Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли, указатель правительствен. распоряженій по М-ву Финансовъ», «Газета Электрика», «Гомеопатическій Вѣстникъ, журн. сравнительной патологіи и терапіи», «Городскія и иногородныя афиши», «Горный журналъ», «Гражданинъ» съ прилож., «Графическія Искусства и Бумажная промышленность», «День» съ особымъ прилож. «Еженедѣльное Обзорѣніе», «Досугъ и Дѣло, журналъ для войскъ и народа», «Дѣтскій Музыкальный Мірокъ», «Дѣтское Чтеніе» съ прилож. «Педагогическій Листокъ», «Ежегодникъ Спб. Лѣснаго Института», «Еженедѣльный отчетъ статистическаго отдѣленія Спб. Городск. Управы», «Желѣзно-дорожное Дѣло», «Желѣзно-дорожный Листокъ Объявленій, издаваемый по порученію общества рус. желѣзн. дорогъ», «Женское Образованіе, педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ» съ прилож. для дѣтей, «Живописное Обзорѣніе» съ прилож. «Новѣйшихъ Парижскихъ модъ» и премій, «Журналъ Акушерства и Женскихъ болѣзней», «Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права», «Журналъ для Дѣтей», «Журналъ Коннозаводства», «Журн. М-ва Народн. Просвѣщенія», «Журн. М-ва Путей Сообщенія», «Журн. Русскаго Физико-химическаго общ. при Имп. Спб. Университетѣ», «Журн. Счетоводъ О. В. Езерскаго», «Задушевное Слово» съ приложеніями «Дѣтскія Моды Задушевнаго Слова» и «Педагогическій Листокъ Задушевнаго Слова», «Записки Имп. Академіи Наукъ», «Записки Имп. Рус. Техническаго Общ. и сводъ привилегій, выдаваемыхъ Д-омъ Торговли и Мануфактуръ», «Звѣзда», «Земледѣльская Газета», «Зодчій, журн. архитектурный и художественно-технической, органъ Спб. Общ. Архитекторовъ» съ еженед. прилож. «Недѣля Строителя», «Зубоврачебный Вѣстникъ», «Игрушечка» съ прилож. «Для Малютокъ», «Извѣстія Импер. Рус. Географическаго Общ.», «Извѣстія Собранія Инженеровъ Путей Сообщенія», «Извѣстія Спб. Городской Думы», «Иллюстрированный Міръ» съ ежемѣс. прилож. «Парижскія Моды» и еженед. литературнымъ, «Инженерный Журналъ», «Историческій Вѣстникъ», «Колосъ», «Клиническая Газета», «Книжный Вѣстникъ, органъ Рус. Общ. Книгопродавцевъ и Издателей», «Коннозаводство и Коневодство», «Листокъ Книжныхъ Объявленій», «Листокъ нормальной столовой Рус. Общ. Охраненія Народн. Здравія», «Листокъ Объявленій», «Листокъ Объявленій о потеряхъ и находкахъ, ежедневная газета зрѣлищъ, рекламъ и объявленій», «Листокъ Русскаго Винодѣлія», «Листокъ Спортсмена», «Листокъ Конторы и Склада В. А. Березовскаго», «Лучъ» съ ежемѣс. прилож. «Романы оригинальные и переводные», «Лѣсной Журналъ», «Медицинскія прибавленія къ Морскому Сборнику», «Международная Клиника», «Минута», «Модистка. Моды шляпъ, головныхъ уборовъ и украшеній», «Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ» въ 3-хъ изданіяхъ, «Морской Сборникъ», «Мой журналъ», «Музыкальное Обзорѣніе» съ нотными

прилож., «Наблюдатель», «Народная Школа», «Недѣля» съ ежемѣс. прилож. «Журналъ Романовъ и Повѣстей», «Нива» съ ежемѣс. прилож. «Парижскія Моды» и премія, «Новое Время» въ 2-хъ изд., «Новости» въ 2-хъ изд., «Новый Русскій Базаръ» въ 3-хъ изд., «Новь», «Новѣйшія Моды мужскихъ платьевъ», «Нувеллистъ» съ музыкально-театральною газетою, «Оружейный Сборникъ», «Осколки», «Пантеонъ Литературы», «Педагогическій Сборникъ», «Переводы Отдѣльных Романовъ», «Петербургская Газета», «Петербургскій Листокъ», «Почтово-Телеграфный Журналъ», «Правда», «Правительственный Вѣстникъ», «Практическая Медицина», «Ребусъ», «Родина» съ приложеніемъ «Собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ лучшихъ европейскихъ писателей», «Россія и Востокъ», «Русская Газета», «Русская Старина», «Русскій Винодѣль», «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Вѣстникъ Страхованія», «Русскій Инвалидъ», «Русскій Начальный Учитель», «Русскій Паломникъ», «Русскій Пчеловодный Листокъ», «Русская Медицина», «Русскій Слѣпецъ», «Русское Богатство», «Русское судоходство торговое и промысловое на рѣкахъ, озерахъ и моряхъ», «Сборникъ рѣшеній Кассационныхъ Д-товъ Правительствующаго Сената», «Свѣтъ» при немъ изд. «Приложеніе Романовъ», «Сельскій Вѣстникъ», «Сельскій Хозяинъ», «Сельское хозяйство и Лѣсоводство», «Семейные Вечера, иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія», «Семья и Школа» въ 2-хъ изданіяхъ: «Иллюстрированный отд. для дѣтей» и «Учебно-воспитательный отд. съ педагогическою хроникою для родителей и воспитателей», «Славянская Корреспонденція», «Славянскія Извѣстія, органъ Славянскаго Благотворител. Общ.», «Собраніе Узаконеній и Распоряженій Правительства», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Спб. Губернскія Вѣдомости», «Спб. Сенатскія Вѣдомости», «Спб. Сенатскія объявленія о запрещеніяхъ на имѣнія» съ приложеніемъ: «Спб. Сенатскія объявленія о разрѣшеніи на имѣнія» и «Нумераціей статей запрещеній, уничтоженныхъ въ Сенатскихъ Объявленіяхъ о Разрѣшеніяхъ», «Спб. Сенатскія Объявленія по казеннымъ, Правительственнымъ и Судебнымъ дѣламъ», «Справочная Книжка по общей физикѣ А. А. Ильина», «Странникъ», «Стрекоза», «Судебная Газета», «Счетоводство», «Сынъ Отечества» съ еженед. и ежемѣс. прилож., «Сѣверный Вѣстникъ», «Сѣверъ», «Театральный Мірокъ» съ прилож. «Литературный Альманахъ», «Техническо-Промышленный Вѣстникъ», «Труды Имп. Вольно-Экономическаго Общ.», «Труды Русскаго Этномологическаго Общ.», «Указатель путешествій по Россіи «Фрумъ», «Успѣхи Винокуреннаго Производства», «Успѣхи Мукомольнаго и Крахмальнаго Производства», «Фармацевтическій Журналъ», «Фотографическій Вѣстникъ», «Хирургическій Вѣстникъ», «Христіанское Чтеніе», «Церковныя Вѣдомости, издаваемые при Святѣйшемъ Синодѣ», «Церковный Вѣстникъ» съ прибавленіями, «Циркуляры по Спб. Учебн. Округу», «Цѣны на хлѣбъ, фрахты и страховыя преміи на главн. русск. и иностран. рынкахъ по телеграфнымъ свѣдѣніямъ. полученнымъ въ Спб.», «Читальня Народной Школы», «Чтеніе для Народа», «Чтеніе для солдатъ», «Шутъ», «Экономическій Журналъ». «Электричество», «Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg», «Journal de St.-Petersbourg», «Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg», «Pharmazeutische Zeitschrift für Russland», «Protocole des St.-Petersbourger Politechnischen Vereins», «Pipifax, humoristische Mappe»,

«Russische Revue. Vierteljahrsschrift für die Kunde Russlands», «St.-Petersburgisches Evangelische Sonntagsblatt», «St.-Petersburger Herald» съ приложеніями: «Handels und Börsen Zeitung», «Industrie-Zeitung» и «Land-und Hauswirthschaftliche Zeitung», «St.-Petersburger Medicinische Wochenschrift», «St.-Petersburger Zeitung» съ прилож. казенныхъ объявленій, «Wochentliche Predigten von Pastor-Pingout», «Inkeri» (финская), «Henkellinen Lehti» (финская), «Kraj», «Газомъ» (еврейская), «Гамелиць» (евр.) и «Iudisches volksblatt».

Въ г. Саратовѣ: «Братская Помощь», губернска и епархіальн. вѣдом., «Саратовскій Дневникъ», «Саратовскій Листокъ», «Nimm und lies» и «Freiendensbote auf Berg und Wiesenseite de Wolga».

Въ г. Севастополь: «Крымскій Вѣстникъ».

Въ г. Семипалатинскѣ: «Семипалатинскія Областныя Вѣдомости».

Въ г. Симбирскѣ: «Вѣстникъ Симбирскаго Земства», губернска и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Смоленскѣ: губернска и епархіальныя вѣдомости и «Смоленскій Вѣстникъ».

Въ г. Ставрополь: губернска и епархіальныя вѣдомости и «Сѣверный Кавказъ».

Въ г. Сувалкахъ: губернска вѣдомости.

Въ г. Сызрани: «Сызранскій Листокъ Объявленій».

Въ г. Сѣдлецѣ: губернска вѣдомости.

Въ г. Таганрогѣ: «Таганрогскій Вѣстникъ».

Въ г. Тамбовѣ: «Листокъ Общества Тамбовскихъ Сельскихъ Хозяевъ», губернска и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Ташкентѣ: «Туркестанская Туземная Газета» на сартовскомъ нарѣчій съ перевод. на русскій языкъ и «Туркестанскія Вѣдомости».

Въ г. Твери: губернска и епархіальныя вѣдомости и «Тверской Листокъ Объявленій».

Въ г. Тифлисѣ: «Кавказъ», «Новое Обозрѣніе», «Тифлисскій Листокъ», «Циркуляръ по Управленію Кавказскимъ Учеб. Окр.», «Ардзаганъ» (армянск.), «Ахюръ» (армянск.), «Муртчъ» (армянск.), «Мшакъ» (армянск.), «Нордъ-Даръ» (армянск.), «Иверія» (грузинск.), «Мэурнэ» (грузинск.), «Театръ» (грузинск.), «Le Caucase illustré» и «Revue commerciale et industrielle du Caucase».

Въ г. Тобольскѣ: губернска и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Томскѣ: «Извѣстія Томскаго Городскаго Общественнаго Управленія», «Сибирскій Вѣстникъ», губернска и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Тулѣ: губернска и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Уральскѣ: «Уральскія Войсковыя Вѣдомости».

Въ г. Уфѣ: губернска и епархіальныя вѣдомости и «Уфимскій Листокъ Объявленій и Извѣстій».

Въ г. Феллинѣ: «Felliner Anzeiger», «Linda» (эстонск.) и «Sakala» (эстон.).

Въ г. Харьковѣ: «Архивъ Психіатри, Невралгіи и Судебной Психопатологии», «Ветеринарный Вѣстникъ» съ приложеніемъ въ формѣ каедральныхъ лекцій, «Вѣра и Разумъ», «Горнозаводскій Листокъ», «Записки Имп. Харьковского Университета», «Записки Харьковскаго Огд. Имп. Русскаго Техническаго

Общества», «Справочный Листокъ Харьковскаго Общ. Сельскаго Хозяйства», «Харьковскія Губернскія Вѣдомости», «Южный Край» и «Циркуляры по Харьковскому Учеб. Округу».

Въ г. Херсонѣ: «Сборникъ Херсонскаго Земства» и губернскія вѣдомости.

Въ г. Царицынѣ: «Волжско-Донской Листокъ».

Въ г. Ченстоховѣ: «Kartka ogłoszeń handlowych, przemysłowych i informacyjnych w. m. Częstochwie».

Въ г. Черниговѣ: «Земскій Врачъ», «Земскій Сборникъ Черниговской Губерніи», губернскія и епархіальныя вѣдомости.

Въ г. Читѣ: «Забайкальскія Областныя Вѣдомости».

Въ г. Эчмиадзинѣ: «Араратъ» (армянск.).

Въ г. Ялтѣ: «Ялтинская Справочная Газета».

Въ г. Ярославлѣ: «Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея», «Вѣстникъ Ярославскаго Земства», губернскія и епархіальныя вѣдомости и «Ярославскій Листокъ Объявленій».

Л. Павленковъ.

— Вы меня тяжело оскорбили,—меня, который постоянно был дружески расположенъ къ вамъ, но я хочу забыть это и простить васъ. При взглядѣ на муки и скорбь бѣднаго дитяти у меня переворачивается сердце. Я желаю спасти и помочь, но не отступаю отъ своихъ требованій. Оставьте же свои колебанія, подпишите отреченіе. Избавьте себя и насъ отъ тяжелой необходимости прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. Подумайте, что мы могли бы вѣдь пренебречь всякими увѣщаніями и что, въ концѣ концовъ, васъ заставятъ отречься силой.

— Вы можете заставить меня невыносимо страдать, но не заставьте, по вашему желанію, отречься,—возразилъ Галилей.—Ваши орудія пытки безсильны надъ моимъ духомъ, который вѣчно будетъ говорить: «да» и никогда не отречется.

Пытался и Вивіани убѣждать Галилея, обратившись къ уважаемому учителю такимъ образомъ:

— Учитель, спасите себя! Вы правы предъ Богомъ и небесами, зачѣмъ же вы стремитесь доказать свою правоту людямъ? Пусть изречетъ свой приговоръ потомство. Васъ осудилъ не Богъ, а близорукіе люди. Поберегите же жизнь свою, и подумайте, что, предавая себя, вы причиняете міру невознаградимую утрату.

Словно древній пророкъ обратился Галилей къ юношѣ и сказалъ:

— Ты, замѣняющій мнѣ сына, прими въ этотъ часъ благодарность за твою любовь, но, прошу тебя, не падай духомъ отъ моей злосчастной судьбы, ибо эта судьба есть пробный камень того ученія, которое я пересадилъ въ твою юную душу. Взгляни на моихъ противниковъ и на меня. Окаменѣли ихъ сердца въ буквѣдствѣ и схоластикѣ, они не понимаютъ ни жизни, ни природы. Но будь увѣренъ, что надъ живой мыслью безсильны оковы, она переживетъ своихъ гонителей и современемъ восторжествуетъ. Теперь вы удалитесь отъ меня. Цецилія, мое дорогое дитя, уходи — тебя будетъ сопровождать Вивіани.

Онъ хотѣлъ освободиться отъ объятій Цециліи, но она все крѣпче обвивала его своими руками и, казалось, въ его присутствіи къ ней опять вернулся рассудокъ.

— Я не хочу,—умоляла она,—чтобъ ты жилъ только для меня, ты не долженъ дѣлать того, чего не можешь, будь вѣренъ истинѣ, не давай лживой клятвы, хотя бы это стоило тебѣ жизни. Я хочу умереть съ тобой, рука въ руку мы явимся предъ престоломъ Всевышняго, и его милосердіе прекратитъ наши мученія.

Елена Спинелли тоже попыталась утѣшить и уговорить несчастную дѣвушку. Нѣжно дотронувшись до плеча Цециліи, она замѣтила:

— Вѣдь отца еще не ведутъ на смерть.

Но Цецилія не поддавалась утѣшеніямъ Елены.

— Вы не обманете меня, — возразила она, — я знаю, что ему угрожаетъ.

И затѣмъ, снова обратившись къ своему отцу, Цецилія продолжала:

— Ты не знаешь еще, что вѣдь Бернардо убить. Всѣ, всѣ покидаютъ меня! Неужто я должна жить, страстно желая смерти. Въ этомъ жестокомъ мірѣ я всѣми покинута; смерть — моя единственная отрада, ибо только тамъ я встрѣчусь съ нимъ и съ тобой.

Извѣстіе о смерти Бернардо какъ громомъ поразило Галилея. Онъ недовѣрчиво взглянулъ на папу, спросивъ, правду ли говоритъ Цецилія.

— Онъ умеръ, — подтвердилъ Урбанъ, — но горе виновнымъ въ его смерти!

Галилей еще разъ обратился къ Цециліи, нѣжно проговоривъ:

— О мое дорогое дитя, какъ мнѣ ни тяжело и ни мучительно слышать эту скорбную вѣсть, я ничѣмъ не могу утѣшить тебя. Иди съ Вивіани, не терзай меня напрасно: вѣдь ты не можешь слѣдовать за мной туда, куда меня поведутъ.

— Пойдемъ, — умоляла также и Елена, — я провожу тебя обратно въ монастырь, гдѣ ты въ молитвѣ найдешь утѣшеніе.

— Кому же я буду молиться? Вашему Богу, — Богу церковному, требующему смерти моего отца? Неужто я должна проклинать въ своихъ молитвахъ благороднаго старца, котораго Онъ ненавидитъ? Богъ, котораго вы почитаете, есть Богъ жестокой и несправедливый, но тамъ, куда насъ переселитъ смерть, царствуетъ милость и милосердіе. О поспѣшимъ же, отецъ, покинуть этотъ жестокой, этотъ лицемѣрный міръ: истина восторжествуетъ тамъ, и мы забудемъ наши бѣдствія и скорби!..

Въ продолженіе этой глубоко патетической сцены Беллярминъ нетерпѣливо стоялъ съ судьями у входа въ застѣнокъ. Желая скорѣе покончить дѣло, онъ выступилъ впередъ съ словами:

— Пора поторопиться и приступить къ пыткамъ. Ведите арестанта въ застѣнокъ.

Двое судей приблизились къ Галилею, старавшемуся освободиться отъ объятій Цециліи. Всѣ рыдали, глядя на несчастную дѣвушку; наконецъ Галилею удалось передать ее полумертвую, безъ чувствъ на руки матери Бернардо.

Въ то время, какъ Елена и Вивіани были заняты съ Цециліей, а Галилея увели въ застѣнокъ, папа Урбанъ грозно обратился къ Беллярмину съ словами:

— Развѣ я приказывалъ убивать моего племянника? Я требую объясненія, какъ это могло случиться.

— Онъ сопротивлялся аресту, и такъ какъ я приказалъ дежурному офицеру не особенно церемониться съ нимъ, то по его соб-

ственной винѣ пришлось прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ,—отвѣчалъ кардиналь.

Потрясенный до глубины души всѣмъ происшедшимъ, Урбанъ воскликнулъ:

— О какое это черное, позорное дѣло! Горе мнѣ, горе моему сану, принуждающему меня преслѣдовать все близкое и дорогое для моего сердца!

Въ этомъ сердечномъ порывѣ Беллярминъ увидѣлъ только непостоянство слабохарактернаго Барберини; хитрому іезуиту показалось, что наступилъ удобный моментъ по старому повліять на папу. Поэтому онъ съ укоризной замѣтилъ:

— Намѣстнику св. Петра, главѣ христіанскаго міра, не подобаетъ унывать въ подобныя минуты.

Но Урбанъ былъ уже не таковъ, какъ раньше, по крайней мѣрѣ онъ хотѣлъ положить конецъ командованіямъ Беллярмина. Гнѣвно онъ отвѣтилъ послѣднему:

— Ты опять, фальшивый человѣкъ, искушаешь меня, тебѣ опять захотѣлось командовать мной? Прочь отъ меня! Между нами лежитъ окровавленный трупъ юноши, который мнѣ былъ столь дорогъ. Ты называешь меня главой христіанскаго міра, но я глубоко страдаю и еще разъ повторю: да будутъ проклято это гнусное дѣло и твои совѣты, и горе мнѣ, что я послушался тебя!

Какъ бронзовая статуя недвижно стоялъ Беллярминъ. Съ ледянымъ хладнокровіемъ онъ возразилъ:

— Все, мною содѣянное, было направлено ко благу церкви, которой я послушное орудіе, ибо только въ слѣпомъ повиновеніи ей и въ самоотреченіи наше могущество, наша сила.

Урбанъ раздражительно отвѣтствовалъ:

— Конечно, легко жертвовать тѣмъ, что дорого другому. Если бы я могъ отмѣнить приговоръ, который долженъ быть здѣсь приведенъ въ исполненіе,—я сейчасъ бы отмѣнилъ его.

— Это невозможно,—поспѣшно возразилъ Беллярминъ, — ибо приговоръ тобой же вѣдь и подписанъ.

И успокоительно онъ прибавилъ:

— Я, въ прочемъ, не думаю, чтобъ это было худо.

— Прекрасно,—сказалъ Урбанъ,—выслушай же мое послѣднее слово. Вспомни Сикста, моего предшественника, который до своего избранія кардиналами въ папы былъ дряхлымъ старцемъ и какъ онъ потомъ, почувствовавъ въ своихъ рукахъ безграничную власть, бросилъ свой костыль и къ ужасу своихъ избирателей началъ править совершенно самостоятельно. Вѣдь Галилея еще не пытали, и пытка можетъ быть еще отмѣнена. По обычаю ему должны сначала только показать и объяснить орудія пытки. Можетъ быть, онъ еще отречется, и тогда я забуду все происшедшее между нами, смерть Бернардо буду считать Божиимъ наказаніемъ; но если Га-

лидея будутъ пытаться, что равнозначительно его смерти, ибо чело­вѣкъ, по­сѣдѣвшій отъ неустанной умственной дѣятельности, не переживетъ ни по­зора, ни страданій,—тогда я отброшу отъ себя свой костыль, избавлюсь отъ твоего вліянія и стану управлять самосто­ятельно; я вырву тебя изъ моего сердца, я навсегда про­гону тебя съ моихъ глазъ!

Тонъ, которымъ были произнесены эти слова, не оставлялъ ни­какого сомнѣнія, что дѣло принимало серьезный оборотъ. Мысль, что онъ самъ попался въ разставленную западню, такъ сильно подѣйствовала на Беллярмина, что онъ остолбенѣлъ и былъ совер­шенно уничтоженъ.

Въ это мгновеніе изъ застѣнка вышелъ главный инквизиціон­ный судья и съ видомъ величайшаго возбужденія объявилъ, что Галилей согласился подписать отреченіе. Истощенный невырази­мыми душевными муками, перенесенными еще раньше, Галилей сдѣлался нерѣшительнымъ при видѣ мрачной комнаты съ ужасными орудіями пытки; и когда ему захотѣли объяснить съ ужасающими подробностями дѣйствіе пытки, онъ совершенно палъ духомъ и не могъ болѣе противорѣчить. Разбитый въ своихъ лучшихъ надеж­дахъ, онъ объявилъ, что готовъ подписать отреченіе.

Лишь только судья сообщилъ такое извѣстіе, какъ въ дверяхъ застѣнка показался обвиняемый, поддерживаемый двумя другими инквизиторами. Казалось, что Галилей въ короткое время еще бо­лѣе постарѣлъ: онъ шелъ нетвердой походкой, въ чертахъ его лица было болѣзненное изнеможеніе, его глаза потухли. Очевидно, въ это мгновеніе Галилей былъ въ состояніи почти невмѣняемости. Онъ позволилъ подвести себя къ столу, на которомъ лежалъ доку­ментъ его отреченія, и, не смотря на окружающихъ, взялъ перо и подписалъ подъ отреченіемъ свое имя.

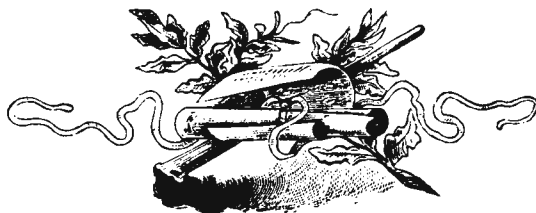
Глубокій вздохъ облегчилъ грудь Беллярмина и онъ бросилъ побѣдительный взглядъ на Урбана, который, въ свою очередь, былъ очень доволенъ такой развязкой.

Галилей продолжалъ пристально смотрѣть на свою подпись, пока главный инквизиторъ не взялъ документа, для того чтобы пока­зать его папѣ, а затѣмъ и Беллярмину.

Въ то время какъ все это происходило, осужденный успѣлъ нѣ­сколько приободриться и, казалось, что къ нему постепенно начи­наетъ возвращаться сознаніе. Онъ выпрямился и спокойно посмо­трѣлъ сначала на Урбана, а потомъ на Беллярмина. Здѣсь взоръ его упалъ на группу, образовавшуюся вокругъ Цециліи. Онъ уви­дѣлъ печальную мать Бернардо, склонившуюся надъ лежавшей безъ чувствъ дѣвушкой. Цецилія казалась умирающей, и ужасная мысль объ ея смерти оледенила Галилея. Онъ подошелъ къ своей дочери, схватилъ ея руку и коснулся ея лба. Вдругъ имъ овла-

дѣло чувство несказаннаго негодованія за все, совершенное надъ нимъ. Съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ онъ гнѣвно посмотрѣлъ на Урбана и Беллярмина и, собравшись съ духомъ, тономъ глубочайшаго убѣжденія проговорилъ:

— А все-таки она вертится!

Новый замокъ въ Неаполѣ.

IX.

Жертва лиги мертвыхъ.

БЛАДАТЬ Неаполею — было завѣтной мечтой французской анжуйской династии, ибо она имѣла на это равныя права съ испанцами, почти сто лѣтъ твердо владѣвшими этимъ прелестнымъ уголкомъ земли. Правда, французское правительство явно не принимало никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для осуществленія своихъ замысловъ, но втайнѣ, совершенно въ характерѣ французскаго народа, велась противъ испанцевъ неустанная интрига и пропаганда и, такимъ образомъ, тщательно подготовлялось открытое возстаніе, готовое вспыхнуть при первомъ удобномъ случаѣ. Тайнымъ притономъ этой пропанды былъ Римъ, а очагомъ ея — дворець французскаго посланника, который принималъ жалобы недовольныхъ неаполитанцевъ и старался раздуть ихъ ненависть къ испанцамъ. Къ числу недовольныхъ, покинувшихъ родину и искавшихъ спасенія въ Римѣ, принадлежалъ и молодой дворянинъ изъ одной знатной, но обѣднѣвшей неаполитанской фамиліи, по имени Джуліо Мазарини. Онъ поступилъ въ папскую гвардію и вскорѣ проникъ во дворець французскаго посланника, гдѣ онъ не только пополнилъ свои филологическія познанія, но и сдѣлался любимцемъ, благодаря

своимъ вкрадчивымъ манерамъ и тонкому свѣтскому обращенію. Спустя нѣкоторое время, онъ получилъ назначеніе сопровождать папскаго нунція, посланнаго во Францію съ однимъ дипломатическимъ порученіемъ. Въ Лионѣ произошло свиданіе нунція съ кардиналомъ Ришелье и великій государственный человекъ проницательнымъ взоромъ угадалъ въ Мазарини не только восторженнаго друга Франціи, но и его тонкій дипломатическій талантъ. Съ этихъ поръ Ришелье не терялъ Мазарини изъ виду; благосклонность первого послужила для послѣдняго путеводной звѣздой къ счастью. По возвращеніи въ Римъ молодой неаполитанецъ удостоился особеннаго вниманія со стороны папы и французскихъ кардиналовъ.

Въ это время ходили слухи объ одномъ до дерзости смѣломъ планѣ. У неаполитанскаго вице-короля, герцога Аркоса, была прелестная дочка, Инесса, красота которой была много разъ прославляема. Донна Инесса воспитывалась въ одномъ испанскомъ монастырѣ и по достиженіи дѣвическихъ лѣтъ должна была покинуть Испанію и переселиться въ Неаполь къ своимъ родителямъ. Въ Парижѣ, между тѣмъ, созрѣла мысль просватать ее за одного французскаго принца, герцога изъ анжуйскаго дома, и въ Римѣ были приняты всѣ мѣры для осуществленія этого смѣлаго плана.

Молодой Мазарини долженъ былъ играть въ этомъ дѣлѣ главную роль, будучи тонкимъ дипломатомъ. Онъ былъ еще совершенно неизвѣстенъ въ большомъ свѣтѣ, и это давало ему возможность дѣйствовать гораздо рѣшительнѣе и смѣлѣе. Никто не зналъ, что молодой офицеръ папской гвардіи неоднократно навѣдывался въ Римъ, и ни въ комъ его корреспонденція не возбуждала подозрѣній. Онъ вель дѣло очень хитро, но весь планъ былъ настолько труденъ и смѣлъ, что нельзя было надѣяться на его выполненіе; и, дѣйствительно, Мазарини потерпѣлъ крушеніе, какъ скоро испанское правительство узнало о продѣлкахъ хитраго дипломата. Отрѣшеніе герцога Аркоса отъ должности имѣло бы, конечно, успѣхъ, но вѣдь испанское правительство не имѣло никакихъ доказательствъ, что всѣ эти планы были извѣстны герцогу, и что онъ покровительствовалъ имъ. Герцогъ, конечно, могъ удостовѣрять, что онъ ничего не зналъ: когда обнаружилось, что аббатисса того монастыря, въ которомъ воспитывалась донна Инесса, подпала французскому вліянію,—герцогъ взялъ свою дочь къ себѣ, въ Неаполь. Но не смотря на это, Мазарини блестяще сумѣлъ доказать свой талантъ, когда вскорѣ его назначили вице-легатомъ въ Авиньонъ, а затѣмъ и чрезвычайнымъ папскимъ посланникомъ къ французскому двору, гдѣ онъ до такой степени вошелъ въ довѣріе короля Людовика XIII, что вскорѣ окончательно перешелъ на французскую государственную службу.

Неаполитанскій вице-король былъ въ сущности добрякъ. Онъ очень серьезно относился къ своимъ обязанностямъ и прилагалъ

величайшія старанія для сближенія съ мѣстнымъ дворянствомъ. Но въ силу странныхъ обстоятельствъ даже въ лучшей части неаполитанскаго общества господствовала величайшая дикость нравовъ. Между обѣими партіями—мѣстнымъ дворянствомъ и испанскою знатью—не прекращалась смертельная вражда; не смотря на то Амуръ поражалъ своими стрѣлами сердца тѣхъ и другихъ. Дѣло дошло до того, что возникали даже сомнѣнія—можетъ ли испанецъ родниться съ итальянкой, или опасались, чтобы какой-нибудь молодой итальянскій дворянинъ не влюбился въ дочь какого-нибудь испанскаго графа. Подозрѣніе и недовѣрчивость обостряли обоюдную ненависть, непрестанно случались кровавыя ссоры, влекшія за собою кровавую месть и въ этихъ распряхъ запутывались зачастую цѣлыя семейства съ своими сообщниками. Поэтому, приходилось крутыми мѣрами и строгими наказаніями обуздывать нарушителей порядка. Супруга вице-короля была женщиной очень флегматичной, осторожной и гордой, какъ всѣ испанки-аристократки, мало склонной, подобно своему супругу, по своей дородности ко всякимъ тревоженіямъ. На такую нѣжную и юную душу, какъ донна Инесса, дочь вице-короля, все это производило самое печальное впечатлѣніе: отъ нея невозможно было скрывать всего происходившаго, ибо въ немъ запутывались и самыя приближенные изъ окружавшихъ лицъ. Въ свою очередь очень ясно сказывалось и вліяніе этого нѣжнаго, женскаго существа, ибо ее присутствіе дѣйствовало благотѣльно на самое избранное общество. Она была такъ обворожительно любезна и притомъ такъ скромна, что всякій боялся оскорбить ее, не понравиться ей, не обуздавши порывовъ грубой страсти.

Разумѣется, это укрощающее вліяніе не могло сгладить грубыхъ противорѣчій неаполитанскаго народнаго быта и потушить ненависть недовольныхъ. Въ высшемъ обществѣ, можетъ быть, рѣже случались кровавыя ссоры, но среди народа число протестантовъ-недовольныхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Тысячи народа, живущаго трудами рукъ своихъ, снискивающаго себѣ пропитаніе рыболовствомъ или торговлей, замѣтили, что въ верхнихъ слояхъ общества ненависть къ испанцамъ не сказывается уже такъ громко и рѣзко, хотя обстоятельства нисколько не измѣнились и подати взыскивались еще безжалостнѣе, чѣмъ раньше. Сначала тихо, а потомъ все громче и громче заговорили объ измѣнѣ; то здѣсь, то тамъ раздавались въ народѣ голоса, заявлявшіе, что они могутъ справиться съ испанцами безъ богачей и знати, и что если кто не желаетъ совершенно погибнуть и умереть съ голода,—пусть подумаетъ о томъ, какъ бы народу возстановить собственнымъ кулакомъ своимъ права.

По временамъ въ вице-королевскомъ дворцѣ устраивались великолѣпныя празднества. Испанцы, появляясь повсюду съ вели-

чайшимъ великолѣпіемъ, понимали, что они законодатели модъ и свѣтскаго этикета для всего образованнаго міра, а огромныя богатства, притекавшія къ нимъ изъ Вестъ-Индіи, позволяли такъ роскошничать. Гдѣ только испанцы появлялись, тамъ они съ безпощадной жестокостью выжимали изъ страны соки, разсыпая вмѣстѣ съ тѣмъ золото щедрой рукой тамъ, гдѣ замыслили что-нибудь въ свою пользу. Одно необыкновенное обстоятельство надѣлало въ это время большого шума. Для вѣрнаго пониманія этого случая, нужно знать, что морскіе разбойники въ тѣ времена находились подъ покровительствомъ власти. Подъ властью Испаніи находились въ то время богатыя земли въ средней и южной Америкѣ, которыя ежегодно должны были отправлять на родину съ огромнымъ флотомъ драгоценныя вещи изъ благородныхъ металловъ, индиго, кошениль и тому подобное. Голландцы, во время продолжительной войны въ первой половинѣ XVII столѣтія, страстно желали съ помощью своихъ пиратовъ захватить въ плѣнъ испанскіе корабли. Но послѣдніе были хорошо охраняемы и обыкновенно въ цѣлости доставляли грузъ въ Испанію, откуда благородные металлы изъ испанскихъ дыривыхъ кармановъ переходили къ другимъ промышленнымъ націямъ. Однажды голландско-вестъ-индская компанія снарядила значительный флотъ изъ тридцати пяти большихъ и малыхъ военныхъ кораблей, довѣривъ командованіе надъ нимъ адмиралу Петру Гайну, или по просту Питъ Гайну. Если кто имѣлъ основаніе ненавидѣть испанцевъ, то именно этотъ человѣкъ. Его отецъ, простой матросъ, былъ однажды взятъ испанцами въ плѣнъ. Матери Пита не было въ живыхъ, и мальчикъ, живя на кораблѣ вмѣстѣ съ отцомъ, долженъ былъ раздѣлять его участь. Когда отецъ въ оковахъ былъ посаженъ на галеру, маленькій Питъ сидѣлъ у его ногъ и утѣшалъ несчастнаго отца. Мальчикъ не терялъ даромъ времени. Мать, не оставивъ ему ни денегъ, ни имѣній, научила его вязать. Въ то время какъ отецъ гребъ, Питъ прилежно работалъ и заработокъ отдавалъ отцу. Питу приходилось на галерѣ многое увидать, и въ душу ребенка глубоко запала ненависть противъ мучителей его отца. Только послѣ четырехлѣтняго плѣна отецъ съ сыномъ увидали, наконецъ, свободу. Питъ Гайнъ сдѣлался морякомъ и прошелъ всѣ ступени морской службы, пока не былъ пожалованъ въ адмиралы.

Весной вышеупомянутый флотъ вышелъ въ море. Разграбивъ и уничтоживъ нѣсколько испанскихъ кораблей не вдалекѣ отъ порта Корунна, онъ бросилъ якорь у острова св. Антонія въ Вестъ-Индіи. Отъ плѣнныхъ испанцевъ онъ узналъ, что въ Гаваннѣ, на островѣ Кубѣ, въ испанской резиденціи, совѣмъ не подозрѣвали близости голландскаго флота, а съ часу на часъ, напротивъ, ожидали прибытія испанскаго флота изъ Терра-фирмы или изъ Новой Испаніи. Гайнъ подплылъ къ Кубѣ и остановился почти въ

виду города Гаванны. Онъ былъ замѣченъ, и губернаторъ Кабрера тотчасъ послалъ яхту, для того чтобы предостеречь приближавшійся сюда испанскій флотъ съ грузомъ серебра. Эта яхта была взята въ плѣнъ и адмиралъ Гайнъ получилъ отъ нея извѣстие, что въ Гаванскомъ порту стоитъ лишь одно единственное боевое судно, годное къ употребленію. Слѣдовательно, мѣсто стоянки голландскаго флота было вполне безопасно. Съ крѣпости Морро испанцы могли видѣть, какъ грозный голландскій флотъ изо дня въ день крейсуетъ около береговъ. Они знали и предвидѣли, что ихъ ожидаетъ, и все-таки не заботились ни о собственной безопасности, ни о томъ, чтобы предостеречь своихъ друзей. Въ такомъ бездѣствіи со стороны испанцевъ прошло нѣсколько недѣль. Наконецъ, адмиралъ приказалъ сдѣлать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Флагъ-капитанъ Корнелій де-Витъ, впоследствии, будучи тоже адмираломъ, прославившійся не менѣе Гайна, взялъ одинъ испанскій корабль, посланный на рекогносцировку изъ ожидаемаго флота. Команда этого корабля рассказала, что всѣ остальные плывутъ слѣдомъ за ними. Восходившее солнце освѣтило на востокѣ десять парусовъ, а черезъ нѣсколько часовъ показались еще девять другихъ, ббльшихъ чѣмъ первые. Между ними были четыре испанскихъ галеоны. Увидѣвъ, что всѣ пути къ бѣгству отрѣзаны, они направились къ берегу. Нидерландцы преслѣдовали ихъ, пока было возможно. Между тѣмъ, наступилъ вечеръ. Многіе испанцы пробрались на сушу, захвативъ съ собою то, что было можно унести.

Рано утромъ на другой день адмиралъ приказалъ спустить на воду шлюпки. Въ одну изъ нихъ онъ сѣлъ самъ и направился къ ближайшей галеонѣ. Испанцы хотѣли, повидимому, обороняться, только послѣ нѣсколькихъ мушкетныхъ выстрѣловъ они смирились. Шлюпки пристали, но борта галеоны были на столько высоки, что не было возможности взобраться на нихъ. Наконецъ, былъ найденъ, спущенный съ галеоны, канатъ. Одинъ матросъ быстро взобрался по этому канату, влѣзъ на испанскую палубу и привязалъ шлюпку. Испанцы спокойно стояли и смотрѣли. Странно, что никто изъ нихъ не рѣшился поджечь корабль. Адмиралъ Гайнъ думалъ, что это еще можетъ случиться, и поэтому предложилъ испанскому адмиралу перевезти весь экипажъ съ его имуществомъ на берегъ, на нидерландскихъ лодкахъ.

Испанецъ согласился на это, и нидерландцы сами смотрѣли сквозъ пальцы, узнавши, что золото и серебро тоже нагружалось въ шлюпки. Только три или четыре испанскихъ корабля успѣли спастись.

Въ теченіе пяти дней нидерландцы были заняты перегрузкой добычи съ испанскихъ кораблей на свои собственные. При этомъ оказалось, что испанскіе корабли были еще безоружнѣе, чѣмъ это

показалось сначала, ибо всё пустыя мѣстечки, даже пушки, были до такой степени перепополнены всякими товарами, что артиллерія, разумѣется, не могла дѣйствовать. Когда все было перегружено, всё испанскіе корабли подожгли. Затѣмъ, ликующіе голландцы отплыли въ отечество. Съ этимъ извѣстіемъ въ Амстердамъ впередъ была послана яхта, и цѣнность акціи вестъ-индской компаніи быстро поднялась. Наконецъ, благополучно прибылъ и весь флотъ. Когда Питъ Гайнъ и его вице-адмиралъ Лонкъ пріѣхали въ Гаагу, въ честь ихъ было сдѣлано пятьдесятъ пушечныхъ выстрѣловъ. Затѣмъ, ихъ привѣтствовали генеральные штаты и принцъ Оранскій. По всей странѣ пылали радостные огни, гудѣли колокола и въ церквахъ совершались торжественныя благодарственныя молебствія. И на самомъ дѣлѣ они заслуживали этого, ибо въ морской исторіи такое счастье было почти безпримѣрно. Большая вооруженная флотилія, послѣ 8-ми-мѣсячнаго плаванія при губительномъ вестъ-индскомъ климатѣ, потеряла только полтора ста чловѣкъ команды, изъ которыхъ тридцать три пало при высадкѣ на одинъ вестъ-индскій островъ отъ оружія карибовъ. Съ такими ничтожными потерями, которыя могли быть еще меньше, они захватили неслыханную добычу.

При разгрузкѣ было найдено серебра въ ящикахъ 182 тысячи фунтовъ и въ массивныхъ слиткахъ 3 тысячи фунтовъ. Всѣ товары были оцѣнены въ 11½ миллионѣвъ гульденовъ; въ эту сумму не входитъ все то, что было унесено съ собой экипажемъ, не взирая на приказанія адмирала. Роттердамское адмиралтейство явило примѣръ рѣдкостной честности. Оно приказало публично нѣсколько разъ объявить, что тотъ, кто имѣетъ притязанія на эти сокровища, пусть явится и докажетъ законность своихъ претензій. Надписи на ящикахъ и слиткахъ: *pro rege*, т. е. для короля, и *pro re Majestad*, для ихъ величествъ, для келлегіи іезуитовъ въ Римѣ, для тѣхъ или другихъ частныхъ лицъ, ясно говорили, кто могъ предъявлять свои права. Когда никто не явился, адмиралтейство вручило всю добычу вестъ-индской компаніи. Пока испанцы жили въ добромъ согласіи съ Римомъ и пока іезуиты служили испанскому правительству, огромныя суммы притекали въ папское казначейство и вообще въ руки духовенства.

Про это зналъ неаполитанскій народъ и поэтому съ злобой смотрѣлъ на неслыханное великолѣпіе въ церквахъ и монастыряхъ. Суммы, которыя издерживались на издѣлія изъ мрамора, лаписъ-лазури, малахита и изъ другихъ полублагородныхъ камней, драгоценныя мозаики, рѣзные вещи и картины и тому подобное, были истиннѣ невѣроятны и все болѣе увеличивали бездну, раздѣляющую бѣдствующій народъ отъ имущихъ классовъ. Ненависть неаполитанцевъ все увеличивалась еще и отъ того обстоятельства, что не только самыя доходныя административныя мѣста были за-

няты испанцами или ихъ фаворитами, но и реставрированіе дорогихъ построекъ и ихъ художественное убранство было отдано въ руки или испанцевъ по рожденію, или испанскихъ подданныхъ. Положеніе дѣлъ не измѣнялось, не смотря на многочисленныя жалобы. Можно ли удивляться, что выдающіеся неаполитанскіе живописцы примкнули къ «лигѣ мертвыхъ», если испанецъ всюду притѣснялъ ихъ, умалялъ ихъ заслуги, а самъ жилъ между тѣмъ въ княжеской роскоши. Прославленный живописецъ Джузеппе Рибера былъ приглашаемъ на всѣ великолѣпныя празднества, которыя устраивало испанское дворянство; онъ и его красавица-кокетка жена были избалованными любимцами вицецарского двора.

Въ концѣ масляницы въ блестящихъ залахъ дворца собралось на маскированный балъ все высшее общество. Подъ масками, конечно, очень легко могли проникнуть и неаполитанцы, ибо хотя съ давнихъ лѣтъ было принято избѣгать мѣстному дворянству всякихъ приглашеній, но тѣмъ не менѣе постоянно дѣлались попытки сломить это упорство и протянуть руку примиренія. Нѣкоторые изъ упорствующихъ неаполитанскихъ дворянъ въ глухихъ домино уходили, не снявъ маски, явившись только ради того, чтобы наблюдать испанское общество, а потомъ зло перемывать ему бока. На балу, между прочими, замѣтили также группу изъ трехъ или четырехъ замаскированныхъ молодыхъ людей, которые держались постоянно вмѣстѣ, шептались между собой и затѣмъ одновременно исчезли. Разумѣется и тайныя любовныя похиженія бывали молодымъ итальянцамъ поводомъ для посѣщенія баловъ въ вицецарскомъ дворцѣ, но это дѣло было не безопаснымъ и требовало соблюденія крайней осторожности.

Графъ Діего Мендоца получилъ на этотъ балъ приглашеніе вмѣстѣ со своей дочерью Корнеліей. Графъ былъ человѣкомъ благомыслящимъ, который повсюду старался улаживать несогласія между испанцами и неаполитанцами; вслѣдствіе продолжительной болѣзни своей супруги онъ уже нѣсколько лѣтъ не появлялся на публичныхъ празднествахъ. Но теперь различныя обстоятельства заставили его опять сойтись съ своими соотечественниками.

Истинная причина этого была, между прочимъ, смерть его нѣжно-любимой супруги. Онъ чувствовалъ себя въ своемъ горѣ невыразимо одиноко, и такъ какъ родственники избѣгали его, какъ врага отечества, то его положеніе было еще горше и онъ тѣснѣе сблизился съ тѣмъ кругомъ, который отъ юности былъ ему симпатиченъ, а теперь старался успокоить его страданія. Семейныя отношенія съ родными покойной его жены были послѣ ея смерти круто порваны и только Людовико Кортези навѣщалъ иногда графа и его дочь, но это совершалось такъ осторожно и такъ рѣдко, что Корнелія не могла догадаться, отчего это ея двоюродный братъ такъ охладѣлъ къ ней.

Такъ какъ герцогъ Аркосъ былъ другомъ юности графа Мендоца, то можно было ожидать, что между ними еще сильнѣе разовьются дружескія отношенія. Донна Инесса, дочь герцога, сильно полюбила и сошлась съ Корнеліей Мендоца. Юная испанская принцесса какъ бы нашла на чужбинѣ родственную душу, въ то время какъ осиротѣвшее сердце Корнеліи страстно просило утѣшенія послѣ потери матери. Первая встрѣтила новую подругу съ сердечнымъ вниманіемъ, а послѣдняя чувствовала, какъ ея юное сердце вновь воскресаетъ въ присутствіи донны Инессы для жизни и радости.

По тогдашнимъ обычаямъ, существовавшимъ при европейскихъ дворахъ, молодые люди и дамы изъ аристократическаго общества, для большей пышности всякихъ празднествъ разучивали какой-нибудь балетъ, и можно себѣ представить, сколько тутъ было изысканнаго вкуса въ туалетахъ, сколько граціи и огня, если вспомнить, что здѣсь сошлись молодые испанцы и испанки, для того чтобы принести, такъ сказать, первую присягу вѣрности юной доннѣ Инессѣ. Разумѣется, Корнелія Мендоца не могла отказаться отъ приглашенія, и въ этотъ вечеръ она справляла свой первый выѣздъ въ большой свѣтъ. Репетиціи балета длились цѣлую недѣлю, и свиданія, устраивавшіяся для этой цѣли попеременно во дворцахъ высшаго дворянства, служили для молодежи источникомъ веселыхъ утѣхъ. Молодой испанецъ, имѣвшій честь быть партнеромъ Корнеліи, былъ графъ Огнаттъ, по происхожденію изъ одной древней королевской фамиліи, только на короткое время пріѣхавшій въ Неаполь. Корнелія была или слишкомъ занята своей ролью въ балетѣ или еще слишкомъ юна, чтобы замѣтить, что красивый графъ, очарованный ею, постоянно ошибался, ибо больше наблюдалъ за своей прелестной партнершей, чѣмъ за указаніями танцмейстера.

Корнелія хотѣла на маскированномъ балу остаться неузнанной своей подругой-принцессой, и поэтому не говорила ей въ какомъ костюмѣ появится, но Инесса очень скоро узнала ее, и тѣмъ больше обрадовалась. Такъ какъ принцесса все-таки не могла пренебрегать свѣтскимъ этикетомъ, то порой ей приходилось оставлять свою подругу въ одиночествѣ, а этими минутами пользовался стройный молодой человекъ въ черномъ домино, державшійся все время въ сторонѣ, подходилъ къ ней и то заводилъ серьезный разговоръ, то отдавался шутливой насмѣшкѣ. Нельзя было не замѣтить, что онъ съ неудовольствіемъ поглядывалъ на нѣжную предупредительность, оказываемую молодой дѣвушкѣ графомъ Огнаттомъ. Корнелію позвала вице-королева и ея дочь, и онъ отошелъ наблюдать и критиковать присутствующихъ къ группѣ глубоко замаскированныхъ людей въ черномъ домино.

Въ такомъ веселомъ духѣ шелъ праздникъ, пока не насталъ моментъ, когда все общество должно было снять маски. Кто не хо-

тѣль этого сдѣлать, долженъ былъ удалиться, что очень часто и случалось.

Послѣ этого балъ разгорался еще сильнѣе, дѣлаясь еще оживленнѣе, и присутствующіе испанцы развернулись сверхъ обыкновенія, сбросивъ съ себя обычную сдержанность.

Вскорѣ послѣ того, какъ сняли маски, мажордомъ доложилъ о чемъ-то герцогу, что послѣдняго сильно взволновало и относительно чего онъ незамѣтнымъ образомъ отдалъ приказаніе, въ знакъ согласія на которое мажордомъ отвѣчалъ молчаливымъ поклономъ.

Герцогиня, находившаяся вблизи супруга, озабоченно освѣдомилась у него о причинѣ безпокойства. Сначала онъ отвѣчалъ уклончиво, но потомъ былъ вынужденъ открыть истину. Герцогиня вооружилась присутствіемъ духа, чтобъ не разстроивать бала и, такимъ образомъ, приключеніе было скрыто.

У главнаго входа во дворецъ слуги нашли какого-то человѣка въ черномъ домино; онъ былъ мертвъ, у него сочилась кровь изъ четырехъ ранъ. Изъ гостей, оставившихъ балъ до снятія масокъ, было нѣсколько человѣкъ въ глубокомъ черномъ домино, о чемъ-то таинственно разговаривавшихъ; они были послѣдними, ушедшими въ это время изъ дворца. Они сошли совершенно незамѣтно по широкой главной лѣстницѣ, и здѣсь у главнаго входа было совершено убійство. Слуги не слышали никакого крика и поспѣшили туда, только услышавъ суматоху на улицѣ. Они нашли только трупъ, израненный кинжаломъ, но убійцъ и слѣдъ простылъ. На улицѣ было много крику и шуму, но никто, казалось, не обратилъ вниманія на тотъ моментъ, когда было совершено преступленіе.

Трупъ былъ предварительно перенесенъ въ одну изъ нижнихъ комнатъ, но герцогъ счелъ за лучшее, чтобы никто ничего не зналъ о случившемся, ибо—кто знаетъ—можетъ быть это было бы поводомъ еще къ большому несчастію.

Донна Инесса замѣтила, что отецъ взволнованъ, а мать очень разстроена. Она не успокоилась, пока не узнала обо всемъ происшедшемъ. Отецъ и ее просилъ сохранять присутствіе духа, и она, дѣйствительно, старалась казаться покойной, но ужасная суетня въ ихъ домѣ и въ такое время требовала нѣчто большаго, чѣмъ простое спокойствіе; молодая дѣвушка не могла, по крайней мѣрѣ, скрыть отъ своей подруги, Корнеліи Мендоца, ни своей перемѣны въ лицѣ, ни перемѣны въ своемъ поведеніи. Донна Инесса была увѣрена въ сердечной преданности Корнеліи; такъ какъ ей нужно было отдохнуть, а одной оставаться не хотѣлось, то она попросила подругу остаться съ ней на нѣкоторое время. Вскорѣ Инесса наединѣ рассказала Корнеліи ужасную новость, что какой-то господинъ былъ убитъ у главнаго входа во дворецъ. Корнелія содрогнулась отъ ужаса. Она должна будетъ переступить порогъ, обогранный только что пролитой кровью. Кто бы это могъ быть? Принцесса только и

знала, что убитый былъ одѣтъ въ черное домино, и что онъ вышелъ вмѣстѣ съ другими, одѣтыми также, незадолго до снятія масокъ. Корнелія помертвѣла, въ жилахъ у ней застыла кровь.

— Людовико! — вскрикнула она и упала безъ чувствъ.

Донна Инесса пришла въ большое замѣшательство. Она позвала своихъ служанокъ, чтобы онѣ потихоньку отыскиали графа Мендоца и попросили его придти къ дочери. Корнелію привели въ чувство, но теперь было необходимо посвятить и графа во все происшедшее.

У главнаго входа въ вице-королевскій дворецъ.

Онъ сошелъ внизъ, чтобы убѣдиться—вѣрны ли догадки Корнеліи. Дѣйствительно, это былъ Людовико Кортези, и хотя не трудно было угадать причину его смерти, однако эта простая догадка сначала никому не приходила въ голову. Очевидно, Людовико былъ убитъ членами лиги мертвыхъ, ибо его продолжительныя сношенія съ домомъ графа Мендоца были для нихъ подозрительны. Съ глубокой задумчивостью важный испанецъ посмотрѣлъ на блѣдное лицо мертвaго юноши. Онъ не могъ подумать, чтобы приказать отнести

трупъ въ свой дворецъ и велѣлъ поэтому отправить его къ несчастнымъ родителямъ. Онъ съ своей дочерью приготовился покинуть замокъ. Корнелія была глубоко потрясена; герцогиня и Инесса страстно хотѣли удержать ее у себя, но благоразуміе требовало этого не дѣлать; вскорѣ факельщики и конвойные собрались вокругъ носилокъ, на которыхъ отецъ перенесъ свое страждущее дитя домой.

Разумѣется, преждевременное прибытіе въ собственный дворецъ графа съ дочерью надѣлало немалой суматохи, ибо тотчасъ же была позвана женская прислуга, чтобы раздѣть и положить Корнелію въ постель, ибо Корнелія все еще не могла опомниться отъ перенесеннаго ужаса и потрясенія. Хотя молодая дѣвушка не была влюблена въ Людовико, но она питала къ нему горячее родственное чувство; она не отказала бы ему, если бы онъ пожелалъ обручиться съ ней, и ея сердце удовлетворилось бы тихимъ счастьемъ, никогда, можетъ быть, не пробудившись для глубокой страсти. Теперь, поэтому, она чувствовала не глубокую скорбь по невознаградившей утратѣ, но сильное потрясеніе отъ ужаснаго происшествія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искреннее сожалѣніе о смерти близкаго родственника.

Подобное же впечатлѣніе произвело это извѣстіе и на Тебальдо, который за своими музыкальными занятіями еще не спалъ. Только молодой человѣкъ былъ потрясенъ гораздо сильнѣе, ибо въ этотъ самый день онъ получилъ относительно Людовико печальныя предсказанія.

Тебальдо предвидѣлъ, что въ этотъ вечеръ его никто не будетъ тревожить; ему взбрело на умъ покататься верхомъ на свободѣ и онъ выбралъ именно ту самую дорогу, по которой они какъ-то разъ проѣзжали съ Людовико. Въ этотъ вечеръ онъ чувствовалъ себя особенно сиротливо, ибо, при всей своей скромности, никогда не позволявшей ему забывать огромной разницы между собой и семействомъ графа,— онъ все-таки былъ непріятно уколотъ приглашеніемъ графа и Корнеліи къ вице-королевскому двору, куда онъ не могъ за ними слѣдовать. Повсюду приглашали талантливаго и скромнаго молодого человѣка, но строгій этикетъ вице-королевскаго двора не позволялъ этого. Образъ блѣдной Серпы, часто вспоминаемый на яву, а еще чаще тревожившій его въ сновидѣніяхъ, въ этотъ вечеръ какъ-то особенно живо и ярко возставалъ предъ нимъ и словно манилъ еще разъ взглянуть на страннаго старика и на его привлекательную дочь.

Былъ одинъ изъ тѣхъ зимнихъ дней, которые знакомы только южной Италіи. Небо было чисто и ясно, воздухъ мягокъ и приятенъ, какъ въ прекрасный весенній день на сѣверѣ, къ тому же много вѣчно-зеленѣющихъ деревъ и никогда невянущихъ роскошныхъ цвѣтовъ. Молодой человѣкъ быстро ѣхалъ по этой причуд-

ливой дорогѣ, охотно на сегодня покидая графскій домъ, подстрекаемый любопытствомъ, а можетъ быть чѣмъ-нибудь и большимъ. Полный нетерпѣливаго ожиданія увидѣть удивленныхъ неожиданнымъ посѣщеніемъ стараго Скаратулиса и его дочь, Тебальдо приѣхалъ, наконецъ, въ Байю и тотчасъ направилъ путь къ памятному дому. Онъ смутился, думалъ, что сбился съ дороги, не видя никакого дома на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ жить старый чудакъ. Онъ убѣждается, что вовсе не заблудился, ибо начинаетъ узнавать нѣкоторыя сохранившіяся въ памяти мелочи окружающей обстановки. Вотъ часть стѣны сарая, вотъ запущенный маленькій садикъ, а на мѣстѣ дома лишь груда обломковъ и битыхъ горшковъ, какъ будто здѣсь уже давно устроили сорное мѣсто.

Что сей сонъ значилъ? Неужто старый алхимикъ покинулъ свой укромный домъ и поселился гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? Трудно было понять, для чего совершенно разрушенъ домъ со всѣми его очагами и приспособленіями для алхимическихъ экспериментовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ для того, чтобы не давать пищи праздному любопытству народа, который по глупости склоненъ во всемъ видѣть колдовство и чертовщину. Тѣмъ не менѣе случай былъ очень загадочный, но молодому человѣку удалось подыскать для него объясненіе, когда онъ обратился въ тотъ самый крестьянскій домъ по близости отъ древняго водоема, около котораго мальчикъ, въ первый приѣздъ къ алхимику, держалъ его лошадь и лошадь Людовико. Мальчикъ былъ занятъ въ конюшнѣ и вышелъ на зовъ Тебальдо. Послѣ недолгихъ объясненій онъ узналъ Тебальдо и сказалъ:

— Ахъ, это вы, синьоръ, это васъ такъ одурачилъ старый Скаратулисъ, а вашего спутника, въ концѣ концовъ, чуть не отправилъ на тотъ свѣтъ. Кто это могъ ожидать отъ такого старика?

— Но что же такое случилось? — спросилъ Тебальдо. — Куда дѣвался старикъ съ своей дочкой? Почему весь домъ разрушенъ?

— Какъ я вижу, — замѣтилъ мальчикъ, — вы ничего не знаете. Не хотите ли вы сойти съ лошади? Впрочемъ, вы и такъ можете выслушать. Всѣ мы, окрестъ живущіе, считали этого старика за ученаго аптекаря, который съ помощью своихъ познаній силъ природы могъ готовить всякія лекарства, покупавшіяся страждущимъ окрестнымъ крестьянскимъ населеніемъ для исцѣленія отъ всякихъ недуговъ. Но всѣ мы были жестоко обмануты. Это былъ заклинатель чертей, колдунъ и отравитель, и никто объ этомъ не догадывался. Если кто изъ насъ заболѣвалъ, то обращался къ нему, потому что онъ часто давалъ бѣднымъ свои микстуры и пилюли бесплатно, и если его лекарства не помогали, то думали, что противъ смерти еще не выросло травы; вообще въ эти лекарства вѣрили, пожалуй, больше, чѣмъ въ цѣлительную силу мощей свя-

тыхъ. Конечно, было бы неестественно, еслибы всѣ болѣзни исцѣлялись. Такъ слѣпо вѣрили люди, и никому не приходило въ голову, поближе присмотрѣться къ его занятіямъ, пока, наконецъ, его собственная дочь не подала повода къ открытію преступленія.

— Серпа!—съ ужасомъ воскликнулъ Тебальдо, и его любопытство возросло до послѣднихъ предѣловъ.

— Да, Серпа,—подтвердилъ мальчикъ,—хотя это можетъ показаться невѣроятнымъ. Дѣвушка выглядѣла очень худой и блѣдной, хотя ея глаза и ея нѣжный голосъ все-таки производили приятное впечатлѣніе; случилось, что нѣкій юноша изъ города влюбился въ нее по уши, бросивъ свою прежнюю возлюбленную, Терезину. Терезина была здоровая и веселая дѣвушка, и никто понять не могъ, какъ могъ Джіованни ее разлюбить и вздыхать по блѣдной Серпѣ. Терезина и пустила слухъ, что старый аптекаръ — колдунъ, приготовляющій не лекарства, а отраву и зелье. Джіованни покупалъ однажды для своей больной матери порошокъ и при этомъ Скаратулисъ далъ ему выпить изъ рукъ дочери стаканъ вина. Съ тѣхъ поръ онъ и охладѣлъ къ Терезинѣ, влюбившись въ Серпу. Немного погодя, обнаружались и другіе злонамѣренныя поступки, которыхъ и не перечтешь, — между прочимъ, одна корова совсѣмъ перестала давать молоко. Можетъ быть все это не правда, но все-таки осталось подозрѣніе, что старый Скаратулисъ былъ заклинатель чертей и колдунъ. Онъ не могъ болѣе оставаться здѣсь, ибо народъ на улицѣ издѣвался надъ нимъ и грозился даже убить. Не былъ счастливъ въ своей новой любви и Джіованни: родители и родственники Терезины всѣхъ вооружили противъ него. Духовенство и монахи, прослышавши объ этомъ дѣлѣ, пожимали плечами и говорили, что лучше бы вѣрить въ помощь св. Дѣвы и всѣхъ святыхъ, чѣмъ въ микстуры и пилюли какого-то аптекаря. Такъ росло неудовольствіе и раздраженіе, пока, наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ собравшаяся съ ломами и всякими инструментами толпа не разнесла до основанія домъ стараго колдуна. Они хотѣли было схватить его вмѣстѣ съ дочерью и притянуть къ суду, но я думаю, ихъ не оставили бы въ живыхъ, попадись они въ руки разъяренной толпы.

— Что же поймали ихъ?—спросилъ Тебальдо, похолодѣвъ отъ страха.

— Гнѣздо было пусто,—возразилъ мальчикъ,—и теперь вы, конечно, можете себѣ представить, какъ разъярилась толпа бунтовщиковъ. Въ тщетныхъ поискахъ за ненавистными бѣглецами, толпа перевернула все въ домѣ вверхъ дномъ, обшарила всѣ закоулки и, никого не найдя, принялась сокрушать, ломать и бить адскіе инструменты, служившіе колдуну для чертовскихъ заклинаній и всякихъ гнусностей, не оставивъ камня-на-камени. На другой день торчали только остатки стѣнъ, балокъ, да лежали груды черепковъ битой посуды.

— И что же, даже не могли напасть на слѣдъ старика и его дочери?—спросилъ со вздохомъ Тебальдо.

— Чортъ его знаетъ, куда онъ удралъ,—отвѣтилъ мальчикъ.— Никто изъ насъ болѣе не сомнѣвался, что выпроводили дьявольскаго колдуна, и наше духовенство было вполне согласно съ этимъ.

— А что же Джіованни?—спросилъ Тебальдо.

— Двѣ недѣли тому назадъ обвинчался съ Терезиной, — отвѣтилъ мальчикъ. — Ему стоило большого труда помириться съ дѣвушкой и ея родителями, но что же иначе ему было дѣлать, если онъ не хотѣлъ переселяться на чужбину? Онъ переговорилъ о свадьбѣ съ нашимъ уважаемымъ патеромъ Иеронимомъ, который ищѣли его отъ наговора и просилъ за него у Терезины. Наконецъ, добрый патеръ выхлопоталъ Джіованни разрѣшеніе взять для постройки своего дома годныя къ употребленію камни и балки, оставшіеся отъ разрушеннаго дома Скаратулиса, разумѣется, послѣ того какъ эти обломки были окроплены Иеронимомъ святой водой въ присутствіи многихъ крестьянъ.

Тебальдо съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ этотъ рассказъ; немного пожалѣвъ о томъ, что не увидитъ больше ни Серпы, ни ея отца, онъ вскорѣ, однако, пересталъ беспокоиться объ ихъ судьбѣ, ибо человекъ, подобный Скаратулису, вездѣ сумѣетъ устроиться. Поблагодаривъ мальчика за рассказъ и давъ ему нѣсколько мелкихъ монетъ, Тебальдо въ раздумьѣ отправился домой. Полученныя новости заставляли его глубоко и серьезно задуматься; онъ вернулся въ графскій дворецъ въ мрачномъ настроеніи духа. Здѣсь онъ старался разсѣяться музыкой. Томимый въ эту ночь безсонницей, онъ все еще музицировалъ, когда возвратились графъ и Корнелія и когда съ ихъ появленіемъ поднялась въ домѣ необычная ночью суматоха. Тебальдо вышелъ изъ своей комнаты и къ ужасу узнать все происшедшее на балу въ вице-королевскомъ замкѣ.

Юный Мазаниелло внимаєть рѣчамъ Сальватора Розы.

Х.

Зерно попадаетъ въ хорошую почву.

СБМЪ извѣстно, что главную часть церемоніи при постриженіи послушника и при его дѣйствительномъ вступленіи въ монашескій орденъ составляетъ притворное погребеніе. Это должно знаменоватъ, что постригающійся человекъ отрекается отъ всякихъ связей съ земной жизнью, отрекается отъ собственной воли и дѣлается только послушнымъ членомъ цѣлой корпораціи. Фантазеры очень часто описывали этотъ обычай радужными, романтическими красками, хотя въ сущности онъ весьма тяжелъ и непріятенъ. Въ тѣхъ монашескихъ орденахъ, которые не прерывали сношеній съ наукой или, главнымъ образомъ, съ міромъ, еще можно было ужиться; остальные же предоставляли своимъ постриженнымъ братьямъ только одинъ выборъ — погрузиться въ растительную жизнь, ибо ежедневный обиходъ былъ такъ однообразенъ, что дѣйствительно можно было преобразиться въ живого мертвеца. Постоянное монотонное чтеніе на-

изустъ молитвъ и пѣніе молебновъ, строгій дневной распорядокъ по часамъ и ударамъ колокола, регулярныя покаянныя молитвы о спасеніи души—все это повторялось изо дня въ день, изъ года въ годъ. Какъ объ исключительныхъ случаяхъ приходится слышать объ ученыхъ монахахъ, занимающихся научными изслѣдованіями, или о даровитыхъ монахахъ-живописцахъ, прославившихся своими гениальными созданіями. Милліоны же людей, которые, словно живыя машины, тупоумно проводили дни свои и бормотали молитвы, безслѣдно сходили въ могилу, ибо и усердное списыванье церковныхъ книгъ монахами, и женскія рукодѣлья монахинь были занятіями, убивающими всякую индивидуальную дѣятельность своей строгой размѣренностью. Бывали, правда, случаи, что монастырь являлся дѣйствительнымъ убѣжищемъ отъ жестокихъ преслѣдованій, мѣстомъ упокоенія въ мрачное, жестокое время, но въ тысячахъ случаяхъ обстоятельства въ теченіе времени измѣнялись, принудительныя причины теряли свое вліяніе и въ полной силѣ оставался только несчастный обѣтъ. Затѣмъ наступала отчаянная апатія, и монастырь становился, дѣйствительно, могильнымъ склепомъ, въ которомъ живыя существа, сложивши руки, ожидали смерти.

Проживъ только недѣлю въ монастырѣ св. Антонія около Амальфи, Сальваторъ Роза изучилъ чарующее мѣстоположеніе и строгую архитектуру, производившую сильное впечатлѣніе на его душу; онъ думалъ, что здѣсь залечатся смертельныя раны его сердца и что здѣсь онъ найдетъ вождельный покой, котораго такъ долго и напрасно искалъ. Но послѣ нѣкотораго времени пребыванія у благочестивыхъ братьевъ, въ немъ пробудилась жажда работы, какъ первый признакъ все еще не угасшихъ запросовъ жизни, и случилось, что молодой живописецъ, твердо убѣжденный въ ничтожествѣ своихъ прежнихъ произведеній, не могъ преодолѣть влеченія къ рисованію эскизовъ картинъ, а если обстоятельства позволятъ, то и къ ихъ окончательной отдѣлкѣ. Не долго пришлось ему ждать случая. Въ монастыряхъ всегда находилась живописная работа: то нужно было подновить старыя картины въ церкви, въ трапезѣ или въ главной залѣ, то нарисовать новую картину, и, такимъ образомъ, искусный живописецъ постоянно встрѣчалъ здѣсь радушный пріемъ.

И для Сальватора Розы нашлось по горло работы. Не смотря на долгое пребываніе, онъ все-таки не подчинился монастырскимъ правиламъ, разумѣется, насколько это было возможно и утѣшался сознаніемъ, что онъ ничѣмъ не связанъ и каждую минуту можетъ иначе устроить свою жизнь. Такъ какъ Сальватору было дозволено бывать и внѣ монастыря, то вскорѣ въ Амальфи онъ завелъ знакомства, и даже поверхностному взгляду было замѣтно, что его пребываніе въ монастырѣ очень покойно и пріятно. Но никто не могъ догадаться, что его страстная, огненная душа страдала въ

этомъ полу-бездѣятельномъ житьѣ, и что только Богъ одинъ знаетъ, чего ему стоило обуздать свою пылкую фантазію и свой безпокойный духъ.

Между тѣмъ онъ радовался быстрому развитію Мазаніелло, къ матери котораго былъ расположенъ всей душой. Простая женщина отличалась не только своей строгой красотой и граціей среди рыбацекъ въ Амальфи, но и своей спокойной сдержанностью, хладнокровной разсудительностью. Она отлично понимала, что молодой живописецъ о чемъ-то сильно тоскуетъ, и далекая отъ того, чтобы его дружеское расположеніе истолковывать въ худую сторону, старалась утѣшить его и разсѣять своимъ участливымъ вниманіемъ. Сальваторъ чувствовалъ, что добрая женщина серьезно жалѣетъ его и ему захотѣлось довѣрить ей свои сокровенные помыслы.

Добрая женщина не могла, конечно, понять, какъ мало было средствъ для удовлетворенія его художничѣскихъ наклонностей, зная, что онъ работаетъ въ монастырѣ св. Антонія и считая только одно это лучшей и высочайшей наградой для художника; но она вполне сочувствовала и его ненависти къ испанцамъ, и его сердечнымъ мукамъ, которыя причиняла Сальватору любовь къ Корнелии Мендоца. Она избѣгала съ деликатнымъ чувствомъ всякаго напоминанія о сердечныхъ ранахъ, но охотно слушала и наединѣ, и при своемъ мужѣ, и въ присутствіи своего сына о патріотическихъ чувствахъ Сальватора, объ его ненависти къ притѣснителямъ отечества, о надеждахъ на лучшее будущее. Съ замирающимъ сердцемъ слушала въ такихъ случаяхъ Мазаніелло живописца, и на лицѣ его можно было прочесть, что и онъ начинаетъ жестоко ненавидѣть испанцевъ! Еще раньше онъ постоянно съ большимъ вниманіемъ прислушивался, когда заходила рѣчь о томъ, что со времени испанскаго господства отлетѣло счастье его родины. Все его фантазіи о морскихъ короляхъ, владычествовавшихъ нѣкогда на берегу Амальфи и совершившихъ геройскіе подвиги, относились къ тому времени, когда испанцевъ въ Италиі еще не было. Глаза Мазаніелло загорались огнемъ, а кулакъ сжимался, когда высокочтимый человѣкъ, постоянно дружески расположенный къ нему, изливалъ свою ненависть къ чужеземнымъ притѣснителямъ.

Мазаніелло давно уже сталъ помогать отцу на рыбной ловлѣ; рано развившійся, сильный мальчикъ не только презиралъ опасности, но и оказался проворнымъ и ловкимъ во всемъ, что касалось рыбной ловли. Сальваторъ Роза очень часто сожалѣлъ, что не могъ сообщить подроставшему мальчику хоть кой-какихъ познаній, хотя это было бы для сына простого рыбака излишней роскошью; кромѣ того, живая и дѣятельная натура мальчика не могла бы совмѣстить школьныхъ занятій съ рыбацествомъ и, слѣдовательно, всякія старанія были бы бесплодны. Въ тѣ времена грамотности обучали монахи; если народъ высоко чтилъ и любилъ братьевъ францискан-

цевъ, свѣдущихъ по многимъ вопросамъ, то все-таки никому не удавалось самому научиться грамотѣ или вкусить плодовъ какой-либо иной науки.

Сальваторъ часто наслаждался дружбой между Мазаниелло и маленькой Берardiniой. Дѣти были слишкомъ наивны и откровенны, чтобы подозрѣвать, что между ними есть нѣчто, могущее обращать на себя постороннее вниманіе. Чѣмъ больше мужалъ Мазаниелло, тѣмъ угрюмѣе и небрежнѣе относился онъ къ своей ма-

Шарлатанскій магазинъ Скаратулиса въ Амальфи.

ленькой пріятельницѣ, которая, однако, не остывала въ своей привязанности и проводила часть времени не у своего отца, а у родителей Мазаниелло. Послѣдній не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не терпѣлъ, чтобы она играла съ другими мальчишками. Когда они оставались наединѣ, казалось, что были въ ссорѣ; онъ непременно настаивалъ, чтобы Берардина бросила капризы и умствованья, но если кто-нибудь думалъ перечить дѣвушкамъ онъ горячо вступался за нее и защи-

щаль до послѣдней возможности. Дѣтямъ не приходило въ голову сравнивать, есть ли кто-нибудь красивѣе среди ихъ товарищей и подругъ; ни въ томъ, ни въ другомъ не пробуждалось сознательнаго нѣжнаго чувства, ибо они относились другъ къ другу какъ-то инстинктивно, но ихъ дружба казалась вѣчной на всю жизнь.

Имъ истоянно угрожала опасность разлуки, ибо непосѣдливый Маттео опять задумалъ перемѣнить мѣсто жительства; въ своихъ постоянныхъ поискахъ за счастьемъ онъ уже намѣтилъ себѣ новый городокъ. Это былъ городокъ Террацина, при заливѣ того же имени, служившій постоянно станціей для ѣдущихъ изъ Рима въ Неаполь. Это переселеніе возбудило много толковъ; Берардина тоже неоднократно рассказывала родителямъ Мазаниелло о планахъ своего отца, но ни они, ни мальчикъ не могли себѣ представить, чего стоила Берардинѣ эта разлука и какъ перемѣнятся ихъ обоюдныя отношенія.

Намѣреніе Маттео окрѣпло и созрѣло вслѣдствіе совершенно случайныхъ обстоятельствъ. Въ одинъ прекрасный день пріѣхалъ въ Амальфи уже извѣстный здѣсь аптекаръ и чудодѣй Скаратулисъ на своей фурѣ съ разными лекарствами, но на сей разъ въ сопровожденіи стройной дѣвушки съ блѣднымъ лицомъ и большими выразительными глазами. Онъ остановился у Маттео и затѣмъ разѣзжалъ по окрестностямъ, продавая по деревнямъ свои микстуры, мази и напитки. По обычаю подобныхъ походныхъ шарлатановъ, фура съ боковъ открывалась и продавецъ помѣщался внутри ея. Въ то время какъ старикъ, стоя въ фурѣ, выхвалялъ свои лекарства, дѣвушка заботилась о мулѣ и давала необходимыя наставленія при употребленіи лекарствъ. Вечеромъ они возвращались въ гостинницу, гдѣ происходили длинные разговоры между Скаратулисомъ и Маттео. Между тѣмъ блѣдная спутница аптекаря познакомилась съ Берардиной, и вскорѣ между ними завязалась такая искренняя дружба, что Берардина часто не находила даже времени посѣщать родителей Мазаниелло и молча смотрѣла на сердитаго мальчика. Мазаниелло сначала, казалось, не обращалъ на это вниманіе, но потомъ онъ еще больше надулся на Берардину, ругалъ стараго Скаратулиса и тайно намекалъ, что онъ уже давно его ненавидитъ. Затѣмъ по временамъ, вечеромъ, онъ сталъ похаживать около гостинницы Маттео, чего прежде не бывало, и когда мать Берардины замѣтила его и позвала, онъ даже зашелъ въ бесѣдку передъ домомъ, въ которой сидѣла его маленькая приятельница съ блѣднымъ чужимъ юношей. Послѣдній совѣтъ не понравился Мазаниелло, и онъ едва удержался, чтобы не сказать ему въ глаза, что онъ весьма мало походитъ на мальчика; при этомъ Мазаниелло ужасно хотѣлось показать, что значить парадюжихъ кулаковъ. Онъ отказывался понимать, какъ могъ понравиться Берардинѣ этотъ болванъ, и вознамѣрился при случаѣ растолковать ей это основательно.

Но, къ сожалѣнію, этого случая не представлялось, ибо на морѣ было очень много работы; Мазаниелло долженъ былъ забыть о своихъ намѣреніяхъ, а то отецъ, пожалуй, выбранный и еще накажетъ его за разсѣянность.

Между тѣмъ Скаратулисъ покончилъ въ окрестностяхъ свои гешефты, и такъ какъ планы, о которыхъ онъ сталкивался съ Маттео, не могли быть сейчасъ приведены въ исполненіе, то старый чудодѣй опять отправился съ своей спутницей странствовать для врачеванія крестьянъ въ другихъ мѣстахъ.

Когда Мазаниелло узналъ, что старикъ съ своимъ влюбчивымъ мальчишкой уѣхалъ, онъ опять почувствовалъ себя господиномъ и ни съ того, ни съ сего началъ упрекать Берардину за ея пристрастіе къ блѣдному помощнику Скаратулиса. Къ его удивленію, Берардина размѣялась, и когда онъ, разсерженный, въ отвѣтъ на ея смѣхъ повернулся и хотѣлъ идти, она весело позвала его и открыла, что мнимый аптекарскій помощникъ была дѣвушка, дочь Скаратулиса, по имени Серпа; въ этомъ костюмѣ ей удобнѣе и спокойнѣе сопровождать отца въ его странствіяхъ, такъ какъ они покинули свое постоянное мѣстожителства въ Байѣ и болѣе не вернутся туда. Отъ такого замѣчательнаго открытія у Мазаниелло вся кровь хлынула въ голову. Онъ не зналъ — устыдиться ли ему своихъ нелѣпыхъ подозрѣній, или сознаться — это ему въ первый разъ пришло въ голову — что онъ самъ былъ слишкомъ молодъ и горячъ; Мазаниелло ясно понялъ, что измѣну Берардины онъ принялъ бы гораздо холоднѣе, еслибы зналъ, что блѣдный спутникъ аптекаря — дѣвушка.

Съ этого времени его отношенія къ Берардинѣ существенно измѣнились. Онъ былъ съ ней менѣе вспылчивъ и грубъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе застѣнчивъ. Когда Мазаниелло случалось коснуться ея руки или въ разговорѣ всмотрѣться въ ея глаза, имъ овладѣвало какое-то особенное смущеніе, переходившее и на Берардину; постепенно ихъ отношенія пріобрѣтали новый характеръ. При разговорахъ о переселеніи Маттео изъ Амальфи въ Террацину, Мазаниелло подробно разузналъ, какъ далеко ѣхать туда по водѣ и какой дорогой. Такъ какъ и снѣгоръ Сальваторъ вскорѣ покинулъ монастырь и Амальфи, — дѣятельной, энергичной натурѣ мальчика сдѣлалось на родинѣ окончательно не по себѣ.

Сальваторь Роза несетъ усталую
Корнелію черезъ горный лѣсъ.

XI.

Вертепъ бандитовъ.

ОЛГОЕ время горная страна Абруццовъ была во всякомъ случаѣ замѣчательной мѣстностью, не только по своей дикой дѣвственной красотѣ, но особливо еще потому, что черезъ нее пролегла дорога, соединявшая между собой сѣверную и южную Италію. Очень естественно, что поэтому въ Абруццахъ бандиты и разбойники свили себѣ притонъ, получивъ здѣсь правильную организацію, хотя это можетъ показаться страннымъ. Хотя смѣшно говорить, что бандиты и мошенники предъ своими разбойничьими набѣгами молятся о помощи святымъ и носятъ на груди освященныя медали, или что великіе поэты и художники, чье имя или произведенія извѣстны имъ, беспрепятственно или даже подъ ихъ охраной совершаютъ свой путь, — но все это, однако, совершенная правда; ибо разбойники считали, что они также въ правѣ совершать свои грабительскіе набѣги, какъ въ средніе вѣка нѣмецкіе рыцари-разбойники при своихъ грабежахъ бывали иногда честными и богобоязненными людьми, но увѣренными въ своемъ правѣ насильно

получать пошлину съ купцовъ, проѣзжавшихъ мимо ихъ замковъ. Если члены этой нѣмецкой рыцарской разбойничьей корпораціи считали для себя позорнымъ заниматься какимъ-нибудь ремесломъ, а охотнѣе предавались грабежу и разбою, то также поступали и бриганты итальянскіе, не желавшіе жертвовать своей личной свободой и охотнѣе предпочитавшіе обыкновенному, мирному труду—кинжалъ и ножъ. Разумѣется, при такихъ воззрѣніяхъ въ чело-вѣческомъ обществѣ никогда не можетъ быть порядка, ибо кто предъявляетъ права, долженъ исполнять и обязанности, и поэтому блюстители закона строго преслѣдовали разбойниковъ этой категории, стараясь силою положить конецъ ихъ продѣлкамъ. Какъ средневѣковой рыцарь-разбойникъ прославился воровствомъ и убій-ствомъ, такъ и въ болѣе близкое къ намъ время прославился итальянскій бандитъ, ибо какъ тамъ, такъ и здѣсь существовало мнимое право брать силою все, что только можно. Только такъ называемые Брови (или бандиты), которые нанимались для убійства, были презираемы народомъ. Въ основѣ бандитства лежалъ своего рода социаль-демократическій принципъ, ибо люди брали, по ихъ мнѣнію, то, что имъ слѣдовало и то, что было отъ нихъ несправедливо отнято.

Само собой разумѣется, въ такихъ взглядахъ лежали зародыши общественной порчи и разрушенія, ибо чело-вѣческая натура склонна къ лѣни и охотно пользуется всякимъ предлогомъ отлы-нять отъ работы. И особенно это прививается въ южныхъ стра-нахъ, гдѣ и такъ горячій темпераментъ при всякой ссорѣ пускаетъ въ ходъ ножъ.

Въ Абрुццахъ ютились разбойники, нападавшіе на фуры и караваны съ товарами, — на остальныхъ же дорогахъ въ Италиі, именно вблизи большихъ городовъ, проживало множество банди-товъ, которые занимались своимъ ужаснымъ ремесломъ не только съ величайшей дерзостью, но и съ излишней жестокостью. Здѣсь собрались всякіе подонки, всякій сбродъ и сволочь, и всѣ рабо-тали очень дружно и согласно.

И въ этомъ направленіи испанское господство принесло печальные плоды, ибо многіе молодые люди, убѣгая отъ ненавист-ной военной службы или вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ при-чинъ, поступали въ шайки бандитовъ, такъ что векорѣ за воро-тами Неаполя стало опасно просто прогуливаться. Сдѣлалось, такъ сказать, формальной обязанностью ловить людей, подкарауливать ихъ въ потаенныхъ мѣстахъ, угрожать смертью или увѣчьями и принуждать родственниковъ къ огромнымъ выкупамъ.

Всякое путешествіе, такимъ образомъ, дѣлалось вопросомъ жизни и смерти, и даже въ ближайшія окрестности не ѣздили иначе какъ подъ сильной военной охраной. Когда предписали юной графинѣ Корнелии Мендоца для восстановленія ея расшатаннаго здоровья

переселиться весной на нѣсколько недѣль въ горы, то не только ея отецъ, Тебальдо и вся сопровождавшая ихъ мужская прислуга должны были сильно вооружиться, но, кромѣ того, къ путешественникамъ была назначена для охраны многочисленная военная стража. Подруга Корнелии, донна Инесса Аркосъ, сама видѣла, что перемѣна воздуха была необходима для молодой дѣвушки, и, такимъ образомъ, все было устроено, какъ будто отправлялись близкіе родственники вице-королевской семьи. Безопаснымъ мѣсто-пробываніемъ въ горахъ могъ быть или сильно-укрѣпленный замокъ, или даже крѣпость; съ этой цѣлью и былъ выбранъ горный городъ Аквила, гдѣ можно было найти всѣ удобства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнѣйшую безопасность. Здѣсь было одно правительственное зданіе, очень просторное, а при возвышенномъ мѣстоположеніи города воздухъ былъ гораздо чище и свѣжѣе, чѣмъ въ прелестномъ, но густо-населенномъ Неаполѣ; кромѣ того, съ нѣкоторыми предосторожностями, можно было совершать великолѣпныя прогулки по лѣсамъ и ущельямъ Абруццовъ.

Эти ущелья и лѣса придавали горному хребту необыкновенно романтической, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и опасный характеръ. Въ мѣстности повсюду встрѣчались скрытые притоны и удобныя пещеры, изъ которыхъ совершенно неожиданно могли нападать на неподготовленныхъ путешественниковъ. Вблизи отъ Авилы находилось множество потухшихъ вулкановъ, крутыхъ скалъ съ неприступными безднами; повсюду, однако, была роскошная растительность: на возвышенностяхъ красавались мощные дубы и вязы, по склонамъ горъ тянулись каштановыя лѣса, а въ долинахъ цвѣли цѣлыя рощи маслинъ. Въ глубинѣ горнаго хребта попадались очаровательныя водопады, группы круто-нависшихъ скалъ и тому подобныя прелестныя лѣсные пейзажи. Рѣдко наслаждался этими дикими красотоми человѣческой глазъ, ибо путешественники боязливо прогуливались только по большой дорогѣ и были счастливы, невредимо возвращаясь въ густо-населенныя части этой мѣстности.

Въ силу изложенныхъ обстоятельствъ и произошло, что такія удивительныя и величественныя красоты природы были открыты сравнительно недавно. Вновь обрѣсти этотъ могущественно чарующій міръ могъ только человѣкъ, чей духъ страдалъ раздоромъ съ самимъ собой и со всѣми людьми, въ дико-истерзанномъ сердцѣ котораго потухли вѣра и надежды и которому поэтому было все равно—подставлять ли шею подъ неминуемую опасность или умирать отъ жажды въ пустынѣ; здѣсь отвергнутый геній находилъ себѣ родину и изъ заколдованнаго круга бесплодныхъ сомнѣній переходилъ къ чистому, ясному творчеству. Уже нѣсколько мѣсяцевъ бродилъ Сальваторъ Роза по Абруццамъ. Наскучивъ борьбою различныхъ партій въ Неаполѣ, не поладивъ ни съ собой, ни

съ людьми, неудовлетворенный своимъ творчествомъ и сомнѣвающимся въ своихъ силахъ, онъ ушелъ въ ту ночь подышать ласкающимъ воздухомъ чарующаго залива и, дѣйствительно, долгое время наслаждался несравненными красотами амальфитанской бухты, но потомъ ему наскучили эти благородные греческіе храмы; словно преслѣдуемый фуриями, онъ дѣлался все недовольнѣе, пока, наконецъ, не отправился въ горную страну и не достигъ богатыхъ ущельями лѣсовъ Абруццовъ. Словно по Божескому откровенію онъ понялъ, чего неоставало его страдальческой душѣ. Его своенравная художественная натура нашла здѣсь достойный матеріалъ для гениальныхъ созданій. Съ какой-то невѣдомой силой его охватило стремленіе къ творческой дѣятельности, и сначала онъ началъ заниматься разными эскизами и очерками, чтобы въ деталяхъ изучить окружающую его природу. Его впечатлительная душа вся погрузилась въ этотъ ландшафтъ, сначала исковерканный чудовищными силами природы, а затѣмъ вновь столь характерно возсозданный; его жизнь вдругъ исполнилась огромнаго значенія и содержанія. Всѣ его мысли и желанія умолкали, когда онъ сталъ бродить между этими мощными лѣсными великанами, между ужасными крутыми скалами, могъ все это срисовывать, по своему дѣлая добавленія. Часто случалось ему сбиваться съ дороги, но это ему нравилось, ибо чѣмъ дальше заходилъ онъ въ эти лѣса, тѣмъ больше открывалось ему невѣдомыхъ красотъ этой неисчерпаемо-роскошной страны. Часто онъ принужденъ былъ просить милостыни у вратъ уединенныхъ монастырей и нѣсколько разъ ночевать подъ открытымъ небомъ. Такъ какъ съ нимъ ничего не было, кромѣ одной пары насильнаго платья, папки съ рисунками и лютни, висѣвшей на перевязи черезъ плечо, то онъ не боялся бродившихъ окрестъ разбойниковъ, и со временемъ еще многому отъ нихъ научился. Часто по вечерамъ, когда они сидѣли вокругъ огня, его игра на лютнѣ развлекала дикихъ товарищей, за что они пріютили и охраняли его, служа вмѣстѣ съ тѣмъ натурщиками для оживленія ландшафта. Такимъ образомъ онъ знакомился съ ними все ближе и ближе, и порой его отравленная душа забывалась въ ихъ дикомъ кругу, враждовавшемъ съ цивилизованнымъ обществомъ. Изрѣдка онъ замѣчалъ группы испанскихъ солдатъ, аванпосты которыхъ расположились неподалеку отъ большой дороги.

Привыкнувъ къ скитальческой жизни, онъ жаждалъ все новыхъ и новыхъ впечатлѣній,—и вотъ его таланту открылся цѣлый своеобразный міръ. Сальваторъ такъ уже успѣлъ сблизиться съ горными обитателями, что зналъ въ подробностяхъ всѣ ихъ планы и тайныя намѣренія. Разбойничья жизнь была на столько не прихотлива, что они могли безбѣдно существовать: лѣса изобиловали дичью, а роскошная природа услужливо и щедро разсыпала свои

дары въ видѣ каштановъ, маслинъ и другихъ фруктовъ. Отъ времени до времени счастливый набѣгъ доставлялъ разбойникамъ деньги или товары, которыми покрывались другія воищюція нужды; послѣ удачныхъ грабежей устраивались пиры на весь міръ, на которыхъ всѣми любимый живописецъ услаждалъ общество игрой на лютнѣ.

Въ новолуніе развѣдчики принесли вѣсть о прибытіи одного знатнаго и богатаго испанскаго дворянина съ семействомъ и многочисленной свитой, который хотя и остановился въ укрѣпленномъ замкѣ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, часто будетъ совершать въ окрестностяхъ прогулки. Постепенно эта вѣсть распространялась все шире и шире. Въ городѣ имѣли связи и разузнали все, что хотѣли узнать. Сначала говорили, что это пріѣхалъ и остановился въ Аквилѣ самъ вицекороль съ своей больной дочерью, для которой необходимо горный воздухъ; но вскорѣ выяснилась ошибочность такого предположенія. Такимъ образомъ опасность при могущемъ случиться нападении казалась не столь великой. Между бандитами достаточно было какъ людей осторожныхъ, такъ и безразсудно смѣлыхъ, легкомысленныхъ. Много и часто толковалось насчетъ обстановки и богатства знатнаго испанца, но вскорѣ эти толки оказались бесплодными, ибо прогулки, предпринимаемыя избраннымъ обществомъ въ окрестностяхъ, совершались постоянно подъ охраной военной стражи, во главѣ съ офицерами, и, такимъ образомъ, не могло быть и рѣчи объ открытомъ нападении на нихъ.

Поэтому, спустя нѣкоторое время, интересъ бандитовъ къ испанцамъ значительно поостылъ. Бандиты, ничего такъ не боясь, какъ вооруженной военной силы, близко не подходили къ городу и вообще не показывали виду, что они знаютъ о прибытіи гостей. Таксе поведеніе успокоительно подѣйствовало на испанцевъ, которые были склонны считать опасность отъ бандитовъ сильно преувеличенной.

Больше всего было подстрекаемо любопытство двухъ молодыхъ людей. Дѣло дошло до того, что Корнелія, наслушавшись рассказовъ о разбойникахъ, въ шутку объявила Тебальдо о своемъ желаніи взглянуть на этихъ страшныхъ людей и даже совершить съ этою цѣлью прогулку въ горы. Напрасно Тебальдо предостерегалъ отъ такихъ желаній, исполненіе которыхъ могло бы повести къ несказаннымъ бѣдствіямъ: Корнелія, здоровье которой отъ цѣлительнаго горнаго воздуха значительно окрѣпло, такъ что къ ней опять вернулись ея прежніе капризы, подтрунивала надъ товарищемъ дѣтства и говорила, что онъ боится даже встрѣчи съ бандитами. Она и не скажетъ ему, если ей какъ-нибудь вздумается совершить прогулку въ горы одной. Это была, конечно, шутка, но и на самомъ дѣлѣ она охотно бы взглянула на живописную группу разбойниковъ, если бы только можно было наблюдать этихъ ужас-

Возвращение бандитовъ въ свой вертепъ.

ныхъ, дикихъ животныхъ со всёми ихъ странностями изъ какого-нибудь безопаснаго мѣста.

Мало-по-малу молодые люди начали рисковать прогуливаться въ окрестностяхъ города подъ совѣмъ ничтожной охраной. Тебальдо въ такихъ случаяхъ бралъ съ собой лютню, они останавливались на какомъ-нибудь особенно красивомъ мѣстѣ и наслаждались то музыкой, то созерцаніемъ дивнаго пейзажа. Графъ, правда, неохотно соглашался на эти прогулки, но Корнелія желала хоть разъ поставить на своемъ, и заботливый отецъ долженъ былъ согласиться, принявъ, однако, тайно мѣры, чтобы на случай опасности помощь всегда была подъ рукой.

Эти экскурсіи были замѣчены поселянами, а чрезъ нихъ сдѣлались извѣстны и другимъ людямъ. Вообще не было большой разницы между мирными поселянами и воинственными бандитами. Встрѣчались люди, раньше, въ теченіе долгаго времени, знакомые съ ружьемъ и кинжаломъ, рѣзавшіе проѣзжихъ и прохожихъ, а теперь, живучи семействомъ мирно, обрабатывавшіе землю. Разбойничья жизнь не считалась ни преступленіемъ, ни позоромъ; каждый горный житель считалъ низостью доносить властямъ на друга или земляка, занимавшихся разбоемъ; напротивъ того, существовалъ даже прочный уговоръ, въ силу котораго подобный предатель непременно долженъ былъ быть убитъ самими разсерженными товарищами.

Желая повидать какъ-нибудь разбойниковъ, Корнелія не находила ничего удивительнаго, когда неподалеку отъ нихъ собиралась толпа праздныхъ поселянъ, мужчинъ и женщинъ, — разглядывала ихъ и прислушивалась къ игрѣ на лютнѣ. Эти мужчины, въ ихъ допотопныхъ одѣянiяхъ, въ курткахъ изъ бараньяго мѣха и въ остроконечныхъ, сшитыхъ изъ лентъ шляпахъ, въ примитивной обуви, — эти женщины, въ пестрыхъ юбкахъ и странныхъ головныхъ платкахъ — были совѣмъ почти неизвѣстны населенію Неаполя. Эти горные жители въ праздничное время, именно наканунѣ Рождества, приходили по нѣсколко человекъ вмѣстѣ въ городъ, наигрывая разнообразныя мотивы на своихъ свирѣляхъ и волынкахъ. Корнелія наблюдала, какъ они пахутъ свои поля, пасутъ въ горахъ овецъ и козъ, какъ вообще ведутъ скромную жизнь въ своихъ простыхъ хижинахъ. Бандиты, думала Корнелія, должны выглядѣть иначе, и хотя Тебальдо, послѣ всего перенесеннаго въ дѣтствѣ, меньше былъ склоненъ вѣрить въ добрыя нравы обитателей Абруццъ, все-таки не могъ поколебать довѣрчивости Корнеліи и ему даже не хотѣлось разочаровывать ее въ якобы простодушіи и безпечной веселости этихъ въ сущности дикарей.

Эти невинныя наслажденія природой и наблюденія надъ нравами жителей должны были кончиться весьма печально. Безпечно предовались молодые люди своимъ развлеченіямъ, не замѣчая, какъ

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ <НОВАГО ВРЕМЕНИ>

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- Абрагамсонъ, А.** Уравнильные при-
боры на желѣзнодорожныхъ мостахъ. Съ
чертежами. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р.
- Аверьяновъ, Н.** Опытъ художественной
критики. Сочиненія Н. С. Тургенева:
Рудинъ и Затишье. М. 1889 г. Ц. 28 к.
- Анты**, относящіяся къ исторіи южной
и западной Россіи. Собран. и издан. ар-
хеографической комиссіей. Т. XIV. Спб.
1889 г. Ц. 2 р.
- Александровъ, Викторъ.** Для сены. Сбор-
никъ пьесъ. Т. VIII. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Альбомъ** копій съ картинъ русскихъ
художниковъ. Вып. I. М. Ц. 5 р.
- Амбросъ, А. В.** Границы музыки и по-
эзіи. Этюдъ изъ области музыкальной
эстетики. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Андріевичъ, В. Н.** Сибирь въ XIX сто-
лѣтіи. Ч. II. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Анненская, А. Н.** Своимъ путемъ. По-
вѣсти и рассказы для дѣтей старш. во-
зраста. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Архангельская, М. В.** Дѣдушка и внуч-
ка. Составлено по роману Диккенса
«Лавка древностей». М. 1889 г. Ц. 75 к.
- А. Т.** Одиннадцать рассказовъ для дѣ-
тей младшаго и средняго возраста. Съ ри-
сунками. Спб. 1889 г. Ц. 1р. 50 к.
- Балуцкій, М.** Блѣый негръ. Повѣсть.
Переводъ съ польскаго. М. 1889. Ц. 2 р.
- Баронъ.** Система римскаго граждан-
скаго права. Вып. 4-й Кн. V и VI.
Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бобынинъ, В. В.** Карлъ-Фридрихъ Га-
уссъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности,
съ приложеніемъ списка сочиненій. М.
1889 г. Ц. 1 р.
- Богдановъ, И. С.** Канарейка. Ея раз-
веденіе, уходъ и леченіе болѣзней. Спб.
1889 г. Ц. 35 к.
- Бомарше, П. Н.** Трилогія съ характе-
ристикой поэта, составленной А. Н. Ве-
селовскимъ. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Бомштейнъ, И. А.** Карманная книжка,
закрывающая въ себѣ новый законъ о
гербовомъ сборѣ и таксу вознагражде-
нія нотаріусовъ. Минскъ. 1888. Ц. 15 коп.
- Боровиновскій, А.** Уставъ гражданскаго
судопроизводства съ объясненіями по рѣ-
шеніямъ гражд. кассац. департ. Правит.
Сената. Изд. 2-е, переработанное. Спб.
1889 г. Ц. 6 р.
- Gramsen, A. D.-г.** Зубы нашихъ дѣтей
во время ихъ проростанія. Совѣтъ ма-
терямъ. Съ рисунками. Спб. 1889. Ц. 50 к.
- Брандесъ, Р.** Байронъ и его произве-
денія. Изданіе 2-е, пересмотр. съ пре-
дисловіемъ проф. Н. П. Стороженка: «О
вліяніи Байрона на европейскія литера-
туры». М. 1889 Ц. 75 к.
- Брянцевъ, И. Д.** Исторія литовскаго
государства съ древнѣйшихъ временъ.
Вильна. 1889 г. Ц. 4 р.
- Будаевскій, С.** Ариметика. Полный
систематическій курсъ. Изд. 4-е, испр.
Спб. 1889 г. Ц. 70 к.
- Венгеровъ, С. А.** Критико-біографиче-
скій словарь русскихъ писателей и уче-
ныхъ. Вып. 16 и 17. Спб. 1889 г. Ц.
каждаго вып. 35 к.
- Вербловскій, Г.** Движеніе русскаго граж-
данскаго процесса, изложенное на од-
номъ примѣрѣ, Изд. 2-е, пересмотр. и
дополненное. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Вербловскій, Г.** Систем. сборникъ по-
ложеній и извлеченій изъ рѣш. гражд.
кассац. и общ. собранія 1-го, 2-го и
кассац. деп.—въ Пр. Сената за 1883—
1888 гг. по гражданскому праву и судо-
производ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вержбовскій, Ѡ.** Проф. Двѣ кандидату-
ры на польскій престолъ Вильгельма изъ
Розенберга и эрцгерцога Фердинанда
1574 — 1575. По неизданнымъ источни-
камъ. Варшава. 1889. Ц. 4 р.
- Вержбовскій, Ѡ.** За тридцать лѣтъ. Би-
бліографическій указатель научныхъ тру-
довъ, диссертаций, статей и рецензій. Вар-
шава. 1889 г. Ц. 50 к.

- В. Л.** Вопросъ объ улучшеніи Днѣстра. Спб. 1889 г. 60 к.
- Владимирскій-Будановъ, М.** Христоматія по исторіи Русскаго права. Вып. III. Изданіе 3-е. Кіевъ. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Винбергъ, В. Н.** Практическое руководство виноградарства и винодѣлія. Изд. 2-е, исправл. и доп. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вишняковъ, Е. П.** Примѣненіе фотографіи въ путешествіи. Спб. 1889. Ц. 30 к.
- Воропаевъ, П. И., д-ръ.** Основы теоріи образованія физическихъ тѣлъ природы (научно-философ. этюдъ). Спб. 1889. Ц. 30к.
- Гвоздевъ, И. О.** Самоубійствѣ съ социальной и медицинской точекъ зрѣнія. Казань. 1889 г. Ц. 40 к.
- Henderson, проф.** Алюминій, способъ его производства и примѣненіе въ практикѣ. Съ примѣчаніями А. В. Дамскаго. Спб. 1889. Ц. 30 к.
- Георгиевскій, С. Графъ Н. Толстой и „Принципы жизни Китая“.** Спб. 1889. г. Ц. 50 к.
- Гейденштейнъ, Р.** Записки о Московской войнѣ (1578—1582). Переводъ съ латинскаго. Изданіе Археологической комиссіи. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Глазенавъ, С. П.** Петровская экспедиція для наблюденія полного солнечнаго затмѣнія 18-го августа 1887 г. Спб. 1888. Ц. 50 к.
- Грязновъ, Ф.** Повѣрка и веденіе занятій въ кавалеріи. Спб. 1889. Ц. 1 р. 75 к.
- Густавсонъ, проф.** Двадцать лекцій агрономической химіи. Изд. 2-е. М. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Гурляндъ, Я.** Юридическій лексиконъ. Т. III. Вып. 8-й. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гурляндъ, Я.** Тоже. Вып. 9-й Д. и Е. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гюго, Викторъ.** Изъ рѣчей до изгнанія. Изд. 2-е. Спб. Ц. 25 к.
- Дубасовъ, И. И.** Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. 5-й. Исслѣдованіе. Тамбовъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Думасовъ, П.** Воспоминанія о русско-турецкой войнѣ 1877—1878 г. и М. Д. Скобелевъ-форидинарца его. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Европейскіе писатели и мыслители.** Ласаль. Подъ редакціей В. В. Чуйко. Изд. 2-е, доп. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Извѣстія Имп. Общ. Любителѣй Естествозн., Антроп. и Этногр. Т. XLVI.** вып. 4. Зоологическій садъ и акклиматизація. Труды Имп. Общ. Акклим. животн. и растений. Т. II. Отдѣленіе пчеловодства. Вып. 3. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Извѣстія Имп. Общ. Любит. Естествознанія, Антроп. и Этногр. Т. LXI.** Труды Этнограф. отдѣла. Кн. IX. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I. М. 1889. Ц. 2 р.
- Извѣстія Имп. Общ. Любит. естествозн., Антроп. и Этногр. Т. LXII,** вып. 2-й. Московскій музей прикладныхъ знаній. Воскресныя объясненія коллекцій. М. 1889 г. Ц. 1 р.
- Имеретинскій, Н. К., князь.** Проказники. Преданія и были. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- *) Карамзинъ, Н. М.** Исторія государства Россійскаго. Томъ второй. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.
- Карвасовскій, И. А. д-ръ.** Нормальная кухня и діета. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Карповъ, И.** Руководство къ изученію практической фотографіи. Для начинающихъ. Изд. 2-е. Спб. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Кауфманъ, Н.** Московская флора или описаніе высшихъ растений и ботанико-географической обзоръ Московской губ. Изд. 2-е, испр. и доп. подъ редакц. П. Маевского. М. 1889. Ц. 3 р.
- Нирьякова-Севастополо.** Старое и новое. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1889. Ц. 2 руб.
- Коппе, Франсуа.** Якобиты. Драма. Переводъ А. Стѣпанова. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Котельниковъ, В. Г.** О воздѣлываніи хлѣбовъ. Изд. 3-е, исправл. и дополнен. Спб. 1889 г. Ц. 35 к.
- Кривошеинъ, А. К.** Двѣ записки объ элеаторахъ. Изданіе 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 30 коп.
- Кудряцевъ, Н. Г.** Для домовладѣльцевъ города С.-Петербурга. Спб. 1889. г. Ц. 2 р. 50 к.
- Лавровъ, М. И.** Сочиненія. М. 1869 г. Ц. 2 р.
- Леонардъ, Н.** Въ Парижъ на выставку! Путеводитель по Парижу, его окрестностямъ и всемірной выставкѣ 1889 г. Спб. Ц. 75 к.
- Лукашевичъ, С. Б.** Курсъ отопленія и вентилляціи, преподаваемый въ институтѣ гражд. инженеровъ. 2-е. испр. и перераб. изданіе. Съ атласомъ. Спб. Цѣна съ атласомъ 7 р.
- Мантегацца, П.** Физиологія наслажденій. Переводъ съ 9-го италіянскаго изданія. М. 1889 г. Ц. 3 р.
- Мантегацца, П.** Счастье и трудъ. Переводъ съ 2-го италіянскаго изданія. Спб. 1889. Ц. 75 к.
- Марнова, М.** Канарейка въ неволѣ. Руководство къ содержанію, прирученію, разведенію и леченію болѣзней канарейки. Спб. 1889 г. Ц. 80 к.
- *) Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ).** Лейтенантъ Бѣлоторъ (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

- Масляниковъ, К. И.** Елецкій земскій хлѣбный складъ элеваторъ и его операціи. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Матеріалы** по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губ. Вып. V. Крестьянское хозяйство въ Петербургскомъ уѣздѣ. Ч. 2-я Спб. 1887. Ц. 1 р. 50 к.
- Томе.** Вып. VI. Крестьянское хозяйство въ Лужскомъ уѣздѣ. Ч. I, Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Томе.** Вып. IX. Частновладѣльческое хозяйство въ Ямбургскомъ уѣздѣ. Спб. 1888 г. Ц. 50 к.
- Томе.** Вып. X. Частновладѣльческое хозяйство въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Медвѣдскій, Н. П.** Стихотворенія. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Медебень, Г.** Руководство къ теоретическому, практическому и военному воздухоплаванию. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- М—ій, Н.** Краткій конспектъ по общей паталогіи. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ).** Изъза власти. Историческій романъ-хроника. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- Михеевъ, В. М.** По хорошей веревочкѣ (по хорошей дорожкѣ). Народная комедія изъ сибирской жизни. М. 1889 г. Ц. 20 к.
- Муравьевъ, Н. В.** Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. Т. I. М. 1889 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Назарьева, Н. С.** Скорбный путь. Романъ въ 2 част. Изд. 2-е Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Николаевъ, Л.** Абиссинская миссія архимандрита Памсія и Н. И. Ашанова. Разсказъ участника экспедиціи. Одесса 1889 г. Ц. 40 к.
- Н. Стихи.** Тамбовъ. 1889 г. Ц. 50 к.
- Никитинъ, И. С.** Сочиненія, съ его портретомъ, fac-simile и биографіей. 2 т. Изд. 5-е. М. 1889 г. Ц. за 2 т. 4 р.
- Ноткинъ, С.** Фальсификація пищевыхъ продуктовъ и домашніе способы распознаванія ея. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Обозрѣніе** историческихъ свѣдѣній о своѣдѣ законовъ. Издано одесскимъ юридич. Общ. въ память пятидесятилѣтія дня смерти графа М. М. Сперанскаго. Одесса. 1889 г. Ц. 40 к.
- Оствальдъ, В.** О растворахъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Павловскій, А. А.** Вагонный вопросъ въ Россіи (экономическо-техническій эскизъ). Витебскъ. 1889 г. Ц. 75 к.
- Пановъ, И.** Чужая вина. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Папковъ, А. А.** Невольничество у мадьяръ. Изд. 2-е 1889 г. Ц. 20 к.
- Пастерь, Луи.** Исторія одного ученаго. Перев. съ 10-го франц. изданія подъ редакц. д-ра Н. Ф. Гамалѣи, съ предисл. И. И. Мечникова. Одесса. 1889. Ц. 1 р. 60 к.
- Перфильевъ, М. О.** О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- PIERSON, R. H. D.-г.** Компендіумъ нервныхъ болѣзней. Перев. подъ ред. проф. П. И. Ковалевскаго. Харьковъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Полное** солнечное затмѣніе 7-го (19-го) августа 1887 г. Отчетъ экспедиціи Русскаго Физико-Химическаго Общества и корреспонденціи, полученныя Обществомъ изъ полосы полного затмѣнія. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Полушинъ, С.** Рыбачья вольница и ея подвиги. Современная картина донскаго рыболовства. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Пономаревъ, Д. С.** Подробн. систем. указатель книгъ, рассмотрѣн. ученымъ комитет. минист. народн. просв. съ 1852 по 1888 г. и одобрен. для употребл. въ разныхъ учебн. завед. Харьковъ 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Поповъ, Н. М.** Д-ръ. Сутяжное сумашествіе. Опытъ клиническаго изслѣдованія. Варшава. 1889 г. Ц. 1 р.
- Поповъ, Б. Н.** Стихотворенія. М. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Пороховицниковъ, А.** Россія наканунѣ XX столѣтія. Вып. I. М. 1889 г. Ц. 85 к.
- Потто, В. А.** Штурмъ Ахальпыха 15-го августа 1828 г. Спб. 1889 г. Ц. 10 к.
- Преженцовъ, Я.** Государственное ополченіе. Историческій очеркъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Прейеръ, В.** Объясненіе чтенія мыслей, съ описаніемъ новаго приѣма для доказательства произвольныхъ движеній. М. 1889 г. Ц. 80 к.
- Программы** и наставленія для наблюдений и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, зоологіи, ботаники и сельскому хозяйству. Изданіе 2-е, измѣн. и дополн. Спб. 1889 г. Ц. 75 к.
- Пузыревскій, А.** Русская армія передъ войной 1875—1878 г. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Путеводитель** по Парижу и всемірной выставкѣ. Спб. 1889 г. Ц. 75 к.
- Путеводитель** на водопадъ Кивачъ. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.
- Путешествіе** по святымъ мѣстамъ русскимъ. Ч. II. Изд. 6-е. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Реймеръ, Ю.** Наставленіе объ оплатѣ гербовымъ сборомъ счетовъ, квитанцій, накладныхъ и т. п. документовъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1888 г. Ц. 20 к.

- Ремонтная книжка для домовладельцевъ и архитекторовъ.** Спб. Ц. 60 к.
- Реньяръ, П. Д-ръ.** Умственные эпидеміи (Les maladies epidemiques de l'esprit). Историко-психіатрическіе очерки. Съ 110 рисунками и статей д-ра В. О. Португалава „Повальная чудачества“. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Рише, Ш.** Опытъ общей психологіи. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Роте, Л.** Сѣти для изготовленія картонныхъ моделей кристалловъ. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.
- Рудзскій, А.** проф. Краткій очеркъ исторіи льсоустройства. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Русская историческая библиотека,** издаваемая Археографической комиссіею. Т. XI. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Свѣдѣнія о ви́ншей торговлѣ по Европейской границѣ за 1888 г.** Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Семеновъ, П. Н.** Биографическіе очерки сенаторовъ по матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ. М. Ц. 1 р. 75 к.
- Слонимскій, Л. З.** Основные вопросы политики. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Современная Россія.** Очерки нашей государственной и общественной жизни. Спб. 18-9 г. Ц. 2 р.
- Созоновичъ, И.** Очеркъ средневѣковой нѣмецкой эпической поэзіи и литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ. Варшава. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Созоновичъ И.** Изученіе ново-греческой народной поэзіи. Варшава 1889. Ц. 15 к.
- Срезневскій, В.** Справочная книжка фотograфа. Изд. 3-е, исправл. и знагит. дополн. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 85 к.
- Срезневскій, Б.** Нѣкоторыя указанія относительно пользованія метеорологическими картами, помѣщаемыми въ газетахъ. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 25 к.
- Студенскій, Н. И.,** проф. Оперативная хирургія. Казань. 1888 г. Ц. 3 р.
- Тонарскій, Н. Д.** Сводъ извлеченій изъ желѣзнодорожныхъ уставовъ и собраніе рѣшеній Сената по предмету желѣзнодорожной перевозки. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Толоконниковъ, К. С.** Программа и уставы православныхъ духовныхъ училищъ. М. 1889 г. Ц. 30 к.
- Трахтенбергъ, Г. М.** Алфавитный указатель вопросовъ разрѣшенныхъ уголовнымъ кассацион. и общимъ собраніемъ кассацион. департаментовъ Прав. Сената. 1878—1888 гг. Изд. 4-е. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Тысяча одна ночь.** Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. В. Дюпелльмайеръ. Съ 226 рисунками. М. 1889 г. Ц. 3 р. 15 к., на венев. бум. 3 р. 50 к.
- Фаминцынъ, Ал. С.** Древняя индо-китайская гамма въ Азіи и Европѣ. Музыкально-этнографическій этюдъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федотовъ, Н.** Путеводитель по дачнымъ мѣстностямъ, водолечебнымъ заведеніямъ и морскимъ купаньямъ. Съ картинками, рисунками и др. приложениями. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Филипповъ, М. М.** Осажденный Севастополь. Историческій романъ, съ рисунками К. О. Брожа. Спб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.
- Хрущовъ, А. П.,** генераль-адъютантъ. Записки. Исторія обороны Севастополя. Изд. 3-е. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Цытовичъ, Н.** Обзоръ ученій о предпринимательн. прибыля. Кіевъ 1889. Ц. 2 р.
- Черновъ, С. Мамаевъ, А. Крузе и А. Михайловичъ.** Простые корчевальные снаряды. Съ рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 45 к.
- * **Чеховъ, Антонъ.** Въ сумеркахъ. Очерки и рассказы. Изд. 3-е. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Шершеневичъ, Г. Ф.** Курсъ торговаго права. Т. I. Право матеріальное. Вып. 6-й. Казань. 1889 г. Ц. 50 к.
- Шесть убійствъ на морѣ.** Дѣло Яна Умба (судебный отчетъ). Спб. 1889 г. Ц. 20 к.
- * **Штинде, Ю.** Госпожа Бухгольцъ на Востокъ. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Экземплярскій, А. В.** Угличскіе владѣтельные князья. Ярославль. 1889. Ц. 40 к.
- Юрьевъ, Вл. (Дрентельнъ).** Стихотворенія. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ясинскій, I.** Стихотворенія. 2-е изданіе. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фундидъ.** Исторія Пелопоннесской войны. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Т. I, кн. 1-я. Съ примѣчаніями. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

на сооруженіе въ Москвѣ памятника

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому гениальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генераль-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ первому декабря 1888 года къ казначею Общества поступило пожертвованій 30.432 руб. 24³/₄ коп.

Пожертвованія принимаются въ конторѣ журнала «Историческій Вѣстникъ» Невскій, 38, при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ
„ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнечкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

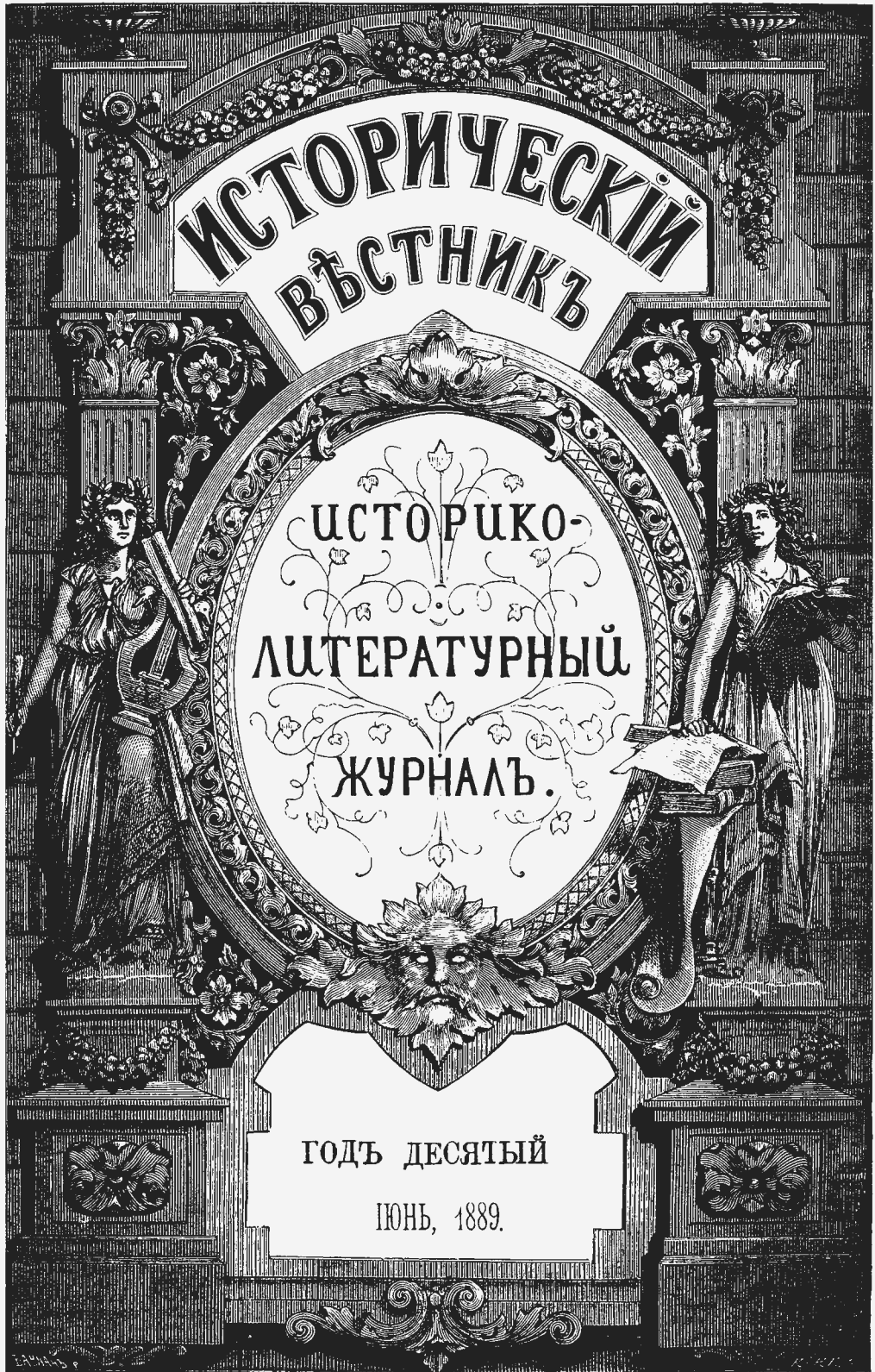
Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЪЛЪВЪ ПЕР., Д. 11—2

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

ЮНЬ, 1889.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЮНЬ, 1889 г.

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышь. (Историческій романъ). Гл. XXV — XXVIII. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса	513
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. XI и XII. (Продолженіе).	531
III. Природа и человекъ въ Средней Азій. Гл. V—VIII. Н. В. Сорочкина	562
IV. За кулисами стараго театра. XI. Крѣпостные музыканты на службѣ дирекціи театровъ. (Продолженіе). Е. Н. Опочинина	597
V. Одесса и Пушкинъ. А. Н. Киричникова	624
Иллюстрація: Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.	
VI. Первый Амурскій походъ Н. Н. Муравьева . А. Данилова	642
VII. Ученые труды графа Д. А. Толстого . С. С. Трубочева	653
VIII. Отношенія Гоголя къ матери. А. М. Черницкой	660
IX. Первая русская народная газета. Т. Р. Б.	679
X. Изъ моихъ воспоминаній. К. А. Вороздина	690
XI. Волхвы и ворожеи на Руси, въ концѣ XVII вѣка. А. Н. Труворова	701
XII. Критика и библиографія: И. П. Сениговъ «Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи. В. Н. Татищева ». Москва. 1888. Д. А. Норсакова . — Н. В. Стороженко . Западно-русскіе провинціальныя сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе по архивному матеріалу. Кіевъ. 1888. Н. С. Н. — Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе В. Г. Дружинина . Спб. 1889. С. — Императоръ Николай и иностранныя дворы. Историческіе очерки С. С. Татищева . Спб. 1889. В. З. — А. И. Киричниковъ . Очеркъ исторіи книги. Публичныя лекціи. Спб. 1889. Б. Г. — Фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Бяратинскій. 1815—1879. А. Л. Зиссермана . Москва. 1889. Н. Б. — Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ 5-й. Изслѣдованіе И. И. Дубасова . Тамбовъ. 1889. Б. Г.	716
XIII. Заграничныя историческія новости.	733
XIV. Слѣсъ: Крестьянскій памятникъ Царю-Освободителю въ царствѣ Польскомъ. — Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. — Общество любителей древней письменности. — Комиссія собранія народныхъ обычаевъ. — Археологическое Общество. — Памятникъ перехода черезъ Дунай. — Двадцатипятилѣтіе газеты «Петербургскій Листокъ». — Некрологи: А. Н. Фалецкаго , К. И. Патканова , Н. И. Неронова , В. А. Кокорева , графа Д. А. Толстого , М. Е. Салтыкова , А. П. Орлова	741
<p>ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. 2) Мазаніелло. Историческій романъ Адольфа Глазера. (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. XII—XIII. (Продолженіе, съ двумя рисунками въ текстѣ). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.</p>	

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ).

	стр.
Аракчеевскій подкидышъ. Гл. XVI—XXVIII. (Продолженіе).	
Графа Е. А. Салиаса	5, 257, 513
Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. VIII—XII.	
(Продолженіе).	34, 276, 531
Потревоженныя тѣни. (Изъ одной семейной хроники). Актриса.	
Гл. VI—XVII. (Окончаніе). С. Н. Терпигорева	56
Закулисами стараго театра. VII. Театральная школа въ Петербургѣ. — VIII. Театральный Аристидъ. — IX. Хозяйство театровъ. — X. Членъ репертуарной части Волковъ и директоръ Майковъ. — XI. Крѣпостные музыканты на службѣ дирекціи театровъ. (Продолженіе). Е. Н. Опочинина	92, 340, 597
Годъ на Новой Землѣ. М. С. Робуша	117
Императоръ Николай Павловичъ подъ Черниговомъ. И. Ф. Федорова	152
Фельетонный беллетристъ. (По поводу полнаго собранія сочиненій И. И. Панаева). С. С. Трубачева	160
Иллюстрація: Портретъ И. И. Панаева.	
Исторія сооруженія памятника Ломоносову въ Архангельскѣ. Н. Е. Ермилова	174
Иллюстрація: Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ.	
Общественная жизнь въ Англіи въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Статьи II и III. (Окончаніе). В. Р. Зотова	190, 399
Иллюстраціи: Почтовая карета 1804. — Почтовая фура. — Членъ клуба Four-in-hand 1809 года. — Лондонскіе перевозчики. — Масляный уличный фонарь 1805 года. — Дѣйствіе газоваго освѣщенія. —	

Продавица салата. — «Горячіе пироги! сладкіе пироги!» — Продажа толченого кирпича. — «Кому мышеловокъ?!» — «Гуси! жирные гуси!» — Почтальонъ. — Жанъ де-Бри. — Эксцентрическіе туалеты (карикатура 1806 года). — Моды 1803 года. — Моды 1810 года. — Чтеніе моднаго романа. — Костюмы «невидимокъ». — Бракъ въ Грента-Гривъ. — Вечеръ охотничьяго дня. — Каррикатура Каталани. — Каталани (портретъ). — Вокзалъ 1808 года. — Домашній концертъ. — Вальсъ 1810 года. — Выставка картинъ Морланда. — Мистрисъ Кларкъ, принимающая военныхъ и духовныхъ сановниковъ. — Кающійся герцогъ. — Констебли. — Позорный столбъ.

Византійскій царь на московскомъ престолѣ. П. В. Безобразова.	305
Типы смутнаго времени. II. Рьяный нѣмчинъ. П. Н. Полевого.	322
Воспоминаніе объ императорѣ Николаѣ I. Д. А. Ротштейна.	356
Столѣтіе журнальной дѣятельности Крылова. С. П. Тимоеева.	365
Лейбъ-философъ князя Бисмарка. М. М. Филиппова.	384
Убѣгающій скифъ. (Скульптура Л. В. Позена). (Съ пятью рисунками скифовъ и скифскихъ коней, святыхъ съ निकопольской и кульбобской вазъ въ Эрмитажѣ). Пепо. . .	419
Природа и человекъ въ Средней Азіи. Гл. V—VIII. Н. В. Со рокина.	562
Одесса и Пушкинъ. А. И. Кирпичникова.	624
Иллюстрація: Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.	
Первый Амурскій походъ Н. Н. Муравьева. А. Данилова. . .	642
Ученые труды графа Д. А. Толстого. С. С. Трубачева. . . .	653
Отношенія Гоголя къ матери. А. М. Черницкой.	660
Первая русская народная газета. Т. Р. Б.	679
Изъ моихъ воспоминаній. К. А. Бороздина.	690
Волхвы и ворожеи на Руси, въ концѣ XVII вѣка. А. Н. Тру ворова.	701

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. Ровинскій. Спб. 1886—1889. **С. Ш.** — Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1889. **П. Н. Полевого.** — Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга вторая. Спб. 1889. **Б. Г.—снаго.** — Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Монографія и критическія статьи А. П. Пятковскаго. Въ двухъ частяхъ. Второе дополненное изданіе. Спб. 1888. **С. Тр.** — Д. Л. Мордовцевъ. Историческія проиллы. 2 тома. Спб. 1889. **Б. Г.—снаго.** — **Ө. И. Булгаковъ.** Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго — двадцатипятилѣтіе его художественной дѣятельности. Изданіе **Ө. И. Булгакова** и **А. П. Коломнина.** Спб. 1889. **З.** — Русскимъ ли правительствомъ узаконено иноземное идолопоклонническое ламство въ православной Россіи. **Е. Воронца.** Харьковъ. 1889. По поводу ожидаемыхъ церковно-государствен-

ныхъ преобразованій въ Сибири. Его же. Москва. 1887. Ламскій вопросъ. Его же. Москва. 1888. Существенная историческая справка по ламскому вопросу. Его же. Спб. 1888. С.—Н. П. Кондаковъ. О фрескахъ лѣтницы Кіево-Софійскаго собора. Съ 4-мя таблицами. Спб. 1888. Е. Г.—Виленскій Свято-Духовъ монастырь. Историческое описаніе съ тремя рисунками. Составлено Флегонтомъ Смирновымъ. Вильна. 1888. М. Г—цаго.—Исслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. М. И. Сухомлинова. Томъ второй. Спб. 1889. С. Тр.—А. Незеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Спб. 1889. Е. П.—Библиотека греческихъ и латинскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. III. М. Туллій Цицеронъ. Выпускъ первый. Рѣчи противъ Катилины. Перевелъ съ латинскаго В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Спб. 1888. А. Н.—Стихотворенія А. И. Полежаева съ біографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Изданіе А. С. Суворина, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1889. С. Тр.—Биографіи. Собралъ и дополнилъ А. Ѳ. Селивановъ. Пенза. 1889. В. З.—О Франціи. Статьи проф. В. И. Модестова. Спб. 1889. Б—скаго.—Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. П. Д. Перепелицына. 1888. А. Сиротинина.—Журналы комитета министровъ. Царствованіе императора Александра I. 1802—1826 гг. Т. I. 1802—1810 гг. Спб. 1888. Н. Др.—Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1886 годъ. Спб. 1888. С. Тр.—Монографіи городовъ Сувалкской губерніи, со свѣдѣніями о посадахъ Олита и Кибарты. Соч. И. И. Соневицкаго. Сувалки. 1888. М. Г—цаго.—І. П. Сениговъ. «Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи. В. Н. Татищева». Москва. 1888. Д. Корсанова.—Н. В. Стороженко. Западно-русскіе провинціальныя сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе по архивному матеріалу. Кіевъ. 1888. Н. С. К.—Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе В. Г. Дружинина. Спб. 1889. С.—Императоръ Николай и иностранныя дворы. Историческіе очерки С. С. Татищева. Спб. 1889. В. З.—А. И. Кирпичниковъ. Очеркъ исторіи книги. Публичныя лекціи. Спб. Б. Г.—Фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. 1815—1879. А. Л. Зиссермана. Москва. 1889. Н. Б.—Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ 5-й. Изслѣдованіе И. И. Дубасова. Тамбовъ. 1889. Б. Г. 211, 427, 716

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ. . . 234, 448, 733

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Автографъ князя Бисмарка. 456

СМѢСЬ:

Двадцатипятилѣтіе Педагогическаго музея.—Годовое собраніе Русскаго Антропологическаго Общества.—Новгородскіе курганы.—Отчетъ о дѣятельности Общества улучшенія народнаго труда, по 1-е мая 1888 года.—Конкурсъ на составленіе исторіи Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи. Семисотлѣтняя годовищина великаго князя Георгія Всеволодовича.—Общее собраніе Русскаго Историческаго Общества.—Филологиче-

ское Общество.—Общество любителей древней письменности.—Общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—Возобновленіе Черниговскаго кафедральнаго собора.—Перенесеніе праха полковника Панина.—Крестыянскій памятникъ Царю-Освободителю въ царствѣ Польскомъ.—Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.—Общество любителей древней письменности.—Комиссія собираванія народныхъ обычаевъ.—Археологическое Общество.—Памятникъ перехода черезъ Дунай.—Двадцатипятилѣтіе газеты «Петербургскій Листокъ».—Некрологи: С. К. Смирнова, О. А. Рейбота, А. И. Стровина, С. Г. Мей, Р. Э. Траутфеттера, В. Я. Косицкаго, В. А. Кремнина, А. К. Завадскаго-Краснопольскаго, Н. С. Стружкина, А. О. Бѣлецкой, Н. М. Пятницкаго, графа П. А. Шувалова, Т. П. Пассекъ, А. Н. Фалецкаго, К. П. Патканова, Н. И. Неронова, В. А. Кокорева, графа Д. А. Толстого, М. Е. Салтыкова, А. П. Орлова. . . 243, 459, 741

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

Къ «Воспоминаніямъ» А. Я. Головачевой. **М. Гамазова.**—Къ «Воспоминаніямъ» Б. А. Милютина **Д. Гурьева.**—Къ портрету С. И. Шешковскаго.—Нѣсколько словъ о происхожденіи названія «Волынь». **Вл. Боцяновскаго.**—Откликъ на воспоминанія Б. А. Милютина. Генераль-маіора **С. И. Баркъ-Петровскаго.**—Къ воспоминаніямъ А. Я. Головачевой. **В. Шенрока.**—**А. Н. Дельсаль. А. Стоянова.**—Къ портрету И. А. Брылова. **Б. Глинскаго.** 255. 469

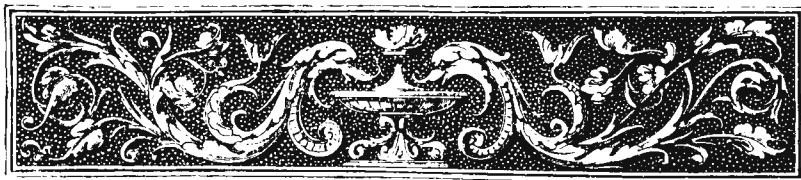
Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1888 году.

Л. Н. Павленкова. 481

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: **С. И. Шешковскаго, И. А. Крылова, графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.** 2) **Мазаниелло.** Историческій романъ **Адольфа Глазера.** (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. VII—XIII. (Продолженіе, съ двѣнадцатью рисунками въ текстѣ).

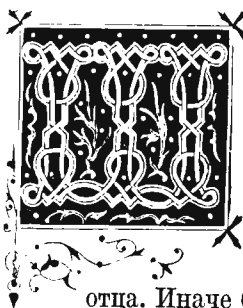
ГРАФЪ Н. Н. МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

АРАКЧЕЕВСКІЙ ПОДКИДЫШЬ¹⁾.

Историческій романъ.

XXV.

ШУМСКІЙ вернулся отъ графа Аракчеева домой въ самомъ странномъ расположеніи духа. Онъ понималъ ясно, что графъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло и сватовствомъ окончательно испортилъ все.

Встрѣча съ барономъ убѣдила его въ справедливости всего, что узналъ онъ отъ Папуты. Очевидно, что Ева любитъ его и повліяла на отца. Иначе баронъ не обошелся бы съ нимъ настолько мягко.

Стало быть, дѣло ладилося. А послѣ объясненія Аракчеева съ Нейдшильдомъ, финляндецъ вышелъ съ негодующимъ видомъ, почти съ искаженнымъ лицомъ.

Какого рода объясненіе произошло между ними, Шумскій знать не могъ, но, зная графа, догадывался. Очевидно, что Аракчевъ обошелся съ гордымъ аристократомъ высокомерно, грубо и безтактно.

Въ первыя минуты, въ особенности послѣ угрозы Аракчеева, что онъ найдетъ для воспитанника другую невѣсту, Шумскій былъ взбѣшенъ и съ трудомъ сдерживалъ себя. Онъ поспѣшилъ выйти изъ кабинета графа, боясь, что у него вырвутся просто ругательства. Слова: дуболомъ, ефрейторъ, идоль,—просились уже на языкъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 257.

Вернувшись къ себѣ, сбросивъ мундиръ и принявшись за трубку, Шумскій постепенно успокоился, но по обыкновенію почувствовалъ вдругъ какое-то крайнее физическое утомленіе, какъ если бы прошелъ верстъ сорокъ пѣшкомъ.

Всякое сильное движеніе души, всякій бурный порывъ, въ Шумскомъ всегда имѣлъ послѣдствіемъ такое ощущеніе расслабленности. Но на этотъ разъ оно сказалось еще сильнѣе. Кромѣ того явилось какое-то новое ощущеніе потерянности. Онъ часто проводилъ рукой по головѣ и выговаривалъ вслухъ:

— Сдается, что... головы нѣтъ на плечахъ... Разваливалась сколько разъ, да склеивалась... А теперь, кажется, совсѣмъ развалилась... Да и есть отъ чего разумъ потерять!

И Шумскій началъ ясно ощущать въ себѣ два совершенно разнородныхъ чувства. Одно, бушевавшее сейчасъ и теперь отчасти стихнувшее, было чувство злобы на Аракчеева и жажда мести. Онъ вышелъ отъ графа съ твердой рѣшимостью немедленно отомстить ему какъ бы то ни было, и чтобы отъ этого не произошло.

Но затѣмъ здѣсь, дома, порывъ злобы стихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ясно ощущалось и другое чувство, смутно сказывавшееся за послѣдніе два дня: боязнь поединка. Да боязнь, или трусость! Гнетущее чувство трепетнаго ожиданія, того рокового, чего онъ прежде всячески добивался, нетерпѣливо желалъ и не боялся.

Давно ли онъ на всѣ лады добивался драться съ Фонъ-Энзе, такъ, или иначе, глубоко убѣжденный, что онъ выйдетъ невредимымъ. А затѣмъ когда уланъ наконецъ согласился, вдобавокъ на такой поединокъ, гдѣ главную роль должна была играть слѣпая судьба, случайность, фортуна, гдѣ все зависѣло отъ счастливой звѣзды, въ которую Шумскій вѣрилъ, а не отъ хладнокровія, или искусства соперника,—онъ началъ бояться поединка и даже болѣе того: просто трусилъ и трусилъ.

Постепенно и незамѣтно въ немъ явилась и окрѣпла полная увѣренность, что онъ будетъ убитъ. И тѣни чего-либо подобнаго не было прежде! Теперь же, очутившись у себя послѣ посѣщенія графа, Шумскій черезъ часъ сидѣлъ уже совсѣмъ, какъ потерянный.

Все происшедшее и происходящее показалось ему какимъ-то бредомъ, какой-то трагикомической нелѣпицей.

Онъ добивается руки любимой женщины, просить графа помочь. Тотъ помогаетъ посвоему и все однимъ махомъ разрушаетъ. У него самого является жажда мести, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣренъ, что черезъ день, или два, онъ будетъ на томъ свѣтѣ.

Изъ-за чего же хлопотать? Отказаться отъ поединка невозможно. Безъ Евы жить нельзя. Надо убить Фонъ-Энзе, или быть убитымъ. И вотъ онъ будетъ убитъ... А отомстить графу надо успѣть непременно. Нельзя умереть не отомстивши. А на месть остается день, или два. Отложить поединокъ нельзя. Черезъ недѣлю во вся-

комъ случаѣ онъ будетъ уже гдѣ-нибудь на кладбищѣ подъ землей. Зачѣмъ же мѣсть. На что?.. нужно...

И Шумскій вдругъ порывисто поднялся съ мѣста и воскликнулъ:

— Фу, ты канитель какая! Разбилъ бы я собственную голову объ стѣну!

И съ этими словами онъ взмахнулъ длиннымъ чубукомъ и ударилъ имъ изъ всей силы по столу. Трубка разлетѣлась вдребезги, чубукъ расщепило, превративши въ какой-то кнутъ о двухъ концахъ. Но при этомъ небольшой осколокъ глиняной трубки, отлетѣвъ отъ сильнаго удара объ столъ, ударилъ его въ лобъ немного выше брови.

Шумскій отъ этого щелчка, не причинившаго ему никакой боли, поблѣднѣлъ, замеръ и понурился. Въ одинъ мигъ и Богъ вѣсть по чему ему почудилось въ этой мелочи что-то особенное—намокъ, примѣта, предчувствіе.

«Вотъ въ это самое, намѣченное осколкомъ, мѣсто около брови, попадетъ пуля Фонтъ-Энзе».

Подобнаго рода случаи бывали. Многіе рассказываютъ, что люди, убитые на поединкѣ, заранѣе предчувствовали не только свою смерть, но какъ бы чуяли то мѣсто, куда они будутъ ранены.

Еще недавно былъ въ Петербургѣ поединокъ между двумя офицерами и одинъ изъ нихъ въ продолженіе двухъ сутокъ со смѣхомъ повторялъ фразу:—И вотъ увидите. хватить онъ меня прямо въ лобъ! И говорившій угадалъ вѣрно! Пуля въ лобъ положила его на мѣстѣ.

Шумскій прошелся нѣсколько разъ по своей привычкѣ изъ угла въ уголь, поглядѣлъ на расщепленный чубукъ, брошенный на полу и пожалъ плечами, глядя на эту ребяческую выходку. Затѣмъ онъ снова сѣлъ, и снова принялся размышлять о томъ, какимъ образомъ сошлись въ немъ теперь два разнородныхъ чувства и что ему дѣлать?

Черезъ нѣсколько минутъ онъ выговорилъ вслухъ:

— Убить буду непременно! Стало быть, всему конецъ! А отомстить этому дуболому необходимо... Но какъ могу я отомстить ему въ какіе-нибудь сорокъ восемь часовъ. Дуэль отложена до отъѣзда его въ Грузино, а выѣдетъ онъ не нынче, завтра... Отложить поединокъ по моему предложенію—срамъ, позоръ!..

Вѣроятно, Шумскій просидѣлъ бы весь день въ борьбѣ не съ самимъ собой и своими мыслями, а какъ бы въ борьбѣ съ полной нелѣпницей своихъ мыслей и ощущеній, но на его счастье раздался звонокъ и явился Квашнинъ.

— Слава Богу!—выговорилъ Шумскій сумрачно.—Садись, рассказывай что-нибудь... У меня умъ за разумъ заходитъ..

Квашнинъ сталъ разспрашивать друга о томъ, что случилось; но Шумскій только махнулъ рукой и прибавилъ:

— Нечего рассказывать... Чепуха!.. Чортъ знаетъ что... Самъ не знаю... Про одно—не стоитъ говорить, а про другое—стыдно. Рассказывай ты что-нибудь... Что въ городѣ врутъ.—Вѣдь тутъ всегда врутъ, авось и за нынѣшній день есть какое новое вранье.

Квашнинъ, видя, что друга надо разсѣять, сталъ рассказывать всевозможные городскіе слухи. Но Шумскій, сначала прислушивавшійся, вскорѣ пересталъ слушать. Онъ задумался и перебиралъ мысленно все то же.

«Умереть надо!.. Отомстить надо!.. Какъ отомстить? Когда? Отложить поединокъ нельзя! Отложить мщеніе тоже нельзя! А какъ отомстить? Вѣдь не идти же сейчасъ къ временищику въ домъ и дать ему при всѣхъ пощечину. Да и какъ ее дать? За что? За то, что на его счетъ воспитывался, жилъ и живешь. Платье, чай, табакъ, все на его счетъ...»

— Какая же ты, гадина!—вдругъ воскликнулъ Шумскій, глядя на пріятеля.

— Что?—изумился добродушный Квашнинъ и вытаращилъ глаза.

Шумскій молчалъ.

— Господь съ тобой, Михайль Андреевичъ! Съ тобой, ей Богу, и дружбу водить мудрено. Сорвется вдругъ у тебя не вѣсть что, грубое, да и не заслуженное.—Чѣмъ же я гадина?—Что я сейчасъ сказалъ?

Шумскій потянулся къ офицеру, схватилъ его за обѣ руки и крѣпко сжалъ ихъ.

— Не тебя, Петя!.. Что ты! Я и не знаю про что ты говорилъ. Я себѣ крикнулъ... Я—гадина! Мысли у меня такія были, я себѣ и отвѣчалъ.—А ты вотъ скажи... Ты сейчасъ говорилъ что-то на счетъ крашенья домовъ, казармъ что ли...—Я что-то плохо понялъ. Что такое?

— Да это давно говорятъ,—отозвался Квашнинъ.—Только сегодня окончательно, сказываютъ, указъ подписанъ.

И Квашнинъ передалъ подробно, что въ Петербургѣ много толковъ и много смѣху о томъ, что, по приказанію военнаго министра, состоится распоряженіе объ окраскѣ по всей имперіи въ три колера, всякихъ казенныхъ столбовъ, заборовъ, бутокъ, мостовъ и даже присутственныхъ мѣстъ.

— Черезъ полгода вся матушка Россія явится вымазанная въ три колера: бѣлый, красный и черный,—объяснилъ Квашнинъ, улыбаясь.—Полагаю, что всего любопытнѣе будутъ разныя правленія, суды и палаты, когда предстанутъ въ арлекинскомъ платьѣ!

— Да правда ли это?—воскликнулъ Шумскій.

— Навѣрное. Рѣшено окончательно. Бутки, да гауптвахты уже

давно, еще со временъ Екатерины Алексѣевны, подкрашивались. А теперь и зданія всѣ выкрасятъ, но ужъ въ три колера.

— Что же говорятъ въ столицѣ?

— Да смѣются. Глупо больно. Прямо сказываютъ, что твой родитель...—Квашнинъ запнулся и поправился.—Твой графъ... просто глупствуетъ. Эдакаго и дуракъ бы не надумалъ.

— И много теперь толку объ этомъ?—спросилъ Шумскій страннымъ голосомъ.

— Еще бы! Куда не приди. Въ полкахъ, въ офицерскихъ собраніяхъ, на балахъ, въ трактирахъ, на улицѣ—вездѣ только и смѣху, что про трехколерную матушку-Россію.

Шумскій опустилъ голову, глубоко задумался, потомъ вдругъ поднялся съ мѣста и сталъ быстро одѣваться.

— Ты что..? Куда..?—удивился Квашнинъ не столько движенію пріятели, сколько лихорадочной быстротѣ, съ которой тотъ началъ одѣваться.

— Нужно!—отозвался Шумскій.—Хочешь, подожди меня здѣсь. Черезъ часъ вернусь. Не можешь—заѣжай завтра.

— Нѣтъ, я поѣду... Мнѣ надо!—отвѣтилъ Квашнинъ нѣсколько озадаченный видомъ друга.

Черезъ минуту оба вышли на улицу. Шумскій былъ молчаливъ и какъ бы поглощенъ какой-то мыслью. Когда они простились и уже расходились въ разные стороны, Шумскій быстро обернулся и окликнулъ Квашнина:

— Петя! Забылъ... Помни одно: коли этотъ дуболомъ и уѣдетъ въ Грузино сегодня, то все-таки завтра я драться не стану. Отложитесь до послѣзавтра. Спросятъ, такъ и скажи Безсонову, или Мартенсу. Мнѣ нуженъ одинъ день для разныхъ распоряженій, потому что...

Шумскій запнулся и прибавилъ нѣсколько упавшимъ голосомъ:

— Потому что я знаю, что мнѣ не сдобровать!

Квашнинъ хотѣлъ что-то отвѣчать, противорѣчить, сказать что-либо успокоительное, но ему не удалось этого. Слова съ языка не шли. Онъ слишкомъ самъ былъ убѣжденъ въ томъ, что сказалъ теперь Шумскій. Онъ протянулъ руку другу и поскорѣй отвернулся отъ него, потому что почувствовалъ, что на глаза его навертываются слезы.

Но Шумскій понялъ и рукопожатіе и молчаніе друга. Двигувшись отъ него, онъ подумалъ:

«Да, и у Пети тоже на сердцѣ! И онъ чуетъ за меня! Ну, что жъ, Михаилъ Андреевичъ, утѣшайся тѣмъ, что черезъ сто лѣтъ вотъ это все или всѣ, кто бы ни былъ, всѣ будутъ на разныхъ кладбищахъ!»

И оглянувшись на Большую Морскую, гдѣ шло и ѣхало много

народу; Шумскій поднялъ руку, ткнулъ въ толпу и воскликнулъ вслухъ:

— Да всё! И старые, и молодые, и умные, и глупые...

Но затѣмъ онъ тотчасъ же улыбнулся и выговорилъ:

— Вонъ какъ! Ужъ на улицѣ сталъ разговаривать самъ съ собой! Еще немножко и совсѣмъ свихнешься!

XXVI.

Взявъ извозчика и велѣвъ гнать, Шумскій черезъ двадцать минутъ очутился у знакомаго содержателя наемныхъ экипажей.

Хозяинъ-мѣщанинъ, высокій и плотный мужикъ съ окадистой русой бородой, костромичъ родомъ, былъ его любимцемъ.

Шумскій, самъ того не подозрѣвая, любилъ въ каретникъ его чрезвычайное спокойствіе во всемъ, чрезвычайную увѣренность, какую-то положительность. Казалось, что для костромича все на свѣтѣ ясно, все давно рѣшено, понято, усвоено и даже отчасти подчинено. Казалось, что если этому здоровяку-мужику предложить на разрѣшеніе самый мудреный всероссійскій вопросъ, предупредивъ, что вопросъ неразрѣшимъ, то костромичъ непременно ухмыльнется, погладитъ громадной лалицей по большой бородѣ и, едва замѣтно тряхнувъ головой, скажетъ:

— Какъ можно-съ. Дѣло простое. Это, стало быть, выходить, вотъ какъ надо!

И сейчасъ же вопросъ будетъ рѣшенъ и рѣшенъ удовлетвори-тельно.

Костромичъ относился къ Шумскому совершенно иначе, чѣмъ всё тѣ, съ которыми молодой флигель-адъютантъ имѣлъ дѣло въ Петербургѣ. Каретникъ обращался съ нимъ такъ же, какъ и со всѣми: почтительно, и гордо вмѣстѣ.

Но гордость эта почему-то казалась Шумскому въ мужикѣ совершенно законной. Она была ему къ лицу. Его нельзя было даже представить себѣ иначе, какъ спокойно-гордымъ.

Шумскій нашель хозяина извозничьяго двора среди его дѣлъ и дѣятельности. Онъ увидѣлъ его рослую фигуру среди большого двора, гдѣ стояло пропасть экипажей: каретъ, колясокъ, пролетокъ, лошадей запряженныхъ и отпряженныхъ. Вокругъ него толпились и сновали кучера-извозчики.

Шумскій подошелъ къ хозяину сзади, незамѣченный имъ, и ударилъ его рукой по плечу. Костромичъ обернулся, не удивился, такъ какъ онъ никогда въ жизни не удивлялся ничему и, приподнявъ шапку, выговорилъ холодно:

— Вашему здоровью!

— Здравствуй, Иванъ Яковлевичъ, — сумрачно выговорилъ Шумскій. — Я къ тебѣ въ гости! Дѣльцѣ есть важное и спѣшное.

— Что прикажете? Готовы всегда служить.

— Веди меня къ себѣ...

— Въ домъ, стало быть?

— Вѣстимо, къ себѣ въ домъ. Тутъ на дворѣ разсуждать объ этомъ дѣлѣ негоже... Веди меня къ себѣ гостемъ,—нѣсколько само-довольно выговорилъ Шумскій.

— Милости просимъ!—покойно отозвался Иванъ Яковлевичъ и при этомъ какъ бы нисколько не удивился, что флигель-адъютантъ и сынъ графа Аракчеева окажется вдругъ гостемъ въ его домѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Шумскій сидѣлъ въ довольно просторной и чистой комнатѣ, гдѣ былъ диванъ и кресла краснаго дерева, а по срединѣ столъ и на немъ два бронзовыхъ подсвѣчника. Во всей комнатѣ, кромѣ этой мебели и двухъ подсвѣчниковъ, не было ни одного хозяйственнаго предмета. Горница очевидно играла роль гостиной.

«Вонъ какъ у нихъ пошло,—подумалъ про себя Шумскій.— Мужикъ, а тоже гостиную завелъ!»

И ему вдругъ представились тѣ фигуры, которыя тутъ бывають, тѣ гости, которые сиживають здѣсь по вечерамъ и о чемъ они говорятъ.

И ему стало смѣшно. Но затѣмъ по свойству своего мозга, по привычкѣ противорѣчить себѣ, Шумскій тотчасъ же прибавилъ мысленно:

«А чѣмъ они хуже, когда соберутся, великосвѣтскихъ барынь, генераловъ и тузовъ? Эти, всегда, поди, о дѣлѣ толкуютъ, а тѣ соберутся, только врутъ, да клеветуютъ. Этотъ же народъ, что здѣсь по вечерамъ собирается,—не знавши, побожусь,—что не клевететь ни на кого. Некогда».

— Ну, слушай, Иванъ Яковлевичъ,—началъ Шумскій,—дѣло у меня до тебя важнѣйшее. Есть у тебя рыдванъ какой въ отдѣлкѣ, такой, чтобъ кузовъ былъ новый съ иглочки, какъ есть, въ сыромъ видѣ, безъ всякой краски и политуры.

• — Никакъ нѣту-съ.

— А достать можешь?

— Да зачѣмъ вамъ? Я не ради любопытствія... А вы поясните, что вамъ нужно, а я уже самъ мыслями пораскину.

Шумскій сталъ подробно объяснять, что ему нужно и не позднѣе, какъ завтра утромъ.

— Вотъ такъ-то и говорили бы. Изволите видѣть. Ходъ каретный, стало быть, четыре колеса, лесоры, дышло—это есть у насъ. А кузовъ бѣлый деревянный—найдемъ и нынче же приладимъ на ходъ. Стекла въ дверкахъ не приладишь скоро, да вы говорите—не надо. Тѣмъ лучше. Покрасить успѣть можно, если сказываете, что только для виду. Вѣстимо, за ночь краскѣ не высохнуть. Пачкать будетъ... Да вы сказываете—то не бѣда. Вамъ всего-то ее на

одинъ вѣдь разочекъ, карету-то эту... Ну, вотъ, стало быть, все сворганить и можно?

— Къ завтраму? И безпремѣнно? Слово даешь.

— Завтра около полудня будетъ готова и къ вамъ доставлена. Вѣдь это, я полагаю, вамъ ради соблазненія нужно! Колѣно отмочить офицерское? Соблазнъ въ народъ пустить!

— Вѣстимо, Иванъ Яковлевичъ.

— Что же объ закладъ, что ли, бились: кто кого перепотѣшить, кто больше насрамитъ.

— Нѣтъ, не объ закладъ, а нужно такъ. Только ты ко мнѣ карету не доставляй. Повезуть по улицѣ, народъ увидить... Нехорошо будетъ.

— Да вѣдь вы тоже въ ней поѣдете?

— Да я-то—это иное дѣло. Я отъ того-то и не хочу, чтобы ее въ Питерѣ раньше видѣли. А самъ я выѣду на Невскій въ самый развалъ, когда много народу будетъ. Утромъ я заѣду освидѣтельствовать, главнымъ образомъ буквы, про которыя я тебѣ сказывалъ... Чтобы буквы-то были побольше, да повиднѣе. А затѣмъ я вторично приѣду около полудня и съ твоего двора и выѣду въ ней на Невскій.

— Скажи на милость!—закачалъ головой Иванъ Яковлевичъ.— Вѣдь эта затѣя, знаете-ка, даже, пожалуй, и удивительная.

И Иванъ Яковлевичъ задумался о томъ, что вотъ и ему пришлось вдругъ удивиться. Но тотчасъ же чтѣ-то подсказало ему:

«Что же тутъ удивительнаго! Такъ, стало быть, потребно... Насрамитъ! Тоже вѣдь и скучно имъ безъ дѣла-то...»

— И такъ вѣрно будетъ, Иванъ Яковлевичъ? Коли ты не справишь мнѣ это дѣло, ты меня зарѣжешь безъ ножа!—продолжалъ Шумскій.

— У насъ, Михаилъ Андреевичъ, одно слово. Кабы нельзя было, не взялся бы! Когда же я васъ обманывалъ? Завтра въ полдень милости просимъ садитесь, только помните—краска мараться будетъ. Этого ужъ мы не можемъ. Будь лѣтнее время, солнышко и то бы за ночь не просохло, а какъ же въ эдакое ненастье?..

Шумскій вернулся домой сравнительно довольный и веселый, но къ вечеру раздумье снова одолѣло его. Не имѣя возможности отвязаться отъ гнетущихъ мыслей и чувствуя снова утомленіе, онъ спозаранку легъ спать. Но среди ночи въ его спальнѣ раздался крикъ настолько сильный, что долетѣлъ до горницы Шваньскаго.

Иванъ Андреевичъ тотчасъ вскочилъ горошкомъ съ кровати и прибѣжалъ въ спальню патрона, не стѣсняясь своимъ ночнымъ костюмомъ.

Шумскій, тоже въ одной сорочкѣ, сидѣлъ на кровати и ерошилъ волосы на головѣ. Не смотря на тусклый свѣтъ лампадки, Шваньскій замѣтилъ, что его патронъ блѣденъ и смущенъ.

— Что съ вами, Михаилъ Андреевичъ?—взволнованно выговорилъ Шваньскій, приближаясь къ кровати.

— Воды дай...—отозвался Шумскій сдавленнымъ голосомъ.

Лепорелло быстро сбѣгалъ въ буфетъ и принесъ стаканъ воды. Шумскій залпомъ опорожнилъ его, отдалъ и вздохнулъ свободнѣе.

— Изъ офицеровъ за отличіе въ битвахъ житейскихъ въ бабы произведенъ,—вымолвилъ онъ.—И точно наяву! фу мерзость какая! Лѣзетъ же такая пакость во снѣ! Который часъ?

— Должно быть четвертый?

— Пора бы ему перестать гулять-то,—отозвался Шумскій.— Вѣдь онъ только въ полночь гуляетъ... Инъ нѣтъ, что я! Онъ и до пѣтуховъ бродить. Пѣтухи-то, Иванъ Андреевичъ, еще не пѣли?

— Никакъ нѣтъ-съ,—запинаясь, выговорилъ Шваньскій.

— Стало быть, онъ еще ходитъ?

— Кто же это? Охъ, что вы это! Тьфу! Прости, Господи!..

И Иванъ Андреевичъ перекрестился.

— Вѣстимо, чортъ... Домовой! Сейчасъ вотъ на мнѣ верхомъ сидѣлъ.

— Что вы, Михаилъ Андреевичъ!?

— Порусски тебѣ говорятъ, что чортъ сейчасъ на мнѣ верхомъ сидѣлъ. Жаль, что опоздалъ я проснуться, а то бы сгрѣбъ его, перекрестилъ, да въ рукомойникъ и утопилъ. Ты вотъ что, Иванъ Андреевичъ, я спать буду, а ты сиди тутъ, да карауль. Какъ онъ сядетъ опять на меня, ты его излови и попридержи, а я проснусь, самъ справлюсь...

И Шумскій глубоко, протяжно, вздохнулъ и прибавилъ шопотомъ:

— Горбатаго исправить могила. И мучаешься и брешешь. Сердце захватило, на части рветъ, а языкъ всякое брешетъ. Ну, ступай спать. Буду опять кричать, не приходи. Все это баловство или лихорадка.

Шумскій снова легъ, выслалъ Шваньскаго, но, однако, и не думалъ собираться спать. Сонъ окончательно прошелъ. И глядя предъ собой въ полутемноту горницы, онъ сталъ въ подробностяхъ вспоминать все, что заставило его во снѣ вскрикнуть на весь домъ.

Видѣлъ онъ во снѣ чепуху, но чепуха эта получила въ его глазахъ огромное значеніе, потому что являлась за сутки до поединка. Будь это въ другое время, сонъ этотъ не имѣлъ бы никакого смысла, но теперь онъ имѣлъ прямой и ясный смыслъ. Это прямо пророчество, предсказаніе, иначе и понять нельзя. Иначе понять заставляетъ только трусость. Объяснять все просто, значить обманывать себя изъ трусости.

Шумскій видѣлъ во снѣ, что онъ стоитъ на томъ самомъ кладбищѣ, гдѣ недавно былъ съ матерью, надъ могилой съ едва замѣтной пожелтѣлой травой, съ простымъ покосившимся на бокъ

крестомъ. Это — могила его отца, надъ которой онъ служилъ панихиду. Но теперь, во снѣ, ни матери, ни священника нѣтъ. Онъ стоитъ одинъ. Около этой могилы свѣже вырыты и зіяютъ еще двѣ.

Около одной изъ нихъ сидитъ незнакомый ему мужикъ, котораго онъ никогда не видалъ, но онъ знаетъ, что это его отецъ.

И мужикъ-отецъ говоритъ ласково, тихо, съ разстановкой, какъ бы толкуеть, или разъясняетъ что.

— Это вотъ ничья могилка. Кто ихъ знаетъ кого тутъ положили. А моя, вотъ она! Все хотятъ зарыть, да лѣнятся кладбищенскіе-то сторожа. Да вотъ за одно съ тобой. Какъ тебя положить вотъ въ эфту, такъ ужъ заразъ и заруютъ обоихъ. А не придуть, мы сами похлопочемъ. Обойдемся и безъ нихъ. Да вотъ обида — лопаты нѣту.

И Шумскій спокойно слушалъ старика, ему только было неприятно узнать, что этотъ мужикъ его отецъ. Но что одна изъ двухъ могилъ приготовлена для него, это казалось вещь давно уже ему извѣстною и дѣломъ весьма простымъ и обыкновеннымъ.

Но вдругъ мужикъ протянулъ руку, показалъ черезъ Шумскаго и выговорилъ:

— Да вонъ ужъ идутъ! Ложись скорѣй!..

И тутъ только въ одинъ мигъ уродливое чувство страха, отчаянія и ужаса овладѣло Шумскимъ. Онъ оглянулся и увидѣлъ идущихъ къ нему священника, причетника, и того самаго кладбищенскаго сторожа, котораго онъ зналъ. Онъ понялъ, что они идутъ зарывать его и закричалъ... И съ крикомъ проснулся.

И теперь, лежа въ постели и озираясь въ своей спальнѣ, Шумскій думалъ и изрѣдка произносилъ вслухъ:

— Прямо пророчество! Такъ оно и будетъ! Такой сонъ за сутки до поединка не можетъ даромъ пригрезиться. Ахъ, Ева, Ева! Только тебя и жалъ! А эта собачья комедія на этомъ шарикѣ, чортъ съ ней! И тѣмъ паче, чортъ съ ней, что и самъ-то шарикъ не нынче, завтра, треснетъ на миллионъ частицъ. Кто тебя ни хорони, его все же похороняютъ... И это утѣшительно. Легче умирать, зная что все умереть... Люди говорятъ вмѣсто умерь — «приказалъ долго жить». Врутъ черти! Какой это дуракъ, уходя, прикажетъ подольше тутъ оставаться всеѣмъ остальнымъ. Про меня пусть скажутъ лучше: «приказалъ вамъ собираться!»

XXVII.

Благодаря тревожной ночи, и дѣйствительно загадочному кошмару, Шумскій проснулся позже, чѣмъ предполагалъ, и, не пивши чаю, а только выкуривъ двѣ трубки, выѣхалъ изъ дому.

Разумѣется, онъ отправился прямо на извозничій дворъ костромича, чтобы узнать, какъ исполненъ его заказъ. Черезъ часъ

Шумскій былъ уже дома довольный и нѣсколько бодрѣе, хотя на лицѣ его было странное выраженіе радости сквозь печаль, улыбки сквозь слезы. Онъ будто старался улыбаться и заставлялъ себя радоваться.

Усѣвшись за чай, онъ приказалъ послать къ себѣ Шваньскаго, но оказалось, что того дома нѣтъ. Тогда онъ велѣлъ позвать къ себѣ Марѳушу.

Дѣвушка тотчасъ же явилась, но вошла не такъ какъ бывало прежде, она уже не потуплялась и не робѣла. Отношенія Марѳуши къ барину нѣсколько измѣнились съ его пріѣзда. Казалось, что шутливый поцѣлуй, данный ей на крыльцѣ, повліялъ на нее и имѣлъ послѣдствіе, но ей одной извѣстно.

Каждый разъ, что баринъ вызывалъ дѣвушку, справлявшую попрежнему должность ключницы, или экономки въ домѣ, Марѳуша тотчасъ же бросала какое-либо занятіе и поспѣшно шла къ нему. При этомъ лицо ея сразу оживлялось.

Болтая съ дѣвушкой, Шумскій всегда мѣшалъ дѣло съ бездѣльемъ, перемѣшивалъ разговоры о хозяйствѣ, о счетахъ, покупкахъ, деньгахъ, съ шутками и прибаутками. Главной темой его шутокъ, остротъ, а иногда и довольно грубоватыхъ выходокъ, былъ, конечно, предстоящій бракъ Марѳуши съ Шваньскимъ. Иногда шутки эти переходили за предѣлы болтовни.

Понятно, что все это должно было имѣть вліяніе на простоватую, скромную и сердечную дѣвушку. Понятно, что Шумскій долженъ былъ ей нравиться, хотя вовсе не старался объ этомъ, а просто шалилъ, почти не подозревая, что происходитъ на душѣ Марѳуши.

Правда, иногда, на мгновеніе, онъ читалъ что-то особенное въ ея красивыхъ глазахъ, синихъ и задумчивыхъ, такъ похожихъ... даже такъ страшно похожихъ на глаза Евы. Но ни разу не пришла ему догадка, что это нѣчто новое и особенное—отражаетъ то чувство, которое возникло недавно у Марѳуши.

— Женишка-то дома нѣтъ? — выговорилъ Шумскій, улыбаясь, когда Марѳуша стала невдалекѣ отъ его чайнаго стола.

— Они сейчасъ вернутся.

— Много ихъ?

— Какъ, то есть, много?

— Сколько ихъ вернутся?

— Да вы про кого? Про Ивана Андреевича?

— Точно такъ-съ... Вы изволите говорить: «они» вернутся. Я и изволю говорить: сколько ихъ? А вотъ что, Марѳуша, не кстати сказать—ты сегодня хорошенькая!

— Все такая же-съ, какъ всегда.

Шумскій задумался на минуту и вдругъ выговорилъ тише, медленнѣе:

— А что, Марѳуша, если завтра въ эту пору, вотъ здѣсь, въ столовой, будетъ среди комнаты столъ стоять. А на столѣ простыня будетъ... А на простыню покойника положить со сложенными руками. Шандалы церковные кругомъ поставятъ... Дѣвчонка, или просвириня что ли псалтирь читать будетъ... Чтò ты тогда скажешь?

— Что это вы? Богъ съ вами... Кому же у насъ помирать? И что у васъ за мысли неподходящія.

— Нѣтъ, Марѳуша, къ несчастію у меня мысли самыя подходящія. А скажи-ка, если завтра въ эту пору, я буду на столѣ мертвый лежать, поплачешь ты?

— Да что вы! Богъ съ вами!—испуганно махнула рукой Марѳуша; зачѣмъ такое сказывать!..

— А ты отвѣчай... Поплачешь?

— Да не хочу я говорить про такое...

— Ну, слушай. Поди сюда. Садись вотъ, да слушай въ оба.

Марѳуша хотѣла взять стулъ, но Шумскій позвалъ ее, взялъ за руку и, посадилъ около себя на диванъ. И онъ заговорилъ вдругъ настолько серьезнымъ и прочувствованнымъ голосомъ, что дѣвчушка робко замерла и чутко прислушивалась.

— Завтра, въ эту пору... Нѣтъ, не въ эту, а такъ въ сумерки, будетъ вотъ тутъ, въ столовой, покойникъ... И буду это я. Сказываю я тебѣ правду, а не брешу ради шутки. Я завтра утромъ драться долженъ и буду безпремѣнно убить. Чую я это... Такъ вотъ побожись ты мнѣ, что сдѣлаешь ты двѣ вещи, исполнишь два мои приказанія. И исполнишь свято, слышишь ли!

Марѳуша не отвѣчала и въ ея устремленныхъ на Шумскаго глазахъ вдругъ показались слезы.

— Раньше времени начинаешь! Ты завтра поплачь. Дѣло будетъ доброе. А то обо мнѣ ни одна собака плакать не станетъ въ Петербургѣ. Такъ ты поплачь хоть... Такъ слушай же. Вотъ видишь, лѣвый ящикъ въ столѣ... Онъ не запертъ будетъ... Тутъ найдешь ты письмо, да въ бумагѣ деньги, рублей пятьсотъ, можетъ, больше, можетъ меньше. Письмо ты тотчасъ же снесешь къ баронессѣ Нейдшильдъ. Гдѣ она живетъ, Шванскій тебѣ укажетъ. И помни одно: дѣлай, какъ знаешь, но проберись къ баронессѣ и отдай ей письмо въ собственныя руки. Коли ты этого не сдѣлаешь, я тебя съ того свѣта проклянущу. А сдѣлаешь—это тебѣ счастье принесетъ. А деньги возьми себѣ на приданое...

— Да что вы! Что вы!—начала Марѳуша, но голосъ ея прервался и слезы полились по лицу.

— Эка глупая. Раньше начинаешь. Иль ты хочешь мнѣ образчикъ дать того, какъ плакать будешь. Ну, а скажи: почему ты плачешь? Вѣдь тебѣ, собственно говоря, плевать, живъ я, нѣтъ ли... Какое тебѣ дѣло до меня!

— Грѣхъ такъ говорить,—отозвалась Марѳуша.

— За какія такія мои благодаренія могла ты меня полюбить. За то, что я тебя все на смѣхъ поднимаю съ женихомъ твоимъ. Какъ у васъ слезы-то дѣвичьи дешевы! Или, какъ сказывается, глаза поставлены на мокромъ мѣстѣ. Это, стало быть, кто ни околоу на Большой Морской, ты выть примешься!

— Ахъ, Михаилъ Андреевичъ!—вдругъ замотала головой Марѳуша.—Какъ вы это сказываете! Какой вы диковинный! Человѣкъ умный, а разуму мало совсѣмъ.

— Вотъ такъ чудесно сказано. А главное правда истинная!—воскликнулъ Шумскій веселѣ.—Мнѣ эдакого никто, никогда не говорилъ, но самъ я всегда такъ думалъ...

— Вѣстимо, диковинный! Да вы скажите по правдѣ: шутите вы, или взаправду бѣда какая завтра приключится съ вами?!

— Долженъ я, Марѳуша, завтра драться съ уланомъ Фонтъ-Энзе. И убьетъ онъ меня наповаль.

— Почему вы это знаете?

— Да ужъ знаю. И знаю такимъ способомъ, который и тебѣ будетъ понятенъ... Сердце мое чувствуетъ... Ты вѣришь, что сердце можетъ чувствовать?

— Да. Коли сердце чувствуетъ, сказываютъ, не хорошо. Только не будетъ этого. Пойду я вотъ сейчасъ въ лавру, молебень отслужу, да свѣчку поставлю. Образокъ принесу вамъ, а вы его надѣньте, какъ пойдете стрѣлять.

— Надѣть не мудрено...—выговорилъ Шумскій.—Только это не поможетъ. Завтра въ сумерки буду я на столѣ. И будетъ тутъ на квартирѣ все тихо. Всѣ будутъ на цыпочкахъ ходить... И ты тоже... А въ столовой только и будетъ слышно, что быръ, быръ, быръ. Будетъ брюзжать дьячокъ надъ псалтиремъ...

Шумскій хотѣлъ продолжать, но Марѳуша вдругъ схватила себя за лицо руками и начала снова плакать.

— Что ты, Богъ съ тобой! Да ты скажи: неужто и въ самомъ дѣлѣ тебѣ бы жалко было?

— Ахъ, Михаилъ Андреевичъ...

— Да ты говори, глупая. Стой, погоди, что я надумалъ!—воскликнулъ вдругъ Шумскій весело.—Знаешь что... Вѣдь все отъ тебя зависитъ! Можно горю пособить. Коли ты захочешь, я буду живъ и невредимъ.

— Какъ, тоись?—вдругъ выпрямившись и какъ бы встрепетувшись, произнесла дѣвушка.

— А очень просто. По нашему уговору съ уланомъ, я могу вмѣсто себя другого подставить. Ему все равно по комъ палить. Такъ вотъ, если ты согласишься, я пошлю обманнымъ образомъ за мѣсто себя твоего Ивана Андревича. Хочешь?

— Не пойдешь онъ!—вырвалось у Марѳуши голосомъ, въ которомъ была наивная грусть о невозможности предполагаемаго.

Шумскій невольно улыбнулся.

— Да я ему не скажу, что по немъ палить будутъ. Это такой особый поединокъ, который называется кукушкой. Я пошлю Ивана Андреевича якобы съ порученіемъ, а уланъ будетъ по немъ палить. Ну, и ухлопаетъ его на мѣстѣ. Согласна?

Мареуша молчала.

— Вотъ то-то! Плачешь, якобы отъ того, что я завтра мертвый на столѣ буду, а предложилъ я тебѣ, какъ все дѣло сладить, такъ, небось, жалко стало своего мухоморнаго жениха.

— Ахъ, Михайль Андреевичъ!—замотала головой Мареуша и въ этомъ движеніи наглядно сказалося, что за нѣсколько минутъ она уже совершенно измучена и истерзана нравственно.

— Говори: посылать его завтра къ улану? Или самому идти! Ну посылать что ли?

— Ахъ, да вѣстимо же...—вырвалось вдругъ у дѣвушки, будто противъ воли.

Но Мареуша тотчасъ же вскочила съ дивана, отошла на нѣсколько шаговъ и, ставъ среди комнаты, спиной къ Шумскому, закрыла лицо руками.

— Вотъ какъ?—сухо выговорилъ онъ.—Стало быть ты для меня жертвуешь женишкомъ! Вѣдь его безпремѣнно убьетъ уланъ. Стало быть, выходить, ты меня больше любишь, чѣмъ Ивана Андреевича?

Мареуша стояла недвигаясь и молчала.

Шумскій всталъ, обнялъ дѣвушку и, крѣпко прижавъ къ себѣ, прошепталъ ей на ухо:

— Коли такъ, чего же раньше не говорила. А теперь, вишь, поздно... Завтра въ полдень драться буду, а въ вечеру на столѣ буду... Пользы-то мнѣ отъ тебя и никакой...

Мареуша крѣпче прижала руки къ лицу, понурилась и плачь ея понемногу перешелъ въ глухое, съ трудомъ сдерживаемое рыданіе.

Въ ту же минуту дверь отворилась и на порогъ появился блѣдный и встревоженный Шваньскій. Онъ уже нѣсколько мгновений стоялъ за дверью и если не слыхалъ весь разговоръ патрона съ своей невѣстой, то слышалъ его послѣдніе слова и ея рыданіе.

— А!.. Иванъ Андреевичъ!—произнесъ Шумскій простодушно.—Небось, подслушивалъ? Когда-нибудь тебѣ, родимый, такъ дверью лобъ расшибуть, что и послѣдній умишко изъ головы выскочить. Коли ты чтò слышалъ, да смекаешь, такъ помни, опасаться тебѣ нечего. Ты меня знаешь, я вратъ не стану. Да, чорта ли мнѣ тебя обманывать. Было бы чтò, сказалъ бы прямо, безъ обиняковъ. А я хочу, чтобы ты зря не тревожился. Вѣдь поединокъ-то мой завтра поутру, а вечеромъ ты уже будешь тутъ съ попами распорядиться.

— Помилуйте! Что вы?..—заикнулся было Шваньскій.

— Ладно. Ты слушай меня... Все что здѣсь есть въ квартирѣ,

я оставляю тебѣ и объ этомъ отпишу строжайше дуболому Алексѣю Андреевичу, чтобы онъ не смѣлъ перечить. Все себѣ и бери, дурья твоя голова! Обо мнѣ на память лихую...

— Покорнѣйше благодарю, но Богъ милостивъ...—началь было Шванскій съ кислой улыбкой, но Шумскій снова перебилъ его.

— А Марюша вся расплаканная, потому что я ей говорилъ о томъ, о чемъ и тебѣ говорю не ради шутки. Завтра я буду мертвый человекъ. Знаю это навѣрное. Хочешь ли ты исполнить теперь мою послѣднюю просьбу?

— Помилуйте, Михаилъ Андреевичъ. Что прикажете. Что же тутъ спрашивать!

— Ну, вотъ слушай! Дѣло короткое и простое.—А ты, Марюша выйди вонъ. При тебѣ нельзя говорить.

Когда дѣвушка скрылась за дверью, Шумскій объяснилъ своему Лепорелло, что онъ долженъ около полудня отправиться на извозчикій дворъ извѣстнаго ему Ивана Яковлевича, и сѣсть въ приготовленную карету, запряженную четверкой. И какая бы эта карета ни показалась ему странная, или диковинная, все-таки садиться въ нее и выѣзжать на Невскій проспектъ. Затѣмъ тихой рысью проѣхавъ во всю его длину, объѣхать вокругъ Зимняго дворца, выѣхать на Милліонную, а послѣ того черезъ площадь, опять вернуться и проѣхать Невскій и дать одинъ конецъ по Литейной, да конецъ по Владимірской и тогда уже ѣхать обратно на извозчикій дворъ.

Шванскій, знавшій хорошо своего патрона, сразу понялъ, что въ этомъ приказаніи заключается что-нибудь особенное и, конечно, опасное.

— Да что же въ меня палить будутъ что ли? Такъ помилосердуйте, Михаилъ Андреевичъ! За что же мнѣ умирать!

— Чуетъ, разбойникъ,—разсмѣялся Шумскій,—что дѣло не въ простомъ катаньѣ. Ну, слушай Иванъ Андреевичъ. Убить тебя не убьютъ и никакой особой съ тобой бѣды не будетъ. Помни одно; что завтра, ровно черезъ 24 часа, я буду убитъ наповаль, и власти, ради этого, не стануть тебя наказывать. Я же приказалъ тебѣ и я же померъ. Ничего тебѣ за это и не будетъ. А просьба эта моя—послѣдняя!—Хочешь ты исполнить? Сказывай!

— Извольте,—выговорилъ Шванскій, какъ-то опускаясь и съезжаясь.—Не могу я вамъ перечить. Но только, Михаилъ Андреевичъ, если да вы...

Шванскій запнулся и потомъ прибавилъ:

— Если да вы вдругъ живы останетесь...

Шумскій разсмѣялся неподдѣльно-весело.

— Да, братецъ, если я такую штуку удеру, конечно, тебя пожалуй этимъ и подкузьмишь. Ну, да будь спокоенъ, я уже постараюсь—безпремѣнно умру. Такъ собирайся! Только помни одно:

какая бы тебѣ карета не показалась диковинная, садись и исполняй приказаніе. Не сдѣлаешь, не смѣй сюда возвращаться! Это я говорю безъ шутокъ. Не сдѣлаешь, на глаза ко мнѣ не кажись!— горячо и серьезно вымолвилъ Шумскій.—Если не хочешь садиться въ карету и кататься, такъ пришли тотчасъ мнѣ сказать, что не хочешь. Я самъ пойду и сяду. Но на глаза ко мнѣ не кажись. А завтра, какъ будутъ меня тутъ устраивать въ путешествіе на тотъ свѣтъ, я велю тебя сюда не пускать. А исполнишь ты все это, то сказываю тебѣ, все, что тутъ есть въ квартирѣ—твое будетъ!

Шванскій вышелъ задумчивый и озабоченный. Онъ всячески ломалъ себѣ голову, чтобы догадаться какую затѣю надумалъ патронъ и что придется ему творить часа черезъ два на петербургскихъ улицахъ, но разумѣется отгадать было невозможно.

Главное, что сначала смущало Шванскаго, не будутъ ли гдѣ въ него по дорогѣ стрѣлять. Но онъ вскорѣ убѣдилъ себя, что это предположеніе не имѣетъ ровно никакого смысла и успокоился.

Прежде всего онъ сталъ искать по квартирѣ свою невѣсту, чтобы разспросить, не знаетъ ли она чего-нибудь о затѣѣ барина. Но Марѳуши нигдѣ не было.

Опросивъ людей, Шванскій узналъ, что Марѳуша ушла и приказала сказать, что идетъ въ Невскую лавру, а вернется не раньше, какъ часа черезъ три, или четыре.

— Вонъ какъ! Богу молится,—пробурчалъ Шванскій.—Это за него... Ну, что же Богъ съ ней. И я бы помолился... А вотъ плакала-то она, ужъ того, черезчуръ горько? Что онъ ей?!

Если бы Иванъ Андреевичъ могъ видѣть въ эту минуту Марѳушу, то удивился бы еще болѣе.

Дѣвушка ѣхала на извозчикѣ по Невскому съ краснымъ опухшимъ лицомъ, не переставая, плакала и утирала лицо платкомъ. Даже извозчикъ, наконецъ, обернувшись къ ней, вымолвилъ:

— Ишь, сердешная, барынька! О чемъ надрываешься? Приключилось что? На свѣжую могилу что ль въ лавру-то ѣдешь?

— Ахъ, что ты! Что ты!—испуганно вскрикнула Марѳуша.—Ступай! Погоняй! Молчи! Какъ эдакіе слова сказывать! Никакой нѣтъ могилки. И не будетъ! Не будетъ!..

XXVIII.

Часа черезъ два послѣ объясненія Шумскаго съ Шванскимъ, Лепорелло выѣхалъ изъ дому, направляясь на извозчикій дворъ. Онъ былъ совершенно смущенъ и какъ въ воду опущенный.

«Что изъ всего этого выйдетъ?» — думалъ онъ и повторялъ вслухъ:

— Бросили мы было разныя колѣна отмачивать, а теперь опять. Да еще къ тому же я за него отдувайся!

Спустя часъ послѣ Шваньскаго и самъ Шумскій вышелъ изъ дому и медленнымъ шагомъ направился пѣшкомъ на Невскій. Онъ шелъ задумчивый и разсѣянный, глядя себѣ подъ ноги и умышленно не кланяясь и не отзываясь на окликъ знакомыхъ, которыхъ встрѣчалъ.

«Вотъ черти!—думалъ онъ, черезъ нѣсколько минутъ озираясь на прохожихъ.—Вотъ жизнь! Живутъ, точно у вѣтряной мельницы крылья вертятся. Снаружи все вертится, а тамъ внутри мука мелется, то шибче, то тише, смотря какой вѣтеръ подуетъ. Вертится, вертится, покуда не развалится. А тутъ, у тебя жизнь какая-то дьявольская. За одну осень послѣднюю, что перегорѣло внутри... Гдѣ не идешь, на каждомъ мѣстѣ вспоминаешь что-нибудь скверное».

— Ну, вотъ и это мѣсто—хорошее!—выговорилъ онъ вслухъ.

Глаза его случайно упали на подъездъ того ресторана, гдѣ недавно встрѣтился онъ съ Фонъ-Энзе, едва не сдѣлался убійцей и былъ самъ безъ ножа зарѣзанъ.

И Шумскому показалось, что на подъездѣ, на вывѣскѣ, на окнахъ и тамъ внутри, въ горницахъ, повсюду было написано, или виднѣлось одно слово: «подкидышъ». Онъ вздохнулъ тяжело, снова опустилъ глаза въ землю и продолжалъ тихо подвигаться впередъ.

Черезъ минуту чье-то восклицанье какъ бы разбудило его и привело въ себя:

— Батюшки! Смотри! Смотри! Что такое?—раздался около него голосъ какого-то господина.

Шумскій поднялъ глаза и лицо его сразу оживилось, глаза блеснули и онъ улыбнулся радостно.

Среди улицы, тихой рысью, двигалась навстрѣчу, запряженная четверкой, большая карета. И все, что было народу на Невскомъ—пѣшеходовъ и проѣзжихъ—все глядѣло на эту карету такъ же, какъ и Шумскій. Нѣкоторые ворочались назадъ, иные даже бѣжали, слѣдуя по направленію кареты.

Кузовъ довольно большого экипажа былъ ярко выкрашенъ вкось, по діагонали, въ три цвѣта: бѣлый, красный и черный, также, какъ были уже вымазаны въ городѣ двѣ гауптъ-вахты и нѣсколько столбовъ, прилегающихъ къ Дворцовой набережной. Козель не было. Кучеръ сидѣлъ очень низко, такъ что голова его едва была видна за крупами лошадей. А надъ нимъ спереди, на кузовѣ безъ оконъ, ярко сіяли двѣ огромныя, красныя буквы: Д и У.

Кругомъ Шумскаго раздавались голоса:

— Что за притча! Что за дьяволъ! Вотъ такъ карета!! Что же эти буквы значуть?..

Экипажъ поравнялся съ Шумскимъ и онъ увидѣлъ въ немъ такую фигуру, что неудержимо и звонко расхохотался на всю улицу.

Въ каретѣ сидѣло крошечное существо, казалось мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, настолько отъ ужаса своего невѣроятнаго положенія съежился весь Иванъ Андреевичъ.

Онъ сидѣлъ какъ разъ посерединѣ просторной кареты, понурившись, опутивъ голову на грудь нахлобучивъ шапку по самыя брови и вдобавокъ неизвѣстно почему сложилъ руки на груди крестомъ, какъ складываютъ ихъ у покойниковъ.

Карета, привлекая общее вниманіе, сопровождаемая гуломъ голосовъ, аховъ, восклицаній, шутокъ и остротъ, проѣхала мимо. И все, что оставалось теперь позади и смотрѣло вслѣдъ каретѣ, начало хохотать, прочитывая продолженіе...

Сзади на кузовѣ тѣми же большими красными буквами, стояла надпись: «РАКЪ».

— Дуракъ! Дуракъ!—раздавалось кругомъ.—Вотъ такъ штука! Кто же дуракъ-то?.. Самъ онъ, баринъ этотъ? Вѣстимо, дуракъ!

— Эхъ, господа!—раздался вдругъ голосъ какого-то высокаго, на видъ очень важнаго, господина.—Эта карета такого свойства, что всякому лучше придержать языкъ за зубами и не шутить на ея счетъ, а еще того лучше—не рассказывать, что видѣлъ.

Шумскій двинулся далѣе, рассчитывая продолжать свою инспекцію и, прогулявшись немного, идти назадъ, чтобы видѣть, поѣдетъ ли Шванскій обратно.

Черезъ полчаса, онъ вдали снова увидѣлъ карету возвращающуюся по Невскому. На этотъ разъ солнце блеснуло изъ-за облаковъ и ярко красное—«Ду»—на передней части кузова блестѣло весело и игриво, будто дразнило глаза.

Разумѣется, всюду, гдѣ шель Шумскій, было только и рѣчи, что о путешествующей въ столицѣ, расписной въ три колера, каретѣ и о надписи «дуракъ».

— Онъ-то дуракъ—это точно, — шепталъ Шумскій. — А вотъ умнику-то сойдетъ ли это даромъ? Впрочемъ, что же тревожиться объ этомъ, коли умникъ-то завтра объ эту пору будетъ уже въ селеніи праведныхъ.

Въ сумерки, когда заблаговѣстили къ вечернямъ, костромичъ Иванъ Яковлевичъ, собравшійся было помолиться въ храмъ Божій, очутился совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ—въ полиціи.

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ).¹⁾

ХІ.

Третьейскій судъ Тютчева съ Языковымъ въ кружкѣ «Современника». — Комисіонерская контора. — Тютчевъ въ роли управляющаго имѣніемъ Тургенева. — Личность Анненкова и изданіе имъ сочиненій Пушкина. — Разсказъ Смирдина о женѣ Пушкина. — Появленіе комедіи Островскаго «Свои люди — сочтемся». — Постановка на сцену Тургеневскаго «Завтрака у предводителя». — Разговоръ Тургенева съ Островскимъ о Крымской войнѣ. — Крымская война.

ВЪ НАЧАЛѢ 50-хъ годовъ, въ кружкѣ «Современника» состоялся третьейскій судъ; судились между собой два короткіе пріятели литераторовъ Тютчевъ²⁾ и Языковъ, бывшіе постоянными членами кружка съ самаго начала пріѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ. Эти два пріятели затѣяли открыть комисіонерскую контору для провинціальныхъ жителей, которые могли бы выписывать чрезъ контору все, что имъ было нужно, начиная съ вещей въ полтину до тысячныхъ.

Тургеневъ и Анненковъ принимали живое участіе въ основаніи этой конторы, потому что были интимными друзьями семейства Тютчева, которому пришла мысль открыть контору для увеличенія своихъ средствъ къ жизни, но онъ не имѣлъ денегъ, а Анненковъ и Тургеневъ уговорили Языкова отдать на это предпріятіе всѣ свои деньги, суля ему огромные барыши.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 276.

²⁾ Этотъ Тютчевъ былъ однофамилецъ извѣстнаго поэта Ф. И. Тютчева и, кажется, состоялъ съ нимъ въ родствѣ.

Одинъ общій и давнишній знакомый Панаева и Языкова отговаривалъ послѣдняго пускаться въ коммерческое предпріятіе и доказывалъ, что условія съ компаніономъ нелѣпы.

Въ самомъ дѣлѣ по условію предложену Языкову, барыши дѣлились пополамъ съ компаніономъ, а за всеѣ расходы и убытки отвѣчалъ одинъ Языковъ, кромѣ того, Языковъ долженъ былъ платить компаніону три тысячи руб. жалованья.

Всеѣ переговоры съ Языковымъ о конторѣ происходили черезъ Тургенева и Анненкова. Языковъ вполне довѣрился имъ и такъ былъ увлеченъ, что никого не хотѣлъ слушать, отдавъ всеѣ свои деньги Тютчеву, чтобы онъ распоряжался устройствомъ конторы. Языковъ очень гордился своимъ демократическимъ поступкомъ, выставивъ свою дворянскую фамилію на вывѣскѣ конторы.

Тогда русское дворянство считало униженіемъ пускаться въ коммерческія дѣла, не только выставлять свою фамилію на вывѣскахъ.

Для открытія конторы Языкову надо было записаться въ купцы и онъ, придя къ Панаеву вечеромъ, когда были гости, спросилъ: «Господа, вы принимаете въ свое общество купца?» Всеѣ разсмѣялись его вопросу, а Анненковъ, хлопая по плечу Языкова, отвѣчалъ ему: «Такого почтеннаго коммерсанта мы, литераторы, съ радостью принимаемъ!» Разговоръ объ этой конторѣ было въ кружкѣ много и когда получена была изъ провинці первая повѣстка выслать на рубль иголокъ, то въ тотъ же вечеръ Тютчевъ созвалъ гостей-литераторовъ и угостилъ ихъ обильнымъ ужиномъ. Тютчевъ на широкую ногу устроилъ контору; нанята была на Невскомъ большая квартира, на одной половинѣ помѣстился онъ самъ съ семействомъ, а другая была занята конторой; наняты были нѣсколько артельщиковъ, упаковщиковъ и т. п., какъ будто-бы контора была завалена заказами. Рекламы о конторѣ очень дорого стоили, такъ что деньги Языкова быстро исчезли, а контора не принесла въ первый годъ никакихъ барышей и Языкову пришлось занимать деньги для уплаты за квартиру и другіе текущіе расходы по конторѣ. Тургеневъ и Анненковъ утѣшали Языкова, говоря, что всякое предпріятіе съ перваго года не даетъ барышей, и что Тютчевъ такъ отлично ведетъ дѣло, что оно въ будущемъ году дастъ большія выгоды. По видимому, дѣло пошло хорошо, потому что Тютчевъ подарилъ женѣ тысячный рояль, дорогой мѣхъ для салона и вообще зажилъ комфортабельно. Языковъ же напротивъ очень нуждался съ своимъ семействомъ и не смѣлъ требовать отъ Тютчева ни малѣйшаго свѣдѣнія о томъ, какъ идутъ дѣла въ конторѣ, когда же до Языкова стороной дошли жалобы на контору, что она неисправно выполняетъ заказы, и онъ рѣшился спросить разъясненія у своего компаніона, то вышла буря. Тургеневъ и Анненковъ прочли ему нотацію о неделикатности и доказывали, что онъ оскор-

билъ недовѣріемъ не только своего компаніона, но и его жену, такъ какъ она, не жалѣя своего здоровья, цѣлое утро ѣздитъ по лавкамъ и магазинамъ, выполняя заказы иногородныхъ дамъ; въ концѣ концовъ, они заставили Языкова извиниться передъ Тютчевымъ.

Между тѣмъ, жалобы на контору все болѣе и болѣе умножались, заказчицы возвращали полученные черезъ нея вещи назадъ и требовали обратно деньги.

Напримѣръ, тысячное ружье получалось со сломанной ложей отъ плохой укладки; въ выписанномъ сервизѣ половина посуды оказалась перебитой; ильковая дорогая шуба была сдѣлана по мѣркѣ миниатюрной дамы, а этой дамѣ присланъ былъ шелковый салопъ на рослаго плечистаго мужчину.

Медленность выполненія заказовъ простиралась до того, что мѣховую бархатную шубу, заказанную въ сентябрѣ, заказчица получила только лѣтомъ.

Понятно, что заказы конторѣ прекратились и убытки отъ подобныхъ небрежныхъ выполненій были крупныя. Пришлось ликвидировать дѣло, и 15,000 руб. залога едва хватило, чтобы покрыть всѣ потери. Языковъ былъ убитъ; вмѣсто барышей онъ потерялъ всѣ свои деньги, да еще сдѣлалъ долгъ. Тургеневъ и Анненковъ придумали домашній третейскій судъ, чтобы защитить честь Тютчева, котораго многіе обвиняли въ раззореніи Языкова. Но изъ этого судьбища ничего нельзя было понять. Анненковъ, какъ предсѣдатель суда, выслушавъ Языкова, говорилъ ему: «Вы, Михайлъ Александровичъ, вполне правы, какъ хозяинъ конторы, вы потерпѣли убытки и проч....»

А обращаясь къ Тютчеву, говорилъ ему: «Вы, Николай Николаевичъ, совершенно правы, исполняя добросовѣстнымъ образомъ ваши многотрудныя обязанности, не жалѣя своего здоровья и проч....» Такъ что въ продолженіе двухъ часовъ только и было слышно отъ Анненкова, то одной, то другой сторонѣ «вы правы, и вы правы».

Впрочемъ, положеніе Анненкова было затруднительное, ему хотѣлось сохранить прежнія пріятельскія отношенія между Языковымъ и Тютчевымъ, а потому онъ старался, чтобы всѣсы правосудія въ его рукахъ находились въ равновѣсіи.

Я была въ недоумѣніи—для чего хлопотали устроить этотъ третейскій судъ?

Языковъ по окончаніи суда сострилъ:

— Я, господа, теперь настоящій купецъ — обанкротился и судился!

Онъ въ сущности болѣе всего былъ опечаленъ тѣмъ, что его дружескія отношенія къ Тургеневу и Анненкову пострадають, такъ какъ они оба очень благоволили къ семейству Тютчева. На Тургенева въ этомъ семействѣ смотрѣли съ благоговѣніемъ, и ухаживали за нимъ въ высшей степени. Сначала, когда Тургеневъ

только-что познакомился съ этимъ семействомъ, которое состояло изъ жены Тютчева, тещи и свояченицы барышни, то смѣялся надъ ухаживаніемъ за нимъ мелкопомѣстныхъ помѣщицъ, вообразившихъ, что они могутъ женить его на пухлой и глупой провинціальной барышнѣ. Вообще сперва онъ отзывался не очень лестно и о женѣ Тютчева, называя ее «іезуитомъ въ юбкѣ».

Но потомъ, конечно, измѣнилъ свое мнѣніе и когда получилъ наслѣдство, то Тютчевъ съ семействомъ отправился управляющимъ въ его имѣніе. Тургеневъ говорилъ:

— Я такъ радъ, что Тютчевъ рѣшился изъ дружбы ко мнѣ бросить свою службу и поѣхать управлять моимъ имѣніемъ. Я самъ плохо понимаю въ сельскомъ хозяйствѣ да и не могу сидѣть долго въ деревнѣ, а никакому патентованному управляющему не рѣшусь довѣрить своихъ крестьянъ. Я знаю, какъ они всѣ смотрятъ на мужика. Въ гуманномъ же взглядѣ на крестьянъ Тютчева я совершенно увѣренъ, какъ и въ его честности, и буду покоенъ, что никакихъ притѣсненій мои крестьяне не будутъ терпѣть. Да и Тютчевъ будетъ не управляющій, а полный хозяинъ, а я буду гостемъ въ своемъ имѣніи.

Тютчевъ, однако, пробылъ не долго управляющимъ у Тургенева, который, проживъ лѣто въ деревнѣ, осенью вернулся въ Петербургъ и удивилъ меня жалобами на Тютчева. Онъ говорилъ Некрасову и Панаеву:

— Тютчевъ меня раззорилъ, я по его милости не получу и четверти того дохода, который всегда получался съ имѣнія. Это какой-то сумасшедшій!... вообразите—вздумалъ платить мужикамъ за подводы; бабъ за разчистку сада поденно расчитывалъ! а, каково вамъ это покажется? Направо, налѣво раздастъ мужикамъ займы хлѣбъ, покупаетъ имъ лошадей, коровъ!.. Однимъ словомъ дѣйствуетъ, какъ человѣкъ, который задался задачей раззорить меня! Ничего не понимаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ, все путаетъ, хаосъ какой-то надѣлалъ! Набаловалъ такъ крестьянъ, что съ ними теперь не будетъ сладу. Я просто въ отчаяніи! Цѣлое лѣто я чортъ знаетъ какъ провель, точно былъ въ своемъ имѣніи приживальщикъ. Если мнѣ нужно было ѣхать куда-нибудь, я долженъ спрашиваться—могу ли взять экипажъ, потому что семейство моего управляющаго, можетъ быть, вздумаетъ ѣхать въ гости къ сосѣдямъ. Назовутъ къ себѣ гостей, которые живутъ по нѣскольку дней у меня въ домѣ, и я долженъ еще любезничать съ ними! Это только со мной могутъ такія вещи продѣлывать!.. Что я теперь буду дѣлать? оставить его—значитъ полное раззореніе?

— Почему же ты, уѣзжая изъ имѣнія, не объяснился съ Тютчевымъ?—спросилъ его Некрасовъ.

— Помилуй, да я находился въ такомъ положеніи, что слова не смѣлъ сказать, сейчасъ всѣ дуются на меня, третируютъ хуже

лакея; я былъ несчастнѣйшій человѣкъ и нашелъ самымъ лучшимъ бѣжать скорѣй изъ своего имѣнія. Анненковъ мнѣ совѣтуетъ послать другого управляющаго, но я на это не рѣшусь! Меня живого съѣдятъ дамы Тютчева, да и онъ начнетъ вездѣ кричать, что я поступилъ съ нимъ безбожно! Нѣтъ, пусть все пропадаетъ!!!..

Однако, Тургеневъ все-таки рѣшился послать въ имѣніе другого управляющаго, человѣка вполне опытнаго.

Тютчевъ вернулся съ семействомъ въ Петербургъ въ страшномъ неудовольствіи на Тургенева и обвинялъ его въ томъ, что онъ тоже раззорилъ его:

— Я бросилъ для него казенное мѣсто, распродалъ всю мебель, — жаловался Тютчевъ. — Иванъ Сергѣевичъ умолялъ меня ѣхать въ его имѣніе не какъ управляющаго, а какъ своего друга, которому онъ только можетъ вѣрить своихъ крестьянъ, зная мой гуманный взглядъ на нихъ, предоставлялъ мнѣ быть полнымъ хозяиномъ въ его имѣніи. И вдругъ, не объясняясь со мной, уѣхалъ изъ имѣнія, и чрезъ мѣсяць прислалъ управляющаго съ полномочіемъ принять отъ меня всѣ дѣла!.. Такъ не поступаютъ даже съ простымъ управляющимъ, а не только съ человѣкомъ, съ которымъ столько лѣтъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. И на что онъ изъясняетъ свое неудовольствіе? На то, что я слишкомъ баловалъ его крестьянъ! Онъ долженъ былъ знать, что я не способенъ къ роли угнетателя и не могъ выжимать всѣ силы изъ крѣпостного мужика. Какихъ-нибудь 50 копѣекъ давалъ я за подводу, когда она нужна была для барскаго дома и мнѣ это ставится въ укоръ, будто я раззоряю его!

Слушая жалобы и претензіи съ двухъ сторонъ, трудно было разобрать, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Анненковъ, такъ же какъ и на третейскомъ судѣ, балансировалъ въ спорѣ между Тургеневымъ и Тютчевымъ. Слушая жалобы Тургенева на управленіе его имѣніемъ бывшаго своего друга, онъ поддакивалъ: «да, да, странный человѣкъ Тютчевъ, ты совершенно правъ!»

Когда же Тютчевъ осуждалъ при немъ Тургенева, Анненковъ восклицалъ:

— Эхъ, вѣтренникъ этотъ, Иванъ Сергѣевичъ; вы правы, Николай Николаевичъ, и проч.

Не знаю, какъ въ другомъ обществѣ велъ себя Анненковъ, но въ кружкѣ Бѣлинскаго, онъ никогда не высказывалъ своихъ мнѣній, а лишь поддакивалъ авторитетнымъ личностямъ; съ остальными же обходился какъ-то начальнически, говорилъ дѣловымъ тономъ, но чуть только человѣкъ начиналъ пріобрѣтать извѣстность въ литературѣ, Анненковъ тотчасъ же дѣлался его другомъ.

Это рѣзко было видно на Тургеневѣ. Когда онъ, при началѣ своего литературнаго поприща, еще не имѣлъ извѣстности, то Анненковъ игнорировалъ его и даже называлъ «аристократомъ».

Тургеневъ тоже сначала говорилъ объ Анненковѣ:

— Замѣтили вы, господа, что отъ Анненкова никогда не услышишь его собственнаго мнѣнія о чемъ бы то ни было; онъ ограничивается только поддакиваніемъ. Большой промахъ сдѣлалъ онъ, избравъ себѣ литературную карьеру; съ его бездарностью, онъ всегда будетъ только повторять чужія мысли. Это ходячая контрафакція. Я часто для потѣхи говорю ему одно и онъ глубокомысленно поддакиваетъ мнѣ: чрезъ нѣсколько времени говорю другое и онъ точно также поддакиваетъ. Если бы онъ избралъ чиновничью карьеру, то начальство вытянуло бы его за уши на видное мѣсто за его умѣнье поддакивать. Какъ онъ увивается за Бѣлинскимъ,—точно мелкій чиновникъ за своимъ непосредственнымъ начальникомъ. Но что замѣчательно въ немъ, это простодушіе въ его постоянномъ смѣхѣ, которымъ онъ старается замаскировать свою пронырливую натуру.

Очень часто литераторы разсуждали о томъ, что послѣ смерти Пушкина не издаются его сочиненія.

Разъ, одинъ молодой человекъ, не литераторъ, но ярый поклонникъ русской литературы, на вечерѣ у Панаева, сказалъ:

— Вамъ литераторамъ надо было бы давно соединенными силами купить у наслѣдниковъ право и издать полное собраніе сочиненій Пушкина. Какую бы благодарность вы заслужили отъ русской публики. Право стыдно вамъ такъ равнодушно относиться къ такимъ замѣчательнымъ поэтамъ.

Завязался по этому поводу разговоръ и литераторы оправдывались тѣмъ, что надо много денегъ.

— Полноте, господа, если бы вы захотѣли, то деньги нашлись бы. Можно было бы устроить изданіе на акціяхъ. Я первый возьму нѣсколько акцій и берусь доставить вамъ десятки акціонеровъ; соберется капиталъ и приступайте къ изданію. Ну сколько приблизительно будетъ стоить изданіе?—спросилъ онъ, обращаясь къ Некрасову, какъ компетентному лицу изъ присутствующихъ.

Некрасовъ сказалъ приблизительную цифру, во что можетъ обойтись изданіе Пушкина.

Нѣкоторые литераторы начали доказывать, что затрата денегъ такъ велика, что изданіе не окупить расходовъ. Некрасовъ возражалъ, что напротивъ оно даже принесетъ большой барышъ и прибавилъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, господа, надо бы намъ сообща серьезно обсудить это дѣло. Каждый внесетъ сумму по его средствамъ; ну, вообразимъ, хотя это и немислимо, что барыша не получимъ, но пайщики во всякомъ случаѣ не потеряютъ своихъ денегъ. Надо сдѣлать два изданія: одно на хорошей бумагѣ, крупной печатью, а другое—компактное, чтобы каждому бѣдняку было доступно купить Пушкина. Продажа пойдетъ бойко,—это вѣрно.

Очень часто въ кружкѣ толковали о разныхъ литературныхъ полезныхъ предпріятіяхъ, но изъ этихъ толковъ не выходило, обыкновенно, никакихъ результатовъ.

Не прошло и мѣсяца послѣ вечера, на которомъ говорилось объ изданіи сочиненій Пушкина, какъ Панаевъ встрѣтилъ на Невскомъ одного господина часто бывавшаго въ домѣ вдовы Пушкина, уже вышедшей замужъ за генерала Ланскаго. Этотъ господинъ разсказалъ ему, что Анненковъ, чрезъ своего брата, короткаго знакомаго съ Ланскимъ, купилъ право на изданіе сочиненій Пушкина.

Панаевъ вернулся домой и за обѣдомъ, къ которому собрались Тургеневъ и еще нѣсколько литераторовъ, сообщилъ эту важную новость.

— Каковъ нашъ простодушный русскій кулачекъ,—воскликнулъ Тургеневъ,—хоть бы словечкомъ обмолвился о своихъ замыслахъ? Это ты все виноватъ, Некрасовъ, помнишь, разъ вечеромъ высчитывалъ барыши какіе можно получить отъ изданія Пушкина—вотъ и раззадорилъ аппетитъ у Анненкова на наживу денегъ!.. Но Боже мой! воображаю, какъ нашъ «Кирюша» издастъ Пушкина, если самъ будетъ редактировать! О, несчастный Пушкинъ, я думаю его кости содрогнутся въ могилѣ отъ ужаса, что онъ попалъ въ руки такому бездарному издателю!

— Но вѣроятно Анненковъ будетъ просить совѣтовъ у всѣхъ, въ такомъ важномъ дѣлѣ,—замѣтилъ кто-то.

— Онъ даже обязанъ это сдѣлать, такъ какъ самъ лицо не компетентное въ поэзіи,—сказалъ Панаевъ,—издать Пушкина надо добросовѣстно и нельзя полагаться на одного себя; надо, чтобы другіе литераторы приняли самое горячее участіе, и сообща потрудились бы надъ такимъ изданіемъ.

— Какъ вы всѣ наивны, господа!—сказалъ Тургеневъ,—такіе люди, какъ Анненковъ, до такой степени самонадѣянны, что не признаютъ ничьихъ совѣтовъ особенно гдѣ дѣло идетъ о барышахъ. Да притомъ онъ пожелаетъ, чтобы ему одному принадлежала честь изданія Пушкина... Имя Анненкова, какъ литератора, до сихъ поръ никому не было извѣстно, а тутъ оно будетъ красоваться на каждомъ экземплярѣ Пушкина.

Въ этотъ вечеръ у Панаева долженъ былъ собраться весь кружокъ литераторовъ и всѣ нетерпѣливо ждали прихода Анненкова. Тургеневъ упрасивалъ всѣхъ, чтобы не начинать разговора съ Анненковымъ о его пріобрѣтеніи, желая посмотреть—заговорить ли онъ самъ объ этомъ. Анненковъ явился, но ни слова не сказалъ о своей покупке. Панаевъ не вытерпѣлъ и сказалъ ему:

— А ты долженъ сегодня угостить насъ всѣхъ шампанскимъ.

— Нѣтъ ужиномъ у Дюссо!—крикнули нѣсколько голосовъ.

Всѣмъ была извѣстна расчетливость Анненкова, который никогда не истратилъ гроша, чтобы угостить кого-нибудь обѣдомъ или ужиномъ.

— Да, да ужиномъ съ трюфелями и большимъ количествомъ шампанскаго, надо сдѣлать вспрыски,—опять раздались голоса.

Анненковъ понялъ въ чемъ дѣло, но дѣлалъ видъ недоумѣвающего человѣка.

— Что съ вами господа? Какія вспрыски?

— Не отвливайте, намъ всѣмъ извѣстна ваша покупка права изданія сочиненій Пушкина,—сказалъ Г...

— Это вовсе не я купилъ, а мой братъ,—отвѣтилъ Анненковъ.

Раздался общій хохотъ, потому что всѣ знали, что его брату подобная мысль не могла придти въ голову, такъ какъ это былъ человѣкъ совершенно не интересовавшійся русской литературой.

— Хотите я вамъ документъ покажу,—воскликнулъ Анненковъ.

— Намъ нуженъ не документъ, а ужинъ,—отвѣчали ему.

Анненковъ пожалъ плечами, засмѣялся своимъ обычнымъ громкимъ принужденнымъ смѣхомъ и произнесъ:

— Вотъ шутники, рады придратъся ко всему, чтобы поужинать у Дюссо... Извольте, господа, я васъ угощу ужиномъ, когда выйдетъ изданіе!

— Тогда обѣдомъ! а теперь ужиномъ,—крикнулъ Тургеневъ.

Всѣ подтвердили это требованіе.

— Обѣдомъ, ужиномъ!—воскликнулъ Анненковъ,—да знаете ли, господа, расходы по изданію будутъ такъ огромны, что врядъ ли оно окупится.

— Ну, Анненковъ, ты тогда и не подумалъ бы издавать Пушкина!—замѣтилъ Некрасовъ.

— Я не о барышахъ думаю,—обидчиво отвѣчалъ Анненковъ.— Я не умѣю спекулировать литературой.

Некрасовъ понялъ намекъ и язвительно проговорилъ:

— Да, значить ты съ благотворительною цѣлію предпринялъ это изданіе.

Видя, что разговоръ начинаетъ принимать личные счеты, присутствующіе поспѣшили прекратить его и стали спрашивать Анненкова о подробностяхъ его пріобрѣтенія.

Анненковъ каждый день утромъ употреблялъ нѣсколько часовъ для разбора бумагъ Пушкина въ квартирѣ генерала Ланскаго.

Съ Анненкова взято было честное слово, что онъ всѣ частные письма и вообще всѣ бумаги, касающіяся семейныхъ дѣлъ, не будетъ читать, а только выберетъ тѣ бумаги, которыя ему будутъ нужны для изданія. Однако Анненковъ рассказывалъ въ кружкѣ, какія пасквильныя анонимныя письма писались Пушкину о его семейныхъ дѣлахъ и что онъ нашелъ въ бумагахъ начатое письмо Пушкина къ какому-то своему другу, въ которомъ Пушкинъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ описывалъ свое семейное положеніе.

Кстати упомяну, что я слышала еще въ 40 году отъ книгопродавца Смирдина о Пушкинѣ.

Панаеву понадобилась какая-то старая книга и мы зашли въ магазинъ Смирдина. Хозяинъ пилъ чай въ комнатѣ за магазиномъ, пригласилъ насъ туда, и пока приказчики отыскивали книгу угощаль чаемъ; разговоръ зашелъ о женѣ Пушкина, которую мы только-что встрѣтили при входѣ въ магазинъ.

— Характерная-съ должно быть дама-съ,—сказалъ Смирдинъ.— Мнѣ разъ случилось говорить съ ней... Я пришелъ къ Александру Сергѣевичу за рукописью и принесъ деньги-съ; онъ поставилъ мнѣ условіемъ, чтобы я всегда платилъ золотомъ, потому что ихъ супруга, кромѣ золота, не желала брать другихъ денегъ въ руки. Вотъ-съ, Александръ Сергѣевичъ мнѣ и говоритъ, когда я вошелъ-съ въ кабинетъ: «Рукопись у меня взяла жена, идите къ ней, она хочетъ сама васъ видѣть», и повелъ меня; постучались въ дверь; она отвѣтила «входите». Александръ Сергѣевичъ отворилъ двери, а самъ ушелъ; я же не смѣю переступить порога, потому что вижу-съ даму, стоящую у трюмо, опершись одной колѣной на табуретку, а горничная шнуруетъ ей атласный корсетъ.

— Входите, я тороплюсь одѣваться,—сказала она.—Я васъ для того призвала къ себѣ, чтобы вамъ объявить, что вы не получите отъ меня рукописи, пока не принесете мнѣ сто золотыхъ вмѣсто пятидесяти. Мой мужъ дешево продалъ вамъ свои стихи. Въ шесть часовъ принесите деньги, тогда и получите рукопись... Прощайте...

— Все это она-съ проговорила скоро, не поворачивая головы ко мнѣ, а смотрѣлась въ зеркало и поправляла свои локоны, такіе длинныя на обѣихъ щекахъ. Я поклонился, пошелъ въ кабинетъ къ Александру Сергѣевичу и засталъ его сидящимъ у письменнаго стола съ карандашемъ въ одной рукѣ, которымъ онъ проводилъ черты по листу бумаги, а другой рукой подпиралъ голову-съ и они сказали-съ мнѣ:

— Что? съ женщиной труднѣе поладить, чѣмъ съ самимъ авторомъ? Нечего дѣлать, надо вамъ ублажить мою жену; ей понадобилось заказать новое бальное платье, гдѣ хочешь подай денегъ... Я съ вами потомъ сочтусь.

— Что же принесли деньги въ шесть часовъ?—спросилъ Панаевъ.

— Какъ же было не принести такой дамѣ,—отвѣчалъ Смирдинъ.

За достовѣрность этого разсказа, конечно, не могу ручаться, а передаю только то, что слышала.

Когда полное собраніе сочиненій Пушкина вышло, то Тургеневъ очень горячился и говорилъ, что «надо отодрать такого издателя» жестоко розгами, и находилъ, что хуже трудно было издать Пушкина.

— Я ничего хорошаго и не ждалъ,—твердилъ онъ,—но это превзошло мои ожиданія, а еще Анненковъ хвастался—сколько у него матеріаловъ въ рукахъ!.. Это обидно, возмутительно!

По общему мнѣнію, изданіе сочиненій Пушкина вышло плохое. Но самъ Анненковъ такъ высоко поднялъ голову и заговорилъ такимъ авторитетнымъ тономъ, что Некрасовъ сказалъ:

— Анненковъ вѣроятно думаетъ, что и онъ воздвигнулъ себѣ памятникъ нерукотворный!

Тургеневъ воскликнулъ: «позорный!»

О появленіи комедіи Островскаго «Свои люди—сочтемся», много было разговоровъ въ кружкѣ. Некрасовъ чрезвычайно заинтересовался авторомъ и хлопоталъ познакомиться съ Островскимъ и пригласить въ сотрудники «Современника».

Не помню, черезъ посредство кого произошло знакомство Островскаго съ кружкомъ «Современника», но очень хорошо помню обѣдъ, на которомъ въ первый разъ присутствовали Островскій, и на который были приглашены всѣ сотрудники «Современника».

Островскій первый разъ явился въ кружкѣ съ актеромъ И. Ѳ. Горбуновымъ, тогда только поступившимъ на императорскую сцену на самыя маленькія роли.

Впрочемъ, и впослѣдствіи въ каждый свой пріѣздъ изъ Москвы Островскій постоянно являлся въ сопровожденіи Горбунова.

Обѣдъ, данный для Островскаго, былъ очень оживленъ, потому что Горбуновъ потѣшалъ всѣхъ своими разказами. Островскій любовно улыбался на разказчика, какъ любящій отецъ на своего сына, а Горбуновъ благоговѣлъ передъ Островскимъ, и это благоговѣніе было самое искреннее.

Я никогда не слыхала отъ Островскаго какихъ-нибудь разказовъ о частной жизни литераторовъ. Хотя Островскій и жилъ въ Москвѣ, но это не помѣшало любителямъ распространять слухи о его частной жизни: будто онъ пьетъ безъ просыпу и толстая деревенская баба командуетъ надъ нимъ.

Когда разказчику замѣтили, что Островскій, кромѣ бѣлаго вина, ничего не пилъ за обѣдомъ, то на это слѣдовало объясненіе, что Островскій, пріѣзжая въ Петербургъ, боится выпить рюмку водки, потому что тогда онъ уже запьетъ запоемъ. Но кромѣ слуховъ о его частной жизни, появились и другіе.

Разъ, прибѣгаетъ въ редакцію литераторъ, извѣстный вѣстовщикъ всякихъ новостей, и совершенно какъ въ «Ревизорѣ» Добчинскій, захлебываясь, передаетъ, что «Свои люди сочтемся» принадлежатъ одному пропившемуся кутилѣ, купеческому сыну, который принесъ рукопись Островскому исправить, а Островскій, исправивъ ее, присвоилъ себѣ. Когда стали стыдить литературнаго Добчинскаго въ распространеніи нелѣпой новости, то онъ клялся, что это достовѣрно, что его знакомый москвичъ знаетъ этого кутилу купеческаго сынка, который самъ ему жаловался на Островскаго въ утайкѣ его рукописи.

Очень смѣшно мнѣ было видѣть, когда литературный Добчин-

скій присутствовали при чтеніи второй комедіи Островскаго и восторгался новой его піесой, забывъ уже, что усердно распространялъ нелѣпѣйшіе слухи о присвоеніи имъ чужой рукописи.

Островскій читалъ свои піесы съ удивительнымъ мастерствомъ; каждое лицо въ піесѣ—мужское или женское—рельефно выдѣлялось и, слушая его чтеніе, казалось, что передъ слушателями разыгрываютъ свои роли отличные артисты. Много было неприятностей и хлопотъ Островскому, чтобы добиться постановки первой своей комедіи на сцену, но потомъ каждая его новая піеса, поставленная на Александринской сценѣ, составляла событіе какъ для артистовъ, такъ и для публики, а также для дирекціи, потому что сборы были всегда полные.

Островскій, когда ставились его піесы на сцену, пріѣзжалъ изъ Москвы, и много возился съ артистами, чтобы они хорошенько вникли въ свои роли. Островскій чуть не до слезъ умилялся, если артистъ, или артистка старались исполнить его указанія. Къ Мартынову онъ чувствовалъ какое-то боготвореніе. Островскій былъ исключеніемъ изъ драматурговъ по своей снисходительности къ артистамъ; онъ никогда не бранилъ ихъ, какъ другіе, но еще защищалъ, если при немъ осуждали игру какого-нибудь изъ артистовъ.

— Нѣтъ, онъ право не такъ плохъ, какъ вы говорите!—оставлялъ Островскій строгаго критика,—онъ употребилъ все стараніе, но что дѣлать если у него мало сценическаго таланта.

Не то было съ Тургеневымъ; онъ приходилъ съ репетицій обѣдать къ Панаеву, когда ставилась его піеса «Завтракъ у предводителя», бѣсновался и говорилъ:

— Это не артисты, а балаганные паяцы! Они воображаютъ, что въ грубой шаржировкѣ и кривляньи вся суть сценическаго искусства, да и какъ могутъ быть они хорошими артистами, когда поголовно круглые невѣжды! Провалятъ мою піесу, опозорятъ меня.

Тургеневъ въ день спектакля ничего не ѣлъ за обѣдомъ, такъ былъ ажитированъ. Панаевъ его утѣшалъ тѣмъ, что взялъ честное слово съ своихъ знакомыхъ молодыхъ людей, что они будутъ въ театрѣ;—мы тебя вызовемъ! будь покоенъ—говорилъ онъ.

Тургеневъ долженъ былъ остаться довольнымъ, пріѣхавъ въ спектакль; кромѣ всѣхъ членовъ кружка «Современника» и другихъ литераторовъ, явившихся смотрѣть его піесу, первые ряды креселъ были заняты блестящей молодежью, знакомыми Панаева.

Вообще, тогда высшее общество считало почему-то неприличнымъ бывать въ Александринскомъ театрѣ и посѣщало только Большой и Михайловскій театры.

Автора дружно вызвали и Тургеневъ изъ директорской ложи раскланивался съ публикой. Піеса разыграна была очень хорошо; Сосницкій, Линская, были превосходны въ своихъ роляхъ. Марты-

новъ, у котораго вся роль состояла изъ двухъ, трехъ фразъ, сдѣлалъ изъ нея первую роль, такая замѣчательная мимика была у него въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ.

Въ этой безловесной роли онъ показалъ, какъ былъ великъ его сценическій талантъ.

«Завтракъ у предводителя», однако, не долго продолжался въ репертуарѣ, потому что постоянная публика Александринскаго театра такъ привыкла къ пошлымъ водевилямъ, что тонкій и настоящій юморъ былъ ей не по вкусу.

Я была на третьемъ представленіи «Завтрака у предводителя» и мнѣ было досадно, что двое приживальщиковъ Тургенева оказали ему медвѣжьёю услугу,—вздумавъ вызывать автора; ихъ голоса были заглушены дружнымъ шиканьемъ.

Тургенева это страшно огорчило и онъ въ горячности давалъ клятву, что для такой тупоумной публики никогда болѣе не будетъ писать піесъ. Въ сущности онъ былъ правъ, потому что его піеса была перломъ между тѣми піесами, которыя давались тогда на русской сценѣ... Черезъ нѣсколько времени, однако, Тургеневъ опять написалъ піесу «Провинціалку» и поставилъ ее на сцену. Эта піеса держалась въ репертуарѣ дольше, потому что въ ней играли двѣ любимицы публики Вѣра В. Самойлова и Снѣткова. Если не ошибаюсь, Щепкинъ, пріѣхавшій въ Петербургъ на гастроль, взялъ эту піесу для своего бенефиса.

Щепкинъ былъ уже старъ и въ сценѣ признанія, что онъ отецъ богатой помѣщицы, такъ разчувствовался, что расплакался и едва могъ говорить свою роль.

Островскій пріѣхалъ въ Петербургъ лѣтомъ хлопотать о постановкѣ своей комедіи на Александринской сценѣ, а въ это время уже готовилась Крымская война.

За обѣдомъ присутствующіе только и говорили, что о войнѣ.

Островскій не принималъ никакого участія въ жаркихъ спорахъ о предстоящей войнѣ и когда Тургеневъ замѣтилъ ему,—неужели его не интересуеть такой животрепещущій вопросъ, какъ война, то Островскій отвѣчалъ:

— Въ данный моментъ меня болѣе всего интересуеть—дозволить ли здѣшняя дирекція поставить мнѣ на сцену мою комедію.

Всѣ ахнули, а Тургеневъ замѣтилъ съ многозначительной улыбкой:—Странно, я не ожидалъ такого въ васъ равнодушія къ Россіи!

— Чтò тутъ для васъ страннаго? Я думаю, что еслибы и вы находились въ моемъ положеніи, то также бы интересовались участію своего произведенія; я пишу для сцены и если мнѣ не разрѣшатъ ставить на сцену свои піесы, я буду самымъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Когда Островскій и другіе гости разъѣхались и остались самые короткіе литераторы изъ кружка, то Тургеневъ разразился негодованіемъ на Островскаго:

— Нѣтъ, каковъ нашъ купеческій Шекспиръ?!—у него чертовское самомнѣніе о самомъ себѣ! и съ какимъ гоноромъ онъ возвѣстилъ о томъ, что постановка на сцену его комедіи важнѣе для Россіи, чѣмъ предстоящая война. Я давно замѣтилъ его пренебрежительную улыбочку, съ какой онъ на насъ всѣхъ смотритъ. «Какое вы всѣ—ничтожество передъ моимъ великимъ талантомъ!»

— Полно Тургеневъ, остановилъ его Некрасовъ, ты когда расходишься, то удержи тебѣ нѣтъ! Въ тебѣ двѣ крайности—или ты слишкомъ строго, или черезчуръ снисходительно относишься къ людямъ; а на счетъ авторскаго самолюбія, то у кого его нѣтъ изъ насъ?.. Островскій только откровеннѣе другихъ.

— Я, братъ, при встрѣчѣ съ каждымъ субъектомъ дѣлаю ему психическій анализъ и не ошибаюсь въ діагнозъ,—отвѣтилъ Тургеневъ.

Некрасовъ улыбнулся, да и другіе также, потому что было множество фактовъ, какъ Тургеневъ самыхъ пошлыхъ и бездарныхъ личностей превозносилъ до небесъ, а потомъ самъ называлъ ихъ пошляками и дрянцой...

Мы жили на дачѣ между Ораніенбаумомъ и Петергофомъ на берегу моря, когда непріятельская эскадра появилась около Кронштадта и одинъ пароходъ появился въ туманное утро почти у самой крѣпости, тогда какъ всѣ были увѣрены, что невозможно пройти, потому что фарватеръ былъ затопленъ судами.

Пароходъ этотъ былъ видѣнъ съ берега, съ нашей дачи; онъ постоялъ немного и скрылся. Изъ Кронштадской крѣпости началась такая страшная канонада, что у насъ на дачѣ дрожали стекла, а дача стояла на разстояніи 6-ти верстъ отъ крѣпости. По шоссе въ Ораніенбаумъ скакали экипажи, верховые, артиллерія, конница, шла форсированнымъ шагомъ пѣхота, тянулись полковые обозы. Я видѣла, какъ на тройкѣ въ коляскѣ проскакалъ государь Николай Павловичъ къ Ораніенбауму и за нимъ нѣсколько генераловъ.

У государя было мрачное выраженіе лица, но онъ съ обычнымъ величавымъ спокойствіемъ смотрѣлъ по сторонамъ на войска идущіе по дорогѣ.

Когда онъ ѣхалъ назадъ, его нельзя было узнать; онъ сидѣлъ въ коляскѣ съ поникшей головой и глаза его были закрыты, точно онъ спалъ; блѣдность его лица была мертвенная.

Изъ Петергофа на дачу къ намъ часто ѣздила одна компетентная личность въ военномъ дѣлѣ... М... былъ тогда еще не въ большомъ чинѣ. Когда его спросили—готовы ли мы къ войнѣ, которая по ходу дипломатическихъ отношеній французскаго двора къ русскому, была неизбѣжна, то М... отвѣчалъ:—«по бумагамъ мы вполне готовы! но съ первыхъ же военныхъ дѣйствій обнаружится страшный недостатокъ во всемъ: всѣ озабочены вовсе не тѣмъ, чѣмъ

слѣдуетъ. На вѣсъ золота будутъ покупать селитру, запасистъ которой и не думаютъ, а когда начнется война, то ея доставка будетъ невозможна изъ-за границы; медицинская часть тоже въ плачевномъ состояніи, операціонныхъ инструментовъ мало да и то плохіе, докторамъ придется тупыми ножами ампутировать раненыхъ. Интендантство въ такомъ жалкомъ видѣ, что и въ мирное время никуда негодно, а въ военное оставитъ войско безъ сапогъ, безъ шинелей и безъ сухарей.—Все прекрасно для парадовъ и никуда негодно для войны. Не столько погибнетъ русскихъ солдатъ отъ войны, сколько—отъ болѣзней, вслѣдствіе отсутствія гигиеническихъ мѣръ, которыя необходимо должны быть предусмотрѣны высшимъ начальствомъ.»

Всѣ предсказанія М..., къ несчастію, оправдались въ Крымскую войну... М... постоянно бывалъ въ кружкѣ литераторовъ и пользовался общимъ уваженіемъ по своему образованію, а главное—по своимъ либеральнымъ взглядамъ. Онъ много говорилъ о необходимости коренныхъ преобразованій по всѣмъ частямъ военнаго вѣдомства.

Всѣ сожалѣли, что такой гуманный и знающій человекъ въ военномъ дѣлѣ, по своему чину не имѣетъ голоса, и едва ли можетъ дослужиться до такого положенія, которое дало бы ему возможность провести въ жизнь его взгляды на реформы, потому что онъ такъ былъ слабъ здоровьемъ. М... едва передвигалъ ноги и постоянно жаловался на слабость своихъ силъ. Мнѣ пришлось однако видѣть, какъ служебная карьера М... постоянно повышалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала его физическая слабость; когда же онъ выдвинулся на видъ, то сдѣлался совершенно бодрымъ и всѣ болѣзни съ него сняло какъ рукой.

Всѣ литераторы, которые его знали, радовались его повышенію и восхищались простотой его обхожденія со всѣми, когда онъ достигъ значительнаго поста, и попрежнему являлся къ Панаеву на литературныя собранія, внимательно прислушиваясь къ сужденіямъ нѣкоторыхъ личностей, выдѣлявшихся въ 60-хъ годахъ своими серьезными статьями въ «Современникѣ». Особенно М... ухаживалъ за Ч., всегда усаживался за ужиномъ около него и допытывался его мнѣній о реформахъ.

Ч. былъ очень близорукъ и часто М..., услуживая ему за ужиномъ, подавалъ ему блюдо.

На меня всѣ возставали, когда я недовѣрчиво относилась къ простотѣ и любезностямъ М..., которыми всѣ остальные восхищались. Послѣдствія доказали, что я не ошиблась. Какъ только М... достигъ власти, то однимъ изъ первыхъ его дѣлъ было запрещеніе полковымъ бібліотекамъ выписывать «Современникъ». Это извѣстіе такъ ошеломило Панаева, что онъ не хотѣлъ сначала ему вѣрить, но къ своему крайнему огорченію долженъ былъ преклониться передъ неопровержимымъ фактомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, М... сильно повредилъ Ч. которому та, чѣь услуживалъ прежде, высказавъ о немъ мнѣніе, какъ о самомъ въ'сдномъ человѣкѣ по своему образу мыслей.

Для многихъ теперь покажется страннымъ для чего было нужно такимъ людямъ заискивать расположеніе въ литераторахъ. Но послѣ Крымской войны печатное слово получило вѣсь въ обществѣ; всѣ сознавали, что необходимъ прогрессъ во всемъ и съ жаждностью набросились на чтеніе журналовъ, которые, по возможности, обсуждали реформы предпринимаемыя въ Россіи.

М... нужна была популярность и онъ увивался около тѣхъ литераторовъ, которые своимъ умомъ и многостороннимъ знаніемъ пріобрѣли авторитетный голосъ въ печати.

Многіе общественные дѣятели искали тогда поддержки въ литературѣ.

XII.

Литераторъ Н. въ роли «нянюшки Дюма» и самъ А. Дюма въ гостяхъ у графа Кушелева.—Первый визитъ Дюма къ Панаеву.—Второй визитъ къ Панаеву на дачѣ около Петергофа.—Разсказъ секретаря Дюма.—Третій и послѣдній визитъ Дюма къ Панаеву.—Искрасовъ и французы.—Несостоявшаяся дуэль Некрасова съ докторомъ-французомъ изъ-за стихотворенія «Княгиня».—Н. И. Костомаровъ.—Потѣшный казусъ съ нимъ.—«Пуганная ворона куста боится».—Тургеневъ въ роли критика графа Л. Н. Толстого.

Мы жили нѣсколько лѣтъ на одной и той же дачѣ, близъ Ораніенбаума. Всѣ приходили въ восторгъ отъ нея и въ самомъ дѣлѣ трудно было найти болѣе удобный лѣтній пріютъ.

Построенная въ видѣ красиваго швейцарскаго домика, дача находилась на берегу взморья, вдали отъ всякаго жилья и посреди громаднаго парка, съ тѣнистой, липовой аллеей, тянувшейся почти три четверти версты, такъ что дачники Петергофа и Ораніенбаума пріѣзжали гулять въ нашъ паркъ и любовались швейцарскимъ домикомъ, стѣны котораго были красиво декорированы гортензіями и другими растеніями, а передъ домомъ была разбита огромная клумба разнообразныхъ цвѣтовъ, раставлены скамейки, стулья и столики, на которыхъ мы всегда обѣдали и завтракали.

Панаевъ, какъ я уже упоминала была большой любитель дальнихъ прогулокъ; ему было непочемъ пройти двадцать верстъ и часто пригласивъ своего гостя «пройтись», онъ приводилъ его обратно въ самомъ плачевномъ видѣ отъ усталости.

Кто зналъ, что значить у Панаева «пройтись», тотъ, идя съ нимъ гулять, заранѣе дѣлалъ условіе, чтобы онъ не заводилъ его слишкомъ далеко.

Въ 1858 году у насъ на дачѣ гостилъ молодой литераторъ Н. Впрочемъ, онъ часто исчезалъ на цѣлые недѣли на дачу къ графу Кушелеву, котораго тогда окружали разные литераторы. Кушелевъ былъ самъ литераторъ и издавалъ журналъ «Русское Слово». При его огромномъ богатствѣ, конечно, у него было много литераторовъ-поклонниковъ.

Знаменитый французскій романистъ Александръ Дюма, пріѣхавъ въ Петербургъ, гостилъ на дачѣ у графа Кушелева и литераторъ Н. сдѣлался его другомъ, или, какъ я называла Н. «нянюшкой Дюма», потому что онъ всюду сопровождалъ французскаго романиста.

Н. говорилъ какъ французъ, и къ тому же обладалъ талантомъ комически рассказывать разныя бывалыя и небывалыя сцены о каждомъ своемъ знакомомъ. Для Дюма онъ былъ сущимъ кладомъ.

Н. объявилъ намъ, что Дюма непременно желаетъ познакомиться съ редакторами «Современника» и ихъ сотрудниками, и горячо доказывалъ, что намъ слѣдуетъ принять Дюма поевропейски. Я настаивала только, чтобы чествованіе Дюма происходило не на дачѣ, а на городской квартирѣ, потому что наша дача была мала, да и вообще мнѣ постоянно было много хлопотъ съ неожиданными пріѣздами гостей, потому что было крайне затруднительно доставать провизію, за которой приходилось посылать въ Петергофъ, отстоявшій отъ нашей дачи въ четырехъ верстахъ. По моей просьбѣ, рѣшено было принять Дюма на городской квартирѣ, сдѣлать ему завтракъ и пригласить тѣхъ сотрудниковъ, которые на лѣто оставались въ Петербургѣ.

Н. уѣхалъ опять къ Кушелеву на дачу съ тѣмъ, чтобы пригласить Дюма, черезъ недѣлю, къ намъ на завтракъ на нашу городскую квартиру.

Прошло послѣ того дня два; мы только что сѣли за завтракъ, какъ вдругъ въ аллею ведущую къ нашей дачѣ въѣхали дрожки, потомъ другія и третьи. Аллея, какъ я уже замѣтила, была длинная и обсаженная густо деревьями, а потому трудно было издали разглядѣть ѣдущихъ. Мы недоумѣвали, кто бы это могъ ѣхать къ намъ и при томъ такъ рано. Панаевъ рѣшилъ, что это вѣрно какіе-нибудь дачники явились посмотреть паркъ, и уже всталъ изъ-за стола, чтобы разбранить извозчиковъ; но я, взглянувъ, воскликнула: «Боже мой, это ѣдетъ Н. съ какимъ-то господиномъ; безъ сомнѣнія, онъ везетъ Дюма!».

Я не ошиблась—это былъ, дѣйствительно, Дюма и съ цѣлой свитой, съ секретаремъ и какими-то двумя французами, фамиліи которыхъ не помню, но одинъ былъ художникъ, а другой агентъ одного парижскаго банкирскаго дома, присланный въ Россію по какому-то миллионному коммерческому препріятію.

Эти французы пріѣхали къ Дюма въ гости и онъ захватилъ

ихъ съ собой. Послѣ взаимныхъ представленій, я поспѣшила уйти, чтобы распорядиться завтракомъ; такъ какъ нашествіе французовъ было неожиданно, то я должна была употребить весь запасъ провизіи, назначенный на обѣдъ, имъ на завтракъ. Виновникъ нашествия французовъ также пошелъ вслѣдъ за мной въ кухню, оправдываясь, что онъ ни тѣломъ, ни душой не виноватъ въ происшедшемъ. Я накинулась на него за то, что онъ, зная какъ затруднительно достать провизію, не остановилъ Дюма ѣхать къ намъ, да еще со свитой.

— Голубушка, я всѣми силами отговаривалъ Дюма—отвѣчалъ N,—но его точно какая муха укусила; какъ только всталъ сегодня, такъ и затвердилъ, что поѣдемъ къ вамъ. Гости къ нему пріѣхали, я было обрадовался, но онъ и ихъ потащилъ съ собой... Войдите въ мое-то положеніе, голубушка, я молилъ мысленно Бога, чтобы васъ не было въ саду, потому что, желая заставить Дюма отложить его намѣреніе, я навралъ ему, что вы очень больны и лежите въ постели!...»

Положеніе друга Дюма показалось мнѣ такъ смѣшно, что я разсмѣялась...

— Не сердитесь, голубушка, на меня...—продолжалъ онъ,—накормите ихъ чѣмъ-нибудь; французы такъ же голодны, какъ были голодны ихъ соотечественники въ 1812 году: они останутся довольны всѣмъ, чѣмъ бы вы ихъ не кормили.

— Хорошо,—отвѣчала я,—накормить ихъ завтракомъ у меня хватитъ провизіи, но что если они останутся обѣдать?.. Я не договорила, угадавъ по выраженію лица N, что Дюма останется обѣдать, и поспѣшила послать кучера въ Петергофъ за провизіей.

Дѣйствительно, французы были голодны, потому что ѣли съ большимъ аппетитомъ за завтракомъ. Дюма съѣлъ даже полную тарелку простокваши и восторгался ею.

Впрочемъ, онъ всѣмъ восторгался, и дачей и приготовленіемъ кушанья и тѣмъ, что завтракъ былъ поданъ на воздухѣ. Онъ говорилъ своей свитѣ:

— Вотъ эти люди умѣютъ жить на дачѣ, тогда какъ у графа всѣ сидятъ залершись въ своихъ великолѣпныхъ комнатахъ, а здѣсь просторъ! дышется легко послѣ ѣды.

Я сказала тихонько Панаеву, чтобъ онъ предложилъ французамъ «пройтись». Дюма было заартачился, но его увѣрили, что въ паркѣ вездѣ есть скамейки, а на берегу моря бесѣдка, гдѣ его будетъ обдувать вѣтерокъ, такъ какъ день былъ очень жаркій.

Дюма умилился, когда я отказалась принять участіе въ общей прогулкѣ, отговорясь тѣмъ, что мнѣ надо присмотрѣть за обѣдомъ. Онъ началъ увѣрять, что видитъ первую женщину-писательницу, въ которой нѣтъ и тѣни синяго чулка. Безъ сомнѣнія онъ радовался болѣе тому, что его накормятъ хорошимъ обѣдомъ.

За обѣдомъ Дюма опять ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и все расхваливалъ, а отъ курника (пирогъ съ яицами и цыплятами) пришелъ въ такое восхищеніе, что велѣлъ своему секретарю записать названіе пирога, и способъ его приготовленія. Мнѣ было очень пріятно, напоивъ французовъ чаемъ, проститься съ ними. Дюма увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, первый день провелъ такъ пріятно, и въ самыхъ любезныхъ фразахъ выражалъ мнѣ свою благодарность за прекрасный обѣдъ и радушное гостепримство.

Я надѣялась, что теперь не скоро увижу Дюма, но къ моему огорченію не прошло и трехъ дней, какъ онъ опять явился съ своимъ секретаремъ, при чемъ послѣдній держалъ въ рукахъ довольно объемистый сакъ-воляжъ.

Я пришла въ негодованіе, когда Дюма съ развязностью объявилъ, что пріѣхалъ ночевать, потому что ему хочется вполнѣ насладиться нашимъ радушнымъ и пріятнымъ обществомъ, что онъ, послѣ проведеннаго у насъ на дачѣ дня, чувствуетъ тоску въ домѣ графа Кушелева, при томъ же не можетъ переносить присутствія спирита Юма, который въ это время гостилъ на дачѣ у Кушелева.

— Извольте,—говорилъ Дюма,—обѣдать въ обществѣ людей и смотрѣть, какъ одного дергаетъ пляска святаго Витта, а другой сидитъ въ столбнякѣ, поднявъ глаза вверхъ. Весь аппетитъ пропадаетъ, да и поваръ у графа какой-то злодѣй, никакого вкуса у него нѣтъ, всѣ блюда точно трава! И это милліонеръ держитъ такого повара, я въ первый разъ, по выѣздѣ изъ Парижа, только у васъ пилъ кофе съ удовольствіемъ, и такъ пріятно видѣть какъ *chère dame* Papanieff готовитъ его. Очень мнѣ нужна севрская чашка, въ которой подаютъ у обѣднаго графа скверный кофе.

Комнатъ у насъ было такъ мало, что Панаевъ, уступивъ свой кабинетъ гостямъ, долженъ самъ былъ спать на диванѣ въ другой комнатѣ вмѣстѣ съ N.

Я пользовалась обществомъ Дюма только во время обѣда, завтрака и чая. Дюма, какъ только пріѣхалъ, попросилъ у меня позволенія надѣть туфли и снять сюртукъ, потому что онъ привыкъ въ этомъ костюмѣ всегда сидѣть въ саду у себя дома.

Роль секретаря Дюма была прежалкая. Дюма помыкалъ имъ, какъ лакеемъ. Секретарь былъ изъ робкихъ людей и должно быть не очень умный, какъ я могла заключить изъ разговора съ нимъ.

Наружность секретаря была тоже невзрачная; маленькаго роста съ убитымъ выраженіемъ лица! Дюма заставилъ его срисовать карандашемъ нашу дачу, увѣряя, что хочетъ построить себѣ такую же въ окрестностяхъ Парижа.

Передъ обѣдомъ, Панаевъ и N. повели Дюма пройтись. Я завела разговоръ съ секретаремъ, который рисовалъ дачу, и спросила его:—«Не скучаетъ ли онъ по Парижу?»

— Очень, очень скучаю,—отвѣчалъ онъ,—я привыкъ къ семейной жизни и мнѣ очень тяжелы эти скитанія. Мосье Дюма очень живаго характера, онъ не можетъ дня посидѣть на одномъ мѣстѣ. Ему-то хорошо, а мнѣ крайне стѣснительно постоянно находиться въ чужомъ домѣ. И не знаю—какую выгоду получу изъ моего путешествія? Сердце все изныло о женѣ и дѣтяхъ.

— Почему же вы не вернетесь въ Парижъ?

— Какъ же вернуться ни съ чѣмъ? все мое жалованье получаетъ жена. Въ сущности у меня расходовъ нѣтъ. Мосье Дюма обязанъ содержать меня во время путешествія:—давать мнѣ комнату и столъ. Но вѣдь онъ постоянно гоститъ у кого-нибудь и я обязанъ быть всегда при немъ; вотъ захотѣлось ему срисовать видъ вашей дачи, или чтѣ-нибудь записать для памяти, и я обязанъ это исполнить.

«Ну, подумала я, работа небольшая—записать, какъ дѣлается курникъ и срисовать дачу».

— Мосье Дюма,—продолжалъ секретарь,—опишетъ свое путешествіе по Россіи и получитъ много денегъ за изданіе этой книги, но у него денегъ никогда нѣтъ! Очень онъ любитъ бросать ихъ, много, очень много проживаетъ. Вотъ и здѣсь успѣлъ уже истратить десять тысячъ франковъ на одну французенку, на которую и не посмотрѣлъ бы въ Парижѣ. Ахъ, какъ много наживаютъ здѣсь парижанки!

Я полюбопытствовала узнать у секретаря—правда ли, что Дюма послѣдніе свои романы заказывалъ писать другимъ маленькимъ литераторамъ, а самъ только редактировалъ ихъ.

— О нѣтъ!.. Когда я вель переговоры съ нимъ о поступленіи къ нему секретаремъ, то имѣлъ счастье видѣть, какъ онъ сочиняетъ свои романы. У него въ загородномъ домѣ большой кабинетъ, онъ то ходитъ по немъ, то ляжетъ на турецкій диванъ; то качается въ гамакѣ, а самъ все диктуетъ и такъ скоро, что его секретарь едва успѣваетъ писать. Я видѣлъ рукопись; въ ней ничего нельзя понять; для сокращенія, вмѣсто словъ поставлены какіе-то знаки. Секретарь испишитъ листъ и броситъ его на столъ другому секретарю, который долженъ переписать, превратить знаки въ слова. До дурноты доводитъ ихъ мосье Дюма работой, встаетъ самъ рано и до 12 часовъ не даетъ передышки—все диктуетъ; позавтракаютъ, опять за работу до 6 часовъ. И какъ только у мосье Дюма хватаетъ здоровья; вѣдь онъ каждый день обѣдаетъ съ компаніей, потомъ ѣдетъ въ театръ, потомъ ужинаетъ до разсвѣта. Удивительный человѣкъ!

— Хорошо онъ оплачиваетъ за работу?—спросила я.

— Очень хорошо! Онъ платитъ секретарямъ не по листамъ, а когда выйдетъ его романъ, то и даетъ имъ денегъ; откроетъ ящикъ въ столѣ и возьметъ рукой сколько попадетъ; если ему попадутся

въ руки крупныя бумажки—счастье того, если же попадутся мелкія, то секретари не заикаются, что мало, а ждутъ, когда онъ получитъ хорошій кушъ отъ книгопродавцевъ; тогда идутъ снова просить денегъ. За то ужъ не приступайся къ нему, когда у него нѣтъ денегъ. Знаете ли вы, что онъ могъ бы быть миллионеромъ, еслибы не бросалъ такъ деньги. Весь свѣтъ читаетъ его романы.

На сколько было правды въ разказахъ секретаря не знаю,—передаю то, что слышала.

Дюма былъ для меня кошмаромъ въ продолженіе своего пребыванія въ Петербургѣ, потому что часто навѣщаль насъ, увѣряя, что отдыхаетъ у насъ на дачѣ.

Разъ, я нарочно сдѣлала для Дюма такой обѣдъ, что была въ полномъ убѣжденіи, что, по крайней мѣрѣ, на недѣлю избавлюсь отъ его посѣщеній. Я накормила его щами, пирогомъ съ кашей и рыбой, поросенкомъ съ хрѣномъ, утками, свѣжепросольными огурцами, жареными грибами и сладкимъ слоенымъ пирогомъ съ вареньемъ и упрашивала поѣсть побольше. Дюма обрадовалъ меня, говоря, послѣ обѣда, что у него сильная жажда, и выпилъ много сельтерской воды съ коньякомъ. Но напрасно я надѣялась; черезъ три дня, Дюма явился, какъ ни въ чемъ не бывало, и только бѣдный секретарь расплатился вмѣсто него за русскій обѣдъ. Дюма съѣдалъ по двѣ тарелки ботвиньи съ свѣжепросольной рыбой. Я думаю, что желудокъ Дюма могъ бы переварить мухоморы!

Н. очень хлопоталъ, чтобы его другу, Дюма, сдѣлали официальный обѣдъ и, зная, что я буду противиться этому, тихонько отъ меня уговорилъ Панаева созвать литераторовъ. Когда мнѣ объявили объ этомъ, то я отказалась наотрѣзъ хлопотать объ обѣдѣ. Н. умаливалъ меня тѣмъ, что Дюма восхищается моими кулинарными способностями и моимъ радушнымъ гостепріимствомъ.

— Онъ, голубушка, когда будетъ писать о своемъ путешествіи по Россіи, посмотрите, какъ васъ расхвалитъ,—въ увлеченіи говорилъ Н.

Я невольно расхохоталась.

— Ахъ! неужели вамъ не будетъ пріятно, что вся Европа будетъ читать о васъ! — твердилъ Н. и не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, еслибы Дюма избавилъ меня отъ своихъ посѣщеній.

Обѣдъ, однако, состоялся; наѣхали всѣ приглашенные литераторы, и Н. былъ въ восторгѣ, что чествованіе Дюма устроилось.

Въ день Петергофскаго гулянья, я ждала къ себѣ своихъ племянницъ — дѣвочекъ и сестру, чтобы свести ихъ посмотрѣть на иллюминацію и фейерверкъ; онѣ должны были остаться ночевать у меня.

Утромъ я была занята приготовленіемъ имъ помѣщенія въ своей комнатѣ наверху, какъ вдругъ горничная объявила мнѣ, что

«ѣдутъ гости», я спустилась внизъ и выбѣжала на аллею, чтобы ихъ встрѣтить, и обомлѣла отъ ужаса—это былъ Дюма съ своимъ секретаремъ и сакъ-воажемъ. Дюма вообразилъ, что я выбѣжала встрѣтить его и воскликнулъ: «O, chere dame Panaieff!», и чуть не порывался обнять меня. Тутъ только я вспомнила, что N. за завтракомъ рассказывалъ видѣнный имъ сонъ, будто я была въ большихъ хлопотахъ отъ того, что ко мнѣ, кромѣ родныхъ, наѣхало ночевать много гостей. Я была въ величайшемъ негодованіи на N. и, не стѣняясь, выбрала его за то, что онъ, зная за недѣлю о приѣздѣ моихъ родныхъ въ этотъ день, не могъ предупредить Дюма, чтобы тотъ не вздумалъ явиться къ намъ.

— Голубушка, я съ секретаремъ Дюма на сѣновалѣ переночую.

— У меня нѣтъ ни подушекъ, ни одѣялъ для вашего Дюма,— отвѣчала я.

— И такъ поспить на диванѣ!

— Какъ хотите, а извольте его увезти ночевать, куда хотите.

— Куда же я его повезу, вѣдь въ Петергофѣ, сегодня, не только въ гостинницахъ, но и въ трактирахъ не найти свободнаго угла.

— Ночуйте въ паркѣ, мнѣ все равно.

Въ это время приѣхали мои гости, и я пошла ихъ встрѣтить и повѣдать мое горе. Я упростила племянницъ притворяться, что они не говорятъ пофранцузски, для того, чтобы мнѣ подъ этимъ предлогомъ не разговаривать съ Дюма.

Мнѣ пришлось снова взволноваться, когда я узнала, что Дюма повезутъ въ нашей коляскѣ въ Петергофъ. Панаевъ убѣждалъ меня, что нельзя же не отвезти Дюма, потому что достать извозчиковъ въ этотъ день не было возможности.

— Везите его на телѣгѣ, ему надо же испробовать эту ѣзду, чтобы описать ее въ своей книгѣ о Россіи. Я обѣщала племянницамъ повезти ихъ на гулянье, и не дамъ коляски для Дюма.

Однако меня уговорили, обѣщая, что Дюма отвезутъ пораньше и оставляютъ въ Петергофѣ, а коляска вернется и тогда я повезу племянницъ.

Дюма не могъ не замѣтить, что я не говорю съ нимъ ни слова и даже спросилъ меня—почему сегодня chère dame Panaieff такъ озабочена? N. все время имѣлъ потерянный видъ, боясь, чтобы я не выразила чѣмъ-нибудь своего гнѣва на безцеремонность Дюма, и утѣшалъ меня, что Дюма не вернется изъ Петергофа ночевать къ намъ.

— Ужъ я, голубушка, разорвусь на мелкія части, а устрою такъ, что онъ ночуетъ въ Петергофѣ.

Но, къ моему ужасу, Дюма вернулся, и мнѣ пришлось на маленькой дачѣ уложить спать 7 человекъ гостей. Подушки и тюфяки прислуги всѣ пошли въ ходъ на эту ночь.

Боже мой, какъ я обрадовалась, когда Дюма пріѣхалъ, наконецъ, прощаться передъ своимъ отъѣздомъ на Кавказъ. Дюма, прощаясь со мной, наговорилъ мнѣ много комплиментовъ и такъ разчувствовался, что обнялъ меня и поцѣловалъ.

Это такъ было неожиданно для меня, что я не успѣла увернуться отъ его трогательнаго лобызанья...

Въ это лѣто французы положительно одолѣли насъ своими посѣщеніями. Недѣли черезъ двѣ, или три, послѣ отъѣзда Дюма, Панаевъ читалъ мнѣ и Некрасову только-что оконченный имъ фельетонъ для августовской книжки «Современника» о посѣщеніи Дюма Петербурга. Мы сидѣли въ саду, Некрасовъ былъ закутанъ въ пледъ, потому что уже давно сталъ чувствовать боль въ горлѣ, и въ этотъ годъ голосъ у него совсѣмъ пропалъ. Онъ лечился у доктора Шипулинскаго, который находилъ очень серьезной болѣзнь его горла. Настроеніе духа у Некрасова было самое убійственное, и раздраженіе нервовъ достигло высшей степени. Онъ иногда по цѣлымъ днямъ ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова; ему казалось, что онъ долженъ скоро умереть и трудно было отвлечь его отъ этихъ мрачныхъ мыслей.

Было около двухъ часовъ; чтеніе Панаева подходило къ концу, когда я, завидѣвъ въ аллеѣ дрожки, сказала: «кто-то ѣдетъ къ намъ». Мы были въ увѣренности, что это кто-нибудь изъ сотрудниковъ, и крайне удивились увидя, что какіе-то два незнакомые господина сошли съ дрожекъ и стали приближаться къ намъ.

Одинъ изъ нихъ на французскомъ языкѣ спросилъ Панаева, вышедшаго къ нимъ на встрѣчу: «не съ редакторомъ ли «Современника» онъ имѣетъ честь говорить?»

Я сказала Некрасову, что, вѣроятно, Дюма прислалъ какихъ-нибудь своихъ пріятелей французовъ знакомиться съ нами.

На лицѣ Панаева я замѣтила недоумѣвающее выраженіе, когда онъ подошелъ къ намъ и рекомендовалъ посѣтителей. Одинъ оказался французомъ съ весьма типической наружностью и манерами парижанина (конечно фамиліи не помню) среднихъ лѣтъ, брюнетъ, средняго роста, съ черными живыми глазами, съ усами и эспаньолкой; въ петличкѣ его сюртука виднѣлась какая-то орденская ленточка.

Другой былъ тоже французъ, другъ его, какъ отрекомендовалъ самъ докторъ. Оба француза старались держать себя съ какой-то официальной важностью.

Панаевъ пригласилъ ихъ сѣсть. Докторъ заговорилъ первый, обращаясь къ Некрасову, что онъ специально пріѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ для того, чтобы лично объяснить съ нимъ. Панаевъ успѣшилъ предупредить доктора, что Некрасовъ не говоритъ пофранцузски, а Некрасовъ спросилъ Панаева:

— Что сказалъ мнѣ французъ?

Панаевъ перевелъ ему слова француза, который продолжалъ:

— Это очень жаль, потому что я долженъ сообщить мосье Некрасову очень для него важную вещь безъ свидѣтелей.

Я вышла въ стеклянную галлерей, недоумѣвая, какое можетъ имѣть важное дѣло докторъ-французъ до Некрасова, и при томъ, спеціально для этого пріѣхавшій изъ Парижа.

Вдругъ у меня въ головѣ мелькнула мысль—не явился ли онъ объясняться по поводу стихотворенія «Княгиня», напечатаннаго въ «Современникѣ» 1856 года.

Некрасовъ написалъ это стихотвореніе, когда все петербургское общество только и говорило, что о смерти одной русской аристократки графини N, которая вторично вышла замужъ въ Парижѣ, уже слишкомъ сорока лѣтъ, за простого доктора француза, и умерла будто бы одинокая, въ нищетѣ, въ одной изъ парижскихъ больницъ. Ходили даже слухи, что извергъ-докторъ страшно тиранилъ ее и, наконецъ, отравилъ медленнымъ ядомъ, чтобы скорѣй воспользоваться ея деньгами и брилліантами на огромную сумму. Въ сороковыхъ годахъ эта аристократка считалась въ высшемъ кругу первой львицей, по оригинальной своей красотѣ, богатству и по живости своего характера.

Лермонтовъ писалъ о ней:

«Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва.
«Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ...»

Вторичное замужество аристократки-львицы надѣлало страшнаго шума; объ этомъ долго толковали, и едва разговоры стали затихать, какъ извѣстіе о ея смерти снова дало имъ новую пищу. Всѣ, кто прочелъ стихотвореніе Некрасова «Княгиня» тотчасъ узнали героиню.

Въ стихотвореніи «Княгиня» было сказано о мужѣ ея:

«Тутъ пришла развязка—круто измѣнился
«Докторъ-спекулянтъ: деспотомъ явился!
«Деньги, брилліанты—все спустилъ въ аферы,
«А жену тиранилъ, ревновалъ безъ мѣры,
«И когда бѣдняжка съ горя захворала,
«Свезъ ее въ больницу... навѣщалъ сначала,
«А потомъ уѣхалъ—словно капულъ въ воду!»

Я нетерпѣливо ждала ухода французовъ, чтобы узнать — въ чемъ дѣло и подтвердится ли мое предположеніе. Вскорѣ, я увидела Некрасова идущаго къ галлерей съ Панаевымъ. Некрасовъ какъ-то особенно былъ хмуръ, а у Панаева на лицѣ выражалась сильная тревога. Я вышла имъ на встрѣчу и была поражена словами Панаева:

— Это безуміе съ твоей стороны было принять вызовъ!—затѣмъ, обратясь ко мнѣ, Панаевъ прибавилъ:

— Не далъ мнѣ ничего говорить, только твердилъ одно французамъ: вуй, вуй!

— Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ,—раздражительно проговорилъ Некрасовъ,—надо было ихъ оборвать сразу, чтобы они не вообразили, что я испугался ихъ вызова.—И Некрасовъ пошелъ по аллеѣ къ морю.

Панаевъ потеряннѣмъ голосомъ произнесъ:

— Я сейчасъ поѣду въ Петербургъ, надо чтобы всѣ убѣдили Некрасова въ нелѣпости драться на дуэли изъ-за такихъ пустяковъ.

Изъ дальнѣйшаго объясненія Панаева я узнала, что докторъ французъ былъ вторымъ мужемъ умершей графини и вызвалъ Некрасова на дуэль за стихотвореніе «Княгиня»; найдя, что Некрасовъ взвелъ на него чудовищную клевету.

Странно было, какъ докторъ-французъ могъ узнать объ этомъ стихотвореніи въ Парижѣ; вѣроятно, кто-нибудь указалъ ему на него и подбилъ требовать отъ Некрасова удовлетворенія, рассчитывая, что онъ откажется драться и выйдетъ скандалъ. Недоброжелателей у Некрасова, да и вообще у «Современника» было много.

Я остановила Панаева отъ поѣздки въ Петербургъ, на томъ основаніи, что благоразумнѣе сохранить въ тайнѣ вызовъ. Если хоть одинъ литераторъ узнаетъ объ этомъ, то неминуемо пойдутъ толки, сплетни, и если дуэль не состоится, то начнутъ говорить, что Некрасовъ струсилъ, сподличалъ передъ французомъ. Я совѣтовала Панаеву не приставать къ Некрасову до тѣхъ поръ, пока онъ не успокоится и самъ не заговорить о вызовѣ.

И точно, Некрасовъ самъ за обѣдомъ сказалъ:

— Однако, надо къ этимъ франтамъ-французамъ послать кого-нибудь для переговоровъ.

Я совѣтовала избрать для этого Б., на скромность котораго вполне можно было положиться. Б. не былъ литераторъ, но мы всѣ его коротко знали. Послали ему телеграмму; Б. пріѣхалъ въ тотъ же день съ послѣднимъ пароходомъ и былъ, конечно, крайне удивленъ вызовомъ француза. Долго обсуждали, какъ слѣдуетъ Б... вести разговоръ съ секундантомъ доктора. Некрасовъ просилъ Б... чтобы онъ не подавалъ повода французамъ думать, что онъ испугался и заискиваетъ примиренія.

Б... обѣщаль, но сказалъ мнѣ, что надо употребить всѣ усилія, чтобы разстроить эту глупую дуэль.

На другое утро мы съ первымъ пароходомъ отправились въ Петербургъ. Я въ волненіи ждала возвращенія Б... отъ французовъ и выбѣжала къ нему на лѣстницу, завидѣвъ его издали изъ окна. Б... успокоивалъ меня, что дѣло уладится, потому что онъ замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвелъ на секунданта, когда сталъ говорить ему о необходимости принять мѣры осторожности, чтобы полиція не провѣдала о дуэли, такъ какъ дуэли строго преслѣдуются въ Россіи законами.

Некрасовъ встрѣтилъ Б... словами:

— Ну, что, когда назначенъ день?

Б... отвѣчалъ, что день еще не назначенъ.

Некрасовъ торопливо спросилъ:

— Почему?

— Потому, что я призналъ неудобнымъ, чтобы вы стрѣлялись въ окрестностяхъ Петербурга, а придумалъ, что мы въ четверомъ отправимся, подъ видомъ охоты, подальше по желѣзной дорогѣ и никто не обратитъ вниманія на то, что мы пойдемъ въ лѣсъ въ четверомъ.

— Тебѣ надо сейчасъ же опять ѣхать и сказать французамъ, чтобы завтра они прїѣзжали къ десятичасовому поѣзду на Николаевскую желѣзную дорогу,—сказалъ Некрасовъ.

Б... отвѣчалъ, что французы вмѣстѣ съ нимъ вышли изъ отеля, чтобы ѣхать по какому-то дѣлу въ Царское Село. Некрасовъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и проговорилъ:

— Эти проволочки меня злятъ.

Б... попробовалъ было опять доказывать ему нелѣпость этой дуэли; но Некрасовъ раздражительно остановилъ его:

— Я лучше тебя понимаю, что глупо изъ-за такого пустяка подставлять свой лобъ подъ пулю, но все-таки радъ этому случаю, лучше разомъ покончить съ жизнью, чѣмъ въ мучительномъ томленіи ждать смерти. Я знаю и чувствую, что моя болѣзнь неизлечима и мнѣ противно жить полумертвецомъ!—затѣмъ, обратясь ко мнѣ, Некрасовъ прибавилъ,—что же не подаютъ завтракъ—я ѣсть хочу, да Б..., я думаю, проголодался...

Подали завтракъ, но Панаевъ отказался отъ него и ушелъ въ свой кабинетъ. Послѣ завтрака я пошла спросить Панаева «не хочетъ ли онъ кофе» и не обратила бы вниманія, что онъ пишетъ, еслибы онъ торопливо не прикрылъ книгой своей работы.

— Не вздумалъ ли ты писать къ доктору-французу?—спросила я.

Панаевъ сталъ было заператься, но я не повѣрила и убѣждала прежде, чѣмъ писать, обсудить хорошенько каждую фразу.

— Ты сама посуди, возможно ли допустить эту безобразную дуэль. Я надѣялся на Б..., но онъ, къ моему удивленію, послушался Некрасова и шагу не сдѣлалъ, чтобы отклонить дуэль.

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ Б... и я сообщила ему о намѣреніи Панаева писать письмо къ доктору-французу. Панаевъ произнесъ:

— Объ этомъ нечего разсуждать; необходимо разстроить дуэль. Развѣ возможно допустить, чтобы еще одинъ русскій поэтъ былъ убитъ на дуэли французомъ! И это будетъ не дуэль, а просто убійство, потому что Некрасовъ болѣзненный человѣкъ, постоянно находится въ нервномъ раздраженіи и вдругъ допустить его до дуэли! Это значить, что мы будемъ участниками въ убійствѣ!

— Я совершенно съ тобой согласенъ,—отвѣчалъ Б...

— Такъ почему же ты ничего не объяснилъ французамъ о болѣзненномъ состояніи Некрасова?

— А потому не говорилъ сегодня, чтобы не подать имъ повода подумать, что ихъ вызова испугались. Вы оба горячитесь, а въ этомъ глупомъ дѣлѣ не надо спѣшить. Французы сами могутъ образумиться, когда увидятъ, что не испугались ихъ вызова. Завтра я буду говорить съ ними уже иначе. Потомъ увидимъ какое письмо тебѣ надо написать.

Некрасовъ съ юныхъ лѣтъ уже ходилъ на охоту и стрѣлялъ хорошо изъ ружья; онъ съ Б... поѣхалъ въ тирь, чтобы немного попрактиковаться въ стрѣльбѣ изъ пистолета, и вернулся къ обѣду въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, потому что не сдѣлалъ ни одного промаха. Б... послѣ обѣда ушелъ, но часовъ въ 10 вечера явился опять и показалъ телеграмму, полученную имъ отъ секунданта-француза, извѣщавшаго его, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ онъ долженъ уѣхать въ Царское Село, и завтра утромъ въ назначенный часъ для ихъ свиданія не успѣетъ вернуться и просить Б... пріѣхать въ 4 часа.

Некрасова это раздражило и онъ выругалъ французовъ: «чтобъ чортъ ихъ побралъ, такъ хотѣлось спать, а теперь сонъ пропалъ».

— Знаешь ли Некрасовъ,—сказалъ ему на это Б...,—вѣдь ты волнуешься этой глупой дуэлью, какъ мальчишка, которому очень льститъ, что онъ получить вызовъ и страшно боится, чтобы его не лишили возможности выказать свою дѣтскую храбрость.

Некрасовъ терпѣливо выслушалъ Б... и отвѣчалъ:

— Ты правъ, въ самомъ дѣлѣ вся эта исторія нелѣпа! Будь я здоровъ, я бы только посмѣялся надъ ней, потому что въ этой дуэли нѣтъ смысла! Французъ думаетъ возстановить ею свою репутацію въ Россіи, гдѣ никто не знаетъ объ его существованіи. Все это что-то странно и смѣшно.

— Но странно еще, что я узналъ въ отелѣ, что французы уже три недѣли, какъ прибыли въ Петербургъ. Если пріѣхали сюда специально для дуэли, то что же они раздумывали такъ долго явиться къ тебѣ? и неужели все розыскивали, гдѣ ты живешь!..

Некрасовъ прекратилъ этотъ разговоръ тѣмъ, что предложилъ Б... сыграть по маленькой въ пикетъ, такъ какъ разгулялъ свой сонъ.

Исторія съ дуэлью кончилась тѣмъ, что докторъ-французъ сначала обратилъ свой вызовъ къ Панаеву, находя самъ, что при болѣзненномъ состояніи Некрасова шансы будутъ не равны, и что онъ, отправляясь въ Петербургъ, рѣшилъ, что если по какимъ-нибудь обстоятельствамъ не можетъ стрѣляться съ Некрасовымъ, то вызвать Панаева, котораго считалъ участникомъ въ клеветѣ.

Б... отвѣчалъ, что Панаевъ навѣрно не откажется отъ вызова,

а затѣмъ повелъ съ французами разговоръ о томъ, что не благоразумнѣ ли будетъ съ обѣихъ сторонъ прекратить эту дуэль, такъ какъ въ сущности стихотвореніе Некрасова своимъ названіемъ «Княгиня», уже доказываетъ, что оно не было написано на умершую жену доктора.

Французы потребовали тогда, чтобы Панаевъ подтвердилъ это письменно.

— Вотъ шутъ-то! да что онъ наклеить себѣ это письмо на шляпу и будетъ прогуливаться по Парижу, чтобы возстановить свою репутацію?—сказалъ Некрасовъ.

— Ну, чортъ съ нимъ, надо покончить всю эту чушь!

Я замѣтила, что французы могутъ напечатать это письмо въ парижскихъ газетахъ, и тогда многіе здѣшніе литераторы обрадуются и поднимутъ гвалтъ.

Панаевъ и Некрасовъ согласились со мной, и было рѣшено, что Б... отправится вмѣстѣ съ Панаевымъ къ французамъ для словеснаго объясненія. Вернувшись, они увѣрили меня, что дѣло обошлось безъ письма, и кончилось благополучно.

Однако, я только тогда совершенно успокоилась, когда узнала, что французы уѣхали изъ Петербурга.

Осенью, Панаевъ случайно узналъ отъ одного своего знакомаго, родственника умершей графини N., что докторъ французъ пріѣзжалъ въ Петербургъ для переговоровъ съ родственниками относительно остававшагося въ Россіи имущества его жены, но ничего не получилъ.

Очевидно, онъ лгалъ, будто только затѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы вызвать на дуэль Некрасова. Но для какой цѣли и по чьему наущенію былъ сдѣланъ этотъ вызовъ, такъ и осталось загадкой для насъ.

Историка Костомарова я увидѣла въ первый разъ, когда онъ пріѣхалъ къ намъ вскорѣ послѣ своей ссылки; я подробно знала объ его арестѣ и высылкѣ его изъ Петербурга.

Видно было по болѣзненной наружности Костомарова, что ему дорого обошлась вся эта передряга; онъ обѣдалъ у насъ и видимо былъ счастливъ, что снова можетъ жить въ Петербургѣ.

Уѣзжая съ дачи на пароходѣ, онъ попросилъ у Панаева за весь годъ «Колоколь», котораго въ ссылкѣ не имѣлъ случая читать. Свертокъ былъ довольно объемистый. Привели извозчика и Костомаровъ уѣхалъ, общаясь вскорѣ опять пріѣхать на дачу.

Не прошло и полчаса времени, какъ я увидала Костомарова, идущаго по заброшенному огороду около нашей дачи, отдѣлявшемуся отъ нея довольно широкой канавкой.

— Господа, вѣдь это Костомаровъ, какъ онъ попалъ на огородъ?—сказала я Панаеву и Некрасову.

Они сперва не повѣрили мнѣ, но всмотрѣвшись хорошенько убѣ-

дились, что точно это онъ; мы всё пошли къ аллеѣ и окликнули Костомарова, который быстро шагаль.

— Я ищу, какъ бы попасть на вашу дачу?—отвѣчалъ онъ.

Ему растолковали, что онъ не туда попалъ — и что надо вернуться назадъ къ шоссе.

Мы направились къ нему на встрѣчу и замѣтили, что онъ былъ чѣмъ-то очень встревоженъ.

— Чтò съ вами случилось?—спросили мы его.

— Большое несчастіе,—тихонько проговорилъ онъ,—пойдемте скорѣй на дачу, я тамъ вамъ все расскажу, здѣсь неудобно рассказывать!

Мы тоже встревожились, — недоумѣвая, что за несчастіе съ нимъ случилось?

Придя къ дачѣ, Костомаровъ, измученный ходьбой, опустился на скамейку, а мы окружили его и съ нетерпѣніемъ ждали объясненія. Костомаровъ оглядѣлся во все стороны и тихо произнесъ:

— Никто не подслушаетъ насъ?..—Я потерялъ «Колоколь».

— Господи, а мы думали, что съ вами Богъ знаетъ, что случилось!—сказалъ съ досадою Некрасовъ.

— Гдѣ же вы обронили его?—спросилъ Панаевъ.

— Самъ не знаю; хотѣлъ надѣть въ рукава шинель, положилъ свертокъ около себя. Задумался... хватъ, а его ужъ нѣтъ! Я отдалъ скорѣй деньги извозчику и пошелъ назадъ по шоссе въ надеждѣ, что найду его, но не нашель. Значитъ кто-нибудь поднялъ свертокъ.

— Понятно, что поднялъ, если вы его не нашли, — отвѣтилъ Панаевъ,—и если его нашель человѣкъ образованный, то поблагодарить мысленно того, кто доставилъ ему случай прочесть за цѣлый годъ «Колоколь».

— А если отнесутъ въ полицію? пойдутъ розыски, а извозчикъ укажетъ, откуда онъ взялъ сѣдока?

— Что съ вами, Костомаровъ?—замѣтилъ ему Панаевъ.

— А вашъ лакей можетъ сказать, что это я потерялъ!

— Да лакея даже не было въ саду, когда вы уѣхали,—успокоивалъ его Некрасовъ.

— Къ чему это я повезъ съ собой «Колоколь»,—въ отчаяніи проговорилъ Костомаровъ.

Его стали успокоивать, даже посмѣивались надъ его испугомъ, но онъ сказалъ:

— Ахъ, господа: пуганная ворона куста боится. Если бы вамъ пришлось испытать то, что я испыталъ, такъ вы бы теперь не смѣялись. Я по опыту убѣдился, какъ повидимому изъ пустяка можетъ человѣкъ много выстрадать. Возвращаясь въ Петербургъ, я далъ себѣ клятву быть осторожнымъ—и вдругъ поступилъ какъ мальчишка!

Костомарова уговорили остаться ночевать, потому что у него

сдѣлалась лихорадка, да при томъ онъ опоздалъ бы на пароходъ, если бы и поѣхалъ. Я приготовила ему горячаго чаю съ коньякомъ, чтобы его согрѣть.

На дачѣ я обыкновенно вставала рано и шла купаться. Не было еще 7 часовъ, когда я вошла въ стеклянную галерею, чтобы выйти въ паркъ, а Костомаровъ уже сидѣлъ въ ней.

— Что лихорадка ваша?—спросила я его.

Костомаровъ отвѣтилъ, что всю ночь не спалъ, поинтересовался въ которомъ часу отходить первый пароходъ? и вдругъ пугливо спросилъ:

— Посмотрите—что это за человѣкъ идетъ?

Я стояла спиной къ стеклянной двери и обернулась.

— Это нашъ Петръ вѣроятно съ купанья идетъ,—сказала я, и велѣла лакею скорѣй ставить самоваръ, чтобы напоить Костомарова кофеемъ.

Я уже не пошла купаться, а осталась съ Костомаровымъ.

Я посовѣтывала ему не ѣхать на пароходѣ, такъ какъ онъ чувствовалъ себя не хорошо, а между тѣмъ могла случиться кѣчка.

— Лучше я велю заложить дрожки,—сказала я, васъ довезутъ до Петергофа, а тамъ вы найдете себѣ полуколяску и доѣдете гораздо спокойнѣе.

Костомаровъ очень обрадовался моему предложенію и сказалъ, что при его настроеніи духа ему было бы непріятно находиться въ толпѣ пассажировъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда кучеръ заложить дрожки.

Я разбудила Панаева, и сообщила, что Костомаровъ уѣзжаетъ.

Панаевъ заспанный вышелъ къ Костомарову, который засуетился, увидавъ, что дрожки готовы.

Панаевъ, прощаясь съ нимъ, сказалъ:

— Пріѣзжайте къ намъ, когда вздумаете, съ утра и ночуйте у насъ.

— Ну, нѣтъ,—отвѣтилъ Костомаровъ,—благодарю, моя поѣздка къ вамъ произвела на меня такое впечатлѣніе, что я носу не покажу въ вашъ Петергофъ.

Онъ уже сошелъ было съ ступенекъ галлерей, но опять вернулся говоря:

— Боже мой, гдѣ же у меня голова, такую важную вещь забылъ. Надо же намъ сговориться, чтобы не было противорѣчія въ показаніяхъ.

— Какихъ?—спросилъ Панаевъ.

— Господи, ну, если будутъ спрашивать о потерянномъ сверткѣ.

— Да полноте, Костомаровъ!

— Нѣтъ! я человѣкъ бывалый...

— Скажу, что я потерялъ!—произнесъ Панаевъ.

Костомарова это опѣшило и онъ произнесъ:

— А свидѣтель?

— Какой?

— Извозчикъ!

Панаевъ засмѣялся.

— Забудьте вы о «Колоколѣ», сообразите сами, ну, какъ возможно розыскать, кто потерялъ на шоссе свертокъ? Вашъ извозчикъ не зналъ о потерѣ его.

— Еще бы я ему это заявилъ! я отдалъ деньги, сказавъ, что раздумалъ ѣхать на пароходъ и пошелъ назадъ, а онъ поѣхалъ дальше.

— Ну такъ какъ же онъ можетъ указать на васъ?

Костомаровъ задумался, махнулъ рукой и произнесъ—ну, чему быть, тому не миновать! и, пожавъ намъ руки, сѣлъ на дрожки и уѣхалъ.

Я должна вернуться назадъ и рассказать о появленіи графа Льва Николаевича Толстого въ кружкѣ «Современника». Онъ былъ тогда еще офицеръ и единственный сотрудникъ «Современника», носившій военную форму. Его литературный талантъ на столько уже проявился, что всѣ корифеи литературы должны были признать его за равнаго себѣ.

Впрочемъ, графъ Толстой былъ не изъ робкихъ людей, да и самъ сознавалъ силу своего таланта, а потому держалъ себя, какъ мнѣ казалось тогда, съ нѣкоторой даже напускной развязностью.

Я никогда не вступала въ разговоры съ литераторами, когда они собирались у насъ, а только молча слушала и наблюдала за всѣми. Особенно мнѣ интересно было слѣдить за Тургеневымъ и графомъ Л. Н. Толстымъ, когда они сходились вмѣстѣ, спорили, или дѣлали свои замѣчанія другъ другу, потому, что оба они были очень умные и наблюдательные.

Мнѣнія графа Толстого о Тургеневѣ я не слышала, да и вообще онъ не высказывалъ своихъ мнѣній ни о комъ изъ литераторовъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ. Но Тургеневъ напротивъ имѣлъ какую-то потребность изливаться о всякомъ свои наблюденія.

Когда Тургеневъ только-что познакомился съ графомъ Толстымъ, то сказалъ о немъ:

— Ни одного слова, ни одного движенія въ немъ нѣтъ естественнаго.—Онъ вѣчно рисуется передъ нами, и я затрудняюсь, какъ объяснить въ умномъ человѣкѣ эту глупую кичливость своимъ захудалымъ графствомъ!

— Не замѣтилъ я этого въ Толстомъ,—возразилъ Панаевъ.

— Ну да ты много чего не замѣчаешь,—отвѣтилъ Тургеневъ.

Черезъ нѣсколько времени Тургеневъ нашелъ, что Толстой имѣетъ претензію на донъ-жуанство. Разъ какъ-то, графъ Толстой рассказывалъ нѣкоторые интересные эпизоды, случившіеся съ нимъ на войнѣ. Когда онъ ушелъ, то Тургеневъ произнесъ:

— Хотъ въ щелокѣ вари три дня русскаго офицера, а не вы-

варишь изъ него юнкерскаго ухорства, какимъ лакомъ образованности не отполируй такого субъекта, все-таки въ немъ просвѣчивается звѣрство.

И Тургеневъ принялся критиковать каждую фразу графа Толстого, тонъ его голоса, выраженіе лица и закончилъ:

— И все это звѣрство, какъ подумаешь, изъ одного желанія получить отличіе.

— Знаешь ли, Тургеневъ,—замѣтилъ ему Панаевъ,—если бы я тебя не зналъ такъ хорошо, то слушая всѣ твои нападкы на Толстого, подумалъ бы, что ты завидуешь ему.

— Въ чемъ это я могу завидовать ему? въ чемъ говори?—воскликнулъ Тургеневъ.

— Конечно въ сущности ни въ чемъ; твой талантъ равенъ его!.. но могутъ подумать...

Тургеневъ засмѣялся и съ какимъ-то сожалѣніемъ въ голосѣ произнесъ:

— Ты, Панаевъ хорошій наблюдатель, когда дѣло идетъ о хлыщахъ, но не совѣтую тебѣ порываться высказывать свои наблюденія внѣ этой сферы!

Панаевъ обидѣлся:

— Я тебѣ это замѣтилъ для твоей же пользы,—сказалъ онъ и ушелъ.

Тургеневъ продолжалъ кипятиться и съ досадой говорилъ:

— Только Панаеву могла придти въ голову нелѣпная мысль, что я могъ завидовать Толстому. Ужъ не его ли графству?

Некрасовъ все это время мало говорилъ, потому-что болѣзнь горла совершенно подавляла его. Онъ только замѣтилъ Тургеневу:

— Да брось ты разсуждать о томъ, что вздумалось сказать Панаеву. Точно въ самомъ дѣлѣ можно тебя заподозрить въ такой нелѣпости!

А. Головачева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ. ¹⁾

V.

Ы ПОДЪѢЗЖАЕМЪ къ Ташкенту.

Совсѣмъ ужь разсвѣло. На востокъ пылаетъ заря, звѣзды потухаютъ одна за другой, вѣтерокъ слегка вздымаетъ пыль на дорогѣ.

Ямщикъ-киргизъ остановился около какого-то большого зданія съ желѣзными воротами и спѣшно поправляетъ оторванный валекъ у пристяжной. Вдали передъ нами подымается цѣлый лѣсъ высокихъ пирамидальныхъ тополей, кое-гдѣ между ними бѣлѣютъ низкіе домики съ плоскими крышами.

Наконецъ-то доѣхали!

Зоологъ приподнялся съ подушки, сбросилъ съ себя теплое пальто и хлопотливо оправляетъ свой измятый костюмъ; бѣлая фуражка, испачканная и измятая, извлекается изъ нѣдръ тарантаса и надѣвается нѣсколько ухарски, на-бекрень.

Однимъ словомъ, все идетъ какъ слѣдуетъ, какъ поступаетъ всякій путешественникъ, подѣзжая, послѣ безконечнаго пути, къ большому центру.

— Что это за зданіе? — спросилъ я ямщика, указывая въ сторону желѣзныхъ воротъ.

— Тюрьма.

И это тоже... какъ слѣдуетъ, какъ вездѣ въ Россіи!

¹⁾ Первые четыре главы этой статьи были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1887 г. (октябрь) и 1888 г. (июль).

Между тѣмъ насъ начали обгонять киргизы, поспѣвающіе на базарѣ. Прошелъ караванъ въ нѣсколько верблюдовъ; животныя шагали медленно и величаво, поворачивали свои умныя головы въ нашу сторону и, удовлетворивъ любопытству, снова продолжали срывать мимоходомъ скудную травку, еле пробивающуюся сквозь истресканную почву. На переднемъ верблюдѣ дремалъ, покачиваясь, караванъ-баша и его скорченная фигурка рѣзко выдѣлялась на свѣтлой синевѣ утренняго неба.

Проѣзжала высокая арба. Арбакешъ, въ засаленной тебестейкѣ на бритой головѣ и изорванномъ халатѣ, сидитъ на статной лошади, запряженной въ толстыя оглобли и съ аппетитомъ пожираетъ сочную дыню. Изъ-подъ навѣса, сдѣланнаго изъ цыновокъ, плотно прикрѣпленныхъ къ легкому остову, который слегка вздрагиваетъ между двумя саженными колесами, выглядываетъ цѣлый десятокъ сартянокъ. Всѣ онѣ плотно закутаны съ головой въ синіе халаты (паранджи), а лицо завѣшано густой черной волосяной сѣткой (чашъ-банъ). Глядя на эти неподвижныя фигуры, ихъ можно принять скорѣе за куклы, нежели за живыя существа.

Погромыхивая колесами, исчезла арба съ женщинами и обдала насъ цѣлымъ облакомъ удушливой пыли.

Мелкой рысцой пробѣжалъ маленькій осликъ (ишакъ), на которомъ возсѣдаетъ огромнаго роста хивинецъ. Длиныя ноги сѣдока чуть не касаются земли, а мѣховая черная остроконечная шапка могла бы, кажется, вмѣстить въ себѣ десятилѣтняго ребенка. (Безъ этой фигуры ни одинъ средне-азиатскій пейзажъ не былъ бы типичнымъ, если позволено будетъ такъ выразиться).

Хивинецъ равнодушно смотритъ на насъ и машинально постукиваетъ палкой по худымъ бокамъ ослика.

На красивомъ аргамакѣ, покрытомъ богатой попоной, шагомъ ѣдутъ два сарта въ бѣлыхъ чалмахъ: одинъ сидитъ въ сѣдлѣ, другой—сзади, на крупѣ лошади, держась за поясъ передняго всадника. Конь, повидимому, нисколько не стѣсненъ двойной ношей и красиво выступаетъ, косясь на нашу измученную тройку.

Въ сторонкѣ идутъ пѣшеходы, — все больше полуголые туземцы съ сумами за плечами или съ тыквой-горлянкой, наполненной водой...

Все это спѣшитъ и направляется въ азіаскій Парижъ съ разными цѣлями.

Наконецъ, ямщикъ опять взбирается на козлы и мы трогаемся.

Красно-огненный край солнца выглянулъ изъ-за горизонта, и цѣлый потокъ золотыхъ лучей скользнулъ по землѣ; зарумянились вершины тополей, сверкнулъ, гдѣ-то тамъ впереди, крестъ на колокольнѣ, загорѣлось яркимъ огонькомъ четырехъ-угольное оконце, выглядывающее изъ-за темной зелени. Горизонтъ точно потонулъ

въ лиловатомъ туманѣ и мягкими нѣжными контурами обрисовались вершины далекихъ и невысокихъ горъ.

Стало и на душѣ веселѣе. Мы предвкушали близкій отдыхъ; даже какъ будто запахло ароматнымъ чаемъ, свѣжимъ хлѣбомъ... Привѣтливо покрикивали галки, летѣвшія изъ города и ярко освѣщенные первыми лучами восходящаго солнца.

Вотъ мы и въ городѣ. Заспанные собаки накидываются на насъ съ громкимъ лаемъ. Стукъ колесъ будить дворниковъ-туземцевъ, прикорнувшихъ на плоскихъ крышахъ. Иногда отворится окно, высунется голова солдатака съ растрепанными волосами, иногда черезъ калитку выскакивала какая-нибудь офицерская жена, въ неизмѣримо-широкой блузѣ и съ засучеными по локоть рукавами...

Стали попадаться магазины съ громадными вывѣсками и наглухо затворенными желѣзными ставнями. Вправо мелькнулъ недостроенный соборъ, окруженный грудой кирпича, бревенъ, столбовъ и другихъ принадлежностей стройки.

Наконецъ, круто повернувъ зауголь, мы остановились передъ воротами гостиницы Ильина.

Еще въ Перовскомъ, одинъ изъ моихъ знакомыхъ г. К., ѣхавшій въ Ташкентъ за нѣсколько дней до меня, былъ такъ любезенъ, что взялся приготовить для насъ два номера. Поэтому особой возни съ наймомъ квартиры не было.

Едва ямщикъ стукнулъ въ ворота, какъ они отворились и мы въѣхали на обширный дворъ. На углу стоялъ двухъ-этажный домъ, а кругомъ шла одно-этажная пристройка, раздѣленная на множество мелкихъ номеровъ безъ сѣней. Прямо со двора входишь въ небольшую прихожую; прямо — гостиная съ мягкимъ диваномъ, креслами, круглымъ столомъ, устланная большой пестрой кошмой по глиняному полу; направо — маленькая спальная.

Окна моего номера выходили на одну изъ главныхъ улицъ. Густые тополи совсѣмъ почти закрывали солнце, отчего въ этомъ временномъ пріютѣ царствовала прохлада и мягкій зеленоватый сумракъ. Подъ самыми окнами, тамъ гдѣ тротуаръ граничитъ съ улицей, журчитъ довольно широкой арыкъ.

Когда нашъ тарантасъ остановился около крыльца, и мы начали перетаскивать вещи, подбѣжалъ молодой дворникъ-сартъ Малайка и ловко сталъ помогать. Но... видъ его меня очень стѣснялъ: представьте себѣ сарта въ ночномъ туалетѣ, т. е. буквально безъ ничего; даже тебетейка съ бритой головы была снята. Въ то время какъ мы хлопотали у воротъ, онъ спалъ, укрывшись войлокомъ, гдѣ-то подъ навѣсомъ. Вѣроятно, сонъ молодца былъ очень крѣпокъ, такъ какъ стукъ слышалъ не онъ, а пожилая дама, управляющая номерами и завѣдующая всею хозяйственною частью заведенія. Она успѣла накинуть блузу, отворить намъ наши аппара-

таменты, словомъ—принять какъ слѣдуетъ, а Малайка все находился въ объятіяхъ Морфея. Однако, скоро чуткій слухъ провинившагося сарта былъ пораженъ поднявшеюся суматохой; быстро выскочилъ онъ изъ-подъ войлока и какъ былъ такъ и предсталъ передъ нами и хозяйкой во всей красѣ своего молодого бронзоваго тѣла. Оказалось, впрочемъ, что распорядительница нисколько не стѣснялась такой картиной. Она любезно продолжала болтать съ нами и только погрозила пальцемъ неисправному дворнику при его появленіи.

Скоро всѣ хлопоты кончились. Зоологъ съ коллекціями поселился тутъ же недалеко отъ меня, а я первымъ дѣломъ велѣлъ Малайкѣ подать самоваръ и достать горячихъ булокъ.

Явился, наконецъ, и лакей Иванъ — типъ продувного и опытнаго, во всѣхъ случаяхъ жизни, отставного солдата. Онъ попалъ въ Ташкентъ съ войсками, дослужилъ срокъ и преобразился изъ рядового—въ главнаго и единственнаго лакея гостинницы.

Въ грязномъ желтомъ сюртукѣ, съ чужого плеча, гладко остриженный, съ лицомъ, изъѣденнымъ оспой, и торчащими усами, Иванъ, казалось, готовъ былъ сразу разгадать насъ — что мы за птицы такія? и серьезно поглядывалъ своими сѣрыми, подслѣповатыми глазками. Особенно несимпатичными показались мнѣ его большія красныя уши, уродливо сидяція на конусообразномъ черепѣ.

— У насъ все можно достать,—поучалъ онъ.—Если чтò будетъ угодно, только заранѣе скажите — приготовимъ всякую музыку: либо каклетки, либо бистесь, а либо сунь... Есть здѣсь другая гостинница, да тамъ плохая музыка, все хотятъ какъ бы подороже.

Вошелъ Малайка съ самоваромъ, принеся свѣжую булку, и я размѣстился на мягкомъ диванѣ, вполне довольный своей судьбой.

Былъ только восьмой часъ утра, а ужъ солнышко давало о себѣ знать. Со двора въ открытую дверь несло расслабляющимъ тепломъ. Изъ-подъ навѣса раздавалось монотонное воркованіе египетскихъ голубей, напоминающее какой-то болѣзненный хохотъ.

Я принялся за чаепитіе.

VI.

Я пріѣхалъ въ Ташкентъ 15-го іюня, — день весьма знаменательный, такъ какъ 15-го іюня 1865 г. городъ Ташкентъ былъ взятъ штурмомъ русскими войсками, или правильнѣе — горстью русскихъ удальцовъ.

Въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, полученныхъ мною вскорѣ послѣ пріѣзда, я нашелъ слѣдующую замѣтку, касающуюся даннаго случая:

«15-го іюня ¹⁾ участниками событія была отслужена панихида

¹⁾ «Туркестанскія Вѣдомости» 1879 г., № 25, 26-го іюня, стр. 99.

на могилахъ убитыхъ при штурмѣ боевыхъ товарищей ихъ, погребенныхъ на мѣстѣ убіенія—вблизи Комеланскихъ воротъ, ведущихъ въ азіатскій Ташкентъ съ юго-восточной стороны. Панихиду служилъ протоіерей А. Е. Маловъ, а на молебствіи присутствовали, до сего времени остающіеся на службѣ въ Туркестанскомъ краѣ, участники штурма: гг. Жемчужниковъ, Янышевъ, Макаровъ, Шороховъ, Нестеровскій, Александровъ, Колесниковъ, Фаустъ и Андреевскій».

На площадкѣ, величиною окблo 1,000 кв. саж., засаженной деревьями, окруженной съ трехъ сторонъ сартовскими садами, а съ четвертой стороны открытой, погребены въ разныхъ мѣстахъ сада убитые при штурмѣ 25 человекъ нижнихъ чиновъ.

Особенно выдающаяся роль въ боевомъ дѣлѣ 15-го іюня 1865 года, окончившемся покореніемъ и присоединеніемъ къ имперіи одного изъ значительныхъ городовъ Средней Азіи, выпала на долю гг. Макарова, Шорохова, Жемчужникова и отца Малова.

Молодой инженеръ-поручикъ Макаровъ, произведшій нѣсколько рекогносцировокъ крѣпостныхъ верковъ города во время блокады крѣпости, а затѣмъ рекогносцировку и самыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, доходившій до контръ-эскарпа крѣпостного рва, такъ сказать подготовилъ городъ для дѣйствій штурмской колонны, состоявшей подъ командой артиллеріи штабсъ-капитана Абрамова. Исполняя въ отрядѣ обязанность офицера генеральнаго штаба, поручикъ Макаровъ шелъ на штурмъ впереди отряда, указывая направленіе цѣпи стрѣлковъ, которая, благодаря темной ночи и пересѣченной мѣстности, покрытой садами, незамѣченной подошла (вмѣстѣ съ колонной штабсъ-капитана Абрамова) къ городской стѣнѣ и, будучи замѣчена карауломъ только въ 300 шагахъ отъ стѣны, съ крикомъ «ура!» бросилась на барбець и смяла непріятеля.

Штурмовая колонна штабсъ-капитана Абрамова, ворвавшись въ городъ, прошла вдоль городской стѣны около 14 верстъ, подъ огнемъ непріятельскихъ орудій, отбивая ихъ у защитниковъ города и сбрасывая въ ровъ. Встрѣчавшіяся на каждомъ шагѣ баррикады приходилось брать штыками и въ то же время выбивать изъ саклей засѣвшихъ тамъ стрѣлковъ.

На двухъ улицахъ, идущихъ къ базару, куда направлялся съ своею колонною штабсъ-капитанъ Абрамовъ, непріятель бросился на наши войска, съ крикомъ — аллахъ!

Посланный противъ него поручикъ Макаровъ, съ 50 стрѣлками и ракетною командою, удачно пустилъ двѣ пудовыя ракеты, ударилъ въ штыки и привелъ непріятельскую пѣхоту въ совершенный безпорядокъ.

Подпоручикъ Шороховъ во время штурма города Ташкента командовалъ, вмѣстѣ съ ротмистромъ Вульфѣртомъ и подпоручикомъ Лапинымъ, охотниками, въ распоряженіи которыхъ находились

штурмовыя лѣстницы. Подпоручикъ Шороховъ, съ состоявшими подъ его командой людьми, шелъ впереди штурмовой колонны и ворвался въ городъ вмѣстѣ съ стрѣлками. Подполковникъ Жемчужниковъ начальствовалъ резервомъ изъ двухъ съ половиною ротъ съ четырьмя батарейными орудіями. Войдя въ городъ вслѣдъ за штабсъ-капитаномъ Абрамовымъ съ двумя ротами и двумя орудіями, подполковникъ Жемчужниковъ, вмѣстѣ съ майоромъ Де-ла-Круа, двинулся къ цитадели, занялъ ее (въ 7^{1/2} час. утра) и открылъ по городу огонь, вынудившій непріятеля уйти внутрь города и прекратить перестрѣлку.

Храбростью и хладнокровіемъ, на ряду съ участниками штурма, отличался и священникъ Маловъ. Въ продолженіе атаки, онъ, съ крестомъ въ рукахъ, шелъ впереди войскъ.

Прибавимъ ко всему этому, что г. Фаустъ, находившійся при штурмовой колоннѣ въ качествѣ охотника, обратилъ на себя вниманіе замѣчательною храбростью, хладнокровіемъ во время боя и постояннымъ присутствіемъ впереди отряда ¹⁾.

Такъ палъ Ташкентъ. Беззавѣтная храбрость русскихъ удалцовъ не остановилась передъ многочисленнымъ врагомъ и ловко воспользовалась темнотою ночей. Мнѣ говорили, что еслибъ промедлить еще хоть нѣсколько дней, городъ нельзя было бы взять такъ скоро, такъ какъ на выручку осажденнымъ спѣшило сильное войско.

Все высказываютъ убѣжденіе, что и тѣхъ боевыхъ силъ, которыми располагали защитники города, было съ избыткомъ достаточно для того, чтобы отразить нападеніе и продержаться. Но Аллаху было угодно устроить все иначе.

Что касается до свѣдѣній объ основаніи г. Ташкента, то все онѣ очень скудны, и мы не можемъ ничего сказать положительнаго о времени постройки этого города.

Извѣстный знатокъ средней Азіи Хорошхинъ ²⁾, въ силу различныхъ соображеній, приходитъ къ результату, что этому событію если не болѣе 800 лѣтъ, то и не менѣе 300. Какъ видите—цифры не особенно близки другъ другу.

Далѣе можно указать еще на народныя сказанія о томъ, что Ташкентъ стоялъ прежде на ю.-з. отъ настоящаго мѣста, верстахъ въ 30-ти по Чиназской дорогѣ, гдѣ и теперь имѣется деревня Эски-Ташкентъ (старый Ташкентъ). Причиной переселенія была рѣка Чирчакъ, берущая свое начало въ горахъ Алатау и протекающая теперь мимо города въ 8 верстахъ; подмывая берегъ все

¹⁾ Подробности см. въ «Русскомъ Туркестанѣ». Вып. III, 1872, изд. подъ редакціей В. Н. Троицкаго.

²⁾ А. П. Хорошхинъ. Сборникъ статей касающихся до Туркестанскаго края. 1876. стр. 78.

больше и больше, она заставила жителей переселиться выше и основать уже нынѣшній Ташкентъ.

Хорошихъ слышалъ, кромѣ того, что и за рѣкою Чирчакомъ, въ Куралѣ, былъ когда-то большой городъ, называвшійся тоже Ташкентомъ, но, прибавляетъ авторъ, «мракъ, ступившійся надъ этимъ событіемъ, окончательно непроницаемъ».

Поэтому, остается сказать нѣсколько словъ о современномъ городѣ ¹⁾.

Ташкентъ расположенъ на большомъ арыкѣ Босу, который выходитъ изъ р. Чирчака у Нязбека (40—50 верстъ выше Ташкента, на той же рѣкѣ) и прорѣзаетъ весь городъ, на протяженіи 10 верстъ; отъ него, какъ отъ главной жизненной артеріи, исходитъ множество мелкихъ арыковъ, орошающихъ почти каждый дворъ и каждый садъ.

Количество воды въ Босу зависитъ отъ удовлетворительности плотины на Чирчакѣ, которую ежегодно поправляютъ ташкентцы, и весьма недалеко отъ насъ то время, когда недобросовѣтность распорядителей приводила къ тому, что часто городскіе арыки оказывались безъ воды. Кромѣ того, въ городѣ существуетъ небольшое количество колодезь. Но, что особенно хорошо въ Ташкентѣ, такъ это сады. Густой, зеленой каймой окружаютъ они его со всѣхъ сторонъ. Между тополями, каргачами, вербой, тутовыми и другими деревьями, маленькія, невзрачныя сакли туземцевъ и русскіе дома—совсѣмъ незамѣтны; они потонули въ прохладныхъ зеленыхъ волнахъ. Только узкіе, иногда кривые переулки (не считая широкихъ проспектовъ новой половины города) разрѣзываютъ этотъ лѣсъ въ разныхъ направленіяхъ, какъ дорожки въ какомъ-нибудь паркѣ. Живописные овраги попадаются довольно часто; въ нихъ встрѣчаются мельницы, стучать толчеи, устроены кожевенные заводы. И хотя улицы, по большей части, грязны или пыльны, смотря по сезону, но въ общемъ—просятся на полотно художника.

Лучшіе и обширнѣйшіе сады находятся въ Бишъ-агагской части стараго города. Жители, желающіе наблюдать за ними, должны были выселиться подалеже на окраины, и, такимъ образомъ, возникли даже цѣлыя кишлаки. Катаргаль и Зенгата; послѣдній основался лѣтъ 160 тому назадъ. Названіе Зенгата или Зимгаате дано вслѣдствіе того, что здѣсь находится могила святого Зенгата, чрезвычайно почитаемаго въ Азіи. Когда поспѣваютъ фрукты, въ этотъ кишлакъ собираются огромныя толпы богомольцевъ не только изъ Ташкента, но и изъ Туркестана и даже изъ Самарканда.

О святомъ я вкратцѣ упоминалъ уже, приводя легенду о Хаз-

¹⁾ Н. Маевъ, «Азіатскій Ташкентъ» (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. 1876. Выпускъ IV, стр. 261).

ретѣ ¹⁾. Въ прекрасной статьѣ Н. А. Маева я нашелъ другое преданіе, нѣсколько отличающееся отъ сказанія, записаннаго мною. Не смотря на нѣкоторыя противорѣчія, безъ которыхъ никогда не обходится въ подобныхъ случаяхъ, я позволю себѣ привести это народное сказаніе.

Про самаго Зенги-ата, пишетъ г. Маевъ, имѣется мало свѣдѣній. По сказанію, онъ былъ современникъ Хазрета и настоящее имя его Ай-ходжа; но когда родители понесли его на благословеніе къ Хазрету ²⁾, то онъ назвалъ ребенка—Зенги, что значитъ чернѣй, и при этомъ предсказалъ, что мазаръ (памятникъ) надъ будущей могилой Зенги выстроится прежде его могильнаго памятника. Въ молодости Зенги былъ пастухомъ, а потомъ проповѣдывалъ коранъ, велъ скромную, воздержную жизнь и постоянно молился въ уединеніи. По словамъ сартовъ, онъ исцѣлялъ больныхъ. Мусульмане причислили его къ своимъ святымъ и прибавили къ его имени слово ата (отецъ), которое имѣетъ два значенія: оно употребляется въ смыслѣ родного отца и прибавляется также къ именамъ святыхъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ употребляемъ его и мы, говоря: «иже во святыхъ отецъ нашихъ, Василія Великаго» и пр.

Въ легендѣ, записанной мною, говорится, что когда Тимуръ хотѣлъ выстроить мечеть надъ могилой Хазрета, то она все разрушалась до тѣхъ поръ, пока ему во снѣ не явился Хазретъ и не посовѣтовалъ выстроить сначала памятникъ надъ прахомъ Зенги-ата. По преданію же, которое приводится г. Маевымъ, когда мечеть въ Туркестанѣ разваливалась нѣсколько разъ, собраны были казій, муллы и прочій ученый народъ, которые будто бы вспомнили предсказаніе Хазрета, «что хотя онъ и умретъ ранѣе Зенги-ата, но надгробный памятникъ Зенги будетъ выстроенъ ранѣе, нежели ему». По докладѣ этого предсказанія Тимуру, онъ велѣлъ стать своему войску отъ Туркестана до могилы Зенги-аты и передавать изъ рукъ въ руки строительные матеріалы разваливаемаго хазретскаго памятника. Когда изъ нихъ былъ сложенъ мазаръ Зенги-ата, приступлено было къ сооруженію мечети Хазрету, которая уже болѣе не распадалась и сохранилась до нашихъ временъ ³⁾.

Къ сожалѣнію, мнѣ лично не удалось побывать въ мазарѣ.

Длинные глинобитные заборы, высокіе и низкіе, тянутся по обѣимъ сторонамъ путника, забредшаго въ старую или сартовскую часть Ташкента. Черезъ нихъ свѣшиваются могучія вѣтки кара-

¹⁾ Природа и человекъ въ Средней Азіи («Историческій Вѣстникъ» 1888, июль, стр. 122).

²⁾ Сравни это мѣсто легенды съ тѣмъ, что записано мною. (1 с.).

³⁾ Н. Маевъ в. с. стр. 268. Кромѣ того, авторъ ссылается на статью, помѣщенную въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» 1875, № 34, которую мнѣ не удалось достать въ Казани.

гача, стройными колоннами поднимаются высокіе пирамидальные тополи. Часто встрѣчаются мостики, какъ будто на скорую руку сколоченные. Ни одного окна не увидишь на улицѣ; всѣ сакли, построенныя тоже изъ глины, еле поднимаются изъ-за заборовъ, и рѣдко-рѣдко замѣтишь круглую или неправильнаго вида дыру въ стѣнѣ, высоко надъ уровнемъ улицы, которая, такъ сказать, есть единственный путь, соединяющій внутреннюю жизнь сарта съ окружающимъ міромъ. Только однѣ узкія и низкія калитки ведутъ во дворъ, да и тѣ, въ большинствѣ случаевъ, заперты на глухо.

Въ силу всего сказаннаго, улица туземной части Ташкента имѣетъ очень мало оживленія, если только она не ведетъ къ базару. Только изрѣдка проскрипитъ арба, пробѣжитъ нагруженный осликъ, или сартянка, закутанная съ ногъ до головы, пугливо перебѣжитъ дорогу и исчезнетъ за угломъ.

За то базаръ — можетъ сразу познакомить путешественника съ фізіономіей всей Средней Азіи; по немъ можно себѣ составить понятіе вообще и о другихъ городахъ. Мѣняются только детали, типъ же остается одинъ и тотъ же.

Представьте себѣ небольшую площадь, всю запруженную самымъ разнообразнымъ людомъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Здѣсь и хивинецъ, и авганецъ, и индѣецъ, и сартъ, и узбекъ; здѣсь слышится гортанный говоръ, выкрикиваніе невозможнымъ фальцетомъ; здѣсь снуютъ ослики съ туземцами или наруженные громадными мѣшками; здѣсь, наконецъ, цѣлыя сотни всадниковъ на горячихъ аргамакахъ и заморенныхъ клячахъ. Стараются пробраться арба, наполненная арбузами, дынями и другими земными плодами, медленно шагаетъ верблюдъ съ двумя огромными стогами зеленого клевера на горбѣ, — кажется будто движется цѣлая гора, изъ которой едва выглядываетъ умная голова съ рваными ноздрями. Киргизка верхомъ на коровѣ, потная и толстая, притащила чудовищной величины турсукъ съ кумысомъ. Все это шумить, кричить, звенить...

Кругомъ площади идутъ маленькія лавочки съ разными азіатскими товарами: коврами, кошмами, расшитыми шараварами (чамбары), скатертями, подушками, туфлями и проч. Тутъ же продаютъ сбрую, отдѣланную въ серебро и бирюзу.

Между лавками есть и болѣе просторныя помѣщенія — чайхана, гдѣ собираются правовѣрные мусульмане побесѣдовать о всякихъ злобахъ дня. Сидя небольшими группами, они пьютъ зеленый чай (кокъ-чай), курятъ кальянъ, сдѣланный изъ большой тыквы и ведутъ чинно бесѣду. Хорошенькіе мальчики прислуживаютъ посѣтителемъ и лукаво улыбаются, когда кто-нибудь отнесется къ прислуживающимъ съ изысканнымъ комплиментомъ.

Такова базарная площадь. Но, кромѣ того, существуютъ еще

лавки съ разными товарами, съѣстными припасами и тѣми же чай-хана, расположенными совершенно иначе. Все это помѣщается на улицахъ, прикрытыхъ отъ знойныхъ лучей солнца навѣсомъ изъ соломы, досокъ и пр. Подъ навѣсомъ царить сравнительная прохлада, полу-мракъ, но за-то чувствительнѣе особый запахъ— смѣсь кунжутнаго масла и ѣдкихъ ароматическихъ смоль. Это громко передаетъ возгласы торгующихъ, скрипъ проѣзжающей арбы, неугомонный крикъ осла, стукъ лошадиныхъ подковъ. Въ сумракѣ сверкають глаза сарта, выглядывающаго изъ-за кучи своихъ товаровъ, двигаются тѣни индѣйцевъ съ коричневымъ тѣломъ и двумя красными знаками «огня» на лбу. Все это производитъ (по крайнѣй мѣрѣ на меня) гораздо большее впечатлѣніе, нежели открытый базаръ и вспоминается множество картинъ изъ прочитанныхъ въ дѣтствѣ путешествій по Востоку.

Вотъ что бросается въ глаза туристу, рыскающему по Ташкенту. Теперь заглянемъ во дворикъ къ туземцу.

Жилища сартовъ состоятъ обыкновенно изъ двухъ двориковъ: наружнаго (ташкери) и внутренняго (ишкери). Они соединяются, по большей части, узкимъ незамѣтнымъ корридорчикомъ, идущимъ между строениями. На первомъ сгруппировано все, что относится до мужского хозяйства: конюшни, сѣновалы и пр., на второмъ— живутъ женщины и поэтому онъ составляетъ гаремъ. У бѣдныхъ, обыкновенно, имѣется одна жена и одна сакля, у богатыхъ— двѣ, три и болѣе жены и столько же помѣщеній, совершенно отдѣльныхъ для каждой. Кромѣ того, у зажиточныхъ сартовъ на внутреннемъ дворикѣ имѣются особыя помѣщенія для кухни, для куръ и для голубей (водитъ которыхъ сартянки очень любятъ).

Хотя сакли имѣютъ плоскія крыши, доступныя для обитателей, тѣмъ не менѣе существуетъ законъ, въ силу котораго молодая женщина не имѣетъ права взлѣзать на кровлю. Мало того, сосѣдъ въ правѣ жаловаться на своего сосѣда, который съ крыши своей сакли видитъ внутренность чужого двора. Чтобы скрыть отъ любопытнаго взора все происходящее на внутреннемъ дворикѣ, онъ весь обсаженъ густыми карагачами, пирамидальными тополями, тальникомъ или тутовыми деревьями. Туда же проведенъ арыкъ, впадающій въ небольшой бассейнъ; холодная вода утоляетъ жажду обитательницъ и идетъ на всякія хозяйственныя потребности.

Прибавлю еще, что мелкіе персики (урюки) сушатся тутъ же на кровляхъ, безъ особаго приспособленія, а виноградъ (кишмишъ) развѣшивается, раскладывается въ особыхъ помѣщеніяхъ, выстроенныхъ надъ саклями и которыя называются баляндхана (высокій домъ¹⁾).

¹⁾ Существуетъ мнѣніе, будто слово «балхонъ», «балконъ», такъ часто употребляемое нами, есть измѣненное слово «баляндхана»; но насколько это вѣрно, предоставляю судить филологамъ.

Что касается до способа возведенія построекъ, то онъ нелишенъ оригинальности. Большинство сакель строится безъ фундамента, и только люди состоятельные кладутъ сначала фундаментъ изъ жженого кирпича. Потомъ помѣщаютъ горизонтально брусья, а на нихъ—стойки разной величины и толщины (иногда въ два ряда); въ известномъ мѣстѣ помѣщаютъ дверь, а пространство между стойками выполняютъ комками глины, называемыми кисекъ. Поставивши, такимъ образомъ, стѣны, кладутъ опять горизонтально балки, а на нихъ настилаютъ потолокъ, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и крыша. Сартовскій потолокъ и составляетъ всю оригинальность, такъ сказать, постройки: кромѣ толстыхъ балокъ, лежащихъ поперекъ, потолокъ состоитъ изъ короткихъ и тонкихъ жердочекъ, которыми забирается пространство между балками; жердочки всегда направляются вдоль сакли и всегда длинны на столько, чтобы покрыть лишь пространство между сосѣдними балками. Настлавъ потолокъ, его покрываютъ слоемъ камыша, а состоятельные сарты—циновками, смазываютъ глиной, засыпаютъ землю, снова смазываютъ глиной и мажутъ каждый годъ два раза передъ осенними дождями.

Такимъ образомъ, главный строительный матеріалъ составляетъ глина, которая здѣсь чрезвычайно липка и скоро сохнетъ, не уступая въ твердости кирпичу. Кромѣ того, матеріалъ имѣется вездѣ подъ рукой и, путешествуя по средней Азій, вездѣ можно встрѣтить такую картину: въ известномъ отгороженномъ мѣстѣ (будущей усадьбы) вырыта большая яма; въ ней разрыхляется глина, взятая изъ той же ямы, поливается водой и растаптывается ногами сартовъ. Когда масса достигла известной плотности, изъ нея дѣлаются кирпичи, которые сушатся тутъ же на солнцѣ. Нѣсколько тысячъ сѣрыхъ четырехъ-угольныхъ кусочковъ сложены въ правильныя кучи, и когда матеріала заготовлено достаточно, то прежняя яма засыпается и возводятся постройки. Въ случаѣ трещины или недостатка въ кирпичахъ, опять гдѣ-нибудь роютъ яму и опять возобновляютъ работу. Такимъ образомъ,—кирпичи для постройки сакли ничего не стоятъ.

Наружныя и внутреннія стѣны домовъ богатые люди штукатурятъ. И надо сознаться,—въ этомъ дѣлѣ сарты очень искусны. Они штукатурятъ исключительно однимъ алебастромъ (ганчъ), съ помощью линейки и лопаточки, самой незамысловатой конструкціи. Выводятся правильные углы, полукруглыя ниши, украшаются самымъ затѣйливымъ образомъ—до такой степени хорошо здѣсь алебастръ.

Въ стѣнахъ почти постоянно водятся скорпіоны, которые нѣсколько не стѣняются пробраться и въ самыя жилища, черезъ потолокъ. Думаю, что и самъ потолокъ является этимъ незванымъ гостямъ хорошимъ убѣжищемъ. Надо однако замѣтить, что

сарты знаютъ простыя и вѣрныя средства, которыми съ успѣхомъ лечатъ укушенныхъ; къ тому же, по увѣренiю туземцевъ, куры во множествѣ уничтожаютъ ядовитыхъ враговъ, совершенно безнаказанно для себя.

Какъ я уже говорилъ, оконъ сарты не дѣлаютъ. Правда надъ дверями почти всегда можно замѣтить деревянныя или алебастровыя рѣшетки, заклеенныя бумагой, но черезъ нихъ въ комнату почти не проходитъ ни воздухъ, ни свѣтъ. За то двери—крайне оригинальны: они всегда створчатыя и запираются цѣпочками, т. е. имѣется пробои и накладка, въ видѣ цѣпи. Богатыя сарты украшаютъ обѣ половинки крайне прихотливыми рѣзными узорами.

Внутреннее убранство комнатъ мужской половины сакли заключается въ коврахъ (паласъ), которыми устланъ каменный полъ. Стѣны и потолокъ часто расписаны невозможными цвѣтами и деревьями. Крайне интересно то, что въ числѣ рисунковъ никогда нельзя встрѣтить изображенiя какого-нибудь животнаго, тогда какъ въ мазаркахъ или могилахъ рисуются почти исключительно сцены животнаго царства ¹⁾.

Хорошхинъ говоритъ, что только въ Самаркандѣ онъ встрѣтилъ въ одной саклѣ изображенiе змѣй, тигровъ и птицъ. До этого и онъ не встрѣчалъ въ мусульманскихъ жилищахъ ни одного суретъ (изображенiе чего бы то ни было, кромѣ растений и плодовъ), напоминающихъ собою вообще невѣрныхъ, падкихъ до поклоненiя (?) идоламъ. На этотъ предметъ, по словамъ автора, каждый мулла приведетъ вамъ цитаты изъ корана. Въ Ташкентѣ одинъ знакомый мулла, посѣщая Хорошхина, каждый разъ, какъ наступало время намаза (одной изъ пяти молитвъ въ сутки), просилъ убрать изъ комнаты пепельницу, надъ которою стояло бронзовое суретъ коровы, и обезпечивъ себя съ этой стороны, принимался молиться, не обращая уже ни на что вниманiя ²⁾.

Тщетно стали бы мы отыскивать какую-нибудь мебель въ саклѣ. Только въ зимнее время посрединѣ комнаты ставятъ небольшой, на низкихъ ножкахъ, столикъ (сандалъ), помѣщаемый надъ жаровней, и покрытый одѣяломъ; старый и малый прячутъ подъ него свои ноги и, окутавшись краемъ одѣяла по поясъ, грѣются такимъ способомъ. Въ гостиныхъ (михманъ-хана) этого однако не дѣлаютъ, такъ какъ тамъ просто ставятъ посреди комнаты жаровню или затопляютъ каминъ. Каминныя эти очень изящны и разукрашены лѣпною работою, синей и красной краскою.

Но что особенно бросается въ глаза и что особенно поражаетъ европейца,—это яма для помой, помѣщаемаяся въ гостиной и

¹⁾ См. мою статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1880, томъ 2-й: «Въ пескахъ Кара-Кумъ», стр. 454.

²⁾ Хорошхинъ «Сборникъ», стр. 84.

вообще въ комнатахъ. Для этого въ углу комнаты врывается въ землю на известную глубину большой глиняный кувшинъ безъ дна и накрывается каменной плитой съ дырочками; здѣсь совершаютъ омовенія передъ намазомъ, нисколько не стѣняясь.

На женской половинѣ обстановка разнообразнѣе. Сакли расписаны также какъ и мужскія, и загромождены сундуками, теплыми сартовскими одѣялами, подушками и пр. Гдѣ-нибудь въ уголкѣ пріютилась люлька съ ребенкомъ, а рядомъ стоитъ корзина съ куриными яйцами. Тутъ же стоятъ самовары, чайники, высокіе мѣдные кувшины (кунганы), подсвѣчники съ широкимъ основаниемъ, лампочки въ формѣ башмачка.

Вдоль стѣны возвышается на низкихъ ножкахъ сартовская кровать, на которой смѣло можно лечь втроемъ и во всякомъ направленіи—вдоль или поперекъ. Эти кровати въ большомъ ходу даже у русскихъ и состоятъ изъ рамы съ переплетомъ, сдѣланнымъ изъ веревокъ.

Само собою разумѣется, что только хозяйва спятъ на нихъ; прислуга же и молодые ложатся прямо на коврѣ, подкладывая длинныя подушки въ видѣ валика, покрытыя наволочкой изъ канаса самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Иногда, у богатыхъ, онѣ дѣлаются изъ азіатскаго пестраго бархата превосходной добротности (желтыя и зеленыя краски никогда не линяютъ на солнцѣ).

Нечего, я думаю, прибавлять, что и въ гаремахъ существуютъ гостиныя, гдѣ сартянки, собравшись въ свободныя минуты, перемываютъ косточки своихъ ближнихъ. Женщина—вездѣ женщина!

Наконецъ, чтобы кончить описаніе жилищъ сартовъ, скажу, что въ каждомъ дворѣ имѣются конюшни, похожія на навѣсы, т. е. закрытыя только съ трехъ сторонъ, безъ всякихъ дверей. Ослы и коровы помѣщаются особо.

Клеверъ, которымъ исключительно питается домашній скотъ, набивается въ сѣновалы, устраиваемые надъ конюшнями, или же прямо складывается на кровлю.

Ѣдятъ туземцы довольно вкусно, по крайней мѣрѣ, когда привыкнешь къ ихъ кушаньямъ. Самыя употребительныя яства: 1) палау (невѣрно называемый русскими—пилавомъ) состоитъ изъ развареннаго риса, моркови и мяса, наръзанныхъ небольшими кусочками; иногда, вмѣсто мяса или баранины, кладутъ курицу; 2) мясной бульонъ (шурпа), приготовленный часто тоже изъ баранины; подчасъ приправляютъ его различными пряностями и кислымъ молокомъ. Наконецъ 3) жаркое (кауардакъ, куардакъ, кавардакъ)—говядина или баранина, жареная мелкими кусочками. Пьютъ сарты чай и кумысъ (конечно, кромѣ воды); кумысъ покупается у киргизовъ, а чай—исключительно зеленый (кокъ-чай) можно достать вездѣ, всякаго качества отъ 60 коп. до 2—3 рублей за фунтъ.

Къ чаю подаютъ молоко, лепешки и кишмишъ, и, въ заключеніе, грызутъ фисташки, сушеные урюки, мѣстный превосходный виноградъ (1 коп. фунтъ) и другіе мѣстные фрукты.

Когда гостей нѣтъ, калитка, ведущая на улицу, всегда должна быть на запорѣ; при первомъ стукѣ незнакомаго человекъ и даже родственника, женщины, бывшія на мужской половинѣ, бѣгутъ къ себѣ на дворикъ и обязательно закрываютъ лицо, чѣмъ ни попало, чтобы гость не увидѣлъ ихъ и, чего сохрани Аллахъ, не взглянулъ.

Что касается до новаго Ташкента, т. е. до той половины города, которая заселена русскими, то здѣсь вы встрѣтите мало оригинальнаго. Тѣ же магазины, тѣ же клубы, тѣ же кафе, почтовые и другія конторы, канцеляріи и проч. Только пирамидальные тополи да арыки, журчащіе по бокамъ улицъ, придаютъ картинѣ своеобразный видъ. Утромъ, въ полдень, и вечеромъ, въ шесть часовъ, полуголые дворники-сарты поливаютъ улицы, черная вода изъ арыковъ. Поднимаются пары; запахнетъ какимъ-то особымъ банннымъ запахомъ... но за то, пыли почти нѣтъ.

До шести часовъ вечера жара стоитъ нестерпимая. На тротуарѣ увидишь только тѣхъ, которые вышли изъ дома по служебнымъ обязанностямъ.

Весь день окна заставлены ставнями изъ плотной кошмы, хозяйки и дѣти двигаются изъ комнаты въ комнату въ самомъ легкомъ и истерзанномъ видѣ... Ровно въ полдень грянетъ пушечный выстрѣлъ изъ крѣпости, и каждый спѣшитъ проверить свои часы. Въ раскрытыя двери пышетъ жаромъ, слышится хохотъ египетскихъ голубей или стукъ проѣхавшаго извозчика.

Но вотъ солнце сѣло. Ташкентъ встрепенулся. Коляски и фэ-этоны съ разряженными барынями покатали въ садъ генералъ-губернатора. Тамъ играетъ музыка, толпятся гуляющіе, показываются шляпки и кофточка, выписанныя «изъ Россіи». Амуръ стрѣляетъ своими стрѣлами, и нѣтъ отъ него пощады ни малому, ни старому. Какая-нибудь забѣзжая труппа иногда даетъ представленія въ театрѣ. Конечно, всякій, кто можетъ, мчится туда.

Акробаты и пѣвицы подвизаются въ саду минъ-урюкѣ (тысяча урюковъ) когда-то тѣнистомъ и, быть можетъ, дѣйствительно имѣвшемъ такое количество деревьевъ. Но теперь не думаю, чтобы была и половина.

Заброшенные на далекую окраину русскіе живутъ въ Ташкентѣ весьма дружно. Военныя традиціи сплотили въ одну семью самые разнообразныя элементы, и потому, разъ попавши туда, не хочется выѣзжать отъ этихъ добрыхъ людей. Не стану писать похвальной оды, не стану отрицать, что и здѣсь бываютъ интриги,—но, во-первыхъ, въ семьѣ не безъ уroda, а во-вторыхъ, если сравнить общество Ташкента съ обществами городовъ Россіи, то сравненіе не будетъ въ пользу послѣднихъ. Такой сердечности, теплоты и участія никогда у насъ не найдешь!

VII.

Оставляя пока въ сторонѣ русскихъ обитателей Ташкента, поговорю объ иновѣрцахъ.

Населеніе—самое разнообразное и интересное. По торговымъ дѣламъ сюда являются авганцы, бухарцы, хивинцы, персіяне и кабульцы; но всѣ они постоянного жительства въ Ташкентѣ не имѣютъ. Изъ другихъ обитателей, которыхъ здѣсь хотя и немного, но все-таки изъ постоянно живущихъ въ извѣстныхъ кварталахъ города можно упомянуть о слѣдующихъ:

Индѣйцы поселились въ нѣсколькихъ сакляхъ, въ одномъ изъ караванъ-сараевъ. Всѣ они—огнепоклонники, почему какъ у себя въ домахъ, такъ и въ кумирнѣ, всегда поддерживаютъ огонь. На мостикѣ черезъ канаву съ водою и на перилахъ небольшой террасы, надъ той же канавой, горятъ небольшіе свѣточы. По всей вѣроятности, мутная влага узкаго арыка должна имъ напоминать синія волны широкаго Ганга, котораго они давно уже не видали. Цвѣтъ тѣла индѣйцевъ—темно-коричневый, фигура — сухая и довольно стройная; одѣты они въ бѣлую широкую одежду и красную феску на головѣ. Между черными бровями, красиво изгибающимися надъ смышленными блестящими глазами, можно замѣтить два красныхъ пятнышка—символь божественнаго огня. Говорятъ, будто красную краску для этихъ знаковъ разводятъ на мочѣ коровы, мясо которой ни одинъ изъ индѣйцевъ не станетъ ѣсть, почитая животное священнымъ.

Что касается до занятія описываемыхъ выходцевъ, то, къ сожалѣнію, оно совсѣмъ несимпатично: всѣ они—отчаянные ростовщики и даютъ деньги за самыя безбожные проценты. На второмъ планѣ стоитъ торговля, — продаютъ разныя ткани, шали и пр., привозимыя изъ Индіи.

Евреи помѣщаются также въ особомъ кварталѣ Джугутъ-Махалля. Они всѣ—послѣдователи талмуда, превосходно владѣютъ персидскимъ языкомъ и одѣваются посартовски. Какъ и вездѣ, главнымъ образомъ, заняты ростовщицествомъ и опутываютъ своими сѣтями бѣдный, нуждающійся классъ, хотя, конечно, имѣютъ много кліентовъ и въ числѣ русскихъ обитателей города.

Татары, которыхъ въ Ташкентѣ довольно много, всѣ—выходцы изъ Россіи. Хорошхинъ такъ характеризуетъ ихъ:

«Все это беспаспортный, полупьяный народъ, эксплуатирующій простяковъ-сартовъ на каждомъ шагѣ. Ташкентскій татаринъ прежде всего очень корыстенъ. Если онъ переводчикъ—то непременно взяточникъ, если онъ приказчикъ — то интересы хозяина неизбѣжно сцѣпляются съ его собственными интересами, а гдѣ же все знать хозяину, не понимающему языка? Если же ташкентскій

татаринъ нигдѣ не служить, то непременно содержитъ торговую баню и торгуетъ въ ней извѣстнаго рода товаромъ, весьма прибыльнымъ тамъ, гдѣ много холостыхъ людей. Я знаю въ Ташкентѣ многихъ татаръ, но не знаю между ними ни одного честнаго человѣка. Хорошо бы перебрать этотъ народъ поголовно».

Такова суровая характеристика и, сколько мнѣ не удавалось провѣрять ее, слушая мнѣнія другихъ лицъ, — она остается неизмѣнною и до сихъ поръ. Быть можетъ, время нѣсколько сгладитъ и этотъ типъ.

Затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть о киргизахъ и цыганахъ. Первые расположились преимущественно въ кварталѣ Якке-базаръ и занимаются приготовленіемъ бузы ¹⁾, которую продаютъ и пьютъ сами въ огромномъ количествѣ. Кромѣ того, какъ увѣряютъ, киргизы не прочь угнать и чужую лошадь, такъ какъ конокрадствомъ они заниматься очень любятъ.

Наконецъ, цыгане, говорящіе поперсидски, проводятъ время въ томъ, что очень искусно строятъ рѣшета, сита и женскія лицевыя сѣтки, сбывая ихъ довольно выгодно. Прекрасная половина этихъ инородцевъ и въ Ташкентѣ не оставляютъ своей профессіи — предсказывать будущее, сулить богатыхъ жениховъ и пр.

Теперь остановлюсь болѣе подробно на коренномъ населеніи Ташкента — на сартахъ, которыхъ десять лѣтъ тому назадъ насчитывалось 40 тысячъ душъ обоого пола.

Потомки древне-персидскихъ жителей этого края, сарты приняли исламъ отъ арабовъ въ VIII вѣкѣ и подпали подъ влияніе узбековъ, обитавшихъ здѣсь съ давнихъ временъ, до такой степени, что усвоили себѣ даже ихъ языкъ. Муллы, какъ болѣе образованныя лица, знаютъ еще поперсидски и поарабски.

Наружность сартовъ довольно красива, но между ними я никогда не встрѣчалъ такихъ стройныхъ молодцовъ, каковы, напримеръ, жители Ферганской области. Умное лицо, крѣпкое тѣлосложеніе, ловкость, проворство, присущи, однако, всѣмъ обитателямъ стараго Ташкента. Хотя они вообще брюнеты, съ большими черными глазами и такой же бородой, тѣмъ не менѣе можно видѣть и совершенно блондиновъ, даже рыжихъ. Особенно высокихъ мужчинъ не попадается, но Хорошкинъ видѣлъ зато шестидесятилѣтняго старика не болѣе аршина ростомъ. Наконецъ, прибавимъ, что сарты склонны къ полнотѣ и рѣдкій богатый туземецъ не представляется упитаннымъ толстякомъ.

Характерной чертой ихъ нрава можетъ служить миролюбіе и низкопоклонство; послѣднее можно замѣнить болѣе слабымъ выраженіемъ — почтительностью до униженія. Кромѣ того, честолюбіе,

¹⁾ Сильно опьяняющій напитокъ изъ риса или проса.

по словамъ людей компетентныхъ, также принадлежитъ къ числу постоянныхъ качествъ сартовъ.

Сарты очень падки до денегъ и поэтому между ними очень много купцовъ. Чуть заведется у кого-нибудь рублей 25, онъ тотчасъ же начинаетъ торговлю и наживается довольно быстро, сбывая русскимъ всякую всячину. Опять-таки люди знающіе говорятъ, что за деньги сартъ готовъ сдѣлать все, что угодно, въ особенности если онъ бѣденъ; за золото онъ не пожалѣетъ ничего, даже дорого имени своей семьи.

Въ силу всего сказаннаго будетъ понятно, почему это племя—вообще плохіе воины и храбростью не отличаются.

Между сартами есть и нищіе. Хорошхинъ спросилъ разъ одного такого субъекта, вполне здороваго и молодого: отчего онъ не работаетъ, а нищенствуетъ и юродствуетъ на базарахъ? — Это осталось мнѣ отъ моего отца и дѣда!—отвѣчалъ онъ, не смущаясь.— Они тоже не работали!

Большинство мѣстныхъ «святыхъ» были тоже нищіе, юродствовали и собирали себѣ, безъ особаго труда, на пропитаніе. Имъ и теперь стараются подражать, при чемъ стоитъ только напустить на себя побольше дури, чудачества во вкусѣ ислама, и затѣмъ весьма легко прослыть за блаженнаго (ишанъ, дувана). Дуваны встрѣчаются во всѣхъ городахъ Средней Азіи и принадлежатъ къ разнымъ орденамъ. Въ Ташкентѣ практикуетъ орденъ Накшбенди, основанный Бага-этдиномъ. Этотъ юродивый схороненъ недалеко отъ Бухары и пользуется большимъ уваженіемъ. Орденъ Накшбенди разсѣянъ по всему мусульманскому Востоку. Онъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ общины и одинъ изъ догматовъ его заключается въ взаимномъ вспомоществованіи. Члены ордена холосты, богаты и, между прочимъ, неумѣренно предаются куренію опиума. Въ Ташкентѣ послѣдователи Бага-этдина живутъ въ части города, называемой Бишъ-агачъ. Все это здоровые и молодые люди, которые занимаются нищенствомъ, какъ ремесломъ ¹⁾.

Что касается до одежды сартовъ, то, какъ, вѣроятно, извѣстно читателямъ, они брѣютъ головы, прикрываютъ ихъ тебетейками, ни чѣмъ не отличающимися отъ тѣхъ, которые носятъ наши татары. Поверхъ тебетейки наворачивается чалма (салля) изъ различныхъ матерій, даже цвѣтъ варьируетъ; такъ, напримѣръ, ташкентцы предпочитаютъ чалмы бѣлыя, а жители Ура-Тюбе — сѣрыя, красныя, желтыя, синія и др. Кромѣ того, синяя или голубая является принадлежностью купеческаго званія, а бѣлую по преимуществу носятъ военные и духовные. Даже форма этого головного убора вовсе не одинакова у всѣхъ сартовъ, какъ это кажется съ перваго взгляда: чалма купцовъ — самая красивая по

¹⁾ Хорошхинъ. «Сборникъ», стр. 104.

своей формѣ и пропорціональности, у военныхъ (сипаи) она немного уже кверху, а у хановъ, духовныхъ и вообще знатныхъ стариковъ—она хотя невысока, но за то безобразно раздается во всѣ стороны. Прибавлю еще, что лица духовныя не могутъ не носить чалмы, всѣ же остальные классы подчасъ обходятся и безъ нея. Бѣдные люди и дѣти надѣваютъ иногда шапки, но чаще же всего остаются въ однѣхъ тебетейкахъ.

Бѣлье сартовъ состоитъ изъ рубашки и панталонъ. Первая (яхтакъ) сшита въ видѣ халата, длиною немного ниже колѣнъ, и только съ одною завязкой посреди груди. На ноги надѣваются мягкіе сапоги (массы) безъ каблуковъ, а за голенища заправляются панталоны. Цвѣтъ бѣлья по большей части бѣлый, а матеріаль — смотря по средствамъ. Сверхъ мягкихъ сапоговъ, какъ у татаръ, надѣваютъ калоши (каушъ) съ нѣсколько приподнятымъ и острымъ носкомъ и крайне оригинальнымъ каблукомъ — верхушка его заканчивается желѣзной цилиндрической пяткой (въ полвершка длиною и въ большой палецъ руки толщиною); наконецъ, для красоты и крѣпости, каблуки обвиваютъ тонкой и мѣдной струной. Подошва калошъ подбивается желѣзными гвоздиками съ выпуклыми шляпками. Такіе каблуки носятъ только записные щеголи, и я лично могъ убѣдиться, до какой степени острия пятки непрактичны, такъ какъ въ немного рыхлой почвѣ онѣ глубоко врѣзываются ¹⁾. Болѣе солидные люди ограничиваются калошами, ничѣмъ не отличающимися отъ тѣхъ, которыя носятъ наши татары поверхъ ичиговъ (сапоговъ).

Верхнюю одежду сартовъ составляютъ: бешметъ и халатъ. Бешметъ есть тоже халатикъ, только короткій, узкій и легкій; онъ бываетъ или съ рукавами по локоть или совсѣмъ безъ нихъ. Халатъ (тунъ) — широчайшій, сшитый изъ самыхъ разнообразныхъ матерій,—самая любимая и почитаемая одежда у всѣхъ азіатовъ, а почетный халатъ (сарпай) считается лучшею наградой, какую только можетъ себѣ представить мусульманинъ, въ особенности когда получается изъ рукъ какого-нибудь высокопоставленнаго лица. На украшеніе халата тратятся громадныя деньги и надъ этимъ изощряется фантазія мастеровъ: галуновъ, серебра и золота не жалѣютъ для подобной цѣли и чѣмъ больше блеска, тѣмъ счастливѣе выйдутъ въ немъ его обладатель. Халаты коканскаго хана, какъ рассказываютъ очевидцы, по бортамъ были унизаны жемчугомъ, а на спинѣ красовался полумѣсяцъ и разные узоры также изъ жемчуга. Халатъ никогда не сходитъ съ плечъ сарта, даже дѣти на возрастѣ не расстаются съ нимъ. Очень богатые до-

¹⁾ Хорошхлиъ считаетъ, однако, острые каблуки удобными, потому что они составляютъ весьма надежную опору во время перехода по скользкимъ тропинкамъ стараго города (зимомъ) и по оврагамъ (1. с. стр. 99).

ходятъ до того, что заразъ надѣваютъ на себя нѣсколько халатовъ одинъ на другой и сидятъ въ нихъ, обливаясь потомъ, но... чего не сдѣлаешь ради кокетства!

Поясъ (бильбау) играетъ довольно видную роль въ костюмѣ. Онъ можетъ быть или изъ простаго ремня (узкаго или широкаго), или изъ бархата, расшитаго шелками и украшеннаго серебромъ, золотомъ, даже камнями, или же изъ широкаго, длиннаго куска матеріи, различнаго достоинства и цвѣта. Послѣдняя форма встрѣчается довольно часто; имъ обертываютъ станъ нѣсколько разъ, а въ складки прячутъ деньги и письма.

На поясъ (съ лѣвой стороны) виситъ довольно много всякой всячины: небольшой и очень острый ножъ, съ нѣсколько загнутымъ концомъ (псякъ), вложенный въ сафьянный футляръ, брусокъ (кайранъ), шило (бичистъ), ножницы для усовъ и бороды (дукерпъ), огниво (чакмакъ), кошелекъ (халаюданъ) и гребень (таракъ). Все это у богатыхъ очень эффектно расположено въ футлярахъ разной величины, формы и цвѣта. Про гребень рассказываютъ, что дѣлается онъ изъ кости или тутоваго дерева, для чего кусокъ ствола или толстая вѣтка зарывается на нѣсколько лѣтъ въ землю; отъ такой процедуры дерево чернѣетъ, становится гибкимъ и идетъ на подѣлку гребней.

Наконецъ, прибавлю еще, что если сарту надо уѣхать изъ города, то онъ надѣваетъ еще широчайшіе штаны изъ кожи разныхъ цвѣтовъ, расшитые самыми удивительными узорами. Въ штаны онъ заправляетъ полы халата, которыми обертываетъ ноги; въ такомъ видѣ всадникъ представляется какъ бы въ курткѣ.

Расшитые штаны (чамбары) очень прочны и удобны; поэтому всѣ русскіе въ своихъ путешествіяхъ, будетъ ли то военный или штатскій, запасаются ими всегда. Казаки создали даже особый глаголь «обшаровариться», что означаетъ — совѣмъ собраться въ дорогу.

Теперь прибавлю еще нѣсколько словъ о сартянкахъ.

Всѣ онѣ въ большинствѣ весьма миниатюрны и стройны; въ нихъ чрезвычайно много граціи; миловидное лицо съ правильнымъ оваломъ и мелкими чертами освѣщается большими черными глазами.

Голову сартянки повязываютъ бѣлымъ кисейнымъ платкомъ (урамалъ), а богатые украшаютъ его даже золотомъ. Кокетки и франтихи имѣютъ еще странную особенность перевязывать себѣ лобъ свернутымъ бѣлымъ платочкомъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ это у насъ люди, страдающіе головной болью. Что дѣлать! такой ужъ странный вкусъ и таково понятіе о красотѣ!

Сорочка женщинъ (куйнекъ) завязывается на шеѣ или, нѣсколько ниже, на груди. Вороть иногда обшивается черной шелковой тесьмой.

Панталоны похожи на мужскіе, но внизу они до того узки, что ступня съ трудомъ проходитъ въ отверстіе. Само собою понятно, что матеріаль для бѣлья выбирается сообразно средствамъ. Обувь почти ничѣмъ не отличается отъ обуви мужчинъ — тѣ же мягкіе сапожки и тѣ же калоши сверху.

Вся фигура сартянки скрывается подъ длиннымъ синимъ халатомъ, надѣтымъ на голову. Въ рукава онъ никогда не надѣвается и они, закинутые за спину, висятъ почти до земли. Тутъ концы ихъ сшиты крестомъ, а иногда украшены шелками.

Укрывшись халатомъ и опустивъ на лицо черную волосяную сѣтку, пришитую къ воротнику халата, женщина можетъ выдти на улицу; безъ этой же предосторожности — показываться чужому строго запрещено кораномъ. Одни только дѣвочки до извѣстнаго возраста могутъ ходить безъ сѣтокъ и безъ уродливой покрывки. Старухи навертываютъ себѣ на голову небольшую чалму и одежда ихъ никогда не сверкаетъ такими яркими цвѣтами, какіе можно встрѣтить у молодыхъ и отчаянныхъ щеголихъ.

Подъ синимъ халатомъ сартянки носятъ также короткіе халатики съ широкими рукавами (мурсекъ); поясовъ у женщинъ никогда не бываетъ.

Волосы причесываютъ съ проборомъ посрединѣ, оставляя небольшіе пряди короткихъ висковъ, направленныхъ впередъ. Дѣвушки заплетаютъ пять косъ (бишь-какулъ), а, выйдя замужъ, — только двѣ (джуанъ); овдовѣвъ, молодыя женщины могутъ ходить опять съ бишь-какулъ, — до новаго замужества. Какъ и у русскихъ татаръ, косы украшаются монетами, лентами и иногда амулетами (тумаръ); брови и рѣсницы сурмятъ особымъ порошкомъ, приготовленнымъ изъ сухихъ листьевъ какой-то травы, разводимой въ огородахъ. Румяна и бѣлила, безъ которыхъ сартянки не обходятся, получаютъ изъ Россіи. Въ уши надѣваютъ красивыя серебряныя серьги (сырга). Зубы покрываютъ особымъ чернымъ составомъ (тшкалы), въ который входятъ квасцы, чернильные орѣшки и толченая скорлупа фисташекъ; держится этотъ составъ на зубахъ дня два-три и, какъ увѣряютъ, совершенно безвреденъ. Однако, подъ вліяніемъ русскихъ, въ настоящее время очень многія сартянки не прибѣгаютъ къ подобному безобразію и остаются съ превосходными бѣлыми, блестящими и ровными зубами. Кромѣ того, лепестки одного растенія (хына), растерты въ массу, съ прибавленіемъ какого-то состава, привязываются на ночь къ ногтямъ, отчего на другой день всѣ они дѣлаются ярко-красными. Нѣкоторыя красятъ въ такой же цвѣтъ свои ладони. Кромѣ того, шея и руки у щеголихъ покрыты кольцами, перстнями, браслетами и ожерельями (мардранъ), сдѣланными довольно грубо изъ золота, серебра, стекла и коралловъ; иногда большую роль въ украшеніяхъ играетъ эмаль и плохая бирюза.

Сартянки имѣютъ большое пристрастіе къ духамъ, для чего употребляютъ розовую воду (гульябъ) и растительное масло (атыръ); послѣднее будто бы привозится изъ Константинополя и поэтому стоитъ очень дорого. Атыръ имѣетъ чрезвычайно рѣзкій и своеобразный запахъ, который долго не вывѣтривается изъ одежды.

Замужъ выдаютъ дѣвушекъ вообще рано—лѣтъ 13, 14 и самое позднее 15-ти. Отъ тяжелой работы и одинокой, однообразной жизни сартянка уже въ 30 лѣтъ старуха.

Монотонно идетъ жизнь женщины. Лаской мужа она пользуется недолго, такъ какъ не пройдетъ и трехъ лѣтъ, какъ онъ беретъ себѣ жену новую и помоложе, на которую обращаетъ большее вниманіе, а прежняя жена остается въ видѣ выючной и необходимой скотины. И бѣгутъ годы, ничѣмъ не отличимые другъ отъ друга, мелькаютъ дни поразительно сходные между собою—завтра опять надо убрать комнату, хлопотать по хозяйству, готовить кушанья... И вотъ въ безпросвѣтной мглѣ тонуть и гибнуть молодость, силы, здоровье...

Есть субъекты, которыя сживаются съ требованіями, не стрѣмятся къ чему-нибудь лучшему и не представляютъ себѣ даже возможности выбиться изъ колеи; онѣ никогда не оглядываются, не поднимаютъ головы. Но, вѣдь существуютъ и другіе характеры. Ни заборы, ни строгости закона, ни побои мужа, иногда не сдерживаютъ восточныхъ красавицъ. Найдутся тысячи способовъ, чтобы обмануть, отвести глаза, вырваться изъ клѣтки и повидаться съ какимъ-нибудь черноглазымъ «батыремъ». Ночи темны, мужъ гдѣ-нибудь въ чай-хана, золото зажметъ уста кому слѣдуетъ—и молодая женщина спѣшитъ на свиданіе.

Случается, что какая-нибудь старуха, за извѣстное вознагражденіе, является путеводителемъ и совѣтчикомъ. Однимъ словомъ жизнь беретъ свое!

Да и послушайте пѣсни сартовъ! развѣ тамъ мало страсти!

Вотъ образчики. ¹⁾

1.

Соловей, я въ печали! какъ страстно ты любишь розу, такъ громко и пой, чтобы мой милый проснулся. Пусть я умру въ объятіяхъ милаго, — мнѣ завидовать некому. Я знаю, что у тебя много подругъ, но мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла. И роза бы не сохла, если бъ не губилъ ее соловей, и человѣкъ не погибалъ бы, если бъ не приходила смерть!

2.

Чуянды, душа моя! что сдѣлалось съ тобою? отчего ты не пришла? «Злой отецъ не пустылъ; но полюбился мнѣ ми-

¹⁾ Хорошхинъ I. с. стр. 140.

мый и я не утерпѣла.»—Чуянды, ¹⁾ душа! зачѣмъ медлила, если тосковала?

3.

И брови твои нѣжны, и очи, и губы, и голосъ, и зубы—какъ жемчугъ, нѣжны. И шея, и подбородокъ нѣжны. Косы твои длинны, станъ строень. Смотрю я на тебя:—съ головы до ногъ ты нѣжна.

Таковы пѣсни, которыя можно услышать вечеромъ, проѣзжая мимо густого сада, когда женское населеніе располагается подъ зелеными вѣтками подышать прохладой южной ночи. ²⁾

Надо однако замѣтить, что сартянкамъ присущи и другіе общечеловѣческіе недостатки. Онѣ любятъ посплетничать, ссорятся между собою, даже дерутся. Немало такихъ, которыя забираютъ своихъ мужей подъ башмакъ и держатъ ихъ въ повиновеніи; ревность не имѣетъ границъ и отравляетъ семейную жизнь. Рассказываютъ, что существуетъ довольно много пьяницъ между замужними женщинами, что онѣ пристрастны къ опиуму, курятъ до одуренія табакъ и жууютъ какую-то растительную смолу чакъ-чакъ.

Но все это слѣдствіе замкнутости, неразвитія; грамотность почти отсутствуетъ (дѣвочки учатся только отъ 7 до 11 лѣтъ), а вышивая безконечные узоры, мало ли что не придетъ въ голову! А тутъ въ пѣсняхъ неотвязно напоминаютъ о соловьѣ, о розѣ, о свиданіи... Какъ же не попробовать хоть на четверть часа забыться на свободѣ, на груди милаго? Вѣдь это такъ заманчиво!

Если жизнь сартянокъ некрасна и горька, за то мужчинамъ предоставляется полная свобода наслаждаться жизнью, прожигать ее какъ хочешь. Имъ все разрѣшается, все прощается...

Цѣлый день сартъ, не связанный какими-нибудь обязанностями, сидитъ на базарѣ въ чай-хана, пьетъ и курить, и бесѣдуетъ... Вечеромъ ѣдетъ куда-нибудь на тамашу (большой вечеръ, веселье, празднество), гдѣ опять чай, опять кальянъ, опять разговоры и смѣхъ. И такъ изо дня въ день.

Надоѣсть ему жена, онъ беретъ новую, а если и эта не по вкусу, начинаются переговоры о третьей... Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи — полная свобода.

Но всѣ вообще азіаты всякую красавицу отдадутъ за смазливago мальчика, который, вдобавокъ такъ ловко пляшетъ, такъ страстно взглядываетъ и такъ откровенно изгибаетъ свое тѣло... Сотни монетъ тратятся на этихъ бачей, проматываются цѣлыя со-

¹⁾ Женское собственное имя.

²⁾ Эти же пѣсни поются и бачами (мальчиками-плясунами) на большихъ вечерахъ, гдѣ они, переодѣвшись въ женское платье, изображаютъ изъ себя влюбленную красавицу.

стоянія, семейства пускаются по міру; доходятъ даже до ножей, если мальчика успѣетъ отбить какой-нибудь другой счастливецъ.

Поклоненіе мужской красотѣ возведено въ культъ. Мало того, это извращеніе челоѳческой природы пустило корни даже между русскими и теперь немало жителей Ташкента изъ новаго города, которые крадучись пробираются въ тѣ мѣста, гдѣ пляшетъ бача.

Мнѣ рассказывали, что когда мальчикъ ѣдетъ по базару, то почти всѣ купцы выскакиваютъ изъ лавокъ, хватаютъ лошадь за поводъ и каждый старается затянуть къ себѣ желаннаго и дорогого гостя.

Нѣкоторые сарты строятъ дома для особенно красиваго бача, украшаютъ ихъ съ восточною роскошью, одѣваютъ предметъ своего поклоненія въ шелкъ и бархатъ, и смотрятъ въ глаза, желая предупредить его малѣйшій капризъ.

Между мальчиками есть своего рода знаменитости. Они изнѣжены, нахальны, циничны. Они сознаютъ свою силу и могущество и пользуются для корыстныхъ цѣлей, чтобы обезпечить себя на всю жизнь.

Даже недоступный эмиръ, повелитель правотѣрныхъ, смиряется передъ бойкимъ мальчуганомъ и съ нимъ забываетъ свой гаремъ, наполненный не одной сотней тоскующихъ красавицъ. Рассказываютъ, что въ Бухарѣ при дворцѣ содержатся нѣсколько десятковъ бачей, и что съ ними, главнымъ образомъ, и проводятъ время всеильный владыка.

Кромѣ культа мужской красоты, у азіатовъ вообще, а у сартовъ въ частности, существуютъ еще много возмутительныхъ пороковъ, о которыхъ нельзя говорить въ печати, и потому я ставлю здѣсь точку.

Не стану говорить здѣсь также о различныхъ обрядахъ, такъ какъ мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось быть ихъ свидѣтелемъ въ Ташкентѣ; но, надѣюсь, что и того немногаго, о чемъ я упомянулъ въ этой главѣ, достаточно, чтобы составить хоть нѣкоторое понятіе о своеобразныхъ типахъ жителей нашего азіатскаго Парижа.

VIII.

Не особенно давно взять Ташкентъ и не много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы стали твердою ногою въ Средней Азіи, а какъ много воды утекло и какъ сильно измѣнились порядки въ завоеванномъ краѣ! Слущая рассказы очевидцевъ о первыхъ годахъ нашего владычества въ царствѣ хановъ, просто не вѣрится, что все это дѣйствительно было такъ.

Такъ, напр.,—пути сообщенія. Если въ настоящее время на 2000 верстахъ, пролегающихъ мѣстами по сыпучимъ, глубокимъ пескамъ, гдѣ имѣются гнилые колодцы и полуразрушенныя гли-

няныя станціи—можно порядкомъ померзнуть и голодать, то—легко себѣ представить, что было двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ!

Какъ только путешественникъ спускался съ крутой горы г. Орска и вѣзжалъ въ степь, онъ подвергался всевозможнымъ случайностямъ. Не говоря уже о шайкахъ барантачей (разбойниковъ, грабителей), которыя могли налетѣть, обобратъ и исчезнуть, существовала еще тѣма и другихъ непріятностей. Киргизы содержали станціи и обязывались возить какъ почту, такъ и пассажировъ. Но, оказывалось, что добравшись до изодранной войлочной кибитки или, еще того хуже, до низкой землянки, путешественникъ никого не находилъ тамъ,—ни зрителя, ни лошадей, ни верблюдовъ.

Приходилось ждать по цѣлымъ суткамъ, прежде чѣмъ являлось какое-нибудь живое существо. Начинались переговоры,—киргизъ ничего не понималъ порусски, а русскій ни единого слова не зналъ покиргизски. Надо было объясняться знаками. Наконецъ, сыны степей соглашались вести до слѣдующей землянки, но за двойную, иногда тройную, плату. Пассажиръ ругается, кричитъ изо всѣхъ силъ, но въ концѣ концовъ даетъ то, что просятъ, потому что съѣстные припасы наисходѣ, достать негдѣ, и неизвѣстно—когда доберешься до мѣста назначенія.

Тогда киргизы отправляются ловить лошадей или верблюдовъ, отогнанныхъ довольно далеко, гдѣ растеть хоть какая-нибудь трава получше и гдѣ русскій глазъ не видитъ ихъ. Проходитъ нѣсколько томительныхъ часовъ и вотъ на горизонтѣ показываются давно желанные скоты, слышится крикъ и свистъ киргизовъ. Затѣмъ идетъ медленно процессъ запряжки непріученныхъ животныхъ, и дѣлается все это неумѣлыми руками. Наконецъ, пассажиръ садится въ свою телѣжку, нѣсколько разъ перевернется, что-нибудь поломаетъ или потеряетъ, и, когда лошади хоть немного приглядятся къ необыкновенному виду экипажа, путь продолжается до слѣдующей остановки. Съ верблюдами тоже возня, но за то, по крайней мѣрѣ, они везутъ неостанавливаясь и неутомляясь; для нихъ телѣжка слишкомъ легкая бездѣлка, чтобы обращать на нее особенное вниманіе.

Справедливые люди объясняли мнѣ, что такіе безпорядки ввели сами русскіе. Вначалѣ все шло хорошо и киргизы давали лошадей безъ всякаго замедленія. Но когда явились ташкентцы и варяги ¹⁾, и когда вмѣсто обыкновеннаго разговора пошли въ дѣло нагайка и истязанія, понятно,—«свободные люди» разбѣжались и не хотѣли слушать. Явились чиновники, вразумляя непокорныхъ черезъ переводчика, началось штрафованіе, а это вело къ тому,

¹⁾ Природа и человекъ въ Средней Азіи («Историческій Вѣстникъ» 1887 г. октябрь, стр. 13 и слѣдующія).

что киргизы перестали совѣсь показываться на глаза проѣзжающимъ. Еле-еле водворился порядокъ, благодаря взаимнымъ уступкамъ и обѣщаніямъ.

Разсказываютъ, напримѣръ, такую исторію. Въ Ташкентѣ ѣхала молодая пара влюбленныхъ супруговъ, только-что обвѣнчавшихся. Неудобства дороги раздражили ихъ, тѣмъ болѣе, что хлопоты эти приходилось испытывать въ медовый мѣсяцъ ихъ совмѣстной жизни.

Пріѣзжаютъ къ одиноко стоящей кибиткѣ. Киргизъ распрягъ своихъ верблюдовъ, поклонился и исчезъ, оглядываясь и боясь, что сердитый баринъ пожалуй вернетъ его назадъ и заставитъ вести дальше. Кругомъ—глухая степь, наступаетъ ночь.

Вышелъ изъ тарантаса муженекъ и сталъ звать смотрителя. Никто не откликается. Онъ вошелъ въ кибитку, — тоже никого. Оглядывается—нигдѣ на горизонтѣ невидно ни одного живого существа, только въ одномъ мѣстѣ движется облако пыли, — то обратный киргизъ улепetyваетъ съ своими верблюдами. Что тутъ дѣлать?

— Чортъ вашу душу раздери! — ругается пассажиръ, а какъ избавиться отъ опасности заночевать въ дикой пустынь, все-таки не находятъ.

— Чтожъ, будемъ ждать, — говоритъ жена. Да и хорошо бы поѣсть чего-нибудь. У насъ есть кое-что... вотъ если бъ самоваръ достать.

— Дьяволь ихъ возьми!.. гдѣ тутъ самоваръ достать, — ни одного угля не имѣется!

Изящная молодая дама вылѣзаетъ изъ экипажа. Все на ней дышетъ новизной, вездѣ бантики, кружева... Вмѣстѣ обходятъ кругомъ кибитку и натыкаются на погасшій костеръ. Достали кое-гдѣ сухихъ палокъ, соломы, зажгли спички и, съ грѣхомъ пополамъ, вздули огонь, причемъ барыня запачкала себѣ перчатки.

— Фи, какая гадость!—твердила она. Вотъ—удовольствіе!

Но, на первыхъ порахъ происшествіе даже заняло изящную даму. «Точно какъ въ романахъ объ этомъ читала», думала она. «Каразинъ подобныя происшествія такъ хорошо описываетъ!..» Достали чайникъ, бутылки съ водой, привезенной предусмотрительнымъ пассажиромъ изъ Орска, гдѣ предупреждали о возможности остаться безъ питья. Скоро былъ разосланъ коврикъ, вынесены подушки и счастливы-новобрачные забылись на полчаса. И дѣйствительно кругомъ было такъ хорошо: костеръ освѣщаль тарантасъ, кибитку, вещи разложенныя кругомъ, (чтобы все имѣть подъ руками); темное небо искрилось милліонами звѣздъ, млечный путь ярко-ярко выступалъ на безоблачной синевѣ; ароматный вондухъ располагалъ къ нѣгѣ.... Молодые люди весело болтали, вспоминали о далекомъ Петербургѣ... Супругъ, покинувшій только для

свадьбы Ташкентъ, рассказывалъ своей половинѣ о новомъ азіатскомъ Парижѣ.

— Но, долго ли мы будемъ здѣсь ждать? — спросила дама, — и дѣйствительность сразу отогнала веселье, смѣхъ, воспоминанія. Перспектива остаться въ этомъ глухомъ мѣстѣ на нѣсколько дней окатила холодной водой заброшенныхъ пассажировъ. А когда провізія вся выйдетъ, что тогда дѣлать?.. Неужели умереть голодной смертью?

Стали прислушиваться — кругомъ царствовала дѣйствительно мертвая тишина, ни единый звукъ не нарушалъ ночного молчанія.

Офицеръ-мужъ крутилъ усы, вставалъ, прохаживался, сулилъ кому-то сто тысячъ чертей, однако изъ этого ничего не выходило.

Костеръ сталъ догорать. Убрали мелочь опять въ тарантасъ, дама улеглась тамъ съ тревогой и страхомъ. Пассажиръ стоялъ въ раздумьи и поглядывалъ въ темноту, которая стучалась все больше и больше.

Разговоры не клеились, да скоро изнѣженная женщина погрузилась въ то дремотное состояніе, которое утомляетъ еще хуже всякой бессонницы.

Чего не передумалъ несчастный путникъ, во время своего дежурства близъ тарантаса! ему представлялись барантаци, забравшіе его жену въ плѣнъ, ему чудились тигры, подкрадывающіеся между песчанными холмами, виднѣлись волки съ сверкающими глазами.

Стало свѣжѣе, свѣтлая зорька слегка заблѣла на востокѣ. Сонъ началъ одолевать офицера.

Вдругъ изъ-за холма показалась конная фигура.

— Кто это? не барантачъ ли?.. или быть можетъ киргизъ-смотритель станціи?

Еще томительная минута и вмѣсто одного всадника выѣхало два. Они рысью направлялись къ кибиткѣ и, замѣтивши экипажъ, остановились. Томительно долгимъ показались нѣсколько мгновений для добровольнаго часового; онъ приготовилъ револьверъ и сталъ ждать, не желая будить жену.

Обмѣнявшись нѣсколькими словами, всадники начали подѣзжать ближе и слѣзли съ лошадей, замѣтивъ бѣлый китель офицера. Тотъ, который былъ постарше, снялъ съ головы своей малахай, взялся за животъ обѣими руками и, изогнувшись, сталъ подходить къ пассажиру, не разгибая спины.

— Здравствуй! Что надобно?.. Лошадей?

— Да, да, лошадей! — обрадовался офицеръ. — Ты кто — смотритель?

— Смотритель.

Всякій страхъ прошелъ. Его замѣнилъ самый ужасный гнѣвъ.

— Тысячу чертей тебѣ въ душу! — закричалъ путешественникъ. — Я ужъ сколько часовъ жду лошадей! — никого-здѣсь не было!.. — ты гдѣ былъ, узкоглазая свинья? гдѣ пропадаешь?

— Въ ауль ѣздиль,—отвѣчалъ оторопѣвшій киргизъ.

— Какъ же ты смѣешь отлучаться, когда пріѣзжающіе могутъ каждую минуту явиться и требовать лошадей!.. Дьяволь твою душу возьми!..—Сейчасъ давай лошадей или верблюдовъ!

— Лошадей—нѣтъ, верблюдовъ—нѣтъ!.. всѣ далеко.

Бѣшенство овладѣло офицеромъ, съ изказившимся лицомъ онъ подскочилъ къ смотрителю и ударилъ его въ лицо.

— Чтобъ были лошади!.. слышишь ли—чтобъ были! сейчасъ! сію минуту!

— Послать надо! далеко послать! скоро нельзя!—шепталъ бѣднякъ.

— Какъ «скоро нельзя»?.. когда же, чортъ ты этакой, можно уѣхать?

— Къ обѣду можно, раньше—нѣтъ.

Ташкентецъ затрясся даже отъ злости. Онъ кинулся на несчастнаго и сталъ бить его почему попало.

— Вотъ тебѣ, мерзавецъ! вотъ тебѣ, дьяволь!—приговаривалъ онъ, пихая ногами въ лицо и грудь свалившагося киргиза. Тотъ молчалъ и инстинктивно закрывалъ руками глаза.

Утомившись работой, офицеръ отошелъ къ тарантасу. Оттуда выглядывало свѣженькое личико молодой супруги.

— Мерзавецъ какой!.. сто чертей ему въ горло!.. уморилъ меня, подлець!—проговорилъ онъ, какъ бы оправдываясь.

— Такъ ему и надо!—поддакнула дама.—Вѣдь скучно сидѣть, по его милости, въ этой пустынь.

— Да, да.—Его надо заставить достать лошадей. Вотъ тутъ у меня нагайка лежитъ... Вотъ она, это средство самое вѣрное! Эй ты, бритая голова, поди-ка сюда.

Окровавленный киргизъ, утирая лицо полою халата, робко подошелъ.

— Слушай, пятьсотъ чертей тебѣ въ глотку!..—пошли вонъ того болвана за лошадьми и чтобъ черезъ полчаса мы уѣхали отсюда!

— Скоро нельзя, тора.—Далеко лошади, скоро никакъ нельзя!

— А, ты не хочешь скоро отпустить насъ? хорошо же!

Ташкентецъ подскочилъ къ смотрителю, сорвалъ съ него поясъ, халатъ, и закрутилъ руки назадъ; потомъ первой попавшейся веревкой привязалъ его къ тарантасу и медленно, наставительно сказалъ:

— Пошли ты, каналья, своего товарища за лошадьми и пусть гонить ихъ скорѣе сюда... А пока ихъ не будетъ—я буду тебя сѣчь по спинѣ нагайкой—слышишь?

Киргизъ рванулся было, но веревка оказалась крѣпкою...

— Ой-ой!.. не буду!.. пусти меня, тихо!—самъ пригону! сейчасъ пригону!

— Нѣтъ, братъ, шалишь!.. посылай другого!..

Другой всадникъ все время сидѣлъ на лошади и какъ будто окаменѣлъ, глядя на всю картину. Когда связанный плѣнникъ сталъ объяснять ему, что надо ждать—онъ только испуганно поводилъ глазами. Офицеръ подскочилъ и къ этому киргизу съ поднятой нагайкой.

— Скачи, мерзавецъ!.. убирайся ко всѣмъ чертямъ!..

Всадникъ исчезъ, поднявши цѣлую тучу пыли.

Ташкентецъ вернулся неспѣша къ связанному, разорвалъ на немъ рубашку и обнажилъ до пояса.

— Ну, держись, мерзавецъ!

И удары посыпались какъ градъ, одинъ за другимъ... Напрасно кричалъ и молилъ несчастный киргизъ... Экзекуція продолжалась.

Молодая дама равнодушно поглядывала на истязаніе... Наконецъ, офицеръ усталъ.

— Саша, продолжай!—обратился онъ къ женѣ, подавая нагайку.— А я покурю.

И вотъ элегантная женщина беретъ въ свои изящныя ручки орудіе пытки и сбѣчетъ живое тѣло. Бичуемый вертится, кричить, просить пощады, но палачи глухи; одинъ—курить и отдыхаетъ, а другой—наслаждается своей работой.

Въ такомъ занятіи прошло время до обѣда, когда были приведены лошади. Полумертваго бѣдняка отвязали и бросили на произволъ судьбы; онъ еле дышалъ, а спина представляла нѣчто ужасное, невообразимое.

И такіе факты повторялись довольно часто, т. е. были обыкновенными явленіями. Нагайка и право сильного составляли законъ, передъ которымъ должны были преклоняться кочевники.

Такъ какъ почту конвоировали казаки, то на нее рѣдко нападали; но бывали примѣры, когда конвой и ямщики заводили цѣлое сраженіе съ ордой хищниковъ. Въ числѣ разбойниковъ встрѣчалось немало русскихъ бѣглыхъ, владѣвшихъ превосходно киргизскимъ нарѣчіемъ.

Особенно страдали частные караваны. Чуть только кочевники узнавали, что такого-то числа будутъ вести какую-нибудь машину для завода или еще что-нибудь въ этомъ родѣ, какъ собиралась цѣлая сотня оборванцевъ, поджидала между песчаными барханами, и ночью, съ гикомъ и крикомъ, налетала на караванъ. Случалось, что разбойники одерживали верхъ, все цѣнное увозилось въ глубь степей, храбрые защитники—падали мертвыми, а раненыхъ тащили въ плѣнъ, продавая въ Хиву.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ почтовое сообщеніе не могло быть срочнымъ; газеты, письма и журналы приходили въ Ташкентъ «когда оказывалась возможность» и иногда съ пестербургскою новостью знакомились тамъ черезъ мѣсяць.

Въ попутныхъ городахъ (Иргизъ, Казалинскъ, Туркестанъ, Пе-

ровскомъ и др.) существовали почтовые конторы, имѣлись смотрители, чиновники... Но, все это превратилось въ нѣчто своеобразное.

Хотя смотрителя и чиновники назначались изъ Россіи и пріѣзжали отсюда, они скоро становились тѣмъ, чѣмъ никогда не были бы на родинѣ. Такъ на примѣръ, сидитъ себѣ, положимъ, какой-нибудь Иванъ Зосимычъ въ своей почтовой конторѣ и бесѣдуетъ съ гостями. Жара страшная, духота неимоверная. На столѣ, на которомъ только-что сражались въ преферансъ, поставлена закуска. Священникъ отецъ Петръ, комендантъ, да писарь изъ конторы— жуютъ колбасу и запиваютъ водкой. Обо всемъ уже переговорили, мечтать не о чемъ, въ будущее заглядывать не охотники. На другомъ столѣ кипитъ самоваръ, Анна Петровна (почтмейстерша) стучитъ стаканами и готовитъ ароматный напитокъ для прохлады. Только живущіе «въ жаркихъ странахъ» понимаютъ до какой степени горячій чай дѣйствительно прохлаждаетъ во время жары.

Вдругъ вдали раздается колокольчикъ, ближе, ближе...

— Вотъ и почта пришла!..—какъ съ просонья вскрикиваетъ Иванъ Зосимычъ, и бѣжитъ на крыльцо.

Телѣга остановилась. Усталые кони тяжело дышатъ, поводя боками; почтальонъ, запыленный и промученный, лѣниво вылезаетъ изъ повозки и передаетъ Ивану Зосимычу какіе-то очень нужныя бумаги, которыя извлекаются изъ кожаной сумки, надѣтой черезъ плечо.

Почтмейстеръ смотритъ на пакеты равнодушно и передаетъ гостямъ, вышедшимъ тоже на крыльцо, ради любопытности.

— Еще успѣемъ, время терпите!—говоритъ Иванъ Зосимычъ.— А посылки есть?

— Какъ не быть, отвѣчаетъ почтальонъ.—Сегодня много пришло. Книгъ и журналовъ—видимо, не видимо.

— Вотъ-съ и прекрасно. Читеніемъ можно позаняться!—вклеиваетъ и свое словцо отецъ Петръ.—Помните, обѣщали?

— Помню, помню!—подтверждаетъ Иванъ Зосимычъ,—только дайте самому картинку посмотрѣть... ужъ очень я до нихъ большой охотникъ. А потомъ—кому угодно; лишь бы не запачкали!

И вотъ въ комнату вносятся тюки и посылки. Гости, вмѣстѣ съ хозяиномъ, принимаются за дѣло. Шторы на окнахъ опускаются, дверь запирается на ключъ. Всѣ погружены въ работу. Одинъ снимаетъ осторожно бандероль съ иллюстрированныхъ изданій и внимательно любитъ картинками; другой развертываетъ газеты и спѣшитъ узнать новости дня. Хозяинъ просматриваетъ письма, а чиновникъ заноситъ въ книгу страховую корреспонденцію.

— Скажите пожалуйста!—прерываетъ молчаніе Иванъ Зосимычъ.—Какое толстое письмо Зуботычинову въ Ташкентъ. Заказное. Должно быть много интереснаго. Какъ вы думаете, господа.

— Да, Зуботычиновъ человекъ образованный, съ умными людьми знается,—отвѣчаетъ священникъ.

— Ужь не вскрыть ли?—полушутя, полусерьезно спрашиваетъ почтмейстеръ.

Молчаніе. Какъ будто никто ничего не слышалъ.

— А? что скажете, господа?—не вскрыть ли?

Молчаніе.

— Вѣдь особеннаго грѣха тутъ нѣтъ?.. вѣдь опять вложимъ, опять припечатаетъ!—Если скажутъ, что печати поломанными оказались, такъ пусть вспомнятъ сколько верстъ письмо проѣхало? развѣ не могутъ печати попортиться?.. А?.. ну что, господа, скажете?

Господа молчатъ.

— Ну, такъ я на себя грѣхъ беру!

Письмо вскрывается. Масса новостей узнана—тотъ-то повышень, тому-то отказано въ просьбѣ, тотъ уволенъ въ отпускъ въ Россію, этотъ женится, на мѣсто А. назначенъ генераль Б.

Всѣ принимаютъ участіе въ обсужденіи совершающихся фактовъ, всѣ довольны... Отецъ Петръ привелъ какой-ко текстъ и остался очень удовлетвореннымъ.

Время незамѣтно прошло до вечера. Вечеромъ опять карты, опять закуска. Почту рѣшено отправить послѣ завтра, такъ какъ многое еще не успѣешь просмотрѣть, многое надо прочитать... А тутъ какъ на грѣхъ всѣ книжки журналовъ такія интересныя.

Когда поздно ночью веселая компанія расходилась, комендантъ взялъ Ивана Зосимыча заруку и отвелъ къ окну.

— Гмъ, послушайте, милѣйшій. Вы знаете, гмъ... послѣ завтра, гмъ... у меня именинница жена... Такъ вотъ, гмъ... я тамъ замѣтилъ... гмъ... получены вещи... гмъ, изъ какого-то моднаго магазина посылаютъ въ Ташкентъ... гмъ... г-жѣ Иновѣрцевой, полковницѣ... Вѣдь она, гмъ... большая модница и кокетка... гмъ... Такъ вотъ, гмъ... Нельзя ли тихонько вскрыть.., гмъ... быть можетъ... тамъ есть какая-нибудь шляпка... гмъ... или чепчикъ... гмъ... или еще что-нибудь... Ну, понимаете, гмъ... на одинъ день... Только на одинъ день, гмъ... гмъ... гмъ.

— Василій Ивановичъ... вы знаете какъ я васъ уважаю!..—отвѣчаетъ Иванъ Зосимычъ.—Развѣ былъ случай, когда я вамъ отказывалъ?.. все что угодно!.. я такъ обласканъ вами и уважаемой Ольгой Петровной... Извольте. Завтра получите.

— Благодарю... гмъ, очень благодарю... Будьте увѣрены, что въ долгу не останусь... гмъ... А какъ же почта?.. вѣдь вы, гмъ... хотѣли отправить ее послѣ завтра.

— Ну такъ что же изъ этого?.. отправимъ послѣ послѣ-завтра?

— Да оно конечно, гмъ... Никогда не забуду... вашей любезности.

— Полноте, Василій Ивановичъ...

Но вотъ гости ушли... Иванъ Зосимычъ отправляется въ почтовую контору опять и начинаетъ все пересматривать, уже ничѣмъ не стѣсняясь.

Является супруга.

— Ну что, Ваня, есть какія-нибудь обновки?—спрашиваетъ она.

— Какъ не быть!

— А посмотрѣть можно?

— Зачѣмъ?—что за любопытство?

— Ахъ, Ваня, милый!.. вѣдь послѣ завтра—Ольги святой, именины у коменданта.—Вѣдь въ чемъ же мнѣ быть? нѣтъ ли чепчика или шляпки?..

— Есть-то есть, да не про нашу честь!

— Глупости. Вѣдь я не запачкаю. Мнѣ бы только въ церковь сходить, да съ визитомъ съѣздить... А, затѣмъ, я опять уложу какъ было. Помнишь, какъ я на Рождественскихъ праздникахъ въ какихъ чепчикахъ щеголяла... Просто—помраченье ума!.. Недѣлю цѣлую носила, да и то, какъ новенькіе остались!—Неужто же мнѣ въ первый разъ укладывать.

— Ну, тамъ посмотримъ.

— Пожалуйста, милый Ваня... Вѣдь ты недавно обѣщаль—помнишь?.. еще ты въ хорошемъ расположеніи духа былъ?.. что, неужели забылъ?

— Да помню, ну тебя!.. иди въ спальню—не мѣшай...

— Ну хорошо, хорошо... Я ужъ буду въ надеждѣ...

— Говорятъ тебѣ—не мѣшай... Видишь дѣломъ занять.

— Иду, иду...

Наступаетъ день св. Ольги. Жена коменданта принимаетъ гостей (хотя и немногочисленныхъ) въ чужомъ чепчикѣ, а жена почтмейстера прельщаетъ женщинъ очаровательной шляпкой, въ которой она красуется въ церкви. Еще нѣсколько дней спустя, почта продолжаетъ свой путь, и злополучные наряды не разъ побываютъ въ чужихъ рукахъ, прежде чѣмъ доберутся до мѣста своего назначенія.

Можно смѣло сказать, что въ тѣ блаженныя времена, наши вновь пріобрѣтенныя владѣнія управлялись произволомъ. «До Бога высоко, до царя—далеко». Эта мудрая поговорка была здѣсь совершенно у мѣста и пока водворился порядокъ, много лицъ пользовались беспорядкомъ.

Нельзя, напримѣръ, слушать равнодушно рассказовъ о нахальствѣ переводчиковъ. Въ рукахъ этихъ проходимцевъ были всѣ власть имѣющіе, начиная отъ писаря и кончая... самыми высокопоставленными лицами. Оно и понятно: кто его разберетъ, такъ ли онъ передаетъ распоряженіе начальства? такъ ли онъ передаетъ жалобы недовольныхъ туземцевъ? и тѣ, и другіе (первое время по крайней мѣрѣ) должны были вѣрить на слово.

Изъ массы случаевъ, укажу на одинъ.

Въ одномъ изъ глухихъ уголковъ завоеванныхъ областей, русскіе чиновники тѣснили киргизовъ ужасно; таскали барановъ, отнимали верблюдовъ и лошадей... однимъ словомъ, разоряли, кого могли, и набивали свои собственные карманы. Кочевники долго терпѣли, наконецъ рѣшили жаловаться, какъ только пріѣдетъ начальство.

Узнали въ какое время оно будетъ недалеко отъ ауловъ, облачились въ полную парадную форму и собрались съ духомъ. Но... забыли о переводчикѣ, забыли его подмазать. А между тѣмъ, чиновничество пронюхало, что готовится гроза и предупредило, побѣщавъ переводчику кое-что существенное.

Вотъ наступилъ и день пріѣзда. Добродушный генеральъ подкатилъ въ каретѣ и, пока перепрягали лошадей, вышелъ къ толпѣ.

Избранный ораторъ отвѣсилъ низкій поклонъ и началъ рѣчь, жестикулируя и указывая на своихъ товарищей, предлагая спросить ихъ, какъ свидѣтелей.

— Чего имъ надо? — спрашиваетъ генеральъ переводчика.

— Они просятъ ваше превосходительство заѣхать къ нимъ въ ауль, откушать и отдохнуть.

— А! поблагодарите и скажите, что я съ удовольствіемъ воспользовался бы ихъ приглашеніемъ, но очень спѣшу.

Переводчикъ обращается къ киргизамъ и говоритъ: «Генеральъ сказалъ, что если вы еще осмѣлитесь наговаривать на вашихъ начальниковъ и лгать такъ, какъ теперь, то онъ велитъ всѣхъ васъ выпоротъ».

Почтенные старики съ удивленіемъ смотрятъ на улыбающагося генерала.

— Мы не лжемъ, мы правду говоримъ. Спроси всѣхъ насъ. Разорили совсѣмъ! — кричитъ ораторъ, обращаясь къ начальству.

— Что они говорятъ? — недоумѣваетъ генеральъ.

— Они очень огорчены, что, ваше превосходительство, не можете откушать у нихъ чай! — невозмутимо вретъ переводчикъ.

— Я и самъ очень сожалѣю! передайте имъ, что на обратномъ пути непременно заѣду.

— Генеральъ велѣлъ сказать, чтобы вы сейчасъ же убирались отсюда подальше и не беспокоили его вашими глупостями. Если только на обратномъ пути онъ увидитъ кого-нибудь изъ васъ, всѣ будете отвѣчать. Вамъ онъ ни одному слову не вѣритъ.

Генеральъ между тѣмъ милостиво продолжаетъ улыбаться, жметъ руки старикамъ и идетъ къ каретѣ.

Толпа осталась съ раскрытыми ртами. Едва уѣхало начальство, поборы возобновились съ еще большею безцеремонностью, съ еще большимъ озлобленіемъ.

Приведенный примѣръ есть одинъ изъ незначительныхъ, сравнительно, но можно представить, что дѣлалось, когда надо было осуществить нѣчто болѣе серьезное, капитальное и цѣнное.

Конечно, переводчики играли такую роль только первое время, пока русскіе не выучились туземному языку. Въ настоящее же время нѣтъ почти ни одного офицера, ни одного чиновника, которые бы не говорили посартовски или покиргизски. Мнѣ лично удавалось встрѣчать лицъ, занимающихъ высшія административныя должности, которыя говорили на одномъ изъ названныхъ нарѣчій такъ же бѣгло, какъ и порусски. Теперь неудивительно, когда видишь маленькихъ дѣтей русскихъ офицеровъ, говорящихъ бойко посартовски. Прежде было совсѣмъ наоборотъ.

Однимъ словомъ, недолгому царствованію переводчиковъ наступилъ конецъ и случаи, подобные приведенному выше, отошли въ область исторіи.

О томъ, что дѣлалось въ самомъ Ташкентѣ, въ первое время послѣ его завоеванія, мнѣ рассказывали очень много. Тоже приходится удивляться и пожимать плечами.

Для русской половины города требовалось мѣсто. Надо было расчистить сады, убрать сакли, проложить широкія улицы, намѣтить площади. Туземцы уступали свои усадьбы, конечно, очень дешево. Тѣмъ не менѣе были случаи и такого рода. Одинъ господинъ, съ коммерческой жилкой, затѣялъ отхватить себѣ львиную часть. Онъ отправился къ одному сарту и сказалъ:

— Вотъ, братъ, приходится тебѣ разстаться съ твоей саклей,— ее надо сломать!

— Ну, что же? на то воля ваша! — отвѣчаетъ покорный мусульманинъ.

— А не хочешь ли продать ее мнѣ? вѣдь все равно ломають.

— Хорошо, купи.

— А сколько хочешь за нее?

— Я не знаю, что дашь.

— Возьми 10 руб., съ виноградникомъ — 15. Хочешь?

— Ладно, бери.

Сартъ отдаетъ и выѣзжаетъ. Идетъ коммерческій господинъ къ сосѣду и тамъ продѣлываетъ ту же исторію. Потомъ—къ третьему, четвертому и такъ далѣе. Въ концѣ концовъ получилось прекрасное помѣстье, въ которомъ скоро былъ выстроенъ домъ, разбиты цвѣтники, проложены дорожки и предприимчивый господинъ сдѣлался владѣтелемъ чуть не цѣлаго квартала.

Вообще хищничество было въ большомъ ходу. Да какъ ему и не быть, когда въ Ташкентъ понаѣхала масса всевозможнаго люда, со всякими убѣжденіями.

Помчались туда купцы, ростовщики, жида, нѣмцы, французы, англичане и пр., и пр. Народъ былъ необходимъ. И вотъ съ людьми

истинно-честными и высоко-образованными, которымъ Россiя будетъ обязана до скончанiя вѣка, потянулись и субъекты, ищущiе случая нажитья насчетъ побѣжденнаго населенiя, да и своихъ, при случаѣ, захватить въ свои лапы.

Получился такой венигреть, какого нигдѣ не встрѣтишь.

Перенспытавъ всякiя лишенiя и дотащившись до обѣтованной земли, всѣ Разуваевы и Колушаевы разсуждали такъ: «Изъ чего же мы мучились, терпѣли жажду, голодъ, холодъ и зной? вѣдь не изъ-за пустой же славы?.. Надо нажитья поскорѣе, набить карманы, получить чины и ордена, и затѣмъ — хоть назадъ въ Россiю!»

И вотъ началось раскидыванiе паутины. Несчастныя мухи посыпались въ нее градомъ, и кулаки богатѣли не по днямъ, а по часамъ (въ буквальномъ смыслѣ этого слова).

Особенно повезло всевозможнымъ подрядчикамъ, агентамъ, водочнымъ мастерамъ и tutti quanti. Но въ этой средѣ велась также, какъ и слѣдовало ожидать, междоусобная, страшная война. Каждый изъ вампировъ старался отбить у другого какой-нибудь подрядъ, каждый старался оклеветать другого и указать начальству, что конкуррентъ отчаянная скотина и что вѣрить ему никакъ невозможно.

Разсказываютъ, что сильныхъ соперниковъ удаляли съ помощью кинжала или мѣткой пули, пущенной откуда-нибудь изъ-за угла, а случаи подобнаго рода объясняли нападенiемъ фанатика-туземца; начиналось слѣдствiе, убiйца не отыскивался, и все предавалось забвенiю.

Скорѣ, очень скоро въ окрестностяхъ Ташкента раздался свистокъ водочныхъ и пивоваренныхъ заводовъ. Пиво и водка давали владѣтелямъ своимъ сотни рублей чистаго дохода въ день (фактъ!). Однимъ словомъ, началось съ пьянства.

Не вѣрится, когда слушаешь о томъ, какъ одинъ заводчикъ подкапывался подъ другого. Вотъ одинъ случай.

Ловкiй предприниматель Z выписалъ изъ-за границы машины для завода и въ томъ числѣ дорогой паровикъ. Отъ Оренбурга была нанята стража, то и дѣло изъ Ташкента мчались довѣренные люди на встрѣчу и съ часу на часъ нетерпѣливый хозяинъ ждалъ прибытiя механика-иностранца со всѣми необходимыми принадлежностями. Въ мозгу предпринимателя мелькали цифры доходовъ, онъ мысленно считалъ, считалъ безъ конца и представлялъ себѣ, какъ погибнуть его конкурренты.

Между тѣмъ соперникъ тоже не дремалъ. Онъ сообразилъ, что какое-нибудь усовершенствованiе на заводѣ Z подорветъ его барыши и вотъ были пущены въ ходъ азиатскiя мѣры. Вечеромъ къ нему приходили какiя-то темныя личности — русскiя и туземцы,

о чемъ-то говорили шопотомъ, о чемъ-то спорили въ полголоса и, наконецъ, разошлись.

Проходить недѣля — каравана нѣтъ, проходить двѣ недѣли — то же самое. Предприниматель посылаетъ десятаго приказчика на встрѣчу, не ѣсть и не пьеть. А соперникъ — посмѣивается себѣ въ бороду.

Наконецъ, получается извѣстіе, что въ пескахъ Кара-Кумахъ найдены разбитыя машины и множество труповъ, въ послѣдней степени разложенія... Какая шайка напала на караванъ и кто разграбилъ его — осталось неизвѣстнымъ.

Предприниматель чуть съума не сошелъ, а его соперникъ продолжалъ наживаться.

Таковы рассказы старожиловъ, которымъ нѣтъ основанія не вѣрить и которые ярко характеризуютъ какъ ту эпоху, такъ и типы.

Въ погонѣ за наживой не послѣднее мѣсто играли и... женщины. Пословица «chercher la femme» примѣнялась здѣсь въ обширной степени. Надо только припомнить, что въ первое время завоеванія Ташкента въ городѣ прекрасный полъ почти отсутствовалъ. Не всякая барыня рѣшалась пробраться по опасному пути, чтобы дѣлать бивуачную жизнь своего мужа. Зато храбрыя представительницы прекраснаго пола, въ особенности кто обладалъ красотой и изяществомъ, — были сторицею вознаграждены за всѣ тревоженія.

Стоило только быть ласковою, предупредительною и т. д. съ вліятельнымъ лицомъ, и мужъ получалъ чины, ордена, подряды и другія благодати. Нѣжное пожатіе ручки, разговоръ въ темной аллеѣ, поцѣлуй, полученный какъ-то нечаянно, помимо воли — иногда рѣшали судьбу.

А тутъ, на счастье, стоятъ такія чудныя ночи. Ароматный воздухъ такъ возбуждаетъ нервы, такъ сильно бьется сердце, такъ жить хочется... Судьба!

Н. Сорокинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

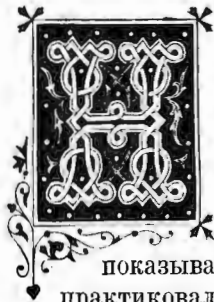

ЗА КУЛИСАМИ СТАРАГО ТЕАТРА ¹⁾.

XI.

Крѣпостные музыканты на службѣ дирекціи театровъ.

АСТОЯЩІЙ очеркъ мы посвящаемъ изслѣдованію одного изъ самыхъ любопытныхъ и характерныхъ явленій въ исторіи развитія музыкальнаго дѣла въ Россіи, а именно покупкѣ дирекціею императорскихъ театровъ у частныхъ владѣльцевъ музыкантовъ для формировація и пополненія оркестровъ столичныхъ театровъ. Такая покупка, какъ показываютъ имѣющіеся въ нашихъ рукахъ документы, практиковалась въ широкихъ размѣрахъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Не смотря на то, что за крѣпостныхъ музыкантовъ иногда приходилось платить огромныя деньги, дирекція театровъ находила покупку ихъ выгоднѣе, чѣмъ выписку оркестровыхъ музыкантовъ изъ-за границы. Всѣ приобретаемые дирекціею музыканты поступали на службу при императорскихъ театрахъ, распредѣлялись въ оркестрахъ и хорахъ, смотря по своимъ способностямъ, и получали опредѣленное жалованье. Тѣмъ не менѣе, они не освобождались отъ крѣпостной зависимости, а только переходили изъ власти помѣщиковъ въ полное и безотчетное распоряженіе театральной дирекціи, державшей купленныхъ музыкантовъ въ самомъ строгомъ подчиненіи. Наиболѣе способные изъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXVI, стр. 340.

нихъ, состоя на службѣ дирекціи, продолжали подъ руководствомъ опытныхъ капельмейстеровъ свое музыкальное образованіе и, приобрѣтая мало-по-малу необходимыя познанія, дѣлались хорошими оркестровыми музыкантами. Менѣе способныхъ опредѣляли въ хористы и даже въ бутафоры и капельдинеры.

Не касаясь здѣсь вопроса о вліяніи, какое имѣло введеніе русскихъ людей въ среду, гдѣ до того времени господствовали исключительно иностранцы, въ смыслѣ развитія музыкальныхъ знаній въ массѣ русскаго общества, мы находимъ нужнымъ отмѣтить здѣсь самый фактъ покупки дирекціею театровъ крѣпостныхъ музыкантовъ, признавая это тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что о немъ почти не встрѣчается указаній въ нашей литературѣ. Только въ брошюрѣ Е. Альбрехта «Прошлое и настоящее оркестра», вышедшей въ 1886 году, приведено почти цѣликомъ «дѣло о продажѣ помѣщикомъ Афросимовымъ дворовыхъ людей, въ числѣ 13 человекъ», относящееся къ 1829 году и заключающее въ себѣ чрезвычайно интересныя данныя для выясненія вопроса о положеніи музыкантовъ въ Россіи въ то время. Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены значительно пополнить сообщаемыя г. Альбрехтомъ свѣдѣнія объ оркестровыхъ музыкантахъ прежняго времени съ помощью извлеченныхъ нами изъ архива театральной дирекціи трехъ дѣлъ: 1) объ исключеніи изъ подушнаго оклада, 1816 года, 2) о поступленіи на службу дирекціи чернышевскихъ музыкантовъ, 1828 года и 3) о музыкантахъ графа Соллогуба, а также пользуясь указаніями относительно оркестровыхъ музыкантовъ, заключающимися въ прочихъ «дѣлахъ» упомянутаго архива, не относящихся прямо къ интересующему насъ вопросу.

Всѣ означенные документы заключаютъ въ себѣ массу разнообразнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ свѣдѣній о крѣпостныхъ музыкантахъ на службѣ дирекціи театровъ и всесторонне обрисовываютъ ихъ бытъ и соціальное положеніе. Однако, прежде чѣмъ перейти къ подробному разсмотрѣнію этихъ документовъ, мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о положеніи музыкальнаго дѣла въ Россіи въ минувшемъ столѣтіи. Въ то время въ Россіи, какъ и въ Западной Европѣ, музыка не имѣла такого обширнаго распространенія какъ въ наше время и была не всеобщимъ достояніемъ массы, а какъ бы привилегіей небольшого кружка лицъ, преимущественно изъ высшей аристократіи. Западно-европейская музыка, достигшая въ началѣ XVII столѣтія уже извѣстной степени процвѣтанія, была пересажена на русскую почву вмѣстѣ съ другими позаимствованіями изъ области цивилизаціи, внесенными великимъ преобразователемъ Россіи въ нашу общественную жизнь. Еще въ 1699 году царь Петръ I купилъ у бранденбургскаго посла хоръ мальчиковъ-музыкантовъ за 1200 золотыхъ. Вскорѣ послѣ того, царь завелъ собственный оркестръ, пополнявшійся впо-

слѣдствіи отчасти музыкантами, выписывавшимися изъ-за границы, отчасти плѣнными шведами. Желая однако же образовать и русскихъ музыкантовъ, Петръ I обязывалъ приглашаемыхъ въ Россію иностранцевъ обучать музыкѣ русскихъ учениковъ, набравшихся изъ приказныхъ подъячихъ. Тѣмъ не менѣе всѣ усилія Петра I о поднятїи музыкальнаго образованія русскихъ не достигали цѣли, и музыка продолжала быть исключительною принадлежностью двора и аристократіи, а о художественно-музыкальныхъ интересахъ массы никто тогда серьезно не думалъ. Въ послѣдующія царствованія удалось достигнуть значительно лучшихъ результатовъ въ смыслѣ популяризаціи музыки въ Россіи. Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, возникли у насъ уже оперныя представленія. Въ 1735 году была вызвана изъ Италіи оперная труппа съ капельмейстеромъ Арайа (1700—1770), дававшая свои представленія въ театрахъ Лѣтняго сада и Зимняго дворца, при чемъ мѣста раздавались зрителямъ бесплатно, смотря по ихъ чинамъ и званіямъ. Капельмейстеръ Арайа, бывшій въ то же время композиторомъ, поставилъ въ 1737 году свою оперу «Абіазаче», а начиная съ слѣдующаго года рядъ другихъ своихъ же оперъ: «Семирамида», «Сципїонъ», «Арзакъ», «Селевкъ» и др. По вступленіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, при дворѣ былъ устроенъ рядъ празднествъ, при чемъ Арайа поставилъ свою новую оперу «Беллерофонъ». Въ то же время въ Москвѣ открылся новый театръ на рѣкѣ Яузѣ, въ которомъ была поставлена опера Гассе «Титово милосердіе». Бывшіе на одномъ изъ представленій этой оперы малороссійскіе депутаты дали о спектаклѣ такой отзывъ: «Дѣвки-итальянки и кастратъ пѣли съ музыкою... Въ изъясненіе милосердныхъ комитетовъ ея величества, репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ римскомъ. Сіе представленіе украшено было декораціею лѣсовъ, площадей, облаковъ,—при предзрадномъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ». Въ 1755 году появилась первая русская опера, написанная Арайа на текстъ А. П. Сумарокова и называвшаяся «Цефалъ и Прокрисъ». Первое представленіе этой оперы прошло съ огромнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что въ ней участвовали русскіе исполнители: первая русская оперная prima donna, дочь музыканта, дѣвица Бѣлоградская, придворный пѣвчій Сѣчкаревъ и соединенные хоры пѣвчихъ: придворные и графа Разумовскаго. Придворные пѣвчіе и ранѣе принимали участіе въ оперныхъ представленіяхъ, такъ какъ итальянцы не имѣли своего хора. Въ 1756 году былъ учрежденъ въ Петербургѣ именованнымъ высочайшимъ указомъ «Россійскій театръ», подъ дирекціею бригадира А. П. Сумарокова. На содержаніе театра ассигнавалось ежегодно 5000 рублей. Театръ помѣщался на Васильевскомъ островѣ въ бывшемъ Головкинскомъ дворцѣ (гдѣ нынѣ Академія Худо-

жествъ). Въ немъ давались между прочимъ оперы, сочинявшіяся самимъ Сумароковымъ, а также Дмитревскимъ, Княжнинымъ, Левшинымъ, Аблесимовымъ, княземъ Горчаковымъ и императрицею Екатериною II, опера которой «Февей», съ музыкою Брикса, пользовалась особеннымъ успѣхомъ. Музыка этихъ оперъ, повидимому, даже въ глазахъ современниковъ не отличалась особенными достоинствами и служила лишь дополненіемъ къ драматическому сюжету. На это указываетъ то обстоятельство, что оперы назывались по именамъ составителей ихъ текста. Дошедшая до насъ опера Аблесимова «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать», съ музыкою Омина, также подтверждаетъ высказанное нами предположеніе. Весь интересъ этого произведенія сосредоточивается на комическомъ, чисто-народномъ сюжетѣ, тогда какъ музыка представляетъ лишь нѣсколько довольно любопытныхъ народныхъ мотивовъ, подобранныхъ къ куплетамъ. Въ 1757 году прибыла въ Россію новая итальянская труппа, подѣ управленіемъ Локателли, устроившаго оперные спектакли въ Москвѣ и Петербургѣ. Такимъ образомъ итальянская опера въ царствованіе Елисаветы Петровны процвѣтала, какъ исполнителями, такъ и композиторами. Изъ послѣднихъ приобрѣли наибольшую извѣстность: Бюланъ, Сальери, Цопписъ, Локателли, Старцеръ и Раупахъ. Процвѣтаніе итальянской оперы продолжалось и во время царствованія Екатерины II, на что указываетъ слѣдующій перечень композиторовъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ: Манфредини, Галуппи, Траетта, Сарти, Мартини, Палэзіелло, Чимароза и др. Но въ то же время уже приобрѣли извѣстность нѣсколько русскихъ оперныхъ композиторовъ того времени, какъ-то: Оминъ («Мельникъ», «Анюта»), Матинскій (оперы «Перерожденіе», «Гостинный дворъ»), Титовъ («Нурзахадъ», «Посидѣлки», «Дѣвишникъ или Филаткина свадьба») и др. Проявившееся въ царствованіе Екатерины II стремленіе къ національной русской оперѣ еще болѣе усилилось по вступленіи на престолъ императора Александра I. Главную заслугу въ этомъ дѣлѣ оказалъ нашему отечеству прибывшій въ Россію въ 1798 году талантливый капельмейстеръ и композиторъ Кавосъ. Онъ прожилъ въ Россіи до самой смерти (1840 г.), посвятивъ всѣ свои силы развитію музыкальнаго дѣла въ своемъ новомъ отечествѣ. Имъ сочинено 30 оперъ («Князь Невидимка», «Илья Богатырь», «Иванъ Сусанинъ» и др.), шесть балетовъ и масса мелкихъ музыкальныхъ произведеній. Громадныя заслуги оказалъ Кавосъ русскому искусству усовершенствованіемъ театральныхъ оркестровъ, образованіемъ многихъ серьезныхъ музыкантовъ и пѣвцовъ и развитіемъ въ современномъ ему обществѣ вкуса и любви къ музыкѣ.

Сдѣлавъ краткій обзоръ состоянію музыкальнаго искусства въ Россіи въ XVIII столѣтіи, мы скажемъ нѣсколько словъ о состояніи тогдашнихъ оркестровъ. Первые свѣдѣнія о русскихъ орке-

страхъ относятся еще къ XVII вѣку. Такъ, Карамзинъ пишетъ, что еще при Василии Іоанновичѣ, отцѣ Іоанна Грознаго, полки имѣли своихъ музыкантовъ и трубачей («Исторія Государства Россійскаго», т. V, стр. 71). Дальнѣйшее указаніе на существованіе оркестровъ относится ко времени Григорія Отрепьева, который держалъ при себѣ хоръ польской музыки, состоявшій изъ литавръ, барабановъ, трубъ, флейтъ и другихъ инструментовъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и его сына Алексѣя Михайловича уже начали приглашать въ Россію иностранныхъ музыкантовъ. Однимъ изъ самыхъ страстныхъ любителей музыки былъ бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ, не перестававшій заниматься музыкою и послѣ того, какъ, по приказанію патріарха Никона, музыкальные инструменты отбирались въ Москвѣ даже у частныхъ людей и сожигались за Москвою рѣкой. Завѣдывавшій при Алексѣѣ Михайловичѣ посольскимъ приказомъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ выписалъ изъ Германіи музыкантовъ, которые начали обучать музыкѣ дворовыхъ людей, сдѣлавшихъ въ короткій срокъ такіе успѣхи, что ихъ можно было включить въ составъ оркестра. Въ «Разрядныхъ книгахъ» 1769 года сказано, что «въ селѣ Преображенскомъ тѣшили великаго государя иноземцы... и въ органы, и на фіолахъ, и въ струменты играли нѣмцы, да дворовы люди боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева». У Петра I, какъ сказано выше, былъ уже свой домашній оркестръ и инструментальная музыка употреблялась при немъ въ ассамблеяхъ и маскарадахъ. Играли преимущественно на духовыхъ инструментахъ: трубахъ, фаготахъ, гобояхъ, волторнахъ, литаврахъ и тарелкахъ. Музыканты принадлежали къ штату князя Меншикова. Сестра Петра I, царевна Наталія, устраивала иногда для него въ своихъ покояхъ театральныя представленія; актеры и музыканты, числомъ 16, всѣ были русскіе. Видя, что царь любитъ и поощряетъ музыку, многіе бояре и вельможи начали заводить свои капеллы, изъ которыхъ лучшія принадлежали княгинѣ Черкасской и князю Меншикову. Герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій, Карль Ульрихъ, впоследствии супругъ великой княжны Анны Петровны, прибывшій въ Россію въ 1721 году, привезъ съ собою капеллу музыкантовъ, игравшихъ на фортепяно, скрипкахъ, *viola d'amore*, альтѣ, виолончели, контрбасѣ, флейтѣ и волторнахъ. Прекрасное исполненіе музыкантовъ и новизна забавы чрезвычайно занимали тогдашнюю московскую знать, сѣзжавшуюся къ герцогу слушать ораторіи¹⁾. Въ царствованіе Екатерины I, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, существовали уже прекрасные

¹⁾ Е. Вороновъ. Взглядъ на состояніе музыкальнаго искусства въ Россіи. Глава, приложенная къ переводу «Исторія музыки Штаффорда». С.-Петербургъ, 1838 г.

придворные оркестры изъ русскихъ и иностранныхъ музыкантовъ, игравшіе иногда и на оперныхъ представленіяхъ, о возникновеніи которыхъ нами упомянуто выше. При Елисаветѣ Петровнѣ существовали уже и частныя капеллы, лучшая изъ которыхъ принадлежала графу Разумовскому. Въ царствованіе этой государыни была изобрѣтена такъ называемая роговая или охотничья музыка. Честь этого изобрѣтенія принадлежитъ иностранцу Марену. Привезенный въ Россію въ 1748 году графомъ Бестужевымъ, онъ вскорѣ сдѣлался камеръ-музыкантомъ. Завѣдывавшій тогда придворнымъ оркестромъ гофмаршалъ Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ поручилъ ему исправленіе охотничьихъ роговъ, что и послужило поводомъ къ изобрѣтенію роговой музыки. Она состояла въ томъ, что каждый играющій издавалъ лишь единственный тонъ своего рога. Съ помощью специально изобрѣтенныхъ знаковъ для нотъ и паузъ, Марешъ вскорѣ обучилъ игрѣ на рогахъ цѣлый оркестръ, исполнившій въ послѣдствіи увертюры, симфоніи и приводившій иностранцевъ въ изумленіе. Въ 1757 году Марешъ былъ сдѣланъ капельмейстеромъ придворной роговой музыки. Онъ скончался, разбитый параличемъ, въ 1794 году въ Петербургѣ. Въ послѣдствіи роговая музыка была еще болѣе усовершенствована Карломъ фонъ-Лау, капельмейстеромъ графа Разумовскаго. Въ царствованіе императрицы Екатерины II въ Россіи уже было много хоровъ роговой музыки, въ томъ числѣ два императорскихъ. Изъ частныхъ хоровъ лучшій принадлежалъ камергеру Вадковскому и находился подъ управленіемъ Силы Дементьевича Карелина, природнаго русскаго. Число обыкновенныхъ оркестровъ въ царствованіе Екатерины II съ каждымъ годомъ увеличивалось. Многіе вельможи, какъ-то Орловъ, Безбородко, Потемкинъ, Разумовскій, имѣли свои капеллы. Еще болѣе увеличилось число частныхъ оркестровъ въ началѣ текущаго столѣтія. Объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуесть Густавъ Гессъ де Кальве, написавшій первую въ Россіи «Теорію музыки» ¹⁾. На страницѣ 180 второй части этого весьма важнаго для своего времени сочиненія, теперь весьма рѣдко встрѣчающагося, авторъ говоритъ слѣдующее: «Въ Россіи, гдѣ всѣ искусства и науки находятъ для себя пристанище и новое отечество, музыка равномѣрно со временъ славнаго правленія блаженной памяти императрицы Екатерины II достигла высокой степени совершенства. Не говоря о превосходныхъ императорскихъ, великокняжескихъ и театральныхъ капеллахъ, не считая оркестры многихъ

¹⁾ «Теорія музыки или разсужденіе о семь искусствахъ, заключающее въ себѣ исторію, цѣль, дѣйствіе музыки, генераль-басъ, правила сочиненія (композиція), описаніе инструментовъ, разные роды музыки и все что относится къ ней въ подробности. Сочинено въ Россіи и для русскихъ, Густавомъ Гессъ де Кальве. Переведено съ нѣмецкой рукописи Разумникомъ Гонорскимъ. I—II части, Харьковъ, 1818 года».

частныхъ лицъ (изъ коихъ я упомяну только объ оркестрахъ г. Дубянского, г. Комбурлея, состоящаго изъ однихъ его людей, графа Дивьера въ Харьковской и Воронежской губерніяхъ, г. Синельникова въ Валуйскомъ уѣздѣ, г. Корбе въ Херсонской и Ник. Куликовского въ Таврической губерніи, выключая многіе охотничьи), музыка вездѣ хорошо принята». Въ дополненіе къ этому приведемъ еще два извѣстія о помѣщичьихъ оркестрахъ въ провинціи, изъ которыхъ одно относится къ прошлому, а другое къ началу текущаго столѣтія. Въ 1755 году, близъ города Ярославля на берегу Волги, въ усадьбѣ Болушкина былъ устроенъ извѣстнымъ Федоромъ Григорьевичемъ Волковымъ небольшой деревянный театръ, въ которомъ, между прочимъ, давалась опера Гассе «Титово милосердіе», о которой мы упоминали выше. Оперу исполняли здѣсь на русскомъ языкѣ въ переводѣ, сдѣланномъ самимъ Волковымъ; оркестръ былъ изъ помѣщичьихъ музыкантовъ, а хоръ изъ архіерейскихъ пѣвчихъ.

Михаилъ Ивановичъ Глинка въ своихъ запискахъ упоминаетъ о крѣпостныхъ музыкантахъ, слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ, и признается, что они произвели на него сильное впечатлѣніе. «У батюшки, — рассказываетъ онъ, — иногда собиралось много гостей и родственниковъ; это случалось въ особенности въ день его ангела, или когда пріѣзжалъ кто-либо, кого онъ хотѣлъ угостить на славу. Въ такомъ случаѣ посылали обыкновенно за музыкантами къ дядѣ моему, брату матушки, за 8 верстъ. Музыканты оставались нѣсколько дней, и когда танцы за отъѣздомъ гостей прекращались, играли бывало разныя піесы. Однажды, помнится, что это было въ 1814 или въ 1815 году, однимъ словомъ, когда я былъ по 10-му или 11-му году, играли квартетъ Крузеля съ кларнетомъ; эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатлѣніе». Нѣсколько далѣе въ тѣхъ же «запискахъ» мы находимъ слѣдующее: «Оркестръ моего дяди, — пишетъ М. И. Глинка, — былъ для меня источникомъ самыхъ живыхъ восторговъ. Когда играли для танцевъ, какъ-то экосезъ, матрадуръ, кадрили, вальсы, я бралъ въ руки скрипку или маленькую флейту (*piccolo*) и поддѣлывался подъ оркестръ, разумѣется, посредствомъ тоники и доминанты. Отецъ часто гнѣвался на меня, что я не танцую и оставляю гостей, но при первой возможности я снова возвращался къ оркестру. Во время ужина обыкновенно играли русскія пѣсни, переложенныя на флейты, 2 кларнета, 2 волторны и 2 фагота. Эти грустно нѣжные, но вполне доступные для меня, звуки мнѣ чрезвычайно нравились — даже волторны на низкихъ нотахъ, когда на нихъ играли сильно (я съ трудомъ переносилъ рѣзкіе звуки), — и, можетъ быть, эти пѣсни, слышанныя мною въ ребячествѣ, были первою причиною того, что впоследствии я сталъ преимущественно разрабатывать народную русскую музыку».

Указанія о существованіи въ прошломъ вѣкѣ помѣщичьихъ оркестровъ въ провинціи можно найти во многихъ мемуарахъ, а также историческихъ, этнографическихъ и беллетристическихъ сочиненіяхъ, относящихся къ той эпохѣ. Это показываетъ, что музыка играла тогда уже значительную роль среди развлеченій болѣе или менѣе состоятельныхъ классовъ общества. Природная любовь русскихъ людей къ музыкѣ брала верхъ надъ равнодушіемъ, съ какимъ тогдашнее правительство относилось къ музыкальному образованію народа. Въ то время когда въ Россіи еще не существовало ни одного правильно организованнаго музыкальнаго училища (театральное училище основано въ 1785 году, а придворная пѣвческая капелла еще позже), наши помѣщики приглашали для обученія своихъ дѣтей иностранныхъ музыкантовъ, не останавливаясь передъ большими расходами. Эти же пріѣзжіе иностранцы обучали музыкѣ и крѣпостныхъ людей. Нельзя здѣсь не сказать нѣсколькихъ словъ о громадной способности русскихъ людей къ музыкѣ. Нашъ простой народъ любитъ и любилъ пѣніе. Народная пѣсня неразрывно связана съ жизнью нашего крестьянина. Она встрѣчаетъ его при рожденіи, сопровождаетъ при всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни и, наконецъ, провожаетъ въ могилу. Русскій крестьянинъ поетъ и въ горѣ, и въ радости, и всегда пѣсня доставляетъ ему нравственное удовлетвореніе. Оттого у нашего народа мы встрѣчаемъ пѣсни хороводныя, плясовыя, игривыя, свадебныя, на ряду съ похоронными причитаніями, рекрутскими, солдатскими, тюремными и даже каторжными пѣснями. Природная музыкальность русскихъ крестьянъ дѣлала то, что мужикъ, оторванный отъ сохи и косули, отданный въ выучку иностранцу и не выдавшій во всю прежнюю жизнь ни одного музыкальнаго инструмента, кромѣ, можетъ быть, родной балалайки, быстро усвоивалъ, хотя, конечно, не безъ труда, всѣ музыкальныя премудрости и впоследствии игралъ на славу въ угоду своимъ господамъ. У нѣкоторыхъ крѣпостныхъ музыкантовъ обнаруживались даже выдающіеся музыкальные таланты и такіе обыкновенно дорого цѣнились ихъ владѣльцами.

Продажа помѣщиками крѣпостныхъ была въ то время самой обыденной коммерческой сдѣлкой. За людей, знавшихъ какое-либо ремесло или искусство, платили конечно дороже, чѣмъ за обыкновенныхъ крестьянъ. Наиболѣе высоко цѣнились люди, обученные какому-нибудь художеству, напр: живописцы, актеры и музыканты, а особенно послѣдніе. Какова была средняя цѣна на крѣпостныхъ музыкантовъ, мы увидимъ ниже изъ подробнаго разсмотрѣнія, относящагося къ этому вопросу, дѣлъ архива театральной дирекціи.

Положеніе оркестровъ императорскихъ театровъ въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго было вопросомъ чрезвычайной важности.

Свободныхъ музыкантовъ не было вовсе, выписка артистовъ изъ-за границы обходилась непомерно дорого, а въ театральномъ училищѣ, откуда все же брались музыканты въ оркестры, музыка всегда стояла на второмъ планѣ, пока наконецъ впослѣдствіи преподаваніе музыки, какъ самостоятельнаго предмета, тамъ вовсе не прекратилось. Отсюда прямо можно понять всю важность приобрѣтенія театральной дирекціею крѣпостныхъ оркестровъ, путемъ покупки или же посредствомъ найма музыкантовъ, отпущенныхъ на волю.

Первое имѣющееся въ нашихъ рукахъ свѣдѣніе о покупкѣ крѣпостныхъ музыкантовъ театральной дирекціею относится къ 1806 г., хотя безъ сомнѣнія она практиковалась и раньше. Въ 1805 году, зимою, сгорѣлъ въ Москвѣ Петровскій театръ, построенный Медоксомъ, и жители первопрестольной столицы нѣкоторое время были лишены общественныхъ театральныхъ развлеченій, сдѣлавшихся уже весьма любимыми и популярными. Радѣя объ удовлетвореніи эстетическаго вкуса москвичей, театральная дирекція озаботилась скорѣйшимъ возобновленіемъ театра и 13 августа 1806 года получила высочайшее разрѣшеніе на постройку новаго театрального зданія въ Москвѣ, которая вскорѣ и была начата. Между тѣмъ, во время постройки театра богатый московскій домовладѣлецъ Пашковъ устроилъ въ своемъ домѣ, на углу Знаменки и Моховой, въ особой пристройкѣ театральную сцену. Спектакли давались здѣсь труппой крѣпостныхъ актеровъ извѣстнаго любителя театра Д. Е. Столыпина, состоявшею изъ 70 человекъ. Въ томъ же году эта труппа была приобрѣтена у г. Столыпина театральной дирекціею. Сдѣлка состоялась 27 октября, а 21 ноября были уплачены по высочайшему повелѣнію деньги 32,000 рублей, отпущенныя дирекціи изъ Государственнаго Казначейства, съ условіемъ возратить означенную сумму въ теченіе 8 лѣтъ, по 4,000 рублей въ годъ. Перейдя въ вѣденіе дирекціи, стольпинская труппа продолжала еще нѣкоторое время играть въ Пашковскомъ театрѣ.

Изъ дѣлъ архива театральной дирекціи можно видѣть, что въ числѣ артистовъ стольпинской труппы было не мало музыкантовъ. Такъ, въ дѣлѣ 1816 года, подъ № 28, «Объ исключеніи изъ подушнаго оклада», въ списокъ людямъ, составляющимъ императорскій московскій театръ, съ показаніемъ кто съ котораго времени находится въ службѣ и изъ какого званія вступилъ въ оную»,—перечислены 12 музыкантовъ, купленныхъ у Д. Е. Столыпина. Нѣсколько музыкантовъ изъ стольпинской труппы къ 1816 году уже умерли на службѣ дирекціи. Это можно видѣть изъ того, что въ списокѣ значатся: Михайла Басистовъ, 4-хъ лѣтъ, который названъ сыномъ умершаго музыканта, купленнаго дирекціею у г. Столыпина, а также надзирательницы въ театральной школѣ: Авдотья Лобанова и Мавра Татаринава, названныя женами умершихъ музыкантовъ, изъ стольпинской же труппы.

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ дѣламъ архива театральной дирекціи, имѣющимъ отношеніе къ интересующему насъ вопросу, мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на разсмотрѣніи «списка людямъ, составляющимъ московскій театръ, 1816 года», такъ какъ въ немъ, кромѣ людей стольпинской труппы, перечислены еще нѣсколько крѣпостныхъ или бывшихъ крѣпостныхъ музыкантовъ, состоявшихъ на службѣ дирекціи въ 1816 году. Такъ подъ № 19 тамъ значится—«Евграфъ Перелѣцкій—музыкантъ, купленный дирекціею вслѣдствіе высочайшей воли государя императора у дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Дмитрія Ивановича Киселева». Тамъ же перечислены люди, подаренные графиней Головиною Воспитательному Дому и перешедшіе отъ него къ театру, въ числѣ которыхъ былъ музыкантъ Егоръ Тимоосевъ. Далѣе, подъ рубрикой: «Бывшіе въ окладахъ за помѣщиками, отпущенные отъ нихъ вѣчно на волю и не избравшіе рода жизни, въ дѣйствительной службѣ при театрахъ находящіеся», значатся четыре музыканта: Ѳедоръ и Лазарь Костины, вольноотпущенные дворовые люди князя Волконскаго, изъ села Введенскаго, Переходскаго округа Костромской губерніи: Василій Галкинъ, о которомъ не сказано кому онъ принадлежалъ до поступленія на службу при театрахъ.

Изъ приведенныхъ на основаніи упомянутаго «списка» свѣдѣній можно видѣть, что онъ только даетъ весьма важныя указанія по интересующему насъ вопросу. Намъ остается сказать еще, что мы нашли въ томъ же документѣ въ числѣ вольноотпущенныхъ, Степана Мочалова, отца знаменитаго трагика Павла Степановича Мочалова. Про него сказано, что «на службу дирекціи онъ вступилъ 15 марта 1806 года, былъ дворовымъ человѣкомъ тайнаго совѣтника, дѣйствительнаго камергера и командора Николая Никитича Демидова; записанъ по 5 ревизіи Московской губерніи, Богородскаго округа, при селѣ Сергіевскомъ, отпущенъ вѣчно на волю. У него жена Авдотья Иванова и дѣти: сыновья Павелъ 14-ти лѣтъ, Платонъ 13-ти, Василій 8-ми и дочь Марья 17-ти лѣтъ». Не имѣя прямого отношенія къ предмету нашего очерка, это свѣдѣніе объ отцѣ П. С. Мочалова немаловажно вообще для исторіи русскаго театра, почему мы и позволили себѣ включить его въ настоящую статью. Наконецъ, упомянемъ, что въ списокъ 1816 г. вошли два капельмейстера, бывшіе тогда на службѣ дирекціи: Иванъ Керцелли—иностранецъ нѣмецкой націи, одинъ изъ авторовъ оперы «Русалка, ¹⁾ имѣвшая въ свое время большой успѣхъ. Про послѣдняго сказано: «сынъ умершаго капитана россійской службы; холостъ; на службу дирекціи вступилъ въ августѣ 1814 года».

¹⁾ «Русалка» опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ Каизера и Давыдова.

Цѣлью настоящаго нашего очерка служить между прочимъ описаніе быта оркестровыхъ музыкантовъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей на театральнѣй службѣ въ началѣ текущаго столѣтія и выясненіе ихъ отношеній къ дирекціи театровъ. Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ архива театральнѣй дирекціи находятся лишь отрывочныя указанія на оба эти вопроса. Однако, группировка всѣхъ относящихся сюда свѣдѣній все же даетъ возможность придти къ болѣе или менѣе правильнымъ заключеніямъ. Такъ, напр., безошибочно можно сказать, что жизнь оркестровыхъ музыкантовъ того времени была въ матеріальномъ отношеніи весьма неприглядна. Высшій окладъ жалованья, какое тогда получали оркестровые музыканты вообще, не превышалъ 1000 рублей ассигнаціями въ годъ, но музыканты изъ крѣпостныхъ получали гораздо менѣе, — обыкновенно не болѣе 400 руб. ассигнаціями. Правда, сверхъ этого они пользовались еще казенною квартирою и иногда имъ выдавались деньги на обмундированіе, но все же ихъ положеніе нельзя было назвать совершенно обезпеченнымъ. Еще холостымъ музыкантамъ жилось не дурно, но женатые и обремененные семействами жили куда какъ плохо. Все ихъ время посвящалось службѣ: утромъ они присутствовали на репетиціяхъ, вечеромъ играли въ спектакляхъ, а все остальное время должны были, по предписанію дирекціи, заниматься усовершенствованіями себя въ искусствѣ и даже ходить учиться музыкѣ въ Большой театръ. Понятно, что о стороннихъ заработкахъ не могло быть и рѣчи и волей-неволей приходилось перебиваться кой-какъ казеннымъ жалованьемъ. Во всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ оркестровымъ музыкантамъ, мы находимъ много прошеній о прибавкѣ жалованья, о пособіяхъ на содержаніе дѣтей, на покупку предметовъ домашняго обихода, о выдачѣ казенной одежды и т. под. Такія просьбы иногда удовлетворялись, но рѣдко въ той мѣрѣ, какъ желательно было просителямъ, и дирекція не только не отличалась щедростію, но и всегда и во всемъ держалась правилъ самой строгой и разумной экономіи.

Посмотримъ теперь въ какія отношенія становилось театральное начальство къ купленнымъ дирекціею музыкантамъ. По закону 17-го декабря 1817 года «объ исключеніи артистовъ и другихъ театральнѣй служителей изъ подушнаго оклада» ¹⁾ всѣ лица, служащіе при театрахъ освобождались отъ крѣпостной зависимости и становились вполне свободными людьми. Однако, театральная дирекція толковала этотъ законъ по своему и считала всѣхъ приобрѣтенныхъ ею людей полною своею собственностію. Бывшіе крѣпостные музыканты частныхъ людей становились такимъ образомъ какъ бы крѣпостными театральнѣй дирекціи. Отсюда поня-

¹⁾ «Полн. Собр. Зак.» т. XXXIV, № 27186.

тень рядъ весьма строгихъ и неоднократно подтверждавшихся распоряженій относительно оркестровыхъ музыкантовъ изъ крѣпостныхъ и ихъ семействъ. Весьма понятно также частое вторженіе начальства въ частную жизнь артистовъ и легко объяснимы всѣ карательныя мѣры, примѣнявшіяся по отношенію выходившихъ изъ послушанія начальству и замѣченныхъ въ дурномъ поведеніи. Дирекція, ничѣмъ не стѣняясь, сажала провинившихся артистовъ подъ арестъ, переводила ихъ въ наказаніе изъ музыкантовъ въ капельдинеры и даже въ истопники, хотя это было не согласно съ всегдашнею задачею дирекціи извлекать изъ бывшихъ у нея на службѣ лицъ всю возможную пользу, и, наконецъ, за болѣе важныя проступки наказывали виновныхъ розгами и сдавали ихъ въ солдаты.

Чтобы не быть голословными, приведемъ здѣсь выдержки изъ дѣла «О поступкахъ музыкантскаго сына Самарина,» относящагося къ 1819 году, т. е. уже ко времени существованія закона 17-го декабря 1817 года. Содержаніе этого дѣла самымъ нагляднымъ образомъ подтверждаетъ все высказанное нами въ предъидущихъ строкахъ.

8-го сентября 1819 года, управляющій московскимъ театромъ А. А. Майковъ послалъ тогдашнему вице-директору театровъ князю П. И. Тюфякину слѣдующее донесеніе: «Въ предписаніи вашого сіятельства, данномъ конторѣ императорскаго московскаго театра 8-го января сего года, подѣ № 36-мъ, въ пятомъ пунктѣ изображено: «Съ дѣтми людей, купленныхъ у г-на Столыпина и подаренныхъ графинею Головкиною Воспитательному Дому, поступать какъ съ своею собственностью и отнюдь не увольнять ихъ изъ вѣдомства дирекціи; ибо ежели они окажутся не способными въ актеры, танцовщики или музыканты, то театръ имѣеть много различныхъ отраслей, и невозможно, чтобы они не могли, хотя не съ отличною, то, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторою пользою употреблены быть при ономъ». Замѣтилъ я,—пишетъ А. А. Майковъ,—что у купленнаго казною отъ г-на Столыпина музыканта, Андрея Самарина, сынъ Северьянъ находится въ совершенномъ возрастѣ и, какъ извѣстно мнѣ, играетъ на скрипкѣ и фортепіанахъ и даже даетъ на сторонѣ уроки. Дабы употребить его съ пользою на службу театра и для него самого открыть дорогу къ большимъ его выгодамъ, приказалъ ему обучать въ школѣ на фортепіанахъ нижній классъ воспитанниковъ, съ жалованьемъ по триста рублей въ годъ, какое получалъ предѣстникъ его, выбывшій изъ школы, учитель Новиковъ, тѣмъ болѣе, что и г-нъ Эрнстъ, иностранецъ, обучающій высшій фортепіанный классъ, у коего и самъ Самаринъ учился на фортепіано, получаетъ въ школѣ только четыреста рублей въ годъ. По прошествіи мѣсяца явился Самаринъ ко мнѣ въ контору и объявилъ, что онъ за такое жалованье не будетъ обучать въ школѣ.

Когда же послѣ сего я назначилъ ему употребить себя въ оркестрѣ, то онъ и отъ сего отказался. Видя такое его упрямство и неповиновеніе я объявилъ ему, что онъ сего же дня назначается въ капельдинеры. Сія мѣра на него подѣйствовала, и онъ приступилъ къ обязанности обучать въ школѣ на фортепіано. Не прошло трехъ сутокъ, какъ вдругъ въ контору во время присутствія является мать его и объявляетъ мнѣ, что она никакъ не хочетъ, чтобъ сынъ ея служилъ въ дирекціи и чтобъ ему позволено отъ меня было проживать по деревнямъ у разныхъ помѣщиковъ и, наконецъ, если я сего не сдѣлаю, то она ѣдетъ въ С.-Петербургъ и везетъ съ собою сына къ г-ну Столыпину, который будто бы общалъ имъ свою протекцію. Увидя таковой сумбуръ, я запретилъ ей отлучаться не только въ С.-Петербургъ безъ дозволенія конторы, но даже за городъ; въ противномъ же случаѣ они будутъ оштрафованы. Я едва только успѣлъ ей сіе объявить, какъ она отвѣчаетъ мнѣ, что не смотря на мое запрещеніе, и не имѣя нужды въ дозволеніи, уѣдетъ сама собою въ С.-Петербургъ и увезетъ сына. Признаюсь вашему сіятельству, я счелъ было ее за безумную и велѣлъ призвать доктора; а между тѣмъ, велѣлъ ее посадить подъ караулъ. Черезъ два часа, по убѣдительной просьбѣ мужа ея, который за нее извинялся и просилъ прощенія, была она освобождена изъ-подъ ареста, съ тѣмъ, что ежели впредь сдѣлаетъ такую дерзость, то съ нею поступлено будетъ примѣрно. Все сіе долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства въ такомъ точно видѣ, какъ оно происходило. И, чтобъ не дать повода прочимъ къ уклоненію отъ употребленія быть полезнымъ на службу дирекціи, я счелъ за нужное оставить Самарина при школѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ обучалъ три раза въ недѣлю по два часа каждый разъ, съ производствомъ ему за то по триста рублей въ годъ; прочее же время цѣлой недѣли остается ему свободнымъ для вольной практики и для пріобрѣтеній, которые онъ трудами своими можетъ сдѣлать».

На это донесеніе князь П. И. Тюфякинъ вскорѣ прислалъ А. А. Майкову отвѣтъ, изъ котораго видно, что онъ одобрялъ всѣ, протектированныя мѣры строгости, а поступокъ музыканта Самарина нашелъ не позволительнымъ и зловерднымъ для службы. Впрочемъ, сообщимъ и этотъ любопытный документъ, такъ какъ онъ лучше всего говорить самъ за себя: «Усматривая изъ отношенія ко мнѣ вашего превосходительства, отъ 8-го числа текущаго сентября за № 1125, предпринятую вами необходимую мѣру строгости противу неповиновавшагося приказаніямъ вашимъ, принадлежащаго собственно дирекціи изъ числа купленныхъ отъ г. Столыпина людей, сына музыканта Самарина, въ полной мѣрѣ одобряю оную, какъ весьма полезную для выдержанія подобныхъ ему отъ таковыхъ не позволительныхъ и зловердныхъ для службы поступковъ.

Что же касается до его матери, то если вы, милостивый государь мой, признаете нужнымъ, можете объявить ей, что буде бы она прибыла въ С.-Петербургъ съ изъявленнымъ ей непопулярнымъ намѣреніемъ: то вы бы съ своей стороны, описавъ учиненныя его поступки, обратились бы къ высшему начальству здѣшней столицы, съ тѣмъ, чтобы она выслана была за городъ чрезъ полицію».

Оба вышеупомянутые документа достаточно выясняютъ, какъ дирекція распоряжалась съ своими подчиненными, выходявшими изъ повиновенія начальству. Для насъ вполне ясно, что дирекція не могла согласиться на просьбу Северьяна Самарина, такъ какъ подобное снисхожденіе могло бы дать опасный прецедентъ прочимъ его сотоварищамъ по искусству. По своему, конечно, дирекція во всемъ настоящемъ дѣлѣ была совершенно права. Въ то же время вся вина Самарина заключалась лишь въ добромъ желаніи увеличить свой заработокъ, давая уроки въ частныхъ домахъ, что онъ находилъ выгоднѣе, чѣмъ преподаваніе въ театральномъ училищѣ за 300 рублей въ годъ.

Всѣ прочія, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, дѣла о бывшихъ крѣпостныхъ музыкантахъ относятся уже къ позднѣйшему времени, а именно къ 1828—1830 годамъ. Въ мартѣ 1828 года, по высочайшему повелѣнію государя императора, были откуплены вѣчно на волю у оберъ-шенка и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Чернышева для опредѣленія на службу къ императорскимъ театрамъ 27 человѣкъ музыкантовъ съ имѣющимися у нихъ семействами. За нихъ было заплачено изъ кабинета Его Величества 54,000 рублей, т. е. по 2,000 рублей за человѣка. Вотъ списокъ этимъ музыкантамъ:

1) Никифоръ Васильевъ Тяпкинъ	30 л.	} Первые скрипачи.
2) Петръ Ивановъ Зеленевъ	27 »	
3) Иванъ Филипповъ Рябцовъ	30 »	} Секунды.
4) Иванъ Алексѣевъ Пашковъ	26 »	
5) Иванъ Матвѣевъ Соловьевъ	36 »	} Альтисты.
6) Яковъ Алексѣевъ Поляковъ	27 »	
7) Максимъ Матвѣевъ Колякинъ	29 »	— Контробасистъ.
8) Павелъ Ивановъ Зеленевъ	29 »	} Віолончель.
9) Данило Степановъ Новиковъ	22 »	
10) Алексѣй Корнѣевъ Пироговъ	27 »	} Флейтисты.
11) Григорій Григорьевъ Сорвиловъ	28 »	
12) Иванъ Ильинъ Скосыревъ	28 »	} Гобойсты.
13) Данило Захаровъ Филатовъ	28 »	
14) Иванъ Ивановъ Боженевъ	26 »	} Кларнетисты.
15) Михайло Степановъ Новиковъ	31 »	
16) Алексѣй Тимошеевъ Крамчковъ	22 »	— Ученикъ на волторнѣ.
17) Семенъ Ивановъ Румбинъ	25 »	} Фаготисты.
18) Никифоръ Ивановъ Шитилинъ	26 »	

19) Иванъ Никитинъ Леякинъ	27	» —
20) Иванъ Селиновъ Шариковъ	29	» — Волторнисть.
21) Фѣдоръ Кирилловъ Данцовъ	27	» — Трубачъ.
22) Никита Александровъ Мельниковъ.	26	» — Литавристь.
23) Алексѣй Васильевъ Новиковъ	21	» — Трубачъ.
24) Василій Тимовеевъ Красичковъ	19	» — Ученикъ скрипачъ.
25) Иванъ Сергѣевъ Федосовъ.	13	» — Ученикъ скрипачъ.
26) Степанъ Васильевъ Новиковъ	21	» — Тромбонъ.
27) Иванъ Никифоровъ Орловъ	12	» — Ученикъ скрипачъ.

По прибытіи чернышевскихъ музыкантовъ въ Петербургъ, комитетъ дирекціи с.-петербургскихъ императорскихъ театровъ, журналомъ отъ 12 іюня 1828 года, поручилъ инспектору музыки Льву Петровичу Ершову сдѣлать имъ испытаніе и немедленно донести о способностяхъ каждаго изъ нихъ, а также составить опись имѣющимся у нихъ инструментамъ и нотамъ. Это предписаніе было тотчасъ же исполнено, какъ видно изъ рапорта Л. П. Ершова въ контору императорскихъ театровъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что нѣкоторые изъ чернышевскихъ музыкантовъ «могутъ быть употреблены по оркестрамъ въ разбивку для водевилей и малыхъ оперъ, также и въ балеты, а такъ какъ они въ оркестрѣ не игравали, то нужна имъ большая практика». При рапортѣ Л. П. Ершова приложенъ реестръ музыкантамъ графа Чернышева, которыхъ оказалось возможнымъ немедленно употребить въ дѣло. Изъ 27 человекъ были признаны имъ наиболѣе способными 15 человекъ, а изъ остальныхъ 12-ти человекъ—четырехъ назначили «на турецкую музыку», троихъ въ нотную контору, а остальныхъ опредѣлили учениками въ музыкальный классъ.

До утвержденія постоянного штата на производство жалованья вновь купленнымъ музыкантамъ, комитетъ опредѣлилъ выдать имъ: женатымъ по 25 рублей, а холостымъ по 18 руб. въ мѣсяцъ. Вскорѣ, однако, былъ утвержденъ комитетомъ проектъ штатовъ чернышевскихъ музыкантовъ, составленный членомъ комитета графомъ М. Ю. Вьельгорскимъ. Общая сумма на содержаніе 27 человекъ была назначена 10,350 рублей въ годъ, да на содержаніе женъ и дѣтей рѣшено было отпускать по сдѣланному распредѣленію 425 р. въ годъ. Имѣя въ виду покрыть эту сумму, не увеличивая смѣты своихъ расходовъ, комитетъ управленія императорскими театрами предоставилъ графу М. Ю. Вьельгорскому «сообщить комитету, кого именно изъ служащихъ нынѣ музыкантовъ и нотныхъ копистовъ предполагаетъ онъ могущими быть уволенными взамѣнъ поступаемыхъ на мѣсто оныхъ чернышевскихъ музыкантовъ». Согласно желанію графа М. Ю. Вьельгорскаго, комитетомъ было постановлено женатымъ музыкантамъ жалованье лично подъ росписки, а жалованье на всѣхъ холостыхъ выдавать старшему изъ нихъ скрипачу

Тяпкину и къ нему приставить еще двухъ холостыхъ музыкантовъ по выбору самихъ музыкантовъ и съ утверженія дирекціи, съ тѣмъ «чтобы они изъ оной суммы содержали столомъ и одеждою прочихъ своихъ товарищей». Самое высшее жалованье—500 рублей въ годъ было назначено только одному музыканту Тяпкину; затѣмъ шестеро получали по 450 рублей въ годъ, остальные же 9 музыкантовъ, изъ поступившихъ въ оркестръ, получали по 400 р. въ годъ. Четвертымъ нотнымъ копистамъ положили по 350 рублей, состоящимъ «на турецкой музыкѣ» тоже по 350 р. и, наконецъ, отданнымъ для обученія въ классъ по 250 р. въ годъ. Для житія чернышевскихъ музыкантовъ, поступившихъ на службу дирекціи, былъ отведенъ этажъ приписаннаго къ Малому театру дома, принадлежавшаго ранѣе лейбъ-кучеру Байкову. Помѣщеніе это было приспособлено для житія артистовъ, по предписанію дирекціи, архитекторомъ Шустовымъ, подъ наблюденіемъ котораго были произведены всѣ нужныя поправки и передѣлки. При помѣщеніи музыкантовъ во вновь устроенную квартиру имъ были даны новыя кровати и полный спальный приборъ, состоящій изъ тюфяковъ, подушекъ, одѣялъ, простынь и наволочекъ. На заготовленіе всѣхъ этихъ предметовъ для 20-ти холостыхъ музыкантовъ было израсходовано 374 рубля, а 7 женатымъ были выданы, согласно ихъ желанію, на приобрѣтеніе спального прибора деньги, по расчету 14 р. 25 к. на каждаго, а на всѣхъ 109 р. 90 к. Еще ранѣе помѣщенія чернышевскихъ музыкантовъ въ новую квартиру, директоръ музыки Л. П. Ершовъ, рапортовалъ 31 августа 1828 года, въ контору дирекціи, что «вновь пріѣхавшіе графа Чернышева музыканты имѣютъ необходимую надобность какъ въ одеждѣ, такъ и въ обуви по наступившему осеннему времени». Послѣдовавшее на этотъ рапортъ рѣшеніе выражено въ журналѣ комитета слѣдующими словами: «въ обезпеченіе запутанности въ счетахъ, выдать чернышевскимъ музыкантамъ изъ общей суммы по 25 рублей на человѣка, на счетъ имѣющагося имъ назначить жалованья». Этимъ и ограничились всѣ заботы дирекціи о матеріальномъ положеніи вновь поступившихъ на службу артистовъ. Получали ли они впоследствии какія-нибудь пособія сверхъ жалованья—въ дѣлѣ театральнаго архива свѣдѣній не имѣется.

Выше было сказано, что сверхъ жалованья женатымъ музыкантамъ было назначено выдавать по расчету 425 р. въ годъ на содержаніе женъ и дѣтей. За расходованіемъ этой суммы дирекція строго наблюдала, и когда дѣти умирали выдача пособія прекращалась. Такъ, въ августѣ 1829 года, у музыканта Соловьева умеръ сынъ, на содержаніе котораго ему выдавали 25 руб. Тотчасъ выдача этихъ денегъ прекратилась, а взамѣнъ того ихъ стали выдавать музыканту Колякину, у котораго въ то же время родилась дочь. Наблюденіе за увеличеніемъ или уменьшеніемъ семействъ

чернышевскихъ музыкантовъ дирекція вмѣнила въ обязанность смотрителю Малаго театра Гинцу, которому было предписано доводить въ свое время до свѣдѣнія конторы о всѣхъ у нихъ родившихся и умершихъ.

Относительно пріобрѣтенія дирекціею для чернышевскихъ музыкантовъ новыхъ инструментовъ въ разсматриваемомъ нами дѣлѣ есть указанія въ рапортахъ директора музыки Л. П. Ершова и капельмейстера Кавоса. Л. П. Ершовъ сообщилъ въ контору тотчасъ же по прибытіи чернышевскихъ музыкантовъ въ Петербургъ, что всѣ ихъ духовые инструменты, за исключеніемъ двухъ валторнъ, никуда не годятся и предложилъ пріобрѣсти для нихъ 2 валторны, 2 гобоя, одну флейту, 4 кларнета, одинъ фаготъ и 4 смычка. На все это потребна была сумма въ 1,510 рублей. Инструменты Л. П. Ершовъ хотѣлъ пріобрѣсти у мастера Вантгейта, который ручался за ихъ доброкачественность; кромѣ того, наводились справки о ихъ достоинствѣ у тогдашнихъ преподавателей школы: Бендера, Тушинскаго, Дарнауса, Келлера и Сусмана. Капельмейстеръ Кавосъ указывалъ въ своемъ рапортѣ по тому же вопросу на недостатокъ у чернышевскихъ музыкантовъ скрипокъ и альтовъ. Онъ предлагалъ купить 4 скрипки и 1 альтъ у музыканта французскаго оркестра Кристофовича, уступавшаго всѣ пять инструментовъ съ присоединеніемъ двухъ смычковъ и двухъ футляровъ за 500 руб. Къ этой суммѣ было необходимо прибавить 45 руб. за 3 недостающіе смычка и 30 руб. за три футляра. Изъ приложенной къ дѣлу бухгалтерской справки видно, что нѣсколько инструментовъ для чернышевскихъ музыкантовъ было куплено, но у кого не сказано, а именно 20 октября 1828 года купили 2 кларнета за 260 р., 1 флейту за 150 р., маленькую флейту за 15 р., фаготъ за 125 р., 2 валторны за 350 р. и гобой за 150 р. Въ 1829 году пріобрѣли для нихъ же 2 кларнета за 300 р. и 3 футляра, должно быть для струнныхъ инструментовъ, 46 рублей.

Въ заключеніе приведемъ изъ разсматриваемаго дѣла нѣсколько документальныхъ свѣдѣній о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, примѣнявшихся къ чернышевскимъ музыкантамъ. 10 апрѣля 1831 года нѣкій Іосифъ Миняти, должно быть начальникъ нотной конторы, писалъ театральному начальству, что «находящійся въ нотной конторѣ копистъ Григорій Сервиловъ по истеченіи 3-хъ дней къ должности не явился и въ болѣзни себя не показалъ». По истеченіи трехъ дней, во время которыхъ исчезнувшій копистъ успѣлъ попасть подъ арестъ, І. Миняти послалъ въ контору слѣдующее донесеніе: «Я предполагаю,—писалъ онъ,—болѣе не держать Григорья Сервилова при нотной конторѣ копистомъ: для писанія нотъ онъ не имѣетъ хорошаго успѣха, не такъ способенъ для посылки съ нотами по театрамъ, и не имѣю вѣрной надежды на его поведеніе, ибо во второй разъ попадаетъ подъ арестъ, что начальству

уже небезызвѣстно. Въ такомъ случаѣ не могу отвѣчать за ноты, ежели онъ въ случаѣ сдѣлаетъ потерю оныхъ и можетъ сдѣлаться остановка спектакля. Въ такомъ случаѣ представляю на волю вышняго начальства». На этомъ самомъ донесеніи значится слѣдующая резолюція начальства: «выпустить изъ-подъ ареста и объявить ему, что за первый проступокъ будетъ отданъ въ солдаты».

Почти одновременно съ Сервиловымъ другой музыкантъ Шариковъ былъ посаженъ подъ арестъ въ Маломъ театрѣ, о чемъ смотритель послѣдняго не донесъ своевременно начальству, за что получилъ замѣчаніе и приказаніе донести къмъ и за что посаженъ подъ арестъ Шариковъ и впредь «о каждомъ подъ арестомъ находящемся доносить ежедневно по утрамъ до 9 часовъ». Исполняя приказаніе начальства, смотритель Малаго театра Гинцъ рапортовалъ, «что Шариковъ былъ взятъ подъ присмотръ въ Маломъ театрѣ за пьянство, по доносу старшаго музыканта Тяпкина». Впослѣдствіи тотъ же самый Шариковъ неоднократно попадался въ пьянствѣ и можно думать, что онъ страдалъ въ сильной степени пагубнымъ «пристрастіемъ», которое сгубило многихъ талантливыхъ людей. Въ 1832 году, 4-го декабря, смотритель Гинцъ послалъ въ контору донесеніе, въ которомъ говорилось, что наканунѣ при обходѣ по театру, онъ нашелъ въ корридорѣ, въ безобразно-пьяномъ видѣ, чернышевскаго музыканта Шарикова, который и содержится въ Большомъ театрѣ до разрѣшенія начальства. Старшій музыкантъ Алексѣй Пироговъ доложилъ конторѣ, что Шариковъ замѣченъ, неоднократно въ нетрезвомъ видѣ, о чемъ извѣстно и г. Кавосу. Контора театровъ предписала смотрителю Гинцу музыканта Шарикова отправить въ часть для наказанія розгами, съ объявленіемъ ему, что если онъ еще разъ будетъ замѣченъ пьянымъ, то будетъ исключенъ изъ дирекціи и отданъ въ военную службу.

Разсмотримъ еще одно дѣло архива театральнoй дирекціи «о принятыхъ на службу при театрахъ, по предписанію министра императорскаго двора, музыкантовъ графа Соллогуба». 26-го февраля 1829 года министръ императорскаго двора, князь Волконскій, сообщилъ комитету управленія театрами о состоявшемся высочайшемъ повелѣніи относительно имущества графа Соллогуба, въ которомъ между прочимъ говорилось: «если горыгорѣцкое имѣніе отставнаго полковника Соллогуба, по прошествіи законныхъ сроковъ не будетъ продано за долги, то изъ числа имѣющихся тамъ 29 музыкантовъ опредѣлить 10 человекъ, играющихъ на скрипкахъ, виолончеляхъ, альтяхъ и контрбасахъ въ театральную дирекцію». Князь Волконскій просилъ при этомъ увѣдомить его на какихъ основаніяхъ можно будетъ опредѣлить сихъ музыкантовъ къ петербургскимъ театрамъ. По наведенной по этому случаю справкѣ, оказалось, что «сверхъ оркестровъ, состоящихъ въ дѣй-

ствительной службѣ императорскихъ театровъ, коимъ производится въ годъ 279,650 рублей, нанимаются еще въ службу музыканты г-жи Тепловой, по контракту на 3 года, съ платою по 18,500 р. въ годъ, и имѣется еще оркестръ бывшій графа Чернышева, прибрѣтенный покупкою, съ обязанностью десятилѣтней выслуги, коему производится 10,850 р. ежегодно. По положенію же дирекціи крѣпостные люди не могутъ быть принимаемы въ дѣйствительную службу, а только въ видѣ мѣсячнаго найма». Комитетъ театральной дирекціи, обсудивъ означенное дѣло въ засѣданіи своемъ 25-го марта 1829 года, увѣдомилъ министра императорскаго двора, что «музыканты графа Соллогуба, если они будутъ освобождены изъ крѣпостного состоянія, могутъ быть опредѣлены на тѣхъ же основаніяхъ какъ и чернышевскіе, т. е. получать при казенныхъ инструментахъ жалованье, смотря по способностямъ, отъ 350 до 500 р. и съ прибавленіемъ на содержаніе ихъ женъ и дѣтей, буде оныя имѣются, по 50 р., имѣть казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и буде способности ихъ отличны, то, по опредѣленіи ихъ, уволить взамѣнъ ихъ служащихъ нынѣ съ воли музыкантовъ. Если же музыканты сіи останутся въ крѣпостномъ состояніи, то смотря по способностямъ можно ихъ употребить по найму, подобно музыкантамъ г-жи Тепловой».

Вскорѣ послѣ того князь Волконскій сообщилъ комитету, что покупателей на имѣніе графа Соллогуба не нашлось и потому было приказано могилевскому гражданскому губернатору доставить въ Петербургъ 10 соллогубовскихъ музыкантовъ. 5-го мая музыканты были отправлены изъ Могилева подъ присмотромъ дирижировавшаго ими дворянина Сипайлы и 28-го числа того же мѣсяца прибыли въ Петербургъ. Вотъ списокъ этимъ музыкантамъ, препровожденный въ контору театровъ при отношеніи могилевскаго вице-губернатора Лашкарева, съ показаніемъ на какихъ инструментахъ играютъ:

1) Алексѣй Павловъ Кругловъ	22 л.	} На контробасахъ.
2) Авякимъ Никитинъ Новиковъ	22 »	
3) Иванъ Федоровъ Глепкинь	24 »	} На віолончеляхъ.
4) Авдей Романовъ Киселевъ	22 »	
5) Иванъ Ермолаевъ Борниковъ	19 »	} «На скрипкахъ».
6) Юрка Ивановъ Галаевъ	22 »	
7) Лаврентъ Гавриловъ Вагодинъ	19 »	
8) Дмитрій Кузьминъ Третьяковъ	17 »	
9) Леонъ Кузьминъ Зенкевичъ	19 »	} «На альтовкахъ».
10) Осипъ Григорьевъ Васюковъ	18 »	

Вновь прибывшихъ музыкантовъ помѣстили въ домѣ бывшемъ лейбъ-кучера Байкова, гдѣ жили и чернышевскіе музыканты. На первое время имъ назначили жалованье по 18 р. въ мѣсяць на

человѣка. Тотчасъ же по устройствѣ музыкантовъ на новой квартирѣ, директоръ музыки Ершовъ и капельмейстеръ Кавось, какъ это дѣлалось всегда въ подобныхъ случаяхъ, получили предписаніе испытать ихъ музыкальныя способности. Замѣтимъ здѣсь кстати, что изъ всей переписки по настоящему дѣлу можно видѣть, что дирекція принимала этихъ музыкантовъ на службу не по своему желанію, а лишь только исполняя приказаніе высшаго начальства. Надобности особенной въ нихъ не было, да къ тому же всѣ они оказались по испытанію не способными служить въ оркестрахъ. Ершовъ писалъ въ своемъ рапортѣ прямо, что никто изъ означенныхъ музыкантовъ не можетъ быть опредѣленъ въ оркестры. Капельмейстеръ Кавось равнымъ образомъ доносилъ, что нашелъ ихъ музыкальныя познанія крайне слабыми и требующими еще образованія, которое стоило бы много труда и издержекъ, не соотвѣтствующихъ пользѣ, какую отъ нихъ можно было ожидать. Тѣмъ не менѣе, Кавось полагалъ, что шестерыхъ изъ нихъ можно будетъ опредѣлить въ хористы, такъ какъ у нихъ оказались порядочные голоса. Руководствуясь такими заявленіями, директоръ театровъ, князь Гагаринъ, сообщилъ министру двора, что для дирекціи невыгодно и убыточно принять на службу соллогубовскихъ музыкантовъ, такъ какъ ихъ содержаніе, полагая по 300 р. на человѣка составитъ 3,000 рублей въ годъ, кромѣ квартиры съ отопленіемъ и найма для нихъ учителя; за эту же сумму дирекція нанимаетъ полный хоръ конюшенныхъ пѣвчихъ, изъ 46 человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, соллогубовскихъ музыкантовъ было приказано принять на службу, назначивъ четырехъ изъ нихъ: Алексѣя Павлова, Ивана Ѳедорова, Леонтія Кузьмина и Дмитрія Кузьмина въ бутафорскіе помощники, съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ каждому, а прочихъ въ хористы, съ содержаніемъ по 250 р. въ годъ.

О томъ какова была дальнѣйшая судьба соллогубовскихъ музыкантовъ въ дѣлѣ о нихъ никакихъ указаній не имѣется. Можно, однако, на основаніи одного находящагося при дѣлѣ документа думать, что хорошими хористами они не сдѣлались и дирекція, кромѣ большихъ расходовъ и хлопотъ, не получила никакихъ выгодъ отъ ихъ пріобрѣтенія. Вотъ этотъ документъ, составляющій предписаніе конторы, данное исправлявшему должность директора музыки Кавосу, отъ 26-го ноября 1832 года: «Вообще конторою замѣчается, что причисленные къ хору пѣвчихъ купленные дирекціею отъ помѣщиковъ Афросимова и графа Соллогуба бывшіе ихъ дворовые люди отъ праздности и слабago за ними надзора вдаются въ пьянство и другіе неприличныя поступки, вслѣдствіе чего находя необходимымъ размѣстить ихъ по должностямъ, въ коихъ они имѣли бы постоянныя и непрерывныя занятія подъ присмотромъ къ тому опредѣленныхъ лицъ,—контора проситъ васъ всѣхъ тако-

выхъ лицъ освидѣтельствовать, кто изъ нихъ имѣеть дѣйствительную способность къ пѣнію въ хорахъ и кто вовсе къ тому способенъ и о томъ, что окажется, контору подробно увѣдомить для дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій».

Къ сожалѣнію, мы не могли найти никакихъ указаній, исполнилъ ли Кавось предписаніе конторы, и каковы были дальнѣйшія распоряженія относительно театральныхъ пѣвчихъ афросимовскихъ и соллогубовскихъ крѣпостныхъ музыкантовъ.

Несравненно болѣе выгодное пріобрѣтеніе дирекція сдѣлала въ 1835 году, опредѣливъ на службу 17 человекъ музыкантовъ, вольноотпущенныхъ отъ жены штабъ-ротмистра княгини Вѣры Ѳеодоровны Салтыковой и отъ отставнаго штабъ-ротмистра князя Петра Дмитріевича Салтыкова. Эти музыканты въ бытность свою крѣпостными входили въ составъ оркестра роговой музыки и, кромѣ того, были обучены играть на струнныхъ инструментахъ. Между прочимъ нѣкоторое время они играли по найму въ оркестръ московскаго французскаго театра. По отпускѣ на волю они заключили контрактъ съ губернскимъ секретаремъ И. Н. Утермаркомъ (о чемъ было опубликовано въ августѣ 1830 года въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»), который повезъ ихъ за границу давать концерты въ Германіи и Англіи. Можно думать, что концерты эти имѣли вездѣ большой успѣхъ, такъ какъ сборы дали огромную сумму въ 5,000 фунтовъ стерлинговъ. Но не пришлось русскимъ рожечникамъ, приводившимъ въ восторгъ иностранцевъ, воспользоваться этими деньгами. Ихъ антрепренеръ, захвативъ всю собранную сумму и паспорта музыкантовъ, бѣжалъ въ Америку, оставивъ русскихъ мужичковъ въ Лондонѣ на произволъ судьбы. Однако, они не потеряли присутствія духа и начали давать концерты на свой страхъ, но не имѣя средствъ нанимать концертной залы, не дѣлали большихъ сборовъ. Это заставило ихъ подумать о возвращеніи на родину. Съ помощью русскихъ консуловъ и російскаго посланника въ Парижѣ имъ удалось послѣ долгимъ странствованій добраться черезъ Бельгію, Францію, Австрію и Пруссію въ Кронштадтъ и затѣмъ въ Петербургъ. Немедленно по прибытіи сюда они подали прошеніе директору петербургскихъ театровъ А. М. Геденову объ опредѣленіи ихъ на службу театральной дирекціи. Прошеніе это, сочиненное со словъ просителей титулярнымъ совѣтникомъ Илей Козьминимъ Никольскимъ, такъ характерно и живо рисуетъ всѣ обстоятельства странствованія русскихъ артистовъ за границу, что мы рѣшаемся привести его здѣсь почти цѣликомъ: «Съ позволенія правительства въ 1830 г., согласно заключенному контракту съ губернскимъ секретаремъ И. Николаевымъ Утермаркомъ,—было написано въ прошеніи,—отправились мы съ нимъ за границу по инструментальному искусству хора роговой музыки. Давая концерты въ Германіи и Англіи, собрали за оныя денегъ

5 тысячъ ф. стерл., на російскую монету 125 т. руб. А какъ деньги сіи и паспорта наши хранились у изъясненнаго директора г. Утермарка, то онъ, желая воспользоваться столь значительною суммою, со всѣми нашими деньгами и паспортами бѣжалъ въ Америку, о чемъ въ ирландскомъ столичномъ городѣ опубликовано въ газеты. Будучи вышеизложеннымъ поступкомъ приведены въ крайнюю нужду и убожество, вынужденными наплысь по неимѣнію денегъ на наемъ концертныхъ залъ, для пропитанія своего давать публичные концерты за ничтожную плату; желая же поправить бѣдственное свое положеніе и спросивъ въ Лондонѣ отъ російскаго вице-консула на общее имя паспортъ, отправились во Францію; но повсюду сопутствующая за нами бѣдность, наконецъ до того насъ довела, что мы, не имѣя никакихъ средствъ ѣхать далѣе, вынужденными наплысь въ Бельгіи заложить въ гостиницѣ послѣдній свой гардеробъ и отправиться въ Россію пѣшеходомъ, но по приходѣ къ Прусской границѣ были возвращены согласно паспорту, писанному на иностранномъ діалектѣ—во Францію. Съ послѣднею ничтожною суммою мы вторично пришли въ Бельгію, гдѣ заподрядилъ насъ директоръ концертныхъ залъ г. Гебу на 3 мѣсяца за 13,000 франковъ и, выкупа въ число договоренной платы гардеробъ, отправилъ насъ въ Парижъ. По истеченіи срока онъ выдалъ намъ для пищи въ разное время 5,000 фр., а въ уплатѣ послѣднихъ объявилъ себя недостаточнымъ. Не имѣя никакихъ средствъ безъ особеннаго покровительства возвратиться въ отечество, мы рѣшились въ Парижѣ предстать передъ російскаго посланника, который изъ соболѣзнованія къ нашему положенію, въ пособіе безъ возврата наградивъ насъ 2,000 р., выдавъ оныя смотрителю дилижанса съ тѣмъ, чтобы онъ довезъ насъ до Франкфурта Майна (на Майнѣ) на всей своей отвѣтственности путевыхъ издержекъ. «А сверхъ того по неограниченному великодушію своему далъ еще намъ 100 фр., дабы мы черезъ оныя во Франкфуртѣ поправили столь неблагоприятныя свои обстоятельства; но по многочисленности труппы, малому сбору концертовъ и по заграничной дороговизнѣ, скоро опять подверглись прежней бѣдственной участи. «По описанной крайности во Франкфуртѣ явились мы къ російскому императорскому консулу и заняли у него 500 гульденовъ, съ которыми уже отправились въ Саксонію, изъ Саксоніи въ Австрію, а изъ оной въ Пруссію. По прибытіи же въ Берлинъ 1834 года въ августѣ мѣсяцѣ, російскій посланникъ объявилъ намъ указъ о состоявшейся по всей нашей имперіи новой народной переписи 8-й ревизіи, «по коей мы обязаны подпискою въ законо-положенный срокъ избрать родъ жизни». Но какъ мы прямо не могли отправиться по той же бѣдности въ отчизну, а отпускныя наши находились, кажется, въ московскомъ гражданскомъ обществѣ, то, не предпринимая ничего до личнаго возвращенія, за

неотысканіемъ свѣдующаго въ Россійскомъ гражданскомъ порядкѣ юриста, отправились за дешевую цѣну на купеческомъ суднѣ, съ прусскимъ капитаномъ Юганомъ Гартвигомъ черезъ Данію въ Россію, на томъ условіи, что онъ насъ доставитъ въ Кронштадтъ, какъ продать въ Даніи товаръ».

Далѣ въ прошеніи выражено желаніе всѣхъ музыкантовъ поступить на службу въ петербургскую театральную дирекцію. 8 человѣкъ изъ нихъ, по собственному ихъ заявленію, могли хорошо играть въ оркестрахъ, а трое умѣли хорошо переписывать ноты. Остальныхъ шесть человѣкъ они предлагали употребить, куда заблагоразсудится дирекціи. Объ ихъ способностяхъ къ музыкѣ они предлагали справиться у директора московскаго французскаго театра, гдѣ они играли долгое время, еще будучи господскими людьми.

По произведенному испытанію оказалось, что почти всѣ они имѣютъ прекрасныя способности къ музыкѣ, а погому и было рѣшено принять ихъ на службу, обязавъ выслужить установленный указомъ Правительствующаго Сената отъ 31-го іюня 1823 года десятилѣтній срокъ, съ тѣмъ что если кто изъ нихъ, не прослуживъ десяти лѣтъ, уйдетъ со службы, то подвергается возвращенію въ первобытное состояніе съ платежемъ по прежнему податей. Определеніе о принятіи на службу этихъ музыкантовъ состоялось 1-го іюня 1835 года. Семеро изъ нихъ, были назначены скрипачами въ театральные оркестры съ жалованьемъ въ 600 руб. въ годъ и казенною квартирою; пятерыхъ сдѣлали пѣвчими по русской труппѣ, назначивъ имъ по 400 руб. въ годъ жалованья и по 100 руб. на квартиру. Изъ остальныхъ, двоихъ определили въ бутафорскіе помощники, а о троихъ свѣдѣній въ дѣлѣ не имѣется.

Въ заключеніе нашего очерка приведемъ нѣсколько краткихъ выдержекъ изъ двухъ дѣлъ архива театральной дирекціи, рисующихъ хотя нѣсколько односторонне, бытъ музыкантовъ изъ крѣпостныхъ на службѣ петербургскихъ императорскихъ театровъ и отношеніе къ нимъ начальства. Первое изъ этихъ дѣлъ носитъ заглавіе: «По изслѣдованію о поступкахъ музыканта Черникова, заявленнаго посторонними людьми въ развратномъ образѣ жизни», и другое «Объ отдачѣ пѣвчаго Емельяна Прусова въ военную службу». Всѣ подобныя дѣла, а ихъ не мало въ театральномъ архивѣ, возникали обыкновенно изъ-за проступковъ артистовъ. О каждомъ проступкѣ, не говоря уже о болѣе серьезныхъ, наказаніе за которые влекло, напримѣръ, отдачу виновнаго въ солдаты, велась самая подробная переписка. Смотритель театра, капельмейстеръ, инспекторъ музыки, смотритель дома, гдѣ жили артисты, вообще одинъ изъ ближайшихъ начальниковъ дѣлалъ письменное

донесеніе въ дирекцію. Тотчасъ же начиналось разслѣдованіе, отъ виновнаго отбиралось письменное показаніе, допрашивались свидѣтели, наводились справки о прежней жизни лица, о которомъ велось дѣло и т. д. Въ концѣ концовъ иногда изъ-за ничтожнаго проступка составлялось дѣло листовъ въ 10—15.

Содержаніе дѣла о музыкантѣ Черниковѣ вовсе не оправдываетъ его громкаго заглавія, которое мы привели выше. Въ декабрѣ 1830 года находящійся при императорскихъ петербургскихъ театрахъ гобоистъ Андрей Черниковъ, жившій съ своею матерью въ 9-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ дѣвицы Мемлеровой, отлучившись изъ дому, не являлся въ теченіе четырехъ дней на службу, а затѣмъ возвратился изъ странствованій по трактирнымъ заведеніямъ «совершенно безъ одежды», за что и былъ посаженъ подъ арестъ въ Большомъ театрѣ. По сдѣланному допросу Черниковъ показалъ: «что по молодости лѣтъ онъ былъ завлеченъ посторонними людьми въ развратную жизнь, и будучи въ нетрезвомъ видѣ лишился своей одежды, оставленной въ разныхъ трактирахъ, а именно: плащъ у проживающаго у Синяго моста въ подмастерьяхъ у мастера Мильса—Карла Иваныча, жилетъ, манишка и галстукъ въ царицынскомъ трактирѣ, что противъ дома Лобанова, брюки въ Екатерингофской рестораціи, а казенный театральнй гобой въ трактирѣ «Отель дю-Норъ», что въ Офицерской улицѣ. Кромѣ этого показанія, отъ Черникова отобралъ письменное объясненіе смотритель Большаго театра Лащевскій и, кромѣ того, ему приказали дать письменное подробное показаніе по пунктамъ для дирекціи. Приказаніе дирекціи было исполнено, хотя Черниковъ отвѣчалъ не по пунктамъ, а изложилъ, какъ умѣлъ, исторію своихъ похужденій въ пьяномъ видѣ.

Его разсказъ вышелъ довольно несвязенъ и показанія сбивчивы, чего впрочемъ и можно было ожидать. Свою чистосердечную исповѣдь онъ заканчиваетъ указаніями мѣста, гдѣ былъ оставленъ имъ гобой. «Инструментъ мой, — пишетъ онъ — въ Отель дю-Норѣ, въ трактирѣ на Офицерской заложенъ у маркера Ивана за 30 рублей, а брато денегъ не болѣе 14 рублей, остальные все проценты». Къ счастью для Черникова его гобой скоро нашли и, отобравъ у маркера Ивана, доставили въ Большой театръ. Но этимъ дѣло еще не кончилось. Черникова отправили изъ-подъ ареста къ слѣдственному приставу Борисову для отобранія показаній. По этому случаю велѣно было гардеробмейстеру Нарышкину отпустить для Черникова одежду изъ театральнаго гардероба. Нарышкинъ, выдавъ костюмъ для Черникова подъ росписку смотрителя театра Лащевскаго, рапортовалъ въ контору, что имъ «отпущено изъ французскаго характера фракъ черный, брюки синіе, жилетъ черный шелковый, косынка чернаго коленкору и манишка бѣлаго коленкору». Въ сентябрѣ 1832 года въ театральную контору по-

ступило увѣдомленіе отъ слѣдственнаго пристава Степановскаго, что «дѣло о музыкантѣ Черниковѣ нынѣ изслѣдованіемъ окончено и представлено въ петербургскую управу благочинія къ разсмотрѣнію». Чѣмъ окончилось это дѣло, понесъ ли Черниковъ, кромѣ своего ареста, другое наказаніе и остался ли онъ на службѣ намъ не извѣстно. Тѣмъ не менѣе оно очень любопытно, какъ образчикъ тогдашей театрално-судебной волокиты.

Не менѣе характерно дѣло о пѣвчемъ Емельянѣ Прусовѣ. Начинается оно прошеніемъ театральнаго пѣвчаго афросимовскаго хора Емельяна Прусова о дозволеніи жениться на дѣвицѣ Елизаветѣ Ивановой Водопьяновой, вольноотпущенной генераль-маіора Льва Александровича Нарышкина. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что Емельянъ Ефимовъ, именующійся Прусовымъ, поступилъ въ дирекцію въ числѣ людей, купленныхъ въ 1829 году по высочайшему повеленію отъ полковника Афросимова²⁾. Жалованье производится ему по 250 руб. въ годъ съ казенною квартирою и отопленіемъ. 23 марта 1832 года Прусову было выдано изъ дирекціи свидѣтельство, что на бракъ его съ означенною дѣвицею дирекція препятствій не имѣетъ. 1-го мая того же года Прусовъ сдѣлался законнымъ обладателемъ дѣвицы Водопьяновой, и получилъ съ этого мѣсяца прибавку къ жалованью, въ размѣрѣ 50 р. въ годъ, которая обыкновенно назначалась музыкантамъ, вступавшимъ въ бракъ, на содержаніе жены.

Недолго однако супруги Прусовы наслаждались семейнымъ счастіемъ. Еще до истеченія годичнаго срока со дня брака смотритель за театральными домами Закаспійскій донесъ дирекціи, что «живущій въ домѣ г. Вольфа, занимаемомъ дирекціей, на казенной квартирѣ пѣвчій Емельянъ Прусовъ, женившійся въ прошломъ году на дѣвицѣ Е. Ивановой ведетъ съ нею жизнь самую несогласную. Оба они ежедневно ссорятся, бранятся, дерутся, бѣгаютъ безпрестанно другъ на друга жаловаться, даже во время ночи, отъ чего происходитъ въ домѣ безпокойство и живущіе близъ сосѣди выходятъ изъ терпѣнія. О чемъ донося, покорнѣйше прошу контору пѣвчаго Прусова съ женою выслать изъ дому на собственную квартиру».

Въ то же самое время на Прусова жаловался инспектору російской труппы А. И. Храповицкому учитель театралныхъ пѣвчихъ Я. Воробьевъ: «Вчерашняго числа—писалъ онъ въ прошеніи—около 6 час. вечера означенный Прусовъ во время моей отлучки пришелъ въ квартиру мою и будучи въ самомъ хмѣльномъ и развращенномъ видѣ, поносилъ всякими обидными словами больную

¹⁾ См. «Дѣло о продажѣ помѣщикомъ Афросимовымъ дворовыхъ людей въ числѣ 13 чел.», приведенное въ брошюрѣ Е. Альбрехта «Прошлое и настоящее оркестра». С.-Петербургъ, 1886 г.

жену мою, грозилъ ей побоями, перепугалъ малолѣтнихъ моихъ и актера Сибирякова дѣтей и до того простеръ свое буйство, что едва не задушилъ кухарку мою хотѣвшую его вывести вонъ! Жена же моя была принуждена для спасенія своего и дѣтей едва встать съ постели и запереться въ особой комнатѣ!.. Таковыя поступки пѣвчаго Прусова отъ его нетрезвости происходятъ всякій день въ квартирѣ съ женою его и съ матерью».

Какія послѣдствія имѣла эта жалоба неизвѣстно. Изъ слѣдующаго донесенія зрителя Закаспійскаго видно, однако, что вскорѣ послѣ буйства, учиненаго 8 апрѣля и о которомъ сдѣлалось извѣстно начальству, Прусовъ заболѣлъ и находился нѣкоторое время въ больницѣ. Вотъ новая жалоба Закаспійскаго на Прусова, посланная 22 іюня 1833 года: «Афросимовскаго хора пѣвчій Емельянъ Прусовъ, по выходѣ изъ больницы, началъ опять вести съ женою своею Е. Ив. жизнь несогласную, еженедѣльно ссорясь, а сего числа, бывъ въ трезвомъ видѣ, бранился съ живущими по сосѣдству пѣвчими, ихъ женами и съ работницею пѣвчаго Воробьева, съ которою и подрался, а какъ его унять невозможно, то вынужденнымъ нахожусь, представивъ его при семъ, покорнѣйше просить отослать его въ Большой театръ подъ арестъ для усмиренія».

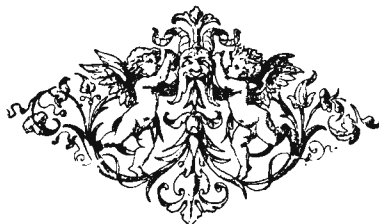
Вмѣстѣ съ этой жалобой, Прусова отправили въ Большой театръ, гдѣ онъ просидѣлъ подъ арестомъ нѣсколько дней. Но Прусовъ не унимался. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ небольшимъ онъ снова подрался съ женою, которая кричала «караулъ» и шумомъ напугалъ прочихъ жильцовъ казеннаго дома и ихъ дѣтей. За это его снова посадили подъ арестъ, при чемъ контора просила А. И. Храповицкаго высказать свое мнѣніе на счетъ мѣръ къ исправленію Прусова. А. И. Храповицкій, изслѣдовавъ дѣло, нашель, что всему виною жена Прусова, и что причинами ихъ семейныхъ ссоръ служить ревность. Прусовъ съ давняго времени подозрѣвалъ жену, что она имѣетъ непозволительную связь съ музыкантомъ Жердевымъ. По справкамъ оказалось также, что до женитьбы Прусовъ велъ жизнь трезвую, но поведеніе жены довело его до пьянства. Потому А. И. Храповицкій полагалъ «учинить нѣкоторое приличное наказаніе женѣ Прусова», или дать ей паспортъ, чтобы она не жила съ нимъ, на что, однако, Прусовъ добровольнаго согласія не давалъ.

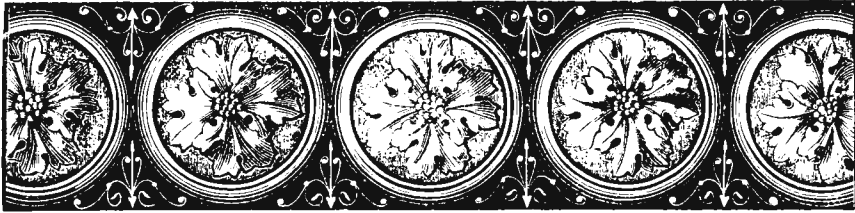
Разсмотрѣвъ донесеніе Храповицкаго и всѣ жалобы на Прусова, директоръ театровъ Геденовъ 4-го сентября 1833 г. сдѣлалъ предписаніе конторѣ: «для исправленія музыканта Прусова назначить его, впредь до приказанія, въ истопники къ Александринскому театру, съ производствомъ равнаго противу прочихъ содержанія, по 240 р. въ годъ; нынѣ же получаемое имъ съ женою содержаніе прекратить, объявивъ притомъ Прусову, что если онъ будетъ еще разъ замѣченъ въ дурномъ поведеніи, то, при первомъ слу-

чаѣ, будетъ отданъ въ военну службу. Но даже такое наказаніе, какъ разжалованіе въ истопники, не исправило Прусова. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ зритель Александринскаго театра не могъ поручить ему никакого занятія, такъ какъ онъ постоянно обрѣтался въ пьянствѣ и, наконецъ, сталъ съ себя пропивать одежду и свое имущество. Вслѣдствіе этого дирекція, находя Прусова совершенно бесполезнымъ для себя, исключила его изъ своего вѣдомства и, испросивъ у министра двора разрѣшеніе на отдачу его въ рекруты, препроводила 14 ноября въ петербургское рекрутское присутствіе. Послѣднее увѣдомило контору театровъ, «что присланный въ присутствіе пѣвчій Емельянъ Ефимовъ Прусовъ въ рекруты 16-го ноября 1833 года принятъ и сданъ въ петербургскій внутренній гарнизонный батальонъ».

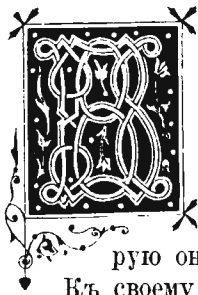
Е. Опочининъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОДЕССА И ПУШКИНЪ. ¹⁾

ОТЪ ЧТО рассказываетъ одна старая мусульманская легенда. Жилъ нѣкогда благочестивый человекъ по имени Хызръ. Господь Богъ продлилъ его жизнь несравненно больше жизни другихъ людей, чтобы онъ могъ лучше уяснить себѣ смыслъ бытія человѣческаго. Хызръ странствуетъ по землѣ; разъ проходить онъ по одной мѣстности, которую онъ зналъ прежде, какъ не населенную пустыню.

Къ своему удивленію, онъ видитъ теперь здѣсь прекрасно обработанную страну и въ ней большой, богатый городъ.

— Давно ли построенъ этотъ городъ? — спрашиваетъ онъ у одного изъ жителей.

— Какъ давно ли? Да онъ всегда стоялъ здѣсь!

Улыбнулся Хызръ и пошелъ своей дорогой. Прошло пятьсотъ лѣтъ. Хызръ опять былъ на томъ же мѣстѣ. Смотритъ: города нѣтъ и слѣдовъ; снова кругомъ пустыня, по которой рыщутъ дикіе звѣри, да кое-гдѣ бродятъ пастухи съ своими стадами.

— Давно ли погибъ стоявшій здѣсь городъ? — спрашиваетъ Хызръ самаго стараго пастуха.

— Никакого города никогда здѣсь и не бывало, — отвѣчаетъ пастухъ, — здѣсь всегда была пустыня.

Проходить еще пятьсотъ лѣтъ, и Хызръ опять на томъ же мѣстѣ. Снова тамъ раскинулся городъ еще лучше прежняго, и его жители снова считаютъ его вѣчнымъ: они ничего не слышали ни о пустынѣ, ни о древнемъ городѣ.

¹⁾ Рѣчь, читанная при открытіи памятника Пушкину въ Одессѣ, 16-го апрѣля 1869 г.

Трудно указать на земномъ шарѣ уголокъ, къ которому лучше подходила бы эта легенда, чѣмъ подходитъ она къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, древняго Понта Эвксинскаго.

За четыре столѣтія до Рождества Христова, когда вся равнина нынѣшней Россіи представляла «хаоса бытность довременну», когда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ стоятъ самые обширные и населенные города ея, рыскали стадами дикіе звѣри, эти берега были покрыты греческими колоніями, посредствомъ которыхъ великій народъ древности повсемѣстно распространялъ культуру своей славной родины. Греки строили не однѣ торговыя конторы и жилища для купцовъ и ихъ приказчиковъ, но и храмы, и театры, и палестры для упражненія молодежи, а окрестности своихъ колоній украшали изящными дачами. Во всѣ стороны отъ нынѣшней Одессы были города, населенные свободнымъ и умнымъ народомъ: приблизительно въ 40 верстахъ отъ устья Днѣпра стоялъ богатый и славный городъ Ольвія; еще ближе къ намъ, у устья Тилигула, былъ Odessós, а на этомъ самомъ мѣстѣ былъ какой-то торговый поселокъ, называвшійся Гавань истрианская ¹⁾. И здѣсь, конечно, были изящныя дачи, и здѣсь 2,000 слишкомъ лѣтъ назадъ, можетъ быть, читали діалоги Платона и разбирали политику Аристотеля.

Прошло 700 — 800 лѣтъ, и отъ этой высокой цивилизаціи, по видимому, не осталось и слѣдовъ: въ землѣ и мусорѣ были скрыты греческія вазы, обломки колоннъ, монеты и изящныя золотыя украшенія. На пустынныхъ берегахъ только изрѣдка появлялись отряды дикихъ всадниковъ, рыщущихъ за добычей; да кое-когда заѣзжали въ бухты рыбацкія лодки, чтобы раскинуть свои сѣти. Только уцѣлѣвшія мѣстами группы одичавшихъ плодовыхъ деревьевъ свидѣтельствовали о прежней культурѣ; если подъ этими деревьями заводился поселокъ, готы, выѣзжавшіе въ море на лодкахъ-однодеревкахъ, или наши предки спѣшили разграбить его.

Прошло еще 800 лѣтъ. На сѣверъ отъ степей нынѣшней Новороссіи сложились сильныя государства, которыхъ не могло разрушить, а развѣ только временно ослабить, даже татарское нашествіе; въ Крыму уже погибъ послѣдній оплотъ грековизантійской культуры Херсонесъ; сама Византійская имперія замѣтно клонится къ упадку, а полоса черноморскаго берега между Днѣстромъ и Днѣпромъ вновь оказывается заселенною, и на мѣстѣ Истрианской гавани стоитъ, по видимому, довольно важный торговый портъ, который поляки называли Кочубеемъ, а татары — Хаджибей ²⁾, и который, можетъ быть, не одинъ разъ переходилъ изъ рукъ въ

¹⁾ Ἰστριανὸν λιμὴν. См. у Арріана.

²⁾ У польскихъ историковъ Casybei, Caczibei, Kaczibei, Koczubiniow, Kaczuklenow и даже Casutius.

«истор. вѣстн.», июнь, 1889 г. т. xxxvi.

руки. Въ 1415 г. отсюда польскій король Владиславъ II посылаетъ хлѣбъ стѣсненному Константинополю; въ 1540 г. Хаджибей уже принадлежитъ татарамъ, а черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого онъ лежитъ въ развалинахъ ¹⁾.

Прошло еще около 200 лѣтъ, Хаджибей, вполнѣ отатарившійся, опять оказывается густо населеннымъ, прекрасно укрѣпленнымъ и настолько богатымъ мѣстечкомъ, что запорожскіе казаки, получившіе отъ русскаго правительства право «чинить поискъ» надъ татарами два года подъ рядъ ²⁾, забираютъ въ форштадтѣ и окрестностяхъ огромную добычу, но крѣпости ни въ тотъ, ни въ другой разъ, взять не могутъ, не имѣя пушекъ.

14-го сентября 1789 г. Хаджибей взятъ русскими войсками и разрушенъ до основанія; его жители бѣжали къ своимъ единовѣрцамъ въ Крымъ или въ Турцію, а остальные были перебиты или взяты въ плѣнъ.

Завоеватели Хаджибея пришли издалека; ихъ безграничная родина была заселена очень недостаточно; во вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ у устьевъ многоводныхъ рѣкъ ими только-что основано или возобновлено нѣсколько городовъ, тоже нуждающихся въ рабочихъ силахъ. Не естественно ли было ожидать, что они надолго, если не навсегда, покинутъ это разоренное гнѣздо татарское, безводное и безлѣсное, и что пророкъ божій Хызръ, посѣтивъ это мѣсто черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, также напрасно будетъ искать слѣдовъ Хаджибея, какъ когда-то напрасно искалъ Истрианской гавани?

Но въ Россіи въ это время царствовала геніальная женщина, которая и сама умѣла пользоваться уроками исторіи и въ высокой степени обладала главной добродѣтелью государей—умѣнемъ выбирать людей; на наше счастье такъ случилось, что чуть ли не самые зоркіе изъ орловъ екатерининскихъ обратили свои вѣщія взоры на эту, повидимому, неприглядную мѣстность: говорятъ ³⁾, что Потемкинъ былъ занятъ мыслию о будущности Хаджибея еще прежде, чѣмъ онъ попалъ въ наши руки, а великій Суворовъ въ іюнѣ 1793 г. самъ заложилъ здѣсь русскую крѣпость. Но еще за годъ до того Екатерина твердо рѣшила, что на этой самой «полувозвышенности», гдѣ мы теперь находимся, «полагается быть городу» ⁴⁾.

Исторія войнъ Екатерины съ Турціей есть исторія пріобрѣтенія и закрѣпленія Новороссіи и Крыма, лучшаго алмаза въ коронѣ русской имперіи.

¹⁾ См. Орловъ. «Историческій очеркъ Одессы съ 1794 по 1803 г.», стр. XIII.

²⁾ 1769 и 1770 г. См. статью Бруна, I выпускъ «Трудовъ одесскаго статистическаго комитета» (Одесса, 1865 г.), стр. 42.

³⁾ См. «Любопытная исторія славнаго города Одессы, Левашева 1819 г.» Перепечатана въ «Одесск. Вѣстн.», 1844 г., № 90.

⁴⁾ Донесеніе Каховскаго отъ 5 мая 1792 г.

115 лѣтъ назадъ, по окончаніи первой турецкой войны, Россія получила земли по Черному морю между Днѣпромъ и Бугомъ; завоеванный Крымъ она возвратила, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ сдѣлался независимымъ отъ Турціи: она знала, что свобода не послужитъ въ прокъ политически вымирающему народу и что Крымъ скоро падетъ къ ея ногамъ. Черезъ годъ къ имперіи присоединено Запорожье, т. е. 100,000 сильныхъ и энергичныхъ людей. Тогда же въ нашъ край въ большомъ количествѣ выселяются утѣсняемые турками греки и славяне и здѣсь находятъ себѣ новое отечество.

Въ 1778 г. Екатерина спѣшитъ закрѣпить за собою новое пріобрѣтеніе и начинаетъ строить Херсонъ. Черезъ 5 лѣтъ безъ войны занять Крымъ, а черезъ 9 лѣтъ Екатерина совершаетъ свое знаменитое путешествіе по югу Россіи. Пусть это путешествіе стоило дорого, пусть чиновники Потемкина обманывали или, по крайней мѣрѣ, старались обмануть государыню, это была мудрая мѣра. Я убѣжденъ, что еслибы англійскіе короли совершили нѣсколько путешествій въ свои сѣверо-американскія колоніи, штаты не могли бы такъ скоро отдѣлиться отъ метрополіи.

Въ томъ же 1787 г. началась вторая турецкая война, во время которой взятъ Хаджибей и съ которой начинается исторія Одессы.

Трудно найти во всей Европѣ городъ, прошлое котораго было бы такъ поучительно и, смѣю сказать, такъ утѣшительно для всякаго, кто живетъ вѣрою въ прогрессъ своего народа и всего человѣчества. Въ исторіи новой Россіи основаніе Одессы и быстрый ростъ ея—фактъ огромной важности, такой же, какъ и основаніе Петербурга за 100 лѣтъ до того.

Въ далекомъ прошломъ Русь знала оба моря, и южное, и Варяжское, и оба могла считать своими; великія бѣды, которыя способны были сломать на вѣки силы всякаго другого менѣе живучаго народа, заперли насъ съ той и съ другой стороны и затолкали насъ вглубь материка. Петръ I, послѣ неудачной попытки укрѣпиться на Черномъ морѣ, прорубаетъ окно въ Европу на морѣ Балтійскомъ и тѣмъ приводитъ насъ «изъ небытія въ бытіе».

Екатерина II, возвращая намъ наше исконное русское море и устраивая въ бывшемъ Хаджибейѣ «военную гавань кунно съ пристанью для купеческихъ судовъ» ¹⁾, не только приводитъ въ исполненіе замыселъ своего великаго предпшественника, но и открываетъ намъ великое будущее.

Что Петръ и Екатерина дѣйствовали не въ силу личныхъ желаній, а въ силу яснаго пониманія задачъ Россіи, очевидно, на ранней исторіи городовъ, ими основанныхъ. Какъ не хотѣлось боярамъ изъ своихъ палатъ московскихъ переселяться въ холод-

¹⁾ Указъ Зубову въ маѣ 1794 г.

ную и сырую Ингерманландію, и съ какой радостью при Петрѣ II они покидали Васильевскій островъ! А все же Петербургъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Сколько бѣдъ перенесла Одесса въ свой короткій вѣкъ, а все же она крѣпла и хорошѣла и исполняла свою историческую миссію! Ее создалъ геній Екатерины, а геній народа ее выростилъ.

Смотрите, какъ быстро, совсѣмъ по сказочному растетъ эта дочка великой императрицы. Въ 1793 г., когда мысль основать на мѣстѣ Хаджибея русскій городъ уже совсѣмъ созрѣла, и начались работы для постройки большой крѣпости, въ поселкѣ хаджибейскомъ было всего 28 жителей (22 мужского пола и 6 женскаго). Въ 1794 г. 27-го мая является знаменитый указъ о Хаджибеѣ, а 22-го августа митрополитъ уже освящаетъ городъ, въ которомъ насчитываютъ 600 домовъ и землянокъ. Въ слѣдующемъ 1795 году въ городѣ, уже носящемъ названіе Одессы, почти 2,400 жителей (1,625 мужчинъ и 734 женщинъ), кромѣ войска, матросовъ и чиновниковъ; въ ея гавань въ этомъ году пришло 39 кораблей и 22 уѣхали съ грузомъ, а въ слѣдующемъ 1796 году число экспортирующихся кораблей почти утроилось. На работы въ Одесскомъ портѣ императрица въ этомъ году затратила огромную по тому времени сумму въ 312,000 рублей. Городъ уже былъ благоустроенъ: въ немъ былъ магистратъ (съ 14-го января 1796 г.), городской голова и бургомистры, а высшимъ правительственнымъ лицомъ былъ завоеватель Хаджибея и градостроитель Одессы вице-адмиралъ Де-Рибасъ. Тогда же въ Одессѣ была учреждена цензура для иностранныхъ книгъ: очевидно, она уже тогда доставляла Россіи и умственные товары Европы. Въ ноябрѣ того же 1796 года Одесса получила печальную вѣсть о смерти своей великой основательницы.

При императорѣ Павлѣ, Одессѣ, какъ извѣстно, жилось плохо: уже въ декабрѣ 1796 г. приостановлены постройки въ портѣ, отозванъ цензоръ, распущенъ греческій легіонъ, уничтожена верфь (въ Кичкасахъ, учрежденная Де-Рибасомъ), а чрезъ 2 года, по просьбѣ не русскихъ одесситовъ, закрытъ русскій магистратъ и введены, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ, остзейскіе и шведскіе законы, въ которыхъ почти никто не понималъ ни слова.

Въ 1799 году, пятнадцатая Одесса совсѣмъ пропадала, вслѣдствіе открытія порто-франко въ Крыму и запрещенія вывоза хлѣба. Но младенецъ былъ живъ и отчаянно боролся за свое существованіе. Въ 1800 году, одесситы посылаютъ ходоковъ въ далекій Петербургъ и подарокъ государю—300 апельсиновъ. Павелъ милостиво принялъ подарокъ и благодарилъ одесситовъ письмомъ, но прошеніе ходоковъ возвратилъ «съ наддраніемъ, яко не дѣльное». Одесситы и тутъ не опустили рукъ: они вторично обратились съ моленіемъ къ императору—дать имъ хоть средства портъ застроить.

Павель уступилъ ихъ настояніямъ, пожертвовалъ имъ матеріалы и далъ 250,000 р. взаймы.

Но вотъ на престолъ вступаетъ истинный наслѣдникъ дѣль Екатерины Александръ I, и Одесса можетъ смѣло смотрѣть въ глаза будущему. Сейчасъ же одесситы командируютъ въ столицу одного изъ лучшихъ гражданъ своихъ Кирьякова; онъ хотѣлъ-было ѣхать на свой счетъ, но городъ не согласился на такое великодушіе и опредѣлилъ ему и двумъ его помощникамъ на издержки 100,000 руб. Поѣздка Кирьякова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: сенатъ отмѣнилъ неисполнимые остзейскіе законы, государь продолжилъ льготы, которыя даровала новорожденной Одессѣ его великая бабка, съ 10 лѣтъ на 25, велѣлъ обращать $\frac{1}{10}$ часть таможенныхъ сборовъ въ пользу города, а что всего важнѣе: далъ 10-лѣтнему многообъщающему ребенку-городу въ воспитатели истиннаго отца—герцога Ришелье, сдѣлалъ его отвѣтственнымъ только передъ нимъ императоромъ.

Теперь судьба Одессы была вполне обезпечена; но изъ той вѣдомости, которую потребовалъ себѣ Ришелье, сейчасъ же по пріѣздѣ, оказалось, что и въ царствованіе Павла, при всѣхъ невзгодахъ, Одесса все же росла и крѣпла. Жителей въ ней было уже почти 9,000 человекъ и торговый оборотъ съ 1800 г. по 1802 г. болѣе, чѣмъ удвоился.

Одиннадцать лѣтъ управленія Ришелье—одиннадцать ступеней развитія Одессы. Ришелье съ полнымъ основаніемъ могъ бы сказать про себя, что онъ принялъ городъ глинянымъ, а оставилъ — каменнымъ. Число жителей, не смотря на страшную чуму 1812 года, которая унесла $\frac{1}{3}$ часть населенія (а безъ энергіи Ришелье могла бы унести половину) болѣе, чѣмъ утроилось; торговый оборотъ, не смотря на войны, не смотря на трехсотъ-тысячное пожертвованіе одесситовъ во время нашествія Наполеона, увеличился, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ; городъ сталъ административнымъ центромъ для всего обширнаго края; въ 1804 г. основана коммерческая гимназія, а въ 1811 г. при ней институтъ, въ томъ же году—институтъ для дѣвицъ и т. д., и т. д.

Кто изъ насъ не читалъ, какъ 27-го сентября 1814 г. одесситы массою болѣе, чѣмъ въ 10,000 человекъ провожали своего дюка за нѣсколько верстъ отъ города съ воплями и слезами и кто можетъ заподозрить искренность этихъ слезъ? Въ этотъ день разноплеменная толпа жителей Одессы проявила лучшее чувство толпы: признательность за честный и великодушный трудъ. Да и какъ бы одесситы могли не жалѣть объ отъѣздѣ Ришелье? Сынъ далекой Франціи, принадлежавшій и по рожденію, и по убѣжденіямъ къ тому классу, въ которомъ, по общему мнѣнію, воплотился старый порядокъ, такъ холодно относившійся къ интересамъ массы, аристократъ-эмигрантъ, начальствуя въ юной Одессѣ, живетъ, какъ

спартанецъ, работаетъ, какъ Петръ Великій, входитъ въ интересы всѣхъ и каждого, зорко вглядывается въ будущее города и края, устанавливаетъ строгій порядокъ въ буйной массѣ разноплеменныхъ пришельцевъ и изгнанниковъ, усердно добивается для нихъ всякихъ льготъ и милостей, и все это дѣлаетъ такъ кротко, гуманно, такъ пофранцузски любезно и такъ поевропейски обдуманно! Можно ли послѣ этого удивляться, что первый монументъ, который столица Новороссіи воздвигла у себя, былъ памятникъ иноземцу? Люди труда и дѣятельной любви къ ближнимъ, на какомъ бы языкѣ ни говорили они, всѣ принадлежать къ одной великой націи — къ человѣчеству.

Герцога Ришелье замѣнилъ во всѣхъ должностяхъ тоже французъ, Ланжеронъ (но уже русскій подданный). Онъ идетъ по слѣдамъ своего предшественника, и городъ прогрессируетъ также быстро. Въ 1817 году, въ Одессѣ открытъ Ришельевскій лицей ¹⁾ и объявлено *porto-franco*. На сѣверѣ у многихъ существуетъ убѣжденіе, что нашъ городъ всѣмъ своимъ значеніемъ и богатствомъ обязанъ исключительно этой рѣдкой привилегіи. Насколько оно неосновательно, видно не только изъ нынѣшняго состоянія Одессы, но и изъ того, что раньше открытія дѣйствій этой привилегіи городъ могъ безъ всякаго отягощенія затратить 300,000 руб. на проведеніе таможенной линіи.

Около того же времени Одесса начинаетъ свою политическую миссію, какъ ближайшее убѣжище для нашихъ гонимыхъ единовѣрцевъ и передовой постъ Россіи противъ тогда могущественной Турецкой имперіи. Еще въ концѣ 1814 года въ нашемъ юномъ городѣ образовалось тайное общество, которое играло такую важную роль въ исторіи освобожденія греческаго народа, я разумѣю гетерію ²⁾.

Съ 1821 года одесскіе греки посылаютъ людей и оружіе возставшимъ единоплеменникамъ ³⁾, а въ Одессу цѣлыми кораблями ѣдутъ греческіе эмигранты, на пособіе которымъ императоръ Александръ ассигнуетъ огромныя суммы ⁴⁾. Сюда привезено тѣло замученнаго константинопольскаго патріарха Григорія и торжественно погребено въ греческой церкви. Дѣти изъ семействъ эмигрантовъ принимаются на казенный счетъ въ лицеѣ и въ институтѣ, а вскорѣ является и особое греческое училище.

Какъ бы ни былъ уменъ и добръ гувернеръ-иностранецъ, онъ

¹⁾ Первый его начальникъ тоже французъ: аббатъ Николь.

²⁾ Основатель гетеріи былъ одесскій приказчикъ Николай Скуфасъ. См. *Gervinus, Insurrection et régénération de la Grèce*. I, 146. Paris 1863.

³⁾ См., между прочимъ, письмо Пушкина къ Раевскому. (Изд. литер. фонда, VII, стр. 19).

⁴⁾ 150,000 рублей единовременно и, кромѣ того, 13,000 рублей ежегодно изъ таможенныхъ доходовъ.

можетъ оставаться при юношѣ только до тѣхъ поръ, пока послѣдній не дѣлается гражданиномъ и политическимъ дѣятелемъ. Такъ и для Одессы наступила такая пора, когда иностранцы-правители должны были уступить мѣсто природнымъ русскимъ. Съ 1823 года высшимъ правительственнымъ лицомъ въ городѣ и во всемъ краѣ становится графъ Воронцовъ; начинается русскій періодъ въ нашей исторіи, и въ этомъ же году въ Одессу переселяется великій русскій поэтъ, которому сегодня мы открыли памятникъ.

Когда лѣтомъ 1823 года запыленная тройка ввезла въ Одессу коллежскаго секретаря Александра Пушкина, прикомандированнаго къ канцеляріи мѣстнаго генераль-губернатора, одесситы, присматриваясь къ его черной, невзрачной фигуркѣ, конечно, не могли ожидать, что черезъ 66 лѣтъ ихъ внуки не одинъ день своей дѣловой жизни посвятятъ чествованію его памяти, что его монументъ будетъ стоять на томъ же бульварѣ, гдѣ стоитъ бронзовая фигура ихъ дюка и что рядомъ съ Риппельевской улицей черезъ весь городъ протянется улица Пушкинская. Вообще одесситы, слишкомъ мало въ то время интересовавшіеся судьбами русской литературы, вовсе не были обрадованы пріѣздомъ Пушкина, зато Пушкинъ былъ очень радъ своему переѣзду въ Одессу.

Молодой поэтъ зналъ нашъ городъ еще прежде, и уже въ мартѣ 1821 года, сейчасъ же по переселеніи въ Кишиневъ, собирается съѣздить въ Одессу ¹⁾. Въ маѣ онъ исполнилъ свое намѣреніе ²⁾ (прожилъ въ Одессѣ достаточно долго, чтобы дописать своего «Кавказскаго плѣнника»). Одесса, кромѣ моря, привлекала Пушкина прежде всего, какъ онъ выражается, чистымъ европейскимъ воздухомъ, въ которомъ ему легко дышется, внѣшней и внутренней культурой лучшей части своего общества, а наконецъ, отсюда онъ могъ лучше слѣдить за судьбою греческаго возстанія, которое на столько интересовало его, что онъ велъ ему спеціальныя дневники. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ постоянно рвался сюда изъ Кишинева.

Въ іюлѣ 1823 года, онъ пріѣхалъ въ Одессу на время, чтобы покупаться въ морѣ, и сейчасъ же почувствовалъ, что европейская жизнь «обновила ему душу» ³⁾. Между тѣмъ въ Одессу пріѣхалъ графъ Воронцовъ, принялъ Пушкина очень ласково и объявилъ ему, что онъ переведенъ на службу въ Одессу ⁴⁾. Пушкинъ погоревалъ о Кишиневѣ, какъ о тюрьмѣ, къ которой онъ привыкъ,

¹⁾ Письмо къ Дельвигу отъ 23-го марта (изд. латер. фонда, VII, 15): «Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ и скоро оставляю благословенную Бессарабію: есть страны еще благословеннѣе».

²⁾ Анненковъ. Матеріалы и пр., стр. 80.

³⁾ Изд. латер. фонда, VII, стр. 51.

⁴⁾ Изъ письма Пушкина къ А. И. Тургеневу отъ 1-го декабря 1823 года видно, что это случилось по ходатайству послѣдняго.

сѣзидилъ туда проститься съ близкими людьми и потомъ вернулся въ Одессу на житье. Какъ извѣстно, онъ оставался здѣсь всего одинъ годъ и потомъ, вслѣдствіе перехваченнаго на пути письма, съ которымъ совпалъ дурной отзывъ о немъ Воронцова, онъ былъ отрѣшенъ отъ службы и высланъ въ имѣніе матери село Михайловское.

Какую роль игралъ этотъ одесскій годъ въ жизни Пушкина и какое вліяніе имѣлъ онъ на развитіе его творческаго генія?

Но прежде чѣмъ отвѣтить на это вопросъ, я позволю себѣ сказать два слова о томъ, что такое представляла изъ себя Одесса въ это время.

Городъ былъ несравненно меньше и бѣднѣе теперешняго; онъ не имѣлъ воды, почти круглый годъ страдалъ или отъ пыли, или отъ невылазной грязи; населеніе его отличалось неимовѣрной пестротой, и на его улицахъ и площадяхъ слышались языки чуть не со всѣхъ концовъ міра. Какъ во всѣхъ портовыхъ городахъ, въ немъ рядомъ съ роскошью богачей была и поразительная, неприкрытая бѣдность и страшный развратъ. Но въ общемъ простой народъ чувствовалъ себя здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, какъ вслѣдствіе хорошаго заработка, такъ и вслѣдствіе значительныхъ льготъ и свободы, которой правительство еще съ екатерининскихъ временъ старалось привлечь сюда жителей: здѣсь позволяли раскольникамъ строить свои церкви, здѣсь сквозь пальцы смотрѣли на безпаспортныхъ и даже на бѣглыхъ крѣпостныхъ.

Господствующимъ классомъ здѣсь были купцы, и дворянскія семьи какъ-бы поглощались коммерческимъ духомъ города. Оттого, не смотря на южное небо и море, не смотря на богатство и разнообразіе эстетическихъ удовольствій, общій характеръ одесской жизни страдалъ нѣкоторой сухостью и прозаичностью: люди слишкомъ много думали о своихъ дѣлахъ и слишкомъ мало жили сердцемъ. Такъ бываетъ всегда въ торговыхъ центрахъ, гдѣ практическая жизнь бьетъ ключемъ, гдѣ время—деньги, и матеріальные интересы подавляютъ всѣ остальные¹⁾.

Вначалѣ Пушкинъ чувствовалъ только отрадныя стороны одесской жизни: онъ увлекался ея европейскими удовольствіями и больше всего театромъ, который посѣщалъ очень часто, чутко прислушивался и присматривался ко всему окружающему. Но этотъ медовый мѣсяцъ былъ непродолжителенъ. Уже въ ноябрѣ этого года Пушкинъ жалуется на Одессу за отсутствіе русскихъ книгъ²⁾, завидуетъ петербургскимъ удовольствіямъ³⁾; въ письмѣ къ Турге-

¹⁾ Объ одесской жизни при Пушкинѣ см. Воспоминанія Вигеля ч. VI, стр. 60, 76—89, 100, 101, 104—109, 137. Ср. ч. VII, 106—108.

²⁾ VII, 56.

³⁾ 59.

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.

неву (отъ 1 декабря) онъ называетъ Одессу прозаической¹⁾; въ январѣ 1824 г. онъ, полупутя, полусерьезно, мечтаетъ убѣждать не только изъ Одессы, но и изъ Россіи, а весною у него начались служебныя непріятности, которыя заставляютъ его домогаться отставки, какъ милости. Взглядъ Пушкина на греческое востаніе сильно измѣнился именно въ Одессѣ, и хотя онъ здѣсь написалъ свое извѣстное стихотвореніе: «Возстань, о Греція, возстань»,²⁾ въ частныхъ письмахъ онъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ со всеѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ прежде³⁾.

Подводя итоги письмамъ и воспоминаніямъ о Пушкинѣ, говорятъ, что одесскій періодъ жизни Пушкина былъ одинъ изъ самыхъ печальныхъ, что здѣсь не нашель онъ людей, съ которыми могъ бы жить душа въ душу, которые могли бы имѣть благотворное вліяніе на его все еще не установившійся характеръ, что здѣсь вмѣсто добродушнаго старика Инзова, который любилъ его какъ отецъ сына, онъ попалъ подъ начальство англomана Воронцова, который бѣсилъ поэта своей холодною чопорностью, оскорблялъ его самолюбіе и даже въ немъ, демократъ Пушкинъ, вызывалъ аристократическую слѣсъ; указываютъ на сознаніе самого Пушкина, что здѣсь онъ бралъ уроки чистаго «аэеизма», на политической скептицизмъ, который развивался въ немъ именно въ эту пору и который такъ рельефно выразился въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ⁴⁾; указываютъ наконецъ на его одесскіе кутежи и на его ухаживанія за «негоціантками», которыя могли дѣйствовать на него развѣ только внѣшнею красотою.

Во всеѣмъ этомъ есть своя доля правды, но только одна доля. Защищать 24-лѣтняго поэта отъ проповѣдниковъ прописной морали, которые, гордясь своей дешевой добродѣтелью трусости и безстрастія, обвиняютъ Пушкина за то, что онъ находилъ поэзію

¹⁾ Впрочемъ въ томъ же письмѣ онъ хвалить Одессу, но только сравнительно съ Кишиневымъ.

²⁾ Тогоже изд. I, 298.

³⁾ См. письмо къ Вяземскому (стр. 80). Впрочемъ, по моему мнѣнію, принимать это письмо за выраженіе убѣжденія Пушкина мы не имѣемъ права: рѣзкія выраженія его доказываютъ не холодность Пушкина къ дѣлу грековъ, а напротивъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ горячо принималъ онъ къ сердцу неудачу несчастнаго народа, бывшія результатомъ его недостатковъ, которые въ свою очередь были результатомъ долговременнаго рабства. Пушкинъ могъ бранить съ такой страстностью только того, кого онъ сильно любилъ и кто временно приводилъ его въ отчаяніе; онъ самъ въ этомъ письмѣ ссылается на мнѣніе Байрона, который дѣйствительно бранитъ грековъ, что не помѣшало ему отдать за дѣло ихъ жизнь свою. Кромѣ того, письмо это написано, очевидно, въ такую минуту, когда поэтъ былъ недоволенъ и самимъ собою и всеѣмъ на свѣтѣ, а кому неизвѣстно, что въ раздраженіи Пушкинъ въ письмахъ къ пріятелямъ увлекался до крайности? Наконецъ, Пушкинъ опровергаетъ самъ себя въ черновомъ письмѣ, писанномъ (къ Раевскому? стр. 83) около того же времени.

⁴⁾ Напр. «Свободы сѣятель пустынный».

въ дружеской пирушкѣ или поддавался обаянію женской красоты, было бы слишкомъ наивно. Что Пушкинъ въ это время переживалъ періодъ скептицизма (и сомнѣній во всемъ, а больше всего въ самомъ себѣ) это положительно извѣстно. Но такой періодъ есть необходимое испытаніе для всякаго сильнаго человѣка; Пушкинъ долженъ былъ пережить его и долженъ былъ выдти изъ него побѣдителемъ, и одесскій годъ жизни Пушкина, какъ я постараюсь сейчасъ доказать, значительно приблизилъ его къ побѣдѣ.

Отношенія Пушкина съ гр. Воронцовымъ, дѣйствительно, очень печальный фактъ. Кто виновать, что они приняли подъ конецъ такой неприятно острый характеръ? По моему, ни та, ни другая, сторона, а обстоятельства. Гр. Воронцовъ, не смотря на свою англо-манію, былъ русскій вельможа и русскій государственный человѣкъ въ лучшемъ значеніи этихъ словъ. Его управленіе Одессою и краемъ будетъ всегда вспоминаться съ признательностью; оно было и энергично, и гуманно въ одно и то же время. При немъ въ Одессѣ открыта масса обществъ и благотворительныхъ учреждений, дѣйствующихъ и до сихъ поръ, открыто много учебныхъ заведеній; при немъ и въ значительной степени благодаря ему началась одесская литература и одесская наука, и нашъ городъ сталъ крупнымъ интеллигентнымъ центромъ. Что онъ сдѣлалъ для Крыма, для всего края, извѣстно всеѣмъ и каждому. Виновать ли онъ, что на чиновниковъ, которыхъ опредѣляли къ нему, онъ смотрѣлъ, какъ на людей, обязанныхъ исполнять его предписанія? Виновать ли онъ, что на коллежскаго секретаря Пушкина, который, ничего не дѣлая на службѣ, позволялъ себѣ насмѣхаться надъ почетными дѣловыми людьми и вести себя въ обществѣ такъ, какъ будто онъ выше всеѣхъ цѣлою головою, онъ смотрѣлъ, какъ на человѣка самомнительнаго и вреднаго? Виновать ли съ другой стороны молодой поэтъ, что онъ обижался, когда ему указывали мѣсто по табели о рангахъ и когда у него являлось желаніе показать начальству, что онъ нѣчто побольше коллежскаго секретаря? Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Воронцовъ встрѣтилъ Пушкина въ Англій, познакомился бы съ нимъ, какъ съ многообщающимъ національнымъ поэтомъ, онъ сумѣлъ бы оцѣнить его по достоинству; нѣтъ сомнѣнія, что если бы Пушкинъ со стороны или въ качествѣ историка наблюдалъ дѣятельность Воронцова въ краѣ, онъ отнесся бы къ нему съ уваженіемъ. Виноваты условія жизни того времени, когда и поэтовъ заставляли служить, такъ какъ человѣкъ внѣ государственной службы былъ тогда нулемъ, и всякій цѣнился только по табели о рангахъ. Съ этого дня, въ одномъ и томъ же городѣ, на разстояніи 10 минутъ ходьбы, будутъ стоять два монумента, поставленные гражданами Одессы раздраженному начальнику и раздражительному подчиненному. Такъ настоящее исправляетъ ошибки прошлаго.

Въ Одессѣ Пушкинъ, дѣйствительно, не приобрѣлъ друзей; но занятая и пестрая толпа ея общества доставила ему рядъ интересныхъ и неотяготительныхъ знакомствъ, отъ которыхъ легко было уединиться и заняться своимъ дѣломъ. Пушкинъ воспользовался этимъ отсутствіемъ провинціализма въ Одессѣ, и въ нашемъ шумномъ городѣ онъ работалъ больше, чѣмъ когда-нибудь до сихъ поръ. Здѣсь пристрастился онъ къ приобретенію книгъ и положилъ начало своей впоследствии огромной библіотеки¹⁾; здѣсь онъ, не смотря на свои жалобы на недостатокъ русскихъ книгъ, столько прочелъ по русской литературѣ, что задумалъ написать рядъ статей о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковского²⁾. Здѣсь онъ научился поанглійски, выучился поитальянски, учился, кажется, и поиспански. Здѣсь онъ окончилъ «Бахчисарайскій фонтанъ», «Братьевъ-разбойниковъ», здѣсь написалъ онъ «Цыганъ», нѣсколько лирическихъ пьесъ, указывающихъ на полную зрѣлость таланта, и здѣсь онъ дописалъ первую половину своей великой эпопеи «Евгеній Онѣгинъ». Здѣсь же покончилъ онъ съ нѣкоторыми вопросами, которые до тѣхъ поръ мучили его и какъ бы связывали ему крылья.

Для человѣка, сильнаго духомъ, хуже всѣхъ другихъ сомнѣній сомнѣніе въ самомъ себѣ, неувѣренность, нуженъ ли онъ на что-нибудь на этомъ свѣтѣ. Пушкинъ страдалъ этимъ сомнѣніемъ съ ранней юности и не зналъ, что съ собой дѣлать. Онъ не имѣлъ ни достаточно средствъ, ни эгоизма, чтобы отказаться отъ всякой серьезной дѣли и жить только для личныхъ наслажденій. Къ службѣ онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія. Онъ страстно любилъ поэзію и вѣрилъ въ свои творческія силы; но преданія прошлаго только проходивцамъ, людямъ изъ черни, дозволяли извлекать матеріальныя выгоды изъ поэзіи и дѣлать изъ нея спеціальность, а сливки общества, дворяне, могли заниматься литературой такъ, между прочимъ, и только для собственнаго удовольствія. Пушкинъ уже прежде старался освободиться отъ этого узкаго (и неразумнаго) взгляда, но это удалось ему только въ Одессѣ и удалось не только потому, что онъ достигъ здѣсь большой умственной зрѣлости и что именно въ этотъ годъ стала прочно его литературная слава; но, какъ я убѣжденъ, и потому, что въ прозаической, архипрактической, пшеничной Одессѣ самая обстановка способствовала выработкѣ иного убѣжденія. Одесскія письма Пушкина даютъ намъ полную возможность прослѣдить за его борьбой съ воспринятымъ по наслѣдству предразсудкомъ.

Въ письмѣ отъ 26 авг. къ брату, Пушкинъ жалуется на отца, который не посылалъ ему денегъ, и увѣряетъ, что жить перомъ

¹⁾ Анненковъ с. 95.

²⁾ VII, 75.

для него нѣтъ никакой возможности. Въ янв. 1824 г. въ одномъ изъ самыхъ отчаянныхъ писемъ (онъ хочетъ бѣжать въ Константинополь, говорить, что у него нѣтъ отечества, что русская слава для порядочнаго человѣка гроша мѣднаго не стоитъ), онъ увѣряетъ брата, что пишетъ «за деньги, за деньги, за деньги» и прибавляетъ: «таковъ я въ наготѣ моего цинизма¹⁾». Но 8 февраля онъ пишетъ Бестужеву съ большою искренностью, хотя все же не безъ нѣкотораго циническаго преувеличенія, что «Бахчисарскій фонтанъ» онъ писалъ для себя, а напечаталъ потому, что были нужны деньги²⁾. Эта мысль, очевидно, ему понравилась, и онъ черезъ мѣсяць (при измѣнившихся обстоятельствахъ: Вяземскій только-что продалъ «Бахчисарскій фонтанъ» за 3000 руб.) повторяетъ ее почти слово въ слово³⁾; «я не принадлежу къ писателямъ XVIII в.: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола». Выгодная продажа «Бахч. фонтана», которая выручила его изъ сѣти долговъ, и крайне лестное предложеніе нѣкоего Сленина (тотъ предлагалъ заплатить Пушкину за «Евгенія Онѣгина», сколько онъ, Пушкинъ, пожелаетъ) переполнили поэта радостными надеждами и благородной гордостью: онъ шутя выхваляетъ книгопродавцевъ и Русь, которая, дѣйствительно, оказывается въ Европѣ, и серьезно увѣряетъ Вяземскаго, что вопросъ о гонорарѣ за стихи для него вопросъ о всей будущей судьбѣ и о независимости⁴⁾: онъ, очевидно, хочетъ, жить собственнымъ трудомъ, а не милостями родственниковъ или правительства. Успѣхъ могъ бы вызвать такія мысли и такія надежды въ Пушкинѣ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, но я думаю, что высказывать ихъ съ такою настойчивостью и послѣдовательностью ему было легче въ нашей дѣловой Одессѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Мало этого: отзывчивый на все окружающее, поэтъ становится у насъ совсѣмъ практическимъ человѣкомъ; у него является то, что купцы называютъ дѣловою схваткой. Онъ мылитъ голову брату⁵⁾ за то, что тотъ распространяетъ въ рукописи уже проданный, но еще не напечатанный «Бахчисарайскій фонтанъ». Онъ пишетъ ему: «Мнѣ скажутъ: а тебѣ какое дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3,000 руб., а тамъ хоть трава не роси. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы въ первый разъ поступившіе поевропейски, обдернутся и останутся въ накладѣ; да впередъ не возможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ». Онъ желаетъ перекупить у Всеволожскаго рукопись своихъ стихотвореній, проданную или проигран-

1) VII, 68—9.

2) VII, 72.

3) VII, 73.

4) VII, 75.

5) Письмо отъ 1 апрѣля.

ную ему нѣсколько лѣтъ назадъ: онъ напечатаетъ ихъ и выплатить Всеволожскому долгъ.

Но, можетъ быть, Пушкинъ такъ откровенничаетъ только съ друзьями и братомъ, а передъ обществомъ все же стыдится званія писателя и своего литературнаго заработка? Позднѣ это, дѣйствительно, бывало съ нимъ, но не въ Одессѣ.

25-го мая, онъ пишетъ правителю канцеляріи графа Воронцова Казначееву полуофициальное письмо, которое могло быть показано и самому графу. «Не думайте,—говоритъ онъ въ немъ,—чтобы я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риемача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость». Еще съ болѣшимъ сознаніемъ своего достоинства онъ выражается во французскомъ письмѣ тому же Казначееву: «Я уже побѣдилъ мое отвращеніе продавать мои стихи и жить на это; самый важный шагъ сдѣланъ; я пишу подъ вліяніемъ вдохновенія, но разъ стихи написаны, они для меня только товаръ ¹⁾... Я мечтаю о независимости, которой и добьюсь отвагой и настойчивостью».

Сантиментальный отрокъ, читая эти письма, можетъ разочароваться въ Пушкинѣ, по крайней мѣрѣ въ Пушкинѣ одесскомъ, и пожалуй предасть проклятію нашъ меркантильный городъ за то, что онъ заразилъ своею меркантильностью и великаго поэта. Гдѣ же его высокія гражданскія стремленія? служеніе народу? борьба съ тьмою? прославленіе разума и свободы? пробужденіе милости къ падшимъ? Стало быть, для Пушкина поэзія есть искусство самоуслаждающееся, а продукты его дѣлаются общедоступными только въ силу какихъ-либо личныхъ цѣлей художника?

Во-первыхъ, отвѣчу на это, что Пушкинъ въ письмѣ къ Казначееву не говоритъ, что онъ съ отвращеніемъ печатаетъ свои стихи, а что онъ съ отвращеніемъ продаетъ ихъ, дѣлаетъ изъ нихъ средства къ жизни. Онъ пишетъ не на заказъ, не для продажи, а по внутреннему побужденію, по вдохновенію (*sous l'influence caritative de l'inspiration*), и внутренняя цѣнность, значеніе его произведеній для современниковъ и для потомства, кромѣ таланта, опредѣляется тѣмъ, что вдохновляетъ его. Если его вдохновляетъ свобода, милость къ падшимъ, борьба съ тьмою — мы знаемъ, что уже и въ это время это такъ было,—мы можемъ только радоваться

¹⁾ Мысль эта на столько крѣпко засѣла въ головѣ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Михайловскомъ онъ развилъ ее въ цѣлую піесу («Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ»), имѣющую важное автобіографическое значеніе. Слова:

«Не продается вдохновенье,

«Но можно рукопись продать».

Превосходное выраженіе той же мысли, которую онъ высказывалъ и Вяземскому, и Казначееву.

тому, что наша меркантильная Одесса побуждала его заботиться о выгодномъ помѣщеніи произведеній и о большемъ ихъ распространеніи. Если вліяніе Одессы на Пушкина выразилось въ томъ, что онъ отказался, какъ онъ выражается въ письмѣ къ Казначееву, отъ «пайка ссыльнаго», отъ жалованья, котораго онъ не заслуживалъ, что въ немъ пробудилась честная гордость труженника, зарабатывающаго себѣ хлѣбъ и съ негодованіемъ отклоняющаго отъ себя покровительство вельможи¹⁾, мы должны видѣть въ этомъ результатъ не только меркантилизма, но и европеизма Одессы, и за такое вліяніе Россія должна быть вѣчно благодарна ей.

Что же касается дружескихъ писемъ Пушкина, въ которыхъ онъ бранитъ публику и клянетъ необходимость печататься, въ которыхъ онъ по собственному его выраженію, является «въ наготѣ цинизма», вотъ какъ я понимаю ихъ:

Всѣмъ и каждому извѣстно, что чѣмъ человѣкъ пошлѣе и ниже по своей внутренней цѣнности, тѣмъ больше онъ склоненъ цѣнить себя выше достоинства, тѣмъ болѣе стремится онъ даже самыя некрасивыя свои поступки и самыя грязныя побужденія прикрывать, по мѣрѣ силъ ума своего, красивыми словами. Чѣмъ тоньше духовная организація человѣка, чѣмъ выше его нравственныя требованія, тѣмъ строже относится онъ къ самому себѣ и тѣмъ больше склоненъ видѣть въ себѣ бездну недостатковъ и даже пороковъ, въ особенности въ періодъ юности, когда формируется характеръ. Припомнимъ, какъ доволенъ собой тупоумный Полоній и какими эпитетами въ разговорѣ съ Офеліей и съ самимъ собою награждаетъ себя Гамлетъ! Самый наблюдательный человѣкъ не можетъ составить вѣрнаго понятія о самомъ себѣ и, даже при полномъ желаніи быть правдивымъ, необходимо погрѣшаетъ въ ту или другую сторону, или подчеркиваетъ худшіе изъ своихъ мотивовъ или лучшіе, обѣщаетъ или больше, чѣмъ сдѣлаетъ, или меньше, чѣмъ сдѣлаетъ. Что же лучше? На это 1800 лѣтъ назадъ отвѣтилъ намъ Спаситель притчей о непослушномъ сынѣ.

Пушкинъ былъ человѣкъ крайне впечатлительный, живой и экспансивный. Онъ писалъ въ силу внутренняго побужденія, какъ всякій истинный поэтъ, писалъ то, что думалъ и чувствовалъ, и писалъ не для одного себя; онъ стремился «глаголомъ жечь сердца людей», проповѣдовать ближнимъ, а не звѣздамъ и камнямъ. Деньги ему были нужны, какъ средства къ жизни и свободѣ; онъ зналъ, что въ Европѣ талантливый поэтъ получаетъ эти средства отъ продажи книгъ своихъ и, поживъ въ европейскомъ городѣ, Пушкинъ сталъ предпочитать этотъ европейскій способъ приобрѣтенія

¹⁾ Въ этомъ же французскомъ письмѣ къ Казначееву (стр. 78): Je ne puis ni ne veux prétendre à l'amitié du comte Woronzow, encore moins à sa protection... rien que je sache ne dégrade plus que le patronage.

денегъ. Испытывая радость отъ удачи или огорченіе отъ неудачи въ своихъ литературныхъ дѣлахъ, онъ въ дружескихъ письмахъ умышленно подчеркиваетъ эгоистическую сторону своей радости или горя, и въ этомъ проявляетъ чисто русскую характерную черту: антипатію къ хвастовству и красивымъ словамъ и страсть къ самобичеванію.

Почти 65 лѣтъ назадъ такая же почтовая тройка, какая привезла въ Одессу Пушкина, увезла его на далекій сѣверъ, въ глушь псковской деревни. Онъ уѣхалъ недовольный своей одесской жизнью и черезъ 4 мѣсяца писалъ Княжевичу, что если здѣсь, въ Михайловскомъ, нѣтъ голубого неба полудня и итальянской оперы, за то нѣтъ и саранчи, которую посылаютъ истреблять и «милордовъ Уоронцовыхъ»¹⁾. Противъ Одессы, какъ города, онъ ничего не имѣлъ и черезъ нѣсколько лѣтъ съ большимъ юморомъ, но еще съ большой душевной теплотой, живописалъ одесскую жизнь въ извѣстныхъ всѣмъ присутствующимъ строфахъ Онѣгина.

А Одесса и послѣ отъѣзда Пушкина осталась такова же по характеру, только съ каждымъ днемъ росла и хорошѣла. И теперь, когда она близится къ своему столѣтнему юбилею, когда умственная жизнь въ ней, повидимому, бьетъ ключемъ, когда и по количеству періодическихъ изданій она стала третьимъ городомъ въ Россіи, она все же остается городомъ торговымъ и промышленнымъ по преимуществу, населеніе въ ней по прежнему разноплеменное и по прежнему больше пришлое. И теперь, какъ при Пушкинѣ, пріѣзжему здѣсь легко найти европейскія удовольствія, легко завести кругъ знакомыхъ, но трудно найти друзей. Какъ и при Пушкинѣ, одесская жизнь по южному жива, поевропейски изящна и удобна и покоммерчески не привѣтлива. Какъ и при Пушкинѣ, одесскіе богачи охотно жертвуютъ деньги на пользу и украшеніе родного города и на благотворительныя учрежденія, но въ обыкновенное время масса одесскаго общества неприятно поражаетъ наблюдателя какою-то холодною, дѣловою сдержанностью.

Но какъ слезливая чувствительность не всегда доказываетъ сердечную доброту, такъ и холодная дѣловитость не всегда есть доказательство безсердечія и сухости, и еслибъ одесситы жили только для себя, Одесса не была бы тѣмъ, что она есть. Въ практическомъ, торговомъ человѣкѣ труднѣе вызвать воодушевленіе, но если оно проявится въ немъ, то проявится съ болѣею энергіею, нежели въ идеалистѣ и праздномъ мечтателѣ. Тридцать пять лѣтъ назадъ Одесса была гораздо менѣе русскимъ городомъ, чѣмъ теперь; на приморскомъ бульварѣ русскій языкъ слышенъ былъ рѣже, чѣмъ французскій, итальянскій и польскій. Но когда въ началѣ апрѣля 1854 г. передъ городомъ появилась англо-французская

¹⁾ VII, 96.

эскадра, Одесса защищалась, какъ самый русскій городъ и героически вынесла огненное крещеніе. Да и въ послѣднюю турецкую войну она не постыдила себя, и по количеству пожертвованій, по энергичной и плодотворной дѣятельности Краснаго Креста, удержала свое мѣсто третьей столицы Россіи.

Съ тѣхъ поръ обрусѣніе Одессы идетъ впередъ гигантскими шагами, идетъ безъ борьбы и жертвъ, безъ угнетенія поглощаемыхъ національностей, а путемъ добровольной и естественной ассимиляціи и взаимныхъ уступокъ; здѣсь русскій человѣкъ, оставаясь вѣренъ самъ себѣ, легко и нечувствительно дѣлается европейцемъ по преимуществу. Здѣсь, стои на окраинѣ родной земли, какъ бы на стражѣ ея, онъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается по ту сторону границы и, преслѣдуя свои личныя цѣли, работаетъ въ то же время и для великихъ задачъ національныхъ.

Нынѣшній день, г., — знаменательный день въ исторіи Одессы. Въ первый разъ нашъ молодой, но богатый силами и надеждами городъ открываетъ памятникъ не одному изъ своихъ строителей и благодѣтелей, а великому художнику. Торжество его открытія, тысячная толпа, которую мы видѣли на площади, вѣнки и депутаціи, будутъ также памятны нашимъ дѣтямъ, какъ намъ памятно огненное крещеніе Одессы во время Крымской войны.

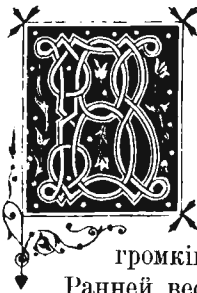
Этотъ мирный триумфъ человѣка мысли и идеаловъ надъ людьми дѣла, этотъ памятникъ, воздвигнутый гражданами Одессы гениальному русскому поэту, глашатаю правды народной, красоты и милости къ падшимъ, будетъ вѣчно охранять нашихъ потомковъ отъ односторонняго увлеченія матеріальными интересами и возроститъ въ нихъ сознаніе силы свѣтлой мысли, любовь къ родинѣ и къ человѣчеству.

А. Кирпичниковъ.

ПЕРВЫЙ АМУРСКИЙ ПОХОДЪ Н. Н. МУРАВЬЕВА ¹⁾.

В ТО ВРЕМЯ, когда наша армія, подъ Севастополемъ, удивляя міръ беззавѣтною храбростію и покрывая неувядаемою славою русское оружіе, отстояла южные предѣлы отечества отъ вторженія союзниковъ, на далекомъ востокъ Россіи горсть тѣхъ же русскихъ солдатъ совершила не менѣе тяжелый, не менѣе славный, хотя и не такой громкій подвигъ.

Ранней весной 1854 года, въ глухомъ уголкѣ Восточной Сибири, на Шилкинскомъ заводѣ ²⁾, происходило необычайное движеніе. Берегъ рѣки былъ усыпанъ линейными солдатами и забайкальскими казаками, торопливо изготовлявшими большія неуклюжія лодки и огромные, еще болѣе неуклюжіе, плоты. Тутъ же стоялъ на якорѣ небольшой рѣчной пароходъ «Аргунь», подъ русскимъ военнымъ флагомъ ³⁾. Черезъ нѣсколько дней эта флотилія готовилась унести на себѣ горсть людей въ невѣдомый еще тогда Амурскій край. Изъ всего отряда одинъ только заурядъ-сотникъ Скобельцынъ, который, будучи еще простымъ казакомъ, хаживалъ внизъ по Амуру на промыселъ, немного зналъ этотъ край. Онъ и долженъ былъ служить проводникомъ отряда ⁴⁾.

¹⁾ Записано со словъ участника этого похода подпоручика, нынѣ полковника, Н. А. Глена.

²⁾ Шилкинскій заводъ на р. Шилкѣ, въ Забайкальской области.

³⁾ Постройка баркасовъ, плотовъ и парохода «Аргунь» началась за два года до описываемаго нами похода, а именно съ 1852 г. Постройкой завѣдывали капитанъ-лейтенантъ Казакевичъ и мицманъ Спбнѣвъ. Строили ниже чины 15-го линейн. батал. и не малое участіе приняло въ постройкѣ и горное вѣдомство.

⁴⁾ Въ распоряженіи редакціи «Историческаго Вѣстника» находятся весьма любопытныя записки Скобельцына, которыя и будутъ напечатаны въ теченіе нынѣшняго года.

Войска, собранныя на Шилкинскомъ заводѣ по приказанію генераль-губернатора Восточной Сибири, генераль-адъютанта Муравьева, состояли изъ одного своднаго линейнаго баталіона, численностью въ 800 человекъ, сводной конной сотни 2-й бригады Забайкальскаго казачьяго войска и дивизіона горной артиллеріи.

Баталіономъ, сформированнымъ изъ 4-хъ ротъ, стоявшихъ въ Забайкальѣ, 13, 14 и 15 линейныхъ баталіоновъ, командоваль, состоявшій при генераль-губернаторѣ, маіоръ Корсаковъ, онъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ назначенъ начальникомъ всего отряда. Ротами командовали: 1-ю капитанъ Медвѣдевъ, 2-ю поручикъ Монастыревъ, 8-ю подпоручикъ Глень и 4-ю прапорщикъ Барановъ; сотней—сотникъ Имбергъ. Кромѣ него въ сотнѣ былъ еще одинъ офицеръ—заурядъ-сотникъ Бѣломѣстновъ; горнымъ дивизіономъ—подпоручикъ Бакшеевъ. И этой-то горсти людей предстояла тяжелая задача положить начало присоединенія огромнаго Приамурскаго края къ Россіи, что они и выполнили, не смотря на лишенія и трудности, встрѣчавшіяся на каждомъ шагу.

Когда всѣ сборы экспедиціи были окончены, въ Шилкинскій заводъ пріѣхаль генераль-губернаторъ въ сопровожденіи капитанъ-лейтенанта Казакевича, принявшаго начальство надъ флотиліей отряда, военныхъ инженеровъ Рейна и Мравинскаго, горнаго инженера Аносова, лейтенанта Сгибнева и чиновниковъ Свербѣева и Сычевскаго. Вскорѣ послѣ прибытія Муравьева, Шилка очистилась отъ льда и рано утромъ 8-го мая 1854 года отрядъ, помолясь передъ древней иконой Божіей Матери, вынесенной въ 1690 году изъ Албазина, отошедшаго въ это время, на основаніи Нерчинскаго трактата, къ китайцамъ, сѣлъ на лодки и плоты и тронулся въ далекій путь.

Во главѣ шла дежурная лодка, на которой постоянно находился одинъ изъ офицеровъ и проводникъ отряда—сотникъ Скобельцынъ; за ней слѣдовали лодки баталіона, числомъ около двадцати, потомъ плоты съ артиллеріей и кавалеріей и, наконецъ, баркасъ Муравьева. Сзади каравана шель порожнякомъ пароходъ «Аргунь». Машина его была настолько слаба, что онъ не выгребаль противъ теченія, и вообще приносилъ отряду мало пользы, но много заботъ и труда уничтоженіемъ громаднаго количества дровъ, заготовлявшихся, во избѣжаніи задержки въ движеніи экспедиціи, по ночамъ. Кромѣ людей баталіона, на каждой лодкѣ находилось до 1,500 пудовъ провіанта, одна часть котораго предназначалась для отряда, а другую часть должны были сдать въ устьѣ Амура на казенный транспортъ для доставки его въ Камчатку.

Давно быстрая Шилка не видала столько людей, коней и оружія. Давно, очень давно! Во второй половинѣ XVII столѣтія, т. е. лѣтъ двѣсти до описываемаго похода, казацки вольницы подъ начальствомъ своихъ атамановъ Пояркова, а потомъ Хабарова, спу-

скались внизъ по Шилкѣ, стремясь въ тотъ же невѣдомый Амурскій край, въ ту же сибирскую Колхиду. Теперь же потомки удалыхъ храбрецовъ шли путемъ своихъ предковъ, но уже не беспорядочной буйной ватагой, а дисциплинированные, обученные военному дѣлу, хорошо вооруженные, подъ начальствомъ чловѣка, разуму и желѣзной, ничѣмъ не сокрушимой, волѣ котораго Россія болѣе всего обязана приобрѣтеніемъ Приамурскаго края.

Однообразно тянулись первые дни плаванія по широкой, сжатой крутыми берегами, Шилкѣ. Но вотъ, наконецъ, и Усть-Стрѣлка, послѣдній русскій пунктъ, вотъ и конецъ Шилкѣ. Впереди блеснулъ широкой Амуръ. Такъ вотъ эта огромная, таинственная рѣка, катящая свои волны на протяженіи 3,000 верстъ и впадающая въ Великій океанъ, къ которому такъ настойчиво, такъ стихійно стремились русскіе люди въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ! Такъ вотъ эта водная нить, долженствующая связать Тихій океанъ съ сердцемъ Россіи!

Въ это время у устья Амура, на разстояніи 3,000 верстъ отъ отряда Муравьева, находилась кучка русскихъ людей, подъ начальствомъ чловѣка, имя котораго также неразрывно связано съ приобрѣтеніемъ Приамурскаго края,—это былъ капитанъ 1-го ранга Невельской, по своему характеру, взглядамъ, преданности Россіи и настойчивости, достойный сподвижникъ Муравьева. Съ невѣроятными усиліями, встрѣчая на каждомъ шагу затрудненія, онъ успѣлъ разсѣять вѣковыя заблужденія о лиманѣ рѣки Амура и доказать, что Амуръ не теряется въ цескахъ, какъ это предполагали такіе авторитеты какъ Лаперузъ, Браутокъ и Крузенштернъ, и что Сахалинъ не полуостровъ. Доказавъ доступность Амурскаго лимана и существованіе Татарскаго пролива, онъ первый выяснилъ значеніе для насъ рѣки Амура и, рискуя всѣмъ, не имѣя высочайшаго повелѣнія, 1-го августа 1850 г. поднялъ въ устьѣ Амура, на мысѣ Куегда, гдѣ нынѣ стоитъ г. Николаевскъ, русскій военный флагъ.

Многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ, стоявшихъ въ то время во главѣ центрального управленія, опасаясь столкновенія съ Китаемъ и Англійей, отношенія съ которой обострились, подняли на Невельскаго цѣлую бурю. Судьба и карьера этого труженика висѣла на волоскѣ, но Муравьевъ поддержалъ его и результатомъ этой поддержки явились знаменательныя слова императора Николая: «гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ».

Поднявъ флагъ, Невельской остался около него часовымъ и свято охранялъ свой постъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Муравьевъ вознамѣрился соединиться съ Невельскимъ и, такимъ образомъ, связать устье Амура съ Россіей, чего и достигнуть описываемымъ походомъ, не смотря на всѣ преграды. Моментъ встрѣчи его съ

Невельскимъ рѣшилъ участь Амура и какъ послѣдствіе этой встрѣчи явился четыре года спустя Айгунскій трактатъ, которымъ Китай призналъ официально наше право на давно желанный Приамурскій край.

Пройдя Усть-Стрѣлку, 18-го мая, въ 2^{1/2} часа дня, отрядъ остановился и Муравьевъ поздравилъ всѣхъ съ возобновленіемъ плаванія русскихъ людей по Амуру, двѣсти лѣтъ для насъ закрытому. Хоръ баталіонной музыки, при оглушительномъ «ура» всего отряда, игралъ гимнъ «Боже Царя храни».

Черезъ два дня плаванія, флотилія достигла мѣста, гдѣ 165 лѣтъ стояла наша казачья крѣпость Албазинъ, сожженная манджурами до основанія, послѣ заключенія Головинымъ Нерчинскаго трактата.

При звукахъ молитвы «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», исполненной баталіонными трубачами, Муравьевъ со свитой вышелъ на берегъ и поднялся на валъ, которымъ былъ когда-то обнесенъ Албазинъ и слѣды котораго видны и донинѣ. Всѣ невольно обнажили головы и сотворили крестное знаменіе въ память погибшихъ здѣсь геройскою смертію защитниковъ крѣпостцы, отражавшихъ грудью своей полчища манджуръ, въ десять разъ превосходившихъ ихъ своею численностью. Помолясь, отрядъ тронулся дальше.

Пустынные берега, начиная отъ Албазина, стали оживляться; то и дѣло встрѣчались бродячіе дауры, а не доходя до китайскаго города Айгуна показались и первыя фанзы ¹⁾ манджуръ.

Всѣхъ волновала одна мысль: «что-то ждетъ въ Айгунѣ? согласятся ли китайцы пропустить флотилію, или придется съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать себѣ это право?» По слухамъ, въ это время около города было сосредоточено много китайскаго войска.

28-го мая, послѣ длиннаго перехода, отрядъ получилъ приказаніе остановиться на ночлегъ не далеко отъ мѣста впаденія въ Амуръ рѣки Зеи, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Благовѣщенскъ, верстахъ въ двадцати отъ Айгуна. Какъ только флотилія пристала къ берегу, Муравьевъ послалъ двухъ чиновниковъ изъ своей свиты къ губернатору города, чтобы узнать получилъ ли онъ изъ Пекина разрѣшеніе на пропускъ русскихъ по Амуру. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ возвращенія. Но неутѣшительный отвѣтъ привезли они: губернаторъ никакого разрѣшенія изъ Пекина на пропускъ русскихъ не получалъ, а своею властію разрѣшить этого пропуска не хотѣлъ.

Положеніе было незавидное, всѣ пріуныли. На другой день, 29-го мая, Муравьевъ приказалъ отряду слѣдовать дальше и, не доходя верстъ 4—5 отъ города, присталъ къ берегу, пересѣлъ со свитою на пароходъ и отправился въ Айгунъ, чтобы лично переговорить съ китайскими властями. Передъ отъѣздомъ онъ отдалъ

¹⁾ Фанза—китайская хижина, выстроенная изъ досокъ и обмазанная глиной

приказаніе начальнику отряда быть готовымъ, по первому сигналу, идти и атаковать городъ.

Переговоры Муравьева съ китайцами тянулись до вечера и увѣнчались успѣхомъ: разрѣшеніе на безпрепятственное слѣдованіе флотиліи дальше по Амуру было получено. Окончивъ переговоры, Муравьевъ вернулся къ ожидавшему его отряду на лодкѣ, такъ какъ пароходъ «Аргунь» противъ теченія и вѣтра, дувшаго въ этотъ день по теченію, выгresti не могъ, и отдалъ приказаніе тотчасъ же слѣдовать дальше. И такъ главное препятствіе было устранено, путь былъ открытъ и все обѣщало благополучное окончаніе труднаго дѣла. Оставалась только борьба съ могучею рѣкою, съ бурями, съ голодомъ и холодомъ, но такого рода препятствія были по плечу тогдашнимъ молодцамъ.

3-го іюня, по ошибкѣ проводника, запутавшагося въ безчисленныхъ островахъ, флотилія, принявъ одинъ изъ протоковъ Амура за фарватеръ, вышла въ рѣку Уссури, верстахъ въ 40 отъ впаденія ея въ Амуръ, къ мѣсту, гдѣ теперь стоитъ казачья станица Уссурийскаго казачьяго войска Казакевича. При выходѣ изъ Уссури въ Амуръ, Муравьеву прежде всего бросился въ глаза высокій правый берегъ рѣки, густо поросшій вѣковымъ лѣсомъ. «Вотъ гдѣ будетъ городъ», — сказалъ онъ, указывая рукою на отдѣльную, выступившую изъ общаго очертанія берега, скалу¹⁾. Слова его сбылись и теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ городъ Хабаровка, центръ Приамурскаго генераль-губернаторства, а на скалѣ, указанной Муравьевымъ заложенъ фундаментъ памятника, герою Амура, графу Муравьеву-Амурскому²⁾.

9-го іюня, когда флотилія отошла отъ устья Уссури верстъ на полтораста, неожиданно налетѣлъ шкваль, перешедшій въ жестокой штормъ. Тяжело нагруженные лодки и громоздкіе плоты плохо съ нимъ справлялись. Нѣсколько изъ нихъ было выброшено на берегъ, почти весь провіантъ подмочило. Отрядъ кое-какъ присталъ къ берегу. Два послѣдующіе дня занимались просушкой провіанта. 10-го іюня, къ мѣсту, гдѣ былъ разбитъ бивуакъ отряда, пристала гольдяцкая лодка, на которой находился мичманъ Разградскій, привезшій Муравьеву письмо отъ Невельскаго и назначенный имъ въ проводники экспедиціи въ ея будущемъ плаваніи. Слѣдуя далѣе по указанію Разградскаго, флотилія сдѣлала еще 500 верстъ и наконецъ въ срединѣ іюня достигла перваго русскаго поста Маринска, основаннаго осенью 1853 г. Невельскимъ, который въ это время тамъ и находился. И такъ отряды Муравьева и Невельскаго соединились. Тысячи верстъ были пройдены. Ни огромная, незна-

¹⁾ Со словъ покойнаго адмирала, генераль-адъютанта Казакевича.

²⁾ Торжественная закладка памятника произошла 27 октября 1888 г., а самый памятникъ воздвигнется въ 1889 г.

комая рѣка, ни бѣры, ни отсутствіе хорошихъ проводниковъ, ни страшный физическій трудъ,—ничто не остановило этихъ героевъ. На дрянныхъ лодкахъ, на неуклюжихъ плотахъ, подъ опасеніемъ если не утонуть, то по крайней мѣрѣ утопить весь провіантъ и умереть голодной смертью среди дикой тайги, въ тысячахъ верстахъ отъ цивилизованнаго міра, они все-таки настойчиво шли и достигли желаннаго. При громкомъ «ура» всего отряда, лодки и плоты экспедиціи пристали къ берегу. Нѣсколько домиковъ бѣлѣлось на черномъ фонѣ лѣса, окружавшаго постъ. Это были не фанзы манджуръ и юрты и шалаши бродячихъ инородцевъ, попадашіеся по пути отряду, а русскія избы. Чѣмъ-то далекимъ, роднымъ пахнуло на всѣхъ! Эти избы какъ бы свидѣтельствовали, что земля эта русская, что отрядъ вступилъ на родную почву! Въ Маріинскѣ простояли два дня, отдыхая послѣ труднаго пути. И такъ сбилось то, о чемъ Муравьевъ и Невельской за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ только еще мечтали, будучи въ Петербургѣ: русскіе прошли все теченіе Амура.

Черезъ два дня, отрядъ раздѣлился. Конная сотня и горный дивизионъ остались въ Маріинскѣ. Шестьсотъ человекъ, изъ баталіона, съ провіантомъ, предназначеннымъ для отправки въ Камчатку, тронулись дальше. Остальные двѣсти человекъ подъ командою подпоручика Глена, при прапорщикѣ Барановѣ, имѣя проводникомъ мицмана Разградскаго, отправились на своихъ лодкахъ въ озеро Кизи съ цѣлью провести отъ него просѣку и дорогу къ заливу Де-Кастри, на берегу Татарскаго пролива, къ посту того же имени, основанному Невельскимъ. Соединеніе Маріинска съ постомъ Де-Кастри, какъ съ пунктомъ, лежащимъ въ хорошей гавани было крайне важно. Это соединеніе обезпечивало подвозъ въ постъ провизіи и давало возможность поддержать его войсками изъ Маріинска въ случаѣ нападенія союзной эскадры на наши, стоявшія тамъ, суда, а въ случаѣ пораженія давало возможность экипажамъ судовъ, высадившись на берегъ, отступить во внутрь страны.

Шестьсотъ человекъ, отправленные съ провіантомъ, выдѣливъ изъ своего состава 200 человекъ для охраненія поста (нынѣ города) Николаевска, сѣли на транспортъ «Двину» и отправились въ Петропавловскъ, для укомплектованія камчатскаго флотскаго экипажа, куда и прибыли за двѣ недѣли до нападенія на городъ англо-французской эскадры и участвовали въ славномъ отраженіи десанта союзниковъ.

Муравьевъ, въ сопровожденіи Невельскаго и свиты, отправился черезъ Николаевскъ въ Де-Кастри.

Отрядъ Глена, переправившись черезъ озеро Кизи, соединяющееся протокомъ съ Амуромъ, дѣятельно принялся за работу. Трудъ предстоялъ имъ не легкій. Чтобы сдѣлать просѣку и проложить

дорогу въ этомъ буквально-дѣвственномъ лѣсу, приходилось рубить и оттаскивать руками огромныя столѣтнія деревья, выкорчевывать пни, а также дѣлать гати и строить мосты черезъ рѣчки, часто пересѣкавшія путь. Люди изнемогали. Бичъ сибирской тайги «гнусъ»¹⁾, мучая ихъ днемъ, не давалъ сомкнуть глазъ ночью. Хуже всего приходилось въ сѣрые, туманные и дождливые дни, когда гнусъ кусаетъ сильнѣе. Костры изъ гнилого дерева и сырыхъ листьевъ, называемые посибирски дымокуромъ и разводимые для выкуриванія назойливыхъ насѣкомыхъ, мало помогали. Къ довершенію несчастія, главная пища—солонина испортилась настолько, что ее пришлось выбросить и отрядъ питался только кашей и сухарями. Но вскорѣ и эта скудная провизія пришла къ концу, а впереди предстояло провести еще верстъ 10 дороги. Вернуться въ Маринскъ нечего было и думать; при существовавшемъ тогда режимѣ и при взглядахъ Муравьева на службу, это могло бы повлечь за собою весьма строгое наказаніе. Нужно было умереть, или довести до конца порученное дѣло. Наконецъ, подпоручикъ Глень рѣшился, въ виду крайности, командировать прапорщика Баранова съ частью людей обратно въ Маринскъ за провизіей, а самъ, съ оставшимися солдатами, продолжалъ работу. Прошла недѣля. Давно послѣднія крошки сухарей и крупы были съѣдены; люди питались морошкой, кореньями и тетеревами. Послѣдніе, очевидно, до тѣхъ поръ никогда людей не видали, такъ какъ подпускали къ себѣ такъ близко, что ихъ не стрѣляли, а просто били палками. Но какъ ни глупы были тетерева, какъ ни много росло морошки, а отряду все-таки приходилось совѣмъ плохо. Люди буквально пухли съ голода, но работу не прекращали и не роптали. Прошла еще недѣля,—Барановъ не возвращался. Богъ знаетъ чѣмъ бы это кончилось, если бы ъдствующій отрядъ не выручилъ случай.

Два офицера съ фрегата «Діана», пришедшаго, какъ оказалось впоследствии, въ это время въ Де-Кастри, отправились на охоту и, отойдя верстъ на восемь отъ берега, случайно наткнулись на бивуакъ отряда. Офицеры эти были—лейтенантъ князь Оболенскій и поручикъ корпуса морской артиллеріи Антипенко. Все невзгоды отряда кончились: съ «Діаны» тотчасъ же прислали провизію и

¹⁾ «Гнусомъ» въ Сибири называютъ комаровъ, мошекъ, пауковъ, оводовъ, строкъ, и вообще тому подобныхъ насѣкомыхъ. Ихъ водится въ глухихъ не отоптанныхъ уголкахъ Сибири такая масса, что ходить тамъ иначе не возможно, какъ съ волосистой сѣткой на лицѣ. Бывали случаи, что «гнусъ» на смерть заѣдалъ домашнихъ животныхъ. Тучи этихъ кровопійцъ такъ облепять несчастное животное, что оно, наконецъ, выбившись изъ силъ, падаетъ на землю и околѣваетъ. Случай эти бывають не только въ самой тайгѣ, куда иногда, отбившись отъ стада, попадетъ скотина, а даже въ отдаленныхъ, болѣе глухихъ улцахъ сибирскихъ городовъ, какъ, напримѣръ, это было еще въ 1881—82 годахъ въ г. Хабаровкѣ.

врача для оказанія помощи больнымъ, которыхъ набралось не мало. Всѣ повеселѣли и работа закипѣла. Недѣли черезъ полторы вернулся изъ Маринска прапорщикъ Барановъ съ провизіей и вновь соединившійся отрядъ, черезъ нѣсколько дней окончивъ свою задачу, пошелъ обратно, проведенной просѣлкой къ озеру Кизи, а оттуда въ Маринскъ. Всей просѣлки было сдѣлано тридцать верстъ. Въ Маринскѣ его ожидало приказаніе немедленно отправиться въ постъ Николаевскій, а потому, не дѣлая даже дневки, тронулись въ дальнѣйшій путь, внизъ по Амуру. Въ посту Николаевскомъ тоже не пришлось отдохнуть. Тамъ въ это время находился Муравьевъ, который приказалъ Глену отправиться съ отрядомъ въ заливъ Счастія въ Петровское зимовье ¹⁾.

И вотъ измученный, оборванный, полуголодный отрядъ, не отдохнувъ даже дня, на тѣхъ же, промывшихъ уже тысячи верстъ, полусгнившихъ лодкахъ, на которыхъ и по рѣкѣ-то плавать не безопасно, тронулся въ путь въ Охотское море, опасное по свирѣпствующимъ въ немъ бурямъ даже большимъ океанскимъ судамъ. Такъ безропотно повиноваться и столько вынести могъ только лучшій въ мірѣ русскій солдатъ! Въ Николаевскѣ на лодки нагрузили якоря и цѣпи, которые нужно было доставить въ Петровское зимовье, и придали къ отряду 30 человекъ матросовъ съ фрегата «Паллады».

Плаваніе было неудачное. При выходѣ изъ Татарскаго пролива въ Охотское море, флотилія попала въ штормъ и не будь на лодкахъ матросовъ, понимавшихъ какъ слѣдовало управляться, вѣроятно, ни одинъ бы человекъ не спасся. Кое-какъ шлюпки направили на песчаную кошку, далеко выдавшуюся въ море, и выбросились на нее. Испуганные, изнуренные до полусмерти люди, выбравшись на берегъ, горячо возблагодарили Бога за свое чудесное спасеніе. Всѣ лодки были разбиты. Нечего было и думать продолжать путь на нихъ, и вотъ, оставивъ на кошкѣ грузъ якорей и цѣпей и взявъ съ собою кое-какую провизію, отрядъ направился берегомъ, безъ дороги, въ Петровское зимовье, до котораго наконецъ и добрался съ страшными усиліями.

Велѣдъ за отрядомъ туда прибылъ на шхунѣ «Востокъ» Муравьевъ и, приказавъ немедленно приступить къ постройкѣ батареи на четыре орудія, на той же шхунѣ отправился въ Аянъ. Черезъ недѣлю послѣ ухода шхуны въ Петровское зимовье, пришелъ транспортъ «Иртышъ», подъ командою Чихачева, и отрядъ, окончивъ постройку батареи, былъ отправленъ на немъ въ Аянъ, куда и прибылъ въ серединѣ августа. Едва «Иртышъ» сталъ на якорь, какъ на него пріѣхалъ лейтенантъ князь Оболенскій съ приказаніемъ Муравьева: отряду пересѣсть на транспортъ росій-

¹⁾ Постъ «Петровское зимовье» основанъ Невельскимъ въ 1850 году.

ско-американской компаніи «Камчатку», на которомъ въ это время подняли военный флагъ и поставили четыре орудія, и идти на немъ въ крейсерство къ Шантарскимъ островамъ ловить англійскихъ китобоевъ. Черезъ часъ по полученіи приказанія, люди были переведены съ «Иртыша» на «Камчатку», которая тотчасъ снялась съ якоря и ушла въ море. Крейсерство продолжалось всего нѣсколько дней и, во все время его, транспортъ встрѣтилъ только одно судно, оказавшееся американскимъ китобоемъ. По возвращеніи въ Аянъ, отрядъ былъ спущенъ на берегъ, гдѣ и всталъ лагеремъ. Во время своего четырехнедѣльнаго пребыванія въ Аянѣ, отрядъ построилъ двѣ батареи. Въ серединѣ сентября, оставивъ для окончанія работъ 50 человекъ, подпоручикъ Гленъ съ остальными людьми на томъ же транспортѣ отправился на Ситху, въ Ново-Архангельскъ, для охраны города, такъ какъ, не смотря на то, что колоніи наши въ сѣверной Америкѣ были объявлены нейтральными, на нихъ все-таки ожидали нападенія англо-французскаго флота.

Оставленныхъ въ Аянѣ 50 человекъ тоже вскорѣ перевезли въ Ново-Архангельскъ на компанейскомъ бригѣ «Князь Меншиковъ».

Хотя съ отправленіемъ на Ситху и кончается дѣятельность этого отряда въ дѣлѣ присоединенія Приамурскаго края, но нѣкоторые случаи изъ его послѣдующей службы настолько интересны, что мы познакомимъ съ ними читателей.

Послѣ всѣхъ перенесенныхъ трудовъ и лишеній, жизнь на Ситхѣ естественно всѣмъ казалась прекрасною и даже отрадною. Кромѣ занятія карауловъ, солдаты работали за особую плату (сто рублей ассигнаціями въ годъ за человека) въ порту російско-американской компаніи и имъ жилось дѣйствительно хорошо, но офицерамъ отряда, Глену и Баранову, приходилось плохо. Не имѣя возможности, вслѣдствіе блокады Ситхи союзниками, отправить во время аттестаты на жалованье въ свои части, они пять лѣтъ не получали казеннаго содержанія и жили только на то, что платила имъ, по условію съ правительствомъ, російско-американская компанія. Казенное же жалованье за пять лѣтъ такъ для нихъ и пропало.

Однообразно тянувшаяся жизнь на Ситхѣ вдругъ оживилась необычнымъ происшествіемъ. Въ тѣ времена около самого Ново-Архангельска стояла большая деревня, населенная туземными инородцами, племени колошей, или иначе колюжей.

Солдаты отряда частенько хаживали въ эту деревню, но вскорѣ отношенія между ними и туземцами обострились. Причиной были женщины. Стали возникать ссоры, кончавшіяся иногда и драками, но далѣе дракъ дѣло не шло. Спустя годъ послѣ прибытія отряда, изъ деревни исчезло нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ. Увѣрен-

ные, что они были похищены солдатами, жители деревни, мстя за оскорбленіе, предательски убили нѣсколькихъ дровосѣковъ отряда, посланныхъ въ лѣсъ. Не смотря на требованіе губернатора Ситхи, адмирала Всеволожскаго, колоши отказались выдать виновныхъ и, чувствуя, что это имъ даромъ не пройдетъ, вышли изъ деревни и заняли миссіонерскую церковь, стоящую недалеко отъ города. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Всеволожскій собралъ гарнизонъ и лично повелъ его къ занятой церкви. Остановясь съ отрядомъ саженьхъ въ ста отъ нея, онъ еще разъ обратился къ мятежникамъ съ требованіемъ выдать убійцъ, но въ отвѣтъ на это требованіе колоши открыли огонь. Тогда, видя, что убѣжденія не дѣйствуютъ, Всеволожскій приказалъ атаковать церковь. Но это было дѣло не легкое. Церковь стояла на возвышенности, среди совершенно открытой мѣстности, да и колоши были вооружены англійскими штуцерами, между тѣмъ какъ гарнизонъ дрянными кремневыми ружьями. Пришлось привести изъ города орудіе, изъ котораго и стали стрѣлять по церкви. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ двери были разбиты, отрядъ бросился въ атаку и началась рѣзня, во время которой былъ тяжело раненъ прапорщикъ Барановъ, убито восемь и ранено двадцать нижнихъ чиновъ. Колоши, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, были почти все перебиты.

Спустя годъ послѣ этого дѣла, прапорщикъ Барановъ былъ награжденъ, по представленію Всеволожскаго, Анною 4-й степени «за храбрость», а двое нижнихъ чиновъ, наиболее отличившіеся, георгіевскими крестами.

По окончаніи этой случайной войны, жизнь опять потянулась по старому, тихо и однообразно.

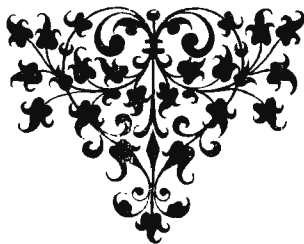
Года черезъ два по прибытіи на Ситху, Гленъ и Барановъ вдругъ совершенно неожиданно получили приказъ о томъ, что они переведены во флотъ мичманами. Это ихъ, конечно, ужасно удивило, но дѣлать было нечего и они не только одѣлись въ морскую форму, но даже усердно принялись за изученіе специальныхъ морскихъ предметовъ. Но не долго имъ пришлось быть во флотѣ. Черезъ нѣсколько времени они опять получили приказъ, въ которомъ было сказано, чтобы они носили только морскую форму, но что чины имъ будутъ идти по старому, по пѣхотѣ, а вслѣдъ за тѣмъ получено распоряженіе снять и форму. Чѣмъ руководствовало высшее начальство, переводя ихъ во флотъ, а потомъ заставляя для чего-то носить морскую форму,—такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Въ 1859 году, пробывъ пять лѣтъ на Ситхѣ, Гленъ съ частію отряда вернулся на компанейскомъ пароходѣ «Александръ» въ Николаевскъ, откуда нижніе чины были отправлены въ Забайкалье въ свои баталіоны дослуживать сроки, а самъ Гленъ былъ переведенъ въ линейный баталіонъ въ Благовѣщенскъ.

Прапорщикъ Барановъ остался съ остальными людьми въ Ново-Архангельскѣ и умеръ тамъ отъ раны, полученной имъ въ стычкѣ съ колошами.

Гленъ, нынѣ полковникъ, не покинулъ край, въ присоединеніи котораго къ Россіи принималъ такое активное участіе, и командуетъ Уссурійскимъ казачьимъ полубаталіономъ, расположеннымъ въ постѣ Камень-Рыболовъ, Приморской области.

А. Даниловъ.

УЧЕННЫЕ ТРУДЫ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ дѣятельность графа Д. А. Толстого была такъ обширна и вліятельна, касалась такихъ насущныхъ вопросовъ русской жизни и въ такой продолжительный періодъ, что для полной и всесторонней оцѣнки этой дѣятельности нужно время. Графъ Д. А. былъ по преимуществу дѣятель политической, оставившій глубокой слѣдъ въ нашей государственной жизни; онъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ людей новѣйшей эпохи, сдѣлавшій, напримѣръ, для народнаго просвѣщенія Россіи въ какія-нибудь 12 лѣтъ гораздо больше, чѣмъ было сдѣлано до него въ цѣлое полстолѣтіе: число учебныхъ заведеній высшихъ и среднихъ въ его управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія утроилось (въ 1866 г.—222, а въ 1880 г.—620), а число начальныхъ училищъ, вмѣсто 1,055, возросло до 24,853.

Будучи сторонникомъ общаго образованія гуманитарнаго, а не профессиональнаго, графъ сознавалъ ошибку Петра Великаго, поставившаго русское просвѣщеніе на утилитарную почву, ошибку, вынужденную, впрочемъ, практическими нуждами эпохи; это сознаніе внушило графу своевременную мысль вернуть русское просвѣщеніе къ первоначальному обще-европейскому классическому источнику. «Дѣло было въ томъ, — говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей графъ Д. А., — идти ли Россіи по широкому пути, проложенному европейскою цивилизаціей, въ томъ направленіи, которое произвело великихъ ученыхъ и государственныхъ людей, или же по тѣмъ невѣдомымъ, неиспытаннымъ тропинкамъ, которыя предлагали наши доморощенные утописты». См. «Рѣчи и статьи графа Д. А. Толстого». Спб. 1876, стр. 46 и слѣд. Всѣ дальнѣйшія ци-

таты приведены изъ этой же рѣчи, сказанной въ 1875 году въ Кишиневѣ при осмотрѣ Одесскаго учебнаго округа, въ отвѣтъ на рѣчь председателя Бессарабскаго коммерческаго суда, И. В. Кристи. Россія пошла по обще-европейской стезѣ, принявъ систему, господствующую во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ. При настойчивомъ и упорномъ осуществленіи этой классической системы въ нашей школѣ графомъ Толстымъ руководила та глубоко-вѣрная мысль, что «научное образованіе не заключается только въ приобрѣтеніи необходимыхъ свѣдѣній: оно имѣетъ цѣлью развитіе всего человѣка, и ничто этому не способствуетъ столько, какъ изученіе древняго міра и его великихъ образцовъ: они дѣйствуютъ и на умъ, и на сердце, и на волю, словомъ, на всего человѣка, чего не можетъ достигнуть никакой другой предметъ преподаванія. Это испытано въ Европѣ вѣками». Изъ этихъ словъ можно видѣть, какъ широко смотрѣлъ графъ на дѣло классическаго образованія и какъ, слѣдовательно, были несправедливы противники классической системы, обвинявшіе его въ сухомъ, бесплодномъ формализмѣ, въ обремененіи юныхъ головъ мертвечиной, — древними языками, на которыхъ не говорятъ въ обществѣ. Если такъ смотрѣть на цѣль образованія, то легко можно доказать бесполезность всѣхъ предметовъ гимназическаго курса и пользу изученія только ремесла. Сухими формалистами были учителя, директора, инспектора, воспитатели, а не графъ Толстой, ибо за недостаткомъ русскихъ людей всѣхъ ихъ пришлось выписывать изъ Европы, организовать цѣлое депо чешскихъ педагоговъ, приспособлять ихъ для русской гимназій, и, сознавая всѣхъ ихъ недостатки, по необходимости оказывать имъ покровительство.

Посвятивъ всю свою жизнь государственной службѣ, графъ Д. А. Толстой не имѣлъ однако ни одной черты, присущей типу чиновника и бюрократа. Онъ былъ человѣкомъ дѣла, а не канцелярскаго дѣлопроизводства. Онъ былъ убѣжденъ, что сильное, твердое и искусное правительство можетъ сдѣлать для страны несравненно больше, чѣмъ общественная самодѣятельность, плохо подготовленная предшествовавшею исторіею Россіи. Графъ былъ государственнымъ человѣкомъ и по своему образованію, по складу ума, неустанно искавшаго знаній, по силѣ убѣжденій и энергии, безъ которой самыя завѣтныя идеи не получаютъ реальнаго значенія, являясь лишь мертвымъ, никому ненужнымъ капиталомъ. Полная опредѣленность направленія, честная правдивость въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, были по достоинству оцѣнены и всѣми признаны въ самый день его смерти. Эта оцѣнка выражена и съ высоты трона, въ трогательной и знаменательной телеграммѣ Государя Императора ко вдовѣ покойнаго министра, гдѣ, между прочимъ, говорится «такого преданнаго, благороднаго и стойкаго

человѣка и сотрудника замѣнить трудно». Всякая отрасль управленія, всѣ предметы, на которые графъ Д. А. Толстой нѣтъ талкивался въ теченіе своей продолжительной и разносторонней службы, изучались имъ теоретически, съ пытливостью человѣка, желающаго быть хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ и привыкшаго къ самостоятельному образу мыслей и дѣйствій. Почти каждой должности, которую занималъ графъ, соответствовало извѣстное сочиненіе, книга, печатный трудъ, ставившіе его не разъ въ рядъ выдающихся русскихъ писателей-ученыхъ. Въ этомъ смыслѣ, по мѣткому отзыву одной газеты, графъ Толстой представлялъ рѣдкій и весьма цѣнный примѣръ въ нашей администраціи, приближаясь къ типу наиболѣе выдающихся государственныхъ людей Европы. Кроме того, — что особенно важно — графъ Д. А. являлся и на государственномъ поприщѣ и въ своихъ ученыхъ занятіяхъ истинно-русскимъ человѣкомъ, дорожившимъ русскими началами государственной жизни. Онъ вѣрилъ въ великую будущность Россіи, и для этой будущности неутомимо служилъ всѣми силами своей души и ума. Съ присущей ему прямою и откровенностью графъ Д. А. самъ высказалъ въ той же рѣчи, уже цитованной нами, предлагая тостъ «за людей будущаго, за великую будущность Россіи», слѣдующія многозначительныя слова: «Примемъ же и мы всемірную цивилизацію всецѣло и перестанемъ быть ея обезьянами, ея мишурными подражателями. Прежде всего я русскій и пламенно желаю величія Россіи въ европейскомъ смыслѣ». Такимъ образомъ, повторяемъ, графъ Д. А. Толстой являлъ собой среди нашихъ государственныхъ людей рѣдкій примѣръ истинно-русскаго европейски образованнаго человѣка, пламенно желавшаго величія Россіи и неутомимо въ этомъ направленіи работавшаго, не знавшаго компромиссовъ и полумѣръ, стойко боровшагося за свои убѣжденія почти въ теченіе четверти вѣка. Справедливый судъ исторіи сдѣлаетъ со временемъ безпристрастную и подробную характеристику его плодотворной политической дѣятельности, въ предлагаемомъ же очеркѣ мы намѣрены лишь представить краткій обзоръ ученой дѣятельности графа, достаточно обширной и посвященной различнымъ вопросамъ въ области русской исторической науки. Этотъ обзоръ ученыхъ трудовъ покойнаго, не претендуя на значеніе полной и окончательной во всѣхъ отношеніяхъ оцѣнки, можетъ служить существеннымъ дополненіемъ къ тѣмъ общимъ отзывамъ русской прессы, которые посвящены графу Д. А. Толстому, какъ политическому дѣятелю и государственному человѣку.

Научная дѣятельность графа Д. А. Толстого началась въ 1848 году, когда по высочайшему повелѣнію на него было возложено составленіе исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Въ томъ же

году появилась въ свѣтъ «Исторія финансовыхъ учреждений Россіи со времени основанія государства до кончины императрицы Екатерины II». За это сочиненіе графу былъ пожалованъ брилліантовый перстень и, кромѣ того, Имп. Академіей Наукъ оно удостоено полной Демидовской преміи. Въ № 5 «Морскаго Сборника» за 1855 годъ напечатана статья: «О первоначальномъ учрежденіи и послѣдовавшихъ измѣненіяхъ въ устройствѣ Адмиралтействъ-Коллегій». Въ 1859 году историческій отрывокъ: «Объ іезуитахъ въ Москвѣ и Петербургѣ». Въ 1863 и 1864 годахъ въ Парижѣ появилось сочиненіе графа, доставившее ему литературное имя и почетную ученую извѣстность: «La Catholicisme Romain en Russie» въ двухъ томахъ. За этотъ трудъ Лейпцигскій университетъ возвелъ автора въ званіе доктора философіи. «Римскій католицизмъ» на русскомъ языкѣ появился въ Петербургѣ въ 1876 году тоже въ 2-хъ томахъ. Въ томъ же 1876 году изданы: «Рѣчи и статьи графа Д. А. Толстого» — рѣчи, произнесенныя въ 1866—1875 годахъ при посѣщеніи разныхъ учебныхъ округовъ, и статьи: «Іосифъ, митрополитъ Литовскій, и воссоединеніе униатовъ съ православною церковью» (самая значительная), «Къ вопросу о реальныхъ училищахъ» и «Объ устройствѣ управленія начальными народными училищами», наконецъ, замѣтка объ описаніи Синодальнаго архива. 1882 годъ отмѣченъ появленіемъ объемистой справочной книжки къ царствованію императрицы Екатерины II подъ заглавіемъ: «Люди Екатерининскаго времени». Здѣсь помѣщено болѣе трехъ сотъ краткихъ біографій¹⁾. Въ 1883 году, когда графъ былъ уже президентомъ Академіи Наукъ, появилось изслѣдованіе по исторіи русскаго просвѣщенія: «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года»; а въ 1885 году два изслѣдованія по тому же вопросу, сдѣланныя на основаніи рукописныхъ документовъ архива Академіи Наукъ, — 1) «Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи» и 2) «Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи». Въ 1886 году появилось съ обширными интересными приложеніями изслѣдованіе «Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II», матеріалы для котораго заимствованы преимущественно изъ дѣлъ комиссіи объ учрежденіи училищъ, хранящихся въ архивѣ Департамента Народнаго просвѣщенія. Затѣмъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1887 годъ № 12 напечатано: «Верельскій мирный договоръ съ Швеціей 3 августа 1790 года» (по документамъ изъ архива графа Игельстрома); въ слѣдующемъ году въ 8-ми первыхъ книжкахъ того же журнала съ предисло-

¹⁾ Какъ это сочиненіе графа Д. А., такъ и его «Рѣчи и статьи» изданы въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и составляютъ библиографическую рѣдкость. За сообщеніе этихъ изданій и нѣкоторыя другія указанія считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность Аванасію Федоровичу Бычкову.

виемъ графа помѣщено обширное «Путешествіе стольника Петра Андреевича Толстого 1697 года» и, наконецъ, въ 1888 году, графомъ были изданы въ высшей степени любопытныя и характерныя для исторіи быта XVIII столѣтія «Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому», съ предисловіемъ, портретомъ и факсимиле.—Кромѣ того, нельзя не упомянуть, что по мысли графа, высказанной еще въ 1872 году императору Александру II, въ прошломъ году особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ академика Аѳ. Ѳед. Бычкова, были изданы «Письма и бумаги императора Петра Великаго»; по инициативѣ же графа въ Академіи Наукъ въ недавнее время предпринято изданіе «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ», содержащее въ себѣ документы изъ академическаго архива, въ которыхъ заключается множество весьма важныхъ данныхъ по исторіи образованія и распространенія знаній въ Россіи. Графъ Д. А. Толстой особенно любилъ эпоху Екатерины II. Какъ говорятъ, имъ написанъ еще неизданный огромный трудъ о просвѣщеніи въ царствованіе великой императрицы и составлены характеристики знаменитыхъ людей того времени. Необыкновенно точный во всемъ, графъ работалъ лишь по достовѣрнымъ документамъ; въ его обширной Маковской библіотекѣ, между прочимъ, сохранена въ большомъ порядкѣ огромная переписка графа Д. А. за все время его управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Самыми капитальными трудами графа Д. А. Толстого, представляющими цѣнныя вклады въ русскую историческую науку, являются его «Исторія финансовыхъ учрежденій», «Римскій католицизмъ въ Россіи» и четыре вышепомянутыя изслѣдованія по исторіи просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ. Въ этихъ трудахъ ярко сказались и опредѣлились солидныя и серьезныя стороны научнаго дарованія покойнаго автора: его безпристрастный объективизмъ, его тщательное, въ высшей степени внимательное и добросовѣстное, изученіе первоисточниковъ, соединенное съ проницательно-критической выборкой изъ нихъ всего существенно-важнаго, осторожность выводовъ, ясность и простота изложенія. Въ большинствѣ случаевъ авторъ относится вполне безстрастно къ изслѣдуемому вопросу, искусно группируя лишь богатый документальный матеріалъ и предоставляя дѣлать выводы самому читателю. Въ этомъ сказалась существенная особенность научнаго дарованія графа Д. А., особенность его точнаго, такъ сказать, математическаго ума. «Исторія финансовыхъ учрежденій» являетъ собой первую попытку систематическаго изложенія исторіи русскихъ финансовъ, хотя бы только на основаніи уже изданныхъ матеріаловъ, ибо авторъ не имѣлъ доступа въ архивы. Авторъ въ предисловіи весьмъ проницательно поясняетъ, почему онъ раздѣлил свое сочиненіе на составныя части науки финансовъ (въ сочиненіи пять отдѣ-

ловъ—подати, сборы, регалии, государственныя имущества и банки), излагалъ развитіе каждой изъ этихъ частей въ отдѣльности, избѣгая всякаго искусственнаго дѣленія на періоды; ибо періодовъ въ исторіи русскихъ финансовъ, по мнѣнію автора, нѣтъ,—источники государственныхъ доходовъ Россіи развивались самобытно, медленно, не подвергаясь никакимъ теоретическимъ началамъ. По этому нѣкоторыя царствованія дѣйствительно составляютъ эпоху въ какой-либо отдѣльной части финансовыхъ учреждений, но не было государства, который бы положилъ начало совершенно новой системѣ русскихъ финансовъ.

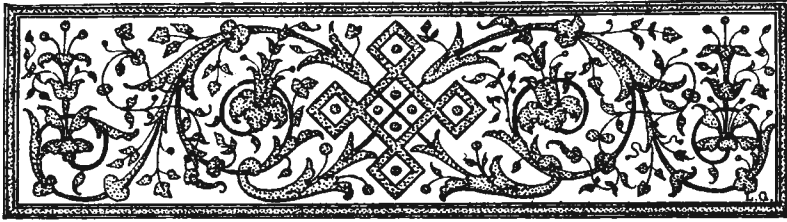
До сихъ поръ единственнымъ въ своемъ родѣ изслѣдованіемъ въ русской исторической наукѣ является «Римскій католицизмъ въ Россіи». Это дѣйствительно замѣчательный и блистательный трудъ. На 800 страницахъ, въ XV главахъ, авторъ сжато изложилъ исторію католицизма въ Россіи, начиная съ первыхъ покушеній римскаго двора совратить Россію въ римскій католицизмъ, съ десятаго столѣтія, и до сношеній русскаго кабинета съ римскимъ дворомъ при императорѣ Александрѣ I. Первый томъ этого обширнаго изслѣдованія трактуетъ въ VI главахъ, кромѣ помянутой первой главы, о царѣ Иоаннѣ IV Васильевичѣ и іезуитѣ Поссевинѣ, объ участіи римскаго католицизма въ смутахъ Россіи въ началѣ XVII столѣтія, о посольствѣ царя Алексѣя Михайловича въ Римъ, о римскомъ католицизмѣ въ Россіи отъ царствованія Иоанна и Петра Алексѣевичей до воссоединенія съ нею Западнаго края; пятая глава представляетъ обзоръ римскаго католицизма въ Литвѣ подъ владычествомъ Польши и шестая—историческій обзоръ римско-католическихъ епархій въ Литвѣ. Заключение представляетъ общіе выводы. Изъ обширныхъ и цѣнныхъ 23-хъ приложений первой части, занимающихъ болѣе 200 страницъ, особенно замѣчательны 8-е и 11-е, представляющіе совершенно самостоятельно обработанные очерки подъ заглавіемъ: «Сношенія царя Петра Алексѣевича съ папами Иннокентіемъ XII и Климентомъ XI» и «Очеркъ исторіи Польши, отъ введенія христіанства въ этой странѣ до половины XIV столѣтія». Весьма примѣчательны и остальные приложения, заключающіяся въ различныхъ грамотахъ, спискахъ епископовъ всякихъ епархій и монастырей и пр.—Второй томъ начинается главой о состояніи латынской церкви въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II, затѣмъ слѣдуетъ описаніе состоянія римско-католической церкви въ Россіи въ царствованіе императора Павла, далѣе трактуется о системѣ управленія латынскимъ духовенствомъ при императорѣ Александрѣ I, объ іезуитахъ при томъ же императорѣ, объ управленіи римско-католическимъ духовенствомъ по изгнаніи іезуитовъ, о состояніи блага духовенства при императорѣ Александрѣ I, о монашескихъ орденахъ въ то же царствованіе; три послѣднія главы посвящены—общему взгляду на по-

ложеііе латынскаго духовенства, пропагандѣ и ея способахъ, установленному порядку сношеній духовенства съ римскимъ дворомъ, состоянію армяно-католической и греко-уніатской церкви и сношеніямъ русскаго кабинета съ римскимъ дворомъ при императорѣ Александрѣ I. 33 приложенія на полуторастахъ страницахъ заключаютъ очень много любопытныхъ, поясняющихъ текстъ документовъ. Это изслѣдованіе графа Д. А. до извѣстной степени могло бы разъяснить русскому обществу шестидесятихъ годовъ смыслъ возсоединенія холмскихъ уніатовъ и учебную политику въ Западномъ краѣ, еслибы тогдашнее русское общество черпало свои воззрѣнія на жизнь изъ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій. Но, къ сожалѣнію, возсоединеніе холмскихъ уніатовъ, одно изъ крупнѣйшихъ дѣлъ графа Д. А., этотъ важный національный успѣхъ, былъ встрѣченъ русскимъ и польскимъ обществомъ крайне не доброжелательно, ибо въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ былъ полный разбродъ мнѣній, отчужденіе отъ всего родного, при почти всеобщемъ помраченіи національнаго смысла и притупленіи національнаго чувства. Точно также встрѣчались въ Россіи усилія графа Д. А. Толстого искоренить зловерное вліяніе іезуитской и польско-католической пропаганды въ школахъ Западнаго края. Все это печальныя недоразумѣнія, свидѣтельствующія о беспочвенности тогдашняго русскаго общества, о его незрѣлости, о слабости развитія національнаго самосознанія.

Четыре изслѣдованія по исторіи русскаго просвѣщенія въ XVIII столѣтіи служатъ существеннымъ дополненіемъ къ существующимъ уже трудамъ по этому вопросу гг. Цекарскаго, Билярскаго, Сухомлинова и другихъ. «Взглядъ на учебную часть» представляетъ сжатые біографіи всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній XVIII вѣка до 1782 года. Это какъ бы конспектъ, послужившій автору въ его послѣдующихъ трудахъ по исторіи просвѣщенія— для его «Академической гимназіи» и «Академическаго университета» и, наконецъ, для его «Городскихъ училищъ въ царствованіе императрицы Екатерины II». Всѣ три послѣднія изслѣдованія заключаютъ массу новыхъ архивныхъ данныхъ и всѣ онѣ снабжены весьма интересными приложеніями.

С. Трубачевъ.

ОТНОШЕНИЯ ГОГОЛЯ КЪ МАТЕРИ.

В ПОСЛѢДНЕЕ время появилось въ нашей литературѣ нѣсколько статей о Марьѣ Ивановнѣ Гоголь, матери нашего великаго писателя¹⁾. Такъ, г. Шенрокъ даетъ исключительно биографическій очеркъ Марьи Ивановны, очень мало касаясь взаимныхъ отношеній матери и сына: г-жа Вѣлозерская въ своей статьѣ неправильно освѣщаетъ эти отношенія. Она обвиняетъ Гоголя въ равнодушіи къ стѣснительнымъ обстоятельствамъ Марьи Ивановны, а послѣднюю изображаетъ самоотверженной матерью, терпящей большую нужду ради сына, которому она постоянно помогаетъ. Пересмотрѣвъ тщательно переписку Гоголя съ матерью, можно прійти къ совершенно противоположному заключенію. Принявъ къ тому же во вниманіе заявленіе г. Быкова и г. Трофимовскаго, можно даже упрекнуть Марью Ивановну за то, что она допускала сына до крайней нужды, ссылаясь на свою бѣдность, а между тѣмъ она вовсе не была бѣдна.

Въ опроверженіе ея предполагаемой бѣдности г. Н. Быковъ, родной племянникъ Гоголя, сообщаетъ намъ точную цифру ея недвижимаго имущества, состоявшаго изъ 1091 десятины земли, которою владѣла Марья Ивановна въ Полтавской губерніи²⁾. Въ до-

¹⁾ «Русская Старина», 1887 г., № 3, статья Вѣлозерской: «Марья Ивановна Гоголь». «Русская Старина», 1888 г., № 7, статья Трофимовскаго: «Марья Ивановна Гоголь». «Историческій Вѣстникъ», 1889 г., № 1—2, статья Шенрока: «Родители Гоголя».

²⁾ «Русская Старина», 1882 г., № 3.

казательство ея состоятельности, г. Н. Быковъ приводитъ еще и тотъ фактъ, что семья Трошинскихъ осталась должна семьѣ Гоголей сорокъ тысячъ рублей ¹⁾. То же самое свидѣтельствуешь и г. Трофимовскій, близкій сосѣдь Гоголей. Онъ рассказываетъ, что Марья Ивановна жила довольно комфортабельно въ своемъ имѣннн, дѣлала приемы, жертвовала большія суммы на сооруженіе храма въ Васильевкѣ, и никакой нужды и недостатка не испытывала, не смотря на то, что была очень непрактична и не умѣла хозяйничать. Статья Трофимовскаго была написана въ защиту Гоголя противъ г-жи Бѣлозерской, которая обрисовала Гоголя сухимъ эгоистомъ по отношенію къ матери, отказывавшей себѣ во всемъ необходимомъ ради своего сына.

Защищая его, г. Трофимовскій не указываетъ на ту необыкновенную отзывчивость, съ какою Гоголь относился къ матери, на тѣ нравственныя униженія и мученія, какимъ онъ подвергся, занимая деньги у Аксакова при выпускѣ сестеръ изъ института. Не выясняетъ онъ также и того обстоятельства, почему Марья Ивановна при своемъ значительномъ состояніи допускала сына до той крайней нужды, какую ему приходилось испытывать въ Петербургѣ. Извѣстно, что Гоголь цѣлую зиму проходилъ въ лѣтней шинели за неимѣніемъ теплой одежды. Онъ былъ принужденъ нерѣдко обращаться за помощію къ Трошинскому, что было для него чрезвычайно тяжело. Получая неаккуратно изъ дому деньги, онъ закладывалъ свои вещи, чтобы какъ-нибудь обернуться, питался весьма скудно и лишалъ себя любимаго удовольствія—театра.

Марья Ивановна стѣснялась посылать сыну даже такія незначительныя деньги, какія ему требовались въ гимназіи для покупки книгъ и другихъ мелкихъ расходовъ: «Если я васъ этимъ не стѣсню, не обезпокою,—пишетъ къ ней Гоголь въ 1825 году изъ Нѣжина, —то пришлите мнѣ 10 рублей ассигнаціями на книгу, которую мнѣ надобно купить «Курсъ россійской словесности», ибо у насъ ее проходить. На свои нужды мнѣ ничего не надо» ²⁾. Несмотря на то, что воспитаніе сына ничего не стоило Марьѣ Ивановнѣ, такъ какъ Гоголь воспитывался на казенный счетъ, тѣмъ не менѣе она посылала сыну деньги на расходы не особенно щедро ³⁾. Гоголь, отказывая себѣ во всемъ необходимомъ, могъ накопить въ полгода на одну лишь какую-нибудь книгу: «Я отказываю себѣ,—пишетъ онъ въ 1827 года изъ Нѣжина,—даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ съ тѣмъ, чтобы имѣть малѣйшую возможность удовлетворить моей жаждѣ видѣть и чувствовать прекрасное. Разумѣется, что я ограничиваюсь однимъ только чтѣньемъ: въ цѣлые полгод

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ «Сочиненія Гоголя». т. V. изд. Кулиша.

³⁾ Тамъ же.

я не приобретаю болѣе одной книжки, и это меня крушить чрезвычайно. Удивительно, какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему. Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго; сильно бьется сердце и съ тяжелымъ вздохомъ роняю изъ рукъ газетный листокъ, вспоминая невозможность имѣть его. Мечтаніе достать его смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь болѣе самаго жаркаго корыстолюбца» ¹⁾. Такую охоту къ чтенію Марья Ивановна не поощряла въ сынѣ, какъ видно изъ письма ея къ Трощинскому ²⁾. «Онъ признавался мнѣ,—пишетъ она Трощинскому,—что когда онъ (Гоголь) начитаетъ о новой книжкѣ, то дрожить, какъ бы ее выписать скорѣе и за это получили отъ меня репримандъ. Я называю сію охоту страстію, хотя она и непостыдна, какъ карточная; но тоже можетъ раззорять. Теперь онъ увѣряетъ меня, что отъ всего отказался, видя недостаточное свое положеніе». Гоголю необходимы были однако деньги на учебныя пособія и другіе расходы, и онъ просилъ ихъ у матери. Марья Ивановна была этимъ весьма недовольна: «Я чувствовалъ,—пишетъ онъ ей,—что принесу вамъ большое неудовольствіе своей просьбой, зная трудность выполненія ея. Недавно только понялъ я, что имѣлъ нужду не по своему состоянію и что при моей бѣдности тягостно было удовлетворять и ближайшія издержки, и узналъ это тогда, когда требовались еще нужнѣйшія для моихъ занятій» ³⁾. Отличаясь необыкновенной подозрительностью, Марья Ивановна иногда сомнѣвалась, на дѣло ли употреблялъ сынъ деньги, которыя она ему посылала. Она безъ всякаго основанія заподозрила сына въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ: «Ваши наставленія,—пишетъ Гоголь въ 1827 г. изъ Нѣжина,—касательно неупотребленія крѣпкихъ напитковъ могутъ быть даже излишни» ⁴⁾. А въ 1829 году, онъ пишетъ матери по этому поводу: «Что же касается до пьянства, я никогда не имѣлъ этой привычки» ⁵⁾.

Жалуясь постоянно сыну на критическія обстоятельства, Марья Ивановна обрисовывала свое положеніе такъ, что Гоголь считалъ себя всегда бѣднѣйшимъ человѣкомъ. Много тревогъ и душевныхъ безпокойствъ пережилъ онъ, принимая горячо къ сердцу ея вѣчныя жалобы ⁶⁾. «Горько мнѣ,—пишетъ онъ въ послѣдній годъ пребыванія своего въ гимназіи,—когда вспомню, что еще я вамъ буду стоить великихъ затрудненій, что еще я долженъ буду принять тягостное для меня благодѣяніе, съ какимъ горькимъ трудомъ оно

¹⁾ «Записки о жизни Гоголя», Кулиша, т. I.

²⁾ «Русская Старина», 1886 г., № 6.

³⁾ «Сочиненія Гоголя», т. V, письма, изд. Кулиша. 1857 г.

⁴⁾ «Записки о жизни Гоголя», Кулиша, т. I.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ «Письма Гоголя», т. V, полное собраніе соч. изд. Кулиша, 1857 г.

вамъ обойдется. Знаю, что вамъ послѣдній разъ сдѣлать мнѣ вспомоствованіе; но знаю и то, какъ трудно изъ нашего небогатаго состоянія это сдѣлать. Одною только мыслию утѣшаю себя, что уже болѣе не нанесу вамъ подобныхъ затрудненій и что, ежели Богъ дастъ, найду способъ и силы помогать вамъ и сестрамъ». Чѣмъ болѣе приближалось время къ выпуску, тѣмъ сильнѣе безпокоился Гоголь о томъ, что очень дорого будетъ стоить матери его экипировка, а затѣмъ отправка въ Петербургъ. Онъ даетъ весьма практичный совѣтъ продать для этого лѣсъ, ему принадлежащій по завѣщанію, соображая вѣроятно, что эта продажа могла бы облегчить Марью Ивановну въ заботахъ по хозяйству.

Въ этомъ же письмѣ онъ рисуется тѣмъ заботливымъ братомъ и сыномъ, какимъ былъ до конца жизни. Онъ строитъ также радужные планы на счетъ того, какъ добьется своей цѣли, достигнувъ виднаго положенія, и возьметъ къ себѣ мать¹⁾: «Мнѣ жалко,—пишетъ онъ матери,—мнѣ горестно только, что я принужденъ васъ разстраивать и безпокоить, зная ваше слишкомъ небогатое состояніе, моими просьбами о деньгахъ, и сердце мое разрывается, когда подумаю, что я буду имѣть непріятную необходимость надобдаться вамъ подобными просьбами чаще прежняго. Не старайтесь сохранять для меня имѣнія: къ чему мнѣ оно? Только развѣ на первые два года, или три года, въ Петербургѣ мнѣ будетъ нужно вспоможеніе, а далѣе, развѣ я не умѣю трудиться? Развѣ я не имѣю твердаго непоколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ которымъ можно будетъ все побѣдить? и эти деньги, которыя вы мнѣ будете теперь посылать, не значитъ ли это отдача въ ростъ съ тѣмъ, чтобы послѣ получить утроенный капиталъ съ великими процентами? Продайте тотъ лѣсъ, который мнѣ назначенъ. Деньгами вырученными за него можно не только сдѣлать вспоможеніе мнѣ; но и сестрѣ моей Машенькѣ. Я какъ подумаю, что ей бѣдной слишкомъ мало достается на часть, такъ не лучше ли будетъ, если раздѣлюсь всѣмъ своимъ имѣніемъ съ нею».

Совѣту его Марья Ивановна не послѣдовала и отправила Гоголя въ Петербургъ съ весьма не большими деньгами, которыхъ ему едва хватило на дорогу и на первое обзаведеніе. Не только не ропталъ на это Гоголь; но въ успокоеніе матери записалъ ей все завѣщанное ему отъ отца имѣніе, уѣзжая въ 1829 году въ Петербургъ.

Трогательно его письмо къ дядѣ по этому поводу. Онъ пишетъ, что сердце у него разрывается, глядя на безпокойства матери, и умоляетъ его переселиться въ Васильевку, чтобы помогать матери въ хозяйствѣ: «Я съ своей стороны денегъ съ собой беру немного,

¹⁾ «Сочиненія Гоголя», т. V: изд. Кулиша. 1857 г.

чтобы стало на проѣздъ, да на первое обзаведеніе, а для обезпеченія ея состоянія отказываюсь отъ своего наслѣдія и теперь занимаюсь составленіемъ дарственной записи, по которой часть имѣнія, принадлежащаго по завѣщанію мнѣ, съ домомъ, садомъ, лѣсомъ, и прудами, оставляется матери моей въ вѣчное владѣніе ¹⁾.» Заканчивая это письмо онъ даетъ обѣщаніе, что если найдетъ свое счастье, то первымъ дѣломъ прійдетъ на помощь своимъ роднымъ.

Отправляя Гоголя съ такими маленькими средствами въ Петербургъ, Марья Ивановна, вѣроятно, рассчитывала на помощь со стороны Трощинскаго, который проживалъ въ это время въ Петербургѣ. Въ своемъ расчетѣ она не ошиблась. Въ 1830 году она пишетъ Косяровскому: «Благодарю Бога, что за Николинку я теперь покойнѣе по милости добраго брата А. А. Трощинскаго, который взялъ его подъ свое покровительство и снабжаетъ его деньгами» ²⁾. Въ то же время и Гоголь пишетъ матери: «Что бы я дѣлалъ, не имѣя такого благодѣтеля? Вы мнѣ, маменька, не высылаете денегъ, видно обстоятельства ваши слишкомъ трудны» ³⁾. Тяжело, однако, было Николаю Васильевичу обращаться за помощью къ Трощинскому, тѣмъ болѣе, что послѣдній не располагалъ такими большими средствами, какъ думалось Марьѣ Ивановнѣ. «Деньги, которыя я выпрашивалъ у А. А. Трощинскаго,— пишетъ Гоголь въ 1830 году изъ Петербурга,—никогда не могъ употребить на платѣ, потому что онѣ все выходили на содержаніе, а много я просить не осмѣливался, потому что замѣтилъ, что я становлюсь уже ему въ тягость. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ, что помогаетъ мнѣ до того времени, пока вы поправитесь немного состояніемъ, что у него есть семейство, что его дѣла также не въ хорошемъ состояніи. И вы не повѣрите, что мнѣ стоить заикаться ему о своихъ нуждахъ» ⁴⁾. Видно очень круто приходилось Гоголю, если онъ, не смотря на нравственныя униженія, отъ которыхъ ему приходилось страдать, все же по необходимости продолжалъ пользоваться помощью Трощинскаго ⁵⁾. «Андрей Андреевичъ былъ такъ милостивъ,—пишетъ Гоголь въ 1830 году,—что оказалъ мнѣ помощь, видя нужду мою. Съ іюня мѣсяца, т. е. съ тѣхъ поръ, когда я не получалъ уже ничего отъ васъ, я пользовался его благодѣяніями: на три мѣсяца онъ мнѣ выдалъ сумму, какую слѣдовало бы мнѣ получить отъ васъ. Слѣдовательно, за прошедшіе мѣсяцы—іюнь, іюль и августъ, вамъ нечего беспокоиться. Завтра или послѣ завтра Трощинскій уѣзжаетъ и потому далъ мнѣ еще и на первую половину сентября. Онъ для меня

¹⁾ «Русская Старина». 1886 г., № 1.

²⁾ Шенрокъ. «Указатель къ письмамъ Гоголя».

³⁾ «Записки о жизни Гоголя», Кулиша, т. I.

⁴⁾ «Сочиненія Гоголя», т. V, изд. Кулиша, 1857 г.

⁵⁾ «Сочиненія Гоголя», т. V, изд. Кулиша.

много сдѣлалъ, по милости его я теперь имѣю теплое на зиму платье, также заплатилъ должное мною за квартиру». «Хорошо еще,—прибавляетъ Гоголь,—что я имѣлъ такого рѣдкаго благодѣтеля». Въ этомъ же письмѣ онъ просить мать выразить Троцинскому благодарность въ «живѣйшихъ и трогательнѣйшихъ выраженіяхъ». Это порученіе сына Марья Ивановна не замедлила выполнить¹⁾: «Я получила отъ Николаши письмо,—пишетъ она въ 1830 году Троцинскому,—въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о днѣ выѣзда вашего изъ Петербурга и о грусти, съ которой разстался съ вами, и отъ которой онъ въ совершенной бездѣйственности находится, ни за что не хочетъ приняться, все сдѣлалось ему такъ чуждо... Онъ мнѣ три раза писалъ число денегъ отъ васъ имъ полученныхъ: первый разъ 300 рублей ассигнаціями и платье теплое и все, что нужно было ему; во второй разъ 150 руб., а третій то, что слѣдовало отъ меня получить за три мѣсяца съ половиной, я полагаю 280 или 300 руб. ассигнаціями. О прочихъ вспомоствованіяхъ вашихъ не именовалъ числа денегъ и писалъ всегда, что опять получилъ вновь отъ рѣдкаго благотворителя моего помощь и заключилъ, что онъ цѣлый годъ отъ васъ однихъ получалъ содержаніе и не имѣлъ ни въ чемъ нужды. Я полагаю что онъ всякій разъ, когда получалъ отъ васъ помощь, писалъ ко, мнѣ, потому что почти въ каждомъ письмѣ хвалится мнѣ новыми ему вашими милостями, а я не думаю, чтобы онъ что утаилъ отъ меня, и потому съ меня половину только просить изъ прежде назначаемой ему суммы за сей годъ, чѣмъ много меня облегчилъ по вашей благотворительности, и на будущій годъ просить высылать половину, надѣясь съ новаго года на прибавку жалованья (въ это время Гоголь только-что поступилъ въ департаментъ удѣловъ и получалъ 30 рублей ассигнаціями въ мѣсяць), а на предыдущій годъ надѣется уже мнѣ помогать. Но я никакъ не надѣюсь на сіе общаніе, только пріятно мнѣ его намѣреніе. Я также вижу, что онъ не выучился расчетливо жить». Въ то же время сама Марья Ивановна,—какъ сообщаетъ это г. Шенрокъ въ статьѣ своей «Родители Гоголя»,—въ отсутствіе дочерей покупала такъ много всякихъ мелочей, что дочери должны были, если еще не было поздно, посылать въ догонку за продавцемъ и возвращать ему купленное²⁾. «Я васъ покорнѣйше прошу, благодѣтельный другъ,—продолжаетъ свое письмо Марья Ивановна,—если вы удостоете иногда отвѣтами Николая моего письма, продолжать строгія ваши ему поученія, чтобы онъ ни на минуту не выпускалъ изъ виду получившіяся имъ изустныя отъ васъ наставленія, и я съ своей стороны буду продолжать ему свои морали и тогда съ помощью

1) «Русская Старина». 1882 г., № 6.

2) «Историческій Вѣстникъ». 1889 г., №

Божіей можно ожидать, что онъ будетъ истинный христіанинъ и добрый гражданинъ» ¹⁾).

(съ отъѣздомъ Троцинскаго, Гоголь, не рассчитывая на то, что мать будетъ въ состояніи высылать даже такія незначительныя деньги, какъ 300 рублей ассигнаціями на 3½ мѣсяца, собрался было бросить Петербургъ и ѣхать въ провинцію ²⁾). «Если не будете по состоянію вашему, если принуждены будете отказывать себѣ въ необходимомъ, въ такомъ случаѣ я рѣшусь бросить Петербургъ, удалюсь въ провинцію, гдѣ бы содержаніе мнѣ не стоило такъ дорого». Марья Ивановна однако весьма неаккуратно ему высылала деньги ³⁾: «Часто,—пишетъ онъ матери въ 1830 году,— большія неудобства встрѣчаются отъ замедленія присылки денегъ и тогда принужденъ я бываю продавать за безцѣнокъ самонужнѣйшія вещи, которыхъ пріобрѣтеніе становится впоследствии мнѣ несравненно дороже. Но нужнѣе всего теперь для меня ваше письмо. Оно одно доставитъ мнѣ удовольствіе и заставитъ забыть и крайность, и нужду, и голодъ, и все непріятности въ свѣтѣ. Ради Бога не мучьте меня болѣе. Одна строчка ваша и я благополучнѣйшій человекъ». Марья Ивановна, жившая всегда въ деревнѣ и не имѣвшая никакого представленія о дороговизнѣ петербургской жизни, постоянно подозрѣвала сына въ нерасчетливости. Она упрекала его въ томъ, что онъ о сю пору не опредѣлился на такое мѣсто, которое обезпечивало бы его. Въ то же время она указывала на одного изъ своихъ знакомыхъ, Гежелинскаго, который пріѣхалъ въ Петербургъ не имѣя ничего, а потомъ въ короткое время пріобрѣлъ значительное состояніе. На это Гоголь возражалъ ей, что Гежелинскій жилъ въ другое время, когда легче было пріобрѣтать состояніе ⁴⁾). «Черезъ годъ,— заключаетъ онъ свое письмо,—я надѣюсь получить штатное мѣсто. Это составляетъ единственное пока мое желаніе и полученіе его будетъ для меня неизяснимою радостью, потому что освободитъ отъ тягостной обязанности получать отъ васъ вспоможеніе, когда оно болѣе всего вамъ нужно». Въ этомъ же письмѣ онъ жалуется матери, что не смотря на все старанія, не могъ, однако же, имѣть никакой возможности переѣхать на дачу ⁵⁾): «Судьба никакимъ образомъ не захотѣла свести меня съ высоты моего пятаго этажа въ низменный домикъ на какой-нибудь изъ острововъ. Необходимости должно повиноваться, но я всячески стараюсь услаждать свое заключеніе. Я каждый день прогуливаюсь по дачамъ. дѣлая болѣе 20 верстѣ

¹⁾ «Русская Старина», 1882 г., № 6.

²⁾ «Письма Гоголя», т. V, изд. Кулиша.

³⁾ «Записки о жизни Гоголя», Кулиша, т. I.

⁴⁾ «Сочиненія Гоголя», т. V, изд. Кулиша.

⁵⁾ Тамъ же.

въ день». Марья Ивановна довольно равнодушно относилась къ этимъ заявленіямъ и ничего не сдѣлала для того, чтобы сколько-нибудь облегчить сына. Послѣдній сильно затосковался въ Петербургѣ ¹⁾. «Какъ бы хотѣлось мнѣ хоть на мгновеніе оторваться отъ душныхъ стѣнъ столицы и подышать хотя на мгновеніе воздухомъ деревни; но неумолимая судьба истребляетъ даже надежду на это. Какъ подумаю о будущемъ лѣтѣ, теперь даже томительная грусть залегаетъ въ душу. Вы помните, я думаю, какъ всегда рвался въ это время на вольный воздухъ, какъ для меня убійственны были стѣны даже маленькаго Нѣжина. Что же теперь должно происходить въ это время, когда столица пуста и мертва, какъ могила, когда почти живой души не остается въ обширныхъ улицахъ, когда громады домовъ съ вѣчно раскаленными крышами однѣ только кидаются въ глаза, и ни деревца, ни зелени, ни одного прохладнаго мѣстечка, гдѣ бы можно было освѣжиться. Не мудрено, когда прошлый годъ со мною произошло то странное безразсудное явленіе (онъ въ данномъ случаѣ намекаетъ на растрату денегъ, которыя мать поручила ему внести въ Опекунскій Совѣтъ), я былъ утопающій, хватающійся за первую попавшуюся ему вѣтку. Хотя бы на это время я былъ въ состояніи нанять комнатку гдѣ-нибудь на дачѣ за городомъ; но тамъ квартиры несравненно дороже, а при бѣдности моего состоянія это почти невозможно». Хотя Анна Васильевна Гоголь и оправдываетъ брата въ растратѣ денегъ тѣмъ, что это было его собственное состояніе, завѣщанное ему отъ отца, тѣмъ не менѣе фактъ самъ по себѣ остается неблагоприятнымъ, разъ Гоголь записалъ матери свое имѣніе. Этотъ совѣтъ не похожій на Гоголя поступокъ смягчается тѣмъ обстоятельствомъ, что Гоголь при всей своей тоскѣ по деревнѣ былъ въ это время еще и влюбленъ безнадежно въ знатную даму. Желая освободиться отъ мучившаго его чувства, онъ уѣхалъ за границу на деньги, присланныя матерью въ Опекунскій Совѣтъ. Во всѣхъ дальнѣйшихъ письмахъ Гоголь сообщаетъ матери подробнѣйшій отчетъ въ своихъ издержкахъ, жалуясь на потерю по курсу ²⁾. «Жить здѣсь не совѣтъ посвински, т. е. имѣть разъ въ день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думалъ,—пишетъ онъ матери.—За квартиру мы платимъ 80 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ за однѣ только дрова и воду. Она состоитъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ и права пользоваться на хозяйской кухнѣ. Съѣстные припасы также недешевы: картофель продается десятками, десятокъ луковицъ, рѣпа стоитъ 30 коп. ассигнаціями. Это все заставляетъ меня жить какъ въ пустынѣ, я принужденъ отказываться отъ лучшаго своего удовольствія—видѣть театръ.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ «Записки о жизни Гоголя», Кулиша.

Но, впрочемъ, все это пустяки. Что за бѣда посидѣть какую-нибудь недѣлю безъ обѣда. Того ли еще будетъ на жизненномъ пути. Всего понаберешься». Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ матери, что не смотря на то, что онъ отказывается себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, не франтитъ платьемъ, какъ бывало дома, обѣдаетъ не слишкомъ роскошно и, не смотря на это, менѣе 120 руб. ассигнаціями ему никогда не обходится въ мѣсяцъ. «Какъ въ этомъ случаѣ,—заканчиваетъ онъ свое письмо,—не принятъ за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ, подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ».

Марья Ивановна не входила въ положеніе сына и продолжала подозрѣвать его въ нерасчетливости. Особенно нападала она на него, когда узнала отъ одного своего знакомаго, навѣстившаго Гоголя въ Петербургѣ, что сынъ ея занимаетъ три комнаты¹⁾: «Вы пишете, что довольно нерасчетливо живу,—отвѣчаетъ Гоголь матери.—Но ради Бога не вѣрьте NN.; въ жизнь я не видѣлъ такого жестокаго лгуна. Когда онъ видѣлъ, чтобы у меня пировало множество гостей на мой счетъ? Когда я нанималъ квартиру, состоящую изъ трехъ комнатъ одинъ? И теперь нанимаемъ мы три комнаты; но насъ три человѣка вмѣстѣ стоятъ и комнатки очень небольшія. Доказательствомъ моей бережливости служитъ то, что я еще до сихъ поръ хожу въ томъ самомъ платьѣ, которое я сдѣлалъ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ изъ дому, и потому вы можете судить, что фракъ мой, въ которомъ я хожу повседневно, долженъ быть довольно ветхъ и истерся также немало, между тѣмъ какъ до сихъ поръ я не въ состояніи былъ сдѣлать новаго нетолько фрака, но даже и теплаго плаща, необходимаго для зимы. Хорошо еще, что я немного привыкъ къ морозу и отхватилъ всю зиму въ лѣтней шинели».

Всѣ эти невзгоды, которыя приходилось испытывать Гоголю въ Петербургѣ, приводили его иногда въ раздраженіе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Косяровскому Марья Ивановна пишетъ²⁾: «Никогда мой о сю пору не опредѣленъ еще на службу. Покойный благодѣтель Дмитрій Прокофьевичъ (Троцинскій) говорилъ мнѣ, чтобы я не скучала не скорымъ его опредѣленіемъ, потому-что Кутузовъ выискиваетъ хорошую и выгодную для него должность. Я о семъ писала Николенькѣ своему, чтобы онъ не наскучалъ Кутузову, а положился съ терпѣніемъ на его стараніе, и онъ мнѣ отвѣчалъ: «Вы мнѣ совѣтуете, маменька, не беспокоить Лонгина Ивановича моимъ опредѣленіемъ: оно бы и хорошо, когда бы я могъ ничего не ѣсть, не изнашивать сапоговъ; но такъ какъ я не имѣю сихъ талантовъ, т. е. жить воздухомъ, то и скучаю своимъ бездѣй-

¹⁾ «Записки о жизни Гоголя», Кулиша, т. I.

²⁾ Шенрокъ. «Указатель къ письмамъ Гоголя»

ствіемъ, сидя въ холодной комнатѣ и имѣя величайшее несчастіе просить у васъ денегъ, зная теперешнія ваши обстоятельства, недаромъ я не любилъ никакихъ протекцій; безъ нихъ давно бы я опредѣлился къ мѣсту».

Имѣя въ рукахъ эту переписку Гоголя съ матерью, г-жа Бѣлозерская вполне основательно вывела заключеніе о крайней бѣдности Марьи Ивановны. Такое же представленіе имѣлъ и Жуковский, когда торопилъ Плетнева новымъ изданіемъ сочиненій Гоголя вскорѣ послѣ смерти послѣдняго: ¹⁾ «Надобно намъ, его друзьямъ позаботиться объ изданіи его сочиненій, объ изданіи полномъ, красивомъ, по подпискѣ въ пользу его семейства (у него кажется живы мать и двѣ сестры). Если публиковать теперь подписку, то она можетъ быть богатая. Позаботьтесь объ этомъ. Если бы я былъ въ Россіи, то бы дѣло разомъ скипѣло». Какъ удивился бы Жуковский, если бы прочелъ недавнее сообщеніе г. Трофимовскаго о жизни Марьи Ивановны въ Васильевкѣ ²⁾. «Сколько я,—говорить г. Трофимовскій,—не только помню самъ, но сколько я слышалъ и прежде, да и теперь отъ оставшихся въ живыхъ тогдашнихъ сосѣдей Васильевки, домъ Гоголей былъ всегда полная чаша; домъ небольшой, но помѣстительный, обширный и живописный садъ и прудъ, многочисленная прислуга, сытный обѣдъ, приличные экипажи и лошади и пр., идѣ же тутъ спрашивается нужда и недостатокъ ³⁾. Очевидно нужды большой не было, иначе, какъ объяснить тотъ фактъ, что семья Гоголей давала займы Троцинскимъ такіа значительныя суммы, о которыхъ упоминаетъ г. Н. Быковъ ⁴⁾. «Я думаю,—рассказываетъ далѣе г. Трофимовскій,—что родственники и многочисленные сосѣди, посѣщавшіе Васильевку, проводившіе цѣлые дни подъ кровомъ Марьи Ивановны, гулявшіе въ прелестномъ тѣнистомъ саду, катавшіеся по обширному живописному пруду, осѣненному старыми деревьями, пользовавшіеся широкимъ гостепріимствомъ всегда милой, любезной, веселой и гостепріимной хозяйки, были бы очень удивлены, если бы имъ сказали, что эта самая Васильевка—пріютъ вѣчной нужды, горя и заботъ, вѣчныхъ хлопотъ изъ-за копейки» ⁵⁾. Въ доказательство вполне обеспеченнаго положенія Марьи Ивановны, г. Трофимовскій приводитъ факты широкой благотворительности, выражавшіеся въ сотняхъ рублей. Постройка храма въ Васильевкѣ стоила не одну тысячу. Значительные расходы дѣлались на приемы богатаго родствен-

¹⁾ Сочиненія Жуковскаго, т. VI.

²⁾ «Русская Старина», 1888 г. № 7, статья Трофимовскаго: «Марья Ивановна Гоголь».

³⁾ Эта статья была написана въ отвѣтъ на статью г-жи Бѣлозерской, которая, описывая нужды Марьи Ивановны, обвиняла Гоголя въ эгоизмѣ.

⁴⁾ «Русская Старина», 1888 г. № 3.

⁵⁾ Тамъ же.

ника Троицкаго съ его многочисленнымъ штатомъ. Остается послѣ всего этого предположить, что Марья Ивановна относилась слишкомъ равнодушно къ нуждамъ сына и далеко не была такою заботливою матерью, какъ привыкли о ней думать. Не отличаясь спокойнымъ характеромъ, обладая до болѣзненности развитымъ воображеніемъ и подозрительностью, она въ то же время была мелочна. Сохранилось любопытное письмо Гоголя къ матери, изъ котораго нетрудно вывести это послѣднее заключеніе ¹⁾. «Вы меня напугали немножко выговоромъ объ похищеніи какой-то бумаги, — пишетъ Гоголь изъ Нѣжина въ 1827 г. — Я право не знаю, можетъ быть, я ее и дома взялъ; только здѣсь рывшись въ своемъ портфель, я сыскалъ два листа и не замѣтилъ въ ней никакого особеннаго достоинства, кромѣ того, что слишкомъ тонка. Но тотъ же часъ я написалъ на ней письмо къ вамъ. Впрочемъ, ежели вамъ нужно, то я могу купить: здѣсь продается почти такая же». Подобная же мелочность проявлялась и въ хлопотахъ Марьи Ивановны по хозяйству. Въ письмѣ къ Косяровскому Гоголь говоритъ, что эти хлопоты «иногда о какой-нибудь копейкѣ» сильно его разстраиваютъ. Онъ высказываетъ желаніе никогда не возвращаться домой ²⁾. Когда однажды мать просила Гоголя пріѣхать въ Васильевку, онъ ей отвѣтилъ ³⁾: «Издали какъ-то любитя лучше, вблизи, какъ увидишь то и это не такъ; еще и поссорисься». Непокойный, мелочной, подозрительный характеръ матери отзывался на здоровьѣ Гоголя, когда онъ бывалъ въ Васильевкѣ. Въ 1851 г. пишетъ онъ Плетневу ⁴⁾: «Въ Малороссіи остаться зиму для меня еще тягостнѣе; чѣмъ въ Москвѣ. Я захвораю и впаду въ ипохондрію». Въ другой разъ, онъ пишетъ ему, что возвращеніе на родину произвело на него самое безотрадное впечатлѣніе. Тягостнѣе всего было для него видѣть мать, погружившуюся въ практическую, мелочную жизнь, которая дѣлала ее равнодушной ко всему тому, что происходило вокругъ нея ⁵⁾: «Я не могу вамъ рассказать моей грусти, — пишетъ Гоголь матери, — которую я чувствовалъ, глядя на васъ. Эта совершенная ваша разсѣянность въ словахъ и задумчивость, это ваше вѣчно устремленное куда-то вниманіе, не къ предметамъ васъ окружавшимъ, не къ тѣмъ, о которыхъ шла рѣчь, такъ что вы казались совершенно среди насъ живущею въ какомъ-то другомъ мірѣ, чуждою всего того, что около васъ происходило».

Какъ нарочно, въ тотъ годъ, когда Гоголь гостилъ въ Васильевкѣ, былъ повсемѣстный неурожай вслѣдствіе большой засухи. Онъ пріѣ-

¹⁾ «Сочиненія Гоголя». т. V, изд. Кулиша.

²⁾ «Русская Старина». 1876 г. № 1.

³⁾ «Сочиненія Гоголя». т. V, изд. Кулиша.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ «Записки о жизни Гоголя», Кулиша.

халь въ имѣніе разоренное. Приставали къ нему со всѣхъ сторонъ, имѣя преувеличенное понятіе о доходахъ его съ изданія сочиненій. «Уплатить же,—пишетъ онъ,—была совершенная невозможность». Разореніе сильно подѣйствовало на Гоголя при сознаніи полнаго безсилія помочь горю. Онъ пришелъ въ такое мрачное настроеніе, что при первой получкѣ денегъ сейчасъ же уѣхалъ изъ Васильевки. Видя крестьянскую нужду, онъ немедленно послалъ сначала 50, а потомъ 150 руб. ассигн. для раздачи крестьянамъ наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая. Но какъ видно изъ того же письма къ Плетневу, помимо неурожая разоренію способствовала значительная доля безтолковщины, съ какою велось хозяйство: «Въ будущемъ,—пишетъ Гоголь,—предстоитъ голодъ и та же повсюдная безтолковщина. Если Богъ не вмѣшается въ дѣло, люди погибнуть отъ собственной глупости».

Послѣ всего вышеизложеннаго ясно, почему Гоголь не могъ жить въ Васильевкѣ.

Онъ скромно проживалъ въ Италіи, весьма немного истрачивая на себя при своихъ ограниченныхъ требованіяхъ. Гоголь особенно любилъ Италію, вѣроятно, потому, что она напоминала его дорогую Малороссію, въ которой, по неумѣнію Марьи Ивановны вести хозяйство, онъ видѣлъ только лишь нужду, разстройство, вѣчную житейскую суету! Къ тому же Италія вполне соотвѣтствовала міровозрѣнію Гоголя. Здѣсь средніе вѣка процвѣтали во всей своей красѣ и Гоголь, по выраженію одного изъ нашихъ критиковъ ¹⁾, «какъ представитель средневѣкового воззрѣнія, бродилъ воплощеннымъ анахронизмомъ XIX вѣка среди величественныхъ памятниковъ отжившей старины, мечтая о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда подъ покровительствомъ владѣтельныхъ особъ великіе художники, исполненные религіознаго энтузіазма, цѣлые годы проводили надъ какою-нибудь Мадонною или расписываніемъ церковнаго плафона. Живымъ напоминаніемъ этого давноминувшаго времени служилъ для Гоголя Ивановъ, проведеншій полжизни надъ своею знаменитою картиною: «Явленіе Христа народу» такой же средневѣковой аскетъ, какимъ былъ Гоголь».

Въ тѣхъ письмахъ къ матери, гдѣ Гоголь проповѣдывалъ мораль, онъ былъ высококомѣренъ и даже рѣзокъ; но спрашивается, какой же фанатикъ, увлекшійся до энтузіазма своею идею, не воображаетъ, что онъ пришелъ обновить міръ и что міръ долженъ внимать ему и идти за нимъ, иначе все погибнетъ. Не смотря на эту невольную рѣзкость, Гоголь все же былъ безукоризненнымъ сыномъ по отношенію къ матери. Прослѣдимъ эти отношенія къ ней съ того самаго періода, когда Гоголь сдѣлался извѣстнымъ писателемъ.

¹⁾ «Отечественныя Записки», 1872 г., № 9.

«Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» вышли въ первый разъ въ 1831 году. Сразу Гоголь получаетъ извѣстность. Его приглашаютъ преподавателемъ въ Патріотическій институтъ и въ этомъ же году онъ пишетъ матери, посылая при этомъ 500 рублей сестрѣ къ свадьбѣ и на 90 рублей разныхъ Петербургскихъ издѣлій ¹⁾: «Не безпокойтесь ни о чемъ, не принимайте ничего слишкомъ близко къ сердцу и старайтесь побольше веселиться. Одного молодца вы совершенно пристроили. Онъ вамъ больше уже ничего не будетъ стоить, а съ слѣдующаго года будете получать съ него и проценты. О Машенькѣ также не печальтесь, какъ-нибудь соберемъ приданое. Что же касается до маленькихъ сестрицъ, то онѣ, можетъ быть, лучше получать воспитаніе нежели многія. Два здѣшніе института Патріотическій и Екатерининскій самые лучшіе, и въ нихъ-то будьте увѣрены, что мои маленькія сестрицы будутъ помѣщены». Съ трудомъ удалось Гоголю помѣстить своихъ сестеръ въ Патріотическій институтъ въ зачетъ своего жалованія. Только черезъ годъ приняли ихъ на казенный счетъ по особенной просьбѣ начальницы института. Но и послѣ этого приходилось Гоголю платить за уроки музыки, а также давать сестрамъ деньги на ихъ расходы. Чтобы яснѣе показать то теплое, сердечное участіе, какое онъ принималъ въ сестрахъ, привожу отрывокъ изъ дневника г-жи Быковой, родной его сестры ²⁾: «Братъ хлопоталъ обо всемъ, входилъ во всѣ подробности, даже въ заказъ нашего гардероба, дѣлалъ самъ платья дорожныя для поступленія въ институтъ и для другихъ случаевъ. Въ Петербургѣ братъ старался доставить намъ всѣ возможные удовольствія, возилъ насъ по нѣскольکو разъ въ театръ, звѣринецъ и другія мѣста. Мы прожили съ братомъ съ мѣсяць, въ это время онъ насъ самъ подготовлялъ къ поступленію въ институтъ, не забывая въ то же время покупать намъ разныя сласти и игрушки». Выпускъ сестеръ также всецѣло легъ на Николая Васильевича ³⁾. «За три мѣсяца до выпуска,—пишетъ Елизавета Васильевна Быкова въ своемъ дневникѣ,—пріѣхалъ братъ изъ Рима. Братъ заботился о насъ очень много, онъ входилъ положительно во все: ѣздилъ по магазинамъ, заказывая намъ платья у «Courte», покупая бѣлье и все до послѣдней мелочи,—вѣроятно, нашъ выпускъ обошелся ему недешево. Наканунѣ выпуска онъ самъ привезъ намъ все и все-таки самое нужное онъ забылъ: онъ, покупая все до мелочей, забылъ купить рубашки и долженъ былъ ѣхать покупать двѣ готовыхъ».

Удивительно, что Марья Ивановна не позаботилась приготовить бѣлье дочерямъ. Это было не такъ трудно сдѣлать, тѣмъ болѣе,

¹⁾ «Письма Гоголя», т. V, изд. Кулиша.

²⁾ «Русь», 1886 г., № 12.

³⁾ Тамъ же.

что при крѣпостномъ правѣ холстъ приготавлился дома. Послѣ выпуска, старшая сестра уѣхала въ Васильевку, а для младшей Гоголь долго искалъ семью, гдѣ бы можно было ее помѣстить. Наконецъ, ему указали на Раевскую, у которой Елизавета Васильевна прожила болѣе года. Въ своихъ письмахъ къ Раевской Гоголь просить послѣднюю, чтобы она заставляла его сестру побольше трудиться, ссылаясь на то, что сестра его дѣвушка бѣдная. Особенно просилъ онъ обратить вниманіе на переводы, которые могутъ временемъ дать средства къ жизни ¹⁾. Помѣщая сестру къ Раевской, Гоголь рассчитывалъ, вѣроятно, этимъ облегчить свою мать. Взявши, такимъ образомъ, сестеръ на полное свое иждивеніе, Гоголь тѣмъ самымъ освобождалъ свою мать отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ и расходовъ на дочерей, хотя самъ онъ въ то время далеко не былъ обеспеченъ. Правда, Гоголь выручалъ отъ продажи сочиненій значительныя суммы; но всѣ онѣ уходили на расплату съ долгами, которые онъ дѣлалъ, когда терпѣлъ нужду. И въ данномъ случаѣ, чтобы взять сестеръ изъ института, онъ принужденъ былъ занять деньги у Аксакова. Сколько нравственныхъ униженій, сколько мученій, вынесъ онъ, прежде чѣмъ рѣшился попросить деньги у Аксакова. Не лишнее привести здѣсь отрывокъ изъ воспоминаній самого Аксакова ²⁾.

«Въ Петербургѣ онъ не былъ похожъ на прежняго Гоголя. Хотя другимъ онъ и казался иногда очень веселымъ; но внутренно онъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Надобно было ему взять сестеръ изъ института, экипировать ихъ, обезпечить ихъ содержаніе, и все это при совершенномъ безденежьи. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Гоголь еще надѣялся на какія-то благопріятныя обстоятельства. Я рѣшился во что бы то ни стало вывести его изъ затруднительнаго положенія и въ одинъ день, когда Гоголь обѣдалъ у насъ, послѣ обѣда ушли мы съ Гоголемъ на верхъ, чтобы поговорить наединѣ. Когда я позвалъ, обнялъ его одной рукой и повелъ, такимъ образомъ, на верхъ, то на лицѣ его изобразилось сильное волненіе или смущеніе... Я почувствовалъ, что Гоголь, предвидя о чемъ я буду говорить съ нимъ, терзался внутренно, что ему это было больно, непріятно, унижительно. Миѣ вдругъ самому сдѣлалось такъ совѣстно, такъ стыдно, что я привожу въ непріятное смущеніе, даже въ какую-то робость, этого гениальнаго художника, и я на минуту поколебался, начинать ли разговоръ объ его положеніи. Но, взойдя на верхъ, Гоголь преодолѣлъ себя и началъ говорить самъ. Кромѣ обманутой надежды на немедленную помощь при выпускѣ сестеръ, онъ еще потерялъ свой бумажникъ съ деньгами, да еще съ запи-

¹⁾ «Записки о жизни Гоголя», Кулиша, II т.

²⁾ «Русь», 1880 г., № 4—5—6.

«истор. вѣстн.», июнь, 1889 г., т. XXXVI.

сками для него очень важными; объ этомъ уже было опубликовано въ Полицейской газетѣ; но, разумѣется, бумажникъ не нашелся, именно потому, что въ немъ были деньги. Сверхъ того, что ему надобно было экипировать сестеръ и довести ихъ до Москвы, онъ долженъ былъ заплатить институту за разные добавочные уроки... Что дѣлать? къ кому обратиться? Все кругомъ холодно, какъ ледъ, а денегъ ни гроша. У людей близкихъ, (т. е. у Плетнева и Жуковского) онъ почему-то денегъ просить не могъ, вѣроятно, онъ имъ былъ долженъ. Просить у другихъ, не имѣя на то никакого права, считалъ унижительнымъ и безчестнымъ даже. Хотя я живо помню, но пересказать не умѣю, какъ вскипѣла моя душа. Прерывающимся отъ внутренняго волненія чувства, но въ то же время твердымъ голосомъ сказалъ ему, что могу безъ малѣйшаго стѣсненія, совершенно свободно, располагать 2000 рублей, что я имѣю право по моей дружбѣ къ нему на то, чтобы онъ взялъ эту помощь безъ малѣйшаго смущенія, не только безъ неприятнаго чувства, но съ удовольствіемъ, которое чувствуетъ человѣкъ, доставляя удовольствіе другому человѣку и проч. Видно въ словахъ моихъ и на лицѣ моемъ выражалось столько искренности, что лицо Гоголя не только прояснилось, но сдѣлалось лучезарнымъ. Вмѣсто отвѣта онъ благодарилъ Бога за эту минуту, протянулъ мнѣ обѣ свои руки, крѣпко сжалъ мои и посмотрѣлъ на меня такими глазами, какими смотрѣлъ въ послѣдній разъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, уѣзжая изъ нашего Абраменцова въ Москву. Гоголь не скрывалъ отъ меня, что зналъ напередъ, какъ поступлю я; но что въ то же время зналъ черезъ Погодина и Шевырева о моемъ нерѣдко стѣсненномъ положеніи, зналъ, что я иногда самъ нуждаюсь въ деньгахъ и что мысль быть причиною какого-нибудь лишенія для дѣлаго огромнаго семейства его терзала, и потому было ему такъ тяжело признаться мнѣ въ своей бѣдности, въ своей крайности, что успокоивъ его на мой счетъ, я свалилъ камень его давившій и что ему теперь легко и свободно. Я обнялъ Гоголя и просилъ, чтобы онъ на другой день къ вечеру зашелъ ко мнѣ за деньгами, которыя будто бы спрятаны у моей сестры. Гоголь покойный и веселый ушелъ отъ меня. Я, конечно, былъ вполне счастливъ, но денегъ у меня не было. Надобно было ихъ достать. Сейчасъ же написалъ я записку, съ просьбой дать на двѣ недѣли 2000 рублей, къ извѣстному богачу-откупщику Бенардаки».

Вѣроятно, Гоголь узналъ случайно о затруднительныхъ обстоятельствахъ Аксакова, такъ какъ сталъ очень торопиться съ изданіемъ своихъ сочиненій и за безцѣнокъ собрался ихъ продать Смирдину. По этому поводу Аксаковъ получилъ отъ Панаева письмо, въ которомъ тотъ отъ имени Одоевскаго, Плетнева, Краевскаго и отъ себя, умолялъ сдѣлать такъ, чтобы Гоголь не продавалъ своихъ сочиненій Смирдину за пять тысячъ и новой комедіи въ томъ чи-

слѣ, особенно потому, что новая комедія будѣтъ напечатана въ «Сынъ Отечества» или «Библиотекъ для Чтенія»¹⁾.

«Я очень хорошо понялъ, — говорит Аксаковъ, — благородную причину, которая заставляла Гоголя поторониться изданіемъ своихъ сочиненій, но о новой комедіи мы не слышали. Я немедленно поѣхалъ къ Гоголю и, разумѣется, ни той, ни другой продажи не состоялось». Подъ новой комедіей, вѣроятно, разумѣлись разные отрывки изъ недописанной Гоголемъ комедіи: «Владиміръ 3-й степени».

Интересно знать, на основаніи какихъ данныхъ г-жа Бѣлозерская въ своей статьѣ: «Марья Ивановна Гоголь» вывела заключение, что Гоголь беззащитно пользовался помощью своихъ друзей. И онъ ли равнодушно относился къ денежнымъ затрудненіямъ матери! Да и не одной матери помогалъ Гоголь. Нерѣдко выручалъ онъ изъ бѣды бѣдныхъ художниковъ, дѣлая имъ дорогіе заказы, которые потомъ сбывалъ своимъ богатымъ друзьямъ²⁾. «Объ одномъ прошу, — пишетъ онъ Иванову, — чтобы мои работы не отвлекали его (Шаповалова) отъ важнѣйшихъ, и потому пусть онъ займется ими тогда только, когда рѣшительно ничего нужнѣйшаго и полезнѣйшаго для него не отыщется». На Иванова Гоголь имѣлъ огромное нравственное вліяніе, подвигая его много разъ къ новой умственной дѣятельности. «Я не знаю выше подвига, — пишетъ онъ Иванову, — какъ подать руку изнемогшему духомъ». Часто самъ Гоголь нуждался въ такой рукѣ, и потому хорошо понималъ состояніе духа Иванова. Но не однимъ лишь нравственнымъ вліяніемъ былъ полезенъ Гоголь Иванову; онъ часто помогалъ ему матеріально: хлопоталъ неоднократно ему о пособіяхъ черезъ вліятельныхъ своихъ друзей. Такое же живое участіе принималъ Гоголь и въ Нащокинѣ, промотавшемъ огромное свое состояніе и находившемся въ то время въ крайней бѣдности. Гоголь уговорилъ Бенардаки, извѣстнаго богача, взять Нащокина въ воспитатели къ дѣтямъ. Привожу любопытнѣйшее письмо по этому поводу Гоголя къ Нащокину³⁾. «Вы можете быть удивитесь, Павелъ Войновичъ, что я до сихъ поръ не увѣдомилъ васъ о разговорѣ, который я имѣлъ объ васъ въ Петербургѣ съ Бенардаки. Но мнѣ прежде хотѣлось все обдумать на мѣстѣ и на просторѣ, а не отдѣлаться двумя строчками съ дороги, кое-какъ и въ поспѣхахъ, тѣмъ болѣе, что дѣло, какъ вы увидите сами, стоитъ того. Вы знаете уже причины, вслѣдствіе которыхъ я хлопочу о васъ. Это не вслѣдствіе дружескихъ отношеній нашихъ, не вслѣдствіе одного личнаго уваженія качествъ души вашей, но вслѣдствіе ва-

¹⁾ «Русь», 1880 г., № 4—5—6.

²⁾ «Современникъ», 1858 г., № 11.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1878 г. № 1.

шихъ свѣдѣній, познанія людей и свѣта, вѣрнаго взгляда на вещи и яснаго, свѣтски-просвѣщеннаго опытнаго ума, которые должны быть употреблены въ дѣло, и былъ бы грѣхъ на душѣ моей, если бы съ своей стороны я не способствовалъ къ тому. Я давно размышлялъ объ вашей участи и о крайности теперешняго вашего положенія, хотя вамъ не говорилъ объ этомъ. Къ служебнымъ казеннымъ мѣстамъ путь вамъ закрытъ: это я видѣлъ ясно. Вы провели, по примѣру многихъ, бѣшено и шумно вашу первую молодость, оставивъ за собою въ свѣтѣ названіе повѣсы. Свѣтъ остается навсегда при разѣ установленномъ отъ него же названіи. Ему нѣтъ нужды, что у повѣсы была прекрасная душа, что въ минуты самыхъ повѣсничествъ сквозили ея благородныя движенія, что ни одного безчестнаго дѣла имъ не было сдѣлано, что бывшій повѣса уже давно умудренъ опытомъ и жизнію, что онъ уже не юноша, но отецъ семейства. Но свѣту нѣтъ нужды до этого; это не принимается въ строку, и названіе пустого человѣка, придаваемое всякому неслужившему, заграждаетъ ему путь на вѣки къ казеннымъ мѣстамъ. Вотъ почему я думалъ, что вамъ лучше всего сойтись съ Бенардаки, человѣкомъ понимающимъ глубже вещи, нежели другіе, владѣющимъ яснымъ, вѣрнымъ взглядомъ и умомъ глубоко-практичнымъ, стало быть, оцѣняющимъ васъ болѣе, чѣмъ другіе. Я ему рассказалъ все, ничего не скрывая: что вы промотали все свое имѣніе, что провели безразсечно и шумно вашу молодость, что были въ обществѣ знатныхъ повѣсъ и игроковъ и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душою, не измѣнили ни разу ея благороднымъ движеніямъ, умѣли пріобрѣсть невольное уваженіе достойныхъ и умныхъ людей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшаго ее къ вамъ, преимущественно передъ другими до конца своей жизни. И будучи низринуты въ несчастіе, въ самыя крайнія положенія, отъ которыхъ бы закружилась и потерялась у всякаго другого голова, вы не впали въ отчаяніе, не прибѣгнули ни къ одному безчестному средству, которое могло бы васъ выпутать изъ крайности, не вдалились ни въ одинъ изъ тѣхъ пороковъ, въ которые способенъ вдаться русскій, приведенный въ отчаяніе: что вы умѣли вынести съ высокимъ христіанскимъ терпѣніемъ испытанія. И въ заключеніе сказалъ я, что если у него есть такое мѣсто, на которое бы потребовался честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, то онъ никого другого не употребилъ бы для этого съ такою пользою, какъ васъ. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ, и когда я окончилъ, онъ сдѣлалъ такое предложеніе, котораго я, признаюсь, совѣтъ не ожидалъ: именно, не хотите ли вы быть наставникомъ его сына? Зная, что вы никогда не имѣли въ виду подобнаго мѣста и не готовили себя на это; зная вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ свѣтѣ на подобныя мѣста требуются семинаристы и студенты, знакомые болѣе съ школою

и наукою, а не со свѣтомъ и людьми, которые занимають такія мѣста на время, пока не отыщется лучшее и выгоднѣйшее занятіе, изъ насущнаго куска хлѣба; зная это, я уже готовилъ было за васъ рѣшительный отказъ. Но нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ тутъ же, объяснили мнѣ достаточно его образъ мыслей на счетъ воспитанія. Въ словахъ и въ самомъ голосѣ, какими они были произнесены, былъ слышенъ отецъ, понимающій всю важность душевнаго внутренняго образованія, а не наружнаго и блестящаго. И признаюсь, послѣ такихъ словъ, уваженіе мое возросло къ нему еще болѣе, и я вслѣдъ за нимъ дѣлаю теперь такое же предложеніе съ своей стороны: не хотите ли быть воспитателемъ его сына? Испытанные несчастіями и крушеніями, вы можете одни сообщить твердость душъ его, которой не въ силахъ сообщить ни одинъ, не извѣдавшій самъ горя».

Такою отзывчивостью къ людямъ отличался Гоголь еще съ дѣтства. Сохранилось интересное письмо Марьи Ивановны къ Трощинскому ¹⁾. Въ этомъ письмѣ она жалуется на нерасчетливость сына, на то, что онъ расходуетъ много на книги, для которыхъ Гоголь въ состояніи лишиться и пищи: «Теперь,—пишетъ она,— онъ меня увѣряетъ, что отъ всего отказался, видя недостаточное свое положеніе, а человекъ, который былъ при немъ (родъ дядьки) говорилъ мнѣ, что баринъ его не умѣетъ беречь деньги и себя же обижаетъ, говоря, что когда я дамъ ему денегъ по праздникамъ на конфеты, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ, то когда не успѣетъ еще купить и встрѣтится ему бѣдный, то такъ и старается какъ бы увильнуть отъ меня и отдать ему свои деньги, думая, что я не видалъ; но я всегда такъ и слѣжу за нимъ, и когда другіе ѣдятъ лакомства, то я его спрашиваю: что же онъ не ѣстъ? то онъ мнѣ отвѣчаетъ, что уже съѣлъ, но обманываетъ меня старика, и заключаетъ: «не давайте ему денегъ, пропадутъ ни за что». Я уже ничего не говорила Никошѣ, онъ послѣ и самъ увидитъ, приходя въ разсудокъ болѣе, что надобно дѣлиться съ бѣдными благоразумно, не липая себя необходимаго, и онъ вѣрно теперь сдѣлается благоразумнѣе и осторожнѣе въ издержкахъ своихъ, претерпя иногда и нужду».

Дѣлая добро, Гоголь никогда не любилъ объ этомъ разглашать, и потому, дѣлая пожертвованіе, въ 1847 году, въ пользу бѣднѣйшихъ студентовъ, онъ проситъ Плетнева, которому поручилъ это дѣло, чтобы никто объ этомъ пожертвованіи не зналъ. Совершенно случайно узнала о пожертвованіи одна изъ пріятельницъ его А. О. Смирнова. Ей болѣе чѣмъ кому-либо было извѣстно тяжелое и совсѣмъ неопредѣленное положеніе Гоголя, а потому съ особенной рѣзкостью нападаетъ она на этотъ фактъ, называя его донкихот-

¹⁾ «Русская Старина», 1882 г., № 6.

скимъ, безразсуднымъ, укоряетъ его также въ томъ, что онъ это дѣлаетъ тайно ¹⁾. «Кто знаетъ,—пишетъ она ему,—можетъ быть, узнавъ, что вы своей лептой помогаете брату и у другихъ явится охота помогать». Гоголь на это ей отвѣчаетъ, что благодѣянiя дѣлаются не отъ избытка средствъ, а съ пожертвованiемъ для себя. Объясняетъ также, почему онъ дѣлаетъ добро тайно ²⁾: «Если дающiй скрываетъ свое имя—значить онъ не требуетъ никакой благодарности. Такая помощь прiемлется твердо и непоколебимо». «Я самъ терпѣль и знаю нѣкоторыя тѣ страданiя, которыхъ не знаютъ другiе». Прибѣгая съ готовностiю на помощь другимъ, самъ Николай Васильевичъ очень часто бѣдствовалъ. Его существованiе было весьма неопредѣленно, такъ какъ онъ жилъ исключительно на деньги, выручаемыя отъ продажи сочиненiй. Служебнаго мѣста, о которомъ онъ мечталъ, Гоголь не добился, а къ педагогической дѣятельности, за которую брался, былъ совсѣмъ неспособенъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Иванову онъ говоритъ ³⁾: «У васъ есть возможность впереди два года прожить безнуждно (Ивановъ въ это время получилъ пособiе), а у меня бывали такiя времена, когда я не зналъ, какъ проживу завтра». Въ другой разъ онъ пишетъ ему: «Мои обстоятельства таковы, что, если я умру, то не на что будетъ, быть можетъ, похоронить меня». Такъ оно почти и случилось. Гоголь умеръ, пользуясь гостепрiимствомъ Толстого, оставивъ послѣ себя лишь небольшой чемоданчикъ, которымъ онъ ограничивался при жизни. «Довольство во всемъ намъ вредить,—писалъ Гоголь незадолго до смерти Аксакову,—мы задремлемъ, забудемъ, что есть на землѣ страданiя и несчастье; заплыветъ жирымъ душа—и Богъ будетъ позабытъ» ⁴⁾.

Мнѣ кажется, что приведенные въ этой статьѣ факты достаточно выясняютъ отношенiя Гоголя къ матери и опровергаютъ тѣ нареканiя, ту неблаговидную тѣнь, которыя брошены на него въ этомъ случаѣ совершенно неосновательно.

А. Черницкая.

¹⁾ «Записки о жизни Гоголя», т. II. Кулиша.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ «Современникъ», 1858 г., № 11.

⁴⁾ «Записки о жизни Гоголя», т. II. Кулиша.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА.

«Шестой годъ я получаю и внимательно прочитываю «Сельскій Вѣстникъ», и посмотришь, какъ эта небольшая газета вполнѣ соотвѣтствуетъ пониманію простого народа! На первыхъ же страницахъ ея встрѣчаешь духовныя статьи и поученія, для всѣхъ доступны и назидательныя...; затѣмъ обращаютъ на себя особенное вниманіе присылаемыя со всѣхъ концовъ матушки-Россіи сообщенія, болѣе всего про наше крестьянское самоуправленіе и порядки деревенскіе»¹⁾.

«... Я съ нетерпѣніемъ ожидаю каждый номеръ и многое прочитываю два раза... Гораздо было бы полезно читать намъ эту газету, чѣмъ какой-нибудь «Московскій Листокъ», въ которомъ только и видимъ какого-нибудь Чуркина, да московскаго кушца Толстобрюхова, какъ они честной народъ обираютъ, да на масляной блинами объѣдаются... Почитать ее годъ-другой—это можетъ замѣнить цѣлый годъ ученія въ какомъ-нибудь сельскомъ училищѣ»²⁾.

«Приношу редакціи искреннюю благодарность за газету «Сельскій Вѣстникъ». Вотъ уже три года, какъ ее получаю, такъ что въ настоящее время составилъ три тома. Если случается теперь нужда справиться о чемъ-либо по хозяйству или по законамъ, то я всегда обращаюсь къ «Сельскому Вѣстнику», ибо 15 томовъ Свода Законовъ для крестьянина трудно понимать, а въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» все написано просто и понятно... Теперь я эти три тома «Вѣстника» называю: живой источникъ и зеркало познанія крестьянскаго состоянія»³⁾.

Вѣроятно, очень немногіе изъ нашихъ читателей знаютъ о существованіи еженедѣльнаго правительственнаго изданія, бесплатнаго

¹⁾ См. «Сельскій Вѣстникъ» за 1888 г. № 16 и 17, стр. 180. Письмо крестьянина Ивана Ѳ. Локалова изъ села Воскресенскаго-Прозоровскаго, Ковровскаго уѣз. Владимірской губ.

²⁾ Ibid. № 50, стр. 552 и слѣд., письмо отъ мѣстнаго крестьянина изъ Зарайскаго уѣз., Рязанской губ.

³⁾ Ibid. 1889 г., № 7, стр. 72 и слѣд., письмо отставнаго солдата И. А. Андреева изъ села Туркова, Балашовскаго уѣз., Саратовской губ.

для волостныхъ правленій и необычайнаго по своей дешевизнѣ для частныхъ подписчиковъ ¹⁾),—первой русской народной газеты «Сельскій Вѣстникъ». Между тѣмъ, эта газета издается въ Петербургѣ ²⁾ уже девятый годъ; число платныхъ подписчиковъ ея съ каждымъ годомъ все увеличивается (бесплатно «Сельскій Вѣстникъ» разсылается во всѣ волостныя правленія, по числу волостей, въ 15.000 экземплярахъ) и, какъ мы слышали, теперь, съ бесплатными, доходитъ до 30.000. Въ годъ основанія—съ 1-го сентября 1881 года—у «Сельскаго Вѣстника» платныхъ подписчиковъ было всего около тысячи, затѣмъ въ слѣдующемъ году эта тысяча превращается уже въ шесть тысячъ, въ 1883 осталась безъ измѣненія, съ 1884 по 1887 значительно возросла, колеблясь между девятыю и десятыю тысячами, въ 1888 году еще возросла, достигая двѣнадцати тысячъ слишкомъ, и въ нынѣшнемъ году, наконецъ, превысила четырнадцать тысячъ. Безъ сомнѣнія, это возрастаніе числа подписчиковъ показываетъ, что газета пришлась по вкусу деревенской публикѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти цифры слишкомъ незначительны по сравненію съ многомилліонной массой крестьянской Руси, если припомнить какъ въ этой неразборчивой массѣ расходятся разные сонники, гадательныя книги, небылицы въ лицахъ, рассказы о страшныхъ приключеніяхъ съ привидѣніями, мертвецами, разбойниками, рассказы о кабацкихъ и любовныхъ похожденияхъ и тому подобная невѣжественная и зловредная стряпня грошовыхъ сочинителей по заказу изворотливыхъ спекулянтовъ московскаго Никольскаго рынка, рассылающихъ съ такимъ товаромъ по городамъ и весямъ, по ярмаркамъ и базарамъ, ходебщиковъ, безсовѣстно эксплуатирующихъ простодушныхъ крестьянъ и наживающихъ такимъ предосудительнымъ образомъ сотни тысячъ рублей. Если бы въ каждой волости было хотя бы по 10 подписчиковъ, что, конечно, не особенно много,—тогда бы эти 150.000 рублей дали возможность вести дѣло по болѣе широкой программѣ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, по сообщеніямъ самихъ крестьянъ, и теперь уже есть до 20 подписчиковъ, а въ массѣ остальныхъ, очевидно, «Сельскій Вѣстникъ» не только не читаютъ, но и совсѣмъ не знаютъ, о чемъ нужно искренно пожалѣть. Мы говоримъ о крестьянахъ: всѣ волостныя правленія отлично его знаютъ.

Всякому, близко знакомому съ этимъ въ высшей степени полезнымъ для крестьянъ изданіемъ, причины такого повидимому страннаго явленія легко объяснить. Если огромная масса такъ назы-

¹⁾ Для петербургскихъ 2 руб. съ доставкою, для иногородныхъ 1 р. 60 к. съ пересылкой прямо по почтѣ и всего 1 р. съ пересылкою черезъ волостныя правленія.

²⁾ При редакціи «Правительственнаго Вѣстника» и въ свою очередь подъ наблюденіемъ отдѣльнаго редактора Ю. М. Богусевича.

ваемой интеллигенці пробавляется легкимъ чтеніемъ—романами, повѣстями и рассказами,—старательно избѣгая серьезнаго чтенія,—то что же сказать о русской деревенской публикѣ, въ которой простая грамотность зачастую явленіе исключительное, вкусы которой по большей части развращены лубочной стряпней невѣдомыхъ сочинителей? Интересъ къ серьезному чтенію въ такой публикѣ долженъ быть еще меньше, хотя бы это чтеніе давало насущныя, практическія свѣдѣнія по крестьянскому хозяйству во всѣхъ его отрасляхъ, по медицинѣ и гигиенѣ, по юридическимъ вопросамъ и правительственнымъ распоряженіямъ, касающимся крестьянской жизни. Въ огромной своей массѣ русское простонародье живетъ еще въ XVII столѣтіи, мало отличаясь отъ своихъ допетровскихъ прапрадѣдовъ, и поэтому мало воспримчиво къ идеаламъ болѣе высокимъ, осуществленіе которыхъ требуетъ энергіи, настойчивости, признанія своихъ несовершенствъ. Русскій человѣкъ тяжель на подъемъ, надѣясь больше на «авось» и «небось». Это первая причина сравнительно малой распространенности «Сельскаго Вѣстника». Съ другой стороны, въ распространеніи «Сельскаго Вѣстника» сильнымъ тормазомъ является деревенская интеллигенція—кабатчики, кулаки-міроѣды, и въ огромномъ своемъ большинствѣ волостное начальство—волостные старшины, старосты и особенно волостные писаря. Это засвидѣтельствовано въ цѣломъ рядѣ крестьянскихъ писемъ, то сообщающихъ, что писаря злятся на тѣхъ, кто выписываетъ и читаетъ «Сельскій Вѣстникъ», желая, чтобы мѣстное населеніе поменьше знало и по всѣмъ дѣламъ обращалось къ нимъ, съ поклонами и подачками,—то соболѣзнующихъ о томъ, что волостные старшины, прочитавши сами, и то кое-что, уничтожаютъ ее или на папиросы, или на оклейку стѣнъ своихъ собственныхъ жилищъ, и «считаютъ для себя за лучшее, чтобы содержаніе оной не каждый зналъ, такъ какъ всякая тьма боится свѣта». А «Сельскій Вѣстникъ» систематически, изъ года въ годъ, обличаетъ темныя продѣлки этой деревенской интеллигенціи—и кому же пріятно отдавать себя на публичное осмѣяніе и шельмованіе? Первоначально было даже предписано, чтобы «Сельскій Вѣстникъ» находился въ волостныхъ правленіяхъ на видныхъ мѣстахъ для чтенія всѣмъ желающимъ. Но, къ сожалѣнію, это предписаніе волостными начальствами не исполняется. Преслѣдуя и разоблачая, при помощи своихъ деревенскихъ корреспондентовъ, безобразія въ крестьянскомъ самоуправленіи, «Сельскій Вѣстникъ» обличаетъ продѣлки кулаковъ-міроѣдовъ, и вооружается противъ пьянства,—противъ этого, по выраженію самихъ крестьянъ, «стоглаваго змія», пожирающаго ихъ благосостояніе, ихъ добрую нравственность и доводящаго до преступленій. Такимъ образомъ, становится понятнымъ—почему деревенская аристократія, деревенскіе капиталисты, противодѣйствуютъ ознакомленію крестьянской

невѣжественной массы съ народной газетой, чтеніе которой въ теченіе года-другого «можетъ замѣнить цѣлый годъ ученія въ какомъ-нибудь сельскомъ училищѣ».

Мы много говоримъ и пишемъ о народѣ; мы печалуемся (больше платонически) о его нуждахъ, нѣкоторое время—при жизни О. М. Достоевскаго—мы даже поклонялись народу, какъ носителю правды и христіанскаго смиренія; мы пишемъ для народа книжки (въ большинствѣ случаевъ очень плохія), основываемъ всякія общества для распространенія народныхъ изданій, хлопочемъ объ открытіи начальныхъ городскихъ и сельскихъ школъ... и вмѣстѣ съ тѣмъ систематически замалчиваемъ первую попытку народной газеты, издающейся уже девятый годъ, успѣвшей завоевать симпатіи крестьянъ, приобрѣвшей среди нихъ авторитетъ и оказывающей на нихъ достаточно сильное моральное всздѣйствіе. Очевидно, потребность въ газетномъ печатномъ словѣ уже назрѣла въ деревенской Руси—и «Сельскій Вѣстникъ» удовлетворилъ и продолжаетъ удовлетворять этой насущной потребности. Отчего же наша столичная и провинціальная пресса и журналистика вся состоитъ словно въ заговорѣ молчанія противъ первой русской народной газеты? Меня заинтересовало это правительственное предпріятіе съ первыхъ его шаговъ, и я не уставалъ слѣдить за нимъ за все время его существованія. Меня всегда удивляло, что наша пресса ни разу не обмолвилась добрымъ словомъ, не говоря уже о томъ, чтобы отнестись къ этому изданію серьезно, сдѣлавъ его безпристрастную характеристику и, такимъ образомъ, ознакомивъ съ нимъ публику. Ознакомленіе же публики съ «Сельскимъ Вѣстникомъ» мы считаемъ далеко нелишнимъ, ибо эта маленькая газета даетъ, при помощи крестьянскихъ писемъ, очень важный и цѣнный матеріалъ для характеристики современнаго положенія крестьянства; недаромъ саратовскій крестьянинъ въ приведенномъ выше эпитафѣ называетъ «Сельскій Вѣстникъ» «живымъ источникомъ и зеркаломъ познанія крестьянскаго состоянія».

Въ первомъ номерѣ «Сельскаго Вѣстника», вышедшемъ въ свѣтъ 1-го сентября 1881 года, редакія такъ объясняла цѣль и программу новаго народнаго изданія.

«Всякій любознательный человѣкъ конечно желаетъ получать свѣдѣнія о важныхъ событіяхъ и разнообразныхъ явленіяхъ въ жизни нашего обширнаго отечества, о законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, благополучномъ и неблагополучномъ ходѣ нашихъ хозяйственныхъ и иныхъ дѣлъ, о нуждахъ и потребностяхъ населенія и мѣрахъ къ ихъ удовлетворенію, и проч., и проч. Но не всѣ могутъ съ одинаковымъ удобствомъ удовлетворять этой любознательности». Если для интеллигентной публики существуютъ

многочисленныя газеты, журналы и книги, то эти изданія для сельских жителей недоступны и по цѣнѣ, и по слогу, и по своимъ задачамъ. Деревенскіе грамотѣи вычитываютъ въ газетахъ зачастую то, чего тамъ и нѣтъ, или напечатанное понимаютъ повсюду, ошибочно и превратно». «Въ пересказѣ,—прибавляла далѣе редакція,—эти вычитанныя новости еще болѣе искажаются, и такимъ путемъ идетъ въ народъ много невѣрныхъ и даже вовсе неосновательныхъ слуховъ и извѣстій, которые вводятъ простыхъ и легковѣрныхъ людей въ заблужденіе. Кромѣ того, въ послѣдніе годы стало появляться много злоумышленныхъ людей, которые нарочно рассказываютъ небывлицы и даже тайно печатаютъ обманные и возмутительные листки и книжки, чтобы распространять въ народѣ смуту». Такимъ образомъ, ближайшей цѣлью изданія считалась необходимость въ сообщеніи сельскому населенію вѣрныхъ извѣстій и свѣдѣній обо всемъ, что касается сельскаго быта и крестьянскихъ нуждъ и въ сообщеніи всего того, что необходимо знать каждому русскому человѣку и вѣрноподданному своего государя. Въ программу «Сельскаго Вѣстника» на первыхъ порахъ входило печатаніе законовъ и распоряженій высшаго правительства, какъ относящихся до крестьянскаго быта, такъ и всѣхъ тѣхъ, знаніе которыхъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія,—печатаніе извѣстій о Государѣ Императорѣ и членахъ Его Августѣйшаго Семейства, о важныхъ событіяхъ въ иностранныхъ государствахъ,—печатаніе разныхъ извѣстій о внутреннихъ дѣлахъ—объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ, о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и другіе необходимыя предметы, о цѣнахъ на рабочій трудъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, о заведеніяхъ, открываемыхъ для народной пользы, о мастерствахъ и ремеслахъ, о вновь появляющихся изобрѣтеніяхъ и улучшеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и народной промышленности, о повальныхъ болѣзняхъ, о пожарахъ и другихъ несчастіяхъ на ряду съ наставленіями объ охраненіи здоровья, о предосторожностяхъ отъ пожаровъ, скотскихъ падежей и другихъ бѣдствій, объ устройствѣ полезныхъ въ сельскомъ быту заведеній, и печатаніе разныхъ другихъ полезныхъ извѣстій и свѣдѣній. Кромѣ того, редакція заявила, что всякій желающій провѣрить дошедшій до него слухъ, о которомъ въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» ничего не сообщается, или вообще получить какія-либо разъясненія или свѣдѣнія, можетъ обращаться въ эту газету съ письменнымъ запросомъ. Этимъ заявленіемъ подписчики не преминули воспользоваться и стали присылать массу писемъ со всякими вопросами (по большей части юридическими), такъ что съ середины 1883 года въ газетѣ образуется особый отдѣлъ «Отвѣтовъ редакціи», теперь непрерывно существующій восьмой годъ¹⁾.—Въ третьемъ № за 1881 была на-

¹⁾ Вопросыя письма поступаютъ въ редакцію въ такомъ множествѣ, что по ея собственному заявленію, она принуждена дѣлать выборъ—по какимъ изъ

печатана редакціонная статья подъ заглавіемъ: «Какъ уменьшить пьянство?» Въ этой статьѣ, между общими разсужденіями о вредѣ пьянства, сообщалось о высочайшемъ повелѣніи призвать изъ разныхъ губерній свѣдущихъ людей, хорошо знакомыхъ съ народнымъ бытомъ, для обсужденія вопроса объ уменьшеніи пьянства; съ своей стороны и редакція предложила читателямъ «Сельскаго Вѣстника» присылать свои мнѣнія о способахъ ослабленія пьянства и вреда кабаковъ, обѣщая напечатать все достойное вниманія. Письма посылались въ редакцію со всѣхъ концовъ Россіи, съ сѣвера, съ юга, съ востока и запада. Съ теченіемъ времени, съ половины 1882 года въ газетѣ заводится очень важный отдѣлъ—«Сообщеній изъ волостей», въ которомъ печатаются вотъ уже восьмой годъ крестьянскія письма, дающія, какъ мы сказали, очень цѣнный матеріалъ для характеристики современной жизни деревенской Руси. Ниже на этомъ отдѣлѣ мы остановимся внимательнѣе и разберемъ какіе вопросы (а такихъ вопросовъ нѣсколько) главнымъ образомъ затрогиваются въ этой любопытной деревенской корреспонденціи, которая гораздо интереснѣе и значительнѣе внутренней корреспонденціи даже нашихъ лучшихъ газетъ. Съ начала 1882 же года, первое мѣсто въ каждомъ номерѣ отводится либо житію особенно чтимаго народомъ святаго, либо поученію на соотвѣтствующій праздникъ или соотвѣтствующую по евангельскимъ чтеніямъ недѣлю. Съ 1883 г. первый отдѣлъ начинаетъ наполняться исключительно поученіями, при чемъ встрѣчаются поученія на темы специально крестьянскія— о пьянствѣ (подрядъ 12 поученій), по поводу полевыхъ—весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ работъ, по поводу отхода на заработки и пр. Эти поученія выбираются редакціей изъ различныхъ духовныхъ періодическихъ изданій и сборниковъ проповѣдей, приспособленныхъ къ пониманію простонародья, очень тщательно, съ большимъ вкусомъ и тактомъ. Изъ этихъ поученій, напечатанныхъ въ «Сельскомъ Вѣстникѣ», не мѣшало бы редакціи составить сборникъ, который для сельскихъ пастырей сослужилъ бы огромную службу, доставивъ имъ хорошій и готовый матеріалъ для воскресныхъ проповѣдей; кромѣ того, этотъ сборникъ могъ быть полезенъ и для крестьянъ любителей духовнаго чтенія. По такой программѣ поученія, извѣстія объ Императорской Семѣ, законы и правитель-

нихъ предпочтительно печатать просимыя разъясненія. Не смотря на такое ограниченіе въ отвѣтахъ, ихъ напечатано уже нѣсколько тысячъ и большая часть изъ нихъ является цѣнными комментаріями къ «Положенію о сельскомъ состояніи», составляющему особое приложение къ IX тому Свода Законовъ. Этотъ отдѣлъ «отвѣтовъ редакціи»—цѣлое справочное юридическое бюро. Весьма было бы желательно, чтобы редакція систематизировала отвѣты по статьямъ «Положенія», издала ихъ отдѣльно. Составленный изъ этихъ отвѣтовъ сборникъ былъ бы весьма полезнымъ руководствомъ какъ для волостныхъ правленій, такъ и для всѣхъ болѣе вышихъ властей, въ ближайшемъ вѣдѣніи которыхъ находится вся крестьянская Русь.

ственные распоряженія, разныя статьи, разныя извѣстія, сообщенія изъ волостей, отвѣты редакціи, торговыя извѣстія и, наконецъ, объявленія—«Сельскій Вѣстникъ» издавался до нынѣшняго года. Въ нынѣшнемъ году заведенъ еще новый отдѣлъ—кустарныхъ или сельскихъ ремесленныхъ промысловъ, который пока ничѣмъ особеннымъ не замѣчательнъ, ибо статьи этого отдѣла по большей части являются петербургскими чиновничьими компиляціями на основаніи различныхъ статистическихъ данныхъ о кустарномъ дѣлѣ, хотя важность этого отдѣла внѣ всякаго сомнѣнія, ибо кустари сильно нуждаются въ полезныхъ совѣтахъ и указаніяхъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію интересной крестьянской корреспонденціи, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о разныхъ статьяхъ помѣщавшихся и помѣщаемыхъ въ «Сельскомъ Вѣстникѣ». Среди этихъ статей главное вниманіе обращаютъ на себя «Бесѣды по земледѣлію» (всѣхъ бесѣдъ 40), которые печатались въ продолженіи 4-хъ слишкомъ лѣтъ, съ 1884 года по 1888 годъ. Эти бесѣды принадлежатъ перу такого знатока сельскаго хозяйства, какъ В. Г. Котельниковъ. Онѣ появились отдѣльнымъ изданіемъ (теперь уже третьимъ) и удостоены преміи министерствомъ государственныхъ имуществъ. Въ этихъ бесѣдахъ г. Котельниковъ, начавъ съ объясненія почвы, ея происхожденія, свойствъ, способовъ ея обработки и удобренія, перешелъ къ посѣвамъ сначала травъ, затѣмъ хлѣбовъ, къ воздѣлыванію хлѣбовъ и различныхъ овощей. Эти популярныя бесѣды составили цѣлое руководство по земледѣлію и, вѣроятно, принесли крестьянамъ немалую пользу. Съ нынѣшняго года начать рядъ статей о «Ростовскомъ огородничествѣ» съ цѣлю распространенія этого прибыльнаго занятія среди крестьянства, напр., въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ Россіи. Приходятъ мнѣ на память и статьи по пчеловодству покойнаго А. М. Бутлерова, одна или двѣ статьи тоже покойнаго К. Д. Кавелина (подъ заглавіемъ «Крестьянскіе разговоры»), который былъ просто въ юношескомъ восторгѣ отъ «Сельскаго Вѣстника» и говорилъ мнѣ, что собирается въ этой газетѣ сотрудничать, но почему-то это сотрудничество вскорѣ прекратилось. Писалъ въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» нѣсколько статей по гигиенѣ проф. Доброславинъ, докторъ А. И. Федоровъ цѣлый рядъ статей по медицинѣ, встрѣчаются также статьи по ветеринаріи, много статей по отдѣльнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства и крестьянскаго быта, перечислять которыя нѣтъ необходимости, а достаточно лишь сказать, что въ этихъ разныхъ статьяхъ давались новыя полезныя указанія для улучшенія крестьянскаго быта или, вообще, сообщались свѣдѣнія, въ томъ или другомъ отношеніи важныя для деревенскихъ читателей. Несомнѣнно, что эти статьи читаются крестьянской публикой съ большимъ вниманіемъ, ибо крестьяне отзываются на нихъ

своими письмами. Такъ на примѣръ, кажется въ 1883 году, была напечатана редакціонная статья объ «Общественныхъ запашкахъ», введенныхъ въ Пензенской губ. для пополненія мѣстныхъ продовольственныхъ капиталовъ,—и деревня отозвалась цѣлымъ рядомъ сообщений; въ нынѣшнемъ году въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» появилась интересная статья «О мздоимствѣ и лихоимствѣ» столь распространенныхъ въ сельскомъ самоуправленіи—опять послѣдоваль цѣлый рядъ интересныхъ разоблаченій изъ практики волостныхъ правленій. Кромѣ того, много разъ подписчики выражали единодушное согласіе со взглядами редакціи; выдающимся примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить письма крестьянъ о переселенцахъ, подтверждающія неоднократно высказывавшіеся редакціей мнѣнія, что переселенцы идутъ въ новыя мѣста совершенно наобумъ, движимые непосѣдливостью, исканіемъ какой-то воли вольной, какой-то обѣтованной страны, и бросаютъ свои земли по призрачному ихъ неплодородію, по неумѣнію и нежеланію потрудиться надъ землей такъ, какъ совѣтуютъ опытные хозяева, ведущіе улучшенное хозяйство.—Давая своимъ читателямъ за поразительно дешевую цѣну въ теченіе года массу полезнаго и назидательнаго чтенія (52 №№ составляютъ объемистый томъ инкварто въ 600 и больше двухстолбцовыхъ страницъ мелкой убористой печати), «Сельскій Вѣстникъ», кромѣ того, ежегодно дѣлаетъ своимъ подписчикамъ бесплатныя приложенія. Такъ въ 1882 году въ видѣ приложенія была разслана большая карта полушарій и Европейской Россіи, напечатанная красками и снабженная на поляхъ необходимыми географическими и статистическими поясненіями; въ слѣдующемъ году прекрасные напечатанные въ нѣсколько красокъ портреты нынѣшняго Императора и Императрицы, а въ позднѣйшіе годы или большой табель календарь съ прибавленіемъ либо каталоговъ полезныхъ книгъ, либо какого-нибудь духовно-литературнаго или просто литературнаго приложенія (таковъ, напр., любопытный разсказъ крестьянина Мучкина: «Какъ я жилъ и что видѣлъ въ расколѣ»), или одинъ табель-календарь. Но лучше всѣхъ прежнихъ приложеній—это приложеніе нынѣшняго 1889 года «Календарь и справочная книжка «Сельскаго Вѣстника». Въ этомъ календарѣ, кромѣ обычныхъ календарныхъ свѣдѣній, дается масса полезныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству (напр. отдѣльныя статьи: «сельско-хозяйственныя работы по мѣсяцамъ», «сельско-хозяйственныя школы, доступныя для крестьянъ», «гдѣ покупать земледѣльческія орудія» и пр.), по медицинѣ—обширная статья о лекарствахъ, болѣе необходимыхъ и сподручныхъ, по части законовъ и пр. пр. Въ предисловіи къ своему календарю редакція говоритъ, что въ послѣдующіе годы намѣрена издавать таковыя же приложенія, но съ запасомъ новыхъ необходимыхъ и полезныхъ для крестьянъ свѣдѣній, такъ что съ теченіемъ времени у подпи-

счиковъ «Сельскаго Вѣстника» составитя цѣлая бібліотека справочныхъ книжечекъ по разнообразнымъ, касающимся крестьянъ или занимающимъ ихъ предметамъ, религіознаго, общественнаго, хозяйственнаго и домашняго быта. Нужно только пожелать редакціи счастливаго и успѣшнаго осуществленія ея благодѣтельныхъ намѣреній.

Обратимся теперь къ самому любопытному и оригинальному отдѣлу «Сельскаго Вѣстника» — къ сообщеніямъ изъ волостей. Мы говорили уже о томъ, какъ этотъ отдѣлъ образовался. Замѣтимъ еще, что редакція своимъ предложеніемъ крестьянамъ высказаться по вопросу объ уменьшеніи пьянства сразу попала въ самую наболѣвшую язву крестьянской жизни. Только до 20-го декабря 1881 года было прислано въ редакцію писемъ по этому вопросу 448; изъ нихъ 84 письма напечатаны цѣликомъ или въ извлеченіи; изъ остальныхъ же (включая и напечатанныя) сдѣланъ редакціей общій сводъ мнѣній и предложенныхъ мѣръ. Письма по поводу уменьшенія пьянства продолжали присылаться и въ 1882 году, но редакція уже не печатала такихъ писемъ, ибо не находила въ нихъ ничего новаго; тогда въ 1883 г., особенно въ 1884 и даже 1885 годахъ, крестьяне, переставъ предлагать мѣры, начали просто присылать описанія безшабашной деревенской жизни, изъ которой кабакъ высасываетъ всѣ соки, являясь такимъ образомъ главной причиной обѣднѣнія. Вопросъ объ обѣднѣніи тоже вызвалъ цѣлую серію писемъ, которыхъ особенно много было въ 1888 году. Затѣмъ, третьей главной темой крестьянскихъ корреспонденцій являются различныя злоупотребленія въ ихъ самоуправленіи. Это тоже, повидимому, вопросъ очень наболѣвшій. Такимъ образомъ, главныя «злобы дня» современной крестьянской жизни — пьянство, бѣдность и безобразное самоуправленіе. Противъ послѣдняго зла правительство, кажется, отыскало лекарство въ новыхъ земскихъ реформахъ, въ учрежденіи земскихъ начальниковъ, которые будутъ ближайшими руководителями крестьянскаго самоуправления и надсмотрщиками надъ волостями; но противъ первыхъ двухъ золъ существенныхъ мѣръ никакихъ до сихъ поръ не принято, хотя, очевидно, главнымъ образомъ, въ пьянствѣ лежитъ корень всего зла, всѣхъ неурядицъ нынѣшней крестьянской жизни. Между тѣмъ, какъ извѣстно, комиссія «свѣдущихъ людей» не пришла въ своихъ трудахъ ни къ какимъ существеннымъ результатамъ; впрочемъ, вѣдь это общая, кажется, судьба почти всѣхъ російскихъ комиссій. «Сельскій Вѣстникъ» своимъ походомъ противъ пьянства принесъ, вѣроятно, казнѣ не одинъ милліонъ убытка, ибо многіе крестьяне, не дожидаясь результатовъ занятій комиссіи, сами начали постановлять приговоры о закрытіи кабаковъ; эти мірскіе приговоры печатались въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1882 по 1884 г. включительно) и, по сообще-

ніямъ самихъ крестьянъ изъ многихъ мѣстъ, прочитывались въ волостныхъ правленіяхъ, на сходахъ, слѣдствіемъ чего обыкновенно являлся тоже приговоръ о закрытіи кабака. Мы смѣемъ думать, что крестьяне въ своихъ письмахъ въ «Сельскій Вѣстникъ» въ 1881 году высказались по вопросу объ уменьшеніи пьянства ничуть не хуже «свѣдущихъ людей». Намъ кажется, что будетъ не безынтересно познакомиться съ крестьянскими мнѣніями по этому вопросу хотя бы въ общихъ чертахъ.

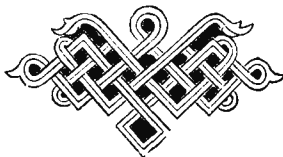
Наибольшее число мнѣній (333) было на сторонѣ уменьшенія числа питейныхъ заведеній, только 28 предложеній за совершенное уничтоженіе кабаковъ и 4 за уничтоженіе даже винокуренія, вмѣсто котораго предлагалось допустить свободное пивовареніе. Среди сторонниковъ уменьшенія предлагались самыя разнообразныя мѣры, какъ на примѣръ, уничтоженіе продажи питей въ селеніяхъ, оставить только одно заведеніе на волость (48 предложеній), не позволять открывать въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся церкви, училища, волостныя правленія, камеры мировыхъ судей, становыя квартиры (49 предложеній) и пр. Предлагалось продажу вина позволять только въ праздничные дни послѣ обѣдни или опредѣлить ежедневное время для торговли виномъ (41 предложеніе); предлагалось допустить продажу вина только на выносъ (180 предл.), вино отпускать въ запечатанной посудѣ (48 предл.), не позволять чарочной или раздробительной продажи (46 предл.), отпускать вино только съ разрѣшенія (по билетамъ) мѣстнаго начальства (87 предл.), не свыше извѣстной нормы и съ разборомъ, т. е. вовсе не выдавать разрѣшеній недоимщикамъ, пьяницамъ, женщинамъ, малолѣтнимъ и т. п. Крестьяне рекомендовали также возвысить плату за патенты (108 предл.), возвысить вообще цѣну на вино (39 предл.), питейную торговлю устроить казенную, открывать общественные кабаки,—въ трактирахъ, харчевняхъ и тому подобныхъ заведеній продавать только чай и медъ, но не водку, вмѣсто кабаковъ устроить въ деревняхъ чайныя съ журналами, газетами и книгами, усилить надзоръ за питейной торговлей, пьянствомъ и пьяницами и усилить наказаніе за нарушеніе правилъ питейной торговли, за продажу питій въ долгъ или за вещи, хлѣбъ и пр. и пр. Словомъ, вопросъ объ уменьшеніи пьянства былъ рассмотрѣнъ крестьянами съ такой полнотой, такъ всесторонне и основательно, что на основаніи сдѣланныхъ предложеній можно было бы написать цѣлый проектъ для обсужденія и утвержденія его въ законодательномъ порядкѣ. Но, къ сожалѣнію, тѣ, кому вѣдать это надлежало, не воспользовались богатымъ матеріаломъ, появившимся въ «Сельскомъ Вѣстникѣ».

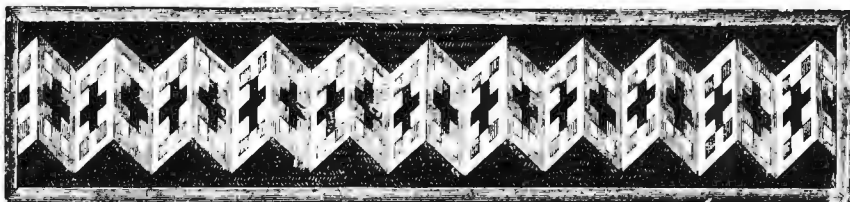
Такова фізіономія «Сельскаго Вѣстника» за первыя восемь лѣтъ его существованія. Отъ нѣкоторыхъ мы слышали упреки, что эта газета очень скучна и суха. Такой упрекъ намъ кажется не-

основательнымъ, ибо порицатели судятъ съ интеллигентной точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія крестьянской. Мы избалованы нашими газетами, являющимися живымъ отраженіемъ пестрой, сложной жизни образованнаго общества, и думаемъ, что такова же должна быть народная газета. Но вѣдь крестьянскіе интересы всѣ наперечетъ, крестьянскій кругозоръ очень ограниченъ, жизнь вообще крайне монотонна, сѣро-однообразна и животво-спокойна, — слѣдовательно и народная газета, являясь отраженіемъ крестьянскихъ интересовъ, будетъ скучна для интеллигентной публики, скучающей въ деревнѣ и предпочитающей жизнь въ шумномъ городѣ.

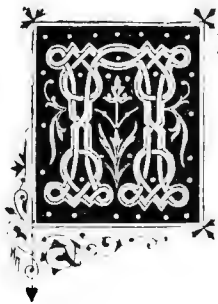
Въ заключеніе нашей сжатой характеристики первой русской народной газеты позволимъ себѣ высказать нѣсколько пожеланій, которыя, по нашему мнѣнію, легко осуществимы. Мы привели доказательства успѣха «Сельскаго Вѣстника», проникшаго въ деревню безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ; мы показали органическій ростъ вліянія этой газеты среди сарматской Руси и отзывчивость крестьянъ на авторитетное печатное слово. Все это факты многозначительные: они говорятъ о духовномъ ростѣ русскаго народа, о стремленіи къ жизни разумной, человѣческой, о пробужденіи народнаго самосознанія. Эти запросы духовной народной жизни правительство должно поддержать, давая хорошую здоровую пищу для удовлетворенія духовныхъ народныхъ потребностей, должно направить на истинный путь, дабы предотвратить исканіе окольныхъ путей въ первостепенномъ дѣлѣ духовнаго развитія. Если издается правительственная народная газета, то отчего не основаться тоже правительственному народному журналу? Вѣроятно, успѣхъ этого изданія былъ бы не меньше успѣха «Сельскаго Вѣстника», если судить хотя бы по дѣятельности въ послѣдніе годы «Посредника», изданія котораго (особенно рассказы графа Л. Н. Толстого) разошлись по Россіи въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ.

Т. Р. Б.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ЕЧАТАЮЩІЯСЯ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» интересныя «Воспоминанія» г-жи Головачевой воскресили въ моей памяти пережитое мною отдаленное уже теперь прошлое, и я позволю себѣ дополнить ихъ нѣсколькими штрихами изъ своихъ личныхъ воспоминаній о нѣкоторыхъ лицахъ, упоминаемыхъ авторомъ.

I.

Поэта Бахтурина я встрѣчалъ нѣсколько разъ у бывшаго своего преподавателя русской словесности Е. Н. Серчевскаго, человѣка очень симпатичнаго, принадлежавшаго въ началѣ сороковыхъ годовъ къ тогдашней петербургской литературной средѣ, служившаго въ одномъ изъ министерствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателя въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ и впослѣдствіи спеціально занявшагося составленіемъ исторіи рода князей Голицыныхъ, изданной имъ въ началѣ 50-хъ годовъ. Бахтуринъ приходилъ къ нему обыкновенно, уже находясь, что называется, на второмъ взводѣ; подавалась тотчасъ же водка и селедка и затѣмъ начиналась самая оживленная бесѣда, перемѣшанная съ декламаціею; тонъ ея все болѣе и болѣе возвышался и кончалось тѣмъ, что поэтъ или выпроваживали или укладывали спать. Отставной гусарь, Бахтуринъ посвятилъ себя культу Бахуса еще въ полку; но состояніе прожилося, пришлось выйти въ отставку и влачить незавидную долю литературнымъ заработкомъ. Въ свѣтлые промежутки онъ не

только писалъ по заказу драмы, комедіи (какъ-то было у Брянскаго), стихи, (книжку его стихотвореній можно и теперь конечно отыскать на толкунѣ), но и дарилъ иногда очень удачными экспромтами.

По словамъ Серчевскаго, одинъ изъ пріятелей пустился однажды его урезонивать, прочиталъ ему чуть не цѣлую прѣдику о вредѣ запоя, бранилъ его, наконецъ, закончилъ патетически напоминаніемъ о загробной жизни.

— Подумай, братецъ, что тамъ тебя ожидаетъ, зарывшаго такъ безбожно свой талантъ!

Бахтуринъ во время всего длиннаго монолога пріятеля молчалъ и сидѣлъ понуря голову; но при заключительныхъ его словахъ, вдругъ какъ бы очнулся; фізіономія его просвѣтлѣла, показалась на ней улыбка, глаза заблестали.

— Нѣтъ! голубчикъ,—скороговоркой отвѣтилъ онъ пріятелю,—на счетъ этого не безпокойся. Тамъ-то будетъ мнѣ отлично. Тамъ вотъ что будетъ:

«Бахтуринъ, переплывъ черезъ Ахеронъ,
 «И выпрыгнувъ изъ лодки.
 «Тотчасъ же спроситъ: «эй! Харонъ!»
 «Гдѣ здѣсь трактиръ, чтобъ выпить водки.»

А тамъ конечно трактиры лучше здѣшнихъ.

II.

К. А. Булгаковъ былъ товарищемъ двоюроднаго брата моего М. В. Сумороцкаго, по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и по лейбъ-гвардіи московскому полку, въ который они вышли въ одинъ годъ. Къ Сумороцкому ходилъ я еще мальчикомъ изъ пансіона по воскресеньямъ и тутъ познакомился съ Булгаковымъ, чрезвычайно мнѣ понравившимся своею всегдашнею веселостію и шутками. Наслушался я тогда не мало и о его проказахъ еще въ школѣ. Онъ ими озадачивалъ иногда начальство. Припоминаю одну изъ нихъ, очень курьезную.

Зимой, въ классные часы, Булгаковъ, выпрашиваетъ у дежурнаго офицера позволенія выйти, спускается на нижнюю площадку и, замѣтивъ, что тамъ нѣтъ налицо ни одного сторожа, надѣваетъ на себя бѣличью шубу и мѣховую шапку «батюшки», преподавателя Закона Божьяго, знаменитаго тогда проповѣдника, протоіерея Исаакіевскаго собора, Малова, подымаетъ воротникъ и, выбѣжавъ въ палисадникъ, находившійся во дворѣ школы, на серединѣ его дѣлаетъ нѣсколько самыхъ уморительныхъ, козлообразныхъ перуетовъ, возвращается затѣмъ въ сѣни, вѣшаетъ шубу и шапку и,

никѣмъ неузнанный (сторожа еще отсутствовали), пробирается въ классъ, гдѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, усаживается на свое мѣсто.

Но продѣлка эта натворила уже сумотоху.

Директоръ школы, генералъ Шлиппенбахъ, и инспекторъ, полковникъ Павловскій, видѣли изъ своихъ оконъ, выходящихъ на дворъ, пляску протоіерея Малова въ палисадникѣ. Озадаченные, они спѣшатъ разъяснить себѣ это видѣніе. На нижней площадкѣ сошлись и сообщили другъ другу о своемъ впечатлѣніи. Сторожа стоятъ уже въ сѣняхъ, они никого, ни входящимъ, ни выходящимъ, не видали и ничего не знаютъ; шуба и шапка Малова висятъ на своемъ мѣстѣ.—Непостижимо!—Начальство пошло тогда въ классы. Изъ корридора сквозь стеклянныя двери, видѣнь «батюшка», сидящій на каедрѣ и благочестиво объясняющій свой предметъ.—Черезъ минуту раздался бой барабана, стали выходить въ корридоръ изъ классовъ; Шлиппенбахъ поздоровался съ отцомъ протоіереемъ и не безъ нѣкотораго смущенія спросилъ его: не выходилъ ли онъ изъ класса. Тотъ, не мало удивленный этимъ вопросомъ, отвѣчалъ отрицательно. Тогда стало уже ясно, что загадочнаго двойника его надо искать между извѣстными всѣмъ проказниками. Началось дознаніе.—Дежурный офицеръ помнилъ выходящихъ изъ классовъ и когда въ числѣ ихъ упомянулъ и Булгакова, съ него и начался допросъ. Увидавъ, что заперательство можетъ только повредить, шалунъ признался и давалъ свое объясненіе съ такимъ комизмомъ и наивностію дурачка, что самъ же Маловъ, при этомъ присутствовавшій, хохоталъ до слезъ и выпросилъ ему смягченіе кары. Отдѣлался Булгаковъ только карцеромъ.

О проказѣ его съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ много шло разказовъ въ различныхъ вариантахъ, о которыхъ потомъ и писали. Близко съ нимъ знакомый, я никогда его о нихъ не спрашивалъ, да и самъ онъ о нихъ не говорилъ и только уже въ Москвѣ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда Булгаковъ жилъ тамъ въ отставкѣ, ужиная въ кружкѣ знакомыхъ у Шевалье—а тутъ же былъ и онъ—коснулся я этой темы. На вопросъ мой, неужели все это не выдумки, онъ, смѣясь, мнѣ отвѣтилъ:

— «Конечно многое сочинено, но вѣдь великій князь, царство ему небесное, дѣйствительно страшно меня баловалъ и я подчасъ ужасно смѣло съ нимъ буфонилъ, за что сиживалъ и на гауптвахтѣ; иногда же и вывозило.

«Разскажу вамъ эпизодъ уже не вымышленный.

«Заболѣлъ я тифомъ и почти два зимнихъ мѣсяца провалялся въ постелѣ. Говорятъ, была минута трудная, доктора теряли надежду; но молодая натура вывезла; совершился благопріятный кризисъ и я пришелъ въ сознаніе. Друзья, родные, товарищи, меня навѣщали и отъ нихъ я узналъ, что великій князь не разъ спрашивалъ о ходѣ моей болѣзни. Сталъ я, наконецъ, ходить по

комнатамъ, силы быстро возстановлялись и докторъ, наконецъ, позволилъ мнѣ выйти на воздухъ. Дни стояли чудесные, и я рѣшился тотчасъ же пойти въ гости къ одному товарищу-сосѣду, жившему отъ меня наискось черезъ три дома, въ томъ же Толмазовомъ переулкѣ, гдѣ я всегда квартировалъ. За время болѣзни выросла у меня порядочная, козлиная бородка; сбривать ее тотчасъ же мнѣ не хотѣлось; конечно, показываться съ нею на улицу было страшно, да и вообще костюмъ мой, состоявшій изъ архалуха и широкихъ шараваръ, былъ невозможенъ для прогулокъ. Но все-таки, какъ былъ, такъ и отправился я къ товарищу, накинувъ на плечи шинель съ бобрѣмъ, а на голову надѣвъ фуражку безъ козырька.

«Свѣжій воздухъ сначала меня ошеломилъ и я минуты двѣ простоялъ на крыльцѣ, озираясь въ обѣ стороны: не грозитъ ли какой-нибудь опасности, а затѣмъ почти бѣгомъ пустился къ товарищу. Только-что успѣлъ я перебѣжать улицу, какъ на встрѣчу мнѣ со стороны театра показались сани съ голубой сѣткой. Я былъ уже въ двухъ шагахъ отъ подъѣзда и лицомъ къ лицу очутился съ великимъ княземъ.

«Онъ меня узналъ и дернулъ кучера остановиться.

— «Поручикъ Булгаковъ! пожалуйста сюда!

«Я подошелъ.

— «На кого вы, милостивый государь, похожи?

«Физиономія у него была грозная, глаза сверкали; но струсить было скверно, и я не струсилъ.

«Вопросъ между тѣмъ опять повторился.

— «Спрашиваю васъ, на кого вы похожи?

«Тогда, высунувъ пальцы свои изъ мѣхового воротника и приложивъ ихъ къ фуражкѣ съ видомъ совершенной наивности, я отвѣтилъ ему:

— «Всѣ говорятъ, ваше высочество, что на бабушку.

— «Что-съ, что вы сказали?

— «Ваше высочество изволили спросить меня, на кого я похожъ. Ей Богу, ваше высочество, папа мой мнѣ говорилъ, что у меня большое сходство съ покойной бабушкой. А я уже не засталъ ее въ живыхъ.

«Надо полагать, что сказано было это мною на столько удачно, что ни Мартыновъ, ни Живокини, ничего не нашли бы нужнымъ измѣнять, и на грозномъ лицѣ мелькнуло что-то въ родѣ улыбки, впрочемъ презрительной.

— «Красивъ... очень красивъ... похожъ на бабушку... шутъ гороховый!

«Прошла небольшая пауза. Лицо еще болѣе смягчилось.

— «Когда выздоровѣлъ?

— «Въ первый разъ сегодня позволилъ мнѣ докторъ выйти на

воздухъ, ваше высочество. Черезъ улицу отъ меня живетъ мой товарищъ. Шель къ нему.

— «Ну смотри, другой разъ не попадайся мнѣ такимъ. И сходство съ бабушкой тебя не спасетъ... упеку.. очень красивъ!..

«По его приказанію кучеръ тронулся, а я низко ему поклонившись, полетѣлъ къ товарищу».

Вообще, про Константина Булгакова можно сказать, что это былъ человѣкъ богато-одаренный и талантливый; но, къ сожалѣнію, размѣнявшійся на пустяки.

Пѣвецъ, музыкантъ, живописецъ, замѣчательный комикъ, бойко владѣвшій и перомъ, при такомъ разностороннемъ образованіи, онъ не носилъ въ душѣ своей никакого опредѣленнаго, возвышеннаго идеала, ни на чемъ серьезно не остановился. Единственный его постоянный культъ свѣтскимъ удовольствіямъ и чаще всего въ кружкахъ веселыхъ собутыльниковъ и веселыхъ женщинъ, былъ черезчуръ безсодержателенъ, да и не соответствовалъ его матеріальнымъ средствамъ. Постоянно жуировать не хватало у него денегъ, и онъ до того запутался въ долги, что принужденъ былъ оставить службу въ гвардіи. Здоровье тоже не выдержало этого безпутнаго режима, когда-то замѣчательный баритонъ совсѣмъ исчезъ и замѣнился какимъ-то сиплымъ, надтреснутымъ голосомъ, который онъ все-таки пускалъ въ ходъ подъ веселую руку. Покуда были живы изъ числа прежнихъ собутыльниковъ его такіе крупные какъ Глинка, Брюловъ, Кукольникъ, онъ съ ними поддерживалъ переписку, получалъ отъ нихъ нѣкоторое освѣщеніе; но когда ихъ не стало, началъ затериваться. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ привелось видѣть его въ послѣдній разъ, совсѣмъ уже разрушающимся и получившимъ первое предостереженіе отъ кондрашки. Отъ шампанскаго онъ перешелъ къ очищенной, или какъ онъ называлъ ее къ зинзубелю и у него собиралась каждую недѣлю, въ назначенный день, компанія тоже поклонявшаяся Вакху. Тутъ бывали Провъ Михайловичъ Садовскій, А. Н. Амосовъ, П. Г. Безобразовъ и др. У нихъ написанъ былъ какой-то регламентъ, придуманы были какія-то церемоніи, надѣвались при этомъ ордена покойнаго отца Булгакова, Александра Яковлевича. Но все это было уже не весело, не умно, и скорѣе наводило грусть при видѣ печальнаго разрушенія человѣка когда-то даровитаго и симпатичнаго.

Близкимъ пріятелемъ былъ я и съ меньшимъ братомъ Булгакова, Павломъ, получившимъ когда-то извѣстность отъ брошенной имъ дохлой кошки на сцену Большого московскаго театра, танцовщицъ Андріановой, фаворизированной директоромъ театра Геденовымъ. Павелъ Булгаковъ, просидѣвъ три года на первомъ курсѣ, вышелъ изъ университета и поѣхалъ служить на Кавказъ къ Воронцову. Кошку онъ бросилъ, находясь въ отпуску, и Закревскій выслалъ его тотчасъ же къ мѣсту служенія. При Воронцовѣ Бул-

гаковъ служилъ въ дипломатической канцеляріи. Онъ былъ тоже музыкантъ, не лишень былъ и комической струнки, во всемъ копировалъ брата, но не всегда удачно. Послѣ Воронцова покровительствовалъ ему и князь Барятинскій, доставившій ему хорошее мѣсто—генеральнаго консула въ Любекѣ, да сосѣдство Гомбурга все испортило. Затянула его рулетка, онъ проигрался, оказался недочетъ въ какихъ-то суммахъ, его уволили; послѣ того онъ нѣсколько лѣтъ бѣдствовалъ въ Петербургѣ и тоже перешелъ на зинзубель, который его и прикончилъ.

III.

Съ графомъ В. А. Соллогубомъ познакомился я въ 1854 году на Кавказѣ. Онъ былъ уже тогда далеко не такимъ, какимъ его рисуетъ А. Я. Головачева; неровности въ немъ сгладились, онъ больше не фанфаронилъ и его всѣ любили. Впрочемъ, Кавказъ имѣлъ особенную силу и свойство отбрасывать всякую мишуру и павлинья перья и дѣлать человѣка тѣмъ, чѣмъ Богъ его создалъ. Я не засталъ уже въ Тифлисѣ жены и семейства Соллогуба, они уѣхали въ Дерптъ. Какъ самъ студентъ тамошняго университета, графъ вѣрилъ въ образовательную силу этого нѣмецкаго уголка и послалъ туда учиться своихъ дѣтей; тѣмъ не менѣе, злые языки говорили, что причина ихъ отъѣзда была совсѣмъ иная, а именно безолаберность въ дѣлахъ и долги, отъ которыхъ спасалась графиня. И это, кажется, не совсѣмъ было далеко отъ истины.

Живя уже нѣсколько лѣтъ въ Тифлисѣ, Соллогубъ принималъ участіе во всѣхъ научныхъ и литературныхъ изданіяхъ, созданныхъ Воронцовымъ. Написалъ между прочимъ очень обстоятельное введеніе къ первой книжкѣ записокъ кавказскаго отдѣла географическаго общества, составилъ біографію знаменитаго героя Кавказа, генерала Котляревскаго; рассказами, повѣстями снабжалъ здѣшніе сборники и альманахи; писалъ не мало и для театра, иногда премилыя вещи, по долгу не сходявшія со сцены. Вообще, если собрать все имъ написанное за этотъ періодъ, то врядъ ли онъ не окажется у него самымъ производительнымъ и содержательнымъ. Помимо кабинетныхъ трудовъ, онъ былъ чрезвычайно полезенъ умѣніемъ расшевелить общественную жизнь своимъ личнымъ участіемъ. Одинъ изъ пріятнѣйшихъ говоруновъ, онъ сыпалъ остротами, каламбурами, экспромптами и сдѣлался центральной личностью.

Отъѣздъ кн. Воронцова, какъ извѣстно, совпадалъ съ началомъ Крымской войны; старикъ не желалъ ее, предвидѣлъ мрачный ея исходъ и впалъ оттого въ маразмъ. Положеніе Кавказа было дѣйствительно очень трудное. Покореніе горцевъ еще не близилось къ

концу, война съ Турціей отвлекала отъ него наши силы; сраженія шли одно за другимъ безъ всякой предварительной программы и плана, къ счастью покуда съ блистательнымъ успѣхомъ; но будущее сулило все большія усложненія; въ такую минуту нужна была здѣсь голова опытнаго, умѣлаго полководца и правителя, а между тѣмъ мѣсто Воронцова занялъ, хотя и прекраснѣйшій самъ по себѣ человекъ, Н. А. Редь, но ровно ничего не значущій. Гражданскою частію управлялъ вмѣсто кн. В. О. Бебутова, тоже очень милый и когда-то очень храбрый генераль Реуть, ничего въ гражданскихъ дѣлахъ не смыслившій, а комендантомъ Тифлиса сидѣлъ, герой тоже, Ахты—генераль Ротъ. Это тріо ни въ комъ не вселяло къ себѣ довѣрія и гр. Соллогубъ успѣшилъ успокоить умы слѣдующимъ экспромтомъ:

«Пускай враги стекутся—
«Не утрашатъ народъ,
«Пока о Грузіи пекутся
«Редь, Реуть и Ротъ».

И сами старики очень смѣялись этому смѣлому увѣренію, раздѣляя со всѣми общую вѣру только въ великаго русскаго Бога.

Воронцовъ передъ отъѣздомъ назначилъ Соллогуба исторіографомъ начавшейся войны. Эта должность соответствовала какъ бы званію оффиціальнаго корреспондента, (тогда частныхъ, газетныхъ корреспондентовъ у насъ совѣмъ еще не существовало) и по существу своей обязанности Соллогубъ долженъ былъ находиться постоянно на театрѣ войны. И вотъ ему сообщаютъ, въ апрѣлѣ 1854 года, что въ Гуріи готовится сраженіе съ турками. Онъ туда спѣшить и черезъ Кутаисъ пріѣзжаетъ въ мѣстечко Марань, гдѣ находился штабъ гурійскаго отряда. Тутъ онъ застаётъ какую-то трагикомедію. Штабъ прежняго командира отряда кн. Гагарина, сдавшаго должность кн. Андроникову, поссорился съ новымъ штабомъ. Между полковниками Дрееромъ и Ходзько идетъ пикировка, Гагаринъ и Андрониковъ показываютъ видъ, что ничего не замѣчаютъ и примирить разгѣтушившихся берется полковникъ Колюбакинъ, извѣстный своею вспычивостію и носящій прозваніе немирнаго. — Просидѣвъ въ Марани нѣсколько дней безъ толку, Соллогубъ вернулся въ Кутаисъ и тутъ за обѣдомъ у инженеръ-полковника Югеля, подарилъ всѣхъ слѣдующимъ экспромтомъ:

«Увы! за прегрѣшенія
«Я посланъ въ Кутаисъ,
«Гдѣ штабы до сраженія
«Для пробы подрались.

«Скакаль, спѣшилъ изъ Гори я,
«Боковъ не пожалѣлъ—
«И вотъ она исторія
«Военныхъ здѣшнихъ дѣлъ.

«Я ждалъ въ пылу воинственномъ
 «Не ту найти здѣсь брань,
 «А кончилъ тѣмъ единственно,
 «Что съвздылъ лишь въ Марань».

На другой день на кутаисскомъ бульварѣ повторялись и новые еще экспромпты на ту же тему:

«Въ какую я попалъ обитель,
 «Такой и не найдешь нигдѣ.
 «Здѣсь все начальство во враждѣ,
 «А Колюбакинъ—примиритель».

«Дрееръ съ Ходзко подрались,
 «А свидѣтель этой драки
 «Былъ полковникъ Мазараки».

Но не прошло и недѣли, какъ Соллогубу дали знать, чтобы онъ спѣшилъ въ Марань; отрядъ сдѣлалъ наступленіе. Онъ полетѣлъ туда, былъ участникомъ двухъ блистательныхъ сраженій, подъ Нигонтами и подъ Чолокомъ, и написалъ о нихъ статью.

Въ 1855 году пріѣхалъ на Кавказъ новый намѣстникъ Н. Н. Муравьевъ. Когда-то, какія-то неудовольствія по службѣ, бывшія между нимъ и Воронцовымъ, были причиною тому, что онъ съ предвзятымъ чувствомъ относился ко всему воронцовскому и простиралъ это до того, что прямо началъ съ гоненія на всѣхъ близкихъ къ князю. На первомъ же своемъ пріемѣ, спросивъ Соллогуба, что онъ тутъ дѣлаетъ и узнавъ, что тотъ исторіографъ, Муравьевъ сказалъ ему: «мнѣ такихъ чиновниковъ ненужно» и предложилъ ѣхать «куда угодно».—Пришлось поневолѣ уѣзжать, но не надолго, черезъ годъ и самъ Муравьевъ уѣхалъ съ Кавказа, а новый намѣстникъ, князь Барятинскій, снова привезъ съ собою Соллогуба. Только зачѣмъ онъ его привезъ, кажется, оба они не отдавали себѣ въ томъ отчета.

Соллогубъ горѣлъ нетерпѣніемъ получить какую-нибудь отдѣльную часть по управленію въ самомъ Тифлисѣ, или по крайней мѣрѣ должность губернатора въ одной изъ кавказскихъ провинцій; честолюбивая его жилка очень была затронута, а между тѣмъ Барятинскому это и въ голову не приходило.—Онъ болталъ съ Соллогубомъ о всякомъ вздорѣ, совѣтывался съ нимъ о разныхъ меню по случаю торжествъ имъ устраиваемыхъ, заказывалъ ему на разные а гророс стихи, поручалъ декорировать залы, гдѣ происходили торжества и тому подобное, но о серьезномъ ни слова. Бѣдный Соллогубъ началъ не на шутку томиться такимъ положеніемъ, насутился и сталъ хандрить. Единственный домъ въ Тифлисѣ, вполне независимый по своему характеру, гдѣ находилъ онъ себѣ отдохновеніе, былъ домъ М. П. Колюбакина; тутъ можно было безопасно бранить Барятинскаго, сплетень отсюда не выносили, и Соллогубъ сталъ ходить сюда чуть не каждый день. Сюда же часто

приходилъ и Булгаковъ и они всегда кончали тѣмъ, что изъ мирнаго тона переходили въ веселый, чуть не балаганный.—Придумали между прочимъ передавать анекдоты про лицъ, чѣмъ-нибудь въ особенности извѣстныхъ или высокопоставленныхъ, не рассказомъ, а сценически, представляя ихъ самихъ. Булгаковъ вообще удачно умѣлъ всѣхъ копировать и эта новинка многимъ понравилась.

Ходилъ сюда также и тифлисскій тогдашній публицистъ, редакторъ газеты «Кавказъ», Ѳедотъ Ѳедотовичъ Бобылевъ. Приѣхалъ онъ сюда изъ Москвы еще при Воронцовѣ приказчикомъ въ депо русскихъ мануфактурныхъ издѣлій, но когда дѣло это разстроилось, занялся разведеніемъ табачной плантаціи на казенную субсидію, тутъ тоже прогорѣлъ и затѣмъ храбро взялся за редакцію «Кавказа».—Въ прежнія времена онъ съ благоговѣніемъ преклонялся передъ графомъ Соллогубомъ, какъ передъ крупной литературной звѣздой; но теперь, видя, что фонды его при Барятинскомъ стоятъ не высоко, сталъ зазнаваться, тѣмъ болѣе что фельетоны его, гдѣ описывались разныя торжества, производили благопріятное впечатлѣніе. Пускался онъ даже и въ политику и писалъ иногда, какъ онъ называлъ, артикель де фонъ, т. е. article de fond, или передовыя статьи; но тутъ ему не повезло и князь Барятинскій написалъ однажды начальнику главнаго управленія А. Ѳ. Крузенштерну слѣдующую записочку:

«Mr. Bobileff se permettrait il de faire de la politique de son propre cru et d'imposer ses opinions. On ne voit nullement que son article du N. soit tiré d'un autre journal et il a diablement l'air d'être l'écho de ses sentimens personnels. Veuillez lui en faire les remontrances les plus sévères».

Не сладко было выслушивать Ѳедоту Ѳедотовичу въ послѣдствіи такое предостереженіе, тогда же онъ его еще не получалъ и продолжалъ вышучивать Соллогуба. Сидѣли они разъ за обѣдомъ у Коллюбакина, шла у нихъ какая-то пикировка, которую Соллогубъ закончилъ тѣмъ, что въ упоръ сказалъ ему экспромтъ:

- Ѳедотъ Ѳедотовъ Бобылевъ,
- Джигитъ на фельетонной фразѣ,
- Береть по десяти рублей,
- Чтобъ толку не было въ «Кавказѣ».

Тифлисскій публицистъ отъ такого угощенія совсѣмъ опѣшилъ. Прозвище джигитъ на фельетонной фразѣ такъ за нимъ и осталось.

Съ годъ послѣ того проболтался Соллогубъ безъ всякаго дѣла въ Тифлисѣ и, наконецъ, уѣхалъ.—Въ 1868 году, я его встрѣтилъ въ Москвѣ; онъ ужасно мнѣ обрадовался и на другой же день былъ у меня. Въ это время онъ состоялъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, занимался въ Москвѣ устройствомъ образцовой торьмы и изъ словъ его было видно, что онъ всѣмъ сердцемъ старался по-

ставить это дѣло какъ можно лучше. Въ князѣ Владимірѣ Андреевичѣ Долгорукомъ онъ находилъ самое живое сочувствіе и содѣйствіе. А между тѣмъ, какъ разъ въ это время по Москвѣ ходили въ огромномъ количествѣ его извѣстные куплеты, кончавшіеся на «благодарю, не ожидалъ», и потому, когда мы сѣли обѣдать и я его навелъ на эту тему, онъ намъ сказалъ ихъ массу, одинъ забавнѣе другого.

— На прошлой недѣлѣ, говорилъ онъ между прочимъ, былъ я приглашенъ въ Ильинское и государь меня совсѣмъ затормошилъ новыми импровизаціями. Очень былъ доволенъ и смѣялся отъ души.—Заставилъ нѣкоторые изъ нихъ повторять по нѣскольку разъ. Въ особенности понравились ему два: про Каткова и Фонъ-Визина.

«Не говоря дурного слова,
«Аксаковъ морщась прочиталъ
«Письмо попольски отъ Каткова,
«Благодарю, не ожидалъ».

«Фонъ-Визинъ, древній литераторъ,
«Въ раю пришельцевъ вопрошалъ,
«Неужто внукъ мой губернаторъ?
«Благодарю, не ожидалъ».

Въ Москвѣ я жилъ въ Ваганьковскомъ переулкѣ, въ домѣ Гаршанова, извѣстнаго тогда своимъ пивомъ. При встрѣчѣ съ Соллогубомъ я ему далъ свой адресъ; но какъ Москва не Петербургъ, то прежде чѣмъ меня найти, онъ не мало поколесилъ, и запомнилъ мой адресъ. Въ заключеніе же сказанныхъ имъ куплетовъ, приладилъ новый и ко мнѣ:

«Въ припадкѣ старческаго жара
«Въ Москвѣ я кунака искалъ,
«И вдругъ нашелъ у пивовара!
«Благодарю, не ожидалъ».

Затѣмъ слѣдовалъ куплетъ моей женѣ, съ которой онъ тогда въ первый разъ познакомился:

«Не видѣвъ прежде васъ ни разу,
«Я васъ случайно увидалъ
«И вспомнилъ красоты Кавказа,
«Благодарю, не ожидалъ».

Недѣли три спустя послѣ того я снова встрѣтился съ Соллогубомъ въ Московскомъ трактирѣ за буфетомъ.

— Ахъ! вотъ и прекрасно,—сказалъ онъ мнѣ,—пойдемъ и сядемъ за тотъ столъ.

Мы усѣлись, подали заказанное нами и у насъ пошла бесѣда.

— Ну, а вы помните, конечно, что я вамъ говорилъ про тюрьму,—сказалъ мнѣ между прочимъ графъ.—Ну-съ, такъ вотъ каково мое во всемъ счастье. На прошлой недѣлѣ, когда все было готово, князь

Владиміръ Андреевичъ вызвалъ меня и приказалъ мнѣ находиться въ тюрьмѣ въ такой-то день, такъ какъ государь изволилъ изъявить желаніе ее видѣть. Понятно, что въ назначенный день и часъ я былъ тамъ, за мной прибыли князь, губернаторъ, прокуроръ и проч. и, наконецъ, изволилъ пожаловать государь, всѣхъ милостиво привѣтствовалъ и осмотръ начался. Впереди его величества шель я въ гофмейстерскомъ мундирѣ, все показывалъ, объяснял. Осмотръ продолжался почти цѣлый часъ, государь спрашивалъ подробности и всѣмъ чрезвычайно интересовался.—Когда же мы все обошли и вернулись въ пріемную залу, его величество изволилъ обратиться къ князю съ вопросомъ:

— А Соллогубъ тутъ зачѣмъ же?

— Да, онъ-то, ваше величество, и устраивалъ всю тюрьму.

— Какъ, это ты устроилъ?—изволилъ спросить меня шутливо государь.

— Точно такъ, ваше величество.

— Благодарю, не ожидалъ, — сказалъ онъ, смѣясь, подъ тонъ моимъ куплетамъ, сдѣлалъ общій всѣмъ поклонъ и пошелъ садиться въ коляску.

— Посудите сами, какъ мнѣ было все это горько. Мнѣніе о моей полной неспособности къ чему-либо серьезному до того уже крѣпко установилось, что сдѣлай я что-нибудь дѣйствительно серьезное—все обращается въ шутку.

Соллогубъ говорилъ это со слезами на глазахъ; но, не смотря на весь драматизмъ его положенія, мнѣ ужасно хотѣлось смѣяться.

Впрочемъ, когда въ тотъ же годъ, зимой, встрѣтилъ я его въ Петербургѣ и спросилъ о тюрьмѣ: «все вышло прекрасно, — отвѣтилъ онъ мнѣ весело, — государь пожаловалъ звѣзду».

Въ послѣдній разъ въ жизни видѣлъ я Соллогуба въ 1882 году въ одномъ изъ засѣданій Славянскаго комитета; я съ трудомъ его узналъ, до того онъ измѣнился. Дряхлый, согнувшійся старикъ съ отпущенной бородой, которой прежде никогда не носилъ, съ какими-то безжизненными глазами, велъ онъ подъ руку совсѣмъ еще молодую и красивую женщину. То была вторая жена его, урожденная Аркутинская. Когда онъ проходилъ мимо меня, я не могъ его не остановить и съ нимъ не поздороваться. Онъ не сразу меня узналъ, а узнавъ обрадовался, крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ женѣ своей, указывая на меня: «старинный, кавказскій пріятель, по тамошнему кунакъ».

Послѣ того я уже болѣе его не видалъ.

Не смотря на безсущество этого человѣка, олицетворявшаго собою особаго рода богему, съ колоритомъ аристократизма, онъ былъ такъ богато одаренъ и въ немъ было столько священнаго огня, что его нельзя не помянуть сочувственно.

К. Бороздинъ.

ВОЛХВЫ И ВОРОЖЕИ НА РУСИ, ВЪ КОНЦЪ XVII ВѢКА. ¹⁾

«Дьяволъ можетъ приводить и священное писаніе для своихъ цѣлей».

Шекспиръ.

ВТО СМУТНОЕ для Русскаго царства время, въ которое семнадцати-лѣтнему царю Петру Алексѣевичу пришлось ускакать, въ ночь, на 8-е августа 1689 года, на неосѣдланной лошади, въ одномъ бѣльѣ, изъ села Преображенскаго въ село Алексѣевское, и здѣсь въ роцѣ одѣться въ платье, доставленное, прискакавшимъ вслѣдъ за царемъ, постельничимъ Гаврилою Ивановичемъ Головкинымъ, и вновь «гнать шибко», по выраженію свидѣтелей этой скачки, и скрыться въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ; а за тѣмъ въ стѣнахъ этого монастыря учинить розыскъ надъ злоумышленниками, подготовлявшими злосчастный какъ на него, такъ и на его царственную семью умыселъ, а также и переворотъ въ царствованіи въ пользу царевны Софіи Алексѣевны.—Затѣмъ, когда по этому розыску коноводъ заговора, начальникъ Стрѣлецкаго приказа, окольничій Ѳедоръ Шакловитой лишился на плахѣ своей головы, а оберегатель большія царственной печати, ближній бояринъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ уже томился со всею семьєю въ ссылкѣ, въ г. Яренскѣ, — явились 3-го декабря, въ Москву изъ Нижняго-Новгорода, въ Приказъ Розыскныхъ Дѣлъ, состоявшій въ то время подъ начальствомъ боярина Тихона Никитича Стреш-

¹⁾ Читано въ засѣданіи Археологическаго института, 15-го января 1889 года, въ одиннадцатую годовщину основанія института Николаемъ Васильевичемъ Калачовымъ.

нева, двое дворовыхъ людей стольника Андрея Ильича Безобразова, Петръ Персидскій, онъ же и Цыганъ, да Якимъ Чепцовъ, и подали письменный извѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, заявили слѣдующее:

«Извѣщаемъ на вора и на измѣнника, и на единомышленника вору и измѣннику Ѳедкѣ Шакловитому, на стольника Андрея Ильича Безобразова. Въ прошломъ году, по указу великихъ государей, велѣно послать его, Андрея Безобразова, на Терекъ воеводою, и его, Андрея, въ то число на Москвѣ не было; а былъ въ вотчинѣ своей. И по указу великихъ государей, велѣно послать по него изъ Розряду грамоту въ вотчину, — чтобъ ему, Андрею, быть на Москвѣ. И онъ, пріѣхавъ къ Москвѣ, по ночамъ и съ утра рано къ вору и измѣннику Ѳедкѣ Шакловитому ѣздилъ, и Ѳедка у него Андрея бывалъ на дворѣ. И по указу великихъ государей велѣно Андрею быть въ Верхъ (во дворецъ), и сказана ему служба на Терекъ воеводою. И онъ, Андрей, пріѣхавъ съ Верху къ себѣ на дворъ, будто занемогъ, и писалъ великимъ государемъ челобитную, облыгаючи: будто старъ и увѣченъ и лежитъ боленъ, и на ту службу итти, за болѣзнями своими, ему нельзя. И по указу великихъ государей присланъ былъ изъ аптеки дохтуръ, болѣзней его осматривать. И послѣ того велѣно было ему быть къ великимъ государемъ въ Коломенское. И онъ, Андрей, бунтуя и отбывая службы, велѣлъ себя положить въ телѣгу и везть въ Коломенское — будто боленъ; а за собою велѣлъ итти брату своему, и женѣ своей, и родственникомъ и людемъ своимъ, съ женами и съ дѣтьми, и велѣлъ выть голосомъ. И стоялъ на Живомъ (нынѣ Москворѣцкій) мосту въ телѣгѣ долгое время, для наслушки, и въ телѣгѣ велѣлъ везть и въ стругъ. — И велѣно ему, Андрею, итти на службу на Терекъ, не мѣшкая. И онъ, пріѣхавъ въ стругу подъ Даниловской монастырь, стоялъ насидствомъ съ 6-го числа Маія по 30-е число. — А въ тѣхъ числахъ пріѣзжалъ къ нему на стругъ Ѳедка Шакловитой и, запершись, онъ, Андрей, съ Ѳедкою Шакловитымъ въ стругу, въ особомъ чюланѣ, говорили многое время. И Ѳедка Шакловитой ему, Андрею, говорилъ и приказывалъ, чтобъ шолъ обжидаячи. — И онъ шолъ Москвою рѣкою до Кожухова 4 дни, и сталъ подъ Кожуховскимъ мостомъ. И Юня 5-го числа присланъ былъ изъ Казанского приказу дьякъ и 5 подъячихъ, и велѣно его, Андрея, отъ Кожухова моста отослать нѣчестью. — И онъ потомъ, медля и ожидая смутного времени, до Коломны шолъ по 20-е число и стоялъ тутъ по 30-е; а отъ Коломны шолъ до Переяславля-Резанского Юля по 12-е число; а до Касимова по 12-е число Августа, и въ Касимовѣ стоялъ по 28-е число; а изъ Касимова шолъ до Муромъ Сентября по 6-е число, и стоялъ до 24-го числа. И въ Муромѣ, Сентября въ 10-мъ числѣ, учинилась ему вѣдомость, что Ѳедку Шакловитова взяли къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь.

А изъ Муромъ шолъ до Нижняго-Новаграда Сентября съ 24-го числа Октября по 11-е число. А шолъ гораздо медля и ожидая смутнаго времени.

«Да онъ же, Андрей Безобразовъ, ѣдучи Москвою рѣкою и Окою, посылалъ по городамъ и по селамъ и по деревнямъ, верстъ за 10 и за 20 и больши, людей своихъ неволею, и велѣлъ искать волхвовъ и ворожей; а велѣлъ ворожить про здравіе великихъ государей царей, и про великую государыню царицу Наталію Кириловну и про смутное время всякимъ волховствомъ; и къ себѣ на стругъ волхвовъ и ворожей велѣлъ приводить, и съ ними въ стругу, запершись, волховалъ и ворожилъ всячески.

«Да онъ же, Андрей Безобразовъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, чрезъ всѣ тѣ свои вымыслы вымыслилъ, воровскимъ своимъ вымысломъ и дьявольскимъ наученіемъ, сыскалъ въ Нижнемъ-Новѣградѣ волхва Дороейку, и послалъ его къ Москвѣ, Ноября 18-го числа, съ человѣкомъ своимъ съ Ивашкою Щербачовымъ, накупя того волхва всячески, давъ ему денегъ, и запасу, и вина, и мяса. А велѣлъ тому своему человѣку указать волхву великаго государя царя Петра Алексѣевича, и великую государыню царицу Наталію Кириловну, и боярина Кирила Полуехтовича, и боярыню Анну Леотьевну и боярина Льва Кириловича. А тотъ волхвъ Дороейка говорилъ съ нимъ Андреемъ Безобразовымъ, и хотѣлъ ему сдѣлать: напустить по вѣтру, вражески, на великаго государя царя Петра Алексѣевича, и на великую государыню царицу Наталію Кириловну, и на бояръ, и боярыню Нарышкиныхъ, чтобъ по немъ Андрей Безобразовъ тосковали.

«Да его жъ, Ардрея Безобразова, жена велѣла писать на холстинкахъ имя царя Петра Алексѣевича, и царицы Наталіи Кириловны, и бояръ, и боярыню Нарышкиныхъ, и кравчего князя Бориса Алексѣевича и думнаго дьяка Автамона Ивановича, и тѣми холстинками съ тѣмъ писмомъ обертывала, невѣдома для какого вымыслу, кругъ свѣчъ восковыхъ, и тѣ свѣчи, оберченныя холстинками, посылала съ людьми своими по церквамъ, и велѣла тѣ свѣчи, затепля, передъ образы ставить.

«И нынѣ, государи, тотъ волхвъ Дороейка, что прислалъ онъ, Андрей Безобразовъ, живетъ у него, Андрея Безобразова, на московскомъ его дворѣ».

Принявъ такой злокозненный и пагубный для Андрея Безобразова доносъ, приказъ Розыскныхъ Дѣлъ тотчасъ допросилъ извѣтчиковъ, въ подтвержденіе поданнаго ими извѣта, и за тѣмъ, въ 5-мъ часу ночи, послалъ одного стараго и пятерыхъ молодыхъ подьячихъ, и съ ними двоихъ приставовъ, взять съ московскаго двора Безобразова волхва Дороейку. Но такъ какъ жена Безобразова, оставшаяся послѣ отъѣзда мужа въ Нижній-Новгородъ хозяйкою въ домъ, сказала, что Дороейки въ Москвѣ уже нѣтъ:

отосланъ-де утромъ этого дня обратно къ мужу въ Нижній,—то приказъ Розыскныхъ Дѣлъ, не довѣривъ этому, послалъ вторично тѣхъ же людей, придавъ къ нимъ пятерыхъ, снятыхъ для этого съ стѣннаго караула, стрѣльцовъ, и приказалъ учинить на дворѣ Безобразова тщательный обыскъ. Приказаніе это было исполнено,—и Дороейка былъ найденъ въ поваренной избѣ, и вмѣстѣ съ принадлежащею ему сумкою съ снадобьями для ворожбы, доставленъ въ приказъ.

Здѣсь, на допросѣ данномъ Дороею, волхвъ Дороейка объявился нижегородскимъ посадскимъ, ремесломъ коноваль и рудо-метъ, умѣющій бобами ворожить, и на руку людей смотрѣть, и внутреннія болѣзни у взрослыхъ и у младенцевъ узнавать, и лечить шептами,—и показалъ, что-де его научилъ этому ремеслу нижегородскій коноваль Ѳедоръ Бобылевъ.—О найденныхъ же въ его сумкѣ бобахъ, травахъ и росномъ ладонѣ, Дороеей показалъ, что бобами онъ разводитъ и угадываетъ, а ладономъ оберегаетъ на свадьбахъ жениховъ и невѣстъ отъ лихихъ людей—отъ вѣдунъ; а траву богородицкую даетъ пить людямъ отъ сердечныя болѣзни, безъ шептовъ; а рветъ-де тое траву лѣтомъ въ Рождество Иоанна Предтечи съ шептами: «къ чему ты трава годна, къ тому будь и годна»; а другую норичную траву даетъ лошадямъ.—При этомъ Дороеей добавилъ: «Онъ же-де и зубную болѣзнь лечитъ, и щепоту и ломоту уговариваетъ и руду (кровь) заговариваетъ. А о государскомъ-де здоровьи не ворожилъ и Андрея Безобразова не знаетъ».

Въ виду явнаго заpiresательства, учиненнаго Дороеемъ, ему дали очную съ извѣтчиками ставку, на которой онъ сознался, что Андрей Безобразовъ упросилъ его напустить по вѣтру на великихъ государей, чтобъ они были къ нему добры; но что обѣщаніе свое онъ, Дороеей, далъ только на словахъ, а мыслію своею дѣлать того не хотѣлъ,—да и дѣлать того не умѣетъ и тому не учился; а обѣщался сдѣлать для своей корысти, чтобъ взять съ Андрея Безобразова обусловленное за поѣздку: рубль денегъ, четверть муки ржаной, польсомины пшеничной, осмину гороху, польсомины крупъ, полоть мяса и на дорогу полведра вина. Затѣмъ, Дороеей показалъ, что Щербачовъ, по пріѣздѣ съ нимъ изъ Нижняго-Новгорода въ Москву, узналъ, что царь Петръ Алексѣевичъ съ матерью-царицею Натальею Кирилловною находятся въ Звенигородскомъ Саввинскомъ монастырѣ, а потому, чтобъ не терять времени и чтобъ видѣть царя и царицу вблизи, тотчасъ повезъ его въ лежащее на пути изъ Звенигорода въ Москву подмосковное село Хорошово для того, чтобъ тамъ, при перемѣнѣ лошадей подъ царскій поѣздъ, указать ему, Дороею, на царя и царицу. Но такъ какъ, по прибытіи Щербачова и Дороея въ Хорошово, хотя и ожидался царскій поѣздъ, но не надѣялись, чтобъ онъ прибылъ скоро, то Щер-

бачовъ и Дороеей, прождавъ до пяти часовъ ночи, и не дождавшись побѣда, уѣхали обратно въ Москву, и черезъ это Дороею не предоставилось-де возможности напустить по вѣтру на царя и царицу тоску по Андреѣ Безобразовѣ. Но въ этомъ послѣднемъ ложномъ показаніи ему пришлось сознаться на пыткѣ, такъ какъ онъ царя Петра Алексѣевича въ это время видѣлъ и стихи «о назначеніи тоски по Андреѣ Безобразовѣ» на него по вѣтру пустилъ, о чемъ будетъ сказано далѣе. А что онъ, Дороеей, въ томъ, что Андрея Безобразова не знаетъ, въ роспросѣ и на очной ставкѣ запирался, и въ той-де винѣ его вольны великіе государи наказать за это.

Заручившись показаніемъ Дороея, приказъ Розыскныхъ Дѣлъ отправилъ, 5-го декабря, стрѣлецкаго подполковника Башева съ 20-ю стрѣльцами въ Нижній-Новгородъ, взять тамъ стольника Андрея Безобразова и людей его «приличившихся къ его воровству», а также и коновала Федора Бобылева, научившаго Дороея ворожбѣ и шептамъ.

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ Москвѣ, злосчастный, по своему личному убѣжденію, воевода терскій Андрей Ильичъ, неповинный ни въ политическомъ заговорѣ, ни въ боярскихъ замыслахъ, сидѣлъ 11-го октября въ чуланчикѣ своего струга, замерзшаго во льду рѣки Оки, и не могъ даже выдти на берегъ, чтобъ погрѣться въ какой-либо прибрежной избенкѣ. Этого не позволялъ ему нижегородскій воевода, грубый и буйный самодуръ, думный дворянинъ Иванъ Ивановичъ Панинъ, который мало того, что не отвелъ Безобразову двора, но строжайше запретилъ жителямъ Нижняго-Новгорода пускать его къ себѣ на постой. Такое безсердечное распоряженіе Панинъ основывалъ на грамотѣ, присланной изъ Казанскаго приказа, о томъ, чтобъ не позволять Безобразову застывать въ Нижнемъ-Новгородѣ; но, само собою разумѣется, что не въ такое время года, въ которое нельзя двинуться въ путь ни на саняхъ, ни на телѣгѣ. Но Панинъ, упираясь на букву грамоты, не хотѣлъ ничего знать, и гналъ старика на Терекъ, — на чѣмъ хочешь и какъ хочешь!

Но старикъ Безобразовъ не поддался и, оставаясь на своемъ стругу, терпя холодъ и обиды, горячо приводилъ въ исполненіе свою затѣю: добиться не тѣмъ, такъ другимъ способомъ поворота въ Москву. А чтобъ узнать поскорѣе: будетъ ли ему поворотъ?— разсылалъ своихъ людей и по Нижнему, и по окрестнымъ селамъ и деревнямъ за волхвами и ворожеями, и подконецъ, на погибель свою, накупилъ волхва Дороея, чтобъ онъ ѣхалъ въ Москву и напустилъ тамъ по вѣтру на царя Петра Алексѣевича и на царицу Наталію Кирилловну тоску по немъ, Андреѣ.

Но посылая за волхвами и ворожеями и прибѣгая къ ихъ помощи, Безобразовъ почти каждоневно посылалъ людей своихъ въ Москву съ челобитными къ царямъ, съ грамотками къ боярамъ и

другимъ вліятельнымъ лицамъ, и съ письмами къ женѣ своей и къ людямъ.

Всѣ эти письменные документы были захвачены при обыскѣ на московскомъ дворѣ Безобразова и сохранились въ цѣлости при розыскомъ дѣлѣ, и въ нихъ какъ нельзя лучше видна жизнь, обстановка и отношенія тогдашняго служилаго человѣка къ общественному строю окружающей его общественной и домашней среды и къ хозяйственному быту.

Для удостовѣренія въ этомъ прилагаемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ этихъ драгоценныхъ документовъ.

Въ челобитныхъ къ царямъ Безобразовъ изъясняется предъ великими государи: «ѣдучи на службу, я въ пути заскорбѣлъ, и отъ тое скорби сталъ дряхль, и глухъ, и безпамятенъ, и въ умѣ крушился и глазами плохо вижу, потому что человѣченко старой и увѣчной, руки и ноги переломаны, и иныя многія болѣзни во мнѣ есть, и на Коломнѣ меня, холопа вашего, поновляли и прищипали, и масломъ святымъ святили. Умилитесь, государи, надо мною, аки Богъ! Не велите, государи, меня на Терекъ посылать. А въ такую, государи, далнюю службу, за совершенными лѣты и за великими моими болѣзнями и за безпамятствомъ, меня не будетъ. А служу вамъ, великимъ государемъ, 48 лѣтъ, а отъ роду мнѣ 69-й годъ,—и велите, государи, меня и болѣзней моихъ осмотрить, и про то вамъ, великимъ государемъ, будетъ явно».

Не надѣясь же, чтобъ его челобитныя были уважены безъ покровительства ближнихъ бояръ, Безобразовъ шлетъ къ нимъ письма, по тогдашнему грамотки, тождественнаго содержанія, пространно излагая свое бѣдственное положеніе отъ старости и болѣзней, а также и отъ безчеловѣчнаго обращенія съ нимъ воеводы Панина. Образцомъ этихъ писемъ служитъ письмо его къ князю Петру Ивановичу Прозоровскому, начинающееся такъ: «Государь мой, ко мнѣ милостивой, князь Петръ Ивановичъ! Здравствуй, государь милосердый, о Христѣ во вѣки, и пребывай во всякихъ радостяхъ и съ тѣми, кто при милости твоей, государя моего, бываютъ, и здоровья твоего оберегаютъ и всякаго тебѣ, государю моему, добра желаютъ. Напамятуй, государь мой милостивой, милость дѣда своего князь Семена Васильевича, и милость отца своего князь Ивана Семеновича и свою милость къ батюшку и ко мнѣ. Прошу милостиво заступленія: дай, государь, мнѣ милость вовѣки помнить и вѣчно за твое здоровье Бога молить и за весь твой праведной домъ. Заступи, государь, меня милостію своею, чтобъ мнѣ, по твоему заступленію, на Теркѣ не быть, за совершенными мои лѣты и за великими моими болѣзнями и увѣчемъ».

Потрушивая же, что безъ личнаго ходатайства на грамотки его царедворцы не обратятъ вниманія, Безобразовъ пишетъ къ женѣ: «Агаея Васильевна, здравствуй, о Христѣ, на вѣки и пребывай

во всякихъ радостяхъ! Я грамотки послалъ: князь Михаилу Алегуквичю, князь Пертру Ивановичю, Тихону Никитичю, Петру да Ѳедору да Василью Аврамовичемъ, Матвѣю Филимоновичю, а ты тѣ грамотки поднеси сама. А напередъ грамотки поднеси: Петру да Василью Аврамовичамъ, — что они скажутъ? — Бей челомъ Авдотѣ Петровнѣ, Авдотѣ Аврамовнѣ. Съѣзди къ Ѳедоровымъ дѣтямъ Полуектовича, къ Артемонову сыну къ Андрею Артемоновичю и имъ побей челомъ; да съѣзди къ Автамону Ивановичю и ему побей челомъ. Съѣзди къ князь Юрьеву сыну Рамодановскому, къ князь Юрью Юрьевичю и побей челомъ. Къ князь Михаилу Ивановичю Лыкову съѣзди и побей челомъ. Къ Александру Петровичю Салтыкову съѣзди и побей челомъ».

Не питая же надежды, чтобъ простое битье челомъ тронуло бы сердца царедворцевъ, Безобразовъ шлетъ своей Агаѣ Васильевнѣ другое письмо съ такимъ наказомъ: «А что писалъ въ грамоткахъ, и тебѣ по тѣмъ грамоткамъ извѣстить тѣмъ про все про то, про что писано. За дачю незачто стоять, лише бѣ только меня поворотили. Вѣдаешь ты и сама, что мнѣ есть что дать: запасъ у меня есть, сѣдла у меня есть, чердалы, узды хорошия у меня есть, сабли у меня есть. Я и за иное ни за что не постою: будетъ денги, — я и денегъ дамъ, ржевскую деревню продамъ, я и тысячу дамъ! — А будетъ и деревня кому понадобится, я и деревню дамъ, — лишь бы меня пожаловалъ кто — заступился. Я и Каньково уступлю; я и Спасково уступлю, а цѣну небольшую возму, — толко бѣ пожаловалъ меня кто — поворотилъ; а прѣхавъ къ Москвѣ съ тѣмъ и писмами подкрѣплюсь. И ты про то побей челомъ и извѣсти Тихону Никитичю, Петру да Ѳедору да Василью Аврамовичамъ».

Хорошо сознавая, что въ его дѣлѣ и мелкую сошку, скрипящую въ приказахъ перьями, обходить не слѣдуетъ, Безобразовъ пишетъ къ своимъ дворовымъ ходатаямъ по его дѣламъ: «Одноконечно бы вамъ провѣдать: какая грамота послана въ Казань? — И съ тое грамоты списать списокъ и прислать ко мнѣ; а будетъ подъячей не станетъ давать, инъ подъячему вина и мяса и запасу. — Такъ то вы ходите, что про се время не провѣдаете: какія грамоты посланы въ Муромъ, въ Нижній, въ Казань? Коли подъячей не дастъ, и я бы у него купилъ, доложу женѣ моей, да къ нему бы и отнесъ».

Болѣло сердце у Андрея Ильича и по распорядкамъ въ его деревняхъ, а потому онъ шлетъ письмо къ женѣ: «Васильевна, здравствуй! Писалъ я въ деревни: въ бѣлѣвскія, въ кромскія, въ орловскія, на Вологду о винѣ, о свиныхъ мясахъ; а мяса велѣлъ со крестьянъ болши старова, слишкомъ, взять; также вели полотки, гусиные и утиные, и куря индѣйскія и поросячьи слишкомъ изготовить; и вели тѣ мяса къ Москвѣ везть не мѣшкавъ,

чтобы поранѣй ихъ осолить; ино изготовить крупъ: грешневыхъ, овсяныхъ, яшныхъ небольшое, толокно, сухари, хмѣль, масло коровье и конопляное».

Получивъ отъ жены свѣдѣніе, что его дворовой ходатай по дѣламъ, Григорій Щербачовъ, грубитъ ей, Безобразовъ пишетъ: «Васильевна! Господа ради потерпи—хотя онъ тебя и прогнѣвилъ: записки вотчинамъ и помѣстьямъ всѣ у него! Естли живъ буду, Гришкѣ у меня указъ будетъ: пришло Цыгана у Гришки дѣла принять и за дѣлами ходить. А будетъ впредь тебя не станеть слушать и станеть невѣжничать, бей кнутомъ или ботоги».

Тогда же пишетъ и къ грубіяну: «Григорей Щербачовъ! Откуда ты взялъ, что жену мою безпрестано гнѣвишь и невѣжничаетъ?! Забылъ ты, песь, страдникъ, какъ ты человѣка моего зарѣзалъ ножемъ, и я тебя страдника отъ смерти отнял. Такъ то мою милость платишь?! Ты бы за слово мое умеръ и жены моей. А что прежь сего ты жену мою безчестилъ и передъ нею невѣжничалъ, и я, по сыску, велѣлъ тебя кнутомъ бить, только чють въ тебѣ душу оставить! А прежь сего писалъ я къ тебѣ,—велѣлъ списать: каковы грамоты посланы въ Казань обо мнѣ,—для чего ты не списалъ и ко мнѣ не прислалъ?»

Тамъ же, сидя въ чуланчикѣ на своемъ стругу, хлопотливый старикъ-хозяинъ тревожился и о сохраненіи всякой домашней рухляди. Такъ, между прочими дѣлами, крѣпко думалъ онъ о литаврахъ, а потому писалъ къ женѣ: «Васильевна! Изъ боровской деревни вели провезть литавры къ Москвѣ, и вели поставить на стулахъ, да на скамьяхъ; а будетъ ино, ихъ къ стропиламъ подвѣзати на веревкахъ, да на веревки положить жердья, да на жердья доски, да на доски положить литавры, и повѣситъ такъ, чтобъ головою не достать, чтобъ мыши кожъ не перепортили».

Погрузившись въ такія разнообразныя заботы, Андрей Ильичъ и не подумывалъ о томъ, что ворожба его во время длиннаго пути рѣками Москвою и Окою, сначала въ Москвѣ на бобахъ у тяглеца мельника Сеньки, затѣмъ въ Коломнѣ на тѣмъ же у мужика Ганьки, въ Касимовѣ на деньгахъ у татарки, и въ Нижнемъ на водѣ у дворника Оськи, и на бобахъ и костяхъ у портнаго Ивашки, не пройдетъ ему даромъ,—а также и о томъ, что накупленный имъ волхвъ Дороейка напуститъ по вѣтру,—но только не тоску по немъ царя Петра Алексѣевича,—а отсѣченіе ему, Андрею, его старческой головы.

Начало этому бѣдственному концу воспослѣдовало 17-го декабря, вслѣдъ затѣмъ, какъ подполковникъ Башевъ представилъ Андрея Ильича въ приказъ Розыскныхъ Дѣлъ, гдѣ тотчасъ же предложили ему отвѣтить на приготовленные заранѣе 21 вопросный пунктъ. По всѣмъ этимъ пунктамъ, обвиняемый ими Андрей Ильичъ далъ отрицательные отвѣты: «съ человѣкомъ-де своимъ Ивашкою Щер-

бачовымъ никакова человѣка изъ Нижняго не посылавалъ и Доронки не знаетъ, и того ничего, что написано въ извѣтѣ, не приказывалъ, и человѣкъ его Ивашка и Доронка его поклепали напрасно».

«И того жъ числа въ расправной палатѣ передъ бояры Андрю Безобразову съ извѣтчики съ людьми его, Андреевыми, и съ коноваломъ Дорошкою даны очныя ставки».

«А на очной ставкѣ Андрей Безобразовъ вовсемъ запираляся жъ: что онъ его, Дорошку, и не знаетъ».

«И того жъ числа великіе государи указали: его, Андрея, противъ извѣту и роспросныхъ рѣчей людей его и коновала Дорошки и противъ очныхъ ставокъ роспросить въ застѣнкѣ у пытки. А буде онъ по тѣмъ вышписаннымъ уликамъ учнетъ запиратца и его, Андрея, и коновала Дорошку велѣно пытатъ».

И съ пытки коновалъ Дорошка, послѣ двухъ подъемовъ и одного удара, показалъ: Андрей Безобразовъ говорилъ ему ѣхать въ Москву и тамъ сдѣлать, чтобъ великіе государи были до него добры. И онъ ему сказалъ, что онъ то учинить, и по вѣтру напустить можетъ такими стихами, которыми говаривалъ и отъ которыхъ бывало добро. И въ Хорошово-де онъ въ то время, какъ изъ Савинскаго монастыря царь Петръ Алексѣевичъ и царица Наталія Кириловна шли къ Москвѣ, ѣздилъ и надъ великимъ государемъ дѣлалъ такими стихами:

«Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Лягу я перекрестясь, пойду помолясь, изъ избы дверми, дворомъ въ ворота, путемъ дорогою въ чистое поле: въ чистомъ полѣ стоитъ дубъ, подъ дубомъ золотъ-стулъ, на золотѣ-стулѣ сидитъ дѣвица Маремьяна, прядетъ золотъ-кужель; и гдѣ раба ни завидитъ царя Петра, слѣдокъ станеть скрадывать, къ сердцу прижимать».

«Прихожу я рабъ, Дороеей, кланяюсь, покоряюсь, опускаю ключи въ окіанъ-море, чтобъ тѣмъ ключамъ по окіану-морю не плавать во-вѣки вѣкомъ. Аминь».

На вопросъ же: какимъ заговоромъ и шептами онъ, Дороеей, лечитъ зубную боль?—отвѣтилъ, что заговоръ для этого такой:

«Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.—Сотворилъ, Господи, небо и землю; создалъ, Господи, въ едино слово.—Уговариваю я щепоту и ломоту, молюся я святому Антипію, Николѣ чудотворцу; посылаю святого Антипія къ мертвому: какъ у мертваго зубы не болятъ,—такъ и у раба (имрекъ) ни щепоты, ни ломоты, ни пухоты, ни болѣзни не было бы во вѣки вѣкомъ. Аминь».

О томъ же какъ заговаривается имъ руда у лошадей, Дороеей показалъ, что для этого нужно прошептать слѣдующій заговоръ: «Боже нашъ, помилуй насъ! Займуетъ царь займище, тако займися у коня сѣрова (или каковъ шерстью) руда. Летятъ два вѣроны черезъ окіанъ-море: крыльемъ махъ-махъ, раны зѣвъ-зѣвъ, руда капъ-капъ. Аминь тебѣ, руда!»

Послѣ этого Андрей Безобразовъ, въ застѣнкѣ у пытки, сказалъ: Дорошка коноваль въ Нижнемъ у него былъ и онъ, Андрей, казалъ ему животную свою болѣзнь, и онъ изъ Нижняго послалъ его въ Москву къ женѣ своей для такія жъ животныя у нея болѣзни; да и то ему, Дорошкѣ, говорилъ: мочно ль ему то сдѣлать, чтобъ на Теркѣ ему не быть? И въ Касимовѣ татарку къ нему Петрушка Цыганъ Персидской на него, Безобразова, приводилъ, и ворожила она ему о томъ, что быть ли ему на Теркѣ. А о здоровьѣ великихъ государей не гадываль, и много ли имъ жить, не вороживаль, и человѣку своему Ивашкѣ Щербачову о томъ, чтобы указать Дорошкѣ великого государя и бояръ, не приказываль.

Но будучи подвергнутъ пыткѣ, Андрей Безобразовъ, послѣ двухъ подъемовъ и пяти ударовъ, закричалъ: «Во всемъ-де онъ въ томъ, что мужикъ въ роспросѣ и съ пытки говорилъ, виноватъ; а ни съ кѣмъ-де онъ о томъ не умышлялъ, и указывать тому мужику великого государя велѣлъ».

«И отданъ онъ, Андрей, за сторожу на дворъ стольнику и подполковнику Борису Ѳедорову сыну Дементьеву. А коноваль Дорошка, для сторожи жъ, посланъ съ капитаномъ московскихъ стрѣльцовъ съ Герасимомъ Дмитриевымъ въ Московской уѣздъ въ село Семеновское».

Въ наказной памяти, данной Дмитріеву, было написано: «А прѣхавъ въ то сельцо, на крестьянскомъ дворѣ, гдѣ пригожъ, держать того коновала скована, за крѣпкою сторожею, до указа, и смотреть надъ нимъ днемъ и ночью накрѣпко, чтобъ онъ изъ-за сторожи куда не ушолъ и дурна надъ собою какого не учинилъ; и людей къ нему никакихъ чиновъ ни для чего припускать и говорить съ нимъ ничего не велѣть».

Очевидный, хотя и не высказанный, смыслъ этого наказа заключался въ томъ, чтобъ держать Дороея подалѣе отъ Москвы «за крѣпкою сторожею и смотреть надъ нимъ днемъ и ночью накрѣпко» для того, чтобъ онъ не ухитрился, діавольскимъ наученіемъ, напустить по вѣтру на царя, или на царицу, или на бояръ Нарышкиныхъ какого-либо волшебства, если бъ содержался подъ стражею въ Москвѣ.

Послѣ этого, декабря, въ 20-й день, по указу великихъ государей велѣно: «коновала Ѳедку Бобылева, дворника Оску Охупкина, портого Ивашку Матвѣева и мельника Сенку въ ихъ волшебныхъ воровствахъ роспросить въ застѣнкѣ у пытки, а въ чемъ учнутъ запырять—пытать; и Дорошкѣ Прокопьеву съ Ѳедкою Бобылевымъ, а въ ученѣи волшебства и заговорныхъ волшебныхъ стихахъ «чтобъ были люди добры», дать очную ставку и пытатъ же накрѣпко».

И Ѳедоръ Бобылевъ въ застѣнкѣ, послѣ двухъ подъемовъ и

17 ударовъ, говорилъ: «коновала Дорошку училъ онъ тремъ стихамъ: отъ зубовъ, отъ руды, отъ притки лошадямъ; а того стиха, что говорилъ Дорошка, чтобъ люди добры были, онъ, Федоръ, его, Дорошку, не учивалъ. И про тѣ стихи, которые онъ, Федоръ, умѣеть, отцу своему духовному Нижнаго-Новгорода церкви, Варвары Христовы мученицы, Андронику Ларионову сказывалъ, — и отецъ его духовной за тѣ стихи заповѣди на него не положилъ. А у Дорошки отца духовнаго нѣтъ». Но послѣ очной ставки съ Дороеемъ, на которой послѣдній уличалъ Бобылева, что всему тому, о чемъ онъ показалъ на пыткѣ, научилъ его онъ, Бобылевъ, по учиненной между нихъ записи, по которой Дороей заплатилъ ему за ученье рубль, коноваль Федоръ послѣ вторичнаго подъема и 18 ударовъ, сознался, что запись межъ ими была и за ученье деньги съ Дороея взялъ.

Спрошенные же въ застѣнкѣ у пытки, послѣ подъемовъ, остальные ворожеи: Осипъ Охалкинъ, мельникъ Семень, и портной Иванъ, показали: Охалкинъ, послѣ 10 ударовъ: «у Андрея Безобразова былъ и стаканъ съ водою на столъ ставилъ и смотрѣлъ, и сказалъ ему, Андрею, издѣвающихся, что его, Андрея къ Москвѣ возмутъ, и будетъ шумъ. А за нимъ-де, Осипомъ, волшебства никакого не бывало и ворожить и шептать не умѣеть».

Мельникъ Семень, не будучи подвергнутъ ударамъ, показалъ на подъемѣ: «про Андрея Безобразова онъ бобами ворожилъ, и о томъ, что ему, Андрею, на Теркѣ не быть и про бунтъ, что будетъ нескорѣ, человѣку его, Андрееву, приказывалъ».

Портной Иванъ, также безъ ударовъ, но на подъемѣ, показалъ: «на бобахъ у Андрея Безобразова ворожилъ и сказалъ, что ему на Москвѣ не быть, и сказалъ это спроста. А кости-де онъ, Андрей, ему, Ивану, давалъ свои, и тѣми костями разводилъ онъ, Андрей, самъ; а онъ, Иванъ, смотря на кости, сказалъ вышеписанныя свои рѣчи. А учился онъ бобами разводить у бабы Федоры Филиповой, а чья жена—того не вѣдаетъ. А приходилъ онъ къ Андрею Безобразову шить».

По окончаніи розыска была составлена въ приказѣ Розыскныхъ Дѣлъ пространная докладная записка, по которой былъ составленъ статейный, о каждомъ обвиняемомъ въ дѣлѣ лицѣ, списокъ, съ подведеніемъ изъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, 1649 года, надлежащихъ по винѣ каждаго подсудимаго статей, и за симъ 23-го декабря, по заслушаніи записки и статейнаго списка, состоялся царскій указъ и боярскій приговоръ:

«Воровъ и богоотступниковъ Андрюшку Безобразова, да человека его Ивашку Щербачова, да волхвовъ и чародѣевъ, нижегородскихъ жителей, коноваловъ, Дорошку Прокоѣева, Федьку Бобылева, за ихъ воровство и на ихъ государственное здоровье за злой волшебной и богоотмѣтной умысль, по Уложенію (1-й статьи 2-й главы) казнить смертью: Андрюшкѣ и человѣку его Ивашку отсѣчь

головы, а волхвовъ коноваловъ Дорошку и Оедьку сжечь въ струбѣ.

«А жену Андрюшки Безобразова Агафью (по Уложенію 6 и 7-й статей, 2-й главы) сослать въ ссылку въ Новгородской уѣздъ, на Тихвину, въ Введенскій дѣвичъ монастырь подѣ началъ, и быть ей въ томъ монастырѣ по еѣ смерть неисходно за то, что знала о затѣяхъ своего мужа, и коновала Дорошку у себя на дворѣ принимала, и посыльнымъ изъ приказа Розыскныхъ Дѣлъ его не отдала, сказавъ, что отпустила къ мужу своему въ Нижній.

«А мельника Сенку, портного Ивашку и дворника Оску Охапкина бить на козлѣ кнутомъ нещадно, и сослать въ ссылку въ Сибирскіе города на вѣчное житье за то, что они къ Андрюшкѣ Безобразову приходили и о смутномъ времени и о побѣдѣ на боярѣ ворожили».

Этимъ же приговоромъ была опредѣлена дворовымъ людямъ Безобразова: Ивану Захарову, Леонтію Иванову и Ивану Турубаеву ссылка на Самарь въ Новобородицкой городѣ, безъ наказанья, съ женами и съ дѣтьми за то, что они были посланы: Захаровъ къ ворожеѣ, Ивановъ въ стрѣлецкія слободы для наговору, о возмущеніи къ бунту стрѣльцовъ, а Турубаевъ зналъ, что къ Андрею Безобразову приводились ворожеи,—но великимъ государемъ всѣ они о томъ не извѣщали.

Великіе государи, выслушавъ приговоръ, представленный думными дьяками: Василюемъ Семеновымъ, Никитою Зотовымъ, Гаврилою Деревнинымъ, Емельяномъ Украинцовымъ и Автономомъ Ивановымъ, въ 8-й день января 1690 года, указали: «Андрюшкиныхъ людей Безобразова: Ивашку Щербачова смертью казнить, а Ивашку Захарова, Левку Иванова, Ивашку Турубаева въ ссылку сослать не указали; а велѣли ему, Ивашку Щербачову, за его воровство, сказать ему смертную казнь, положить на плаху и, снявъ съ плахи, вмѣсто смерти учинить жестокое наказанье: бить на козлѣ кнутомъ нещадно и сослать его съ женою и съ дѣтьми въ ссылку на вѣчное житье въ Сибирскіе города, а Ивашку Захарова, Левку Иванова, Ивашку Турубаева свободить».

«И по тому великихъ государей указу, Андрюшка Безобразовъ и коновалы Дорошка Дороеевъ и Оедька Бобылевъ казнены января въ 8-мъ числѣ 198 (1690) году: Андрюшкѣ отсѣчена голова на Красной площади, а коновалы и съ ними сумка, которая взята съ Дорошкою, сожжены, на Болотѣ, въ струбѣ. А людямъ Андрюшкинымъ, Ивашкѣ Щербачову съ товарищи, и нижегородцомъ, и Таганной слободы Сенкѣ мелнику учинено наказанье: биты кнутомъ, а Ивашка Щербачовъ кладенъ на плаху. И посланы они, Ивашка Щербачовъ съ товарищи, въ ссылку въ указныя мѣста того же вышеписаннаго числа».

«А у той казни и наказанья были: думной дворянинъ Василей Даниловичъ Мясной, думной дьякъ Протасей Микифоровъ, дьяки,

Иванъ Улановъ, Семень Черной. А великихъ государей указъ у той казни и наказанья сказанъ: вору и богоотступнику Андрюшкѣ Безобразову, ворамаъ волхвамаъ коноваламаъ Дорошкѣ Прокоѡеву, Ѳедкѣ Бобылеву, вора Андрюшки Безобразова человѣку Ивашкѣ Щербачеву, ворамаъ-ворожеямаъ: Таганной слободы тяглецу Сенкѣ мелнику, нижегородскому посадскому Ивашкѣ портному, Ѳedorову крестьянина Спѣшнева Ѳедкѣ Охашкину и вора Андрюшки женѣ Безобразова Агафѣ».

Приведеніе въ исполненіе этого приговора можетъ показаться теперешнему образованному обществу жестокимъ и несправедливымъ, такъ какъ вѣра въ вмѣшательство дьявола въ дѣла людей болѣе или менѣе утасла; но для москвичей 1689 года пылающій на Болотѣ струбъ съ волхвами и съ ихъ сумкою съ наколдованными въ ней травами и бобами, не возбуждалъ состраданія къ погибающимъ такую лютою смертію колдунамаъ, и никто не сомнѣвался въ справедливости состоявшагося приговора. Не возбуждалось состраданія и сомнѣнія потому, что не одно темное простонародье, вѣрующее и теперь въ силу волхвовъ и ворожей, но и тогдашнее высшее общество было пропитано суевѣріемъ въ сообщество колдуновъ съ дьяволомъ и съ его нечистою силою, и ждало отъ нихъ всяческаго зла, вѣря, что они могутъ узнавать будущее и наговаривать всякое лихо и порчу, и отговаривать какъ первое, такъ и послѣднюю, и, даже, если волхвъ большой пріятель сатанѣ, то изъ дружбы послѣдняго къ волхву, могутъ дѣлать и добро, какъ, на примѣръ, прилюбятъ опостылую жену къ мужу, или приворожить красну-дѣвицу къ доброму, но не нравящемуся дѣвицѣ, молодцу, а также и наоборотъ.

Доказательства на это находятся въ каждомъ изъ трехъ томовъ «Розыскныхъ дѣлъ о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ», изданныхъ Археографическою Комиссією, изъ которыхъ второй томъ далъ намъ матеріалъ для настоящаго сообщенія.

Такъ, изъ перваго и третьяго тома упомянутыхъ «Розыскныхъ дѣлъ» видно, что какъ только царевна Софія Алексѣевна узнала, что постельничій Гавр. Ив. Головкинъ вводилъ въ Верхъ, въ комнаты царя Петра Алексѣевича, мурзу князя Ибрагима Долоткозина и татарина Кодоралея, и что они тамъ ворожили по гадательной книгѣ и на письмахъ, и предсказали, что царю Петру быть на царствѣ одному,—то ретивый приверженецъ царевны Ѳедоръ Шакловитой велѣлъ схватить князя Долоткозина, отвезти его за Москву, въ лѣсъ, къ селу Воскресенскому, и пытать, при чемъ за неимѣніемъ палача обязанность его, битые кнутомъ, исполнялъ стрѣлецъ. На пыткѣ этой князь Долоткозинъ оговорилъ Кодоралея, котораго также схватили и, затѣмъ, ихъ обоихъ отвезли въ застѣнокъ, пытали и, въ заключеніе, сожгли на ихъ спинахъ гадательную книгу и письма.

И знаменитый въ то время по учености монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ имѣлъ сношеніе съ волхвомъ Василиемъ Иконникомъ, который похвалялся ему, что онъ, Иконникъ, богоотступникъ и самимъ сатаною владѣеть, и что если царевна Софія Алексѣевна дастъ ему 5,000 рублей, то оба государя въ одну недѣлю умрутъ порчею, имъ насланною. Тотъ же Иконникъ рассказывалъ Медвѣдеву, что князь Василій Голицынъ велѣлъ въ деревнѣ своей въ банѣ мужика сжечь для того, чтобъ проносу отъ него не было, что онъ ему въ ѣствахъ дѣлалъ прилюбіеніе. И тѣ ѣствы онъ, князь, отсылалъ къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ.

Онъ же, Сильвестръ Медвѣдевъ, держалъ у себя въ кельѣ Заиконоспасскаго монастыря, цѣлыхъ 3 года, выходца изъ Польши, волхва Дмитрія Силина, который, по его словамъ, узнавалъ въ животѣ болѣзнь, отъ кого (а не отъ чего) какая болѣзнь прилучитца. И онъ, Силинъ, у многихъ животы щупалъ, да и въ солнце смотритъ и узнаваетъ въ солнцѣ — кому что будетъ; да онъ же Силинъ у младенцевъ уговариваетъ грыжи и отъ ускопу, или будетъ межъ мужа и жены совѣту не будетъ — помогаетъ. И Сильвестръ Медвѣдевъ велѣлъ ему посмотриѣть въ солнцѣ: «каковъ-де будетъ князь Голицынъ и будетъ ли онъ на Москвѣ царемъ? также и Федоръ Шакловитой какимъ чиномъ будетъ, и будетъ ли онъ первымъ княземъ? а онъ, Сильвестръ, патриархомъ?—И онъ, Силинъ, по тѣмъ Сильверстовымъ словамъ, ходилъ на Ивановскую колокольню Великаго двжды и въ солнце сматривалъ. И въ солнцѣ онъ видѣлъ: на великихъ государяхъ вѣнцы, по обыкновенію, на главахъ, а у князя Василья Голицына вѣнецъ мотался около груди и назади и со сторонъ, и онъ, князь, стоялъ темень и ходилъ колесомъ; а царевна Софія Алексѣевна была печальна и смутна; а Сильвестръ темень; а Федоръ Шакловитой стоялъ повѣся голову, и значило ему, что будетъ скорая смерть, и прежь Голицына». За тѣмъ Сильвестръ Медвѣдевъ велѣлъ Силину посмотриѣть въ солнце и гадать: «будетъ ли князь Василию Голицыну счастье въ походѣ противъ Крымскихъ Татаръ или нѣтъ?—И Силинъ въ солнцѣ смотрѣлъ съ молитвою: Боже мой и милостивый, Мати Божія Богородица, и Троица Живоначальная, и Михайло архангелъ и вся сила небесная, явите мнѣ, что я задумалъ: надъ князь Васильемъ Голицынымъ что будетъ—будетъ ли ему какое добро или нѣтъ?—И въ солнцѣ значилось, что князь Василию въ томъ счастья никакова не будетъ, только онъ государскую казну истратитъ и людей изомнетъ».

Онъ же, Сильвестръ Медвѣдевъ, посылалъ, будто бы, Силина и къ князю Василию Голицыну «смотриѣть въ животѣ болѣзнь». И вотъ что рассказалъ объ этомъ визитѣ Силинъ. «Я-де къ князю Василию пришелъ, и князь спрививалъ: будетъ ли онъ на Москвѣ великимъ человѣкомъ?—И я ему сказалъ: что ни затѣялъ и тому не сбывта,—болши ничего не будетъ. И князь Василій, появився,

покачалъ головою и сказалъ: что ты, дѣдъ, бредишь». За тѣмъ Силинъ былъ у князя Голицына, будто бы, вторично для того же осмотра въ животѣ болѣзни. И про этотъ второй визитъ рассказывалъ Медвѣдеву такъ: «Я въ животѣ у князя болѣзни щупалъ и сказалъ: что у него болѣзни никакой нѣтъ; а любишь-де ты, князь Василій, чужбину, а своей жены не любишь. И князь ему, Силину, на это сказалъ: правда, дѣдушка,—будешь за это пожалованъ».

Но розказни Иконника и Силина, никѣмъ и ничѣмъ не подкрѣпленныя, суть не болѣе и не менѣе какъ сплетни, которыми всегда сопровождаютъ великихъ людей вслѣдъ за ихъ паденіемъ, и къ которымъ современники относятся съ довѣріемъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. И первоначально, по сплетнѣ Иконника, предложили князю Голицыну, въ Яренскѣ, 24-го февраля 1691 года, вопросный пунктъ на который князь Голицынъ отвѣтилъ: «что въ роспросахъ и съ пытокъ на него Сильвестръ Медвѣдевъ и Иконникъ Васька говорили, и того ничего не дѣлывалъ, и никакова человѣка въ банѣ и нигдѣ не сжигалъ, и въ мысль его такого дѣла не вселивалось». Точно также на другой вопросный пунктъ, данный ему тамъ же, въ Яренскѣ, 7-го марта того же года, съ предупрежденіемъ, что будутъ въ случаѣ заpiresательства и пытатъ, о щупанѣ у него живота и о ворожбѣ съ Силинымъ, князь Василій Васильевичъ отвѣтилъ съ неугасшимъ въ немъ и въ ссылкѣ княжескимъ достоинствомъ: «Поляка Митьки Силина не знаю и не слыхалъ, и что Сильвестръ Медвѣдевъ и Силинъ въ роспросехъ своихъ говорили о гадательствѣ, и онъ, князь Василій, про то про все ни про что не вѣдаетъ и не слыхалъ, и на разумъ его не нахаживало, и въ монастырѣ въ кельѣ у Медвѣдева не бывалъ, и кромѣ дохтуровъ, Симона и Лаврентья, никакой болѣзни никто не лечивалъ,—на что явное свидѣтельство ихъ дохтурскіе рецепты».

Аскалонъ Труворовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

І. П. Сениговъ. «Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской Исторіи В. Н. Татищева».
Москва. 1888.

ТЕПЕНЬ ДОСТОВѢРНОСТИ историческаго факта опредѣляется степенью достовѣрности источника, изъ котораго заимствованъ фактъ—вотъ почему критическое изученіе историческаго источника такъ важно въ научномъ отношеніи. Въ Германіи, этой классической странѣ науки, критическое изученіе историческихъ источниковъ развилось въ особую отрасль знанія—*Quellenkunde*; у насъ область источниковѣдѣнія далеко еще не можетъ похвалиться обиліемъ изслѣдованій и изысканій, хотя критическому анализу русскихъ лѣтописей, сравнительно съ другими источниками русской исторіи, посвящено не мало весьма цѣнныхъ въ научномъ отношеніи монографій, начиная Миллеромъ и Шлёцеромъ и кончая Бестужевымъ-Рюминымъ и нѣкоторыми современными намъ молодыми учеными: А. И. Маркевичемъ, Н. Н. Янишемъ, И. П. Тихомировымъ, А. С. Архангельскимъ, И. А. Линниченко. Къ числу этихъ молодыхъ ученыхъ принадлежитъ и І. П. Сениговъ.

Хотя вопросъ объ областныхъ лѣтописяхъ давно возникъ въ русской исторической наукѣ, будучи затронутъ впервые Татищевымъ, а затѣмъ возобновленъ П. М. Строевымъ въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, но научная разработка этого вопроса началась сравнительно недавно, вмѣстѣ съ разработкой удѣльно-вѣчевого періода русской исторіи, какихъ-нибудь 40—35 лѣтъ тому назадъ. Изъ всѣхъ русскихъ областей лишь Новгородъ Великій и его лѣтописи обращали на себя вниманіе ученыхъ изслѣдователей съ самаго возникновенія русской исторической науки въ XVIII в., причину чего слѣдуетъ искать въ бѣльшемъ развитіи въ Новгородѣ самостоятельной исторической жизни сравнительно съ другими землями русскими.

Древнѣйшія русскія лѣтописи, какъ извѣстно, не дошли до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, а въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ; старѣйшимъ изъ такихъ сводовъ является такъ называемая «Повѣсть временныхъ лѣтъ», составленная въ XII вѣкѣ и стоящая въ началѣ большей части позднѣйшихъ временниковъ, заключающихъ въ себѣ своды собственно областныхъ лѣтописей: Южно-русскихъ, Новгородско-Псковскихъ и Сѣверно-Русскихъ (Великорусскихъ). Старѣйшимъ изъ этихъ временниковъ почитается такъ называемый Лаврентьевскій, составленный въ 70-хъ годахъ XIV в., а позднѣйшимъ можетъ быть признана «Исторія Россійская» В. Н. Татищева, составленная въ 1739 году.—Татищевъ, обладавшій широкимъ научнымъ пониманіемъ исторіи, пришелъ къ заключенію, что онъ не можетъ написать полной критическо-прагматической исторіи Россіи или, какъ онъ выражался «изложить эту исторію историческимъ порядкомъ». Причинъ для того было у него много; главнѣйшими же являлись слѣдующія: 1) отсутствіе критической обработки источниковъ, 2) близость многихъ событій XVII в. къ его времени и наконецъ, 3) его собственныя религіозно-философскія убѣжденія, которыя казались большинству русскаго общества первой половины XVIII в. слишкомъ смѣлыми и создали Татищеву незаслуженную имъ репутацію «аеиста». Поэтому первый русскій историкъ и ограничился простымъ лѣтописнымъ сводомъ русскихъ историческихъ событій, съ этнографическаго обзора сѣверо-восточной Европы и сосѣднихъ съ нею странъ, обзора, которымъ открывается «Повѣсть временныхъ лѣтъ» до воцаренія Бориса Годунова (862—1598 гг.), снабдивъ свой сводъ примѣчаніями, достигающими въ печатномъ изданіи лишь до 1237 года. Такимъ образомъ Татищевъ, будучи первымъ по времени русскимъ историкомъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ составителемъ лѣтописнаго свода. Въ сводѣ Татищева заключается множество лѣтописныхъ свидѣтельствъ, не находящихся ни въ одномъ изъ лѣтописныхъ сводовъ, появившихся до него. Это обстоятельство давно, почти сто лѣтъ тому назадъ, возбудило подозрѣніе въ ученой добросовѣстности Татищева, и на него легъ тяжелый укоръ въ фальсификаціи многихъ лѣтописныхъ извѣстій. Тяжело пересматривать въ наши дни незаслуженныя обвиненія Татищева, обвиненія, отъ которыхъ были свободны игуменъ Сильвестръ, монахъ Лаврентій и другіе многочисленныя анонимныя составители лѣтописныхъ сводовъ XIV—XVII в. и которыя съ нелегкой руки нѣмца Шлѣцера обрушились только на Татищева. Обвиненія Татищева и его защита выросли съ тѣхъ поръ въ цѣлую литературу, и въ наши дни большинство представителей русской исторической науки высказывается за ученую добросовѣстность Татищева. Изъ вышеизложеннаго видно, какое важное значеніе въ источниковѣдѣніи русской исторіи имѣетъ вопросъ о Татищевскомъ текстѣ и какъ этотъ вопросъ связывается съ вопросомъ о русскихъ лѣтописяхъ и ихъ составѣ.

Но пора обратиться къ книгѣ г. Сенигова. І. П. Сениговъ въ своей книгѣ разсматриваетъ критически: 1) вопросъ о Новгородскихъ лѣтописяхъ (о древнѣйшей Новгородской лѣтописи и о древнѣйшемъ Новгородскомъ сводѣ); 2) вопросъ о достовѣрности свѣдѣній находящихся въ «Исторіи Россійской» Татищева (съ 862 по 1110 годъ). Каждому изъ нихъ г. Сениговъ посвящаетъ отдѣльныя монографіи, которыя соединены между собою лишь внѣшнимъ образомъ. Нельзя не пожалѣть объ отсутствіи разсмотрѣнія какъ въ той, такъ и въ другой монографіи, извѣстной «Іоакимовской лѣтописи»,

безъ сомнѣнія относящейся къ циклу лѣтописей Новгородскихъ и подавшей поводъ къ самымъ тяжкимъ нареканіямъ на ученую добросовѣстность Тащицева. Такое разсмотрѣніе являлось бы вполне естественнымъ и совершенно научнымъ соединительнымъ звеномъ между двумя указанными выше отдѣльными монографіями, которыя имѣли бы тогда между собою связь органическую. Тѣмъ не менѣе, будучи разсматриваемы каждая въ отдѣльности, обѣ монографіи г. Сенигова имѣютъ несомнѣнные научныя достоинства.

Ислѣдованіе о Новгородскихъ лѣтописяхъ, составляющее первую часть книги г. Сенигова, было предварительно напечатано въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» 1884 г., Іюнь, и въ «Лѣтоп. занятій Археогр. Комиссіи» 1886 г. Приступая къ разрѣшенію перваго вопроса, т. е. времени возникновенія лѣтописи въ Новгородѣ, г. Сениговъ разсматриваетъ всѣ возрѣнія ученыхъ на этотъ вопросъ и затѣмъ уже подвергаетъ самостоятельному научному анализу Новгородскія извѣстія, находящіяся въ древнѣйшей редакціи «Повѣсти временныхъ лѣтъ» по Лаврентьевскому списку и въ такъ называемой 1-й Новгородской лѣтописи, по ея послѣдному изданію Археографической Комиссіи и по неизданному вполнѣ списку Археографической Комиссіи. Путемъ сопоставленія этихъ извѣстій съ свѣдѣніями изъ Новгородской исторіи, находящимися въ Тверскомъ лѣтописцѣ, г. Сениговъ приходитъ къ заключенію, что лѣтописныя записи возникли въ Новгородѣ въ первой половинѣ XI в., при чемъ нашъ авторъ весьма основательно опровергаетъ мнѣніе Н. Н. Яниша, проведенное имъ въ монографіи «Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки» (помѣщ. во 2-й кн. «Чтеній въ Моск. Общ. Ист. и др. Рос.» за 1874 г.)—объ уничтоженіи начальныхъ листовъ древнѣйшей Новгородской лѣтописи подъ вліяніемъ Московскихъ политическихъ возрѣній, послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ. При ислѣдованіи втораго вопроса—о древнѣйшемъ Новгородскомъ лѣтописномъ сводѣ, г. Сениговъ вполнѣ самостоятельно и научно анализируетъ составъ Новгородскихъ лѣтописей. Весьма тщательное сопоставленіе лингвистическихъ особенностей нѣсколькихъ списковъ такъ называемой 1-й Новгородской лѣтописи и подробнаго разсмотрѣнія существующихъ въ наукѣ возрѣній на эту лѣтопись, приводятъ г. Сенигова къ убѣжденію, что древнѣйшимъ спискомъ Синодальной, или 1-й Новгородской лѣтописи, является такъ называемый Комиссіонный (рукопись Новгородской лѣтописи, хранящаяся въ Археографической Комиссіи); посредствомъ сравненія этого послѣдняго списка съ позднѣйшими, а затѣмъ лѣтописными сводами Лаврентьевскимъ, Тверскимъ, Софійскимъ и Воскресенскимъ, г. Сениговъ приходитъ къ выводу не только о возможности возстановить утраченное начало первоначальнаго Новгородскаго лѣтописнаго свода, составленіе котораго онъ относитъ, согласно предположенію, выраженному К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, къ началу XIII в., но и о возможности даже указать на источники этого свода. Начало Новгородскаго свода, по мнѣнію г. Сенигова, заключало въ себѣ не самостоятельную Новгородскую лѣтопись, а часть «Повѣсти временныхъ лѣтъ» съ нѣкоторыми добавленіями и измѣненіями. Хотя авторъ и не разрѣшаетъ этого вопроса положительно, сознавая очень хорошо невозможность такового разрѣшенія (стр. 93), но представляетъ цѣлый рядъ данныхъ для предположительнаго возстановленія въ такомъ смыслѣ первоначальнаго Новгородскаго свода (с. 93—114).

При существующихъ въ настоящее время въ наукѣ возрѣніяхъ на на-

чало и ходъ лѣтописанія въ Новгородѣ и при ученыхъ попыткахъ такъ или иначе разъяснить это дѣло, какъ изслѣдованіе г. Сенигова о началѣ лѣтописанія въ Новгородѣ, такъ и предложенная имъ гипотеза о Новгородскомъ сводѣ XIII в., составляютъ большой шагъ впередъ въ ходѣ изученія Новгородскихъ лѣтописей. Въ особенности имѣетъ научное значеніе тотъ методъ сравнительнаго филологическаго изученія разныхъ лѣтописныхъ списковъ, который г. Сениговъ положилъ въ основу своего изслѣдованія.

Вторая часть книги, посвященная разсмотрѣнію «Россійской Исторіи» Татищева, по критическимъ приемамъ ничѣмъ не отличается отъ первой части, хотя въ нѣкоторыхъ главахъ своихъ представляетъ менѣе обработанности, чѣмъ первая часть, а потому и уступаетъ ей, въ этихъ главахъ, въ научномъ значеніи.

Въ I-й главѣ подъ названіемъ «В. Н. Татищевъ какъ историкъ», г. Сениговъ, высказываясь за ученую добросовѣстность Татищева, излагаетъ прежде всего мнѣнія специалистовъ о его историческихъ трудахъ, затѣмъ перечисляетъ во 1-хъ источники и пособия, которыми пользовался Татищевъ въ своей «Исторіи» (стр. 170—193), во 2-хъ составныя части этой «Исторіи» (стр. 194—201) и въ заключеніе излагаетъ свое собственное возрѣніе на «Исторію» Татищева, какъ историческій источникъ. Эта глава представляетъ скорѣе программу или конспектъ задуманнаго г. Сениговымъ изслѣдованія объ историческихъ возрѣніяхъ и критическихъ приемахъ Татищева, чѣмъ самое изслѣдованіе объ этихъ вопросахъ. Авторъ намѣчаетъ здѣсь лишь свои desiderata, а не разрѣшаетъ вопроса. При этомъ, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что указанное выше перечисленіе источниковъ Татищевской «Исторіи» въ той половинѣ, въ какой оно представлено у г. Сенигова, является у него впервые. Въ книгѣ о Татищевѣ Н. А. Попова, вышедшей въ 1861 году, они перечислены далеко не полно (см. стр. 432—435), въ статьѣ покойнаго академика Пекарскаго «Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ» (Сиб. 1864 г.) помѣщенъ лишь краткій каталогъ библиотеки Татищева (см. 56—63), а въ монографіи о Татищевѣ К. Н. Бестужева-Рюмина лишь мимоходомъ говорится о нѣкоторыхъ источникахъ «Россійской Исторіи» Татищева.

Инымъ характеромъ отличаются главы вторая и третья—о редакціяхъ «Россійской Исторіи» и о способахъ отношенія Татищева къ лѣтописному матеріалу, — являющіяся важнымъ научнымъ вкладомъ въ изученіе текста «Исторіи» Татищева. Въ этихъ главахъ г. Сениговъ разсматриваетъ лѣтописный сводъ Татищева лишь въ хронологическихъ границахъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», т. е. съ этнографическаго обзора, который открываетъ «Повѣсть», до приписки Сильвестра подъ 1110 годомъ. Тщательное и внимательное изслѣдованіе г. Сениговымъ двухъ рукописей этой «Исторіи»— Академической и Московской Архивской и сличеніе ихъ, какъ съ старѣйшими лѣтописными сборниками—Лаврентьевскимъ и Кѣнигсбергскимъ, такъ и съ печатнымъ текстомъ «Исторіи» Татищева и столь же тщательное сличеніе этого печатнаго текста съ упомянутыми выше старѣйшими лѣтописными сборниками—имѣютъ, по моему убѣжденію, весьма важное научное значеніе. Они во 1-хъ даютъ несомнѣнныя фактическія доказательства ученой добросовѣстности Татищева, значительно добавляя тѣ свѣдѣнія по этому вопросу которыя имѣлись прежде; во 2-хъ впервые дѣлаютъ достояніемъ науки двѣ рукописныя редакціи «Исторіи» Татищева, сообщая подробное ихъ описаніе, въ 3-хъ представляютъ мотивированное указаніе на то, что называемый Кѣ-

нигсбергскій лѣтописный сборникъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для «Исторіи» Татищева. Весьма жаль, что г. Сениговъ съ меньшимъ вниманіемъ отнесся къ сличенію текста Татищевской «Исторіи» съ такъ называемой «Львовской лѣтописью»; между тѣмъ тщательное сличеніе именно этихъ двухъ текстовъ было бы весьма важно въ научномъ отношеніи. «Львовская лѣтопись», названная такъ по фамиліи ея издателя, напечатана въ Петербургѣ въ 1792 г. Подлинникъ ея утраченъ, а печатный текстъ искаженъ поправками. Еслибы г. Сениговъ доказалъ, что Львовская лѣтопись и Татищевъ пользовались во многихъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же лѣтописнымъ матеріаломъ, то это послужило бы новымъ и весьма вѣскимъ доказательствомъ ученой добросовѣстности Татищева и дополнило бы свѣдѣнія объ источникахъ «Исторіи» Татищева, но г. Сениговъ этого не сдѣлалъ. Онъ привелъ весьма мало сличеній между Татищевымъ и Львовскою лѣтописью (стр. 285 — 286, 308 — 309) и ограничился затѣмъ заявленіями такого рода: «Сличеніе Львовской лѣтописи съ печатнымъ текстомъ» «Россійской Исторіи» (Татищева) поселило въ насъ увѣренность въ невозможности предполагать зависимость (и) Львовской лѣтописи отъ «Россійской Исторіи», такъ что вполне вѣроятнымъ объясненіемъ существованія въ этихъ лѣтописныхъ сводахъ прошлаго столѣтія ¹⁾ одинаковыхъ фактическихъ измѣненій является то, по которому составители ихъ пользовались одинаковымъ лѣтописнымъ матеріаломъ» (стр. 288). И въ другомъ мѣстѣ. «При разборѣ фактическихъ измѣненій, наблюдаемыхъ въ «Россійской Исторіи» былъ приведенъ рядъ данныхъ (весьма немного, къ сожалѣнію, какъ было замѣчено выше) на основаніи которыхъ мы опредѣлили ея отношеніе къ такъ называемой Львовской лѣтописи такимъ образомъ, что составители, какъ «Россійской Исторіи» такъ и Львовской лѣтописи пользовались однимъ и тѣмъ же лѣтописнымъ матеріаломъ, одною и тою же, какъ надо полагать, Суздальскою лѣтописью, заключающею данныя, несходныя съ данными дошедшихъ до нихъ (?) лѣтописей древнѣйшаго и позднѣйшаго происхожденія (стр. 308).

Четвертая глава снова страдаетъ неполнотой и отрывочностью. Въ ней г. Сениговъ собственно повторяетъ сказанное имъ раньше объ ученой добросовѣстности Татищева, вступая въ полемику съ проф. Голубинскимъ, который, какъ извѣстно, держится самаго крайняго отрицательнаго взгляда на достоинства «Исторіи» Татищева. Эта глава заканчивается весьма неполнымъ указаніемъ на нѣкоторые иностранные источники Татищевской «Исторіи».

Нельзя пройти молчаніемъ «Приложеній» къ изслѣдованію г. Сенигова о «Россійской Исторіи» Татищева, въ особенности приложеній подъ №№ 1 и 3. Первое изъ нихъ служитъ документальнымъ добавленіемъ къ сличенію его «Исторіи» къ Кёнигсбергскимъ сборникомъ, находящемуся въ текстѣ изслѣдованія, третье — является важнымъ пособіемъ не только при пользованіи «Исторіей» Татищева, но и при изученіи исторіи русскаго языка: извѣстно, что въ «Исторіи» Татищева слова и выраженія лѣтописныя передаются на современномъ ему русскомъ языкѣ первой половины XVIII в.

Обзоръ второй части книги г. Сенигова приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что изученіе имъ текста «Исторіи» Татищева во многомъ по-

¹⁾ Еще нужно доказать, что Львовская лѣтопись составлена въ XVIII столѣтіи, а г. Сениговъ этого не дѣлаетъ.

попняетъ пробѣлы предъидущихъ трудовъ по этому вопросу, сообщая нѣсколько новыхъ данныхъ для доказательства ученой добросовѣстности Татищева, и затѣмъ даетъ нѣсколько указаній и намѣчаетъ такъ сказать путь для дальнѣйшаго изученія текста Татищевской «Исторіи».

Д. Корсаковъ.

Н. В. Стороженко. Западно-русскіе провинціальныя сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе по архивному матеріалу. Кіевъ. 1888.

Монографія профессора Стороженко представляетъ небезынтересную страницу не изъ одной только западно-русской, но и вообще изъ польской исторіи, такъ какъ западно-русское дворянство, само ополчившееся, отразило и въ дѣятельности провинціальныя сеймики своего края тѣ стремленія, которыя господствовали въ польской шляхтѣ и не мало способствовали гибели всего польскаго государства. Подъ вліяніемъ ополченія этого края установился, въ упомянутый періодъ времени, и сословный, исключительно дворянскій характеръ этихъ провинціальныя сѣздовъ, которые были въ то время единственными областными представительными учрежденіями и первоначально (до люблинской уніи) имѣли весословный характеръ. Въ общей судьбѣ Польши такіе сеймики съ своими злоупотребленіями и неурядицей были не послѣдней причиною гибели Рѣчи-Посполитой. По отношенію къ Западно-Русскому краю, какъ доказываетъ авторъ, утрата прежняго весословнаго, народнаго характера древнихъ русскихъ сѣздовъ—сама бывшая слѣдствіемъ польскихъ вліяній,—повела къ «національному и религіозному отступничеству» западно-русскихъ дворянъ и, такимъ образомъ, помѣшала «правильному гражданскому развитію населенія юго-западной Руси». Отмѣтимъ, что самъ авторъ приписываетъ значеніе лишь предположенію такой своей мысли, что достиженіе упомянутого правильнаго развитія этимъ уголкомъ владычій Рѣчи-Посполитой спасло бы послѣднюю отъ гибели «и способствовало бы ея сближенію съ единоплеменною Россіею и другими славянскими народностями». При современной разработкѣ вопроса о причинахъ паденія Польши, можно, кажется, заключить, что западно-русская народность, во всякомъ случаѣ, не была достаточно сильна, чтобъ оказать прочное вліяніе на судьбу такого давно загнившаго организма, какимъ была старшляхетская Польша, но сама, въ лицѣ своего дворянства, несомнѣнно испытывала тлетворное вліяніе послѣдней. Вслѣдствіе этого, произошелъ расколъ между западно-рускимъ дворянствомъ и остальными классами населенія, которые «съ оружіемъ въ рукахъ добивались признанія своей національной и религіозной свободы и облегченія тяжкаго экономическаго положенія».

Какъ въ вопросахъ общегосударственныхъ, такъ и въ экономическихъ, религіозныхъ, сословныхъ западно-русскіе дворяне были вѣрными подражателями польской шляхты. Каждой изъ этихъ сторонъ сеймиковой дѣятельности въ книжкѣ г. Стороженко посвящены особыя главы, приводимыя въ которыхъ подробности сеймиковыхъ подвиговъ иногда очень характерны. Слишкомъ извѣстны сочувственное отношеніе этихъ дворянъ къ католицизму и уніи и только терпимость къ православію; извѣстны окатоличеніе и ополченіе когда-то православныхъ западно-русскихъ фамилій, въ родѣ Чарторыхскихъ, Тышкевичей и другихъ,—равно какъ угнетеніе крестьянъ, вызы-

вавшее ихъ побѣги, и несправедливое отношеніе къ вольностямъ и военному быту казаковъ, въ лицѣ которыхъ, по взгляду самихъ польскихъ историковъ, Рѣчь-Посполитая лишилась «надежнаго, ничего не стоившаго оплота со стороны Москвы и Порты на юго-восточныхъ своихъ границахъ». Достаточно извѣстно также презрительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительственное отношеніе шляхты, (а слѣдовательно—и западно-русскихъ дворянъ) къ евреямъ, присутствіемъ которыхъ въ краѣ дворяне даже интересовались, видя въ нихъ средство къ своему обогащенію или какой-нибудь выгодѣ; но тѣ же евреи подвергались гоненіямъ, если эти дворянскія выгоды были задѣты: на примѣръ, авторъ указываетъ, что дворяне очень возмущались, когда прислуга, изъ-за болѣе щедраго еврейскаго жалованья, охотнѣе шла въ услуженіе къ евреямъ, чѣмъ къ дворянамъ: это вызывало постановленія о чрезвычайномъ усиленіи подушной подати на христіанскую прислугу, поступающую къ евреямъ, примѣнялось даже тюремное заключеніе къ такой прислугѣ, а хозяева-евреи штрафовались деньгами.

Что тутъ дѣйствовали не какія-либо, хотя превратно понимаемыя, по все-таки возвышенныя цѣли, а одинъ лишь узкій, сословный эгоизмъ и экономическіе расчеты, изъ-за пониженія платы на прислугу,—доказательствомъ можетъ служить менѣе общеизвѣстная, хотя крайне характерная экономическая дѣятельность сеймиковъ или, что то же, дворянства. Отношеніе сеймиковъ къ вопросамъ экономическимъ лучше всего выражалось постановленіями такъ называемыхъ «либертаціяхъ», т. е. объ освобожденіи отъ уплаты податей; такія либертаціи, конечно, иногда вызывались крайнею необходимостью вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, безчинства «жолнеровъ» въ селеніяхъ и общей нерядачи въ администраціи и судѣ. Но чрезмѣрная щедрость такихъ изъятій и облегченій по преимуществу относительно лицъ дворянскаго сословія подрывала силы государства: какъ это могло отозваться на общіихъ доходахъ, на недостаткѣ денегъ въ казнѣ и на необходимости для послѣдней прибѣгать къ займамъ, даже подъ залогъ «коронныхъ имѣній», — нетрудно понять. Случаи уклоненія отъ уплаты податей были нерѣдки даже со стороны магнатовъ и духовныхъ лицъ, и тогда самыя строгія постановленія сеймиковъ значили очень мало.

Нечего и говорить объ обще-государственныхъ вопросахъ, въ родѣ установленія болѣе правильнаго порядка престолонаслѣдія, котораго пытался достигнуть король Янъ-Казиміръ: тутъ западно-русскіе дворяне старались даже превзойти коренную польскую шляхту въ сопротивленіи вреднымъ для ея «привилегій» нововведеніямъ. Въ самой Польшѣ вторая половина 17 столѣтія была эпохой поворота къ окончательному упадку, отъ котораго не могли спасти несчастную страну даже военные подвиги побѣдителя турокъ, Яна Собесскаго.

Въ любопытной монографіи г. Стороженко желающіе найдутъ много подробностей и архивныхъ данныхъ не только для опредѣленія разнородныхъ и особенно экономическихъ причинъ упадка Польши, но и главнымъ образомъ интересный матеріалъ по исторіи нашего Западнаго края, обреченнаго тогда на застой въ своемъ политическомъ и гражданскомъ развитіи, вслѣдствіе своей ненормальной связи съ умиравшимъ уже польскимъ государственнымъ организмомъ.

Н. С. К.

Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе В. Г. Дружинина. Спб. 1889.

Н. С. Лѣсковъ рассказываетъ («Истор. Вѣстн.», 1883, май), что, когда вышелъ первый выпускъ извѣстнаго сочиненія А. П. Щапова «Земство и расколъ» (Спб. 1862 г.), петербургскіе старовѣры «смутились», увидавъ, что ихъ предковъ представляютъ политическими «неслухами» и «умыслителями». По поводу словъ автора: «въ Поморской области возникло демократическое ученіе не молиться за московскаго государя»,—они говорили: «какіе мы демократы? что это еще за глупость! Мы въ его благочестіи сомнѣваемся, но за его благочестивое житіе молимся». Не только невѣжественные раскольники, но и большинство специалистовъ было противъ новаго воззрѣнія на старообрядство. Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени, но вопросъ о политическомъ элементѣ въ русскомъ расколѣ попрежнему остается открытымъ: одни расколовѣды выдвигаютъ его на первый планъ, тогда какъ другіе не видятъ въ расколѣ ничего, кромѣ чисто религіозной и, въ частности, обрядовой стороны. Окончательное рѣшеніе этого вопроса сдѣлается возможнымъ только тогда, когда съ надлежащею тщательностію будетъ изслѣдована исторія не только возникновенія, но и первоначальнаго распространенія раскола: изслѣдованія такого рода выяснятъ, что привлекало на сторону расколоучителей народныя массы—одна ли вѣрность ихъ старому обряду, или здѣсь имѣлъ значеніе и протестъ противъ современнаго социальнаго и политическаго строя.

Къ числу изслѣдованій въ этой области относится и названное нами сочиненіе г. Дружинина. Авторъ поставилъ себѣ задачей изложить эпизодъ изъ исторіи распространенія раскола въ концѣ XVII вѣка, когда приверженцы старой вѣры, скрываясь отъ преслѣдованія, разсѣялись по московскому государству и занесли свое ученіе, между прочимъ, и на тихій Донъ.

Населеніе Дона въ это время не представляло изъ себя какого-либо однороднаго племеннаго цѣлаго: это была смѣсь, весьма разнообразная по составу, извѣстная подъ общимъ именемъ казаковъ. Главное ядро казачества составляли бѣглецы изъ московскаго государства: это были по преимуществу великороссы. Молва о вольномъ Донѣ должна была сильно соблазнять крестьянина, подавшаго подъ тяжкое крѣпостное иго: онъ зналъ, что никакія силы, ни само правительство, не могли его вытребовать обратно, съ Дона. Къ нимъ присоединялись и выходцы изъ Малороссіи. Особенно сильный приливъ послѣднихъ произошелъ послѣ бѣлоцерковскаго мира, а также послѣ присоединенія Малороссіи къ московскому государству, такъ какъ послѣднее, не желая оставить ее казацкой стороною, предъявляло требованіе на признаніе ею общаго государственнаго строя, выразившееся, на примѣръ, въ выдачѣ бѣглыхъ. Кромѣ естественнаго размноженія, путемъ народженія, населеніе Дона пополнялось также татарами и греками, приходившими изъ Азова и остававшимися на Дону. Но не все населеніе Дона составляли казаки: казакѣмъ считался только тотъ, кто «служилъ великому государю» и получалъ отъ него жалованье. Остальная часть населенія называлась «бурлаками». Нѣкоторые изъ бурлаковъ нанимались къ казакамъ въ работники, батраки. Но многіе изъ нихъ не хотѣли работать, а, терпя голодъ, ожидали только случая идти на грабежъ. Этихъ людей сами казаки считали самымъ неспокойнымъ у себя элементомъ, тѣмъ болѣе, что въ число ихъ входили и

сосланные стрѣльцы въ городъ Полатовъ и другіе города за воровскіе поступки, и бѣжавшіе изъ ссылки на Донъ. Кромѣ того, въ городкахъ были еще купцы.

По имущественному положенію, казаки, въ просторѣчи, раздѣлялись на «добрыхъ» людей, «домовитыхъ» казаковъ, и на «голытѣбу», людей «одинокихъ, голутвенныхъ». Первые были люди зажиточные, много испытавшіе на своемъ вѣку, ходившіе во многіе походы и пользовавшіеся уваженіемъ со стороны другихъ казаковъ. Эта часть казаковъ, имѣя извѣстный достатокъ, была наиболѣе устойчива, не поддавалась искушеніямъ грабежей. Но она всегда была готова взяться за оружіе противъ врага. Имущество «добрыхъ» казаковъ заключалось, кромѣ куреней, въ скотѣ. Сверхъ того, они получали жалованье изъ Москвы деньгами, сукнами, хлѣбомъ, порохомъ и свинцомъ. Между тѣмъ, «люди голутвенные», не имѣя чѣмъ прокормиться, искали средствъ къ жизни въ грабежѣ. Благодаря отсутствію у нихъ имущества, имъ терять было нечего, а потому они всегда были готовы принять участіе въ походѣ, для полученія лишняго жалованья, или въ какой-нибудь воровской шайкѣ, идущей «добывать себѣ зипуны» грабежемъ, разбивая идуція по Волгѣ суда, или нападая на калмыковъ и азовцевъ. Такой способъ прокормленія представлялся для голытѣбы единственнымъ, потому что хлѣбопашество въ землѣ донскихъ казаковъ было запрещено, подъ угрозой раззоренія и смертной казни. Зажиточные казаки, дорожа государевымъ жалованьемъ, а также и подачками въ Москвѣ, куда они являлись въ станицахъ, тянули къ Москвѣ, гдѣ цѣнили пользу, приносимую ими, какъ дешевыми охранителями окраины, страшными для сосѣдей. Они подавляли всякое возмущеніе голытѣбы, и когда Разинъ повелъ вольницу «добывать зипуны», то старожилые казаки «гораздо тужили о приходѣ Стеньки на Донъ»; они схватили его и выдали Москвѣ, за что и получили прибавку жалованья. Не даромъ голытѣба обвиняла ихъ въ томъ, что они «продали тихій Донъ государю за жалованье и за соболя». Такое отношеніе «добрыхъ» казаковъ къ московскому правительству имѣло рѣшающее значеніе для раскольничьяго движенія на Дону.

Принятія на соборахъ, начиная съ 1654 г., мѣры противъ раскольниковъ имѣли на нихъ двоякое вліяніе. «Видя яко зима хочеть быти», одни изъ нихъ проявили активность: они писали челобитныя, книги и подавали ихъ царю, а другіе покидали свои мѣста и бѣжали, чтобы скрыться отъ преслѣдованія. Одна изъ наиболѣе торныхъ дорогъ для всякаго рода бѣглецовъ была старинная, сиротская дорога въ Поле на Донъ. По ней и двинулись нѣкоторые расколоучители. Первые пришлые на Донъ иноки-раскольники,—говоритъ авторъ,—были чужды всякихъ замысловъ: они искали лишь убѣжища отъ преслѣдованій. Когда ихъ число увеличилось, они завязали между собою сношенія; явились и организаторы, которые рѣшились пойти далѣе скромной иноческой жизни—задались мыслью возстановить древнюю церковь во всей ея полнотѣ. Казалось, обстоятельства благоприятствовали удачному выполненію задуманнаго предпріятія. Условія мѣстности, гдѣ была полная свобода для поселеній, безопасность отъ преслѣдованій со стороны московскихъ властей,—съ Дону тогда не было выдачи бѣглыхъ,—недостатокъ въ церквахъ и духовенствѣ и, наконецъ, сочувствіе мѣстнаго населенія,—все обѣщало успѣхъ ихъ начинаніямъ. И дѣйствительно, извѣстенъ быстрый ростъ Чирской обители, которая въ короткое время сдѣлалась центромъ и расадникомъ раскола на Дону. Но не суждено было процвѣ-

сти этой «вѣтви древняго благочестія». Вмѣстѣ съ древнимъ ученіемъ вѣры, занесены были на Донъ инныя ученія, чисто политическаго характера, лишь прикрывавшіяся ея формой. Они проповѣдывали полную свободу въ толкованіи откровеній, допуская при этомъ и полную свободу и распущенность нравовъ. Этими ученіями и ихъ приверженцами попыталась воспользоваться для своихъ политическихъ цѣлей враждебная Москвѣ часть казаковъ, чтобы опрокинуть все болѣе надвигавшійся на вольный Донъ натискъ московскаго государства. Но расчетъ ихъ оказался ошибочнымъ. Населеніе Дона не обладало достаточно опредѣленнымъ познаніемъ своей вѣры и было слишкомъ чуждо религиозныхъ интересовъ, чтобы поддаться ихъ исключительному обаянію. А вожаки партіи особенно выставляли на видъ религиозную сторону поднятаго ими противъ Москвы знамени. И планъ ихъ былъ разрушенъ друзьями Москвы въ самомъ его зародышѣ. Дружба съ Москвой была слишкомъ важна и выгодна для старыхъ казаковъ, и они выдали московскому правительству своихъ враговъ. Послѣ казни главныхъ зачинщиковъ заговора, возмущенная ими гольтыба была разбита самими же казаками и должна была удалиться изъ Донской области, гдѣ атаманъ Осипъ Михайловъ строго водворялъ «новую вѣру». Они поселились на Кубани и др. мѣстахъ. Также покинули гостепріимный кровъ Дона и раскольники-иноки, хотя и чуждые политическимъ интересамъ, но опасавшіеся преслѣдованій «за вѣру». Они нашли себѣ покой на берегахъ р. Кумы.

Въ приложеніяхъ къ своей книгѣ, г. Дружининъ напечаталъ «свѣдѣнія о казачьихъ городкахъ», списокъ жалованья, отпущеннаго казакамъ съ 1651 по 1692 гг., «слово о нѣкоемъ мужѣ, именемъ Тимоѣевъ», и нѣсколько документовъ, «впервые появляющихся въ печати и могущихъ послужить читателю для провѣрки самаго изслѣдованія», а въ самомъ концѣ—указатель личныхъ и географическихъ именъ.

С.

Императоръ Николай и иностранные дворы. Историческіе очерки С. С. Татищева. Спб. 1889.

Авторъ этой книги быстро выдвинулся впередъ, въ послѣдніе три года, въ ряду нашихъ историческихъ писателей. Читающую публику увлекло его горячее отношеніе къ предмету, избранному его изслѣдованіями, а предметъ былъ несомнѣнной важности: авторъ взялся изобразить правдивую исторію нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Европою въ царствованіе Николая I. Этотъ императоръ является главнымъ лицомъ въ первомъ капитальномъ трудѣ г. Татищева: «Внѣшняя политика императора Николая I», появившемся въ 1887 году; онъ же составляетъ центръ и въ вышедшемъ нынѣ сочиненіи, гдѣ излагается исторія его отношеній къ Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи. Изъ 460-ти страницъ книги только 50, въ приложеніи, посвящены эпохѣ Александра II. Книга составлена изъ журнальныхъ статей, и четыре главные отдѣла ея: поѣздка императора Николая въ Англію; Николай I и австрійскій дворъ; Николай I и іюльская монархія; Николай I и прусскій дворъ—появились впервые на страницахъ «Историческаго Вѣстника», читателямъ котораго остается познакомиться только съ двумя послѣдними отдѣлами книги: «Николай I и прусская армія» и «Вильгельмъ I о Россіи». Отдѣлы эти имѣютъ меньшій интересъ и въ нихъ авторъ, не смотря на его неоспоримое умѣнье группировать факты и увлекать читателя живостью разсказа, принужденъ поневолѣ повторяться, говоря объ однихъ и тѣхъ же

годах и событіяхъ. Такъ въ статьяхъ и о прусской арміи, и о Вильгельмѣ I, говорится объ одномъ и томъ же источникѣ—запискахъ Шнейдера и при дается ему слишкомъ много значенія. Редакторъ «Друга солдата» не былъ никогда искреннимъ другомъ прусскаго короля, а только его неумѣреннымъ панегиристомъ и льстецомъ, что видно изъ книги Шнейдера, вышедшей въ концѣ прошлаго года (см. отзывъ о ней въ «Заграничныхъ историч. новостяхъ» мартовской книжки «Истор. Вѣстника»). И г. Татищевъ панегиристъ Николая I, но можетъ ли быть какое-либо сравненіе въ тонѣ его убѣжденныхъ, хотя бы мѣстами и пристрастныхъ, сужденій о покойномъ императорѣ съ тяжелыми, подобострастными, неискренними восхваленіями живого монарха, подвиги котораго восторженный слуга пересталъ воспѣвать въ 1873 году, увидя, что панегирикъ не приноситъ должной мзды. Упреки дѣлали и г. Татищеву за то, что всѣ ошибки въ нашей политикѣ Николаевскаго царствованія онъ всецѣло возлагаетъ на нашу дипломатію, выгораживая самого монарха отъ всякой отвѣтственности, — и авторъ защищается отъ этихъ обвиненій въ обширномъ предисловіи, о которомъ мы считаемъ небезполезнымъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ разборъ книги, составленной преимущественно изъ статей, знакомыхъ читателямъ «Историч. Вѣстника», былъ бы излишнимъ. Прибавимъ только, что въ цѣломъ книга г. Татищева оставляетъ самое пріятное впечатлѣніе правдивостью своихъ выводовъ и увлекательнымъ, живымъ изложеніемъ фактовъ.

Главною причиною нашихъ дипломатическихъ неудачъ, окончившихся въ царствованіе Николая «военнымъ пораженіемъ», г. Татищевъ считаетъ то обстоятельство, что дипломаты нессельродовской школы не только не придерживались одинаковаго образа мыслей съ государемъ, но исповѣдали взгляды прямо ему противоположныя. Это происходило отъ того, что всѣ они были инородцы по происхожденію, иновѣрцы по религіи, чуждые всѣмъ русскимъ интересамъ. Они глумились надъ православіемъ, самодержавіе приравнивали къ идеалу полицейскаго государства, выработанному Метернихомъ, о русской народности не имѣли понятія и тяготѣніе къ ней славяны считали за тяжкое преступленіе, какъ посягательство на державныя права сосѣднихъ государствъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде былъ «вплоченною бездарностью»; чиновники его министерства были здѣсь на половину иностранцы, а при посольствахъ и вообще по дипломатической части было 19 процентовъ русскихъ и 81 процентъ иностранцевъ. А самъ императоръ былъ челоувѣкъ вполне русскій и «счумѣлъ придать внѣшней политикѣ національное направленіе, при которомъ не было и рѣчи о подчиненіи пользы и нуждъ Россіи интересамъ Европы». Но тогда, почему Николай I поступился въ пользу Европы своимъ правомъ на преобладаніе въ Турціи, утвержденнымъ за нимъ Ункіарь-Искелесскимъ договоромъ, единственною дипломатическою побѣдою Россіи въ тридцатилѣтнее царствованіе? Развѣ польза и нужды Россіи требовали помогать Австріи въ 1849 году?.. «Составился обширный заговоръ,—говоритъ г. Татищевъ,—съ цѣлью опутать сѣтями и совлечь русскаго государя съ національнаго пути» и соучастницею въ этомъ заговорѣ вѣнской и берлинской дипломатіи явилась дипломатія русская. Она явно обманывала государя, да этого и надо было ожидать, когда четыре пятыхъ иностранцевъ входили въ составъ русскихъ посольствъ—и это отношеніе не только не улучшилось въ теченіе 30-ти лѣтъ, но измѣнилось еще въ большій ущербъ для русской народности, сравнительно съ началомъ царствованія. А такое положеніе дѣлъ должно было броситься въ

глаза. Заговорщики дѣйствовали на слабую струну государя—его безпредѣльное великодушіе». Не было ли тутъ также и безпредѣльной довѣрчивости? «Предостережь его было некому,—говорить далѣе авторь,—русская общественная мысль дремала въ безмолвіи, на которое была обречена въ вышней политикѣ, едва ли не болѣе чѣмъ, во внутренней». Въ этихъ немногихъ словахъ заключается разгадка весьма многихъ явленій Николаевскаго царствованія. При отсутствіи общественнаго мнѣнія и не только какого-нибудь контроля надъ дѣйствіями нашей дипломатіи, но самыхъ скромныхъ сужденій о поступкахъ иностранныхъ правительствъ,—а все это безопасно уничтожалось тогдашней цензурою,—можно ли было рассчитывать, что голосъ правды дойдетъ до трона, окруженнаго толпою несельродовскихъ товарищей, умѣвшихъ только обманывать, льстить, да думать о собственныхъ интересахъ и личной наживѣ.

Дипломатія наша, хотя въ ней давно уже нѣтъ слѣдовъ несельродовской системы, не подумала однако о ея разоблаченіи. Этимъ русская публика обязана г. Татищеву, представившему въ настоящемъ свѣтѣ исторію нашей вышней политики при императорѣ, къ которому Европа отослалась сначала какъ къ желаемому и могущественному союзнику, а подъ конецъ составила противъ него коалицію. Причины этой перемѣны не разъяснены г. Татищевымъ, но онъ сдѣлалъ, что могъ для этого разъясненія, какъ добросовѣстный и правдивый историкъ эпохи, едва затронутой нашими изслѣдователями. А между тѣмъ онъ говоритъ въ концѣ своего предисловія: «Государственные архивы понынѣ остаются для меня недоступными и мнѣ приходится довольствоваться документами, случайно попадающими мнѣ въ руки». Положеніе дѣйствительно печальное. В. З.

А. И. Кирпичниковъ. Очеркъ исторіи книги. Публичныя лекціи. Спб. 1889.

Въ двухъ публичныхъ лекціяхъ, произнесенныхъ въ Одессѣ, проф. Кирпичниковъ сумѣлъ нарисовать передъ слушателями интересную исторію книги, т. е. выяснитъ, какъ возникла письменность у народовъ въ древнѣйшую пору, въ какой формѣ преподносилась она читателямъ, что составляло ея содержаніе, въ какой непосредственной зависимости отъ нея развивались многія историческія явленія и, наоборотъ, какъ отражались инныя явленія на ея судьбѣ, а также, каковы были главнѣйшія моменты развитія книжнаго и типографскаго дѣла въ каждый отдѣльный вѣкъ вплоть до нашихъ дней включительно. Почтенный профессоръ не загромоздилъ своего изложенія недоступнымъ для массы научнымъ матеріаломъ; въ яркихъ, доступныхъ общему пониманію картинахъ, живыми, блестящими красками, рисуетъ онъ сложную судьбу дорогой его сердцу книги, вызывая въ слушательскомъ клоненіи передъ успѣхами человѣческой культуры и сознание всей важности и высокаго значенія печатнаго слова. Развитію этого сознанія, г. Кирпичниковъ въ значительной степени содѣйствуетъ методомъ своего изложенія; онъ не довольствуется простымъ перечисленіемъ фактовъ, онъ освѣщаетъ ихъ съ точки зрѣнія ихъ вѣчной правды, прогресса и развитія истины. Въ первой лекціи говорится о книгѣ до начала книгопечатанія, при чемъ, остановивъ лишь на короткое время вниманіе слушателя относительно колыбели цивилизаціи: Азіи и Египта, онъ переходитъ къ болѣе пространному изложенію нижнаго дѣла въ Греціи, Римѣ, средневѣковомъ обществѣ, включая туда же

и наше русское. Вторая лекція посвящена книгѣ отъ начала книгопечатанія до нашихъ дней; и здѣсь повѣствованіе идетъ о событіяхъ, относящихся до книгопечатанія и развитія въ зависимости отъ него просвѣщенія, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, при чемъ авторъ не обходитъ молчаніемъ возникновеніе цензуры и ея отношенія къ книжному дѣлу во Франціи. Лекція заканчивается констатированіемъ трехъ главнѣйшихъ фактовъ въ исторіи книги XIX вѣка. Первый фактъ тотъ, что книга стала обогащать автора: «даровитые писатели становятся богачами, и литературный трудъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, даже заурядному работнику даетъ средства къ безбѣдному существованію». Второй фактъ заключается въ томъ, «что авторы сильно расходящихся и вліятельныхъ книгъ, даровитые поэты и романисты, чувствуя наглядно свою силу, выражающуюся въ гонорарѣ, стремятся вліять на общество непрестанно или, по крайней мѣрѣ, періодически, иначе сказать, стремятся сдѣлаться редакторами газетъ и журналовъ: до того выросло значеніе послѣднихъ»; и, наконецъ, третья важнѣйшая особенность книги нашего времени—«это со дня на день усиливающаяся демократизація хорошей книги, идущая, естественно, рука объ руку съ ея удешевленіемъ». Послѣднее обстоятельство, по мнѣнію г. Кирпичникова, оказало громадную услугу всему человѣчеству, а что касается ближайшимъ образомъ въ этомъ отношеніи насъ, русскихъ, то вотъ, что совершилось на нашихъ глазахъ. «Тотъ, кому мы обязаны лучшими, вѣчнобессмертными произведеніями нашей національной словесности, изъ-за гроба, черезъ полстолѣтіе послѣ смерти своей, явился реформаторомъ въ исторіи развитія и распространенія русской книги. Еще 2 года назадъ, бѣдный русскій грамотникъ за свои трудовые гроши могъ приобрести только десятки повѣстей изъ дешевыхъ изданій для народа или нѣсколько томиковъ съ повѣстями Марлинскаго, Кукольника и съ отдѣльными главами изъ исторіи Карамзина изъ дешевой библіотеки. Съ 29 января 1887 г. овъ за тѣ же гроши получилъ возможность купить всего Пушкина, а Пушкинъ для него будетъ цѣлой библіотекой, источникомъ духовнаго перерожденія. Пушкинъ можетъ дополнить дѣло Петра Великаго и навсегда уничтожить пропасть между русскимъ народомъ и интеллигенціей».

Б. Г.

Фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

1815—1879. А. Л. Зиссермана. Москва. 1889.

Послѣ паденія Севастополя и заключенія Парижскаго мира, положеніе наше относительно Кавказа, оказалось въ высшей степени двусмысленнымъ. Владычныя права на Черномъ морѣ были нами утрачены, флота нашего тамъ не существовало, блокировать восточный берегъ моря, заселенный непокорными намъ, воинственными, горскими племенами не представлялось возможности, береговая линія нашихъ укрѣпленій была упразднена при началѣ войны и Западный Кавказъ сдѣлался совершенно открытымъ для всякаго рода враждебныхъ намъ предпріятій разныхъ авантюристовъ и эмиссаровъ, находившихъ себѣ широкую, матеріальную поддержку въ англичанахъ. Къ горцамъ безпрепятственно стали провозиться порохъ и снаряды, на выручку имъ прибылъ съ нѣсколькими пушками остатокъ польскаго легіона подъ командою Феофила Лапинскаго, въ Константинополѣ возбужденъ былъ армянскій вопросъ и т. п. Все это требовало дѣйствительныхъ и неотлагательныхъ мѣръ, чтобы не дать поколебаться владычеству нашему

на Кавказскомъ перешейкѣ, доставшемуся намъ неисчислимыми жертвами и эту чрезвычайно важную и крайне трудную задачу недавно еще воцарившійся императоръ Александръ II возложилъ на кн. А. И. Барятинскаго, сдѣлавъ его своимъ намѣстникомъ на Кавказѣ. Тогдашнее петербургское общественное мнѣніе, и въ особенности высшихъ его сферъ, недовѣрчиво отнеслось къ этому назначенію: Барятинскаго считали лѣнтяемъ, сибаритомъ, неучемъ, способнымъ сдѣлаться только саграпомъ на ввѣряемой ему отдаленной окраинѣ и поставить дѣло покоренія горцевъ въ прежнія рамки безконечныхъ, ни кому непонятныхъ и совершенно бесплодныхъ реляцій. Эти толки болѣе всего поддерживались Муравьевскою партією; но государь ближе и лучше всѣхъ зналъ кого назначаетъ и самые благопріятные результаты не замедлили блистательно оправдать его выборъ.—Весною 1857 года Барятинскій, какъ намѣстникъ, прибылъ въ Тифлисъ, а въ августѣ 1859 г. имъ былъ уже покоренъ Восточный Кавказъ и выслаенъ Шамиль въ Петербургъ; покореніе же Западнаго Кавказа доведено до конца уже великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ вполне согласно съ планами и предначертаніями своего предѣстника. Горцы Западнаго Кавказа были выселены, частію за Кубань, большею частію ушли въ Турцію, край вполне умиротворился, явилась возможность упроченія въ немъ нашего владычества, а у нашихъ западныхъ доброжелателей исчезла почва для ихъ враждебныхъ намъ затѣй. Фельдмаршалскій жезлъ былъ врученъ покорителю Кавказа по заслугамъ, которыя въ особенности выяснились въ настоящее время, когда всякому уже понятно, что, не имѣй мы столь прочнаго базиса, какъ Кавказскій перешеекъ, наши быстрые шаги въ Средней Азій были бы немислимы. Покоряя Кавказъ, кн. Барятинскій предусматривалъ и это дальнѣйшее наше движеніе на Востокъ, заставившее уже нашихъ доброжелателей значительно спустить съ нами свой тонъ.—А между тѣмъ личность фельдмаршала, (которому давно бы слѣдовало подумать о монументѣ), остается и до сихъ поръ мало извѣстною въ нашемъ отечествѣ, его знали и никогда не позабудутъ служившіе за его время старыя кавказцы, число ихъ все болѣе и болѣе рѣдѣетъ, а потому нельзя не привѣтствовать книги одного изъ нихъ, А. Л. Зиссермана.—Авторъ «Двадцати пяти лѣтъ на Кавказѣ (1842—1867)» и «Исторіи кабардинскаго полка (1726—1880)» принялся за новый трудъ, издавъ теперь I томъ біографіи кн. А. Ив. Барятинскаго.—Вполнѣ сознавая трудность взятой имъ на себя задачи вслѣдствіе близости событій, въ которыхъ фельдмаршалъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, невозможности печатать въ настоящее время множества писемъ и документовъ, онъ не считалъ себя въ правѣ, какъ старый кавказецъ, находившійся въ близости служебной къ кн. Барятинскому, отказаться отъ предложенія брата его составить біографію фельдмаршала, трудъ же свой онъ считаетъ не болѣе какъ матеріаломъ для будущаго біографа, который будетъ находиться въ болѣе счастливыхъ условіяхъ.

Книга Г. Зиссермана даетъ въ началѣ свѣдѣнія о древнемъ родѣ, кн. Барятинскихъ и объ отцѣ фельдмаршала, лицѣ очень оригинальномъ. Онъ былъ крайній англоманъ, набравшись этого духу за долгое пребываніе свое при нашей миссіи въ Англии. Бросивъ службу, поселился въ деревнѣ и сталъ усердно заниматься усовершенствованіемъ сельскаго хозяйства въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, изъ которыхъ предполагалъ сдѣлать маіоратъ. Сыну своему первенцу, Александру, онъ написалъ особую программу воспитанія, желая сдѣлать изъ него русскаго ладлорда. Мальчику

былъ отгороженъ клочекъ земли, на которой онъ нахалъ миниатюрнымъ плугомъ и въ селѣ Ивановскомъ сохранилась по сію пору картина изображающая этого пахаря—будущаго фельдмаршала. Но князь Иванъ Ивановичъ не довель своей затѣи до конца, онъ умеръ когда сыну его было только 10 лѣтъ; окруженный гувернерами и учителями, научившими своего ученика говорить на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, мальчикъ получилъ сильное влеченіе къ военной службѣ и 16 лѣтъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ... Двухлѣтній курсъ школы мало интересовалъ юношу, учился онъ слабо, да коли правду сказать и научиться-то тутъ было нечему, и въ 1833 году его выпустили въ армію, корнетомъ въ Гатчинскій кирасирскій полкъ. Чуть ли не этотъ школьный аттестатъ присвоилъ Барятинскому навсегда прозвище неуча... Въ одномъ выпускѣ съ нимъ былъ и поэтъ М. Ю. Лермонтовъ... Два года слѣдующіе за выпускомъ проведены были въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, но они не удовлетворяли Барятинскаго, искавшаго боеваго поприща, и въ 1835 году онъ перешелъ служить на Кавказъ. Въ отрядѣ генерала Вельяминова, дѣйствовавшемъ на Западномъ Кавказѣ, командуя казачьей сотней, имѣлъ онъ первое и жаркое дѣло съ горцами и, разсѣявъ ихъ партію, самъ палъ раненный въ бокъ пулею. Рана была такъ тяжела и опасна, что у палатки, гдѣ онъ лежалъ, стоялъ уже наскоро сколоченный гробъ... Но могучая его натура обманула смерть, и онъ, выживъ, отправился въ продолжительный отпускъ долечиваться за границу. Два года пробылъ онъ здѣсь и вынесъ много для себя пользы. Много читалъ, учился, слушалъ лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ, вращался постоянно въ кругу людей передовыхъ; такъ въ Парижѣ бывалъ у Тайлера, Поццо ди Борго, близко сошелся съ графомъ де Фалу, впоследствии министромъ; въ Англіи, принятый аристократіею какъ prince du sang, во время зимняго сезона гостилъ у многихъ лордовъ въ ихъ замкахъ, принималъ участіе въ ихъ спортѣ и призналъ быть лихимъ наѣздникомъ. Тутъ встрѣчался онъ съ Робертомъ Пилемъ, Пальмерстономъ, Гренвилемъ, герцогомъ Веллингтономъ и др.—По возвращеніи изъ-за границы, императоръ Николай повелѣлъ ему состоять адъютантомъ при цесаревичѣ. Отсюда начинается сближеніе этихъ двухъ молодыхъ людей почти одного возраста, перешедшее впоследствии въ самую тѣсную дружбу.—Барятинскій всюду сопровождалъ наслѣдника въ его путешествіяхъ и когда выборъ его высочества палъ на принцессу Гессенъ-Дармштатскую, князь былъ посланъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ въ Петербургъ. Въ 1845 году, Барятинскій отпраился опять на Кавказъ, принявъ участіе въ знаменитомъ ичкеринскомъ походѣ, совершенномъ подъ личною командою Воронцова, былъ прикомандированъ къ Кабардинскому полку и, командуя 3 баталіономъ, имѣлъ такое блестящее дѣло на Андійскихъ высотахъ съ Шамилемъ, что вызвалъ общее рукоплесканіе отряда. Но тутъ онъ былъ снова тяжело раненъ въ правое колѣно и опять уже съ Георгіемъ 4-й степени пришлось послать его за границу для исцѣленія.—Въ 1847 году, когда онъ вернулся въ Петербургъ, Воронцовъ предложилъ ему командованіе первымъ по своимъ боевымъ качествамъ на Кавказѣ, полкомъ—Кабардинскимъ. Столь лестное предложеніе было принято Барятинскимъ, онъ просился у цесаревича его отпустить, но государь въ первую минуту принялъ это какъ бы съ неудовольствіемъ: «Оставляешь моего сына?» въ голосѣ звучала укоризна; но объясненія князя успокоили его, онъ благословилъ его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлалъ своимъ флигель-адъютантомъ.—Командованіе полкомъ составляетъ

крупную эпоху въ жизни Барятинскаго; отсюда онъ вынесъ свою серьезную подготовку къ дальнѣйшему высокому своему поприщу. Не говоря уже о томъ, что онъ близко узналъ быть солдата, полковое хозяйство, научился уживаться съ самыми разнообразными характерами, понимать ихъ и ими управлять, постоянная боевая практика въ самыхъ широкихъ размѣрахъ навела его на вѣрные мысли и способы, которые единственно могли вести къ покоренію горцевъ. За все это время велась у него самая дѣятельная переписка съ кн. Воронцовымъ, въ высшей степени интересная, вошедшая въ книгу г. Зиссермана. Получивъ Владимира 3-й степени и чинъ генераль-майора, Барятинскій отпросился въ отпускъ въ Петербургъ и оттуда въ 1850 году сопровождалъ наследника цесаревича въ поѣздкѣ на Кавказъ.—Послѣ того идутъ назначенія его: бригаднымъ командиромъ, начальникомъ 20-й дивизіи и лѣваго фланга, все это сопровождается рядомъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, наносившихъ все болѣе и болѣе пораженіе Шамилю и въ 1853 году Барятинскій, уже генераль-адъютантъ, назначается начальникомъ штаба Кавказской арміи.—Въ служебной дѣятельности князя наступилъ рѣзкій переворотъ. Обязанности его особенно расширились возникшею Крымскою войною, которая вызвала совершенно особые положенія въ ходѣ Кавказскихъ дѣлъ. Воронцовъ по преклонности лѣтъ оставилъ въ 1854 году Кавказъ, а 1855 году прибылъ сюда новый намѣстникъ Н. Н. Муравьевъ. Имѣвъ когда-то личныя, непріятныя столкновенія съ Воронцовымъ, онъ никогда не забывалъ того и, прибывъ теперь на Кавказъ, отнесся ко всему воронцовскому съ крайне предвзятымъ чувствомъ. При этомъ и съ Барятинскимъ онъ обошелся такъ безтактно, что тотъ вскорѣ сталъ просить новаго императора объ отозваніи его съ Кавказа. И дѣйствительно, въ маѣ 1855 года, князь уѣхалъ въ Петербургъ, назначенный состоять при Особѣ Государя, а за тѣмъ сдѣланъ былъ командиромъ гвардейскаго резервнаго корпуса. Отъѣздъ Барятинскаго изъ Тифлиса показалъ въ полной мѣрѣ то сердечное сочувствіе, которое онъ снискалъ себѣ не только въ военной средѣ, но и во всѣхъ слояхъ мѣстнаго населенія. На этомъ закончивается I-й томъ книги г. Зиссермана; онъ заключаетъ въ себѣ полный циклъ той превосходной подготовки, которою владѣлъ князь, когда былъ призванъ государемъ для покоренія Кавказа, поконченнаго имъ въ такой короткій срокъ.—Изложеніе всѣхъ этихъ фактовъ и группировка очень значительнаго числа писемъ Барятинскаго и др. лицъ, исполнены авторомъ добросовѣстно и поддерживаютъ живой интересъ въ читателей.

К. Б.

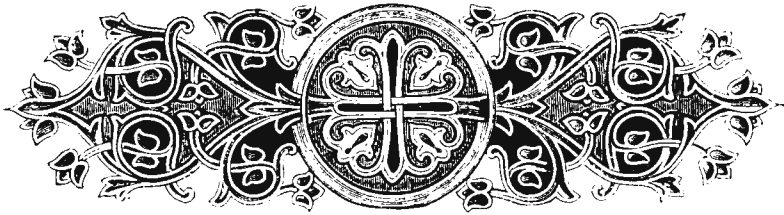
Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ 5-й. Исслѣдованіе И. И. Дубасова. Тамбовъ. 1889.

«Историческій Вѣстникъ» уже неоднократно привѣтствовалъ изслѣдованія г. Дубасова, какъ труды, достойныя всякаго уваженія по своей прекрасной обработкѣ, массѣ новаго цѣннаго для исторической науки матеріала, почерпнутаго авторомъ изъ провинціальныхъ архивовъ, проливающего часто новый свѣтъ на многія явленія бытовой жизни нашего государства. Провинціальная жизнь Россіи въ ея историческомъ развитіи покрыта еще густымъ мракомъ неизвѣстности и таинственности, что составляетъ безусловно крупный пробѣлъ въ общей исторіи государства и только въ ближайшее къ намъ время нѣкоторые просвѣщенные труженики, хотя и при

довольно неблагоприятныхъ условіяхъ, начинаютъ мало-по-малу извлекать изъ архивной пыли дорогія страницы былой жизни нашего отечества. Въ числѣ лицъ, посвятившихъ себя такой полезной дѣятельности, г. Дубасовъ занимаетъ одно изъ видѣйшихъ мѣстъ. Тамбовская губернія, эта пѣкогда одна изъ важнѣйшихъ стратегическихъ и торговыхъ окраинъ Московскаго государства, нашла себѣ въ немъ достойнаго исторіографа, который не жалѣетъ ни времени, ни труда, чтобы собрать по возможности все уцѣлѣвшее отъ всепожирающаго времени и російской халатности, относящееся къ исторіи и жизни родного для него края. Но собранныя имъ свѣдѣнія имѣютъ не только мѣстный интерес и значеніе разрозненныхъ страницъ, читатель найдетъ въ нихъ многое, что захватываетъ собою значительно болѣе широкій кругъ, что имѣетъ общегосударственное значеніе и притомъ приведенное въ стройную систему, обработанное такъ, что выступаютъ не однѣ какія-либо стороны жизни, а вся она въ совокупности и ея историческомъ развитіи.

Въ настоящій 5-й выпускъ своего изслѣдованія г. Дубасовъ включилъ 4 главы, касающіяся «забытыхъ дѣятелей и дѣльцовъ Тамбовскаго края» (1 гл.), «Тамбовскаго книжнаго просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ» (2 гл.), «Тамбовскихъ сектантовъ» (3 гл.), «Тамбовскихъ бытовыхъ чертъ XVII вѣка и смуты XVII—XIX столѣтій» (4 гл.). Всѣ эти отдѣльные очерки составлены на основаніи, по большей части, неизданныхъ матеріаловъ, собранныхъ самимъ авторомъ, на основаніи рукописей, хранящихся въ Тамбовской ученой архивной комиссіи, на основаніи данныхъ почерпнутыхъ изъ Московскаго архива Министерства Юстиціи, и, наконецъ, на основаніи свѣдѣній имъ самимъ опубликованныхъ въ «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Г. Дубасовъ, какъ мѣстный дѣятель, горячо любящій свой край, не увлекается, однако, въ сторону восхваленія всего родного—рядомъ съ страницами, рисующими въ симпатичныхъ чертахъ многихъ дѣятелей Тамбовской губерніи (послы въ XVII в., администраторы—въ особенности губернарторъ Ниловъ, многія воззванія котораго къ мѣстнымъ жителямъ въ эпоху 12-го года опубликованы изслѣдователемъ впервые), нашли себѣ мѣсто на страницахъ изслѣдованія и такіе дѣльцы, которые пятнали своею грязной дѣятельностью доброе имя края, какъ напр. канцеляристъ Василій Михайловъ, совѣтникъ Тамбовской казенной палаты Гороховскій, Темниковскій городничій Желѣзняковъ, кляузные и уголовные процессы которыхъ чрезвычайно типично рисуетъ судопроизводство и чиновный бытъ начала текущаго столѣтія.

Большую цѣну имѣютъ для нашей исторіи словесности и исторіи книжнаго просвѣщенія въ Россіи 3-я и 4-я главы изслѣдованія г. Дубасова. Авторъ обнародываетъ здѣсь впервые любопытный рукописный апокрифъ, трактующій сначала космогоническія явленія, затѣмъ о сотвореніи чело-вѣка и развитіи рода человѣческаго; рядомъ съ этимъ апокрифомъ должно отмѣтить и интересное произведеніе отреченной литературы, составлявшее въ XVIII в. любимое чтеніе тамбовскихъ грамотѣвъ, имѣвшее своимъ содержаніемъ заговоры противъ судей и «присушныя». Въ гл. о сектантахъ любители народной поэзіи найдутъ 7 оригинальныхъ скопческихъ пѣсенъ. Изслѣдованіе кончается описаніемъ смуты, имѣвшихъ мѣсто въ Тамбовской губерніи во времена Разина и Пугачева, а также возникшихъ лѣтомъ 1830 г. по случаю появленія холеры въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Б. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англійскіе переводы Л. Н. Толстого.—Отъ Пекина до Кале.—Греко-славянская литература.—Мнѣнія нѣмцевъ о своемъ восточномъ сосѣдѣ.—Французскіе переводы гр. Алексѣя Толстого и Достоевскаго.—Бисмаркъ въ оцѣнкѣ французовъ и своихъ соотечественниковъ.—Секретъ императора.—Американская республика.—Переписка Вольтера съ маркграфиней Байрейтской.—Расточительный министръ, добродѣтельная герцогиня и расчетливый философъ.

АНГЛИЧАНЕ продолжаютъ усердно переводить Л. Н. Толстого. Почти одновременно явились двѣ новыхъ книги русскаго писателя на англійскомъ языкѣ: «Набѣгъ и другія повѣсти» (The invaders and other stories) и «Казачи» (The Cossacks. By count Lyof N. Tolstoj. Translated from the russian by N. H. Dole). Трудно себѣ представить, —говорить критикъ «Атенеума», — для чего коротенькіе военные рассказы графа Толстого переводились на англійскій языкъ, но, во всякомъ случаѣ, если ихъ считали достойными (?) представить англійской публикѣ, то слѣдовало сдѣлать это въ формѣ болѣе доступной и понятной. Вообще въ военныхъ рассказахъ Л. Н. Толстого критика этого серьезнаго журнала не видитъ ни связи, ни содержанія, ни драматическихъ положеній, ни интереса, ни комическихъ сценъ, ни характеровъ». Такой строгій приговоръ нельзя отнести къ плохому переводу, на который въ особенности нападаетъ англійскій критикъ, приводя примѣры дѣйствительно темныхъ и неловкихъ фразъ. Переводчикъ уже черезчуръ близко держался подлинника и напрасно старался передать даже всѣ солдатскія остроты и поговорки, которыми особенно недоволенъ критикъ. Онъ хвалитъ только рассказъ «Поликушка», но всѣ другія воспоминанія изъ эпохи молодости автора, въ которыхъ онъ старается нарисовать ужасы войны, находятъ чрезвычайно бѣдными и слабыми. И это говорится о «Севастопольскихъ рассказахъ» —лучшихъ произведеніяхъ Л. Толстого. Такой отзывъ не дѣлаетъ чести эстети-

ческому понятію англичанъ. Переводъ «Казаковъ» уже третій на англійскомъ языкѣ и два изъ нихъ сдѣланы американцами: первый, десять лѣтъ тому назадъ—Евгениемъ Шюллеромъ, бывшимъ секретаремъ сѣверо-американскаго посольства въ Петербургѣ; второй—Додемъ, переводившимъ и военные рассказы. О «Казакахъ» критикъ приводитъ отзывъ Тургенева и, соглашаясь съ нимъ, сожалеетъ только о томъ, что въ переводѣ пропала вся прелесть языка Толстого, богатство и поэзія его слога. Кроме того, переводъ отличается неточностью и неправильностью выражений, и критикъ доказываетъ это примѣрами: Маріанна названа въ подлинникѣ «стройною дѣвушкою», Доля переводитъ: «блестящею красотою» (*bahom beauty*) «надо топить»—переводится: «надо зажечь огонь», и пр. Критикъ, очевидно, знаетъ русскій языкъ лучше переводчика.

— Вышло описаніе путешествія отъ Пекина до Кале сухимъ путемъ (*From Pekin to Calais by land, by H. de Windt*). Критика совѣтуетъ автору выбросить изъ своей книги все начало, гдѣ не говорится ничего новаго о Пекинѣ и другихъ извѣстныхъ городахъ Китая. Но весь путь черезъ Сибирь и описаніе сибирской жизни очень любопытны, кроме нѣкоторыхъ страшныхъ исторій, въ которыхъ передаются преданія о варварствѣ сибирскихъ чиновниковъ, весьма сомнительной достовѣрности и которыхъ путешественникъ, конечно, не имѣлъ возможности провѣрить. Въ англійской миссіи въ Пекинѣ авторъ встрѣтилъ своего товарища по Кембриджскому университету, совершенно уже окитаявшагося, съ длинной косою, въ короткой юбкѣ, но отлично упражнявшагося въ крикетъ. Виндтъ очень хвалитъ чай, отправляемый въ Россію сухимъ путемъ, но говоритъ, что лучшіе сорта чая все-таки посылаются въ Лондонъ и Сѣверную Америку, такъ какъ русскіе купцы давно потеряли вкусъ къ тончайшимъ сортамъ и снабжаютъ своихъ соотечественниковъ чаемъ низшаго разбора, да притомъ назначаютъ за него слишкомъ высокія цѣны. Не только желтый, но и черный цвѣточный чай въ Россіи стоитъ гораздо дороже, чѣмъ въ Лондонѣ. Очень живописно изображаетъ авторъ путь по Монголіи, описываетъ ея песчанныя бури. Сибирь онъ проѣзжалъ лѣтомъ и говоритъ, что это время года тамъ очень неудобно для путешествія. Замѣчаніе его, что въ Сибири голубя считаютъ святою птицею, относится, по словамъ критика, ко всей Россіи.

— Ученый еврей Моисей Гастеръ издалъ свои лекціи, читанныя имъ въ Ильчестерѣ о греко-славянской литературѣ и ея отношеніи къ народнымъ легендамъ Европы въ средніе вѣка (*Ilchester lectures on greeko-slavic literature and its relation to the folk-lore of Europe during the middle ages*). Авторъ подробно разбираетъ европейскія преданія, заимствованныя славянами изъ греческой литературы: апокрифическія евангелія, легенды, романы и пр. Онъ приписываетъ чрезвычайно важное значеніе славянамъ въ передачѣ византійской литературы западнымъ народностямъ, говоритъ о роли богомиловъ, главныхъ посредниковъ этой передачи. Его изслѣдованія о библии въ средніе вѣка и о происхожденіи глаголической азбуки также весьма любопытны. Въ противоположность мнѣнію Лескіена, видящаго въ глаголицѣ измѣненную форму греческаго письма IX вѣка, Гастеръ находитъ въ ней близкое сходство съ армянскимъ алфавитомъ, примѣненнымъ только къ передачѣ звуковъ славянскаго языка. Онъ приводитъ историческія свидѣтельства въ подтвержденіе мысли, что св. Кириллъ взялъ

форму армянскаго алфавита въ основаніе славянской азбуки и доказываетъ это графическими изображеніями.

— Какой-то Артуръ Френкель издалъ два тома этюдовъ изъ русской жизни, подъ названіемъ «Восточный сосѣдь» (*Der Nachbar im Osten*). Тутъ есть много свѣдѣній объ «исполискомъ царствѣ» въ эпоху Александра II, о ея социальномъ движеніи, о современномъ состояніи земледѣлія, кустарныхъ промыслахъ и, больше всего, о панславизмѣ и нигилизмѣ, этихъ излюбленныхъ темахъ каждаго нѣмецкаго изслѣдованія Россіи. Встрѣчаются и вѣрныя замѣчанія, особенно о крестьянахъ и провинціальной жизни, но все окрашено тенденціозно въ сѣрую краску, всему приданъ мрачный колоритъ,—и будущее нашего отечества является въ самомъ неутѣшительномъ свѣтѣ, какъ и слѣдуетъ являться каждому нѣмецкому сочиненію о Россіи.

— Французы продолжаютъ переводить нашихъ авторовъ. Вышла трилогія графа Алексѣя Толстого: «*La mort d'Ivan le terrible. Le czar Fedor Ivanovitch. Le czar Boris, traduction de V. Tzytlene et E. Joubert (A. Savine)*». Къ сожалѣнію переводъ, которому предпослано предисловіе И. С. Тургенева, не отличается особенными достоинствами; но все-таки даетъ ясное понятіе о драматическомъ талантѣ автора и французы не напрасно видятъ въ немъ русскаго Шекспира. Извѣстный Гальперинъ-Каминскій перевелъ «Подрустка» Достоевскаго (*Les précoces*) и французская критика видитъ въ романѣ новый, блестящій, психологическій этюдъ молодого поколѣнія, слишкомъ рано развивающагося и приходящаго въ столкновеніе съ тяжелыми условіями реальной жизни. Критикъ «*Nouvelle Revue*» увѣряетъ даже, что французы прочтутъ этотъ романъ, изумительный по своей вѣрности и сжатости, съ глазами полными слезъ. Какія чувствительныя души!

— Между французами, Бисмарка разоблачаетъ не одна Жюльета Аданъ, играющая ту же роль, какую сыгралъ комаръ по отношенію ко льву въ извѣстной баснѣ. Анонимный авторъ издалъ цѣлую книгу «Интимный Бисмаркъ» (*Bismark intime*), гдѣ собраны главнѣйшія черты двуличной и предательской политики германскаго канцлера, знакомыя уже изъ другихъ источниковъ. Менѣе извѣстны отзывы его о своихъ парламентскихъ противникахъ и даже приверженцахъ, весьма вѣстныя для нихъ. Вотъ его слова о консерваторахъ всѣхъ оттѣнковъ и партій: «если эти господа признаютъ меня своимъ вождемъ, то должны предоставить мнѣ самому судить: когда и до какой степени я долженъ идти съ ними за одно. Другого образа дѣйствій для нихъ быть не можетъ. На шахматной доскѣ политики иѣшка, конечно, важная фигура, но я не могу допустить, чтобы она предъявляла требованія — ходить какъ конь или офицеръ». О партіи центра Бисмаркъ говоритъ: «она состоитъ изъ семи различныхъ политическихъ направленій, отливающихъ всеми цвѣтами политической радуги, отъ самой крайней правой и до радикальнѣйшей лѣвой. Я съ своей стороны восхищаюсь ловкостью, съ какою вождь центра Виндгорть умѣетъ такъ искусно править этими разношерстными элементами». Партія либераловъ возбуждаетъ конечно болѣе всего насмѣшки канцлера, и вотъ что онъ говоритъ о своемъ даровитѣйшемъ противникѣ: «когда начинается рѣчь г. Рихтеръ, я ухожу изъ залы засѣданія, не потому чтобы не чувствовалъ себя въ силахъ возражать на его доводы, но потому, что духъ постоянной оппозиціи, какою пропитанъ

этотъ радикалъ, раздражаетъ мои нервы. Къ тому же онъ имѣетъ привычку отвѣчать на каждую грубость еще болѣе тяжкимъ оскорбленіемъ (а кто же, — спросимъ мы, — заставляетъ канцлера обращаться съ грубостями къ своимъ парламентскимъ антагонистамъ?) Для меня совершенно безразлично, что думаетъ и говоритъ г. Рихтеръ. Знаю, что я не въ состояніи никогда и ничѣмъ убѣдить его, точно также, какъ и онъ не въ состояніи сломать меня. При такихъ отношеніяхъ намъ лучше всего любоваться другъ другомъ издали». Подобныя признанія любопытны, какъ образчики мѣткій канцлера о людяхъ и партіяхъ германскаго парламента.

— Нѣмцы, конечно, горой стоятъ за своего Бисмарка, и въ этомъ отношеніи любопытно сравнить ихъ сужденія съ отзывами французскихъ публицистовъ. Въ брошюрѣ «Старый Бисмаркъ» (Der alte Bismark) напечатанной предварительно въ журналѣ «Grenzboten» авторъ задается цѣлью разсѣять убѣжденіе, существующее въ нѣмецкомъ обществѣ, что канцлеръ дряхлѣетъ и теряетъ ту силу ума, какою онъ господствовалъ надъ своими современниками. А убѣжденіе въ дряхлости Бисмарка раздѣляютъ не одни консерваторы, но и либералы, съ тою только разницею, что первые сожалеютъ о перемѣнѣ, происшедшей въ канцлерѣ, а послѣдніе не скрываютъ своего удовольствія по поводу странныхъ выходовъ своего противника, подрывающихъ популярность Бисмарка въ народѣ. Брошюра пытается доказать, что умъ перваго государственнаго челоука въ Германіи не утратилъ своей силы и что его достанетъ съ избыткомъ на управление государствомъ. Вотъ что говоритъ брошюра о борьбѣ, какую вынесъ канцлеръ въ царствованіе Фридриха III: «Въ своемъ монархѣ Бисмаркъ увидѣлъ стремленія и идеалы, прямо противоположные идеаламъ канцлера и тѣмъ болѣе опасные, что больной императоръ, сознавая краткость своей миссіи, съ лихорадочной энергіей спѣшилъ осуществить свои завѣтныя желанія. Канцлеръ увидѣлъ, что политическій и социальный фундаментъ всей его 25-лѣтней работы начинаетъ колебаться. Россія, дружба и довѣрѣе которой были приобрѣтены неимоверными усиліями (?), должна быластупить мѣсто Англии. Изъ Франціи, съ которой канцлеръ постоянно велъ дипломатическую войну, раздалась гимны новому царствованію, хотя и основанные на недоразумѣніи, но тѣмъ не менѣе опасные. Въ Даніи заговорили о возвращеніи Шлезвига. Въ резиденціи герцога Кумберландскаго, Гмунденѣ, вельфы и ганOVERская партія подняли головы. Внутреннія дѣла пошли на перекоръ старымъ прусскимъ традиціямъ. Въ королевскіе апартаменты, куда имѣла прежде доступъ одна аристократія, проникали бюргеры, адвокаты, коммерцъ-совѣтники (какое, подумаешь, несчастіе!). Даже въ арміи начались признаки броженія. Ей командовали: вольно! и только при его преемникѣ раздалась команда: смирно! и все снова выстроилось во фронтъ, какъ въ дни Вильгельма I. Когда все поколебалось, одинъ канцлеръ стоялъ твердо, во весь ростъ. Никогда въ своей жизни онъ не работалъ больше чѣмъ въ эти дни, произносилъ рѣчи, сочинялъ докладныя записки и политическіе документы въ десятки листовъ, писалъ инструкціи дипломатамъ, препирался съ императоромъ и его супругой, боролся съ интригами своихъ враговъ». А враги эти — всѣ либералы, считающіе Бисмарка и совершенно основательно — самымъ опаснымъ противникомъ свободнаго развитія міра, ставшимъ на пути естественному прогрессу общества. Политика его основана на грубой, безсердечной силѣ и на обманѣ по отношенію къ другимъ дер-

жавамъ, какъ не разъ доказывали въ парламентѣ и въ своихъ сочиненіяхъ, враги канцлера — и ученые, и историки, и поэты—Вирховъ, Шпильгагенъ, Ибсенъ и др.

— Десять лѣтъ назадъ герцогъ де-Врольи, глава роялистской партіи въ президентство Мак-Магона, издалъ книгу «Секретъ короля», въ которой разсказалъ исторію личной политики Людовика XV и переписки, какую онъ велъ съ своимъ посланникомъ въ Варшавѣ, дѣдомъ автора книги, тайно отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ. Эта довольно любопытная исторія секретныхъ сношеній короля, часто приказывавшаго совершенно противоположное тому, что предписывалъ его министръ, возбуждала въ свое время интересъ и теперь Луи Тувенель, сынъ министра иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ III, обнаружилъ подобную же тайную дипломатическую переписку своего отца съ императоромъ, подъ названіемъ «Секретъ императора» (*Le secret de l'empereur*). Извѣстно, что при дворѣ Луи Наполеона у него была своя собственная политика, у Евгеніи и министровъ тоже, но эта политика личныхъ интересовъ была слишкомъ мелкою, чтобы имѣть историческое значеніе, и въ теченіе трехъ лѣтъ, къ которымъ относится книга Тувенеля (1860—1862), онъ не сообщаетъ ничего особеннаго замѣчательнаго. Луи Наполеонъ былъ все-таки конституціонный правитель и не могъ скрывать государственныхъ тайнъ отъ своего кабинета министровъ, соблюдавшаго парламентскія формы. Это былъ не самодержавный монархъ, какъ Людовикъ XV, старавшійся возвести на польскій престолъ принца Конти, въ тайнѣ отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ д'Аржансона. Въ шестидесятыхъ годахъ прусскій премьеръ Бисмаркъ проповѣдовалъ, что дипломатіи не зачѣмъ имѣть секретовъ, что она должна дѣйствовать совершенно открыто, «въ рубашкѣ и даже въ купальномъ костюмѣ», какъ выражался онъ съ своею мнимо-добродушною и простодушною откровенностью. Да и какія тайны возможны при парламентскомъ режимѣ? Это говорилъ еще Гвичардини въ половинѣ XVI вѣка флорентинскимъ республиканцамъ только съ маленькой прибавкой: «поскольку многикихъ (*il governo di molti*) не можетъ быть тайнымъ: ему недостаетъ быстроты дѣйствій и—что всего хуже—рѣшимости». Людовикъ XV долженъ былъ скрывать свои истинныя намѣренія отъ своихъ фаворитокъ. Луи Наполеонъ скрывалъ отъ Евгеніи только своихъ фаворитокъ. Важныхъ секретовъ у него не было, потому что не было ни серьезной, ни твердой политики. Въ 1860 году онъ присоединилъ къ Франціи Ниццу и Савойю, усмирилъ волненія въ Сиріи, заключилъ выгодныя для страны коммерческія трактаты, но Цюрихскій миръ оставилъ нерѣшеннымъ вопросъ о Ломбардіи, а идея федеративной Италіи была явно неосуществима. Жертвуя интересами Франціи для защиты папы, Луи Наполеонъ изъ освободителя Италіи дѣлался ея врагомъ и уничтожилъ всѣ плоды своихъ побѣдъ. И французы, и итальянцы, считали — и вполне основательно — такую политику двуличною, лукавою. И папскій нунцій въ Парижѣ, и французскій посолъ въ Римѣ осуждали дѣйствія императора. Отвѣтомъ на нихъ былъ походъ Гарибальди въ Неаполь и завоеваніе королевства въ то время, какъ войска Виктора Эмануила, занявъ Умбрію и Мархію, разбивали армію Ламорисьера. Тувенель думалъ прекратить двусмысленныя отношенія Франціи къ папскому престолу и въ 1862 году, вслѣдъ за предложеніемъ принца Наполеона въ сенатѣ, вывести французскія войска изъ Рима, составилъ проектъ ультиматума Пію IX. Но у министра были такіе противники какъ Евгенія, Валуевскій,

маршалъ Рандонъ—и онъ принужденъ былъ выдти въ отставку. Но во всѣхъ этихъ событіяхъ нѣтъ никакого секрета, а тѣмъ болѣе императорскаго.

— Членъ англійскаго парламента, Брайсъ, бывшій министромъ въ кабинетѣ Гладстона, написалъ выдающееся сочиненіе объ американской республикѣ (*The american commonwealth*). Книга эта по своему значенію стоитъ наравнѣ съ извѣстнымъ сочиненіемъ Токвиля «Демократія въ Америкѣ» и даже превосходитъ его глубиною мысли и новизною свѣдѣній. Она состоитъ изъ трехъ томовъ: первый посвященъ исключительно подробному анализу федеральной конституціи; второй—знакомитъ съ конституціями отдѣльныхъ штатовъ, съ муниципальнымъ строемъ республики и съ организаціей политическихъ партій; третій томъ изслѣдуетъ особенности соціального строя республики и представляетъ общіе выводы свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ американской демократіи. Авторъ выставляетъ особенно на видъ строгое раздѣленіе властей въ организаціи федеральнаго правительства и подчиненіе всѣхъ этихъ властей предписаніямъ конституціи, которую самъ народъ можетъ измѣнить лишь съ соблюденіемъ строго определенныхъ условій. Это раздѣленіе властей составляетъ особенность американской республики въ сравненіи съ государственнымъ строемъ республикъ и конституціонныхъ монархій Европы. Въ классической странѣ парламентаризма Англій—исполнительная власть находится фактически въ рукахъ министерства, имѣющаго въ то же время сильное вліяніе на законодательную дѣятельность парламента. Въ Америкѣ законодательная власть принадлежитъ конгрессу, состоящему изъ сената и палаты представителей. Онъ же устанавливаетъ и налоги, утверждаетъ трактаты съ иностранными державами, также посланниковъ, судей и должностныхъ лицъ, назначаемыхъ президентомъ республики, которому принадлежитъ исполнительная власть. Избраніе всѣмъ народомъ президента дѣлаетъ его независимымъ отъ конгресса. Палата представителей можетъ только отдать подъ судъ сената провинившагося въ чемъ-нибудь президента, который можетъ слѣдовать политикѣ совершенно несогласной со взглядами конгресса. Министры только секретари президента и не зависятъ отъ конгресса, издающаго законы. Члены министерствъ не участвуютъ въ засѣданіяхъ конгресса, контроль котораго надъ администраціей весьма слабъ. Народъ не знаетъ на кого возложить отвѣтственность за ошибки или небрежность въ управленіи. Верховный судъ въ Америкѣ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы вновь издаваемые законы не противорѣчили конституціи. Брайсъ говоритъ, что никто не сравняется съ американцами въ способности къ самоуправленію, въ политическомъ тактѣ и въ сознаніи гражданскаго долга. Последнее весьма сомнительно въ странѣ, гдѣ высшія административныя лица заражены страстью къ наживѣ, взяточничеству и казнокрадству.

— Третья дочь королевы Викторіи, принцесса Елена, вышедшая замужъ за герцога Шлезвигъ-Голштейнскаго Христіана, издала переписку маркграфини Байрейтской съ Вольтеромъ (*The Markgraine of Baireuth and Voltaire, translated and edited by H. R. H. the princess Christian of Sleswig-Holstein*). Еще прежде она перевела на англійскій языкъ мемуары маркграфини, съ оцѣнкою ихъ значенія (она издала также письма своей умершей сестры, принцессы Алисы). Принцесса Елена хотѣла облить память сестры Фридриха II, оставившей по себѣ память злой и взбалмошной женщины—и отчасти успѣла въ этомъ, представивъ сколько несчастная маркграфиня терпѣла отъ грубаго, жестокаго обращенія съ нею ея отца «короля-

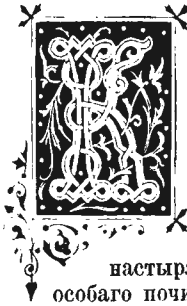
сержанта». Ея ненависть къ роднымъ, злая насмѣшка надъ ними, оправдываются ея горячею любовью къ брату, страдавшему не меньше ея отъ крутого нрава отца. Известно, что послѣ неудачной попытки къ бѣгству наследника престола и казни его друга и сообщника, Катта, при которой король заставилъ присутствовать своего сына, также приговореннаго къ смерти послушнымъ судомъ, принцесса Фредерика-Вильгельмина, чтобы смягчить гнѣвъ отца, покорилась всѣмъ требованіямъ его и вышла за жалкаго Байрейтскаго маркграфа—и ея самоотверженіе извиняетъ всѣ неровности ея характера. У маркграфини была одна дочь, вышедшая за герцога Карла Виртембергскаго, съ которымъ она была принуждена разойтись, вслѣдствіе его жестокаго обращенія. Она умерла въ Байрейтѣ въ 1780 году и въ ея бумагахъ найдена была переписка съ Вольтеромъ, изданная Георгомъ Горномъ и переведенная теперь принцессою Еленою въ дополненіе къ мемуарамъ маркграфини. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является въ новомъ свѣтѣ, не только остроумнымъ, любезнымъ придворнымъ, какимъ онъ былъ всегда въ сношеніяхъ съ знатыми, но преданнымъ, даже нѣжнымъ другомъ преслѣдуемой женщины. Свообразныя формы его стиля превосходно переданы поанглійски переводчицею.

— О другой женщинѣ, игравшей въ жизни Вольтера болѣе дѣятельную роль, Гастонъ Могра написалъ любопытную книгу подъ названіемъ: «Герцогиня де Шуазель и Фернейскій патриархъ» (*La duchesse de Choiseul et le patriarche de Ferney*) Луиза-Онорина Кроза дю Шатель не была красавицею, но отъ нея приходили въ восторгъ всѣ, близко знавшіе ее. Вальполь называлъ ее совершеннѣйшимъ типомъ женской граціи; ею восхищались даже такія женщины какъ г-жа Дюдеффанъ. Ей было 17 лѣтъ, когда она вышла за 35-ти-лѣтняго Шуазеля, который велъ разгульную жизнь, но жена оставалась ему постоянно вѣрна и была искренно привязана къ своему мужу, принесла ему въ приданое миллионъ дохода. Благодаря покровительству маркизы Помпадуръ, Шуазель управлялъ Франціею, хотя и не имелъ званія перваго министра. Онъ жилъ широко, покровительствовалъ искусствамъ и литературѣ, и Вольтеръ, живя изгнанникомъ въ Ферней, былъ горячимъ поклонникомъ всевластнаго вельможи, съ которымъ вошелъ въ переписку, также какъ съ его женою. Устраивая фабрики шелковыхъ и другихъ матерій, Вольтеръ хлопоталъ о сбытѣ ихъ произведеній во Франціи у своего «знаменитаго покровителя». Однажды Вольтеръ попросилъ, чтобы герцогиня Шуазель прислала ему башмакъ съ своей ноги, и когда эта странная просьба была исполнена, онъ отправилъ черезъ нѣсколько времени къ герцогинѣ дюжину шелковыхъ чулокъ своей фернейской фабрики при посланіи въ стихахъ. Потомъ черезъ посредство герцогини онъ началъ отправлять посылки съ часами и разными товарами посланникамъ въ Италію, Константинополь, Петербургъ, и французскія посольства въ этихъ странахъ расхваливали качества и дешевизну фернейскихъ фабрикъ. Алжирскій дей и тунисскій бей были также въ числѣ кліентовъ Вольтера. Дѣлались даже запросы, не можетъ ли русская императрица заключить договоръ съ Китаемъ для распространенія часовъ, фабрикуемыхъ въ Ферней. И часы эти свободно допускались къ ввозу во Францію, тогда какъ съ женеvesкихъ часовщиковъ брали большую пошлину. Но на горизонтѣ Франціи появилась новая звѣзда—Дюбарри. Шуазель не хотѣлъ ей поклоняться, хотя она сама посылала ему сказать, что если онъ захочетъ сойтись съ ней—то она сдѣлаетъ для этого

полдороги, и даже предупреждала его, что «не министры прогоняютъ фаворитокъ, а фаворитки министровъ». Предостереженіе было напрасно и въ концѣ 1770 года, послѣ двѣнадцатилѣтняго управленія Франціею, Шуазель получилъ приказаніе въ 24 часа оставить Парижъ и отправиться въ свое помѣстье Шантелу. Отъѣздъ герцога и его жены былъ настоящимъ триумфомъ для нихъ: ихъ провожало въ изгнаніе все, что было честнаго и интеллигентнаго въ столицѣ Франціи. Опальнаго министра, лишеннаго всѣхъ званій, посѣщали государственные сановники, архіепископы, судьи, генералы, даже придворные, и ихъ принимали съ царскимъ великолѣпіемъ въ Шантелу, гдѣ не прекращались балы, концерты, спектакли. Самъ Людовикъ XV замѣтилъ, что выходы при дворѣ стали не такъ многочисленны. Дворъ въ Шантелу былъ болѣе оживленъ и, въ интимномъ кругу, Шуазель, сидя за вышиваньемъ, рассказывалъ анекдоты о своемъ управленіи, злодея новыя министровъ, отзываясь безъ стѣсненія о Людовикѣ XV: «онъ былъ бы хорошимъ королемъ, еслибы въ немъ не было столько дурныхъ сторонъ». Герцогиня писала Вольтеру, что она очень довольна своимъ теперешнимъ положеніемъ. Вольтеръ отвѣчалъ напыщенными стихами, но въ то же время заискивалъ у новаго министра, Мопу, и писалъ, что онъ, «достойнъ гражданскаго вѣнка». Мопу разрѣшилъ беспошлинный ввозъ часовъ съ фабрики Вольтера, который получалъ со своихъ помѣстій 130,000 ливровъ годового дохода. Герцогиня Шуазель, узнавъ о продѣлкахъ Вольтера, прекратила съ нимъ сношенія, и когда послѣ четырехлѣтняго изгнанія, кончившагося со смертію Людовика, Шуазель вернулся въ Парижъ съ такимъ же триумфомъ, какъ и выѣхалъ изъ него, Вольтеръ, напрасно пробовалъ возобновить прежнія отношенія съ герцогомъ. Онъ отказался видѣть философа, а герцогиня сказала о немъ: «таланту его надо поклоняться, но его самого слѣдуетъ презирать». Она вспомнила, какъ онъ писалъ ей, что къ семи смертнымъ грѣхамъ, надо было бы прибавить восьмой—неблагодарность, и что онъ никогда не будетъ повиненъ въ этомъ грѣхѣ. Блестящая жизнь Шуазеля кончилась печально: расточительность его не знала границъ и онъ скоро разорился: экономный Людовикъ XVI не возвратилъ министру его должностей. Пришлось продать и Шантелу, и огромный дворецъ герцога въ Парижѣ. Умирая въ 1785 году, онъ оставилъ 6 милліоновъ долгу. Вдова продала все, что имѣла, и съ одной служанкой поселилась въ монастырѣ. Спасшись чудомъ во время революціи, она умерла въ 1801 году, 62-хъ лѣтъ, въ крайней бѣдности, оставленная, забытая всѣми, и похоронена въ общей могилѣ. Но лишенія не ослабили твердости ея духа, какъ въ былое время роскошь и богатство не ослѣпляли ее. Всѣмъ пожертвовавъ своему мужу, она жила только имъ и осталась вѣрна его памяти. На всей ея жизни нѣтъ ни одного пятна, чистое имя ее не омрачено ни однимъ упрекомъ. Ее можно было бы назвать святою, если бы только, какъ ея фернейскій поклонникъ, она вѣрила во что-нибудь въ теченіе своей примѣрной и безупречной жизни.

С М Ъ С Ъ.

РЕСТЬЯНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ ЦАРЮ-ОСВОБОДИТЕЛЮ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

17-го апрѣля 25-тилѣтіе крестьянской реформы было отпраздновано открытіемъ въ г. Ченстоховѣ памятника Царю-Освободителю, «долженствующаго, — какъ сказано въ одномъ изъ приговоровъ гминныхъ сходовъ, — служить завѣтомъ потомству на грядущіе вѣка благоговѣйной преданности крестьянъ за освобожденіе отъ панцизны». Мѣстомъ сооруженія, по мысли самихъ же крестьянъ, избранъ Ченстоховъ; памятникъ поставленъ на Ясной горѣ, близъ монастыря, подъ сѣнью иконы Богородицы, составляющей предметъ особаго почитанія всего населенія Привислянскаго края. Замѣчательныя условія, при которыхъ осуществилось это добровольное желаніе польскаго хлопа чѣмъ-нибудь выразить безпредѣльную благодарность державному вождю, снявшему тяжелыя оузы личнаго и экономическаго гнета. Трудно съ точностью опредѣлить, когда именно и въ какомъ крестьянскомъ обществѣ зародилась впервые мысль о постройкѣ памятника; несомнѣнно только, что эта идея была отголоскомъ личнаго крестьянскаго почина и вылилась въ осозательную форму въ постановленіяхъ четырехъ гминныхъ сходовъ Островскаго уѣзда, Ломжинской губерніи, а именно въ гминахъ Поремба, Длугосѣдло, Шульборже-Коты и Бранцикъ. Собравшись на сходы въ августѣ 1885 года, эти крестьянскія общества опредѣлили: внести по 2 копѣйки съ cadaго морга крестьянской земли на предметъ сооруженія (исключительно на средства сельскаго населенія) памятника Царю-Освободителю; порывъ благодарнаго крестьянскаго чувства понесся по деревнямъ и селамъ края; съ особенною энергіею отозвалась Калицкая губернія, гдѣ къ ноябрю 1885 г. изъ 142 гминъ 100 уже составили подобные приговоры относительно сооруженія памятника; въ большинствѣ случаевъ сумма сбора назначалась по одной или по двѣ копѣйки съ cadaго морга крестьянской земли; нѣкоторыя гмины вносили единовременныя пожертвованія, не свыше, впрочемъ, 150 рублей; въ одномъ приговорѣ сказано: «очень жалѣемъ, что не у насъ первыхъ возникла эта благая мысль»; въ другомъ приговорѣ выражено: «жа-

лѣмъ, что не мы первые выступили съ этимъ желаніемъ»; однимъ словомъ, единодушіе было всеобщее и полное, приговоры составлялись безостановочно одинъ за другимъ. Чувствовалось, что горячо начатое дѣло не замретъ въ зародышѣ, что оно дойдетъ до желаннаго конца, и благая мысль освобожденнаго отъ панской зависимости польскаго народа перейдетъ изъ области желаній въ сферу дѣйствительности. Уже въ январѣ 1886 г. главный начальникъ края доложилъ государю о желаніи польскихъ крестьянъ, и на его записку послѣдовала резолюція: «Я совершенно одобряю эту мысль и благодарю жертвователей».

Къ 12 ноября 1886 г. собрано было пожертвованій 54,741 р. 92 к.; по 10 губерніямъ этотъ сборъ распредѣлился въ нижеслѣдующихъ цифрахъ: Люблинская губ. — 16,801 р. 61 к., Калишская — 8,332 р., Ломжинская — 6,733 р., Петроковская — 6,040 р., Варшавская — 5,179 р. 60 к., Кѣлецкая — 4,519 р. 39 к., Сѣдлецкая — 3,274 р., Радомская — 2,317 р., Сувалкская — 1,047 р. и Плоцкая — 498 р. 24 к., послѣдствіи цифровое отношеніе между губерніями измѣнилось. Сувалкская и Плоцкая губерніи нѣсколько догнали своихъ товарищей, но, въ итогѣ, самымъ крупнымъ вкладчикомъ осталась Люблинская губернія. Въ настоящее время всѣхъ подписныхъ денегъ собрано 75,963 р. 21 к.; общая же сумма трехъ главныхъ расходныхъ статей опредѣлилась въ 74,446 рублей. Изъ нихъ: академику А. Опекушину за бронзовую статую — 25,000 рублей; частному строителю, В. Кузьмину, за устройство пьедестала — 26,750 рублей, и отпущено въ распоряженіе комитета, завѣдующаго устройствомъ фундамента съ площадкою и лѣстницею — 22,696 р. Общій видъ памятника таковъ: бронзовая статуя покойнаго государя, вышиною въ 5 аршинъ, стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ, высота котораго равняется $7\frac{1}{2}$ аршинамъ. Нижній плинтъ пьедестала сдѣланъ изъ восьми полированныхъ камней краснаго финляндскаго гранита; форма четырехъ-угольная, высота 1 арш., слѣдующій плинтъ восьмиугольной формы — изъ четырехъ полированныхъ камней того же гранита, вышиною аршинъ съ вершкомъ; наконецъ, слѣдующая часть пьедестала состоитъ изъ 5 рядовъ полированного темносѣраго сердобольскаго гранита; три ряда, по четыре камня каждый, устроены кругловато съ четырьмя пилястрами, одинъ рядъ изъ 2-хъ камней кругловатыхъ, но безъ пилястровъ и послѣдній рядъ изъ одного камня. На памятникѣ три надписи на русскомъ и польскомъ языкахъ; на одной выписка изъ указа 19 февраля 1864 г.: «Да останется сей день вѣчно памятенъ и крестьянамъ Царства, какъ день вновь возникающаго ихъ благосостоянія»; на другой: «Сооруженъ въ 1889 г. сельскимъ населеніемъ царства Польскаго» и на третьей: «Царю-Освободителю Александру II».

По контрактамъ съ гг. Опекушинымъ и Кузьминымъ окончательнымъ срокомъ принятыхъ ими на себя работъ было назначено 1-е іюля 1888 г., но, оба контрагента сильно запоздали, такъ что памятникъ былъ едва готовъ къ 17-му апрѣля 1889 г. На торжество со стороны жертвователей явилось по три депутата отъ cadaго уѣзда, въ лицѣ 255 гминныхъ войтовъ. 17-го апрѣля, съ 9 часовъ утра, весь Ченстоховъ былъ на ногахъ; погода была великолѣпная; побѣленные и подкрашенные дома разукрасились флагами и гирляндами изъ зелени; послѣ прохода войскъ, къ памятнику направились воспитанники гимназій, ученицы частныхъ пансіоновъ, ученики городскихъ и сельскихъ школъ; все это молодое поколѣніе расположилось по бокамъ широкой лѣстницы, ведущей большими уступами къ подножію памятника: 252 гминныхъ войта, въ праздничныхъ одеждахъ и со знаками, присвоенными ихъ должности, размѣстились непрерывнымъ кольцомъ вокругъ балюстрады, окружающей памятникъ; въ 12 ч. прибылъ изъ Варшавы экстренный поѣздъ, на которомъ пріѣхали генер.-адъютантъ Гурко, и другія административныя лица. Захвативъ по пути въ Кирило-Меодіевскую церковь, І. В. Гурко объѣхалъ войска и затѣмъ поднялся къ памятнику, вмѣстѣ со

вѣми военными и гражданскими властями. Въ это время изъ Ченстоховскаго монастыря вышла католическая процессія изъ 6 канониковъ съ куявокалишскимъ епископомъ Бересневичемъ въ главѣ; облаченіе епископа отличалось красотой и богатствомъ отдѣлки; раздалъ салютъ изъ орудій, депутаты отъ войтовъ схватились за 4 шнура, покрывала спали и передъ глазами зрителей; обнажившихъ головы, предстала во всемъ своемъ спокойномъ величій мощная фигура монарха, облеченнаго въ порфиру и указывающаго правой рукой на слова: «19-го февраля 1864 года», вырѣзанныя на отдѣльномъ металлическомъ листѣ, расположенномъ у его ногъ. Бронзовое изваяніе поставлено спиной къ монастырю и лицомъ къ городу, къ тому полтораверстному широкому бульвару, по которому обыкновенно направляются въ монастырь богомольцы. Сходство лица покойнаго государя поразительное. Послѣ открытія началось богослуженіе и освященіе, совершенныя епископомъ Бересневичемъ; затѣмъ католическая процессія возвратилась въ монастырь, а изъ православной церкви прибылъ крестный ходъ съ викарнымъ архіереемъ Флавіаномъ; началась панихида по Царѣ-Освободителѣ. По окончаніи панихиды раздался залпъ изъ орудій и затѣмъ начался церемоніальный маршъ войскъ передъ памятникомъ. Вся эта половина торжества произвела на присутствующихъ сильное впечатлѣніе, не поддающееся описанію. Тысячныя толпы народа соблюдали полный порядокъ. Послѣ осмотра памятника начался обѣдъ гминныхъ войтовъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ памятника устроенъ былъ для этого обѣда временной полотняный навѣсъ; передъ началомъ обѣда епископъ Бересневичъ обратился къ войтамъ съ рѣчью, посвященной значенію торжества, призывая крестьянъ къ взаимной любви не только между собою, но и ко вѣмъ остальнымъ сословіямъ, убѣждая ихъ въ необходимости послушанія властямъ и напоминая о соблюденіи твердости въ вѣрѣ, такъ какъ на вѣрѣ и на послушаніи церкви зиждется благо народа. Произнесена была эта рѣчь на польскомъ языкѣ. Послѣ этого генер. Гурко поднялъ чарку и провозгласилъ здравіе государя императора и когда смолкло продолжительное «ура», сказалъ войтамъ: «Спасибо вамъ, что вы воздвигли памятникъ Царю, которому вы обязаны вѣмъ вашимъ достоинствомъ». На обѣдѣ по подпискѣ, устроенный въ монастырской трапезѣ, собралось 190 человекъ. Въ этой столовой, въ 1640 г., король Михайлъ Вишневецкій праздновалъ свою свадьбу, а теперь она обыкновенно стоитъ закрытою, такъ какъ для 15 монаховъ-паулиновъ Ченстоховскаго монастыря не требуется обширнаго обѣденнаго помѣщенія. Главный начальникъ края сидѣлъ между архіереемъ Флавіаномъ и епископомъ Бересневичемъ. Г. Божовскимъ была произнесена рѣчь, характеризовавшая преобразованія покойнаго государя. Послѣ обычныхъ тостовъ, генер. Гурко произнесъ слѣдующія слова, посвященныя крестьянамъ:

«Господа! предлагаю осушить бокалъ за благоденствіе тѣхъ, благодарныя сердца которыхъ привели насъ сюда. За здоровье крестьянъ царства Польскаго, которые хотя милостью Царя-Освободителя и обезпечены въ своихъ матеріальныхъ средствахъ, но далеко не богатые люди, нашли, однако, возможнымъ удѣлять свои лепты,—и тамъ, гдѣ они привыкли поклоняться царю небесному, они воздвигли памятникъ царю земному, чтобы, прядя молиться Царю-царствующимъ, могли поклониться и царю, которому они со вѣмъ ихъ потомствомъ обязаны вѣмъ своимъ благосостояніемъ. За здоровье добродѣтельныхъ дателей на памятникъ Царя-Освободителя!»

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. 16-го апрѣля, происходило торжество открытія памятника Пушкину на Приморскомъ бульварѣ. Исторія устройства этого памятника, продолжавшаяся почти девять лѣтъ, довольно интересна. Подъ впечатлѣніемъ пушкинскаго праздника въ Москвѣ въ 1880 г., члены правленія одесскаго Славянскаго благотворительнаго общества, профессора Новороссійскаго университета и представители городской думы, рѣшили, что

необходимо увѣковѣчить пребываніе Пушкина въ Одессѣ постановкой мраморной доски съ надписью на домѣ, въ которомъ жилъ поэтъ въ 1823 году, и сооруженіемъ фонтана съ бюстомъ Пушкина. Средства на памятникъ предполагено было собрать по подпискѣ. Дума отвела мѣсто для предполагаемаго памятника и ассигновала 300 руб. для преміи за его проектъ. Избрали комиссію «по сооруженію памятника Пушкину», которая напечатала «воззваніе» къ обществу о пожертвованіяхъ и объявила условія конкурса на составленіе проекта памятника. Къ назначенному сроку (1-го января 1882 г.) поступило три проекта, признанные неудовлетворительными, вслѣдствіе чего срокъ конкурса былъ продолженъ на четыре мѣсяца, по прошествіи которыхъ получилось четыре проекта, изъ нихъ одинъ, архитектора Васильева, былъ признанъ заслуживающимъ первой преміи (200 р.), а другой, Жураковского, получилъ вторую премію (100 руб.). Прошло 6½ лѣтъ, но къ устройству памятника не приступали «за неимѣніемъ для этого необходимыхъ денежныхъ суммъ», такъ какъ по подпискѣ собрано было въ теченіе означеннаго времени только 750 руб. 65 коп. Комиссія, какъ сказано въ ея отчетѣ, «пришла къ убѣжденію, что сборъ денегъ путемъ подписки положительно невозможенъ», и обратилась къ городскому головѣ съ просьбой представить думѣ ходатайство о сооруженіи памятника Пушкину на счетъ города. На это получили отвѣтъ, что городская управа «признала неудобнымъ входить въ думу съ представленіемъ по настоящему ходатайству комиссіи, совершенно измѣняющему первоначальную идею о постановкѣ памятника Пушкину». Тогда комиссія обратилась въ правленіе одесскаго Славянскаго общества съ просьбой созвать соединенное засѣданіе общества и комиссіи. На означенномъ собраніи предѣлатель общества Шимановскій заявилъ, что въ данный моментъ (предстояло чествованіе Пушкина по случаю 50-лѣтней годовщины его смерти) болѣе чѣмъ когда-либо не слѣдуетъ оставлять начатое дѣло». Праздникъ 29-го января 1887 года, напоминавшій обществу о Пушкинѣ, далъ комиссіи надежду на успѣхъ сбора, и она поспѣшила ковать желѣзо, пока горячо: отпечатала новое «воззваніе» къ обществу, начала сборъ по подписнымъ листамъ, принялась устраивать литературные вечера балы и концерты. Но не смотря на самыя энергическія мѣры для сбора въ не смотря на возбужденіе, произведенное пушкинскимъ праздникомъ, денегъ на памятникъ, который между тѣмъ начали строить, было все-таки мало. Въ августѣ прошлаго года комиссія опять обратилась въ думу съ просьбой о пособіи, заявивъ, что «для сбора суммы для всѣхъ расчетовъ по постройкѣ нужно будетъ не менѣе двухъ лѣтъ, а слѣдовательно въ теченіе этого времени на бульварѣ, этомъ любимомъ и красивѣйшемъ мѣстѣ для гулянья нашихъ согражданъ, была бы безобразная ограда и лѣса, прикрывающіе памятникъ». Дума ассигновала 9,000 руб. и памятникъ былъ оконченъ. Онъ обошелся въ 22,065 руб. 71 коп., считая и пожертвованія матеріалами. Если изъ суммы, собранной деньгами (18,903 р. 94 коп.) исключить ассигнованные думой 9,000 р. и Обществомъ взаимнаго кредита 300 р. и собранные концертами и вечерами 4,504 руб., то доля участія одесскаго общества въ подпискѣ на памятникъ Пушкину выразится въ суммѣ 4,799 руб., собранной въ теченіе почти девяти лѣтъ. Памятникъ представляетъ фонтанъ изъ гниванскаго гранита съ бюстомъ Пушкина изъ бронзы, отлитымъ Ж. А. Половской, женой поэта Я. П. Полонскаго. Бронзовые украшенія сдѣланы скульпторомъ Реутовымъ подъ наблюденіемъ академика Чижова. При открытіи памятника присутствовали начальникъ края, главные начальствующія лица, городское общественное управленіе въ полномъ составѣ, Славянское благотворительное общество, многія другія учрежденія и общества, студенты и ученики среднихъ учебныхъ заведеній, воспитанницы женскихъ гимназій и громадная масса народа. Послѣ краткой лѣтіи по усопшемъ поэтѣ и молебствія съ окропленіемъ памятника св. водою, начальникъ края произнесъ

рѣчь, въ которой указаль на умѣтность постановки памятника въ Одессѣ, на югѣ, вдохновившемъ поэта создать рядъ безсмертныхъ произведеній, и предложилъ предсѣдателю Славянскаго Общества передать его во владѣніе города. Затѣмъ произнесли рѣчи предсѣдатель общества и городской голова, послѣ чего начальникъ края, всѣ почетныя лица и депутація съ вѣнками направились въ биржевой залъ, гдѣ продолжалось чествованіе великаго поэта, бюстъ котораго красовался за эстрадой среди тропическихъ растений и цвѣтовъ. Засѣданіе открылось чтеніемъ секретаремъ Славянскаго Общества краткой исторической записки о сооруженіи памятника, послѣ чего проф. Кирпичниковъ произнесъ рѣчь: «Одесса и Пушкинъ». Мы печатаемъ ее въ этомъ же № «Ист. Вѣстника». Затѣмъ говорили профессора Некрасовъ и Кочубинскій, окружной инженеръ Долинскій (отъ имени строителя памятника Шимановскаго, отсутствовавшаго по болѣзни), отъ Русскаго Техническаго Общества графъ Ростовцевъ, отъ Юридическаго Общества Протопоповъ и др. По произнесеніи рѣчей началось подношеніе вѣнковъ отъ обществъ и учреждений, складывавшихся на эстраду, и чтеніе многочисленныхъ привѣтствій и телеграммъ отъ городовъ, ученыхъ обществъ, университетовъ, комитетовъ народныхъ чтеній, редакцій и проч.

Общество любителей древней письменности. Въ помѣщеніи музея Общества состоялось послѣднее въ нынѣшнемъ сезонѣ засѣданіе членовъ Общества любителей древней письменности. Собранію было доложено отчетъ о положеніи денежныхъ дѣлъ Общества за полтора года, по 1-е апрѣля 1889 года. Положеніе это вполне удовлетворительно и Общество обладаетъ достаточными средствами для продолженія и развитія своей дѣятельности въ тѣхъ рамкахъ, которыя поставлены ему уставомъ. За отчетное время выпущено въ свѣтъ 12 новыхъ изданій Общества и отчасти уже окончено печатаніемъ нѣсколько изданій, которыя появятся въ 1889 г. Получены пожертвованія денежныя на усиленіе издательской дѣятельности (г. Дружининъ—6 т. р., предсѣдатель Общества г. Шереметевъ—около 4 тыс. рублей). Многочисленныя приношенія обогатили музей общества рѣдкими и цѣнными рукописями и старопечатными книгами. На изданія 1889 г. въ распоряженіе Общества московскій книжный торговецъ Большаковъ предоставилъ 6 тыс. руб. Л. Н. Майковъ обратилъ вниманіе общества на интересный трудъ молодого московскаго ученаго г. Карябева, ученика профессоровъ Ѳ. И. Буслаяна и Н. С. Тихонова, посвященный изслѣдованію одного изъ малоразъясненныхъ вопросовъ славяно-русской письменности, носящему заглавіе: «Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи фізіолога». Родиной оригинала «Физиолога», относимаго г. Карябевымъ ко II или III вѣк. по Р. Х., авторъ признаетъ Александрію, но при этомъ находитъ, что въ немъ, какъ памятникъ коллективнаго творчества, могутъ быть отысканы слѣды античныхъ писателей, отзвуки памятниковъ египетской древности, библейскихъ и талмудическихъ преданій. Только въ послѣднее время обнаружилось существованіе полнаго списка славянскаго перевода этого памятника (XI—XII вѣковъ) и, по нѣкоторымъ признакамъ происхожденія болгарскаго. Общество постановило напечатать трудъ г. Карябева въ своихъ изданіяхъ, присоединивъ къ нему и воспроизведеніе текста рукописи славянскаго перевода «Физиолога». Принято предложеніе А. А. Титова напечатать въ изданіяхъ Общества заканчиваемый имъ трудъ о ростовскихъ архіереяхъ по списку св. Дмитрія. Интереснымъ показалось полученное отъ проф. Соколова сообщеніе «о сказаніи о вавилонскомъ царствѣ», въ новой редакціи. Сказаніе это содержитъ весьма интересныя черты, указывающія на то, какъ представленіе о всемірномъ владычествѣ перешло въ византійское самосознаніе — и изъ Византіи перешло на Русь. Въ новой редакціи эти черты еще усиливаются и устанавливается почти непосредственная преемственность отъ Навуходоносора и сына его Василія (!) въ Вавилонѣ «на семи рѣкахъ и на семи

верстахъ», чрезъ византійскихъ царей Льва, Василя и Константина—съ русскимъ великимъ княземъ Владиміромъ. При всей сказочности этого пересказа, онъ содержитъ любопытныя черты, указывающія на существованіе въ весьма далекомъ прошломъ смутнаго сознанія о призваніи Руси къ наслѣдію Византіи. Собраніе закончилось чтеніемъ отрывковъ изъ приготовленной къ печати 3-й части сочиненія Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина». Отрывки эти, посвященные путешествію Венелина въ Болгарію и придунайскія мѣстности въ 1830 и 1831 годахъ, познакомили слушающихъ съ интересной личностью этого даровитаго изслѣдователя и съ его попытками на мѣстѣ розыскать данныя, подтверждающія его основную мысль о томъ, что до VI вѣка славяне скрывались у лѣтописцевъ подъ другими именами. Какъ и всякій фанатикъ своей идеи, Венелинъ доходилъ иногда до комическихъ крайностей въ своихъ розысканіяхъ.

Комиссія собранія народныхъ обычаевъ. Въ засѣданіи комиссіи, состоящей подъ предѣлательствомъ сенатора С. В. Пахмана, была представлена вновь составленная программа для собранія этихъ обычаевъ, печатные экземпляры которой были розданы гг. членамъ для замѣчаній и исправленій. Эта программа состоитъ изъ трехъ главъ. Глава первая. Право гражданское, распадающееся на три рубрики: 1) родъ и семья; 2) владѣніе и собственность; 3) договоры и обязательства. Глава вторая. Право уголовное, распадающееся также на три рубрики: 1) преступленія и наказанія вообще; 2) преступленія религіозныя и общественныя; 3) преступленія противъ семьи, личности и собственности. Глава третья. Судопроизводство, въ которой слѣдующія двѣ рубрики: 1) суды и подсудность, и 2) порядокъ разбора и рѣшенія дѣлъ. Члены комиссіи, признавъ вообще достоинство программы, которая во всѣхъ отношеніяхъ далеко превосходитъ всѣ изданныя доселѣ программы, указали на нѣкоторыя необходимыя, по ихъ мнѣнію, дополненія и исправленія. Такъ П. А. Матвѣевъ указалъ, что въ предисловіи необходимо опредѣленно указать собирателямъ обычаевъ, чтобы они обозначали, къ какому разряду принадлежатъ крестьяне, среди коихъ записаны обычаи, такъ какъ юридическіе обычаи государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ однодворцевъ существенно отличаются отъ обычаевъ остальныхъ крестьянъ, въ особенности въ области семейнаго и наслѣдственнаго правъ, что хотя въ предисловіи обращается вниманіе собирателей на разновидности крестьянъ, но такое общее замѣчаніе не достаточно.

Археологическое Общество. Въ послѣднихъ собраніяхъ Русскаго Археологическаго Общества доложено заявленіе членовъ Общества Ѳ. Г. Солнцева и Н. В. Султанова по вопросу о реставраціи Кіево-Софійскаго собора, возбужденному два года тому назадъ по почину митрополита кіевскаго. Въ настоящемъ своемъ заявленіи внесшіе его члены обращали вниманіе Общества на необходимость, независимо отъ практическаго разрѣшенія вопроса о реставраціи Кіево-Софійскаго собора, озаботиться теоретическимъ уясненіемъ всѣхъ сторонъ этого вопроса, безъ чего и самая реставрація не можетъ осуществиться въ духѣ истиннаго возстановленія древнихъ чертъ драгоцѣннаго памятника русско-византійскаго зодчества XI-го вѣка. Согласно предложенію совѣта Общества, общее собраніе, для разработки вопроса о реставраціи Кіево-Софійскаго собора, избрало специальную комиссію, въ составъ которой вошли слѣдующія лица: Д. И. Гриммъ, П. Ѳ. Исѣевъ, В. Г. Васильевскій, И. В. Помяловскій, Г. Г. Замысловскій, Н. П. Кондаковъ, Ѳ. Г. Солнцевъ, Н. В. Султановъ и В. В. Сусловъ. Г. Султановъ представилъ собранію обстоятельныя разъясненія, сопровождавшіяся ссылками на чертежи и рисунки. Указавъ на то, что внѣшняя облицовка въ польско-іезуитскомъ духѣ скрываетъ въ древнѣйшихъ сооруженіяхъ свойственныя имъ черты глубокой древности въ духѣ византійскаго искусства, докладчикъ рассмотрѣлъ всѣ до сихъ поръ высказанныя гипотезы о первона

чальномъ видѣ храма св. Софіи въ Кіевѣ, сооруженнаго Ярославомъ въ 1038 году, высказалъ и свои собственныя соображенія по этому предмету и представилъ чертежъ предполагаемаго профиля древняго храма, но не настаивая ни на какомъ предрѣшеніи вопроса, указалъ на необходимость произвести прежде всего раскопки въ грунтѣ земли, на которой стоитъ храмъ, имѣя въ виду естественное наслоеніе почвы, скрывшее въ себѣ многіе архитектурные фрагменты, необходимые при реставраціи для воспроизведенія тѣхъ формъ, къ возстановленію которыхъ должна стремиться реставрація. Тѣ же раскопки, по мнѣнію докладчика, должны опредѣлить также состояніе древняго фундамента, освидѣтельствованіе котораго дастъ вмѣстѣ съ тѣмъ прочныя основанія для точнаго опредѣленія древняго плана храма. Равнымъ образомъ необходимо изслѣдованіе древняго мозаичнаго пола, покрытаго теперь поломъ металлическимъ. На чердакѣ Кіево-Софійскаго собора, подъ современной крышей котораго скрывается 8 древнихъ куполовъ, также сохранилось не мало драгоценныхъ фрагментовъ въ видѣ остатковъ мраморнаго алтаря съ византійской орнаментикой, каменнаго помоста и другихъ предметовъ. Нельзя не выразить искренняго сочувствія той заботливости по отношенію къ древнѣйшему памятнику русско-византійскаго зодчества, какую проявило уже достаточно Археологическое Общество изданіемъ фресковыхъ и мозаичныхъ изображеній Кіево-Софійскаго собора и какую теперь вновь проявляетъ, принимая на себя научную постановку работъ по реставраціи св. Софіи въ Кіевѣ. Реставрація же безъ такой постановки дѣла, какъ справедливо высказалъ докладчикъ, можетъ повести даже и къ окончательной уtratѣ тѣхъ археологическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ возможно возстановленіе истинныхъ чертъ того византійскаго стиля, въ какомъ первоначально возведенъ былъ храмъ св. Софіи въ Кіевѣ, понынѣ сохранившій свое всероссійское значеніе.

Памятникъ перехода черезъ Дунай. На берегу Дуная, между Рени и Измаиломъ, въ 12-ти верстахъ отъ послѣдняго, сооружается памятникъ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай въ 1828 году, совершеннаго подъ личнымъ руководствомъ Николая I. Памятникъ, изготовляемый по заказу главнаго инженернаго управленія, въ Одессѣ, въ мастерскихъ Юго-Западныхъ жел. дорогъ, въ настоящее время совершенно готовъ. Онъ отлитъ изъ чугуна и имѣетъ видъ обелиска съ усѣченной вершиною, высотой въ 5 саж. На главной сторонѣ памятника позолоченная надпись: «Здѣсь, 27-го мая 1828 года переправляя свои войска императоръ Николай I и указалъ имъ путь къ побѣдамъ и славѣ», а на противоположной сторонѣ: «Сооруженъ въ 1888 году». Надъ этою надписью паритъ золоченый орелъ.

Газета „Петербургскій Листокъ“ праздновала 25-тилѣтіе своего существованія. Въ юбилейномъ номерѣ помѣщена, между прочимъ, обширная статья, посвященная прошлому газеты, при чемъ видно, что прошлое это было далеко не легкимъ. Разныя невзгоды висѣли надъ «Листкомъ». Мѣнялись его издатели, часто мѣнялись редакторы и газета никакъ не могла похвалиться устойчивостью въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Судебныхъ столкновеній было не мало. Однажды редактору «Листка» пришлось даже сразу выслушать рѣшеніе суда по восьми жалобамъ. Жаловался на него и режиссеръ нѣмецкаго театра Толлертъ, и стряпчій Колпаковъ, и квартальный надзиратель Юнгъ, и квартальный надзиратель Рейслеръ, и городской Лискинъ, и коллежскій секретарь А. Зарудный, и коллежскій секретарь А. Ротчевъ и т. д. Административныхъ наказаній газета понесла не мало и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ было запрещеніе розничной продажи, продолжавшееся цѣлыхъ пять лѣтъ, съ 1871 по 1876 г. Это было большое событіе въ исторіи газеты—справедливо говорить «Пет. Листокъ»—такъ какъ трудно опредѣлить, сколько тысячъ рублей теряли издатель В. А. Владимірскій и предшественникъ его за весь упомянутый періодъ времени. Въ послѣдніе годы матеріальное по-

ложеііе «Пет. Листка» много улучшилось, хотя и при новомъ (теперешнемъ) ея издателѣ случались періоды, приносившіе убытокъ газетѣ. Количество работавшихъ въ газетѣ доходило отъ 60 до 75 человекъ въ годъ, а всѣхъ сотрудниковъ съ 1870 года по 15-е марта настоящаго года было болѣе шести сотъ человекъ. Съ легкой руки «Пет. Листка» въ провинціи возникло не мало мѣстныхъ «Листковъ», тождественныхъ съ нимъ по программѣ и по названію. Напримѣръ, «Одесскій Листокъ» (1872 г.), «Оренбургскій Листокъ» (1875 г.), «Курскій Листокъ» (1878 г.), «Тифлисскій Листокъ» (1878 г.), «Псковскій Городской Листокъ» (1881 г.), «Московскій Листокъ» (1881 г.), «Севастопольскій Листокъ» (1882 г.), «Минскій Листокъ» (1886 г.) и другіе.

† 16-го февраля, отставной полковникъ генеральнаго штаба **Аркадій Николаевичъ Фалецкій**, постоянный сотрудникъ «Военнаго Сборника» и «Русскаго Инвалида». Уроженецъ Сибири, Фалецкій получилъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ на службу, въ 1851 г., прапорщикомъ въ 1-ю полевую артиллерійскую бригаду, а затѣмъ, спустя 9 лѣтъ, поступилъ въ академію генеральнаго штаба, гдѣ и окончилъ курсъ. По выходѣ изъ академіи, Фалецкій, во время польскаго возстанія, былъ прикомандированъ къ 3-й пѣхотной дивизіи, переведенъ въ генеральный штабъ и получилъ за отличіе чинъ капитана, послѣ чего служилъ въ военно-ученомъ отдѣленіи главнаго штаба, былъ помощникомъ начальника архива и, наконецъ, въ 1876 г., по разстроеному здоровью, уволенъ въ отставку.

† 2-го апрѣля петербургскій университетъ понесъ крупную утрату въ лицѣ заслуженнаго ординарнаго профессора по каеедрѣ армянскаго языка и словесности, члена-корреспондента Академіи Наукъ **Керопз Петровича Патканова**. Природный армянинъ, онъ родился въ 1834 году; воспитывался въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, въ 1857 г. окончилъ курсъ въ педагогическомъ институтѣ по разряду историческихъ наукъ, съ званіемъ старшаго учителя. Въ 1881 г. опредѣленъ въ университетъ преподавателемъ армянскаго языка, на мѣсто Бероева. До вступленія въ университетъ онъ зарекомендовалъ себя двумя превосходными работами: а) «Catalogue de la littérature Arménienne depuis le commencement du V-me jusqu'a XVI siècle» (St.-Pétersbourg, 1859), и б) переводомъ на русскій языкъ съ примѣчаніями и приложениями «Исторіи Агвинъ» Моисея Каганкатвади писателя X вѣка (Спб. 1861 г.) Для «Энциклопедическаго словаря» 1861—1863 гг. онъ написалъ значительное число статей, относящихся до географіи, исторіи и литературы Арменіи. Въ 1863 г. Паткановъ за сочиненіе подъ заглавіемъ «Опытъ исторіи династіи Сассанидовъ по свѣдѣніямъ армянскихъ источниковъ» удостоенъ степени магистра восточной словесности, а въ слѣдующемъ году за «Исслѣдованіе о составѣ армянскаго языка» возведенъ въ степень доктора армянской словесности. Въ 1863 г. Паткановъ утвержденъ въ званіи штатнаго доцента. Съ этихъ поръ онъ въ продолженіе болѣе 25 лѣтъ плодотворно дѣйствовалъ въ университетѣ какъ преподаватель и профессоръ армянской словесности. Его обширная ученость и самостоятельность научныхъ воззрѣній, стремленіе вызвать въ слушателяхъ самостоятельность мысли, сердечное сочувствіе, съ которымъ онъ встрѣчалъ въ своихъ слушателяхъ проблески свободнаго и яснаго разумнія задачъ науки, всегдашнюю готовность отдать все свое время руководству студентовъ, все это вмѣстѣ, при открытомъ характерѣ давало завидные результаты личнаго его вліянія среди студентовъ по изученію армянской и грузинской словесности. Вся научно-литературная дѣятельность Патканова свидѣтельствуетъ о разносторонности его знаний и широкомъ пониманіи своего предмета. Ежегодно имъ выпускались научныя исслѣдованія, одними изъ послѣднихъ были напечатанныя въ 1886 году «Цыгане. Нѣсколько словъ о нарѣчіяхъ закавказскихъ цыганъ—Вома и Каррачи» и «Армянскій текстъ Томы Арцруни, писателя X вѣка».

† 7-го апрѣля, въ Петербургѣ одинъ изъ старѣйшихъ преподавателей столицы, принадлежавшій къ педагогической плеядѣ сороковыхъ годовъ, товарищъ Ф. Ф. Эвальда, А. В. Шакѣва, А. П. Алимпѣва, **Николай Ивановичъ Нероновъ**. По окончаніи курса въ 3-й гимназіи, Н. И. былъ назначенъ учителемъ во владимірское уѣздное училище, потомъ учителемъ географіи и естествовѣдѣнія во 2-ю гимназію, а затѣмъ приглашенъ учителемъ исторіи и географіи въ театральное училище. Ученики и ученицы покойнаго, находили въ Н. И. добраго наставника, горячо любившаго дѣтей и молодежь, интересовавшаго своимъ простымъ и нагляднымъ обученіемъ, постоянно обогащавшаго свои знанія многостороннею начитанностью. Особенно чтли его воспитанники 2-й гимназіи. Театральное училище видѣло въ немъ просвѣщеннаго руководителя въ образованіи сценическаго таланта. Ему обязаны умственнымъ развитіемъ такія дарованія, какъ Читау, Брошель, Ф. Свѣткова, Муравьева. Въ 1842 году Н. И. былъ приглашенъ княземъ А. М. Горчаковымъ (бывшимъ тогда посланникомъ въ Штутгартѣ) воспитателемъ его пасынковъ, графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ. Онъ посѣтилъ Германію, Францію, Швейцарію и Италію, изучая пластическое и сценическое искусства, какъ критикъ и бесѣды его, въ особенности о театрѣ и о гравюрахъ, были особенно интересны, отличаясь живостью впечатлѣній и мѣткими характеристиками. По возвращеніи въ Россію, онъ продолжалъ службу во 2-й гимназіи до половины пятидесятихъ годовъ. Н. И. былъ библиофиломъ. Его библіотека составляла рѣдкое собраніе книгъ по части сценическаго искусства, беллетристики, грамматики, исторіи и лексикографіи. Въ послѣдніе годы онъ любилъ дарить книги близкимъ друзьямъ, но лучшія изъ увражей вошли въ составъ богатой библіотеки Д. Ф. Кобеко.

† 22-го апрѣля, коммерціи совѣтникъ, **Василій Александровичъ Кокоревъ**. Имя этого человѣка пользовалось большою извѣстностью. Создавъ себѣ собственнымъ умомъ и трудомъ большое состояніе, онъ, въ началѣ прошлаго царствованія, явился въ Москвѣ горячимъ приверженцемъ новыхъ вѣяній и новыхъ реформъ. Судьба поставила его въ среду тогдашняго московскаго интеллигентнаго кружка, гдѣ цѣнили его своеобразный умъ, его находчивость, гдѣ глядѣли на него, какъ на талантливаго русскаго самородка. Онъ занимался сначала откупами, какъ занимались ими и дворяне и даже А. И. Кошелевъ, игравшій замѣтную роль въ славянофильскомъ кружкѣ. Коммерческія предпріятія Кокорева, однако, не всегда шли успѣшно и состояніе его сильно поколебалось. Впослѣдствіи онъ поправилъ его, учредивъ волжско-камскій банкъ; онъ занимался нефтяною промышленностью, сельскимъ хозяйствомъ, участвовалъ въ установленіи торговыхъ сношеній съ Персією, писалъ о желѣзнодорожныхъ и финансовыхъ вопросахъ; въ шестидесятихъ годахъ являлся публицистомъ и журналистомъ и его статья «Милліардъ въ туманѣ» возбудила общее вниманіе. Онъ былъ человѣкомъ русскимъ вполнѣ, любившимъ свою родину. Его статьи въ «Русск. Архивѣ», вышедшія потомъ и отдѣльною книгою, «Экономическіе провалы», обратили на себя вниманіе публики. Написанныя оригинально и живо, хотя и переполненные парадоксами, онѣ заключали въ себѣ много весьма любопытныхъ общественно-политическихъ фактовъ и разоблаченій и свидѣтельствовали о томъ серьезномъ интересѣ, съ которымъ онъ относился къ условіямъ нашей жизни. Съ нимъ можно было спорить, съ его взглядами не соглашались, даже отрицать ихъ, но они свидѣтельствовали о цѣльномъ, своеобразно сложившемся характерѣ русскаго человѣка, который провелъ жизнь весьма дѣятельную, сносясь съ массою лицъ, начиная съ рабочихъ и крестьянъ и кончая министрами. Передъ смертію онъ занимался осуществленіемъ закаспійскаго коммерческаго банка въ Баку. Упорный старообрядецъ, онъ умеръ на 74-мъ году, не измѣнивъ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ.

† 25-го апрѣля, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ **Дмитрій Андреевичъ Толстой**. Онъ родился въ 1823 году. Образование получилъ въ царскосельскомъ лицейѣ, откуда вышелъ въ 1843 г. съ золотою медалью, и тотчасъ же поступилъ на службу въ канцелярію императрицы. Въ 1847 г. онъ вышелъ въ отставку, и черезъ четыре мѣсяца вновь поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Въ 1853 г. Д. А. Толстой былъ назначенъ директоромъ канцеляріи морского министерства, и въ этой должности принималъ участіе въ составленіи хозяйственнаго устава морского министерства и новаго положенія объ управленіи морскимъ вѣдомствомъ. Въ 1861 г. онъ управлялъ департаментомъ народнаго просвѣщенія, затѣмъ былъ назначенъ присутствовать въ сенатѣ, гдѣ, между прочимъ, участвовалъ въ комиссіи надъ государственными преступниками, подъ предсѣдательствомъ сенатора Карніолянъ-Пинскаго. Въ 1865 г. Д. А. Толстой былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ синода, а въ слѣдующемъ — министромъ народнаго просвѣщенія. Этотъ постъ онъ занималъ до 1880 г. Въ теченіе этого времени произведены слѣдующія реформы въ народномъ образованіи: въ 1871 г. составлены новые уставы гимназій и прогимназій, въ 1872 г. утвержденъ новый уставъ реальныхъ училищъ, въ 1874 г. — положеніе о начальныхъ училищахъ. Кромѣ того, открыты: Варшавскій университетъ, историко-филологическій институтъ, оренбургскій учебный округъ, лицей въ Нѣжинѣ преобразованъ въ историко-филологическій институтъ кн. Безбородко. При вступленіи Д. А. Толстого на постъ министра народнаго просвѣщенія, на содержаніе министерства ассигновалось 7.066,150 р., а въ 1880 г. — 16.735,972 р. Сообразно съ этою цифрою возросло и количество учебныхъ заведеній. Такъ, всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ 1866 году состояло 222, а въ 1880 г. — 620, начальныхъ училищъ было 1,005, а въ 1880 г. — 24,853. На постъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой вступилъ въ 1882 году. Кромѣ служебной дѣятельности онъ занимался и литературою. Между прочимъ, имъ составлена исторія иностранныхъ исповѣданій въ Россіи (1848 г.), издана «Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи» (1850 г.), хотя покойный никогда не былъ финансистомъ. Въ 1863—1864 г. издана въ Парижѣ книга: «Le Catholicisme Romain en Russie», удостоенная Лейпцигскимъ университетомъ докторской степени, и въ послѣднее время «Исторія академической гимназіи». Графъ Д. А. Толстой, въ послѣдніе годы жизни, состоялъ членомъ государственнаго совѣта, сенаторомъ, гофмейстеромъ двора, президентомъ Академіи Наукъ и общества попенченія о тюрьмахъ, почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, медицинскаго совѣта, музея имени Наслѣдника Цесаревича и т. д. «Популярности не ищу, популярничаньемъ гнушаюсь», — говорилъ онъ еще министромъ просвѣщенія и популярность, дѣйствительно, не была его удѣломъ. Исторія поставитъ его среди замѣчательныхъ государственныхъ людей Россіи, создавшихъ себѣ имя не только дарованіями, серьезнымъ образованіемъ и чрезвычайною цѣлостностью возрѣній, но твердымъ, стойкимъ и энергическимъ характеромъ, рѣшительною борьбою со всякимъ противоположнымъ теченіемъ. Полный просторъ для примѣненія своихъ взглядовъ графъ нашель съ назначеніемъ его министромъ народнаго просвѣщенія. Здѣсь онъ явился смѣлымъ и рѣшительнымъ преобразователемъ, задумавъ и осуществивъ, вопреки почти неодолимымъ затрудненіямъ и миѣнію большинства страны, реформу средняго образованія. Всѣмъ памятна ожесточенная борьба, выдержанная графомъ съ противниками классической школы, и упорная энергія, съ какою онъ шелъ къ цѣли, не поступаясь ничѣмъ изъ обдуманной имъ системы. Эта неуступчивость, въ виду тѣхъ трудностей, какими окружены были первые шаги новой школы, вела къ крайностямъ, составлявшимъ большую сторону реформы. Организція классической школы принадлежитъ къ числу важныхъ реформъ миноваго царствованія, и неразрывно связана съ именемъ графа. На постъ министра

внутреннихъ дѣлъ графъ вступилъ уже при ослабленныхъ долгимъ трудомъ и потрясеніями физическихъ силахъ. Тѣмъ не менѣе онъ ревностно занялся главною задачею, настоятельно предлагаемою положеніемъ дѣлъ. Задача эта состояла въ успокоеніи страны, потрясенной страшными событіями 1 марта и продолжительною матеріальною и нравственною смутю. Извѣстно, какъ быстро и рѣшительно достигнуты были въ этомъ отношеніи ясные результаты. Тогда, при наступившемъ затишьи и явно выражавшемся подъемѣ внутреннихъ силъ страны, графъ приступилъ къ обширному плану земской реформы, которой и посвятилъ главнымъ образомъ послѣдніе годы своей жизни. Смерть прервала дни графа въ то время, когда обширный планъ уже близился къ осуществленію.

28-го апрѣля † **Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ**. Онъ родился 15-го января 1826 года, въ селѣ Спасъ-Уголь, калязинскаго уѣзда, тверской губерніи. Его родители, довольно богатые мѣстные помѣщики, приставили къ нему, какъ водилось въ то время, первымъ учителемъ своего же крѣпостного челоуѣка, живописца Павла, который съ «указкою» въ рукахъ приступилъ къ азбукѣ въ самый день рожденія Салтыкова, 15 января 1833 года, когда ему исполнилось семь лѣтъ. Это первоначальное обученіе оказалось настолько удовлетворительнымъ, что въ августѣ 1836 года Салтыковъ могъ быть принятъ въ шестиклассный, въ то время, московскій дворянскій институтъ (только-что преобразованный изъ университетскаго пансіона), въ третій классъ, гдѣ оставался два года по малолѣтству. Въ 1838 г. Салтыковъ былъ переведенъ въ царско-сельскій лицей, въ силу преимущества, которымъ пользовался московскій дворянскій институтъ—отправлять, каждые полтора года, двоихъ отличнѣйшихъ учениковъ въ лицей, гдѣ они и поступали на казенное содержаніе. Въ 1844 году Салтыковъ вышелъ изъ лицея, тогда переименованнаго уже въ Александровскій, съ чиномъ X класса, т. е. въ числѣ далеко не отличныхъ (въ его курсѣ, XIII мѣ,—находилось 23 воспитанника, и изъ нихъ 15 выпущены IX классомъ), и поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства, при князѣ Чернышовѣ. Три года спустя, въ ноябрѣ 1847 года, Салтыковъ выступилъ на настоящее литературное поприще, напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» первый свой опытъ въ прозѣ, подъ заглавіемъ «Противорѣчія», а затѣмъ, въ мартѣ 1848 года — рассказъ «Запутанное дѣло». Этотъ литературный дебютъ Салтыкова повліялъ рѣшительнымъ образомъ на его служебную карьеру и не остался безъ вліянія вообще на весь дальнѣйшій строй его жизни и литературной дѣятельности, поставивъ его лицомъ къ лицу съ бытомъ нашей провинціи. Благодаря политическимъ событіямъ на Западѣ въ 1848 и 49 гг., у насъ былъ тогда усиленъ надзоръ за литературой и, вслѣдствіе того, сверхъ существовавшей цензуры, дѣйствовалъ особый комитетъ, занимавшійся разсмотрѣніемъ того, что было уже разсмотрѣно цензурою и ею пропущено въ печать. Хотя упомянутыя статьи Салтыкова были также разрѣшены цензурою, но тѣмъ не менѣе на нихъ обратили особое вниманіе: Салтыковъ былъ переведенъ на службу изъ Петербурга въ Вятку, гдѣ и поступилъ въ распоряженіе тамошняго губернатора. Въ Вяткѣ Салтыковъ оставался около семи лѣтъ, до ноября 1855 г., служба сначала въ штатѣ губернскаго правленія, потомъ — чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ и, наконецъ, совѣтникомъ губернскаго правленія. Въ 1855 г., онъ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ, и оставался на службѣ, то въ столицѣ, то въ провинціи, до іюля 1868 г. Въ 1856 г. М. Е. Салтыковъ женился на Елисаветѣ Аполлоновнѣ Болтиной; у нихъ дѣти: сынъ Константинъ и дочь Елисавета. Вмѣстѣ съ возвращеніемъ изъ Вятки возобновилась въ 1856 г. и литературная дѣятельность Салтыкова, печатаніемъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» этюдовъ изъ его жизни въ провинціи, подъ названіемъ «Губернскихъ Очерковъ», подписанныхъ псевдонимомъ: Н. Щедринъ. Эти «Очерки» доставили сразу ихъ автору громкую извѣстность и указали

тотъ путь, который надо было пройти Салтыкову для занятія принадлежащаго ему теперь мѣста въ русской сатирѣ вынѣшняго вѣка. Начиная съ 1856 года, болѣе тридцати лѣтъ сряду, М. Е. Салтыковъ трудился непрерывно, — сначала въ «Русскомъ Вѣстникѣ», потомъ въ «Современникѣ» (1860 — 65 гг.), и наконецъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1868 — 1882). По запрещеніи этого журнала М. Е. не переставалъ трудиться до самой смерти, помѣщая свои статьи большею частью въ «Вѣстникѣ Европы».

† Александръ Петровичъ Орловъ, дѣятель науки, много потрудившійся въ разныхъ областяхъ ученыхъ изслѣдованій. Онъ умеръ въ Казани, гдѣ состоялъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ директоромъ мѣстнаго реального училища. Онъ принималъ, между прочимъ, живое участіе въ дѣятельности русскаго географическаго общества преимущественно по изученію сейсмическихъ явленій. Въ этой специальности замѣчательенъ обширный трудъ А. П. Орлова по исторіи землетрясеній. Кромѣ того, А. П. занимался разработкой мѣстныхъ вопросовъ; находясь въ Пермской губерніи (лѣтъ двадцать тому назадъ), онъ изучалъ тамоншіе соляные промыслы, производилъ этнографическія изслѣдованія и собиралъ матеріалы по археологіи. Онъ много работалъ также на педагогическомъ поприщѣ и издалъ нѣсколько учебныхъ руководствъ. Въ должности директора казанскаго реального училища А. П. Орловъ пробылъ почти пятнадцать лѣтъ, т. е. съ самаго основанія этого училища. Онъ умеръ далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ: ему не было еще и пятидесяти лѣтъ.

ихъ все крѣпче опутываютъ сѣти; дѣло велось очень тонко и осторожно, такъ что нельзя было и предупредить неожиданнаго удара. Въ то время, какъ въ одинъ прекрасный день вокругъ молодыхъ людей собралась небольшая группа женщинъ и дѣтей съ намѣреніемъ, повидимому, послушать игру на лютнѣ и пѣніе Тебальдо, въ то время, какъ нѣсколько мальчишекъ, повидимому, совершенно случайно отошли поболтать со слугами и охранниками графини, расположившимися на почтительной дистанціи, — вдругъ нѣсколько здоровыхъ дѣтей набросились изъ засады на Корнелию и Тебальдо, накинута имъ на головы толстые платки, такъ что всякій крикъ былъ подавленъ, обхватили ихъ сильными руками и поспѣшно потащили въ ближайшее ущелье. Корнелия тотчасъ же лишилась чувствъ; когда же Тебальдо попытался отчаянно защищаться, разбойники такъ крѣпко обмотали платокъ вокругъ его шеи, что онъ болѣе былъ не въ состояніи сопротивляться и поневолѣ покорился печальной участи.

Между тѣмъ поселяне, сообщники разбойниковъ, замѣтивъ, что охранники несчастныхъ молодыхъ людей ищутъ послѣднихъ, притворились крайне озабоченными, смущенными и какъ будто помогали въ ихъ поискахъ. Но черезъ нѣсколько минутъ одинъ за другимъ благодущные поселяне начали незамѣтно исчезать, а за ними улизнули женщины и дѣти, такъ что вскорѣ вся мѣстность совсѣмъ опустѣла. Нѣсколько человѣкъ слугъ и солдатъ не отваживались пускаться на поиски въ ужасныя горныя ущелья; тѣмъ менѣе рѣшались они розыскивать пропавшихъ по окрестнымъ густонаселеннымъ деревнямъ, ибо всѣ жители ихъ были хорошо вооружены. Напрасно слуги въ полномъ отчаяніи принялись окликать пропавшихъ; съ ужасомъ они помышляли о томъ впечатлѣніи, которое произведетъ эта вѣсть на графа.

Одни изъ слугъ остались производить тщательные поиски въ ближайшихъ окрестностяхъ, а другіе поспѣшили въ городъ, дабы извѣстить о всемъ случившемся графа и получить отъ него распоряженіе, какъ поступать въ такомъ ужасномъ положеніи. Дѣйствовать нужно было какъ можно скорѣй, нужно было придумать — какимъ образомъ освободить плѣнниковъ въ цѣлости и сохранности изъ рукъ разбойниковъ.

Нельзя найти словъ для описанія отчаянія, охватившаго графа; онъ прекрасно понималъ, что нужно дѣйствовать съ крайней осторожностью, чтобы не принести свою дочь въ жертву жестокой мести дикой банды. Разбойники находили оправданіе своего гнуснаго ремесла въ томъ, что они хорошо обращаются съ своими плѣнниками, пока идутъ переговоры о выкупѣ, и пускаютъ въ ходъ утонченныя жестокости только тогда, когда имъ угрожаютъ вооруженной силой или стараются ихъ перехитрить.

Въ то время какъ въ городѣ дѣлались спѣшныя распоряженія о выкупѣ, обоихъ плѣнниковъ крѣпко-на-крѣпко туго связанныхъ, такъ что они не могли ни крикнуть, ни пошевелиться, притащили по глухой, трудно-проходимой тропинкѣ, извѣстной только горнымъ жителямъ, къ развалинамъ стараго покинутаго сарацинскаго замка полуразрушенныя стѣны котораго по необходимости служили разбойникамъ жилищемъ. Эти замки встрѣчались въ горахъ такъ же, какъ и на берегу. Во время оно въ нихъ обитали сарацины, эти ужасныя бичи Средиземнаго моря; съ неприступныхъ высотъ они, какъ коршуны, налетали на морѣ—на корабли, на сушѣ—на прибрежные города, принося съ собой жителямъ смерть или рабство. Теперь здѣсь владычествовалъ, нѣкоторымъ образомъ какъ хозяинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ предводитель, такъ называемый Черный Беппо, Браво (бандитъ), который былъ у нихъ первымъ совѣтникомъ и которому во всѣхъ важныхъ дѣлахъ принадлежалъ рѣшающій голосъ. Беппо не было еще и сорока лѣтъ. Хотя всѣ обитатели Абруццъ имѣли темный цвѣтъ лица и черные какъ смоль волосы, все-таки Беппо назывался «чернымъ», ибо его густыя сросшіяся брови и окладистая борода съ большими усами придавали его наружности видъ особенно бросающійся въ глаза. Это былъ всѣмъ извѣстный и самый отчаянный бандитъ: однажды онъ былъ уже приговоренъ къ виселицѣ; но избавился отъ смерти только побѣгомъ изъ тюрьмы, послѣднее обстоятельство придавало ему особенный авторитетъ въ глазахъ остальныхъ бандитовъ. Въ силу его отношеній къ другимъ Брави, которые сами называли себя бандитами, Беппо безпрестанно со всѣхъ сторонъ тревожили, и такъ какъ, сверхъ того, въ сарацинскомъ вертепѣ ютилось множество женщинъ и дѣтей, то поводы къ различнымъ столкновеніямъ были безпрестанны. Развалины, окруженныя со всѣхъ сторонъ страшными пропастями, были совершенно неприступны; къ нимъ вели только нѣсколько опасныхъ пѣшеходныхъ тропинокъ, замыкавшихся узкимъ цѣпнымъ мостомъ.

Кромѣ самыхъ завязтыхъ разбойниковъ и ихъ родственниковъ, никто безъ сомнѣнія не заглядывалъ въ теченіе ста лѣтъ добровольно въ этотъ вертепъ, пока не отважился на это живописецъ Сальваторъ Роза, открывшій у бандитовъ нѣчто въ родѣ мастерской. Постепенно онъ сжился со всѣми обычаями разбойниковъ и очень понятно, что сдѣлался необходимымъ при ихъ торжествахъ. За нѣсколько миль въ окружности его знали женщины и дѣти, обращаясь съ нимъ какъ съ старымъ знакомымъ. Да развѣ и могъ онъ повредить имъ чѣмъ-нибудь? Онъ еще не зналъ самыхъ потаенныхъ мѣстъ; шпионить при посредствѣ солдатъ онъ не могъ и разбойники ни разу не подумали о томъ, что изъ простаго нравственнога чувства можно возмущаться ихъ занятіями. Поэтому они обращались съ безпечнымъ живописцемъ какъ съ пріятелемъ, съ

которымъ не можетъ быть никакихъ тайнъ; они не находили также ничего подозрительнаго въ томъ, что онъ былъ свидѣтелемъ плѣненія двухъ молодыхъ людей, взятыхъ только съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать хорошій гешефтъ, принудивъ заплатить за ихъ выкупъ возможно-большую сумму.

Сальваторъ былъ занятъ срисовываньемъ группъ разбойниковъ съ ихъ женами. Черный Беппо сидѣлъ неподалеку отъ него и обратилъ его вниманіе, когда показалась группа бандитовъ съ обоими плѣнниками. Живописца эта сцена крайне непріятно поразила. Пришедшіе своими беспорядочными возгласами давали знать, что удалось поймать очень цѣнную добычу. Одинъ изъ бандитовъ, человекъ атлетическаго сложенія, несъ на рукахъ какъ ребенка все еще безъ чувствъ лежавшую дѣвушку, въ то время какъ двое другихъ тащили молодого человека, который сначала неистово бушевалъ, но потомъ примирился съ своей судьбой. Съ любопытствомъ тѣснились вокругъ ихъ женщины и дѣти; послѣ того какъ съ головъ плѣнниковъ были сняты покрывала, со всѣхъ сторонъ посыпались на счетъ ихъ внѣшности громкія замѣчанія.

Блѣдное, нѣжное личико Корнеліи, ея изящная стройная фигура не понравилась горнымъ дикарямъ, привыкшимъ къ грубымъ формамъ, и хорошо, что бѣдная дѣвушка не слышала всѣхъ толковъ и пересудовъ. Бандиты отвели Тебальдо въ одну изъ потаенныхъ замковыхъ комнатъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, плѣннику предоставлялись всѣ удобства; между тѣмъ женщины обратились къ пришедшей въ чувство Корнеліи, и такъ какъ черный Беппо хотѣлъ сначала выслушать рассказъ товарищей объ ихъ набѣгѣ, то горная площадка, на которой вокругъ Корнеліи толпились женщины, на долгое время опустѣла отъ разбойниковъ. Остался здѣсь только одинъ Сальваторъ Роза.

Сначала онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, узнавъ черты лицъ обоихъ плѣнниковъ, и счастье его, что въ это мгновеніе общее вниманіе было обращено на молодыхъ людей, ибо онъ съ величайшимъ трудомъ удерживался, чтобы не крикнуть и не броситься имъ на встрѣчу. То волшебное-очаровательное впечатлѣніе, которое произвела Корнелія на Сальватора, когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ на погребеніи ея матери, его безуспѣшная борьба съ возроставшей страстью, всѣ муки сердца и ревности—все это мгновенно проснулось въ немъ и къ этому присоединились злоба и страхъ за судьбу Корнеліи и заботы о могущемъ случиться въ будущемъ. Онъ былъ хорошаго мнѣнія о бандитахъ и зналъ, что они будутъ беречь плѣнниковъ, какъ драгоценный залогъ,—но кто поручится, что отецъ Корнеліи не вздумаетъ освободить дочь свою силой? Въ такомъ случаѣ дѣло можетъ кончиться весьма печально; одна мысль о возможности подобнаго исхода леденила кровь въ жилахъ Сальватора.

Въ то время какъ жены разбойниковъ, по чувству врожденной женщинамъ сострадательности, хлопотали вокругъ Корнеліи, какъ около больного ребенка, тысячи мыслей беспорядочно пронеслись въ головѣ живописца, и онъ уже сталъ обдумывать планъ—какимъ бы образомъ поскорѣй освободить Корнелію изъ этого разбойничьяго вертепа; спутникъ же молодой дѣвушки, совѣмъ не интересовалъ Сальватора, ибо онъ даже ни разу не задумался надъ тѣмъ, что какая судьба ожидаетъ этого юношу въ рукахъ бандитовъ.

Между тѣмъ Корнелія пришла въ полное сознаніе. Она удивленно и смущенно озиралась кругомъ. Понявъ, наконецъ, все случившееся, она, закрывъ лицо руками, горько зарыдала. Женщины старались ее успокоить, ободряли ее, увѣряя, что ничего дурного съ ней не сдѣлаютъ и высказывали твердую надежду на то, что ея родственники навѣрно вскорѣ внесутъ выкупъ за ея освобожденіе. Черезъ нѣкоторое время Корнелія отняла, смѣясь, руки отъ лица и взглянула кругомъ спокойнѣе. Она увидѣла дружескія, участливыя лица чужихъ женщинъ, она замѣтила пугливыя и любопытныя взоры дѣтей, а также и вдали стоящаго, одѣтаго по городскому молодого человѣка, въ чертахъ котораго прочитала столько невыразимаго участія, что вчужѣ можно было подивиться. Словомъ, ея глазамъ не встрѣтилось ничего, отчего бы можно было ужаснуться. Корнелія притомъ была не изъ робкаго десятка; осмотрѣвшись и замѣтивъ въ развалинахъ странныя жилища, содержимыя въ порядкѣ, она воспрянула духомъ и по своей дѣтской неопытности дѣйствительно повѣрила, что не встрѣтитъ здѣсь ничего дурного и что въ крайнемъ случаѣ она можетъ лишь пробыть въ плѣну болѣе долгій срокъ.

При живости своего темперамента Сальваторъ Роза дѣйствительно уже создалъ планъ спасенія любимаго существа. Видя, какъ хлопотали женщины около Корнеліи и какое сильное впечатлѣніе она произвела на ихъ грубыя сердца, онъ рѣшился достигнуть своей цѣли тонко обдуманной хитростью.

— Неправда ли она похожа на Мадонну?—обратился онъ къ самой старой и вліятельной изъ женщинъ, и такъ какъ въ подобныхъ вопросахъ вошло уже въ обыкновеніе безусловно соглашаться съ его мнѣніемъ, то вскорѣ всѣ женщины и дѣти были убѣждены, что Мадонна не можетъ выглядѣть иначе. Въ это мгновеніе подошелъ черный Беппо. Онъ желалъ лишь убѣдиться—пришла ли плѣнница въ сознаніе и, удостовѣрившись въ этомъ, опять отправился на совѣщаніе съ бандитами. При его появленіи сердце юной дѣвушки сильно забилося и она съ ужасомъ и страхомъ смотрѣла ему влѣдъ; и къ Беппо женщины пристали, требуя согласиться съ тѣмъ, что молодая дѣвушка похожа на Мадонну. Бандитъ разсмѣялся надъ такими требованіями и сказалъ что мастеру—подѣ

мастеромъ онъ подразумѣвалъ Сальватора Розу—лучше это знать и если ему хочется, то пусть онъ пожалуй напишетъ съ донны картину, которую они потомъ, по полученіи слѣдуемаго выкупа, могутъ почитать за изображеніе препрославленной св. Дѣвы.

Пощутивъ такимъ грубымъ образомъ, онъ снова удалился внутрь горъ. Теперь женщины пристали въ свою очередь къ Сальватору, требуя, чтобы онъ нарисовалъ имъ обѣщанную Мадонну. Какъ всѣ необразованные люди, они ничего не понимали въ ландшафтной живописи, но группы и фигуры имъ нравились, и мысль имѣть прекрасное изображеніе Мадонны, предъ которымъ всѣ они будутъ молиться, привела всѣхъ ихъ въ крайнее возбужденіе. Сальваторъ внутренно торжествовалъ, что его хитрость удалась; теперь ему нужно было только заручиться согласіемъ юной синьоры; но прежде же всего слѣдовало дать Корнеліи успокоиться и отдохнуть, а затѣмъ переговорить съ ней лично. Въ виду намѣреній Сальватора писать картину женщины съ удвоеннымъ стараніемъ ухаживали за молодой дѣвушкой.

Наконецъ возвратился и Беппо съ бандитами; послѣ долгихъ преній порѣшили отвести плѣнницѣ самое лучшее и насколько возможно удобное помѣщеніе. Само собой разумѣется, что какъ у ея камеры, такъ и у камеры Тебальдо была поставлена стража.

Нѣсколько часовъ спустя одинъ изъ разбойниковъ облачился въ монашескую рясу съ капюшономъ, послѣ чего другой, знавшій грамоту, написалъ графу Мендоца письмо, въ которомъ сообщалось, что онъ можетъ за очень высокій выкупъ получить обратно своего сына и дочь (бандиты считали Тебальдо и Корнелію братомъ и сестрой), но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поостерегся освобождать плѣнниковъ силой, если желаетъ добиться благоприятныхъ результатовъ. Затѣмъ было точно обозначено въ какой день и часъ графъ можетъ прислать на опредѣленное мѣсто безоружнаго повѣреннаго съ деньгами, чтобы послѣ этого получить плѣнниковъ.

Хотя это письмо было передано по своему назначенію тайкомъ черезъ вторыя и третія руки, тѣмъ не менѣе все было такъ рассчитано и предусмотрѣно, что нельзя было ни на минуту сомнѣваться въ полнѣйшемъ успѣхѣ. Кромѣ того, бандиты сознавали, что они сила, съ которой никто не захочетъ вступать въ открытый бой.

Сальваторъ Роза зналъ, что въ самомъ счастливомъ случаѣ пребываніе плѣнниковъ въ этомъ вертепѣ продлится нѣсколько дней, и согласно съ этимъ онъ устроилъ свои планы. Все бандитское общество въ тотъ вечеръ было особенно весело настроено послучаю счастливой добычи, и живописецъ не преминулъ придать себѣ возможно безпечный видъ и содѣйствовать общему веселью игрой на лютиѣ и пѣніемъ веселыхъ пѣсней. Затѣмъ онъ такъ счумѣлъ устроить, что опять вернулся къ своему обѣщанію нарисовать

изображеніе Мадонны и при этомъ настоялъ на томъ, чтобы завтра же утромъ повидать съ этой цѣлью молодую дѣвушку. Онъ долженъ былъ выбрать мѣсто, гдѣ было больше свѣту и гдѣ можно было работать совершенно спокойно. При общемъ веселомъ настроеніи никто не замѣтилъ въ этомъ чего-либо подозрительнаго и, довольны навеселившись, всѣ спокойно полегли на покой.

Не спали въ эту ночь Тебальдо и Корнелія въ своихъ запертыхъ камерахъ. Тебальдо думалъ объ ужасной опасности, угрожавшей молодой дѣвушкѣ, не находя мѣста отъ терзающаго отчаянія. Корнелія по цѣлымъ часамъ плакала, тревожась и скучая по отцѣ, который, вѣроятно, тоже страшно беспокоился объ участи своей дочери.

Не сомкнулъ ни на минуту глазъ и живописецъ, мозгъ котораго неустанно работалъ надъ планомъ освобожденія Корнеліи, обдумывая мельчайшія подробности. Хотя онъ зналъ, что для молодой дѣвушки не существуетъ никакой прямой опасности, тѣмъ не менѣе онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что можетъ случиться, если по недоразумѣнію или по случайному нерадѣнію не удадутся переговоры съ ея отцомъ, или если разбойники вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ вздумаютъ мстить. Сальваторъ охотно бы рѣшился устроить попытку спасенія въ эту же ночь, такія ужасныя картины рисовала ему фантазія, но это было невозможно и всѣ сообщники побѣга очутились бы въ сквернѣйшемъ положеніи.

На другое утро Сальваторъ приказалъ чрезъ одну женщину спросить Корнелію, можетъ ли она съ нимъ переговорить.

Онъ съ намѣреніемъ не обращался предварительно ни къ Бенно, ни къ другимъ бандитамъ, ибо это дѣло онъ считалъ уже рѣшеннымъ и обдуманнымъ. Корнелія согласилась на переговоры, и онъ съумѣлъ устроить, чтобы остаться съ ней наединѣ.

Онъ нашелъ молодую дѣвушку спокойной, хотя и печальной, но не предчувствовавшей ужасной опасности, которая висѣла надъ ея головой. Она очень хорошо слышала, что безпечные путешественники попадали въ такія же обстоятельства, какъ и она, но ей не приходилось слышать о тѣхъ гнусностяхъ и мерзостяхъ, которыя отъ времени до времени учинялись бандитами.

Теперь же, когда Сальваторъ Роза попросилъ ее собрать все свое самообладаніе, чтобы не выдать ничего и никому, о чемъ они будутъ бесѣдовать, она поблѣднѣла какъ смерть и устремила на него взоры, полныя ужаса. Она не припоминала, что уже раньше гдѣ-то его видѣла; Сальваторъ, чтобы поскорѣй пріобрѣсти ея довѣріе, послѣшилъ рассказать ей, какъ онъ впервые замѣтилъ ее на погребеніи ея матери и гдѣ нѣсколько разъ видѣлъ потомъ; онъ едва преодолѣлъ себя, чтобы не сознаться, что ея образъ заполонилъ его сердце и что изъ Неаполя его прогнали ревность и отчаяніе; онъ нѣсколько пояснилъ ей обычаи бандитовъ и ту опас-

ность, которой подвергалась она въ подобныхъ обстоятельствахъ. Увидя, что страхъ началъ терзать ея душу, Сальваторъ еще разъ попросилъ ее успокоиться и увѣрилъ, что приметъ все мѣры для ея возможно скорого освобожденія и для возвращенія въ отеческій домъ. Корнелія сложила руки и смотрѣла на него съ такой благодарностью, что онъ въ этотъ моментъ охотно бы пожертвовалъ для нея своей жизнью. Она спросила его, можетъ ли онъ спасти также и ея спутника, и эти слова снова пробудили въ немъ всехъ демоновъ ревности, но достаточно было нѣсколькихъ его вопросовъ и нѣсколькихъ отвѣтовъ съ ея стороны, чтобы убѣдиться въ лживости своихъ предположеній и въ отсутствіи какого бы то ни было повода для ревности. Однако онъ заявилъ, что можетъ спасти только одну ее и, кромѣ того, прибавилъ, что ея спутникъ—мужчина и въ крайнемъ случаѣ самъ можетъ подумать о своемъ спасеніи. Онъ просилъ ее скорѣй рѣшиться и объяснилъ ей созданный имъ планъ побѣга. Сегодня же Корнелія должна была заявить, что позволяетъ ему писать съ себя картину, а затѣмъ онъ хотѣлъ устроить и побѣгъ изъ замка по одной потаенной, извѣстной лишь ему тропинкѣ. Путь ихъ долженъ лежать на Террацину, но никакъ не на Аквилу; въ Террацинѣ они безопасно останутся у храбрыхъ поселянъ и затѣмъ отсюда дадутъ знать ея отцу. Хотя этотъ путь былъ очень далекъ и тяжелъ, но никакого другого выбора не оставалось.

Хотя все эти распоряженія были сдѣланы наскоро, но, судя по искреннему тону живописца, нельзя было сомнѣваться въ истинѣ его словъ. Корнелія всей душой отдалась этимъ утѣшительнымъ словамъ и чувствовала себя уже спасенной, глядя на самоувѣренное лицо Сальватора. Ея дѣтское сердце вѣрило ему безусловно, и она ни разу даже не подумала о томъ, что и здѣсь можетъ быть обманута, что и здѣсь ей могутъ угрожать новыя опасности.

Занятый всецѣло мыслью о побѣгѣ, Сальваторъ Роза дѣлалъ притворно все приготовленія якобы для рисованія картины Мадонны; на дѣлѣ же онъ выбралъ самое удобное мѣстечко для побѣга и къ одной этой цѣли приравливалъ все дальнѣйшія распоряженія. Онъ натянулъ на рамку холстъ, приготовилъ краски, какъ будто единственной его мыслью было, чтобы удалась картина. Затѣмъ онъ попросилъ, чтобы ему позволили удалиться въ укромное, спокойное мѣсто для болѣе успѣшнаго и скорого окончанія работы.

Сальваторъ зналъ, что разбойники при крайней живости своей натуры не потерпятъ никакого промедленія и отпускаютъ его не надолго, хотя бы они дѣлали видъ, что не хотятъ ему мѣшать; но онъ такъ хорошо зналъ все ущелья и проходы изъ стараго сарацинскаго вертепа бандитовъ, что могъ отважиться на побѣгъ.

Взявъ съ собой папку съ многочисленными эскизами и лютню,

ободривъ Корнелію, онъ горячо помолился за себя и за дѣвушку и осторожно украдкою началъ пробираться черезъ рѣдко или даже никогда непроходимую часть развалинъ.

Живописецъ отлично понималъ, что поплатился бы жизнью, еслибы его поймали, но вѣдь и Корнелія оставалась здѣсь на произволъ случайностей и содержалась бы подъ еще болѣе строгимъ надзоромъ, пока разбойники не увѣрились бы въ полученіи выкупа. Посланецъ вернется еще не скоро, а въ это время можно отлично удрать.

Все совершилось сверхъ всякаго ожиданія очень хорошо. Съ трепетомъ слѣдовала Корнелія за своимъ вожатымъ; они вырвались на свободу и ползкомъ, безшумно пробирались черезъ кусты.

Прошло уже нѣсколько часовъ, пока разбойники успѣли замѣтить все прошедшее. Разумѣется, въ замкѣ поднялась страшная суматоха. Прежде всего Бенпо постарался убѣдиться, что Тебальдо еще въ плѣну, затѣмъ начались разговоры о цѣли побѣга, причемъ, конечно, одержало верхъ мнѣніе, что бѣглецы направились къ Аквилѣ. Но можетъ быть они спрятались въ самомъ замкѣ или гдѣ-нибудь поблизости? Поэтому обыскали каждый укромный уголокъ, но не найдя никого, такъ разсвирѣпѣли и вознегодовали, что нѣкоторые разбойники предложили выместить свою злобу на оставшемся Тебальдо и приготовить ему утонченно жестокою смерть. Но такъ какъ они все-таки считали молодого человѣка братомъ Корнеліи, то умѣрили порывы своей злобы и порѣшили только еще повысить сумму выкупа за его освобожденіе. Именно это обстоятельство подѣйствовало умиротворяющимъ образомъ на алчные души разбойниковъ, и въ то время какъ часть мужчинъ отправилась преслѣдовать бѣглецовъ, другая осталась для строжайшаго надзора за Тебальдо.

Между тѣмъ Сальваторъ все продолжалъ вести молодую дѣвушку по самой глухой и только ему одному извѣстной дорогѣ по направленію къ Террацинѣ. Ему принесло огромную пользу то обстоятельство, что онъ въ разные времена года, во всѣ часы дня и ночи, бродилъ въ чащахъ этого лѣса. Бандиты, имѣя всегда въ виду при своихъ прогулкахъ определенную цѣль, избирали постоянно одну и ту же дорогу, между тѣмъ какъ Сальваторъ изучалъ по днямъ и недѣлямъ таинственныя красоты лѣса, единственно имѣя въ виду—открывать новыя пейзажныя прелести и все болѣе углубляться въ отыскиванье ихъ.

Живописецъ былъ не совсѣмъ безоружнымъ: онъ носилъ при себѣ хорошій кинжалъ, и въ густомъ лѣсу они не особенно боялись пуль преслѣдователей. Для Сальватора настало время такой невыразимой грусти и вмѣстѣ съ тѣмъ блаженства, котораго онъ и не предчувствовалъ. Рядомъ съ нимъ, подъ его защитой, всецѣло положившись на его помощь, шло любимое существо, съ перваго

взгляда котораго онъ узналъ всѣ восторги и муки любви во всемъ ея могуществѣ; онъ едва надѣялся когда-либо вновь увидить Корнелию, и самымъ смѣлымъ его желаніемъ было прикоснуться хотя до ея руки; и вдругъ теперь ея рука опиралась на его плечо, онъ чувствовалъ сладкую тяжесть ея тѣла, ея дыханіе горячило его щеку. Въ эти минуты онъ шель словно во снѣ и все позабылъ, кромѣ близости Корнелии.

По временамъ онъ вдругъ приходилъ въ себя изъ этого блаженнаго самозабвенія и размышлялъ объ ужасной угрожающей имъ опасности. Тогда его обуревали отчаянныя мысли, его рука хваталась за кинжалъ, ибо онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы защитить любимую дѣвушку отъ цѣлой толпы враговъ.

Они поспѣшно шли все впередъ и впередъ, долгое время не говоря ни слова. Наконецъ, живописецъ замѣтилъ, что силы Корнелии ослабѣваютъ, что ея шаги дѣлаются неувѣренными и медленными, ея дыханіе становится прерывистымъ. Сердце самого Сальватора билось такъ сильно, что, кажется, готово было разорваться отъ наплыва противоположныхъ ощущеній. Онъ остановился и взглянулъ въ лицо своей спутницѣ. Нѣсколько словъ участія съ его стороны, едва слышная жалоба изъ ея усть, и онъ снова воспрянулъ духомъ. Имъ рано еще было отдыхать, ибо пока солнце на небосклонѣ, они не были безопасны отъ шпіонскихъ глазъ своихъ преслѣдователей. Сальваторъ взялъ на руки нѣжную спутницу, дабы такимъ образомъ продолжать путь. Обезсиленная усталостью Корнелия, какъ усталое дитя, обвила его шею руками и склонила голову къ нему на плечо. Ноша казалась Сальватору легкой и, не смотря на сознаніе угрожавшей опасности, нервы его крѣпчали отъ непосредственной близости любимаго существа, и блаженное чувство, что онъ ея единственный покровитель, заставляло его забывать всѣ трудности путешествія.

Черезъ нѣкоторое время Корнелия, уже успѣвшая отдохнуть, шопотомъ попросила его, чтобы онъ позволилъ идти ей. Теперь онъ почувствовалъ, что дѣйствительно ужасно усталъ, но, повинаясь ея желанію, онъ продолжалъ путь въ чащѣ лѣса. Чѣмъ дальше они углублялись, тѣмъ все съ большей увѣренностью надѣялся Сальваторъ на спасеніе. Путешествіе должно было продолжаться до опушки лѣса, кончающагося у склоновъ горнаго хребта, тамъ они хотѣли ночью отдохнуть нѣсколько часовъ и затѣмъ при первыхъ лучахъ солнца продолжать путь по направленію къ морю. Оттуда уже виднѣлась бухта, на берегу которой лежала Террацина. Конечно, хорошо бы добраться до деревни и тамъ переночевать, но было большимъ рискомъ, ибо разбойники повсюду имѣли своихъ приспѣшниковъ и помощниковъ. Только въ Террацинѣ было вполнѣ безопасно, ибо Сальваторъ зналъ, что трактирщикъ Маттео, на котораго можно было положиться, переѣхалъ уже туда.

На югѣ ночь наступаетъ очень быстро, безъ сумерокъ, такъ что въ чащѣ лѣса стемнѣло почти мгновенно. Сальваторъ долженъ былъ приготовиться для ночлега. Онъ наломалъ груды вѣтвей и приготовилъ изъ нихъ постель для Корнеліи. Больше онъ ничего не могъ сдѣлать для ея удобства; онъ утѣшалъ ее, что на утро достанетъ воды и чего-нибудь съѣстнаго для утоленія жажды и голода. Самъ онъ отошелъ отъ нея на нѣкоторое разстояніе и улегся подъ сѣнь одного развѣсистаго дерева якобы для сна, а на дѣлѣ для того, чтобы, побѣдивъ свою усталость, въ тишинѣ ночи оберегать любимую дѣвушку. Но усталость взяла наконецъ верхъ, и оба заснули недолгимъ, но глубокимъ сномъ.

На слѣдующее утро они опять пустились въ путь. Сальваторъ понималъ, что они еще далеки отъ цѣли. Только исключительныя обстоятельства вдохнули въ Корнелію такую силу и твердость, какихъ она въ себѣ и не подозрѣвала. Неподалеку отъ одной деревни Сальваторъ велѣлъ ей зайти въ маленькую часовню, стоявшую по дорогѣ, и подождать, пока онъ сходитъ за ѣдой и питьемъ. Чувство невыразимаго счастья охватило живописца, когда онъ послѣ краткой, боязливой отлучки вернулся и смотрѣлъ, съ какимъ аппетитомъ она ѣла и какъ восстанавливались ея силы. Длинное путешествіе чрезъ чащу лѣса и ночь проведенная подъ открытымъ небомъ, оставили слѣды на ея платьѣ и волосахъ; но сознание, что общая опасность исторгла ихъ изъ обычной житейской колеи и привела къ неожиданной откровенности, увеличивала въ груди молодого человѣка чувство чисто-рыцарской любви. Невинное существо довѣрилось его защитѣ—и это сознание просвѣтляло его страсть, очищая ее отъ всякихъ земныхъ вожделѣній.

Если человѣческой натурѣ присуще заблуждаться относительно достиженія вожделѣнной цѣли, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ это бываетъ съ нетерпѣливой юностью, которая, надѣясь избѣжать опасности, напротивъ слѣпо идетъ къ ней на встрѣчу. И Корнелія также обманывалась относительно цѣли своего путешествія, какъ и относительно своей выносливости. Террацина была еще очень далеко. Сальваторъ замѣтилъ усталость Корнеліи, и несмотря на то, что ея шатающаяся походка не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія въ полнѣйшемъ истощеніи силъ, онъ долженъ былъ предложить двинуться дальше! Но Корнелія отговорила подъ предлогомъ, что ему самому нужно собраться съ силами, чтобы обомимъ окончательно не свалиться отъ усталости. Но все-таки они прошли нѣкоторое разстояніе, пока наконецъ полнѣйшее обезсиленіе дѣвушки не остановили ихъ; она вторично согласилась на его предложеніе, позволивъ нести себя на рукахъ. Блаженное чувство—снова держать на своихъ рукахъ сладкую ношу—придало живописцу новыя силы и ему казалось, что словно какая-то невѣдомая рука поддерживала и защищала его. Но была это только

простая усталость или сказывалось какое-нибудь новое, незнакомое чувство въ томъ, что Корнелія въ сладкой истомѣ лежала у него на рукахъ. Она опять обвила его шею руками и склонила голову къ нему на грудь. Глаза ея были закрыты и прерывистое дыханіе сильно волновало ея нѣжную, упругую грудь. Насколько позволяла трудная дорога, Сальваторъ не сводилъ глазъ съ прелестнаго лица. Онъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что эти мгновенья, не смотря на сильнѣйшую духовную и тѣлесную усталость и угрожающую опасность, останутся навсегда счастливѣйшими въ его жизни и что ни въ прошломъ его, ни въ будущемъ ничто не сравнится съ воспоминаніемъ объ этихъ минутахъ чистаго блаженства. Сознаніе этого дѣйствовало на него опьяняющимъ образомъ, и взглянувъ опять на прелестное личико съ цвѣтушимъ полуоткрытымъ ротикомъ, онъ очарованный, не могъ побѣдить искушенія—не могъ не поцѣловать Корнеліи въ ея нѣжныя губки.

Въ ужасѣ удивленно открыла она глаза и, сильно взволнованная, она старалась сойти съ его рукъ. Это былъ первый поцѣлуй посторонняго мужчины. Безсознательно повинуваясь какому-то инстинктивному чувству, все болѣе и болѣе краснѣя, она начала увѣрять, что ея усталость прошла и что она можетъ твердо стоять на ногахъ, продолжая дальнѣйшій путь пѣшкомъ.

Сальваторъ былъ крайне смущенъ, думая, что его смѣлость должно быть оскорбила ее. Но страсть его разгорѣлась сильнымъ пламенемъ. Корнелія настояла на томъ, чтобы идти пѣшкомъ. Его бурное сердце побудило его признаться ей, что онъ пламенно любилъ ее съ первой встрѣчи и уже давно терзается ревностью. Затѣмъ онъ рассказалъ ей, какъ изъ-за ревности ушелъ онъ изъ Неаполя и какъ ревновалъ онъ ее до сихъ поръ, влача дни свои здѣсь въ дикомъ лѣсу и видя, что молодой человѣкъ, взятый бандитами въ плѣнъ, вмѣстѣ съ нею, можетъ жить вблизи ея, ежедневно любоваться ея чертами, слышать ея голосъ, наслаждаться граціозной миловидностью ея существа.

Корнелія внимала этимъ словамъ съ большимъ волненіемъ. И въ ея сердцѣ поднялась буря отъ этого неожиданнаго поцѣлуя, въ то время какъ она безмятежно склонилась къ нему на грудь. Ея цѣломудренная осторожность искала спасительнаго якоря, чтобы противостоять въ этомъ пустынномъ мѣстѣ человѣку, пламенная страсть котораго разрушительнымъ образомъ дѣйствовала и на нее. Чтобы измѣнить разговоръ, она ухватила за послѣднія сказанныя имъ слова и такъ какъ ея дѣтская душа никогда не задумывалась на тѣмъ, что между ней и Тебальдо могли бы существовать иныя отношенія, кромѣ братски-дружескихъ, то она и спросила съ дѣтскимъ удивленіемъ:

— Ревновать къ Тебальдо? Да развѣ это возможно?

При этомъ она въ первый разъ произнесла имя молодого чело-

вѣка, и это имя не только поразило ухо Сальватора, но и отозвалось въ его душѣ на подобіе того, какъ далекіе раскаты грома при ясномъ небѣ предвѣщаютъ приближеніе бури. Все еще погруженный въ блаженные чувства, въ которыхъ признался своей спутницѣ, Сальваторъ вдругъ изъ сладкаго забытья перешелъ къ тревожнымъ предчувствіямъ, быстро спросивъ:

— Его зовутъ Тебальдо? Откуда онъ родомъ? Какъ онъ попалъ въ домъ вашего отца? Онъ испанецъ?

Корнелія вздохнула свободнѣе, ибо видѣла, что ей удалось утишить поднявшуюся бурю однимъ вскользь брошеннымъ замѣчаніемъ. Погруженная въ свои думы, она и не замѣтила какъ сильно потрясъ Сальватора ея дѣтскій вопросъ. Корнелія очень просто объяснила ему, что Тебальдо—неаполитанецъ, что онъ былъ взятъ изъ жалости ея отцомъ въ ихъ домъ бѣднымъ брошеннымъ ребенкомъ неизвѣстныхъ родителей прямо съ улицы, что мать Корнеліи очень полюбила Тебальдо и послѣдній былъ для нея утѣшеніемъ вѣсто умершаго брата Родриго. Дальше она рассказала объ его музыкальномъ талантѣ, объ ихъ общихъ занятіяхъ, не замѣчая, что Сальваторъ внимаетъ только ея голосу, мыслью же не слѣдитъ за ея словами, ибо мысли его были гдѣ-то далеко. Имя Тебальдо въ связи съ его судьбой совершенно ясно и убѣдительно доказывало ему, что этотъ юноша, котораго онъ съ перваго взгляда началъ ненавидѣть и котораго теперь, спасая отъ опасности любимую дѣвушку, безпомощнаго покинулъ на произволъ бандитовъ, никто иной, какъ его братъ, считавшійся погибшимъ, долго и напрасно разыскиваемый и при такихъ удивительныхъ обстоятельствахъ имъ найденный. Къ счастью, Корнелія изъ потребности еще беззаботно поболтать продолжала рассказъ и не обращала вниманія на задумчивость Сальватора, который между тѣмъ успѣлъ собраться съ мыслями и подавить въ себѣ сильное впечатлѣніе отъ потрясающей новости. Онъ постарался успокоить себя въ своемъ послѣднемъ поступкѣ, убѣждая себя, что разбойники не сдѣлаютъ ничего дурного молодому человѣку и что во всякомъ случаѣ можно надѣяться за хорошій выкупъ на его освобожденіе. Онъ приводилъ на память всѣ случаи, когда разбойники хорошо обращались съ плѣнниками до ихъ освобожденія, и далъ себѣ слово, разъ только Корнелія будетъ въ безопасности, употребить всѣ мѣры для спасенія Тебальдо.

Постепенно ему удалось опять настроиться на веселый ладъ, ибо, въ сущности, послѣднимъ извѣстіемъ о своемъ братѣ онъ былъ обязанъ всей этой цѣпи приключеній. Сальваторъ сильнѣе началъ вѣрять въ благополучное возвращеніе Тебальдо изъ плѣна.

Въ спокойномъ блаженномъ настроеніи онъ продолжалъ разговоръ съ Корнеліей, и чѣмъ ближе подходили къ цѣли, тѣмъ бодрѣе смотрѣлъ онъ въ будущность.

До смерти изморенные, но успокоенные и счастливые, они на-

конецъ пришли въ Террацину, гдѣ Сальваторъ въ домѣ Маттео былъ принять съ прежнимъ большимъ радушіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ неменьшимъ удивленіемъ. Онъ поручилъ Корнелію попеченіямъ жены хозяина, а самъ отправился въ одну изъ комнатъ, для того чтобы съ дороги привести себя въ порядокъ.

Теперь, въ отсутствіи Корнеліи, онъ могъ поразмыслить надъ случаемъ, который такъ неожиданно вмѣшался въ его жизнь и съ которымъ, повидимому, всѣ счеты были покончены. Со вчерашняго дня онъ былъ въ крайне напряженномъ настроеніи духа и почти не могъ обдумать всего случившагося со всѣми его послѣдствіями. Теперь тысячи разнообразныхъ мыслей обуревали его душу. Онъ давалъ клятву въ смертельной ненависти къ испанцамъ и, покинувъ Неаполь, думалъ, что его любовь къ Корнеліи погребена на вѣки. И вдругъ теперь она опять проснулась съ новою силою, завладѣвъ всѣмъ его существомъ. Избавиться отъ нея казалось ему невысказаннымъ, и онъ рѣшился, разбираясь въ хаосѣ ощущеній, подумать о бракѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что пробьетъ себѣ дорогу и создастъ положеніе своимъ талантамъ; но если онъ захочетъ породниться съ графомъ Мендоца, жизнь его запутается и онъ непременно умретъ отъ мстительнаго кинжала своихъ товарищей по лигѣ мертвыхъ. Вдругъ ему пришла въ голову сумасбродная мысль бѣжать съ Корнеліей и, такимъ образомъ, связать ея судьбу со своею. Развѣ она не слѣдовала за нимъ до сихъ поръ? Развѣ она не доказала ему своего безграничнаго довѣрія, выбравъ его своимъ проводникомъ и защитникомъ въ дикомъ лѣсу и вручивъ ему свою честь. Конечно, ей некогда было все это обдумывать и она ухватилась въ порывѣ отчаянія за единственное спасительное средство, не думая, по своей дѣтской неопытности, о послѣдствіяхъ. Она довѣряла ему, что не подлежитъ сомнѣнію, но любила ли она его тою любовью, которая влечетъ соединиться съ предметомъ своей склонности, это не было еще выяснено. Сальваторъ хотѣлъ выяснитъ это при первомъ же свиданіи.

Но когда она встрѣтила его во всей чистотѣ и прелести своей юности, всѣ его планы разстроились. Она освѣжилась и привела въ порядокъ платье. Хотя на личикѣ виднѣлись слѣды усталости, но глаза смотрѣли съ такой непритворной благодарностью и на губахъ ея играла такая задумчивая улыбка, когда она протянула ему свою маленькую ручку, что онъ едва не упалъ передъ ней на колѣни и едва не началъ молиться какъ на святую.

Неужели онъ могъ помышлять, что такое чистое, святое существо забудетъ ради слѣпой страсти долгъ дѣтской любви? Послѣднія сомнѣнія разсѣялись, когда она попросила его поскорѣе извѣстить ея отца, для того чтобы онъ не заботился о ней и не страшился за ея судьбу. Она довѣряла своему спасителю безусловно и безгранично, но видѣла въ немъ благороднаго человѣка,

сжалившася надъ ней по примѣру святыхъ, помогающихъ страждущимъ, а добрые люди должны подражать святымъ. Конечно, она могла бы полюбить его, объ этомъ говорилъ ея румянецъ при взглядѣ Сальватора, но съ согласія ея отца и не возбуждая семейныхъ раздоровъ, которые не нравились ея кроткому характеру. Все это онъ понялъ, встрѣтивъ ея взоры и услышавъ благодарность и просьбу; отъ такого сознанія терзалось его сердце и еще больше разгоралась его страсть.

Потому-то онъ едва не пропустилъ дорогого времени для приготовленій къ поѣздкѣ въ Аквилу. Мысль о Тебальдо заставила его поторопиться, еслибы онъ и захотѣлъ медлить. Онъ нанялъ лошадь и вторично долженъ былъ подвергаться опасности нападенія разбойниковъ.

Воспоминаніе о послѣднихъ часахъ, какъ коршунъ, терзали его сердце: онъ то упивался мучительно сладкими часами ихъ бѣгства, то испытывалъ муки раскаянія. Онъ упрекалъ, что не воспользовался счастливымъ случаемъ, силой не похитилъ Корнелію и не заставилъ ее полюбить себя. Такія противорѣчивыя ощущенія вихремъ кружились въ его душѣ, въ то время какъ онъ безъ отдыха и срока скакалъ въ Аквилу, чтобы только исполнить желаніе Корнеліи и возможно скорѣй доставить ее въ отеческій домъ.

Сальваторъ засталъ графа Мендоца въ совершенномъ отчаяніи. Побѣгъ Корнеліи разрушилъ всѣ планы разбойниковъ и они приняли другія мѣры.

Предполагая, что измѣнникъ-живописецъ самъ доставить отцу ихъ плѣнницу, они измѣнили свою тактику, требуя непомѣрно большого выкупа только за его мнимаго сына, а несчастный отецъ, не предчувствуя, что случилось съ Корнеліей, терялся въ мучительныхъ догадкахъ.

Появленіе Сальватора Розы, принесшаго утѣшительное извѣстіе, сильно обрадовало его, и очень естественно, что надежда вскорѣ опять прижать къ своему сердцу свое единственное, любимое дитя заставила забыть всѣ остальные мысли и предположенія. Сначала все-таки у графа было легкое предубѣжденіе противъ Сальватора, который былъ защитникомъ и покровителемъ Корнеліи при ея побѣгѣ черезъ лѣсъ.

Тѣмъ не менѣе графъ тотчасъ поручилъ коменданту крѣпости Аквила, которому его отрекомендовалъ вице-король, взять на себя дѣло объ освобожденіи Тебальдо, и при этомъ позаботился, чтобы въ возможно скоромъ времени была доставлена требуемая разбойниками значительная сумма. Кто станетъ обвинять отца за то, что онъ устроилъ все это наскоро, торопясь къ своей дочери, къ которой такъ влекло его сердце?

Въ сопровожденіи Сальватора Розы графъ отправился въ путь, а за ними слѣдовали не только слуги, но и военное прикрытіе,

имѣвшее порученіе проводить графа сначала въ Террацину, а потомъ и въ Неаполь, куда графъ намѣревался возвратиться съ своей дочерью.

Кто опишетъ радость родительскаго сердца, когда графу удалось наконецъ послѣ столькихъ страховъ и такого отчаянія заключить дорогую дочь въ свои объятія. Со смерти его супруги это дитя было единственнымъ утѣшеніемъ, сокровищемъ его, которое скрашивало и услаждало его одинокую жизнь. Корнелія плакала слезами радости на его шеѣ, и только теперь скатилось съ нея то тяжелое бремя, которое въ продолженіе этого времени такъ мучительно давило ея грудь. И Корнелія, и ея отецъ поняли, что ея освобожденіе безъ помощи Сальватора навѣрно не совершилось бы такъ благополучно; она видѣла въ немъ только спасителя отъ вражеской силы, избавителя отъ невыносимаго плѣна и самое важное, внушавшее чувство глубокой признательности, было то, что онъ спасъ Корнелію, рискуя своей собственной жизнью.

Но чѣмъ больше оба они благодарили Сальватора, тѣмъ мрачнѣе, непривѣтливѣе становилось у него на душѣ. Это была уже не Корнелія, дочь неаполитанки изъ фамиліи Кортези, безпомощная, окруженная опасностью дѣвушка, довѣрившая ему въ пустынномъ лѣсу не только свою жизнь, но и честь и безмятежно покоившаяся у него на рукахъ, это была Корнелія Мендоца, дочь испанскаго дворянина, его смертельнаго врага, благодарившая своего спасителя подъ защитой своего отца и вонзавшая этими словами въ сердце Сальватору острый кинжалъ. Поглядѣвъ на свиданіе отца съ дочерью, Сальваторъ долженъ былъ оставить всякія сомнѣнія относительно ихъ полнѣйшей, задушевной симпатіи.

Напрасно графъ приглашалъ Сальватора сопровождать ихъ въ поѣздкѣ до Неаполя и тамъ погостить у нихъ, если ему понравится, онъ отговорился тѣмъ, что хочетъ разыскать Тебальдо, а потомъ подумать и объ окончаніи одной работы для того, чтобы на нѣкоторое время отправиться въ свой родной городъ. Что его сердце при этихъ словахъ обливалось кровью, графъ Мендоца, конечно, не чувствовалъ. Графъ взялъ съ живописца торжественное обѣщаніе побывать у нихъ во дворцѣ, но ни Корнелія, ни ея отецъ не подумали о томъ, какое безутѣшное горе охватило Сальватора, когда онъ смотрѣлъ вслѣдъ ихъ повозки. Вторично онъ долженъ былъ побороть свою тупую боль. Какъ помѣшанный блуждалъ онъ по берегу моря и въ окрестностяхъ Террацины, борясь съ своей отчаянной страстью, готовой растерзать его душу.

Мало-по-малу онъ утѣшился въ обществѣ простыхъ добрыхъ людей, а волшебная власть природы, къ красотамъ которой его сердце всегда было такъ воспримчиво, опять почти возстановила его истощенныя силы, но не совсѣмъ залечила душевныя раны, ибо на будущее онъ уже смотрѣлъ безнадежно равнодушнымъ взоромъ.

Между тѣмъ графъ Мендоца съ Корнеліей прибыли въ Неаполь и въ скоромъ времени на молодой дѣвушкѣ такъ печально и серьезно отразились перенесенныя невзгоды, что отецъ не зналъ отъ заботъ покою. Поэтому отъ нея скрыли, что извѣстія изъ Аквилы относительно Тебальдо общаются очень мало радостнаго.

Комендантъ нашелъ слишкомъ унизительнымъ для своей военной власти вступать въ мирныя переговоры съ разбойниками, зная тѣмъ болѣе, что съ одной стороны дѣло идетъ вовсе не о сынѣ графа, а съ другой требуется колоссальная сумма. Сверхъ того, чрезъ Сальватора Розу узнали, гдѣ находится черный Беппо съ плѣнникомъ. Поэтому комендантъ приказалъ отряду солдатъ, захвативъ съ собой разбойничьяго посла, отправиться въ старый сарацинскій замокъ.

Бандиты не соглашались отступить отъ своихъ требованій и упорно засѣли въ своемъ притонѣ.

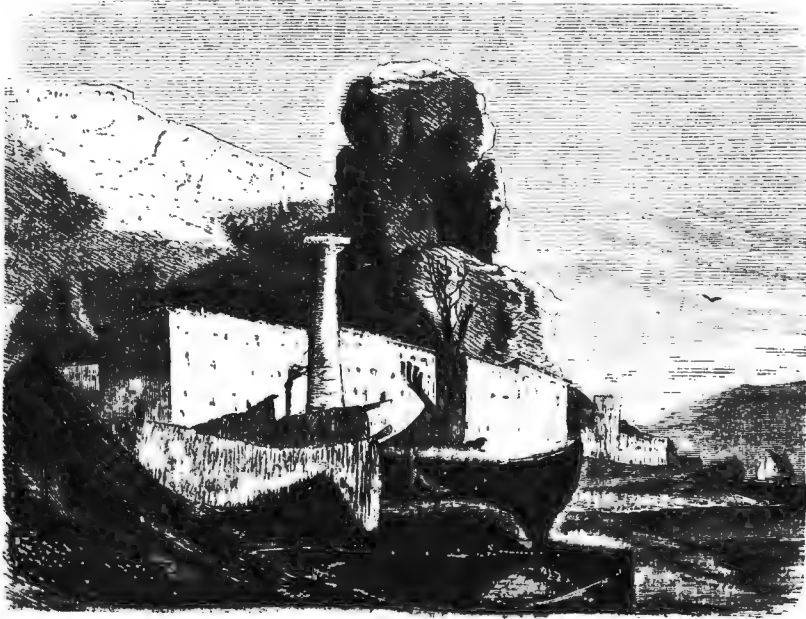
Комендантъ напротивъ, зная дружескія отношенія между графомъ и вице-королемъ, думалъ въ этомъ случаѣ особенно отличиться. Не смотря на потерю нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ, онъ приказалъ днемъ и ночью осаждать замокъ и отъ времени до времени устраивать вылазки. Послѣ нѣсколькихъ дней осады, солдаты однажды замѣтили, что никто больше не сопротивляется; взобравшись на вершину горы и войдя въ развалины, они нашли тамъ только старый хламъ и тряпье, но ни одной живой человѣческой души. Была найдена лишь записка, въ которой стояло слѣдующее:

«Такъ какъ графъ Мендоца не желаетъ заплатить за своего сына требуемой суммы, то послѣдній никогда больше не увидитъ своего отца. Мы не лишимъ его жизни, но отомстимъ ему».

Ясно было, что имъ удалось очистить крѣпость, но не захватить съ собой всего, и нужно было думать, что они вернуться сюда черезъ нѣкоторое время, ибо имъ не легко было найти такое удобное ущелье, изъ котораго они безслѣдно улизнули незамѣченные даже стражею.

Графъ Мендоца общалъ, кромѣ выкупа, еще значительную сумму тому, кто укажетъ хотя на слѣдъ пропавшаго Тебальдо, но о несчастномъ молодомъ человѣкѣ не было ни слуху, ни духу, и мало-по-малу улетучивалась всякая надежда когда-нибудь снова увидѣть его.

Видъ на Террацину съ моря.

XII.

Любовь стоитъ выше партій.

Краткое пребываніе юной графини Мендоца въ домѣ добраго трактирщика Маттео произвело большое впечатлѣніе. Очаровательная любезность Корнеліи не только плѣнила Маттео и его жену, но и какъ-то особенно преобразила Берардину. Корнелія пришла въ Террацину чрезвычайно усталая, запыленная, въ изорваннойъ платьѣ—и Берардина во всемъ прислуживала и помогала ей. Дружеское, довѣрчивое обращеніе дочери знатнаго испанца съ простой дѣвушкой изъ народа окончательно побѣдило сердце юной Берардины: она съ величайшей радостью приняла предложеніе доѣхать съ графской дочерью до Неаполя. Здѣсь было обоеудное удовольствіе: какъ Берардина была увлечена благородствомъ, мягкой граціей и бессознательнымъ аристократизмомъ Корнеліи, такъ послѣдняя была восхищена наивной непосредственностью и открытой задумчивостью Берардины. Поэтому Корнелія совершенно серьезно предложила ей поступить къ ней служанкой и вмѣстѣ отправиться въ Неаполь. Но въ виду того, что родители не осо-

бенно охотно соглашались на такую неожиданную разлуку, Корнелия, по желанію Маттео, дала его дочкѣ время на обдумываніе и предложила позднѣе явиться къ ней въ услуженіе.

Предложеніе Корнелии представлялось несомнѣнно выгоднымъ. Маттео неоднократно уже высказывалъ, что хорошо бы, еслибы Берардина до своего замужества ушла изъ трактира: отцу было непріятно, когда трактирные посѣтителы приставали къ молодой дѣвушкѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, подростали и другія дѣти, и не сидѣть же имъ всю жизнь на шеѣ родителей. До сихъ поръ это было только разговоромъ, но вотъ выпалъ случай и лукавая дочка поймала отца на словѣ; мать же не умѣла ничего возразить противъ этого. Сальваторъ Роза, пользовавшійся на правахъ стараго друга большимъ довѣріемъ, тоже ничего не могъ сказать противъ: онъ утверждалъ лишь, что юная графиня — образецъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей и что всякая молодая дѣвушка, удостоенная быть приближенной графини, должна гордиться этимъ и радоваться такому знакомству, стремясь брать съ графини примѣры.

Такимъ образомъ, все складывалось по желанію Корнелии, пока въ одинъ прекрасный день не пріѣхалъ изъ Амальфи въ Террацину Мазаниелло, чтобы навѣстить свою невѣсту и ея родителей. Какъ это часто случается, отношенія между молодыми людьми совершенно измѣнились. Въ дѣтствѣ маленькая Берардина постоянно находилась въ свитѣ дикаго мальчика; она переносила не только его дѣтскія грубости, но часто и побои; порой бывало, что она надутая и сердитая убѣгала отъ него, но это длилось не долго: черезъ нѣкоторое время она опять уже вертѣлась около своего тирана. Мало-по-малу, совершенно незамѣтно, отношенія ихъ измѣнились. Казалось, что съ тѣхъ поръ какъ все семейство Маттео переѣхало изъ Амальфи въ Террацину, юный рыбакъ особенно сталъ равнодушнымъ къ красивой дочкѣ трактирщика: онъ не могъ дожидаться времени, когда опять увидитъ ее, онъ надобѣлъ своими разговорами, что когда сдѣлается самостоятельнымъ—женится на Берардинѣ.

Но эта пѣсня была еще долга, ибо онъ былъ еще очень молодъ, и пока жилъ съ родителями, нельзя было и думать о женитьбѣ. Уже нѣсколько лѣтъ планы Мазаниелло висѣли на воздухѣ.

Никто не зналъ, что Берардина въ опредѣленные дни довольно часто смотрѣла на море—не покажется ли на южномъ горизонтѣ знакомая лодка,—и сама она рѣшительнымъ образомъ отрицала бы это. Она постоянно говорила, что не знаетъ, какъ образумить Мазаниелло, когда онъ ревновалъ ее къ тому или другому изъ гостей; не смотря на это она бранила его за дурной вкусъ, повстрѣчавъ его однажды съ хорошенькой дѣвушкой, которая, впрочемъ, была ничуть не хуже ея, съ чѣмъ Берардина внутренно соглашалась; однимъ словомъ, наша влюбленная парочка ничѣмъ не отлича-

лась отъ другихъ; нѣсколько разъ они даже расходились и главной причиной этихъ размолвокъ была, конечно, вспычивость Мазаниелло. Разница противъ прежняго была очевидна, ибо во время примиренія, благодаря уступчивости Мазаниелло, онъ обнималъ и цѣловалъ свою маленькую Берардину, пока не утишалъ ея ревности.

Берардина предвидѣла, что ея женихъ согласится, коль скоро дѣло пойдетъ о переселеніи въ Неаполь; но она не могла рѣшить, въ какомъ смыслѣ онъ пойметъ это дѣло. Можетъ быть, онъ понималъ его какъ испытаніе въ Неаполѣ своего счастья; подобные планы онъ строилъ довольно часто.

Мазаниелло долженъ былъ сильно удивиться радостной встрѣчѣ Берардины: если онъ не могъ предчувствовать, что она уже нѣсколько дней подъ рядъ страстно поджидала его лодки, то все-таки видѣлъ, что она какъ-то необыкновенно возбуждена. Едва онъ обмѣнялся привѣтствіями съ родителями, какъ ему уже рассказали новости послѣднихъ дней и особенно намѣреніе Берардины отправиться въ Неаполь со всѣми посторонними обстоятельствами. Исторія юной графини, съ нападенія разбойниковъ до побѣга съ синьоромъ Розой и, наконецъ, ея предложеніе взять Берардину къ себѣ въ услуженіе,—все это до того ошеломило юнаго рыбака, что онъ буквально съ открытымъ ртомъ и съ вытаращенными глазами взглядывалъ то на Маттео, то на Берардину, говорившихъ по очереди. По временамъ онъ обращался къ матери, которая молчала и взглядъ которой сильно интриговалъ его. Наконецъ, онъ не выдержалъ и вспыльчиво вскричалъ:

— Да вѣдь все это нелѣпости! Какъ это синьоръ Сальваторъ могъ согласиться, чтобы Берардина пошла въ домъ испанскаго дворянина, въ услуженіе къ его дочери?

— Мы можемъ позвать его,—сказалъ Маттео,—онъ въ нашемъ домѣ и подтвердить тебѣ все, что ты услышалъ отъ насъ.

На самомъ дѣлѣ Сальваторъ Роза на верандѣ, которая выходила въ садъ, былъ занятъ живописью. Онъ началъ уже наносить на полотно нѣкоторыя изъ абруццскихъ эскизовъ и всѣ дни былъ погруженъ въ эту работу, которая поглощала все его существо, давала забвеніе его сердцу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утомляла его, такъ что по ночамъ онъ хотя немного спалъ. Услышавъ, что пріѣхалъ Мазаниелло, Сальваторъ съ радостью и охотой вышелъ повидаться съ нимъ; живописецъ былъ искренно расположенъ къ юному рыбаку, ибо послѣдній былъ человѣкомъ сильнаго характера, обладая вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно живой, почти поэтической фантазіей. Мазаниелло напротивъ уважалъ въ Сальваторѣ не только художническій, творческій духъ, но преимущественно страстный патриотизмъ. Никто на его родинѣ не любилъ испанцевъ, но глубокой ненавистью противъ притѣснителей отечества Мазаниелло впервые

проникся чрезъ Сальватора Розу; поэтому-то онъ и отказывался понять, какъ могъ живописецъ согласиться на поступленіе Берардины въ домъ графа Мендоца.

Румянецъ смущенія выступилъ на блѣдныхъ щекахъ живописца, когда ему пришлось подтвердить свое согласіе. Казалось, что ему не выпутаться изъ непримиримаго противорѣчія, но взглядъ Мазаниелло пробудилъ во всей силѣ его патріотическое чувство, и онъ отвѣтилъ такимъ образомъ:

— То, что я говорилъ, дѣйствительно мое убѣжденіе. Донна Корнелія — образецъ благородной женственности, и кто поживетъ съ ней, тотъ самъ убѣдится въ этомъ; но она, конечно, дочь испанскаго дворянина, и хотя ея превосходныя качества напоминаютъ о томъ, что мать ея, Кортези, была чистокровною неаполитанкой, все-таки она остается испанкой и ея отецъ принадлежитъ къ притѣснителямъ нашего любимаго, несчастнаго отечества. Со стороны Мазаниелло очень благородно, что онъ вспомнилъ объ этомъ обстоятельстве и я не могу порицать его.

Маттео и его дочь были крайне удивлены. На лицѣ матери Берардины можно было прочесть полнѣйшее согласіе съ Мазаниелло и Сальваторомъ. Мазаниелло, воодушевленный словами живописца, съ своей стороны сказалъ слѣдующее:

— Всѣ благомыслящіе друзья отечества согласятся съ тѣмъ, что между нами и испанцами могутъ существовать только самыя необходимыя сношенія; но развѣ въ данномъ случаѣ имѣется необходимость? Даже еслибы Берардина была сиротой, я никогда бы не согласился, чтобы она искала защиты въ испанскомъ домѣ; но вѣдь у нея есть родители; если для молодой дѣвушки дѣйствительно нехорошо жить въ трактирѣ, гдѣ даже родители ея не всегда могутъ избѣгать безпокойствъ и оскорбленій,—прекрасно, мы разомъ покончимъ это и поженимся! Сейчасъ мнѣ пришла въ голову блестящая мысль. Берардина охотно могла бы жить въ Неаполѣ; я вижу, что и мнѣ не устроиться въ Амальфи какъ слѣдуетъ и что нужно же наконецъ рѣшиться поискать счастья въ другомъ мѣстѣ. Что еслибы мы въ самомъ дѣлѣ поскорѣй сыграли свадьбу и затѣмъ вмѣстѣ отправились въ Неаполь?

Мазаниелло съ ранней юности обнаруживалъ въ своемъ характерѣ столько рѣшимости и мужественной энергіи, что въ его устахъ даже подобный странный планъ не вызывалъ смѣха. Подвижной народъ той благословенной страны привыкъ къ быстрымъ рѣшеніямъ. Однако Маттео дерзнулъ спросить:

— Какъ же ты хочешь это устроить?

— Какъ онъ хочетъ это устроить?—вмѣшался Сальваторъ Роза въ семейный вопросъ,—очень просто, онъ присоединится къ неаполитанскимъ рыбакамъ и будетъ тамъ заниматься своимъ промысломъ такъ же, какъ и въ другомъ мѣстѣ. Чтобы ему разрѣ-

шили это, Берардина может попросить молодую графиню Мендоца и вмѣстѣ съ тѣмъ ея знакомство съ молодой донной может сдѣлаться дорогѡй къ счастью Берардины.

Слова живописца разсѣяли всякія сомнѣнія, и такъ какъ Берардина могла надѣяться такимъ образомъ поддерживать отношенія съ донной Корнеліей, то и она согласилась съ подобнымъ планомъ.

Все дѣло наладилось такъ быстро, какъ юный рыбакъ едва ли и мечталъ осуществить свои сердечныя желанія. Еще до свадьбы Маттео опять положительно убѣдился, что въ Террачинѣ онъ не на своемъ мѣстѣ. Здѣсь онъ не могъ поправить своего состоянія, ибо старыя гостинницы, конкурируя съ нимъ, перехватывали у него всѣхъ прїѣзжающихъ иностранцевъ. Онъ думалъ, что, можетъ быть, по близости Неаполя торговля его пойдетъ бойчѣе, или Сальваторовское описаніе Пуччіоли натолкнуло его на рѣшеніе перебраться туда? Онъ убѣдился, что Сольфатара и храмъ Сераписа, также какъ и видъ на море съ группой прелестныхъ острововъ, привлекаютъ съ недавняго времени всѣхъ иностранцевъ и тамъ онъ сдѣлается однимъ изъ самыхъ ловкихъ трактирщиковъ. Сказано, сдѣлано! Вскорѣ долженъ былъ состояться переѣздъ, и если Мазаниелло хотѣлъ переѣхать съ своей Берардиной въ Неаполь и тамъ зажить домкомъ, то это ему легче сдѣлать теперь, чѣмъ раньше, ибо Пуччіоли лежалъ совсѣмъ рядомъ съ главнымъ городомъ, ближе чѣмъ Амальфи и Террачина, и съ неаполитанскими жителями ежедневно можно было вести торговыя сношенія.

На долю Сальватора Розы, покинувшаго Абрुццы и возвратившагося въ Неаполь, пришлось услышать въ послѣднемъ при его прибытіи не мало новостей, и этимъ хотя немного отвлеклись его мысли отъ пережитаго за послѣднее время. Уже нѣсколько лѣтъ онъ ничего не зналъ о своихъ близкихъ родственникахъ: онъ не рѣшался повидаться съ своимъ отцомъ, а изъ родныхъ никто не подавалъ ему никакой вѣсти. Это не было даже рѣдкостью въ такой странѣ и въ такое время, когда cadaго челоуѣка преслѣдовала и угнетала тяжелая нужда. Когда Сальваторъ разыскалъ теперь своего дядю, онъ узналъ отъ него, что его зять Фраканцони дошелъ до того, что не можетъ даже прокормить своей семьи, вслѣдствіе чего несчастную старую мать Сальватора ожидаетъ самая печальная участь, если никто не подастъ ей руку помощи. Теперь Фраканцони до того обнищалъ, что рѣшительно ничего не могъ сдѣлать для своей тещи; Сальваторъ слѣдовательно пришелъ какъ разъ во время, чтобы спасти свою мать отъ голодной смерти. Богатый запасъ эскизовъ сослужилъ ему огромную службу и онъ тотчасъ засѣлъ за работу—нарисовать нѣсколько пейзажей, которые онъ украсилъ сценами изъ дикой разбойничьей жизни Абруццы. Сальваторъ отнесъ эти картины къ своему прежнему покровителю

Ланфранко, который пришелъ въ восторгъ отъ превосходныхъ успѣховъ молодого живописца и предсказалъ ему блестящую будущность. Сальваторъ опять сошелся съ неаполитанскими живописцами, особенно же тѣсно сблизился съ баталистомъ Аниелло Фальконе, при помощи котораго онъ принять былъ въ «лигу мертвыхъ». Отрасль искусства, которая культивировалась Аниелло Фальконе, отвѣчала его страстному темпераменту и въ особенности его теперешнему настроенію духа.

Съ остальными членами «лиги мертвыхъ» Сальваторъ также завязалъ живыя сношенія и теперь, какъ и прежде, любитъ онъ бродить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ живописное неаполитанское простонародье являлось во всемъ своемъ пестромъ разнообразіи. Это особенно наблюдалось на берегу, вблизи замка del'Ovo, около церкви Santa Lucia. Тамъ глазъ наблюдательнаго живописца могъ вдоволь насмотрѣться на самыя разнообразныя группы. Играющія дѣти преимущественно въ томъ, въ чемъ создала ихъ мать-природа, мальчики и мужчины, занятые на лодкахъ разгрузкой и нагрузкой съѣстныхъ припасовъ, горячо разговаривающія женщины; здѣсь расположились потребители макаронъ, отправляющіе въ ротъ любимое кушанье пальцами, тамъ пара молодыхъ людей, танцующихъ подъ звуки тамбурина тарантеллу; а вотъ и нищенствующій монахъ, безпрестанно шмыгающій взадъ и впередъ и носящій на рукѣ порядочную корзинку, подходящій то къ одной лавкѣ, то къ другой, изъ которыхъ ему перепадаетъ то кусокъ хлѣба, то кусокъ сыру, то рыба, то горсть плодовъ, такъ что корзина мигомъ наполняется. При этомъ монахъ преподаетъ разные полезные совѣты или благословляетъ дѣтей или болтаетъ о совершенно свѣтскихъ вещахъ; его корзина вскорѣ до того переполняется, что онъ поспѣшно несетъ ее въ свой монастырь, гдѣ въ назначенные часы будетъ произведена раздача припасовъ бѣднымъ. Сальваторъ здѣсь же встрѣтилъ одного изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, рыбака Дженоаро Аннезе. Послѣдніе годы сдѣлали и этотъ простодушный народъ зрѣлѣе, и онъ (Дженоаро) игралъ среди рыбаковъ роль главнаго воротилы на ихъ сходкахъ. Сальваторъ едва узналъ его, но Дженоаро припомнилъ его при первой же встрѣчѣ и опять растрогивилъ сердечныя раны живописца.

— Какъ часто я думаю о васъ и о вашей пѣснѣ, — сказала Дженоаро Сальватору, — этой простой мелодіи я никогда не забуду; я могу даже пропѣть вамъ эту маленькую пѣсенку, какъ будто я слышалъ ее только вчера. Онъ промурлыкалъ вполголоса стихи:

- «Я бѣденъ былъ, но не ропталъ
- «И рукъ не запятналъ я кровью;
- «Я о богатствѣ не мечталъ;
- «Я счастливъ былъ друзей любовью».

Добродушный малый не могъ понять, что этими воспоминаніями онъ бередилъ самое наболѣвшее мѣсто души Сальватора. До сихъ поръ тщетны были всѣ попытки напасть на слѣдъ Тебальдо; вдвойнѣ мучила его неизвѣстность — получилъ или нѣтъ графъ Мендоца какія-нибудь свѣдѣнія о пропавшемъ юношѣ.

Сальваторъ вскорѣ такъ разбогатѣлъ, что могъ и позаботиться о своей матери, и придти на помощь къ своей сестрѣ. Чѣмъ больше гремѣла его слава и чѣмъ больше получалъ онъ денегъ, тѣмъ больше обливалось кровью его сердце, когда онъ задумывался о своемъ безъ вѣсти пропавшемъ братѣ. Такъ какъ въ Неаполѣ всѣми было принято называть другъ друга только по именамъ, то легко понять, — почему тысячи людей не знали ни своего отчества, ни дня своего рожденія и почему фамильныя прозвища употреблялись только въ исключительныхъ случаяхъ; оба мальчика, бродя по городу, не могли поэтому никому объяснить своего происхожденія. Такимъ образомъ, мать и сестра давно уже потеряли всякую надежду отыскать ихъ.

Между тѣмъ состоялась свадьба Мазаніелло, которую, по желанію Маттео, отпировали очень пышно. Молодая графиня Мендоца щедро одарила невѣсту и сердечно радовалась ея счастью. Сальваторъ принималъ живѣйшее участіе въ устройствѣ домашняго очага Мазаніелло. Юный рыбакъ очень быстро ориентировался среди своихъ новыхъ знакомыхъ. Его сильный духъ еще болѣе окрѣпъ въ счастливомъ сосѣдствѣ съ своей юной супругой, и такъ какъ онъ на рыбной ловлѣ работалъ больше другихъ и при продажѣ въ городѣ своей привѣтливостью, своимъ сильнымъ, симпатичнымъ голосомъ — ибо очень много значило умѣнье выкрикивать на улицахъ — онъ привлекалъ многочисленныхъ покупателей, то вскорѣ выдѣлился изъ среды рыбаковъ и сдѣлался общимъ любимцемъ. Сальваторъ Роза встрѣчалъ его порой на улицѣ, но заходилъ также и въ его хижину, гдѣ молодая жена, сіявшая счастьемъ и самоудовольствомъ, нѣсколько разъ угощала живописца рыбой, поджаренной въ маслѣ, которую онъ запивалъ стаканомъ вкуснаго вина.

Сальваторъ умышленно не появлялся во дворецъ графа Мендоца, хотя это стоило ему не малаго труда. Его останавливала присяга, какъ члена «лиги мертвыхъ», и если онъ не боялся смерти, то его удерживала отъ безумнаго риска жизнью мысль о своей безпомощной матери. Но онъ не подумалъ, что женское сердце управляется совсѣмъ иными началами, чѣмъ сердце мужчины. Корнелия никогда не позабывала тѣхъ, кому она обязана была благодарностью; молодую жену Мазаніелло тоже не могли удержать никакія соображенія отъ того, чтобы не навѣстить молодую графиню. Можно ли удивляться, что судьба Сальватора служила темой оживленныхъ бесѣдъ между обѣими молодыми женщинами? и такъ какъ Берардина замѣтила, какое живое участіе въ живописцѣ

принимала его знаменитая покровительница, та для нея сдѣлалось просто задачей свести вмѣстѣ Корнелію и Сальватора.

Берардина приступила прямо къ своей цѣли, обратившись съ вопросомъ къ Сальватору, когда онъ однажды заглянулъ въ ихъ бѣдное, но нарядно убранное жилище,—почему онъ до сихъ поръ не собрался заглянуть въ графскій дворецъ.

— Я не пользуюсь фаворомъ испанцевъ,—объяснилъ ей Сальваторъ, — ибо хотя вице-король и его приближенные расходуютъ большія суммы на художественныя произведенія, до сихъ поръ изъ моихъ картинъ приобрѣтено испанскими дворянами или очень мало, или совсѣмъ ничего. Великій Рибера, равно какъ его товарищи и ученики вдоволь снабжаютъ своими произведеніями церкви и дворцы нашихъ навязанныхъ властителей; поэтому-то они и могутъ жить какъ сильные міра сего, на равной съ ними ногѣ.

Молодая женщина не смутилась отъ такихъ рѣчей. Ей ничего не значило устроить, чтобы картины Сальватора покупались, но, думала она, поведетъ ли это къ ея цѣли.

— Если вы ничего не предпринимаете для того, чтобы свести побольше знакомствъ съ испанцами, то, разумѣется, не получите никакой выгоды отъ своего искусства,—сказала она,—графъ Мендоца и его дочь сердечно расположены къ вамъ и сверхъ того вѣчно вамъ благодарны. Отчего же вы пренебрегаете знакомствомъ съ ними, отчего при помощи графа не представите своихъ работъ вице-королю? Молодая графиня въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ дочерью вице-короля и была бы очень счастлива быть вамъ полезной.

— Какъ это вы могли подумать, чтобы истый неаполитанецъ сталъ просить милостыни у испанскихъ аристократовъ?—возразилъ съ укоризной Сальваторъ.

— Какъ вы любите все преувеличивать,—невозмутимо отвѣтила Берардина,—неужто вы называете «просить милостыни», если послѣдуете приглашенію графа и, исполнивъ желаніе Корнеліи, хоть разъ навѣстите ихъ? Все остальное придетъ само собою, и я убѣждена, что разъ вы тамъ побываете, вамъ будетъ открыта дорога во дворецъ Мендоца.

— Это именно и есть то самое, чего я желаю избѣжать,—замѣтилъ Сальваторъ съ глубокимъ вздохомъ, и, насколько возможно сдерживая себя, онъ все-таки съ горячностью возразилъ: вы, вѣроятно, совсѣмъ забыли, Берардина, о чемъ такъ часто говорилось въ вашемъ присутствіи и Мазаниелло, и мной? Никакихъ сношеній между неаполитанцами и испанцами! Легче, кажется, примирить между собой огонь и воду, чѣмъ насъ съ ними. Мы можемъ вести съ ними торговлю и получать отъ нихъ за свою работу деньги; но заводить съ ними дружескія отношенія, заискивать въ нихъ, было бы просто измѣной нашему общему святому дѣлу.

— Все это хорошо между мужчинами,—возразила попрежнему невозмутимая Берардина,—но что же общаго у Корнеліи Мендоца съ вашей ненавистью къ испанцамъ?

Мгновенно проснулись въ живописцѣ воспоминанія объ этой прелестной дѣвушкѣ.

— Корнелія!—вздыхнулъ онъ, закрывъ глаза рукой. Но быстро ободрившись, онъ съ сухимъ поклономъ покинулъ убогую хижину семейнаго счастья.

Берардина увидѣла успѣхъ своей атаки и съ настойчивостью, отличающую женщинъ въ сердечныхъ дѣлахъ, пошла дальше по протоптанной дорожкѣ, ни слова не говоря объ этомъ даже своему мужу. При слѣдующемъ свиданіи съ Корнеліей, она рассказала ей, что Сальваторъ Роза считаетъ себя въ пренебреженіи у испанцевъ, оскорбляющихъ его талантъ, такъ какъ его картины не замѣчаются и такъ какъ вице-король слушается совѣтовъ только испанскаго живописца Рибера. Корнелія не оставила этого намека безъ вниманія и вскорѣ послѣ этого графъ Мендоца въ сопровожденіи своей дочери появился въ скромной квартиркѣ живописца Сальватора Розы, чтобы посмотрѣть выставленныя въ мастерской картины и многія изъ нихъ купить. Онъ увѣрялъ при этомъ, что покажетъ эти картины самому вице-королю и обратитъ вниманіе послѣдняго на большой талантъ Сальватора Розы.—Сердце Сальватора наполнилось одновременно восторгомъ и отчаяніемъ, когда Корнелія вышла изъ мастерской. Эта комната съ ея посѣщеніемъ сдѣлалась словно священной, фантазія Сальватора неоднократно возвращалась къ этому посѣщенію. Онъ несказанно страдалъ подъ давленіемъ этихъ пережитыхъ впечатлѣній, и добрая Берардина не предчувствовала, какое пожирающее пламя раздула она опять въ душѣ своего друга.

Само собой разумѣется Сальваторъ долженъ былъ присутствовать во дворцѣ Мендоца при доставкѣ картинъ. Въ большомъ возбужденіи отправился онъ во дворецъ и это настроеніе достигло своего апогея, когда онъ узналъ отъ слугъ, что графъ въ вице-королевскомъ замкѣ и что его можетъ принять только графиня. Онъ боялся этой встрѣчи, а ретироваться теперь было невозможно.

Сальваторъ былъ проведенъ въ залъ, гдѣ велѣлъ какъ можно выгоднѣе поставить свои картины и затѣмъ раскланялся съ своимъ провожатымъ. Вскорѣ затѣмъ появилась молодая графиня. Сердца обоихъ сильно бились, когда Корнелія, покраснѣвъ, подошла къ нему и привѣтливо протянула руку. Она должна была употребить всю силу духа, чтобы не выдать своего замѣшательства и волненія. Долго и внимательно разматривала она картины и до того была восхищена высокимъ мастерствомъ, что не находила словъ для похвалы. Она достаточно понимала искусство, для того чтобы сдѣлать нѣсколько мѣткихъ замѣчаній, которыя очень обрадовали жи-

вописца и совершенно измѣнили настроеніе его духа. А это, въ свою очередь, и ей развязало руки, сдѣлавъ веселѣе и увѣреннѣе; такимъ образомъ завязался разговоръ, вращавшійся на вопросахъ искусства и на нѣкоторое время выведшій ихъ изъ ложнаго положенія. Вскорѣ, однако, Корнелія совершенно неожиданно переѣнила тему разговора.

— Какъ жаль,—сказала она,—что здѣсь нѣтъ нашего милого Тебальдо: онъ такъ бы подивился этимъ мастерскимъ созданіямъ. Его живѣйшее отношеніе къ искусству всегда доставляло отцу и мнѣ большее удовольствіе. Конечно, болѣе всего онъ любилъ музыку, и его прекрасный голосъ доставлялъ намъ особенное наслажденіе. При всякомъ художественномъ впечатлѣніи я съ глубокой скорбью вспоминаю о немъ. Что-то съ нимъ случилось? Я каждый день молюсь Мадоннѣ, чтобы она сохранила его и помогла вернуться къ намъ: вѣдь онъ мнѣ близокъ какъ братъ.

— Напали ли вы хотя на слѣдъ?—спросилъ Сальваторъ.—Я бы охотно предложилъ свое посредничество, на бандиты безъ всякаго разговора замучать меня на смерть, попадись я имъ только въ руки.

— Всѣ розыски остались тщетны,—замѣтила Корнелія,—ибо бандиты покинули тотъ ужасный замокъ и захватили съ собой своего плѣнника. Для насъ Тебальдо погибъ окончательно, а какой онъ былъ вѣрный другъ. Можетъ быть онъ умеръ. Ахъ!—воскликнула она,—друзья необходимы намъ въ Неаполѣ, особенно мнѣ, унаслѣдовавшей отъ матери столько симпатій къ неаполитанцамъ. И вы, синьоръ Сальваторъ, отлично доказали мнѣ свою дружбу, да,—сказала она краснѣя,—вы позволяете мнѣ вѣрить, что ваше сердце искренно расположено ко мнѣ, и все-таки вы избѣгаете нашъ домъ и, повидимому, забыли, что благодарность заставляетъ меня желать поддержанія вашихъ благосклонныхъ отношеній ко мнѣ.

Дальше Сальваторъ не могъ сдерживаться. Онъ бросился предъ Корнеліей на колѣни и, страстно прижимая ея руку съ своимъ губамъ, задыхаясь, проговорилъ:

— Вы не знаете, какъ жестоко терзаютъ ваши слова мое сердце. Вы околдовали мою душу, она только и живетъ вами, но могу ли я, смѣю ли я надѣяться, что вы полюбите врага вашего отца,—полюбите человѣка, который клялся быть врагомъ испанцевъ, жизнь котораго погибла, если онъ когда-либо измѣнитъ этой присягѣ.

Корнелія въ ужасѣ отскочила. Смертная блѣдность разливалась по ея лицу, когда она говорила:

— Значитъ и вы принадлежите къ тому ужасному союзу, о которомъ я впервые узнала, когда мой двоюродный братъ Людовикъ палъ жертвой его? О, если это правда, то поспѣшите уйти, чтобы васъ не накрыли здѣсь и не умертвили при выходѣ изъ нашего дома. Съ содраганіемъ вспоминаю я тотъ ужасный вечеръ, когда долженъ былъ умереть мой двоюродный братъ, бывший все

время въ нашемъ обществѣ. Идите, идите и забудьте меня, ибо если вы поклялись ненавидѣть всѣхъ испанцевъ, то вѣдь и мой отецъ между тѣми, которыхъ ваша ненависть преслѣдуетъ до гроба. Въ такомъ случаѣ, конечно, между нами не можетъ быть ничего общаго, и самое лучшее, если мы никогда не увидимся.

Сальваторъ хотѣлъ уже удалиться изъ залы, какъ вдругъ ему пришла въ голову одна мысль и онъ опять обратился къ Корнеліи, бывшей въ полуобморокѣ:

— Вы сказали мнѣ тогда въ лѣсу, что молодой человѣкъ, котораго вы называли Тебальдо, ни вашъ женихъ, ни вашъ братъ. Вѣдь и онъ не былъ испанецъ и все-таки вашъ отецъ пріютилъ его въ своемъ домѣ?

— Да, это правда,—отвѣтила Корнелія,—не мы ненавидимъ жителей Неаполя, а они ненавидятъ и гнушаются нами! Мы никогда не знали хорошенько изъ какой фамиліи Тебальдо, и такъ какъ онъ зналъ только свое имя, то всѣ поиски остались тщетны. Вы принимаете такое живое участіе въ безъ вѣсти пропавшемъ, что я должна заключить о вашемъ близкомъ знакомствѣ съ нимъ,—сказала она, испытующе посмотрѣвъ на него. Этотъ новый оборотъ разговора былъ достаточно важенъ, для того чтобы заинтересовать Корнелію, но Сальваторъ положительно не зналъ, что отвѣтить: его съ головой захлестнулъ такой потокъ ощущеній, что онъ не находилъ словъ. Поэтому онъ быстро удалился, оставивъ Корнелію въ крайнемъ замѣшательствѣ. Кровь бросилась ему въ голову и къ сердцу; ни въ какихъ другихъ свидѣтельствахъ не было надобности, что Тебальдо, котораго графъ Мендоца взялъ съ улицы, вырвавъ изъ нищеты не только для того, чтобы спасти его отъ голодной смерти, но изъ участливаго человѣколюбія дать хорошее воспитаніе,—былъ его родной братъ, котораго онъ напрасно вездѣ разыскивалъ и который теперь по его собственной винѣ, можетъ быть, долженъ умереть мучительной смертью. Какой закрутилъ его вихрь хитро-сплетенныхъ обстоятельствъ! Онъ ненавидѣлъ притѣснителей своего отечества и поступилъ членомъ въ лигу, которая его объявляла каждаго испанца считать своимъ личнымъ смертельнымъ врагомъ, и вдругъ онъ не только полюбилъ пламенной страстью дочь одного изъ главныхъ представителей этой ненавистной націи, но, кромѣ того, онъ долженъ былъ признавать въ графѣ спасителя и благодѣтеля своего собственнаго брата, котораго аристократическое семейство вырвало изъ когтей нищеты и котораго онъ самъ изъ любви къ испанкѣ, по невѣдѣнію, бросилъ на произволь судьбы. Сальваторъ не рѣшался и подумать о несчастномъ Тебальдо. Удивительно ли что голова живописца горѣла какъ въ огнѣ и онъ долгое время опасался какъ бы не сойти съ ума.

Вскорѣ Сальваторъ твердо рѣшилъ не оставаться больше въ Неаполѣ хотя его талантъ пріобрѣлъ здѣсь извѣстность и при по-

средствѣ графа Мендоца ему, можетъ быть, открывалась блестящая будущность. Эти соображенія, однако, не могли его остановить, ибо здѣсь повсюду его преслѣдовалъ грозный призракъ, и единственное спасеніе Сальваторъ усматривалъ въ возможно быстромъ отъѣздѣ. Только мысль покинуть какъ можно скорѣй Неаполь — ободряла его и спасала отъ гибели.

Немногіе дни, которые онъ долженъ былъ провести въ заботахъ о своей матери, были для неаполитанцевъ шумными праздничными днями, и Сальватору очень хотѣлось въ этой шумной безконечной суетѣ, сопровождавшей праздникъ, — отвлечься отъ своихъ гнетущихъ мыслей.

Кромѣ главнаго покровителя Неаполя, святаго Яннуарія, мощи котораго почитались народомъ за величайшую святыню, была еще совершенно особенно почитаема Мадонна, хотя преимущественно какъ покровительница кармелитскаго ордена, владѣвшаго въ Неаполѣ и его окрестностяхъ обширными и многочисленными имѣніями. Большая базарная площадь, или Mercato, центръ народной жизни, съ одной стороны была ограничена церковью Мадонны del Carmine; эту церковь и находившуюся въ ней Мадонну народъ привыкъ особенно почитать; въ этой части города жили рыбаки и торговцы. День Мадонны del Carmine для простого класса былъ величайшимъ праздникомъ; на базарной площади устраивались народныя увеселенія, пережившія уже цѣлые вѣка, въ память изгнанія сарацинъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ честь побѣды христіанъ надъ турками.

Въ подобные праздничные дни хотя усиливалась стража, но солдатамъ строго было приказано не вмѣшиваться въ толпы.

Много часовъ сподрядъ народъ валилъ валомъ изъ разныхъ частей города на площадь, нетерпѣливо ожидая представленія борьбы между невѣрными и христіанами. Это былъ своего рода національный турниръ, совершенно особенное зрѣлище для неаполитанскихъ рыбаковъ.

Посреди площади возвышалась крѣпость, сдѣланная изъ простыхъ досокъ и украшенная разными эмблемами въ турецкомъ вкусѣ. Эту крѣпость окружали молодые неаполитанцы, которые по распоряженію выборныхъ раздѣлились на двѣ партіи. Изображавшихъ невѣрныхъ можно было узнать по пестрымъ платкамъ, которыми были повязаны на турецкій ладъ ихъ головы; христіане носили большой крестъ на груди. Первые должны были занять крѣпость и защищаться; вторые должны были взять ее штурмомъ и водрузить на ней знамя съ изображеніемъ Мадонны. Часто при этомъ происходили оживленные схватки, и если битва долгое время оставалась нерѣшительной, весь народъ принималъ сторону христіанъ, чтобы помочь одержать побѣду Мадоннѣ. Обѣ партіи выбирали кого-нибудь предводителемъ, который былъ лю-

бимъ народомъ и съ которыми они надѣялись не посрамить своей чести.

Турки уже выбрали на этотъ день себѣ предводителя: это былъ человекъ геркулескаго сложенія, нацѣпившій уже въ знакъ своего командованія себѣ на чалму серебряный полумѣсяцъ. Знакомъ отличія его противника былъ изящной работы большой золотой крестъ, называемый «Кармель», который для этой цѣли сохранялся въ церкви. Военные судьи показывали крестъ съ любопытствомъ кругомъ тѣснившимся молодымъ людямъ, просматривая въ то же время списокъ лицъ, которымъ собирались предложить командование.

Въ это самое время подошелъ Сальваторъ Роза. Члены «лиги мертвыхъ» при такихъ обстоятельствахъ весьма охотно бродили среди народной массы. Хотя всѣ знали живописца, уважая въ немъ не только художника, но и друга народа, однако, въ этотъ моментъ никто не обратилъ на него вниманія.

Когда вдругъ раздался громкій возгласъ: «выберете Мазаниелло изъ Амальфи!» головы всѣхъ повернулись къ кричавшему, и едва замѣтили, что это предложеніе сдѣлано всѣми любимымъ живописцемъ, какъ вся партія въ одинъ голосъ закричала:

— Да, Мазаниелло! Мазаниелло!

Словно электрическая искра пробѣжала по всей массѣ и «Мазаниелло! Мазаниелло!» торжествующе раздавалось по всей площади.

— Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?—кричали всѣ голоса и высоко держа крестъ, главный судья отыскивалъ его глазами въ толпѣ.

Мазаниелло думалъ было не показываться, но вскорѣ его разыскали и при громкихъ радостныхъ возгласахъ поставили его на видное мѣсто, гдѣ нацѣпили ему крестъ. Онъ хотѣлъ было возражать, ибо скромность до сихъ поръ удерживала его отъ такой публичной роли, но Сальваторъ Роза, склонившій массу выбрать его и самъ проникнутый общимъ возбужденіемъ, обратившись къ нему, громкимъ голосомъ проговорилъ, что онъ долженъ слушаться окружающихъ:

— Не забудь, что твое имя даетъ тебѣ право на такое избраніе. Сто лѣтъ назадъ, во время регентства дона Педро-ди-Тоledo, когда неаполитанцы возстали противъ введенія испанской инквизиціи, во главѣ народа сталъ Томазо Аниелло и принудилъ испанскую власть къ уступкамъ. Если поэтому твои друзья считаютъ достойнымъ носить кармелитскій крестъ и сражаться съ нашими врагами, то ты не можешь медлить, а долженъ, памятуя свое имя, стать во главѣ своихъ братьевъ и мужественно начать битву.

Невозможно представить себѣ одушевленія, охватившаго народъ послѣ этихъ словъ. Кто стоялъ вдали, чтобы понимать все, узнавалъ содержаніе рѣчи отъ своихъ сосѣдей, и не могло не случиться, что смыслъ пострадалъ отъ нѣкоторыхъ измѣненій и, наконецъ,

дѣлалась масса намековъ на существующія обстоятельства и особенно на недовольство народа отяготительными налогами. Буйная радость и клики были поэтому нескончаемы и такъ какъ Мазаниелло объявилъ уже, что готовъ взять на себя командованіе, послѣ чего военные судьбы надѣли на него кармелитскій крестъ, глаза всѣхъ устремились на него съ выраженіемъ восхищенія и довѣрія, какъ будто затѣвалась настоящая битва за народныя права. Кто наблюдалъ ликованіе и ревъ толпы, тотъ легко можетъ понять, какъ изъ безвредныхъ игръ подъ вліяніемъ обстоятельствъ разыгрываются кровавыя схватки. Тамъ и сямъ уже послышались подозрительныя возгласы противъ испанцевъ и только начало штурма отвлекло вниманіе толпы къ предстоящему празднику.

Часомъ позднѣе турецкая крѣпость была атакована христианами, которые подъ предводительствомъ Мазаниелло сражались съ такимъ воодушевленіемъ, что не могло быть и рѣчи о продолжительномъ сопротивленіи. Предводитель турокъ долженъ былъ отступить съ высоты своей дощатой крѣпости, и за нимъ показалась на высотѣ побѣдоносная армія Мазаниелло, который, сказавъ народу нѣсколько словъ, водрузилъ хоругвь Мадонны при восторженныхъ кликахъ толпы.

Съ этого момента Мазаниелло сдѣлался прославленнымъ героемъ неаполитанскаго народа, такъ какъ его открытый, честный характеръ уже раньше привлекалъ къ нему сердца всѣхъ, то между своихъ товарищей онъ не имѣлъ враговъ. Дженнаро Аннезе, протискавшійся къ Сальватору Розѣ, прошепталъ ему: «Вспомните, что я говорилъ при нашей первой встрѣчѣ о могуществѣ человѣческаго голоса? Мазаниелло призванъ свершить великія дѣла, ибо онъ надѣленъ этой волшебной силой. Посмотрите, какъ онъ, возвышая голосъ, увлекаетъ толпу».

Живописецъ въ знакъ согласія молча кивалъ головой.

Теперь Сальваторъ Роза вдвойнѣ укрѣпился въ мысли удалиться изъ Неаполя, ибо хотя онъ и не боялся смерти, однако же и не имѣлъ ни малѣйшей охоты рисковать своей жизнью, равно и подвергаться продолжительному, мучительному сидѣнію въ испанской тюрьмѣ. Онъ отправился въ Римъ и надѣялся тамъ, имѣя при себѣ абруцскіе эскизы, силою таланта создать себѣ будущность, не тратя напрасно времени на борьбу съ интригами Рибера.

Сальваторъ показываетъ привидѣнiе въ Академии ди Перкоссии.

ХІІІ.

Синьоръ Формика.

Въ бѣдной повозкѣ добрался Сальваторъ Роза до Чевита-Веккии, а затѣмъ въ Римъ отправился пѣшкомъ въ твердой увѣренности, что тамъ слава вознаградитъ его за все перенесенныя душевныя муки. Но событія послѣдняго времени сильно расшатали его здоровье, и утомительное путешествіе до такой степени изнурило его тѣло, что при своемъ прибытіи въ Римъ онъ чувствовалъ себя серьезно больнымъ и поторопился нанять маленькую комнатку у одной старушки, которой его отрекомендовалъ одинъ пріятель. Сальваторъ впалъ въ лихорадочное состояніе и нѣсколько дней пролежалъ безъ сознанія. Хорошая старушка и ея дочь хлопотали вокругъ него изо всѣхъ силъ, и когда онъ началъ приходить въ сознаніе, ему казалось, что онъ видитъ ихъ фигуры у своей постели словно во снѣ. Наконецъ, однажды вечеромъ, въ то время какъ мать и дочь находились въ комнатѣ, Сальваторъ, собравшись съ силами, дрожащимъ голосомъ спросилъ: «гдѣ я?» Дочь радостно

воскликнула: «Слава Богу, онъ приходитъ въ себя!» а мать отвѣчала на его вопросъ словами:

— Вы въ моемъ домѣ, въ той самой комнатѣ, гдѣ раньше жилъ вашъ пріятель. Посмотрите только на стѣны, вы узнаете эскизы, которые онъ оставилъ мнѣ и которые я берегу какъ святыню.

— О, теперь я припоминаю все,—сказалъ Сальваторъ. — Я зашелъ сюда со своего прибытія еще въ Римъ и сильно заболѣлъ. Я обязанъ своей жизнью вамъ и вашей доброй дочери. Не правда ли?

— Не совсѣмъ, синьоръ Сальваторъ, ибо больше меня сдѣлалъ для васъ молодой докторъ, который ухаживалъ за вами съ истинно-трогательной заботливостью. Мы ничего не дѣлали по собственному произволу, а только строго исполняли его совѣты и наставленія.

— А какъ зовутъ этого молодого доктора?

— Его зовутъ Антоніо Скаччіати; скоро вы будете имѣть случай лично познакомиться съ нимъ, такъ какъ въ этомъ часу онъ долженъ зайти къ намъ.

— Антоніо Скаччіати? Это для меня совсѣмъ новое имя.

— А онъ, между тѣмъ, восхищается вами и говоритъ съ величайшимъ уваженіемъ о вашихъ картинахъ; онъ заслуживаетъ, чтобы вы отвѣтили ему своимъ расположеніемъ.

Въ этотъ самый моментъ въ комнату вошелъ молодой человѣкъ и, увидя, что Сальваторъ разговариваетъ со старушкой, онъ поспѣшилъ къ его постели, бросился передъ нимъ на колѣни, схватилъ руку больного и, горячо прижавъ ее къ своимъ губамъ, воскликнулъ:

— Какъ я счастливъ, что съ моими ничтожными познаніями я сумѣлъ спасти жизнь такому великому художнику. Въ теченіе долгаго времени это первая радость, утѣшающая мою печальную судьбу.

— И такъ это вы врачъ, спасшій меня,—сказалъ Сальваторъ, до глубины души тронутый подобнымъ многозначительнымъ пріѣтствіемъ.

— Я не докторъ,—возразилъ Антоніо краснѣя, — но я кое-что понимаю во врачевномъ искусствѣ, и такъ какъ я вѣрно опредѣлилъ вашу болѣзнь, то мнѣ при помощи этой неутомимой старушки удалось достигъ того, что теперь можно смѣло надѣяться на скорое полное выздоровленіе къ утѣшенію вашихъ друзей и поклонниковъ. Мнѣ самому не нужно никакой благодарности: я счастливъ сознаниемъ, что мнѣ пришлось оказать услугу великому и знаменитому маэстро Сальватору Розѣ.

Эти слова сильно подѣйствовали на Сальватора.

— Любезный Антоніо,—сказалъ онъ,—ваше расположеніе очень радуетъ меня, но все еще не совсѣмъ понимаю, какого рода ваша профессія и въ какой связи она находится съ восхищеніемъ моимъ искусствомъ?

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- Аверьяновъ, А.** Кулакь-мироѣдъ. Записки помѣщика. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.
- Альбрехтъ, В. Ф.** Практическое руководство къ изученію шахматной игры. Вып. I, Новгородъ, 1889 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Бабинъ, П. И.** Дерево какъ строительный матеріалъ. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Балинь.** Начальныя основанія электрометаллургіи. Съ приложеніемъ статьи Е. Н. Трунина „Обработка металловъ электрическимъ токомъ по способу Н. Н. Бенардоса“. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Басиловъ, Г. Н.** Всеобщая географія въ таблицахъ, съ географическимъ словаремъ. Одесса. 1889 г. Ц. 40 к.
- Binswanger, O.** Сумасшествіе и преступленіе. Харьковъ. 1889 г. Ц. 30 к.
- Боттонъ, С. Р.** Практическое руководство къ приготовленію электрическихъ приборовъ (Для любителей). Кіевъ 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Браунъ, Е. Г.** Литературная исторія тина Донъ-Жуана. Историко-литературный этюдъ. Спб. 1889 г. Ц. 75 к.
- Бѣлокурровъ, С. А.** Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Матеріалы, извлеченныя изъ московск. главн. архива м-ва иностран. дѣлъ. Вып. I-й 1578—1613 гг. М. 1889 г. Ц. 3 р.
- Бѣломоръ, А.** Роковая война 18?? года. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Бѣляшевскій, Н.** Монетные клады Кіевской губерніи. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Веберъ, Г.** Всеобщая исторія. Т. XI. М. 1889 г. Ц. 5 р. 50 к.
- Волкенштейнъ, П. Е.** Садовый словарь. Спб. 1889 г. Ц. 4 р.
- Вспомогательныя таблицы** для вычисленія англійскихъ денегъ на русскія и наоборотъ. Спб. 1889 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Гете.** Фаустъ. Трагедія. Переводъ барона Н. Е. Врангеля. Спб. 1889. Ц. 75 к.
- Гетте.** Опроверженіе сочиненія Э. Ренана „Жизнь Иисуса“. М. 1889 г. Ц. 2 р.
- Гетье, П. А.** Таблицы для перевода русскихъ мѣръ въ метрическія и обратно. М. 1889 г. Ц. 1 р.
- Голицынъ, Н. Н., князь.** Библиографическій словарь русскихъ писательницъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Голубовъ, Н. Ѳ.** Рѣчныя путешествія, какъ врачебное средство. М. 1889 г. Ц. 25 к.
- Гоше, Н.** Руководство къ плодоводству для практиковъ. Переводъ съ нѣмецкаго съ измѣненіями и дополненіями относительно Россіи. Съ политипажами, чертежами и каргою. Вып. I. Спб. 1889 г. Ц. съ подпиской на слѣдующіе выпуски 10 р.
- Граціановъ, Н. А.** Матеріалы для изученія физическаго развитія дѣтскаго и юношескаго возрастовъ въ зависимости отъ наслѣдственности и успѣшности въ школьныхъ занятіяхъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Григоровичъ, Д. В.** Полное собраніе сочиненій. Т. XI. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Григоровичъ, Ф.** Матеріалы къ вопросу о вліяніи мѣстнаго примѣненія холода въ области сердца на его дѣятельность и температуру тѣла въ лихорадочныхъ болѣзняхъ. Спб. 1889 г. Ц. 60 к.
- Гротъ, Н. Я.** Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человека. М. 1889 г. Ц. 40 к.
- Грузинскіе поэты въ образцахъ.** Переводы И. Ф. Тхоржевскаго. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Дембицкій, В. М.** Прогрессъ, счастье и общественные перевороты. Перев. съ польскаго. Полтава. 1889 г. Ц. 90 к.
- Демьяновъ, Г. П.** Путеводитель по Волгѣ. Вып. I-й. Н.-Новгородъ. 1889 г. Ц. 1 р.
- Десницкій, Н. В.** Руководство для управляющихся на Кавказскія минеральныя воды. Изд. 3-е, исправ. и дополнен. М. 1889 г. Ц. 60 к.
- Доброво, М.** Изъ міра чудесъ и призраковъ. Расказы. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

- Дохманъ, А. М.**, д-ръ. Сновидѣнія и значеніе ихъ какъ предвѣстниковъ болѣзней. Казань. Ц. 30 к.
- Егіазаровъ, С. А.** Исслѣдованія по исторіи учреждений въ Закавказьи. Ч. I. Сельская община. Казань. 1889 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Захеръ-Мазохъ.** Неслышанное завѣщаніе. Романъ.—Разказы изъ еврейскаго быта. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Зео.** Первая жена. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Зео.** Разказы. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р.
- Извѣстія** Имп. Общ. любит. естеств., антроп. и этногр. Т. LXIII. Труды антропол. отд. т. X. Киргизы Букеевской орды. Алексѣя Харузина. Вып. I-й. М. 1889 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Извѣстія** Имп. Общ. любит. естеств., антроп. и этногр. Т. LVI. Вып. I-й. Труды лабораторіи при зоологич. музеѣ Имп. Москов. унив. Т. IV. Вып. I-й. М. 1889 г. Ц. 50 к.
- Кавось, Е. Ц.** Элементарныя общія основанія для плаванія подъ парусами. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- *) **Найгородовъ, Дм.** Черная семья (птицы вороньяго рода). Съ тремя хромотографиров. таблицами. Спб. 1889 г. Ц. 25 к.
- *) **Карамзинъ, Н. М.** Исторія Государства Россійскаго. Т. III. (Дешеваля библіотека). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.
- Кирьянова-Севастопуло, М.** Старое и новое. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 40 к.
- К. М.** Повторительный курсъ международнаго права. Состав. по Мартенсу и др. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кольцовъ, А. В.** Стихотворенія. Изд. 10-е. М. 1889 г. Ц. 20 к.
- Красновъ, А. Н.** Опыт исторіи развитія флоры южной части восточнаго Тянь-Шаня. Съ картою и рисунками (Зап. Им. Рус. Геогр. Общ. Т. XIX). Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Кремьянскій, Я. С., проф.** О желѣзѣ при леченіи чахотки и нѣсколько случаевъ предупрежденія и леченія туберкулезной чахотки врача А. И. Голяховскаго. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Cullerre, A. D-g.** Границы сумасшествія. Харьковъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лазаревъ, М. И.** Современное положеніе русской нефтяной промышленности и нефтяного экспорта. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Латшневъ, В. В.** Очеркъ греческихъ древностей. Ч. II. Богослужебныя и сценическія древности. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Лендеръ, Н.** Волга. Очерки и картины съ картою Поволжья. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Леонтьевъ, А. Н.** Къ вопросу о жѣрахъ возвышенія доходности хозяйствъ. Полтава. 1889 г. Ц. 75 к.
- Лачиновъ, Д. А.** Метеорологія и климатологія. Съ рисунками и картинами. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.
- Lombroso, С.** Любовь у помѣшанныхъ. Для врачей и пристовъ. Одесса. 1889 г. Ц. 40 к.
- Луговой, Алексѣй.** Ольга Ярославна. Психологическій этюдъ. Спб. 1889 г. Ц. 85 к.
- Лунашевичъ, С. Б.** Курсъ строительной механики. Вып. I. Изд. 2-е, исправл. и дополя. Спб. 1889 г. Ц. съ атласомъ 3 р. 75 к.
- Лѣсковъ, Н. С.** Собраніе сочиненій. Томъ IV. Спб. 1889 г. Ц. по подпискѣ на 10 т. 20 р.
- Любимовъ, Н. А.** Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и его историческая заслуга. Съ портретомъ и факсимиле. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- М. А.** Домашній столъ. Новая поваренная книга о приготовленіи различныхъ кушаній. М. 1889 г. Ц. 40 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Уральскіе разказы. Т. II. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- *) **Марлинскій, А. (А. А. Вестужевъ).** Латникъ. Разказъ партизанскаго офицера. (Дешеваля библіотека). Спб. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.
- Михневичъ, Вл.** Барышни и барыни. Разказы. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Мордовцевъ, Д. Л.** Поздняя любовь. Повѣсть. Спб. 1889 г. Ц. 70 к.
- Нагорьинъ, В.** Либеналль. Новелла. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Надлеръ, В.** Папство и его отношенія къ свѣтской власти до эпохи Григорія VII. Харьковъ. 1889 г. Ц. 30 к.
- Н. Б.** Сказка про Яшу. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Некрасовъ, Н.** Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Немыкса, М. А.** Упрощенные способы деревянной мозаики и инкрустаціи. М. 1889 г. Ц. 2 р.
- Н. Ж.** Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Н. Щедринъ). Біографическій очеркъ съ портретомъ. Одесса. 1889 г. Ц. 15 к.
- Никитинъ, И. С.** Кулакъ. Поэма. М. 1889 г. Ц. 80 к.
- О германскихъ университетахъ.** Сочиненіе германскаго профессора. Перев. и

- примѣч. русскаго бывшаго профессора. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Орѣчинъ, С. Б. Д-ръ.** Компендіумъ физиологіи. Состав. по руководству проф. Ландау. Харьковъ. 1889 г. Ц. 2 р.
- Плискій, Н.** Местъ горничной. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.
- Плискій, Н.** Женихъ безъ сапогъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- Плискій, Н.** Стихотворенія о страхованіи. Спб. 1889 г. Ц. 30 к.
- *) **Погорѣльскій, Ант.** Монастырка. Романъ въ двухъ частяхъ. Изд. 2-е (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
- Половъ, Ив.** Ветеринарная медицина въ сельскомъ хозяйствѣ. Спб. 1889 г. Ц. 35 к.
- Потоцкій, Н.** Современное ручное оружіе, его свойства, устройство и употребленіе. Изд. 2-е, переработанное. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- *) **Пыляевъ, М. И.** Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Съ 104 гравюрами. Спб. 1889 г. Ц. 4 р.
- Регель, Э.** Популярное наставленіе къ русскому плодоводству. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1889 г. Ц. 60 к.
- Ремизовъ, М. М.** Массажъ въ гинекологіи. Съ предисловіемъ проф. В. О. Снегирева. М. 1889 г. Ц. 40 к.
- Садовскій, И. Я.** О хилловскихъ сѣрныхъ водахъ. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.
- Свѣдѣнія** о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е марта 1889 г. Спб. Ц. 50 к.
- Северинъ (Н. И. Мердеръ).** Блаженные. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.
- Сикорскій, И. А.** О заиканіи. Спб. 1889. Ц. 3 р.
- Симанскій, В. Н.** Спутникъ петербуржца. Спб. 1889 г. Ц. 10 к.
- Смирновъ, И. Н.** Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. Казань. 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Смирновъ, И. Н.** Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній въ поэзіи и религіозныхъ обрядахъ приволжскихъ финновъ. Казань. 1889 г. Ц. 20 к.
- Совинскій, В. К.** Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естеств. наукамъ за 1837 г. Кіевъ. 1889 г. Ц. 2 р.
- Соколовъ, Н. С.** Расколъ въ Саратовскомъ краѣ. Опытъ изслѣдованія по неизданнымъ матеріаламъ. Т. I. Саратовъ. 1888 г. Ц. 3 р.
- Соловьевъ, А. Я.** О негигіеничности со-
- временнаго женскаго костюма. М. 1889 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Г.** Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Перев. Е. А. Сысоевой. Изд. 3-е. Спб. 1889 г. Ц. 85 к.
- *) **Стивенсонъ, Р. Л.** Принцъ Отто. Повѣсть. (Prince Otto by Robert Louis Stevenson). Спб. Ц. 1 р.
- Сусловъ, В. В.** Путевыя замѣтки о сѣверѣ Россіи и Норвегіи. Съ 26 рисунк. въ текстѣ и 14 гравюрами. Спб. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к., на лучшей бумагѣ 4 р.
- Сусловъ, В. В.** Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. Съ 16 таблицами фототипій и 21 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1889 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Сусловъ, В. В.** Матеріалы къ исторіи новгородско-псковской архитектуры. Съ 4 таблицами мелкихъ рисунк. Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Токарскій, А. А.** Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Спб. 1889. Ц. 50 к.
- Турскій, М.** Разведеніе лѣсныхъ деревъ. Изд. 3-е. Съ рисунками. М. 1889. Ц. 30 к.
- Туръ, К. И.** Теоретическая ариметика. Ч. I. Спб. 1889 г. Ц. 40 коп.
- У—ць, Л. и К. М.—нъ.** Героя. Литературная оперетка въ 3-хъ дѣйств. М. Ц. 40 к.
- Фелькеръ, І. В.** Живопись масляными красками. Практическое руководство по пейзажу, портрету и жанру. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 15 к.
- Шавровъ, Н.** Къ вопросу объ участіи начальной школы въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаний и развитіи сельскаго хозяйства. Тифлисъ. 1889 г. Ц. 30 к.
- Шехтеръ, С. М.** Монетный арбитражъ. Сравнит. таблицы курсовой стоимости главныхъ золотыхъ монетъ, принимаемыхъ русскими таможенями для оплаты пошлинъ. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмидтъ, Ф.** Военный налогъ. Изслѣдованіе. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.
- Щербачевъ, В. С.** Обзоръ табаководства въ Россіи. Вып. I. Спб. 1889 г. Ц. 60 к.
- Эрактинъ, А.** На сушѣ и на волнахъ. (Изъ воспоминаній о путешествіи на Востокъ). Казань. 1889 г. Ц. 40 к.
- Эфросъ, Г.** Спутникъ гимназиста по греческому языку. Спб. 1889 г. Ц. 70 к.
- Юмъ, В.** Тайна Гансонъ Кэба. Уголовный романъ. М. 1889 г. Ц. 75 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА:

ЗАБЫТОЕ ПРОШЛОЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЕТЕРБУРГА.

М. И. ПЫЛЯЕВА.

Съ №4 гравюрами. Ц. 4 руб., съ перес. 5 руб.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВТОРОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

Въ этой книгѣ собраны свѣдѣнія объ исторіи и жизни Петербурга въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Источниками для настоящаго труда служили не одни только русскія и иностранныя сочиненія, но и изустные рассказы петербургскихъ старожиловъ.

Въ книгѣ 122 гравюры, изображающія петербургскія мѣстности, зданія и типы въ разныя эпохи, а также портреты историческихъ лицъ и бытовыя сцены.

Большая часть рисунковъ воспроизведены съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова.

Цѣна вмѣсто 8 рублей 3 рубля, съ перес. 3 руб. 50 коп. Остается въ продажѣ небольшое количество экземпляровъ той же книги прежняго изданія на лучшей бумагѣ съ грав. въ текстѣ и 26 рис. на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 8 р., съ перес. 9 р., въ изящномъ коленкор. тисненомъ золотомъ перепл. 9 р. 20 к., съ перес. 10 р. 20 к.

Роскошные веленевые экземпляры по 12 р., въ шагреновомъ золотообрѣзномъ переплетѣ 18 р., съ перес. 20 р.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ

ИХЪ СВОЙСТВА,

МѢСТОНАХОЖДЕНІЕ И УПОТРЕБЛЕНІЕ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ.

Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

на сооруженіе въ Москвѣ памятника

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому гениальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генераль-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ первому декабря 1888 года къ казначею Общества поступило пожертвованій 30.432 руб. 24³/₄ коп.

Пожертвованія принимаются въ конторѣ журнала «Историческій Вѣстникъ» Невскій, 38, при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ
„ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнечкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЪЛЪВЪ ПЕР., Д. 11—2

